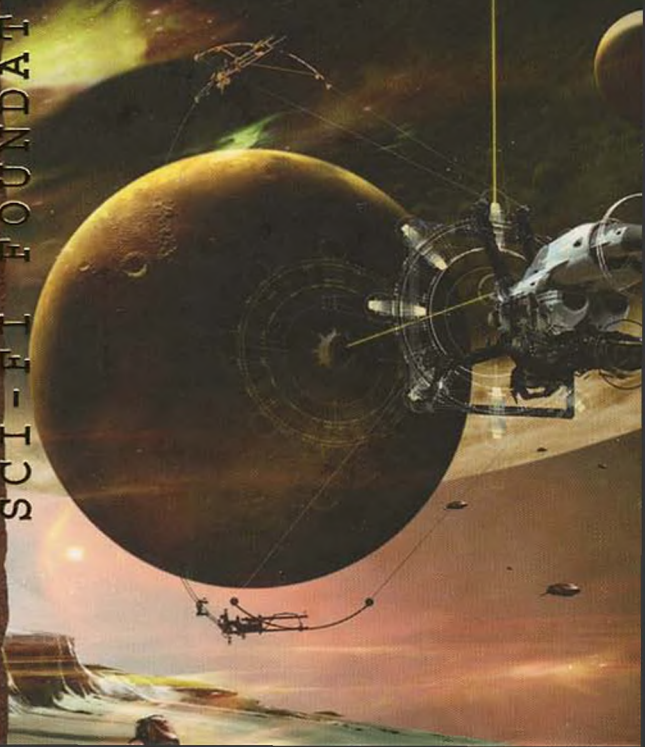
Весь

АЗИМОВ

КОНЕЦ ВЕЧНОСТИ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

SCI-FI FOUNDATION



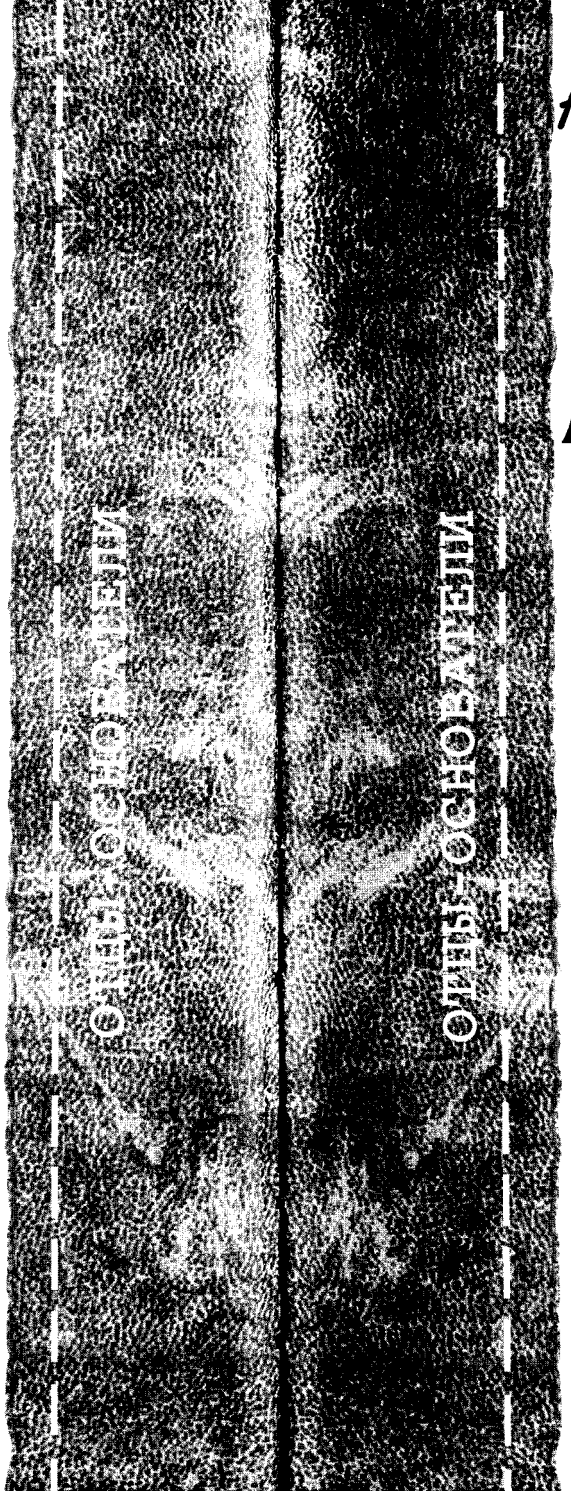
Весь

АЗИМОВ

Весь

АЗИМОВ

Я, РОБОТ
СТАЛЬНЫЕ ПЕЩЕРЫ
ТРАНТОРИАНСКАЯ ИМПЕРИЯ
ПУТЬ К АКАДЕМИИ
АКАДЕМИЯ
АКАДЕМИЯ НА КРАЮ ГИБЕЛИ
КОНЕЦ ВЕЧНОСТИ



Айзек

АЗИМОВ

КОНЕЦ ВЕЧНОСТИ
САМИ БОГИ
НЕМЕЗИДА

Москва
ЭКСМО
2008

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
А 35

Isaac ASIMOV

THE END OF ETERNITY
Copyright © 1955 by Isaac Asimov

THE GODS THEMSEL VES
Copyright © 1972 by Isaac Asimov

NEMESIS
Copyright © 1989 by Isaac Asimov

This translation published by arrangement with the Doubleday Broadway Publishing Group, a division of Random House, Inc.

Составитель серии *Д. Байкалов*

Серия основана в 2008 году

Оформление серии *А. Саукова*

Азимов А.

А 35 Конец вечности. Фантастические произведения / Айзек Азимов; пер. с англ. — М.: Эксмо, 2008. — 928 с. — (Весь Азимов).

ISBN 978-5-699-29966-9

В эту книгу вошли три произведения Айзека Азимова, по праву признанные классикой НФ-литературы XX столетия. В романе «Конец вечности» повествуется о некой вневременной структуре, носящей название «Вечность», в которую входят специально обученные и отобранные люди из разных столетий. Задачей «Вечности» является корректировка судьбы человечества.

В «Немезиде» речь ведется об одноименной звезде, прячущейся за пыльной тучей на полдороге от Солнца до Альфы Центавра. Человечеству грозит гибель, и единственный выход — освоение планеты Эритро, вращающейся вокруг Немезиды. Однако все не так просто — на этой планете людей поражает загадочная «эритроническая чума»...

Роман «Сами боги», повествующий о контакте с паравселенной, в 1972 и 1973 годах стал «абсолютным чемпионом жанра», завоевав все три самые престижные литературные НФ-премии: «Хьюго», «Небьюла» и «Локус».

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

ISBN 978-5-699-29966-9

© Перевод. И. Гурова, Ю. Соколов, Ю. Эстрин, 2008
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2008



КОНЕЦ ВЕЧНОСТИ

Глава 1

ТЕХНИК

Техник Эндрю Харлан вошел в капсулу. Капсула находилась внутри колодца, образованного редкими вертикальными прутьями. Прутья плотно облегали круглые стенки капсулы и, уходя вверх, терялись в непроницаемой дымке в шести футах над головой Харлана. Харлан повернул рукоятки управления и плавно нажал на пусковой рычаг.

Капсула осталась неподвижной.

Харлана это не удивило. Капсула не должна была двигаться ни вверх, ни вниз, ни вправо, ни влево, ни вперед, ни назад. Только промежутки между прутьями словно растаяли, затянувшись серой пеленой, которая была твердой, но все-таки нематериальной. Харлан почувствовал легкую дрожь в желудке и слабое головокружение и по этим признакам понял, что капсула со всем своим содержимым стремительно мчится в будущее сквозь Вечность.

Он вошел в капсулу в 575-м Столетии. Этот Сектор Вечности стал его домом два года назад. Никогда до этого ему не приходилось забираться в будущее так далеко. Но сейчас он направляется в 2456-е Столетие.

Месяц назад при одной только мысли об этом Харлану стало бы не по себе. Его родное 95-е Столетие осталось далеко в прошлом. Это был век патриархальных традиций, в котором атомная энергия находилась под запретом, а всем строительным материалам предпочитали дерево. Век славился своими напитками, которые в обмен на семена клевера вывозились почти во все другие Столетия. Хотя Эндрю Харлан не был дома с тех пор, как он в пятнадцать лет стал Учеником и прошел специальную подготовку, его никогда

не оставляла тоска по родным Временам. Между 95-м и 2456-м Столетиями пролегло почти двести сорок тысяч лет, а это ощутимый промежуток даже для закаленного Вечного. При обычных обстоятельствах все было бы именно так.

Однако сейчас Харлану было не до абстрактных размышлений. Рулоны перфолент оттягивали его карманы, планы тяжким грузом лежали на сердце, мысли были скованы страхом и неуверенностью.

Он машинально остановил капсулу в нужном Столетии.

Странно, что Техник способен волноваться. Харлан вспомнил сухой голос Наставника Ярроу:

— Первая заповедь Техника — ничего не принимать близко к сердцу. Совершаемое им Изменение Реальности может отразиться на судьбах пятидесяти миллиардов человек. Миллион или более могут измениться настолько, что их придется рассматривать как совершенно новые личности.

Пытаясь отделаться от воспоминаний, Харлан резко тряхнул головой. Кто бы мог подумать тогда, что именно он, Харлан, станет Техником и к тому же одним из самых талантливых. И все-таки он волновался. Но не за судьбу пятидесяти миллиардов человек. Что ему пятьдесят миллиардов обитателей Времени? Только один человек существовал для него во всех Столетиях. Один-единственный.

Харлан заметил, что капсула остановилась, однако, прежде чем выйти наружу, он задержался на какую-то долю секунды, чтобы собраться с мыслями и вновь обрести бесстрастное, невозмутимое расположение духа. Капсула, которую он покинул, разумеется, не была той же самой, в которую он вошел: она уже не состояла из тех же атомов. Харлан воспринимал это обстоятельство как нечто само собою разумеющееся. Только Ученики ломают себе голову над загадками путешествий во Времени. Вечные заняты более важными делами.

Харлан снова ненадолго задержался у бесконечно тонкой завесы Темпорального поля, которое не было ни Временем, ни Пространством, но которое сейчас отделяло его как от Вечности, так и от обычного Времени.

По ту сторону завесы лежал совершенно неизвестный

ему Сектор Вечности. Он, конечно, заглянул перед отъездом в Справочник Времен и кое-что о нем узнал. Но Справочник — это одно, а личное впечатление — совсем другое. Харлан внутренне приготовился к любым неожиданностям.

Он настроил управление на выход в Вечность (это было совсем просто, куда проще, чем выйти во Время) и шагнул вперед. Оказавшись по ту сторону завесы Темпорального поля, он зажмурил глаза от ослепительно яркого блеска и инстинктивно прикрыл их руками.

Перед ним стоял только один человек. Вначале Харлан едва различал черты его лица.

— Я Социолог Кантор Вой, — сказал человек. — Полагаю, что вы и есть Техник Харлан?

Харлан кивнул.

— Разрази меня Время! — воскликнул он. — Неужели вы никогда не выключаете эту иллюминацию?

— Вы имеете в виду молекулярные пленки? — снисходительно спросил Вой, оглядевшись.

— Вот именно! — раздраженно буркнул Харлан. Справочник упоминал о них, но Харлан никогда не подозревал, что блеск световых отражений может быть таким неистовым.

Харлан понимал причину своего раздражения. Если не считать нескольких энергетических Столетий, цивилизация во все Времена основывалась на использовании вещества. В 2456-м Столетии из вещества изготовлялось все, начиная со стен и кончая гвоздями. Поэтому Харлан с самого начала рассчитывал хотя бы на принципиальное сходство со знакомым ему миром. Здесь можно было не опасаться встретить ни совершенно непонятные (для человека, родившегося в вещественном веке) энергетические вихри, заменяющие вещество в 300-м, ни силовые поля 600-го.

Конечно, вещество веществу рознь, хотя человек из энергетического Столетия мог бы не согласиться с этим утверждением. Для него всякое вещество было чем-то грубым, громоздким и варварским. Но Харлан родился в вещественном веке и воспринимал вещество как дерево, металл (легкий или тяжелый), бетон, пластмассу, кожу и т. п.

Но попасть в мир, состоящий из одних зеркал!

Именно таким было его первое впечатление от 2456-го. Каждая поверхность сверкала, отражая свет. Эффект молекулярных пленок создавал везде впечатление зеркальной глади. Куда ни глянь, всюду были видны отражения Социолога Воя, его самого и всего, что находилось вокруг. От яркого блеска и путаницы красок просто мутило.

— Сожалею, — сказал Вой, — но таков уж обычай Столетия, а мы в нашем Секторе стараемся по возможности перенимать все, что практично. Потерпите немного, и вы привыкнете.

Вой быстро подошел к стене, наступая на пятки своему отражению, которое шагало вниз головой, в точности повторяя каждое движение Социолога, и передвинул волосок индикатора по спиральной шкале к нулю.

Отражения исчезли, яркие огни потускнели. Харлан почувствовал себя в более привычной обстановке.

— Не пройдете ли вы теперь со мной? — пригласил Социолог.

Харлан последовал за ним сквозь пустые коридоры, в которых всего несколько мгновений назад царил хаос радужных огней и бесчисленных отражений. Они поднялись по пандусу вверх и прошли через переднюю в кабинет Воя.

На всем пути им не встретилось ни одной живой души. Можно было не сомневаться, что весть о прибытии Техника уже разнеслась по всему Сектору. Харлан настолько привык к тому особому положению, которое занимали в Вечности люди его профессии, что воспринимал безлюдные коридоры как должное. Он удивился бы, заметив спешащую скрыться человеческую фигуру. Даже Вой пытался держаться на известном расстоянии и поспешно отшатнулся, когда Харлан случайно задел ладонью его рукав.

Чувство горечи, испытанное при этом Харланом, неприятно удивило его. Он полагал, что его душа, как улитка в раковине, давно уже неуязвима для подобных уколов. Но если стенки его раковины стали тоньше, то этому могла быть только одна причина: Нойс.

Со стороны могло показаться, что Социолог дружелюбно наклонился к Технику, но Харлан машинально отметил, что их разделяет довольно длинный стол.

— Я польщен, — начал Вой, — что такой знаменитый Техник, как вы, заинтересовался нашей маленькой проблемой.

— Да, она представляет определенный теоретический интерес.

Харлан ответил сухо и бесстрастно, как и следовало говорить Технику. (Но был ли его голос действительно бесстрастен? Не проглядывают ли наружу его истинные побуждения? Не бросается ли в глаза его вина, написанная на лбу холодными каплями пота?) Харлан вытащил из внутреннего кармана небольшой рулончик перфолент с кратким закодированным описанием планируемого Изменения Реальности. (Это был тот самый экземпляр, который Вой месяц назад послал на рассмотрение Совета Времен. Благодаря своей близости к Старшему Вычислителю Твисселу — к великому Твисселу! — Харлану удалось заполучить проект без большого труда.) Но перед тем как расстелить ленту на поверхности стола, где ее будет удерживать слабое парамагнитное поле, Харлан на мгновенье замешкался.

Молекулярная пленка, покрывающая стол, была «притушена», но полностью не исчезла. Протянув руку, Харлан невольно взглянул на крышку стола, откуда на него мрачно глядело собственное лицо. Ему было тридцать два года, но он выглядел старше и сам это хорошо понимал. Возможно, его старило узкое лицо, которому темные брови над черными глазами придавали суровый, насупленный вид (типичный, по мнению Вечных, для Техника). А возможно, причина была в том, что сам Харлан ни на минуту не забывал о своей профессии.

Развернув рулон, Харлан решительно приступил к делу.

— Я не Социолог, сэр.

— Устрашающее начало, — усмехнулся Вой, — такое вступление обычно предвещает, что за ним вот-вот последует самое банальное суждение по данному вопросу.

— О нет, не суждение — скорее просьба. Будьте так доб-

ры: просмотрите еще раз ваше заключение и поищите, нет ли в нем небольшой ошибки.

Лицо Воя сразу же помрачнело.

— Надеюсь, что нет.

Одна рука Харлана лежала на спинке стула, другая — на коленях. Он не мог позволить себе забарабанить по столу беспокойными пальцами, он не мог закусить губу. Малейшее проявление чувств — и все погибло.

Целый месяц Харлан регулярно просматривал все новые проекты Изменений Реальности по мере того, как они перемалывались административными жерновами Совета Времен. Для личного Техника Старшего Вычислителя Твиссела это не представляло особых трудностей, если только не считаться с небольшим нарушением профессиональной этики. В последние дни, когда все внимание Твиссела полностью поглотил его собственный проект, рыться в его бумагах стало совсем безопасно. (У Харлана слегка раздулись ноздри. Теперь-то он кое-что знал об этом проекте.) Но в распоряжении Харлана оставалось так мало времени, что его могла спасти только невероятная удача. Поэтому, наткнувшись на проект Изменения Реальности с 2456-го по 2871-е Столетие, серийный номер В-5, он в первый момент подумал, что напряжение помутило его рассудок и он принимает желаемое за действительное. Не доверяя самому себе, он весь день проверял уравнения и зависимости, и чем дальше, тем сильнее становилось его возбуждение. С чувством благодарности, к которой примешивалась слабая горечь, он вспоминал своих Наставников, обучивших его хотя бы элементарной психоматематике.

Сейчас Вой недоуменными и озабоченными глазами просматривал ту же самую перфоленту.

— Может быть, я и ошибаюсь, — произнес он наконец, — но мне лично кажется, что все в полном порядке.

— Тогда я позволю себе обратить ваше внимание на психоматрицы любовных отношений, характерные для Реальности вашего Столетия. Это область Социологии — вот почему я решил в первую очередь встретиться именно с вами.

Вой нахмурился. Он все еще был вежлив, но в его голосе явственно послышался холодок.

— Наблюдатели нашего Сектора очень опытны. Я совершенно уверен в правильности их донесений. Может быть, вы располагаете другими сведениями.

— Отнюдь нет, Социолог Вой. Я основываюсь на ваших же данных и ставлю под сомнение только выводы. Взгляните вот сюда: не будет ли комплекс-тензор в этой точке переменным, если подставить точные значения психоматриц?

Вой с явным облегчением взглянул на перфоленту.

— Разумеется, Техник, разумеется, но вы не заметили, что уравнение в этой точке вырождается в тождество. В итоге получается небольшая вилка без побочных ответвлений, а дальше дороги снова сливаются. Надеюсь, вы мне простите употребление этих цветистых сравнений вместо точного математического языка.

— Ценю вашу любезность, — сухо сказал Харлан, — из меня такой же Вычислитель, как и Социолог.

— Ну что ж, отлично. Переменный комплекс-тензор, о котором вы говорили (или же попросту вилка), не играет никакой роли. Пути смыкаются, и решение вновь становится единственным. Это такой пустяк, что не стоило даже упоминать о нем в наших рекомендациях.

— Раз вы так считаете, сэр, то мне остается только согласиться с вами. Теперь перейдем к выбору МНВ.

Харлан заранее знал, что при этих словах Социолог поморщится. МНВ означало Минимальное необходимое воздействие, и в этом вопросе решающее слово всегда оставалось за Техником. Пока Социолог занимался математическим анализом бесчисленных возможных Реальностей, он мог считать себя выше критики со стороны существ низшего порядка, но как только дело доходило до выбора МНВ, хозяином положения становился Техник.

Решить эту проблему при помощи одних только математических вычислений было невозможно. Даже самый большой и быстродействующий Кибермозг, управляемый самым умным и опытным Старшим Вычислителем, в лучшем случае мог только указать область вероятных поисков МНВ.

Правильный выбор всецело зависел от интуиции и опыта Техника. Хороший Техник ошибался крайне редко. Первоклассный Техник не ошибался никогда.

Харлан никогда не ошибался.

— МНВ, рекомендованное вашим Сектором, — продолжал Харлан ровным, бесстрастным голосом, словно чеканя звуки Единого межвременного языка, — предусматривает аварию космического корабля и мучительную смерть двенадцати человек.

— К сожалению, это неизбежно, — сказал Вой, пожимая плечами.

— Я же, напротив, полагаю, что МНВ может быть сведено к простому перемещению небольшого ящика с одной полки на другую. Взгляните вот сюда.

Харлан указательным пальцем сделал слабую отметку вдоль одной из серий перфораций. Вой молчал, напряженно размышляя.

— Это решение обладает тем преимуществом, что оно устраняет просмотренную вами вилку и приводит нас...

— ...к вероятной МОР, — тихо подсказал Вой.

— ...к точной Максимальной ожидаемой реакции, — закончил Харлан.

Вой поднял глаза; на его смуглом лице попеременно отражались гнев и досада. Харлан мимоходом обратил внимание на щель между верхними передними зубами Социолога, делавшую его похожим на трусливого зайчишку. Но сходство было обманчивым. В словах Воя слышалась сдержанная сила.

— Полагаю, что Совет Времен еще укажет мне на эту ошибку.

— Сомневаюсь. Насколько мне известно, Совет ничего не заметил. Во всяком случае, ваш проект Изменения попал ко мне без комментариев. — Харлан не уточнил слова «попал», и Вой не спросил его об этом.

— Следовательно, ошибку обнаружили лично вы?

— Да.

— И не сообщили о ней Совету?

— Нет.

В первый момент Вой облегченно вздохнул, затем нахмурил брови:

— А почему?

— Подобные ошибки почти неизбежны. Я решил, что смогу исправить ее, пока не поздно. Так я и сделал. Чего же еще?

— Ну что ж, благодарю вас, Техник Харлан. Вы поступили как настоящий друг. Хотя ошибка, допущенная нашим Сектором, как вы сами сказали, почти неизбежна, боюсь, что в протоколе Совета она выглядела бы непростительной оплошностью.

После секундной паузы Вой продолжал:

— Впрочем, что значит преждевременная смерть нескольких человек по сравнению с теми сдвигами в миллионах личностей, которые будут вызваны предстоящим Изменением Реальности.

«Не очень-то похоже на искреннюю благодарность, — мелькнуло в голове у Харлана, — вероятно, он обиделся. А если он еще к тому же подумает, что от выговора его спас какой-то Техник, то ему станет жаль себя до слез. Будь я Социологом, он горячо пожал бы мне руку, но Технику он руки не подаст. Даже кончиком пальца не притронется к Технику, а сам готов не моргнув глазом обречь двенадцать человек на смерть от удушья».

И, так как ждать, пока Социолог обидится всерьез, значило все погубить, Харлан решил идти напролом.

— Я надеюсь, что в знак благодарности вы не откажете мне в маленькой услуге?

— Услуге?

— Мне нужен Расчет Судьбы. Проект Изменения Реальности в 482-м и все необходимые данные у меня с собой. Мне надо выяснить влияние этого Изменения на судьбу определенной личности.

— Я не вполне уверен, что правильно понял вас, Техник, — медленно проговорил Вой. — Точно так же вы можете сделать все это в своем Секторе.

— Мог бы. Но мне не хочется, чтобы о моих личных исследованиях стало известно до их завершения. Проведение этого Расчета в моем Секторе встречает известные трудно-

сти, да и к тому же... — Харлан завершил фразу неопределенным жестом.

— Вас не устраивает официальный путь? Вы хотите совершить этот Расчет тайно?

— Да. Мне нужен строго конфиденциальный ответ.

— Но вы же знаете, что это противозаконно. Я не могу пойти на такое вопиющее нарушение правил.

Харлан нахмурился:

— Но ведь и я нарушил правила, не сообщив Совету о вашей ошибке. Однако против первого нарушения вы почему-то не возражали. Если уж быть таким щепетильным в одном случае, то следует быть не менее щепетильным и в другом. Надеюсь, вы меня понимаете?

Вой отлично все понял — об этом красноречиво свидетельствовало выражение его лица. Он протянул руку:

— Разрешите взглянуть?

У Харлана отлегло от сердца. Основное препятствие осталось позади. Он внимательно следил за Социологом, молча изучавшим привезенные им перфоленты. Только один раз Вой нарушил молчание:

— Клянусь Временем, это же совсем ничтожное Изменение!

Воспользовавшись случаем, Харлан решил рискнуть.

— В том-то и дело. Слишком ничтожное, на мой взгляд. Но вы, конечно, понимаете, что с моей стороны было бы неэтично проводить эти Расчеты в моем Секторе, не убедившись предварительно в своей правоте.

Вой ничего не ответил, и Харлан умолк, боясь наговорить лишнего. Наконец Социолог встал:

— Я передам ваш материал моему Расчетчику. Мы все сохраним в тайне. Надеюсь, вы понимаете, что это не следует рассматривать как прецедент.

— Разумеется.

— В таком случае, если вы не возражаете, я хотел бы поскорее осуществить Изменение Реальности. Смею надеяться, что вы окажете нам честь и лично совершите МНВ.

Харлан кивнул:

— Всю ответственность я беру на себя.

Когда они вошли в наблюдательную камеру, там уже были включены два экрана. Инженеры заранее настроили Хроноскопы на нужные координаты в Пространстве и Времени и удалились. Харлан и Вой были одни в сверкающей огнями комнате. (Блеск молекулярных пленок по-прежнему слепил глаза, но Харлан смотрел только на экраны.)

Оба изображения были неподвижны. Они соответствовали математически точным мгновениям Времени.

Одно изображение сохранило яркие естественные краски. Харлан узнал в нем машинный зал экспериментального космического корабля. Дверь еще не успела закрыться, и в оставшейся щели виден был сверкающий башмак из красного полупрозрачного материала. Башмак не шевелился. Все застыло, словно в мертвом царстве. Если бы резкость изображения позволила разглядеть пылинки в воздухе, то и они были бы неподвижны.

— Машинный зал будет пуст два часа тридцать шесть минут, — сказал Вой, — разумеется, в текущей Реальности.

— Знаю, — пробормотал Харлан, натягивая перчатки. Он отметил быстрым взглядом положение нужного ящика на полке, измерил число шагов до него, нашел, куда его следует переместить. Он мельком взглянул на второй экран.

Поскольку машинный зал находился во Времени, которое по отношению к данному Сектору Вечности можно было считать «настоящим», то его изображение было четким и сохраняло естественные краски. Второе изображение отстояло от первого на двадцать пять Столетий. Подобно всем изображениям «будущего» оно было подернуто голубой дымкой.

Это был космический порт. Ярко-синее небо; отливающие синевой металлические конструкции, зеленовато-синяя почва. На переднем плане стоял голубой цилиндр необычной формы, с массивным основанием. Два таких же цилиндра виднелись поодаль. Все три цилиндра глядели расщепленными носами вверх; расщелина почти надвое рассекала каждый корабль.

Харлан поднял брови.

— Как странно они выглядят!

— Электрогравитация, — сухо ответил Вой. — За всю историю человечества только в 2871-м были созданы электрогравитационные космические корабли. В них нет ни камер сгорания, ни ядерных установок. Они красивы; их конструкция доставляет эстетическое наслаждение. Жаль, что Изменение уничтожит их, очень жаль. — Его устремленный на Харлана взгляд выражал открытое неодобрение.

Харлан стиснул зубы. Неодобрение. А чего еще мог он ждать? Ведь он Техник.

Совесть остальных была чиста. Сведения о потреблении наркотиков собрал, конечно, какой-то Наблюдатель. Статистик обработал их и показал, что число наркоманов в данной Реальности достигло рекордной цифры. Социолог — возможно, сам Вой — построил по этим данным Психологическую характеристику общества. Наконец Вычислитель рассчитал Изменение, сводящее потребление наркотиков до безопасного уровня, и обнаружил, что побочным эффектом этого Изменения явится исчезновение электрогравитационных космолетов. Десятки, сотни людей, занимающих в Вечности самые различные посты, приняли участие в разработке этого проекта.

Но до сих пор это был только проект. Для его осуществления на сцену должен выйти Техник (например, он сам). Именно Техник, следуя разработанным для него инструкциям, совершит то самое действие (МНВ), которое вызовет Изменение. И тогда на него обрушатся гнев и презрение остальных. Их высокомерные взгляды скажут ему: «Мы тут ни при чем. Ты один виноват. Это ты своими руками уничтожил такую красоту». И чем сильнее будет в них говорить стремление оправдать себя, тем упорнее будут они избегать и сторониться Техника.

— Корабли не в счет, — резко заявил Харлан, — нас с вами должны интересовать вот эти штучки.

А «штучками» были люди. Рядом с громадами кораблей они действительно казались карликами, точно так же, как сама Земля и все людские дела кажутся ничтожными из космической дали.

Крохотные фигурки людей были раскиданы маленькими

группами по всему космодрому. Они застыли в причудливых позах с потешно задранными тонюсенькими ручками и ножками.

Вой молча пожал плечами.

Харлан надел портативный генератор Темпорального поля на запястье левой руки.

— Давайте кончать с этим делом.

— Погодите. Сначала я свяжусь с Расчетчиком и узнаю, как скоро он может выполнить вашу просьбу. Мне хочется поскорее покончить и с тем и с другим.

Вой быстро застучал маленьким подвижным контактом, в ответ послышалась серия щелчков.

«Вот еще одна характерная черта Столетия, — подумал Харлан, — звуковой код. Остроумно, но уж очень претенциозно, так же как и эти молекулярные пленки».

— Он говорит, что справится часа за три, — произнес наконец Вой, — кстати, он просил передать вам, что ему понравилось имя этой особы. Нойс Ламбент. Женщина, конечно.

У Харлана перехватило дыхание.

— Да.

Губы Воя скривились в улыбку.

— Звучит заманчиво. Я бы и сам не прочь взглянуть на нее. В этом Секторе вот уже несколько месяцев не было ни одной женщины.

Харлан испугался, что голос выдаст его. Он ничего не ответил, лишь пристально посмотрел на Социолога и отвернулся.

Отсутствие женщин было единственным изъяном в безупречной организации Вечности. Харлан узнал о нем сразу же после вступления в Вечность, но, лишь встретив Нойс, впервые почувствовал его на себе. С этого дня он катился по наклонной дорожке, пока не изменил присяге Вечного и всему, во что свято верил прежде.

Ради Нойс.

Ради нее одной...

Ему не было стыдно — вот что было самым ужасным. Ему не было стыдно. Он не испытывал угрызений совести за

ту длинную цепь преступлений, которые он уже совершил и по сравнению с которыми неэтичное использование секретного Расчета Судьбы выглядело мелким, незначительным проступком.

Если понадобится, он совершит еще более тяжкие преступления.

В это мгновение в его голове промелькнула мысль, оказавшая впоследствии такое влияние на его жизнь. И хотя в первый момент Харлан в ужасе отогнал ее, но в глубине души он уже тогда был уверен, что, явившись однажды, она вернется еще не раз.

Мысль была проста: если не останется другого выхода, он уничтожит Вечность.

Страшнее всего было сознание, что он может сделать это.

Глава 2

НАБЛЮДАТЕЛЬ

Стоя у выхода во Время, Харлан размышлял над происшедшими с ним переменами. Еще недавно все было так просто. Были идеалы, ради которых стоило жить, даже если от них остались лишь заученные слова. Вся жизнь Вечного подчинена определенной цели. Как это там говорилось, в первой фразе «Основных принципов»: «Жизнь Вечного можно разделить на четыре периода...»

Когда-то он слепо верил во все это, но вера разлетелась вдребезги, и ее уже не склеишь вновь.

Каждый из этих четырех периодов он прожил честно и добросовестно. Вначале, первые пятнадцать лет своей жизни, он еще не был Вечным, он был просто Времянином. Родиться Вечным не может никто; им может стать лишь Времянин — человек, живущий во Времени.

Выбор пал на Харлана, когда ему исполнилось пятнадцать лет. Он даже не подозревал о сложном процессе тщательного отбора и отсеивания, предшествовавшем этому выбору. После мучительного прощания с родными завеса

Вечности навсегда закрылась за ним. Уже тогда ему недвусмысленно объяснили, что ни при каких обстоятельствах он не сможет вернуться назад. Прошло немало лет, прежде чем он узнал почему.

Оказавшись в Вечности, он сделался Учеником и десять лет проучился в школе. Окончив школу, он вступил в третий период своей жизни, став Наблюдателем. И только после этого он стал Специалистом и подлинным Вечным. Таковы четыре периода жизни Вечного: Обитатель Времени, Ученик, Наблюдатель и Специалист.

Харлан прошел через все эти этапы без единой осечки.

Как отчетливо сохранился в его памяти тот день, когда, покончив с Ученичеством, они стали полноправными членами Вечности; когда, еще не сделавшись Специалистами, они уже могли официально называть себя Вечными!

Этот день он запомнил на всю жизнь. Вот он стоит в одном ряду с пятью другими выпускниками; руки заложены за спину, ноги чуть-чуть расставлены, взгляд устремлен вперед.

Сидя за кафедрой, Наставник Ярроу обратился к ним с напутственной речью. Харлан великолепно помнил Ярроу — маленького суетливого человечка с всклокоченными рыжими волосами, веснушчатыми руками и тоскливым выражением в глазах; это выражение тоски во взгляде было не редкостью среди Вечных — тоска по дому и привязанностям, неосознанная крамольная тоска по одному-единственному недоступному Столетию.

Слов Ярроу Харлан, конечно, не запомнил, но смысл их он не мог забыть никогда.

— С этого дня вы Наблюдатели, — говорил Ярроу, — эта работа не считается особенно почетной. Специалисты смотрят на нее свысока, как на детскую забаву. Может быть, и вы, Вечные... — Тут он сделал многозначительную паузу, давая им возможность подтянуться и просиять от гордости. — Может быть, вы сами думаете так, но тогда вы глупцы, недостойные быть Наблюдателями.

Ведь не будь Наблюдателей, Вычислителям нечего было бы вычислять. Расчетчики Судеб не знали бы, что рассчиты-

вать, у Социологов не было бы материала для анализа — словом, все Специалисты остались бы без работы. Я знаю, что вы не раз уже все это слышали, но я хочу, чтобы мои слова врезались вам в память.

Вам, совсем еще юношам, предстоит трудная задача — выйти из Вечности во Время и вернуться обратно с фактами. Это должны быть объективные, беспристрастные факты, свободные от ваших вкусов и симпатий. Факты достаточно точные, чтобы их можно было ввести в Счетные машины; достаточно достоверные для подстановки в социальные уравнения; достаточно объективные, чтобы стать основанием для Изменения Реальности.

И еще запомните вот что. Эту работу нельзя делать кое-как, лишь бы от нее отделаться. Только здесь вы сможете показать, чего вы стоите. Не школьные отметки, а работа Наблюдателем определит вашу специальность и всю вашу будущую карьеру. Для вас — это курсы высшей квалификации, и достаточно совершить небольшой промах, допустить малейшую небрежность, чтобы, несмотря на все ваши таланты, навсегда попасть в Работники. Я кончил.

Он пожал руку каждому, и Харлан, взволнованный и серьезный, был охвачен благоговейным трепетом при мысли, что ему выпала величайшая, ни с чем не сравнимая привилегия стать Вечным и отвечать за счастье всех людей, живущих в подвластных Вечности Столетиях.

Первые поручения Харлана были незначительными и строго контролировались, но он отточил свои способности на оселке опыта, наблюдая десятки Изменений Реальности в десятках различных Столетий.

На пятый год ему присвоили звание старшего Наблюдателя и прикрепили к 482-му сектору, теперь ему предстояло работать совершенно самостоятельно, и при мысли об этом он лишился значительной доли своей обычной самоуверенности. Харлан почувствовал это при первом же разговоре с Вычислителем Гобби Финжи, возглавлявшим Сектор.

У Финжи был маленький, недоверчиво сжатый рот и злые глазки, которые никак не вязались с его обликом; вместо носа у него была круглая лепешка, вместо щек — две ле-

пешки покрупнее. Ему не хватало только мазка алой краски да седой бороды, чтобы стать похожим на первобытный рисунок Деда Мороза, или Санта-Клауса, или святого Николая. Харлан знал все три имени. Он сомневался, чтобы кому-нибудь на сто тысяч Вечных доводилось слышать хоть одно из них. Харлан скрывал свои познания такого рода, но в глубине души он гордился ими. С первых же дней в школе он увлекся Первобытной историей, и Наставник Ярроу поощрял его увлечение. Постепенно Харлан по-настоящему полюбил эти диковинные Столетия, предшествовавшие не только основанию Вечности в 27-м, но и самому открытию Темпорального поля в 24-м. Он изучал старинные книги и журналы. В поисках нужных материалов ему даже случалось забираться — если удавалось получить на то разрешение — в далекое прошлое, в самые первые Столетия Вечности. За пятнадцать лет он сумел собрать неплохую личную библиотеку, которая почти целиком состояла из напечатанных на бумаге книг. Там был томик, написанный человеком по имени Уэллс, и еще один, автора которого звали В. Шекспир, — все какие-то допотопные истории. Но подлинной жемчужиной его коллекции было полное собрание переплетенных томов Первобытного еженедельника, которое занимало невероятно много места, но которое он просто из сентиментальности никак не решался заменить микропленкой.

Время от времени он самозабвенно погружался в этот странный мир, где жизнь была жизнью, а смерть — смертью, где человек принимал решения безвозвратно, где нельзя было ни воспрепятствовать злу, ни способствовать добру и где битва при Ватерлоо, будучи однажды проигранной, оставалась проигранной раз и навсегда. Ему очень нравилась старинная поговорка, в которой утверждалось, что написанное пером уже не может быть уничтожено даже грубым орудием из железа.

Как невыносимо трудно бывало ему после этого возвращаться мыслями к Вечности — к миру, в котором Реальность была чем-то мимолетным и изменчивым и где люди вроде него держали судьбы человечества в своих руках, придавая им по желанию лучшую форму!

Однако сходство с Дедом Морозом немедленно исчезло, стоило только Финжи заговорить деловым, повелительным тоном:

— К предварительному изучению текущей Реальности вы приступите завтра же. Я требую, чтобы это изучение было тщательным, аккуратным и конкретным. Я не потерплю ни малейшей расхлябанности. Ваша первая пространственно-хронологическая Инструкция будет готова к завтрашнему утру. Усвоили?

— Да, Вычислитель, — ответил Харлан.

Он уже тогда пришел к горькому для себя выводу, что вряд ли им удастся поладить.

На следующее утро Харлан получил свою Инструкцию в виде сложного узора перфораций, пробитых на ленте Кибермозгом. Боясь допустить в самом начале своей деятельности хотя бы ничтожную ошибку, Харлан перевел ее на Межвременной язык при помощи карманного дешифратора. Разумеется, он давно уже умел читать перфоленты на глазок.

Инструкция объясняла ему, где он мог находиться в мире 482-го Столетия, а где — не мог, что ему разрешалось, а чего он должен был избегать любой ценой. Если присутствие было допустимо только там и тогда, где оно не представляло угрозы для Реальности.

482-е Столетие пришлось не по душе Харлану. Оно нисколько не походило на его суровый и аскетический век. Этика и мораль в том виде, как их понимал Харлан, не существовали. Это была эпоха грубых материальных наслаждений с многочисленными признаками матриархата. Семья не признавалась юридически, и пары вступали в сожительство и расходились по взаимному согласию, кроме которого их ничто не связывало.

Существовали сотни причин, по которым это общество внушало Харлану отвращение, и он мечтал в душе об Изменении. Ему не раз приходило в голову, что одним только своим присутствием в этом Столетии он, человек из другого Времени, может вызвать «вилку» и направить историю по новому пути. Если бы ему удалось своим присутствием в ка-

кой-то определенной критической точке оказать достаточно сильное влияние на естественный ход событий, то возникла бы новая линия развития, бывшая до тех пор неосуществленной вероятностью, и миллионы ищущих наслаждений женщин превратились бы в любящих и преданных жен и матерей. Они жили бы в новой Реальности с новыми воспоминаниями и ни во сне, ни наяву не могли бы ни вспомнить, ни вообразить, что их жизнь когда-то была совершенно иной!

К несчастью, поступить так — значило нарушить Инструкцию. Даже если бы Харлан решился на это неслыханное преступление, случайное воздействие могло изменить Реальность самым неожиданным образом. Она могла бы стать еще хуже. Только кропотливый анализ и тщательные Вычисления могли предсказать истинный характер Изменения Реальности.

Но каковы бы ни были мысли Харлана, он оставался Наблюдателем, а идеальный Наблюдатель — это просто машина, составляющая донесения и снабженная органами чувств. Для эмоций здесь места не было.

В этом смысле донесения Харлана были само совершенство.

В конце второй недели Вычислитель Гобби Финжи пригласил Харлана в свой кабинет.

— Хочу похвалить вас, Наблюдатель, за ясность и стройность ваших докладов, — голос Вычислителя звучал сухо и холодно. — Однако меня интересует, что вы думаете на самом деле.

Лицо Харлана сделалось настолько непроницаемым, словно оно было вырезано из милого его сердцу дерева.

— Я не думаю на такие темы.

— Бросьте. Вы ведь из 95-го, и мы с вами оба отлично понимаем, что это значит. Несомненно, 482-е должно вас раздражать.

Харлан пожал плечами.

— Найдите в моих отчетах хоть одно слово, свидетельствующее о раздражении.

Ответ был дерзким, и Финжи со злостью забарабанил по столу коротенькими пальчиками.

— Отвечайте на мой вопрос.

— С точки зрения Социологии, это Столетие во многих отношениях докатилось до предела. Три последних Изменения Реальности только ухудшили положение вещей. Я полагаю, что раньше или позже вмешательство станет необходимым. Крайности еще никогда не приводили к добру.

— Значит, вы взяли на себя труд познакомиться с прошлыми Реальностями Столетия?

— В качестве Наблюдателя я обязан знать все относящиеся к делу факты.

Разумеется, знакомство со всеми фактами было правом и даже обязанностью Харлана. Не знать этого Финжи не мог. Каждое Столетие периодически сотрясали Изменения Реальности. Даже самые тщательные Наблюдения через некоторое время теряли свою ценность и нуждались в дополнительной проверке. Именно поэтому все Столетия, охватываемые Вечностью, находились под ее непрерывным контролем. Но профессиональное Наблюдение заключалось не только в собирании фактов, но и в установлении их связей с фактами из прошлых Реальностей.

Харлан пришел к выводу, что их разговор не был вызван одной только неприязнью Финжи к нему. Что-то крылось за этой попыткой выведать его мысли. Поведение Вычислителя было явно враждебным.

В другой раз Финжи, неожиданно заглянув в маленькую комнатушку, служившую Харлану кабинетом, заявил:

— Ваши отчеты произвели благоприятное впечатление на Совет Времен.

После короткой паузы Харлан неуверенно пробормотал:

— Благодарю вас.

— Совет считает, что вы проявили недюжинную проницательность.

— Я делаю все, что могу.

Следующий вопрос Финжи был совершенно неожиданным:

— Вам когда-нибудь доводилось встречаться со Старшим Вычислителем Твисселом?

— С Вычислителем Твисселом? — Харлан широко раскрыл глаза. — Нет, сэр. А почему вы спросили?

— Похоже, что именно он особо заинтересовался вашими отчетами.

Финжи надул свои румяные щеки и переменил тему разговора:

— Вы знаете, у меня сложилось впечатление, что ваши взгляды на историю довольно своеобразны.

Искушение оказалось слишком велико. В краткой схватке осторожности с тщеславием последнее взяло верх.

— Я занимался изучением Первобытной истории, сэр.

— Первобытной истории? В школе?

— Нет, не в школе. Скорее по собственному почину. Первобытная история — это, так сказать, мое хобби. Глядишь на нее, и кажется, что она застыла неподвижно, не то что Столетия Вечности, которые непрерывно меняются.

Заговорив о любимом предмете, Харлан немного оживился.

— Все равно как если бы взять фильмокнигу и детально рассматривать кадр за кадром. Мы увидим массу подробностей, которых никогда бы и не заметили, если бы лента двигалась с нормальной скоростью. Я думаю, что мое увлечение здорово помогает мне в работе.

Финжи чуть шире раскрыл свои маленькие глазки, изумленно посмотрел на Харлана и вышел, не сказав ни слова.

Впоследствии он не раз заводил разговор о Первобытной истории и молча выслушивал сдержанные комментарии Харлана; при этом его пухлое личико оставалось совершенно бесстрастным.

Харлан не знал, сожалеть ли ему об этом разговоре или же рассматривать его как удачный шаг на пути к повышению.

Он стал склоняться к первому мнению после того, как, столкнувшись с ним в коридоре № 1, Финжи спросил вдруг так, чтобы слышали окружающие:

— Скажите, Харлан, почему у вас всегда такая постная физиономия? Вам хоть раз в жизни случалось улыбаться?

Харлан с горечью подумал, что Финжи его ненавидит. Сам же он после этого эпизода стал испытывать к главе Сектора что-то вроде брезгливого отвращения.

Потратив три месяца на изучение порученного ему вопроса, Харлан обсосал его до косточек. Поэтому его нисколько не удивило неожиданное распоряжение срочно явиться в кабинет Финжи.

Он давно уже ожидал нового назначения. Заключительный доклад был готов еще неделю назад. В 482-м существовало сильное стремление увеличить экспорт тканей из целлюлозы в Столетия, лишенные лесов, вроде 1174-го, однако встречное предложение о поставках копченой лососины вызывало серьезные возражения. У Харлана накопился длинный список подобных вопросов, и все они были тщательно проанализированы.

Захватив проект заключения, он направился к Финжи. Однако речь пошла совсем не о 482-м. Вместо этого Финжи представил Харлана маленькому сморщенному человечку с редкими седыми волосами и улыбающимся личиком гнома. Улыбка карлика, то озабоченная, то добродушная, ни на секунду не исчезала с его лица. В желтых от табака пальцах была зажата горящая сигарета.

Не будь эта сигарета первой, увиденной Харланом за всю его жизнь, он, пожалуй, уделил бы больше внимания человечку, чем дымящемуся цилиндрику, и слова Финжи не явились бы для него такой неожиданностью.

— Старший Вычислитель Твиссел, перед вами Наблюдатель Эндрю Харлан, — сухо произнес Финжи.

Взгляд Харлана испуганно метнулся с сигареты на лицо карлика.

— Здравствуйте, — сказал Твиссел писклявым голосом, — значит, вы и есть тот молодой человек, который пишет такие великолепные донесения?

Харлан лишился дара речи. Лабан Твиссел был мифом, живой легендой. Таких людей, как он, полагалось узнавать с первого взгляда. Твиссел был самым выдающимся Вычислителем в Вечности, другими словами, он был самым знаменитым из всех ныне живущих Вечных. Он был председателем Совета Времен. Он рассчитал больше Изменений Реальности, чем любой другой Вычислитель за всю историю Вечности. Он был... Он сделал...

Харлан окончательно растерялся. С глуповатой улыбкой он кивал головой, не в силах произнести ни слова.

Твиссел поднес сигарету к губам и несколько раз торопливо затянулся.

— Оставьте нас, Финжи, — сказал он, — мне надо побеседовать с этим юношей с глазу на глаз.

Финжи пробормотал что-то невнятное, встал и вышел.

— Не волнуйся, паренек, — проговорил Твиссел, — тебе нечего бояться.

Но встреча с Твисселом оказалась для Харлана настоящим потрясением. Считать человека гигантом и вдруг обнаружить, что в нем нет и пяти с половиною футов росту, — тут было от чего прийти в замешательство. Неужели за этим покатым лысеющим лобиком скрывается мозг гения? Что светится в этих прищуренных глазках, окруженных паутиной морщинок, — острый ум или же просто благодушное настроение?

Совершенно сбитый с толку, он глядел на сигарету, не в силах собраться с мыслями. Поперхнувшись дымом, он вздрогнул и отодвинулся назад.

Твиссел сощурил глазки, словно пытаясь проникнуть взором за дымовую завесу, и заговорил с ужасным акцентом на языке десятого тысячелетия:

— Может пыть, малшик, мне лучше твой язык говорить?

Харлан с трудом подавил истеричное желание рассмеяться.

— Я неплохо владею Единым межвременным языком, сэр, — осторожно произнес он.

Межвременным языком пользовались все Вечные в разговорах друг с другом, Харлан выучился ему в первые же месяцы своего пребывания в Вечности.

— Чушь, — высокомерно ответил Твиссел. — К чему нам Межвременной, когда я совершенно безукоризненно говорю на языках всех Времен.

Харлан догадался, что прошло по крайней мере лет сорок с тех пор, как Твиссел пользовался его родным диалектом.

Однако, удовлетворив свое тщеславие, Твиссел продолжал на Межвременном:

— Я предложил бы тебе сигарету, не будь я совершенно уверен, что ты не куришь. На курение смотрят косо почти во всех Временах. Но если ты все-таки сделаешься курильщиком, мой тебе совет: хорошие сигареты умеют делать только в 72-м. Мне их специально доставляют оттуда. А вообще с этим курением одни неприятности. На прошлой неделе я застрял на пару деньков в 123-м. Курение запрещено. Даже Вечные переняли нравы своего Времени. Закури я там сигарету, им бы показалось, что на них небо обрушилось. Порой у меня появляется сильное желание рассчитать такое Изменение Реальности, чтобы одним махом уничтожить запреты на курение во всех Столетиях. Жаль только, что подобное Изменение вызовет войны в 58-м и рабовладельческое общество в 1000-м. Всегда что-нибудь да не так.

Смущение Харлана перешло в беспокойство. Что кроется за всей этой болтовней?

— Могу я спросить, почему вы захотели повидаться со мной, сэр? — с трудом выговорил он.

— Мне нравятся твои отчеты, мой мальчик.

В глазах Харлана на мгновенье мелькнул радостный огонек, но он даже не улыбнулся.

— Благодарю вас, сэр.

— В них чувствуется рука мастера. У тебя неплохое чутье. Мне кажется, я понял твое истинное призвание; я нашел твое место в Вечности и хочу тебе его предложить.

«Чудеса, да и только!» — подумал Харлан. Он постарался скрыть свой восторг.

— Вы оказываете мне великую честь, сэр.

Тем временем Старший Вычислитель Твиссел докурил свою сигарету, с ловкостью фокусника извлек неведомо откуда новую и прикурил ее от окурка.

— Послушай-ка, юноша, заклинаю тебя Временем — брось ты эти заученные фразы, — проговорил он между затяжками, — «великую честь». Пуф. Пуф. Говори человеческим языком. Пуф. Ты рад?

— Да, сэр, — осторожно произнес Харлан.

— Вот и отлично. Иначе и быть не могло. Хочешь стать Техником?

— Техником?! — Харлан даже вскочил со стула.

— Садись. Садись. Ты, кажется, удивлен?

— Вычислитель Твиссел, я никогда не собирался быть Техником.

— Знаю, — сухо проговорил Твиссел, — никто почему-то не собирается. Кем угодно, лишь бы не Техником. А между тем Техники очень нужны, и на них всегда большой спрос. Их не хватает во всех Секторах.

— Боюсь, что я не подхожу для такой работы.

— Иными словами, такая работа не подходит тебе. Тебя не устраивает работа, которая влечет за собой столько неприятностей. Клянусь Вечностью, мой мальчик, если только ты действительно предан нашему делу — а я думаю, что ты предан ему, — тебя это не остановит. Дураки станут избегать тебя — ну и что? Одиночество? Ты к нему привыкнешь. Зато ты всегда будешь испытывать удовлетворение, зная, что ты нужен, очень нужен. И в первую очередь мне.

— Вам, сэр? Лично вам?

— Да, лично мне. — Улыбка старика светилась проницательностью. — Ты не будешь рядовым Техником. У тебя будет особое положение. Ты станешь моим личным Техником. Ну как, нравится тебе такое предложение?

— Не знаю, сэр. А вдруг я не справлюсь?

Твиссел упрямо покачал головой.

— Мне нужен ты. Только ты. Твои отчеты убедили меня, что у тебя здесь есть кое-что. — Он постучал пальцем по лбу. — Ты неплохо учился. Секторы, в которых ты был Наблюдателем, дали о тебе положительный отзыв. Но больше всего мне понравился отзыв Финжи.

Харлан был искренне изумлен:

— Неужели Вычислитель Финжи дал обо мне благоприятный отзыв?

— Тебе это кажется странным?

— Н-не знаю...

— Видишь ли, мой мальчик, я ведь не сказал, что отзыв был благоприятным. Если уж на то пошло, отзыв совсем

скверный — хуже некуда. Финжи рекомендует отстранить тебя от всякой работы, связанной с Изменениями Реальности. Он считает, что самое благоразумное — перевести тебя в Работники.

Харлан покраснел.

— Почему он так думает, сэр?

— Оказывается, у тебя есть хобби. Ты увлекаешься Первобытной историей, а?

Твиссел без удержу размахивал сигаретой, и Харлан, забыв с досады об осторожности, вдохнул струйку дыма и судорожно закашлялся.

Твиссел с благожелательным видом выжидал, когда молодой Наблюдатель перестанет кашлять.

— А что, разве не так? — спросил он.

— Какое право он имеет... — начал было Харлан, но Твиссел прервал его:

— Брось. Я упомянул об этом отзыве, потому что мне как нельзя более подходит твое увлечение. А вообще-то отзыв — дело секретное, и чем скорее ты забудешь о нем, тем лучше.

— Но что плохого в увлечении Первобытной историей, сэр?

— Финжи считает, что оно свидетельствует о сильной «одержимости Временем». Понимаешь?

Еще бы не понять! Нельзя было жить в Вечности, не усвоив психиатрической терминологии и в первую очередь этого выражения. Считалось, что каждый Вечный испытывает непреодолимое желание вернуться если уж не к своим современникам, так хоть в какое-нибудь определенное Столетие, пустить в нем корни, перестать быть вечным скитальцем во Времени. Вечность беспощадно подавляла малейшие проявления подобных стремлений, но от этого тяга не становилась слабее — впрочем, у большинства она сохранялась где-то в подсознании!

— Ко мне это не имеет отношения, — сказал Харлан.

— Я тоже так думаю. Более того, я считаю твое увлечение очень ценным. Именно из-за него ты мне и нужен. Я дам тебе Ученика. Ты обучишь его всему, что знаешь или сможешь узнать из Первобытной истории. В свободное время ты будешь исполнять обязанности моего личного Техника. Ты приступишь к работе в ближайшие дни. Согласен?

Согласен ли он? Получить официальное право изучать эпоху до Вечности? Работать рука об руку с величайшим из Вечных? На таких условиях даже отвратительное звание Техника казалось почти сносным.

Но осторожность не совсем изменила ему.

— Если это необходимо для блага Вечности, сэр...

— Для блага Вечности? — возбужденно прервал его карлик. Он с такой силой отшвырнул свой окурок, что тот ударился о противоположную стену и рассыпался целым фейерверком искр. — Да от этого зависит само *существование* Вечности!

Глава 3

УЧЕНИК

Харлан прожил в 575-м несколько недель. Он успел освоиться со своим новым жилищем, привыкнуть к стерильной чистоте фарфора и стекла. Он выучился с умеренным отвращением носить эмблему Техника и уже не пытался прикрывать ее каким-нибудь посторонним предметом или прислоняться к стене, чтобы скрыть нашивку на рукаве.

Ничего хорошего из таких попыток все равно не получалось. Другие только презрительно улыбались и становились еще неприступнее, всем своим видом показывая, что ни под каким предлогом они не позволят Технику втереться к ним в доверие и завоевать их симпатию.

Старший Вычислитель Твиссел каждый день приносил ему новые задачи. Харлан тщательно изучал их и по четыре раза переписывал свои заключения, но даже последний вариант казался ему недоработанным.

Наскоро проглядев заключение, Твиссел кивал головой:

— Чудесно, чудесно!

Затем он окидывал Харлана беглым взглядом своих голубых глазок, и улыбка его становилась чуточку холоднее.

— Дадим Кибермозгу проверить эту догадочку, — говорил он на прощание.

Он всегда именовал заключения «догадочками». Ни разу он не сообщил Харлану результатов проверки, и Харлан не осмеливался спросить его. Он был в отчаянии оттого, что ему не поручают исполнить ни одного из его заключений. Значило ли это, что Кибермозг находит в них ошибки, что он неверно выбирает место и время и не обладает даром отыскивать Минимальное необходимое воздействие в указанном интервале? (Прошло немало времени, прежде чем он научился небрежно произносить МНВ.)

Однажды Твиссел явился к нему в сопровождении какого-то растерянного субъекта, не смевшего поднять на Харлана глаза.

— Техник Харлан, знакомьтесь, это Ученик Купер, — произнес Твиссел.

— Здравствуйте, — равнодушно сказал Харлан.

Внешность посетителя не произвела на него большого впечатления. Купер не вышел ростом, его черные волосики были расчесаны на пробор. Глаза водянисто-карие, подбородок слишком узок, уши чересчур велики, ногти обкусаны.

— Вот этого парнишку ты и будешь учить Первобытной истории, — продолжал Твиссел.

— Разрази меня Время! — воскликнул Харлан.

И как только он мог забыть? В нем сразу проснулся интерес к посетителю.

— Здравствуйте! — повторил он с большим жаром, чем прежде.

— Составь с ним расписание занятий, — сказал Твиссел, — было бы неплохо, если бы ты смог уделить ему два дня в неделю. Учи его сам, как знаешь. В этом я полностью полагаюсь на тебя. Если тебе понадобятся книги, пленки или старинные документы, которые можно найти в Вечности или достижимом для нас Времени, ты только скажи мне, и тебе их доставят. Ну как, справишься?

Как всегда, он вдруг неизвестно откуда выудил зажженную сигарету, и воздух наполнился табачным дымом. Харлан закашлялся и, заметив, как судорожно скривился рот Ученика, понял, что тот охотно сделал бы то же самое, но не смеет.

После ухода Твиссела Харлан заговорил:

— Ну что ж, присаживайся... — Он на мгновение запнулся и затем решительно добавил: — Сынок. Присаживайся, сынок. Мой кабинет невелик, но он в твоем полном распоряжении.

Харлану не терпелось поскорее приступить к занятиям. Подумать только, что он будет работать совершенно самостоятельно! Первобытная история всегда была для него чем-то вроде личной собственности.

Ученик поднял глаза (кажется, впервые за все время) и, заикаясь, спросил:

— Так, значит, вы — Техник?

От доброжелательности и возбуждения, переполнявших Харлана, не осталось и следа.

— Ну и что с того?

— Нет, ничего, — пробормотал Купер, — просто я...

— Разве вы не слышали, как Вычислитель Твиссел назвал меня Техником?

— Д-да, сэр.

— Решили, что это была обмолвка? Собственным ушам не поверили?

— Н-нет, сэр.

— Что вы там заикаетесь? Разучились говорить? — жестко спросил Харлан и почувствовал в глубине души укол совести.

Купер мучительно покраснел.

— Я не очень хорошо владею Единым межвременным языком, сэр.

— Это еще почему? Сколько времени вы учитесь?

— Меньше года, сэр.

— Меньше года? Сколько же вам лет?

— Двадцать четыре биогода, сэр.

Харлан посмотрел на него широко раскрытыми глазами:

— То есть вы хотите сказать, что вас взяли в Вечность в возрасте двадцати трех лет?

— Да, сэр.

Харлан опустился на стул и сжал руки. Такие вещи попросту не делались. Самым подходящим для вступления в Вечность считался возраст в пятнадцать-шестнадцать лет. Что все это значит? Может быть, Твиссел придумал новый способ испытать его?

— Садись и давай приступим. Твое полное имя и номер твоего Столетия?

— Бринсли Шеридан Купер из 78-го, сэр, — заикаясь, ответил Ученик.

Харлан немного смягчился. Это было близко, почти рядом. Всего на семнадцать веков раньше его собственного Столетия. Можно сказать, соседи во Времени.

— Тебя интересует Первобытная история?

— Я почти ничего о ней не знаю. Меня просил ею заняться Вычислитель Твиссел.

— А чем ты еще занимаешься?

— Математикой. Механикой Времени. Пока что я познакомился только с самыми основами. У себя в 78-м я чинил спидиваки.

Харлан даже не поинтересовался, что такое спидиваки. Они могли оказаться чем угодно — от пылесоса до счетной машины. Ему это было безразлично.

— А историю ты никогда не изучал?

— Я проходил историю Европы.

— Ты, наверно, из тех мест?

— Да, я родился в Европе. Нам, конечно, в основном преподавали современную историю. Начиная с революции 54-го, то есть я имел в виду 7554-го года.

— Отлично. Для начала выкинь все это из головы. История, которую учат Времяне, лишена всякого смысла; она меняется с каждым Изменением Реальности. Сами они, разумеется, даже не подозревают об этом. Для каждой Реальности ее история кажется единственной. С Первобытной историей дело обстоит совершенно иначе. Собственно, в этом-то и заключается вся ее прелесть. Что бы мы ни делали,

Первобытная история всегда остается неизменной. Колумб и Вашингтон, Шекспир и Герефорд — все они существуют.

Купер нерешительно улыбнулся. Он провел мизинцем по верхней губе, и Харлан заметил на ней темную полоску, словно Ученик отращивал усы.

— Скоро год, как я здесь, а все никак не могу... вполне привыкнуть.

— К чему именно?

— К тому, что меня отделяют от дома пятьсот веков.

— Я и сам немногим ближе. Я ведь из 95-го.

— Вот и это тоже. Вы старше меня, но в другом смысле я старше вас на семнадцать веков. Я вполне могу оказаться вашим прапрапрапра — и так далее — дедушкой.

— Какое это имеет значение? Допустим, так оно и есть.

— Ну, уж знаете... с этим еще надо свыкнуться. — В голосе Купера зазвучали мятежные нотки.

— Мы все в одинаковом положении, — сухо заметил Харлан и приступил к уроку.

Три часа занятий истекли, а Харлан все еще растолковывал Куперу, как это получилось, что до 1-го Столетия существовали еще и другие.

— Но разве 1-е Столетие не было действительно первым? — жалобным голосом спросил Купер.

На прощание Харлан вручил Ученику книгу, не самую лучшую, но вполне пригодную для первого знакомства с предметом.

— Позднее я подберу тебе что-нибудь посерьезнее, — пообещал он.

К концу недели темная полоска на губе Купера превратилась в маленькие, хорошо заметные усики, которые подчеркивали узость его подбородка и старили его лет на десять. «Не очень-то они тебя красят», — подумал Харлан.

— Я прочел вашу книгу, — сказал Купер.

— Что ты о ней думаешь?

— Как бы это сказать... — Последовала длительная пауза, после чего Купер начал снова: — Последние Первобыт-

ные Столетия немного похожи на 78-е. Я никак не мог отделаться от воспоминаний о доме. Два раза я видел во сне свою жену...

— Жену?! — взорвался Харлан.

— Я был женат, прежде чем попал сюда.

— Разрази меня Время! Неужели твою жену тоже взяли сюда?

Купер отрицательно покачал головой:

— Я даже не знаю, не затронуло ли ее прошлогоднее Изменение? Если так, то возможно, что она уже и не жена мне.

Харлан постепенно собрался с мыслями. Конечно, если Ученика берут в Вечность в возрасте двадцати трех лет, то вполне может оказаться, что он женат. Один беспрецедентный факт влечет за собой другой.

Что творится на свете? Начни только менять законы, не успеешь и оглянуться, как наступит хаос.

— Надеюсь, ты не собираешься прогуляться в 78-е и выяснить, чья она теперь жена? — Он не хотел быть грубым, но слишком уж велико оказалось его беспокойство за судьбу Вечности.

Ученик поднял голову; глаза его были холодны и спокойны.

— Нет.

Харлан смущенно поерзал на стуле.

— Вот и хорошо. У тебя больше нет семьи. Никого нет. Отныне ты Вечный и забудь обо всех, кого ты знал там, во Времени.

Купер поджал губы и быстро проговорил с сильным акцентом:

— Вы рассуждаете как типичный Техник.

Харлан ухватился обеими руками за крышку стола. Хриплым голосом он произнес:

— На что ты намекаешь? На то, что я — Техник и, следовательно, Изменения — дело моих рук? Поэтому, мол, я защищаю их и требую, чтобы ты им радовался? Послушай, мальчик, ты еще года здесь не провел, даже говорить как следует не научился. Ты еще весь напичкан Временем и Ре-

альностью, но уже вообразил, что все знаешь о Техниках и можешь лягать их, как тебе заблагорассудится.

— Простите, — торопливо проговорил Купер, — я не хотел вас обидеть.

— Пустое, разве можно обидеть Техника? Просто ты наслушался разговоров. Говорят же: «Черств, как Техник» или «Техник зевнул — миллиона людей как не бывало». И еще кое-что в том же духе. Так в чем же дело, Ученик Купер? Решил присоединиться к общему хору? Захотелось стать взрослым? Вообразил себя крупной шишкой в Вечности?

— Я же сказал — простите.

— Ладно. Мне только хотелось сообщить тебе, что я стал Техником месяц назад и что я не совершил еще ни одного Изменения Реальности. А теперь давай займемся делом.

На другой день Старший Вычислитель Твиссел вызвал Эндрю Харлана в свой кабинет.

— Послушай, мой мальчик, как ты посмотришь на то, чтобы прогуляться во Время и произвести МНВ? — спросил он.

Это предложение подвернулось как нельзя более кстати. Все утро Харлан со стыдом вспоминал о своей трусливой попытке отмежеваться от ответственности, о наивном ребячьем выкрике: «Не вините меня, я еще не сделал ничего плохого». Этот выкрик был равносилен признанию, что в работе Техника и в самом деле есть нечто постыдное, а он, Харлан, еще новичок, у которого просто не было времени стать преступником.

Хватит отговорок! Теперь он сможет сказать Куперу: да, я сделал нечто такое, из-за чего миллионы людей стали новыми личностями, но это было необходимо, и я горжусь своим поступком.

— Я готов, сэр! — радостно воскликнул Харлан.

— Чудесно, чудесно. Думаю, тебе приятно будет узнать, мой мальчик, — Твиссел выпустил клуб дыма, кончик его сигареты вспыхнул алой точкой, — что все твои заключения подтвердились с высокой степенью точности.

— Благодарю вас, сэр.

(Итак, подумал Харлан, теперь это уже заключения, а не «догадочки».)

— У тебя талант, мой мальчик. Рука мастера. Я жду от тебя великих дел. А пока мы займемся вот этим небольшим дельцем из 223-го. Ты был совершенно прав, утверждая, что достаточно заклинить муфту сцепления в двигателе. При этом действительно получается необходимая «вилка» без нежелательных побочных эффектов. Возьмешься заклинить сцепление?

— Слушаю, сэр.

Так совершилось подлинное посвящение Харлана в Техники. После этого он уже не был просто человеком с розовой нашивкой на плече. Он изменил Реальность. За несколько минут, выкраденных из 223-го, он испортил двигатель, и в результате некий молодой человек не попал на лекцию по механике. Из-за этого так и не стал заниматься солнечными установками, и очень простое устройство не было изобретено в течение десяти критических лет. А в результате всего этого, как ни странно, война в 224-м была вычеркнута из Реальности.

Разве это не было благом? И так ли уж важно, что какие-то личности изменились? Новые личности были такими же людьми, как и прежние, с таким же правом на жизнь. Чьи-то жизни стали короче, зато у большего числа людей они стали дольше и счастливее. Правда, великое литературное произведение, грандиозное создание человеческого разума и чувств, не было написано в новой Реальности, но разве несколько экземпляров этой книги не сохранились в библиотеках Вечности? И разве в новой Реальности не будут созданы иные великие творения искусства?

И все же в эту ночь Харлан долго и мучительно не мог заснуть, а когда он наконец задремал, с ним произошло то, чего не случалось уже много лет.

Он увидел во сне свою мать.

Несмотря на столь жалкое проявление слабости в самом начале деятельности, не прошло и биогода, как Харлан стал известен по всей Вечности в качестве Техника Твиссела, а

также под язвительными прозвищами «чудо-ребенок» и «безошибочный Техник».

Его отношения с Купером стали более спокойными. Подлинной дружбы между ними так и не возникло. (Если бы Купер пересилил себя и предпринял какие-то шаги к сближению, то Харлан, наверно, растерялся бы.) Тем не менее ладили они неплохо, а Первобытной историей Купер интересовался теперь ничуть не меньше, чем его учитель.

— Послушай, Купер, ты не будешь возражать, если мы отложим урок на завтра? — как-то спросил его Харлан. — Мне необходимо на этой неделе попасть в 300-е, чтобы уточнить одно Наблюдение, а человек, с которым я хочу встретиться, свободен как раз сегодня вечером.

У Купера жадно заблестели глаза.

— А я не мог бы поехать вместе с вами?

— Ты хочешь?

— Конечно, хочу. Я никогда не ездил в капсуле, если не считать того раза, когда меня доставили сюда из 78-го, а тогда я еще совершенно ничего не понимал.

Харлан обычно пользовался Колодцем С, который по неписаной традиции был предоставлен в распоряжение Техников во всей своей бесконечной протяженности во Времени.

Купер последовал за Харланом без малейших признаков замешательства и занял место на круглом диванчике, почти полностью опоясывавшем внутренние стенки капсулы.

Но когда Харлан, включив Поле, послал капсулу в прошлое, на лице Купера появилось комичное выражение изумления и растерянности.

— Я ничего не чувствую. В чем дело? — спросил он.

— Все в порядке. Ты ничего не чувствуешь, потому что мы не двигаемся в буквальном смысле этого слова. Нас как бы протягивает сквозь Время. Фактически, — продолжал Харлан, незаметно для себя впадая в назидательный тон, — в данный момент ни ты, ни я не состоим из вещества, хотя наши органы чувств и утверждают обратное. Сотни людей могут пользоваться в это же самое мгновение нашей капсулой, перемещаясь (если только можно так выразиться) в разных направлениях Времени, проходя один сквозь другого и так

далее. Законы обычного мира неприменимы к Колодцам Времени.

Губы Купера изогнулись в лукавой улыбке, и Харлан смущенно подумал: «Парнишка изучает Темпоральную механику и знает об этих вещах гораздо больше меня. Мне бы лучше помалкивать, незачем строить из себя дурака».

Угрюмо замолчав, он принялся разглядывать Ученика. За прошедшие месяцы усики Купера выросли и свисали теперь книзу по так называемой Маллансоновой моде. Изобретатель Темпорального поля Виккор Маллансон на единственной подлинной и очень скверной фотографии был изображен с точно такими же усиками; по этой причине они пользовались среди Вечных большой популярностью, хотя мало кому шли.

Глаза Купера были устремлены на циферблат, где быстро сменявшие друг друга числа отмечали номера Столетий, сквозь которые они проносились.

— Как далеко в будущее тянутся Колодцы Времени? — спросил вдруг Купер.

— Неужели ты еще не проходил этого?

— Я почти ничего не знаю о капсулах.

Харлан пожал плечами:

— Вечности нет конца. Колодцы тянутся беспредельно.

— А вам случалось бывать далеко-далеко в будущем?

— Дальше нашего Сектора — ни разу. Вот доктор Твиссел — так тот был даже в 50 000-м.

— Разрази меня Время! — прошептал Купер.

— Это еще пустяки. Некоторые Вечные бывали даже за 150 000-м.

— Ну и что там?

— А ничего, — угрюмо ответил Харлан, — полно всяких тварей, но разумных существ нет. Человечество исчезло.

— Вымерло? Уничтожено?

— Не думаю, чтобы кто-нибудь мог ответить на этот вопрос.

— А разве никак нельзя изменить это?

— Видишь ли, начиная с 70 000-го и дальше... — начал

было Харлан и осекся. — Послушай, Время нас побери, давай лучше поговорим о чем-нибудь другом.

Существовала тема, к которой Вечные относились чуть ли не с суеверным страхом. По молчаливому соглашению они избегали разговоров о «Скрытых Столетиях» (так назывался период Времени между 70 000-м и 150 000-м). Своими скудными познаниями Харлан был обязан лишь тесному сотрудничеству с Твисселом. Наверняка известно было только то, что ни в одном из тысяч этих Столетий Вечные не могли проникнуть во Время. Двери между Вечностью и Временем были непроницаемы. Почему? Этого не знал никто.

Твиссел как-то заявил с усмешкой:

— Когда-нибудь мы и до них доберемся. А пока нам вполне хватает хлопот с семьюдесятью тысячами Столетий.

Однако этот довод показался Харлану малоубедительным.

Из разрозненных замечаний Твиссела Харлан заключил, что делались попытки изменить Реальность в Столетиях, непосредственно предшествовавших 70 000-му, но без должных Наблюдений в последующих веках трудно было рассчитывать на успех.

— А что произошло с Вечностью после 150 000-го?

Харлан вздохнул. Купер, очевидно, не собирался менять тему разговора.

— Ничего не произошло, — ответил он, — Секторы имеются в каждом Столетии, но после 70 000-го в них никто не живет. Секторы тянутся на миллионы лет, пока не исчезнет всякая жизнь на Земле, и после этого, пока Солнце не вспыхнет, как Новая, и даже после этого. Вечности нет конца. Потому-то ее и называют Вечностью.

— Разве наше Солнце стало Новой?

— Разумеется. Иначе не было бы Вечности. Солнце, превратившись в Новую, стало нашим источником энергии. Ты себе даже не представляешь, сколько энергии требуется для создания Темпорального поля. Поле, созданное Маллансоном, имело протяженность всего две секунды от одного конца до другого и было так мало, что едва вмещало спичечную головку, но для него потребовалась вся энергия атомной электростанции за целый день. Почти сто лет ушло на то,

чтобы протянуть тоненькое, как волосок, Поле достаточно далеко в будущее и начать черпать лучистую энергию вспышки Солнца. Лишь после этого удалось создать Поле настолько больших размеров, что в нем смог поместиться человек.

— Как все это интересно! — вздохнул Купер. — А меня все еще пичкают на уроках уравнениями полей и Темпоральной механикой. Вот если бы я жил во времена Маллансона...

— Ты бы ничего тогда не узнал. Маллансон жил в 24-м, а Вечность была создана только в конце 27-го. Сам понимаешь, что открыть Темпоральное поле и создать Вечность — далеко не одно и то же. В 24-м не имели ни малейшего понятия о значении открытия Маллансона.

— Выходит, что он опередил свое Время?

— На сотни лет. Он не только открыл Поле, но и предсказал почти все характерные черты Вечности, кроме разве Изменений Реальности. Он сделал это довольно точно, и... кажется, мы приехали.

Они вышли из капсулы.

* * *

Никогда прежде Харлан не видел Старшего Вычислителя Твиссела в таком гневе. О Твисселе поговаривали, что он не способен ни на какие проявления чувств; его называли бездушным, зажившимся в Вечности стариком и сплетничали, что он давно уже забыл номер своего родного Столетия. Ходили слухи, что сердце его атрофировалось в ранней молодости и что он заменил его маленьким ручным анализатором, вроде того, который он всегда носил с собой в кармане брюк.

Твиссел никогда не пытался опровергнуть эти слухи. Многие были убеждены, что он и сам в них верит.

Поэтому, согнувшись под обрушившейся на него лавиной гневных упреков, Харлан все же каким-то уголком мозга успел удивиться, что Твиссел способен так бурно проявлять свои чувства. Он даже подумал, не пожалеет ли позднее Вычислитель, что механическое сердце предало его, оказав-

шись на поверку жалким органом из мышц и клапанов, которому не чужды никакие человеческие страсти.

Скрипучим старческим голосом Твиссел кричал:

— Всемогущее Время, с каких это пор ты возомнил себя членом Совета? По какому праву ты здесь командуешь? Кто кому отдает распоряжения, ты — мне или я — тебе? Давно ли ты распоряжаешься движением капсул? Уж не должны ли мы все являться к тебе за разрешением на поездку?

Время от времени Твиссел останавливался, требовал: «Отвечай!» — и, не дожидаясь ответа, обрушивал на голову Техника новую лавину язвительных вопросов.

— Если ты хоть еще раз позволишь себе подобное своеволие, я пошлю тебя ремонтировать канализацию до конца дней твоих, — заключил он наконец.

Харлан, бледный от все возрастающего смущения, пролепетал:

— Мне никто никогда не говорил, что Ученика Купера нельзя брать в капсулу.

Однако это объяснение не смягчило Твиссела.

— Что толку в негативных оправданиях, мой мальчик? Тебе никогда не говорили, что его нельзя обрить наголо. Спаивать его тебе тоже не запрещали. Всемогущее Время, что именно было тебе поручено?

— Мне поручили обучить его Первобытной истории.

— Так этим ты и занимайся. И больше ничем.

Твиссел бросил окурок на пол и яростно растер его ногой, словно это было лицо его злейшего врага.

— Я бы хотел обратить ваше внимание, Вычислитель, — рискнул вставить Харлан, — что многие Столетия текущей Реальности в некоторых отношениях сильно напоминают интересующий нас период Первобытной истории. Я намеревался взять с собой Ученика Купера в эти эпохи, разумеется, в строгом соответствии с пространственно-хронологическими Инструкциями.

— Что?! Послушай, дурья голова, ты будешь хотя бы изредка спрашивать у меня разрешение? Поездки категорически исключаются. Никаких практических занятий. Никаких лабораторных экспериментов. Оглянуться не успеешь, как

ты начнешь изменять Реальность, просто чтобы показать ему, как это делается.

Харлан облизнул сухим языком пересохшие губы, обиженно пробормотал извинения и в конце концов был отпущен с миром.

Однако прошла не одна неделя, прежде чем обида его улеглась.

Глава 4

ВЫЧИСЛИТЕЛЬ

Через два года после того, как Эндрю Харлан стал Техником, ему снова довелось побывать в Секторе 482-го. Он с трудом узнал его. Но Сектор остался прежним. Изменился он сам.

Два года работы Техником не прошли для Харлана даром. Жизнь его стала более оседлой и спокойной. Ему больше не приходилось с каждым новым Наблюдением изучать новые языки, привыкать к новому стилю одежды и новому образу жизни. С другой стороны, за эти два года он замкнулся в своей скорлупе и все реже тосковал о былых днях, когда он жил и работал в недоступной для него ныне атмосфере братства и товарищества.

Но, пожалуй, самая крупная перемена заключалась в том, что он по-настоящему полюбил свою работу и даваемое ею ощущение власти над судьбами мира, и это сознание собственного могущества помогало ему теперь с высоко поднятой головой нести бремя своего одиночества.

Холодно взглянув на Связиста, сидевшего за своей конторкой у входа в Сектор, Харлан произнес, четко разделяя слоги:

— Техник Эндрю Харлан просит сообщить Вычислителю Финжи, что он прибыл в Сектор и временно поступает в его распоряжение.

Связист мельком взглянул на Харлана и поспешно отвел глаза.

Среди Вечных это называлось «коситься на Техника» — человек кидал быстрый непроизвольный взгляд на розовый наплечный знак, после чего пускался на любые ухищрения, лишь бы не увидеть его вторично.

Харлан взглянул на эмблему человека, сидевшего за конторкой. Она не была желтой, как у Вычислителей, или зеленой, как у Расчетчиков, или голубой, как у Социологов, или белой, как у Наблюдателей. Это была попросту голубая полоска на белом фоне — эмблема Службы связи. Связист был всего-навсего Работником; целая пропасть отделяла его от Специалистов.

Но и он «косился на Техника».

— Я жду, — с затаенной грустью напомнил Харлан.

— Вызываю Вычислителя Финжи, — торопливо ответил Связист.

482-е Столетие запомнилось Харлану своей массивной и внушительной обстановкой; сейчас она показалась ему просто убогой.

За эти два года он успел привыкнуть к стеклу и фарфору 575-го, к царившему там культу чистоты. Ему стал близок этот мир ясности и белизны с редкими бликами светлых пастельных тонов.

Безвкусные гипсовые завитушки, яркие, кричащие краски, размалеванные металлические конструкции 482-го Столетия вызывали в нем брезгливое отвращение.

Даже Финжи словно стал ниже ростом. Два года назад Наблюдателю Харлану каждый жест Финжи представлялся исполненным силы и зловещего смысла. Теперь Технику Харлану с недосягаемых высот его нового положения Финжи показался жалким и растерянным. Харлан спокойно ждал, пока Вычислитель кончит рыться в груде перфолент и поднимет голову с видом человека, решившего, что посетитель уже простоял положенное время и с ним можно заговорить, не боясь уронить свой авторитет.

Харлан как-то узнал от Твиссела, что Финжи родился в энергетическом 600-м Столетии, и поведение главы Сектора

стало ему более понятным. Частые приступы раздражительности могли быть естественным следствием постоянного чувства неуверенности, испытываемого грузным человеком, которому вместо несокрушимо прочных силовых полей приходится иметь дело с хрупкой и податливой материей. Кошачья, крадущаяся походка Финжи хорошо запомнилась Харлану; как часто в прошлом, подняв голову от стола, он вдруг замечал невесть откуда взявшегося Вычислителя; его появления всегда были совершенно бесшумными. Сейчас Харлану казалось, что Финжи ходит на цыпочках, боясь, как бы под тяжестью его тела не проломился пол.

«Нет, ему не место в этом Секторе, — с добродушной снисходительностью подумал Харлан, — новое назначение — вот единственное, что может его спасти!»

— Здравствуйте, Техник Харлан, — наконец произнес Финжи.

— Здравствуйте, Вычислитель.

— За эти два года, как вы...

— Два биогода, — поправил его Харлан.

Финжи удивленно взглянул на него.

— Ну да, конечно, два биогода.

Время в обычном понимании этого слова не существовало внутри Вечности, но человеческие тела продолжали стареть, и это старение служило единственной и неумолимой мерою Времени. Физическое Время отсутствовало, но биологическое Время продолжало идти, и за один биогод внутри Вечности человек старел так же, как и за обычный год во Времени.

Однако даже самые педантичные из Вечных редко вспоминали об этом различии. Слишком удобно было говорить «увижу вас завтра», или «вчера я вспоминал о вас», или «встретимся на той неделе», как будто в Вечности и в самом деле существовали «вчера», «завтра» или «будущая неделя». Для удовлетворения природных инстинктов человека были введены условные «сутки», состоящие из двадцати четырех биочасов с формальным разделением на «день» или «ночь», «сегодня» и «завтра».

— За два биогода, прошедших после вашего отъезда, —

продолжал Финжи, — в 482-м появились признаки кризиса. Возникла очень странная, чрезвычайно щекотливая и почти беспрецедентная ситуация. Никогда еще мы так остро не нуждались в точных Наблюдениях.

— Вы собираетесь использовать меня как Наблюдателя?

— Да. Разумеется, это непростительное расточительство — поручить талантливому Технику работу простого Наблюдателя, но ваши прежние Наблюдения до сих пор остаются непревзойденным образцом четкости и проницательности. Именно эти качества нам сейчас необходимы. А теперь позвольте вам обрисовать некоторые детали...

Но Харлану в тот раз так и не удалось познакомиться с деталями. Отворилась дверь, и он уже больше ничего не слышал: все его внимание целиком поглотила вошедшая в комнату девушка.

Нельзя сказать, что Харлану никогда не доводилось видеть в Вечности женщин. Никогда — это чересчур. Редко, крайне редко — так будет вернее.

Работая Наблюдателем, Харлан насмотрелся на женщин, но там, во Времени, они были для него почти неодушевленными предметами, как чашки и ложки, столы и стулья, стены и потолки. Они были всего только фактами, подлежащими Наблюдению.

Но встретить такую девушку! Да еще в Вечности!

Она была одета так, как одевались аристократки в 482-м. Коротенькие бриджи из тонкого материала да прозрачная накидка выше талии — вот, собственно, и все.

Иссиня-черные волосы свободно падали ей на плечи. Тонкая линия помады на верхней губе и толстая на нижней создавали впечатление, что она капризно надула губки. Ее юное, почти детское лицо было молочно-белым, и на нем резко выделялись мочки ушей и веки глаз, окрашенные в розовый цвет. С плеч свешивались драгоценные подвески, которые тихонько позвякивали, как бы приглашая обратить внимание на совершенную форму ее груди.

Она присела за маленький столик, стоящий в углу, и за все время, пока Харлан сидел в кабинете, лишь раз скользнула по его лицу быстрым взглядом своих темных глаз.

Когда Харлан вновь обрел способность слышать, Финжи уже заканчивал:

— Все эти сведения вы найдете в официальном отчете, а пока можете занять свою старую квартиру и прежний рабочий кабинет.

Харлан так и не помнил, каким образом он оказался за дверью. Надо полагать, просто вышел...

Из всех чувств, овладевших им, самым очевидным было негодование. Разрази его Время, нельзя позволять Финжи выкидывать такие фокусы! Это издевательство над...

Придя в себя, он перестал стискивать челюсти и разжал кулаки. Надо в этом разобраться. Немедленно! Он решительно направился к столу Связиста; шум собственных шагов гулко отдавался в его ушах.

Связист поднял голову и, стараясь не смотреть на Техника, вкрадчиво произнес:

— Я вас слушаю, сэр.

— Там, в кабинете Финжи, сидит женщина, — спросил Харлан, — она что, новенькая?

Он намеревался задать этот вопрос безразличным, скучающим тоном, как бы между делом. Но его слова прозвучали как удар цимбал.

И тут Связист словно пробудился. Его глаза заблестели, и он лукаво посмотрел на Харлана, словно хотел сказать: хоть ты, брат, и Техник, а все же мы оба — мужчины и отлично понимаем друг друга.

— Вы имеете в виду эту малюточку? Уф! Ну и красотка!

— Вы не ответили на мой вопрос, — процедил сквозь зубы Харлан.

Сразу же заскучав, Связист отвел глаза в сторону.

— Она — Временница. У нас — недавно.

— Чем она здесь занимается?

По лицу Связиста медленно расползлась плотоядная ухмылка.

— Считается, что она секретарша босса. Зовут Нойс Ламбент.

— Достаточно. — Харлан резко повернулся и вышел.

Его первая вылазка во Время состоялась на следующий

день и продолжалась ровно тридцать минут. Судя по всему, она была чисто ознакомительной и преследовала только одну цель — помочь ему свыкнуться с окружающей обстановкой, проникнуться духом Столетия. На следующий день он пробыл во Времени полтора часа. Третий день оказался свободным. Он воспользовался им, чтобы снова привыкнуть к местным костюмам, вспомнить язык, просмотреть свои старые донесения.

За эти два биогода в 482-м произошло лишь одно Изменение Реальности, да и то незначительное. Политическая клика, бывшая у власти, перешла в оппозицию. В остальном он не заметил никаких особых перемен.

Сам еще не вполне понимая почему, Харлан перерыл свои старые донесения в поисках сведений об аристократах. Не может быть, чтобы он не наблюдал их!

Но сведения, которые он разыскал, оказались сухими и безличными. В них шла речь о классе, а не об отдельных людях.

Ни разу в прошлом у него не было возможности наблюдать аристократию в ее собственном кругу. Почему? Наблюдателю не полагалось задавать вопросов. Харлан был зол на себя за праздное любопытство.

За эти три первых дня Нойс Ламбент попалась ему на глаза раза четыре. При первой встрече он заметил только ее костюм и украшения. Теперь он разглядел, что она была на полголовы ниже его, но казалась выше своих пяти футов и шести дюймов благодаря стройной фигуре и прямой осанке. Его первое впечатление относительно ее возраста тоже оказалось ошибочным; сейчас он решил, что ей около тридцати, во всяком случае, больше двадцати пяти.

Держалась она сдержанно и скромно. Встретив как-то Харлана в коридоре, она улыбнулась ему и опустила глаза. Харлан резко отстранился, чтобы случайно не задеть ее, и сердито зашагал дальше.

В конце третьего дня Харлан пришел к выводу, что долг Вечного не оставляет ему иного выбора. Вполне возможно, что действия Финжи не нарушают буквы закона, а Нойс Ламбент вполне удовлетворена своим положением. Но не-

благоразумное вызывающее поведение Вычислителя противоречит духу закона, и этому немедленно следует положить конец.

Харлан решил, что во всей Вечности ни один человек еще не вызывал у него такой антипатии, как Финжи. Он даже не вспомнил, что всего два дня назад он готов был снисходительно простить Вычислителю былые обиды.

Утром четвертого дня Харлан обратился к Финжи с просьбой о неофициальной встрече. Получив разрешение, он решительно вошел в кабинет и, к собственному удивлению, с первых же слов приступил к сути дела.

— Вычислитель Финжи, я советую вам незамедлительно возвратить мисс Ламбент в ее Время.

Финжи сощурил глазки, кивком головы указал Харлану на кресло и, подперев пухлый подбородок сложенными вместе ладонями, раздвинул в улыбке углы губ:

— Да вы садитесь, Харлан. Так вы считаете, что мисс Ламбент некомпетентна? Что она не справляется со своими обязанностями?

— Справляется она или нет — я ничего сказать не могу. Мне ведь неизвестно, в чем заключаются ее «обязанности». Но вам следует понять, что ее пребывание здесь скверно влияет на нравы Сектора.

Финжи слушал, глядя на него отсутствующим взглядом, словно его мозг Вычислителя был занят в этот момент решением абстрактных проблем, недоступных пониманию рядового Вечного.

— В чем же выражается ее скверное влияние?

— На вашем месте я не стал бы задавать этого вопроса. — Харлан с трудом сдерживал кипевшее в нем негодование. — Ее костюмы чересчур откровенны, ее...

— Постойте, постойте. Да остановитесь же хоть на секунду, Харлан. Вы были Наблюдателем в 482-м и обязаны знать, что она одета в обычный для ее эпохи костюм.

— Как сказать. Там, во Времени, среди людей ее круга подобная одежда, может быть, и допустима, хотя я должен заметить, что она одета чересчур вызывающе даже для 482-го.

Уж вы позвольте мне быть судьей в этом вопросе. Здесь же, в Вечности, не место таким, как она.

Финжи несколько раз медленно кивнул головой. Казалось, этот разговор забавляет его.

— Мисс Ламбент находится здесь с определенной целью. Она выполняет специальное задание. Ее пребывание в Секторе не затянется слишком надолго. А пока вам придется как-нибудь перетерпеть ее присутствие.

У Харлана задрожал подбородок. Финжи ловко вывернулся, обернув его протест против него самого. К черту всякую осторожность! Сейчас он выложит ему все, что думает!

— Я прекрасно понимаю, в чем заключаются «специальные задания» этой женщины. Никто бы не позволил вам держать ее открыто.

Он неуклюже повернулся и направился к двери, но голос Финжи остановил его на полпути:

— Послушайте, Техник, ваши отношения с Твисселом, возможно, внушили вам преувеличенное представление о важности вашей персоны. Вы заблуждаетесь. Кстати, скажите-ка, Техник, была ли у вас когда-нибудь... — он остановился, подбирая подходящее слово, — ...подружка?

По-прежнему стоя к нему спиной, Харлан с оскорбительной точностью и тщательностью процитировал Устав:

— «Во избежание излишней привязанности в какой-либо эпохе Вечный не должен жениться. Во избежание излишней привязанности к семье Вечный не должен иметь детей».

— Я спрашивал не о семье и не о детях, — многозначительно произнес Вычислитель.

Харлан продолжал цитировать:

— «Непродолжительные союзы с женщинами из Времени могут заключаться только с одобрения Центрального расчетного бюро при Совете Времен при наличии благоприятного Расчета Судьбы. Встречи лиц, состоящих в союзе, должны протекать в строгом соответствии с пространственно-хронологическими Инструкциями».

— Совершенно справедливо. Обращались ли вы за разрешением на союз?

— Нет, Вычислитель.

— Собираетесь?

— Нет, Вычислитель.

— А не мешало бы. Это расширит ваш кругозор. Может быть, тогда вас меньше станут занимать детали женского туалета или чьи-то воображаемые интимные отношения.

Задыхаясь от ярости, Харлан выскочил из кабинета.

Вылазки в 482-е с каждым днем давались Харлану все труднее, хотя их продолжительность пока не превышала двух часов. Его душевное равновесие было поколеблено, и причиной тому был Финжи с его непрошеными циничными советами относительно союзов с Временницами.

Союзы существовали. Это ни для кого не было секретом. Вечность сознавала необходимость компромисса с природными инстинктами человека (сама эта фраза звучала для Харлана омерзительно), но ограничения, связанные с выбором любовницы, лишали компромисс даже тени романтики и свободы. А немногим счастливчикам, удостоившимся разрешения, рекомендовалось держать язык за зубами, во-первых, из соображений приличия, а во-вторых, дабы не вызывать зависти большинства.

Среди Вечных низшего ранга, особенно среди Работников, постоянно ходили полузавистливые, полунегодующие слухи о женщинах, выкрадываемых из Времени. В качестве героев подобных историй молва обычно называла Вычислителей и Расчетчиков. Только они были способны определить, какая из женщин может быть похищена без риска вызвать серьезное Изменение Реальности.

Менее лакомой пищей для языков служили не столь сенсационные сплетни, связанные с кухарками и горничными, которых каждый Сектор нанимал на определенный срок в своем Столетии (при благоприятных пространственно-хронологических данных) для приготовления пищи, уборки и прочей грязной работы.

Но взять женщину из Времени «в секретарши», да еще такую женщину, как Нойс, — со стороны Финжи это было

прямым издевательством над теми идеалами, ради которых была создана и существовала Вечность.

Несмотря на мелкие уступки человеческой природе, на которые Вечные шли, будучи людьми практичными, идеалом Вечного по-прежнему оставался человек, отрекающийся от всех радостей жизни и ставящий перед собой одну только цель — улучшение Реальности, увеличение суммы человеческого счастья. (Харлану нравилось думать, что Вечность похожа в этом отношении на средневековые монастыри.)

Ночью Харлану приснилось, как он рассказывает обо всем Твисселу и Твиссел, идеальнейший из Вечных, содрогается от ужаса и отвращения. Ему снилось, как он с желтой нашивкой Вычислителя на плече наводит порядок в Секторе и великодушно направляет разжалованного, поверженного в прах Финжи в Работники. Ему снилось, что Твиссел сидит рядом с ним и с восхищенной улыбкой рассматривает составленную им новую схему организации — четкую, последовательную, без единого изъяна. Ему снилось, как он вызывает Нойс Ламбент и просит ее размножить копии.

Однако Нойс Ламбент явилась к нему во сне обнаженной, и Харлан проснулся в холодном поту, дрожащий и пристыженный.

Как-то он повстречался с Нойс в коридоре и, опустив глаза, посторонился, чтобы дать ей дорогу. Но девушка остановилась прямо перед ним и глядела на него в упор так, что ему поневоле пришлось поднять глаза и встретить ее взгляд. Она показалась ему ярким цветком; до него донесся слабый запах ее духов.

— Вас зовут Техник Харлан, не правда ли? — спросила она.

Первым его побуждением было грубо осадить ее, оттолкнуть, но потом он подумал, что она, собственно, ни в чем не виновата. К тому же оттолкнуть ее — значило прикоснуться к ней.

— Да, — сухо кивнул он в ответ.

— Я слышала, что вы крупный специалист по нашему Времени.

— Я бывал в нем.

— Как бы я хотела узнать, что вы думаете о нас!

— Я очень занят. У меня нет ни одной свободной минуты.

— О, Техник Харлан, так уж и ни одной?..

Ее улыбка была обворожительна.

Хриплым шепотом Харлан произнес:

— Проходите, прошу вас. Или дайте пройти мне. Прошу вас.

Она медленно двинулась прочь, и от плавного покачивания ее бедер у Харлана закружилась голова и кровь хлынула к щекам.

Он разозлился на нее за то, что она смутила его, разозлился на себя за свое смущение, но более всего, по каким-то таинственным причинам, он разозлился на Финжи.

Финжи вызвал к себе Харлана в конце второй недели. По длине и сложности рисунка лежавшей на столе перфоленты Харлан догадался, что на этот раз речь пойдет не о получасовой прогулке во Время.

— Присаживайтесь, Харлан, и просмотрите, пожалуйста, свое задание, — сказал Финжи, — нет, не визуально. Воспользуйтесь дешифратором.

Слегка приподняв брови, Харлан с безразличным видом вставил ленту в щель аппарата. По мере того как она медленно вползала внутрь, на молочно-белом прямоугольнике экрана появлялись слова.

Где-то посередине Харлан вдруг резким движением выключил дешифратор и выдернул ленту с такой силой, что она разорвалась пополам.

— У меня есть запасной экземпляр, — спокойно произнес Финжи.

Но Харлан продолжал держать обрывки двумя пальцами вытянутой руки с таким видом, словно боялся, что они вот-вот взорвутся.

— Вычислитель Финжи, этого не может быть, здесь ка-

кая-то ошибка. Поселиться почти на неделю в доме этой женщины — нет, невозможно.

Финжи поджал губы.

— Этого требует Инструкция. Впрочем, если ваши отношения с мисс Ламб...

— Никаких отношений, — с жаром прервал его Харлан.

— Положим, дыма без огня не бывает. В создавшейся ситуации я даже готов в виде исключения объяснить вам некоторые аспекты стоящей перед нами проблемы.

Харлан сидел неподвижно, но мысли одна за другой вихрем проносились в его мозгу. Из одной только профессиональной гордости ему следовало отказаться от всяких объяснений. Наблюдатели (или Техники) делали свое дело, не задавая вопросов. В обычных обстоятельствах Вычислителю и в голову бы не пришло что-то объяснять.

Но сейчас обстоятельства были не совсем обычными. Харлан выразил недовольство присутствием так называемой «секретарши». Финжи боится, что он может донести на него.

«Бежит виновный, хоть погони нет», — со злорадным удовлетворением подумал Харлан, пытаясь припомнить, где он вычитал эту фразу.

Тактику Финжи было нетрудно разгадать. Поместив Харлана в дом этой женщины, он сможет в случае необходимости выдвинуть против него любые контробвинения и тем самым избавиться от опасного свидетеля.

Что ж, послушаем, под каким благовидным предлогом Финжи хочет заставить его провести неделю в доме Нойс. Харлан приготовился слушать, почти не скрывая своего презрения.

— Как вам известно, — начал Финжи, — многие Столетия знают о существовании Вечности. Они полагают, что мы занимаемся межвременной торговлей, и видят в этом нашу главную цель, что нам только на руку. Кроме того, ходят слухи, что мы должны предотвратить грозящую человечеству катастрофу. Разумеется, это не больше как суеверие, но поскольку оно более или менее соответствует истине, то неплохо, что оно существует. Многие поколения людей черпа-

ют в нем спокойствие и уверенность в своем будущем. Вам это понятно?

Харлан молча кивнул. «Неужели этот тип принимает меня за Ученика?» — подумал он.

— Существуют, однако, вещи, о которых Времянам ни в коем случае не следует знать. И в первую очередь — о том, как мы в случае необходимости изменяем Реальность. Потеря уверенности в завтрашнем дне привела бы к самым ужасным последствиям. Мы всегда стремились вычеркнуть из Реальности любую мелочь, которая могла бы заронить у Времян хотя бы смутное подозрение относительно нашей истинной деятельности.

Тем не менее в каждом Столетии то и дело зарождаются не такие опасные, но все же нежелательные поверья относительно Вечности. Как правило, они возникают среди правящих классов, то есть в той группе людей, которая чаще сталкивается с нами и одновременно оказывает наибольшее влияние на так называемое общественное мнение.

Финжи сделал паузу, словно ожидая реплики или вопроса, но Харлан упорно молчал.

— С тех пор как приблизительно год назад... м-м-м... биогод назад произошло Изменение Реальности 433-486, серийный номер Ф-2, — продолжал Финжи, — появились признаки возникновения подобного нежелательного для нас поверья. Я решил его уничтожить, рассчитал соответствующее Изменение и представил свои рекомендации Совету Времен. Однако Совет считает, что я исхожу из предпосылок, вероятность которых очень мала, и требует, чтобы мои исходные данные были бы подтверждены прямым Наблюдением. Я уже говорил вам, что Наблюдение связано с крайне щекотливыми обстоятельствами. По этой причине я попросил направить в мое распоряжение именно вас, и по этой же причине Вычислитель Твиссел согласился удовлетворить мою просьбу. Следующим моим шагом было найти аристократку, которая бы мечтала о работе в Вечности. Я сделал ее своей секретаршей и находился с ней в тесном контакте, чтобы выяснить, насколько она пригодна для наших целей...

«Вот уж воистину в «тесном контакте»!» — подумал Харлан, и снова его гнев был направлен не столько против Нойс, сколько против самого Финжи.

— По всем признакам она нам подходит. Сейчас она будет возвращена в ее Время. Поселившись в ее доме, вы сможете без труда изучить жизнь людей ее круга. Надеюсь, вы теперь понимаете, почему она находилась здесь и почему вам необходимо прожить несколько дней в ее доме?

— Уверяю вас, я все отлично понимаю, — не скрывая иронии, ответил Харлан.

— Значит, вы принимаете мое поручение?

Харлан вышел из кабинета в самом воинственном настроении. Финжи не удастся провести его. Еще неизвестно, кто кого оставит в дураках.

И, конечно, только предвкушение грядущего поединка и твердая решимость перехитрить Финжи были причиной того радостного возбуждения, которое охватило Харлана при мысли о предстоящей вылазке в 482-е.

Только это и ничто другое.

Глава 5

НОЙС

От тихого и безлюдного поместья Нойс Ламбент было рукой подать до одного из крупнейших городов Столетия. Харлан хорошо знал этот город, намного лучше, чем любой из его многочисленных обитателей. Работая Наблюдателем, он посетил в нем каждый квартал и каждое десятилетие.

Он знал город не только в Пространстве, но и во Времени. Он представлял его себе как единое целое, как живущий и развивающийся организм с его взлетами и падениями, радостями и печалями. Сейчас ему предстояло прожить в этом городе неделю — краткое мгновение в долгой жизни существа из бетона и стали.

В этот раз исследования Харлана были посвящены «периэйцам» — самым богатым и влиятельным гражданам города, которые заправляли в нем всеми делами, однако сами

предпочитали жить в своих загородных имениях — вдали от городского шума и суеты.

482-е было отнюдь не единственным Столетием с резкими контрастами бедности и богатства. Социологи объясняли это явление при помощи специального уравнения. Хотя Харлан и не владел Социальной математикой, ему было известно, что 482-е находится на самой грани допустимого. Социологи морщились, важно покачивали головами и жаловались, что если новые Изменения не улучшат положения дел, то потребуются самые «тщательные Наблюдения».

Хотя Вечные на словах ратовали за социальную справедливость, им казался привлекательным праздный и утонченный образ жизни привилегированного сословия, которое — в лучшую свою пору — покровительствовало искусствам и наукам и всегда обладало такими прекрасными и изысканными манерами. И пока загнивание культуры не становилось совершенно очевидным, Вечные предпочитали закрывать глаза на отклонения от равномерного распределения благ и занимались исправлением менее привлекательных периодов истории.

Незаметно для Харлана его отношение к 482-му Столетию сделалось более терпимым. Его прежние ночевки во Времени обычно проходили в гостиницах, расположенных в беднейших кварталах города, в трущобах, где приезжему было легко остаться незамеченным, где одним человеком больше или меньше — ровно ничего не значило и где присутствие Наблюдателя не грозило обрушить карточный домик Реальности. Однако порой и это было небезопасным, и тогда Харлану приходилось ночевать где-нибудь в поле под живой изгородью. У него даже вошло в привычку всегда держать на примете изгородь, реже других посещаемую по ночам фермерами, бродягами или бездомными собаками.

Но сейчас Харлан попал в обстановку утонченного комфорта, и он нежился в постели, сделанной из вещества, пропитанного силовым полем, — особый сплав вещества и энергии. Подобная штука была редкостью, хотя в длинной цепи Столетий она встречалась чаще, чем чистое силовое поле. Во всяком случае, постель была на редкость удобной —

недаром такую роскошь могли себе позволить только самые богатые люди, — она принимала форму тела, словно гипсовая отливка, и была твердой, пока лежишь неподвижно, но поддавалась при малейшем движении. «Да, недурно живут аристократы», — размышлял Харлан.

Уже засыпая, он вспомнил о Нойс.

Ему снилось, что он заседает в Совете Времен и, положив на стол скрещенные руки, глядит вниз на маленького, крохотного Финжи, а тот, дрожа от страха, выслушивает приговор, обрекающий его на вечное Наблюдение в одном из неизвестных Столетий где-то далеко-далеко в будущем. Харлан сурово читает беспощадный приговор, а справа от него сидит Нойс Ламбент. Вначале он ее не заметил, но теперь он все чаще и чаще искоса поглядывает на девушку, и в голосе его уже нет прежней уверенности.

Неужели ее никто не видит? Члены Совета смотрят куда-то вдаль, и только Твиссел улыбается Харлану, глядя сквозь Нойс, словно ее не существует.

Харлан приказывает ей уйти, но слова застывают у него на губах. Он хочет оттолкнуть ее, но руки наливаются свинцом, и он не в силах поднять их.

Финжи начинает смеяться... громче... громче...

...И вдруг он понимает, что это смеется Нойс.

Харлан открыл глаза и несколько секунд с ужасом глядел на девушку, прежде чем вспомнил, где он находится и как он сюда попал. Комната была залита ярким солнечным светом.

— Вам приснилось что-нибудь нехорошее? — спросила Нойс. — Вы громко стонали во сне и колотили по подушке.

Харлан промолчал.

— Ванна готова. И одежда тоже. Я принесла вам приглашение на сегодняшний вечер. Как странно снова вернуться к прежней жизни после такого долгого пребывания в Вечности!

Ее словоохотливость встревожила Харлана.

— Надеюсь, вы никому не сказали, кто я?

— Ну что вы, конечно нет.

Конечно нет! Финжи должен был позаботиться о такой мелочи и сделать ей внушение под наркозом. Но Вычисли-

тель мог посчитать меры предосторожности излишними. Ведь он находился в «тесном контакте» с нею.

Эта мысль была ему неприятна.

— Я прошу вас как можно реже беспокоить меня, — раздраженно проговорил он.

Нойс нерешительно посмотрела на него и вышла.

В мрачном расположении духа Харлан принял ванну и оделся. Предстоящий вечер не сулил ему особых развлечений. Ему придется избегать разговоров и держаться как можно неприметнее. Бульшую часть вечера он проведет, «подпирая стенку» в каком-нибудь дальнем углу. Но от его глаз и ушей не должны будут ускользнуть ни один жест, ни одно слово.

Обычно он не задумывался, какую цель преследуют его наблюдения. Еще на школьной скамье он усвоил, что Наблюдателю не полагается знать, зачем он послан и какие выводы будут сделаны из его донесений. Любые размышления приводят к предвзятым идеям; любое знание автоматически искажает видение мира, и никакие попытки сохранить объективность ему уже не помогут.

Но сейчас неведение раздражало и беспокоило. В глубине души Харлан был уверен, что наблюдать нечего и что Финжи в каких-то своих целях просто вертит им, словно куклой.

Свирепо посмотрев на свое объемное изображение, воссозданное отражателем на расстоянии вытянутой руки, он пришел к выводу, что яркие, тесно облегающие одежды делают его смешным.

Харлан уже заканчивал завтрак, принесенный ему роботом, когда в комнату ворвалась Нойс Ламбент.

— Техник Харлан, — воскликнула она, задыхаясь от быстрого бега, — сейчас июнь!

— Не называйте меня здесь так, — строго предупредил Харлан. — Ну и что с того, что сейчас июнь?

— Но ведь я поступила на работу... — она нерешительно замялась, — *туда* в феврале, а это было всего месяц назад.

Харлан сдвинул брови.

— Какой теперь год?

— О, год правильный.

— Вы уверены?

— Совершенно. А что, произошла ошибка?

У нее была раздражающая манера разговаривать, стоя почти вплотную к нему, а легкая шепелявость (свойственная, впрочем, всем ее современникам) делала ее речь похожей на лепет очень маленького и беспомощного ребенка.

Харлан решительно отстранился. Его не возьмешь кокетством.

— Никакой ошибки нет. Вас поместили в этот месяц, потому что так надо. Фактически вы все это время прожили здесь.

— Но как это может быть? — она испуганно посмотрела на него. — Я ничего не помню. Разве я раздваивалась?

Пожалуй, Харлану не следовало бы так раздражаться. Но как он мог объяснить ей существование микроизменений, вызываемых любым передвижением во Времени, которые меняли судьбу человека без существенных последствий для Столетия в целом. Даже Вечные порой путали микроизменения с Изменениями Реальности.

— Вечность знает, что делает. Не задавайте ненужных вопросов, — произнес он с такой важностью, словно сам был Старшим Вычислителем и лично решил, что июнь самый подходящий месяц в году и микроизменение, вызванное скачком через три месяца, не может развиться в Изменение.

— Но ведь я потеряла три месяца жизни, — не унималась Нойс.

Харлан вздохнул.

— Ваши передвижения во Времени не имеют никакого отношения к вашему биологическому возрасту.

— Так я потеряла или не потеряла?

— Что именно?

— Три месяца жизни.

— Клянусь Вечностью, женщина, я же вам ясно говорю, что вы не можете потерять ни секунды. Это невозможно! — Последние слова он почти прокричал.

Нойс испуганно отступила назад и вдруг захихикала:

— Ой, какое у вас смешное произношение! Особенно когда вы сердитесь.

Она вышла.

Харлан растерянно смотрел ей вслед. Почему смешное? Он говорит на языке пятидесятого тысячелетия не хуже любого Наблюдателя в их Секторе. Даже лучше.

Глупая девчонка!

Он вдруг обнаружил, что снова стоит у отражателя, глядя на свое изображение, а изображение, нахмурив брови, глядит на него. Разгладив морщины на лбу, он подумал: «Красивым меня не назовешь. Глаза маленькие, подбородок квадратный, уши торчат».

Никогда прежде он не задумывался над такими вещами, но сейчас ему неожиданно пришло в голову, что, наверно, приятно быть красивым.

Поздно ночью на свежую память Харлан дополнял записанные им разговоры своими заметками. Как всегда в таких случаях, он работал с молекулярным фонографом, изготовленным в 55-м Столетии. Это был маленький, не больше мизинца, ничем не примечательный цилиндрик, окрашенный в неброский темно-коричневый цвет. Его легко было спрятать в манжету, карман или подкладку, в зависимости от стиля одежды, или же привесить к поясу, пуговице или браслету.

Но где бы и как бы он ни был спрятан, имея его при себе, можно было записать свыше двадцати миллионов слов на каждом из трех его молекулярных уровней. Крохотные наушники и микрофон, соединенные с фонографом волновой связью, позволяли слушать и говорить одновременно.

Вслушиваясь в каждый звук, произнесенный за несколько часов «вечеринки», Харлан диктовал свои заметки, которые записывались на втором уровне. Здесь он описывал свои впечатления, давал пояснения и комментарии. Позднее он воспользуется этим же фонографом, чтобы на третьем уровне записать свое донесение в виде сжатой квинтэссенции фактов и комментариев.

Неожиданно в комнату вошла Нойс Ламбент. Харлан демонстративно снял микрофон и наушники, вставил их внутрь цилиндрика, вложил его в футляр и резко захлопнул крышку.

— За что вы так невзлюбили меня? Почему вы злитесь? — кокетливо спросила Нойс. Ее руки и плечи были обнажены; мягкий пенолон, окутывавший ее талию и длинные ноги, светился слабым мерцающим светом.

— Я совсем не злюсь. И вообще я не испытываю к вам никаких чувств.

В эту минуту он был совершенно искренен.

— Разве можно так поздно работать? Вы, наверно, устали?

— Я не могу работать, пока вы здесь, — брюзгливо ответил Харлан.

— У-у-у, злючка! За весь вечер вы даже слова мне не сказали.

— Я ни с кем не разговаривал. Меня сюда прислали не для болтовни. — Всем своим видом он показывал, что ждет ее ухода.

— Не сердитесь на меня. Лучше выпейте. Я следила за вами и видела, как вам понравился наш напиток. Но один бокал — это так мало. Особенно если вы хотите еще работать.

Из-за ее спины появился маленький робот с бокалом на подносе и плавно заскользил к Харлану.

За ужином Харлан ел умеренно, но перепробовал почти все блюда. Они были знакомы ему по прежним Наблюдениям, но раньше он всегда воздерживался от них, ограничиваясь дегустацией крохотных кусочков с исследовательской целью. С большой неохотой он вынужден был сознаться, что ему понравились эти кушанья, понравился пенистый светло-зеленый, чуть пахнущий мятой напиток (не алкогольный, действующий как-то иначе), который пользовался среди гостей большим успехом. Два биогода назад, до последнего Изменения Реальности, этого напитка не существовало.

Он взял бокал и поблагодарил Нойс кивком головы.

Интересно все-таки, почему Изменение Реальности, которое практически никак не сказалось на жизни Столетия,

принесло с собой новый напиток? Впрочем, что толку задавать подобные вопросы — ведь он не Вычислитель.

И кроме того, даже самые подробные вычисления никогда не смогут устранить все неопределенности, учесть все случайные эффекты. Иначе для чего нужны были бы Наблюдатели?

Он и Нойс были одни во всем доме. Вот уже два десятилетия, как роботы вытеснили живых слуг, и мода на них сохранится еще лет десять.

Конечно, с точки зрения Нойс и ее современников в том, что они остались вдвоем, не было ничего «непристойного»; женщина этой эпохи наслаждалась полной экономической независимостью и при желании могла стать матерью, не зная тягот беременности.

И все же Харлану было неловко.

Девушка лежала на софе, опершись на локоть. Узорное покрывало софы податливо прогибалось под ней, словно с жадностью обнимая ее тело. Ее прозрачные туфельки были сброшены, и под мягким пенолоном было видно, как она сгибает и разгибает пальцы ног, точно игривый котенок, выпускающий и прячущий свои коготки.

Она встряхнула головой, и ее черные волосы, уложенные в форме причудливой башенки, неожиданно освободились от того, что их удерживало, и заструились по ее обнаженным плечам, которые показались Харлану еще белее и очаровательнее.

— Сколько вам лет?

Голос ее звучал лениво и томно.

Отвечать на этот вопрос не следовало ни в коем случае.

Не ее это дело. Вежливо, но твердо он должен был сказать: «Позвольте мне продолжать мою работу». Вместо этого он вдруг услышал свое невнятное бормотание:

— Тридцать два.

Он имел в виду биогоды, разумеется.

— Я моложе вас. Мне двадцать семь. Как жаль, что скоро я буду выглядеть старше вас! Еще немного, и я стану старухой, а вы останетесь все таким же, как сейчас. Скажите, неу-

жели вам нравится ваш возраст? Почему бы вам не скинуть несколько лет?

— О чем это вы?

Харлан потер рукой лоб.

— Вы никогда не умрете, — тихо сказала она, — ведь вы Вечный.

Что это, вопрос или утверждение?

— Вы с ума сошли, — ответил он, — мы старимся и умираем, как все люди.

— Рассказывайте, — протянула они низким насмешливым голосом.

Как мелодично звучал в ее устах язык пятидесятого тысячелетия, всегда казавшийся Харлану грубым и неприятным! Впрочем, может быть, полный желудок и напоенный ароматом воздух притупили его слух?

— Вы можете побывать во всех Временах, вам доступны все места на Земле. Я так мечтала работать в Вечности. Сколько пришлось ждать, пока мне разрешили. Я все надеялась, что меня тоже сделают Вечной, и вдруг я узнала, что там одни лишь мужчины. Некоторые из них не хотели разговаривать со мной только потому, что я женщина. Вот вы, например, — вы даже не смотрели на меня.

— Мы все так заняты, — растерянно пробормотал Харлан, — у меня минуты свободной не было.

Он безуспешно пытался сопротивляться состоянию довольства и покоя, которое все сильнее овладевало им.

— А почему среди Вечных нет женщин?

Харлан не доверял себе настолько, чтобы ответить на этот вопрос. Да и что он мог сказать? Что члены Вечности подбирались очень тщательно и осторожно. Что они должны были удовлетворять по крайней мере двум условиям: во-первых, обладать необходимыми способностями и, во-вторых, их изъятие из Времени не должно было вредно отразиться на Реальности.

Реальность! Этого слова в разговорах с Времянами следовало избегать любой ценой. Комната медленно поплыла перед ним, и он прикрыл глаза, пытаясь остановить ее вращение.

Сколько блестящих кандидатур осталось нетронутыми во Времени только потому, что изъятие их означало бы, что кто-то не родится, не умрет, не женится, и последствия будут настолько ужасны, что Совет Времен никак не мог этого допустить.

Разве можно было посвятить ее в эти сокровеннейшие тайны Вечности? Конечно нет. Разве можно было рассказать ей, что женщины почти никогда не удовлетворяли поставленным условиям, потому что по каким-то недоступным его пониманию причинам — может быть, Вычислители и понимали их, но он — нет — изъятие женщины из Реальности влекло за собой в сотни раз худшие последствия, чем изъятие мужчины.

Мысли смешались в голове у Харлана; они разбегались, кружились и снова сплетались в странные, нелепые и чем-то забавные образы. Улыбающееся лицо Нойс было совсем близко. Ее голос доносился до него, как легкое дуновение ветерка:

— Ох уж эти мне Вечные! Все вы такие таинственные. Даже слово боитесь вымолвить. Сделай меня Вечной.

Ее слова сливались в его мозгу в одну неумолкающую музыкальную ноту.

Больше всего на свете ему хотелось сказать ей:

«Послушайте, красотка, Вечность не забава и не развлечение для скучающих особ. Мы работаем дни и ночи. Мы осуществляем величайшую миссию. Мы изучаем до малейших подробностей все Времена с основания Вечности и до последних дней рода человеческого и рассчитываем неосуществленные возможности, а число их бесконечно, но среди них нам надо отыскать самые лучшие, а затем мы ищем момент Времени, когда ничтожное действие превратит эту возможность в действительность, но и лучшая действительность не предел, и мы снова ищем новые возможности, и так без конца, с тех пор как в далеком Первобытном 24-м веке Виккор Маллансон открыл Темпоральное поле, после чего стало возможным основать Вечность в 27-м, таинственный Маллансон, который взялся неведомо откуда и практически

основал Вечность... и новые возможности... и так без конца... по кругу... вечно... снова и снова...»

Он потряс головой, но мысли по-прежнему неслись вихрем, их сочетания становились все причудливее и фантастичнее, вдруг безумная догадка ослепительной вспышкой взорвалась в его мозгу... и погасла.

Он пытался ухватиться за это мгновенье, как за соломинку, но ее унесло течением.

Мятный напиток?

Нойс была уже совсем рядом, так близко, что лицо ее казалось ему светящимся туманным облаком. Он чувствовал легкое прикосновение ее волос к своим щекам, теплоту ее дыхания. Он должен был отодвинуться, встать, уйти, но — странно, почти невероятно — ему не хотелось отодвигаться.

— Если бы я стала Вечной... — шептала она так тихо, что удары его сердца почти заглушали слова.

Ее влажные губы были слегка приоткрыты.

— Сделай меня Вечной!..

Он пытался понять смысл ее слов, но внезапно они потеряли для него всякое значение. Мир исчез в языках пламени.

Кто он? Эндрю Харлан или кто-то другой? Где он? Во сне? Наяву?

Все, что с ним произошло, вовсе не было таким отталкивающим и ужасным, как представлялось ему прежде. И это явилось для него пугающим и радостным откровением.

А потом она прильнула к нему, ласково и нежно улыбаясь одними глазами, а он, задыхаясь и дрожа от непривычного счастья, неумело гладил ее влажные черные волосы.

Все переменилось. Она уже не была для него прежней Нойс Ламбент, женщиной со своей отдельной, непонятной ему жизнью. Странным и неожиданным образом она сделалась частью его самого.

Случившееся не было предусмотрено Инструкцией, но Харлан не испытывал ни малейших угрызений совести. Только мысль о Финжи пробудила в нем сильное чувство. Он упивался своим торжеством!

В эту ночь Харлан долго не мог уснуть. Головокружение прошло, бездумная легкость постепенно рассеялась, но ощущение необычности происходящего никак не покидало его. В первый раз за всю свою сознательную жизнь он лежал в постели с женщиной.

Он слышал тихое дыхание Нойс; смутное мерцание стен и потолка позволяло различить рядом ее силуэт. Он мог бы даже коснуться ее тела — стоило только протянуть руку, — но он не смел пошевелиться, боясь разбудить ее.

Он с испугом подумал: а вдруг он сам и все, что было между ними, только сон, ее сон, и ему стало страшно, что она может проснуться и все исчезнет.

Что за странная мысль — словно она отбилась от фантастического хоровода, кружившегося недавно в его мозгу...

Эти безумные мысли, порожденные необузданной фантазией, лежащие за гранью рассудка, как они пришли ему в голову? Он попытался припомнить их — и не смог. И внезапно стремление вернуть эти мысли поглотило его без остатка, сделалось для него важнее всего на свете. Хотя он и не помнил никаких подробностей, им овладела твердая уверенность, что на какое-то мгновение ему открылось нечто очень важное.

Он не помнил, в чем заключалась его догадка, но его охватило то ощущение легкости, какое бывает у человека в полусне, когда мозг не скован логикой и внутреннему взору открываются недоступные наяву перспективы.

Даже мысли о спящей рядом с ним девушке отодвинулись на второй план.

«Если бы мне только удалось ухватиться за ниточку, — размышлял он, — я думал о Реальности и Вечности... да, и еще о Маллансоне и Купере...»

Он вдруг замер. Почему он вспомнил об Ученике? При чем тут Купер? Он не думал о нем тогда.

Но в таком случае почему эта мысль пришла ему в голову сейчас?

Харлан сдвинул брови. Что скрывается за всем этим? Что именно пытается он понять? Откуда в нем это непреодолимое стремление что-то вспомнить?

Он похолодел, потому что эти вопросы озарили все вокруг слабым отсветом недавней вспышки, и он уже почти вспомнил.

Он лежал, затаив дыхание, боясь спугнуть рождающуюся в нем мысль. Пусть она придет сама.

Пусть придет сама!

В тишине ночи, и без того уже ставшей самой важной и значительной в его жизни, к нему пришла невероятная догадка, которую в другой, менее безумный миг он отбросил бы без всяких колебаний.

Он дал этой мысли расцвести и созреть, пока она не объяснила ему сотни странных и непонятных вещей, которые иначе оставались просто странными и непонятными.

После возвращения в Вечность ему придется еще многое расследовать и проверить, но в глубине души он был уже совершенно убежден, что разгадал страшную тайну, которую ему никак не полагалось знать.

Тайну, от которой зависело существование Вечности.

Глава 6

РАСЧЕТЧИК

С этой памятной для Харлана ночи прошел биомесяц. Но сейчас по обычному счету Времени его отделяли от нее почти двести тысяч лет. Он находился в Секторе 2456-го Столетия, пытаясь с помощью лести, уговоров и неприкрытого шантажа выведать участь, уготованную Нойс Ламбент в новой Реальности.

Его поведение было грубейший нарушением профессиональной этики, хуже того, оно граничило с преступлением. Харлана это не трогало. В своих собственных глазах он давно уже стал преступником. Было бы просто глупо скрывать от себя этот очевидный факт. Новое преступление уже ничего не меняло, зато в случае удачи он выигрывал многое.

И вот в результате всех этих жульнических махинаций (ему даже в голову не пришло подыскать более мягкое выра-

жение) он стоял у выхода из Вечности перед незримой завесой Темпорального поля, отделявшей его от 2456-го. Выйти из Вечности в обычное Время было неизмеримо сложнее, чем пройти через ту же завесу в Колодец Времени. Необходимо было с очень высокой точностью установить на шкалах приборов координаты соответствующей точки земной поверхности и требуемого момента времени. Но, несмотря на огромное внутреннее напряжение, Харлан работал с легкостью и уверенностью, говорящими о большом опыте и природном таланте.

Он оказался в машинном зале космолета. Совсем недавно он вместе с Социологом изучал этот зал на экране Хроноскопа. Вой, конечно, сидит сейчас у этого же экрана, наблюдая в полной безопасности, как Техник совершает свой Акт Воздействий.

Харлан не спешил. Зал будет пуст 156 минут. Правда, его пространственно-хронологическая Инструкция разрешала ему использовать только 110 минут, оставшиеся 46 минут представляли собой обычный сорокапроцентный «запас». «Запас» давался на случай крайней необходимости, но пользоваться им не рекомендовалось.

«Пожиратели запасов» недолго оставались Специалистами.

Впрочем, Харлан собирался пробыть во Времени не более двух минут. Наручный генератор Поля окружал его облаком Биовремени — образно выражаясь, эманацией Вечности — и защищал от любых последствий Изменения Реальности. Сделав шаг вперед, Харлан снял с полки маленький ящичек и переставил его на заранее выбранное место на нижней полке.

Вернуться после этого в Вечность было для него таким же обыденным делом, как войти в комнату через дверь. Постороннему зрителю в этот момент показалось бы, что Харлан попросту исчез.

Маленький ящичек лежал теперь на новом месте. Ничто не выдавало его роли в судьбах мира. Несколько часов спустя капитан космолета протянет за ним руку и не найдет его. Полчаса уйдут на розыски, а тем временем сломается двигатель, и капитан потеряет самообладание. В порыве гнева он решится на поступок, от которого воздержался в предшествующей Реальности. В результате важная встреча не состоится; человек, который должен был умереть, проживет годом дольше; другой же, наоборот, умрет несколько раньше.

Эти Возмущения, словно круги на воде, будут распространяться все шире и шире, пока не достигнут максимума в 2481-м Столетии, через двадцать пять веков после Акта Техника. Затем интенсивность Изменения пойдет на убыль. Теоретически оно никогда не станет равным нулю, даже через миллионы лет, но уже через пятьдесят Столетий его нельзя будет обнаружить никакими Наблюдениями. С практической точки зрения этот срок можно считать верхней границей.

Разумеется, Времяне даже не подозревали о случившемся. Изменения затрагивали не только материальные объекты, но и мозг человека, его память, и только Вечные взирали со стороны на происходящие перемены.

Социолог Вой не отрываясь глядел на голубой экран, где еще недавно была видна кипучая, суетливая жизнь космического порта. Даже не повернув к Харлану головы, он пробормотал несколько слов, которые при большом желании можно было принять за приветствие.

На экране произошли разительные перемены. Исчезли блеск и величие; жалкие развалины ничем не напоминали прежних грандиозных сооружений. От космолетов остались только ржавые обломки. Людей нигде не было видно.

Харлан позволил себе на мгновение улыбнуться одними уголками губ. Да, это действительно была МОР — Максимальная ожидаемая реакция. Все совершилось сразу. Вообще говоря, Изменение не обязательно происходило немедленно вслед за Актом Воздействия. Если соответствующие расчеты проводились небрежно или слишком приближенно, приходилось ждать (по биологическому времени) часы, дни, иногда недели. Только после того как были исчерпаны все степени свободы, возникала новая Реальность; пока остава-

лась хотя бы ничтожная вероятность взаимоисключающих действий, Изменения не было.

Собственное мастерство служило для Харлана неиссякаемым источником гордости и тщеславия: если он сам выбирал МНВ и своей рукой совершал Акт Воздействия, то степени свободы исчерпывались сразу, и Изменение наступало незамедлительно.

— Как они были прекрасны! — грустно произнес Вой.

Эта фраза больно кольнула Харлана; ему показалось, что она умаляет красоту и совершенство его работы.

— А по мне, хоть бы их и вовсе не было!

— Да?

— А что в них толку? Увлечение космосом никогда не длится больше тысячи, ну, двух тысяч лет. Затем оно приедается. Люди возвращаются на Землю; колонии на других планетах чахнут и вымирают. Проходит четыре-пять тысячелетий, и все начинается сначала, чтобы вновь прийти к бесславному концу. Бесполезная, никому не нужная трата средств и сил.

— А вы, оказывается, философ, — сухо сказал Вой.

Харлан почувствовал, что краснеет. Все они хороши! Бессмысленно даже разговаривать с ними, подумал он и сердито буркнул, меняя тему разговора:

— Что слышно у Расчетчика?

— А именно?

— Не пора ли поинтересоваться, как у него идут дела? Может быть, он уже получил ответ?

Социолог неодобрительно поморщился, как бы осуждая подобную нетерпеливость. Вслух он сказал:

— Пройдемте к нему. Я провожу вас.

Табличка на дверях кабинета возвещала, что Расчетчика зовут Нерон Фарук. Это имя поразило Харлана своим сходством с именами двух правителей, царствовавших в районе Средиземного моря в Первобытную Эпоху (еженедельные занятия с Купером сильно углубили его познания в Первобытной истории).

Однако, насколько Харлан мог судить, Расчетчик не был похож ни на одного из этих правителей. Он был худ, как скелет; нос с высокой горбинкой туго обтянут кожей. Нажимая легкими движениями длинных узловатых пальцев на клавиши Анализатора, он напоминал Смерть, взвешивающую на своих весах людскую судьбу.

Харлан почувствовал, что он не в силах взгляда оторвать от Анализатора. Эта машинка была сердцем Расчета Судьбы, а также его плотью, кровью, мышцами и всем прочим. Стоит только ввести в нее матрицу Изменения Реальности и необходимые данные человеческой биографии, нажать вот эту кнопку, и она захихикает в бесстыдном веселье, а затем через минуту или через день выплюнет из себя длинную ленту с описанием поступков человека в новой Реальности, аккуратно снабдив каждый поступок ярлычком его вероятности.

Вой представил Харлана. Фарук, не скрывая отвращения, взглянул на эмблему Техника и ограничился сухим кивком головы.

— Ну как, уже рассчитали судьбу этой молодой особы? — небрежно спросил Харлан.

— Еще нет. Как только кончу, я пошлю вам специальное извещение.

Фарук был одним из тех, у кого неприязнь к Техникам выливалась в открытую грубость.

— Спокойнее, Расчетчик, — укоризненно проговорил Вой.

У Фарука были белесые ресницы и бесцветные брови, отчего лицо его напоминало череп. Сверкнув глазами на Харлана — казалось, они поворачиваются в пустых глазницах, — он проворчал:

— Загубили уже электрогравитацию?

— Вычеркнули из Реальности, — кивнул Вой.

Беззвучно, одними губами Фарук произнес несколько слов. Скрестив руки на груди, Харлан в упор посмотрел на Расчетчика. Тот смущенно поерзал на стуле и в замешательстве отвернулся. «Понимает, что и сам не без греха», — злорадно подумал Харлан.

— Послушайте, — обратился Фарук к Социологу, — раз

уж вы здесь, объясните, что мне делать с этим ворохом запросов на противораковую сыворотку? Сыворотка есть не только в нашем Столетии. Почему все запросы адресуют только нам?

— Другие Столетия загружены не меньше. Вы это прекрасно знаете.

— Так пусть, Время их побери, вообще прекратят присылать запросы!

— Интересно, как мы можем их заставить?

— Легче легкого. Пусть Совет Времен перестанет с ними цацкаться.

— Я не командую в Совете.

— Зато вы вертите стариком.

Харлан машинально, без особого интереса прислушивался к разговору. По крайней мере это отвлекало его от «хихиканья» Анализатора. Он знал, что под стариком подразумевался Вычислитель, стоявший во главе Сектора.

— Я уже разговаривал со стариком, — ответил Вой, — и он запросил Совет.

— Чушь! Он послал по инстанциям обычную докладную записку. Ему надо было проявить твердость. Давно пора коренным образом изменить нашу политику в этом вопросе.

— Совет Времен в наши дни не склонен рассматривать какие-либо изменения в политике. Вы ведь знаете, какие ходят слухи.

— Еще бы! Они, мол, заняты важнейшим делом. Каждый раз, как только они начинают тянуть волынку, возникает слух, что они заняты важнейшим делом.

Будь Харлан настроен иначе, он, пожалуй, не смог бы удержаться от улыбки.

Фарук погрузился на несколько секунд в мрачное раздумье и вдруг взорвался:

— Разрази меня Время! Когда эти олухи поймут, что сыворотка от рака — это не саженцы и не волновые двигатели? Мы все знаем, что даже щепка может отрицательно повлиять на Реальность, но ведь от сыворотки зависит человеческая жизнь, и тут все в сотни раз сложнее и запутаннее.

Нет, вы только подумайте, сколько людей ежегодно умирает от рака в тех Столетиях, которые не имеют своей противораковой сыворотки. Умирать, разумеется, никому не хочется. И вот земные правительства из каждого Столетия бомбардируют Вечность запросами: «Помогите, просим, умоляем, срочно вышлите семьдесят пять тысяч ампул для спасения жизни людей, чья смерть явится невосполнимой потерей для науки, искусства, культуры, анкетные данные и биография прилагаются».

Вой торопливо и умиротворяюще кивал головой, но Фарук еще не излил накопившуюся в нем горечь.

— Читаешь эти биографии, и каждый человек — герой. Каждый совершенно незаменим. Делать нечего, садишься считать. Сначала считаешь, что будет с Реальностью, если они выживут поодиночке, затем — что произойдет, если они — Время их побери! — выживут *в различных сочетаниях*.

За прошлый месяц я рассчитал 572 запроса. В семнадцати случаях — вы обратите внимание, всего в семнадцати — отрицательные эффекты отсутствовали. Заметьте, что не было ни одного случая, который повлек бы за собой благоприятное Изменение Реальности, но Совет постановил, что и в нейтральных случаях следует давать сыворотку. Они, видите ли, гуманисты! И вот за месяц семнадцать человек из разных Столетий спасены от смерти.

А что дальше? Разве Столетия стали хоть капельку счастливее? Чепуха! Излечили одного, а десятку, сотне в то же самое Время, в той же стране дали умереть. И всех, конечно, интересует: а почему именно он? Может быть, сотни умерших были славными ребятами, которых все любили и уважали, а единственный спасенный нами счастливчик занят только тем, что избивает свою престарелую мать, а в немногие свободные минуты колотит своих детей. Ведь Времяне не подозревают об Изменениях Реальности, и мы не можем даже намекнуть им.

Помяните мои слова, Вой, мы сами накличем на себя беду, если Совет Времен не примет решения давать сыворотку только в случае желательного Изменения Реальности. Наша единственная цель — улучшать Реальность. Либо излечение

этих людей ведет к этой цели, либо нет. Вот и все. И не надо болтать ерунду насчет того, что, дескать, «хуже не будет»...

Социолог, слушавший его со страдальческим выражением лица, попробовал возразить:

— Но представьте себе, Фарук, что это вы умираете от рака...

— Не стройте из себя дурачка, Вой. Разве мы можем позволить, чтобы сентиментальная жалость влияла на наши решения? Да мы никогда не произвели бы ни одного Изменения Реальности. Ведь всегда найдется бедолага, которому не повезет. Представьте себя на его месте, а? И подумайте заодно вот над чем. Всякий раз, когда мы совершаем Изменение, все труднее и труднее становится найти следующее, которое было бы благоприятным. С каждым биогодом возрастают шансы, что случайное Изменение приведет к скверным последствиям. Следовательно, и число исцелений будет уменьшаться. Оно уже уменьшается. Скоро у нас будет не больше одного исцеления за биогод, даже с учетом нейтральных случаев. Не забывайте об этом.

Харлану наскучил этот разговор. Подобный «загиб» был своего рода профессиональным заболеванием. Психологи и Социологи в своих редких работах, посвященных Вечности, называли его «отождествлением». Люди отождествляли себя со Столетием, в котором они работали. И заботы века то и дело становились их собственными заботами.

Вечность прилагала титанические усилия для изгнания беса отождествления. Никто не имел права работать или находиться ближе двух Столетий к Времени своего рождения. При назначении на работу предпочтение отдавалось Столетиям, уклад жизни которых как можно больше отличался от привычного с детства. (Харлану невольно вспомнился Финжи, работающий в 482-м.) Более того, при первых же подозрительных признаках Вечного немедленно переводили в другой Сектор. Харлан не дал бы и ломаного гроша за то, что Фарук удержится на своем месте больше одного биогода.

И все же люди упорно стремились найти свое место во Времени, обрести в нем себе новую «родину». Одержимость Временем — кто не слышал о ней? По каким-то необъясни-

мым причинам эпохи космических полетов вызывали к себе особенно сильную привязанность. Давно уже следовало бы изучить причины этого, не страдай Вечность хронической боязнью оглянуться на самое себя.

Еще месяц назад Харлан презрительно обозвал бы Фарука тряпкой и сентиментальным идиотом, распускающим нюни из-за утраты электрогравитации и отводящим душу в наивных выпадах против Столетий, не умеющих лечить рак.

Он мог бы даже сообщить о нем куда следует. Более того, долг Вечного обязывал его сделать это немедленно. Ясно как день, что на этого человека уже нельзя полагаться.

Но поступить так сейчас он уже не мог. Ему даже стало жаль Расчетчика. Его собственные преступления были куда ужаснее. И снова — в который раз — мысли его по проторенной дорожке вернулись к Нойс.

В ту ночь ему удалось заснуть только под утро. Проснулся он поздно. Сквозь полупрозрачные стены пробивался рассеянный дневной свет, и Харлану показалось, что он лежит на облаке, плывущем по туманному утреннему небу.

Нойс, смеясь, тормошила его:

— Вставай, соня, я уже устала тебя будить.

Судорожным движением Харлан попытался натянуть на себя простыню или одеяло, но их не оказалось. Затем он вспомнил все, что произошло, и жгучая краска стыда залила ему щеки. Что ему теперь делать?

Но тут новая мысль мгновенно отодвинула все эти переживания на второй план. Рывком он спустил ноги на пол.

— Разрази меня Время! Я проспал? Уже больше двух?

— Успокойся, еще и одиннадцати нет. Завтрак ждет тебя.

— Спасибо, — пробормотал он.

— Иди умываться. Я согрела тебе воду в бассейне и приготовила костюм на сегодня.

— Спасибо, — снова пробормотал он.

Он завтракал, не поднимая глаз. Нойс сидела напротив, опершись локтем на столик и положив подбородок на ладонь. Ее черные волосы были зачесаны на одну сторону, рес-

ницы казались неестественно длинными. Она ничего не ела, только следила за каждым его движением.

— Куда ты идешь в два часа?

— На аэробол, — промямлил он, — мне удалось достать билет.

— Ах да, сегодня ведь финальный матч. Подумать только, что из-за этого скачка во Времени я пропустила целый сезон. Эндрю, милый, а кто выиграет сегодня?

Это «Эндрю, милый» окончательно привело его в замешательство; он почувствовал, как по всему его телу разливается непонятная слабость. Отрицательно качнув головой, он попытался придать своему лицу суровое, неприступное выражение. Еще вчера ему это отлично удавалось.

— Но как ты можешь не знать? Ведь ты изучил весь наш период.

Ему следовало бы сохранить холодный тон, но у него не хватило духу.

— Столько событий происходит в разное время в разных местах. Разве я могу запомнить такую мелочь, как счет матча?

— У-у-у, противный! Конечно, помнишь — просто сказать не хочешь.

Вместо ответа Харлан подцепил золотой вилочкой маленький сочный плод и отправил его целиком в рот.

Немного помолчав, Нойс заговорила снова:

— А нас ты видел?

— Не расспрашивай меня, Н-нойс. — Ему стоило большого труда назвать ее по имени.

Голос ее звучал тихо и нежно:

— Разве ты не видел нас? Разве ты не знал с самого начала, что мы...

— Нет, нет, я не могу увидеть себя, — заикаясь, прервал ее Харлан, — ведь я не принадлежу к Реаль... меня не было здесь до моего появления. Я не могу тебе этого объяснить.

От смущения и замешательства ему стало совсем не по себе. Какое бесстыдство — спокойно говорить о таких вещах! И он тоже хорош: чуть было не попался в ловушку и не ляпнул слова «Реальность» — самого запретного из всех слов при разговорах с Времянами.

Она слегка подняла брови, отчего ее глаза стали совсем круглыми: в них засветилось лукавое изумление.

— Тебе что, стыдно?

— Нам не следовало бы так поступать.

— Почему? — С точки зрения 482-го Столетия ее вопрос был совершенно невинным. — Разве Вечным нельзя?

В ее голосе послышалась насмешливая издевка, словно она спрашивала, разрешают ли Вечным есть.

— Не называй меня Вечным, — остановил ее Харлан. — А если тебя это интересует: как правило — нет.

— Ну что ж, тогда ты не говори им. И я не скажу.

Встав, она плавным движением бедер оттолкнула с дороги стоявший между ними столик и присела к нему на колени.

Харлан на мгновенье оцепенел с протянутыми вперед руками, безуспешно пытаясь остановить ее. Нагнувшись, она поцеловала его в губы, и от этого поцелуя стыд и замешательство растаяли без следа.

Незаметно для себя Харлан занялся тем, чего профессиональная этика Наблюдателя не допускала ни в коем случае, — он стал задумываться над проблемами существующей Реальности и характером предстоящего Изменения.

Это Изменение не должно было коснуться ни распущенных нравов, ни искусственного выращивания плода, ни господства женщин во всех областях жизни. Все это было и в предшествовавших Реальностях, и Совет Времен с неизменным благодушием взирал на подобные вещи. Финжи сказал, что Изменение будет малым, почти неуловимым.

Одно было ясно: Изменение коснется группы людей, находившихся под его Наблюдением. Оно затронет привилегированные классы, аристократию, богачей, сливки общества. Больше всего его тревожило, что Изменение почти наверняка затронет Нойс.

С каждым пролетавшим днем его мысли становились все мрачнее, отравляя ему даже радость от встреч с Нойс.

— Что стряслось с тобой? — беспокойно спрашивала она. — Первые дни ты был совсем не таким, как в Веч... как в

том месте. Тебя ничто не угнетало. А сейчас у тебя снова такой озабоченный вид. Это потому, что тебе надо возвращаться обратно?

— И поэтому тоже, — ответил Харлан.

— А тебе обязательно надо вернуться?

— Да.

— А что случится, если ты опоздаешь?

Харлан чуть было не улыбнулся.

— Им бы не понравилось мое опоздание, — сказал он и с тоской подумал о двух запасных днях, предусмотренных Инструкцией.

Нойс включила маленький музыкальный инструмент. Сложное математическое устройство выбирало из случайных комбинаций звуков приятные сочетания, ласкавшие слух. Импровизированные мелодии повторялись не чаще, чем узоры снежинок, и были не менее изысканными и прекрасными.

Завороженный звуками музыки, Харлан не сводил с Нойс глаз: все его мысли вились вокруг нее. Кем станет она в новом своем воплощении? Торговкой рыбой? Фабричной работницей? Толстой и уродливой, вечно хворой матерью шестерых детей? Кем бы она ни стала, она забудет Харлана. В новой Реальности он уже не будет частью ее жизни. И кем бы она ни стала, она уже никогда не будет прежней Нойс.

Он не был просто влюблен — мало ли в кого можно влюбиться! Он любил Нойс. (Странно: впервые в жизни он мысленно произнес это слово и нисколько не удивился.) Он любил в ней все: ее манеру одеваться, ходить, разговаривать, даже ее кокетливые ужимки. Двадцать семь лет, прожитые ею в этой Реальности, весь ее жизненный опыт понадобились, чтобы она стала именно такой. В предыдущей Реальности в прошлом биогоду она не была его Нойс. В следующей Реальности она тоже не будет ею.

Может быть, новая Нойс будет лучше во всех отношениях, но Харлан, еще не успев разобраться в своих чувствах, уже совершенно точно знал одно: ему нужна вот эта Нойс; та самая Нойс, что сидит сейчас напротив него. Если у нее есть недостатки, она нужна ему вместе с ними.

Что ему делать?

Разные планы приходили ему в голову, но все они были противозаконными. В первую очередь необходимо было выяснить характер Изменения, узнать, как оно повлияет на Нойс. В конце концов, никогда нельзя знать заранее...

* * *

Гнетущая тишина пробудила Харлана от воспоминаний. Он снова был в кабинете Расчетчика. Вой искоса поглядывал на него. Рядом с креслом Харлана стоял Фарук, склонив над ним свою голову мертвеца.

В наступившей тишине было что-то зловещее. Всего мгновение потребовалось Харлану, чтобы понять, в чем дело. Анализатор молчал.

Харлан вскочил.

— Получили ответ, Расчетчик?

Фарук взглянул на пленки, зажатые в его руке.

— Да, конечно, только вот немного странный.

— Покажите. — Протянутая рука Харлана заметно дрожала.

— В том-то и дело, что нечего показывать. — Голос Фарука доносился откуда-то издалека. — В новой Реальности ваша дамочка не существует. Нет ее, фу-фу, испарилась! Никаких сдвигов личности, ничего. Я просчитал все переменные вплоть до значения вероятности в одну стотысячную, ее нигде нет.

Больше того, — он задумчиво потер подбородок своими длинными сухими пальцами, — при той комбинации фактов, которые вы мне дали, я не совсем понимаю, как она могла существовать в предыдущей Реальности.

Харлан еле слышал его, комната медленно поплыла перед глазами.

— Но ведь Изменение так незначительно.

— Знаю. Просто странное стечение обстоятельств. Так вы возьмете пленки?

Харлан даже не заметил, как он взял их. Нойс исчезнет? Ее не будет в новой Реальности? Неужели это возможно?

Он почувствовал чью-то руку на своем плече, в ушах прозвучал голос Социолога:

— Что с вами, Харлан? Вам нездоровится?

Рука отдернулась, словно пожалев о своем неосмотрительном контакте с телом Техника.

Харлан проглотил слюну и усилием воли придал лицу спокойное выражение.

— Со мной все в порядке. Будьте добры проводить меня к капсуле.

Нельзя проявлять свои чувства так открыто. Его долг вести себя так, словно эти исследования и в самом деле представляют для него чисто академический интерес. Любой ценой он должен скрыть огромную, непереносимую радость, захлестнувшую его при мысли о том, что Нойс не существует в новой Реальности.

Глава 7

ПРЕЛЮДИЯ К ПРЕСТУПЛЕНИЮ

Войдя в капсулу, Харлан бросил быстрый взгляд через плечо. Ему хотелось убедиться в непроницаемости завесы Темпорального поля, отделяющего Колодец Времени от Вечности. Он боялся, что Социолог Вой может подглядывать за ним. В последние недели он то и дело оглядывался, не прячется ли кто-нибудь у него за спиной, — это движение стало уже привычным, чуть ли не рефлекторным.

Затем, вместо того чтобы вернуться в 575-е, он снова послал капсулу в будущее. Сидя на диванчике, он смотрел на Счетчик Столетий, показания которого сменяли друг друга с такой быстротой, что трудно было разобрать отдельные цифры. Хотя капсула двигалась почти с предельной скоростью, путешествие должно было занять несколько биочасов.

Времени на размышления было хоть отбавляй.

Как все изменилось после неожиданного открытия Расчетчика! Даже характер его преступления стал совсем другим.

Нити паутины сходились все ближе к Финжи. Эта фраза с дурацкой внутренней рифмой привязалась к нему и зажужжала в его мозгу, словно крупная осенняя муха, бьющаяся о стекло: все ближе к Финжи... все ближе к Финжи...

Вернувшись в Вечность после дней, проведенных с Нойс в 482-м, Харлан постарался избежать немедленной встречи с Финжи. Не успели Врата Времени захлопнуться за ним, как угрызения совести начали терзать его с новой силой. Нарушение клятвы, казавшееся в 482-м безделицей, в стенах Вечности представлялось тяжким преступлением.

Послав донесение по безличной пневматической почте, он заперся в своей комнате. Ему нужно было выиграть время, чтобы осмыслить происшедшее и прийти в себя.

Но Финжи не оставил его в покое. Не прошло и часа после отправки донесения, как он вызвал Харлана по видеофону. Пухлая физиономия Вычислителя строго глядела с экрана.

— Я рассчитывал застать вас в вашем кабинете.

— Вы получили мой отчет, сэр, — возразил Харлан. — Не все ли равно, где я буду дожидаться нового назначения.

— Вы так думаете? — Финжи скосил глазки на пучок лент, зажатых в его руке, поднес их ближе к лицу и, прищурясь, стал вглядываться в сложный узор перфорации. — Едва ли можно считать отчет полным. Вы разрешите мне зайти к вам?

Харлан заколебался. Но Финжи был пока еще его начальником, и хотя он бесцеремонно напрашивался в гости, отказ мог смахивать на неповиновение. Более того, этот отказ явился бы замаскированным признанием вины, чего больная совесть Харлана никак не могла допустить.

— Буду рад видеть вас, Вычислитель, — произнес он сдавленным голосом.

Среди аскетической, почти убогой обстановки квартиры Харлана округлые телеса Финжи казались чуждым эпикурейским элементом. Родной век Харлана тяготел к спартанскому стилю, и Харлан на всю жизнь сохранил вкус к про-

стоте. Несколько стульев из гнутых металлических трубок с сиденьем из пластика, которому искусственно, но не слишком искусно была придана фактура дерева. В углу стоял предмет, вид которого никак не вязался с принятым в Секторе стилем.

Глазки Финжи так и впились в него. Вычислитель провел толстеньким пальчиком по его поверхности, как бы проверяя, из чего она сделана.

— Что это за материал?

— Дерево, сэр.

— *Не может быть! Настоящее дерево? Просто поразительно!* Вероятно, им пользуются в вашем родном Столетии?

— Да, сэр.

— Понимаю. Впрочем, правилами это не запрещается. — Он потер палец, которым касался дерева, о ткань одежды. — Но все равно подобное тяготение к родной культуре представляется мне неуместным. Истинный Вечный приспосабливается к любой обстановке, в которую он попадает. Взять, к примеру, меня. За последние пять лет мне не довелось и двух раз поесть из энергетической посуды. — Он вздохнул. — А если бы вы знали, как противно есть пищу, соприкасавшуюся с веществом. Но я не сдаюсь, Техник, я не сдаюсь.

Он снова посмотрел на деревянный предмет и, спрятав руки за спину, спросил:

— Что это такое?

— Книжные полки, — ответил Харлан.

У него появилось сильное искушение спросить у Финжи, не противно ли ему, что его руки прикасаются сейчас к веществу его собственного зада, не хочется ли ему заменить одежду и некоторые части тела чистым и благородным силовым полем?

— Книжные полки? — Финжи удивленно поднял брови. — Тогда вот эти штучки на них — книги?

— Совершенно верно, сэр.

— Подлинные экземпляры?

— Только подлинные, Вычислитель. Я собирал их в 24-м. Вот эти, например, изданы в 20-м Столетии. Только, пожалуйста, будьте осторожны, если вы захотите на них взглянуть. Хотя они были восстановлены и пропитаны специальным составом, их страницы очень ломки. С ними нужно очень аккуратно обращаться.

— Я не собираюсь к ним даже притрагиваться. Подумать только, что на них сохранилась подлинная пыль Первобытных веков. — Он фыркнул. — Настоящие книги, чудовищно! Со страницами из целлюлозы — вы ведь не станете этого отрицать?

— Да, целлюлоза, пропитанная для долговечности особым составом. — Харлан глубоко вздохнул, стараясь сохранить спокойствие. Было бы нелепо отождествлять себя с этими книгами, воспринимать насмешку над ними как издевку над собой.

— А ведь, пожалуй, — продолжал Финжи, упорно не желая сменить тему разговора, — все содержание этих книг может быть переснято на два метра пленки и уместиться на кончике пальца. О чем они, эти книги?

— Это переплетенные тома одного журнала, выходившего в 20-м Столетии.

— *Вы умеете читать Первобытные книги?*

— Здесь всего лишь несколько томов из моей полной коллекции, — с гордостью ответил Харлан. — Ни одна библиотека в Вечности не может соперничать с ней.

— Да, да. Припоминаю — ваше хобби. Помню, вы как-то рассказывали мне о своем увлечении Первобытной историей. Удивляюсь, как только ваш Наставник позволил вам интересоваться подобной чепухой. Совершенно бессмысленная трата энергии.

Харлан сжал губы. Он понял, что Финжи намеренно пытается вывести его из себя, лишить его способности хладнокровно рассуждать. Этого нельзя было допустить.

— Вы пришли поговорить со мной о моем отчете? — сухо заметил он.

— Вот именно. — Вычислитель огляделся, выбрал стул и осторожно уселся на нем. — Как я уже сказал вам — ваш отчет далеко не полон.

— В каком отношении, сэр?

Спокойствие! Спокойствие!

Финжи криво усмехнулся:

— Мне нужно знать все, о чем вы умолчали, Харлан.

— Ни о чем, сэр. — Хотя он произнес эти слова твердым голосом, вид у него был виноватый.

— Бросьте, Техник! Вы ведь провели значительное время в обществе молодой девицы. Во всяком случае, обязаны были провести по Инструкции. Надеюсь, вы не осмелились нарушить Инструкцию?

Муки совести довели Харлана до такого состояния, что его уже не задело даже открытое сомнение в его профессиональной честности.

— Я следовал Инструкции, — с трудом выговорил он.

— И что же? Вы не включили в отчет ни слова из разговоров с этой женщиной!

— Они не представляют особого интереса, сэр. — Губы Харлана пересохли.

— Не будьте смешным, Харлан. В ваши годы и с вашим опытом вам бы уже следовало знать, что никого не интересует мнение Наблюдателя.

Финжи не сводил с Харлана глаз. Его пристальный нетерпеливый взгляд никак не соответствовал мягкому тону его слов.

Харлан великолепно все замечал, и ласковая манера Финжи отнюдь не ввела его в заблуждение, но привычное чувство долга взяло верх. Обязанностью Наблюдателя было сообщать абсолютно все, не умалчивая никаких подробностей. Наблюдатель не был человеком; он был просто щупальцем, закинутым Вечностью в воды Времени, щупальцем, которое осязало окружающий мир и затем втягивалось обратно.

Словно отвечая затверженный урок, Харлан начал рассказ о событиях, не включенных им в донесение. Тренированная память Наблюдателя помогала ему слово в слово повторять разговоры, воспроизводя интонацию и выражения лиц. Рассказывая, он словно заново все переживал и совсем упустил из виду, что настойчивый допрос Финжи и болезненное чувство долга загнали его в ловушку. Но когда повествование подошло к кульминационному пункту, он запнулся, не в силах больше скрывать свои чувства под маской бездушной объективности Наблюдателя.

Финжи избавил его от дальнейших подробностей, неожиданно подняв руку и проговорив насмешливым, колючим голосом:

— Благодарю вас. С меня довольно. Вы собирались рассказать, как вы переспали с этой женщиной.

Харланом овладел гнев. Слова Финжи буквально соответствовали истине, но тон, которым они были сказаны, делал все происшедшее грубым, непристойным и, хуже того, просто пошлым. А в его близости с Нойс не было ничего пошлого.

Однако у Харлана было заранее заготовлено объяснение странному поведению Финжи, его беспокойным расспросам и неожиданному отказу дослушать донесение до конца: Финжи ревновал! У него были свои виды на Нойс, да не вышло.

Гнев перешел в торжество. Как сладок вкус мести! Впервые в жизни Харлана появилось что-то более важное, чем беззаветное служение идеалам Вечности. Финжи придется ревновать и впредь, потому что Нойс и Харлан всегда будут принадлежать друг другу.

В состоянии радостной приподнятости Харлан решился высказать просьбу, с которой прежде собирался обратиться, благоразумно переждав несколько дней:

— Я хочу просить разрешения на союз с женщиной из Времени, сэр.

Эти слова вывели Финжи из задумчивости:

— С Нойс Ламбент, если я верно вас понял?

— Да, Вычислитель. Поскольку вы возглавляете этот Сектор, то моя просьба рано или поздно попадет к вам.

Харлан был доволен, что его просьба попадет к Финжи. Пусть помучается. Если он сам мечтает о союзе с Нойс, ему придется заявить об этом во всеуслышание, и тогда Харлан сможет потребовать, чтобы Нойс предоставили право выбора. Вот когда он окончательно насладится своим торжеством!

Разумеется, в обычных обстоятельствах Техник и думать

не смел о том, чтобы встать на пути Вычислителя, но Харлан был уверен в поддержке Твиссела, а Финжи по сравнению с Твисселом — просто мелкая сошка.

Однако Финжи остался невозмутим.

— Мне сдается, что вы и без разрешения уже вступили в противозаконную связь с этой женщиной.

Харлан покраснел и принялся неуклюже оправдываться:

— Инструкция настаивала на том, чтобы мы с ней длительное время оставались наедине. Поскольку ничто из происшедшего специально не запрещалось, я не чувствую за собой никакой вины.

Он лгал. Сознание вины неотступно преследовало его, и по лицу Финжи было видно, что Вычислитель знает об этом и забавляется сложившейся ситуацией.

— Не забывайте, что скоро там произойдет Изменение Реальности.

— В таком случае я буду просить разрешения на союз с мисс Ламбент в новой Реальности.

— Какая чудовищная самоуверенность! Я бы вам не советовал. Что вы знаете об этой Реальности? А вдруг мисс Ламбент окажется замужем или утратит свою красоту? Я даже могу сказать вам точно: в новой Реальности вы ей не будете нужны. Она даже не поглядит в вашу сторону.

Харлана охватила тревога.

— Не вам об этом судить.

— Да? Вы полагаете, что ваша великая любовь — это идеальный союз двух душ, который устоит перед любыми Изменениями? Вы что, начитались там, во Времени, дешевых романчиков?

Харлан утратил остатки осторожности.

— Во-первых, я не верю ни единому вашему слову...

— Что вы сказали? — холодно проговорил Финжи.

— Вы лжете! — Харлану было уже на все наплевать. — Вы ревнуете ее ко мне. Вы сами волочились за нею, только она предпочла меня. Вы просто беситесь от ревности.

— Да вы хоть отдаете себе отчет?.. — начал было Финжи.

— Отдаю. Не такой уж я дурачок, как вы думаете. Я, правда, не Вычислитель, но и не круглый невежда. Вот вы сказа-

ли сейчас, что в новой Реальности она не захочет меня знать. А откуда вам это известно? Ведь вы тоже не знаете, какой будет новая Реальность. А вдруг Изменение окажется ненужным? Всего час назад вы получили мой отчет. Его необходимо тщательно проанализировать, прежде чем приступить к вычислениям, не говоря уже о том, что еще предстоит получить одобрение Совета. Поэтому, когда вы строите из себя всезнайку, вы просто лжете.

У Финжи было много возможностей ответить на этот выпад. В разгоряченном воображении Харлана проносилась одна картина за другой, и он не мог даже ответить, какая из них больше пугает его. Финжи мог просто выйти из комнаты с видом оскорбленного достоинства; он мог вызвать офицера Службы безопасности и арестовать Харлана за оскорбительное поведение, он мог...

Но Финжи ничего подобного не сделал. Тихим и спокойным голосом он произнес:

— Присядьте, Харлан, и выслушайте меня.

И так как эта реакция была совершенно неожиданной, у Харлана отвисла челюсть, и он в полном смятении присел на краешек стула.

Что бы все это могло значить? Весь его задор как рукой сняло.

— Вы, должно быть, помните, — начал Финжи, — наш разговор о проблемах, возникших в связи с нежелательным предрассудком некоторых обитателей текущей Реальности в отношении Вечности. Вы помните наш разговор, не правда ли?

Он говорил с мягкой настойчивостью педагога, объясняющего урок туповатому школьнику, но Харлану показалось, что он различает злорадный блеск в его глазах.

— Помню, — ответил Харлан.

— Тогда вы должны были также запомнить, что Совет Времен не соглашался с моими рекомендациями и настаивал на их подтверждении путем прямых Наблюдений. Разве из этого не следует, что у меня уже были проделаны все необходимые вычисления?

— А мой отчет содержал это подтверждение?

— Целиком и полностью.

— Все равно для анализа потребуется какой-то срок.

— Чепуха! Вашему отчету — грош цена. Подтверждением явились ваши слова.

— Не понимаю вас.

— Тогда я открою вам, что именно не устраивает нас в текущей Реальности. Среди высших слоев общества, в особенности среди женщин, появилось поверье, что Вечные действительно являются вечными в буквальном смысле слова, что они бессмертны. Не верите? Да ведь Нойс Ламбент сама сказала вам об этом. Пяти минут не прошло, как вы повторили мне ее слова.

Харлан глядел на Финжи невидящим взглядом. Он вспомнил черные бездонные глаза склонившейся над ним Нойс, услышал ее тихий, нежный шепот: «Ты никогда не умрешь. Ведь ты Вечный».

— Подобное поверье само по себе нежелательно, — продолжал Финжи, — но ничего ужасного в нем нет. Конечно, оно приводит к определенным неудобствам, затрудняет деятельность Сектора, но Вычисления показывают, что Изменение затронет лишь маленькую группу людей. Тем не менее если это Изменение все-таки произойдет, то в первую очередь ему подвергнутся те, кто заражен подобными суевериями. Иными словами — аристократки, в их числе Нойс.

— Пусть так, но я все же рискну, — упорствовал Харлан.

— Да у вас не будет даже самого крохотного шанса. Неужели вы действительно воображаете, что своим мужским обаянием вы покорили изнеженную аристократку и она бросилась в объятия Техника? Будьте реалистом, Харлан, взгляните правде в глаза.

Харлан упрямо сжал губы и промолчал.

— Все еще не понимаете? Жаль. Я считал вас умнее. Тогда послушайте. Из своих предрассудков о бессмертии Вечных эти женщины сделали очень странный вывод. Они решили, что интимная близость с Вечным сделает бессмертными их самих.

Удар попал в цель.

Харлан зашатался. Он снова отчетливо услышал голос Нойс: «Сделай меня Вечной...» — и затем ее поцелуи...

— Трудно было поверить, что подобные предрассудки могут сочетаться с высоким уровнем культуры. За всю историю Вечности мы еще не сталкивались ни с чем подобным. Чудовищная, беспрецедентная глупость! Вероятность возникновения таких заблуждений лежит в области случайных ошибок — настолько она мала. Расчеты, по данным последнего Изменения, не дали нам ничего определенного. Поэтому Совет Времен потребовал от меня доказательств — прямого и решительного подтверждения. Для проведения эксперимента я выбрал мисс Ламбент как отличный экземпляр женщин этого круга. В качестве второго объекта я выбрал вас...

Харлан вскочил со стула:

— Вы посмели выбрать меня объектом эксперимента?!

— Я очень сожалею, — холодно сказал Финжи, — но это было необходимо. Из вас вышел совсем неплохой объект.

Взгляд Харлана был настолько выразителен, что Финжи поежился.

— До чего же вы тупы, Харлан! Взгляните на себя: вы — порождение Вечности с рыбьей кровью в жилах. Вы презираете женщин. Все связанное с ними представляется вам безнравственным. Нет, не то. Есть лучшее слово: греховным! В глазах женщин вы по своей привлекательности можете соперничать только с протухшей макрелью.

С другой стороны, очаровательное существо, изнеженное создание гедонистского века, и эта женщина в первый же вечер чуть не силой навязывает вам себя. Вся ваша нелепая интрижка просто немыслима, если только не рассматривать ее как подтверждение моих выводов.

— Вы хотите сказать, что она продалась... — Харлан запнулся.

— К чему такие громкие слова? В этом Столетии другие взгляды, другая мораль. Смешно, конечно, что она выбрала вас, но чего не сделаешь ради бессмертия.

Протянув вперед руки с растопыренными пальцами, Харлан ринулся к Финжи с единственным желанием вцепиться

ему в горло. Финжи торопливо отступил на несколько шагов и дрожащей рукой вытащил из кармана аннигилятор.

— Не смейте прикасаться ко мне! Назад! — взвизгнул он.

Собрав последние крохи рассудка, Харлан заставил себя остановиться. Он с трудом дышал. Мокрая рубашка прилипла к спине.

Финжи проговорил дрожащим голосом:

— Как видите, я неплохо вас изучил. Я предвидел, что ваша реакция может быть бурной. Только пошевелитесь, и я расщеплю вас на атомы.

— Вон отсюда! — прохрипел Харлан.

— О, я уйду. Но сначала вы меня выслушаете. За нападение на Вычислителя вас следует разжаловать, но пока оставим это. Однако вы должны понять, что я не солгал. Кем бы ни стала Нойс Ламбент в новой Реальности, она будет лишена своих предрассудков. Изменение уничтожит их. А без них, — в его голосе послышалась нескрываемая издевка, — на что вы нужны такой женщине, как Нойс?

И, не сводя с Харлана дула аннигилятора, толстый Вычислитель стал пятиться к выходу. В дверях он задержался и добавил с мрачной иронией:

— Раз уж вам так повезло, то наслаждайтесь своим счастьем, Харлан. Когда еще вам выпадет такая удача? Продолжайте вашу связь, попробуйте даже официально оформить ее. Но торопитесь, торопитесь, скоро наступит Изменение, и тогда уж вам не видать ее больше. Какая жалость, что даже в Вечности нельзя продлить мгновенье! Не правда ли?

Но Харлан даже не смотрел в его сторону. Финжи все-таки выиграл бой и теперь покидал поле сражения торжествующим победителем. Опустив голову, Харлан тупо разглядывал носки своих ботинок. Когда он вновь поднял глаза, Финжи уже не было. Прошло ли после его ухода пять секунд или пятнадцать минут — Харлан сказать не мог.

Несколько следующих часов Харлан был будто в бреду. Все, что сказал Финжи, было горькой и очевидной правдой — слишком горькой и слишком очевидной. Каждое сло-

во, каждый жест Нойс, всплывая в его непогрешимой памяти Наблюдателя, представлялись ему теперь в совершенно ином свете.

Никакой внезапно вспыхнувшей страсти не было и в помине. Как мог он быть настолько глуп, чтобы поверить в ее любовь? Любовь к такому человеку, как он?

Нет, тысячу раз нет! Жгучие слезы стыда и раскаяния застилали ему глаза. Девчонка не лишена привлекательности и совершенно лишена моральных принципов. Хладнокровно и расчетливо она пустила в ход свои чары и добилась успеха, Эндрю Харлан не был человеком в ее глазах, он был всего лишь Вечным. Будь на его месте другой, ничего бы не изменилось.

Длинные пальцы Харлана машинально поглаживали корешки книг, стоявших на маленькой полке. Взяв один из томов, он раскрыл его наудачу.

Шрифт расплывался в глазах. Выцветшие цветные иллюстрации казались уродливыми, бесформенными пятнами.

Зачем Финжи понадобилось сообщать ему эти сведения? Строго говоря, он не имел на это права. Наблюдателю не полагается знать, к чему приводят его Наблюдения. Знание было помехой, отнимающей у Наблюдателя его бездушную объективность.

Ответ был все тот же — ревность, жалкая, мелочная месть, стремление раздавить его.

Продолжая поглаживать раскрытую страницу, Харлан вдруг обнаружил, что разглядывает рекламную картинку с изображением ярко-красного наземного экипажа типа, характерного для 45-го, 182-го, 590-го и 984-го Столетий, так же как и для последних веков Первобытной эры. Весьма заурядное средство передвижения с двигателем внутреннего сгорания. В Первобытные Времена источником энергии служили продукты перегонки природной нефти, а колеса примитивным образом покрывались слоем резины. Экипажи последующих Столетий были, разумеется, более совершенными.

Харлан как-то прочел Куперу целую лекцию о рекламе. Он принялся сейчас вспоминать этот урок, подсознательно стараясь отвлечься от того, что его мучило.

— Рекламные объявления, — говорил Харлан, — рассказывают нам о Первобытных Временах куда больше, чем так называемая хроника из того же журнала. Заметки хроники рассчитаны на читателя, хорошо знакомого со своим миром. В них никогда не разъясняется значение различных терминов или предметов, потому что в этом нет необходимости. Вот, например, что такое «теннисный мяч»?

Купер охотно признался в своем невежестве.

Харлан продолжал привычным назидательным тоном, в который он неизменно впадал во время уроков:

— Из случайных упоминаний мы можем прийти к выводу, что он представлял собой небольшой шар из неизвестного нам материала. Мы знаем, что он использовался в какой-то спортивной игре, хотя бы потому, что упоминания о нем встречаются в разделе «Спорт». Из отдельных упоминаний можно даже заключить, что целью игры было перекинуть этот шар партнеру по игре. Но зачем зря ломать голову? Взгляни на картинку. Ее единственное назначение — заставить купить этот шар, и вот перед нами великолепное его изображение во всех подробностях.

Но Купер, родившийся в эпоху, не знавшую рекламы, с трудом понимал Харлана.

— Все это просто противно, — сказал он. — Неужели найдутся дураки, которые поверят бахвальству человека, расхваливающего собственную продукцию? Неужели он сознается в ее недостатках или воздержится от преувеличений?

Харлан, успевший в детстве немного познакомиться с рекламой в пору ее относительного расцвета, снисходительно поднял брови.

— С этим приходится мириться. Таков уж был их образ жизни, а мы никогда не вмешиваемся ни в чей образ жизни, если только он не приносит человечеству в целом серьезного вреда.

Но, разглядывая крикливые рекламные объявления, Харлан вновь вернулся мыслями к настоящему. Внезапно его охватило волнение. Почему он стал думать о рекламе? Не связано ли это с тем, что его разум мучительно ищет выхода из наступившего мрака?

Реклама! Способ привлечь внимание, развеять сомнения, пробудить интерес. Разве для продавца этих наземных экипажей имело хоть какое-то значение, хочет ли кто-нибудь купить его товар? Если ему удавалось внушить это желание клиенту (так они, кажется, назывались) и тот действительно совершал покупку, то не все ли равно, что он думал о ней?

А раз так, то стоит ли мучить себя вопросом: что руководило Нойс — страсть или расчет? Важно, чтобы они были вместе, и тогда она обязательно полюбит его. Если люди любят друг друга, то не все ли равно, чем вызвана эта любовь? Харлан даже пожалел, что никогда не читал романов, о которых так язвительно отозвался Финжи.

И тут ему в голову пришла новая мысль, заставившая его сжать кулаки. Если Нойс обратилась за бессмертием к нему, Харлану, то из этого следовало, что она не получила этого дара раньше. Значит, до этого она не была любовницей ни одного из Вечных. Значит, по отношению к Финжи она оставалась только секретаршей и не более. Иначе зачем бы ей понадобился Харлан?

Но ведь Финжи наверняка пытался, не мог не пытаться... (даже мысленно Харлан не смог закончить фразу). Он же мог лично доказать существование этого суеверия. Невероятно, чтобы, ежедневно встречаясь с Нойс, он не сделал такой попытки! Следовательно, она отвергла его.

Тогда ему пришлось использовать Харлана, и Харлан добился успеха там, где Финжи потерпел поражение. Вот почему Финжи так пылал жаждой мести и пытался убедить Харлана, что Нойс действовала из чисто практических побуждений.

Как бы там ни было, Нойс отвергла Финжи, несмотря на свою мечту о бессмертии, и выбрала Харлана. Следовательно, ею руководил не один только голый расчет. Какую-то роль играло чувство.

С каждой секундой возбуждение Харлана становилось все сильнее, намерения — все безумнее.

Он и Нойс должны быть вместе. Теперь же! До Измене-

ния! Как сказал в насмешку Финжи: даже в Вечности нельзя продлить мгновенье.

А может быть, все-таки можно?

План действий сложился сразу. Злые насмешки Финжи довели Харлана до такого состояния, что он был готов на все, а заключительная колкость Вычислителя подсказала Харлану характер его преступления.

После этого он уже не тратил времени на размышления. Радостно, чуть ли не бегом он покинул квартиру, чтобы совершить свое первое преступление против Вечности.

Глава 8

ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Никто не остановил его. Никто не поинтересовался, куда он идет. Все-таки в социальной изоляции Техников были и свои выгоды. Пройдя через Колодцы к Вратам Времени, Харлан настроил управление на координаты комнаты Нойс. Существовала опасность, что кому-то понадобится на законном основании воспользоваться этим же выходом. После недолгих колебаний Харлан запечатал выход своей личной печатью. На запечатанную дверь никто не обратит внимания: незапечатанные Врата с работающими приборами могут на целую неделю стать предметом толков и пересудов.

Не исключено, конечно, что у выхода его будет поджидать сам Финжи. Приходилось рисковать.

Нойс все еще стояла на том же месте, где он покинул ее. После возвращения в Вечность прошло несколько долгих мучительных часов (по биологическому времени), но для Нойс Харлан появился чуть ли не через секунду после своего исчезновения. Ни один волосок не успел шелохнуться на ее голове.

— Ты что-нибудь забыл, Эндрю? — спросила она с испугом.

Харлан с тоской поглядел на нее, но, боясь заметить на

ее лице тень отвращения, не сделал даже попытки прикоснуться к ней. Слова Финжи не выходили у него из памяти.

— Нойс, ты должна будешь сделать то, о чем я тебя попрошу. — Голос его звучал хрипло.

— Значит, все-таки что-то случилось? Ведь ты исчез только что. Сию секунду.

— Не бойся, — ответил Харлан.

Он с трудом подавил желание обнять ее, успокоить, хотя бы взять за руку. Ну зачем ему понадобилось возвращаться в первое же возможное мгновение? Словно какая-то злая сила все время толкала его на опрометчивые поступки. Он только напугал ее своим неожиданным появлением.

Но в глубине души он хорошо понимал, чем вызвана его торопливость. Инструкция давала ему два запасных дня. Чем раньше он вернется, тем больше шансов на успех, тем меньше вероятность, что он попадется. А с другой стороны, такая спешка таила в себе новую опасность. Он легко мог ошибиться в настройке и войти во Время раньше того момента, когда он покинул Нойс. Что тогда? Первое правило, которое он выучил, работая Наблюдателем, гласило: человек, дважды входящий в один и тот же отрезок Времени в одной и той же Реальности, рискует встретить самого себя.

Почему-то этого следовало избегать. Почему? Харлан не знал. Он только был совершенно уверен, что у него нет ни малейшего желания встречаться с самим собой. Ему не хотелось взглянуть в глаза другого, более раннего (или позднего) Харлана. Кроме того, это было бы парадоксом, а Твиссел любил повторять: «Во Времени нет ничего парадоксального, но только потому, что само Время всячески избегает парадоксов».

И пока в голове Харлана проносились эти бессвязные мысли, Нойс не отрываясь смотрела на него своими большими лучистыми глазами. Затем она подошла к нему и, положив свои прохладные ладони на его пылающие щеки, тихо спросила:

— У тебя неприятности?

Каким нежным и любящим показался Харлану ее взгляд!

Неужели он ошибается? Ведь она уже добилась своего. Что еще ей нужно? Сжав ее руки, он глухо сказал:

— Хочешь пойти со мной? Только сразу. Не задавая вопросов.

— Так надо? — спросила она.

— Надо, Нойс. Это очень важно.

— Идем, — сказала она так просто и буднично, словно ей каждый день приходилось отвечать согласием на подобные просьбы.

У входа в капсулу Нойс на мгновение замешкалась, но тут же преодолела свой страх и вошла.

— Мы двинемся по течению Времени, Нойс, — сказал он.

— Это значит в будущее, да?

В капсуле раздавалось тихое гудение, свидетельствующее о том, что приборы включены. Харлан незаметно надавил локтем на пусковой рычаг.

Ни с чем не сравнимое чувство «движения» сквозь Время не вызвало у нее тошноты, как опасался Харлан. Она сидела притихшая, спокойная и такая красивая, что при взгляде на нее у Харлана замирало сердце, и плевать ему было на то, что, проведя ее — человека из Времени — в Вечность без специального разрешения, он нарушил закон.

— Эндрю, что означают эти цифры? Годы? — спросила она.

— Нет, Столетия.

— Ты хочешь сказать, что мы перескочили через много тысяч лет? Уже?

— Да.

— Но я ничего не заметила. — Она огляделась. — А как мы движемся?

— Не знаю, Нойс.

— *Не знаешь?*

— В Вечности есть много вещей, которые трудно понять.

Цифры на счетчике Столетий сменялись все быстрее и быстрее, пока не слились в туманное пятно. Харлан разгонял капсулу на предельном темпоральном ускорении. Повышенный расход энергии мог быть замечен на Энергоподстанции, но Харлан сомневался, чтобы кто-нибудь из инженеров заподозрил неладное. Никто не ждал их у входа в Вечность, когда он вернулся вместе с Нойс, и одно это гарантировало девять десятых успеха. Сейчас ему оставалось только спрятать ее в безопасном месте.

— Вечные не всеведущи, — проговорил он после паузы.

— А я даже не Вечная, — пробормотала Нойс, — я знаю так мало.

У Харлана екнуло сердце. Все еще не Вечная? Но ведь Финжи утверждал...

«Оставь, — просил он себя, — не копайся. Она пошла за тобой. Она улыбается тебе. Не искушай судьбу. Что еще тебе надо?»

И все-таки он спросил:

— Ты веришь в бессмертие Вечных?

— Видишь ли, они сами называют себя Вечными, и поэтому все уверены, что они живут вечно. — Она лукаво улыбнулась. — Но я знаю, что это неправда.

— Значит, ты не веришь?

— После того как я поработала в Вечности — нет. Люди, которые живут вечно, не разговаривают так, и потом, там были старики.

— И все же ты мне сказала той ночью, что я никогда не умру.

Все еще улыбаясь, она придвинулась поближе к нему.

— А я подумала: кто знает?

— А как Времяне относятся к тому, чтобы стать Вечными? — Харлан хотел задать вопрос непринужденно, но в голосе против его воли проскользнула напряженная нотка.

Ее улыбку как рукой сняло. Почудилось ли ему или она действительно покраснела?

— Почему ты спрашиваешь?

— Мне интересно.

— Все это глупые выдумки, — ответила она, — мне не хочется о них говорить.

Нойс опустила голову и принялась рассматривать свои ногти, которые тускло поблескивали в слабо освещенной капсуле.

— Зачем тебе понадобилась моя любовь? — вдруг спросил Харлан.

Она чуть побледнела, откинула назад свои длинные волосы и очень серьезно посмотрела ему прямо в глаза:

— Раз уж тебе так необходимо знать — у нас есть поверье: любовь Вечного делает девушку бессмертной. А я не хочу умирать. Это одна причина.

— Ты же сказала, что не веришь этим бредням.

— А я и не верю. Но ведь попытка — не пытка. Особенно если учесть вторую причину.

Он осуждающе посмотрел на нее, ища спасения от боли и разочарования на неприступных высотах морали своего Столетия.

— Какую?

— Мне все равно хотелось.

— Ты хотела, чтобы я полюбил тебя?

— Да.

— Но почему именно я?

— Ты мне сразу понравился. Ты был такой смешной.

— Смешной?

— Ну, странный. Ты так старался изо всех сил не смотреть на меня, а сам с меня глаз не сводил. Ты воображал, что ненавидишь меня, а я чувствовала, что тебя тянет ко мне. И мне стало немножко жаль тебя.

— При чем тут жалость? — У Харлана пылали щеки.

— Ты так мучился и страдал. А в любви все очень просто. Надо только спросить девушку. Так приятно любить и быть любимой. Зачем же страдать?

Харлан покачал головой: «Ну и нравы в этом Столетии!»

— Спросить — и все тут, — пробормотал он. — Так просто? И больше ничего не надо?

— Глупенький, конечно, надо понравиться девушке. Но почему не ответить на любовь, если сердце свободно? Что может быть проще?

Теперь настал черед Харлана потупить глаза. В самом деле, что может быть проще? Ничего непристойного в этом не было. Во всяком случае, для Нойс и ее современниц. Уж ему-то следовало бы это знать! Он был бы непроходимым

кретином, если бы стал допрашивать Нойс о ее прежних увлечениях. С таким же точно успехом он мог бы расспрашивать девушку из своего родного Столетия, не случалось ли ей обедать в присутствии мужчин и было ли ей при этом стыдно?

Слегка покраснев, он смущенно спросил:

— А что ты сейчас думаешь обо мне?

— Ты славный и очень милый, — ответила она. — Если бы ты к тому же пореже хмурил брови... Почему ты не улыбаешься?

— Смешного мало, Нойс.

— Ну, пожалуйста. Я хочу проверить, могут ли твои губы растягиваться. Давай попробуем.

Она положила свои пальчики на уголки его губ и слегка оттянула их. Харлан отдернул голову и не смог удержаться от улыбки.

— Вот видишь. Ничего страшного не случилось. Твои щеки даже не потрескались. Тебя очень красит улыбка. Если ты будешь каждый день упражняться перед зеркалом и научишься улыбаться, то станешь совсем красивым.

Но его улыбка, и без того еле заметная, сразу погасла.

— Нам грозят неприятности? — тихо спросила Нойс.

— Да, Нойс, большие неприятности.

— Из-за того, что у нас было? Да? В тот вечер?

— Не совсем.

— Но ведь ты знаешь, что я одна во всем виновата. Если хочешь, я им так и скажу.

— Ни за что! — энергично запротестовал Харлан. — Не смей брать на себя вину. Ты ни в чем, ни в чем не виновата. Дело совсем в другом.

Нойс тревожно посмотрела на счетчик:

— Где мы? Я даже не вижу цифр.

— *Когда* мы, — машинально поправил ее Харлан. Он убавил скорость настолько, чтобы можно было различить номера Столетий.

Нойс изумленно раскрыла глаза.

— Неужели это верно?

Харлан равнодушно взглянул на Счетчик. Тот показывал 72 000.

— Не сомневаюсь.

— Но где же мы остановимся?

— Когда мы остановимся? В далеком-далеком будущем, — угрюмо ответил он, — там, где тебя никогда не найдут.

Они молча смотрели, как растут показания Счетчика. В наступившей тишине Харлан мысленно вновь и вновь повторял себе, что Финжи намеренно оклеветал ее. Да, она откровенно призналась, что в его обвинении была доля истины, но ведь с той же искренностью она сказала ему, что и сам по себе он ей не безразличен.

Внезапно Нойс встала и, подойдя к Харлану, решительным движением остановила капсулу. От резкого темпорального торможения к горлу подступила тошнота.

Ухватившись руками за сиденье, Харлан закрыл глаза и несколько раз тяжело сглотнул.

— В чем дело?

Нойс стояла рядом, ее лицо было пепельно-серым; две-три секунды она ничего не могла ответить.

— Эндрю, не надо дальше. Я боюсь. Эти числа так велики.

Счетчик показывал: 111 394.

— Сойдет, — угрюмо заметил Харлан и, протянув ей руку, добавил с мрачной торжественностью: — Пошли. Я покажу тебе твое новое жилище.

Взявшись за руки, словно дети, они бродили по пустынным помещениям. Тускло освещенные коридоры терялись вдали. Стоило только переступить через порог, как в темных комнатах вспыхивал яркий свет. Воздух был неподвижен, ни сквозняка, ни дуновения, но его свежесть и чистота свидетельствовали о хорошей вентиляции.

— Неужели здесь никого нет? — тихо спросила Нойс.

— Ни души. — Харлан хотел громким и уверенным ответом развеять свой страх перед «Скрытыми Столетиями», но почему-то и он сбился на шепот.

Они забрались так далеко в будущее, что Харлан даже не

знал толком, как это Время называть. Говорить — сто одиннадцать тысяч триста девяносто четвертое — было смешно. Обычно этот период называли просто и неопределенно — «Стотысячные Столетия».

Глупо было в их положении ломать голову еще и над этой проблемой, но теперь, когда возбуждение, вызванное побегом сквозь Время, несколько улеглось, Харлан вдруг с особенной силой осознал, что находится в области Вечности, куда не ступала нога человеческая, и ему стало не по себе. Ему было стыдно за свой испуг; стыдно вдвойне, поскольку Нойс была свидетельницей его страха, но он ничего не мог с собой поделать. От страха противно сосало под ложечкой и по спине бежали мурашки.

— Как здесь чисто, — прошептала Нойс, — даже пыли нет.

— Автоматическая уборка, — ответил Харлан. Ему казалось, что он чуть не надорвал связки от крика, на самом же деле он произнес и эти слова тихим голосом. — И ни одного человека на тысячи Столетий в прошлое и будущее, — добавил он.

По-видимому, Нойс это ничуть не встревожило.

— Неужели везде все устроено так же, как здесь? — спросила она. — Ты обратил внимание — на складах полно продовольствия и всяких запасов, полки библиотеки заставлены фильмокнигами?

— Да, конечно. Каждый Сектор полностью снаряжен и оборудован.

— Но зачем, если в них никто не живет?

— Простая логика, — ответил Харлан. Когда он разговаривал, ему было не так жутко. Выскажи вслух то, что тебя пугает, и это явление, потеряв ореол таинственности, покажется обыденным и простым. — Давным-давно, еще на заре существования Вечности, где-то в 300-х Столетиях был изобретен дубликатор массы. Не понимаешь? При помощи специального резонансного поля можно превратить энергию в вещество, причем атомные частицы занимают те же положения — с учетом принципа неопределенности, — что и в ис-

ходной модели. В результате получается идеально точная копия предмета.

Вечность приспособила дубликатор для своих нужд. В то время у нас было построено всего шестьсот или семьсот Секторов. Перед нами стояли грандиозные задачи по расширению зоны нашего влияния. «Десять новых Секторов за один биогод» — таков был ведущий лозунг тех лет. Дубликатор сделал эти огромные усилия ненужными. Мы построили один Сектор, снабдили его запасами продовольствия, воды, энергии, начинили самой совершенной автоматикой и запустили дубликатор. И вот сейчас мы имеем по Сектору на каждое Столетие. Я даже не знаю, насколько они протянулись в будущее — вероятно, на миллиарды лет.

— И все похожи на этот?

— Да, все совершенно одинаковые. По мере расширения Вечности мы просто занимаем очередной Сектор и переоборудуем его по моде соответствующего Столетия. Затруднения возникают только в энергетических Столетиях. Но ты не бойся — до этого Сектора мы еще не скоро доберемся.

Он решил не рассказывать ей о Скрытых Столетиях. Незачем ее пугать. Прочитав на ее лице недоумение, он торопливо добавил:

— Не думай, что строительство Секторов было неразумной тратой сил и материалов. В конце концов, расходовалась только энергия, а ее мы черпаем в неограниченных количествах из вспышки Новой...

Она прервала его:

— Нет, дело не в этом. Просто я никак не могу вспомнить.

— О чем?

— Ты сказал, что дубликатор изобрели в 300-х. Но у нас в 482-м его нет, и я никак не могу вспомнить ни одного упоминания о нем в фильмокнигах по истории.

Харлан задумался. Хотя Нойс была всего на два дюйма ниже его, он внезапно почувствовал себя великаном рядом с ней, могущественным полубогом Вечности. Нойс казалась ему маленьким, беззащитным ребенком, и он должен был

провести ее по головокружительным тропкам, ведущим к истине, и открыть ей глаза на мир.

— Нойс, дорогая моя, — сказал он, — давай присядем где-нибудь, и я тебе все объясню.

* * *

Представление о том, что Реальность не является чем-то установившимся, вечным и нерушимым, что она подвержена непрерывным изменениям, было не из тех, которые легко укладываются в сознании человека.

В безмолвной тишине бессонных ночей Харлан до сих пор еще нередко вспоминал первые дни Ученичества и свои отчаянные попытки отрешиться от Времени, разорвать все связи со своим Столетием.

Рядовому Ученику требовалось почти полгода, чтобы узнать и осмыслить правду; понять до конца, что он уже *никогда* (в самом буквальном смысле этого слова) не сможет вернуться домой. И дело было не только в суровых законах Вечности, которые запрещали ему это, но и в неумолимом факте, что того дома, который он знал, могло уже больше не существовать, что в каком-то смысле этого дома вообще не существовало.

На разных Учеников это известие действовало по-разному. Харлан хорошо помнил, как посерело и вытянулось лицо его однокурсника Бонки Латуретта, когда Наставник Ярроу развеял их последние сомнения на этот счет.

В тот вечер никто из Учеников не притронулся к ужину. Они сбились в кучку, словно согревая друг друга теплом своих тел. Никто не заметил отсутствия Латуретта. Было много шуток и смеха, но шутки не получались, а смех звучал фальшиво.

Кто-то произнес робким, дрожащим голосом:

— Выходит, у меня и мамы не было. Если я вернусь к родителям, в 95-е, они, наверно, скажут: «А ты откуда взялся? Мы тебя не помним. Чем ты докажешь, что ты наш ребенок? У нас вообще не было сына. Уходи от нас и не выдумывай».

Они нерешительно улыбались и кивали головами, оди-

нокие мальчики, у которых не осталось ничего, кроме Вечности.

Латуретта обнаружили в постели. Он спал крепким сном. Его дыхание было подозрительно учащенным, а на левой руке виднелась небольшая красная точка, оставшаяся после укола шприца. К счастью, на нее сразу же обратили внимание. Вызвали Наставника, и несколько дней они боялись, что в их классе станет одним Учеником меньше, но все обошлось. Через неделю Бонки уже сидел за партой. Но Харлан был дружен с ним и знал, что рана, оставленная в его душе этой ужасной ночью, так и не зажила.

А теперь Харлану предстояло объяснить, что такое Реальность, девушке, которая, в сущности, была немногим старше тех мальчиков, и объяснить так, чтобы она поняла раз и навсегда. У него не было выбора. Нойс должна знать, что их ждет и как ей себя вести.

Он начал рассказ. Они сидели в конференц-зале за длинным столом, рассчитанным человек на двадцать, ели консервы, замороженные фрукты, пили холодное молоко, и Харлан рассказывал.

Он пытался смягчить удар, осторожно выбирая выражения, но в этом не было нужды. Нойс схватывала его объяснения на лету, и, еще не дойдя до середины своей лекции, Харлан вдруг с изумлением обнаружил, что ее реакция не так уж плоха. Она не испугалась и не растерялась; она только разозлилась.

От гнева ее бледное лицо слегка порозовело, а черные глаза, казалось, стали еще более черными и бездонными.

— Но ведь это же преступление! — воскликнула она. — Как вы смеете? Кто позволил Вечным распоряжаться нашей судьбой?

— Наша цель — благо человечества, — снисходительно пояснил Харлан.

Конечно, ей всего не понять. Она человек из Времени с ограниченным кругозором. Как все Времяне, она ничего не видит дальше собственного Столетия. Ему даже стало немного жаль ее.

— Благо человечества? А дубликатор вы тоже уничтожили для нашего блага?

— Пусть судьба дубликатора тебя не беспокоит. Мы сохранили его у себя.

— Вы-то сохранили, а как насчет нас? Ведь мы в 482-м тоже могли бы его иметь.

Она взволнованно размахивала в воздухе двумя маленькими кулачками.

— Вам бы он не принес ничего хорошего. Не волнуйся, дорогая, и выслушай меня до конца.

Судорожным движением — ему еще предстояло научиться дотрагиваться до нее, не боясь прочитать на ее лице отвращение, — он схватил ее за руки и крепко сжал их.

Несколько секунд она пыталась вырваться, затем смирилась и даже рассмеялась:

— Продолжай, глупенький, только не смотри на меня так мрачно. Ведь я виню не тебя.

— Тут некого винить, Нойс. Никто ни в чем не виноват. Мы были вынуждены так поступить. Случай с дубликатором — один из классических примеров. Я проходил его еще в школе. Дублируя предметы, можно дублировать и людей. При этом возникают очень сложные и запутанные проблемы.

— Но разве эти проблемы не в состоянии решать само человечество?

— Не всегда. Мы тщательно изучили всю эту эпоху и убедились, что люди не нашли удовлетворительного решения этой проблемы. Не забывай, что каждая неудача сказывается не только на них самих, но и на всех их потомках, на всех последующих обществах. Более того, проблема дубликатора вообще не может иметь удовлетворительного решения. Это одна из тех гадостей, вроде атомных войн и наркотических сновидений, которые не имеют права на существование. Их надо вырывать с корнем, когда бы они ни встретились. Дубликатор может принести людям только несчастье.

— Откуда у вас такая уверенность?

— Пойми, Нойс, мы располагаем великолепными Вычислительными машинами. Кибермозг по своим возможностям превосходит все созданное людьми в этой области во

всех Реальностях и Столетиях. Он может рассчитывать, с учетом влияния тысяч и тысяч переменных, насколько желательна или нежелательна любая Реальность.

— Машина! — презрительно фыркнула Нойс.

Харлан осуждающе посмотрел на нее, но тут же раскаялся.

— Пожалуйста, не веди себя как ребенок. Конечно, тебе неприятно думать, что окружающий тебя мир совсем не так прочен и незыблем, как кажется. Всего год назад, до прошлого Изменения, ты сама и весь твой мир могли быть только тенью вероятности, но разве это что-либо меняет? У тебя ведь сохранились все воспоминания о прожитой жизни? Ты ведь помнишь свое детство и своих родителей, не правда ли?

— Конечно.

— Так не все ли тебе равно, как ты жила в той Реальности? Я хочу сказать, что результат тот же самый, как если бы ты прожила свою жизнь в соответствии со своими теперешними воспоминаниями.

— Не знаю. Мне надо подумать. А что, если мой завтрашний день снова станет лишь сновидением, тенью, призраком, или как ты там его назвал?

— Что ж, тогда будет новая Реальность, а в ней будет жить новая Нойс со своими новыми воспоминаниями. Все будет так, словно ничего не произошло, с той только разницей, что общая сумма человеческого счастья снова немного возрастет.

— Знаешь, меня почему-то это не удовлетворяет.

— Кроме того, — торопливо добавил Харлан, — тебе сейчас ничего не угрожает. Скоро в твоем Столетии возникнет новая Реальность, но ведь ты сейчас находишься в Вечности, под защитой Поля Биовремени. Изменение не коснется тебя.

— Если, как ты утверждаешь, никакой разницы нет, — угрюмо сказала Нойс, — к чему тогда было затевать эту историю с моим похищением?

— Потому что ты мне нужна такой, какая ты есть, — с неожиданным для себя пылом воскликнул Харлан, — я не хочу, чтобы ты изменилась хоть на самую малость!

Еще немного, и он бы проболтался, что, если бы не ее

суеверия относительно Вечных и бессмертия, она даже не поглядела бы в его сторону.

Нойс испуганно оглянулась.

— Неужели мне придется всю свою жизнь провести вот здесь? Мне будет... одиноко.

— Нет, нет, не бойся. — Он с такой силой сжал ее руки, что она поморщилась от боли. — Я выясню твою Судьбу в новой Реальности, и ты вернешься обратно, но только как бы под маской. Я позабочусь о тебе. Мы получим официальное разрешение на союз, и я прослежу, чтобы тебя впредь не коснулись никакие Изменения. Я Техник, и, говорят, неплохой, так что я немного разбираюсь в Изменениях. И я еще кое-что знаю, — угрожающе добавил он и осекся...

— Но разве это дозволено? — спросила Нойс. — Я хочу сказать, разве можно забирать людей в Вечность, предохраняя их от Изменений? У меня это как-то не вяжется с тем, что ты мне рассказал.

При мысли о десятках тысяч безлюдных Столетий, окружающих его со всех сторон, по спине у Харлана пробежала холодная дрожь. Ему стало жутко. Он почувствовал себя изгнанником, отрезанным от Вечности, которая до сих пор была для него единственным домом и единственной верой; отщепенцем вдвойне, изринутым из Времени и пожертвовавшим Вечностью ради любимой женщины.

— Нет, это запрещено, — подавленно ответил он. — Я совершил ужасное преступление, и мне больно и стыдно. Но если бы понадобилось, я повторил бы его еще раз и еще раз...

— Ради меня, Эндрю? Да? Ради меня?

— Нет, Нойс, ради себя самого. — Он сидел, опустив глаза. — Я не могу тебя потерять.

— А если нас поймают? Что тогда?

Ответ на этот вопрос был известен Харлану с той самой ночи в 482-м. Его безумная догадка сулила ему огромное могущество. Но до сих пор он все еще не осмеливался взглянуть правде в глаза.

— Я никого не боюсь, — медленно проговорил он. — Пусть только попробуют тронуть нас! Они даже не подозревают, как много я знаю.

Глава 9

ИНТЕРМЕДИЯ

Последующие дни казались потом Харлану настоящей идиллией. Впрочем, единственное, что в них было идиллического, это часы, проведенные им с Нойс, но они словно окрасили все его воспоминания в розовый цвет. Столько событий произошло в эти бионедели, что все смешалось в его памяти. Ему запомнились только отдельные эпизоды.

Эпизод первый. Вернувшись в Сектор 482-го, он не спеша уложил свои личные пожитки, главным образом одежду и пленки; тщательно и любовно упаковал тома Первобытного журнала.

Переноска его вещей в грузовую капсулу уже заканчивалась, когда к нему подошел Финжи.

— Я вижу, вы нас покидаете. — Как всегда, Финжи безошибочно выбрал самое банальное выражение. Он улыбался, почти не разжимая губ. Руки его были заложены за спину, и он словно шарик покачивался на пухлых ножках.

Даже не взглянув на своего бывшего начальника, Харлан глухо пробормотал:

— Да, сэр.

— В своем донесении Старшему Вычислителю Твисселу я упомяну, что вы провели Наблюдение в 482-м самым удовлетворительным образом.

Харлан промолчал. Благодарить Финжи было свыше его сил.

Финжи продолжал, неожиданно понизив голос:

— Я решил пока не сообщать о вашем нападении на меня.

Несмотря на приторную улыбку и ласковый взгляд, в его голосе явно проскальзывало злорадство.

Пристально посмотрев на него, Харлан ответил:

— Как вам будет угодно, Вычислитель.

Эпизод второй. Он снова обосновался в 575-м. Вскоре после своего возвращения он встретил Твиссела.

Он был почти счастлив снова увидеть эту крохотную фигурку с морщинистым личиком гнома. Даже вид белого цилиндрика, дымящегося между двух запачканных табаком пальцев, доставил ему удовольствие.

— Вычислитель, — обратился к нему Харлан.

Твиссел, выходивший в этот момент из своего кабинета, несколько секунд глядел на Техника, не узнавая его. Было заметно, как сильно он устал; лицо его осунулось, глаза покраснели и ввалились.

— А, Техник Харлан, — сказал он наконец. — Ну как, закончили свою работу в 482-м?

— Да, сэр.

Реакция Твиссела была странной. Он посмотрел на свои часы, которые, как и все часы в Вечности, показывали биологическое время, служили заодно календарем, и произнес:

— Дела идут на лад, мой мальчик, дела идут на лад. Теперь уже скоро.

У Харлана екнуло сердце. В прошлую встречу с Твисселом эти слова не имели бы для него никакого значения. Теперь же ему показалось, что он понимает их скрытый смысл. Твиссел, вероятно, очень устал, иначе его намек не был бы таким прозрачным. А может быть, Вычислитель считает его достаточно загадочным и потому безопасным.

— Как поживает мой Ученик? — Харлан постарался задать этот вопрос как можно более непринужденным тоном, чтобы не чувствовалась его связь со словами Твиссела.

— Чудесно, чудесно, — ответил Твиссел, но его мысли были заняты чем-то другим. Он торопливо затянулся почти догоревшей сигаретой, отпустил Харлана быстрым кивком и заторопился прочь.

* * *

Эпизод третий. Ученик.

Купер выглядел старше. Его возмужалость чувствовалась в каждом движении, даже в том, как он со словами: «Рад, что вы вернулись, Харлан» — протянул ему руку.

А может быть, дело просто в том, что прежде Купер был для Харлана всего только Учеником, а сейчас, зная, какие грандиозные планы с ним связаны, Харлан уже не мог смотреть на него прежними глазами.

Однако выдавать себя не следовало. Они сидели в комнате Харлана, где молочная белизна фарфоровых стен доставляла Технику чисто физическое наслаждение после кричащих аляповатых красок 482-го. Как ни пытался он связать необузданную пышность барокко с воспоминаниями о Нойс, эта безвкусица ассоциировалась в его мозгу только с Финжи. Воспоминания о Нойс связывались у него с аскетической строгостью Секторов в Скрытых Столетиях.

Он торопливо заговорил, словно пытаясь скрыть свои опасные мысли:

— Ну, Купер, чем ты здесь без меня занимался?

Купер засмеялся, застенчиво погладил свои свисающие книзу усы и ответил:

— Математикой, одной лишь математикой.

— Да? Наверно, уже добрался до очень мудреных разделов?

— До самых мудреных.

— Ну, и как успехи?

— Пока сносно. Я, знаете ли, усваиваю все довольно легко. Вообще математика мне нравится. Вот только задания с каждым разом все больше и сложнее.

Харлан кивнул, чувствуя, как крепнет его уверенность.

— Матрицы Темпоральных полей и все такое прочее?

Но Купер, слегка покраснев, повернулся к книжным полкам и уклонился от ответа.

— Давайте поговорим о Первобытных Временах? Меня интересует несколько вопросов.

— А именно?

— Городская жизнь в 23-м веке. Особенно в Лос-Анджелесе.

— Почему в Лос-Анджелесе?

— Да так, занятный городишко. Вам не кажется?

— Нет, почему же? Но только его надо изучать в 21-м, в пору его наивысшего расцвета.

— Неважно. Меня почему-то больше интересует 23-й век.

— Ладно. Я не возражаю.

Лицо Харлана осталось непроницаемым, но если бы эту непроницаемость можно было соскоблить, под ней обнажилась бы угрюмая уверенность. Его гениальная интуитивная догадка уже не была больше только догадкой. Все подтверждало ее.

Эпизод четвертый. Изыскания. Точнее, двойной поиск.

В первую очередь — выяснить судьбу Нойс. Ежедневно жадными глазами он пробегал донесения, складываемые на стол Твиссела. Копии проектов предполагаемых или запланированных Изменений Реальности в различных Столетиях автоматически направлялись Твисселу как члену Совета Времен, и Харлан был уверен, что ничего не пропустит. Прежде всего он хотел познакомиться с предстоящим Изменением в 482-м, а кроме того, найти проект еще одного Изменения — любого Изменения в любом Столетии, — которое содержало бы какой-то дефект, ошибку, недостаток, малейшее отклонение от совершенства, заметное его натренированному глазу.

Строго говоря, эти донесения не предназначались для него, но Твиссел в эти дни редко бывал в своем кабинете, а никто другой не осмелился бы вмешаться в действия его личного Техника.

Такова была первая половина его поисков. Вторая проходила в библиотеке — точнее, в филиале центральной библиотеки, расположенном в 575-м.

Впервые он отважился выйти за рамки тех отделов, которые раньше всецело поглощали его внимание. В прошлом он то и дело наведывался к полкам с пленками, посвященными Первобытной истории, — этот раздел был представлен очень скудно, так что большую часть источников ему приходилось выписывать из далекого прошлого, в основном, разумеется, из Секторов, расположенных в конце третьего тысячелетия.

Теперь же он с любопытством бродил среди катушек

фильмокниг, посвященных другим проблемам. Впервые он занялся изучением пленок, описывающих само 575-е Столетие: его географию, которая почти не менялась от Реальности к Реальности, историю, менявшуюся в большей степени, и Социологию, претерпевавшую наибольшие изменения. Это не были донесения Наблюдателей или доклады Вычислителей (с ними он более или менее был знаком), а книги, созданные самими Времянами.

Среди них были художественные произведения, написанные в 575-м, и их вид напоминал ему бурные дискуссии о влиянии Изменений на произведения искусства.

Вечный вопрос — повлияет ли Изменение на данный шедевр или нет? Если повлияет, то как? Можно ли считать Изменение удачным, если при этом гибнут произведения искусства?

Кстати, возможно ли вообще не субъективное мнение по вопросам искусства? Можно ли свести искусство к количественным показателям, доступным обработке на Вычислительных машинах?

Главным оппонентом Твиссела по этому вопросу был Вычислитель по имени Август Сеннор. Постоянные выпады Твиссела по адресу Сеннора и его воззрений разожгли любопытство Харлана и побудили его прочесть некоторые книги Сеннора. Он был поражен прочитанным.

Сеннор открыто (к полному замешательству Харлана) задавал вопрос: не может ли появиться в новой Реальности личность, аналогичная человеку, взятому из предыдущей Реальности в Вечность? Затем он подвергал анализу возможность встречи Вечного со своим Аналогом во Времени, рассматривая отдельно случаи, когда Вечный знает и не знает об этом. (Здесь он слишком близко подошел к тому, что для каждого Вечного было предметом затаенного страха, и Харлан, беспокойно поежившись, торопливо пропустил несколько кадров.) И, разумеется, он уделял много внимания судьбам произведений литературы и искусства при Изменениях Реальности.

Твиссел даже слышать не хотел о подобных вещах.

— Если невозможно рассчитать ценность произведений

искусства, — кричал он Харлану, — то какой смысл вести бесконечную дискуссию!

И Харлан знал, что взгляды Твиссела разделяет подавляющее большинство членов Совета Времен.

И все же теперь, стоя перед полками с книгами Эрика Линколлью, называемого обычно самым выдающимся романистом 575-го, Харлан думал именно об этом. Он насчитал пятнадцать Полных собраний сочинений, взятых из разных Реальностей. Было очевидно, что все они чем-то отличаются друг от друга. Один комплект, например, был меньше всех остальных. Харлан подумал, что, верно, добрая сотня Социологов заработали свои звания, проанализировав отличия в этих Собраниях сочинений с точки зрения социологической структуры каждой Реальности.

Харлан побродил немного по выставке приборов и механизмов, изъятых из различных Реальностей 575-го. Он знал, что многие из них были вычеркнуты из Времени и сохранились только в музеях Вечности как образцы человеческого таланта. Вечность была вынуждена оберегать человека от последствий его чрезмерно живого технического воображения. Развитие науки и техники всегда доставляло Вечным кучу хлопот. Не проходило биогода, чтобы где-нибудь во Времени ядерная технология не подошла слишком близко к опасной точке, требуя срочного вмешательства со стороны Вечности.

Он вернулся в библиотеку и направился к полке с фильмокнигами по математике и истории ее развития. После некоторого раздумья он отобрал штук пять пленок и расписался за них.

Эпизод пятый. Нойс.

Это была самая важная часть интермедии, ее единственная идиллическая часть.

В свободные часы, после ухода Купера, когда ему разрешалось есть в одиночестве, читать в одиночестве, спать в одиночестве, ждать в одиночестве следующего дня, он пробирался к капсулам.

От всего сердца он радовался особому положению, занимаемому в обществе Техниками. Он был искренне признателен окружающим за то, что они избегали его. Ему даже не снилось, что можно быть настолько благодарным за эту изоляцию и обособленность.

Никто не оспаривал его права находиться в капсуле, никому не было дела, направляется ли он в прошлое или в будущее. Ничьи любопытные глаза не следили за ним, ничья доброжелательная рука не поднималась помочь ему, ничей словоохотливый рот не докучал ему болтовней.

Он был свободен делать все, что ему вздумается.

— Слушай, Эндрю, ты переменился, — говорила ему Нойс. — Если бы ты только знал, как ты переменился!

Он смотрел на нее и улыбался:

— В чем, Нойс?

— Да ведь ты улыбаешься. Подумать только — ты улыбаешься! Неужели ты ни разу не видел в зеркале своей улыбки?

— Я боюсь смотреть в зеркало. Я постоянно повторяю себе: не может быть, чтобы я был так счастлив. Я болен. У меня бред. Я сошел с ума и грежу наяву, не подозревая об этом.

Нойс ущипнула его:

— Чувствуешь что-нибудь?

Он привлек ее к себе и словно утонул в ее шелковистых черных волосах.

Когда он наконец отпустил ее, она произнесла, задыхаясь:

— Вот и еще одна перемена. Ты и этому научился.

— У меня превосходная учительница... — начал было Харлан и осекся, испугавшись, что ей будет неприятен намек на его многочисленных предшественников, которые сделали из нее такую хорошую учительницу.

Но ее звонкий смех не был омрачен подобной мыслью. Они ужинали вместе. В привезенных им нарядах она выглядела очень уютно, почти по-домашнему, и Харлан, не отрываясь, смотрел на нее.

Проследив за его взглядом, она легким движением оправила юбку и сказала:

— Лучше бы ты не делал этого, Эндрю, честное слово.

— Пустяки, это не опасно, — беззаботно ответил он.

— Не надо глупить. Это очень опасно. Я вполне могу обойтись тем, что отыскала здесь... пока ты все не устроишь.

— Почему бы тебе не носить собственные платья и побрякушки?

— Потому что не стоит из-за них выходить во Время и посещать мой дом, рискуя быть пойманным. А вдруг они совершат Изменение, пока ты там?

— Меня не поймают, — нерешительно начал Харлан и уверенно добавил: — А кроме того, мой наручный генератор окружает меня Полем биовремени, так что Изменение не может коснуться меня, понимаешь?

— Нет, не понимаю, — вздохнула Нойс. — Боюсь, что никогда не смогу усвоить эти премудрости.

— Да это же проще простого.

Харлан с увлечением принялся объяснять. Нойс внимательно слушала, но по выражению ее глаз никак нельзя было понять, действительно ли ее интересуют эти объяснения или же только забавляют.

Эти разговоры стали важнейшей частью жизни Харлана. Впервые он мог с кем-то обсуждать свои дела, мысли, поступки. Она как бы стала частью его самого, его вторым «я», с независимым ходом мысли и неожиданными ответами и поступками. «Как странно, — думал Харлан, — сколько раз мне приходилось наблюдать такое социальное явление, как супружество, а самое важное всегда ускользало от меня. Ну разве мог я когда-либо вообразить, что бурные вспышки страсти совсем не главное в браке и что такие спокойные минуты вдвоем с любимой таят в себе столько прелести?»

Свернувшись клубочком в его объятиях, Нойс спросила:

— Как продвигается твоя математика?

— Хочешь взглянуть на нее?

— Не убеждай меня, что ты всегда носишь ее с собой.

— А почему бы нет? Поездки в капсулах отнимают много времени. Зачем терять его впустую?

Осторожно высвободив руку, Харлан достал из кармана маленький фильмоскоп, вставил в него пленку и с влюблен-

ной улыбкой смотрел, как она подносит приборчик к своим глазам. Покачав головой, Нойс вернула фильмоскоп.

— В жизни не видела столько закорючек. Как бы мне хотелось уметь читать на вашем Едином межвременном языке!

— Большинство этих «закорючек», как ты их называешь, — ответил Харлан, — вовсе не буквы Межвременного, а просто математические символы.

— Неужели ты их все понимаешь?

В ее взгляде сквозило искреннее восхищение, но, как ни горестно было Харлану разрушать ее иллюзии, он был вынужден сознаться:

— К сожалению, не настолько хорошо, как мне хотелось бы. Но все же достаточно, чтобы понять главное.

Он подкинул фильмоскоп вверх, поймал его быстрым движением руки и положил на маленький столик. Нойс следила за ним жадным взглядом, и внезапно Харлана осенило:

— Разрази меня Время! Ведь ты же не умеешь читать на Межвременном.

— Конечно, нет.

— Тогда здешняя библиотека для тебя все равно что не существует. Как мне не пришло это в голову раньше? Тебе нужны пленки из 482-го.

— Нет, нет, я не хочу... — торопливо ответила Нойс.

— Ты их получишь!

— Честное слово, я не хочу. Глупо рисковать ради...

— Ты их получишь! — решительно повторил Харлан.

В последний раз он стоял перед завесою Поля, отделяющего Вечность от дома Нойс в 482-м. Он твердо решил, что этот раз будет последним. Изменение должно было вот-вот наступить. Он скрыл это от Нойс, боясь причинить ей боль.

И все же он сравнительно легко решился на еще одну вылазку во Время. С одной стороны, это была чистая бравада, желание покрасоваться перед Нойс, принести ей фильмокниги, вырванные, так сказать, из львиной пасти, с другой — непреодолимое стремление еще раз «опалить бороду

испанского короля», если только эта первобытная поговорка была применима к гладко выбритому Финжи.

В какой-то степени сыграло роль его желание снова окунуться в таинственную чарующую атмосферу обреченного дома. Он уже испытывал это чувство раньше, во время своих предыдущих вылазок. Оно непрестанно преследовало его, пока он бродил по пустым комнатам, собирая одежду, безделушки, странные коробочки и непонятные инструменты с туалетного столика Нойс.

В доме царила зловещая тишина обреченной Реальности, и дело было не только в физическом отсутствии звуков. Харлан не мог предсказать, чем станет этот дом в новой Реальности. Дом мог превратиться в загородный коттедж или в многоэтажный доходный небоскреб где-нибудь в трущобах. Он мог вообще исчезнуть, и прекрасный парк, окружавший его сейчас, мог смениться диким пустырем. Он мог не претерпеть никаких изменений. В следующей Реальности в нем могла жить новая Нойс, ее Аналог (Харлан боязливо отгонял эту мысль), и с таким же успехом могло случиться, что в нем будет жить кто-то другой.

Пять раз посетил он этот дом, и только однажды царившая в нем тишина была нарушена каким-то звуком. Он был в тот момент в буфетной, радуясь, что в данной Реальности слуги не в моде и что поэтому у него одной проблемой меньше. Кончив рыться среди коробок и банок с деликатесами, он подумал, что отобрал уже достаточно для одного раза и что Нойс будет рада возможности разнообразить обильное, но безвкусное меню пустого Сектора своими любимыми блюдами. Он даже громко рассмеялся, вспомнив, что еще не так давно искренне считал эти блюда декадентским извращением. И вдруг, еще продолжая смеяться, он отчетливо услышал резкий, отрывистый звук.

Харлан окаменел.

Звук раздался где-то сзади, за его спиной; и пока он стоял, не в силах пошевелиться, в его мозгу промелькнули две догадки: сначала он решил, что это случайный вор, и затем ему пришла в голову мысль о гораздо более страшной опас-

ности — это мог быть кто-нибудь из Вечных, посланный сюда для расследования.

Конечно, это не вор. Весь период Времени, отведенный ему Инструкцией, включая два запасных дня, был тщательно проверен и выбран из всех других возможных периодов Времени именно из-за отсутствия всяких осложняющих обстоятельств. С другой стороны, он произвел микроизменение (а может быть, даже и не микро) тем, что похитил Нойс.

Чувствуя, как сердце вот-вот выскочит у него из груди, Харлан заставил себя обернуться. Ему показалось, что дверь за его спиной только что закрылась, скользнув у него на глазах на последний миллиметр, прежде чем слиться со стеной.

Он подавил желание открыть эту дверь и обыскать дом. Собрав отложенные банки и коробочки, он стремглав вернулся в Вечность и целых два дня выжидал, прежде чем рискнул снова отправиться к Нойс в далекое будущее. Однако этот эпизод не имел никаких последствий, и постепенно он позабыл о нем.

Но сейчас перед выходом во Время, устанавливая ручки настройки на определенные координаты в Пространстве и Времени, он снова вспомнил об этом происшествии. А может быть, ему не давала покоя мысль о совсем уже близком Изменении. Во всяком случае, потом ему казалось, что одно из этих двух обстоятельств и послужило причиной ошибки в настройке. Другого объяснения он придумать не мог.

Ошибка сказалась не сразу. Пройдя сквозь завесу Темпорального поля, Харлан очутился в библиотеке Нойс.

Он настолько уже проникся сам духом упадка, что у него не вызывали прежнего отвращения изощренные формы и причудливые узоры футляров с фильмокнигами. Названия книг были выведены красивой, но до того замысловатой вязью, что прочитать их можно было только с большим трудом. Практичность и удобство были безоговорочно принесены в жертву моде.

Харлан прочитал наудачу названия нескольких пленок и был изумлен. Одна из книг называлась «Социальная и экономическая история нашего Времени».

Почему-то он никогда не обращал внимания на эту особенность натуры Нойс. Ее нельзя было назвать пустой или глупой, но ему в голову не приходило, что ее могут интересовать такие солидные труды. Ему захотелось самому просмотреть эту книгу, но он сдержался. Если он захочет, то всегда найдет ее в библиотеке Сектора. Финжи, подготовляя Изменение, несомненно, отобрал из этой Реальности все сколько-нибудь интересное уже много месяцев назад.

Он отложил пленку в сторону и выбрал после недолгих поисков парочку романов и несколько описаний путешествий. Прихватив два карманных фильмоскопа, он тщательно упаковал все в свой рюкзак.

И тут он снова услышал, как тишину дома нарушили звуки. На этот раз ошибки быть не могло. То, что он услышал, не было кратковременным шумом непонятного происхождения. Кто-то — судя по голосу, мужчина — громко рассмеялся. В доме был посторонний.

Харлан даже не заметил, как выронил рюкзак. Первой его мыслью было, что он попал в ловушку.

Глава 10

В ЛОВУШКЕ

Положение казалось безвыходным. Судьба словно издевалась над ним. В последний раз совершил он вылазку во Время, в последний раз решил он поиграть с Финжи в прятки; словно кувшин из старинной поговорки, в последний раз отправился он по воду. Надо же было ему попасться именно теперь!

Кто смеялся? Финжи?

Кто еще стал бы выслеживать его, устраивать засаду и теперь упиваться своим торжеством?

Неужели все потеряно? В первое мгновение Харлан был настолько в этом уверен, что ему даже не пришло в голову попытаться улизнуть или вернуться в Вечность. Он решил встретиться с Финжи лицом к лицу. Если понадобится, он убьет его.

Харлан крадучись направился к двери, из-за которой послышался смех. Выключив автоматический звуковой сигнал, он осторожно приоткрыл дверь рукой. Два дюйма. Три. Дверь скользила совершенно бесшумно.

В соседней комнате спиной к нему стоял человек. Для Финжи незнакомец был слишком худ и высок ростом, и, к счастью, это обстоятельство вовремя дошло до сознания Харлана и удержало его на месте.

Затем, по мере того как спадало охватившее их обоих в первый момент оцепенение, тот, второй, начал медленно, дюйм за дюймом поворачивать голову.

Однако прежде чем он повернулся вполоборота, Харлан, не успев даже как следует разглядеть его профиль, из последних сил в паническом ужасе отпрянул назад. Автоматический механизм беззвучно закрыл дверь.

Ничего не видя, Харлан пятился от двери. Он тяжело дышал, с трудом заглатывая воздух; сердце колотилось так, точно хотело выпрыгнуть из груди.

Финжи, Твиссел и весь Совет Времен, вместе взятые, не могли бы довести его до подобного состояния. Его лишил мужества вовсе не страх перед реальной опасностью, а скорее инстинктивное отвращение к тому, что могло сейчас произойти.

Он подобрал отложенные пленки и, неловко прижимая их к себе, ухитрился после двух неудачных попыток открыть дверь в Вечность. Ноги сами несли его. Каким-то чудом добрался он до 575-го, а затем до своей комнаты. Звание Техника, которое он только недавно по-настоящему оценил, снова выручило его. Встречные отворачивались и уступали дорогу.

Это было спасением, потому что на его мертвенно-бледном лице застыло выражение ужаса. Никто даже не взглянул в его сторону, и Харлан возблагодарил за это Время, и Вечность, и то слепое нечто, которое сплетает нити человеческой Судьбы.

Он не успел как следует разглядеть человека, стоявшего в комнате Нойс, но он был совершенно уверен, что не ошибся.

Когда Харлан впервые услыхал шум в доме Нойс, он

смеялся, и звук, прервавший его смех, был звуком падения чего-то тяжелого в соседней комнате. Во второй раз кто-то рассмеялся в соседней комнате, и он, Харлан, уронил на пол сверток с пленками. В первый раз он, Харлан, обернулся и увидел, как закрылась дверь. Во второй раз он, Харлан, закрыл дверь, когда незнакомец начал поворачиваться.

Он встретил самого себя!

В один и тот же момент Времени и почти в одном и том же месте он встретил другого, более раннего Харлана, чуть было не столкнулся с ним лицом к лицу. Он допустил ошибку, настроился на уже использованное мгновение, и в результате он встретил самого себя: Харлан встретил Харлана.

Воспоминание о пережитом кошмаре преследовало его много дней, мешая работать. Он обзывал себя трусом и размазней, но ничего не помогало.

Вся его жизнь словно покатилась под уклон. Он мог совершенно точно провести роковую черту, с которой все началось. Неудачи стали преследовать его с того самого мгновения, когда он в последний раз настроил управление Врат Времени на выход в 482-е и каким-то образом допустил ошибку. С тех пор дела шли плохо, просто скверно.

Изменение Реальности, произведенное в 482-м, только усугубило его уныние. За две прошедшие недели он нашел три проекта Изменений Реальности, содержавших незначительные дефекты, и теперь выбирал между ними, не в силах решиться на активные действия.

Его выбор пал на проект Изменения Реальности 2456-2781, серия В-6 по ряду причин. Из всех трех оно было самым отдаленным во Времени. Ошибка в проекте была незначительной, но она влекла за собой человеческие жертвы. Кратковременная поездка в 2456-е, небольшой шантаж, и он узнает судьбу Нойс в новой Реальности и выяснит, что представляет собой ее Аналог.

Но недавнее происшествие лишило его мужества. Тонко задуманная операция уже не казалась простой и легкой. Допустим, ему удастся выяснить природу Аналога Нойс — что

дальше? Вернуть Нойс во Время в образе кухарки, прачки, работницы или кого-нибудь еще? Разумеется. А что делать с самим Аналогом? С ее мужем, если он у нее будет? С ее семьей? С детьми?

Раньше он как-то не задумывался над этими вопросами, всячески избегал их: «Там будет видно...»

Сейчас он не мог думать ни о чем другом.

В состоянии полного упадка он валялся в постели, пренебрегая работой и презирая самого себя, как вдруг на противоположной стене засветился экран видеофона и он услышал голос Твиссела, в котором звучали усталость и недоумение:

— Харлан, что с тобой? Ты болен? Купер сказал мне, что ты пропустил несколько уроков.

Харлан попытался придать себе беспечный вид.

— Нет, Вычислитель Твиссел, я здоров. Немного устал — вот и все.

— Ну что ж, мой мальчик, это простительно.

Чуть ли не впервые за все время их знакомства улыбка почти совсем исчезла с лица Вычислителя.

— Ты уже слышал об Изменении в 482-м?

— Да, — коротко ответил Харлан.

— Финжи говорил со мной и просил передать тебе, что Изменение прошло успешно.

Харлан пожал плечами и вдруг заметил, что Твиссел пристально, в упор, глядит на него с экрана. Ему стало не по себе, и он спросил:

— Вы мне что-то хотите сказать, Вычислитель?

— Нет, ничего, — проговорил Твиссел, и, возможно, бремя прожитых лет отозвалось в его голосе усталостью и печалью. — Я думал... может быть, ты хочешь со мной поговорить?

— Нет, сэр.

— Что ж, тогда мы увидимся с тобой завтра, когда откроется Вычислительный зал. Мне многое надо сказать тебе.

— Да, сэр, — ответил Харлан и еще долго после того, как погас экран, задумчиво смотрел на него.

В словах Твиссела ему послышалась скрытая угроза. Значит, Финжи все-таки говорил с Твисселом. Что же такое он сказал ему?

Но эта внешняя угроза была именно тем толчком, которого ему сейчас недоставало. Бороться с собственным унынием было безнадежно — все равно что сражаться с зыбучими песками, грозя им маленьким прутиком. Бороться с Финжи — другое дело. Впервые за много дней Харлан вспомнил, каким оружием он обладает, и к нему вернулась былая уверенность.

Смена настроений произошла так внезапно, словно закрылась одна дверь и открылась другая. Оцепенение Харлана сменилось бурной деятельностью. Он отправился в 2456-е и, ошеломив Социолога Воя, получил нужную ему информацию. Свою роль он сыграл блестяще. Он узнал все, что хотел. Вернее, даже больше, чем хотел; больше, чем смел надеяться.

Уверенность всегда вознаграждается. В его родном Столетии была поговорка: «Схватись отважно за крапиву — она врагу дубинкой покажется».

Итак, Нойс не имела Аналога в новой Реальности. Она могла занять свое место в обществе любым удобным, не вызывающим подозрений способом, или она могла остаться в Вечности. Не было никаких причин, по которым ему могли бы отказать в союзе с ней, кроме чисто теоретического факта нарушения закона, — а он хорошо знал, как отвести его обвинение.

И вот сейчас он мчался в будущее, сгорая от нетерпения увидеть Нойс и сообщить ей эту великую новость, насладиться вместе с ней огромной удачей после мучительных дней отчаяния и тяжелых предчувствий.

Внезапно капсула остановилась.

Она не замедлила постепенно свой ход, а просто остановилась, словно наткнувшись на невидимую преграду. Если бы капсула двигалась в Пространстве, мгновенная остановка разбила бы ее вдребезги, докрасна раскалила бы ее ме-

талл, превратила бы Харлана в бесформенную кучу поломанных костей, в кровавое пятно на стене.

Но поскольку капсула двигалась во Времени, остановка вызвала только сильную тошноту и такую острую боль в желудке, что он согнулся в три погибели.

Когда боль чуть отпустила, он потянулся к Счетчику. Сквозь плавающий в глазах туман он разглядел циферблат. Счетчик показывал: 100 000.

Внезапно его охватил страх. Число было слишком круглым.

Он лихорадочно повернулся к приборам. Что случилось? Но приборы утверждали, что все в порядке, и это напугало его еще больше. Пусковой рычаг был в исправности и находился в крайнем положении, соответствующем движению в будущее с максимальной темпоральной скоростью. Не было никаких признаков короткого замыкания. Ни одна стрелка не перешла за красную черту. Энергопитание не было отключено. Тоненькая стрелка энергометра молчаливо настаивала на том, что потребление энергии по-прежнему составляет миллионы мегаватт.

Что же тогда остановило капсулу?

Медленным, осторожным движением Харлан дотронулся до рычага и перевел его в нейтральное положение. Стрелка энергометра стала на нуль. Он потянул рычаг на себя. Стрелка снова пошла вверх, а Счетчик принялся отщелкивать Столетия в обратном направлении.

Назад... еще назад... 99 983... 99 972... 99 950...

Харлан остановил капсулу и снова послал ее в будущее. На этот раз медленно, очень медленно.

99 985... 99 993... 99 997... 99 998... 99 999... 100 000...

Стоп! Счетчик застрял на 100 000. Энергия вспышки Солнца потреблялась в фантастических количествах без всякого результата.

Он снова послал капсулу назад, на этот раз еще дальше. Рванулся вперед на предельной скорости. И вновь остановка!

Сквозь стиснутые зубы со свистом прорывалось его дыхание. Харлан чувствовал себя узником, бьющимся в бес-

сильной ярости окровавленной головой о прутья тюремной решетки.

После десятка бесплодных попыток капсула по-прежнему застряла на 100 000.

Надо сменить капсулу! Но в глубине души он уже знал, что это бесполезно.

В мертвой тишине 100 000-го Столетия Эндрю Харлан вышел из капсулы и выбрал наудачу новый Колодец Времени.

Минуту спустя, сжимая рукоятку, он глядел на число 100 000 на Счетчике, теперь уже точно зная, что ему не пройти и здесь.

Его охватило бешенство. Надо же было ему потерпеть поражение именно сейчас, после того, как ему так неожиданно повезло! Проклятие той роковой ошибки все еще тяготело над ним.

Рванув рычаг, он послал капсулу на полной скорости назад, в прошлое. По крайней мере в одном направлении он еще мог двигаться, один путь еще был для него свободен.

Нойс отгорожена от него барьером, Нойс вне его досягаемости — что еще они могут ему сделать? Теперь ему нечего терять.

В 575-м он выскочил из капсулы и, не разбирая дороги, не глядя по сторонам, кинулся в библиотеку. Там он взял давно облюбованный экспонат и даже не оглянулся — следят за ним или нет. Не все ли равно?

Снова в капсулу и снова в прошлое. План действия сложился сразу. По пути он взглянул на большие настенные часы, показывающие биовремя и номер одной из трех рабочих смен, на которые были разбиты сутки. Финжи сейчас, вероятно, в своей квартире. Что ж, тем лучше!

Когда Харлан наконец прибыл в 482-е, он весь горел как в лихорадке. Рот пересох, словно его набили ватой. Грудь спирало. Но под рубашкой у него было спрятано оружие, которое он прижимал локтем к телу, и это холодное прикосновение металла было единственным ощущением, с которым стоило считаться.

* * *

Вычислитель Гобби Финжи взглянул на Харлана, и удивление в его взгляде медленно уступило место беспокойству. Харлан молча смотрел на него, ожидая, когда беспокойство перейдет в страх. Неторопливо сделав несколько шагов в сторону, он оказался между Вычислителем и видеофоном.

Финжи был раздет до пояса. На его голой груди виднелись редкие волоски; грудь была жирной и похожей на женскую. Рыхлый живот выпирал над поясом толстой складкой. Харлан с удовлетворением подумал, что у Вычислителя совсем не величественный, скорее отталкивающий вид. Что ж, так даже лучше.

Правой рукой он судорожно сжимал под рубашкой рукоятку оружия.

— Не стоит поглядывать на дверь, Финжи, — заговорил Харлан. — Никто не заметил меня. Ни одна живая душа не явится вам на помощь. Вам следует понять, что вы имеете дело с Техником. Знаете ли вы, что это значит?

Голос Харлана звучал глухо. Его злило, что в глазах Финжи не было страха, только беспокойство. Вычислитель неторопливо потянулся за рубашкой и, не говоря ни слова, принялся одеваться.

— Известно ли вам, Финжи, какие привилегии связаны со званием Техника? — продолжал Харлан. — Впрочем, откуда вам знать, ведь вы никогда не были Техником. Самая большая привилегия заключается в том, что Техник становится невидимкой; никто не видит, куда он идет или что он делает. Вечные так усердно отворачиваются при встрече с Техниками, что в конце концов вообще перестают их замечать. Например, я могу пройти в библиотеку Сектора и взять там все, что моей душе угодно, пока библиотекарь будет сидеть, уткнув нос в свои бумаги и боясь даже повернуть голову в мою сторону. Я могу пройти по жилым коридорам 482-го, и все встречные будут отводить глаза, а потом клясться будут, что никого не видели. Привычка не замечать Техников стала у Вечных второй натурой. Вот почему я могу делать все, что мне вздумается, и ходить всюду, куда мне вздумается. Я могу, например, зайти в личные апартаменты Вычислителя, возглавляющего Сектор, под дулом оружия вырвать у него любые признания, и весь Корпус безопасности не в состоянии мне помешать.

Впервые после его прихода Финжи заговорил:

— Что вы там прячете?

— Оружие, — ответил Харлан и вытащил руку из-под рубашки. — Узнаете?

Оружие напоминало старинный пистолет со стволом в виде раструба, который заканчивался блестящим металлическим утолщением.

— Если только вы меня убьете... — начал Финжи.

— Не бойтесь. Я не убью вас, — ответил Харлан. — В прошлую нашу встречу у вас был аннигилятор. У меня в этот раз нечто получше. Эта штука была изобретена в одну из прошлых Реальностей 575-го. Возможно, что вы никогда не слышали о ней. Ее вычеркнули из Реальности. Отвратительная вещица. Это нейронный излучатель. Его также называют — вернее, называли — болеизлучателем. Им можно убить человека, но при малой мощности излучения он воздействует на болевые центры нервной системы и вызывает паралич. Учтите, он заряжен. Я опробовал его на себе. — Харлан показал скрюченный мизинец левой руки. — Могу вас уверить, ощущение было не из приятных.

Финжи беспокойно поежился.

— Сохрани меня Время, что вам от меня нужно?

— Я требую, чтобы вы сняли блокировку Времени в 100 000-м.

— Блокировку Времени?

— Нечего притворяться удивленным — вам это все равно не поможет. Вчера вы говорили с Твисселом. Сегодня все Колодцы Времени заблокированы. Я хочу знать, что вы сказали Твисселу. Я хочу знать, что было предпринято в связи с вашим доносом и что еще собираются предпринять. Разрази меня Время, Вычислитель, если вы не скажете мне правду, я с удовольствием пущу в ход излучатель! Считаю до трех, после чего вы убедитесь, шучу я или нет.

— Тогда слушайте... — Финжи слегка заикался, в его го-

лосе послышались нотки страха. — Вы хотите знать правду — так получайте ее. Нам все известно о вас и о Нойс.

У Харлана задрожали веки.

— Что именно?

— Неужели вы думали, что ваши действия останутся незамеченными и безнаказанными? — Финжи говорил, не сводя глаз с болеизлучателя; его лоб покрылся испариной. — Я был бы недостоин звания Вычислителя, если бы после того, что вы натворили в период Наблюдения, не установил за вами слежки. Мы знаем, что вы взяли Нойс в Вечность. Мы знали это с самого начала. Вот вам вся правда — и подавитесь ею!

Никогда в жизни Харлан еще так не презирал себя за собственную тупость.

— Вы знали все с самого начала?

— Да. Мы знаем, что вы прячете ее в Скрытых Столетиях. Каждый раз, когда вы прокрадывались в 482-е, чтобы выкрасть ее тряпки или изысканные блюда, мы знали об этом. Запомните это, жалкий дурак, променявший клятву Вечного на женскую юбку.

— Почему же вы не остановили меня? — Харлан решил испить чашу унижения до дна.

— Вам все еще мало? — По мере того как надежды Харлана разлетались вдребезги, Финжи, казалось, набирался храбрости.

— Говорите.

— Тогда я скажу вам, что я с самого начала считал вас недостойным звания Вечного. Вы можете быть неплохим Наблюдателем или небесталанным Техником, но для Вечного у вас кишка тонка. Я дал вам последнее поручение только для того, чтобы доказать это Твисселу, который по каким-то непонятным причинам цепляется за вас. Ваша работа не была просто проверкой аристократических предрассудков, она одновременно была проверкой вас как Вечного, и вы не выдержали ее, в чем я лично был уверен с самого начала. А теперь спрячьте это оружие, этот болеизлучатель, как вы его называете, и убирайтесь отсюда вон.

Все попытки Харлана сохранить остатки собственного

достоинства разбивались о злобный взгляд Финжи; ему казалось, что его мозг утратил гибкость и чувствительность, подобно мизинцу левой руки, парализованному болеизлучателем.

— И вы пришли тогда в мою комнату специально для того, чтобы подтолкнуть меня на преступление?

— Вот именно. Точнее, я искушал вас. Я сказал вам тогда чистую правду, что только в той Реальности вы могли сохранить Нойс. Вы предпочли действовать не как Вечный, а как сопливый мальчишка. Впрочем, ничего другого я от вас и не ждал.

— Я бы и сейчас поступил точно так же, — хрипло сказал Харлан. — И поскольку вам все известно, то мне, как вы сами понимаете, терять нечего.

Он приставил болеизлучатель к жирному животу Финжи и проговорил сквозь стиснутые зубы:

— Что вы сделали с Нойс?

— Понятия не имею.

— Не пытайтесь меня обмануть. Что вы сделали с Нойс?

— Я уже сказал вам, что не знаю.

Харлан что было сил сжал рукоять болеизлучателя, его голос звучал совсем тихо:

— Сначала в ногу. Вам будет очень больно.

— Послушайте, сохрани меня Время, подождите...

— Жду. Что вы сделали с Нойс?

— Нет, послушайте меня. До сих пор ваши поступки были простым нарушением дисциплины. Реальность не пострадала. Я специально проверил это. Вы отделаетесь разжалованием в Работники. Но если вы меня убьете или нанесете мне телесные повреждения, то за нападение на старшего по званию вас приговорят к смертной казни.

Эта жалкая угроза вызвала на лице Харлана презрительную улыбку. После всего, что случилось, смерть будет для него самым простым и легким выходом.

Но Финжи, очевидно, не понял значения этой улыбки, потому что он торопливо добавил:

— Не думайте, что в Вечности нет смертной казни — раз вы никогда о ней не слышали. Мы, Вычислители, лучше ос-

ведомлены. Нам известны десятки преступлений, повлекших за собой смертную казнь. Привести приговор в исполнение очень просто. В каждой Реальности насчитывается немало катастроф, после которых не находят трупов. Ракеты взрываются в воздухе, аэролайнеры тонут в океане или разбиваются вдребезги в горах. Приговоренного помещают внутрь обреченного корабля за несколько минут или секунд до катастрофы. Теперь вы мне верите?

Харлан содрогнулся, но тут же овладел собой.

— Если вы собираетесь запугать меня — не выйдет! Послушайте лучше, что я скажу вам. Никакие наказания мне не страшны. Более того, я собираюсь заключить союз с Нойс. Она нужна мне теперь. В текущей Реальности у нее нет Аналога и нет никаких причин, по которым мне могли бы отказать в разрешении.

— Союз с Техником. Это против всех обычаев...

— Мы предоставим решать это Совету Времен. — В Харлане наконец проснулась гордость. — Я не боюсь отказа, так же как я не боюсь убить вас. Я ведь не просто Техник.

— Хотите сказать, что вы Техник Твиссела? — На круглом, потном лице Финжи появилось странное выражение — то ли ненависти, то ли торжества, то ли того и другого вместе.

— Нет, причина куда важнее... А теперь... — С мрачной решимостью Харлан положил палец на спусковую кнопку.

— Тогда идите в Совет! — истерично взвизгнул Финжи. — Совет Времен знает все. Объясните им... — У него сорвался голос.

Палец Харлана нерешительно задрожал на кнопке.

— Что вы сказали?

— Неужели вы думаете, что в подобном деле я стал бы действовать в одиночку? Я доложил обо всем Совету сразу же после Изменения Реальности. Вот копия моего донесения.

— Ни с места!

Но Финжи не обратил внимания на этот окрик. Он метнулся к картотеке с такой быстротой, словно в него вселился злой дух. Отыскав кодовый номер нужного отчета, он торопливо набрал его, и из щели в столе поползла серебристая лента, на которой простым глазом можно было разобрать сложный узор точек.

— Хотите прослушать ее? — спросил Финжи и, не дожидаясь ответа, вставил ленту в озвучиватель.

Харлан слушал, окаменев. В своем донесении (вернее, доносе) Финжи ничего не упустил. Насколько Харлан мог припомнить, каждая его поездка во Времени была описана со всеми подробностями.

— А теперь идите в Совет! — закричал Финжи, когда лента кончилась. — Я не блокировал Время. Я даже не знал, что это возможно. И не думайте, что Совет погладит вас по головке. Да, вы правы, я говорил вчера с Твисселом. Но это он вызвал меня, а не я его. Идите, объясните Твисселу, что вы за важная птица. А если вам так уж хочется сначала убить меня, то стреляйте, Время вас побери!

В голосе Вычислителя явственно слышались ликующие нотки. Он чувствовал себя победителем, и в эту минуту ему не был страшен даже болеизлучатель. Почему? Неужели он так сильно ненавидит Харлана? Неужели ревность к Харлану заглушает в нем все остальные чувства, даже чувство самосохранения?

Харлан не успел ответить себе на эти вопросы. Неожиданно Финжи и все связанное с ним потеряло для него всякое значение.

Он сунул болеизлучатель в карман, резко повернулся и, не оглядываясь, направился к ближайшему Колодцу Времени.

Теперь ему предстояло иметь дело с Советом или по крайней мере с Твисселом. Он не боялся их ни порознь, ни вместе взятых.

С каждым днем в нем крепла уверенность в своей незаменимости. Даже Совету Времен придется пойти ему на уступки, если на одной чаше весов будет Нойс, а на другой — судьба Вечности.

Глава 11

ЗАМКНУТЫЙ КРУГ

Стремительно выскочив из капсулы в 575-м, Техник Эндрю Харлан, к собственному удивлению, обнаружил, что попал в ночную смену. В безумных метаниях из Столетия в Столетие он даже не заметил, как пролетело несколько биочасов. Непонимающими глазами он смотрел на пустые, тускло освещенные коридоры, свидетельствующие о том, что во всем Секторе бодрствует лишь немногочисленный дежурный персонал.

Плотно прижимая локтем к телу жесткую рукоять болеизлучателя, Харлан остановился перед дверью Твиссела. (Он нашел ее по именной табличке с четкой строгой надписью.) Переведя регулятор звукового сигнала двери на максимальную громкость, он нажал влажной ладонью на кнопку и стоял, не отнимая руки. Даже сквозь дверь он слышал глухое гудение.

За спиной послышались легкие шаги, но Харлан не обратил на них внимания в полной уверенности, что и этот прохожий, кем бы он ни был, постарается пройти мимо, не заметив его. (О благословенная розовая нашивка Техника!)

Но против ожидания человек остановился за его спиной и вопросительно произнес:

— Техник Харлан?

Харлан круто обернулся. Перед ним стоял Младший Вычислитель из новеньких. Харлан с трудом подавил раздражение. Что поделаешь, здесь не 482-е, где он был рядовым Техником. В 575-м он был Техником Твиссела, и молодые Вычислители, стремясь снискать расположение великого Твиссела, проявляли какой-то минимум вежливости даже по отношению к его Технику.

— Вы хотите видеть Старшего Вычислителя Твиссела? — спросил Вычислитель.

— Да, сэр, — кисло поморщившись, ответил Харлан. (Что за идиот? А с какой еще стати, по его мнению, он стоит

у двери, нажимая на кнопку сигнала? Чтобы вызвать капсулу?)

— Боюсь, что это невозможно, — проговорил Вычислитель.

— Мое дело не терпит отлагательства.

— Не спорю. Но Вычислителя Твиссела сейчас нет в 575-м. Он в другом Времени.

— В каком именно? — нетерпеливо спросил Харлан.

Во взгляде Вычислителя появилась презрительная надменность.

— Мне это неизвестно.

— Но у меня с ним на утро назначена важная встреча.

— Вот именно. — У Вычислителя было такое выражение лица, словно его что-то очень забавляло; однако причина его веселости оставалась полнейшей загадкой для Харлана.

Откровенно улыбаясь, Вычислитель продолжал:

— Вам не кажется, что вы явились несколько рановато?

— Мне надо срочно с ним встретиться.

Улыбка Вычислителя расплылась еще шире.

— Не беспокойтесь — завтра утром он будет здесь.

— Но...

Вычислитель повернулся, стараясь не коснуться даже одежды Техника, и пошел прочь. Харлан свирепо глядел ему вслед, сжимая и разжимая кулаки. Затем, поскольку все равно больше ничего не оставалось, он медленно, не разбирая дороги, поплелся в свою комнату.

Казалось, ночи не будет конца. Он твердил себе, что ему необходимо выспаться, но уснуть не мог. Почти всю ночь он провел в бесплодных размышлениях.

Прежде всего о Нойс. Он вновь и вновь повторял себе, что они не посмеют коснуться даже волоска на ее голове. Ее не могли отослать обратно во Время, не рассчитав предварительно, как это повлияет на Реальность, а для этого нужны были дни, может быть, даже недели. Правда, с ней могли сделать то, чем Финжи угрожал ему, — поместить за несколько секунд до катастрофы в ракету, обреченную на бесследное исчезновение.

Однако Харлан даже не задумывался всерьез над подоб-

ной возможностью. У Совета не было настоятельной необходимости прибегать к крайним мерам. Вряд ли они рискнут вызвать его неудовольствие. (В сонной тишине ночи Харлан впал в то полудремотное состояние, в котором ничто уже не кажется удивительным, и ему не показалась странной даже собственная уверенность, что Совет Времен не осмелится вызвать неудовольствие Техника.)

Конечно, с женщиной, находящейся в заключении, многое может случиться. Особенно с красивой женщиной из гедонистского Столетия...

Харлан решительно отбрасывал эту мысль всякий раз, как она приходила ему в голову; подобная возможность была одновременно и более вероятной и более ужасной, чем смертная казнь, и ему было страшно даже думать о ней.

Он стал думать о Твисселе.

Старика нет в 575-м. Где он может находиться в эти ночные часы? Почему он не спит? Старики должны отдыхать.

А вдруг члены Совета совещаются? Что делать с Харланом? Что делать с Нойс? Как поступить с незаменимым Техником, которого до поры до времени нельзя трогать?

Харлан уже не сомневался в правильности своей догадки. Он поджал губы. Даже если Финжи поторопился сообщить о вторичном нападении Техника, его донос ровно ничего не меняет. Новое преступление едва ли может существенно усугубить его вину и нисколько не уменьшает его незаменимость.

А Харлан вовсе не был уверен, что Финжи непременно донесет на него. Уже одно то, что Вычислитель струсил перед Техником и все ему рассказал, ставило Финжи в смешное положение, и он вполне мог предпочесть молчание.

Эта мысль навела его на размышления о Техниках как о группе людей с общей судьбой и интересами. В последнее время такие мысли редко приходили Харлану в голову. Его несколько необычное положение личного Техника Твиссела и Наставника Купера отдаляло его от товарищей по профессии. Но другие Техники тоже держались порознь. Почему?

Почему и в 575-м и в 482-м он так редко виделся или разговаривал с другими Техниками? Почему они избегают друг

друга; почему ведут себя так, словно разделяют дурацкие предрассудки Вечных в отношении самих себя?

В своих мечтах он уже принудил Совет к капитуляции по всем вопросам, касавшимся Нойс, и теперь выдвигал новые требования. Техники должны получить право создать собственную организацию, они должны чаще встречаться друг с другом, больше дружить: должен быть положен решительный конец их бойкотированию.

Засыпая, он уже видел себя бесстрашным героем-революционером, совершающим рука об руку с Нойс великий социальный переворот внутри Вечности.

Его разбудило настойчивое хриплое бормотание звукового сигнала. Собравшись с мыслями, Харлан кинул взгляд на маленькие часы над кроватью и глухо простонал.

Разрази его Время! Кончилось тем, что он проспал.

Не вставая с постели, он дотянулся до нужной кнопки, и квадратное окошко в двери обрело прозрачность. Лицо Вечного, стоявшего за дверью, было ему незнакомо, но в нем чувствовались властность и уверенность.

Харлан открыл дверь, и в комнату вошел человек с оранжевой нашивкой Администратора.

— Техник Эндрю Харлан?

— Да, Администратор. У вас есть дело ко мне?

Однако Администратор, казалось, даже не заметил вызывающего тона, которым был задан этот вопрос.

— Вам была назначена на сегодняшнее утро встреча со Старшим Вычислителем Твисселом.

— Ну и что?

— Меня послали сообщить вам, что вы опаздываете.

Харлан удивленно посмотрел на него.

— Послушайте, что все это значит? Ведь вы не из 575-го.

— Я работаю в 222-м, — последовал ледяной ответ, — Помощник Администратора Арбут Лемм. Я отвечаю за организационную сторону мероприятия и во избежание ненужных толков предпочел не пользоваться видеофоном.

— Какое мероприятие? Какие толки? О чем вы говорите?

Послушайте, я почти каждый день встречаюсь с Твисселом; он мое непосредственное начальство. Какие толки это может вызвать?

Несмотря на все попытки Администратора сохранить официальную бесстрастность, его взгляд выразил крайнее удивление.

— Разве вы ничего не знаете?

— О чем?

— Сейчас в 575-м происходит заседание Специального Комитета Совета Времен. В вашем Секторе только об этом и говорят.

— Они хотят видеть меня? — не успев договорить до конца, Харлан подумал: «Ну, конечно же, они хотят видеть меня. Кому еще, как не мне, может быть посвящено это заседание?»

Теперь он понял, почему так веселился вчера ночью Младший Вычислитель, встретивший его у дверей Твиссела. Вычислитель знал о предстоящем заседании Комитета, и ему смешно было даже подумать, что Техник надеется в подобный момент встретиться с Твисселом. «Очень смешно», — с горечью подумал Харлан.

— Я только повинуюсь полученным мной распоряжениям, — сказал Администратор, — больше мне ничего не известно. — И удивленно добавил: — Неужели вы ничего не слышали?

— Техники отличаются нелюдимостью; они ведут замкнутый образ жизни! — с едким сарказмом ответил Харлан.

Пятеро, не считая Твиссела! Шесть Старших Вычислителей! Шесть Старейшин Совета Времен!

Месяц назад честь завтракать с такими людьми за одним столом ошеломила бы Харлана; мысль об олицетворяемой ими ответственности и могуществе сковала бы ему язык. Они бы казались ему сказочными великанами.

Но сейчас они были его врагами; хуже того — судьями. У него не было времени для благоговейного трепета; ему на-

до было срочно придумать план действий, выбрать линию поведения.

Члены Совета — если только Финжи вторично не донес на него — могли рассчитывать застать Харлана врасплох. Днем в Харлане окончательно окрепла уверенность, что Финжи не решится сделать из себя посмешище, публично сознавшись в оскорблении, нанесенном ему Техником.

Как ни мало было это преимущество, пренебрегать им не стоило. Харлан решил выжидать, пока не будет произнесена фраза, знаменующая начало военных действий. Пусть они сами сделают первый шаг.

Однако члены Совета не спешили. Сидя за скромным завтраком, они безмятежно разглядывали Харлана, словно он был интересным экспонатом, подвешенным в музейной витрине на слабых антигравитаторах. С мужеством отчаяния Харлан стал по очереди рассматривать своих сотрапезников.

Он знал всех присутствующих по их прославленным именам, а также по объемным изображениям, которые то и дело попадались в ежемесячных информационных стереофильмах. Эти фильмы предназначались для обмена опытом между Секторами, и Вечные всех рангов, начиная с Наблюдателей, обязаны были регулярно являться на их просмотры.

В первую очередь его внимание привлек Август Сеннор — совершенно лысый человек, даже без бровей и ресниц. С близкого расстояния это безволосое и безбровое лицо производило еще более странное впечатление, чем со стереоэкрана. Кроме того, Харлан много слышал о сильных разногласиях между Сеннором и Твисселом. И наконец, Сеннор не ограничивался разглядыванием Харлана. Он буквально засыпал его вопросами, задавая их резким пронзительным голосом.

Вначале это были невинные риторические вопросы вроде: «Скажите, молодой человек, почему вас вдруг заинтересовала Первобытная история?» или «Что дало вам это увлечение?».

Затем он уселся поудобнее в кресле и, сбросив небрежным жестом свою тарелку в люк для грязной посуды, сложил

перед собой руки со сплетенными пальцами. (Харлан обратил внимание, что и на руках у него не было волос.)

— Меня давно интересует один вопрос, — начал Сеннор. — Может быть, вы мне поможете.

«Вот оно, началось», — подумал Харлан.

— Если только смогу, сэр, — сказал он вслух.

— Некоторые из членов Совета, я не хочу сказать — все или даже большинство. — Тут он бросил взгляд на усталое лицо Твиссела, в то время как остальные подвинулись поближе и приготовились внимательно слушать. — Но, во всяком случае, некоторые из нас интересуются философскими вопросами Времени. Вы понимаете меня?

— Вы имеете в виду парадоксы путешествий во Времени, сэр?

— Да, если вам больше нравится это мелодраматическое название. Но дело, конечно, не только в парадоксах. Нас интересуют вопросы истинной сущности Реальности, почему при Изменении продолжает действовать закон сохранения массы-энергии и тому подобное. Для нас, Вечных, путешествия во Времени — привычное дело, и это обстоятельство накладывает свой отпечаток на все наши размышления о Времени. А вот милые вашему сердцу Первобытные существа не умели путешествовать во Времени. Что они думали обо всем этом?

С противоположного конца стола донесся громкий шепот Твиссела:

— Мозговые выкрутасы!

Однако Сеннор, казалось, даже не заметил этого выпада.

— Я вас слушаю, Техник, — сказал он.

— В Первобытную Эпоху люди не задумывались над вопросами путешествий во Времени, Вычислитель, — ответил Харлан.

— Не считали их возможными, а?

— Думаю, что так.

— Даже не фантазировали на эту тему?

— Что касается этого, — неуверенно проговорил Харлан, — то мне кажется, что фантазии такого рода встречались в их так называемой научно-фантастической литера-

туре. Я не очень хорошо знаком с ней, но, по-моему, излюбленной темой были приключения человека, который попадает в прошлое и убивает там собственных дедушку или бабушку до того, как появились на свет его родители.

Сеннор был в восторге:

— Великолепно! Просто великолепно! Ведь это фундаментальный парадокс путешествий во Времени, если считать Реальность неизменной. Далее, я осмелюсь утверждать, что вашим Первобытным существам даже в голову не приходило, что Реальность способна изменяться. Не правда ли?

Харлан помедлил с ответом. Его беспокоило, что он никак не может понять, куда клонит Сеннор.

— Моих знаний недостаточно, чтобы ответить вам более или менее определенно, сэр, — произнес он наконец. — Я полагаю, что они допускали возможность существования взаимоисключающих путей развития или же различных плоскостей бытия. Точно не знаю.

Сеннор выпятил нижнюю губу.

— Уверяю вас, вы ошибаетесь. Вас, вероятно, ввели в заблуждение некоторые туманные выражения в этих книгах, и вы стали приписывать им свои мысли. Нет, нет, не познав на опыте возможность путешествовать во Времени, человеческий мозг не в силах постигнуть всю сложность понятия Реальности. Вот, например, почему Реальность обладает инерцией? Мы все знаем, что это так. Для того чтобы вызвать Изменение, настоящее Изменение, всякое воздействие должно превысить некую критическую величину. Даже после этого Реальность стремится вернуться к исходному состоянию.

Предположим мысленно, что мы совершили Изменение здесь, в 575-м. Реальность будет меняться во все возрастающей степени примерно до 600-го Столетия. Потом интенсивность Изменения пойдет на убыль, однако его можно будет проследить, скажем, вплоть до 650-го. Дальше Реальность останется неизменной. Мы знаем об этом из опыта, но кто может ответить, почему это происходит? Казалось бы, на первый взгляд изменения должны накапливаться в возрастающей прогрессии и их влияние должно сказываться на всей последующей истории человечества, но это не так.

Возьмем другой пример. Мне говорили, что Техник Харлан обладает исключительным талантом находить Минимальное необходимое воздействие в любой возможной ситуации. Я готов держать пари, что он не в состоянии объяснить, как он это делает.

Теперь представьте себе, насколько беспомощны были Первобытные люди. Их волновал вопрос о том, можно ли убить своего дедушку, потому что они не понимали, что такое Реальность. Представим себе более вероятную и легче анализируемую ситуацию: путешествуя во Времени, человек встречает самого себя...

— Как вы сказали? «Встречает самого себя»? — возбужденно воскликнул Харлан.

То, что Харлан прервал Вычислителя, само по себе было неслыханным нарушением этикета. Тон, которым были сказаны его слова, делал его выходку неприличной, почти скандальной, и укоризненные взгляды присутствующих обратились в его сторону.

Сеннор поперхнулся, но продолжал говорить. Он закончил прерванную фразу, уклонившись таким образом от необходимости прямо ответить на бестактно заданный вопрос:

— ...и рассмотрим четыре случая, возможных в этой ситуации. Назовем более молодого в биологическом отношении индивидуума А и более старого — Б. Случай первый: А и Б не встречают друг друга, и действия одного никак не затрагивают другого. Тогда можно считать, что практически они не встречались, и мы отбросим этот случай как тривиальный.

Случай второй: Б, более поздняя личность, видит А, но А не видит Б. Здесь тоже нельзя ожидать никаких серьезных последствий. Личность А не получает никакой информации о своем будущем. Ничего принципиально нового здесь нет.

Третья и четвертая возможности заключаются в том, что А видит Б, но Б не видит А и что А и Б видят друг друга. В каждом из этих случаев наиболее существенным является то, что А видит Б. Человек на более ранней стадии своего биологического бытия видит себя существующим на более поздней стадии. Заметим, что из этого он может заключить, что доживет до возраста Б. Он видит, как Б совершает какое-то действие, и приходит к выводу, что ему предстоит совершить это действие в будущем. Но человек, знающий свое будущее даже в незначительной степени, может начать действовать на основании этого знания и тем самым изменить это будущее. Отсюда следует, что Реальность должна измениться настолько, чтобы их встреча стала невозможной или же, по меньшей мере, чтобы А не смог увидеть Б. Далее, поскольку никакими способами нельзя обнаружить Реальность, переставшую существовать, то, следовательно, А никогда не встречался с Б. Аналогично, в любом явном парадоксе, связанном с перемещением во Времени, Реальность всегда изменяется таким образом, чтобы не допустить парадокса, и мы приходим к заключению, что парадоксов, связанных с путешествиями во Времени, нет и не может быть.

И Сеннор, явно довольный собой и своими силлогизмами, обвел присутствующих торжествующим взглядом, но в этот момент из-за стола поднялся Твиссел.

— Прошу прощения, — нетерпеливо произнес он, — Время не ждет.

И совершенно неожиданно для Харлана завтрак окончился.

Пятеро членов Комитета встали из-за стола и, распрощавшись с Харланом кивком головы, вышли один за другим из комнаты с видом людей, удовлетворивших свое любопытство. Только Сеннор присовокупил к кивку крепкое рукопожатие и грубовато проворчал:

— Счастливо оставаться, молодой человек.

Со странным чувством Харлан смотрел, как они покидают комнату. Зачем было приглашать его к завтраку? Зачем надо было упоминать о человеке, встречающем самого себя? О Нойс не было сказано ни слова. Неужели они собрались только посмотреть на него? Оглядели его с головы до ног и предоставили Твисселу окончательное решение.

Твиссел вернулся к столу, с которого уже исчезли посуда и пища. Они остались с Харланом вдвоем, и словно для того, чтобы подчеркнуть это обстоятельство, Твиссел закурил новую сигарету.

— А теперь за работу, Харлан, — сказал он. — У нас сегодня большой день.

Но Харлан уже не мог и не хотел ждать. Он решил «взять быка за рога».

— Прежде чем мы что-либо начнем, мне необходимо поговорить с вами.

Твиссел удивленно посмотрел на него, сощурил свои выцветшие глазки и задумчиво стряхнул пепел.

— Разумеется, мы поговорим, если ты этого хочешь, — сказал он, — только сначала сядь, сядь и рассказывай.

Но Техник Эндрю Харлан был уже не в состоянии сидеть. Он шагал взад и вперед вдоль стола, выпаливая фразу за фразой, изо всех сил пытаясь не сбиться на нечленораздельное бормотание. Старшему Вычислителю Твисселу, не сводившему с него глаз, приходилось то и дело поворачивать за ним голову, похожую на перезрелое яблочко.

— Вот уже несколько недель, — говорил Харлан, — как я просматриваю пленки по истории математики. Я изучаю книги из ряда Реальностей 575-го. Реальности разные; но математика все та же. Ни последовательность, ни характер ее развития не меняются; меняются только имена, одни и те же открытия в разных Реальностях делают разные люди, но конечные результаты... Как бы там ни было, а мне удалось подметить эту интересную закономерность. Что вы о ней скажете?

— Странное занятие для Техника, — произнес Твиссел, нахмурившись.

— Но ведь я не простой Техник, — возразил Харлан, — и вам это отлично известно.

— Продолжай, — сказал Твиссел, взглянув на часы. Его пальцы с необычной для него нервозностью крутили сигарету.

— Давным-давно, еще в Первобытные Времена, — продолжал Харлан, — жил в 24-м Столетии один человек по имени Виккор Маллансон. Более всего он известен тем, что ему первому удалось получить Темпоральное поле, или Поле Времени. Отсюда, разумеется, следует, что он основал Вечность, поскольку Вечность — это всего лишь обширное Темпоральное поле, в котором обычное Время замкнуто накоротко и на которое не распространяются физические законы обычного Времени.

— Мой мальчик, тебя учили этому еще в школе.

— Но меня не учили в школе, что Виккор Маллансон никак не мог получить Темпорального поля в 24-м веке. Ни он и никто другой. Тогда еще не существовало необходимой математической базы. Фундаментальные уравнения Лефевра могли быть выведены только после появления в 27-м Столетии работ Жана Вердье.

Для Старшего Вычислителя Твиссела существовал только один способ выразить свое крайнее удивление — выронить сигарету, что он и сделал. Даже улыбка куда-то исчезла с его лица.

— Разве ты изучал уравнения Лефевра, мой мальчик?

— Нет. И я не стану вас уверять, что понимаю их. Но я усвоил одно: без них нельзя создать Темпоральное поле. И еще: они не могли быть открыты до 27-го века. Это я тоже знаю твердо.

Твиссел нагнулся за упавшей сигаретой и задумчиво посмотрел на нее.

— А что, если Маллансон получил Темпоральное поле, даже не подозревая о связанных с этим математических трудностях? Что, если это было чисто эмпирическим открытием? В истории наук известно немало подобных примеров.

— Я и об этом подумал. После того как Поле было открыто, потребовалось почти триста лет, чтобы разработать соответствующую теорию, и за все это время первоначальная установка Маллансона не претерпела никаких изменений или усовершенствований. Даже при беглом знакомстве с этой установкой становится ясно, что при ее создании были использованы уравнения Лефевра. Но если Маллансон знал о них или вывел их самостоятельно, что совершенно невозможно без работ Вердье, то почему он нигде не говорит об этом?

— Ты упорно хочешь рассуждать как математик, — сказал Твиссел. — От кого ты узнал эти подробности?

— Я читал пленки.

— Только-то и всего?

— Еще размышлял.

— Без специальной математической подготовки? Ну, знаешь, мой мальчик, я внимательно следил за тобой много лет, но даже не подозревал о твоих талантах в этой области. Продолжай.

— Пункт первый: Вечность не могла бы возникнуть, если бы Маллансон не создал Темпоральное поле. А Маллансон не мог сделать своего открытия, не зная специальных разделов математики, разработанных гораздо позднее.

Пункт второй: в настоящее время здесь в Вечности есть Ученик, который был взят в Вечность в нарушение всех существующих правил, поскольку он не подходит по возрасту и вдобавок женат. Вы обучаете его математике, а я — Первобытной Социологии.

— Ну и что из этого?

— Я утверждаю, что вы собираетесь каким-то образом послать его в прошлое, за нижнюю границу Вечности, в 24-е Столетие. Вы хотите, чтобы этот Ученик — Бринсли Купер — обучил Маллансона уравнениям Лефевра. Следовательно, вы должны понять, что мое исключительное положение как специалиста по Первобытным Временам и как человека, понимающего, что здесь происходит, позволяет мне рассчитывать на особое ко мне отношение. На совершенно особое отношение.

— Святое Время! — пробормотал Твиссел.

— Я ведь угадал, не так ли? Только с моей помощью вы можете замкнуть круг, иначе... — Он намеренно не закончил фразу.

— Ты очень близок к истине, — сказал Твиссел, — хотя я мог бы поклясться, что ничем... — Он впал в задумчивость, в которой ни окружающий его мир, ни Харлан не играли, казалось, никакой роли.

— Только лишь близок к истине? То, что я сказал, и есть истина. — Харлан даже не мог сказать, откуда у него взялась эта уверенность.

— Нет, нет, ты вплотную подошел к разгадке, но не сделал еще самого последнего шага. Ученик Купер не отправляется в 24-й век учить чему-либо Маллансона.

— Я вам не верю.

— Но ты должен мне поверить. Ты должен понять всю важность нашего дела. Для того чтобы успешно завершить проект, мне необходима твоя помощь. Видишь ли, Харлан, круг почти замкнут, ситуация гораздо сложнее, чем тебе кажется. Дело в том, что Ученик Бринсли Шеридан Купер *и есть* Виккор Маллансон!

Глава 12

НАЧАЛО ВЕЧНОСТИ

Харлан был настолько уверен в полной непогрешимости своих умозаключений, что слова Твиссела прозвучали для него как гром с ясного неба. Неужели он ошибся?

— Купер... Маллансон?.. — растерянно бормотал он.

Твиссел спокойно докурил сигарету, извлек новую и продолжал:

— Да, Маллансон. Хочешь, я расскажу тебе в двух словах его биографию? Вот послушай. Маллансон родился в 78-м Столетии, два года провел в Вечности и умер в 24-м.

Своей маленькой ручкой Твиссел слегка сжал локоть Харлана, и на морщинистом лице карлика еще шире расплылась неизменная улыбка.

— Пойдем, мой мальчик. Биовремя летит, и даже мы не властны над ним. Сегодня мы с тобой не принадлежим себе. Наш разговор мы продолжим в моем кабинете.

Твиссел вышел из комнаты, и Харлан, не успев как следует прийти в себя, последовал за ним, не разбирая дороги, не замечая ни движущихся лестниц, доставлявших их с этажа на этаж, ни дверей, автоматически открывавшихся при их приближении. С лихорадочной поспешностью он перестраивал свой план действий, приспосабливая его к услышанной новости. После краткого периода растерянности прежняя уверенность с новой силой овладела им. В конце

концов, ничто не изменилось, разве только его позиция стала более прочной, а сам он еще более незаменимым. Теперь-то ему уж ни в чем не посмеют отказать. Хотят они или не хотят — им придется вернуть ему Нойс.

Нойс!

Разрази его Время, пусть только попробуют ее тронуть!

Жизнь без Нойс потеряла для него всякий смысл. Все идеалы Вечности — пропади они пропадом! — не стоят волоска на ее голове!

Харлан вдруг обнаружил, что он стоит посредине кабинета Твиссела. Несколько секунд он растерянно оглядывался по сторонам, пытаясь остановить свой взгляд на каком-то предмете в хаосе примелькавшихся вещей, ухватиться за него, как за соломинку, обрести под ногами твердую почву. Тщетные усилия! Все происходящее по-прежнему казалось ему частью несуразного затянувшегося сна.

Кабинет Твиссела представлял собой большую, длинную комнату; в ослепительной чистоте ее фарфоровых стен было что-то больничное. Одна из длинных стен от пола до потолка была заставлена блоками Вычислительной машины, представлявшей собой крупнейший Кибермозг в индивидуальном пользовании и едва ли не самый крупный во всей Вечности. Противоположная стена была занята стеллажами, снизу доверху забитыми катушками пленки со справочной литературой.

Свободным между этими двумя стенами оставался только узенький проход, перегороженный письменным столом с двумя креслами. На столе громоздились друг на дружку дешифраторы, фильмоскопы, фонографы и прочая аппаратура. Помимо них, на столе стоял какой-то непонятный предмет, назначение которого Харлан никак не мог себе уяснить, пока Твиссел не кинул в него остатки докуренной сигареты.

Окурок бесшумно вспыхнул, но, прежде чем он догорел, Твиссел с ловкостью фокусника уже успел вытащить и закурить новую сигарету.

«Хватит ходить вокруг да около», — подумал Харлан и заговорил несколько громче и агрессивнее, чем, может быть, следовало:

— У меня есть девушка. Она из 482-го...

Твиссел нахмурился и быстро замахал руками, как человек, пытающийся уклониться от неприятного разговора:

— Знаю, все знаю. Ей ничего не сделают. Тебе тоже. Все обойдется. Даю слово.

— Вы хотите сказать?..

— Я уже сказал — мне все известно. Если тебя волнует только это, тогда успокойся.

Харлан изумленно посмотрел на старика. Только-то и всего? Так просто? Несмотря на то что в мечтах он неоднократно репетировал эту сцену, он все же не ожидал таких быстрых и неоспоримых доказательств своего могущества.

Но Твиссел уже снова заговорил:

— Позволь мне рассказать тебе одну историю. — Судя по тону, можно было подумать, что он разговаривает с только что поступившим Учеником. — Вот уж никогда не думал, не гадал, что мне придется ее рассказывать тебе. Впрочем, и сейчас в этом нет особой необходимости, но ты заслужил мой рассказ своими исследованиями и недюжинной проницательностью.

Он остановился и испытующе посмотрел на Техника.

— Ты знаешь, мне все еще не верится, что ты пришел к этим выводам совершенно самостоятельно.

Немного помолчав, он продолжал:

— Человек, которого большинство Вечных знает под именем Виккора Маллансона, оставил записки о своей жизни. Эти записки трудно назвать дневником или автобиографией. Скорее всего они представляют собой руководство, адресованное Вечности, которая, как он знал, должна была возникнуть через несколько веков после его смерти. Это своеобразное завещание было оставлено в особом времянепроницаемом сейфе, секрет которого известен только Вычислителям. Рукопись пролежала там в полной неприкосновенности свыше трех Столетий, и только после основания Вечности Старший Вычислитель Генри Уодсмен — гениальный Генри Уодсмен, первый из великих деятелей Вечно-

сти, — открыл сейф и, прочитав эти записки, сразу понял их колоссальную важность. С тех пор эта рукопись как секретнейший документ передавалась в течение многих поколений одним из Старших Вычислителей его преемнику, пока не попала в мои руки. Эти записки среди посвященных в тайну получили название «Мемуара Маллансона».

В них рассказывается история жизни человека по имени Бринсли Шеридан Купер, который родился в 78-м и был взят Учеником в Вечность в нарушение всех правил в возрасте двадцати трех лет после того, как он был свыше года женат, но — к счастью — не имел детей.

Попав в Вечность, Купер изучал матричное исчисление Темпоральных полей под руководством одного из Старших Вычислителей, а личный Техник этого Вычислителя давал Куперу уроки Первобытной истории и Социологии. В мемуаре говорится, что Вычислителя звали Лабан Твиссел, а Техника — Эндрю Харлан. После того как Купер основательно овладел обеими дисциплинами, его послали в далекое прошлое, в 24-е Столетие, с заданием обучить некоторым разделам математики Первобытного ученого по имени Виккор Маллансон.

Оказавшись в 24-м, Купер долго и осторожно приспосабливался к окружающей обстановке, изучая непривычные нравы и образ жизни. Постепенно он превратился в настоящего аборигена. Немалую роль в этом превращении сыграли познания, полученные под руководством Техника Харлана. С особой благодарностью Купер вспоминает советы Вычислителя Твиссела, который с нечеловеческой проницательностью предвидел многие из ожидавших его трудностей.

После двух лет напряженных поисков Купер нашел Виккора Маллансона. Тот жил нелюдимым затворником в маленькой хижине, затерянной в глуши лесов Калифорнии. У Маллансона было много странностей и чудачеств, но он обладал смелым и нешаблонным умом. Очень осторожно, шаг за шагом Купер завоевал его доверие и постепенно приучил его к мысли, что перед ним посланник из будущего. Так начались их совместные занятия. Купер обучал Маллансона уравнениям Лефевра и технологии Темпоральных генераторов и исподволь готовил его к предстоящей роли. Судя по воспоминаниям Купера, этот период его жизни был не из легких. Ему приходилось приноравливаться к привычкам Маллансона и терпеливо сносить резкие смены настроений своего подопечного. Немало трудностей доставляли Куперу и сами условия жизни. Они жили в глухой, безлюдной местности, которую не пересекали направленные энергопучки, и поэтому им приходилось довольствоваться старинным ветхим электрогенератором, работавшим на дизельном топливе. Насколько примитивными были устройства, используемые ими для отопления, освещения, приготовления пищи и тому подобного, ты можешь судить хотя бы по тому, что эти устройства приходилось соединять с электрогенератором при помощи металлических проводов.

Но время шло, а обучение продвигалось туго — то ли первобытный ум Маллансона с трудом осваивал непривычные понятия, то ли педагогические таланты Купера оказались не из блестящих. С каждым днем Маллансон становился все более недоверчивым и нелюдимым. Купер с ужасом чувствовал, что теряет с таким трудом завоеванные позиции, как вдруг разразилась совершенно непредвиденная катастрофа — Маллансон погиб, сорвавшись при невыясненных обстоятельствах со скалы в пропасть. Несколько недель Купер провел в состоянии беспробудного отчаяния; ему казалось, что все рухнуло, Вечность никогда не будет создана и человечество обречено на гибель. И тогда у него возник дерзкий замысел. Он скрыл смерть Маллансона. Поселившись в хижине покойного, он приступил к созданию из подручных материалов генератора Темпорального поля. Как ему это удалось — для нас несущественно. После долгих лет упорного труда, проявив чудеса терпения и изобретательности, Купер построил генератор и отправился с ним в Калифорнийский технологический институт, тот самый, куда он много лет назад собирался послать Маллансона.

Дальнейший ход событий тебе известен со школьной скамьи. Его встретили насмешками и недоверием; все ведущие ученые наотрез отказались даже обсуждать его изобретение. Ты должен помнить, как настойчивость Купера при-

вела к тому, что его поместили в психиатрическую лечебницу, откуда он бежал, чуть было не потеряв свой генератор, и как его спас и приютил владелец придорожного кафе. Этот человек, имя которого нам неизвестно, сейчас один из героев Вечности. Ты должен был проходить в школе, как Куперу удалось уговорить профессора Цимбалиста на проведение одного-единственного эксперимента, в котором белая мышь перемещалась взад и вперед во Времени. Я не буду докучать тебе общеизвестными подробностями.

Боясь выдать свое истинное происхождение, Купер воспользовался именем Виккора Маллансона. Труп настоящего Маллансона так и не нашли. Весь остаток жизни Купер посвятил незначительным усовершенствованиям генератора Темпорального поля. С его помощью ученые института построили еще несколько генераторов. На большее он не осмеливался. Он не мог написать уравнения Лефевра — для того чтобы их смогли понять, математике предстояло развиваться еще триста лет. Он не смел намекнуть, откуда он, — его бы снова засадили в сумасшедший дом. Ему нельзя было делать больше того, что в свое время, насколько он знал, сделал настоящий Виккор Маллансон.

Ученые, работавшие с Купером, были обескуражены, они не верили в чудеса, но перед ними был гений, который добивался фантастических результатов и не умел объяснить, как и почему он что-либо делает. И сам Купер тоже был обескуражен, потому что он ясно представлял, не будучи в состоянии хоть как-то помочь, тот грандиозный путь, который предстояло пройти науке до классических экспериментов Жана Вердье, на основании которых великий Антуан Лефевр впоследствии выведет свои фундаментальные уравнения Реальности. Постепенно Купер смирился с мыслью, что Вечность для него недосягаема.

И только уже на самом склоне лет, глядя в один прекрасный вечер, как Солнце опускается в воды Тихого океана — этот эпизод подробно описан в мемуаре, — Купер вдруг понял, что он и есть настоящий Виккор Маллансон. Биография Маллансона, которую он изучал в Вечности, во всех деталях совпала с его собственной жизнью в 24-м Столетии.

Человек, вошедший в историю под именем Виккора Маллансона, гениальный первооткрыватель Темпорального поля, на самом деле был Бринсли Шериданом Купером.

Это великое прозрение вдохновило Купера на создание его мемуара. Целью мемуара было рассказать Вечным истинную историю возникновения Вечности, сделать процесс основания Вечности более простым и безопасным; помочь своему будущему Аналогу избежать многочисленных трудностей, которые встретятся на его пути. Написав свое завещание, Купер спрятал его в маленьком, изготовленном им самим времянепроницаемом сейфе в своей комнате.

Так был замкнут круг. Разумеется, мы не можем и не будем считаться с теми намерениями, которые руководили Купером-Маллансоном при написании его мемуара. Куперу предстоит прожить свою жизнь в точности так же, как он прожил ее. Первобытная Реальность не терпит никаких Изменений. В настоящий момент биовремени Купер даже не подозревает о том, что его ждет. Он искренне верит, что после непродолжительного периода обучения Маллансона он возвратится в Вечность. Всю свою жизнь он будет мечтать о возвращении в Вечность и только в самом ее конце поймет свою ошибку и напишет «Маллансоновский мемуар».

Замыкание круга во Времени преследует важную и благородную цель — спасти человечество от гибели. Мы должны раскрыть людям тайну путешествий во Времени и основать Вечность задолго до того, как это позволит сделать естественный ход развития науки. В противном случае предоставленное самому себе человечество не познает истинной природы Времени и Реальности, пока не будет слишком поздно. Развитие науки и техники в других направлениях без контроля Вечности приведет человечество к неизбежному самоуничтожению.

Харлан весь превратился в слух, его воображение было потрясено величественной картиной грандиозного круга Времени, который пересекает Вечность и замыкается в ней на себя.

— Значит, вы с самого начала знали все? То, что предсто-

ит сделать вам? То, что предстоит мне? Значит, вы давно уже знали *все, что я сделал?*

Твиссел сидел, погрузившись в глубокую задумчивость, уставясь невидящим взором на голубоватое облачко табачного дыма, но вопрос Харлана вернул его к действительности. Его проницательные старческие глазки укоризненно посмотрели на Техника.

— Я не ждал от тебя такого наивного вопроса. Между пребыванием Купера в Вечности и созданием мемуара прошли десятки лет по биологическому Времени. Купер мог вспомнить лишь немногие события, очевидцем которых ему довелось быть. Он никак не мог вспомнить того, чего *никогда не знал.*

Твиссел глубоко затянулся, выпустил тоненькую струйку дыма и разбил ее на множество маленьких завихрений быстрыми движениями узловатых пальцев.

— Все шло как по маслу. Вначале нашли и взяли в Вечность меня. Затем через много биолет я стал Старшим Вычислителем, и тогда мне вручили мемуар и поставили во главе проекта. Я должен был возглавить проект — ведь в мемуаре говорилось, что я возглавлял его. Снова шли биогоды. Затем, после очередного Изменения в 95-м, появился ты (мы внимательно следили за твоими Аналогами в предыдущих Реальностях). Потом мы нашли Купера.

Мелкие подробности, не указанные в мемуаре, мне пришлось домысливать самому, пользуясь иногда Кибермозгом, но чаще — собственным здравым смыслом. Если бы ты знал, сколько осторожности пришлось мне проявить, инструктируя твоего Наставника Ярроу, — я не мог доверить ему величайший секрет Вечности. Ярроу, в свою очередь, пришлось проявить немало хитрости и изобретательности, поощряя, в соответствии с моими инструкциями, твое увлечение Первобытной историей.

Как тщательно приходилось следить за Купером, чтобы он — сохрани Время! — случайно не получил лишних сведений, которых, судя по мемуару, у него раньше не было!

Твиссел печально улыбнулся.

— Сеннор, вот кто любит философствовать на такие те-

мы. Он называет это «обращением причины и следствия». Нам, мол, известно следствие, поэтому мы подгоняем под него причину. К счастью, я не погряз, подобно Сеннору, в паутине метафизики.

Я был очень рад, мой мальчик, когда из тебя получился отличный Техник. В мемуаре об этом не было сказано ни слова, поскольку Купер не видел твою работу и не мог судить о ней. Твои таланты пришлись весьма кстати. Они как бы оправдывали особое к тебе отношение. Благодаря им твоя исключительно важная роль в судьбах Вечности была не так заметна. Даже просьба Финжи направить тебя к нему и та пригодилась. Купер упоминает в мемуаре о твоем длительном отсутствии, во время которого его занятия математикой сделались настолько интенсивными, что он с нетерпением ожидал твоего возвращения. Но один раз ты здорово напугал меня.

— Когда я взял Купера в капсулу?

— Как ты догадался? — потребовал ответа Твиссел.

— Это был единственный случай, когда вы по-настоящему на меня рассердились. Теперь я понимаю, что мой поступок противоречил «Мемуару Маллансона».

— Не совсем. Просто в мемуаре ни разу не упоминаются Колодцы Времени. Мне казалось, что умолчание о столь важном аспекте Вечности свидетельствует о полной неосведомленности Купера в этой области. Поэтому я стремился держать его подальше от капсул. Меня сильно обеспокоила ваша поездка, но ничего страшного не произошло. Все идет как надо.

Твиссел медленно потер руки, глядя на Харлана с нескрываемым любопытством и удивлением.

— Подумать только — ты сумел почти обо всем догадаться сам! Невероятно, просто невероятно! Я готов поклясться, что даже хорошо подготовленный Вычислитель не смог бы прийти к правильным выводам на основе той скудной информации, которая была в твоем распоряжении. Для Техника — это чудо проницательности!

Наклонившись к Харлану, Твиссел ласково потрепал его по колену.

— Само собой, в «Мемуаре Маллансона» о твоей жизни после отъезда Купера нет ни слова.

— Понимаю, сэр, — ответил Харлан.

— Собственно говоря, в отношении тебя мы сможем сделать все, что нам придет в голову. Такими талантами, как твой, не бросаются. Думаю, что ты недолго останешься Техником. Не хочу кружить тебе голову преждевременными обещаниями, но, я надеюсь, ты понимаешь, что звание Вычислителя не является для тебя чем-то недосягаемым?

«Дополнительная взятка», — подумал Харлан. Ему удалось сохранить невозмутимое выражение лица.

Но довольствоваться одними предположениями было опасно. Беспочвенная сумасшедшая догадка, озарившая его той вдохновенной ночью, после библиотечных изысканий превратилась в разумную гипотезу. Рассказ Твиссела подтвердил ее почти во всем, кроме одной детали: Купер оказался Маллансоном.

Эта ошибка не сыграла никакой роли; его положение осталось таким же незыблемым, но, однажды допустив ошибку, он уже не доверял себе. Нельзя слепо полагаться на случай. Надо убедиться, насколько велика его власть. Спокойно, почти небрежно Харлан начал:

— Теперь, когда я узнал правду, моя ответственность неизмеримо возросла.

— Да?

— Вы обязаны сказать мне, какие опасности грозят проекту. Насколько велик риск? Вдруг какое-то непредвиденное обстоятельство помешало или помешает мне сообщить Куперу необходимые сведения?

— Я не понимаю твоего беспокойства.

Почудилось ли это Харлану или же в усталых глазах старика действительно мелькнул страх?

— Я должен знать, возможно ли разомкнуть круг. Что, если неожиданный удар по голове выведет меня из строя в тот самый момент, когда в соответствии с мемуаром я должен буду совершить какое-то действие? Значит ли это, что все пойдет прахом? Или, предположим, по каким-то причинам я поступлю вопреки указаниям мемуара? Что тогда?

— С чего это тебе в голову взбрело?

— Если я вас правильно понял, то неосторожным или злонамеренным действием я могу разорвать круг. Из этого следует, что в моих руках находится судьба Вечности. А если это так, — многозначительно продолжал Харлан, — то вам следует сделать все от вас зависящее, чтобы я остерегался подобных действий. Хотя я полагаю, что только очень уж необычное стечение обстоятельств может толкнуть меня на такой шаг.

Твиссел громко рассмеялся, но Харлан уловил в его смехе фальшивые нотки.

— Мой мальчик, хватит с меня логических хитросплетений, которые мне приходится выслушивать от моих коллег по Комитету. Ничего страшного не произойдет, поскольку ничего страшного не произошло. Круг будет замкнут.

— А вдруг? Девушка из 482-го...

— ...в полной безопасности. Сколько раз можно повторять тебе одно и то же? — нетерпеливо прервал его Твиссел и поднялся с места. — Я вижу, что этим разговорам не будет конца. Мы зря теряем биовремя, а мне надо многое сказать тебе. Ты еще даже не знаешь, зачем я тебя вызвал. Пойдем со мной.

Харлан был удовлетворен. Никаких сомнений в собственном могуществе у него не осталось. Твиссел понял, что Харлан может отказаться от занятий с Купером или же, напротив, сообщить ему сведения, противоречащие мемуару. Если Вычислитель рассчитывал ошеломить Техника важностью и значением его роли и таким путем принудить его к слепому повиновению, то он ошибся. Харлан недвусмысленно связал свою угрозу погубить Вечность с судьбой Нойс, и то, как Твиссел торопливо крикнул ему: «Она в безопасности!», показывало, что Вычислитель отчетливо понял всю серьезность этой угрозы.

Харлан встал и молча последовал за Твисселом.

Харлан был уверен, что неплохо знает весь Сектор, однако он даже не подозревал о существовании колоссального зала, в который они вошли. Зал тщательно охранялся. В него

можно было попасть только через узкий коридор, перегороженный барьером силового поля. Автоматы в течение нескольких секунд изучали лицо Твиссела, прежде чем отключили защиту и пропустили их внутрь.

Бульшая часть зала была занята огромным шаром, возвышавшимся почти до самого потолка. Сквозь откинутую дверцу люка были видны четыре небольшие ступеньки и часть ярко освещенной площадки.

Пока Харлан оглядывался по сторонам, из шара послышались голоса, и в отверстии появилась пара ног. Человек спустился вниз, и Харлан узнал в нем члена Совета Августа Сеннора. Вслед за ним спустился еще один Старший Вычислитель, также присутствовавший за завтраком.

При виде посторонних Твиссел недовольно поморщился, но голос его прозвучал сдержанно:

— Разве члены Комитета все еще здесь?

— Только Райс и я, — уклончиво ответил Сеннор. — Какая великолепная машина! Она чем-то напоминает мне космический корабль.

У Райса был толстый живот и нос картошкой. На его лице застыло удивленное выражение человека, который уверен, что он прав, но почему-то неизменно проигрывает любой спор. Погладив себя по носу, Райс ухмыльнулся:

— Новое увлечение Сеннора. Ни о чем, кроме космических путешествий, он теперь не разговаривает.

У Сеннора ярко заблестела лысина.

— Вот послушайте, Твиссел, как ваше мнение: при расчете Реальности космические путешествия следует считать положительным или отрицательным фактором?

— Бессмысленный вопрос, — раздраженно ответил Твиссел. — Какой тип космических путешествий? В какой Реальности? При каких обстоятельствах?

— Не придирайтесь, Твиссел. Можно ведь что-то сказать о космических путешествиях вообще, абстрактно?

— Только то, что они являются быстро проходящим увлечением, отнимают у человечества массу сил и средств и ничего не дают взамен.

— Следовательно, они бесполезны и должны рассматри-

ваться как отрицательный фактор, — с удовлетворением заключил Сеннор. — Целиком и полностью присоединяюсь к вашей точке зрения.

— Как вам будет угодно, — ответил Твиссел. — А сейчас нам необходимо освободить зал от посторонних. Купер должен прийти сюда с минуты на минуту.

— Нас уже нет здесь!

Сеннор подхватил Райса под руку и повел его к выходу. Его громкий голос доносился до них даже из коридора:

— Периодически, мой дорогой Райс, все усилия человечества почему-то сосредоточиваются на космических путешествиях, причем из-за бесцельности космических путешествий эти усилия не приносят человечеству ничего, кроме разочарований. У меня есть доказательства этого положения в матричной форме, но, по-моему, все ясно и так. Когда умы заняты космосом, к земным делам начинают относиться с пренебрежением. Я сейчас готовлю специальный меморандум Совету, в котором рекомендую разработать Изменение и навсегда вычеркнуть из Реальности всякую возможность космических путешествий.

В ответ послышался дискант Райса:

— Помилуйте, Сеннор, нельзя же подходить так круто! В некоторых цивилизациях космические путешествия служат спасительным клапаном. Возьмем, к примеру, пятьдесят четвертую Реальность 290-го Столетия. Если только я правильно припоминаю, там...

— Странный человек этот Сеннор, — сказал Твиссел, покачав головой. — Он вдвое умнее любого члена Совета, но его губит то, что он так разбрасывается.

— А как вы думаете, он прав? — с любопытством спросил Харлан. — Относительно космических путешествий?

— Сомневаюсь. Впрочем, мы сможем лучше судить об этом, когда он представит обещанное доказательство. Но я мало верю, что он его доведет до конца. Он всегда загорается и так же быстро остывает. Какое-нибудь новое увлечение помешает ему. Но хватит об этом...

Твиссел хлопнул ладонью по обшивке шара, который от удара глухо загудел, но ему тут же пришлось поднести эту ру-

ку ко рту, так как докуренная до конца сигарета обожгла ему губы.

— Ну как, чудо-Техник, можешь догадаться, что это такое?

— Какой-то котел с крышкой. А вообще похоже на капсулу-переросток.

— Молодец! Ты угадал. Это и есть капсула. Зайдем-ка в нее.

Харлан последовал за Твисселом внутрь шара. Капсула была достаточно просторна, чтобы вместить пять-шесть человек. Внутри она была пуста. Гладкий пол, вогнутые полированные стены, два окна — и больше ничего.

— А где же управление? — удивился Харлан.

— Управление осуществляется дистанционно с особого пульта, — ответил Твиссел, погладив стенку рукой. — Обрати внимание — двойные стены. Пространство между ними заполнено замкнутым на себя Темпоральным полем. Эта капсула в своих перемещениях во Времени не ограничена Колодцами; в ней можно отправиться куда угодно — хоть за нижнюю границу Вечности в Первобытные Столетия. В «Мемуаре Маллансона» мы нашли ряд ценных намеков, которые позволили нам сконструировать и изготовить ее. Но пойдем дальше.

Пульт управления находился в дальнем углу зала и был отгорожен от него массивной перегородкой. Войдя внутрь, Харлан с любопытством посмотрел на забранные решетками окна.

— Ты слышишь меня, мой мальчик? — раздался вдруг голос Твиссела.

Харлан вздрогнул и резко обернулся. Войдя в пультовую, он не обратил внимания, что Твиссел не последовал за ним. Он машинально направился к окну и увидел, что Вычислитель снаружи машет ему рукой.

— Я вас слышу, сэр, — ответил Харлан. — Хотите, чтобы я вышел к вам?

— Вовсе нет. Ты заперт.

Харлан метнулся к двери и почувствовал, как у него оборвалось сердце и похолодело внутри. Так и есть! Дверь не поддалась. Разрази его Время, что здесь происходит?

— Надеюсь, тебе приятно будет узнать, мой мальчик, —

продолжал Твиссел, — что на этом твоя ответственная миссия кончается. Мне кажется, я понял причину твоей повышенной нервозности в последние дни, а также к чему клонились твои наводящие вопросы в нашем недавнем разговоре. Твои намеки были совершенно недвусмысленны. Мысль о грандиозной ответственности не давала тебе покоя. Так вот, с этой минуты от тебя больше ничего не зависит. Я один отвечаю за все. К сожалению, тебе придется немного посидеть взаперти. В «Мемуаре Маллансона» говорится, что в момент отправления капсулы ты стоял за пультом и дал старт. Но для наших целей будет вполне достаточно, если Купер увидит тебя через окно.

Однако я все же попрошу тебя в нужный момент нажать на пусковой рычаг в соответствии с Инструкциями, которые я тебе дам. Но если и эта ответственность покажется тебе слишком большой, не волнуйся. Все будет сделано и без тебя. У нас есть параллельный пульт управления, за которым сидит другой человек. Если по каким-то причинам ты не нажмешь на рычаг, то это сделает он. И это еще не все. Сейчас я выключу передатчик видеофона в твоей комнате. Ты сможешь слышать нас, но будешь лишен возможности говорить с нами. После этого можно будет не опасаться, что какое-нибудь твое невольное восклицание разомкнет круг.

Харлан беспомощно смотрел в окно.

— Купер вот-вот будет здесь, — говорил Твиссел, — старт капсулы состоится через два биочаса. После этого проект будет завершен, и мы с тобой уже больше не будем его рабами.

Все поплыло и закружилось в водовороте отчаяния. Как ловко Твиссел перехитрил его! Неужели с самого начала он преследовал только одну цель — без лишнего шума запереть Харлана в пультовой? Неужели, узнав о догадке Харлана, Вычислитель мгновенно с дьявольской хитростью придумал этот коварный план, занял Харлана разговором, убаюкал его своими побасенками, водил его туда и сюда, пока не приспело время посадить его под замок?

А быстрая сдача позиций в отношении Нойс? «Ей ничего не будет, — клялся Твиссел, — даю слово!»

Как он мог поверить в эту явную ложь? Если они не собираются причинять вреда Нойс, то зачем было блокировать Колодцы в 100 000-м? Один только этот факт должен был выдать Твиссела с головой.

Он вел себя как последний дурак! Ему так хотелось верить в свое могущество, что он позволил Твисселу несколько часов водить себя за нос. И вот доигрался: сидит взаперти в пультовой, и в нем не нуждаются даже для того, чтобы нажать на пусковой рычаг.

Сила, могущество, незаменимость — одним ударом его лишили всего. Один ловкий ход — и вместо козырей у него на руках простые двойки и тройки. Все кончено! Нойс потеряна для него навсегда! Предстоящее наказание его мало трогало. Что ему все их угрозы теперь, когда Нойс потеряна для него навсегда?

Ему даже в голову не приходило, что проект так близок к завершению. В этом была его главная ошибка, вот почему он потерпел поражение.

Глухо прозвучал голос Твиссела:

— Я отключаю тебя, мой мальчик.

Харлан остался один, беспомощный, никому не нужный...

Глава 13

В ДАЛЕКОЕ ПРОШЛОЕ

Вошел Купер. От возбуждения его узкое личико порозовело и казалось почти юношеским, несмотря на густые маллансоновские усы, свисающие с верхней губы.

(Харлан мог видеть его через окно, слышать его голос по видеофону. Он с горечью подумал: «Маллансоновские усики! Ну конечно...»)

Купер устремился к Твисселу:

— Вычислитель, меня не хотели пустить сюда раньше.

— Правильно делали, — ответил Твиссел. — На этот счет были даны специальные инструкции.

— Но ведь мне уже пора отправляться, да?

— Почти пора.

— А я вернусь обратно? Я еще увижу Вечность?

Несмотря на все старания Купера придать себе бодрый вид, в его голосе звучала неуверенность.

(Харлан с отчаянием стиснул кулаки и стукнул изо всех сил по металлической сетке окна; ему хотелось выбить стекло, закричать: «Стойте! Согласитесь на мои условия, не то я...» Что толку? Он был беспомощен.)

Купер оглядел комнату, даже не заметив, что Твиссел воздержался от ответа на его вопросы. В окне пультовой он заметил Харлана и возбужденно замахал ему.

— Техник Харлан! Идите сюда. Я хочу пожать вашу руку перед отъездом.

— Не сейчас, мой мальчик, не сейчас, — вмешался Твиссел. — Харлан занят. Он настраивает аппаратуру.

— В самом деле? А вы знаете, мне кажется, что ему нехорошо. Он не болен?

— Я только что рассказал ему об истинной цели нашего проекта, — сказал Твиссел. — Боюсь, что от этого кому угодно станет не по себе.

— Разрази меня Время, если это не так! — воскликнул Купер. — Вот уже несколько недель, как я знаю правду и все никак не могу привыкнуть.

В его смехе послышались нервные, почти истерические нотки.

— Никак не могу вбить в свою твердолобую башку, что в этом спектакле мне отводится главная роль. Я... я даже капельку трушу.

— Ничуть не виню тебя за это.

— Во всем, знаете ли, виноват мой желудок. Это наименее геройская часть моего организма.

— Ну ладно, — сказал Твиссел, — все это вполне естественно и скоро пройдет. А пока — час твоего отправления приближается. Перед отъездом тебе необходимо получить последние инструкции. Например, ты, собственно, еще не видел капсулу, которая доставит тебя в прошлое.

В течение двух последующих часов Харлан слышал каждое произнесенное ими слово, независимо от того, видел он их или нет. Он понимал, почему Твиссел наставляет Купера в такой напыщенной и высокопарной манере. Куперу сообщались те самые подробности, о которых он должен будет впоследствии упомянуть в «Маллансоновском мемуаре».

(Замкнутый круг. Замкнутый круг! И не разомкнуть, не разорвать его в ярости отчаяния; не обрушить подобно библейскому Самсону крышу храма на головы своих врагов; круг смыкается стремительно и неудержимо.)

— Движение обычной капсулы внутри Вечности из Столетия А в Столетие Б, — слышал он голос Твиссела, — происходит, как тебе известно, под действием Темпорального поля, при этом капсула, образно выражаясь, выталкивается из пункта А и притягивается в пункт Б. Энергия, необходимая для движения капсулы, имеется как в пункте отправления, так и в пункте назначения.

Но капсула, которая доставит тебя в прошлое, должна будет выйти за пределы Вечности; необходимую энергию она может получить только в пункте отправления. По аналогии с Пространственной механикой, если только эта аналогия приложима к Темпоральным силам, мы как бы мощным толчком закидываем капсулу в пункт назначения. Потребление энергии в этом случае возрастает в десятки тысяч раз. Понадобилось проложить специальные энергопроводы вдоль Колодцев Времени, чтобы отсасывать энергию вспышки Солнца, ставшего Новой, в нужной концентрации.

У этой капсулы все необычно, начиная с пульта управления и кончая источниками питания. Десятки биолет мы прочесывали прошлые Реальности в поисках нужных сплавов и специальной технологии. Самая важная находка была сделана в 13-й Реальности 222-го Столетия. Там был создан Темпоральный толкатель, без которого эта капсула никогда не была бы построена. 13-я Реальность 222-го Столетия.

Последние слова Твиссел выговорил особенно отчетливо.

(«Запомни это, Купер, — с горечью подумал Харлан, — 13-я Реальность 222-го Столетия. Запомни для того, чтобы ты мог упомянуть о ней в «Маллансоновском мемуаре», для

того, чтобы Вечные знали, где вести поиски, для того, чтобы они могли сказать тебе об этом, для того, чтобы ты мог упомянуть... Снова и снова замыкается круг...»)

— Разумеется, мы еще ни разу не посылали капсулу с человеком за нижний предел Вечности, — продолжал Твиссел, — но внутри Вечности мы испытывали ее неоднократно. Поэтому мы убеждены в успехе.

— А разве может быть иначе? — спросил Купер. — То есть я хотел сказать, что мой Аналог уже попадал туда, иначе Маллансон не смог бы создать Поля, а он его создал.

— Вот именно, — ответил Твиссел. — Ты окажешься в безопасной и пустынной местности в малонаселенном районе юго-запада Соединенных Штатов Амелики.

— Америки, — поправил его Купер.

— Пусть Америки. Это будет 24-е Столетие, или с точностью до сотых долей — 23,17. Я полагаю, что мы даже можем назвать это Время, если хочешь, 2317 годом. Капсула, как ты видишь сам, очень вместительна. Сейчас ее загрузят водой, продовольствием, средствами защиты и всем необходимым для создания убежища. У тебя будут подробнейшие инструкции, понятные только тебе одному. Я хочу еще раз подчеркнуть, что ты должен принять все мыслимые меры предосторожности. Никто из местных жителей не должен тебя обнаружить, прежде чем ты будешь к этому готов. С помощью специальной землеройной машины ты выроешь себе в горах глубокую пещеру. Все вещи будут уложены в капсулу таким образом, чтобы ты смог как можно скорее разгрузить ее.

(«Повторяйте ему еще и еще, — думал Харлан. — Все это уже говорилось ему много раз, но необходимо еще раз повторить все то, что должно войти в мемуар. Снова и снова по кругу...»)

— На разгрузку тебе дается пятнадцать минут, и ни секундой более, — говорил Твиссел, — после чего капсула автоматически вернется в исходный пункт вместе со всеми инструментами и приборами, неизвестными в 24-м веке. Список этих вещей ты получишь перед отправлением. После исчезновения капсулы ты будешь предоставлен самому себе.

— Неужели капсула должна возвратиться так спешно? — спросил Купер.

— Быстрое возвращение увеличивает шансы на успех, — ответил Твиссел.

(«Капсула должна вернуться через пятнадцать минут, — думал Харлан, — потому что в прошлый раз она вернулась через пятнадцать минут. Круг замыкается...»)

— Мы не хотели рисковать, подделывая денежные знаки той эпохи, — в голосе Твиссела появились торопливые нотки, — тебе дадут золото в виде небольших самородков. Рассказ о том, как они попали к тебе, подробно записан в инструкции. Ты будешь одет так же, как аборигены; во всяком случае, твоя одежда для начала вполне сойдет за местную.

— Отлично, — произнес Купер.

— А теперь запомни. Ни одного поспешного шага. Не торопись. Если надо, выжидай неделями. Тебе необходимо духовно свыкнуться с эпохой, вжиться в нее. Уроки Техника Харлана — это хорошая основа, но их далеко не достаточно. Приемник электромагнитных волн, изготовленный на основе принципов того времени, позволит тебе быть в курсе всех текущих событий и, самое главное, изучить правильное произношение и интонацию. Сделай это как можно тщательнее. Я уверен, что Техник Харлан превосходно знает английский язык, но ничто не может заменить изучение языка непосредственно на месте.

— А что, если я попаду не туда, куда надо? — спросил Купер. — Я хочу сказать: а вдруг я попаду не в 2317?

— Проверь это тщательно. Но все будет в порядке. Все кончится благополучно.

(«Все кончится благополучно, потому что все один раз уже кончилось благополучно, — думал Харлан, — круг замыкается...»)

Однако на лице Купера, должно быть, промелькнула тень сомнения, потому что Твиссел торопливо добавил:

— Точность настройки тщательно отработана. Я как раз собирался объяснить тебе положенный в основу принцип, и мы сейчас этим займемся. Кстати, наша беседа поможет Харлану лучше понять систему управления.

(Харлан стремительно повернулся от окна к пульту. В беспросветном мраке отчаяния блеснул слабый луч надежды. А что, если?..)

Твиссел продолжал читать Куперу лекцию нарочито педантичным тоном школьного учителя, и Харлан краем уха продолжал прислушиваться к его словам.

— Нетрудно понять, — говорил Твиссел, — что основная наша проблема заключалась в том, чтобы определить, насколько далеко можно забросить материальное тело в Первобытную Эпоху, сообщив ему определенный энергетический толчок. Проще всего было бы посылать эту капсулу с человеком в прошлое, тщательно измеряя при этом затраченное количество энергии. Этот человек мог бы каждый раз определять, в какое Время он попал, с точностью до сотых долей Столетия либо при помощи астрономических наблюдений, либо извлекая необходимую информацию из радиопередач. Однако этот способ был бы очень медленным и к тому же крайне опасным, так как, если наш посланец был бы обнаружен местными жителями, это, вероятно, повлекло бы за собой катастрофические последствия для всего проекта.

Вместо человека мы посылали в прошлое определенную массу радиоактивного изотопа, ниобия-94, который, испуская бета-частицы, превращается в стабильный изотоп, молибден-94. Период полураспада ниобия-94 составляет почти точно 500 Столетий. Первоначальная интенсивность радиоактивного излучения образца нам известна. Со временем интенсивность убывает по хорошо известному закону и может быть измерена с высокой точностью.

Когда капсула попадает в какое-то Столетие Первобытной Эпохи, ампула с изотопом выстреливается в горный склон, и капсула возвращается обратно в Вечность. В тот же самый момент биовремени, когда происходит выстрел, ампула одновременно появляется во всех будущих Временах, соответственно постарев. В 575-м Столетии Техник выходит из Вечности во Время в том самом месте, где была спрятана ампула, находит ее по излучению и извлекает ее. Измерив уровень радиации, легко определить, сколько времени эта ампула пролежала в склоне горы, а следовательно, узнать с

точностью до двух десятичных знаков, в какое Столетие попала наша капсула. Послав в прошлое дюжину ампул с различной энергией толчка, мы построили калибровочную кривую. Затем эта кривая была проверена посылкой ампул не в Первобытную Эпоху, а в первые Столетия Вечности, где были возможны прямые наблюдения.

Были у нас и неудачи. Несколько первых ампул были потеряны, так как мы не учли геологических изменений, происшедших в период между последними Столетиями Первобытной Эпохи и 575-м. Следующие три ампулы тоже найти не удалось. Возможно, что катапультирующий механизм вогнал их слишком глубоко в недра горы. Отладив методику, мы успешно провели серию опытов, пока уровень радиации в той местности не сделался чересчур высоким. Мы опасались, что какой-нибудь житель Первобытных Времен обнаружит радиацию и заинтересуется, каким образом сюда попали радиоактивные отходы. Но все же мы провели ряд удачных экспериментов и совершенно уверены, что можем послать человека в любое Первобытное Столетие с точностью до сотых долей. У тебя есть вопросы?

— Я отлично все понял, Вычислитель Твиссел, — ответил Купер. — Я уже видел прежде эту калибровочную кривую, не понимая ее значения, но теперь мне все совершенно ясно.

Харлан слушал этот разговор со все возрастающим интересом. Он посмотрел на шкалу прибора. Сверкающая дуга фарфора на металле была разделена тонкими черточками на Столетия, Децистолетия и Сантистолетия. Цифры были очень мелкими, но, пригнувшись, Харлан разглядел, что на шкале нанесены Столетия с 17-го по 27-е. Тоненькая, как волосок, стрелка стояла на отметке 23,17. Харлану уже доводилось встречаться с аналогичными Векометрами, и он привычным жестом нажал на пусковой рычаг. Но рычаг был заклинен. Волосок даже не шелохнулся.

— Техник Харлан!

— Слушаю, Вычислитель! — крикнул он в ответ, но затем вспомнил, что Твиссел не слышит его. Подойдя к окну, он кивнул головой.

Твиссел заговорил, словно прочитав мысли Харлана:

— Векометр установлен на посылку капсулы в 23,17. Никакой дополнительной подстройки не требуется. Единственная твоя задача — это в соответствующий момент биовремени включить контакт. Справа от Векометра расположен секундомер. Кивни, когда найдешь его.

Харлан кивнул.

— Секундомер будет отсчитывать биосекунды, остающиеся до запуска. В минус пятнадцать секунд включи контакт. Это просто. Ты понял как?

Харлан снова кивнул.

— Особой точности не требуется. Ты можешь включить его в минус четырнадцать, или минус тринадцать секунд, или даже в минус пять секунд, но все-таки постарайся включить его не позднее, чем в минус десять секунд. Как только ты включишь контакт, остальное довершат автоматы, которые точно в нулевой момент сообщат капсуле Темпоральный толчок. Ты понял?

Харлан еще раз кивнул головой. Он понял даже больше, чем сказал Твиссел. Если он не включит контакт в минус десять секунд, то это сделают без него.

Обойдемся без посторонней помощи, угрюмо подумал Харлан.

— У нас еще осталось тридцать биоминут, — продолжал Твиссел. — Мы с Купером пойдем проверим его снаряжение.

Они ушли. Закрылась дверь, и Харлан остался наедине с пультом, Временем (секундомер уже заработал, неторопливо отсчитывая секунды, оставшиеся до старта) и твердой решимостью довести задуманное до конца.

Отвернувшись от окна, Харлан сунул руку в карман и вытащил все еще лежавший там болеизлучатель. Рука его слегка дрожала.

Снова промелькнула мысль: «Самсон, разрушающий храм!»

Язвительно и цинично он подумал: «Кто из Вечных хоть когда-либо слышал о Самсоне? Кто из них знает, как он погиб?»

Оставалось всего двадцать пять минут. Харлан не знал, сколько времени займет затеянная им операция. Да и вообще у него не было никакой уверенности в успехе.

Впрочем, выбора у него тоже не было. Отвинчивая влажными пальцами наконечник болеизлучателя, он чуть было не уронил его.

Работал он быстро, не думая о последствиях, меньше всего его беспокоила мысль о том, что он сам перейдет в небытие.

В минус одну минуту Харлан в полной готовности стоял у пульта.

«Может быть, последняя минута жизни», — отвлеченно подумал он.

Он ничего не видел, кроме возвратного движения красной стрелочки, отсчитывавшей уходящие секунды.

Минус тридцать секунд.

«Больно не будет. Ведь это не смерть», — мелькнула мысль.

Он решил в оставшиеся ему секунды думать только о Нойс.

Минус пятнадцать секунд.

Нойс!

Левая рука Харлана потянула рычаг на себя. Не торопиться!

Минус двенадцать секунд.

Контакт!

Заработали автоматы. Старт будет дан в нулевой момент. Харлану оставалось сделать только одно движение.

Движение Самсона, сокрушающего храм!

Правая рука начала подниматься. Он старался не смотреть на нее.

Минус пять секунд.

Нойс!

Правая рука... НОЛЬ... рывком рванула рычаг на себя. Он так и не взглянул на нее.

Неужели это и есть небытие?

Нет, пока нет. Он все еще жив.

Не двигаясь, Харлан застывшим взором смотрел в окно. Время словно остановилось для него.

Зал был пуст. На месте огромной, занимавшей его почти целиком капсулы зияла пустота. Мощные металлические конструкции опор сиротливо вздымались в воздух. В гигантском зале все замерло, словно в зачарованной пещере, и только Твиссел, казавшийся крохотным гномиком, суетливо вышагивал взад и вперед.

Несколько минут Харлан равнодушно следил за ним, затем отвел глаза.

Внезапно и совершенно беззвучно капсула появилась на прежнем месте. Ее переход через тончайшую грань, отделяющую будущее мгновение от прошедшего, не шелохнул даже пылинки.

Громада капсулы заслонила Твиссела, но секунду спустя он появился из-за ее края и бегом направился к пультовой. Стремительным движением руки Вычислитель включил механизм, открывающий дверь, и ворвался внутрь, крича в ликующем возбуждении:

— Свершилось! Свершилось! Мы замкнули круг!

Он хотел сказать еще что-то, но ему не хватило дыхания.

Харлан молчал.

Твиссел подошел к окну и уперся в стекло ладонями. Харлан обратил внимание на то, как дрожат его руки, заметил старческие узелки на синеватых венах. Казалось, мозг его потерял способность и желание отделять важное от несущественного и тупо выхватывал из окружающей действительности отдельные случайные детали.

«Какое все это имеет значение? — устало подумал он. — И что вообще имеет сейчас значение?»

Твиссел снова заговорил, но Харлан едва слышал его; слова доносились словно откуда-то издалека:

— Теперь-то я могу признаться, что хоть я и не показывал виду, но я здорово волновался. Сеннор одно время любил повторять, что вся эта затея совершенно немыслима. Он настаивал на том, что непременно должно произойти нечто непредвиденное — и все рухнет... В чем дело?

Он резко обернулся, услышав, как Техник что-то глухо пробурчал. Отрицательно покачав головой, Харлан сдавленно выдавил:

— Ничего...

Твиссел не стал допытываться и снова отвернулся. Было непонятно, обращается ли он к Харлану или просто говорит в пустоту. Казалось, ему хочется выговориться за все годы волнений и тревог.

— Сеннор — неисправимый скептик. Сколько мы спорили с ним, как только не убеждали его! Мы приводили ему математические выкладки, мы ссылались на результаты, полученные многими поколениями исследователей за все биовремя существования Вечности. Он же отметал в сторону наши рассуждения и преподносил в качестве доказательства парадокс о человеке, встречающем самого себя. Да ведь ты слышал, как он рассуждал об этом. Это его излюбленная тема.

«Нельзя знать будущее», — говорил Сеннор. Например, я, Лабан Твиссел, знаю из мемуара, что хотя я буду очень стар, но я доживу до того момента, когда Купер отправится в свое путешествие за нижний предел Вечности. Я знаю и другие подробности о своем будущем, знаю, что мне предстоит совершить.

«Это невозможно, — настаивал он. — Знание собственной судьбы обязательно изменит Реальность, даже если из этого следует, что круг никогда не замкнется и Вечность никогда не будет создана».

Что заставляло его так говорить, понятия не имею! Может быть, он искренне верил в свои выдумки, может быть, они были для него чем-то вроде интеллектуальной игры, а может быть, ему просто хотелось нас подразнить. Во всяком случае, проект продвигался вперед, и ряд предсказаний мемуара начал осуществляться. Например, мы отыскали Купера именно в том Столетии и той Реальности, которые были указаны в мемуаре. Уже одно это не оставляло камня на камне от всех утверждений Сеннора, но и это его не убедило. К тому времени у него появилось новое увлечение.

Твиссел тихо засмеялся, не заметив, как сигарета догорела почти до самых кончиков его пальцев.

— И все же, знаешь, мне долгие годы было не по себе. Ведь что-то действительно могло произойти. Реальность, в которой была основана Вечность, могла измениться таким образом, чтобы не допустить «парадокса», как любил называть это Сеннор. И тогда, в этой новой Реальности, уже не было бы ни Вечности, ни нас с тобой. Ты знаешь, иногда по ночам, во время бессонницы, мне вдруг начинало казаться, что все погибло... И теперь, когда все закончилось благополучно, я могу спокойно посмеяться над своими страхами и обозвать себя выжившим из ума старым дураком.

— Вычислитель Сеннор был прав, — очень тихо сказал Харлан.

— Что такое? — метнулся к нему Твиссел.

— Проект провалился. Круг не замкнут.

Харлану казалось, что его рассудок медленно освобождается от густого тумана.

— О чем это ты болтаешь? — Старческие руки Твиссела с неожиданной силой впились в плечи Харлана. — Ты болен, мой мальчик. У тебя сдали нервы.

— Нет, не болен. Мне все опротивело. Вы. Я. Но я не болен. Взгляните сами. Сюда, на Векометр.

— Векометр?

Тоненький волосок стрелочки был прижат к правому концу шкалы около отметки 27-го Столетия.

— Что здесь произошло?

Радость на лице Твиссела сменилась страхом.

Харлан уже полностью овладел собой.

— Я расплавил предохранительный механизм и высвободил рычаг управления.

— Как тебе удалось это сделать?

— У меня был болеизлучатель. Я разобрал его и использовал вделанный в него в качестве источника питания микрореактор. Он сработал как автогенный резак. Энергии хватило только на одну вспышку, но этого было достаточно. Вот все, что от него осталось.

Харлан подтолкнул ногой маленькую кучку металлических обломков, валявшихся на полу.

Твиссел все еще не хотел верить.

— 27-е? Ты хочешь сказать, что Купер попал в 27-е Столетие?

— Я понятия не имею, куда он попал, — вяло ответил Харлан, — сначала я перевел рычаг вниз, далеко за 24-е. Но я не знаю куда. Я не посмотрел. Потом я переставил его в это положение. Вот и все.

Твиссел с ужасом смотрел на Харлана, его лицо приобрело землистый оттенок, губы дрожали.

— У меня нет ни малейшего представления, где сейчас Купер, — продолжал Харлан. — Он затерялся в Первобытных веках. Круг разорван. Сначала я думал, что все кончится сразу, в нулевой момент. Но это глупо. Придется ждать. Наступит такое мгновение по биовремени, когда Купер поймет, что он не в том Столетии, когда он сделает что-нибудь противоречащее мемуару, когда он...

Харлан не докончил фразу и засмеялся натянутым хриплым смехом.

— Не все ли нам равно? Все это только отсрочка, пока Купер не совершит какой-нибудь непоправимой ошибки, пока он не разорвет круг. Мы бессильны помешать ему. Минуты, часы, дни. Не все ли равно? Когда отсрочка истечет, Вечность прекратит существование. Вы меня слышите? Вечности крышка!

Глава 14

ДАВНЕЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

— Но что толкнуло тебя на этот шаг? Что?

Твиссел растерянно перевел глаза со шкалы на Техника; растерянность и недоумение, прозвучавшие в его голосе, отразились в этом взгляде, словно в зеркале.

Харлан поднял голову.

— Нойс! — одним словом ответил он.

— Женщина, которую ты спрятал в Вечность? — спросил Твиссел.

Горькая усмешка Харлана была ему единственным ответом.

— Но при чем здесь она? — продолжал недоумевать Твиссел. — Я ничего не понимаю, мой мальчик.

— Да что тут понимать? — взорвался Харлан. — Бросьте притворяться! Да, у меня была женщина. Кому мешало наше счастье? Кому оно причинило зло? Ведь ее даже не существует в новой Реальности.

Твиссел тщетно пытался вставить хоть слово.

— Но у Вечности свои законы, — продолжал бушевать Харлан. — О, я знаю их все наизусть. Союзы требуют разрешения; союзы требуют Расчета; союзы требуют высокого знания; союзы — вещь рискованная. Что вы замышляли сделать с Нойс по завершении проекта? Поместить ее в гибнущую ракету? Или же предоставить ей тепленькое местечко общей любовницы знатных Вычислителей? Но теперь-то всему крышка — вам и вашим планам.

В полном изнеможении он закончил свою тираду, и Твиссел быстро подошел к видеофону. Очевидно, передатчик видеофона снова был включен. Вычислитель повторял сигнал вызова до тех пор, пока не добился ответа.

— Говорит Твиссел. Вход в это помещение категорически запрещен, — произнес он не допускающим возражений тоном. — Никто не имеет права войти сюда. Вам ясно? Тогда выполняйте! Нет, никаких исключений. И для членов Совета тоже. К ним это относится в первую очередь.

Он снова повернулся к Харлану и задумчиво проговорил:

— Они не посмеют нарушить мой приказ, потому что я старейший член Совета и еще потому, что я слыву чудаком. Они втайне считают, что я выжил из ума. Вот почему мне всегда и во всем уступают.

Он пристально поглядел на Харлана:

— Ты тоже так думаешь?

В этот момент он был похож на маленькую сморщенную обезьянку.

«Разрази меня Время! Он и впрямь безумен, — со страхом подумал Харлан. — Потрясение лишило его рассудка».

Мысль, что он заперт наедине с сумасшедшим, заставила Харлана испуганно отступить назад. Но он быстро опомнился. Безумен Твиссел или нет, он всего только дряхлый старик, и к тому же скоро наступит конец всему, даже безумию.

Скоро? А почему не сразу? Чем вызвана эта отсрочка?

— Ты не ответил мне, — вкрадчиво продолжал Твиссел. (Вот уже несколько минут в его руках не было привычной сигареты, но он, казалось, не замечал этого.) — Ты тоже считаешь, что я выжил из ума? Думаю, что да. Если бы ты считал меня своим другом, а не капризным, свихнувшимся стариком, ты бы поделился со мной своими сомнениями. И тогда не было бы этой глупой выходки.

Харлан насупился. Оказывается, Твиссел считает, что спятил-то он, Харлан.

— Меня толкнули на это, — сердито буркнул он. — Я в здравом рассудке.

— Но ведь я же сказал тебе, что девушке ничто не грозит.

— А я, как последний глупец, поверил вам. Только дурак может поверить в справедливость и великодушие Совета по отношению к Технику.

— При чем тут Совет?

— Финжи знал все, это он донес на меня Совету.

— Как ты узнал об этом?

— Вырвал признание у Финжи под дулом болеизлучателя. Болеизлучатель помог ему забыть о разнице в наших званиях.

— Ты вот это сделал тем же излучателем? — Твиссел указал на шкалу Векометра, которой подтеки расплавленного металла придавали сходство с перекошенным гримасой лицом.

— Да.

— Натворил бед этот излучатель, ничего не скажешь. — Его тон стал более резким. — А ты знаешь, почему Финжи не принял мер сам, а послал донесение Совету?

— Потому что он ненавидел меня и хотел действовать наверняка. Ему нужна была Нойс.

— До чего же ты наивен! Если бы дело было только в Нойс, он без труда устроил бы себе союз с ней. И уж не Техник встал бы у него на пути. Этот человек ненавидел меня.

В его руках по-прежнему не было сигареты, отчего выпачканный табаком палец, которым он ткнул себя в грудь, казался голым до неприличия.

— Вас?

— Мой мальчик, что ты смыслишь в политике? Не каждому Вычислителю удается стать членом Совета Времен. Финжи честолюбив. Он готов был добиваться этого поста любой ценой. Но я помешал ему, так как счел его эмоционально неуравновешенным. Сохрани меня Время, я только теперь понял, как я был прав тогда... Послушай, мой мальчик, он знал, что я тебе покровительствую. Он видел, как из рядового Наблюдателя я сделал тебя первоклассным Техником. Ты постоянно работал со мной. Как еще мог бы Финжи отомстить мне? Если бы ему удалось доказать, что мой любимчик виновен в страшном преступлении против Вечности, то это немедленно отразилось бы и на мне. Я был бы вынужден подать в отставку, и, как по-твоему, кто тогда занял бы мое место?

Привычным жестом он поднес руку к губам и, не обнаружив сигареты, посмотрел отсутствующим взглядом на промежуток между большим и указательным пальцем.

«Не так уж он спокоен, как притворяется, — подумал Харлан. — Да и можно ли оставаться спокойным в такой момент? Но для чего рассказывать мне всю эту чушь теперь, когда истекают последние минуты Вечности? — И снова его обожгла мысль: — Но когда же конец? Почему отсрочка?»

— Когда я недавно отпустил тебя к Финжи, — продолжал Твиссел, — у меня было предчувствие беды. Но в «Мемуаре Маллансона» говорилось, что ты отсутствовал весь последний месяц, а никакого другого предлога не подвернулось. К счастью для нас, Финжи перестарался.

— Каким образом? — устало спросил Харлан. Ему это было совершенно безразлично, но Твиссел говорил не умолкая, и легче было принять участие в разговоре, чем пытаться отключиться.

— Финжи озаглавил свое донесение «О непрофессиональном поведении Техника Эндрю Харлана». Он разыгрывал из себя истинного Вечного, бесстрастно и невозмутимо выполняющего свой долг. Негодование он оставлял на долю Совета. К несчастью для себя, он не подозревал о твоем истинном значении. Ему даже в голову не пришло, что любое донесение, касающееся тебя, будет немедленно передано мне.

— И вы мне ничего не сказали?

— А как я мог? Я хотел оградить тебя от ненужных волнений накануне решающего момента. Я ждал, пока ты сам расскажешь мне о своих затруднениях.

Харлан недоверчиво скривил рот, но затем он вспомнил усталое лицо Вычислителя на экране видеофона, вспомнил его настойчивые вопросы. Это было вчера. Всего лишь вчера!

Ничего не ответив, он опустил глаза.

— Я сразу понял, — уже мягче продолжал Твиссел, — что Финжи намеренно толкает тебя на... опрометчивый шаг.

Харлан поднял голову.

— Вы знали об этом?

— Ты удивлен? Я давно знаю, что Финжи подкапывается под меня. Я уже старик, мой мальчик, и интриги для меня не новость. Если Вычислитель вызывает подозрения — нетрудно проследить за ним. Для этого существуют особые устройства, изъятые из Времени, которых ты не сыщешь даже в наших музеях. Среди них есть такие, о которых известно только Совету.

Харлан с горечью подумал о блокировке Колодцев Времени в 100 000-м.

— На основании донесения Финжи и той информации, которую я получил из других источников, было нетрудно восстановить истину.

— А Финжи подозревал, что вы за ним шпионите? — неожиданно спросил Харлан.

— Возможно. Меня бы это не удивило.

Харлан вспомнил свои первые дни в 482-м. Финжи ничего не знал о проекте Маллансона, и необычный интерес

Твиссела к молодому Наблюдателю насторожил его. «Вы встречались прежде со Старшим Вычислителем Твисселом?» — спросил он как-то. Харлан припомнил, что в голосе Финжи звучало острое беспокойство. Уже тогда Финжи мог заподозрить Харлана в том, что он подослан к нему Твисселом. Так вот в чем источник его ненависти!

— Если бы ты сам пришел ко мне... — продолжал Твиссел.

— Прийти к вам? — не выдержал Харлан. — А как насчет Совета?

— Во всем Совете знал я один.

— И вы им так-таки ничего не сказали? — Харлан попытался придать своему голосу ироническую интонацию.

— Так-таки ничего.

Харлан почувствовал, что его лихорадит. Одежда душила его. Неужели этому кошмару не будет конца? Глупая, бессмысленная болтовня. Зачем? Во имя чего?

Почему не погибла Вечность? Почему не наступает желанный покой небытия? Разрази его Время, неужели он ошибся?!

— Ты все еще не веришь мне? — спросил Твиссел.

— А почему я должен вам верить? — снова взорвался Харлан. — Всего лишь сегодня утром весь Комитет в полном составе явился поглазеть на меня. Что привело их, если не донесение Финжи? Их заинтересовал чудной субъект, который нарушил законы Вечности, но расправу с которым приходилось откладывать на один день. Всего на день, пока не будет завершен проект. Они пришли позлорадствовать в ожидании завтрашнего дня.

— Мой мальчик, ты глубоко не прав. Их желание видеть тебя было вызвано простым любопытством. Члены Совета — всего-навсего люди с обычными человеческими слабостями. Они не могли присутствовать при отправлении капсулы, им нельзя было поговорить с Купером — обо всем этом в мемуаре нет ни слова. Сохрани меня Время, как ты не понимаешь, что их разбирало любопытство. Ты был для них самой доступной частью проекта — вот почему они так разглядывали тебя.

— Я не верю вам.

— Но это правда.

— Да? А чем тогда были вызваны рассуждения члена Совета Сеннора о человеке, встречающем самого себя? Он явно знал о моих противозаконных вылазках в 482-е и о том, как я чуть было не встретил там самого себя. Он дразнил меня, хитроумно развлекаясь за мой счет.

— Сеннор? Тебя беспокоит Сеннор? Если бы ты только знал, что это за жалкая фигура! Он родился в 803-м Столетии. Его современники в угоду своим извращенным представлениям о красоте намеренно уродуют человеческие тела. Когда Сеннор был еще подростком, ему выщипали все волосы на теле.

Знаешь ли ты, как уродство влияет на человека? Оно разрушает его связи с предками и потомками. Ты почти не найдешь среди Вечных выходцев из этого Столетия — слишком уж они отличны от нас. За всю историю Вечности Сеннор — единственный, кто получил место в Совете.

Нетрудно догадаться, как все это отразилось на его психике. Неуверенность в завтрашнем дне — страшная вещь. Тебе, вероятно, и в голову не приходило, что член Совета может чувствовать себя неуверенно? Сеннору неоднократно приходилось выслушивать призывы к исправлению его Реальности, к уничтожению в ней тех самых обычаев, из-за которых он так резко выделяется среди нас. В один прекрасный день так и будет. И тогда он останется чуть ли не единственным таким уродом.

Он ищет утешения в философии. В качестве моральной компенсации он неизменно затрагивает в разговоре самые непопулярные или непризнанные точки зрения. Парадокс о человеке, встречающем самого себя, — излюбленная его тема. Я уже рассказывал тебе, что он имел обыкновение предсказывать неудачу проекту. Сегодня за завтраком он дразнил нас, членов Совета, а не тебя. К тебе это не имело ни малейшего отношения.

Твиссел разгорячился. Увлекшись своим монологом, он забыл о том, где они находятся, забыл о нависшей катастрофе, он снова превратился в хорошо знакомого Харлану карлика с быстрой жестикуляцией и неловкими движениями. Он даже вытащил сигарету из нарукавного карманчика, но, впрочем, так и не закурил ее.

Внезапно он замолчал, резко повернулся и пристально посмотрел на Харлана, словно до его сознания только сейчас дошел смысл последних слов Техника.

— Ты сказал, что чуть было не встретил сам себя. Что это значит?

Харлан вкратце рассказал о своем приключении.

— Разве вы не знали об этом?

— Нет.

Последовавшие за этим несколько секунд тишины были для сжигаемого лихорадкой Харлана тем же, что глоток воды для умирающего от жажды.

— А что, если ты действительно встретил сам себя?

— Но ведь...

— Случайные отклонения всегда возможны, — не обращая на него внимания, продолжал Твиссел. — Если учесть, что число допустимых Реальностей бесконечно велико, ни о каком детерминизме не может быть и речи. Предположим, что в Реальности Маллансона, в предшествовавшем цикле...

— Разве циклы повторяются бесконечно? — не удержался от вопроса Харлан. Оказывается, способность удивляться не совсем еще атрофировалась в нем.

— А ты думал — только дважды? По-твоему, двойка — магическое число? За конечный промежуток биовремени может осуществиться бесчисленное множество циклов. Точно так же, как можно, например, бесконечно водить карандашом по одной и той же окружности, но тем не менее описывать конечную площадь. В предшествующем цикле ты не встретился сам с собой. В теперешнем цикле в силу принципа статистической неопределенности это событие стало возможным. При этом Реальность должна была измениться так, чтобы предотвратить эту встречу, и в новой, уже изменившейся Реальности ты послал Купера не в 24-е, а в...

— Но к чему все это? — вскричал Харлан. — Что вы хотите от меня? Ведь все уже кончено. Все! Оставьте меня. Слышите: оставьте меня в покое!

— Я хочу, чтобы ты понял свою ошибку. Я хочу, чтобы ты осознал всю глубину своего заблуждения.

— Я был прав. А если и нет, все равно уже поздно.

— Нет, не поздно. Выслушай меня. — Мягко, но настойчиво Твиссел продолжал уговаривать, упрашивать, умолять: — Тебе вернут твою девушку. Я обещал и еще раз подтверждаю свое обещание. Ни тебе, ни ей не причинят ни малейшего вреда. Я согласен дать тебе любые гарантии.

Харлан посмотрел на него широко раскрытыми глазами.

— Но ведь уже слишком поздно. Сделанного не вернешь.

— В том-то и дело, что еще не поздно. Надежда еще не потеряна. С твоей помощью мы можем добиться успеха. Но надо, чтобы ты захотел помочь, захотел «вернуть сделанное».

Харлан облизнул пересохшим языком потрескавшиеся губы. Твиссел свихнулся. Его разум не может примириться с неудачей... или... Неужели Совет действительно знает что-то, неведомое остальным?

Знает ли? Неужели есть средство противостоять приговору Изменения Реальности? Неужели можно остановить Время или обратить его вспять?

— Но ведь вы сами заманили меня в пультовую, где я, по вашему мнению, был совершенно беспомощен, и держали меня там взаперти, пока все не было кончено.

— Ты боялся, что не выдержишь напряжения, что у тебя не хватит сил довести свою роль до конца.

— Это была угроза.

— Я понял тебя буквально. Прости меня. Ты должен мне помочь.

Итак, они снова вернулись к исходной точке. Его помощь необходима. Кто из них сошел с ума? Он? Твиссел? Есть ли смысл в безумии? Или хоть в чем-нибудь?

Совет нуждается в нем. Чего только они не наобещают ему сейчас: Нойс, звание Вычислителя, все что угодно. Но что получит он, когда спасет их? Нет, во второй раз его уже не одурачат!

— Нет, — решительно ответил он.

— Тебе вернут Нойс.

— Хотите сказать, что Совет нарушит законы Вечности, когда минует опасность? Не верю.

(К чему все это? Разве можно спасти Вечность?)

— Совет ничего не узнает.

— Неужели вы захотите стать преступником? Честнее и благороднее вас я не встречал человека. Всю свою жизнь вы посвятили Вечности. Как только минует опасность, вы подчинитесь закону. Вы просто не сможете поступить иначе.

Щеки Твиссела покрылись красными пятнами. Его старческое лицо уже не казалось мудрым и властным; оно выражало только странную печаль.

— Я сдержу слово и нарушу закон по причине, о которой ты даже не подозреваешь, — медленно произнес Твиссел. — Я не знаю, сколько еще просуществует Вечность. Может быть, месяцы, а может быть, считаные часы. Но я уже потратил так много времени, пытаясь образумить тебя, что потрачу еще немного. Об одном прошу — выслушай меня.

Харлан замялся. Затем, решив, что спорить бесполезно, он устало произнес:

— Говорите.

— Много раз до меня доходили слухи, — начал свой рассказ Твиссел, — что я появился на свет глубоким стариком, что я набрался мудрости у Кибермозга, что даже во сне я не расстаюсь с карманным анализатором, что вместо крови по моим жилам течет смазочное масло для счетных машин, в котором плавают крохотные перфокарты, что я — не человек, а искусно сделанный робот.

То и дело мне приходится выслушивать подобные бредни, и, сказать по правде, я даже чуть-чуть горжусь ими. Может быть, в глубине души я и сам верю в них. Недаром говорят, что я выжил из ума. Смешно и глупо, дожив до седых волос, верить в подобные выдумки, но что поделаешь, они облегчают жизнь.

Ты удивлен? Да, я, Лабан Твиссел, Старший Вычислитель, Старейшина Совета Времен, стремлюсь облегчить свою жизнь.

Ты никогда не задумывался, почему я курю? Вечные не курят, да и большинство Времян тоже. Мне иногда представляется, что это просто жалкий бунт, мелкая месть за провал большого восстания...

Нет, нет, со мной все в порядке. Одна-две слезинки мне не повредят. Я не притворяюсь, поверь мне. Просто я давно не вспоминал об этом. Грустная вещь — воспоминания.

Как и у тебя, все началось с женщины. Такое совпадение не случайно; если хорошенько подумать — оно почти неизбежно. Все мы, променявшие радости семейной жизни на рулончики перфолент, подвержены этой инфекции. Вот почему Вечность вынуждена принимать такие строгие меры предосторожности. И наверно, по той же причине Вечные то и дело так изобретательно нарушают законы.

Та женщина — я помню ее как живую. Должно быть, глупо так цепляться за воспоминания. Ведь я почти ничего не помню о том биовремени. От моих бывших коллег сохранились лишь имена в архивах; Изменения, которые я рассчитывал (все, кроме одного), — только номера в катушках памяти Кибермозга. А ее я помню. Впрочем, как раз ты, вероятно, сможешь понять меня.

Много лет я просил разрешения на союз, но получил его, только став Младшим Вычислителем. Она оказалась девушкой из этого же Столетия, из 575-го. До получения разрешения я, как водится, и в глаза ее не видел. Она была умна и добра, хотя ее нельзя было назвать красивой или хотя бы хорошенькой. Но ведь и я даже в молодости (а я был молод — не верь легендам) не отличался красотой. Мы отлично ладили друг с другом, и не будь я Вечным, я был бы счастлив назвать ее своей женой. Сколько раз повторял я ей эти слова! Они льстили ее самолюбию, но это действительно было правдой. Вечные вынуждены встречаться со своими женщинами лишь в строгом соответствии с расчетами, и мало кому из них выпадает на долю такая удача.

В той Реальности ей было суждено умереть молодой. Я смотрел на это философски. В конце концов, именно краткость ее жизни делала возможным наш союз.

Стыдно вспомнить, но в самом начале ее близкая смерть

не слишком огорчала меня. Но так было только в самом начале.

Я проводил с ней все время, отпускаемое мне Инструкциями, боясь упустить хотя бы минуту, бесстыдно пренебрегая работой, забывая про еду и сон. Даже в самых смелых мечтах я не мог представить, что женщина может быть настолько мила и привлекательна. Я полюбил ее. Мне нечего к этому прибавить. Мой опыт в любви ничтожен, а знания, которые приобретаешь, подглядывая в Хроноскоп за Временами, стоят немногого. Думаю все же, что я действительно любил ее.

Из простого удовлетворения чувственных желаний наша связь выросла в огромное, всепоглощающее чувство. И тогда неизбежность ее смерти нависла надо мной подобно катастрофе. Я рассчитал ее Судьбу. Я не обратился к Расчетчикам. Всю работу я проделал сам. Пусть это не удивляет тебя. Да, я нарушил традиции, я погрешил против своего звания, но все это бледнеет по сравнению с преступлениями, которые я совершил потом.

Да, да, я преступник. Я — Старший Вычислитель Лабан Твиссел.

Трижды наступал и проходил момент биовремени, когда ничтожное вмешательство с моей стороны могло изменить ее личную судьбу и спасти ее. Разумеется, я знал, что ни одно Изменение, вызванное эгоистическими мотивами, никогда не будет одобрено Советом. Все равно я начал чувствовать себя ее убийцей.

Потом она забеременела. И снова я нарушил свой долг, не приняв никаких мер. Видишь ли, я сам рассчитал ее Судьбу, приняв во внимание наши встречи, и знал, что вероятность беременности для нее довольно велика. Как ты, возможно, знаешь, а может быть, не знаешь, связи Вечных с женщинами из Времени то и дело, несмотря на все предосторожности, приводят к подобным неприятностям. Все бывает. Но так как Вечным нельзя иметь детей, мы быстро и безболезненно ликвидируем последствия.

Но она так радовалась тому, что станет матерью. У меня не хватило духу огорчить ее, лишить ее этого счастья. Из

Расчета Судьбы я знал, что она умрет до родов, и оправдывал этим свое бездействие. Она часами рассказывала мне, какое это счастье чувствовать в себе трепет новой жизни, а я сидел рядом с ней и пытался выдавить улыбку.

А затем случилось нечто совершенно непредвиденное. Она родила до срока...

Неудивительно, что ты на меня так посмотрел. У меня был ребенок, настоящий ребенок, мой собственный. Никто из Вечных не может сказать этого о себе. Но и это неслыханное нарушение законов — пустяк по сравнению с тем, что я совершил позднее.

Рождение ребенка было для меня полной неожиданностью. В этих вопросах мой жизненный опыт был крайне мал.

В панике бросился я к Расчету Судьбы и обнаружил, что проглядел маловероятную «вилку». Профессиональный Расчетчик сразу бы заметил ее. Я был наказан за свою чрезмерную самонадеянность.

Но что я мог поделать?

Убить ребенка? Его матери оставалось жить лишь две недели, и я решил: пусть они проживут этот срок вместе. Разве это так уж много — две недели счастья?

Расчет не солгал. Ровно через две недели она умерла. День, час и причина смерти — все было известно заранее. И то, что я целый год уже знал об этом, только усугубляло мое горе. Инструкция позволила мне провести с ней последние минуты. До самого конца я держал ее за руку. Другой рукой я обнимал своего сына.

Я сохранил ему жизнь. Почему ты так вскрикнул? Какое право ты имеешь осуждать меня?

Откуда тебе знать, что испытывает отец, держа на руках своего сына — крохотную частицу собственной жизни? Пусть у меня вместо сердца счетная машина, но я-то знаю!

Да, я сохранил ему жизнь. Что значило для меня еще одно преступление? Я поместил его в воспитательный дом и часто навещал (в строгой хронологической последовательности через определенные промежутки биовремени), оплачивая все расходы по его содержанию.

Так прошло два года. То и дело я проверял Расчет Судьбы своего сына (это нарушение вошло у меня в привычку) и каждый раз с удовольствием убеждался, что вредные эффекты отсутствуют с точностью до 0,00001. Мальчик научился ходить и лепетать несколько слов. Но никто не учил его называть меня «папой». Я не знаю, какие догадки в отношении меня строили Времяне, заведовавшие этим домом. Но они брали мои деньги и ни о чем не спрашивали.

Через два года на рассмотрение Совета Времен был вынесен проект Изменения, которое краешком захватывало 575-е. Незадолго до этого меня произвели в Вычислители. Детальная разработка проекта была поручена мне. Я гордился своим повышением. Возможность самостоятельно рассчитать Изменение привела меня в восторг.

Но к моей радости примешивалась озабоченность. В текущей Реальности мой сын был незваным пришельцем. В новой Реальности он не должен был иметь Аналогов. Мысль о том, что ему предстоит перейти в небытие, приводила меня в отчаяние.

Я разработал проект, который мне тогда казался безукоризненным. Но я поддался искушению. Заранее уверенный в ответе, я все же еще раз проделал Расчет Судьбы моего сына в новой Реальности.

А затем я провел сутки в своем кабинете без еды и сна, до изнеможения повторяя этот Расчет в тщетной надежде отыскать в нем ошибку. Но ошибки не было.

Утром я должен был вручить свои рекомендации Совету. Вместо этого я, пользуясь приближенным методом, наскоро разработал для себя Инструкцию и вышел во Время в точке, отстоящей от момента рождения моего сына на тридцать с лишним лет.

Ему было тридцать четыре года, столько же, сколько и мне тогда. Я представился ему в качестве дальнего родственника его матери. О своих родителях он ничего не знал; никаких воспоминаний детства у него не сохранилось.

Он работал авиационным инженером. В 575-м существовало много способов воздушных сообщений (так же, как и в теперешней Реальности). У него была интересная работа, он был уважаемым и преуспевающим членом общества. Его же-

на была очаровательной женщиной, но детей у них не было. В новой Реальности, где мой сын не должен был существовать, Аналог этой женщины никогда не выйдет замуж. Все это я знал давно. Я знал, что Реальность не пострадает, иначе я не смог бы оставить своего сына в живых. Все-таки я не был законченным негодяем.

Целый день я не отходил от своего сына. Любезно улыбаясь, мы беседовали на разные отвлеченные темы. Когда время, отпущенное мне Инструкцией, истекло, мы сухо простились. Но, прикрываясь маской равнодушия, я жадно впитывал каждый его жест, каждое слово, пытаясь навсегда сохранить их в своей памяти. На следующий день (по биовремени) эта Реальность должна была прекратить свое существование.

Как мне хотелось посетить заодно и тот отрезок Столетия, когда еще была жива моя жена, но у меня не оставалось ни секунды. Да и не знаю, хватило ли бы у меня мужества хоть издали взглянуть на нее.

Возвратившись в Вечность, я провел еще одну бессонную ночь. Трудно описать, какая борьба шла в моей душе. Но чувство долга победило. С опозданием на сутки я вручил свои рекомендации Совету.

Твиссел понизил голос до шепота и умолк. Сгорбившись, он сидел совершенно неподвижно, уставясь в какую-то точку на полу, и только руки его медленно сжимались и разжимались.

Не дождавшись продолжения, Харлан тихо кашлянул. Ему стало жаль старика.

— И это все? — спросил он после долгой паузы.

— Нет, хуже... гораздо хуже, — прохрипел Твиссел. — У моего сына в новой Реальности оказался Аналог. В четырехлетнем возрасте после полиомиелита он стал паралитиком. Сорок два года в постели при обстоятельствах, не позволяющих применить к нему технику регенерации нервов, открытую в 900-м. Я бессилен спасти его или хотя бы безболезненно окончить его мучения.

Эта Реальность все еще существует. Мой сын все еще там. Я один во всем виноват. Это я убил его мать и сделал его калекой. Я сам рассчитал это Изменение и отдал приказ совершить его. Много раз я нарушал законы ради него или ради его матери, но мне всегда будет казаться, что, исполнив свой долг и сохранив верность клятве Вечного, я совершил самое большое и единственное злодеяние за всю свою жизнь.

Харлан молчал, не находя слов.

— Но теперь-то ты понимаешь, почему я так близко принял к сердцу твою историю, почему я хочу, чтобы ты и Нойс были счастливы? — продолжал Твиссел. — Вечности это не повредит, а для меня, быть может, явится искуплением.

И вдруг Харлан поверил ему.

Сжав голову кулаками, он упал на колени и медленно раскачивался, не находя выхода отчаянию.

Подобно библейскому Самсону, он одним ударом разрушил свой храм. Он должен был спасти Вечность — и погубил ее; он мог обрести Нойс — и навсегда ее потерял.

Глава 15

В ПОИСКАХ КУПЕРА

Твиссел тряс Харлана за плечи, настойчиво окликая его по имени:

— Харлан! Харлан! Во имя Вечности, будь мужчиной.

Харлан медленно выбирался из трясины отчаяния.

— Что же нам теперь делать?

— Только не падать духом. Ни в коем случае не опускать руки. Для начала выслушай меня. Отрешись от своей профессиональной точки зрения на Вечность и попробуй взглянуть на нее глазами Вычислителя. Все гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд. Когда ты совершаешь во Времени какую-то вариацию и тем самым вызываешь Изменение Реальности, то Изменение наступает сразу. Почему?

— Потому что вариация сделала Изменение неизбеж-

ным, — слабым голосом ответил Харлан. Его все еще трясло как в лихорадке.

— Разве? Ты ведь можешь вернуться назад и уничтожить все следы этой вариации. Можешь или нет?

— Наверно, могу. Но мне никогда не приходилось делать этого. Я даже не слышал о таких вещах.

— Совершенно верно. Поскольку мы не отказываемся от своего намерения произвести Изменение, оно протекает согласно нашим планам. Здесь же мы имеем дело с обратным случаем. Ненамеренная вариация. Ты послал Купера не в то Столетие, и теперь мы хотим во что бы то ни стало исправить эту ошибку и вернуть Купера обратно.

— Да, но как это сделать?

— Еще не знаю, но это возможно. Если бы это было невозможно, то вариация была бы необратима; Изменение произошло бы сразу. Но Изменение пока не наступило. Мы все еще находимся в Реальности «Мемуара Маллансона». Это означает, что вариация обратима и будет обращена.

— Что?!

Харлану казалось, что он снова погружается в бурлящую бездонную пучину бредовых кошмаров.

— Несомненно, существует какой-то способ замкнуть круг во Времени, и вероятность того, что мы сумеем найти этот способ, по-видимому, очень велика. Иначе наша Реальность уже исчезла бы. Пока она существует, мы можем быть уверены, что идем по правильному пути. Если в какой-то момент я или ты придем к ложным выводам, если вероятность замкнуть круг станет меньше определенной критической величины, Вечность перестанет существовать. Тебе это понятно?

В этом Харлан был не слишком уверен. Впрочем, он не особенно старался что-либо понять. Он медленно поднялся с колен и, дотащившись до кресла, бессильно упал в него.

— Вы думаете, что мы сможем вернуть Купера назад?

— ...и послать его в нужное Время. Захватим его в момент выхода из капсулы, и он попадет в 24-е Столетие постаревшим на несколько биочасов, от силы на несколько биодней. Разумеется, это тоже будет вариацией, но, к счастью,

незначительной. Реальность будет поколеблена, но не погибнет.

— Но как мы найдем его?

— Мы знаем, что это возможно, иначе Вечность бы уже не существовала. Что касается того, как это сделать, то как раз здесь мне необходима твоя помощь; поэтому-то я так стремлюсь привлечь тебя на свою сторону. Ты ведь у нас специалист по Первобытным Временам. Вот ты и скажи мне, что надо делать.

— Не могу, — простонал Харлан.

— Нет, можешь, — настаивал Твиссел.

Его голос снова зазвучал бодро, казалось, он даже помолодел. Глаза его загорелись упоением битвы, и он размахивал зажженной сигаретой, как копьем. Даже для Харлана, которого пережитые потрясения сделали почти бесчувственным, было очевидно, что Твисселом овладел азарт борьбы и он упивается этим чувством.

— Попробуем восстановить ход событий, — говорил Твиссел. — Вот пульт. Ты стоишь около него и ждешь сигнала. Пора. Ты включаешь контакт и в то же время переводишь рычаг на несколько Столетий назад. На сколько?

— Не знаю. Я же сказал вам: не знаю!

— Ты-то, может быть, и не знаешь, но мышцы твои должны помнить. Становись сюда к пульту и положи руку на контакт. Возьми себя в руки, мой мальчик. Иди сюда. Так. Стань вот здесь. Ты ждешь сигнала. Ты ненавидишь меня, ненавидишь Совет, ненавидишь Вечность. Твое сердце изнывает от тоски по Нойс. Вернись мысленно к этому мгновению. Попробуй пережить его еще раз. Теперь я пущу секундомер. Я даю тебе одну минуту, чтобы войти в роль. Затем в нулевой момент рвани правой рукой рычаг в точности так, как ты сделал это прежде, и убери руку. Не возвращай рычаг назад. Приготовился?

— Не думаю, чтоб у меня получилось.

— Он не думает!.. Святое Время, да у тебя нет выбора! Или ты знаешь другой способ вернуть свою девушку?

Выбора действительно не было. Усилием воли Харлан заставил себя подойти к пульту, и как только он это сделал,

недавние чувства снова захлестнули его. Ему не пришлось искусственно вызывать их. Они сами нахлынули на него, стоило ему только повторить знакомое движение. Красная стрелка секундомера двинулась по циферблату.

«Может быть, последняя минута жизни», — отвлеченно подумал он.

Минус тридцать секунд.

«Больно не будет. Ведь это не смерть», — мелькнула мысль.

Он решил думать только о Нойс.

Минус пятнадцать секунд.

Нойс!

Левая рука потянулась к контакту.

Минус двенадцать секунд. Контакт!

Начала подниматься правая рука. Минус пять секунд.

Нойс!

Правая рука... НОЛЬ... рывком рванула рычаг на себя.

Тяжело дыша, Харлан отскочил в сторону. Твиссел стремительно бросился к прибору и нагнулся над шкалой.

— Двадцатое Столетие, — сказал он, — точнее, девятнадцать целых тридцать восемь сотых.

— Не знаю, — сдавленным голосом выговорил Харлан, — я старался как можно точнее воспроизвести свои ощущения, но все было немного иначе. Я знал, что я делаю, и в этом вся разница.

— Понимаю, — ответил Твиссел. — Возможно, что ты ошибся. Будем считать наш опыт первым приближением.

Он замолчал, мысленно произведя какие-то расчеты, начал было вытаскивать карманный анализатор, но передумал и засунул его обратно.

— Разрази Время все эти десятичные знаки! Примем вероятность того, что ты заслал его во вторую четверть двадцатого Столетия, равной 0,99. Ну, скажем, куда-нибудь между 19,25 и 19,50. Хорошо?

— Не знаю.

— Ладно, теперь слушай меня внимательно. Я принимаю решение вести поиски только в этом отрезке Времени, исключив все остальные. Если я ошибусь, мы потеряем последнюю возможность замкнуть круг во Времени, и Веч-

ность исчезнет. Само по себе это решение уже является Минимальным необходимым воздействием, МНВ, которого достаточно, чтобы вызвать Изменение. Теперь я принимаю решение. Я решаю твердо и бесповоротно...

Харлан осторожно огляделся вокруг, словно Реальность вдруг сделалась такой зыбкой, что могла рухнуть от резкого поворота головы.

— Я абсолютно уверен в существовании Вечности, — сказал он.

Своим спокойствием Твиссел настолько заразил Харлана, что он произнес эти слова твердым голосом (во всяком случае, так ему показалось).

— Значит, Вечность еще существует, — сухо и деловито сказал Твиссел, — и следовательно, мое решение верно. Здесь нам больше нечего делать. Я предлагаю перейти в мой кабинет, а сюда пустим членов Комитета. Пусть себе болтаются по залу, если им это доставляет удовольствие. Им незачем что-либо знать. Они думают, что проект благополучно завершен. Если мы потерпим неудачу, они никогда об этом не узнают. И мы тоже.

Твиссел внимательно осмотрел со всех сторон свою сигарету и начал:

— Вопрос вот в чем: что предпримет Купер, когда обнаружит, что попал не в то Столетие?

— Понятия не имею.

— Ясно одно: он смышленый парнишка, неглупый и с воображением. Как ты считаешь?

— Ясное дело, ведь он Маллансон.

— Вот именно. И он уже задумывался над возможностью ошибки. Помнишь, один из его последних вопросов: а вдруг он попадет не в то Время?

— Ну и что же? — Харлан не имел ни малейшего представления, куда клонит Твиссел.

— Следовательно, внутренне он подготовлен к такой возможности. Он попытается что-то предпринять, связаться

с нами, облегчить нам поиски. Помни, что часть своей жизни он был Вечным. Это очень существенно.

Твиссел выпустил колечко дыма и, разбив его пальцем, внимательно следил, как синие струйки свивались в маленькие клубочки.

— Для Купера нет ничего необычного в идее послать сообщение через сотни Столетий. Он вряд ли без борьбы примирится с тем, что безвозвратно затерян во Времени. Он ведь знает, что мы будем искать его.

— Но, не имея капсулы, за семь веков до создания Вечности, как он может хоть что-то сообщить нам? — спросил Харлан.

— Множественное число здесь ни к чему, Техник. Не нам, а тебе. Ты наш специалист по Первобытной Эпохе. Ты обучал Купера. Естественно, он придет к выводу, что только ты сможешь разыскать его следы.

— Какие следы?

Твиссел взглянул на Харлана, его проницательное старческое личико лучилось морщинами.

— С самого начала мы собирались оставить Купера в Первобытной Эпохе. У него нет защитной оболочки в виде Поля Биовремени. Вся его жизнь как бы вплетена в ткань Времени, и точно так же вплетены в эту ткань любые предметы, знаки или сообщения, которые он мог оставить для нас. Я не сомневаюсь, что когда вы изучали 20-е Столетие, вы пользовались какими-нибудь специальными источниками. Документы, архивные материалы, пленки, справочники, любые подлинные материалы, датированные той Эпохой.

— Разумеется.

— Он изучал их вместе с тобой?

— Да.

— Не было ли среди этих материалов таких, которые пользовались бы особым твоим расположением, материалов, в отношении которых Купер мог бы рассчитывать, что ты очень хорошо с ними знаком и легко обнаружишь в них малейшее упоминание о нем?

— Теперь я понимаю, к чему вы клоните, — сказал Харлан и задумался.

— Так что же? — нетерпеливо спросил Твиссел.

— Почти наверняка — это мой еженедельник. Еженедельные журналы пользовались большой популярностью в 20-м Столетии. У меня есть почти все выпуски одного из них начиная с начала 20-го века и почти до конца 22-го.

— Отлично. Как ты думаешь, каким способом Купер мог бы поместить свое сообщение в этот еженедельник? Помни, ему известно, что ты читаешь этот журнал и хорошо знаком с ним.

— Не знаю. — Харлан покачал головой. — Эти журналы отличались крикливым и манерным стилем. Их содержание никогда не блистало полнотой и объективностью и, как правило, носило случайный характер. Полагаться на то, что они напечатают определенное сообщение и к тому же в нужном виде, почти невозможно. Любое событие могло быть искажено до неузнаваемости. Даже если бы Куперу удалось получить работу в редакции, а это маловероятно, нельзя поручиться, что его заметка минует многочисленных редакторов без купюр и изменений. Я не вижу такого способа, Вычислитель.

— Заклинаю тебя Вечностью, подумай как следует! Сосредоточься на проблеме еженедельника. Представь, что ты — Купер и что ты в 20-м Столетии. Ты обучал его, Харлан. Ты формировал его мышление. Так что же он предпримет? Как он заставит журнал напечатать его сообщение, не изменив в нем ни единого слова?

Харлан широко раскрыл глаза:

— Реклама!

— Что? Что?

— Реклама. Платное объявление, которое печатается в точности так, как этого хочет заказчик. Мы с Купером несколько раз обсуждали вопросы, связанные с рекламой.

— Ах да, да! Что-то в таком духе было в 186-м.

— Ни одно Столетие не может сравниться в этом отношении с 20-м. Это было время наивысшего расцвета рекламы. Уровень культуры...

— Возвратимся к этому рекламному объявлению, — торопливо прервал его Твиссел. — Каким оно может быть?

— Хотел бы я знать...

Твиссел уставился на горящий кончик своей сигареты, словно ища в нем искорку вдохновения.

— Он не может действовать открыто. Он не может написать: Купер из 78-го Столетия заброшен в 20-е и вызывает Вечность...

— Почему вы так уверены?

— Совершенно невозможно. Подобное сообщение, опубликованное в 20-м Столетии, еще вернее разорвало бы маллансоновский круг, чем ошибочное действие с нашей стороны. Но мы еще здесь — следовательно, за всю свою жизнь в текущей Реальности 20-го Столетия Купер не сделал ни одного ложного шага.

— А кроме того, — сказал Харлан, уводя разговор в сторону от всей этой круговой казуистики, которая, казалось, совершенно не смущала Твиссела, — кроме того, ни одна редакция не согласилась бы на публикацию объявления, которое показалось бы ей безумным или бессмысленным. Они заподозрили бы мошенничество или еще что-нибудь столь же незаконное и побоялись бы связываться. Кстати, поэтому же Купер не мог написать свое объявление на Межвременном языке.

— Да, идея должна быть тонкой и хитроумной, — задумчиво проговорил Твиссел. — Ему, вероятно, пришлось прибегнуть к иносказаниям. Это объявление должно казаться современникам вполне обычным. Без сучка и задоринки. И в то же время в нем должно содержаться нечто, совершенно очевидное для нас. Какая-нибудь деталь, которую мы заметим с первого взгляда, потому что искать это объявление придется среди тысяч ему подобных. Харлан, как по-твоему, они дорого стоили?

— Крайне дорого.

— А у Купера наверняка негусто с деньгами. И кроме того, оно все равно должно быть небольшим во избежание излишних подозрений. Подумай, Харлан, как велико оно может быть?

— Полколонки, — показал руками Харлан.

— Колонки?

— Видите ли, эти журналы печатались на бумаге. Текст располагался колонками.

— Да, да. У меня книги всегда ассоциируются только с пленками... Ну вот, мы получили еще одно приближение. Нам следует искать рекламное объявление на полколонки, которое с первого взгляда покажет нам, что его поместил человек из более позднего Столетия, но в котором люди 20-го века не увидели ничего странного или подозрительного.

— А что, если я не найду его? — спросил Харлан.

— Обязательно найдешь. Вечность ведь существует, не так ли? Пока она существует, мы на верном пути. Кстати, скажи мне, когда ты занимался с Купером, тебе не попадалось похожего объявления? Не было чего-нибудь хоть на секунду остановившего твой взгляд каким-то внутренним несоответствием?

— Нет.

— Мне не нужны мгновенные ответы. Подумай минут пять, потом отвечай.

— Что толку думать. Когда я просматривал эти журналы вместе с Купером, его еще не было в 20-м веке.

— Мой мальчик, для чего у тебя голова? Послав Купера в 20-е, ты произвел вариацию. Это еще не Изменение, вариация не является необратимой. Но существуют изменения с малой буквы, микроизменения, как их называют при Вычислениях. В то же самое мгновенье, в которое Купер был послан в 20-е, в соответствующем выпуске журнала появилось это объявление. Твоя собственная Реальность претерпела микроизменение в том смысле, что ты с большей вероятностью остановил бы свой взгляд на странице с объявлением, чем на странице без объявления. Ты понял?

И снова у Харлана голова пошла кругом от той легкости, с которой Твиссел пробирался сквозь джунгли «парадоксов» Времени. Он растерянно покачал головой.

— Не припоминаю ничего похожего, сэр.

— Ну что ж, оставим это. Где ты хранишь свою коллекцию?

— Я воспользовался особым положением Купера и построил специальную библиотеку в Секции Два.

— Чудесно, — ответил Твиссел, — пошли туда. Немедленно.

Войдя в библиотеку Харлана, Твиссел долго и удивленно рассматривал старинные переплетенные тома и затем снял один из них с полки. Книги были так стары, что непрочную бумагу пришлось пропитать специальным составом; в неловких руках Вычислителя хрупкие страницы разламывались с легким треском.

Харлан поморщился, как от боли. В другое время он велел бы Твисселу держаться подальше от полок, будь он хоть трижды Старшим Вычислителем.

Твиссел напряженно разглядывал хрустящие страницы, медленно и беззвучно шевеля губами.

— Так это и есть тот самый английский язык, о котором столько толкуют лингвисты? — спросил он, постучав пальцем по странице.

— Да, английский, — пробормотал Харлан.

Твиссел поставил том на полку.

— Громоздкая и неудобная штука.

Харлан пожал плечами. Конечно, в большинстве Столетий, охватываемых Вечностью, в ходу были фильмокниги; там, где технический прогресс шагнул еще дальше, применяли запись на молекулярном уровне. Все же книги и печать не были чем-то неслыханным.

— Печатать книги было проще и дешевле, чем изготавливать пленки, — ответил он.

Твиссел потер рукой подбородок.

— Возможно. Приступим к поискам?

Он снял с полки другой том и, открыв его на первой попавшейся странице, принялся настойчиво ее разглядывать.

«Что это он делает? — подумал Харлан. — Неужели он рассчитывает, что ему сразу же повезет?»

Очевидно, догадка Харлана была верной, потому что

Твиссел, встретив его удивленный взгляд, смущенно покраснел и торопливо поставил книгу на место.

Харлан взял первый том, относящийся к 25-му сантистолетию 20-го века, и начал методично его перелистывать. Все его тело застыло в напряженной сосредоточенности, двигались только глаза, да изредка правая рука переворачивала страницу.

Через долгие, казавшиеся ему бесконечными промежутки биовремени Харлан вставал и, что-то бормоча себе под нос, тянулся за новым томом. В эти коротенькие перерывы рядом с ним обычно оказывалась чашка кофе или бутерброд.

Харлан глубоко вздохнул:

— Ваше присутствие здесь бесполезно.

— Я тебе мешаю?

— Нет.

— Тогда я лучше останусь, — пробормотал Твиссел.

Он вставал, садился, снова вставал и принимался бродить по комнате, беспомощно разглядывая корешки переплетов. Одна за другой догорали его бесчисленные сигареты, обжигая порой пальцы или губы, но он не замечал этого.

Биодень подошел к концу.

Харлан спал мало и плохо. Утром в перерыве между двумя томами Твиссел, помедлив над последним глотком кофе, задумчиво проговорил:

— Порой мне кажется странным, почему я не отказался от звания Вычислителя после того, как я... ты знаешь, о чем я говорю.

Харлан кивнул.

— Мне очень хотелось так поступить. Долгие биомесяцы я страстно надеялся, что мне больше не придется иметь дела ни с одним Изменением. У меня появилось болезненное отвращение к Изменениям. Я даже стал задумываться, имеем ли мы право их совершать. Забавно, до чего могут довести человека эмоции.

Ты специалист по Первобытной истории, Харлан. Ты знаешь, что она собой представляла. Реальность тогда развивалась слепо по линии наибольшей вероятности. И если эта наибольшая вероятность означала эпидемию чумы, или

десять Столетий рабства, или упадок культуры, или... давай поищем что-нибудь по-настоящему скверное... или даже атомную войну, если бы только она была возможна в Первобытную Эпоху, то, разрази меня Время, ЭТО ПРОИСХОДИЛО.

— Люди были бессильны предотвратить катастрофу.

— После возникновения Вечности мир стал совсем иным. Начиная с 28-го Столетия подобным явлениям больше нет места в истории. Святое Время, мы подняли нашу Реальность на такой высокий уровень благоденствия, о котором в Первобытные Времена невозможно было даже мечтать. Если бы не вмешательство Вечности, человечество никогда не достигло бы этого уровня; его вероятность ничтожно мала.

«Чего он добивается? — пристыженно подумал Харлан. — Заставить меня работать еще напряженнее? Я и так делаю все, что в моих силах».

— Если мы упустим сейчас эту возможность, — продолжал Твиссел, — то Вечность погибнет, и, вероятнее всего, безвозвратно. Одним грандиозным скачком Реальность изменится в сторону максимальной вероятности. Я совершенно уверен, что это означает атомную войну и гибель человечества.

— Я думаю, мне пора заняться следующим томом, — сказал Харлан.

— Как много еще осталось! — растерянно произнес Твиссел в очередной перерыв. — Разве нельзя двигаться побыстрее?

— Скажите как. Мне лично кажется, что я должен просмотреть каждую страницу от начала и до конца. Делать это быстрее, чем сейчас, я просто не в силах.

Он методически продолжал переворачивать страницы.

— Все. Больше не могу, — сказал Харлан, — буквы расплываются, а это значит, что пора спать.

Второй биодень подошел к концу.

На третий биодень поисков в 10 часов 22 минуты по единому биовремени Харлан изумленно уставился на страницу и тихо сказал:

— Вот оно.

— Что? — не понял его Твиссел.

Харлан поднял голову: его лицо выражало крайнее удивление.

— Я не верил в это. Поймите, я ни на минуту по-настоящему не верил в это. Все ваши измышления насчет рекламных объявлений и журналов казались мне беспросветной чепухой.

До Твиссела наконец дошло, в чем дело.

— ТЫ НАШЕЛ ЕГО!

Он бросился к Харлану и судорожно вцепился дрожащими пальцами в толстый том.

Харлан резко вырвал у него книгу, захлопнул ее и спрятал за спину.

— Что ты наделал? — взвизгнул Твиссел. — Ты же снова потерял его.

— Не волнуйтесь. Я знаю, где оно находится. Но прежде...

— Что прежде?

— Вычислитель Твиссел, нам еще осталось решить один небольшой вопрос. Вы сказали, что мне вернут мою девушку. Верните ее. Я хочу на нее взглянуть.

Твиссел удивленно посмотрел на Харлана: его редкие седые волосы в беспорядке торчали во все стороны.

— Ты что, смеешься надо мной?

— Нет, — резко ответил Харлан. — Мне не до шуток. Вы обещали мне, что все устроите... Может быть, это вы шутили? Вы дали слово, что мне вернут Нойс.

— Да, я обещал. Это решено.

— Тогда покажите мне ее живой и невредимой.

— Но я все никак не пойму тебя. Я ведь не прячу твою девушку. Никто ее не трогал. Она все еще там, в далеком будущем, в том Секторе, который Финжи указал в своем донесении. Святое Время, я же сказал тебе, что она в безопасности.

Харлан почувствовал, как его нервы натянулись до предела. Он сдавленно произнес:

— Прекратите играть словами. Ладно, она в безопасности. Но мне-то что от этого? Снимите блокировку Времени в 100 000-м.

— Снять что?

— Барьер. Капсула не проходит сквозь него.

— Ты мне ни слова не сказал об этом.

— Разве?

Харлан был крайне удивлен. Говорил он об этом или нет? Все эти дни ни о чем другом он не думал. Неужели он не сказал ни слова? Он никак не мог вспомнить. Им снова овладел гнев.

— Ладно, — жестко проговорил он. — Считайте, что я сказал вам об этом ТЕПЕРЬ. Снимите его.

— Но ведь это невозможная вещь. Барьер, непроницаемый для капсулы? Блокировка Времени?

— Вы что, хотите сказать мне, что не вы его поставили?

— Я не ставил его, клянусь Вечностью!

— Тогда... тогда... — Харлан почувствовал, как он бледнеет. — Значит, Колодцы заблокировал Совет. Они все знали и решили принять свои меры независимо от вас. Но тогда, — клянусь Временем и Реальностью! — пусть сами поищут это объявление, Купера, Маллансона и все, что останется от Вечности. Черта с два они что-нибудь найдут!

— Стой, стой! — Твиссел в отчаянии схватил Харлана за локоть. — Возьми себя в руки, мой мальчик. Подумай сам. Совет не ставил барьера.

— Кто же его поставил?

— Никто не мог поставить. Его нельзя поставить. Это невозможно теоретически.

— Значит, вы знаете не всю теорию. Но барьер все же существует.

— Я знаю больше всех членов Совета и утверждаю, что подобная вещь невозможна.

— Барьер существует!

— Но если это так...

И Харлан вдруг заметил в глазах Твиссела такой ужас,

какого не было даже в тот момент, когда он впервые услышал, что Купер послан не в то Столетие и что Вечности угрожает гибель.

Глава 16

СКРЫТЫЕ СТОЛЕТИЯ

Погруженный в свои мысли, Эндрю Харлан рассеянно следил, как подвигается работа. Работники вежливо не замечали его, потому что он был Техником. В обычных обстоятельствах Харлан даже не взглянул бы в их сторону, так велико было презрение Специалистов к Обслуживающему Персоналу. Но, глядя сейчас на их слаженные, уверенные действия, Харлан вдруг поймал себя на чувстве зависти к ним.

Серо-стальная форма и черные нашивки с красной зигзагообразной молнией выдавали их принадлежность к Отделу межвременных перевозок.

С помощью сложной аппаратуры они быстро и умело проверяли Темпоральные двигатели капсулы и степени гиперсвободы вдоль временной протяженности Колодцев. Их теоретические познания были невелики, но свое дело они знали в совершенстве.

Учась в школе, Харлан почти не сталкивался с Работниками. Честно говоря, ему совсем не хотелось знакомиться с ними. В Работники направляли Учеников, не выдержавших испытания. Попасть в не-Специалисты, как их деликатно называли, значило всю жизнь носить на себе клеймо провала, и Ученики старались не думать о подобной возможности.

Но сейчас, наблюдая за Работниками, Харлан пришел к выводу, что они по-своему счастливы.

Ничего удивительного. Их было раз в десять больше, чем Специалистов, «истинных Вечных». У них было свое общество, свои жилые Секции, свои радости и удовольствия. Их рабочий день не превышал определенного числа биочасов, и никто не глядел на них косо, если в свободное время они занимались посторонними делами, не имеющими отношения

к их профессии. Они могли посвящать свой досуг книгам и стереофильмам, отобранным из различных Реальностей. У Специалистов никогда не хватало на это времени.

Суматошная жизнь Специалистов казалась неестественной по сравнению с простым существованием Работников. Их психика также, вероятно, была более спокойной и уравновешенной.

Работники были тем фундаментом, на котором держалась Вечность. Странно, что эта очевидная мысль ни разу прежде не приходила ему в голову. Работники ведали доставкой из Времени воды и продовольствия, уничтожали отходы, обслуживали энергетические установки. Это они обеспечивали безотказную работу сложного механизма Вечности. Если бы в один прекрасный день вымерли все Специалисты, то Работники могли бы и дальше поддерживать существование Вечности. А вот если бы исчезли Работники, то Специалистам оставалось бы только бежать из Вечности или погибнуть самым бесславным образом от голода и жажды.

Как относятся Работники к безбрачию, невозможности вернуться в родное Время, к запрету иметь семью и детей? Они не знают нужды и болезней, им не грозят Изменения Реальности. Служит ли это в их глазах достаточной компенсацией? Интересуется ли хоть кто-нибудь их мнением по разным вопросам? Харлан почувствовал, как в нем снова разгорается пыл борца за социальную справедливость.

Появление Твиссела отвлекло его от этих мыслей. Они расстались полчаса назад, когда Работники приступили к осмотру капсулы. Твиссел, запыхавшись, трусил мелкой рысцой, и вид у него был еще более замученный, чем прежде.

«Как только он выдерживает такое напряжение? — подумал Харлан. — Ведь он уже очень стар».

Твиссел быстро, по-птичьи, оглядел Работников, которые при его появлении почтительно выпрямились.

— Ну, что с Колодцами? — спросил он.

— Все в порядке, сэр, — ответил один из Работников. — Путь чист, интенсивность Поля везде нормальная.

— Вы все проверили?

— Да, сэр. Весь интервал, обслуживаемый отделом.

— Вы свободны. — Его слова прозвучали как категорический приказ немедленно удалиться.

Работники, вежливо поклонившись, заторопились прочь.

Твиссел и Харлан остались в Колодце вдвоем.

— Подожди меня здесь, — попросил Твиссел, — я скоро вернусь.

Харлан отрицательно покачал головой:

— Я поеду с вами.

— Ну как ты не понимаешь! Что бы ни случилось со мной, ты знаешь, как найти Купера. Если же что-нибудь произойдет с тобой, то что смогу сделать без тебя я, или любой другой Вечный, или даже все Вечные вместе взятые?

Харлан снова упрямо покачал головой.

Твиссел поднес сигарету к губам и глубоко затянулся.

— Сеннор почуял неладное. За два последних биодня он несколько раз вызывал меня по видеофону. Он допытывается, почему я вдруг уединился. Если он узнает, что по моему приказу проведена полная проверка всего оборудования Колодцев... Мне надо ехать, Харлан. Сейчас же. Не задерживай меня.

— Я вас не задерживаю. Я готов.

— Ты настаиваешь на своем?

— Если барьера нет, то нет и опасности. Если же он существует... ну что ж, я уже был там и вернулся. Что вас пугает, Вычислитель?

— Я не хочу рисковать без особой нужды.

— Тогда прибегните к своему любимому рассуждению. Твердо решите, что я еду вместе с вами. Если после этого Вечность не исчезнет — следовательно, круг еще можно замкнуть, и значит, с нами ничего не случится. Если этот шаг ложен, то Вечность погибнет, но она с одинаковым успехом погибнет и в том случае, если я не поеду, потому что — клянусь! — без Нойс я и пальцем не пошевелю, чтобы вызволить Купера.

— Я сам привезу ее к тебе.

— Если это так легко и просто, почему бы и мне не поехать вместе с вами?

Было видно, что Твиссела раздирают сомнения. Наконец он хрипло сказал:

— Ладно, поехали!

И Вечность уцелела.

Но испуганное выражение в глазах Твиссела не исчезло и после того, как они вошли в капсулу. Он не сводил взгляда с мелькающих на Счетчике Столетий цифр. Даже более грубый Счетчик Килостолетий, установленный специально для этой поездки, и тот щелкал с минутными интервалами.

— Тебе не следовало бы ехать!

— Почему? — пожал плечами Харлан.

— Я не могу объяснить. Меня одолевают предчувствия. Назови это, если угодно, суеверием. Я себе места не нахожу.

— Не понимаю вас.

Твиссел напрашивался на разговор: казалось, он стремился заговорить беса сомнения.

— Вот послушай. Ты у нас специалист по Первобытной истории. Сколько Времени в Первобытной Эпохе существовал человек?

— Десять тысяч Столетий. От силы пятнадцать.

— Так, и за это время он превратился из обезьяноподобного существа в гомо сапиенса. Верно?

— Да. Но это знают все.

— Все знают, однако никто не задумывается над тем, как велика была скорость эволюции. Всего за пятнадцать тысяч Столетий от обезьяны до человека.

— Ну и что?

— А то, что я, например, родился в 30 000-м...

Харлан невольно вздрогнул. Ни он и никто из тех, с кем ему приходилось сталкиваться, знать не знали, откуда Твиссел родом.

— Я родился в 30 000-м, — повторил Твиссел, — а ты в 95-м. Нас с тобой разделяет промежуток, вдвое превышающий все время существования человека в Первобытной Эпохе, а чем мы отличаемся друг от друга? У моих современников на четыре зуба меньше, чем у тебя, и отсутствует ап-

пендикс. Анатомические различия на этом кончаются. Обмен веществ протекает у нас почти одинаково. Самая большая разница заключается в том, что клетки твоего организма могут образовывать стероидные ядра, а моего — не могут, поэтому для меня необходим холестерин, а ты можешь без него обойтись. У меня был ребенок от женщины из 575-го. Вот как мало изменений внесло Время в человеческие существа.

На Харлана это рассуждение не произвело особого впечатления. Он никогда не сомневался в том, что человек в принципе одинаков во всех Столетиях. Для него это положение было аксиомой.

— Есть и другие существа, не претерпевшие изменений за миллионы Столетий.

— Не так уж много. И кроме того, эволюция человека прекратилась после возникновения Вечности. Что это, случайность? Подобными вопросами у нас интересуются лишь немногие, вроде Сеннора, а я никогда не был Сеннором. Я никогда не занимался беспочвенным теоретизированием. Если проблему нельзя рассчитать с помощью Кибермозга, то Вычислитель не имеет права тратить на нее свое биовремя. И все-таки, когда я был моложе, я порой задумывался...

«О чем? — заинтересовался Харлан. — Что ж, послушаем Твиссела».

— Я пытался вообразить, что собой представляла Вечность вскоре после своего возникновения. Она простиралась всего на несколько Столетий между 30-ми и 40-ми и занималась в основном Межвременной торговлей. Она интересовалась проблемой восстановления лесов, перемещала во Времени почву, пресную воду, химикалии. Жизнь была проста в те дни.

Но затем были открыты Изменения Реальности. Старший Вычислитель Генри Уодсмен с присущим ему драматизмом предотвратил войну, испортив тормоза в автомобиле одного конгрессмена. После этого центр тяжести Вечности все больше и больше смещался от торговли к Изменениям Реальности. Почему?

— Кто ж не знает? Благоденствие человечества.

— Да, да. Обычно и я так думаю. Но сейчас я говорю о своих кошмарах. А что, если существует и другая причина, невысказанная, подсознательная? Человек, имеющий возможность отправиться в бесконечно далекое будущее, может встретить там людей, настолько же обогнавших его в своем развитии, насколько он сам ушел от обезьяны. Разве не так?

— Возможно. Но люди остаются людьми...

— ...даже в 70 000-м. Да, я знаю. А не связано ли это с нашими Изменениями Реальности? Мы изгнали необычное. Даже безволосые создания из века Сеннора и те находятся под вопросом, а уж они-то, видит Время, совершенно безобидны. А что, если мы, несмотря на все наши честные и благородные намерения, остановили эволюцию человека только потому, что боялись встретиться со сверхлюдьми?

Но и эти слова не высекли искры.

— Остановили так остановили, — ответил Харлан. — Какое это имеет значение?

— А что, если сверхлюди все-таки существуют в том отдаленном будущем, которое недоступно нам? Мы контролируем Время только до 70 000-го, дальше лежат Скрытые Столетия. Но почему они Скрытые? Не потому ли, что эволюционировавшее человечество не желает иметь с нами дела и не пускает нас в свое Время? Почему мы позволяем им оставаться Скрытыми? Не потому ли, что и мы не хотим иметь с ними дела и, потерпев один раз неудачу, отказались от всех дальнейших попыток? Я не хочу утверждать, что мы сознательно руководствуемся этими соображениями, но сознательно или подсознательно — мы все-таки руководствуемся ими.

— Пусть так, — угрюмо заявил Харлан. — Они недосягаемы для нас, а мы — для них. Живи сам и другим не мешай.

Твиссела даже передернуло от этих слов.

— «Живи сам и другим не мешай». Но ведь мы-то поступаем как раз наоборот. Мы совершаем Изменения. Через какое-то число Столетий Изменения затухают из-за инерции Времени. Помнишь, Сеннор за завтраком говорил об этом эффекте как об одной из неразрешимых загадок? Ему следовало сказать, что все эти данные — чистая статистика. Действие одних Изменений растягивается на большее число Столетий, действие других — на меньшее. Почему, никто не знает, теоретически существуют Изменения, способные затронуть любое число Столетий — сто, тысячу, даже сто тысяч. Люди будущего из Скрытых Столетий могут знать об этом. Предположим, они обеспокоены возможностью, что в один прекрасный день какое-то Изменение затронет всю эту эпоху, вплоть до 200 000-го.

— Но что толку сейчас беспокоиться об этом? — спросил Харлан с видом человека, которого гложут куда более серьезные заботы.

Твиссел зашептал:

— А ты представь себе, что это беспокойство было не особенно серьезным, пока Секторы в Скрытых Столетиях оставались необитаемыми. Для них это служило доказательством, что у нас нет агрессивных намерений. И вдруг кто-то нарушил перемирие и поселился где-нибудь за 70 000-м. Что, если они посчитали это первым признаком готовящегося вторжения? Они в состоянии отгородить от нас свое Время — следовательно, их наука намного опередила нашу. Кто знает, может быть, они в состоянии сделать то, что нам кажется теоретически невозможным, — заблокировать Колодцы Времени, отрезать нас...

С криком ужаса Харлан вскочил на ноги.

— ОНИ ПОХИТИЛИ НОЙС?!

— Не знаю. Все это только мои домыслы. Может быть, никакого барьера и не было. Может быть, твоя капсула просто была неиспра...

— Был барьер, был! — закричал Харлан. — Ваше объяснение единственно верное. Почему вы мне раньше ничего не сказали?

— Я не был уверен! — простонал Твиссел. — Я и сейчас сомневаюсь. Мне не следовало бы вспоминать о своих дурацких фантазиях. Не все совпало... мои страхи... история с Купером... Подождем. Осталось несколько минут.

Он указал на счетчик. Стрелка двигалась между 95 000-м и 96 000-м.

Положив руку на рычаг управления, Твиссел осторожно притормозил капсулу. 99 000-е осталось позади. Стрелка грубого счетчика замерла неподвижно. На более чувствительном счетчике медленно сменялись номера отдельных Столетий.

99 726 — 99 727 — 99 728...

— Что нам делать? — шептал Харлан. Твиссел покачал головой; робкая надежда и призыв к терпению красноречиво слились в этом жесте с сознанием собственного бессилия.

99 851 — 99 852 — 99 853...

Харлан приготовился к удару о барьер и в полном отчаянии подумал: неужели придется спасать Вечность только для того, чтобы получить отсрочку, выиграть время для предстоящей борьбы с созданиями из Скрытых Столетий? Но как еще вернуть Нойс? Как спасти ее? Скорее назад, в 575-е, и там напрячь все силы!..

99 938 — 99 939 — 99 940...

Харлан затаил дыхание. Твиссел еще сбавил скорость. Капсула еле ползла вперед. Все ее механизмы работали безукоризненно; она чутко отзывалась на каждое движение руки Вычислителя.

99 984 — 99 985 — 99 986...

— Сейчас, сейчас, вот сейчас... — сам того не замечая, шептал Харлан.

99 998 — 99 999 — 100 000 — 100 001 — 100 002...

Двое мужчин, словно в трансе, напряженно следили за сменой чисел на счетчике.

Твиссел первым пришел в себя.

— Никакого барьера нет! — радостно вскричал он.

— Но ведь был барьер, был! — отозвался Харлан. Страдание причиняло ему физическую боль. — Неужели они уже похитили ее и сняли барьер за ненадобностью?..

111 394-е.

С отчаянным воплем «Нойс! Нойс!» Харлан выскочил из капсулы. Гулкое эхо заметалось по пустынным коридорам и замерло вдалеке.

— Харлан, постой!.. — крикнул вслед ему Твиссел, не поспевая за своим молодым спутником.

Бесполезно! Харлан стремительно летел сквозь безлюдные переходы в ту часть Сектора, где они с Нойс устроили себе какое-то подобие дома.

На мгновенье он подумал о возможности встречи со «сверхлюдьми», как их называл Твиссел, и почувствовал, что волосы у него встают дыбом, но стремление отыскать Нойс оказалось сильнее страха.

— НОЙС!

И внезапно, прежде даже, чем он успел разглядеть ее, она оказалась в его объятиях; закинув ему руки за шею, она прижалась к нему всем телом и уткнулась щекой в плечо так, что его подбородок совершенно потонул в ее мягких черных волосах.

— Эндрю, — шептала она, задыхаясь в его объятиях, — где ты пропадал? Тебя все не было и не было, я уже начала бояться.

Харлан отстранил ее и залюбовался ею с жадным восхищением.

— С тобой ничего не случилось?

— Со мной-то нет. Я опасалась, не стряслась ли с тобой беда. Я думала...

Она вдруг осеклась, и в глазах ее мелькнул ужас.

— Эндрю!

Харлан стремительно повернулся.

Но это был всего только Твиссел, запыхавшийся от быстрого бега.

Выражение лица Харлана, должно быть, несколько успокоило Нойс, и она спросила более ровным голосом:

— Ты его знаешь, Эндрю? Он с тобой?

— Не бойся, — ответил Харлан, — это мое начальство, Старший Вычислитель Лабан Твиссел. Ему все известно.

— Старший Вычислитель?!

Нойс испуганно отшатнулась.

Твиссел медленно приблизился к ней.

— Я помогу тебе, мое дитя. Я помогу вам обоим. Я дал слово Технику, но он не хочет мне верить.

— Прошу прощения, Вычислитель, — проговорил Харлан без особых признаков раскаяния.

— Прощаю, — ответил Твиссел.

Нойс робко и не без колебания позволила ему взять себя за руку.

— Скажи мне, девочка, тебе хорошо здесь жилось?

— Я беспокоилась.

— С тех пор как Харлан оставил тебя, здесь никого не было?

— Н-нет, сэр.

— Никого? Ни одной живой души?

Нойс покачала головой и вопросительно посмотрела на Харлана.

— А почему вы спрашиваете?

— Так, пустяки. Глупая фантазия. Пойдем, мы отвезем тебя в 575-е.

На обратном пути Эндрю Харлан постепенно впал в глубокую задумчивость. Он даже не взглянул на счетчик, когда они миновали 100 000-е и Твиссел издал громкий вздох облегчения, словно до последней минуты боялся оказаться в ловушке.

Даже маленькая ручка Нойс, скользнувшая ему в ладонь, не вывела Харлана из этого состояния, и ответное пожатие его пальцев было чисто машинальным.

После того как Нойс мирно уснула в соседней комнате, нетерпеливость Твиссела достигла предела.

— Объявление, давай сюда объявление, мой мальчик. Я сдержал слово. Тебе вернули твою возлюбленную.

Молча, все еще занятый своими мыслями, Харлан раскрыл лежащий на столе том и нашел нужную страницу.

— Все очень просто. Я сначала прочту вам это объявление по-английски, а затем переведу его.

Объявление занимало верхний левый угол 30-й страницы. На фоне рисунка, сделанного тонкими штриховыми линиями, было напечатано крупными черными буквами несколько слов:

АКЦИИ
ТОРГОВЫЕ СДЕЛКИ
ОПЫТНЫЙ
МАКЛЕР

Внизу мелкими буквами было написано: «Почтовый ящик 14, Денвер, Колорадо».

Твиссел, напряженно слушавший перевод, разочарованно спросил:

— Что такое акции? Что они хотели этим сказать?

— Способ привлечения капитала, — нетерпеливо пояснил Харлан, — бумажки, которые продавались на бирже. Но дело не в них. Разве вы не видите, на фоне какого рисунка напечатано это объявление?

— Вижу. Грибовидное облако взрыва атомной бомбы. Попытка привлечь внимание. Ну и что?

— Разрази меня Время! — взорвался Харлан. — Что с вами стряслось, Вычислитель? Взгляните-ка на дату выпуска.

Он указал на маленькую строчку в самом верху страницы: «28 марта 1932 года».

— Едва ли это нуждается в переводе. Цифры выглядят почти так же, как и в Межвременном, и вы без моей помощи прочтете, что это 19,32. Неужели вы не знаете, что в то Время ни одно живое существо еще не видело грибовидного облака? Никто не смог бы нарисовать его так точно, кроме...

— Постой, постой. Ведь здесь всего несколько тонких линий, — сказал Твиссел, стараясь сохранить спокойствие. — Может быть, это просто случайное совпадение?

— Случайное совпадение? Тогда взгляните на первые буквы строк: Акции — Торговые сделки — Опытный — Маклер. Составьте их вместе, и вы получите слово АТОМ. По-вашему, это тоже случайное совпадение?

Разве вы не видите, Вычислитель, что это объявление удовлетворяет всем вами же выработанным условиям? Оно сразу бросилось мне в глаза, Купер знал, что я не пропущу подобный анахронизм. И в то же время для человека из 19,32-го в нем нет никакого скрытого смысла.

В 20-м Столетии поместить такое объявление мог только Купер. Это и есть его послание нам. Мы знаем его положе-

ние во Времени с точностью до одной недели. У нас есть его почтовый адрес. Остается отправиться за ним. Во всей Вечности только один человек достаточно хорошо знает Первобытную Эпоху, чтобы отыскать там Купера, — это я.

— И ты согласен отправиться за ним? — Твиссел облегченно вздохнул.

— Согласен — при одном условии.

— Снова условия? — Твиссел сердито нахмурился.

— Условие все то же: безопасность Нойс. Я не выдвигаю никаких новых требований. Она поедет со мной. Здесь я ее не оставлю.

— Ты все еще мне не доверяешь? Разве я хоть в чем-нибудь обманул тебя? Что беспокоит тебя?

— Только одно, Вычислитель, — мрачно ответил Харлан, — только одно: в 100 000-м был поставлен барьер. С какой целью? Вот мысль, которая не дает мне покоя.

Глава 17

КРУГ ЗАМЫКАЕТСЯ

Эта мысль неотвязно преследовала его. В суете приготовлений к отъезду время пролетало незаметно, но с каждым днем беспокойство Харлана становилось все сильнее. Сначала между ним и Твисселом, а позже между ним и Нойс встала стена отчуждения. Настал день отъезда, но и это не вывело Харлана из состояния мрачной задумчивости.

Когда Твиссел вернулся и заговорил с ним о специальном заседании Комитета, Харлан с трудом поддерживал разговор.

— Что они сказали? — спросил он.

— Ничего хорошего, — устало ответил Твиссел.

Харлан готов был удовольствоваться этим ответом, но чтобы заполнить паузу, пробормотал:

— Надеюсь, вы им не рассказали о...

— Не бойся, — последовал раздраженный ответ. — Я не сказал им ни о девушке, ни о твоей роли во всем этом деле.

Я заявил, что всему виной неполадки в механизмах, неблагоприятное стечение обстоятельств. Всю ответственность я взял на себя.

Как ни тяжело приходилось Харлану, он почувствовал острый укол совести.

— Вся эта история скверно отразится на вас.

— Сейчас Совет бессилен. Им приходится ждать, пока ошибка будет исправлена. До этого они не тронут меня. Если мы добьемся успеха, победителей не судят. Если же нет, то наказывать будет некого и некому. — Твиссел пожал плечами. — Да и потом, я все равно собираюсь по завершении этого дела устраниться от активной деятельности.

Не докурив сигарету даже до половины, он погасил ее и бросил в пепельницу.

— Я бы охотно не посвящал их в это дело, но не было никакой другой возможности получить разрешение на использование специальной капсулы для новых поездок за нижнюю границу Вечности, — со вздохом закончил он.

Харлан отвернулся. Его мысли снова вернулись на проторенную дорожку. Харлан смутно слышал, как Твиссел что-то сказал, но Вычислителю пришлось несколько раз повторить свой вопрос, прежде чем Харлан, вздрогнув, пришел в себя:

— Простите?

— Я спрашиваю: твоя девушка готова? Понимает ли она, что ей предстоит?

— Да, конечно. Я все ей объяснил.

— Ну и как она к этому отнеслась?

— Что? А, да, да... Гм... Так, как я и рассчитывал. Она не испугалась.

— Осталось меньше трех биочасов.

— Знаю.

На этом разговор оборвался, и Харлан снова остался наедине со своими мыслями и щемящим сознанием того, что ему предстоит дорогой ценой искупить свою вину.

* * *

Когда с загрузкой капсулы и отладкой управления было покончено, появились Харлан и Нойс. Они были одеты так, как одевались в сельской местности в начале 20-го века.

Нойс внесла несколько исправлений в рекомендации Харлана относительно ее костюма, ссылаясь на свое женское чутье в вопросах одежды и эстетики. Она тщательно выбирала детали своего одеяния по рекламным картинкам в соответствующих томах еженедельника и внимательно разглядывала вещи, доставленные из десятка различных Столетий.

Несколько раз она обращалась к Харлану за советом. Он пожимал плечами.

— Когда говорит женское чутье, мне лучше молчать.

— Слишком уж ты покладист, Эндрю. — В ее веселости было что-то неестественное. — Это скверный признак. Что стряслось с тобой? Ты на себя не похож. Вот уже несколько дней, как я просто не узнаю тебя.

— *Ничего не случилось, — уныло отвечал Харлан.*

Увидев их в роли аборигенов 20-го Столетия, Твиссел натянуто рассмеялся.

— Сохрани меня Время! Что за уродливые костюмы носили эти Первобытные люди, и все-таки даже этот отвратительный наряд не в силах скрыть вашу красоту, моя милая, — обратился он к Нойс.

Нойс одарила его приветливой улыбкой, и Харлан, стоявший рядом с ней в мрачном молчании, был вынужден признать, что в старомодно галантном комплименте Твиссела есть доля истины. Платье Нойс скрывало красоту ее тела; косметика сводилась к нескольким невыразительным мазкам краски на губах и щеках, брови были уродливо подведены, и — самое ужасное — прелестные длинные волосы были безжалостно подстрижены. И все же она была прекрасна.

Сам Харлан уже освоился с тем, что ему давит пояс и жмет под мышками, пригляделся к мышиной серости красок грубо сотканной ткани: ему не раз приходилось носить странные костюмы чужих Столетий.

— Мне бы очень хотелось установить в капсуле ручное управление, как мы собирались, — обратился Твиссел к Харлану, — но, оказывается, это невозможно. Инженерам необходим для этого достаточно мощный источник энергии, а таких источников вне Вечности нигде нет. Мы забрасываем вас в Первобытную Эпоху, изменяя отсюда локальную напряженность Темпорального поля. Но нам все же удалось установить рычаг возврата.

Он провел их в капсулу, пробираясь между кипами снаряжения, и указал на маленький рычажок на полированной внутренней стенке.

— Он действует как простой выключатель. Вместо того чтобы сразу же автоматически возвратиться в Вечность, капсула останется в Первобытном Времени. Как только вы захотите вернуться, поверните этот рычаг. Затем еще несколько минут, и последняя поездка...

— Как, еще одна поездка? — вырвалось у Нойс.

Харлан повернулся к ней:

— Видишь ли, я не успел тебе объяснить. Цель нашей экспедиции — точно установить *момент появления Купера* в 20-м. Мы не знаем, сколько времени прошло между его прибытием и публикацией объявления. Мы напишем ему по указанному в объявлении почтовому адресу и постараемся выяснить у него эти сведения как можно точнее. Затем прибавим к этому моменту те пятнадцать минут, которые капсула оставалась в Первобытном...

— Понимаете, мы не можем послать капсулу в одно и то же Место и Время в два различных момента биовремени, — вмешался Твиссел. Он сделал попытку улыбнуться Нойс.

Нойс добросовестно пыталась усвоить это объяснение.

— Понимаю, — не слишком уверенно сказала она.

Твиссел продолжал, обращаясь к ней:

— Перехватив Купера в момент его прибытия, мы обратим все микроизменения. Объявление с грибовидным облаком исчезнет, а сам Купер будет знать только то, что капсула исчезла, как ей и полагалось, и вдруг неожиданно появилась снова. Он так и не узнает, что побывал не в том Столетии, а мы не скажем ему об этом. Ему объяснят, что в его инструк-

ции оказался упущенным какой-то очень важный пункт (этот пункт еще предстоит придумать), а дальше нам остается только надеяться, что он не придаст этому событию особого значения и не упомянет в своем мемуаре о том, что его посылали в прошлое дважды.

Нойс подняла выщипанные брови:

— Все это слишком сложно для меня.

— Да, к сожалению.

Твиссел потер руки и посмотрел на них так, словно его мучили внутренние сомнения. Затем он выпрямился, закурил новую сигарету и даже умудрился придать голосу некоторую беззаботность:

— Ну что ж, счастливого пути, друзья!

Он торопливо пожал руку Харлану, кивнул Нойс и вышел из капсулы.

— Мы уже отправляемся? — спросила Нойс, когда они остались вдвоем.

— Через одну-две минуты, — ответил Харлан. Он кинул на нее быстрый взгляд. Нойс глядела ему прямо в глаза и бесстрашно улыбалась. С большим трудом ему удалось удержать ответную улыбку. «Чувства сильнее рассудка», — подумал он и отвернулся.

В путешествии не было ничего или почти ничего особенного; оно ничем не отличалось от обычной поездки в капсуле. На какое-то мгновение они ощутили внутренний толчок, вероятно соответствовавший переходу через нижнюю границу Вечности. Впрочем, этот толчок был едва заметен и мог быть просто плодом их возбужденного воображения.

Когда капсула остановилась в Первобытном Времени, они вышли из нее в скалистый пустынный мир, освещенный яркими лучами заходящего солнца. В слабом дуновении ветерка уже чувствовалась легкая свежесть наступающей ночи. Ни один звук не нарушал тишины.

Кругом громоздились скалы, голые и величественные, тускло расцвеченные окислами железа, меди и хрома во все цвета радуги. Великолепие этой безлюдной и почти безжиз-

ненной местности подавило и ошеломило Харлана. Вечность не принадлежала к материальному миру; в ней не было солнца, и даже воздух был привозным. Воспоминания детства были смутными и неопределенными. А в своих Наблюдениях он имел дело только с людьми и их городами. Ни разу в жизни он не видел ничего похожего на эту картину.

Нойс тронула его за рукав.

— Эндрю, я замерзла.

Вздрогнув, он повернулся к ней.

— Эндрю, — повторила она, — мне холодно. Может быть, установим инфралампу?

— Хорошо. В пещере Купера.

— А ты знаешь, где она?

— Рядом, — последовал лаконичный ответ.

Харлан был уверен в этом. Местоположение пещеры было точно указано в мемуаре, и вначале Купер, а затем и они были посланы в это самое место.

Правда, на школьной скамье у Харлана зародились сомнения в возможности в любой момент Времени точно попасть в любой пункт на поверхности Земли. Ему вспомнилось, как он однажды поспорил с Наставником Ярроу.

— Ведь Земля вращается вокруг Солнца, — говорил Харлан, — а Солнце движется относительно центра Галактики, и сама Галактика тоже находится в движении. Если переместиться с какого-то места на Земле на сто лет назад, то мы окажемся в пустоте, потому что Земле потребуется целых сто лет, чтобы достичь этой точки пространства. (В те дни он еще говорил «сто лет» вместо «Столетие».)

— Нельзя разделять Время и Пространство, — ответил на его возражение Ярроу. — Двигаясь назад во Времени, ты движешься в Пространстве вместе с Землей. Уж не кажется ли тебе, что птица, поднявшись в воздух, вдруг окажется в пустоте, потому что Земля вращается вокруг Солнца и улетает из-под нее со скоростью тридцать километров в секунду?

Аналогия, как известно, вещь рискованная, но позднее Харлан познакомился и с более вескими доказательствами. Вот почему сейчас, после беспрецедентного путешествия в Первобытный мир, Харлан уверенно сделал несколько ша-

гов и не испытал ни малейшего удивления, обнаружив вход в пещеру именно там, где было указано в Инструкции.

Он разгреб груду камней и гальки, скрывавших вход, и вошел внутрь. Тоненький лучик его фонарика рассекал темноту, словно скальпель. Дюйм за дюймом он тщательно осматривал пол, стены и потолок пещеры. Нойс, не отходившая от него ни на шаг, спросила шепотом:

— Что ты ищешь?

— Сам не знаю. Что угодно, — ответил он.

Это «что угодно» нашлось в самом конце пещеры в виде пачки зеленых бумажек, придавленных плоским камнем. Отбросив камень, Харлан провел пальцем по краю пачки.

— Что это такое? — спросила Нойс.

— Банкноты. Средство расплаты. Деньги.

— Ты рассчитывал найти их здесь?

— Я ни на что не рассчитывал. Просто надеялся...

Это была опять все та же самая логика наизнанку, которой пользовался Твиссел, — нахождение причины по следствию. Вечность существует — следовательно, Купер должен был прийти к правильному решению. Если он рассчитывал, что объявление приведет Харлана в соответствующее Время, то естественно было воспользоваться пещерой в качестве дополнительного средства связи.

Дела обстояли даже лучше, чем Харлан смел надеяться. Много раз во время подготовки к путешествию Харлан опасался, что его появление в городе со слитками золота, но без гроша в кармане вызовет подозрения и задержки. Конечно, Купер успешно прошел сквозь все это, но Купер мог действовать не торопясь. Харлан полистал пачку. Не так-то просто накопить такую кучу денег. Этот юнец недурно устроился в чужой эпохе, совсем недурно!

Еще немного, и круг замкнется!

В красноватых лучах закатного Солнца они разгрузили капсулу и перенесли припасы в пещеру. Сама капсула была накрыта отражающей диффузной пленкой, надежно скрывавшей ее от любопытных глаз. Ее можно было обнаружить, только подойдя вплотную, но на этот случай Харлан был

вооружен аннигилятором. Установили инфралампу, воткнули в расщелину фонарик, и в пещере стало тепло и уютно.

А снаружи наступила холодная мартовская ночь.

Нойс задумчиво глядела на медленно вращающийся параболический отражатель инфралампы.

— Что ты собираешься теперь делать, Эндрю?

— Завтра утром я отправлюсь в ближайший город. Я знаю, где он находится... то есть где он должен находиться.

«Все будет в порядке», — подумал он. Снова та же твисселовская логика наизнанку.

— Я тоже пойду с тобой, да?

— Нет, ты останешься здесь, — покачал головой Харлан, — ты не знаешь языка, а у меня и без того слишком много забот.

Неожиданный гнев, сверкнувший в глазах Нойс, заставил Харлана смущенно отвернуться.

— Не надо считать меня дурочкой, Эндрю. Ты почти не разговариваешь со мной, даже не глядишь в мою сторону. В чем дело? Может быть, мораль твоего века снова взяла над тобой верх? Или ты не можешь мне простить, что из-за меня ты чуть не погубил Вечность? Уж не думаешь ли ты, что я совратила тебя? В чем дело?

— Ты даже не представляешь, что я думаю, — ответил он.

— Так расскажи мне. Нам надо поговорить сейчас. Кто знает, будет ли у нас потом такая возможность. Ты все еще любишь меня, Эндрю? Зачем ты взял меня с собой? Объясни мне. Почему бы тебе не оставить меня в Вечности, если я не нужна тебе, если тебе противно даже смотреть на меня?

— Существует опасность, — пробормотал Харлан.

— Неужели?

— Больше чем опасность. Кошмар. Кошмар Вычислителя Твиссела. Когда мы в панике мчались к тебе сквозь Скрытые Столетия, он посвятил меня в свои размышления относительно этих Столетий. Он боится, что в отдаленном будущем скрывается от нас эволюционировавшая ветвь человечества, неведомые существа, может быть, сверхлюди, оградившие себя от нашего вмешательства и замышляющие положить конец нашей работе по Изменению Реальности. Он решил,

что они установили барьер в 100 000-м. Затем мы нашли тебя, и Вычислитель Твиссел забыл о своем кошмаре. Он пришел к выводу, что барьер мне просто почудился, и вернулся к более насущной проблеме спасения Вечности.

Но его страхи передались мне. Я-то знал, что барьер был. Никто из Вечных не мог поставить его, потому что, по словам Твиссела, подобная штука теоретически немыслима! Впрочем, возможно, что наука Вечных недостаточно развита. Но барьер был. И кто-то поставил его.

Разумеется, кое в чем Твиссел заблуждается. Ему кажется, что человек должен эволюционировать, но это не так. Палеонтология не принадлежит к числу наук, популярных в Вечности, но она успешно развивалась в последние Столетия Первобытной Эпохи, так что я в ней кое-что смыслю. И вот что мне известно: живые существа эволюционируют только под влиянием изменений в окружающей среде. Если окружение стабильно, то и эти существа остаются неизменными в течение миллионов Столетий. Первобытный человек эволюционировал очень быстро, потому что он жил в суровой, постоянно меняющейся обстановке. Но как только человек научился по собственному желанию изменять свою среду, он, естественно, перестал эволюционировать.

— Я не имею ни малейшего представления, о чем ты говоришь, — сказала Нойс, ни капли не смягчившись, — поняла только то, что ты ни слова не сказал о нас с тобой, а это единственная тема, которая меня сейчас интересует.

На лице Харлана не дрогнул ни один мускул.

— Так вот, какую же цель преследовала эта блокировка Времени? — продолжал он. — Ты была невредима. Для чего был нужен барьер? И тогда я задал себе вопрос: что произошло из-за того, что барьер был поставлен, или иначе, чего бы не произошло, если бы он отсутствовал?

Харлан помолчал, глядя на свои тяжелые, неуклюжие ботинки из натуральной кожи. Он подумал, с каким облегчением он бы снял их...

— На этот вопрос возможен только один ответ. Наткнувшись на барьер, я потерял от ярости голову и помчался назад за болеизлучателем, чтобы вырвать с его помощью призна-

ние у Финжи. А затем я решил рискнуть Вечностью, чтобы спасти тебя, и чуть было не погубил Вечность при мысли, что навсегда тебя потерял. Понимаешь?

Нойс смотрела на него со смешанным выражением недоверия и ужаса.

— Неужели ты хочешь сказать, что люди будущего заставили тебя совершить все эти действия? Что они рассчитывали именно на такую реакцию с твоей стороны?

— Да. И не смотри так на меня. Да. Разве ты не понимаешь, что это все меняет? Я согласен отвечать за свои поступки до тех пор, пока я действую по своей воле. Но знать, что меня завлекли, одурачили, что кто-то управляет и манипулирует моими чувствами, словно я Счетная машина, в которую достаточно вложить соответствующую программу...

Харлан вдруг понял, что он кричит, и осекся. Переждав несколько секунд, он продолжал:

— Знать, что я был просто марионеткой в чьих-то руках, свыше моих сил. Я должен исправить все, что я натворил. Только тогда я смогу обрести покой.

Что ж, может быть, он и обретет его тогда. Круг замыкается. Несмотря на ожидающую его личную трагедию, чувство долга все-таки восторжествует.

Нойс нерешительно протянула к нему руку, но он отодвинулся.

— Все было подстроено. Моя встреча с тобой. Все, что произошло потом. Мой характер был проанализирован. Это очевидно. Действие и реакция. Нажмите на эту кнопочку — и человечек дернется сюда. Нажмите на другую — он дернется туда.

Стыд и раскаяние мешали ему говорить.

— Одного только я не понимал вначале: как я догадался, что Купера должны послать в Первобытную Эпоху. Самая невероятная догадка на свете. У меня не было для нее никаких оснований. Твиссел никак не мог примириться с этим. Он не раз удивлялся, как это я, при моем слабом знании математики, умудрился прийти к правильному выводу.

А все же я догадался. И знаешь, когда эта догадка впервые осенила меня? В ту самую ночь. Ты спала, а я никак не

мог уснуть. У меня было странное ощущение, точно мне обязательно надо было что-то припомнить, какие-то слова, какую-то мысль, мелькнувшую в моей голове. Я думал и думал, пока вдруг не понял значения всего, что было связано с Купером, и одновременно в моей голове мелькнула мысль, что я в состоянии уничтожить Вечность. Позднее я изучал историю математики, но в этом уже не было особой необходимости. Я все знал и так. Больше того, я был в этом совершенно уверен. Как? Почему?

Нойс настороженно смотрела на него. Она больше не делала попыток взять его за руку.

— Неужели ты хочешь сказать, что люди из Скрытых Столетий подстроили и это? Что они вложили в твой мозг эти мысли и направляли твой действия?

— Да, да! Именно это они и делали. Но они еще не довели дело до конца. Круг замыкается, но он еще не замкнут.

— Но как они могут сделать что-нибудь сейчас? Ведь их нет здесь?

— Нет? — Голос его прозвучал так глухо, что Нойс побледнела.

— Невидимые сверхсущества? — прошептала она.

— Нет, не сверхсущества. Я уже объяснил тебе, что, создав свое собственное окружение, собственную среду, человек перестал эволюционировать. Человек Скрытых Столетий — это гомо сапиенс. Обычный человек из плоти и крови.

— Тогда их наверняка нет здесь.

— Здесь есть ты, Нойс, — печально проговорил Харлан.

— Да. И ты. И больше никого.

— Ты и я, — согласился Харлан, — и никого больше. Женщина из Скрытых Столетий и я... Хватит притворяться, Нойс. Прошу тебя.

Она в ужасе посмотрела на него.

— Что ты говоришь, Эндрю?

— То, что я должен сказать. Что ты мне нашептывала в тот вечер, когда опоила меня мятным напитком? Твой ласковый голос... нежные слова... Я ничего не понимал тогда, но подсознательно я все запомнил. О чем ты шептала мне

так нежно? О Купере, которого посылают в прошлое? О Самсоне, разрушающем храм Вечности? Не правда ли?

— Я даже не знаю, кто такой этот Самсон, — сказала Нойс.

— Тебе нетрудно догадаться об этом. Скажи мне, когда ты впервые появилась в 482-м? Чье место ты заняла? Или ты просто... втиснулась в Столетие? Специалист из 2456-го рассчитал по моей просьбе твою Судьбу. В новой Реальности ты не существовала. У тебя даже не было Аналога. Странно, конечно, для такого незначительного Изменения, но все же возможно. А затем Расчетчик сказал мне одну вещь, и я услышал ее, но не понял. Удивительно, что я вообще запомнил его слова. Может быть, уже тогда они задели какую-то струнку во мне, но я был слишком переполнен тобой, чтобы прислушиваться. Вот что он сказал: ПРИ ТОЙ КОМБИНАЦИИ ФАКТОВ, КОТОРУЮ ВЫ МНЕ ДАЛИ, Я НЕ СОВСЕМ ПОНИМАЮ, КАК ОНА МОГЛА СУЩЕСТВОВАТЬ В ПРЕДЫДУЩЕЙ РЕАЛЬНОСТИ.

Он был прав. Ты и не существовала в ней. Ты была пришельцем из далекого будущего и играла мною, да и Финжи тоже, в своих собственных целях.

— Эндрю...

— Все сходится. Как я мог быть таким слепым? Книга в твоей библиотеке — под названием «Социальная и экономическая история». Я и тогда удивился, наткнувшись на нее. Но ведь она была тебе необходима, не правда ли, чтобы войти в роль. И еще одно. Помнишь нашу поездку в Скрытые Столетия? Ведь это ты остановила капсулу в 111 394-м. Ты остановила ее точно и без промедления. Где ты научилась управлять капсулой? Ведь, судя по всему, это было твоим первым путешествием во Времени. Кстати, почему именно в 111 394-м? Это что, твое родное Столетие?

— Зачем ты взял меня с собой? — тихо спросила она.

— Чтобы спасти Вечность! — неожиданно заорал Харлан. — Я не знаю, что ты могла бы там натворить. Но здесь ты беспомощна, потому что я раскусил тебя. Признавайся, что все это правда! Признавайся!

В пароксизме гнева он вскочил и замахнулся на нее.

Нойс даже не шелохнулась. Лицо ее было совершенно спокойно. Она казалась прекрасной статуей, отлитой из теплого прозрачного воска. Рука Харлана застыла в воздухе.

— Признавайся! — повторил он.

— Неужели после всех этих рассуждений ты все еще сомневаешься? — спросила она. — Да и какое это имеет значение, признаюсь я или нет?

Харлан почувствовал, как в нем снова поднимается волна бешенства.

— Признайся, чтобы мне потом не чувствовать ни раскаяния, ни сожаления.

— Раскаяния?

— Нойс, у меня с собой аннигилятор, и я твердо решил убить тебя.

Глава 18

НАЧАЛО БЕСКОНЕЧНОГО ПУТИ

Дуло аннигилятора глядело на Нойс.

Но в голосе Харлана не было уверенности, в глубине его сердца, подтачивая остатки решимости, снова закопошились сомнения.

Почему она не отвечает? Что скрывается за ее напускной невозмутимостью?

Разве может он убить ее?

Разве можно оставить ее в живых?

— Что же ты молчишь? — хрипло спросил он.

Она уселась поудобнее, сложив руки на коленях, словно не замечая наведенного на нее аннигилятора. В ее отрешенности сквозила таинственная, почти мистическая сила. Когда она наконец заговорила, голос ее звучал пугающе спокойно:

— Ты хочешь убить меня, но совсем не потому, что не видишь другого способа спасти Вечность. Ведь ты мог бы связать мне руки и ноги, заткнуть кляпом рот и, оставив меня в пещере, спокойно отправиться в путь на рассвете. Или

взять меня с собой и бросить в пустыне. Или же попросить Твиссела продержать меня до твоего возвращения взаперти. Но нет, только моя смерть может удовлетворить тебя. И знаешь почему? Потому что ты уверен, что я завлекла тебя в свои сети и толкнула на измену Вечности. Ты хочешь убить меня за то, что я обманула и предала твою любовь; и не надо уверять себя, что это справедливое возмездие. Ты просто мстишь мне за свое оскорбленное самолюбие, вот и все.

Харлан поежился.

— Но ведь ты из Скрытых Столетий? Отвечай!

— Да, — ответила Нойс. — Что же ты не стреляешь?

Палец Харлана задрожал на пусковой кнопке аннигилятора. Но сомнения не покинули его. Наперекор рассудку он пытался оправдать ее, цепляясь за остатки своей любви. Может быть, доведенная до отчаяния его подозрениями, она намеренно наговаривает на себя, играя со смертью? Может быть, это просто глупая бравада истеричной женщины, испугавшейся, что она навсегда потеряла любимого человека?

Нет! Так могла вести себя героиня фильмокниги, написанной в слащавых и сентиментальных традициях 289-го, но уж никак не Нойс. Она была не из тех, кто умирает, словно надломленная лилия, на руках отвергнувшего ее любовника.

Но почему она сомневается в его решимости убить ее? В чем дело? Уж не в том ли, что она уверена в своих чарах и отлично знает, что он все еще любит ее? Уж не считает ли она, что эта любовь в решающий момент свяжет его по рукам и ногам, превратит в покорного исполнителя ее воли?

Удар пришелся не в бровь, а в глаз. Палец, перестав дрожать, твердо лег на спусковую кнопку.

— Ты медлишь, — вновь заговорила Нойс. — Может быть, ты ждешь моих оправданий?

— Так у тебя, оказывается, есть оправдания? — с язвительной усмешкой спросил Харлан.

Но в глубине души он был рад отсрочке. Она отдаляла то мгновенье, когда ему придется нажать на кнопку аннигилятора.

«Пусть говорит, — подумал он. — Чем больше она расскажет о Скрытых Столетиях, тем лучше для Вечности».

Эта мысль возвысила его в собственных глазах, придав нерешительности видимость твердой политики. В его взгляде ненадолго появились спокойствие и уверенность.

— Тебя интересуют Скрытые Столетия? — продолжала Нойс, словно прочитав его мысли. — Если так, то мне оправдаться нетрудно. Что именно тебя интересует? Не хочешь ли ты, например, узнать, почему человечество исчезло с лица Земли после 150 000-го Столетия?

Ни выпрашивать, ни покупать сведения Харлан не собирался. У него был аннигилятор, и он твердо решил не выказывать никаких признаков слабости.

— Говори! — отрывисто приказал он и густо покраснел, увидев в ответ ее насмешливую улыбку.

— Мы узнали о существовании Вечности, прежде чем она достигла отдаленных Столетий, прежде чем она успела добраться хотя бы до 100 000-го. Кстати, ты был прав, я действительно из 111 394-го. Мы тоже умеем путешествовать во Времени, но наша этика запрещает нам делать это. Вместо того чтобы перемещать во Времени материальные объекты, мы наблюдаем прошлые Столетия. Только прошлые.

Впервые о возникновении Вечности мы узнали косвенным путем. Мы рассчитали вероятность существования своей Реальности, и нас поразило, что эта вероятность ничтожно мала. Как возникла наша практически невозможная Реальность? Вопрос этот не давал нам покоя... Но ты не слушаешь меня, Эндрю. Неужели тебе это совсем неинтересно?

Она произнесла его имя с той же интимной нежностью, как и прежде.

Казалось, такая циничная фальшь должна была кольнуть ему слух, но он с ужасом почувствовал, что даже не рассердился.

— Продолжай свой рассказ, женщина, и не тяни время, — сказал он, призывая на помощь все свое мужество. Он попытался уравновесить теплоту и ласку, прозвучавшие в этом «Эндрю», холодным гневом, вложенным в слово «женщина», и снова единственным ответом на его резкость была мимолетная улыбка Нойс.

— Мы начали поиски в прошлом, — продолжала она, — и наткнулись на Вечность, подчиняющую себе все новые и новые Столетия. И тогда мы поняли, что в какой-то предыдущий отрезок биовремени — у нас тоже есть это понятие, только мы пользуемся другим термином — наша Реальность была совсем другой. Эту Реальность с максимальной вероятностью существования мы назвали Естественным Состоянием. Нам было ясно, что когда-то мы, или, вернее, наши Аналоги, жили в этом Естественном Состоянии. О природе этого Состояния мы в то время не имели даже отдаленного представления.

Однако мы знали, что причиной отклонения от него послужило одно из совершенных Вечностью Изменений. Мы решили выяснить, что представляет собой Естественное Состояние, и в случае необходимости вернуться к нему. Прежде всего мы установили карантинную зону, которую вы называете Скрытыми Столетиями, изолировав наше Время от Вечности, начиная с 70 000-го Столетия. Эта изоляция должна была защитить нас от дальнейших Изменений. Она не давала абсолютной гарантии, но позволяла выиграть время.

А затем мы совершили поступок, находящийся в вопиющем противоречии со всей нашей этикой и культурой. Мы исследовали свое будущее. Нам было необходимо узнать судьбу человечества в существующей Реальности, чтобы впоследствии сравнить ее с Естественным Состоянием. Оказалось, что где-то около 125 000-го человечество раскрыло секрет полета к звездам. Люди научились совершать прыжки через гиперпространство. Наконец-то человек достиг звезд, осуществив свою извечную мечту.

Харлан слушал ее тщательно продуманный рассказ со все возрастающим вниманием. Что в ее словах соответствовало истине? Что было лишь расчетливой попыткой обмануть его?

— Когда люди достигли звезд, они покинули Землю, — прервал он ее, стараясь стряхнуть гипнотическое очарование ее голоса. — Наши ученые давно уже догадались об этом.

— В таком случае ваши ученые просто ошиблись. Чело-

век пытался покинуть Землю. К несчастью, мы не единственные разумные обитатели Галактики. У многих звезд есть свои планеты. На некоторых из них возникли цивилизации. Правда, ни одна из них не может по древности сравниться с человеческой, но пока люди в течение двенадцати с половиной миллионов лет прозябали на Земле, более молодые цивилизации обогнали нас и покорили Галактику.

Когда Человек достиг звезд, во Вселенной уже не оставалось необжитых мест. На каждом шагу разведчики натыкались на предупредительные знаки: ЗАНЯТО! НЕ НАРУШАТЬ ГРАНИЦ! ВХОД ВОСПРЕЩЕН! Люди не стали вступать в конфликты. Они отозвали свои исследовательские отряды и остались на Земле. Но в мировоззрении людей произошел переворот: родная планета стала для них тюрьмой, окруженной безграничным океаном свободы...

— Пустите нас в Скрытые Столетия, — прервал ее Харлан, — и мы все исправим. Смогли же мы в освоенных нами Столетиях добиться наивысшего блага...

— Наивысшего блага? — насмешливо переспросила Нойс. — А что это такое? Кто отвечает на этот вопрос? Ваши Счетные машины, ваши Анализаторы, ваш Кибермозг? Но кто настраивает машины? Кто вкладывает в них программу? Кто задает им оценки? Ведь даже Кибермозг не обладает большим прозрением, чем человек, он только быстрее решает проблемы, только быстрее! А что является благом с точки зрения Вечности? Я отвечу тебе. Безопасность. И еще раз Безопасность! Осторожность! Умеренность! Ничего сверх меры. Никакого риска без стопроцентной уверенности в успехе.

Харлан промолчал. С неожиданной силой ему припомнился недавний разговор с Твисселом о людях из Скрытых Столетий. «Мы изгнали необычайное», — сказал тогда Твиссел.

Неужели Нойс права?

— Кажется, ты задумался, — снова заговорила Нойс. — Подумай тогда вот о чем: почему в существующей Реальности человек то и дело предпринимает попытки космических путешествий, хотя неизменно терпит неудачу? Каждое Столетие, разумеется, знает о провалах в прошлом. Зачем же пробовать снова и снова?

— Я не занимался специально изучением этого вопроса, — неуверенно пробормотал Харлан.

Он с беспокойством подумал вдруг о колониях, которые чуть ли не в каждом тысячелетии создавались на Марсе, и всегда неудачно. Он подумал о той странной притягательной силе, с которой идея космических полетов действовала даже на Вечных. О том, как Социолог Кантор Вой со вздохом сказал после уничтожения электрогравитационных космолетов: «Как они были прекрасны!» О том, как горько выругался при этом известии Расчетчик Нерон Фарук и в тщетной попытке облегчить душу принялся поносить Вечность за торговлю противораковой сывороткой.

Не обладают ли разумные существа инстинктивным стремлением разорвать цепи тяготения, вырваться на простор Вселенной, достигнуть звезд? Не это ли стремление побуждало человека десятки раз заново создавать космические корабли, чтобы вновь и вновь путешествовать к мертвым мирам Солнечной системы, в которой только Земля была пригодна для жизни? И только ли случайностью был тот факт, что большинство Изменений уничтожало космические корабли, а люди вновь и вновь создавали их?

— Оберегая человечество от забот и несчастий Реальности, — продолжала Нойс, — Вечность тем самым лишает его всех триумфов и завоеваний. Только преодолев величайшие испытания, человечество может успешно подняться к прекрасным и недосягаемым вершинам. Способен ли ты понять, что, устраняя ошибки и неудачи человека, Вечность не дает ему найти собственные, более трудные и поэтому более верные решения стоящих перед ним проблем; подлинные решения, которые помогают преодолевать трудности, а не избегать их.

— Величайшее благо наибольшего числа людей состоит в том... — заученным голосом начал Харлан, однако Нойс не дала ему договорить:

— Предположи, что Вечность не была создана.

— И что же?

— Послушай, я расскажу тебе. Те усилия, которые были затрачены на решение проблем путешествий по Времени, были бы посвящены развитию атомной физики. Вместо Вечности были бы созданы звездные корабли. Человечество достигло бы звезд на миллионы лет раньше, чем в нашей Реальности. Галактика была бы свободной, и ее заселили бы люди.

— Ну и что мы выиграли бы? — упорствовал Харлан. — Разве мы стали бы от этого счастливее?

— Кого ты имеешь в виду под словом «мы»? Человечество представляло бы собой не крохотный затерянный мирок, а миллионы, миллиарды миров. Могущество человека не знало бы границ. У каждого мира была бы своя история, свои собственные ценности и идеалы, возможность искать счастья своим путем. У счастья много разновидностей. Это и есть Естественное Состояние человечества.

— К чему строить пустые догадки, — сказал Харлан; он был зол на себя за то, что его увлекла нарисованная Нойс картина будущего. — Откуда ты знаешь, что было бы на самом деле?

— Вас смешит невежество Времян, полагающих, что существует только одна Реальность. Нас же смешит невежество Вечных, которые знают, что Реальностей много, но думают, что существовать может только одна.

— Что означает этот набор слов?

— Мы не рассчитываем Реальности; вместо этого мы наблюдаем их. Мы можем видеть неосуществившиеся Реальности в их состоянии Нереальности.

— Нечто вроде волшебной страны теней, где «может быть» играет в прятки с «если»?

— Да, только твой сарказм здесь ни к чему.

— И как же вы это делаете?

— Я не могу объяснить это, Эндрю, — сказала Нойс, помолчав. — Существует множество вещей, с которыми мы свыкаемся, не понимая их. Можешь ли ты объяснить, как устроен Кибермозг? Но все же ты знаешь, что он существует и работает.

— Ну, и что же дальше?

— Мы научились наблюдать Реальности и нашли среди них ту, которая является Естественным Состоянием человечества. Я уже рассказала тебе о ней. Затем мы обнаружили Изменение, которое уничтожило Естественное Состояние. Оно не было одним из тех Изменений, которые совершает Вечность; оно заключалось в создании Вечности, в самом факте ее существования. Любая система, которая, подобно Вечности, позволяет кучке людей принимать решения за все человечество, выбирать за человечество его будущее, неизбежно приводит к тому, что высшим благом начинают считать умеренность и безопасность — синонимы посредственности. В такой Реальности звезды недостижимы. Само существование Вечности исключает покорение Галактики человеком. Чтобы достичь звезд, необходимо сначала покончить с Вечностью.

Число возможных Реальностей бесконечно велико. И у каждой Реальности существует бесчисленное множество вариаций. Например, число Реальностей, в которых существует Вечность, бесконечно; число Реальностей, в которых Вечность не существует, бесконечно; и наконец, число Реальностей, в которых Вечность существовала, но была уничтожена, тоже бесконечно. Среди последних люди моего Столетия выбрали группу Реальностей, в которых мне отводилась главная роль.

Все это было задумано без моего участия. Меня подготовили для этой задачи так же, как ты с Твисселом готовили Купера. Но число Реальностей, в которых я могла бы уничтожить Вечность, тоже бесконечно велико. Мне предложили на выбор пять вариантов, которые казались наиболее простыми. Среди них я выбрала ту единственную Реальность, в которой был ты.

— Что же заставило тебя выбрать именно ее? — спросил Харлан.

Нойс опустила глаза.

— Я люблю тебя, пойми это. Я полюбила тебя задолго до

того, как мы встретились. — Она сказала это с такой неподдельной искренностью, что Харлан был потрясен.

«Но ведь это только игра», — с отвращением подумал он.

— Не смейся надо мной, — в его голосе звучало страдание.

— Я не смеюсь. Из всех Реальностей я выбрала ту, в которой меня послали в 482-е Столетие, где я сначала встретила Финжи, а затем тебя. Я выбрала ту Реальность, в которой ты любил меня; Реальность, в которой ты взял меня в Вечность, спасая от Изменения, и спрятал в моем родном Столетии; Реальность, в которой ты заслал Купера вместо 24-го в 20-е Столетие Первобытной Эпохи. Мы отправились с тобой в это Столетие на поиски Купера и остались в нем до конца наших дней. Я видела, как мы любили друг друга и были счастливы. Это совсем не смешно. Я выбрала ту Реальность, в которой существует наша любовь.

— Притворство. Сплошное притворство! Неужели ты рассчитываешь, что я поверю тебе? — Он на секунду замолчал, пытаясь осмыслить новый довод, пришедший ему в голову. — Постой! Ты сказала, что знала все наперед? Все, что должно было произойти?

— Да.

— Тогда ты бессовестно лжешь. Ты бы знала, что все кончится аннигилятором. Ты бы знала заранее, что потерпишь неудачу. Что ты на это скажешь?

Нойс тихо вздохнула:

— Я уже объясняла тебе, что у каждой Реальности существует бесчисленное количество вариаций. Как бы точно мы ни фокусировали данную Реальность, мы всегда на самом деле наблюдаем множество очень похожих Реальностей. Чем резче фокусировка, тем меньше неопределенность, но добиться идеальной резкости теоретически невозможно. Вероятность того, что случайная вариация исказит результат, никогда не равна нулю. Все испортило одно небольшое отклонение.

— Какое?

— Я ждала твоего возвращения ко мне после снятия блокировки Времени в 100 000-м. Но ты должен был вернуться один. Вот почему я так испугалась в первый момент, увидев с тобой Вычислителя Твиссела.

И снова Харлан не знал, что думать. Как ловко сводит она концы с концами!

— Я бы еще больше испугалась, — продолжала Нойс, — если бы поняла тогда все значение этой вариации. Вернись ты один, ты бы взял меня с собой в Первобытную Эпоху, и здесь из любви ко мне, из любви к человечеству не стал бы разыскивать Купера. Ваш порочный круг был бы разорван, с Вечностью было бы покончено, а мы с тобой были бы счастливы.

Но произошла случайная вариация — ты вернулся с Твисселом. В пути он рассказал тебе о своих кошмарах, связанных со Скрытыми Столетиями, и тем самым положил начало цепочке твоих размышлений, которая заставила тебя усомниться во мне. И вот между нами аннигилятор. Это конец, Эндрю. Можешь стрелять. Ничто не помешает тебе.

У Харлана затекли пальцы, судорожно сжимающие рукоятку аннигилятора. Он переложил его в другую руку. Неужели в ее рассказе нет ни одного уязвимого места? А он-то надеялся, что стоит ему убедиться в происхождении Нойс, как всем его сомнениям наступит конец. Наивные мечты!

— Но для чего понадобилось отправлять меня в Первобытную Эпоху? Почему бы не покончить с Вечностью сразу, одним ударом, когда я послал сюда Купера?

— Потому что просто уничтожить Вечность еще недостаточно, — ответила Нойс. — Необходимо свести к минимуму вероятность нового возникновения Вечности в любой форме. Мы не случайно выбрали именно этот момент. Здесь сейчас 1932 год. Мне предстоит послать письмо на полуостров, который в 20-м Столетии называется Апеннинским. Если я пошлю это письмо, то через несколько лет один итальянский физик начнет эксперименты по бомбардировке урана нейтронами. Мое письмо — на вашем языке — это МНВ.

Харлану стало страшно.

— Ты собираешься изменить Первобытную историю?

— Да. В этом-то и заключается моя задача. В новой, уже окончательной Реальности первый ядерный взрыв произойдет не в 30-м Столетии, а в 1945 году.

— Ты представляешь себе, к каким последствиям это может привести? Способны ли вы понять, какая опасность грозит человечеству?

— Да. Мы знаем, что это опасно. Существует определенный риск, что Земля превратится в огромное радиоактивное кладбище. Но мы верим в разум человека.

— И что же, по-вашему, оправдывает этот риск?

— Покорение Галактики человеком. Возвращение к Естественному Состоянию. Естественное развитие истории человечества.

— И вы еще смеете обвинять Вечность во вмешательстве?

— Мы обвиняем Вечность в том, что она вмешивается непрерывно для того, чтобы держать человечество в тюрьме ради его безопасности. Мы же вмешаемся только один раз, чтобы Вечность никогда не смогла возникнуть.

— Нет, Вечность должна существовать; человечество может погибнуть без ее руководства. — Харлан отчаянно цеплялся за остатки заученных доводов.

— Как знаешь. Выбор в твоих руках. Если ты предпочитаешь, чтобы будущее человечества диктовалось психопатами...

— *Психопатами?!* — взорвался Харлан.

— А разве нет? Ты ведь хорошо знаешь их. Подумай сам.

Харлан с ужасом посмотрел на нее, но против собственной воли его захлестнула волна воспоминаний.

Он вспомнил, как велико бывает потрясение, когда Ученики узнают правду о Реальности и как Ученик Латуретт из его класса пытался покончить жизнь самоубийством. Его спасли, он даже стал Вечным и составлял потом проекты Изменений, но никто не знал, какие шрамы в его душе оставила эта история. Он вспомнил кастовую систему Вечности, тщательно скрываемую тоску по родным Временам, ненормальную безбрачную жизнь. Он вспомнил о подсознательном ощущении собственной вины, находящем выход в ненависти к Техникам. Он вспомнил о склоках, раздирающих Совет; о Финжи, интригующем из карьеристских соображений против Твиссела, и о Твисселе, шпионящем за Финжи. Он вспомнил Сеннора, в котором уродство породило чувство противоречия ко всему на свете.

Он вспомнил о том, как сам Твиссел, великий, непогрешимый Твиссел, нарушал законы Вечности.

Затем он подумал о себе.

Ему показалось, что он всегда знал Вечность именно такой. Иначе почему у него могло возникнуть желание уничтожить ее? Но он никогда не признавался себе в этом, ни разу до этого мгновения не мог он набраться смелости взглянуть правде в глаза.

Сейчас он отчетливо видел Вечность такой, какой она была в действительности, — клоакой закоренелых психозов, спутанным клубком человеческих жизней, беспощадно вырванных из контекста.

Выражение ужаса в его глазах сменилось растерянностью.

— Теперь ты понимаешь меня, Эндрю? — голос Нойс звучал нежно и ласково. — Тогда подойди со мной к выходу из пещеры.

Словно во сне он последовал за ней, не в силах прийти в себя от крутой перемены, совершившейся в нем за несколько секунд. Впервые за всю ночь дуло аннигилятора отклонилось от прямой линии, соединявшей его с сердцем Нойс.

Небо на востоке уже начало сереть, и громада капсулы тяжелой тенью вырисовывалась на его фоне. Под защитной завесой Темпорального поля очертания капсулы казались неясными и расплывчатыми.

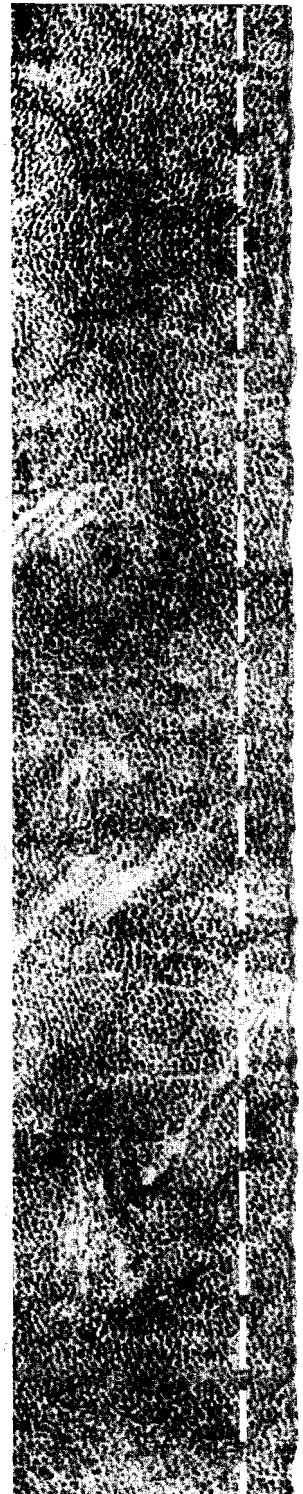
— Смотри, перед нами Земля, — сказала Нойс, — но не вечный и единственный приют человечества, а всего лишь его колыбель, отправная точка бесконечного приключения. Ты должен принять решение. Будущее людей в твоих руках. Поле Биовремени предохранит нас с тобой от последствий

Изменения. Исчезнет Купер, погибнет Вечность, а вместе с ней и Реальность моего Столетия, но останется человечество, и останемся мы с тобой. У нас будут дети и внуки, и они станут свидетелями того, как человек достигнет звезд.

Харлан повернулся и увидел ее улыбку. Перед ним снова была прежняя Нойс, которую он знал и любил; и, как прежде, при взгляде на нее его сердце забилось сильнее.

Но он еще сам не знал, что уже принял решение, пока громада капсулы вдруг не исчезла, перестав заслонять алеющую полоску неба.

Обнимая прильнувшую к нему Нойс, он понял, что это исчезновение означает конец Вечности... и начало Бесконечного Пути.



САМИ БОГИ

Посвящается Человечеству
в надежде, что война
с безрассудством все-таки
будет выиграна.

Часть I

ПРОТИВ ГЛУПОСТИ

Глава 6[1]

— Без толку! — резко бросил Ламонт. — Я ничего не добился.

Лицо его было хмурым. Оно и всегда казалось насупленным из-за глубоко посаженных глаз и чуть скошенного набок подбородка. Даже когда он был в хорошем настроении. Но сейчас его настроение никак нельзя было назвать хорошим. Второй официальный разговор с Хэллемом завершился еще большим фиаско, чем первый.

— Не впадай в мелодраму, — вяло посоветовал Майрон Броновский. — Ты ведь ничего другого и не ждал. Сам же говорил.

Он подбрасывал вверх ядрышки арахиса и ловил их пухлыми губами. Проделывал он это очень ловко — ни одно ядрышко не пролетало мимо. Броновский был не слишком высок и не очень строен.

— Так что же, мне теперь радоваться? Впрочем, ты прав — это значения не имеет. У меня есть другие средства, и я намерен к ним прибегнуть, а кроме того, я рассчитываю на тебя. Если бы тебе удалось...

— Не продолжай, Питер! Все это я уже слышал. От меня требуется всего лишь расшифровать мыслительные процессы внеземного разума.

---

[1] Повествование начинается с главы 6. Это не ошибка. У меня есть на то свои глубокие причины. А потому спокойно читайте и (надеюсь) получайте удовольствие.

— Но зато высокоразвитого! И ведь они там у себя, в параллельной, явно добиваются, чтобы их поняли.

— Возможно, — вздохнул Броновский. — Но посредником-то служит мой разум, и хотя я считаю, что он, конечно, развит неимоверно высоко, однако все-таки не настолько. Ночью, когда не спится, меня начинают одолевать сомнения: а способны ли вообще разные типы разума понять друг друга? Ну а если день выдался особенно скверный, то мне и вовсе мерещится, что слова «разные типы разума» не имеют ни малейшего смысла.

— Как бы не так! — свирепо сказал Ламонт, и его руки в карманах лабораторного халата сжались в кулаки. — Хэллем и я — вот тебе эти типы. То есть прославленный дурак доктор Фредерик Хэллем и я. И вот тебе доказательство: он попросту не понимает того, что я ему говорю. Его тупая физиономия багровеет еще больше, глаза вылезают на лоб, а уши глохнут. Я бы сказал, что его рассудок перестает функционировать, но у меня нет никаких оснований предполагать, что он вообще функционирует.

— Ай-ай-ай! Разве можно говорить так про Отца Электронного Насоса? — пробормотал Броновский.

— То-то и оно! Псевдоотец! Уж если кто тут ни при чем, так это он. Его вклад был минимальным. Я-то знаю.

— И я знаю. Ты мне это без конца твердишь! — Броновский подбросил очередное ядрышко. И опять не промахнулся.

Глава 1

За тридцать лет до этого разговора Фредерик Хэллем был заурядным радиохимиком. Его диссертационная работа еще пахла типографской краской, и ничто в нем не свидетельствовало о таланте, способном потрясти мир.

А потрясение мира началось, собственно, с того, что на рабочем столе Хэллема стояла запыленная колба с ярлычком «Вольфрам». Ее поставил сюда не он. Он даже никогда к ней не прикасался. Она досталась ему в наследство от прежнего

владельца кабинета, которому когда-то бог весть по какой причине понадобился вольфрам. Да и содержимое колбы уже, собственно говоря, перестало быть вольфрамом. Это были серые запыленные крупинки, покрытые толстым слоем окиси. Их давно пора было выбросить.

И вот однажды Хэллем вошел в лабораторию (ну да, это произошло 3 октября 2070 года) и приступил к работе. Около десяти часов он поднял голову, уставился на колбу и вдруг схватил ее. Пыли на ней не стало меньше, выцветший ярлычок нисколько не изменился, но Хэллем тем не менее крикнул:

— Черт подери! Какой сукин сын трогал эту колбу?

Так, по крайней мере, утверждал Денисон, который слышал этот вопль и много лет спустя поведал о нем Ламонту. Парадный рассказ об обстоятельствах замечательного открытия, запечатленный во множестве книг и учебников, этой фразы не содержит. Перед читателем возникает образ проницательного химика, который орлиным взором сразу же подметил изменения и мгновенно сделал далеко идущие выводы.

Куда там! Хэллему вольфрам был не нужен, он его совершенно не интересовал. И, в сущности, ему было все равно, трогал кто-то колбу или нет. Просто он (подобно многим другим людям) терпеть не мог, когда на его столе хозяйничали без его ведома, и всегда готов был заподозрить окружающих в таких посягательствах, продиктованных исключительно желанием ему насолить.

Но в покушении на колбу никто не признавался. Бенджамин Аллан Денисон услышал возглас Хэллема потому, что сидел в кабинете напротив лицом к открытой двери. Он поднял голову и встретил сверлящий взгляд Хэллема.

Хэллем не внушал ему особых симпатий (впрочем, он никому их не внушал), а в то утро Денисон плохо выспался и — как он вспоминал впоследствии — был даже рад сорвать на ком-нибудь свое дурное настроение. Хэллем же был для этого идеальным объектом.

Когда Хэллем поднес колбу к самому его лицу, Денисон брезгливо отстранился.

— На какого дьявола мне понадобился бы ваш вольфрам? — спросил он саркастически. — Да и кому он вообще нужен? Если бы вы посмотрели на колбу повнимательнее, то заметили бы, что ее уже лет двадцать никто не открывал и что единственные следы на ней — от ваших же лап.

Хэллем побагровел. И сказал, еле сдерживаясь:

— Слушайте, Денисон. Кто-то подменил содержимое. Это не вольфрам.

Денисон позволил себе негромко фыркнуть.

— А вы-то почем знаете?

Вот из таких пустяков — мелочной досады и бесцельных уколов — рождается история.

Такой выпад не мог бы пройти бесследно при любых обстоятельствах. Академические успехи Денисона, который, как и Хэллем, еще совсем недавно работал над диссертацией, были куда более внушительными, и он слыл подающим надежды молодым ученым. Хэллем это знал. Знал это и сам Денисон — что было значительно хуже, поскольку он не трудился скрывать свое превосходство. Поэтому денисоновское «А вы-то почем знаете?» с ударением на «вы» оказалось достаточной причиной для всего, что последовало дальше. Без этой фразы Хэллем никогда не стал бы самым великим, самым почитаемым в истории ученым — так выразился Денисон в своей беседе с Ламонтом много лет спустя.

Согласно официальной версии в то знаменательное утро Хэллем, сев за свой рабочий стол, заметил, что серые запыленные крупинки исчезли (как и пыль на внутренних стенках колбы). Теперь за стеклом тускло поблескивал чистый темно-серый металл. Естественно, он начал исследовать...

Но оставим официальную версию. Причиной всему был Денисон. Если бы он ограничился простым «нет» или только пожал плечами, Хэллем скорее всего опросил бы других своих соседей, а затем ему надоело бы заниматься таким, пусть и необъясненным, пустяком, он отставил бы колбу в сторону и не предотвратил бы трагического исхода (то ли постепенного, то ли мгновенного — это уж зависело от того, насколько задержалось бы неизбежное открытие истины), который и определил бы грядущие события. Но в любом случае

тогда оседлал бы смерч и вознесся бы на нем к вершинам славы отнюдь не Хэллем.

Однако, уязвленный до глубины души денисоновским «А вы-то почем знаете?», Хэллем взвизгнул:

— Я вам докажу, что знаю!

И он закусил удила. Теперь у него была одна задача — поскорее получить анализ металла в старой колбе, одна цель — стереть ироническую улыбку с узких губ Денисона, добиться, чтобы тот перестал презрительно морщить тонкий нос.

Денисон не забыл их стычки, потому что брошенная им фраза принесла Хэллему Нобелевскую премию, а его самого ввергла в пучину безвестности.

Откуда ему было знать (впрочем, тогда он все равно не придал бы этому ни малейшего значения), что Хэллем в полной мере обладал тем ожесточенным упрямством, в которое выливается страх посредственности уронить себя в собственных глазах, и что в данных обстоятельствах это упрямство окажется куда более действенным оружием, чем его — Денисона — блестящие способности?

Хэллем начал действовать немедленно. Он отнес металл в лабораторию масс-спектрографии. Для него, специалиста по радиохимии, это был самый естественный ход. Он знал там всех лаборантов, он работал с ними и к тому же был напорист. Напорист до такой степени, что ради своего металла заставил отложить куда более важные и первоочередные задания.

В конце концов спектрометрист объявил:

— Это не вольфрам.

Плоское сумрачное лицо Хэллема сморщилось в злорадной улыбке.

— Чудесненько. Так мы и скажем вашему хваленому Денисону. Мне нужна справка по форме...

— Погодите, доктор Хэллем. Я сказал, что это не вольфрам, но что это такое, я не знаю.

— Как так не знаете?

— Получается черт-те что! — Спектрометрист помол-

чал. — Этого просто не может быть. Отношение заряда к массе не лезет ни в какие ворота.

— В каком смысле?

— Чересчур велико. Не может этого быть, и все тут.

— Ну, в таком случае, — начал Хэллем, и независимо от руководивших им побуждений продолжение этой фразы открыло ему дорогу к Нобелевской премии (причем, возможно, и с некоторым на то правом), — в таком случае определите частоту его характеристического рентгеновского излучения и рассчитайте заряд. Это будет лучше, чем сидеть сложа руки и твердить, будто что-то там «невозможно».

Когда спектрометрист несколько дней спустя вошел в кабинет Хэллема, на его лице были написаны растерянность и тревога. Но Хэллем не умел замечать настроения других людей и спросил только:

— Ну как, установили вы... — Но тут в свою очередь встревожился, покосился через коридор на Денисона и поспешил закрыть свою дверь. — Значит, вы установили заряд ядра?

— Да, но таких не бывает.

— Ну, тогда, Трейси, рассчитайте еще раз.

— Да я уже десять раз проверял и перепроверял! Все равно выходит чепуха.

— Если ваши измерения точны, значит, это так. И нечего спорить с фактами.

Трейси поскреб за ухом и сказал:

— Тут поспоришь! Если я приму это за факт, значит, вы мне дали плутоний сто восемьдесят шесть.

— Плутоний сто восемьдесят шесть? Что?! Плутоний... сто восемьдесят шесть???

— Заряд — плюс девяносто четыре. Масса — сто восемьдесят шесть.

— Но это же невозможно! Нет такого изотопа. И не может быть.

— А я что вам говорю? Но такой получается результат.

— То есть в ядре не хватает пятидесяти с лишним нейтронов? Плутоний сто восемьдесят шесть получить невозможно. Нельзя сжать девяносто четыре протона в одно ядро

со всего только девяносто двумя нейтронами — такое вещество не просуществует и триллионной доли секунды.

— А я что вам говорю, доктор Хэллем? — терпеливо повторил Трейси.

Тут Хэллем умолк и задумался. У него пропал вольфрам. Изотоп этого элемента — вольфрам-186 — устойчив. Ядро вольфрама-186 содержит семьдесят четыре протона и сто двенадцать нейтронов. Неужто каким-то чудом двадцать нейтронов превратились в двадцать протонов? Да нет, это невозможно.

— А как насчет радиоактивности? — спросил Хэллем, ощупью отыскивая дорогу из лабиринта.

— Я проверял, — ответил спектрометрист. — Он устойчив. Абсолютно.

— Тогда это не может быть плутоний сто восемьдесят шесть.

— Ну а я что говорю?

Хэллем сказал обессиленно:

— Ладно, давайте его сюда.

Оставшись один, он отупело уставился на колбу. Наиболее устойчивым изотопом плутония был плутоний-240, но для того, чтобы девяносто четыре протона удерживались вместе и сохраняли хотя бы относительную устойчивость, требовалось сто сорок шесть нейтронов.

Так что же теперь делать? Проблема была явно ему не по зубам, и он уже раскаивался, что вообще ввязался в эту историю. В конце-то концов, у него есть своя работа, а эта... эта загадка не имеет к нему никакого отношения. Трейси что-нибудь напутал, или масс-спектрометр начал врать, или...

Ну и что? Выбросить все это из головы, и конец!

Но на это Хэллем пойти не мог. Рано или поздно Денисон заглянет к нему и с мерзкой своей полуулыбочкой спросит про вольфрам. И что Хэллем ему ответит? «Да, это оказался не вольфрам, как я вам и говорил»? А Денисон скажет: «Ах так! Что же это такое?» Хэллем представил себе, какие насмешки посыплются на него, если он ответит: «Это плутоний сто восемьдесят шесть!» Да ни за что на свете! Он дол-

жен выяснить, что это такое. И выяснить сам. Совершенно очевидно, что доверять никому нельзя.

И вот примерно через две недели он ворвался в лабораторию к Трейси, прямо-таки задыхаясь от ярости.

— Э-эй! Вы же сказали мне, что эта штука нерадиоактивна!

— Какая штука? — с недоумением спросил Трейси.

— А та, которую вы назвали плутонием сто восемьдесят шесть!

— Вот вы о чем! Ну да. Полнейшая устойчивость.

— В голове у вас полнейшая устойчивость! Если, по-вашему, это не радиоактивность, так идите в водопроводчики!

Трейси нахмурился.

— Ладно. Давайте проверим. — Через некоторое время он сказал: — Это надо же! Радиоактивна, черт! Самую чуточку — и все-таки не понимаю, как я мог проморгать в тот раз.

— Так как же я могу верить вашему бреду про плутоний сто восемьдесят шесть?

Хэллем был уже не в силах остановиться. Он не находил разгадки и воспринимал это как личное оскорбление. Тот, кто в первый раз подменил колбу или ее содержимое, либо вновь проделал свой фокус, либо изготовил неизвестный металл, специально чтобы выставить его дураком. В любом случае он готов был разнести мир вдребезги, лишь бы добраться до сути дела, — и разнес бы, если бы мог.

Упрямство и злость подстегивали его, и он пошел прямо к Г.К. Кантровичу, незаурядной научной карьере которого предстояло оборваться менее чем через год. Заручиться помощью Кантровича было нелегко, но, раз начав, он доводил дело до конца.

И уже через два дня Кантрович влетел в кабинет Хэллема вне себя от возбуждения.

— Вы руками эту штуку трогали?

— Почти нет, — ответил Хэллем.

— Ну и не трогайте. Если у вас есть еще, так ни-ни. Она испускает позитроны.

— Что-что?

— И позитронов с такой высокой энергией я еще не видел. А радиоактивность вы занизили.

— Как — занизил?

— И порядочно. Меня только одно смущает: при каждом новом измерении она оказывается чуть выше.

Глава 6 (продолжение)

Броновский нащупал во вместительном кармане своей куртки яблоко, вытащил его и задумчиво надкусил.

— Ну хорошо, ты побывал у Хэллема, и тебя попросили выйти вон, как и следовало ожидать. Что дальше?

— Я еще не решил. Но в любом случае его жирный зад зачешется. Я ведь был у него прежде — один раз, когда только поступил сюда, когда верил, что он — великий человек. Великий человек... Да он величайший злодей в истории науки! Он ведь переписал историю Насоса — вот тут переписал (Ламонт постучал себя по лбу). Он уверовал в собственный вымысел и отстаивает его с упорством маньяка. Это карлик, у которого есть только один талант — умение внушать другим, будто он великан.

Ламонт поглядел на круглое невозмутимое лицо Броновского, которое расплылось в улыбке, и принужденно засмеялся.

— Ну, да словами делу не поможешь, и все это я тебе уже говорил.

— И не один раз, — согласился Броновский.

— Но меня просто трясет при мысли, что весь мир...

Глава 2

Когда Хэллем взял в руки колбу с подмененным вольфрамом, Питеру Ламонту было два года. В двадцать пять лет, когда типографская краска его собственной диссертации была еще совсем свежа, он приступил к работе на Первой

Насосной станции и одновременно получил место преподавателя на физическом факультете университета.

Для молодого человека это было блестящим началом. Правда, Первой станции не хватало технического глянца станций, построенных позже, но зато она была бабушкой их всех — всей цепи, опоясавшей планету за каких-нибудь два десятка лет. Такого стремительного скачка в масштабах всей планеты технический прогресс еще не знал, но ничего удивительного тут не было. Ведь речь шла о неограниченных запасах даровой и совершенно безопасной энергии, равно доступной для всех — волшебная лампа Аладдина, принадлежащая всему миру.

Ламонт пришел на Станцию, чтобы заниматься сложнейшими теоретическими проблемами, но неожиданно для себя заинтересовался поразительной историей создания Электронного Насоса и сразу столкнулся с тем фактом, что ни одна из книг, посвященных этой истории, не была написана человеком, который понимал бы его теоретические принципы (в той мере, в какой они вообще могли быть поняты) и в то же время сумел бы изложить их в доступной для широкого читателя форме. О, разумеется, сам Хэллем написал немало статей для научно-популярных журналов и передач, но они не слагались в последовательную и полностью обоснованную историю вопроса. И Ламонт возжаждал взять эту задачу на себя.

Для начала он проштудировал статьи Хэллема, а также все опубликованные воспоминания (единственные, так сказать, официальные документы) и добрался до потрясшей мир фразы Хэллема — Великого Прозрения, как ее нередко называли, и обязательно с большой буквы.

Ну а потом, когда Ламонт пережил свое горькое разочарование, он принялся копать глубже и вскоре усомнился, что знаменитую фразу произнес действительно Хэллем. Она была сказана на семинаре, который, собственно, и привел к созданию Электронного Насоса, но выяснилось, что узнать подробности об этом историческом семинаре чрезвычайно трудно, а получить его звукозапись и вовсе невозможно.

В конце концов Ламонт заподозрил, что странная нечет-

кость следа, который семинар оставил в песках времен, отнюдь не случайна. Хитроумно сопоставив ряд отрывочных сведений, он пришел к выводу, что, по-видимому, нечто очень похожее на ошеломляющее заявление Хэллема сказал Джон Ф.К. Макфарленд, и, главное, — раньше Хэллема.

Он отправился к Макфарленду, который вообще не фигурировал ни в одном официальном отчете и занимался теперь изучением верхних слоев атмосферы и воздействия на них солнечного ветра. Это было не самое видное положение, но у него были свои преимущества, и работа в значительной степени была связана с процессами, имеющими прямое отношение к Насосу. Макфарленд, несомненно, сумел избежать пучины безвестности, поглотившей Денисона.

Макфарленд принял Ламонта достаточно любезно и был готов беседовать с ним о чем угодно — кроме семинара. Все, что там произошло, просто изгладилось из его памяти.

Но Ламонт не отступал и перечислил факты, которые ему удалось собрать.

Макфарленд взял трубку, набил ее, тщательно проверил, плотно ли она набита, и сказал размеренно:

— Я не хочу ничего помнить, потому что это не имеет значения. Ни малейшего. Ну, предположим, я начну утверждать, будто сказал что-то. Ведь никто не поверит. Я буду выглядеть как дурак — к тому же дурак, страдающий манией величия.

— А Хэллем позаботится, чтобы вас отправили на пенсию?

— Этого я не говорю, но не думаю, чтобы подобное заявление оказалось для меня очень полезным. Да и ради чего, собственно?

— Ради исторической истины, — сказал Ламонт.

— А, чушь! Историческая истина состоит в том, что Хэллем довел дело до конца. Он прямо-таки принуждал людей браться за исследования, чуть ли не против их воли. Без него этот вольфрам в конце концов, несомненно, взорвался бы, унеся уж не знаю сколько человеческих жизней. Второго образчика могло бы и не найтись, и мы не получили бы Насоса. Так что вся честь его создания принадлежит Хэллему, хо-

тя она ему и не принадлежит — а если это бессмысленно, то я тут ничего поделать не могу: история всегда бессмысленна.

Ламонту волей-неволей пришлось удовлетвориться этим, поскольку больше Макфарленд об Электронном Насосе и его создании говорить не пожелал.

Историческая истина!

Во всяком случае, одно, по-видимому, было неоспоримо: великая карьера «хэллемовского вольфрама» (так его теперь называли по освященному временем обычаю) началась благодаря его странной радиоактивности. Вопрос о том, вольфрам ли это и не подменили ли его, утратил всякое значение, и даже тот факт, что загадочный металл по всем характеристикам выглядел изотопом, которого не могло быть, отошел на задний план. Слишком велико было изумление перед веществом, которое демонстрировало нарастающую радиоактивность, не подходившую ни под один тип радиоактивного распада, известный в то время.

...Некоторое время спустя Кантрович пробормотал:

— Надо бы его рассредоточить. Даже небольшие куски неизбежно испарятся или взорвутся, загрязнив полгорода. А может быть, и то и другое вместе.

Поэтому вещество превратили в порошок, разделили на мельчайшие доли и смешали с порошком обычного вольфрама, а когда и обычный вольфрам стал радиоактивным, использовали графит, эффективное сечение которого гораздо ниже.

Менее чем через два месяца после того, как Хэллем заметил изменения в колбе, Кантрович прислал в «Ядерное обозрение» сообщение, подписанное и Хэллемом в качестве соавтора, об открытии плутония-186. Таким образом, доброе имя Трейси было восстановлено, но в сообщении не упомянуто — как не упоминалось оно и впредь. С этой минуты «хэллемовский вольфрам» начал свой стремительный путь к превращению в благодетеля человечества, а Денисон ощутил первые симптомы процесса, который в конце концов превратил его в пустое место.

Существование плутония-186 уже само по себе выглядело черт знает чем. Но первоначальная устойчивость, которая

затем сменялась нарастающей радиоактивностью, была еще хуже.

Для рассмотрения этой проблемы был организован семинар под председательством Кантровича — обстоятельство исторически небезынтересное, поскольку с тех пор любым сколько-нибудь представительным собранием, которое было так или иначе связано с Электронным Насосом, непременно руководил Хэллем. Во всяком случае, Кантрович умер пять месяцев спустя, и, таким образом, с пути Хэллема исчез единственный человек, обладавший достаточным престижем, чтобы удерживать его в тени.

Семинар протекал на редкость бесплодно, пока Хэллем не возвестил о своем Великом Прозрении, однако по версии, созданной Ламонтом, все решилось во время перерыва на обед. Именно тогда Макфарленд, который согласно официальной версии никаких исторических фраз не произносил (хотя на семинаре, несомненно, присутствовал), задумчиво сказал: «А знаете, тут следовало бы немножко пофантазировать. Что, если...»

Он сказал это Дидерику ван Клеменсу, а ван Клеменс записал их разговор в дневнике с помощью собственной стенографической системы. Но он умер задолго до того, как Ламонт начал свое расследование. И хотя эти беглые заметки полностью убедили молодого ученого, он тем не менее отдавал себе отчет, что без дополнительного подтверждения они как официальное свидетельство не стоят ничего. К тому же не было никаких доказательств, что Хэллем слышал рассуждения Макфарленда. Ламонт готов был побиться об заклад хоть на миллион, что Хэллем в ту минуту находился где-то рядом, но его готовность юридической силы не имела.

Да и сумей он это доказать, что тогда? Да, непомерное самолюбие Хэллема будет задето, но его положение останется неуязвимым. Ведь сам собой напрашивается аргумент, что Макфарленд просто фантазировал и вовсе не собирался выдвигать никакой гипотезы. Это Хэллем увидел проблеск истины. Это Хэллем не побоялся навлечь на себя град насмешек и смело провозгласил свою теорию. А Макфарленд

вряд ли рискнул бы «немножко пофантазировать» на трибуне.

Ламонт, правда, мог бы возразить, что Макфарленду, известному ядерному физику, было что терять, а вот Хэллему, молодому радиохимику, любые публичные бредни, касающиеся ядерной физики, сошли бы с рук, как неспециалисту.

Но что бы там ни было на самом деле, Хэллем, если верить официальной стенограмме, сказал следующее:

«Господа, мы зашли в тупик. А потому я намерен предложить гипотезу — не потому, что считаю ее заведомо верной, но потому лишь, что она все-таки менее нелепа, чем все, что я слышал до сих пор... Мы имеем дело с веществом, с плутонием сто восемьдесят шесть, которое согласно физическим законам нашей вселенной вообще существовать не может, а о том, чтобы оно хоть на самое короткое время обрело устойчивость, и говорить, казалось бы, нечего. Но раз оно, бесспорно, существует и было сперва устойчивым, отсюда следует, что прежде оно, хотя бы какой-то срок, должно было находиться в месте, во времени или в условиях, где физические законы вселенной действуют не так, как они действуют здесь и теперь. Попросту говоря, вещество, которое мы изучаем, возникло вовсе не в нашей вселенной, а в иной, альтернативной, параллельной вселенной — называйте ее как хотите.

Оказавшись здесь — каким образом это произошло, я объяснить не берусь, — оно некоторое время оставалось устойчивым, как я предполагаю, потому, что несло в себе законы своей вселенной. Тот факт, что постепенно оно стало радиоактивным и его радиоактивность все возрастает, возможно, означает, что оно медленно проникается законами нашей вселенной, если вы позволите мне так выразиться.

Я хочу напомнить, что одновременно с появлением плутония сто восемьдесят шесть бесследно исчезло некоторое количество вольфрама, состоявшего из нескольких устойчивых изотопов, включая вольфрам сто восемьдесят шесть. Возможно, этот вольфрам переместился в параллельную вселенную. Ведь только логично предположить, что обмен

массами произвести легче, чем осуществить одностороннее перемещение.

Быть может, в параллельной вселенной вольфрам сто восемьдесят шесть — такая же аномалия, как плутоний сто восемьдесят шесть у нас. Не исключено, что и он вначале окажется устойчивым, а затем постепенно будет становиться все более радиоактивным. И может послужить там источником энергии точно так же, как плутоний сто восемьдесят шесть здесь у нас».

По-видимому, аудитория онемела от удивления — во всяком случае, Хэллема как будто никто не перебивал, и он после вышеприведенной фразы сам сделал паузу, то ли переводя дух, то ли дивясь собственной наглости.

Тут кто-то из зала (предположительно Антуан-Жером Лапен, хотя в протоколе это не отражено) спросил, верно ли он понял, что, по мнению профессора Хэллема, некие разумные существа в паравселенной сознательно произвели обмен, чтобы получить источник энергии. Вот так в язык вошло выражение «паравселенная», возникшее, судя по всему, как сокращение сочетания «параллельная вселенная». По крайней мере, до этого момента оно нигде зарегистрировано не было.

После некоторого молчания Хэллем, совсем уж закусив удила, объявил:

«Да, я так считаю. И я считаю, кроме того, что практическую пользу из подобного источника энергии можно извлечь, только если наша вселенная и паравселенная будут работать вместе, каждая у своей стороны насоса, перекачивая энергию от них к нам и от нас к ним и извлекая взаимную выгоду из различий в физических законах, действующих там и здесь».

Вот это и было сутью Великого Прозрения.

Использовав термин «паравселенная», Хэллем тем самым его присвоил. Кроме того, он первым употребил в таком смысле слово «насос» (которое с тех пор писалось только с большой буквы).

Официальная версия создает впечатление, будто гипотеза Хэллема сразу завоевала признание. Но это было не так.

Те немногие, кто вообще счел нужным высказаться по ее поводу, в лучшем случае отозвались о ней как о любопытном предположении. А Кантрович не сказал ничего. Это была решающая минута в карьере Хэллема.

Сам Хэллем, конечно, не мог разработать свою гипотезу ни в теоретическом, ни в практическом плане. Тут требовалась совместная работа многих ученых. И такие ученые нашлись. Однако вначале они избегали открыто связывать свое имя с этой гипотезой, а потом было уже поздно: когда пришел успех, широкая публика твердо знала, что все сделал Хэллем, и только Хэллем. В глазах всего мира Хэллем, и только Хэллем открыл таинственное вещество, именно он разгадал его тайну и доказал истинность своего Великого Прозрения. А потому Хэллем и был Отцом Электронного Насоса.

Во многих лабораториях соблазнительно выкладывались крупинки вольфрама. В одной лаборатории из десяти происходила замена и появлялся новый запас плутония-186. Таким же способом предлагались и другие элементы, но эти приманки оставались нетронутыми... Однако где бы ни появился плутоний-186, кто бы ни доставил его в специальный научно-исследовательский центр, в глазах публики это была лишь новая порция «хэллемовского вольфрама».

И опять-таки Хэллем предложил широкой публике наиболее доходчивое объяснение теории паравселенной. К собственному удивлению (как он не преминул указать впоследствии), он обнаружил, что пишет весьма легко и популяризирует с удовольствием. Помимо всего прочего, успех обладает особой инерцией, и публика просто не желала получать информацию ни от кого другого.

В своей прославленной статье для воскресного еженедельника «Североамериканский тележурнал» Хэллем писал:

«Нам неизвестно, как и в чем законы паравселенной отличаются от наших, но, по-видимому, мы не ошибемся, предположив, что сильное ядерное взаимодействие, самая могучая из известных сил нашей вселенной, в паравселенной много действеннее — возможно, в сотни раз. А это значит, что протоны с большей легкостью удерживаются вместе

вопреки собственному электростатическому отталкиванию и что ядру для достижения стабильности требуется меньше нейтронов.

Плутоний-186, устойчивый в их вселенной, содержит либо слишком много протонов, либо слишком мало нейтронов, чтобы сохранить устойчивость в условиях нашей вселенной, где ядерное взаимодействие не столь эффективно. Оказавшись в нашей вселенной, плутоний-186 начинает испускать позитроны, высвобождая при этом энергию. Каждый испущенный таким образом позитрон означает, что в ядре один протон превратился в нейтрон. В конце концов двадцать протонов ядра превращаются в нейтроны, и плутоний-186 становится вольфрамом-186, который в условиях нашей вселенной устойчив. На протяжении этого процесса из каждого ядра выделяются двадцать позитронов, которые сталкиваются с двадцатью электронами, вступают с ними во взаимодействие и аннигилируют, опять-таки высвобождая энергию. Таким образом, с каждым ядром плутония-186, посланным к нам, наша вселенная теряет двадцать электронов.

Наш же вольфрам-186, попадая в паравселенную, оказывается там неустойчивым по прямо противоположным причинам. По законам паравселенной он содержит или слишком много нейтронов, или слишком мало протонов. Ядра вольфрама-186 начинают испускать электроны, непрерывно высвобождая энергию. Каждый же испущенный электрон означает, что нейтрон превращается в протон, и в конце концов возникает плутоний-186. И с каждым ядром вольфрама-186, посланным в паравселенную, она приобретает двадцать электронов.

Такой обмен плутонием и вольфрамом между нашей вселенной и паравселенной может происходить бесконечно с выделением энергии то там, то здесь, причем заключением цикла для каждого отдельного ядра будет переход двадцати электронов из нашей вселенной к ним. И обе стороны получают энергию. Явление это можно назвать своего рода «Межвселенским Электронным Насосом».

Претворение этой идеи в жизнь и создание реального

Электронного Насоса, ставшего мощнейшим источником энергии, осуществилось с ошеломляющей быстротой, и каждый новый успех укреплял престиж Хэллема.

Глава 3

У Ламонта не было причин сомневаться в том, что этот престиж вполне заслужен. Задумав написать историю вопроса, он не без труда добился приема у Хэллема и вошел в кабинет с чувством, похожим на благоговение. (Впоследствии у него от одной мысли об этой телячьей восторженности начинали гореть уши, и он постарался изгладить ее из своей памяти, что ему отчасти и удалось.)

Хэллем держался снисходительно. За тридцать лет он вознесся на такие высоты славы, что можно было только удивляться, почему у него еще не течет кровь из носа. С возрастом он приобрел внушительность, хотя и лишенную одухотворенности. Его грузная фигура казалась представительной, а грубым чертам своего лица он научился придавать выражение умудренного спокойствия. Но он по-прежнему легко багровел, а его самовлюбленность и обидчивость стали присловьем.

Перед тем как принять Ламонта, Хэллем позаботился навести о нем справки и был во всеоружии. Он сказал:

— Вы доктор Питер Ламонт и занимаетесь паратеорией — довольно плодотворно, как я слышал. Я помню вашу диссертацию. О паратермоядерной реакции, не так ли?

— Совершенно верно, сэр.

— Ну, так напомните мне подробности. Расскажите мне о ваших выводах. Неофициально, разумеется, словно вы говорите с профаном. Ведь в конце-то концов, — он добродушно засмеялся, — в известном смысле я и есть профан. Я же всего только радиохимик, как вам, быть может, известно, и не ахти какой теоретик, разве что иной раз позволяю себе выдвинуть концепцию-другую.

В тот момент Ламонт принял все это за чистую монету.

Да, возможно, слова Хэллема вовсе и не были столь оскорбительно наглыми, как казалось ему потом. Но в дальнейшем Ламонт обнаружил (или, во всяком случае, уверил себя), что они были типичны для хэллемовского метода ознакомления с сутью чужих исследований. А потом Хэллем бойко рассуждал на эти темы, как правило, — а вернее, никогда, — не утруждая себя упоминанием о том, кому он обязан своими сведениями.

Но тот, более юный Ламонт был только польщен и сразу же заговорил — словоохотливо и с тем увлечением, которое обычно охватывает человека, когда он рассказывает о своих открытиях.

— Ну конечно, я сделал совсем не так уж много, доктор Хэллем. Ведь устанавливать физические законы паравселенной — паразаконы — дело очень рискованное. У нас слишком мало исходных данных. Я начал с того немногого, что нам известно, и не позволял себе никаких предположений, если они не опирались на уже имеющийся материал. Можно с достаточной уверенностью заключить, что при более сильном ядерном взаимодействии слияние легких ядер должно происходить с меньшими затруднениями.

— Параслияние, — поправил Хэллем.

— Совершенно верно, сэр. Задача, следовательно, сводилась к установлению частностей. Над математикой пришлось-таки поломать голову, но после нескольких преобразований все стало много проще. Оказывается, например, что в паравселенной у гидрида лития термоядерная реакция начнется при температуре на четыре порядка ниже, чем здесь. У нас, чтобы взорвать гидрид лития, требуются температуры атомной бомбы, а в паравселенной для этого достаточно, так сказать, простого динамитного заряда. Возможно даже, что там гидрид лития вспыхнет от спички, но это маловероятно. Мы им предлагали гидрид лития, поскольку термоядерная энергия может быть у них там чем-то вроде природного ресурса, но они его не тронули.

— Да, я знаю.

— Совершенно очевидно, что для них это слишком опас-

но. Ну, как использовать нитроглицерин в ракетных двигателях тоннами — только еще рискованнее.

— Отлично. А кроме того, вы ведь работаете над историей Насоса?

— Для собственного удовольствия, сэр. И если это вас не слишком затруднит, сэр, не смогли бы вы ознакомиться с рукописью, когда она будет готова? Ведь никто не знает всю подоплеку этих событий так, как ее знаете вы, сэр, и ваши замечания были бы поистине неоценимыми. Да если бы и сейчас у вас нашлось для меня несколько лишних минут...

— Попробую найти. Так что же вам хотелось бы узнать? — сказал Хэллем с улыбкой, не подозревая, что ему уже больше никогда не захочется улыбаться в присутствии Ламонта.

— Эффективный и практичный Насос, профессор Хэллем, был создан в потрясающе короткий срок, — начал Ламонт. — Едва проект Насоса...

— Проект Межвселенского Электронного Насоса, — поправил Хэллем, все еще улыбаясь.

— Да, конечно. — Ламонт кашлянул. — Я просто употребил сокращенное название. Достаточно было начать, а уж само конструирование протекало удивительно быстро и без каких-либо видимых затруднений.

— Совершенно справедливо, — сказал Хэллем с легким самодовольством. — Меня постоянно уверяют, что это моя заслуга, что все объясняется моим энергичным и прозорливым руководством, но мне не хотелось бы, чтобы вы в вашей книге излишне это подчеркивали. Мы привлекли к работе над проектом немало высокоталантливых людей, и мне было бы неприятно, если бы чрезмерное преувеличение моей роли привело к некоторому затушевыванию блестящей работы отдельных членов группы.

Ламонт досадливо мотнул головой. Все это не относилось к делу. Он сказал:

— Меня интересует другое. Я имел в виду разумные существа той вселенной. Паралюдей, как их принято называть. Ведь начали они. Мы открыли их после первой замены

вольфрама на плутоний. Но они-то открыли нас первыми, причем чисто теоретически, без той подсказки, которую получили от них мы. А та железная фольга, которую они переслали...

Вот тут-то улыбка Хэллема исчезла — исчезла навсегда. Он нахмурился и сказал, повысив голос:

— Символы расшифровке не поддались. Они ни в коей мере...

— Но, сэр, ведь геометрические фигуры, несомненно, были понятны. Я ознакомился с материалами, и нет никаких сомнений, что они представляют собой своего рода чертеж Насоса. По-моему...

Хэллем гневно скрипнул креслом.

— Хватит измышлений, молодой человек. Всю работу сделали мы, а не они.

— Да... Но разве не правда, что они...

— Что «они», что?!

Ламонт наконец осознал, какую бурю чувств он вызвал, но по-прежнему не понимал ее причины. Он сказал нерешительно:

— Что они более высоко развиты, чем мы, и что, в сущности, все сделали они. Разве это не так, сэр?

Хэллем, совсем пунцовый, с усилием поднялся на ноги.

— Конечно, нет! — закричал он. — Никакой мистики в этом вопросе я не допущу. Ее и без того хватает. Послушайте, молодой человек! — Он надвинулся на ошеломленного Ламонта, который все еще продолжал растерянно сидеть, и погрозил ему толстым пальцем. — Если вы в своей истории исходите из того, что мы были марионетками, которых паралюди дергали за ниточки, то Первая станция не станет ее публиковать, да и никто ее не опубликует, если это будет зависеть от меня. Я не допущу, чтобы человечество унижали, чтобы паралюдям отводили роль богов.

Ламонт сделал единственное, что ему оставалось, — он ушел. Ушел, ничего не понимая, расстроенный тем, что, действуя из самых лучших побуждений, он почему-то вызвал только гнев и озлобление.

А затем его исторические источники начали пересыхать один за другим. Люди, которые неделю назад охотно отвечали на его вопросы, теперь ничего не помнили и не находили времени для дальнейших бесед.

Вначале Ламонт сердился и недоумевал, а потом в нем начали нарастать ожесточение и злоба. Он оценил собранный им материал с новой точки зрения и принялся требовать и настаивать там, где прежде вежливо просил. Когда они с Хэллемом случайно оказывались рядом на совещаниях или официальных приемах, Хэллем хмурился, делая вид, будто не замечает Ламонта, а Ламонт в свою очередь начинал презрительно морщиться.

В результате Ламонт обнаружил, что на избранной им ниве паратеории его явно не ждет ничего хорошего, и решительно обратился ко второй своей профессии — профессии историка науки.

Глава 6
(продолжение)

— Ох, какой идиот! — пробормотал Ламонт, все еще во власти воспоминаний о тех днях. — Видел бы ты, Майк, в какую панику он впал при одном только предположении, что инициатива принадлежала им. Теперь я просто не понимаю, как можно было с первого взгляда не догадаться, каким образом это на него подействует. Радуйся, что тебе с ним работать не приходилось.

— Я и радуюсь, — сказал Броновский скучным голосом. — Хотя и ты не ангел, если уж на то пошло.

— Не жалуйся! В твоей работе тебе никто палок в колеса не вставляет.

— Зато ею никто и не интересуется. Кому нужна моя работа, если не считать меня самого и еще пятерых человек в мире? Ну, может, шестерых. Помнишь?

Ламонт помнил.

— Ну, ладно, ладно, — сказал он.

Глава 4

Добродушная вялость Броновского могла обмануть только совсем не знавших его людей. Он обладал на редкость острым умом и, раз взявшись за какую-нибудь задачу, терзал ее до тех пор, пока не находил решения или не оставлял от нее лишь жалкие клочья, которые явно доказывали, что она вообще решения не имеет.

Взять хотя бы этрусские надписи, принесшие ему известность. Этрусский язык был живым еще в первом веке нашей эры, но культурный шовинизм древних римлян уничтожил его с такой полнотой, что от него не осталось почти никаких следов. Буквы отдельных надписей, сохранившихся несмотря на вакханалию римской враждебности и — что еще хуже — всеобщее равнодушие, походили на греческие, что позволяло угадывать звучание слов. Но этим все и исчерпывалось. У этрусского языка словно бы не было родственников среди соседних языков, он казался очень древним и, возможно, даже не был индоевропейским.

Это навело Броновского на мысль обратиться к другому языку, который тоже словно бы не был родственным ни одному из соседних языков, который тоже казался очень древним и, возможно, даже не был индоевропейским, — но язык этот был вполне живым, и говорили на нем в области, расположенной не так уж далеко от тех мест, где некогда обитали этруски.

Язык басков? Броновский задумался. И положил в основу своих исследований баскский язык. Он не был тут первым, но его предшественники после тщетных попыток в конце концов отступались от этой идеи. Броновский не отступился.

Это была тяжелейшая работа, тем более что баскский язык, сам по себе на редкость трудный, оказался более чем скромным подспорьем. Но чем дольше занимался Броновский своими исследованиями, тем тверже становилась его уверенность, что между древними обитателями Северной Италии и Северной Испании, несомненно, существовала определенная культурная связь. У него набралось достаточ-

но данных, чтобы построить убедительную гипотезу о широко заселявших Западную Европу пракельтах, язык которых явился предком и этрусского и баскского, хотя в своем дальнейшем развитии они очень разошлись. К тому же следовало учитывать, что этрусский язык остановился в своем развитии, а баскский продолжал развиваться еще две тысячи лет, испытав при этом значительное воздействие испанского. Логически вывести, какова была его структура в эпоху Древнего Рима, а затем связать полученные результаты с проблемами этрусского языка — значило поистине совершить редкостный по трудности интеллектуальный подвиг, и понятно, что филологи всего мира были поражены, когда Броновскому удалось это сделать.

Правда, содержание памятников этрусской письменности оказалось удивительно неинтересным и для истории не дало почти ничего — чуть ли не все они были ритуальными надгробными надписями. Но сам факт перевода был ошеломителен и в ходе дальнейших событий послужил для Ламонта спасительной соломинкой.

Однако далеко не вначале. Честно говоря, Ламонт только пять лет спустя после прочтения надписей впервые узнал, что когда-то существовали какие-то там этруски. Затем Броновский был приглашен выступить с докладом на ежегодных чтениях в университете, и хотя Ламонт обычно пренебрегал своим долгом преподавателя и пропускал чтения, но на лекцию Броновского он пришел.

Не потому, что осознавал важность темы или испытывал какое бы то ни было любопытство. Просто он тогда ухаживал за аспиранткой кафедры романских языков, и, не пойди он на чтения, ему пришлось бы отправиться на музыкальный фестиваль, а эта перспектива увлекала его еще меньше. Роман этот был мимолетным, и никаких серьезных намерений у Ламонта не было, но тем не менее на лекцию он попал из-за него.

Впрочем, лекция ему скорее понравилась. Сама загадочная этрусская цивилизация возбудила у него лишь легкий отвлеченный интерес, зато идея расшифровки неизвестного языка показалась ему увлекательной. Подростком он любил

решать ребусы, но потом оставил их вместе с прочими детскими забавами ради куда более сложных ребусов, которые предлагает природа, и в конце концов посвятил себя парателории.

И на лекции Броновского он вновь пережил мальчишескую радость неторопливого извлечения смысла из того, что на первый взгляд казалось случайным набором рисунков и знаков, когда трудности делали победу только слаще. Броновский же был ребусником первой величины, и Ламонт испытывал прямо-таки наслаждение, слушая рассказ о том, как логика упорядочивала и истолковывала неведомое и бесформенное.

Но даже это тройное совпадение — появление Броновского в университете, ламонтовское детское увлечение ребусами и флирт с хорошенькой аспиранткой, водившей своих поклонников на доклады и фестивали, — не привело бы ни к чему, если бы на следующий же день Ламонт не отправился на роковую аудиенцию к Хэллему и не погубил свою карьеру — причем безвозвратно, как он довольно скоро убедился.

Едва выйдя от Хэллема, Ламонт решил поговорить с Броновским о проблеме, которая ему самому представлялась совершенно очевидной, хотя Хэллем и пришел в бешенство при одном намеке на нее. Ламонт считал необходимым нанести ответный удар, потому что был прав, потому что именно его правота навлекла на него начальственный гнев, — а для этого в первую очередь следовало доказать справедливость той идеи, которая этот гнев вызвала. Конечно, паралюди более высоко развиты! Прежде он об этом, по правде говоря, не задумывался — это как-то само собой разумелось и особого значения не имело. Но теперь вопрос приобрел решающее значение. Он должен доказать, что прав, — вбить эти доказательства в глотку Хэллема, и по возможности боком, чтобы труднее было проглотить.

Благоговение перед великим ученым уже успело угаснуть настолько, что Ламонт с наслаждением смаковал такую перспективу.

Броновский еще не уехал, и Ламонт, разыскав его, ворвался к нему чуть ли не силой.

Загнанный в угол Броновский держался с изысканной любезностью.

Ламонт нетерпеливо выслушал его вежливые фразы, назвал себя и сразу же перешел к делу.

— Доктор Броновский, — сказал он, — я страшно рад, что успел поймать вас до отъезда. Надеюсь, я сумею уговорить вас остаться тут на более длительный срок.

Броновский ответил:

— Возможно, это будет не так уж трудно. Меня приглашают к вам в университет читать курс.

— И вы думаете согласиться?

— Я еще не решил. Но это не исключено.

— Нет, вы должны согласиться. Вы сами это поймете, когда выслушаете меня. Доктор Броновский, чем, собственно, вы можете заняться теперь, когда вы уже расшифровали этрусские надписи?

— Я занимался не только этим, молодой человек. (Он был старше Ламонта на пять лет.) Я археолог, а этрусская культура не исчерпывается надписями, так же как италийская культура доклассического периода не исчерпывается одними этрусками.

— Но ведь вряд ли в этой области есть задачи столь же увлекательные, как прочтение этрусских надписей?

— Тут вы правы.

— Тогда, наверное, вы будете рады найти проблему еще более увлекательную, еще более сложную и в триллион раз более злободневную!

— Что вы имеете в виду, доктор... Ламонт, не так ли?

— У нас есть надписи, не связанные ни с какой мертвой культурой. И даже с Землей. И даже со всей вселенной. У нас есть то, что мы называем парасимволами.

— Я о них слышал. И даже видел их.

— Но в таком случае неужели вам не захотелось взяться за решение этой проблемы, доктор Броновский? Не захотелось узнать, что они означают?

— Нет, не захотелось, доктор Ламонт, поскольку никакой проблемы тут нет.

Ламонт бросил на него подозрительный взгляд.

— Вы что, их уже прочли?

Броновский покачал головой.

— Вы меня не поняли. Проблемы нет, потому что их вообще нельзя прочесть. И я этого не могу. И никто другой не сможет. Для этого нет исходной точки. Когда речь идет о земном языке, даже самом мертвом, можно с достаточной уверенностью рассчитывать, что найдется живой язык или мертвый, но уже известный, который окажется с ним в родстве, пусть самом отдаленном. И даже если такой аналогии не отыщется, можно исходить хотя бы из того, что на этом языке писали люди и их мыслительные процессы были человеческими, сходными с нашими. Это уже опора, хотя и слабенькая. Но к парасимволам ни один такой способ неприложим, то есть они слагаются в задачу, заведомо не имеющую решения. А задача без решения — не задача.

Ламонт сдерживался, чтобы не перебить его, лишь с большим трудом. Но тут его терпение иссякло:

— Вы ошибаетесь, доктор Броновский! Не подумайте, что я хочу учить вас вашей профессии, но вы ведь не знаете ряда фактов, которые установили люди моей профессии. Мы имеем дело с паралюдьми, о которых нам практически ничего не известно. Мы не знаем, как они выглядят, как они мыслят, в каком мире обитают. То есть мы не знаем почти ничего о самом главном, о самом основном. В этом отношении вы правы.

— Но соль, по-видимому, заключается в «почти», не правда ли?

Броновский как будто нисколько не заинтересовался. Он достал из кармана пакетик с инжиром, распечатал его, сунул ягоду в рот и протянул пакетик Ламонту, но тот покачал головой.

— Вот именно! — объявил Ламонт. — Нам известен факт решающей важности. По развитию они стоят выше нас. Во-первых, они умеют осуществлять обмен через Межвселенское Окно, нам же достается чисто пассивная роль...

Не договорив фразы, он спросил:

— Вы что-нибудь знаете о Межвселенском Электронном Насосе?

— Достаточно, чтобы следить за вашими рассуждениями, доктор Ламонт, до тех пор, пока вы ограничиваетесь общими положениями.

Ламонт заговорил, не дослушав:

— Во-вторых, они прислали нам объяснения, как сконструировать нашу часть Насоса. Мы не смогли в них разобраться, но чертежи все-таки подсказали нам верный путь. В-третьих, они каким-то образом воспринимают нас. Во всяком случае, они, например, узнают, когда мы предлагаем им вольфрам. Они узнают его местонахождение и действуют соответственно. Мы ни на что аналогичное не способны. Есть еще частности, но и этого вполне достаточно, чтобы показать, насколько паралюди выше нас по развитию.

— Мне кажется, — заметил Броновский, — что тут вы одиноки. Полагаю, ваши коллеги с вами не согласны.

— О да! Но почему вы так решили?

— А потому, что, на мой взгляд, вы ошибаетесь.

— Факты, на которые я ссылаюсь, верны, так как же я могу ошибаться?

— Вы ведь доказываете только, что паралюди опередили нас в техническом отношении. Но как это связано с умственным развитием? Вот послушайте! — Броновский встал, снял куртку и расположился в кресле поудобнее. Его полное мягкое тело уютно расслабилось, словно непринужденная поза помогала ему думать. — Примерно двести пятьдесят лет назад в гавань Токио вошла американская эскадра под командованием Мэтью Перри. Японцы, в ту эпоху отрезанные от остального мира, внезапно столкнулись с технической культурой, заметно превосходившей их собственную, и мудро решили, что открытое сопротивление было бы неразумным. Большая страна с давними военными традициями и многомиллионным населением оказалась бессильной перед несколькими чужеземными кораблями. Но доказывает ли это, что американцы стояли по умственному развитию выше японцев, или просто западная культура шла несколько иным путем? Разумеется, верно второе — не прошло и пятидесяти лет, как японцы освоили западную технику, а еще через полвека стали в один ряд с ведущими индустриальными странами мира, несмотря на то что примерно тогда же потерпели сокрушительное военное поражение.

Ламонт, который слушал с большим вниманием, сказал:

— Я об этом думал, доктор Броновский, хотя и не знал про японцев — у меня слишком мало времени, чтобы подробно знакомиться с историей прошлых веков, а жаль! Но тут другое. Речь идет не только о техническом превосходстве, а и об умственном развитии.

— Но ведь это только ваши догадки. Почему вы, собственно, так думаете?

— А потому, что они прислали нам инструкции. Они очень хотели, чтобы мы установили свою часть Насоса, и искали способ, как подтолкнуть нас на это. Сами они к нам попасть не могут — ведь даже железная фольга, на которой были выбиты их инструкции (а железо и у них, и у нас самый устойчивый из элементов), даже она постепенно сделалась настолько радиоактивной, что ее стало опасно хранить целыми кусками. Но конечно, прежде чем принять необходимые меры, мы сняли точные копии.

Он умолк, чтобы перевести дух, и с досадой подумал, что говорит слишком взволнованно и настойчиво. Так ведь можно оттолкнуть, вместо того чтобы увлечь.

Броновский смотрел на него с любопытством.

— Ну хорошо. Они присылали нам инструкции. Какой, собственно, вывод вы пытаетесь из этого сделать?

— А вот какой: по их мнению, мы способны понять, что они нам пишут. Неужели они настолько глупы, что стали бы отправлять нам послания, иногда довольно длинные, если бы считали, что мы их не поймем?.. Без их чертежей мы ничего не смогли бы сделать. Если же они были уверены, что мы поймем, значит, они считают, что существа вроде нас, с технической культурой примерно их уровня (а это они каким-то образом установить сумели — еще одно подтверждение моей точки зрения) должны находиться примерно на той же ступени умственного развития, что и они, и без труда разберутся в их символах.

— С тем же успехом это можно считать доказательством их наивности, — спокойно возразил Броновский.

— То есть, по-вашему, они полагают, будто возможен всего один устный и письменный язык и что разумные обитатели другой вселенной говорят и пишут так же, как они сами? Согласитесь, это уж слишком.

— Предположим даже, что вы правы, — сказал Броновский. — Но что вы, собственно, хотите от меня? Я видел парасимволы. Думаю, в мире не найдется археолога или филолога, который бы их не видел. И я не понимаю, что я мог бы сделать. Думаю, и все остальные сказали бы то же. За двадцать с лишним лет дело не сдвинулось с места.

— Потому что все эти двадцать лет никто всерьез и не пытался что-нибудь сделать, — горячо возразил Ламонт. — Управление Насосными станциями вовсе не хочет, чтобы символы были прочитаны.

— Но отчего?

— А вдруг прямое общение с паралюдьми неопровержимо докажет, что их развитие выше? Вот тогда уже не удастся скрыть, что создатели Насоса — лишь номинальные его творцы, а это непереносимо для их самомнения. И, таким образом (Ламонт старался говорить без злости, но это ему не удавалось), Хэллем утратит право называться Отцом Электронного Насоса.

— Ну хорошо, предположим, символами захотели бы заняться всерьез. Что это дало бы? Ведь хотеть еще не значит мочь.

— Можно было бы заручиться сотрудничеством паралюдей. Можно было бы написать в паравселенную. Этого даже не пытались сделать, хотя ничего невозможного тут нет. Можно было бы подложить письмо на железной фольге под крупинку вольфрама.

— Вот как? Они что же, по-прежнему высматривают вольфрам, хотя Насос уже действует?

— Нет. Но они заметят вольфрам и сообразят, что мы стараемся привлечь их внимание. И вообще можно изготовить фольгу из вольфрама и написать прямо на ней. Если они заберут наше послание и хоть что-то поймут, то ответят, используя свои новые знания. Например, составят сравнительную таблицу своих слов и наших или используют наши

слова в окружении своих. Это будет обмен — они нам, мы им, они нам и так далее.

— Причем львиную долю работы выполнят они, — добавил Броновский.

— Вот именно.

Броновский покачал головой.

— Ну и что тут интересного? Меня, во всяком случае, это не прельщает.

Ламонт испепелил его гневным взглядом.

— Но почему? Или, по-вашему, вам будет мало чести? Славы вам не хватит? Вы что, такой уж специалист в вопросах славы? Да какую, собственно, славу принесли вам эти этрусские надписи, черт побери? Ну, утерли вы нос пятерым другим специалистам. Или даже шестерым. Вот для них одних во всем мире вы победитель, авторитет, и они вас ненавидят. А еще что? Ну, читаете вы лекции перед полусотней слушателей, которые на другой день уже не помнят вашей фамилии. Вас это прельщает?

— Не впадайте в мелодраму.

— Ладно, не буду. И найду кого-нибудь другого. Времени уйдет больше, но, как вы совершенно правильно заметили, львиную долю работы выполнят паралюди. В конце-то концов я и сам справлюсь.

— Вам это официально поручено?

— Нет, не поручено. Ну и что? Или это для вас еще одна причина держаться в сторонке? Блюдете академическую этику? Так нет же правил, запрещающих заниматься переводом, и почему я не имею права положить кусочек вольфрама на свой письменный стол? Я не стану сообщать о посланиях, которые могу получить взамен, и в этом смысле несколько отступлю от общепринятых норм научных исследований. Но когда ключ к переводу будет найден, кто об этом вспомнит? Согласны ли вы работать со мной, если я гарантирую вам полное отсутствие неприятностей и обещаю сохранить ваше участие в тайне? В результате вы лишитесь славы, но, может быть, свое спокойствие вы цените выше? Ну что ж. — Ламонт пожал плечами. — Если мне придется работать од-

ному, то по крайней мере не надо будет тратить время и силы на то, чтобы оберегать чье-то спокойствие.

Он встал, собираясь уйти. Оба были рассержены и держались теперь с той сухой корректностью, которая возникает между собеседниками, настроенными враждебно, но соблюдающими внешнюю вежливость.

— Полагаю, — сказал Ламонт, — мне необязательно просить вас считать нашу беседу конфиденциальной?

Броновский тоже поднялся.

— О, разумеется, — ответил он холодно, и они учтиво пожали друг другу руки.

Ламонт решил, что на Броновского ему рассчитывать не приходится, и принялся убеждать себя, что он и сам может отлично справиться со всеми трудностями перевода.

Однако два дня спустя Броновский явился к Ламонту в лабораторию и сказал без всякого вступления:

— Я уезжаю, но в сентябре вернусь. Я принял приглашение работать здесь, так что, если это вас по-прежнему устраивает, я посмотрю тогда, может ли у меня что-нибудь получиться с переводом этих ваших символов.

Ламонт не успел даже оправиться от удивления и поблагодарить его, как Броновский сердито вышел из комнаты, словно согласиться ему было даже неприятнее, чем отказаться.

Со временем они подружились. И со временем Ламонт узнал, что заставило Броновского изменить первоначальное решение. На другой день после их спора Броновский был приглашен в преподавательский клуб на званый завтрак, на котором присутствовал весь цвет университетской администрации во главе, разумеется, с ректором. Во время завтрака Броновский объявил о своем согласии работать в университете, упомянув, что необходимое официальное заявление пришлет несколько позже, и все выразили удовольствие по этому поводу.

Ректор сказал:

«Поистине, это великолепное перо в шляпу нашего университета, что в его стенах будет трудиться прославленный

переводчик айтасканских надписей! Для нас это большая честь».

Конечно, никто даже не намекнул ректору на его ляпсус, и Броновский продолжал сиять улыбкой, правда, теперь несколько вымученной. После завтрака заведующий кафедрой древней истории сказал в извинение ректора, что он родом из Миннесоты и большой патриот своего штата, который знает много лучше античности, а поскольку озеро Айтаска является истоком великой Миссисипи, такая оговорка вполне естественна.

Но этот эпизод, словно подкреплявший насмешки Ламонта над его славой, несколько уязвил Броновского.

Когда Ламонт услышал эту историю, он расхохотался.

— Можешь не продолжать, — заявил он. — Я ведь и сам через это прошел. Ты сказал себе: «Черт подери, я сделаю такое, что даже этот олух вынужден будет запомнить».

— Что-то в этом роде, — согласился Броновский.

Глава 5

Однако год работы не принес практически никаких результатов. Их послания в конце концов попали по назначению, они получили ответные послания. И — ничего.

— Ну, попробуй догадаться, — лихорадочно требовал Ламонт. — Возьми хоть с потолка. И испробуй на них.

— Я этим и занимаюсь, Пит. Что ты нервничаешь? На этрусские надписи я потратил двенадцать лет. А ты что же, думал, на это потребуется меньше времени?

— Черт возьми, Майк. Двенадцать лет — это немыслимо.

— А почему, собственно? Послушай, Пит, я ведь замечаю, что с тобой творится что-то неладное. Весь последний месяц ты был просто невозможен. Мне казалось, мы с самого начала знали, что дело быстро не пойдет и нам надо запастись терпением. Мне казалось, ты понимаешь, что у меня, кроме того, есть моя работа в университете. И ведь я уже несколько раз задавал тебе этот вопрос. Ну, так я его повторю: почему ты вдруг так заторопился?

— Потому что заторопился, — резко ответил Ламонт. — Потому что хочу, чтобы дело сдвинулось с мертвой точки.

— Поздравляю! — сухо сказал Броновский. — Представь себе, и я хочу того же. Послушай, уж не собираешься ли ты скончаться во цвете лет? Твой врач, случайно, не предупредил тебя, что ты неизлечимо болен?

— Да нет же, нет! — скрипнув зубами, сказал Ламонт.

— Так что же с тобой?

— Ничего. — И Ламонт поспешно ушел.

В тот момент, когда Ламонт решил заручиться помощью Броновского, его просто злило тупое упрямство Хэллема, не желавшего допустить даже мысли о том, что паралюди могут стоять по развитию выше землян. И, стремясь установить с ними прямую связь, он хотел только доказать, что Хэллем не прав. И ничего больше — в первые месяцы.

Но у него почти сразу же начались всяческие неприятности. Опять и опять его заявки на новое оборудование оставлялись без внимания, время, положенное ему для работы с электронной вычислительной машиной, урезывалось, на заявление о выдаче ему командировочных сумм он получил пренебрежительный отказ, а предложения, которые он вносил на межфакультетских совещаниях, даже не рассматривались.

Кризис наступил, когда освободившаяся должность старшего сотрудника, на которую все права имел Ламонт, была отдана Генри Гаррисону, много уступавшему ему и в стаже, и, главное, в способностях. Ламонт кипел от возмущения. Теперь ему уже было мало просто продемонстрировать свою правоту — он жаждал разоблачить Хэллема в глазах всего мира, сокрушить его.

Это чувство ежедневно, почти ежечасно подогревалось поведением остальных сотрудников Насосной станции. Ламонт был слишком колюч, чтобы пользоваться всеобщей любовью, но тем не менее многие ему симпатизировали.

Гаррисон же испытывал большую неловкость. Это был тихий молодой человек, старавшийся сохранять добрые отношения со всеми, и на его лице, когда он остановился в

дверях ламонтовской лаборатории, было написано боязливое смущение. Он сказал:

— Привет, Пит. Найдется у вас для меня пара минут?

— Хоть десять, — хмуро сказал Ламонт, избегая его взгляда.

Гаррисон вошел и присел на краешек стула.

— Пит, — сказал он. — Я не могу отказаться от этого назначения, но хотел бы вас заверить, что я о нем не просил. Это была для меня полнейшая неожиданность.

— А кто вас просит отказываться? Мне наплевать.

— Пит, что у вас вышло с Хэллемом? Если я откажусь, назначат еще кого-нибудь, но только не вас. Чем вы допекли старика?

Этого Ламонт не вынес.

— Скажите-ка, что вы думаете о Хэллеме? Что он за человек, по-вашему? — набросился он на бедного Гаррисона.

Гаррисон совсем растерялся. Он пожевал губами и почесал нос.

— Ну-у... — сказал он и умолк.

— Великий человек? Замечательный ученый? Блистательный руководитель?

— Ну-у...

— Ладно, так я вам сам скажу. Он шарлатан! Самозванец! Правдой и неправдой урвал себе сладкий кусок, а теперь трясется, как бы его не потерять! Он знает, что я его насквозь вижу. Вот этого-то он и не может мне простить!

Гаррисон испустил неловкий смешок.

— Неужто вы пошли к нему и сказали...

— Нет, прямо я ему ничего не говорил, — угрюмо перебил Ламонт. — Но придет день, и я скажу. Только он и без этого знает. Он понимает, что меня ему провести не удалось, пусть я пока и молчу.

— Послушайте, Пит, ну для чего вам это ему показывать? Я ведь тоже не считаю, что он такой уж гений, но зачем, собственно, кричать об этом на всех перекрестках? Погладьте его по шерстке. Ведь ваша карьера в его руках.

— Да неужто? А у меня в руках его репутация. Я его разоблачу! Я покажу, что у него за душой ничего нет.

— Каким образом?

— А уж это мое дело, — пробормотал Ламонт, который в ту минуту не мог бы ответить на этот вопрос даже самому себе.

— Но это же смешно, — сказал Гаррисон. — У вас нет никаких шансов на победу. Он сотрет вас в порошок. Пусть он на самом деле не Эйнштейн и не Оппенгеймер, но мир-то считает его выше их. В глазах всех обитателей земного шара он — Отец Электронного Насоса, и, пока Насос служит ключом к райской жизни, они останутся глухи. До тех пор Хэллем неуязвим, и надо быть сумасшедшим, чтобы вступать с ним в борьбу. Какого черта, Пит! Скажите ему, что он великий человек, и проглотите пилюлю. Очень вам нужно быть вторым Денисоном!

— Вот что, Генри! — крикнул Ламонт, внезапно приходя в ярость. — Шли бы вы заниматься своими делами!

Гаррисон вскочил и вышел, не сказав больше ни слова. Ламонт обзавелся еще одним врагом или, во всяком случае, потерял еще одного друга. Но, поразмыслив, он решил, что оно того стоило, так как этот разговор натолкнул его на новую идею.

Суть всех рассуждений Гаррисона исчерпывалась одной фразой: «...пока Электронный Насос служит ключом к райской жизни... Хэллем неуязвим».

Эти слова звенели в ушах Ламонта, и он впервые задумался не о Хэллеме, а о самом Электронном Насосе.

Действительно ли Электронный Насос — ключ к райской жизни? Или, черт подери, тут есть какой-то подвох?

История показывает, что во всем новом обычно кроется какой-то подвох. А как обстоит дело с Электронным Насосом?

Ламонт, специалист по паратеории, конечно, знал, что проблема «подвоха» в свое время уже возникала. Едва было установлено, что работа Электронного Насоса в конечном счете сводится к перекачке электронов из нашей вселенной в паравселенную, со всех сторон послышались вопросы: «А что произойдет, когда будут перекачаны все электроны?»

Ответ был самый успокоительный. При той интенсивности перекачки, которая полностью покроет всю практическую потребность человечества в энергии, запаса электронов во вселенной хватит по меньшей мере на триллион триллионов лет, помноженный на триллион, то есть на срок, который неизмеримо превосходит возможный период существования как вселенной, так и паравселенной, взятых вместе.

Следующее возражение было более хитрым. Перекачать все электроны нельзя даже теоретически. По мере их перекачки общий отрицательный заряд паравселенной будет увеличиваться, так же как и общий положительный заряд вселенной. С каждым годом по мере возрастания разницы перекачка электронов будет затрудняться все больше, поскольку потребуется преодолевать противодействие противоположных зарядов. Да, конечно, непосредственно перекачивались нейтральные атомы, но сопровождающее этот процесс возмущение орбитальных электронов создавало эффективный заряд, который колоссально увеличивался благодаря наступавшим вслед за этим радиоактивным превращениям.

Если бы заряды непрерывно накапливались в точках перекачки, их воздействие на перекачиваемые атомы с возмущенными электронами почти немедленно оборвало бы весь процесс, но, разумеется, тут вступала в действие диффузия. Накапливающийся заряд диффундировал в атмосферу, и его воздействие на процесс перекачки следовало рассчитывать с учетом этого момента.

В результате возрастания общего положительного заряда Земли положительно заряженный солнечный ветер начинал отклоняться от нашей планеты на все большем расстоянии, а ее магнитосфера увеличивалась. Благодаря работам Макфарленда (того самого, кому, по убеждению Ламонта, принадлежала идея, обернувшаяся Великим Прозрением) удалось показать, что определенное равновесие обеспечивалось солнечным ветром, уносившим прочь все больше и больше накапливающихся положительно заряженных частиц, которые отталкивались от земной поверхности все выше в экзосферу. С нарастанием интенсивности перекачки, со вступлением в строй очередной Насосной станции общий положительный

заряд Земли слегка увеличивался и магнитосфера на несколько миль расширялась. Изменение это, однако, было незначительным, а положительно заряженные частицы уносились солнечным ветром и распределялись по внешним областям Солнечной системы.

И все-таки даже при самой стремительной диффузии заряда неизбежно должно было наступить время, когда локальная разность зарядов вселенной и паравселенной возрастет настолько, что процесс прекратится, причем на это должна была уйти лишь малая доля того времени, которое потребовалось бы на перекачку всех электронов, — примерно одна триллионная одной триллионной.

То есть это означало, что перекачка может продолжаться триллион лет. Один-единственный триллион. Но и его было достаточно. Совершенно достаточно. За триллион лет мог исчезнуть не только человек, но и сама Солнечная система. А если человек (или какой-нибудь его наследник и преемник) будет существовать и тогда, он, уж конечно, сумеет найти наилучший выход из положения. Ведь за триллион лет можно сделать очень много.

Со всем этим Ламонт должен был согласиться.

Тут он попробовал взглянуть на проблему под другим углом и припомнил рассуждения Хэллема в одной из статей, рассчитанной на самых неискушенных читателей. Он отыскал эту статью и с некоторой брезгливостью перечитал ее: прежде чем идти дальше, необходимо было проверить, что именно утверждает Хэллем.

В статье он нашел такое место:

«Из-за действия вездесущей силы тяготения мы привыкли связывать выражение «под гору» со своего рода неизбежным изменением, которое мы можем использовать для получения энергии, которую, в свою очередь, мы можем преобразовать в полезную работу. В далеком прошлом текущая под гору вода вращала колеса, которые приводили в действие машины вроде насосов и турбин. Но что случится, когда вся вода стечет?

Дальнейшая работа окажется невозможной до тех пор,

пока вода не будет поднята на гору — а это требует работы. И для того чтобы вернуть воду на гору, требуется больше работы, чем можно получить, пока она течет вниз. Работа всегда сопровождается потерей энергии. К счастью, тут за нас работает Солнце. Оно испаряет воду из океанов, водяные пары поднимаются высоко в атмосферу, образуют там облака, и в конце концов вода возвращается на Землю в виде осадков — дождя или снега. В результате вода проникает в почву на всех уровнях, вновь питая источники и потоки. Вот почему на Земле всегда есть вода, которая течет под гору.

Но длиться вечно это не может. Солнце способно поднимать воду вверх в виде водяных паров только потому, что оно само, если выразиться образно, имея в виду ядерную энергию, течет под гору. И течет со скоростью, неизмеримо превосходящей скорость самых стремительных земных рек, причем нам неизвестны силы, которые способны были бы вновь поднять его на гору, когда оно протечет все.

Все до единого источники энергии в нашей вселенной текут под гору, и это от нас не зависит. Все течет под гору в одном направлении, и мы способны временно заставить поток течь обратно на гору, только воспользовавшись находящимся где-нибудь поблизости более мощным устремлением вниз. Если мы хотим получить вечный источник полезной энергии, нам требуется дорога, которая в обоих направлениях уходит под гору. Таков парадокс нашей вселенной. Ведь само собой разумеется, что склон, уходящий вниз, одновременно является склоном, ведущим вверх.

Но должны ли мы ограничиваться одной лишь нашей вселенной? Поразмыслим о паравселенной. И там тоже дороги в одном направлении ведут под гору, а в противоположном — в гору. Однако эти дороги не совпадают с нашими. И возможно отправиться из паравселенной в нашу по дороге, которая ведет под гору и будет вести по-прежнему под гору, когда мы захотим пойти по ней из нашей вселенной в паравселенную, — это возможно потому, что физические законы этих вселенных различны.

Электронный Насос использует дорогу, которая ведет под гору в обоих направлениях. Электронный Насос...»

Ламонт еще раз перечитал название статьи. «Дорога, ведущая под гору в обоих направлениях».

Он задумался. Конечно, он прекрасно знал и эту концепцию, и ее термодинамические следствия. Но почему бы не проверить исходные допущения? Ведь именно они составляют слабое звено любой теории. Что, если допущения, считающиеся верными по определению, в действительности неверны? Каковы будут следствия, если исходить из иных предпосылок? Противоположных?

Он начал искать вслепую, но не прошло и месяца, как к нему пришло ощущение, знакомое любому ученому, — ощущение, что каждый кусочек мозаики ложится на нужное место и досадные аномалии перестают быть аномалиями... Это ощущалась близость Истины.

Именно с этой минуты он и начал подгонять Броновского.

Затем в один прекрасный день он заявил:

— Я собираюсь еще раз поговорить с Хэллемом.

Броновский поднял брови.

— Для чего?

— Для того, чтобы он меня выгнал.

— Это в твоем духе, Пит! Если твои неприятности начинают идти на убыль, тебе словно чего-то не хватает.

— Ты не понимаешь. Необходимо, чтобы он отказался выслушать меня. Я не хочу, чтобы потом говорили, будто я действовал через его голову, будто он не знал.

— Не знал о чем? О переводе парасимволов? Так они же еще не переведены. Не забегай вперед, Пит.

— Ах, дело не в этом! — Но больше Ламонт ничего не сказал.

Хэллем не облегчил Ламонту его задачу — прошло несколько недель, прежде чем он наконец выбрал время, чтобы принять своего неуживчивого подчиненного. Но и Ламонт намеревался ничего Хэллему не спускать. Он вошел в кабинет, ощетинившись всеми невидимыми иголками. Хэллем встретил его ледяным взглядом и спросил резко:

— Что это еще за кризис вы обнаружили?

— Кое-что прояснилось, сэр, — ответил Ламонт бесцветным голосом. — Благодаря вашей статье.

— А? — Хэллем сразу оживился. — Какой же это?

— «Дорога, ведущая под гору в обоих направлениях». Вы программировали ее для «Мальчишек», сэр.

— Ну и что же?

— Я считаю, что Электронный Насос вовсе не ведет под гору в обоих направлениях, если мне будет дозволено воспользоваться вашей метафорой, которая, кстати, не так уж и подходит для образного описания второго закона термодинамики.

Хэллем нахмурился.

— Что, собственно, вы имеете в виду?

— Мне будет проще объяснить это, сэр, если я выведу уравнение для полей обеих вселенных, сэр, и продемонстрирую взаимодействие, которое до сих пор не рассматривалось, — на мой взгляд, совершенно напрасно.

С этими словами Ламонт направился к тиксо-табло и поспешно набрал уравнения, не переставая быстро говорить.

Он знал, что Хэллем оскорбится и выйдет из себя, — эти области математики были ему не по зубам.

И он добился своей цели. Хэллем проворчал:

— Послушайте, молодой человек, у меня сейчас нет времени заниматься дискуссиями по отдельным аспектам парателории. Пришлите мне развернутый доклад, а пока ограничьтесь кратким изложением, если вам действительно есть что сказать.

Ламонт отошел от табло, пренебрежительно морщась.

— Ну хорошо, — сказал он. — Второй закон термодинамики описывает процесс, который неизбежно исключает крайние состояния. Вода не бежит под гору — на самом деле происходит выравнивание экстремальных значений гравитационного потенциала. Вода с такой же легкостью потечет в гору, если она окажется под давлением. Можно получить работу за счет использования двух разных температурных уровней, но в конце концов температура сравняется на какой-то промежуточной точке: нагретое тело остынет, холод-

ное — нагреется. И остывание, и нагревание одинаково представляют собой проявление второго закона термодинамики и в соответствующих условиях одинаково возможны.

— Не учите меня основам термодинамики, молодой человек! Что вам все-таки нужно? У меня мало времени.

Ламонт сказал, не меняя выражения и словно не замечая, что его подгоняют:

— Электронный Насос работает за счет выравнивания противоположностей. В данном случае противоположностями являются физические законы двух вселенных. Условия, обеспечивающие существование этих законов, какими бы эти условия ни были, поступают из одной вселенной в другую, и конечным результатом этого процесса будут две вселенные с одинаковыми физическими законами, представляющими собой нечто среднее между нынешними. Поскольку это неминуемо вызовет какие-то пока еще не ясные, но весьма значительные изменения в нашей вселенной, необходимо со всей серьезностью взвесить, не следует ли остановить Насосы и полностью и навсегда прекратить перекачивание.

Ламонт твердо рассчитывал, что именно тут Хэллем взорвется и лишит его возможности продолжать объяснения. И Хэллем не обманул его ожиданий. Он вскочил с такой стремительностью, что опрокинул кресло. Пинком отшвырнув кресло в сторону, он шагнул к Ламонту.

Тот быстро отодвинулся вместе со стулом и тоже встал.

— Идиот! — кричал Хэллем, задыхаясь от ярости. — Вы что же, думаете, никто на Станции до сих пор не подозревал об уравнивании физических законов? Вы смеете тратить мое время на пересказ того, что я знал, когда вы пешком под стол ходили! Убирайтесь вон и в любой момент, когда вам вздумается подать заявление об уходе, считайте, что я его принял!

Ламонт покинул кабинет, добившись того, чего хотел, и тем не менее его душила ярость при одной только мысли, что Хэллем посмел так с ним обойтись.

Глава 6

(окончание)

— Во всяком случае, — сказал Ламонт, — теперь путь расчищен. Я сделал попытку объяснить ему положение вещей. Он не захотел слушать. А потому я предпринимаю следующий шаг.

— А именно? — спросил Броновский.

— Я намерен добиться приема у сенатора Бэрта.

— У главы комиссии по техническому прогрессу и среде обитания?

— Вот именно. Значит, ты про него слышал?

— А кто про него не слышал? Но зачем, Пит? Что ты можешь сообщить ему такого, что его заинтересует? Перевод тут ни при чем, Пит. Я снова задаю тебе все тот же вопрос — что тебя тревожит?

— Как я тебе объясню? Ты не знаешь паратеории.

— А сенатор Бэрт ее знает?

— Думаю, лучше, чем ты.

Броновский укоризненно покачал пальцем.

— Пит, довольно играть в прятки. Может быть, и я знаю то, чего не знаешь ты. Мы не можем работать вместе, если будем работать друг против друга. Либо я член этого мозгового треста, состоящего из нас двоих, либо нет. Скажи мне, что тебя тревожит, и я тоже тебе кое-что скажу. Или же вообще кончим это.

Ламонт пожал плечами.

— Хорошо. Если хочешь, я объясню. И раз уж я разделался с Хэллемом, так, пожалуй, будет даже лучше. Дело в том, что Электронный Насос представляет собой передатчик физических законов. В паравселенной сильное ядерное взаимодействие в сто раз сильнее, чем у нас, из чего следует, что для нас более характерно деление ядер, а для них — слияние. Если Электронный Насос будет действовать и дальше, неминуемо наступит равновесие, когда сильное ядерное взаимодействие будет одинаковым в обеих вселенных — у нас примерно в десять раз сильнее, чем сейчас, а у них — во столько же раз слабее.

— Но ведь это же известно?

— Разумеется. Это стало очевидным чуть ли не с самого начала. Даже до Хэллема дошло. Вот почему этот сукин сын так разъярился. Я принялся объяснять ему со всеми подробностями, будто думал, что он об этом никогда даже не слышал, и он сразу начал орать.

— Но в чем все-таки суть? Если взаимодействие уравняется, это опасно?

— Само собой. А ты как думаешь?

— Я ничего не думаю. И когда же оно уравняется?

— При нынешней скорости перекачки — через десять в тридцатой степени лет.

— А это долго?

— Пожалуй, хватит на то, чтобы триллион триллионов вселенных вроде нашей сменили друг друга, чтобы каждая возникла, отжила свой срок, состарилась и уступила место следующей.

— О черт! Так из-за чего же тут копья ломать?

— А из-за того, — начал Ламонт, выговаривая слова четко и неторопливо, — что цифра эта, между прочим официальная, была выведена на основании некоторых предпосылок, которые, на мой взгляд, неверны. И если исходить из других предпосылок, которые, на мой взгляд, верны, то нам уже сейчас грозят неприятности.

— Например?

— Ну, предположим, Земля за пять минут превратится в облачко газа — это, по-твоему, достаточная неприятность?

— Из-за перекачки?

— Из-за перекачки.

— А мир паралюдей? Ему тоже грозит гибель?

— Я в этом убежден. Опасность другого рода, но все-таки опасность.

Броновский вскочил и начал расхаживать по комнате. Его каштановые волосы были густыми и длинными. Он запустил в них обе пятерни.

— Если, по-твоему, паралюди так уж умны, зачем же они создали Насос? Ведь они раньше нас должны были понять, насколько он опасен.

— Мне это приходило в голову, — ответил Ламонт. — Вероятно, они наткнулись на идею перекачки совсем недавно и, подобно нам, слишком увлеклись непосредственными благами, которые она приносит, а о последствиях просто не задумались.

— Но ведь ты-то уже сейчас определил, какие будут последствия. Так что же, они тупее тебя?

— Все зависит от того, когда их заинтересуют эти последствия, да и заинтересуют ли вообще. Насос настолько полезная штука, что как-то не хочется искать в нем изъяны. Я и сам не стал бы в этом копаться, если бы не... Кстати, Майк, а о чем ты хотел мне рассказать?

Броновский остановился перед Ламонтом, посмотрел ему в глаза и сказал:

— По-моему, мы чего-то добились.

Ламонт секунду смотрел на него диким взглядом, а потом вцепился в его рукав.

— С парасимволами? Да говори же, Майк!

— Видишь ли, когда ты был у Хэллема... Как раз когда ты с ним говорил. Я в первый момент не вполне разобрался, потому что не знал, в чем дело. Но теперь...

— Так что же?

— Я все-таки не совсем уверен. Видишь ли, они передали кусок фольги с пятью знаками...

— Ну?

— ...похожими на наши буквы. Их можно прочесть.

— Что?!

— Вот погляди.

И Броновский, как заправский фокусник, извлек неизвестно откуда полоску фольги. По ней, совершенно не похожие на изящные и сложные спирали и разноцветные блестки парасимволов, растянулись пять корявых, совсем детских букв: «СТРАК».

— Что это может значить, как по-твоему? — с недоумением спросил Ламонт.

— Я прикидывал и так и эдак, но, мне кажется, скорее всего это слово «страх», написанное с ошибкой.

— Так вот почему ты меня допрашивал? Ты подумал, что кто-то у них испытывает страх?

— Да, и решил, что тут может быть какая-то связь с твоим явно нервным состоянием в последние месяцы. Откровенно говоря, Пит, я терпеть не могу, когда от меня что-то старательно скрывают.

— Ну ладно тебе. Но давай не торопиться с выводами. Раз дело идет об обрывках фраз, тебе и карты в руки. Так, значит, по-твоему, паралюдям Электронный Насос начинает внушать страх?

— Вовсе не обязательно, — сказал Броновский. — Я ведь не знаю, в какой мере они способны воспринимать то, что происходит в нашей вселенной. Если они каким-то способом ощущают вольфрам, который мы им предлагаем, если они ощущают наше присутствие, то не исключено, что они ощущают и наши настроения. Может быть, они хотят нас успокоить, убедить, что причин для страха нет.

— Так почему же они так прямо и не написали — «не надо страха»?

— А потому, что настолько хорошо они нашего языка еще не знают.

— Хм-м. Ну, в таком случае Бэрту об этом рассказывать, пожалуй, рано.

— Да, не стоит. Слишком двусмысленно. И вообще, я бы на твоем месте подождал обращаться к Бэрту. Кто знает, что они пытаются сообщить!

— Нет, Майк, я ждать не могу. Я знаю, что прав, и времени у нас остается очень мало.

— Ну что ж. Только ведь, отправившись к Бэрту, ты сожжешь свои корабли. Твои коллеги тебе этого не простят. Кстати, а не поговорить ли тебе со здешними физиками? Один ты не можешь повлиять на Хэллема, но все вместе...

Ламонт замотал головой.

— Ничего не выйдет. Тут выживают только бесхребетные субъекты. И против него ни один из них открыто не пойдет. Уговорить их нажать на Хэллема? А ты не пробовал скомандовать вареным макаронам, чтобы они стали по стойке «смирно»?

Добродушное лицо Броновского стало непривычно хмурым.

— Возможно, ты и прав.

— Я знаю, что я прав, — не менее хмуро ответил Ламонт.

Глава 7

Для того чтобы добиться приема у сенатора, потребовалось довольно много времени, и эта проволо́чка выводила Ламонта из себя, тем более что паралюди больше не присылали буквенных сообщений. Никаких, хотя Броновский переслал не менее десятка полос с тщательно подобранными комбинациями парасимволов, а также вариантами «страк» и «страх».

Ламонт не мог понять, зачем ему понадобилось такое количество вариантов, но Броновский, казалось, очень на них рассчитывал.

Однако ничего не произошло, а Бэрт наконец принял Ламонта.

Глаза сенатора на худом морщинистом лице были цепкими и пронизывающими. Он достиг весьма почтенного возраста (комиссию по техническому прогрессу и среде обитания он возглавлял с незапамятных времен). К своим обязанностям сенатор относился с величайшей серьезностью, что неоднократно доказывал делом.

Бэрт поправил старомодный галстук, давно уже превратившийся в его эмблему.

— Сынок, я могу уделить вам только полчаса, — сказал он и поднес к глазам часы на широком браслете.

Ламонта это не смутило. Он не сомневался, что заставит сенатора забыть о времени. И он не стал начинать с азов — на этот раз его цель была иной, чем во время беседы с Хэллемом. Он сказал:

— Я не стану излагать математические доказательства, сенатор. Полагаю, вам и так известно, что благодаря перекачиванию происходит смешение физических законов двух вселенных.

— Перемешивание, — спокойно заметил сенатор, — причем полное равновесие будет достигнуто через десять в тридцатой степени лет. Я верно помню эту цифру? — Изогнутые брови придавали его изрытому морщинами лицу вечно удивленный вид.

— Совершенно верно. Но цифра эта опирается на допущение, что законы, просачивающиеся от нас к ним и наоборот, распространяются во все стороны от точки проникновения со скоростью света. Это только предположение, и я считаю, что оно ошибочно.

— Почему же?

— Измерена только скорость смещения внутри плутония сто восемьдесят шесть, переданного в нашу вселенную. Вначале оно протекает чрезвычайно медленно — предположительно из-за высокой плотности вещества, — а затем начинает непрерывно убыстряться. Если добавить к плутонию менее плотное вещество, скорость смещения начнет возрастать гораздо стремительнее. Измерений такого рода было сделано немного, но если положиться на них, то в вакууме скорость проникновения должна стать равной скорости света. Иновселенским законам требуется определенное время, чтобы проникнуть в атмосферу; заметно меньше времени, чтобы достичь ее верхних слоев; и практически мгновение, чтобы оттуда умчаться по всем направлениям в космос со скоростью триста тысяч километров в секунду, тотчас разреживаясь до полной безобидности.

Ламонт умолк, обдумывая, как перейти к дальнейшему, и сенатор сразу же уловил его нерешительность.

— Однако... — подсказал он тоном человека, берегущего свое время.

— Это очень удобное предположение, правдоподобное и не сулящее никаких неприятностей. Но что, если проникновению иновселенских законов препятствует не вещество, а самая структура нашей вселенной?

— А что такое — «самая структура»?

— Мне трудно объяснить это словами. Существует математическое выражение, которое, по-моему, тут подходит... но на словах ничего не получится. Структура вселенной —

это то, что определяет ее физические законы. Структура нашей вселенной, например, делает обязательным сохранение энергии. Именно структура паравселенной, сконструированная, так сказать, не вполне по нашему образцу, и делает их ядерное взаимодействие в сто раз более сильным, чем у нас.

— И что же?

— Если проникновение идет в самую структуру, сэр, то наличие вещества независимо от его плотности имеет лишь второстепенное значение. Скорость проникновения в вакууме больше, чем в плотном веществе, но ненамного. Скорость проникновения в космосе может быть чрезвычайно большой по сравнению с земными условиями и все же во много раз уступать скорости света.

— Из чего следует...

— Что иновселенская структура не рассеивается так быстро, как нам казалось, но, образно говоря, нагромождается в пределах Солнечной системы, где концентрация ее оказывается заметно выше, чем мы предполагали.

— Так-так, — кивнул сенатор. — И сколько же понадобится времени, чтобы космос в пределах Солнечной системы достиг равновесия? Наверное, цифра будет меньше десяти в тридцатой степени?

— Гораздо меньше, сэр. Думаю, даже меньше десяти в десятой степени. На это уйдет что-нибудь около пятидесяти миллиардов лет плюс-минус два-три миллиарда.

— Сравнительно немного, но вполне достаточно, а? И повода тревожиться сейчас у нас нет, э?

— Нет, сэр, боюсь, что есть. Непоправимое произойдет задолго до того, как будет достигнуто равновесие. Благодаря перекачиванию сильное ядерное взаимодействие в нашей вселенной с каждым мгновением становится все сильнее.

— Настолько, что это поддается измерению?

— Пожалуй, нет, сэр.

— Хотя перекачивание продолжается уже двадцать лет?

— Да, сэр.

— Так где же повод для тревоги?

— Видите ли, сэр, от степени сильного ядерного взаимо-

действия зависит скорость, с какой водород внутри солнечного ядра превращается в гелий. Если взаимодействие станет сильнее, хотя бы даже в самой ничтожной мере, скорость слияния ядер водорода и превращения их в ядра гелия внутри Солнца возрастет уже заметно. Равновесие же между тяготением и излучением внутри Солнца весьма хрупко, и если нарушить его в пользу излучения, как сейчас делаем мы...

— И что же?

— Это вызовет колоссальный взрыв. По законам нашей вселенной такая небольшая звезда, как наше Солнце, неспособна стать сверхновой. Но если они изменятся, это перестанет быть невозможным. И, насколько я могу судить, никакого предупреждения не будет. Когда процесс достигнет критической точки, Солнце взорвется, и через восемь минут после этого мы с вами перестанем существовать, а Земля превратится в расширяющееся газовое облако.

— И сделать ничего нельзя?

— Если равновесие уже необратимо нарушено, то ничего. Если же еще не поздно, необходимо прекратить перекачивание.

Сенатор кашлянул.

— Прежде чем согласиться принять вас, молодой человек, я навел о вас справки, так как вы были мне неизвестны. В частности, я обратился к доктору Хэллему. Вы с ним знакомы, я полагаю?

— Да, сэр. — Голос Ламонта оставался ровным, хотя уголки его губ задергались. — Я с ним очень хорошо знаком.

— Он ответил мне, — продолжал сенатор, покосившись на листок у себя под рукой, — что вы безмозглый склочник, страдающий явным помешательством, и что он самым решительным образом требует, чтобы я вас ни в коем случае не принимал.

Ламонт сказал, стараясь сохранить хладнокровие:

— Это его слова, сэр?

— Его собственные.

— Так почему же вы меня приняли, сэр?

— При обычных обстоятельствах, получи я от Хэллема

такой отзыв, я бы вас не принял. Я ценю свое время, и безмозглых склочников и явных помешанных ко мне, свидетель бог, является более чем достаточно, и даже с самыми лестными рекомендациями. Но мне не понравилось хэллемовское «требую». От сенаторов не требуют, и Хэллему полезно зарубить это себе на носу.

— Так вы мне поможете, сэр?

— В чем?

— Ну... прекратить перекачку.

— Прекратить? Нет. Это невозможно.

— Но почему? — почти крикнул Ламонт. — Вы ведь глава комиссии по техническому прогрессу и среде обитания, и ваша прямая обязанность — запретить перекачку, как и всякий другой технический процесс, который наносит среде обитания непоправимый ущерб. А можно ли представить себе ущерб страшнее и непоправимее того, которым грозит перекачивание?

— О, разумеется, разумеется! При условии, что вы правы. Но ведь пока все в конечном счете сводится к тому, что вы просто исходите из иных предположений, нежели те, которые приняты всеми. Однако кто определит, какая система предположений верна, а какая нет?

— Сэр, моя гипотеза делает понятными несколько моментов, которым принятая теория объяснения не дает.

— В таком случае ваши коллеги должны были бы принять ваши поправки, а тогда вы вряд ли пришли бы ко мне, не так ли?

— Сэр, мои коллеги не хотят мне верить. Этому мешают их личные интересы.

— А вам личные интересы мешают поверить, что вы можете и ошибаться... Молодой человек, на бумаге я обладаю огромной властью, но осуществить ее могу, только если на моей стороне будет общественное мнение. Разрешите, я преподам вам урок практической политики.

Он поднес к глазам часы, откинулся в кресле и улыбнулся. Подобные предложения были не в его привычках, но утром в редакционной статье «Земных новостей» он был на-

зван «тончайшим политиком, украшением Международного конгресса», и это все еще приятно щекотало его самолюбие.

— Большое заблуждение полагать, — начал он, — будто средний человек хочет, чтобы среда обитания оберегалась, а его жизнь ограждалась от гибели, и проникнется благодарностью к идеалисту, который будет бороться за эти цели. Он просто ищет личных удобств. Это ясно показал кризис среды обитания в двадцатом веке. Когда стало известно, что сигареты повышают вероятность заболевания раком легких, казалось бы, наиболее разумным выходом было покончить с курением вообще, однако желанным выходом стала сигарета, не вызывающая рака. Когда стало ясно, что двигатели внутреннего сгорания загрязняют атмосферу, наиболее очевидным выходом было бы вовсе отказаться от таких машин, однако желанный выход лежал в создании двигателей, которые не загрязняли бы воздуха. Так вот, молодой человек, не просите, чтобы я остановил перекачивание. На него опираются экономика и благосостояние всей планеты. Лучше подскажите мне способ, как сделать перекачку безопасной для Солнца и избежать его взрыва.

— Такого способа нет, сенатор. Тут мы имеем дело с основой основ, и играть с этим нельзя. Надо прекратить перекачивание.

— Но при этом вы можете предложить только возврат к положению, которое существовало до появления Электронного Насоса?

— Иного выхода не существует.

— Тогда вам нужно представить четкие и неопровержимые доказательства своей правоты.

— Лучшим доказательством, — сказал Ламонт сухо, — был бы взрыв Солнца. Но, вероятно, вы не хотите, чтобы я зашел так далеко?

— Не вижу в этом необходимости. Почему вы не можете заручиться поддержкой Хэллема?

— Потому что он мелкий человечишка, который вдруг оказался Отцом Электронного Насоса. Так может ли он признать, что его дитя губит Землю?

— Я понимаю вас, но в глазах всего мира он действитель-

но Отец Электронного Насоса, и только его слово могло бы иметь достаточный вес в подобном вопросе.

Ламонт покачал головой.

— Чтобы он добровольно пошел на это? Да он скорее сам взорвет хоть десять солнц.

— Ну, так заставьте его, — сказал сенатор. — У вас есть теория, но ничем не подкрепленная теория немногого стоит. Неужели нет способа проверить ее? Скорость радиоактивного распада урана, например, зависит от внутриядерных взаимодействий. Изменяется ли эта скорость так, как предсказывает ваша теория вопреки общепринятой?

Ламонт снова покачал головой.

— Обычная радиоактивность зависит от слабого ядерного взаимодействия, и, к сожалению, эксперименты не позволят сделать окончательных выводов, а к тому времени, когда картина прояснится, будет уже поздно.

— Что-нибудь еще?

— Существует еще специфическое взаимодействие пионов, то есть пи-мезонов, в котором могли бы уже и сейчас обнаружиться четкие изменения. Есть даже лучший путь: некоторые комбинации кварк — кварк в последнее время ведут себя странно, и я убежден, что мог бы доказать...

— Ну, вот видите!

— Да, но получить эти данные, сэр, можно только с помощью большого синхрофазотрона на Луне, а работа с ним расписана по минутам на много лет вперед — я выяснял это. Разве что кто-нибудь нажмет на кнопки...

— То есть я нажму?

— Да, вы, сенатор.

— Нет, сынок. Пока доктор Хэллем так вас аттестует, — узловатым пальцем сенатор постучал по лежащему перед ним листку, — я этого сделать не могу.

— Но существование мира...

— Докажите!

— Приструните Хэллема, и я докажу.

— Докажите, и я приструню Хэллема.

Ламонт глубоко вздохнул.

— Сенатор! Предположим, существует хотя бы ничтож-

ная доля процента вероятности того, что я прав. Неужели от нее можно так просто отмахнуться? Ведь она означает все: человечество, саму нашу планету. Неужели ради них не стоит бороться?

— Вы хотите, чтобы я бросился в бой во имя благородной цели? Заманчиво, ничего не скажешь. Отдать жизнь свою за други своя — это красиво. Кто из порядочных политиков порой не видел в мечтах, как он всходит на костер под ангельское пение. Но, доктор Ламонт, решиться на такой шаг можно, только веря, что борьба все-таки не совсем безнадежна. Надо верить, что твое дело может победить, пусть шансы и невелики. Если я поддержу вас, я ничего не добьюсь. Чего стоит ваше ничем не подкрепленное слово против того, что дает перекачка? Могу ли я потребовать, чтобы люди отказались от удобств и благосостояния, которые обеспечил им Насос, потому лишь, что один-единственный человек кричит «Волк!», причем остальные ученые не соглашаются с ним, а высокочтимый Хэллем называет его безмозглым идиотом? Нет, сэр, во имя заведомой неудачи я на костер не пойду.

— Ну, так помогите мне получить доказательства, — умоляюще сказал Ламонт. — Вам ведь не обязательно делать это открыто. Если вы боитесь...

— Я не боюсь, — перебил Бэрт резко. — Я трезво смотрю на вещи, и только. Доктор Ламонт, ваши полчаса давно истекли.

Ламонт посмотрел на сенатора с отчаянием, но лицо Бэрта было теперь холодным и замкнутым. Ламонт повернулся и вышел.

Сенатор Бэрт не стал приглашать следующего посетителя. Минуты шли, а он все теребил галстук и хмуро смотрел на закрытую дверь. А что, если этот одержимый прав? Что, если он вопреки очевидности все-таки прав?

Да, конечно, было бы очень приятно подставить ножку Хэллему, ткнуть его лицом в грязь и подержать так... Но этого не произойдет. Хэллем неуязвим. У него с Хэллемом была только одна стычка, со времени которой прошло десять лет. Он тогда был прав, абсолютно прав, а Хэллем молол чепуху,

и дальнейшее развитие событий показало это достаточно ясно. И тем не менее Бэрт был тогда публично отшлепан и в результате чуть было не проиграл на выборах.

Бэрт кивнул, словно отвечая на свои мысли. Ради благой цели можно рискнуть местом сенатора, но не вторичным унижением. Он позвонил, приглашая следующего посетителя, и поднялся ему навстречу со спокойной приветливой улыбкой.

Глава 8

Если бы Ламонт еще верил, что его научная карьера все-таки не совсем кончена, он, возможно, не решился бы на свой следующий шаг. Джошуа Чен был сомнительной фигурой, и всякий, кто прибегал к его помощи, сильно компрометировал себя в глазах власти предержащей. Чен был бунтарем-одиночкой, который, однако, заставлял прислушиваться к себе: во-первых, потому, что вкладывал в каждую свою кампанию неистовую энергию, а во-вторых, потому, что сумел превратить свою организацию в силу, с которой нельзя было не считаться, — политический талант, которому завидовало немало видных общественных деятелей.

Быстрота, с какой Электронный Насос вытеснил прежние энергетические источники, в определенной степени объяснялась именно его усилиями. Достоинства Электронного Насоса были ясны и очевидны (что может быть яснее абсолютной дешевизны и очевиднее отсутствия какого бы то ни было загрязнения окружающей среды?), и все-таки, если бы не Джошуа Чен, те, кто предпочитал атомную энергию просто в силу ее привычности, могли бы дольше сопротивляться такому новшеству.

Да, когда Чен начинал бить в свои барабаны, к нему прислушивались.

И вот он сидит перед Ламонтом — круглолицый, с широкими скулами, унаследованными от деда-китайца.

Чен спросил:

— Я хотел бы знать совершенно точно — вы выступаете только от своего имени?

— Да, — напряженно ответил Ламонт. — Хэллем меня не поддерживает. Честно говоря, Хэллем утверждает, что я сумасшедший. А вам, чтобы начать действовать, нужно одобрение Хэллема?

— Я ни в чьем одобрении не нуждаюсь, — ответил Чен с вполне понятным высокомерием.

Он задумался, а затем спросил:

— Так вы говорите, что в техническом отношении паралюди нас опередили?

Ламонт стал теперь осторожнее и старательно избегал слова «развитие». «Опередили в техническом отношении» звучало не так вызывающе, а означало практически то же самое.

— Это следует хотя бы из того, — ответил он, — что они способны пересылать вещество из одной вселенной в другую, а мы этого еще не умеем.

— В таком случае, если Насос опасен, зачем они установили его у себя? И почему продолжают им пользоваться?

Ламонт стал осторожнее не только в выборе слов. Он мог бы, например, ответить, что Чен не первый задает ему этот вопрос. Но он ничем не выдал досадливого нетерпения, которое могло бы показаться обидным, и ответил спокойно:

— Вероятно, вначале они, так же как и мы, видели в Насосе только безопасный источник энергии. Но у меня есть основания считать, что теперь он внушает им такую же тревогу, как и мне.

— Но ведь это опять-таки только ваше мнение. Никаких реальных свидетельств, подкрепляющих его, нет.

— Да, пока я таких свидетельств представить еще не могу.

— А одного вашего слова мало.

— Но можем ли мы пойти на риск...

— Мало, профессор, мало! А доказательств у вас нет. Я заслужил свою репутацию не стрельбой куда попало. Нет, я каждый раз поражал цель, потому что твердо знал, что́ я делаю и зачем.

— Но когда я получу доказательства...

— Тогда я вас поддержу. Если ваши доказательства меня убедят, то, поверьте, ни Хэллем и никакие правительственные организации ничего не смогут сделать: общественное мнение возьмет верх. Итак, раздобудьте доказательства и приходите ко мне снова.

— К тому времени будет уже поздно.

Чен пожал плечами.

— Возможно. Но куда более вероятно другое: вы убедитесь, что ошибались и никаких доказательств попросту не существует.

— Нет, я не ошибаюсь. — Ламонт перевел дыхание и заговорил доверительно: — Мистер Чен! В нашей вселенной, возможно, существуют триллионы триллионов обитаемых планет, среди которых, конечно, можно насчитать миллиарды с высокоразвитой жизнью и технической культурой. Такое же положение скорее всего существует и в паравселенной. Отсюда неизбежно следует, что в прошлом обеих вселенных многие планеты и парапланеты вступали в обоюдный контакт и начинали перекачку. Наверное, существуют десятки, если не сотни Насосов в тех точках, где эти вселенные соприкасаются.

— Это уже чистейшие домыслы. Но если и так, то что отсюда следует?

— А то, что в десятках, если не в сотнях, случаев смешение физических законов локально достигало критической точки и солнце данной планеты взрывалось. Возможно, возникал цепной эффект: энергия сверхновой в совокупности с изменениями физических законов вызывала взрывы соседних звезд, а это, в свою очередь, приводило к дальнейшим взрывам. И со временем происходил взрыв центральной линзы галактики или одной из ее ветвей.

— Но лишь в вашем воображении, ведь так?

— Почему же? В нашей вселенной существуют сотни квазаров — крохотных тел, по размерам равных лишь нескольким солнечным системам, но излучающих свет, которого хватило бы на сто обычных больших галактик.

— Вы хотите сказать, что квазары возникают в результате перекачки?

— Это вполне вероятно. Ведь открыли их полтора века назад, но астрономы до сих пор не могут объяснить, каков источник их энергии. Во вселенной нет ничего, что хотя бы отдаленно подходило для такой роли. Разве не логично предположить...

— А паравселенная? В ней тоже полно квазаров?

— Думаю, что нет. Там другие условия. Паратеория не оставляет сомнения, что слияние ядер происходит там заметно легче, а потому в среднем их звезды должны быть намного меньше наших. Выделение энергии, равной энергии нашего Солнца, там требует значительно меньшего запаса легко сливающихся ядер водорода. Звезда такой величины, как наше Солнце, взорвалась бы там мгновенно. С проникновением наших законов в паравселенную слияние ядер водорода в ней слегка затрудняется, и паразвезды начинают понемногу остывать.

— Ну, это не страшно, — заметил Чен. — С помощью перекачки они могут получать всю необходимую им дополнительную энергию. По вашим предположениям получается, что у них все обстоит отлично.

— Только на первый взгляд, — сказал Ламонт, вдруг осознав, что до сих пор он вообще как-то не задумывался о ситуации в паравселенной. — Если у нас произойдет взрыв, перекачка прекратится. Они не смогут продолжать ее без нас. Другими словами, они останутся с остывающей звездой, но без энергии, получаемой от перекачки. В сущности, их положение даже хуже: мы-то исчезнем в мгновенной вспышке, а они будут обречены на длительную агонию.

— У вас поразительное воображение, профессор, — сказал Чен, — но для меня этого мало. Я не представляю себе, как можно отказаться от перекачки, противопоставив ей лишь силу вашего воображения. Да отдаете ли вы себе отчет в том, что такое Насос для человечества? Это ведь не только гарантия даровой, чистой и неиссякаемой энергии. Взгляните на дело шире. Насос освобождает человечество от каждодневной борьбы за существование. Впервые оно получило возможность посвятить свою коллективную мысль полному развитию заложенного в нем потенциала. Например, не-

смотря на все успехи медицины за последние два с половиной века, средняя продолжительность человеческой жизни лишь немного превышает сто лет. А ведь геронтологи вновь и вновь повторяют, что теоретически бессмертие вполне достижимо — однако этой проблеме пока не уделяется достаточного внимания.

— Бессмертие! — гневно перебил Ламонт. — Это же мыльный пузырь!

— Вы, бесспорно, специалист по мыльным пузырям, профессор, — ответил Чен. — Тем не менее я намерен добиваться принятия программы исследований по проблемам бессмертия. Но она окажется неосуществимой, если перекачка будет остановлена. Тогда нам придется вернуться к дорогой энергии, к скудной энергии, к грязной энергии. И людям, населяющим Землю, вновь придется думать только о том, как бы прожить завтрашний день, а мечта о бессмертии действительно останется мыльным пузырем.

— Это-то будет в любом случае. Какое уж тут бессмертие, когда никто из нас не проживет даже и нормального срока своей жизни!

— Ну, ведь это только ваше предположение.

Ламонт взвесил все за и против и решил рискнуть:

— Мистер Чен, в начале нашего разговора я упомянул, что по некоторым причинам мне не хотелось бы касаться того, почему я считаю возможным судить о настроении паралюдей. Но, пожалуй, без этого не обойтись. Мы получили от них фольгу с символами.

— Да, я знаю. Но разве вы способны их понять?

— Мы получили слово, составленное из наших букв.

Чен сдвинул брови, потом сунул руки в карманы, вытянул короткие ноги и откинулся на спинку стула.

— Какое же?

— «Страх»! (Ламонт не счел нужным сообщать об ошибке в последней букве.)

— Страх... — повторил Чен. — И как же вы это толкуете?

— По-моему, ясно, что перекачка вызывает у них серьезные опасения.

— Ничего подобного. Что им мешает в этом случае про-

сто остановить Насос? Я думаю, они действительно боятся — но того, что Насос остановим мы. Они уловили ваше намерение, а если мы последуем вашему совету и остановим Насос, им также придется его остановить. Вы же сами говорили, что продолжать перекачку без нас они не смогут. Эта палка ведь о двух концах. И неудивительно, если они боятся.

Ламонт ничего не ответил.

— Как видно, вам такое объяснение в голову не приходило, — сказал Чен. — Ну, в таком случае мы начнем борьбу за бессмертие. Мне кажется, подобная кампания будет более популярной.

— Популярной... — медленно повторил Ламонт. — Я ведь не знал, что для вас важно. Сколько вам лет, мистер Чен?

Чен вдруг замигал и отвернулся. Он быстро встал и, сжимая кулаки, поспешно вышел из комнаты.

Позже Ламонт заглянул в биографический справочник. Чену было шестьдесят лет, а его отец умер в шестьдесят два года. Но какое это имело значение!

Глава 9

— Судя по твоему лицу, тебе опять не повезло, — сказал Броновский.

Ламонт сидел в лаборатории, уставившись на носки своих ботинок, и думал о том, что они сильно поцарапаны. Он кивнул:

— Да.

— И великий Чен тоже не стал тебя слушать?

— Он ничего не хочет делать. Ему нужны доказательства. Они все требуют доказательств и старательно опровергают любой довод. На самом же деле они попросту хотят сохранить свой проклятый Насос, или свою репутацию, или свое место в истории. А Чен хочет бессмертия.

— А ты чего хочешь, Пит? — мягко спросил Броновский.

— Избавить человечество от грозящей ему опасности, — сказал Ламонт, но, заметив усмешку в глазах Броновского, добавил: — Ты мне не веришь?

— О, верю, верю! Но чего ты хочешь на самом деле?

— Ну ладно, черт побери! — Ламонт с силой хлопнул ладонью по столу. — Я хочу быть правым, а это у меня уже есть, потому что я прав!

— Ты уверен?

— Уверен! И я ни о чем не беспокоюсь, потому что добьюсь своего. Знаешь, когда я вышел от Чена, то чуть было не запрезирал себя.

— Ты — себя?

— Да, себя. И за дело. Мне все время в голову лезла мысль: Хэллем преграждает мне все пути. До тех пор пока Хэллем против меня, у них у всех есть предлог не верить мне. Пока Хэллем стоит передо мной, как каменная стена, я обречен на неудачу. Так почему же я не попробовал прибегнуть к уловкам? Почему не подмазался к нему? Почему не попытался действовать через него, вместо того чтобы доводить его до белого каления?

— И ты думаешь, у тебя что-нибудь получилось бы?

— Наверняка нет. Но от отчаяния чего не придет в голову! Например, я мог бы отправиться на Луну. Бесспорно, когда я только-только раздразнил Хэллема, о гибели Земли и речи не было, но ведь потом-то я сознательно испортил все еще больше. Впрочем, ты совершенно верно заметил, что от Насоса он все равно не отказался бы, как бы я его ни улещал.

— Но сейчас ты, по-видимому, себя больше не презираешь?

— Нет. Потому что мой разговор с Ченом не прошел впустую. Я понял, что напрасно теряю время.

— Да уж!

— Я не о том. Выход из положения вовсе не обязательно искать на Земле. Я сказал Чену, что наше Солнце может взорваться, а парасолнце уцелеет, но паралюдям все равно придется плохо, так как их часть Насоса без нашей работать не будет. Без нас они не смогут продолжать перекачку, понимаешь?

— А что же тут непонятного?

— Но ведь наоборот-то выходит то же самое: мы не сможем продолжать перекачку без них. А раз так, не все ли рав-

но, остановим мы Насос или нет? Пусть это сделают паралюди.

— А если не сделают?

— Но они же передали нам: «С-Т-Р-А-К». А это значит, что они боятся. По мнению Чена, они боятся нас — боятся, что мы остановим Насос. Но я с ним не согласен. Они испытывают совсем другой страх. Я ничего Чену не возразил — я просто промолчал, и он решил, что мне нечего сказать. Но он ошибся. Я только задумался о том, как нам убедить паралюдей, чтобы они остановили Насос. Мы должны этого добиться. Я больше ни на что не рассчитываю. И теперь все дело за тобой, Майк. Ты — надежда мира. Втолкуй им это. Как хочешь, но втолкуй.

Броновский засмеялся детски радостным смехом.

— Пит, — сказал он, — ты гений!

— А-а! Заметил наконец!

— Нет, я серьезно. Ты отгадываешь то, что я собираюсь сказать, прежде чем я успеваю открыть рот. Я посылал полоску за полоской, располагая их символы в том порядке, который, по-моему, означает «Насос», и ставил рядом наше слово. И я использовал все клочки сведений, которые мы собрали за это время, чтобы расположить их символы в порядке, означающем неодобрение, и опять-таки поставил рядом соответствующее земное слово. Конечно, я не знал, действительно ли я передаю что-то осмысленное или попадаю пальцем в небо, а ответа никакого не приходило, и я уже решил, что дело безнадежно.

— А мне ты даже не считал нужным рассказывать, чего добиваешься?

— Ну, это уж моя часть работы. А сам-то ты мне сразу объяснил паратеорию?

— Но что дальше?

— Вчера я послал всего два наших слова: «НАСОС ПЛОХО».

— Ну и?..

— Ну и сегодня утром я наконец получил ответ. Очень простой и недвусмысленный. «ДА НАСОС ПЛОХО ПЛОХО ПЛОХО». Вот посмотри.

Ламонт взял фольгу дрожащими пальцами.

— Тут ведь не может быть ошибки? Это же подтверждение?

— Да, конечно. Кому ты это покажешь?

— Никому, — твердо сказал Ламонт. — Я ничего больше доказывать не буду. Они мне заявят, что я подделал фольгу, так какой смысл терять время? Пусть паралюди остановят Насос, и он остановится у нас. Только своими усилиями мы его вновь запустить не сможем. И тогда вся Станция примется изо всех сил доказывать, что я был прав, что Насос действительно опасен.

— Это еще откуда следует?

— А что им останется делать, когда разъяренные толпы начнут требовать, чтобы Насос снова был запущен, а они его запустить не смогут? Ты со мной согласен?

— Не берусь судить. Меня беспокоит другое.

— А именно?

— Если паралюди убеждены, что Насос опасен, почему они его уже не остановили? Я недавно воспользовался удобным случаем и проверил. Насос работает как ни в чем не бывало.

Ламонт нахмурился.

— Ну, скажем, односторонняя остановка их не устраивает. Они считают нас равноправными партнерами и хотят, чтобы мы сделали это по взаимному согласию. Ведь так может быть, верно?

— Конечно. Но ведь, с другой стороны, систему нашего общения никак нельзя назвать совершенной. Не исключено, что они попросту не уловили смысла слова «ПЛОХО». А вдруг я совершенно исказил их символы и они решили, что «ПЛОХО» по-нашему значит «ХОРОШО»?

— Этого не может быть!

— Ну что ж, надейся. Но ведь надежда еще никогда не спасала.

— Майк, ты продолжай посылать. Используй как можно больше слов, которыми пользуются они. Тут ты мастер. В конце концов они узнают необходимые слова и ответят яснее, а тогда мы объясним, что просим их остановить Насос.

— Мы не уполномочены на такие заявления.

— Конечно, но они-то этого не знают. А нас человечество в конце концов признает героями.

— Предварительно свернув нам шеи?

— Тем более... Дальнейшее зависит от тебя, Майк, и я уверен, что все решится в ближайшие дни.

Глава 10

Но ничто не решилось. Миновали две недели — и ни одной полоски. Ожидание становилось невыносимым.

Особенно тяжело оно сказалось на Броновском. От его недавнего радостного возбуждения не осталось и следа. И в этот день он вошел в лабораторию Ламонта, угрюмо нахмурившись.

Некоторое время они смотрели друг на друга. Наконец Броновский сказал:

— По всему университету только и разговоров, что тебя выгоняют...

Подбородок Ламонта покрывала двухдневная щетина. Лаборатория выглядела какой-то запыленной, словно бы уже покинутой. Ламонт пожал плечами.

— Ну и что? Это меня не трогает. Неприятно другое: «Физический бюллетень» не взял мою статью.

— Но ты ведь этого и ждал?

— Да, но я думал, что они объяснят почему. Укажут на ошибки, на неточности, на неверные выводы. Чтобы я мог возразить.

— А они обошлись без объяснений?

— Ни единого слова. По мнению их рецензентов, статья для опубликования не подходит — кавычки закрыть. Они просто отмахнулись от нее... Перед такой всеобщей глупостью как-то теряешься. Если бы человечество обрекало себя на катастрофу по бесшабашности или порочности, честное слово, мне было бы легче. Но очень уж унизительно и обидно погибать из-за чьего-то тупого упрямства и глупости. Какой смысл быть мыслящими существами, если мы должны кончить вот так?

— Из-за глупости, — пробормотал Броновский.

— А как еще ты это назовешь? Например, от меня сейчас требуют официальных объяснений: мне полагается представить основания, почему меня не следует увольнять за величайшее из преступлений — за то, что я прав.

— Откуда-то стало известно, что ты побывал у Чена?

— Да! — Ламонт устало потер пальцами веки. — По-видимому, я настолько сильно наступил ему на ногу, что он не поленился нажаловаться Хэллему. И теперь я обвиняюсь в том, что пытался сорвать работу Насоса, сея панику с помощью бездоказательных и ложных утверждений, а это противоречит профессиональной этике и делает мое дальнейшее пребывание на Станции невозможным.

— Все это они могут обосновать достаточно веско.

— Вероятно. Но это неважно.

— Что ты намерен предпринять?

— А ничего! — отрезал Ламонт. — Пусть делают что хотят. Я рассчитываю на бюрократическую волокиту. Официальное оформление подобной истории займет недели, а то и месяцы, а ты пока работай. Паралюди успеют нам ответить.

Броновский болезненно поморщился.

— А если нет? Пит, может, тебе вернуться к той идее...

Ламонт встрепенулся.

— К какой идее?

— Объяви, что ты ошибся. Покайся. Бей себя в грудь. Уступи.

— Ни за что! Черт возьми, Майк! Ведь мы ведем игру, в которой ставка — весь мир, каждое живое существо!

— Да, но насколько это касается тебя лично? Ты не женат. Детей у тебя нет. Я знаю, что твой отец умер. Я ни разу не слышал, чтобы ты упомянул про свою мать или каких-нибудь родственников. По-моему, ты ни к кому не испытываешь любви или горячей привязанности. Ну, так брось все это и живи спокойно.

— А ты?

— И я. С женой я развелся, детей у меня нет, а милые отношения с милой женщиной будут продолжаться, пока не оборвутся. Живи, пока можешь! Радуйся жизни!

— А завтра как?

— А это уж не наша забота. Во всяком случае, смерть будет мгновенной.

— Я не способен принять подобную философию... Майк! Майк, да что это с тобой? Ты просто не хочешь сказать прямо, что у нас ничего не выйдет? Что ты не рассчитываешь установить связь с паралюдьми?

Броновский отвел глаза.

— Видишь ли, Пит, — сказал он, — я получил ответ. Вчера вечером. Я решил подождать и подумать, но думать, собственно, не о чем... Вот читай.

Ламонт взял фольгу, ошеломленно посмотрел на нее и начал читать. Знаков препинания не было.

«НАСОС НЕ ОСТАНОВИТЬ НЕ ОСТАНОВИТЬ МЫ НЕ ОСТАНОВИТЬ НАСОС МЫ НЕ СЛЫШАТЬ ОПАСНОСТЬ НЕ СЛЫШАТЬ НЕ СЛЫШАТЬ НЕ СЛЫШАТЬ ВЫ ОСТАНОВИТЬ ПОЖАЛУЙСТА ВЫ ОСТАНОВИТЬ ВЫ ОСТАНОВИТЬ ЧТОБЫ МЫ ОСТАНОВИТЬ ПОЖАЛУЙСТА ВЫ ОСТАНОВИТЬ ОПАСНОСТЬ ОПАСНОСТЬ ОПАСНОСТЬ ОСТАНОВИТЬ ОСТАНОВИТЬ ОСТАНОВИТЬ НАСОС».

— Черт побери, — пробормотал Броновский. — Ведь это вопль отчаяния!

Ламонт смотрел на фольгу и молчал.

— Насколько я могу понять, — начал Броновский, — кто-то у них там похож на тебя. Пара-Ламонт, так сказать. Он тоже не может заставить своего пара-Хэллема остановить перекачку. И пока мы умоляем их спасти нас, они умоляют нас спасти их.

— Но если показать это... — глухо произнес Ламонт.

— Они скажут, что ты лжешь, что ты подделал эту фольгу, чтобы оправдать твой порожденный психозом кошмар.

— Про меня-то они скажут, но ведь про тебя этого сказать нельзя. Ты поддержишь меня, Майк. Ты официально заявишь, что получил эту фольгу, и расскажешь, при каких обстоятельствах.

Броновский густо покраснел.

— А что пользы? Они ответят, что в паравселенной отыскался маньяк вроде тебя и что двое сумасшедших нашли

общий язык. Они скажут, что это сообщение свидетельствует лишь об одном: те, кто в паравселенной представляют ответственное руководство, убеждены в отсутствии какой бы то ни было опасности.

— Майк, но будем же драться!

— А что пользы, Пит? Ты сам сказал — глупость. Может быть, паралюди опередили нас в техническом отношении, может быть, они даже, как ты утверждаешь, стоят выше нас по развитию, но ведь ясно, что глупы они не меньше нашего, и на этом все кончается. Тут я согласен с Шиллером.

— С кем?

— С Шиллером. Был такой немецкий драматург лет триста назад. В пьесе о Жанне д'Арк он сказал примерно следующее: «Против глупости сами боги бороться бессильны». А я не бог и тем более не стану бороться. Брось, Пит, и займись чем-нибудь другим. Возможно, на наш век времени хватит, а если нет, так ведь изменить все равно ничего нельзя. Извини, Пит. Ты отлично дрался, но ты потерпел поражение, и я больше в этом не участвую.

Он вышел, и Ламонт остался один. Он сидел неподвижно, только его пальцы бесцельно барабанили и барабанили по столу. Где-то в глубинах Солнца протоны соединялись чуть более бурно, и с каждым мгновением это «чуть» увеличивалось, увеличивалось, увеличивалось, приближая тот миг, когда хрупкое равновесие нарушится...

— И никто на Земле не успеет понять, что я был прав! — крикнул Ламонт и замигал, стараясь удержать слезы.

Часть II

...САМИ БОГИ...

Глава 1а

Дуа легко ускользнула от остальных. Она всегда опасалась, что это вызовет неприятности, но почему-то все обходилось благополучно. Более или менее.

А с другой стороны — что тут, собственно, такого? Ун, правда, возражал против этого со своим обычным высокомерием. «Не броди, — говорил он. — Ты же знаешь, как это раздражает Тритта». О своем раздражении он не упоминал — рационалы не сердятся из-за пустяков. И тем не менее он опекал Тритта почти так же заботливо, как Тритт опекал детей.

Правда, если она настаивает, Ун всегда позволяет ей делать то, что она хочет, и даже вступается за нее перед Триттом. Иногда он даже не скрывает, что гордится ее способностями, ее независимостью... «Как левник он вовсе не так уж плох», — подумала она с рассеянной нежностью.

Ладить с Триттом труднее, и он очень хмуро смотрит на нее, когда она бывает... ну, когда она бывает такой, какой ей хочется. Впрочем, правники иначе не могут. Для нее-то он, конечно, правник, но ведь он еще и пестун, а потому дети заслоняют от него все остальное. Это и к лучшему — в случае неприятностей всегда можно рассчитывать, что кто-нибудь из детей отвлечет его внимание.

Не то чтобы Дуа очень считалась с Триттом. Если бы не синтез, она бы, наверное, вообще его игнорировала. Другое дело Ун. Он сразу показался ей удивительно интересным: от одного его присутствия ее очертания теряли четкость и начинали мерцать. И то, что он рационал, делало его только еще интереснее. Она не понимала почему. Но это тоже было

одной из ее странностей. Ну, она уже привыкла к своим странностям... почти привыкла.

Дуа вздохнула.

Когда она была ребенком и еще ощущала себя законченной личностью, самодостаточным существом, а не частью триады, она осознавала эти странности гораздо острее. Потому что их подчеркивали другие. Даже такая мелочь, как выход на поверхность под вечер...

Как ей нравилась поверхность в вечерние часы! Остальные эмоционали пугались холода, сгущающихся теней — они коалесцировали, едва она начинала описывать свои впечатления. Сами они с удовольствием выходили в теплое время дня, расстилались и ели, но оттого-то она и не любила поверхность в дневные часы: их болтовня наводила на нее скуку.

Конечно, не есть она не могла, но насколько приятнее питаться по вечерам, когда еды, правда, очень мало, зато кругом все тускло-багровое и она совсем-совсем одна! По правде сказать, в разговорах с другими эмоционалями она изображала поверхность куда более холодной и унылой, чем на самом деле, — просто чтобы посмотреть, как они, пытаясь вообразить подобный холод, становятся жесткими по краям — в той мере, конечно, в какой молодые эмоционали вообще способны обрести жесткость. Потом они начинали шептаться о ней, смеялись... и оставляли ее в одиночестве.

Маленькое солнце уже почти достигло горизонта и тонуло в таинственной алости, которую, кроме нее, некому было видеть. Она разостлалась, утолщилась по спинно-вентральной оси и принялась поглощать слабую жиденькую теплоту, неторопливо ее усваивая, смакуя чуть кисловатый, почти неуловимый вкус длинных волн. (Ни одной из знакомых ей эмоционалей этот вкус не нравился. Но не могла же она объяснить, что для нее он неразрывно связан со свободой — со свободой быть одной, без других.)

Даже сейчас пустынность, знобящий холод и глубокие багровые тона словно возвратили ее в дни детства, когда она еще не стала частью триады. И вдруг Дуа с поразительной ясностью словно вновь увидела перед собой своего собст-

венного пестуна, который неуклюже выбирался на поверхность, мучимый вечными опасениями, что она причинит себе какой-нибудь вред.

С ней он был особенно заботлив — ведь пестуны всегда лелеют крошку-серединку даже больше, чем крошку-левого и крошку-правого. Ее это раздражало, и она мечтала о том дне, когда он ее покинет. Ведь со временем все пестуны обязательно исчезали — и как же она тосковала без него, когда этот день настал!

Он вышел на поверхность предупредить ее — бережно и осторожно, хотя пестунам очень трудно облекать чувства в слова. В тот день она убежала от него — не потому, что хотела его подразнить, и не потому, что догадалась, о чем он хочет ее предупредить, а просто ей было весело. Днем она отыскала удивительно удобное местечко далеко от других эмоционалей, наелась до отвала и испытала то щекотное чувство, которое требует разрядки в движениях и действиях. Она ползала по камням, запуская свои края в их поверхность. Она знала, что в ее возрасте делать это стыдно, что так играют только малыши, но зато какое приятное ощущение — бодрящее и в то же время баюкающее!

И тут наконец пестун ее нашел. Он долго стоял возле нее и молчал, а глаза у него делались все меньше и плотнее, точно он хотел задержать каждый лучик отражающегося от нее света, вобрать в них ее образ и сохранить его навсегда.

Сначала она тоже смотрела на него — в смущении, думая, что он заметил, как она забиралась в камни, и что ему стыдно за ее поведение. Но она не уловила излучения стыда и в конце концов спросила виновато:

«Ну что я сделала, папочка?»

«Дуа, время настало. Я ждал этого. И ты, наверное, тоже».

«Какое время?»

Она знала, но упрямо не хотела знать. Ведь если верить, что ничего нет, то, может быть, ничего и не будет. (Она до сих пор не избавилась от этой привычки. Ун говорил, что все эмоционали такие — снисходительным голосом рационала, сознающего свое превосходство.)

Пестун сказал:

«Я должен перейти. И больше меня с вами не будет».

А потом он только смотрел на нее, и она тоже молчала.

И еще он сказал:

«Объясни остальным».

«Зачем?»

Дуа сердито отвернулась, ее очертания расплылись, стали смутными, словно она старалась разредиться. Да она и старалась разредиться — совсем. Только, конечно, у нее ничего не получилось. Наконец ей стало больно, боль сменилась немотой, и она опять сконцентрировалась. А пестун, против обыкновения, не побранил ее и не сказал даже, что неприлично так растягиваться — вдруг кто-нибудь увидит?

Она крикнула:

«Им ведь все равно!» — и тут же ощутила, что пестуну больно. Он же по-прежнему называл их «крошка-левый» и «крошка-правый», хотя крошка-левый думал теперь только о занятиях, а крошке-правому не терпелось войти в триаду — ничем другим он больше не интересовался. Из них троих только она, Дуа, еще чувствовала... Но ведь она была младшей, как и все эмоционали, и у эмоционалей все происходило не так.

Пестун сказал только:

«Ты им все-таки объясни».

И они продолжали смотреть друг на друга.

Ей не хотелось ничего им объяснять. Они стали почти чужими. Не то что в раннем детстве. Тогда они и сами с трудом разбирались, кто из них кто — левый брат, правый брат и сестра-серединка. Они были еще прозрачными и разреженными — постоянно перепутывались, проползали друг сквозь друга и прятались в стенах. А взрослые и не думали их бранить.

Но потом братья стали плотными, серьезными и больше не играли с ней. А когда она жаловалась пестуну, он ласково отвечал: «Ты уже большая, Дуа, и не должна теперь разреживаться».

Она не хотела слушать, но левый брат отодвигался и говорил: «Не приставай. Мне некогда с тобой возиться». А правый брат теперь все время оставался совсем жестким и стал

хмурым и молчаливым. Тогда она не могла понять, что с ними случилось, а пестун не умел объяснить. Он только повторял время от времени точно урок, который когда-то выучил наизусть: «Левые — рационалы, Дуа, правые — пестуны. Они взрослеют каждый по-своему, своим путем».

Но ей их пути не нравились. Они уже перестали быть детьми, а ее детство еще не кончилось, и она начала гулять вместе с другими эмоционалями. Они все одинаково жаловались на своих братьев. Все одинаково болтали о будущем вступлении в триаду. Все расстилались на солнце и ели. И с каждым днем сходство между ними росло, и каждый день они говорили одно и то же.

Они ей опротивели, и она начала искать одиночества, а они в отместку прозвали ее «олевелая эм». (С тех пор как она в последний раз слышала эту дразнилку, прошло уже много времени, но стоило ей вспомнить, и она словно вновь слышала их жиденькие пронзительные голоски, твердившие: «Олевелая эм, олевелая эм!» Они дразнили ее с тупым упоением, потому что знали, как это ей неприятно.)

Но ее пестун оставался с ней прежним, хотя, наверное, замечал, что все над ней смеются. И неуклюже старался оберегать ее от остальных. Он даже иногда выходил следом за ней на поверхность, хотя и чувствовал себя там очень тягостно. Но ему нужно было удостовериться, что с ней ничего не случилось.

Как-то раз она увидела, что он разговаривает с Жестким. Пестунам разговаривать с Жесткими было трудно — это она знала еще совсем крошкой. Жесткие разговаривали только с рационалами.

Она перепугалась и отпульсировала, но все-таки успела услышать, как ее пестун сказал: «Я хорошо о ней забочусь, Жесткий-ру».

Неужели Жесткий спрашивал про нее? Может быть, про ее странности? Но в ее пестуне не ощущалось виноватости. Даже с Жестким он говорил про то, как он о ней заботится. И ее охватила неясная гордость.

И вот теперь он прощался с ней, и внезапно независимость, которую Дуа так предвкушала, утратила свои маня-

щие очертания и стала твердым пиком одиночества. Она сказала:

«Но почему ты должен перейти?»

«Должен, серединка моя».

Да, должен. Она это знала. И каждый рано или поздно должен перейти. Наступит день, когда и она, вздохнув, скажет: «Я должна».

«Но откуда ты знаешь, что время настало? Если ты можешь выбирать, так почему ты не хочешь назначить другое время и остаться подольше?»

Он ответил:

«Так решил твой левый породитель. Триада должна делать то, что он говорит».

Своего левого породителя и породительницу-середину она видела очень редко. Они были не в счет. Ей нужны не они, а только правый породитель, ее пестун, ее папочка, такой кубический, с совсем ровными гранями. Ни плавных изгибов, как у рационалов, ни зыбкости эмоционалей — она всегда заранее знала, что́ он сейчас скажет. Ну, почти всегда.

И теперь он, конечно, ответит: «Этого я крошке-эмоционали объяснить не могу».

Так он и ответил.

Дуа сказала в порыве горя:

«Мне будет грустно без тебя. Я знаю, ты думаешь, что я тебя не слушаюсь, что ты мне не нравишься, оттого что не позволяешь мне ничего делать. Но уж лучше ты мне совсем ничего не позволяй. Я не буду злиться, только бы ты был со мной».

А пестун просто стоял и смотрел. Он не умел справляться с такими порывами и, приблизившись к ней, образовал руку. Было видно, как ему трудно. Но он, весь дрожа, продолжал удерживать руку, и ее очертания стали мягкими — самую чуточку.

Дуа сказала: «Ой, папочка!» — и заструила свою руку вокруг, и сквозь ее вещество его рука казалась зыбкой и мерцающей. Но Дуа была очень внимательна и не прикоснулась к нему — ведь ему это было бы неприятно.

Потом он убрал руку, и пальцы Дуа остались сомкнутыми вокруг пустоты. Он сказал:

«Вспомни про Жестких, Дуа. Они о тебе позаботятся. А мне... мне пора».

Он удалился, и больше она его никогда не видела.

И вот теперь она смотрела на закат, вспоминала и досадливо ощущала, что ее долгое отсутствие уже сердит Тритта и скоро он примется ворчать на Уна.

После чего Ун примется растолковывать ей ее обязанности...

Ну и пусть.

Глава 16

Ун рассеянно ощущал, что Дуа бродит где-то по поверхности. При желании он мог бы сказать, в каком направлении она от него находится и даже на каком расстоянии. Впрочем, осознай он свое ощущение, он был бы недоволен, так как способность взаимно ощущать друг друга на расстоянии давно уже начала притупляться, и это было ему приятно, хотя он сам не понимал почему. Таков был естественный ход вещей — тело с возрастом продолжало развиваться.

У Тритта способность к взаимному ощущению на расстоянии не притупилась, но теперь она сосредоточивалась почти исключительно на детях. Развитие, безусловно, полезное, но, с другой стороны, роль пестуна, несмотря на свою бесспорную важность, в сущности, довольно проста. Рационалы куда сложнее, с грустной гордостью подумал Ун.

Вот Дуа, конечно, была настоящей загадкой. Она так мало походила на прочих эмоционалей. Тритта это сбивало с толку, и он все больше замыкался в себе. Ун тоже порой испытывал недоумение и неловкость, но он, кроме того, ощущал ту особую силу, с какой Дуа индуцировала упоение жизнью, а одно, по всей видимости, было неотъемлемо от другого. И эта радость полностью искупала то раздражение, которое она иногда вызывала у него.

И возможно, странные привычки Дуа также являются

необходимым компонентом целого. Она даже как будто интересует Жестких, а ведь обычно они обращают внимание только на рационалов. И вновь его охватила гордость: тем лучше для триады, если в ней незаурядна даже эмоциональ.

Все идет так, как должно идти. В этом заключалась основа, и он надеялся, что так будет до конца. Когда-нибудь он осознает, что настало время перейти, и тогда он не будет хотеть ничего другого. Так ему сказали Жесткие — они заверяли в этом всех рационалов, но добавили, что нужный момент ему точно укажет его внутреннее сознание. От них же он тут не должен ждать ни помощи, ни совета.

«Когда ты сам скажешь себе, — объяснял ему Лостен, медленно и внятно, как принято у Жестких, когда они говорят с Мягкими, словно подбирая понятия полегче, — что знаешь, почему ты должен перейти, тогда ты перейдешь, и твоя триада перейдет вместе с тобой».

И Ун ответил:

«Сейчас мне не хотелось бы перейти, Жесткий-ру. Еще столькому можно научиться».

«Разумеется, левый мой. Ты чувствуешь так, потому что ты еще не готов».

Ун подумал тогда: «Но я ведь всегда буду чувствовать, что должен научиться еще многому. Так как же я почувствую, что готов?»

Но вслух он этого не сказал. Он твердо знал, что поймет, когда время для этого настанет.

Он поглядел на себя и в забывчивости чуть было не выбросил глаз вперед на придатке — даже самым зрелым рационалам бывают иногда свойственны чисто детские импульсы. А ведь это совершенно не нужно. Он способен ощущать себя не менее точно и тогда, когда его глаз плотно сидит на предназначенном для него месте. Он с удовольствием убедился, что в меру плотен — красивый четкий абрис, ровные изгибы закругляются в изящно сопряженные овоиды.

Его тело не обладало ни загадочно пленительным мерцанием, как у Дуа, ни приятной кубичностью Тритта. Он любит их обоих, но не стал бы меняться с ними внешностью. И уж конечно, разумом. Естественно, вслух он этого нико-

гда не скажет — зачем обижать их? — но он каждый день радуется, что на его долю не выпали ни ограниченное сознание Тритта, ни — тем более! — прихотливость мыслительных процессов Дуа. Впрочем, их, вероятно, не огорчают недостатки подобных типов мышления — ведь они ничего другого и не знают.

Он вновь смутно ощутил далекое присутствие Дуа и сознательно погасил это ощущение. Сейчас его к ней не влекло. Не то чтобы он нуждался в ней меньше обычного, но просто другие интересы были сильнее. Созревание рационала проявляется именно в том, что он получает все больше и больше удовольствия от чисто интеллектуальных занятий наедине с самим собой или в обществе Жестких.

Он постепенно привыкал к Жестким, все сильнее привязывался в ним. Он чувствовал, что так и должно быть: ведь он — рационал, а Жесткие в известном смысле — сверхрационалы. (Он как-то сказал об этом Лостену, самому внимательному из Жестких и, как ему почему-то казалось, самому молодому. Лостен излучил веселость, но промолчал. Но ведь это же означало, что он не сказал «нет»!)

Жесткие всегда были рядом с тех пор, как Ун помнил себя. Его пестун почти все свое внимание и время отдавал последнему ребенку — крошке-эмоционали. Это было вполне естественно. То же произойдет и с Триттом, когда отпочкуется их последний ребенок — если только это когда-нибудь случится. (Ун заимствовал такое уточнение от Тритта, который теперь постоянно повторял это «если», чтобы упрекнуть Дуа.)

Но так вышло даже лучше. Пестун был все время занят, и Ун получил возможность начать образование сравнительно рано. К тому времени, когда произошла их встреча с Триттом, он уже почти избавился от детских привычек и успел узнать очень многое.

И все-таки их встреча, наверное, навсегда сохранится в его памяти. Словно бы она произошла вчера и они не прожили с тех пор еще такой же срок. Разумеется, он видел пестунов своего поколения, но, собственно говоря, пестунами они становились, только когда начинали взращивать первого ребенка, а до этого однозначность их мышления была далеко не такой явной. Совсем маленьким он играл со своим правым братом и не замечал никаких различий в их интеллектах (хотя различия существовали уже тогда — теперь, вспоминая, он это ясно видел).

Он примерно представлял себе и роль пестуна в триаде, потому что, конечно, еще в детстве слышал про синтез.

Но когда появился Тритт, когда Ун увидел его в первый раз, все изменилось. Впервые в жизни он ощутил какую-то особую внутреннюю теплоту и интерес к чему-то помимо мыслительных процессов и приобретения знаний. Он хорошо помнил, как его смутила эта потребность в другом существе.

Тритт, конечно, воспринял их встречу как нечто само собой разумеющееся. Пестуны ведь твердо чувствуют, что их назначение — быть основой триады, а потому не испытывают ни смущения, ни застенчивости. Как, впрочем, и эмоционали. Какую-то сложность это представляет только для рационалов.

«Вы, рационалы, слишком много думаете», — сказал Жесткий, которому Ун изложил свои сомнения. Но такой ответ только еще больше запутал Уна — разве можно «думать слишком много»?

Тритт, когда они встретились, тоже только-только простился с детством и еще плохо умел замыкаться в себе — от радости он стал по краям совсем прозрачным, и такое неумение вести себя даже шокировало Уна. Чтобы рассеять неловкость, он спросил:

«Мы ведь прежде не встречались, правый?»

«Я тут прежде никогда не бывал. Меня сюда привели», — ответил Тритт.

Оба они прекрасно знали, что произошло: их встречу устроили нарочно. Кто-то (пестун, думал Ун тогда, но позже он понял, что это был один из Жестких) решил, что они подойдут друг другу, — и не ошибся.

Интеллектуальной близости между ними, конечно, не было. Да и откуда? Ведь Ун стремился учиться, стремился постигать как можно больше нового — это было для него

главным и, если не считать триады, единственным, что занимало все его помыслы. Тритт же вообще не понимал, что значит «учиться». Все, что Тритт знал, он знал изнутри, и не мог этому ни научиться, ни разучиться.

В те первые дни Ун, с упоением впитывая сведения об их мире, о его Солнце, об истории и устройстве жизни, обо всех «о», какие только существовали во вселенной, не выдерживал и начинал рассказывать о них Тритту.

Тритт слушал безмятежно, явно ничего не понимая, но ему нравилось слушать, а Уну нравилось излагать свои знания, хотя бы и впустую.

Но именно Тритт, подчиняясь заложенной в нем потребности, бессознательно стал организующим началом триады. Ун прекрасно помнил тот полдень, когда после краткого обеда принялся было сообщать Тритту сведения, которые узнал за утро. (Их более плотное вещество поглощало пищу так быстро, что им достаточно было просто прогуляться на солнце, тогда как эмоционали грелись в его лучах часами, свертывались и разреживались, словно нарочно стараясь затянуть этот процесс.)

Ун, попросту не замечавший эмоционалей, говорил так, как будто кругом никого не было, но Тритт, который прежде только молча смотрел на них, теперь вдруг утратил обычную невозмутимость.

Неожиданно он приблизился к Уну почти вплотную и выбросил протуберанец с такой поспешностью, что это оскорбило чувство формы, присущее Уну как всякому рационалу. Ун как раз впивал на десерт теплый ветерок, и небольшой участок его верхнего овоида замерцал. Тритт с видимым усилием уменьшил плотность протуберанца и приложил его к мерцающему пятну, заполняя пустоты там, где верхний слой оболочки Уна был разрежен. Ун с неудовольствием отстранился. Эти детские игры были ниже его достоинства.

«Не надо, Тритт», — сказал он раздраженно.

Тритт недоуменно помахал протуберанцем.

«Но почему?»

Ун уплотнился, как мог, стараясь сделать оболочку совсем жесткой.

«Я не хочу».

«А что тут такого?» — продолжал недоумевать Тритт.

Ун сказал первое, что пришло ему на ум: «Мне больно». (Собственно говоря, что было не так. Во всяком случае, не физически. Но ведь Жесткие всегда старались избегать прикосновения Мягких. Случайное взаимопроникновение оболочек причиняло им сильную боль. Правда, если быть честным до конца, строение Жестких заметно отличается от строения Мягких. Они попросту совсем другие.)

Тритт не поверил. Он инстинктивно знал, что тоже ощутил бы эту боль, а потому сказал обиженно:

«Не обманывай!»

«Видишь ли, для синтеза нужна еще эмоциональ».

И Тритт сказал:

«Так давай подыщем себе эмоциональ».

Давай подыщем! Прямолинейность Тритта была поразительной. Ну, как ему объяснить, что на все есть свой порядок?

«Это не так просто, правник мой», — начал он мягко.

Но Тритт нетерпеливо перебил:

«Пусть ее найдут Жесткие. Ты ведь с ними дружишь. Ну, так попроси их».

Ун пришел в ужас.

«Я не могу, пойми же! Время еще не настало, — продолжал он, бессознательно переходя на поучающий тон. — Не то я бы об этом знал. А пока время не настанет...»

Тритт не слушал.

«Тогда я попрошу!»

«Нет! — Ун совсем растерялся. — Ты в это не вмешивайся. Говорят же тебе, время еще не настало. Мне надо думать об образовании. Очень легко быть пестуном и ничему не учиться, но...»

Он тут же пожалел о своих словах, да к тому же они были ложью. Просто он старался избегать всего, что могло бы оказаться неприятным для Жестких и испортить их хорошее отношение к нему. Но Тритт нисколько не обиделся, и Ун тут же сообразил, что пестун не видит ничего заманчивого и по-

четного в способности учиться, а потому даже не заметил его упрека.

С тех пор Тритт все чаще и чаще заговаривал об эмоционали. Каждый раз Ун с еще большей самозабвенностью погружался в занятия, стараясь уйти от разрешения этой проблемы.

И все-таки он порой с трудом удерживался, чтобы не заговорить о ней с Лостеном.

Лостена он знал лучше и ближе всех остальных Жестких, потому что Лостен специально им интересовался. Жестким была свойственна удручающая одинаковость — они не изменялись, никогда не изменялись. Их форма была зафиксирована раз и навсегда. Глаза у них находились всегда на одном и том же месте, и место это у них у всех было одним и тем же. Их оболочка была не то чтобы действительно жесткой, но она никогда не приобретала прозрачности, никогда не мерцала, не утрачивала четкости и не обладала проникающими свойствами.

Они были не намного крупнее Мягких, но зато гораздо тяжелее. Их вещество было значительно более плотным, и они всячески остерегались соприкосновения с разреженными тканями Мягких.

Как-то раз, когда Ун был совсем еще крошкой и его тело струилось с такой же легкостью, как тело его сестры, к нему приблизился Жесткий.

Он так никогда и не узнал, кто именно это был, но — как ему стало ясно позднее — крошки-рационалы вызывали большой интерес у всех Жестких. Ун тогда потянулся к Жесткому — просто из любопытства. Жесткий еле успел отскочить, а потом пестун выбранил Уна за то, что он хотел прикоснуться к Жесткому.

Выговор был таким строгим, что Ун запомнил его навсегда. Став старше, он узнал, что атомы в тканях Жестких расположены очень тесно и поэтому Жесткие испытывают боль даже от самого легкого соприкосновения с тканями Мягких. А уж о проникновении и говорить не приходилось. Ун подумал тогда, что и Мягким, возможно, становится при этом больно. Но потом другой юный рационал рассказал ему, как

случайно столкнулся с Жестким. Жесткий перегнулся пополам, а он ничего не почувствовал — ну прямо ничегошеньки. Однако Ун заподозрил, что его приятель хвастает.

Были и другие запреты. В детстве он любил ползать по стенам пещеры — когда он проникал в камень, ему становилось тепло и приятно. Это было обычным развлечением всех крошек. Но когда он подрос, это перестало у него получаться с прежней легкостью. Правда, он еще мог разреживать оболочку и почесывать ее внутри камней, но как-то его застал за этим занятием пестун, и ему снова влетело. Он заспорил: ведь сестра только и делает, что лазает в стены, он сам видел!

«Ей можно, — сказал пестун. — Она ведь эмоциональ».

В другой раз Ун, поглощая учебную запись (он тогда уже сильно вырос), машинально выбросил парочку протуберанцев с такими разреженными краями, что их можно было протаскивать друг сквозь друга. Это было забавно и помогало слушать, но пестун увидел и... Ун даже теперь поежился, вспомнив, как он его стыдил за такие детские шалости.

Про синтез он тогда ничего толком не знал. Он учился, он вбирал в себя массу сведений, но они не имели никакого отношения к назначению и смыслу триады. Тритту тоже никто ничего не объяснял, но он был пестун, и знания ему заменял инстинкт. Ну, разумеется, когда наконец появилась Дуа, все стало ясно само собой, хотя она, по-видимому, знала обо всем этом даже меньше, чем сам Ун.

А в том, что она появилась, заслуги Уна не было никакой. Все сделал Тритт — Тритт, который так боялся Жестких, что всегда старательно избегал встречи с ними, Тритт, который во всем остальном был так покладист и уступчив, Тритт, который вдруг оказался способным упрямо настаивать на своем... Тритт... Тритт... Тритт...

Ун вздохнул. Тритт вторгся в его мысли потому, что был уже близко. Он ощутил, что Тритт раздражен, и понял, что Тритт снова будет требовать, требовать, требовать... Последнее время Ун все чаще с горечью замечал, что почти не бывает свободен от посторонних забот. А ведь именно сейчас

ему, как никогда прежде, нужно было сосредоточиться, разобраться в своих мыслях...

— Ну, что тебе, Тритт? — спросил он.

Глава 1в

Тритт осознавал свою кубичность. Но не думал, что она безобразна. Он вообще не задумывался о форме своего тела. А если бы вдруг и задумался, то решил бы, что она прекрасна. Его тело отвечало своему назначению, и отвечало наилучшим образом.

Он спросил:

— Ун, где Дуа?

— Где-то снаружи, — промямлил Ун, словно ему было все равно. Тритту стало обидно, что судьба триады заботит только его одного. С Дуа нет никакого сладу, а Уну все равно.

— Почему ты ее отпустил?

— А как я мог ее остановить? И что тут плохого, Тритт?

— Ты сам знаешь, что. Двое крошек у нас есть. Но что толку без третьей? А в нынешние времена взрастить крошку-серединку очень трудно. Она не отпочкуется, если Дуа будет мало есть. А она опять где-то бродит на закате. Разве на закате можно наесться досыта?

— Она просто не любит есть много.

— А мы просто останемся без крошки-серединки. Ун! — Голос Тритта стал вкрадчивым. — Ведь без Дуа настоящего синтеза быть не может. Ты же сам говорил!

— Ну довольно! — буркнул Ун, и Тритт, по обыкновению, не понял, почему Уна так раздражает упоминание о самых простых и житейских вещах. Но он не отступал.

— Не забывай, это я раздобыл Дуа!

Но, может быть, Ун и вправду не помнит? Может быть, Ун вообще не думает о триаде и о том, как она важна? Порой Тритт испытывал такую безнадежность, что просто готов был... готов был... Собственно говоря, он не представлял, что мог бы сделать, и чувствовал только тупую безнадеж-

ность. Как в те далекие дни, когда им пора было получить эмоциональ, а Ун ничего не хотел делать.

Тритт знал, что не умеет говорить длинно и запутанно. Но если у пестунов нет дара речи, они зато умеют думать! И думают о том, что по-настоящему важно. Вот Ун всегда толкует про атомы и энергию. Будто они кому-нибудь нужны — эти его атомы и энергия! Ну а Тритт думает о триаде и о детях.

Ун как-то упомянул, что Мягких постепенно становится все меньше и меньше. Неужели это его не заботит? Неужели и Жестких это тоже не заботит? Неужели это заботит только одних пестунов?

Всего лишь две формы жизни во всем мире — Мягкие и Жесткие. А пища падает с неба вместе с солнечными лучами.

Ун однажды сказал, что Солнце остывает. Пищи становится меньше, сказал он, а потому сокращается и число людей. Тритт этому не поверил. Солнце ни чуточки не остыло с того времени, как он был крошкой. Просто людей перестала заботить судьба триад. Слишком много развелось поглощенных своим учением рационалов и глупых эмоциональ.

Лучше бы Мягкие занялись тем, что по-настоящему важно. Вот как Тритт. Он занимается триадой. Отпочковался крошка-левый, потом крошка-правый. Дети растут и крепнут. Но необходима еще крошка-серединка. А ее взрастить труднее всего. Но без нее не сможет образоваться новая триада!

Почему Дуа стала такой? С ней всегда было трудно, но все-таки не так, как теперь.

Тритт ощутил смутную злость на Уна. Ун говорит и говорит всякие жесткие слова, а Дуа слушает. Ведь Ун готов без конца разговаривать с Дуа, точно она — рационал. А для триады это вредно.

Ун-то мог бы это сообразить!

Одному Тритту не все равно. И всегда Тритту приходится делать то, что необходимо сделать. Ун подружился с Жесткими, но он и не подумал с ними поговорить. Им нужна эмоциональ, а Ун ничего про это не говорил. Он разговари-

вал с Жесткими про энергию, а про то, в чем нуждалась триада, молчал.

Это он, Тритт, все устроил! И Тритт с гордостью вспомнил, как все произошло. Он увидел, что Ун разговаривает с Жестким, направился прямо к ним, без всякой дрожи перебил их и заявил твердым голосом:

«Нам нужна эмоциональ».

Жесткий повернулся и посмотрел на него. Тритт еще ни разу в жизни не видел Жесткого так близко. Он был весь цельный — когда одна его часть поворачивалась, с ней поворачивались и все остальные. У него были протуберанцы, которые могли двигаться самостоятельно, но при этом они не меняли своей формы. Жесткие никогда не струились, они были несимметричны и неприятны на вид. И уклонялись от прикосновений.

Жесткий сказал:

«Это верно, Ун?»

С Триттом он говорить не стал.

Ун распластался. Распластался над самой поверхностью камней. Таким распластанным Тритт его еще никогда не видел. Он сказал:

«Мой правник излишне ревностен. Мой правник... он... он...»

Тут Ун начал заикаться, раздуваться и не мог дальше говорить.

А Тритт говорить мог. Он сказал:

«Без эмоционали мы не можем синтезироваться».

Тритт знал, что Ун онемел от смущения, но ему было все равно. Время пришло.

«А ты, левый мой, — сказал Жесткий, по-прежнему обращаясь только к Уну, — ты тоже так считаешь?»

Жесткие говорили почти как Мягкие, но гораздо более резко, почти без переходов. Их было трудно слушать. То есть ему, Тритту. А Ун будто привык, и ему слушать было нетрудно.

«Да», — промямлил наконец Ун.

Только тут Жесткий повернулся к Тритту.

«Напомни мне, юный правый, как давно ты знаком с Уном?»

«Достаточно давно, чтобы подумать об эмоционали, — сказал Тритт. Он старательно удерживал все свои грани и углы. Он не позволял себе бояться — слишком важной была его цель. — И меня зовут Тритт», — добавил он.

Жесткому как будто стало весело.

«Да, выбор оказался неплохим. Вы с Уном очень друг другу подходите, но тем труднее выбрать для вас эмоциональ. Впрочем, мы почти уже решили. То есть я решил, и уже давно, однако надо убедить других. Наберись терпения, Тритт».

«Все мое терпение кончилось».

«Я знаю. И все-таки подожди». — Жесткий опять говорил так, словно ему было весело.

Когда Жесткий оставил их вдвоем, Ун округлился и стал гневно разреживаться. Он сказал:

«Тритт, как ты мог? Ты знаешь, кто это?»

«Ну, Жесткий».

«Это Лостен. Мой специальный руководитель. Я не хочу, чтобы он на меня сердился».

«А чего ему сердиться? Я говорил вежливо».

«Ну, неважно». — Ун уже почти принял нормальную форму.

Значит, он перестал злиться. Тритт почувствовал большое облегчение, хотя и постарался это скрыть. А Ун тем временем продолжал:

«Это же очень неловко, когда мой дурак правый вдруг подходит и начинает разговаривать с моим Жестким».

«А почему ты сам не захотел?»

«Всему есть свое время».

«Только почему-то для тебя оно никогда своим не бывает».

Но потом они помирились и перестали спорить. А вскоре появилась Дуа.

Ее привел Лостен. Тритт этого не заметил. Он не смотрел на Жесткого, он видел только Дуа. Но после Ун объяснил ему, что ее привел Лостен.

«Вот видишь! — сказал Тритт. — Я с ним поговорил, потому он ее привел».

«Нет, — ответил Ун. — Просто наступило время. Он все равно привел бы ее. Даже если бы ни ты, ни я ничего ему не сказали».

Тритт ему не поверил. Он твердо знал, что они получили Дуа только благодаря ему.

И конечно, второй такой Дуа в мире быть не могло! Тритт видел много эмоционалей. Они все были привлекательны, и он обрадовался бы любой из них. Но, увидев Дуа, он понял, что никакая другая эмоциональ им не подошла бы. Только Дуа. Одна только Дуа.

И Дуа знала, что ей полагается делать. Совершенно точно знала. А ведь ей никто ничего не показывал, говорила она им потом. И ничего не объяснял. Даже другие эмоционали, потому что она старалась держаться от них подальше.

И все-таки, когда они все трое оказались вместе, каждый знал, что ему надо делать.

Дуа начала разреживаться. Тритту еще не приходилось видеть, чтобы кто-нибудь так разреживался. Он даже не представлял себе, что подобное разрежение возможно. Она превратилась в сверкающую цветную дымку, которая заполнила все вокруг. Он был ослеплен. Он двигался, не сознавая, что движется. Он погрузился в туман, который был Дуа.

Это совсем не походило на погружение в камни. Тритт не чувствовал никакого сопротивления или трения. Он словно парил. Он осознал, что тоже начинает разреживаться — легко, без тех отчаянных усилий, которых это обычно требовало. Теперь, когда Дуа пронизывала его всего, он в свою очередь без малейшего напряжения рассеялся в густой дым. Ему казалось, что он струится, исчезая и растворяясь в радости.

Смутно он увидел, что с другой, левой, стороны приближается Ун, тоже расходясь дымом.

Затем он соприкоснулся с Уном, смешался с ним. Он перестал чувствовать, перестал сознавать. Он не понимал — он ли окружает Уна, Ун ли окружает его. А может быть, они окружали друг друга или были раздельны.

Все растворилось в чистой радости бытия.

Она заслонила и смела чувства и сознание.

Потом они опять стали каждый сам по себе. Синтез длился много суток. Так полагалось. И чем полнее он был, тем больше времени занимал. Но для них все исчерпывалось кратким мгновением. И память не сохраняла ничего.

Ун сказал:

«Это было чудесно».

А Тритт молчал и смотрел на Дуа.

Она коалесцировала, закручивала спирали, подергивалась. Из них троих только она, казалось, никак не могла прийти в себя.

«После, — сказала она торопливо. — Все после. А сейчас отпустите меня».

И она кинулась прочь. Они ее не остановили. Потрясение еще не прошло. Но так продолжалось и дальше. После синтеза она всегда исчезала. Каким бы полным он ни оказался. Словно у нее была потребность в одиночестве.

Это беспокоило Тритта. Он замечал в ней все новые и новые отличия от прочих эмоционалей. А надо бы наоборот: ей следовало во всем походить на них.

Ун придерживался другого мнения. Он много раз повторял: «Ну почему ты не оставишь ее в покое, Тритт? Она не такая, как все остальные, но это потому, что она лучше остальных. С кем еще мы могли бы получить такой полный синтез? А ничто хорошее даром не дается».

Тритт не понял, но не стал в этом разбираться. Он знал только, что ей следует вести себя так, как полагается. Он сказал:

«Я хочу, чтобы она поступала правильно».

«Я понимаю, Тритт. Я понимаю. Но все-таки оставь ее в покое».

Сам Ун часто бранил Дуа за ее странные привычки, а Тритту этого делать не позволял.

«У тебя нет такта, Тритт», — объяснил он.

Но Тритт не знал толком, что такое такт.

И вот теперь... С момента первого синтеза прошло очень много времени, а крошки-эмоционали у них все нет и нет. Сколько еще можно ждать? И так уж они это слишком затя-

нули. А Дуа только все больше и больше времени проводит в одиночестве.

Тритт сказал:

— Она слишком мало ест.

— Когда настанет время... — начал Ун.

— Ты только и знаешь, что говоришь: «настанет время, не настанет время». Если на то пошло, ты ведь так и не выбрал времени, чтобы раздобыть нам Дуа. А теперь у тебя все не время для крошки-эмоционали. Дуа должна...

Но Ун отвернулся. Потом сказал:

— Она на поверхности, Тритт. Если ты хочешь отправиться за ней, точно ты ее пестун, а не правник, так и отправляйся. Но я говорю: оставь ее в покое.

Тритт попятился. Он хотел бы многое сказать, только не знал как.

Глава 2а

Дуа смутно улавливала, что ее левник и правник волнуются и препираются из-за нее, но это только усилило ее возмущение.

Если кто-нибудь из них явится за ней сюда (возможно даже, они поднимутся оба), все завершится синтезом, а самая мысль об этом выводила ее из себя. Для Тритта важны только дети — уже отпочковавшиеся, и главное, их сестра, которой еще нет. А Тритт умеет поставить на своем. Заупрямившись, он подчиняет себе триаду. Уцепится за какую-нибудь примитивную идею и будет требовать и требовать, пока Ун и Дуа не уступят. Но на этот раз она не уступит. Ни за что...

И ей не стыдно. Ничуть не стыдно! Ун и Тритт гораздо ближе между собой, чем с ней. Она способна разреживаться сама, а они — только благодаря ее посредничеству (уж из-за одного этого они могли бы больше с ней считаться!). Тройственный синтез вызывает приятное ощущение, было бы глупо это оспаривать. Но она испытывает почти то же, когда проникает в каменные стены... уж от себя-то она скрывать

не будет, что иногда тайком это проделывает. Ну а Тритт и Ун давно утратили это умение, и, кроме синтеза, у них других радостей нет.

Впрочем, это не совсем так. Ун утверждает, что приобретение знаний, или, как он выражается, «интеллектуальное развитие», — огромная радость. И она сама, Дуа, испытывала нечто подобное. Во всяком случае, настолько, что может об этом судить. Хотя удовольствие получаешь не такое, как при синтезе, но по-своему оно ничуть не меньше, и Ун предпочитает его всему на свете.

А вот у Тритта все иначе. У него нет других радостей, кроме синтеза и детей. Никаких. И когда он начинает настаивать со всем упрямством глупости, Ун уступает, и она, Дуа, тоже вынуждена уступать.

Как-то раз она взбунтовалась:

«Но что происходит, когда мы синтезируемся? Ведь мы вновь становимся самими собой только через много часов, а то и дней. Что происходит за это время?»

Тритт был шокирован.

«Так было всегда. Иначе не бывает».

Ун смутился. Он с утра до ночи только и делает, что смущается.

«Видишь ли, Дуа, это необходимо. Из-за... из-за детей».

Выговаривая последнее слово, он запульсировал.

«Почему ты пульсируешь? — резко сказала Дуа. — Мы давно взрослые, мы синтезировались уж не знаю сколько раз, и нам всем известно, что без этого нельзя взрастить детей. Ну и говорил бы прямо. Только я ведь спрашивала о другом: почему синтез занимает столько времени?»

«Потому что это сложный процесс, — ответил Ун, все еще пульсируя. — Потому что он требует значительной энергии. Дуа, образование детской почки продолжается очень долго, и ведь почка далеко не всегда завязывается. А условия непрерывно ухудшаются... И не только для нас», — добавил он поспешно.

«Ухудшаются?» — тревожно переспросил Тритт. Но Ун больше ничего не сказал.

Со временем они взрастили ребенка — крошку-рациона-

ла, левульку, который так клубился и разреживался, что все трое прямо мерцали от умиления, и даже Ун брал его в ладони и позволял ему менять форму, пока Тритт наконец не вмешивался и не отбирал малыша. Ведь именно Тритт хранил его в своей инкубаторной сумке весь период формирования. От Тритта он отпочковался, когда обрел самостоятельность. И Тритт же продолжал его опекать.

После рождения крошки-левого Тритт начал бывать с ними гораздо реже. И Дуа радовалась, не вполне понимая почему. Одержимость Тритта ее раздражала, но одержимость Уна, как ни странно, была ей приятна. Она все более четко ощущала его... его важность. В рационалах было что-то такое, что давало им возможность отвечать на вопросы, а ей все время хотелось спрашивать его то об одном, то о другом. И она скоро заметила, что он отвечает охотнее, когда Тритта рядом нет.

«Но почему это занимает столько времени, Ун? Мы синтезируемся, а потом не знаем, что происходило в течение нескольких суток. Мне это не нравится».

«Ведь нам ничего не грозит, Дуа, — убеждал ее Ун. — Подумай сама — с нами никогда ничего не случалось, верно? И ты ни разу не слышала, чтобы с какой-нибудь другой триадой случалось несчастье, верно? Да и вообще тебе не следует задавать вопросов».

«Потому что я эмоциональ? Потому что другие эмоционали вопросов не задают? Ну так, если хочешь знать, я других эмоционалей терпеть не могу. А вопросы задавать буду!»

Она четко ощущала, что Ун смотрит на нее так, словно в жизни не видел никого прекраснее, и из чистого кокетства начала чуточку разреживаться — самую чуточку.

Ун сказал:

«Но ты ведь вряд ли сумеешь понять, Дуа. Для того чтобы вспыхнула новая искра жизни, требуется огромное количество энергии».

«Вот ты всегда говоришь про энергию. А что это такое? Объясни, но поточнее».

«Ну, это то, что мы едим».

«А почему же ты тогда не скажешь просто — «пища»?»

«Потому что пища и энергия — не совсем одно и то же. Наша пища поступает от Солнца — это один вид энергии. Но существуют и другие виды, которые в пищу не годятся. Когда мы едим, мы расстилаемся и поглощаем свет. Для эмоционалей это особенно трудно, потому что они очень прозрачные. То есть свет проходит сквозь них и не поглощается».

Как чудесно узнать, в чем тут дело, думала Дуа. Собственно, она все это знала, но не знала нужных слов — умных жестких слов, которыми пользовался Ун. А благодаря им все, что происходило, становилось более четким и осмысленным.

Теперь, когда она стала взрослой и больше не боялась дразнилок, когда ей выпала честь войти в триаду Уна, Дуа порой присоединялась к другим эмоционалям, стараясь не обращать внимания на болтовню и скученность. Ведь время от времени ей все-таки хотелось поесть поплотнее, чем обычно, да и синтез после этого проходил удачнее. К тому же она иногда почти разделяла блаженную радость остальных эмоционалей, улавливая то удовольствие, которое они получали, выгибаясь и растягиваясь под солнечными лучами, томно утолщаясь и сжимаясь, чтобы стать как можно более плотными и эффективнее поглощать теплоту.

Но для Дуа вполне достаточно было незначительной доли того, что поглощали другие, словно были не в силах насытиться. Они как-то по-особому жадно подергивались, а Дуа этого не умела, и ей становилось невыносимо наблюдать такое чудовищное обжорство.

Так вот почему рационалы и пестуны столь мало задерживаются на поверхности. Их толщина позволяет им быстро насытиться и вернуться в пещеры. Эмоционали же извиваются на солнце часами — ведь едят они дольше, а энергии им требуется больше (во всяком случае, для синтеза).

Эмоциональ обеспечивает энергию, объяснял Ун (пульсируя так, что его сигналы стали почти невнятными), рационал — почку, а пестун — инкубаторную сумку.

После того как Дуа узнала все это, ей стало понятней, почему Тритт так злится, когда она спускается к ним по-

прежнему прозрачная, а не матово клубясь от пресыщения. Но почему, собственно, они должны быть недовольны? Разреженность, которую она сохраняет, только придает синтезу особую прелесть. Другие триады, должно быть, захлебываются энергией, просто чавкают, но ведь и в легкости и воздушности, конечно, тоже есть свое неповторимое очарование. И ведь крошка-левый и крошка-правый отпочковались, как им положено, разве нет?

Но конечно, крошка-эмоциональ, сестра-серединка, требовала куда больше энергии, и Дуа никак не могла накопить ее достаточно.

Даже Ун начал заговаривать об этом:

«Ты поглощаешь слишком мало солнечного света, Дуа».

«Больше, чем нужно», — поспешно сказала Дуа.

«Триада Гении только что отпочковала эмоциональ».

Дуа недолюбливала Гению. Она ее никогда не любила. Гения была дурочкой даже по нормам эмоционалей. И Дуа сказала высокомерно:

«А, так, значит, она этим хвастает? В ней нет ни малейшей деликатности. Уж конечно, она шепчет всем, кто только готов слушать: «Я знаю, милочка, об этом вслух не говорят, но мой левник и мой правник, ты только представь себе...» — Дуа воспроизвела трепетные верещащие сигналы Гении с такой убийственной точностью, что Ун излучал веселость.

И тем не менее он сказал:

«Пусть Гения пустышка, но она взрастила эмоциональ, и Тритт очень расстроен. Мы образовали триаду раньше их...»

Дуа отвернулась.

«Я поглощаю столько солнца, сколько могу выдержать. Я питаюсь, пока не теряю способности двигаться. Не понимаю, чего вы от меня хотите».

«Не сердись, — сказал Ун. — Я обещал Тритту поговорить с тобой. Он думает, что ты меня послушаешься».

«А, Тритт просто считает странным, что ты рассказываешь мне про науку. Он не понимает... Или ты хотел бы, чтобы у вас была середина такая же, как в остальных триадах?»

«Нет, — ответил Ун твердо. — Ты не похожа на других, и

я этому рад. А если тебя интересует наука, то позволь, я тебе еще кое-что объясню. Солнце дает теперь меньше пищи, чем в древние времена. Световой энергии становится все меньше, и впитывать ее приходится много дольше. Рождаемость снижается из века в век, и население мира уменьшилось по сравнению с прошлым во много раз».

«Я тут ничем помочь не могу!» — сердито сказала Дуа.

«Зато Жесткие как будто могут. Их численность также сокращается...»

«А они тоже переходят?» — Дуа вдруг почувствовала, что это ей интересно. Почему-то ей всегда казалось, что Жесткие бессмертны — что они не рождаются и не умирают. Кто, например, хоть раз видел крошку-Жесткого? У них не бывает детей. Они не синтезируются. Они не едят.

Ун ответил задумчиво:

«Мне кажется, они переходят. Но о себе они со мной не разговаривают. Я даже не знаю точно, как они едят. Но есть они, конечно, должны. И они рождаются. Вот сейчас, например, среди них появился новый. Я его еще не видел... Ну, да дело не в этом. Видишь ли, они пытаются создать искусственную пищу...»

«Знаю, — сказала Дуа. — Я ее пробовала».

«Как? А я ничего об этом не слышал!»

«О ней болтала компания эмоционалей. Они слышали, что Жесткие ищут желающих ее попробовать, и все боялись, идиотки. Говорили, что от нее можно навсегда стать жесткой, разучиться синтезироваться».

«Какие глупости!» — раздраженно перебил Ун.

«Конечно. И я вызвалась попробовать. Тут уж им пришлось замолчать. С ними не хватит никакого терпения, Ун».

«Ну, как тебе показалась новая пища?»

«Мерзость, — резко сказала Дуа. — Грубая и горькая. Конечно, другим эмоционалям я про это не сказала».

«Я ее пробовал, — заметил Ун. — И право, она все-таки не настолько плоха».

«Рационалы и пестуны не обращают внимания на вкус пищи».

Но Ун продолжал:

«Это ведь только первые попытки. Жесткие сейчас напряженно работают над ее улучшением. И особенно Эстуолд — тот новый, о котором я упоминал, тот, которого я еще не видел. Судя по словам Лостена, таких Жестких, как он, еще никогда не бывало. Гениальный ученый».

«А почему же ты его не видел?»

«Но ведь я просто Мягкий. Или, по-твоему, они мне обо всем говорят и все показывают? Наверное, когда-нибудь я его увижу. Он открыл новый источник энергии, который может нас спасти...»

«Мне искусственная пища не нравится», — вдруг заявила Дуа и заструилась прочь.

Разговор этот происходил не так давно, и, хотя с тех пор Ун ни разу не упоминал про Эстуолда, она знала, что скоро опять о нем услышит, и теперь на закате тревожно размышляла о будущем.

Она видела искусственную пищу один-единственный раз — светящийся шар, что-то вроде маленького Солнца в особой пещере, отведенной для него Жесткими. Дуа вновь ощутила горечь этой пищи.

А если они ее улучшат? Сделают приятной? Или даже восхитительной? Тогда ей придется есть до полного насыщения, и ее охватит желание разреживаться...

Она страшилась этого самопроизвольного импульса к разреживанию. Он не был похож на чувство, которое заставляло ее разреживаться, чтобы мог осуществиться синтез левника и правника. Такое самопроизвольное разреживание покажет, что она готова к взращиванию крошки-серединки. А она... она не хочет этого!

Она далеко не сразу сказала правду даже себе. Она не хочет взращивать эмоциональ! Ведь после рождения троих детей неизбежно наступит время перехода, а она не хочет переходить. Ей вспомнился день, когда ее пестун навсегда ее покинул. Нет, с ней так не будет! Она была полна яростной решимости.

Остальные эмоционали ни о чем подобном не задумывались. Ведь они — пустышки, совсем не такие, как она. Как она — чудачка Дуа, олевелая эм. Так они ее прозвали, ну, она

и будет такой! До тех пор пока она не отпочкует третьего ребенка, она не перейдет, она останется жить.

А потому третьего ребенка не будет. Никогда. Никогда!

Но как это устроить? Как помешать Уну догадаться? А если Ун догадается, что тогда?

Глава 26

Ун выжидающе смотрел на Тритта. Он почти не сомневался, что на поверхность за Дуа Тритт подниматься не станет. Это значило бы оставить детей одних, чего он всегда избегал. Тритт молча медлил, а затем удалился — в сторону детской ниши.

Ун почувствовал облегчение. Не без горечи, конечно: ведь Тритт, рассердившись, замкнулся в себе, отчего взаимный контакт ослабел и возник барьер раздражения. Естественно, что Уну взгрустнулось, — словно упала жизненная пульсация.

Но может быть, и Тритт чувствует то же? Нет, это было бы несправедливо: Тритту хватает его особенного отношения к детям.

Ну а Дуа... Кто способен сказать, что чувствует Дуа? Да и вообще любая эмоциональ? Они настолько своеобразны, что рядом с ними левые и правые кажутся совершенно одинаковыми — если, конечно, не считать интеллекта. Но, даже и учитывая капризность эмоционалей, разве кто-нибудь способен сказать, что чувствует Дуа? Именно Дуа?

Вот почему Ун испытал облегчение, когда Тритт удалился. Дуа и в самом деле превратилась в загадку. Задержка с третьим ребенком действительно становилась опасной, а Дуа не только не прислушивалась к уговорам, но, наоборот, делалась все более упрямой. А в нем, в Уне, пробуждалось странное беспричинное беспокойство. Ему никак не удавалось определить, что это такое, и он решил обсудить вопрос с Лостеном.

Ун отправился в пещеры Жестких. Он спешил и двигался одним непрерывным струением, которое, однако, было

гораздо изящнее легкомысленных всплесков и стремительных скачков, которые характеризовали кривую движения эмоционалей, или забавного переваливания тяжеловесных пестунов.

В его памяти всплыл мысленный образ: Тритт неуклюже гоняется за крошкой-рационалом, который в нежном возрасте почти не уступал в неуловимости молодым эмоционалям. В конце концов Дуа блокировала крошку и вернула его в нишу, а Тритт нерешительно ахал, не зная, то ли хорошенько встряхнуть маленькую искорку жизни, то ли закутать ее в свое вещество. Ради детей Тритт умел разреживаться самым удивительным образом, а когда Ун его поддразнивал, Тритт, вообще не понимавший шуток, отвечал совершенно серьезно: «Пестунам можно, когда это нужно детям».

Ун гордился своим струением — грациозным и в то же время полным достоинства. Как-то он рассказал об этом Лостену — своему Жесткому руководителю, которому говорил о себе все. Лостен ответил: «А не кажется ли тебе, что эмоционалям и пестунам их манера передвижения нравится не меньше? Если вы думаете по-разному и действуете по-разному, то и удовольствия вам должны доставлять разные вещи, не так ли? Видишь ли, триада не исключает индивидуальности».

Однако Ун не совсем понимал, что такое индивидуальность. По-видимому, это значит — быть самому по себе? Каждый Жесткий, бесспорно, всегда сам по себе. У них нет триад. Но как они это выдерживают?

Когда Ун впервые задался этим вопросом, он был совсем еще маленький. Его взаимоотношения с Жесткими только-только завязывались, и внезапно он сообразил, что ничего толком о них не знает. Откуда он, собственно, взял, будто у Жестких нет триад? Конечно, такая легенда бытует среди Мягких, но верна ли она? Поразмыслив, он решил, что нужно спросить, а не принимать чужие утверждения на веру.

И он спросил: «Ру, вы левый или правый?» (Позже при одном воспоминании об этом Ун начинал пульсировать. Надо быть поразительно наивным, чтобы обратиться к Жесткому с таким вопросом! И его нисколько не утешала мысль,

что каждый рационал обязательно в той или иной форме задавал его Жесткому. Да, рано или поздно, но это случалось всегда, причем чаще — рано.)

Лостен ответил невозмутимо: «Ни то и ни другое, крошка-левый. Жесткие не делятся на левых и правых».

«И у них нет се... эмоционалей?»

«Серединок? — И форма перманентной сенсорной области Жесткого изменилась (позже Ун убедился, что подобные изменения ассоциируются с весельем или удовольствием). — Нет. Серединок у нас тоже нет. Только Жесткие — и все одинаковые».

Тогда Ун спросил — сам не зная, каким образом, почти против воли:

«Но как вы выдерживаете?»

«У нас ведь все по-другому, крошка-левый. Мы к этому привыкли».

Неужели Ун мог бы привыкнуть к чему-либо подобному? До сих пор его жизнь была неразрывно связана с родительской триадой, и он твердо знал, что в будущем, причем не таком уж отдаленном, станет членом собственной триады. Как же можно жить иначе?

Он иногда размышлял об этом с полным напряжением. Впрочем, он всегда размышлял с полным напряжением, что бы его ни занимало. И порой он как будто улавливал, что это значит. У Жесткого есть только он сам. Ни левого брата, ни правого, ни сестры-середины, ни синтеза, ни детей, ни пестунов — ничего этого у Жестких нет: ничего, кроме интеллекта, кроме исследования вселенной.

Возможно, им этого достаточно. Становясь старше, Ун начинал все глубже постигать радость познания. Ее было достаточно... почти достаточно. Но тут он вспомнил Тритта, Дуа и решил, что даже вся вселенная не может заменить их вполне.

Разве что... Странно, но порой ему начинало казаться, будто со временем, в определенной ситуации, в определенных условиях... Затем мимолетное прозрение будущего угасало бесследно. А потом опять вдруг вспыхивало, и все чаще

ему чудилось, что оно держится дольше и должно вот-вот запечатлеться в памяти.

Но сейчас важно другое. Надо что-то придумать с Дуа.

Он двигался по знакомой дороге. В первый раз его вел по ней пестун (скоро и Тритт поведет по ней их собственного маленького рационала, их крошку-левого).

Ну и конечно, он вновь погрузился в воспоминания.

Как тогда было страшно! Рядом другие маленькие рационалы пульсировали, мерцали, меняли форму, как ни сигналили им пестуны, чтобы оставались плотными, гладкими и не позорили триаду. А один маленький левый, приятель Уна, распластался и утончился совсем по-детски и не желал уплотняться, несмотря на все уговоры пестуна, изнемогавшего от смущения. (Тем не менее он стал прекрасным учеником... «Хотя до Уна ему и далеко», — не без самодовольства заключил Ун.)

В тот их первый школьный день с ними знакомилось много Жестких. Жесткие останавливались перед каждым маленьким рационалом, специальными способами определяли тип его вибраций и затем решали, принять ли его сейчас или выждать новый срок, а если принять, то какой курс обучения подойдет ему больше.

Когда Жесткий приблизился к нему, Ун, напрягая все свои силы, разгладился и заставил себя не мерцать.

Жесткий сказал (и Ун, впервые услышав непривычные тона его голоса, с перепугу чуть было не забыл, что он теперь большой и должен сохранять плотность):

«Очень устойчивый рационал. Как ты определяешь себя, левый?»

В первый раз Уна назвали «левый», а не «левулечка» или «левуленька», и он проникся неведомой прежде устойчивостью, а потому сумел выговорить твердо: «Ун, Жесткий-ру», отчеканив вежливое обращение, совсем как наставлял его пестун.

Ун смутно помнил, как его водили по пещерам Жестких, где он видел их приборы, их машины, их библиотеки, и терялся от непонятных зрелищ и звуков. Впрочем, помнил он

не столько их, сколько свое отчаяние, свой страх. Что они с ним сделают?

Пестун объяснил ему, что он будет учиться. Но что такое «учиться»? Он не знал, а когда спросил пестуна, оказалось, что тот тоже не знает, хотя и был много старше Уна.

Только через некоторое время он обнаружил, что это очень приятный процесс — чрезвычайно приятный, хотя и не без своих отрицательных сторон.

Сперва его руководителем стал Жесткий, который первым назвал его «левым». Этот Жесткий научил его воспринимать смысл волновых записей, и вскоре то, что прежде казалось ему недоступным для понимания кодом, превратилось в слова — такие же осмысленные и понятные, как те, которые он произносил с помощью своих вибраций.

Но затем первый Жесткий перестал появляться, и его сменил другой. Ун не сразу заметил, что у него другой руководитель (в те дни все Жесткие казались ему одинаковыми, и он не умел различать их голоса). Но потом он все-таки разобрал, что это другой Жесткий. Мало-помалу он уверился в своем открытии и почувствовал страх. Такая замена была непонятной, а потому пугала. В конце концов он собрался с духом и спросил:

«Где мой руководитель, Жесткий-ру?»

«Гамалдан?.. Он больше не будет руководить тобой, левый».

Ун на минуту утратил дар речи. Затем он все-таки сказал:

«Но ведь Жесткие не переходят...» — Он не решился закончить фразу.

Новый Жесткий промолчал и ничего не объяснил.

И так бывало всегда. В дальнейшем Ун убедился, что Жесткие избегают говорить о себе. Обо всем остальном они рассказывали охотно и подробно. Но о себе — ничего.

Некоторые факты в конце концов убедили Уна, что Жесткие тоже переходят, что они небессмертны (хотя большинство Мягких было твердо уверено в обратном). Но Жесткие хранили молчание. Иногда Ун и другие рационалы-ученики обсуждали это между собой — неуверенно, боязливо. Каждый подмечал что-то, что, казалось, неопровержимо

свидетельствовало о бренности Жестких, и все они думали: «Неужели?» — но избегали очевидного вывода и торопились переменить тему.

Жесткие как будто были равнодушны к тому, что молодые рационалы подмечают свидетельства их бренности. Они и не думали их скрывать. Но сами об этом никогда не говорили. А если их об этом спрашивали прямо (что порой оказывалось неизбежным), они ничего не отвечали — ни «да», ни «нет».

Однако, если они переходят, значит, они должны и рождаться, но и об этом от них нельзя было ничего узнать, и Ун ни разу не видел крошки-Жесткого.

Ун полагал, что Жесткие получают энергию от камней, а не от Солнца — вернее, что они вводят в свое тело черный каменный порошок. И так думал не он один. Но другие ученики сердито отказывались верить этому. Однако прийти к окончательному выводу было нельзя, потому что никто из них своими глазами не видел, как едят Жесткие, а те хранили молчание.

В конце концов Ун привык к этой сдержанности как к неотъемлемому их свойству. Возможно, размышлял он, причиной тут индивидуальность Жестких — то, что они не создают триад. Из-за этого они словно окружают себя оболочкой скрытности.

А потом Ун узнал такие важные и серьезные вещи, что они совсем заслонили от него загадки жизни Жестких. Например, он узнал, что мир сжимается... уменьшается...

Это сказал ему Лостен, его новый руководитель.

Ун задал вопрос о пустующих пещерах, которые бесконечными анфиладами уходили в самые недра мира, и Лостен, казалось, был доволен.

«Ты побаивался спросить об этом, Ун?»

(Теперь он был Ун, а не просто один из бесчисленных левых. Он всякий раз испытывал гордость, когда какой-нибудь Жесткий называл его по имени. А таких было немало. Ун усваивал знания с поразительной легкостью, и обращение по имени подчеркивало его исключительность. Лостен не раз

упоминал, как он доволен тем, что Ун занимается именно у него.)

После некоторых колебаний Ун признался, что ему действительно было страшно спросить. Признаваться в недостатках Жестким было легче, чем однокашникам-рационалам, и куда легче, чем Тритту... Нет, Тритту он вообще не признался бы... (Разговор этот происходил в то время, когда Дуа еще не стала членом их триады.)

«Так почему же ты спросил?»

Ун снова заколебался, но потом все-таки сказал медленно:

«Я боюсь необитаемых пещер, потому что, когда я был маленьким, мне рассказывали, будто они полны всяких ужасов. Но по собственному опыту я этого не знаю. Мне известно лишь то, что мне рассказывали другие дети, которые тоже по собственному опыту знать этого не могли. Я хочу знать о них правду, и желание это выросло настолько, что любопытство во мне теперь пересиливает страх».

Лостен как будто был доволен.

«Очень хорошо! Любопытство — полезное чувство, а страх пользы не приносит. Твое внутреннее развитие, Ун, не оставляет желать ничего лучшего. И помни: твое внутреннее развитие — вот что в конечном счете важнее всего. А наша помощь играет второстепенную роль. Раз ты хочешь узнать, то мне легко будет объяснить, что необитаемые пещеры действительно необитаемы. Они пусты. В них нет ничего, кроме ненужных вещей, оставленных там в прошлые времена».

«Кем оставленных, Жесткий-ру?»

Эту официально-почтительную форму обращения Ун теперь употреблял лишь в тех случаях, когда вдруг ощущал, насколько больше его Лостен осведомлен в том или ином вопросе.

«Теми, кто жил в них в прошлые времена. Множество циклов тому назад мир населяли сотни тысяч Жестких и миллионы Мягких. Нас стало гораздо меньше, Ун, чем было когда-то. Всего триста Жестких и менее десяти тысяч Мягких».

«Почему?» — Ун был потрясен. (Жестких осталось всего

триста! Почти прямое признание, что Жесткие тоже переходят... но задумываться об этом пока не время.)

«Потому что энергии становится все меньше. Солнце остывает. И с каждым циклом становится все труднее жить и взращивать детей».

(А это разве не значит, что Жесткие тоже взращивают детей? И еще одно: следовательно, Жесткие также получают пищу от Солнца, а не из камней. Но и эти мысли Ун решил обдумать после.)

«Так будет продолжаться и дальше?» — спросил Ун.

«Да, пока Солнце совсем не истощится и не перестанет давать пищу».

«Значит ли это, что мы все перейдем? И Жесткие, и Мягкие?»

«А можно ли сделать иной вывод?»

«Но нельзя же допустить, чтобы мы все перешли. Если нам нужна энергия, а Солнце истощается, так надо найти другие источники. Другие звезды».

«Видишь ли, Ун, остальные звезды тоже истощаются. Наша вселенная приближается к своему концу».

«А мы можем получать пищу только от звезд? Других источников энергии не существует?»

«Нет. Конец наступает для всех источников энергии во всей вселенной».

Ун недовольно обдумал это, а потом сказал:

«Ну а другие вселенные? Мы не должны гибнуть только потому, что гибнет наша вселенная».

Он весь пульсировал и с непростительной невежливостью расширился, стал почти прозрачным и заметно выше, чем Жесткий.

Однако Лостен излучил только большое удовольствие. Он сказал:

«Великолепно, левый мой. Об этом необходимо рассказать остальным».

От смущения и радости Ун мгновенно сжался до нормальных размеров. Ведь еще никто — кроме, конечно, Тритта — не обращался к нему с ласково-доверительным «левый мой».

И вскоре Лостен сам привел к ним Дуа. Ун тогда подумал, нет ли тут связи с их разговором, но со временем оставил эти мысли. Слишком уж часто твердит Тритт, что это ему они обязаны появлением Дуа — кто, как не он, попросил Лостена? И Ун, совсем запутавшись, вовсе перестал обдумывать эту тему.

И вот сейчас он снова идет к Лостену. С тех пор как он узнал, что вселенная приближается к концу и что (как вскоре выяснилось) Жесткие упорно ищут средства все-таки выжить, прошло много времени. Он уже стал специалистом в самых разных областях науки, и Лостен даже объявил, что физику Ун знает настолько полно, насколько ее вообще способен воспринять Мягкий. А тут новые рационалы достигли возраста обучения, и они с Лостеном виделись теперь все реже и реже.

Лостен занимался с двумя рационалами-подростками в радиационной камере. Он увидел Уна сквозь стеклянную дверь и вышел к нему, тщательно закрыв за собой дверь.

— Левый мой! — сказал он, протягивая свои конечности. При виде этого дружеского движения Ун, как и прежде, испытал безрассудное желание сжать их, но сумел сдержаться. — Как поживаешь?

— Я не хочу мешать вам, Лостен-ру.

— Мешать? Эти двое прекрасно позанимаются и сами. Вероятно, они только рады, что я ушел. Мне кажется, им надоедает все время меня слушать.

— Ну, уж этого не может быть, — сказал Ун. — Я всегда готов был слушать вас без конца. И конечно, их ваши объяснения увлекают не меньше.

— Ну-ну, спасибо на добром слове. Я часто вижу тебя в библиотеке, и мне говорили, что твои успехи в завершающих занятиях по-прежнему блестящи, но я немножко скучаю без своего лучшего ученика. Как поживает Тритт? Все еще по-пестунски упрям?

— Он с каждым днем становится упрямее. Триада только им и держится.

— А Дуа?

— Дуа? Я ведь искал вас... Вам известно, какая она особенная.

Лостен кивнул.

— Да, я знаю, — сказал он с выражением, которое Ун научился истолковывать как грусть.

Он немного поколебался, а потом решил говорить прямо.

— Лостен-ру, — начал он, — ее привели к нам, к Тритту и мне, именно потому, что она особенная?

— А тебя это удивило бы? Ты ведь и сам особенный. А ты не раз говорил мне, что Тритт бывает не таким, как другие пестуны.

— Да, — убежденно сказал Ун. — Он совсем не такой.

— И значит, естественно, что для вашей триады требовалась особенная эмоциональ, не так ли?

— Но ведь особенность бывает разная, — задумчиво сказал Ун. — Некоторые своеобразные привычки Дуа сердят Тритта и тревожат меня. Можно мне с вами посоветоваться?

— Разумеется.

— Она... она избегает синтеза.

Но Лостен слушал невозмутимо, как будто речь шла о самых обычных вещах.

Ун продолжал:

— В тех случаях, когда она соглашается, разреживание ей как будто приятно не меньше, чем нам, и все-таки соглашается она очень редко.

— А что ищет в синтезе Тритт? — спросил Лостен. — Помимо приятного ощущения от разреживания? Что важно для него?

— Дети, конечно, — ответил Ун. — Я им рад, и Дуа тоже, но ведь Тритт — пестун. Вам это понятно? (Уну вдруг показалось, что Лостен не способен уловить все тонкости внутренних взаимоотношений триады.)

— В какой-то мере, — ответил Лостен. — Следовательно, насколько я могу судить, Тритт получает от синтеза нечто большее, чем просто удовольствие? А как ты сам? Чем тебя привлекает синтез?

Ун задумался.

— По-моему, вы это знаете. Он дает мне своего рода интеллектуальную стимуляцию.

— Да, я знаю. Но мне нужно было проверить, насколько ты отдаешь себе в этом отчет. Я хотел убедиться, помнишь ли ты. Ведь ты не раз говорил мне, как, выходя из синтезированного состояния, которое сопряжено с загадочной и полной утратой ощущения времени — и, по правде сказать, ты действительно исчезал на довольно долгие сроки, — ты обнаруживал, что вопросы, прежде трудные и неразрешимые, вдруг стали ясными и понятными, что твои знания расширились.

— Мой интеллект словно бы оставался активным и на протяжении этого интервала полной утраты сознания, — сказал Ун. — У меня создается впечатление, будто это время, хотя я не замечал его и не ощущал собственного существования, было мне необходимо и давало мне возможность сосредоточиться на чисто умственных процессах, от которых меня ничто не отвлекало, как случается при нормальных обстоятельствах.

— Да, — согласился Лостен. — Когда ты снова являлся ко мне, твое мышление словно бы совершало качественный скачок. Для вас, рационалов, это обычно, хотя нельзя не признать, что никто еще не развивался такими гигантскими скачками, как ты. Я совершенно искренне считаю, что за всю историю в мире не было другого такого рационала.

— Нет, правда? — пробормотал Ун, стараясь удержать свою радость в пристойных границах.

— Впрочем, я могу и ошибиться... — Лостена как будто развеселила внезапность, с какой Ун перестал мерцать, — но пока оставим это. Суть в том, что тебе, как и Тритту, синтез дает что-то сверх самого синтеза.

— Да. Безусловно.

— А что получает от синтеза Дуа — сверх самого синтеза?

Наступило долгое молчание.

— Не знаю, — сказал наконец Ун.

— И ты ее не спрашивал?

— Нет.

— В таком случае, — продолжал Лостен, — если для тебя

и Тритта синтез — не самоцель, но в какой-то мере лишь средство, а для Дуа он не приносит ничего дополнительного, то и привлекать ее он должен меньше, чем вас.

— Но ведь другие эмоционали... — начал Ун, оправдываясь.

— Другие эмоционали не похожи на Дуа. Ты сам не раз говорил мне это, и, по-моему, с гордостью.

Уну стало стыдно.

— Мне казалось, что причина не в этом.

— А в чем же?

— Это очень трудно объяснить. Мы, как члены триады, знаем друг друга, ощущаем друг друга и в какой-то мере представляем собой три части, из которых слагается единая личность. Личность неясная, которая то вырисовывается, словно в дымке, то снова исчезает. Почти всегда это происходит где-то за гранью сознания. Если мы стараемся сосредоточиться и понять, все сразу как бы расплывается, не оставляя сколько-нибудь четкого образа. Мы... — Ун растерянно помолчал. — Очень трудно объяснить триаду тому, кто...

— Но все-таки я попытаюсь понять. Тебе кажется, что ты уловил какие-то тайные мысли Дуа? То, что она хотела бы скрыть от вас?

— Если бы я знал! Но это лишь смутное впечатление, которое порой теплится на самой периферии моего сознания.

— Ну и?..

— Иногда мне кажется, что Дуа просто не хочет взращивать крошку-эмоциональ.

Лостен внимательно посмотрел на него.

— У вас ведь, если не ошибаюсь, пока только двое детей? Крошка-левый и крошка-правый?

— Да, всего двое. Как вы знаете, взрастить эмоциональ очень трудно.

— Я знаю.

— А Дуа и не пытается поглощать необходимое количество энергии. Скорее даже наоборот. У нее всегда находится множество объяснений, но я им не верю. Мне кажется, она почему-то не хочет, чтобы у нас была эмоциональ. Сам я...

ну, если Дуа действительно предпочла бы подождать, я предоставил бы решать ей. Но ведь Тритт — пестун, и он настаивает. Ему нужна крошка-эмоциональ. Без нее его потребность заботиться о детях не находит удовлетворения. И я не могу лишать Тритта его права. Даже ради Дуа.

— А если Дуа не хочет взрастить крошку-эмоциональ по какой-нибудь вполне рациональной причине, ты с ней посчитался бы?

— Конечно. Но я, а не Тритт. Для него нет ничего важнее детей.

— Но ты постарался бы убедить его? Уговорить не торопиться?

— Да. Насколько это в моих силах.

— А ты замечал, что Мягкие... — Лостен запнулся в поисках подходящего слова и употребил обычное выражение Мягких: — Что они практически никогда не переходят до появления детей? Всех троих? Причем эмоциональ обязательно бывает последней?

— Я это знаю, — ответил Ун, недоумевая, почему Лостен решил, что ему могут быть неизвестны столь элементарные сведения.

— Другими словами, появление крошки-эмоционали означает приближение времени перехода.

— Но ведь не раньше, чем эмоциональ вырастет настолько, чтобы...

— Тем не менее переход превращается в неизбежность. Так, может быть, Дуа не хочет переходить?

— Но это немыслимо, Лостен! Переход — это как синтез: если время для него наступило, он совершается сам собой. Как тут можно хотеть или не хотеть? (Ах да, ведь Жесткие не синтезируются, а потому, возможно, им это непонятно!)

— А что, если Дуа решила вообще избежать перехода? Что бы ты сказал тогда?

— Но ведь мы обязательно должны перейти. Если Дуа хочет просто отложить взращивание последнего ребенка, я мог бы уступить ее желанию и, пожалуй, сумел бы уговорить Тритта. Но если она решила вообще не переходить, это недопустимо.

— Почему?

Ун задумался.

— Мне трудно объяснить, Лостен-ру. Но каким-то образом я знаю, что мы обязательно должны перейти. С каждым циклом это мое ощущение растет и крепнет. Иногда мне даже кажется, что я понимаю, в чем тут дело.

— Порой я готов думать, что ты философ, Ун, — суховато заметил Лостен. — Но давай рассуждать. Когда крошка-эмоциональ появится и подрастет, Тритт выпустит всех положенных ему детей и спокойно примет переход, ощущая, что ему было дано изведать всю полноту жизни. И сам ты примешь переход с удовлетворением, как завершающий этап в твоем стремлении обогащаться все новыми знаниями. А Дуа?

— Я не знаю, — сказал Ун расстроенно. — Другие эмоционали всю жизнь только и делают, что болтают друг с другом и, очевидно, находят в этом какое-то удовольствие. Но Дуа всегда держалась и держится особняком.

— Да, она необычна. И ей совсем ничто не нравится?

— Она любит слушать, как я рассказываю про мои занятия, — пробормотал Ун.

— Не надо стыдиться этого, Ун. Все рационалы рассказывают своим правникам и серединам о своих занятиях. Да, конечно, все вы делаете вид, будто этого никогда не случится, тогда как на самом деле...

— Но Дуа меня слушает, Лостен-ру. По-настоящему.

— В отличие от прочих эмоционалей? Охотно верю. А тебе никогда не казалось, что после синтеза она тоже начинает лучше понимать?

— Пожалуй... Но я как-то не обращал внимания...

— Да, поскольку ты убежден, что эмоционали не способны разбираться в подобных предметах. Но в Дуа как будто есть многое от рационала.

(Ун взглянул на Лостена с внезапной тревогой. Как-то раз Дуа рассказала ему, какой несчастной чувствовала она себя в детстве. Только один раз: о визгливых выкриках других эмоционалей, о гадком прозвище, которой они ей дали, — «олевелая эм». Неужели Лостен каким-то образом узнал про это?.. Но нет — его взгляд, устремленный на Уна, оставался невозмутимым.)

— Мне тоже так казалось. И я горжусь, что это так! — вдруг не выдержал Ун.

— И очень хорошо, что гордишься, — заметил Лостен. — Но почему бы не сказать ей об этом? А если ей нравится пестовать в себе рациональность, так почему бы не помочь ей? Учи ее тому, что знаешь, более систематически. Отвечай на ее вопросы. Или это покроет вашу триаду позором?

— Пусть покрывает!.. И, собственно, что тут позорного? Тритт заявит, что это напрасная трата времени, но я сумею его уговорить.

— Втолкуй ему, что Дуа, если у нее возникнет ощущение полноты жизни, перестанет бояться перехода и скорее согласится взрастить крошку-эмоциональ.

Ун ощущал такую радость, словно можно было больше не опасаться катастрофы, которая уже казалась неминуемой. Он сказал торопливо:

— Вы правы. Я чувствую, что вы правы. Лостен-ру, вы все понимаете! Раз вы возглавляете Жестких, проект контакта с той вселенной не может потерпеть неудачи!

— Я? — Лостен излучал веселость. — Ты забыл, что сейчас нас возглавляет Эстуолд. Проект многим обязан ему. Без Эстуолда работа почти не продвинулась бы.

— Да, конечно... — Ун немного приуныл. Он еще не видел Эстуолда. И никто из Мягких с ним не встречался, хотя некоторые и утверждали, будто видели его издали. Эстуолд был новый Жесткий. Новый в том смысле, что Ун в детстве ни разу не слышал его имени. А ведь это скорее всего означало, что Эстуолд — молодой Жесткий и был крошкой-Жестким, когда Ун был крошкой-Мягким.

Но сейчас Уна это не интересовало. Сейчас он хотел только одного — вернуться домой. Конечно, он не мог коснуться Лостена в знак признательности, но он еще раз горячо поблагодарил его и радостно поспешил назад.

Радость его была отчасти эгоистичной. Ее порождала не только надежда взрастить крошку-эмоциональ и не только мысль о том, как будет доволен Тритт. Даже сознание, что

Дуа обретет полноту жизни, было не главным. В эти минуты он с восторгом предвкушал то, что ждало его самого. Он будет учить! И ведь ни один из остальных рационалов не может даже мечтать о подобном счастье! В чьей еще триаде есть такая эмоциональ, как Дуа?

Если только Тритт сумеет понять, что это необходимо, все будет чудесно. Надо поговорить с Триттом, убедить его набраться терпения.

Глава 2в

Тритт чувствовал, что больше терпеть нельзя. Да, он не понимает, почему Дуа поступает так, а не иначе. Он и не хочет ничего понимать. Его это не интересует. Откуда ему знать, почему эмоционали ведут себя так, как они себя ведут! А Дуа к тому же и ведет себя не так, как они.

Она никогда не думает о важном. Она любит смотреть на Солнце. А сама рассеивается до того, что свет и пища проходят сквозь нее. И объясняет, что так красивее. Но ведь это неважно. Важно есть досыта. И при чем тут красота? Да и вообще — что такое красота?

И с синтезом она все время что-то придумывает. Один раз даже сказала: «Давайте обсудим, что, собственно, происходит. Мы ведь никогда не говорим и даже не думаем про это».

А Ун твердит одно: «Не мешай ей, Тритт. Так лучше».

Ун чересчур уж терпеливый. Только и знает, что повторять — не надо торопиться, надо подождать, и все будет хорошо. Или говорит, что ему нужно обдумать вопрос.

А что значит «обдумать вопрос»? Неизвестно. То есть это значит, что Ун ничего делать не станет.

Вот как было тогда с Дуа. Ун и сейчас бы еще обдумывал вопрос. А он, Тритт, пошел и сказал, что им нужна эмоциональ. Вот как надо.

А теперь Ун говорит, что Дуа надо оставить в покое, и ничего не делает. А как же крошка-эмоциональ? Самое-самое важное? Ну ладно, раз Ун хочет обдумывать вопрос, тогда Тритт сам возьмется за дело.

И он уже взялся. Пока эти мысли мелькали в его сознании, он все продвигался и продвигался по длинному коридору и только сейчас заметил, какой большой путь уже проделал. Может, это и есть «обдумывать вопрос»? Нет, он не будет бояться. Он не повернет назад.

Тритт осторожно огляделся. Да, это дорога к пещерам Жестких. Скоро он поведет по ней своего левенького. Ун как-то показал ему эту дорогу.

Он не знал, что будет делать, когда доберется туда. Но страха он не чувствовал. Ему нужна крошка-эмоциональ. И Жесткие позаботятся, чтобы она у него была. Привели же они Дуа, когда он попросил!

Но только кого просить? Первого Жесткого, который ему встретится? Нет, он ведь уже все решил. Он же помнит имя. Он скажет его и будет говорить с тем Жестким, которого так зовут.

И он помнит не только имя. Он даже помнит, как услышал это имя в первый раз. Это случилось, когда левенький впервые нарочно изменил свою форму. (Какой это был день! «Ун, скорее! Аннис собрался в овал и стал совсем твердым! Сам! Дуа, да посмотри же!» И они примчались. Аннис был у них тогда один. Им ведь столько времени пришлось ждать второго! Они примчались, а левенький как раз уплощился в уголке. Он закручивал края и расползался по своей постельке, словно жидкий. Ун сразу ушел, потому что ему было некогда. А Дуа сказала: «Ничего, Тритт, он сейчас опять это сделает!» Они ждали и ждали, но Аннис больше не пожелал овалиться.)

Тритт тогда обиделся, что Ун не захотел ждать. Он бы его выбранил, но Ун выглядел таким усталым! Его овоид был весь покрыт морщинками, а он даже не пробовал их разгладить. И Тритт встревожился:

«Случилось что-нибудь плохое, Ун?»

«Просто у меня был тяжелый день, и, боюсь, до следующего синтеза я так и не сумею разобраться с дифференциальными уравнениями». (Тритт не был уверен, верно ли он

запомнил жесткие слова. Во всяком случае, Ун сказал что-то в этом роде. Ун все время говорил жесткие слова.)

«Ты хочешь синтезироваться сейчас?»

«Ничего не выйдет. Я как раз видел, что Дуа отправилась на поверхность, а ты знаешь, она не любит, чтобы мы уводили ее оттуда. Время терпит. И еще вот что — появился новый Жесткий».

«Новый Жесткий?» — повторил Тритт без всякого интереса.

Ему вообще не нравилось, что Ун всегда ищет общества Жестких. Ни один из рационалов, живущих по соседству, не занимался с таким усердием тем, что Ун называл «образованием». Это было нечестно. Ун думает только об образовании. Дуа думает только о том, чтобы бродить одной по поверхности. И никто, кроме Тритта, не думает о триаде и не заботится о ней.

«Его зовут Эстуолд», — сказал Ун.

«Эстуолд?» — Тритту вдруг стало чуточку интересно. Может быть, потому, что он очень старательно настраивался на чувства Уна.

«Я его еще не видел, но они только о нем и говорят. — Глаза Уна уплощились, как бывало всегда, когда он думал о своем. — Благодаря ему у них уже есть новое изобретение».

«А что это такое?»

«Позитронный На... Ты не поймешь, Тритт. Это одна новая вещь, которой обзавелись Жесткие. Она революционизирует весь мир».

«А что это такое — революционизирует?»

«Все станет другим».

Тритт сразу встревожился:

«Не надо, чтобы Жесткие все делали другим».

«Они все сделают лучше. Другое вовсе не обязательно значит плохое. Ну, во всяком случае, это придумал Эстуолд. Он удивительно умен. Такое у меня чувство».

«А почему он тебе не нравится?»

«Я этого не говорил».

«Но ты ощущаешься так, словно он тебе не нравится».

«Ничего подобного, Тритт. Просто... ну, просто... — Ун

засмеялся. — Мне завидно. Жесткие настолько умны, что ни один Мягкий не может и мечтать с ними сравниться, но я с этим свыкся — ведь Лостен постоянно повторяет мне, что я удивительно умен... наверное, он имел в виду — для Мягкого. А теперь появился Эстуолд, и даже Лостен не помнит себя от восхищения. А я — ничто, пустое место».

Тритт выпятил переднюю плоскость, чтобы коснуться Уна, чтобы напомнить ему, что он не один. Ун посмотрел на него и улыбнулся.

«Но все это глупости. Как бы ни были умны Жесткие, а Тритта ни у одного из них нет!»

Потом они все-таки отправились искать Дуа. И надо же так случиться — она как раз кончила свои блуждания и сама спускалась вниз! Синтез получился очень полный, хотя длился всего один день. Тритту тогда было не до синтезов. Он боялся надолго отлучиться от маленького Анниса, хотя за ним, конечно, в это время присматривали другие пестуны.

После этого Ун время от времени упоминал про Эстуолда. Только он всегда называл его просто Новый, даже когда прошло уже много дней. Сам он его еще ни разу не видел. «Мне кажется, я его бессознательно избегаю, — сказал он как-то, когда с ним была Дуа. — Потому что он слишком хорошо осведомлен о новом изобретении. Я не люблю получать готовые сведения, гораздо интереснее самому все узнавать».

«Про Позитронный Насос?» — спросила тогда Дуа.

Еще одна ее странность, с раздражением подумал Тритт. Дуа умела выговаривать жесткие слова не хуже самого Уна. А эмоционали это не полагается.

И Тритт решил спросить Эстуолда. Ведь Ун говорил, что он удивительно умный. А раз Ун его не видал, Эстуолд уже не сможет сказать: «Я обсудил это с Уном, Тритт. Ты напрасно беспокоишься».

Все почему-то считают, что говорить с рационалом — значит говорить с триадой. А на пестунов никто даже внимания не обращает. Но уж теперь придется все-таки обратить!

Он уже двигался внутри Жестких пещер, и вдруг его поразила странность всего того, что было вокруг. Он не видел

ничего привычного. Все здесь было чужим, неправильным и пугало своей непонятностью. Но он подумал, что ему надо поговорить с Эстуолдом, и страх уменьшился. «Мне нужна крошка-серединка», — повторил он про себя и собрался с силами настолько, что смог двигаться дальше.

В конце концов он увидел Жесткого. Только одного. Он что-то делал. Нагибался над чем-то и что-то делал. Ун однажды сказал ему, что Жесткие всегда работают над своими... ну, над этими. Тритт не помнил над чем, да и помнить не хотел.

Он приблизился к Жесткому ровным движением и остановился.

— Жесткий-ру! — сказал он.

Жесткий посмотрел на него, и воздух между ними завибрировал. Тритт вспомнил, как Ун рассказывал, что воздух всегда вибрирует, когда Жесткие говорят между собой. Но тут Жесткий словно бы наконец увидел Тритта по-настоящему и сказал:

— Да это же правый! Что ты тут делаешь? Ты привел своего левого? Разве семестр начинается сегодня?

Тритт не старался понять, о чем говорит Жесткий. Он спросил:

— Где я могу найти Эстуолда, руководитель?

— Кого-кого?

— Эстуолда.

Жесткий долго молчал, а потом сказал:

— А какое у тебя дело к Эстуолду, правый?

Тритт упрямо посмотрел на него.

— Мне надо поговорить с ним об очень важном. Вы и есть Эстуолд, Жесткий-ру?

— Нет... А как тебя зовут, правый?

— Тритт, Жесткий-ру.

— А-а! Ты ведь правый в триаде Уна?

— Да.

Голос Жесткого словно стал мягче.

— Боюсь, ты сейчас не сможешь повидать Эстуолда. Его тут нет. Но, может быть, ты захочешь поговорить с кем-нибудь другим?

Тритт молчал, не зная, что ответить.

Тогда Жесткий сказал:

— Возвращайся домой. Поговори с Уном. Он тебе поможет. Ведь так? Возвращайся домой, правый.

И Жесткий отвернулся. Он, казалось, был занят чем-то, что совсем не касалось Тритта, и Тритт продолжал стоять в нерешительности. Потом он двинулся в другую пещеру, струясь совсем бесшумно. Жесткий даже и не посмотрел в его сторону.

Сначала Тритт не понимал, почему он свернул именно сюда. Просто он ощущал, что так будет лучше. А потом вдруг все стало ясно. Вокруг была легкая теплота пищи, и незаметно для себя он уже поглощал ее.

Тритт подумал, что вроде бы он и не был голоден — и все-таки он ест и получает от этого удовольствие.

Солнца нигде не было видно. Тритт инстинктивно посмотрел вверх, но, конечно, увидел только потолок пещеры. И тут он подумал, что на поверхности такой вкусной пищи ему ни разу пробовать не приходилось. Он с удивлением посмотрел по сторонам и задумался. А потом удивился еще больше — тому, что задумался.

Ун порой раздражал его, задумываясь о множестве вещей, которые не имели никакой важности. И вот теперь он — Тритт! — вдруг тоже задумался. Но ведь он задумался об очень важной вещи. Внезапно ему стало ясно, до чего она важная. На мгновение весь замерцав, он понял, что не смог бы задуматься, если бы что-то внутри не подсказало ему, насколько это важно.

Он сделал все очень быстро, поражаясь собственной храбрости. А затем отправился обратно. Поравнявшись с Жестким — с тем, которого он спрашивал про Эстуолда, — он сказал:

— Я возвращаюсь домой, Жесткий-ру.

Жесткий ответил что-то невнятное. Он по-прежнему делал что-то, наклонялся над чем-то, занимался глупостями и не замечал самого важного.

«Если Жесткие действительно так могущественны и умны, — подумал Тритт, — то как же они могут быть такими глупыми?»

Глава 3а

Дуа почти незаметно для себя самой направилась в сторону Жестких пещер. Солнце село, а это все-таки была хоть какая-то, но цель. Что угодно, лишь бы оттянуть возвращение домой, где Тритт опять будет ворчать и требовать, а Ун смущенно советовать, не веря в пользу этих советов. К тому же Жесткие пещеры манили ее сами по себе.

Она давно ощущала их притягательную силу — собственно говоря, с тех пор, как перестала быть крошкой, — и теперь уже больше не могла притворяться перед собой, будто ничего подобного нет. Эмоционалям не полагалось испытывать подобные влечения. Правда, у иных из них в детстве проскальзывали такие наклонности (теперь Дуа была уже достаточно взрослой и опытной, чтобы понимать это), но увлечение проходило само собой, а если оно оказывалось слишком сильным, то его быстро гасили.

Впрочем, когда она сама была крошкой, она упрямо продолжала интересоваться и миром, и Солнцем, и пещерами, и... ну, всем, чем только возможно, и ее пестун все чаще повторял: «Ты не такая, как все, Дуа моя. Ты странная серединка. Что с тобой будет дальше?»

Сначала она никак не могла взять в толк, почему узнавать новое — значит быть странной и не такой, как другие. Но очень скоро убедилась, что пестун просто не способен отвечать на ее вопросы, и однажды попросила своего левого породителя объяснить ей что-то. А он сказал только — и не с ласковым недоумением, как пестун, но резко, почти грубо: «Зачем ты об этом спрашиваешь, Дуа?» — и поглядел на нее испытующе и строго.

Она в испуге ускользнула и больше никогда не задавала ему вопросов.

А потом настал день, когда другая маленькая эмоциональ, ее сверстница, взвизгнула «Олевелая эм!», после того как она сказала... Дуа уже не помнит, что она тогда сказала, но в тот момент это представлялось ей вполне естественным. Она растерялась, ей почему-то стало стыдно, и она спросила у своего левого брата, который был гораздо старше ее, что

такое «олевелая эм». Он замкнулся в себе, смутился — смущение она восприняла очень четко — и пробормотал: «Не знаю», хотя ей было ясно, что он это прекрасно знает.

Поразмыслив, она пошла к своему пестуну и спросила: «Я олевелая эм, папочка?»

Он сказал: «А кто тебя так назвал, Дуа? Не надо повторять нехорошие слова».

Она обвилась вокруг его ближнего уголка, немножко подумала и сказала:

«А это очень нехорошо?»

«С возрастом у тебя это пройдет», — сказал он и выпятился так, что она начала раскачиваться и вибрировать. Она всегда очень любила эту игру, но на этот раз ей не захотелось играть — ведь нетрудно было догадаться, что, в сущности, он ничего не ответил. Она заструилась прочь, раздумывая над его словами: «С возрастом у тебя это пройдет». Значит, сейчас у нее «это» есть. Но что «это»?

Даже тогда у нее не было настоящих подруг среди эмоционалей. Они любили перешептываться и хихикать, а она предпочитала струиться по каменным обломкам, которые нравились ей своей зазубренностью. Но некоторые из ее сверстниц-середин относились к ней без враждебности и не так ее раздражали. Например, Дораль. Она была, конечно, не умнее остальных, но зато от ее болтовни иногда становилось весело. (Дораль, когда выросла, вошла в триаду с правым братом Дуа и очень молодым левым из другого пещерного комплекса — этот левый показался Дуа не слишком симпатичным. Затем Дораль взрастила крошку-левого и почти сразу же — крошку-правого, а за ними через самый короткий промежуток последовала крошка-серединка. Сама Дораль стала теперь такой плотной, что казалось, будто в их триаде два пестуна, и Дуа не понимала, как они вообще могут синтезироваться... И тем не менее Тритт все чаще многозначительно говорил при ней о том, какую замечательную триаду помогла создать Дораль.)

Как-то, когда они с Доралью сидели вдвоем, Дуа шепнула: «Дораль, а ты не знаешь, что такое олевелая эм?»

Дораль захихикала, собралась в комок, словно стараясь

стать как можно незаметнее, и ответила: «Это эмоциональ, которая держится точно рационал. Ну, знаешь, как левый. Поняла? «Олевелая эм» — это значит «левая эмоциональ». Поняла?»

Разумеется, Дуа поняла. Стоило немножко подумать, и это стало очевидным. Она бы и сама разобралась, если бы могла вообразить подобное. Она спросила:

«А ты откуда знаешь?»

«А мне говорили старшие эмоционали. — Вещество Дорали заклубилось, и Дуа почувствовала, что ей это почему-то неприятно. — Это неприлично!» — добавила Дораль.

«Почему?»

«Ну, потому что неприлично. Эмоционали не должны вести себя как рационалы».

Прежде Дуа вообще не задумывалась над такой возможностью, но теперь она поразмыслила и спросила:

«Почему не должны?»

«А потому! И знаешь, что еще неприлично?»

Дуа почувствовала невольное любопытство:

«Что?»

Дораль ничего не ответила, но внезапно часть ее резко расширилась и задела Дуа, которая от неожиданности не успела втянуться. Ей стало неприятно, она сжалась и сказала:

«Не надо!»

«А знаешь, что еще неприлично? Можно забраться в камень!»

«Нет, нельзя», — заявила Дуа. Конечно, глупо было так говорить, ведь Дуа сама нередко забиралась во внешние слои камней, и ей это нравилось. Но хихиканье Дорали так ее уязвило, что она почувствовала гадливость и тут же убедила себя, что ничего подобного не бывает.

«Нет, можно. Это называется камнеедство. Эмоционали могут залезть в камни, когда захотят. А левые и правые — только пока они крошки. Они, когда вырастут, смешиваются между собой, а с камнями не могут».

«Я тебе не верю! Ты все выдумала!»

«Да нет же! Ты знаешь Димиту?»

«Не знаю».

«А ты вспомни. Ну, такая, с уплотненным уголком из Пещеры В».

«Та, которая струится как-то боком?»

«Ага. Это ей уголок мешает. Ну, так она один раз залезла в камень вся целиком — только уголок торчал наружу. А ее левый брат все видел и рассказал пестуну. Что ей за это было! С тех пор она и правда от камней шарахается».

Дуа тогда ушла встревоженная и расстроенная. После этого они с Доралью долгое время вообще не разговаривали, да и потом их полудружеские отношения не возобновились. Но ее любопытство росло и росло.

Любопытство? Почему бы сразу не сказать — «олевелость»?

Однажды, убедившись, что пестуна поблизости нет, она проникла в камень — потихоньку и совсем немножко. Она не позабыла, как это бывало в раннем детстве. Но, кажется, тогда она так глубоко все-таки не забиралась. Ее пронизывала приятная теплота, однако, выбравшись наружу, она испытала такое чувство, будто камень оставил на ней след и теперь все догадаются, чем она занималась.

Тем не менее она продолжала свои попытки, с каждым разом все более смело, и совсем перестала внутренне смущаться. Правда, по-настоящему глубоко в камень она никогда не забиралась.

В конце концов пестун поймал ее и выбранил. После этого она стала более осторожной. Но теперь она была старше и знала, что ничего особенного в ее поведении нет — как бы ни хихикала Дораль, а почти все эмоционали лазали в камни, причем некоторые открыто этим хвастали.

С возрастом, однако, эта привычка исчезла, и, насколько Дуа знала, ни одна из ее сверстниц не вспоминала детские проказы после того, как вступала в триаду. Она же — и это было ее заветной тайной, которой она не делилась ни с кем, — раза два позволила себе погрузиться в камень и после вступления в триаду. (Оба раза у нее мелькала мысль — а что, если узнает Тритт?.. Такая перспектива не сулила ничего хорошего, и у нее портилось настроение.)

Она находила для себя неясное оправдание в том, что ее сверстницы смеялись над ней и дразнили. Вопль «Олевелая

эм!» преследовал ее повсюду, внушал ей ощущение неполноценности и стыда. В ее жизни наступил период, когда она начала прятаться, лишь бы не слышать этой клички. Вот тогда-то в ней окончательно окрепла любовь к одиночеству. Оставаясь одна, она находила утешение в камнях. Камнеедством, прилично оно или нет, заниматься можно было только в одиночку, а ведь они обрекали ее на одиночество.

Во всяком случае, так она убеждала себя.

Один раз она попыталась ответить им тем же и закричала дразнившим ее эмоционалям:

«А вы все — оправелые эм, оправелые, оправелые!»

Но они только засмеялись, и Дуа, потерпев поражение, ускользнула от них совсем расстроенная. Но ведь она сказала правду! Когда эмоционали достигали триадного возраста, они начинали интересоваться крошками и колыхались вокруг них совсем по-пестунски, а это Дуа находила отвратительным. Сама она никогда подобного интереса не испытывала. Крошки — это крошки, и опекать их должны правые братья.

Дуа становилась старше, и ее перестали дразнить. Тут сыграло известную роль и то, что она сохраняла юную разреженную структуру и умела струиться, как-то по-особенному матово клубясь, — ни у одной из ее сверстниц это не получалось. А уж когда левые и правые начали проявлять к ней все более живой интерес, остальные эмоционали быстро обнаружили, что их насмешки обращаются против них же самих.

И тем не менее... тем не менее теперь, когда никто не посмел бы говорить с Дуа пренебрежительно (ведь всем пещерам было известно, что Ун — самый выдающийся рационал своего поколения и что Дуа — середина его триады), именно теперь к ней пришло твердое сознание, что она действительно олевелая эм и останется такой навсегда.

Однако теперь она была убеждена, что ничего неприличного в этом нет — ну совершенно ничего. И все-таки порой ловила себя на мысли, что ей лучше было бы появиться на свет рационалом, и вся сжималась от стыда. Но, может быть, и другие эмоционали иногда... или хотя бы очень редко... А может быть, именно поэтому — хотя бы отчасти — она не

хочет взрастить крошку-эмоциональ?.. Потому что она сама — не настоящая эмоциональ... и плохо выполняет свои обязанности по отношению к триаде...

Ун как будто не имел ничего против ее олевелости. И уж конечно, никогда не употреблял этого слова. Наоборот, ему нравилось, что ей интересна его жизнь, ему нравились ее вопросы — он отвечал на них с удовольствием и радовался, что она понимает его ответы. Он даже защищал ее, когда Тритт начинал ревновать... ну, собственно, не ревновать, а сердиться, потому что их поведение противоречило его узким и незыблемым представлениям о жизни.

Ун иногда водил ее в Жесткие пещеры, стараясь показать, чего он стоит, и открыто гордился тем, что умеет произвести на нее впечатление. И он действительно производил на нее впечатление, хотя больше всего Дуа поражалась не его знаниям и уму — в них она не сомневалась, — а его готовности разделить эти знания с ней. (Она хорошо помнила, с какой резкостью ее левый породитель оборвал ее только потому, что она попыталась задать ему вопрос.) И особенно остро она ощущала свою любовь к Уну именно в те минуты, когда он позволял ей разделять с ним его жизнь. Однако это тоже было свидетельством ее олевелости.

Возможно даже (она вновь и вновь возвращалась к этой мысли), что именно олевелость сближала ее с Уном, отдаляя от Тритта, и, наверное, именно поэтому упрямая узость правника была ей так неприятна. Ун никогда не выражал своего отношения к такому необычному положению вещей в их триаде, но Тритт, пожалуй, смутно ощущал что-то неладное и, хотя был не способен понять, в чем дело, все же улавливал достаточно, чтобы чувствовать себя несчастным и не разбираясь в причинах.

Когда она впервые попала в Жесткие пещеры, ей довелось услышать разговор двух Жестких. Конечно, тогда она не поняла, что они разговаривают. Просто воздух вибрировал очень сильно и неравномерно, отчего у нее где-то глубоко внутри возник неприятный зуд. Она даже начала разреживаться, чтобы вибрации проходили насквозь, не задевая ее. Но тут Ун сказал:

«Это они разговаривают».

И поспешил добавить, предвосхищая ее недоуменный вопрос:

«По-своему. Мы так не можем. Но они друг друга понимают».

Дуа сразу сумела уловить это совершенно непривычное для нее представление — и радость познания нового стала еще больше потому, что Ун был очень доволен ее сообразительностью. (Он как-то сказал: «У всех рационалов, которых я знаю, эмоционали — совершенные дурочки. Мне удивительно повезло». А она ответила: «Но другим рационалам нравятся как раз дурочки. Почему ты не такой, как они?» Ун не стал отрицать, что другим рационалам нравятся дурочки, а просто заметил: «Я никогда над этим не размышлял, и, на мой взгляд, это не стоит размышлений. Просто я горжусь тобой и я горд своей гордостью».)

Она ответила: «А ты понимаешь, что говорят Жесткие, когда они говорят по-своему?»

«Не совсем, — ответил Ун. — Я не успеваю воспринимать различия в колебаниях. Иногда мне удается уловить ощущение общего смысла их речи — особенно после синтеза. Но далеко не всегда. Улавливать ощущение — это, собственно, свойство эмоционалей, но беда в том, что эмоциональ не способна воспринять смысл того ощущения, которое она улавливает. А вот ты, пожалуй, сумела бы».

Дуа застеснялась.

«Я бы побоялась. А вдруг им это не понравится?»

«Ну, попробуй! Мне очень интересно знать, получится ли у тебя что-нибудь. Проверь, сможешь ли ты понять, о чем они говорят».

«Ты правда этого хочешь?»

«Правда. Если они поймают тебя на этом и рассердятся, я скажу, что это я велел».

«Обещаешь?»

«Обещаю».

Сама почти вибрируя, Дуа рискнула настроиться на Жестких и замерла в полной пассивности, которая дает возможность воспринимать чужие ощущения.

Она сказала:

«Возбуждение! Они волнуются. Из-за кого-то нового».

«Может быть, это Эстуолд», — заметил Ун.

Так Дуа в первый раз услышала это имя. Она сказала:

«Как странно!»

«Что странно?»

«Я ощущаю солнце. Очень большое солнце».

Ун стал серьезным.

«Да, они могут говорить про это».

«Но как же так? Где оно?»

Тут Жесткие заметили их, подошли поближе и ласково поздоровались, выговаривая слова так, как их выговаривают Мягкие. Дуа ужасно смутилась, и ей стало страшно — а вдруг они знают, что она на них настраивалась? Но они, даже если и заметили это, ничего ей не сказали.

(Потом Ун объяснил ей, что подсмотреть, как Жесткие разговаривают между собой по-своему, удается очень редко. Они всегда считаются с присутствием Мягких и, увидев их, тотчас оставляют свою работу. «Они нас любят, — сказал Ун. — И они очень добрые».)

Ун и после этого иногда водил ее в Жесткие пещеры — обычно в те часы, которые Тритт всецело посвящал детям. И не считал нужным сообщать Тритту об этих их прогулках. Тритт непременно заговорил бы о том, что Ун без конца потакает Дуа и она, того и гляди, вовсе перестанет питаться, а тогда какой же будет толк от синтеза?.. С Триттом невозможно было и двух слов сказать без того, чтобы он так или иначе не упомянул про синтез.

Три раза она отправлялась в Жесткие пещеры совсем одна, хотя и пугалась собственной смелости. Правда, Жесткие, которые ей встречались, всегда были ласковы, или «очень добрые», как выразился Ун. Но они не принимали ее всерьез. Когда она задавала вопросы, они были довольны, но в то же время посмеивались — это она ощущала совершенно ясно. И отвечали так просто, что их слова не содержали никаких сведений. «Это машина, Дуа, — говорили они. — Может быть, Ун сумеет объяснить, что это такое».

Интересно, а был ли среди них Эстуолд? У нее не хвати-

ло храбрости спрашивать Жестких, как их зовут. И по имени она знала только Лостена, с которым ее познакомил Ун и о котором она много слышала раньше. Иногда ей казалось, что вот этот Жесткий или вон тот, наверное, и есть Эстуолд. Ун говорил об Эстуолде с величайшим почтением и с некоторой обидой.

Насколько она поняла, Эстуолд был так поглощен чрезвычайно важной работой, что почти никогда не заглядывал в пещеры, куда допускались Мягкие.

Она свела воедино то, о чем ей в разное время сообщал Ун, и мало-помалу поняла, что мир получает все меньше и меньше пищи. Впрочем, Ун почти никогда не говорил «пища», а только «энергия», объяснив, что так ее называют Жесткие.

Солнце остывало, оно умирало, но Эстуолд открыл, как можно добыть энергию из неимоверной дали, которая лежит дальше Солнца, дальше семи звезд, светящихся в темном небе. (Ун как-то объяснил, что семь звезд — это семь солнц, только находящихся очень далеко, и что есть еще много звезд, еще более далеких, а потому их нельзя увидеть. Это услышал Тритт и спросил, зачем нужны звезды, если их нельзя увидеть, а потом заявил, что ничему этому не верит. Ун терпеливо произнес: «Ну, Тритт, оставь». Дуа как раз собиралась сказать примерно то же, что и Тритт, но после этого удержалась и промолчала.)

А теперь получалось, что в будущем энергии станет опять много — и уже навсегда. Пищи будет сколько угодно — как только Эстуолд и другие Жесткие сумеют сделать новую энергию достаточно вкусной.

Всего несколько дней назад она сказала Уну:

«Помнишь, как давным-давно, когда ты в первый раз привел меня в Жесткие пещеры и я настроилась на Жестких, я сказала, что поймала ощущение большого солнца?»

Он не сразу сообразил, о чем она говорит.

«Я что-то не помню. Но продолжай, Дуа. Почему ты об этом заговорила?»

«Я все думаю — ведь это большое солнце и есть источник новой энергии?»

А Ун ответил с радостью:

«Отлично, Дуа! Это не совсем точно, но такая интуиция у эмоционали — это великолепно!»

Дуа, хмуро перебирая все эти воспоминания, медленно двигалась и двигалась вперед. Она добралась до Жестких пещер и только тут заметила, что совсем утратила представление о времени и пространстве. Она уже подумала, что слишком задержалась и, пожалуй, лучше будет все-таки вернуться домой и вытерпеть неизбежные упреки Тритта, как вдруг... словно причиной этому была мысль о Тритте... она ощутила Тритта совсем рядом.

Ощущение было удивительно сильным, и мелькнувшая было у нее мысль, что она вопреки всякой вероятности уловила его чувство через расстояние, отделяющее ее от домашней пещеры, тут же исчезла. Нет-нет! Он здесь, в Жестких пещерах, неподалеку от нее.

Но что он тут делает? Ищет ее? Собирается бранить ее здесь? Или ему взбрело на ум нажаловаться Жестким? Нет, уж этого она не вынесет...

Но чувство холодного ужаса тут же угасло, сменившись изумлением. Тритт вовсе не думал о ней. Он не чувствовал ее присутствия. Она воспринимала только всепоглощающую решимость, к которой примешивались робость и страх перед тем, что он намеревался сделать.

Дуа могла бы проникнуть глубже и хотя бы в общих чертах узнать, что он собирается сделать и почему, но ничего подобного ей и на мысль не пришло. Раз уж Тритт не знает, что она тут, важно одно — чтобы он этого так и не узнал.

И она почти инстинктивно совершила то, что всего мгновение назад показалось бы ей невероятным, не допустимым ни при каких обстоятельствах.

Быть может (как она решила позже), все случилось оттого, что совсем недавно она вспоминала свои разговоры с Доралью и детское камнеедство (у камнеедства было сложное взрослое название, но детское смущало ее меньше).

Но как бы то ни было, не отдавая себе отчета в том, что она делает... в том, что она уже сделала... Дуа торопливо скользнула в ближайшую стену.

Глубоко внутрь! Вся целиком!

Она ужаснулась своему поступку, но ей тут же стало легче оттого, что ее уловка оказалась не напрасной: Тритт прошел совсем рядом с ней, но в нем ни на миг не возникло даже смутного ощущения, что он мог бы сейчас дотронуться до своей эмоционали.

Впрочем, Дуа уже больше не думала о том, зачем Тритт явился в Жесткие пещеры, ищет ли он ее или нет.

Она попросту забыла про Тритта.

В это мгновение она не испытывала ничего, кроме всепоглощающего изумления. Ведь даже в детстве она ни разу не смешивалась с камнем целиком и не встречала эмоционали, которая призналась бы в чем-нибудь подобном (хотя у каждой из них была наготове сплетня именно про такой случай с кем-то из подруг). И уж конечно, ни одна взрослая эмоциональ не проникала в камни целиком — да и не смогла бы, как бы ни старалась. Дуа ведь была удивительно разрежена даже для эмоционали (Ун часто и с гордостью говорил ей это), чему способствовало ее нежелание есть как следует (о чем постоянно твердил Тритт).

Случившееся доказывало степень ее разреженности куда весомее любых упреков правника. Ей стало стыдно, и она почувствовала жалость к Тритту.

Но тут же испытала другой и более мучительный стыд: что, если ее обнаружат? Если кто-нибудь увидит, что взрослая эмоциональ...

Вдруг какой-нибудь Жесткий задержится в этой пещере как раз в ту минуту... Нет, никакие силы не заставят ее покинуть камень, если будет хоть малейшая опасность, что ее заметят... Но сколько времени можно оставаться в камне? И что произойдет, если ее обнаружат прямо в нем?

В тот же миг она ощутила Жестких и тут же, сама не зная как, поняла, что они далеко.

Она помедлила, стараясь успокоиться. Камень, окружавший и пронизывающий ее, придавал какую-то тусклость ее восприятию, но не притуплял его. Наоборот, оно даже обострилось. Она по-прежнему ощущала равномерное продвижение Тритта, уходящего все дальше и дальше, — причем

так, словно он был рядом. И она воспринимала Жестких, хотя они находились через один пещерный комплекс от нее. Она их словно видела! Каждого в отдельности, каждого на его месте. Она улавливала малейшие оттенки их вибрирующей речи и даже кое-что понимала!

Никогда еще она не воспринимала с такой остротой. Ей даже не грезилось, что можно так воспринимать.

А потому Дуа, хотя она и могла бы сейчас выбраться из камня, твердо зная, что вокруг никого нет и никто ее не увидит, осталась там, где была. Ее удерживало удивление и еще тот странный жаркий восторг, который она испытывала от процесса понимания. Ей хотелось продлить его.

Ее восприимчивость достигла такой степени, что она даже осознала, чем объясняется подобная чувствительность. По словам Уна, после синтеза он начинал без труда разбираться в том, что прежде казалось недоступным пониманию. Что-то в периоды синтеза невероятно повышало восприимчивость — поглощение и усвоение убыстрялись и усиливались. Все дело тут в более тесном расположении атомов, объяснил Ун.

Правда, Дуа не знала, что такое «более тесное расположение атомов», но одно было ясно: это состояние наступает при синтезе, а разве то, что происходит с ней сейчас, не похоже на синтез? Ведь она словно синтезировалась с камнем.

При синтезе триады вся совокупность их общей восприимчивости доставалась Уну. Благодаря этому рационал расширял свое понимание, сохраняя его и после окончания синтеза. Но в этом подобии синтеза все сознание принадлежит ей одной. Ведь тут нет никого, кроме нее и камня. И значит, «более тесное расположение атомов» (так ведь?) служит только ей.

Уж не потому ли камнеедство считается гадкой привычкой? Потому, что оно уравнивает эмоционалей с рационалами? Или только она, Дуа, способна на это благодаря своей разреженности (или, быть может, олевелости)?

Но тут Дуа перестала размышлять и только воспринимала, все больше увлекаясь. Она чувствовала, что Тритт возвращается, проходит мимо, удаляется, — но ее сознание

лишь машинально зарегистрировало все это. И столь же машинально, даже не удивившись, она заметила, что из Жестких пещер той же дорогой уходит Ун. Она настроилась только на Жестких, только на них, и старалась как можно глубже и полнее улавливать смысл того, что воспринимала.

Дуа выбралась из камня лишь много времени спустя. И она уже больше не боялась, что ее могут заметить: ее новая восприимчивость и чувствительность служили надежной гарантией против этого.

Она заструилась домой, поглощенная своими мыслями.

Глава 36

Когда Ун вернулся домой, его там ждал Тритт, но Дуа еще не появлялась. Тем не менее Тритта это, казалось, не волновало. То есть он, несомненно, был взволнован, но по какой-то другой причине. Его чувства были настолько сильны, что Ун улавливал их с большой четкостью, однако он не стал в них разбираться. Ему нужна была Дуа, и он вдруг поймал себя на том, что присутствие Тритта его сейчас раздражает — только потому, что Тритт не Дуа.

Это его удивило. Ведь от самого себя он не мог скрывать, что из них двоих всегда больше любил Тритта. Разумеется, все члены идеальной триады должны составлять единое целое и относиться друг к другу одинаково, не делая различия даже между собой и остальными двоими. Однако такой триады Ун еще никогда не встречал — и меньше всего к идеалу приближались именно те, кто громко хвастал, что их триада полностью ему соответствует. Один из троих всегда оказывался чуточку в стороне и обычно сознавал это.

Но только не эмоционали! Они оказывали друг другу взаимную внетриадную поддержку в степени, недоступной ни для рационалов, ни для пестунов. Недаром поговорка гласит: «У рационала — руководитель, у пестуна — дети, а у эмоционали — все другие эмоционали».

Эмоционали обсуждали между собой жизнь своих триад, и, если какая-нибудь жаловалась на пренебрежение или ос-

тальные внушали ей, будто она позволяет помыкать собой, ее отсылали домой с визгливыми наставлениями отвердеть и требовать! А поскольку синтез в значительной мере зависел от эмоционали и ее настроений, левый и правый обычно всячески ей потакали и баловали ее.

Но ведь Дуа была такой неэмоциональной эмоциональю! Ее как будто вовсе не задевало, что Ун и Тритт не так близки с ней, как между собой, а среди эмоционалей у нее не было подруг, которые растолковали бы ей ее права.

Уну нравилось, что она так живо интересуется его занятиями, нравилась ее сосредоточенность и удивительная быстрота понимания, но это была интеллектуальная любовь. А по-настоящему дорог ему был медлительный глупый Тритт, который так хорошо знал свое место и не вносил в их жизнь ничего, кроме самого нужного, самого главного — спокойной и надежной привычности.

И вот теперь Ун злился на Тритта!

Он спросил:

— Тритт, ты не знаешь, где сейчас Дуа?

Тритт не ответил прямо, а сказал только:

— Я занят. Я с тобой потом поговорю. У меня дела.

— А где дети? Ты что, тоже уходил? В тебе чувствуются следы другого места.

В голосе Тритта появилась явная досада.

— Дети хорошо воспитаны. Они остаются там, где за ними всегда могут приглядеть другие пестуны. Ун, они ведь давно уже не крошки.

Но он ничего не сказал про ощущение «другого места», которое от него исходило.

— Извини. Я просто хотел бы знать, где Дуа.

— А ты бы почаще этого хотел, — сказал Тритт. — Ты ведь все время твердишь, чтобы я оставил ее в покое. Ну, вот и ищи ее сам.

И Тритт удалился в дальнюю часть домашней пещеры.

Ун глядел вслед своему правнику с некоторым удивлением. При других обстоятельствах он непременно постарался бы проанализировать совершенно необычное волнение, ко-

торое пробивалось даже сквозь врожденную пестунскую невозмутимость. Что натворил Тритт?

...Но где же все-таки Дуа? С каждой минутой его тревога нарастала, и он тут же забыл про Тритта.

Беспокойство обострило восприимчивость Уна. Среди рационалов было даже принято гордиться низкой чувствительностью. Способность улавливать ощущения не принадлежала к сфере разума, это было преимущественно свойство эмоционалей. И Ун, рационал из рационалов, всегда особенно ценил в себе способность мыслить, а не чувствовать. Тем не менее теперь он, как мог, широко раскинул свою бедную сеть чувственного восприятия и даже вдруг на мгновение пожалел, что он не эмоциональ и сеть эта так несовершенна.

Однако оказалось, что и она в какой-то мере эффективна. Во всяком случае, он ощутил приближение Дуа на довольно большом (по крайней мере, для него) расстоянии и поспешил ей навстречу. Кроме того, с такого расстояния он острее обычного воспринимал ее разреженность. Она была как легкая дымка, не больше...

«Тритт прав, — с внезапной жгучей тревогой подумал Ун. — Надо заставить Дуа питаться, синтезироваться — необходимо пробудить в ней интерес к жизни».

Эта мысль настолько завладела им, что он даже не увидел ничего странного в том, как Дуа заструилась вокруг него, словно они были у себя дома, вдали от посторонних глаз. Она говорила:

— Ун, мне необходимо узнать... так много, так много!

Он отстранился — все-таки следовало считаться с приличиями! Но постарался сделать это как можно осторожнее, чтобы Дуа не подумала, будто он недоволен.

— Пойдем! — сказал он. — Я просто вышел к тебе навстречу. Скажи, что ты хочешь узнать, и я объясню, если знаю сам.

Они быстро двигались к дому, и Ун охотно приспосабливался к волнистому струению, обычному для эмоционалей.

Дуа сказала:

— Расскажи мне про другую вселенную. Почему она не такая? И чем она не такая? Расскажи мне все-все.

Дуа совершенно не представляла себе, как много она хочет знать. Но Ун это себе представлял. Он ощутил неимоверное богатство собственных сведений и чуть было не спросил: «Откуда ты узнала про другую вселенную столько, что она тебя заинтересовала?»

Но он удержался. Дуа возвращалась со стороны Жестких пещер. Может быть, с ней разговаривал Лостен, предположив, будто Ун все-таки слишком гордится статусом рационала и не снизойдет до того, чтобы удовлетворить любознательность своей середины.

«Как будто я на это способен!» — подумал Ун с полным сознанием своей ответственности. Не нужно ничего спрашивать. Он просто объяснит ей все, что сможет.

В домашней пещере их хлопотливо встретил Тритт.

— Если хотите разговаривать, так идите в комнату Дуа. У меня тут много дела. Мне нужно присмотреть, чтобы дети привели себя в порядок и сделали все упражнения. Времени синтезироваться у меня нет. И не думайте!

О синтезировании ни Ун, ни Дуа не думали, тем не менее они послушно свернули в комнату Дуа. Дом принадлежит пестуну. Рационалу открыты Жесткие пещеры на нижних уровнях, эмоциональ всегда может отправиться на поверхность. У пестуна же есть только дом. А потому Ун поспешил ответить:

— Хорошо, Тритт, мы не будем тебе мешать.

А Дуа излучила нежность и сказала:

— Мне приятно увидеть тебя, правый мой.

(Ун спросил себя, не объясняется ли ее нежность отчасти тем, что Тритт против обыкновения не стал требовать синтеза. Нельзя отрицать, что Тритт действительно придает синтезу излишнее значение. Другие пестуны далеко не так настойчивы.)

У себя в комнате Дуа вдруг уставилась на кормильник, хотя обычно она старалась даже не смотреть в его сторону.

Установить кормильник придумал Ун. Он знал о существовании подобных приспособлений и объяснил Тритту, что,

раз уж Дуа не хочет питаться рядом с другими эмоционалями, можно без всякого труда доставлять солнечную энергию прямо в пещеру — пусть Дуа питается дома.

Тритт пришел в ужас. Никто же так не делает! Все будут смеяться! Триада покроет себя позором! Почему Дуа не хочет вести себя как полагается?

«Конечно, это было бы лучше, Тритт, — сказал тогда Ун. — Но раз уж она не ведет себя как полагается, так почему бы не помочь ей? Что тут, собственно, плохого? Она будет питаться дома, наберется энергии — а от этого станет лучше и ей, и нам, — и, может быть, она даже начнет выходить на поверхность с другими эмоционалями».

Тритт согласился, и даже Дуа согласилась, хотя и после долгих уговоров, но настояла при этом на самой простой конструкции. А потому Уну при конструировании кормильника пришлось ограничиться двумя примитивнейшими стержнями, которые служили электродами и передавали в пещеру солнечную энергию. Они были установлены так, чтобы Дуа могла поместиться между ними. Впрочем, пользовалась она ими очень редко.

Однако на этот раз Дуа долго смотрела на кормильник, а потом сказала:

— Тритт его украсил... Или это ты, Ун?

— Я? Ну конечно, нет.

У основания обоих электродов были выложены узоры из цветной глины.

— Наверное, он решил таким способом напомнить, чтобы я не забыла поесть, — заметила Дуа. — А я и вправду проголодалась. К тому же, пока я буду есть, Тритт нас перебивать не станет, ведь верно?

— Разумеется, — сказал Ун с глубоким убеждением. — Тритт способен был бы остановить мир, если бы вдруг подумал, что его вращение мешает тебе питаться.

— Ну... я и правда проголодалась, — повторила Дуа.

Уну показалось, что он уловил ощущение виноватости. Из-за Тритта? Из-за того, что она голодна? Но почему Дуа должна чувствовать себя виноватой, если ей захотелось есть?

Или она занималась чем-то таким, что поглотило очень много энергии, и теперь испытывает...

Он раздраженно отбросил эти мысли. Избыток рациональности, пожалуй, все-таки не украшает рационала. Несомненно, прослеживание каждой частной идеи наносит ущерб главному. А сейчас главным был разговор с Дуа.

Она расположилась между электродами. Для этого ей пришлось сжаться, и Ун еще отчетливей осознал, какая она маленькая. Тут он понял, что и сам голоден. Он заметил это потому, что свечение электродов представлялось ему более ярким, чем обычно, а кроме того, он ощущал вкус пищи даже на таком расстоянии, и вкус этот казался ему восхитительным. А ведь, проголодавшись, всегда воспринимаешь вкус пищи острее и на большем расстоянии... Ну, ничего, поест попозже.

— Не молчи, левый мой, — сказала Дуа. — Расскажи мне про ту вселенную. Я хочу знать.

Она приняла (бессознательно?) форму овоида — форму рационала, словно убеждая его говорить с ней как с рационалом.

— Всего я объяснить не могу, — начал Ун. — То есть научную сторону. У тебя ведь нет нужной подготовки. Но я постараюсь говорить как можно проще и понятнее, а ты слушай и не перебивай. Когда я кончу, ты скажешь, что́ для тебя осталось неясным, и тогда я попробую тебе это растолковать. Ну, во-первых, я хочу тебе напомнить, что все на свете состоит из мельчайших частиц, которые называются атомами и, в свою очередь, состоят из еще более мелких субатомных частиц.

— Да-да! — сказала Дуа. — Благодаря этому мы и можем синтезироваться.

— Совершенно верно. Ведь в действительности мы состоим почти из пустоты. Частицы эти разделены значительными расстояниями, и твои частицы могут перемешиваться с частицами Тритта и моими потому, что каждая структура беспрепятственно входит в пустоты другой структуры. Но вещество все же не распадается, потому что эти крохотные частицы обладают способностью удерживать друг друга даже

через разделяющее их расстояние. В систему их объединяют силы притяжения, из которых самая могучая — та, которую мы называем ядерной силой. Она удерживает главные из субатомных частиц в тесных скоплениях, которые располагаются на довольно значительных расстояниях друг от друга, но тем не менее остаются вместе благодаря действию более слабых сил. Тебе это понятно?

— Не все, — ответила Дуа.

— Ничего. Мы вернемся к этому позже... Вещество может существовать в различных состояниях. Оно может быть очень разреженным, как в эмоционалях — как в тебе, Дуа. Или же оно может быть более плотным, как в рационалах и пестунах. Или еще плотнее, как в камнях. Оно может быть и очень сжатым, то есть сгущенным — как в Жестких. Потому-то они и Жесткие. Они состоят сплошь из частиц.

— Значит, в них вовсе нет пустоты? Ты это имеешь в виду?

— Нет, не то чтобы вовсе... — Ун запнулся, подыскивая подходящее объяснение. — В них пустоты много, но гораздо меньше, чем в нас. Частицам обязательно требуется определенное количество пустого пространства, и, если они его займут, другие частицы уже не могут в него втиснуться. Если же их вгоняют насильно, возникает боль. Вот почему Жесткие не любят, чтобы мы к ним прикасались. У нас, у Мягких, пустого пространства между частицами больше, чем требуется, а потому находится место и другим частицам.

Дуа, по-видимому, не могла полностью охватить эту мысль, и Ун заторопился.

— В другой вселенной правила другие. У них ядерные силы слабее, чем у нас. А значит, их частицам требуется больше пустого пространства.

— Почему?

Ун покачал верхним овоидом.

— Потому что... ну, потому что волновые формы частиц там распространяются дальше. Понятнее я объяснить не могу. Раз ядерная сила слабее, частицам требуется больше пространства, и два разделенных объема вещества не способны смешиваться с такой же легкостью, как в нашей вселенной.

— А мы можем увидеть ту вселенную?

— О нет! Это невозможно. Мы можем только сделать некоторые выводы из ее основных законов, которые нам известны. Однако Жесткие умеют очень многое. Мы научились пересылать туда вещество и получать вещество от них. Мы можем изучать их вещество, понимаешь? И мы создали Позитронный Насос. Ты ведь про него знаешь?

— Ну, ты говорил, что с его помощью мы получаем энергию. Но я не знала, что он работает, потому что существует другая вселенная... А какая она? У них там есть звезды и миры, как у нас?

— Превосходный вопрос, Дуа! — Ун теперь наслаждался ролью учителя даже сильнее, чем раньше, потому что, так сказать, заручился одобрением Жестких. (До сих пор ему все время мешало ощущение, что пытаться объяснить эмоционали подобные вещи не совсем прилично.)

Он продолжал:

— Мы не можем увидеть другую вселенную, но, зная ее законы, можем представить себе, какой она должна быть. Видишь ли, звезды светят благодаря тому, что простые комбинации частиц постепенно преобразуются в более сложные. Мы называем это ядерным слиянием.

— И у них в той вселенной тоже так?

— Да. Но поскольку ядерная сила у них слабее, слияние происходит гораздо медленнее. Отсюда следует, что звезды в той вселенной должны быть гораздо, гораздо больше, иначе происходящего в них слияния будет недостаточно для того, чтобы они сияли. В той вселенной звезды величиной с наше Солнце были бы холодными и мертвыми. А если бы наши звезды были больше, то происходящее в них слияние количественно настолько увеличилось бы, что они мгновенно взорвались бы. Отсюда следует, что число наших, маленьких, звезд в нашей вселенной должно в тысячи раз превышать число их, больших, звезд в их вселенной.

— Но у нас же только семь... — начала было Дуа и тут же поправилась: — Ах да, я забыла!

Ун снисходительно улыбнулся. Так легко забыть об остальных неисчислимых звездах, если их можно видеть только с помощью специальных приборов!

— Да, это бывает. Но тебе не скучно меня слушать?

— Совсем нет! — воскликнула Дуа. — Мне очень интересно. Даже пища приобретает какой-то особенно приятный вкус! — И она блаженно заколыхалась между электродами.

Ун обрадовался — он еще никогда не слышал, чтобы Дуа говорила о еде без пренебрежения.

— Разумеется, срок жизни их вселенной много больше, чем нашей, — продолжал он. — Здесь у нас ядерное слияние происходит с такой скоростью, что все частицы должны войти в более сложные соединения за миллион циклов.

— Но ведь есть еще множество других звезд!

— Конечно. Но видишь ли, этот процесс происходит в них во всех одновременно. И вся наша вселенная умирает. В той вселенной, где звезд много меньше, но они гораздо больше по величине, слияние происходит настолько медленнее, что их звезды живут в тысячи, в миллионы раз дольше, чем наши. Впрочем, сравнивать трудно, так как не исключено, что у них и у нас время движется с разной скоростью. — Помолчав, он добавил с неохотой: — Этого я и сам хорошенько не понимаю. Это одно из положений теории Эстуолда, а я ее еще толком не изучал.

— Значит, все это открыл Эстуолд?

— Не все, но многое.

— До чего же чудесно, что мы научились получать пищу из той вселенной, — сказала Дуа. — Ведь теперь уже не страшно, что наше Солнце умрет. Всю необходимую пищу нам даст та вселенная.

— Именно.

— Но ничего плохого не происходит? У меня такое... такое чувство, что не все хорошо.

— Ну, — сказал Ун, — для того чтобы Позитронный Насос работал, мы передаем вещество то туда, то сюда, и в результате обе вселенные чуть-чуть смешиваются. Наша ядерная сила слегка ослабевает, а потому слияние в нашем Солнце немного замедляется и оно остывает быстрее. Но убыстрение это ничтожно мало, а к тому же мы теперь можем обойтись и без Солнца.

— Нет, мое чувство «что-то плохо» не связано с этим. Но если ядерная сила становится чуточку слабее, значит, атомы начинают занимать больше пространства — верно? А что же произойдет с синтезированием?

— Оно чуть-чуть затруднится, но пройдут миллионы циклов, прежде чем синтезирование станет по-настоящему трудным. Не исключено, что придет день, когда оно окажется вовсе невозможным, и Мягкие вымрут. Однако прежде пройдут миллионы и миллионы циклов, а если мы не будем получать пищу из той вселенной, мы все погибнем от голода гораздо раньше.

— Нет, «что-то плохо» я ощущаю не поэтому... — Дуа говорила все медленнее, потом ее голос замер.

Она изгибалась между электродами, и Ун с радостью подумал, что она стала заметно больше и плотнее, как будто его объяснения питали ее не хуже, чем солнечная энергия.

Лостен был прав! Знания приносят ей ощущение полноты жизни! Ун никогда еще не чувствовал в Дуа такой беззаботной упоенности. Она сказала:

— Ун, спасибо тебе, что ты мне все объяснил. Ты — замечательный левник.

— Хочешь, чтобы я продолжал? — польщенно спросил Ун (он был необыкновенно доволен). — Ну, так что еще тебя интересует?

— Очень-очень многое. Но только не теперь, Ун. А теперь, Ун, теперь... Ты знаешь, чего я хочу?

Ун понял сразу, но он боялся что-нибудь сказать: слишком редко Дуа сама заговаривала о синтезе, и он боялся спугнуть ее настроение. Если бы Тритт не возился с детьми...

Но Тритт уже был в комнате. Неужели он ждал за дверью?.. Но если и так? Сейчас не время думать об этом.

Дуа заструилась из пространства между электродами, и Ун был ошеломлен ее красотой. Теперь она была между ним и Триттом. Сквозь ее дымку Тритт весь мерцал, и его очертания вспыхивали неимоверными красками.

Такого еще никогда не бывало. Никогда!

Ун старался продлить это мгновение, но его вещество атом за атомом смешивалось с Дуа, с Триттом, и мысли ис-

чезли, растворились в невероятной, невыразимой радости бытия.

Никогда еще со дня возникновения триады период вневременного бессознательного существования не продолжался так долго.

Глава 3в

Тритт был доволен. Он получил от синтеза все, чего хотел. Все прошлые не шли с этим ни в какое сравнение. Мысль о том, что произошло, переполняла его ликованием. Но он молчал. Он чувствовал, что говорить об этом не надо.

Ун и Дуа тоже были счастливы. Он это ощущал. И даже дети так и светились.

Но счастливей всех был он, Тритт, — а как же иначе?

Он слушал разговоры Уна с Дуа и ничего не понимал. Но теперь это не имело больше никакого значения. Его не задевало, что им как будто вполне достаточно друг друга. У него была своя радость, а потому он слушал с удовольствием.

Как-то Дуа сказала:

— Значит, они действительно пытаются вступить в общение с нами?

(Тритт так и не разобрался, что это были за «они», хотя понял, что «вступать в общение» попросту означает «разговаривать». Почему бы так прямо и не сказать? Иногда ему хотелось вмешаться. Но если он задаст вопрос, Ун ответит только: «Да ну же, Тритт!» — а Дуа нетерпеливо заклубится.)

— Несомненно, — ответил Ун. — Жесткие в этом уверены. На веществе, которое мы получаем, иногда есть метки, и Жесткие говорят, что подобные метки вполне могут служить для общения. Сначала Жесткие даже сами использовали метки, чтобы объяснить тем существам, как сконструировать их часть Позитронного Насоса.

— Интересно, а как выглядят те существа? Ты можешь себе это представить?

— Исходя из законов той вселенной, мы можем установить свойства ее звезд, потому что это просто. Но как установить свойства живых существ? Нет, мы никогда не узнаем, какие они.

— А не могли бы они сообщить это?

— Пожалуй... если бы мы понимали, что они сообщают. Но мы не понимаем их меток.

Дуа как бы огорчилась.

— Неужели и Жесткие не понимают?

— Не знаю. Во всяком случае, мне они про это не говорили. Лостен как-то сказал, что совершенно неважно, какие они, лишь бы Позитронный Насос работал и мощность его становилась больше.

— Может быть, у него не было времени и он не хотел, чтобы ты ему мешал?

— Я никогда ему не мешаю, — обиженно ответил Ун.

— Ты ведь понимаешь, что я хотела сказать. Просто ему не хотелось говорить об этом подробно.

Тут Тритт перестал слушать. А они еще долго спорили, надо ли просить Жестких, чтобы Дуа позволили посмотреть на метки. Дуа сказала, что она попробовала бы уловить их смысл.

Тритт даже рассердился. Ведь Дуа — всего только Мягкая и даже не рационал. Наверное, зря Ун столько ей рассказывает. Она уже воображает себя неведомо кем...

Тритт заметил, что Ун тоже рассердился. Сначала он засмеялся. Потом сказал, что все это слишком сложно для эмоционали. А потом вообще замолчал. И Дуа долго к нему ластилась, а он никак не хотел мириться.

А один раз рассердилась Дуа — просто в бешенство пришла.

Сначала все было очень тихо. Они пустили к себе детей. И Ун позволил им возиться возле него. Даже когда Торун, правуленька, начал его тянуть, он не рассердился, хотя потерял при этом форму самым потешным образом. Но он только смеялся и начал сам менять форму. Верный признак, что он в хорошем настроении. Тритт отдыхал в уголке, и все, что происходило, было ему очень приятно.

Дуа тоже смеялась над бесформенностью Уна и, поддразнивая, заструила свое вещество по его шишкам. А ведь

Тритт знал, что ей хорошо известно, какой чувствительной бывает поверхность левых, когда они утрачивают форму овоида.

Дуа говорила:

— Я все думаю, Ун... Если законы той вселенной понемножку переходят к нам через Позитронный Насос, так, значит, и наша вселенная по капельке отдает им свои?

Ун охнул от ее прикосновения и отдернулся, но так, чтобы не напугать малышей.

— Если ты хочешь, чтобы я отвечал, так перестань, серединка ты эдакая, — пропыхтел он.

Дуа перестала его щекотать, и он сказал:

— Отличное предположение, Дуа. Ты поразительна! Ну конечно, смешение — двухсторонний процесс... Тритт, уведи малышей, хорошо?

Но они уже сами удрали. Да и какие они малыши? Вон какие выросли! Аннис скоро начнет свое образование, а Торун уже оквадратился, как настоящий пестун.

Тритт остался и начал думать о том, что Дуа выглядит очень красивой, когда Ун ведет с ней такие разговоры.

— Но если те законы замедляют реакции в нашем Солнце и охлаждают его, — сказала Дуа, — значит, наши законы ускоряют реакции в тех солнцах и нагревают их?

— Совершенно верно, Дуа. Ни один рационал не сделал бы более точного вывода.

— И намного нагреваются их солнца?

— Нет. Они становятся чуточку теплее, лишь самую чуточку.

— Но у меня именно тут появляется чувство «что-то плохо», — сказала Дуа.

— Видишь ли, беда в том, что их солнца слишком уж велики. Если наши маленькие солнца остывают чуть быстрее, это никакого значения не имеет. Даже если они вообще погаснут, это не страшно до тех пор, пока у нас есть Позитронный Насос. Но на огромные, колоссальные звезды самое легкое нагревание может подействовать очень сильно. В каждой из этих звезд столько вещества, что даже самое ничтожное ускорение ядерного слияния заставит ее взорваться.

— Как — взорваться? А что тогда будет с людьми?

— С какими людьми?

— С теми, которые живут в той вселенной.

Ун некоторое время недоумевающе смотрел на нее, а потом ответил:

— Я не знаю.

— Ну а что случилось бы, если бы вдруг взорвалось наше Солнце?

— Оно не может взорваться.

(Тритт был не в силах понять, отчего они так волнуются. Ну как Солнце может взорваться? Дуа словно бы рассердилась, а Ун смутился.)

Дуа сказала:

— Ну а все-таки? У нас тут станет тогда очень горячо?

— Наверное.

— И мы все погибнем, ведь так?

Ун промолчал, а затем сказал с явной досадой:

— Но, Дуа, ведь это не имеет ни малейшего значения! Нашему Солнцу взрыв не грозит, и, пожалуйста, не задавай глупых вопросов.

— Ты сам просил меня задавать вопросы, Ун! И это имеет значение, потому что Позитронный Насос может работать только в обеих вселенных сразу. И без них у нас ничего не получится.

Ун внимательно посмотрел на нее:

— Я ведь тебе этого не говорил!

— Но я ощущаю!

— Ты чересчур много ощущаешь, Дуа... — сказал Ун.

И вот тут Дуа начала кричать вне себя от ярости. Тритт никогда еще не видел ее такой.

— Не уклоняйся от темы, Ун! И не замыкайся в себе, не делай вида, будто я полная дура — просто эмоциональ, и больше ничего. Ты сам говорил, что я скорее похожа на рационала, и неужели так трудно сообразить, что Позитронный Насос без тех существ работать не будет? Если люди в той вселенной погибнут, Позитронный Насос остановится, а наше Солнце станет еще холоднее, и мы все умрем с голоду. Как по-твоему, имеет это значение или нет?

Ун тоже начал кричать:

— Вот и видно, сколько ты знаешь! Нам нужна их помощь потому, что концентрация энергии очень низка и мы вынуждены обмениваться с ними веществом. Но если то Солнце взорвется, возникнет гигантский поток энергии, которого хватит на миллионы циклов. Энергии будет столько, что мы сможем получать ее непосредственно, без передачи вещества. А потому они нам не нужны, и то, что произойдет, не имеет ни малейшего значения...

Они теперь почти соприкасались. Тритт был охвачен ужасом. Он понимал, что должен что-то сказать, развести их в разные стороны, уговорить их. Но он все не мог придумать, что бы такое сказать. А потом и придумывать не пришлось.

К их пещере приблизился Жесткий. И не один Жесткий, а целых три. Они что-то говорили, но их невозможно было расслышать.

Тритт пронзительно крикнул:

— Ун, Дуа!

И умолк, весь дрожа. Он с испугом ощутил, что они пришли для того...

И он решил уйти.

Но один из Жестких протянул свой постоянный непрозрачный протуберанец и сказал:

— Останься.

Он говорил резко, неласково, и Тритт испугался еще больше.

Глава 4а

Дуа пылала гневом. Он так ее переполнял, что она была буквально не в состоянии ощутить присутствие Жестких. Гнев слагался из отдельных элементов, и каждый элемент сам по себе пронизывал ее всю целиком: Ун хотел ей солгать; целый мир людей обречен на гибель; она так легко усваивает знания, а ей не давали учиться. Каждое из этих ощущений говорило о чем-то неправильном и плохом, и каждое это ощущение было невыносимо.

После того раза, когда ей пришлось спрятаться в камне, она еще дважды побывала в Жестких пещерах. Дважды, никем не замеченная, она погружалась в камень, и каждый раз улавливала что-то и понимала. А потом, когда Ун начинал ей объяснять, она заранее знала, каким будет это объяснение.

Так почему Жесткие не стали учить ее, как они учили Уна? Почему они занимаются только с рационалами? Или у нее есть эта способность потому лишь, что она — олевелая эм, плохая середина триады? Ну и тем более пусть учат, раз она такая. А оставлять ее без знаний плохо и неправильно.

В конце концов она все-таки начала улавливать слова Жесткого. Она увидела Лостена, но говорил не он, а незнакомый Жесткий, который стоял впереди. Она его не знала — но ведь кого из них она знает? Этот Жесткий спросил:

— Кто из вас недавно был в нижних пещерах? В Жестких пещерах, как вы их называете?

Дуа не ощутила ничего, кроме возмущения. Они узнали про ее камнеедство, а ей все равно! Пусть рассказывают всем, кому хотят. Да она и сама им скажет!

— Я бывала. Много раз.

— Одна? — спокойно спросил Жесткий.

— Одна. Много-много раз! — выкрикнула Дуа. (Была она там всего три раза, но разве сейчас время считать!)

— Ну и, конечно, я постоянно бываю в нижних пещерах, — пробормотал Ун.

Жесткий не стал его слушать, а повернулся к Тритту и сказал резко:

— А ты, правый?

Тритт пошел рябью.

— Бывал, Жесткий-ру.

— Один?

— Да, Жесткий-ру.

— Часто?

— Всего раз.

Дуа почувствовала досаду. Бедняга Тритт перепугался совершенно напрасно. Ведь это делала она, и она сумеет постоять за себя.

— Он тут ни при чем, — сказала она. — Этим занималась я.

Жесткий неторопливо повернулся к ней.

— Чем? — спросил он.

— Ну... тем. — Когда настал решительный момент, у нее все-таки не хватило твердости прямо сказать, чем она занималась. Нет, только не при Уне!

— Хорошо, мы поговорим и с тобой. Но сначала все-таки ответь мне, правый... Тебя зовут Тритт, не так ли? Так зачем ты отправился один в нижние пещеры?

— Поговорить с Жестким, которого зовут Эстуолд, Жесткий-ру.

Тут Дуа, не выдержав, снова вмешалась:

— Это вы Эстуолд?

— Нет, — коротко ответил Жесткий.

Ун недовольно сморщился, словно он смутился оттого, что она не узнала Жесткого. Но ей было все равно! А Жесткий спросил у Тритта:

— Что ты унес из Жестких пещер?

Тритт не ответил.

Жесткий сказал, не излучая никакого чувства:

— Мы знаем, что ты кое-что взял. Но мы хотим выяснить, знал ли ты, что берешь. Ведь это могло кончиться очень плохо.

Тритт продолжал молчать, но тут вмешался Лостен и ласково попросил:

— Пожалуйста, ответь, Тритт. Мы знаем теперь, что это был ты, а нам не хотелось бы прибегать к строгости.

— Я взял питательный шар, — промямлил Тритт.

— А-а! — Это снова заговорил первый Жесткий. — И что же ты с ним сделал?

И тут Тритт не выдержал.

— Я взял его для Дуа, — бормотал он. — Она не хотела есть. Я взял его для Дуа.

Дуа подскочила и закоалесцировала от удивления.

Жесткий тут же повернулся к ней:

— Ты об этом знала?

— Нет!

— И ты? — обратился он к Уну.

Ун стоял неподвижно, как замороженный. Он ответил:

— Нет, Жесткий-ру.

Несколько мгновений воздух дрожал от неприятных вибраций: Жесткие разговаривали между собой, словно не замечая триады.

То ли периоды камнеедства обострили ее восприимчивость, то ли этому способствовал недавний взрыв гнева — Дуа не знала, в чем тут было дело, и не хотела в этом разбираться, но, как бы то ни было, она улавливала смысл... Нет, не слов, а общего хода их разговора...

Они заметили пропажу некоторое время назад. Поиски они начали не поднимая шума. И лишь с большой неохотой пришли к выводу, что виновниками должны быть Мягкие. В результате расследования они сосредоточили внимание на триаде Уна — с еще большей неохотой. (Почему? Дуа не сумела уловить причину этой неохоты.) По их мнению, ни Ун, ни Дуа виновниками быть не могли. Ун просто не сделал бы такой глупости. Подозревать Дуа было бы нелепо. Ну а о Тритте они даже думать не стали.

Затем третий Жесткий (тот, который пока ни к кому из триады не обращался) припомнил, что как-то видел Тритта в Жестких пещерах. («Верно!» — подумала Дуа. В тот самый день, когда она впервые забралась в камень. Она же тогда ощутила присутствие Тритта. Но только она совсем про это забыла.)

Однако подобное предположение выглядело настолько невероятным, что они пришли сюда только после того, как все остальные поиски ничего не дали, а дальнейшее промедление могло привести к серьезным последствиям. Они были бы рады посоветоваться с Эстуолдом, но, когда подозрение пало на Тритта, Эстуолда с ними уже не было.

Все это Дуа восприняла за единый миг и уставилась на Тритта с удивлением и злостью.

Лостен обеспокоенно провибрировал, что все обошлось благополучно, что у Дуа прекрасный вид и что это можно считать полезным экспериментом. Жесткий, с которым Тритт разговаривал в пещере, соглашался с Лостеном, но третий все еще излучал озабоченность.

Впрочем, Дуа уже не следила за ними с прежним вниманием. Она смотрела на Тритта.

Первый из Жестких спросил:

— Тритт, а где сейчас питательный шар?

Тритт показал им.

Шар был спрятан очень надежно, а проводники, хотя и выглядели неказисто, вполне отвечали своему назначению.

Жесткий спросил:

— Ты сам все это сделал, Тритт?

— Да, Жесткий-ру.

— А откуда ты знал, что надо сделать?

— Я поглядел, как это было устроено в Жестких пещерах. И сделал все точно так же, как было там.

— А ты не подумал, что можешь причинить вред своей середине?

— Я ей не повредил! Я ни за что не стал бы делать ей плохо. Я... — Тритт как будто на мгновение потерял дар речи, а потом сказал: — Я не хотел делать ей плохо. Я думал о том, чтобы ее накормить. Я сделал так, чтобы пища текла в кормильник, а кормильник я украсил. Я хотел, чтобы она начала есть. И она начала есть! В первый раз за долгое-долгое время она поела досыта. И мы синтезировались. — Он умолк, а потом страстно выкрикнул: — И у нее наконец достало энергии взрастить крошку-эмоциональ. Она сгустила почку из Уна и отдала ее мне. И почка теперь растет у меня в сумке. У меня в сумке растет крошка-эмоциональ!

Дуа не могла говорить. Она откинулась назад и устремилась к двери так беспорядочно, что Жесткие не успели отстраниться. Она ударилась о протуберанец того, кто стоял впереди, пронзила его насквозь и вырвалась с резким звуком.

Протуберанец бессильно повис, а Жесткий излучил сильнейшую боль. Ун хотел было обогнуть его и догнать Дуа, но Жесткий сказал, хотя это и далось ему с большим трудом:

— Оставь ее. И так уже допущено слишком много ошибок. Мы примем меры.

Глава 46

Уну казалось, что все происходит в каком-то кошмаре. Дуа исчезла. Жесткие ушли. Остался только Тритт. Но Тритт молчал.

«Как все это могло случиться? — мучительно думал Ун. — Как мог Тритт один найти дорогу в Жесткие пещеры? Как мог он взять аккумулятор, заряженный Позитронным Насосом и хранящий энергию гораздо более высокой концентрации, чем солнечный свет? Как он мог рискнуть...»

Сам Ун никогда на это не решился бы! Так как же смог это сделать Тритт, неуклюжий, невежественный Тритт? Или и он незауряден? Ун — умнейший рационал, Дуа — любознательная эмоциональ, а Тритт — предприимчивый и смелый пестун?

Он сказал:

— Тритт, как ты мог?

— А что я такого сделал? — горячо возразил Тритт. — Я накормил ее. Накормил досыта, как она никогда еще не ела. И мы наконец взрастили крошку-эмоциональ. Мы ведь и без того ждали слишком долго. А если бы мы стали дожидаться, пока Дуа сама накопит энергию, так не дождались бы этого и до перехода.

— Но разве ты не понимаешь, Тритт? Ты мог бы причинить ей вред. Это ведь не обычный солнечный свет, а экспериментальный источник энергии, возможно, настолько концентрированной, что она не годится для прямого употребления.

— Я не понимаю того, что ты говоришь, Ун. Какой вред? Я пробовал пищу, которую Жесткие приготовляли раньше. У нее был плохой вкус. Ты ведь тоже пробовал. Вкус у нее был очень противный, и все-таки никакого вреда она нам не причинила. Из-за ее мерзкого вкуса Дуа и прикоснуться к ней не пожелала. А потом я нашел питательный шар. У него был хороший вкус. Я сам поел, и вкус был очень приятный. А как может приятное причинять вред? И ведь Дуа ела, ты сам видел. Ей понравилось. И энергии хватило на крошку-эмоциональ. Так что же я сделал плохого?

Ун больше не пытался объяснять. Он сказал только:

— Дуа очень рассердится.

— Ничего, пройдет.

— Не знаю. Послушай, Тритт, она ведь не похожа на остальных эмоционалей. Потому с ней так трудно ладить, но поэтому же она умеет сделать жизнь такой полной и прекрасной. А теперь неизвестно, согласится ли она еще когда-нибудь синтезироваться.

Все грани Тритта были четкими и прямыми. Он сказал:

— Ну и что?

— Как — «ну и что»? Уж от тебя-то я ждал таких слов меньше всего. Или ты не хочешь больше синтезироваться?

— Нет, почему же. Но если она не захочет, то пусть. Я получил мою третью крошку, и мне теперь все равно. Я, конечно, знаю, что в прежние времена Мягкие иногда повторяли все рождения во второй раз. Но мне все равно. С меня хватит и наших троих детей.

— Но, Тритт, значение синтеза не исчерпывается только детьми.

— Разве? Да, я помню, ты как-то говорил, что после синтеза быстрее приобретаешь знания. Ну, так приобретай их медленнее. Мне все равно. Я получил мою третью крошку.

Ун отвернулся, весь дрожа, и рывками заструился из комнаты. Какой смысл бранить Тритта? Он все равно не поймет. Да и он сам — действительно ли он понимает?

Как только третья крошка отпочкуется и немного подрастет, нужно ждать времени перехода. И сигнал подаст он. Он должен будет сказать, когда наступит пора перехода, а переходить надо без страха. Иначе — позор или что-то даже еще хуже. Но без синтезирования — откуда ему взять решимость? Даже теперь, когда взращены все трое детей? Синтезирование каким-то образом должно уничтожить страх. Быть может, потому, что синтезирование само похоже на переход. Сознание на какой-то срок отключается, однако ничего плохого не происходит. Словно ты и не существуешь вовсе, и все-таки это отвечает какой-то глубочайшей потребности. Синтезирование поможет ему набраться храбрости, чтобы встретить переход без страха и без...

О Солнце и все прочие звезды! Ведь это же никакой не «переход»! К чему такая велеречивость? Он знает другое слово, которое, правда, употребляют только дети, чтобы подразнить старших. И это слово — «умереть». Они не переходят, они умирают. И он должен подготовиться к тому, чтобы умереть без страха, чтобы Дуа и Тритт умерли вместе с ним.

А он не знает как... И без синтезирования не сможет...

Глава 4в

Тритт остался в комнате один. Ему было страшно, так страшно! Но он твердо решил не показывать и виду. Он получил свою третью крошку. Он чувствует ее в сумке. Вот сейчас.

Только это и важно.

Только это одно и важно.

Но тогда почему же где-то в самой глубине прячется упрямое смутное ощущение, что важно не только это?

Глава 5а

Дуа испытывала нестерпимый стыд. Прошло очень много времени, прежде чем ей наконец удалось справиться с собой настолько, чтобы собраться с мыслями. Сначала она хотела только одного: уйти как можно дальше и как можно скорее от пещеры, которая стала для нее отвратительной. И она мчалась, мчалась, сама не зная куда, не разбирая дороги, не замечая ничего по сторонам.

По ночам порядочные Мягкие не поднимаются на поверхность — на это не решится ни одна даже самая взбалмошная эмоциональ. А сейчас была ночь. И Дуа с чем-то похожим на радость подумала, что Солнце взойдет еще не скоро. Ведь Солнце означало пищу, а теперь — после того, что с ней сделали, — при одной мысли о пище она ощущала ненависть и омерзение.

На поверхности было холодно, но Дуа почти не замечала этого. Да и ей ли бояться холода, думала она, после того, как

ее раскормили, чтобы она выполнила свое назначение, — раскормили и тело, и сознание! Нет, теперь голод и холод — ее единственные друзья.

Тритта она видела насквозь. Бедняга, его так легко понять! Все его действия подчиняются только врожденным инстинктам, и он даже заслуживает похвалы за мужество, с каким следовал велениям этих инстинктов. Он так смело унес из Жестких пещер питательный шар (и она, она сама ощутила тогда его присутствие и, конечно, поняла бы, что он затеял, но только Тритт, ошеломленный собственной дерзостью, совсем перестал думать. А ее восприятие было притуплено — ведь ее тоже ошеломили дерзость того, что она сделала, и новые ощущения, которые ей открылись. Вот почему она, как выяснилось теперь, не заметила самого важного!).

Тритт принес этот шар домой и соорудил нелепую ловушку, старательно украсив кормильник, чтобы подманить ее. А она вернулась, остро сознавая свою разреженность, стыдясь ее, жалея Тритта. И от стыда, от жалости она уступила, она поела... и помогла взрастить эмоциональ.

После этого единственного раза она, как и прежде, ела очень мало и больше не пользовалась кормильником. У нее просто не было желания, а Тритт не настаивал. У него был довольный вид (еще бы!), и она перестала чувствовать себя виноватой. А питательный шар Тритт так и оставил в тайнике. Он, наверное, побоялся отнести его обратно. Своего он добился, и проще было не трогать шар и поскорее забыть про его существование.

...Пока его не изобличили.

Но умный Ун, разгадав план Тритта, конечно, заметил, что к электродам что-то подключено, и, конечно, понял — зачем. Разумеется, Тритту он ничего не сказал — ведь это только смутило бы и напугало бедного правника, а Ун всегда заботливо оберегал Тритта от всех неприятностей.

Да и зачем ему было что-то говорить? Он и без этого сумел сделать все необходимое, чтобы глупая затея Тритта принесла нужные результаты.

Пора отказаться от иллюзий и посмотреть правде в глаза. Она, конечно, заметила бы вкус питательного шара, уловила

бы его особую терпкость, осознала бы, что перенасыщается, не испытывая даже легкой сытости, — если бы Ун не отвлекал ее разговорами!

Они действовали против нее вдвоем, пусть даже Тритт этого и не подозревал. Но она! Как могла она не заметить фальши, когда Ун вдруг превратился во внимательного наставника и начал с такой охотой отвечать на все ее вопросы? Как могла она не заметить его тайных побуждений? Да, она была им нужна, но лишь как средство для завершения новой триады, а сама она для них — ничто.

Ну ладно же...

Тут Дуа вдруг ощутила, насколько она устала, и поспешила забраться в узкую расселину, чтобы спрятаться от пронзительного холодного ветра. Две из семи звезд оказались в поле ее зрения, и она рассеянно смотрела на них, занимая свои внешние чувства пустяками, чтобы полнее сосредоточиться на внутренних мыслях.

У нее больше нет иллюзий.

— Меня предали, — бормотала она. — Предали!

Неужели Ун и Тритт не способны видеть ничего, кроме самих себя?

Тритт, конечно, так уж устроен, что готов хоть весь мир обречь на гибель, лишь бы получить своих крошек. В нем говорит только инстинкт. Но Ун?

Ун мыслит. Так неужели ради возможности мыслить он согласен принести в жертву все остальное? Неужели все, что создает разум, служит лишь тому, чтобы оправдывать его же собственное существование, а прочее не имеет для него никакой цены? Эстуолд сконструировал Позитронный Насос — но разве можно использовать его, не задумываясь, подчиняя ему само существование мира, и Жестких, и Мягких, ставя их в зависимость от обитателей той вселенной? А что, если те остановят его, что, если мир останется без Позитронного Насоса после того, как он успеет остудить Солнце?

Но нет. Те люди его не остановят. Их убедили воспользоваться Насосом, так убедят пользоваться им и дальше, до тех самых пор, пока они не погибнут, а тогда рационалы, и Жесткие, и Мягкие, перестанут в них нуждаться.

Вот как она, Дуа, теперь, когда она перестала быть нужна, должна будет перейти — иначе говоря, погибнуть.

И ее, и тех людей одинаково предали.

Незаметно для себя она все глубже и глубже погружалась в камень. Она уже не видела звезд, не ощущала ветра, не сознавала окружающего. Она превратилась в чистую мысль.

Эстуолд — вот кого она ненавидит! Олицетворение эгоизма и жестокости. Он изобрел Позитронный Насос и готов спокойно уничтожить целый мир, населенный, быть может, тысячами, а то и десятками тысяч разумных существ. Он настолько замкнут в себе, что никогда нигде не показывается и обладает такой силой, что даже другие Жесткие его как будто боятся.

Ну а она вступит с ним в борьбу. Она принудит его остановиться!

Люди той вселенной помогли установить Позитронный Насос после того, как с ними был налажен контакт с помощью меток. Об этом говорил Ун. Где хранятся эти метки? Какие они? Нельзя ли использовать их для новых контактов?

Удивительно, как ясны ее мысли. Поразительно. И какое жгучее наслаждение — использовать мысль, чтобы взять верх над безжалостными служителями мысли!

Помешать ей они не смогут. Ведь она способна проникать туда, куда ни один Жесткий, ни один рационал, ни один пестун проникнуть не сможет, а ни одна эмоциональ не посмеет.

Возможно, когда-нибудь они ее все-таки поймают, но ей все равно. Она будет добиваться своего любой ценой — да, любой! Пусть даже ей придется прятаться в камне, жить в камне, обшаривать Жесткие пещеры, воровать пищу из аккумуляторов, если у нее не останется другого выхода, или впитывать солнечный свет на поверхности, скрываясь среди других эмоционалей.

Она преподаст им всем хороший урок, а потом пусть делают с ней что хотят. Тогда она даже будет готова перейти... тогда, но не раньше!

Глава 56

Ун присутствовал при отпочковании новой крошки-эмоционали, безупречной во всех отношениях, но не испытал никакого восторга. Даже Тритт, который заботился о ней со всем пестунским тщанием, выглядел каким-то притихшим.

Миновало уже много дней, и Уну начинало казаться, что Дуа исчезла навсегда. Нет, она не перешла. Мягкий может перейти только вместе с остальными двумя членами триады. Но с ними ее не было. Словно она перешла не переходя.

С тех пор как она умчалась, узнав, что помогла взрастить новую крошку, он видел ее один раз. Всего один раз. И это было уже давно.

Он тогда поднялся на поверхность в нелепой надежде отыскать ее и наткнулся на скопление эмоционалей. Они захихикали (рационал, прогуливающийся возле скопления эмоционалей, — это такая редкость!) и кокетливо истончились (дуры!), только чтобы продемонстрировать свою эмоциональность.

Ун испытывал к ним брезгливое презрение, и ни один из его ровных изгибов даже не замерцал. Он сразу начал думать о Дуа — о том, как она непохожа на них. Дуа никогда не истончалась просто так, из желания быть привлекательной, и потому была особенно привлекательна. И конечно, если бы она принудила себя присоединиться к скоплению дурочек, ее сразу можно было бы узнать потому, что она не только не истончилась бы, а, наоборот, уплотнилась — наперекор остальным.

Ун обвел взглядом нежащихся на солнце эмоционалей и увидел, что одна из них действительно осталась плотной.

Он повернулся и кинулся к ней, не обращая внимания на пронзительные вопли остальных эмоционалей, которые шарахались от него, матово клубились и взвизгивали, опасаясь слипнуться друг с другом — что, если такое случится на глазах у всех, да еще в присутствии чужого рационала!

Это действительно была Дуа. Она не попыталась скрыться, а спокойно осталась на месте.

«Дуа, — сказал он робко, — когда ты вернешься домой?»

«У меня нет дома, Ун», — ответила она. Без гнева, без ненависти, отчего ему стало совсем страшно.

«Дуа, как ты можешь сердиться на Тритта за его поступок? Ты же знаешь, что бедняга не умеет думать».

«Но ты-то умеешь, Ун! И ты отвлекал мое сознание, пока он старался перекормить мое тело, ведь так? Твое умение думать подсказало тебе, что ты скорее сумеешь поймать меня в ловушку, чем он».

«Нет, Дуа, нет!»

«Что — нет? Разве ты не притворялся, будто хочешь учить меня, делиться со мной знаниями?»

«Да, но я не притворялся. Я на самом деле этого хотел. И вовсе не из-за того, что устроил Тритт. Про его затею я ничего не знал».

«Не верю!»

Она неторопливо заструилась прочь. Он последовал за ней. Теперь они были совсем одни среди багровых отблесков Солнца.

Дуа повернулась к нему:

«Разреши задать тебе один вопрос, Ун. Почему ты хотел учить меня?»

«Потому что хотел. Потому что мне нравится учить, потому что это мне интереснее всего на свете. Не считая того, чтобы учиться самому, конечно».

«И еще синтезироваться... Но неважно, — добавила она, предупреждая его возражения. — Не объясняй, что ты имеешь в виду сознание, а не инстинкт. Если ты сказал правду, что тебе нравится учить, если я все-таки могу верить твоим словам, может быть, ты сумеешь понять то, что я тебе сейчас скажу.

С тех пор как я рассталась с вами, Ун, я узнала очень много. Каким образом — не имеет значения. Но это так. И я теперь эмоциональ только физически. А во всем, что по-настоящему важно, я рационал, хотя мне хотелось бы верить, что чувствовать я умею лучше остальных рационалов. И среди многого другого, Ун, я узнала, чтó мы такое — и ты, и я, и

Тритт, и все прочие триады на планете. Я узнала, чтó мы такое и чем были всегда».

«А именно?» — спросил Ун. Он был готов покорно слушать столько времени, сколько ей захочется, лишь бы она потом вернулась с ним домой. Он вытерпит любое испытание, сделает все, что от него может потребоваться. Но она должна вернуться... и что-то неясное, смутное внутри его говорило, что вернуться она должна добровольно.

«Что мы такое, Ун? Да в сущности, ничего, — ответила она равнодушным голосом, почти со смехом. — Странно, правда? Жесткие — единственный вид по-настоящему живых существ на планете. Разве они тебя этому не учили? Да, по-настоящему живы только они одни, потому что и ты, и я, и все Мягкие — не живые существа. Мы — машины, Ун. Это так, и потому-то живыми можно назвать только Жестких. Неужели они тебя этому не учили, Ун?»

«Дуа, это вздор», — ошеломленно пробормотал Ун.

Голос Дуа стал более резким:

«Да, машины, Ун! Машины, которые Жесткие сначала собирают, а потом уничтожают. Живут только они — Жесткие. Только они. Про это они почти не разговаривают. Зачем? Они ведь и так знают. Но я научилась думать, Ун, и вывела правду из отдельных намеков. Они живут чрезвычайно долго, но в конце концов все же умирают. Теперь они уже не в состоянии иметь детей — Солнце дает для этого слишком мало энергии. И хотя умирают они редко, детей у них нет, и их число очень медленно, но сокращается. И у них нет молодежи, которая создавала бы новое, порождала бы новые мысли, а потому старые, живущие долго-долго Жесткие томятся от скуки. И что же они, по-твоему, делают, Ун?»

«Что?» — невольно спросил Ун с ужасом, к которому примешивался виноватый интерес.

«Они конструируют механических детей, которых можно учить. Ты же сам сказал, что тебе ничего не надо — только учить и учиться самому и, может быть, еще синтезироваться. Рационалы созданы по образу сознания Жестких. Жесткие не синтезируются, учиться самим им очень трудно, потому что они и так уже знают невероятно много. Так какое же удо-

вольствие им остается? Только учить. И рационалы создаются лишь для одной цели — чтобы их можно было учить. Эмоционали и пестуны создаются как необходимые части самовозобновляющихся машин, которые изготовляют новых рационалов. А новые рационалы требуются постоянно, потому что старые становятся ненужными, едва их научат всему, чему можно научить. Когда старые рационалы вбирают в себя все, что могут, они уничтожаются, но их позаботились заранее утешить сказочкой о том, будто они «переходят». И с ними, разумеется, переходят эмоционали и пестуны. Ведь после того, как они способствовали появлению материала для новой триады, от них больше нет никакой пользы».

«Дуа, это невероятно», — с трудом выговорил Ун.

У него не было доводов, чтобы опровергнуть ее бредовую систему, но он был непоколебимо убежден, что она ошибается. Однако где-то глубоко внутри он ощутил щемящее сомнение: а вдруг это убеждение просто привито ему? Нет, не может быть. Ведь тогда бы и Дуа носила в себе такое же убеждение... Или она потому и отличается от других эмоционалей, что ее изготовили небрежно?.. О чем он думает? Нет, он такой же сумасшедший, как она.

«Ты как будто взволнован, Ун. Так ли уж ты абсолютно уверен, что я ошибаюсь? Ну конечно, теперь у них есть Позитронный Насос, и они будут получать столько энергии, сколько им может потребоваться. Если не сейчас, так в недалеком будущем. Скоро у них опять появятся дети. Если уже не появились. Надобность в Мягких машинах отпадет, и мы все будем уничтожены... Ах, прошу прощения! Мы все перейдем».

«Нет, Дуа, — категорически сказал Ун, стараясь образумить не столько ее, сколько себя. — Не знаю, откуда ты набралась этих идей, но Жесткие — не такие. Нас не уничтожают».

«Не обманывай себя, Ун. Они именно такие. Ради своей пользы они готовы уничтожить мир тех людей — целую вселенную, если понадобится. Так неужели они поколеблются уничтожить горстку Мягких, которые им не нужны? Но они допустили один просчет. Каким-то образом произошла пу-

таница, и сознание рационала попало в тело эмоционали. Я ведь «олевелая эм», тебе это известно? Меня так дразнили в детстве. Но я действительно «олевелая эм». Я способна мыслить, как рационал, и я способна чувствовать, как эмоциональ. И я воспользуюсь своими способностями, чтобы бороться с Жесткими».

Ун не знал, что делать. Конечно, Дуа обезумела, но сказать ей об этом он не решился. Ее необходимо уговорить, чтобы она вернулась с ним. Он сказал убежденно:

«Дуа, когда мы переходим, нас не уничтожают».

«Да? Ну а что же случается?»

«Я... Я не знаю. По-моему, мы переходим в другой мир, более прекрасный и счастливый, и становимся... становимся... Ну, много лучше, чем мы сейчас».

Дуа рассмеялась.

«Где ты это слышал? Это тебе Жесткие рассказали?»

«Нет, Дуа. В этом меня убеждают мои собственные мысли. Я очень много думал после того, как ты нас покинула».

«Ну, так думай меньше, и не будешь так глуп, — сказала Дуа. — Бедный Ун! Прощай же».

И она заструилась прочь, совсем разреженная. Она казалась очень усталой.

«Подожди, Дуа! — крикнул Ун ей вслед. — Неужели ты не хочешь увидеть свою крошку-серединку?»

Она не ответила.

«Когда ты вернешься домой?»

Она продолжала молчать.

Он не стал ее преследовать и только с тоской смотрел, как она исчезает вдали.

Ун не сказал Тритту о том, что встретил Дуа. Зачем? Больше с тех пор он ее не видел. Он завел привычку бродить возле тех мест, где любили питаться эмоционали, и отправлялся туда снова и снова, хотя нередко замечал, что вслед за ним на поверхность выбираются пестуны и глядят на него с тупым подозрением. (По сравнению с большинством пестунов Тритт казался интеллектуальным гигантом.)

Отсутствие Дуа с каждым днем отзывалось внутри него все более мучительно. И с каждым проходящим днем внутри

рос странный безотчетный страх, как-то связанный с ее отсутствием. Но в чем тут было дело, он не понимал.

Как-то, вернувшись в пещеру, он застал там Лостена, который дожидался его. Лостен вежливо и внимательно слушал Тритта, который показывал ему новую крошку, всячески стараясь, чтобы этот легкий клочок дымки не прикоснулся к Жесткому.

— Да, она прелестна, Тритт, — сказал Лостен. — Так ее зовут Дерала?

— Дерола, — поправил Тритт. — Я не знаю, когда вернется Ун. Он теперь всегда где-то бродит...

— Я здесь, Лостен, — торопливо сказал Ун. — Тритт, унеси крошку, будь так добр.

Тритт унес Деролу, а Лостен с явным облегчением обернулся к Уну и сказал:

— Вероятно, ты очень счастлив, что триада завершена.

Ун попытался что-то вежливо ответить, но ничего не придумал и продолжал уныло молчать. Одно время он чувствовал, что между ним и Жесткими возникло нечто вроде дружбы, он ощущал себя в чем-то равным им и разговаривал с ними свободно и просто. Но безумие Дуа все омрачило и испортило. Ун знал, что она ошибается, и все-таки сейчас он почувствовал в присутствии Лостена ту же скованность, которую испытывал в давно прошедшие дни, когда считал, что стоит неизмеримо ниже их, как... словно... машина?

— Ты видел Дуа? — спросил Лостен. Это был настоящий вопрос, а не вежливое начало беседы.

— Всего один раз, Жес... (Он чуть было не сказал «Жесткий-ру», словно ребенок или пестун!) Всего один раз, Лостен. Она не хочет возвращаться домой.

— Она должна вернуться, — негромко сказал Лостен.

— Я не знаю, как это устроить.

Лостен хмуро посмотрел на него.

— Тебе известно, что она делает?

Ун не осмеливался поднять на него глаза. Может быть, Лостен узнал про сумасшедшие теории Дуа? Как он в этом случае поступит?

И Ун ничего не ответил, ограничившись отрицательным жестом.

— Она ведь совершенно необычная эмоциональ, — сказал Лостен. — Ты это знаешь, Ун, не так ли?

— Да, — вздохнул Ун.

— Как и ты — на свой лад, и как Тритт — на свой. Не думаю, что в мире найдется еще один пестун, у которого хватило бы смелости и предприимчивости, чтобы стащить аккумулятор, или сметки, чтобы использовать его так, как использовал Тритт. Вы трое составляете такую необычную триаду, каких, насколько мы можем судить, еще не было.

— Благодарю тебя.

— Но оказалось, что такая триада таит в себе и неприятные неожиданности, которых мы не предвидели. Мы хотели, чтобы ты учил Дуа, рассчитывая, что это наиболее мягкий и действенный способ подтолкнуть ее на добровольное выполнение той функции, которую она должна выполнить. Но мы не предвидели, что Тритту вздумается совершить столь самоотверженный поступок, а также, если сказать правду, совершенно не ожидали, что неизбежная гибель той вселенной подействует на Дуа таким странным образом.

— Мне следовало бы осторожнее отвечать на ее вопросы, — тоскливо сказал Ун.

— Это не помогло бы. Она умеет сама узнавать то, что ее интересует. А мы и этого не предвидели. Ун, мне очень грустно, но я обязан сказать тебе следующее: Дуа теперь представляет собой смертельную опасность. Она пытается остановить Позитронный Насос.

— Но ей с этим не справиться! Она не может до него добраться, а кроме того, у нее нет необходимых знаний.

— Добраться до него она может без труда... — Лостен нерешительно помолчал. — Она прячется в коренных породах, где мы не можем ее достать.

Ун не сразу понял смысл этих слов. Он растерянно пробормотал:

— Ни одна взрослая эмоциональ никогда... Дуа ни за что...

— Нет, это так. Не трать времени на бесплодные возра-

жения... Она способна проникнуть в любую пещеру. От нее ничего нельзя скрыть. Она изучила метки, которые мы получили из той вселенной. У нас нет прямых доказательств, но иначе никак нельзя объяснить то, что происходит.

— А-а-а! — Ун раскачивался взад и вперед, и вся его поверхность помутнела от стыда и горя. — И Эстуолд знает об этом?

— Пока еще нет, но со временем, несомненно, узнает, — угрюмо сказал Лостен.

— Зачем ей понадобились эти метки?

— Она старается найти способ послать сообщение в ту вселенную.

— Но она же не умеет ни переводить, ни передавать.

— Она учится и тому и другому. Об этих метках она знает даже больше самого Эстуолда. Она — крайне опасное явление: эмоциональ, которая способна мыслить и вышла из-под контроля.

Ун вздрогнул. Вышла из-под контроля? Словно речь идет о машине!

— Но ведь это не может быть настолько уж опасно! — сказал он.

— К сожалению, может. Она передала одно сообщение, и, боюсь, она советует тем существам, чтобы они остановили их часть Позитронного Насоса. Если они его остановят до того, как взорвется их Солнце, мы тут ничего сделать не сможем.

— Но ведь тогда...

— Ей необходимо помешать, Ун.

— Но... но как? Вы намерены взорвать... — Его голос пресекся.

Ему смутно припомнилось, что у Жестких есть какие-то приспособления для высверливания пещер в коренных породах — приспособления, которые перестали применяться с тех пор, как сотни циклов тому назад численность мирового населения начала сокращаться. Что, если Жесткие решили найти Дуа в глубине камня и взорвать его вместе с ней?

— Нет! — категорически сказал Лостен. — Мы не способны причинить Дуа вред.

— Эстуолд мог бы...

— Эстуолд тоже не способен причинить ей вред.

— Так что же делать?

— Все зависит от тебя, Ун. От тебя одного. Мы бессильны, и нам остается только рассчитывать на тебя.

— На меня? Но что я могу?

— Думай об этом, — настойчиво сказал Лостен. — Думай!

— Но о чем?

— Больше я тебе ничего не имею права сказать, — ответил Лостен страдальчески. — Думай! Времени остается так мало!..

Он повернулся и ушел — с быстротой, необычной для Жестких. Он торопился так, словно не доверял себе и опасался сказать что-то лишнее.

Ун беспомощно смотрел ему вслед, охваченный смятением и ужасом.

Глава 5в

У Тритта было много дел. Крошки всегда требуют забот, на даже два юных левых и два юных правых, взятые вместе, вряд ли могли бы причинить столько забот, сколько одна крошка-серединка, да к тому же серединка такая безупречная, как Дерола. Нужно было следить, чтобы она проделывала все упражнения, успокаивать ее, не давать ей забираться во все, с чем она соприкасалась, улещать и уговаривать, чтобы она сгустилась и отдохнула.

Он даже не замечал, что уже очень давно не видит Уна, — впрочем, ему было все равно. Для него теперь не существовало никого, кроме Деролы. А потом вдруг он увидел Уна в углу его собственной ниши. Ун радужно переливался от напряженных мыслей. Тут Тритт вдруг вспомнил и спросил:

— Лостен сердился из-за Дуа?

Ун вздрогнул и очнулся.

— Лостен?.. Да, он очень сердился. Дуа причиняет большой вред.

— Ей бы надо вернуться домой, правда?

Ун пристально посмотрел на Тритта.

— Тритт, — сказал он, — мы должны убедить Дуа, чтобы она вернулась домой. Но прежде ее надо отыскать. Ты можешь это сделать. Ведь у нас новая крошка, и поэтому твоя пестунская восприимчивость снова обострилась. Используй ее, чтобы найти Дуа.

— Нет, — возмущенно и растерянно сказал Тритт. — Она для Деролы. И не годится тратить ее на то, чтобы искать Дуа. А кроме того, раз Дуа не возвращается, когда она так нужна нашей крошке-серединке, — и ведь она сама была прежде крошкой-серединкой! — то мы должны научиться жить без нее, и все тут.

— Тритт, разве ты не хочешь больше синтезироваться?

— Новая триада завершена.

— Но синтезирование этим не исчерпывается.

— А где искать Дуа? — спросил Тритт. — Я нужен крошке Дероле. Она еще совсем маленькая. Я не могу оставить ее без присмотра.

— Жесткие позаботятся, чтобы с Деролой ничего не случилось. А мы с тобой пойдем в Жесткие пещеры и отыщем Дуа.

Тритт обдумал эти слова. Ему было все равно, есть Дуа или нет. И почему-то ему даже было почти все равно, есть ли Ун или нет. Важнее всего Дерола. И он сказал:

— Как-нибудь сходим. Когда Дерола подрастет. А раньше нельзя.

— Тритт, — настойчиво сказал Ун. — Мы должны найти Дуа, а не то... А не то у нас отнимут крошек.

— Кто отнимет? — спросил Тритт.

— Жесткие.

Тритт молчал. Ему нечего было сказать. Он ни разу не слышал ни о чем подобном. И не мог даже представить себе, что это возможно. А Ун говорил:

— Тритт, нам пора переходить. И теперь я знаю — почему. Я думал об этом все время после того, как Лостен... Но неважно. Дуа и ты — вы тоже должны перейти. Теперь, когда я понял почему, и ты почувствуешь, что должен перейти. И я надеюсь... я верю, Дуа тоже почувствует, что она должна перейти. И надо, чтобы это произошло как можно скорее, потому что она губит наш мир.

Тритт отступил к стене.

— Ун, не смотри на меня так!.. Ты меня заставляешь... ты меня заставляешь...

— Я тебя не заставляю, Тритт, — грустно сказал Ун. — Просто я понял, и поэтому ты должен... Но нам необходимо найти Дуа.

— Нет, нет! — Тритт испытывал невыразимые муки, пытаясь воспротивиться. В Уне было что-то новое, страшное, и его, Тритта, существование неумолимо приближалось к концу. Больше не будет Тритта, и не будет крошки-серединки. Все другие пестуны ухаживали за своими серединками очень долго, а он должен лишиться своей почти сразу.

Это несправедливо. Несправедливо!

Тритт сказал, задыхаясь:

— Это Дуа виновата. Так пусть она перейдет первой!

Ун ответил с мертвящим спокойствием:

— По-другому нельзя. Мы должны все сразу...

И Тритт понял, что это так... что это так... что это так...

Глава 6а

Дуа чувствовала себя истончившейся, холодной, совсем прозрачной. После того как Ун отыскал ее на поверхности, она оставила попытки отдыхать там и поглощать солнечный свет. А энергией из аккумулятора Жестких она могла питаться лишь изредка, от случая к случаю. Она боялась надолго покидать свой надежный приют в камне, а потому ела торопливо и никогда не бывала сыта.

Она непрерывно ощущала голод, который казался еще сильнее оттого, что постоянное пребывание в камне было очень утомительно. Она словно терпела теперь наказание за то, что прежде предпочитала любоваться закатами и питалась кое-как.

Если бы она не была так увлечена работой, то вряд ли выдержала бы усталость и голод. Порой ей даже хотелось,

чтобы Жесткие ее уничтожили — но только после того, как она добьется своего.

Пока она оставалась в камне, Жесткие ничего не могли против нее предпринять. Иногда она ощущала их рядом с камнем. Они боялись. Порой ей казалось, что они боятся за нее, но это было нелепо. С какой стати им бояться за нее — бояться, что она перейдет от голода и истощения? Нет, этого не может быть — они боятся ее, боятся машины, которая отказалась работать по их предначертаниям. Невероятность этого приводит их в трепет, они цепенеют от ужаса.

И Дуа старательно избегала Жестких. Она всегда знала, где они находятся, а потому они не могли ни поймать ее, ни помешать ей. Они были не в состоянии поставить охрану повсюду. К тому же ей, по-видимому, удавалось глушить ту слабую восприимчивость, которой они все-таки обладали.

Она клубами вырывалась из камня и изучала копии меток, полученных из той вселенной. Они не знали, что именно это было ее целью. Но если бы они и спрятали копии куда-нибудь еще, она все равно нашла бы их. И даже уничтожь они все копии, это им уже не помогло бы — Дуа помнила все метки до последней черточки.

Сперва она не могла в них разобраться, но от постоянного пребывания в камне ее восприимчивость все больше обострялась и метки становились понятными, хотя сознанием она их по-прежнему не понимала. Она не знала, что означают эти символы, но они вызывали в ней ощущения.

Она выбрала нужные метки и поместила их там, откуда они должны были попасть в ту вселенную. Метки были такие: СТРАК. Нет, она не знала, каков их смысл. Однако эта комбинация внушала ей страх, и Дуа постаралась запечатлеть этот страх в метках. Может быть, те существа, изучая метки, тоже испытывают страх.

Когда начали приходить ответы, Дуа улавливала в них волнение. Ей удавалось увидеть не все ответы. Иногда Жесткие находили их первыми. Конечно, теперь они уже знали, чем она занимается. Но они не умели истолковывать метки, не могли даже уловить вложенные в них чувства.

А потому ей было все равно. Что бы ни думали Жесткие, остановить ее они не смогут, и она доведет дело до конца.

Теперь она ожидала меток, в которых было бы заключено нужное ей чувство. И они появились: НАСОС ПЛОХО.

Каждую метку принизывали страх и ненависть, на которые она надеялась. И она переслала их обратно, повторив несколько раз, чтобы было больше страха, больше ненависти... Теперь те люди поймут. Теперь они остановят Насос. Жестким придется найти какой-нибудь другой источник энергии, разработать другой способ ее получения. Нельзя, чтобы энергия принесла смерть тысячам и тысячам обитателей той вселенной.

Она спохватилась, что отдыхает слишком долго, погрузившись внутри камня в какое-то странное оцепенение. Ей мучительно хотелось есть, и она выжидала удобного момента, чтобы выбраться наружу. Но как ни томила ее мысль о пище в аккумуляторе, еще больше ей хотелось бы найти его пустым. Она мечтала высосать из него всю пищу до последней частицы, зная, что новой порции в него не поступит, что ее задача выполнена.

Наконец она выбралась наружу и, забыв об осторожности, сосала и сосала содержимое аккумулятора. Она жаждала опустошить его, убедиться, что энергии в него больше не поступает... Но он был неисчерпаем... неисчерпаем... неисчерпаем...

Дуа вздрогнула и с омерзением отодвинулась от аккумулятора. Значит, Позитронные Насосы по-прежнему работают. Неужели ей не удалось убедить обитателей той вселенной? Или они не получили ее метки? Не уловили их смысла?

Надо попробовать еще раз. Надо сделать так, чтобы все было ясно, абсолютно ясно. Она использует все комбинации символов, в которых улавливает ощущение опасности, все комбинации, которые в той вселенной должны сложиться в мольбу остановить Насосы.

Вне себя от отчаяния, Дуа начала вплавлять символы в металл, неистово расходуя энергию, которую только что всосала из аккумулятора. И расходовала до тех пор, пока не осталось ничего, и ее вновь сковала невероятная усталость.

НАСОС НЕ ОСТАНОВИТЬ НЕ ОСТАНОВИТЬ МЫ НЕ ОСТАНОВИТЬ НАСОС МЫ НЕ СЛЫШАТЬ ОПАСНОСТЬ НЕ СЛЫШАТЬ НЕ СЛЫШАТЬ НЕ СЛЫШАТЬ ВЫ ОСТАНОВИТЬ ПОЖАЛУЙСТА ВЫ ОСТАНОВИТЬ ВЫ ОСТАНОВИТЬ ЧТОБЫ МЫ ОСТАНОВИТЬ ПОЖАЛУЙСТА ВЫ ОСТАНОВИТЬ ОПАСНОСТЬ ОПАСНОСТЬ ОПАСНОСТЬ ОСТАНОВИТЬ ОСТАНОВИТЬ ОСТАНОВИТЬ НАСОС.

Больше у нее не было сил. Ее терзала свирепая боль. Она поместила метки туда, откуда они должны были попасть в ту вселенную, но не стала ждать, чтобы Жесткие переслали их, сами того не подозревая. В глазах у нее мутилось, она чувствовала, что энергии в ней нет больше совсем, и все-таки повернула рукоятки, как это делали Жесткие.

Металл исчез, а с ним и пещера, вдруг заполнившаяся фиолетовым мерцанием, которое туманило мысли. Она... переходит... от истощения...

Ун... Тритт...

Глава 66

И Ун появился. Он никогда еще не струился с такой стремительностью. Вначале он полагался на восприимчивость Тритта, обострившуюся с появлением новой крошки, но, когда расстояние сократилось, его более тупые чувства тоже начали улавливать близость Дуа. Он уже воспринимал прерывистые угасающие вспышки ее сознания и рвался вперед, а Тритт, как мог, поспевал за ним, задыхаясь и вскрикивая:

— Скорее! Скорее!

Ун нашел ее в глубоком обмороке. Жизнь в ней еле теплилась, и она стала совсем крошечной — он даже не представлял, что взрослая эмоциональ может так уменьшаться.

— Тритт, — распорядился он. — Неси сюда аккумулятор. Нет-нет! Не трогай ее. Она так истончилась, что ее нельзя нести. Если она погрузится в пол...

В пещеру входили Жесткие. Конечно, они опоздали — ведь они не способны воспринимать на расстоянии другие

существа. Нет, без него и Тритта они не успели бы спасти ее. И она не перешла бы! Нет, она по-настоящему погибла бы... и... с ней погибло бы нечто неимоверно важное, о чем она даже не подозревала.

Теперь она медленно впитывала консервированную энергию и с нею жизнь, а Жесткие молча стояли возле них.

Ун поднялся — новый Ун, который совершенно точно знал, что происходит. Сердитым жестом он властно отослал Жестких... и они ушли. Молча. Не возражая.

Дуа шевельнулась.

— Она оправилась, Ун? — спросил Тритт.

— Тише, Тритт, — сказал Ун. — Дуа, ты меня слышишь?

— Ун? — Она всколыхнулась и прошептала: — Мне показалось, что я уже перешла.

— Нет, Дуа, пока еще нет. Сначала ты должна поесть и отдохнуть.

— А Тритт тоже здесь?

— Вот я, Дуа, — сказал Тритт.

— Не старайся вернуть меня к жизни, — сказала Дуа. — Все кончено. Я сделала то, что хотела сделать. Позитронный Насос... скоро остановится. Я верю в это. И Мягкие по-прежнему будут нужны Жестким, и Жесткие позаботятся о вас и, уж во всяком случае, о детях.

Ун ничего не сказал и сделал Тритту знак молчать. Он давал Дуа энергию небольшими порциями, медленно, очень медленно, делая перерывы, чтобы дать ей отдохнуть.

Дуа бормотала:

— Хватит, хватит!

Ее вещество трепетало все сильнее.

Но он продолжал ее кормить.

Потом он заговорил.

— Дуа, ты ошиблась, — сказал он. — Мы не машины. Я знаю совершенно точно, что́ мы такое. Я бы пришел к тебе раньше, если бы узнал это раньше, но я понял, только когда Лостен попросил меня подумать. И я думал. Со всем напряжением. И все-таки это чуть было не вышло преждевременно.

Дуа застонала, и Ун умолк.

— Послушай, Дуа, — сказал он после паузы. — В нашем

мире действительно есть только один вид живых существ, и живут в нем действительно только Жесткие. Ты уловила это, и тут ты не ошиблась. Но отсюда вовсе не следует, что Мягкие — машины, а не живые существа. Нет, просто мы принадлежим к этому же виду. Мягкие — это первичная форма Жестких. Мы появляемся на свет как Мягкие, становимся взрослыми как Мягкие, а потом мы переходим в Жестких. Ты поняла?

— Что? Что? — спросил Тритт тихо и растерянно.

— Погоди, Тритт, — сказал Ун. — Не сейчас. Потом ты тоже поймешь. А пока я говорю для Дуа.

Он следил за тем, как Дуа обретает матовость.

— Послушай, Дуа! — сказал он потом. — Всякий раз, когда мы синтезируемся, когда синтезируется любая триада, мы образуем Жесткого. Каждый Жесткий триедин, потому-то он и Жесткий. И весь срок утраты сознания в период синтезирования мы живем в форме Жесткого. Но лишь временно, а потом, выходя из синтеза, мы все забываем. И долго оставаться Жестким мы не можем, нам необходимо возвращаться в мягкое состояние. Однако всю свою жизнь мы развиваемся от стадии к стадии. Отпочкование каждого ребенка отмечает такую стадию. Появление третьего ребенка — крошки-эмоционали — открывает путь к заключительной стадии, когда сознание рационала само, без содействия остальных двоих, обретает память о кратких периодах существования в форме Жесткого. Тогда, и только тогда он становится способен провести безупречный синтез, который создаст Жесткого уже навсегда и обеспечит триаде новую единую интеллектуальную жизнь, посвященную приобретению знаний. Я ведь говорил тебе, что переход — это как бы новое рождение. Тогда я лишь нащупывал эту неясную мысль, но теперь я говорю то, что знаю твердо.

Дуа смотрела на него, силясь улыбнуться. Она сказала:

— Как ты можешь настолько обманываться, Ун? Будь это так, почему Жесткие не рассказали тебе об этом раньше? Да и всем нам тоже?

— Они не могли, Дуа. Когда-то, тысячи тысяч циклов тому назад, синтезирование представляло собой лишь со-

единение атомов тела. Но в результате эволюции у первоначальных форм постепенно развились разные типы сознания. Слушай, Дуа. Синтезирование включает в себя и слияние сознаний, а это процесс гораздо более сложный и тонкий. Рационал может слить их правильно и навсегда, только когда он созреет для этого. Зрелость же наступает в тот момент, когда он сам, без чьей-либо помощи, постигает сущность происходящего, когда его сознание наконец становится способным вместить воспоминания о том, что́ происходило в периоды временных слияний. Если рационалу объяснить все заранее, естественность развития будет безнадежно искажена, он уже не сумеет определить правильный момент для безупречного синтеза, и новый Жесткий получится ущербным. Когда Лостен умолял меня думать, он очень рисковал. И не исключено, что... Хотя я надеюсь... Видишь ли, Дуа, мы ведь особый случай. Из поколения в поколение Жесткие старательно подбирали триады так, чтобы появлялись особо одаренные новые Жесткие. И наша триада — лучшая из тех, которые им удалось до сих пор подобрать. А особенно ты, Дуа. Особенно ты. Лостен — это слившаяся триада, чьей крошкой-серединкой когда-то была ты. Какая-то его часть была твоим пестуном. Он следил за тобой. Он привел тебя к нам с Триттом.

Дуа приподнялась. Голос ее стал почти нормальным.

— Ун! Ты придумал все это, чтобы утешить меня?

Но, опередив Уна, ей ответил Тритт:

— Нет, Дуа! Я это тоже чувствую. Да, чувствую. Я не совсем понял что, но я это чувствую.

— Он говорит правду, Дуа, — сказал Ун. — И ты это тоже почувствуешь. Разве ты уже не припоминаешь хоть немного, как мы были Жестким в период нашего синтеза? Разве ты не хочешь еще раз синтезироваться? В последний раз? В самый последний?

Он помог ей подняться. В ней чувствовался жар, и она, хоть и сопротивлялась, уже начала разреживаться.

— Если ты сказал правду, Ун, — произнесла она, задыхаясь, — если мы должны стать Жестким, то по твоим словам получается, что мы будем кем-то очень важным. Ведь так?

— Самым важным. Самым лучшим, который когда-либо синтезировался. Я не преувеличиваю... Тритт, стань вот тут. Мы не расстаемся, Тритт. Мы будем вместе, как нам всегда хотелось. И Дуа тоже. И ты тоже, Дуа.

— Тогда мы сможем убедить Эстуолда, что Насос надо остановить, — сказала Дуа. — Мы заставим...

Синтезирование началось. В комнату один за другим входили Жесткие. Ун еле различал их, потому что он уже сливался с Дуа.

Этот синтез не был похож на прежние — ни упоенного восторга, ни острой радости бытия, а лишь непрерывный, спокойный, блаженно-безмятежный процесс. Он чувствовал, что становится единым с Дуа, и весь мир словно хлынул в его/ее обостренное восприятие. Позитронные Насосы всё еще работали — он/она чувствовали это ясно. Почему они работают?

Он был также и Триттом — его/ее/его сознание исполнилось ощущением горькой потери. О мои крошки...

И он вскрикнул — последний крик, рожденный еще сознанием Уна, но каким-то образом кричала Дуа:

— Нет, мы не сможем остановить Эстуолда. Эстуолд — это мы. Мы...

Крик, который был криком Дуа и не ее криком, оборвался — Дуа перестала быть. И больше никогда не будет Дуа. И Уна. И Тритта. Никогда.

Глава 7абв

Эстуолд шагнул к стоящим в молчании Жестким и печально сказал с помощью звуковых вибраций:

— Теперь я навсегда с вами. Нам предстоит сделать так много...

Часть III

...БОРОТЬСЯ БЕССИЛЬНЫ?

Глава 1

Селена Линдстрем просияла профессиональной улыбкой и пошла дальше. Ее легкая пружинистая припрыжка уже больше не удивляла туристов, и теперь им даже начинало казаться, что в этой непривычной походке есть своя грациозность.

— Пора перекусить! — объявила она жизнерадостно. — Завтрак исключительно из продуктов местного производства, уважаемые дамы и господа. Вкус может показаться вам несколько непривычным, но все они высокопитательны... Вот сюда, сэр. Я знаю, вы не станете возражать, если я посажу вас с дамами... Одну минутку. Места хватит для всех... Мне очень жаль, но дежурное блюдо всего одно, хотя напитки вы можете заказать по желанию. Сегодня телятина... Нет-нет. И вкус, и консистенция создаются искусственным образом, но общий результат превосходен, можете мне поверить.

Затем она села сама, не удержавшись от легкого вздоха, и даже любезная улыбка на ее лице чуть-чуть поблекла.

Один из туристов остановился у стула напротив.

— Разрешите? — спросил он.

Селена бросила на него внимательный оценивающий взгляд. Он казался безобидным, а она привыкла с полным на то основанием полагаться на свою проницательность.

— О, пожалуйста! — ответила она. — Но ведь вы, по-моему, тут с кем-то?

Он покачал головой:

— Нет. Я один. Но в любом случае общество земляшек меня не особенно прельщает.

Селена снова поглядела на него. Лет около пятидесяти, лицо усталое, но глаза живые и умные. Ну и конечно, впе-

чатление неуклюжей грузности, которое всегда производят земляне, впервые попавшие в условия лунного тяготения. Она сказала:

— Земляшки — это чисто лунное словечко, и к тому же довольно грубое.

— Я ведь сам с Земли, — ответил он, — а потому, мне кажется, имею право его употребить. Но конечно, если вам неприятно...

Селена только пожала плечами, словно говоря: «Как вам угодно!»

Глаза у нее были чуть раскосыми, как у большинства лунных девушек, но волосы цвета спелой пшеницы и крупноватый нос никак не вязались с традиционным представлением о восточных красавицах. Однако, несмотря на неправильные черты лица, она была очень привлекательна.

Землянин глядел на металлический флажок с ее именем, который она носила на груди слева. И Селена ни на секунду не усомнилась, что интересует его действительно флажок.

— А тут много Селен? — спросил он.

— О да! Они исчисляются по меньшей мере сотнями. Так же, как Синтии, Дианы и Артемиды. Но особенно популярны Селены, хотя половина знакомых мне Селен предпочитает сокращение «Лена», а вторая половина именуют себя Селиями.

— А какое сокращение выбрали вы?

— Никакого. Я — Селена. Все три слога. Се-ЛЕ-на, — произнесла она, подчеркнуто выделив ударный слог. — Так называют меня те, кто вообще называет меня по имени.

Губы землянина сложились в улыбку — с некоторой неловкостью, словно для них это было что-то не вполне привычное. Он сказал:

— А когда вас спрашивают, на что вы сели, Селена?

— Больше он этого вопроса не повторит! — ответила она с полной серьезностью.

— Но спрашивают?

— Дураков в мире хватает.

К их столику подошла официантка и быстрыми плавными движениями расставила блюда.

На землянина это произвело явное впечатление. Он повернулся к официантке и сказал:

— Они у вас словно парят в воздухе.

Официантка улыбнулась и отошла к следующему столику. Селена сказала предостерегающе:

— Только не вздумайте ей подражать. Она привыкла к нашей силе тяжести и умеет ею пользоваться.

— Другими словами, я все перебью?

— Во всяком случае, вы устроите нечто очень эффектное.

— Ну хорошо. Не буду!

— Но кто-нибудь непременно попробует! Тарелка спланирует на пол, он попытается поймать ее на лету и свалится со стула. Я пробовала предупреждать, но, конечно, это не помогает, и бедняга потом только сильнее смущается. А все остальные хохочут. То есть остальные туристы. А мы столько раз видели такие спектакли, что нам уже не смешно, да к тому же потом кому-то приходится все это убирать.

Землянин с большой осторожностью поднес вилку ко рту.

— Да, вы совершенно правы. Даже простейшие движения даются с некоторым трудом.

— Нет, вы быстро освоитесь. Во всяком случае, с несложными операциями вроде еды. Ходьба, например, дается тяжелее. Мне еще не приходилось видеть землянина, который был бы способен бегать тут по-настоящему. То есть легко и быстро.

Некоторое время они ели молча. Потом землянин спросил:

— А что означает это «Л»?

Он опять глядел на ее флажок, на котором было написано: «Селена Линдстрем, Л.».

— Всего лишь «Луна», — ответила Селена равнодушно. — Чтобы отличить меня от иммигрантов. Я родилась здесь.

— Неужели?

— А что тут удивительного? Люди живут и работают на Луне уже более пятидесяти лет. Или вы полагали, что у них не может быть детей? У многих лунорожденных есть уже внуки.

— А сколько вам лет?

— Тридцать два года.

На его лице отразилось неподдельное удивление, но он тут же пробормотал:

— Ах да, конечно.

Селена подняла брови.

— Значит, вы понимаете? Большинству землян приходится объяснять, в чем тут дело.

— Ну, я достаточно осведомлен для того, чтобы сообразить, что большинство внешних признаков возраста появляется в результате неминуемой победы силы тяжести над тканями тела — вот почему обвисают щеки и животы. Поскольку сила тяжести на Луне равна лишь одной шестой силы тяжести на Земле, нетрудно догадаться, что люди тут должны выглядеть молодыми очень долго.

— Да, но только выглядеть, — сказала Селена. — У нас тут нет ничего похожего на бессмертие, и средняя продолжительность жизни соответствует земной. Однако старость мы, как правило, переносим лучше.

— Ну, это уже немало... Но конечно, у медали есть и оборотная сторона? — Он как раз отхлебнул кофе. — Вам, скажем, приходится пить вот это... — Он умолк, подыскивая нужное слово, но, по-видимому, оно оказалось не слишком удобопроизносимым, потому что он так и не докончил фразу.

— Мы могли бы ввозить продукты питания и напитки с Земли, — сказала она, улыбнувшись. — Но в таких мизерных количествах, что их хватило бы лишь для очень ограниченного числа людей и к тому же на очень ограниченный срок. Так какой же смысл отнимать ради этого место у по-настоящему важных грузов? Да мы и привыкли к этому пойлу. Или вы хотели употребить слово покрепче?

— Не для кофе, — сказал он. — Я приберегал его для еды. Но «пойло» вполне подойдет... Да, кстати, мисс Линдстрем, в программе нашей поездки я не нашел упоминания о посещении синхрофазотрона.

— Синхрофазотрона? — Она почти допила кофе и уже поглядывала по сторонам, выбирая момент, чтобы встать и

собрать группу. — Это собственность Земли, и он не входит в число достопримечательностей, которые показывают туристам.

— Вы хотите сказать, что доступ к нему для лунян закрыт?

— О, ничего подобного! Его штат укомплектован почти одними лунянами. Просто правила пользования синхрофазотроном устанавливает Земля, и туристам его не показывают.

— А мне бы очень хотелось взглянуть на него!

— Да, конечно... А вы принесли мне удачу, — весело добавила она. — Ни одна тарелка и ни один турист не очутились на полу!

Она встала из-за стола и сказала:

— Уважаемые дамы и господа! Мы отправляемся дальше через десять минут. Пожалуйста, оставьте на столах все как есть. Если кто-нибудь хочет привести себя в порядок, туалетные комнаты направо. Сейчас мы отправимся на пищевую фабрику, благодаря которой мы смогли пообедать так, как пообедали.

Глава 2

Квартира Селены была, разумеется, небольшой и умещалась, по сути, в одной комнате, но догадаться об этом сразу было трудно. Три панорамных окна сверкали звездами, которые двигались медленно и беспорядочно, образуя все новые и новые созвездия, не имевшие даже отдаленного сходства с настоящими. При желании Селена могла менять настройку и созерцать их словно в сильный телескоп.

Бэррон Невилл не выносил этих звездных видов и всегда сердито их выключал, повторяя каждый раз: «Как только ты их терпишь? Из всех моих знакомых одной тебе нравится эта безвкусица. И ведь этих туманностей и звездных скоплений в действительности даже не существует!»

А Селена спокойно пожимала плечами и отвечала: «А что такое «существует в действительности»? Откуда ты знаешь,

что те, которые можно увидеть с поверхности, действительно существуют? А мне они дают ощущение свободы и движения. Неужели я не могу обставить свою квартиру, как мне нравится?»

После этого Невилл бормотал что-то невнятное и без особой охоты шел к окнам, чтобы вновь их включить, а Селена говорила: «Оставь!»

Мебель отличалась округлостью линий, а стены были покрыты неярким геометрическим орнаментом на приятно приглушенном фоне. Нигде не было ни одного изображения, которое хотя бы отдаленно напоминало живое существо.

«Живые существа принадлежат Земле, — говорила Селена. — А тут Луна».

Вернувшись домой в этот вечер, она, как и ожидала, увидела у себя в комнате Невилла. Он полулежал на маленькой легкой кушетке, задрав ногу в сандалии. Вторая сандалия валялась рядом на полу. На его груди, там, где он ее задумчиво почесывал, проступили красные полосы.

Селена сказала:

— Бэррон, свари кофе, ладно? — И, грациозно изогнувшись, одним гибким движением сбросила платье на пол и носком ноги отшвырнула его в угол. — Уф! — сказала она. — Какое облегчение! Пожалуй, хуже всего в этой работе то, что приходится одеваться как земляшки.

Невилл, который возился в кухонной нише, ничего не ответил. Он слышал это десятки раз. Через минуту он спросил с раздражением:

— Что у тебя с подачей воды? Еле капает.

— Разве? — рассеянно сказала она. — Ну, значит, я перерасходовала. Ничего, сейчас натечет.

— Сегодня у тебя были какие-нибудь неприятности?

— Нет. — Селена пожала плечами. — Обычная канитель. Смотришь, как они ковыляют, как притворяются, будто еда им не противна, и наверняка все время думают про себя, предложат им ходить раздетыми или нет... Бр-р-р! Ты только представь себе, как это выглядело бы!

— Ты, кажется, становишься ханжой?

Бэррон вернулся к столу, неся две чашечки с кофе.

— Не понимаю, при чем тут ханжество. Дряблая кожа, отвислые животики, морщины и всякие микроорганизмы. Карантин карантином, только они все равно нашпигованы всякими микробами... А у тебя ничего нового?

Бэррон покачал головой. Для лунянина он был сложен очень плотно. Привычка постоянно щуриться придавала хмурое, почти угрюмое выражение его лицу. А если бы не это, подумала Селена, оно было бы очень красиво. Он сказал:

— Да ничего особенного. Мы по-прежнему ждем смены представителя. Прежде всего надо посмотреть, что такое этот Готтштейн.

— А он может помешать?

— Не больше, чем нам мешают сейчас. В конце-то концов, что они могут сделать? Подослать шпиона? Но как земляшку ни переодевай, за лунянина он сойти не сможет! — Тем не менее в его голосе слышалась тревога.

Селена внимательно смотрела на него, со вкусом прихлебывая кофе.

— Но ведь и лунянин внутренне может быть вполне убежденным земляшкой.

— Конечно, но как их узнаешь? Иногда мне кажется, что я не могу доверять даже... Ну да ладно. Я трачу уйму времени на мой синхрофазотронный проект и ничего не могу добиться. Все время что-то оказывается более срочным.

— Возможно, они тебе попросту не доверяют, да и неудивительно! Вольно же тебе расхаживать с видом заядлого заговорщика!

— Ничего подобного! Я бы с величайшим восторгом раз и навсегда ушел из синхрофазотронного комплекса, но тогда они и правда встревожатся... Если ты растратила свою водную квоту, Селена, о второй чашке кофе, наверное, не стоит и думать?

— Да, не стоит. Но если уж на то пошло, то ведь ты усердно помогал мне транжирить воду. На прошлой неделе ты дважды принимал у меня душ.

— Я верну тебе водяной талон. Мне и в голову не приходило, что ты все подсчитываешь.

— Не я, а водомер.

Она допила кофе и, задумчиво посмотрев на дно чашки, сказала:

— Они всегда строят гримасы, когда пьют наш кофе. То есть туристы. Не понимаю почему. Я его всегда пью с удовольствием. Ты когда-нибудь пробовал земной кофе, Бэррон?

— Нет, — ответил он резко.

— А я пробовала. Всего раз. Один турист тайком провез несколько пакетиков кофе — растворимого, как он его назвал. И предложил мне попробовать, рассчитывая на... Ну, ты понимаешь. По его мнению, это был справедливый обмен.

— И ты попробовала?

— Из любопытства. Очень горький, с металлическим привкусом. Просто омерзительный. Тут я объяснила этому туристу, что смешанные браки не входят в лунные обычаи, и он сразу тоже приобрел горький и металлический привкус.

— Ты мне об этом прежде не рассказывала! И он себе что-нибудь позволил?

— А собственно, какое тебе дело? Нет-нет, он себе ничего не позволил. Не то с непривычки к нашей силе тяжести он у меня полетел бы отсюда до коридора номер первый... Кстати, — продолжала она после паузы, — меня сегодня обхаживал еще один земляшка. Подсел ко мне за обедом.

— И что же он предложил тебе взамен... «ну, ты понимаешь», по твоему столь изящному выражению?

— Он просто сидел и ел.

— И поглядывал на твою грудь?

— Нет, только на именной флажок... Но в любом случае не все ли тебе равно, на что он поглядывал? Или, по-твоему, я только и думаю о том, чтобы завести роман с землянином и любоваться, как он хорохорится наперекор непривычной силе тяжести? Да, конечно, подобные случаи бывали, но не со мной, и, насколько мне известно, ни к чему хорошему такие романы не приводили. С этим вопросом все ясно? Могу ли я вернуться к моему обеденному собеседнику? Которому почти пятьдесят? Впрочем, он и в двадцать явно не был

сногсшибательным красавцем. Правда, лицо у него интересное, не стану отрицать.

— Ну ладно, ладно. Портрет его меня не интересует. Так что же он?

— Он спрашивал про синхрофазотрон.

Невилл вскочил, слегка пошатнувшись (обычное следствие быстрых движений при малой силе тяжести).

— Что именно?

— Да ничего особенного. Что с тобой? Ты просил, чтобы я рассказывала о туристах все вплоть до мелочей, если эти мелочи хоть в чем-то выходят за рамки стандартного поведения. Ну так вот, о синхрофазотроне меня еще никто ни разу не спрашивал.

— Ну хорошо! — Он помолчал, а затем спросил уже спокойнее: — Почему его интересует синхрофазотрон?

— Не имею ни малейшего представления, — ответила Селена. — Он просто спросил, нельзя ли его посмотреть. Может быть, он любит осматривать научные учреждения. А может быть, он просто это придумал, чтобы заинтересовать меня.

— Что ему, кажется, и удалось! Как его зовут?

— Не знаю. Я не спросила.

— Почему?

— Потому что он меня нисколько не заинтересовал. Ты уж выбирай что-нибудь одно! Впрочем, сам его вопрос показывает, что он — простой турист. Будь он физиком, ему бы не пришлось задавать таких вопросов. Его пригласили бы туда и без них.

— Дорогая моя Селена! — сказал Невилл. — Ну хорошо, я повторю все с азов. При нынешнем положении вещей любой человек, задающий вопросы про синхрофазотрон, уже потенциально опасен, а поэтому нам нужно знать о нем как можно больше. И почему, собственно, он обратился с таким вопросом именно к тебе?

Невилл быстро прошелся по комнате, словно сбрасывая излишек энергии. Потом сказал:

— Ты специалистка по таким вещам. Он показался тебе интересным?

— Как мужчина?

— Ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю. Перестань увиливать, Селена!

Она ответила с явной неохотой:

— Он интересен, в нем даже есть что-то интригующее. Но я не могу сказать, что именно. В его словах и поведении не было ничего хоть сколько-нибудь необычного.

— Интересен, в нем есть что-то интригующее? В таком случае тебе нужно встретиться с ним еще раз.

— Ну, предположим, мы встретимся — и что же я должна буду делать?

— Откуда я знаю? Это уж тебе виднее. Узнай его имя. Выясни все, что будет возможно. Используй свои несомненные умственные способности для интеллектуального вынюхивания.

— Ну ладно, — ответила она. — Приказ начальства? Будет исполнено.

Глава 3

По размерам резиденция представителя Земли ничем не отличалась от стандартной лунной квартиры. На Луне не было лишнего пространства — в том числе и для высокопоставленных землян. Никакие соображения престижа не могли изменить того факта, что на Луне люди жили глубоко под поверхностью планеты в условиях малой силы тяжести, и даже самому прославленному из землян пришлось бы смириться с отсутствием такой недоступной роскоши, как простор.

— Человек привыкает ко всему! — вздохнул Луис Монтес. — Я прожил на Луне два года, и порой у меня возникало желание остаться тут и дольше, но... Я уже не молод. Мне пошел пятый десяток, и если я не хочу остаться тут навсегда, то должен уехать немедленно, или я уже не сумею вновь приспособиться к полной силе тяжести.

Конраду Готтштейну было только тридцать четыре года, а выглядел он еще моложе. Его лицо было круглым, с крупными чертами — среди лунян такой тип лица настолько редок, что оно стало непременной принадлежностью землянин на лунных карикатурах. Однако фигура у него была сухощавой и стройной — посылать на Луну дородных землян, как правило, избегали, — а потому его голова казалась непропорционально большой.

Он сказал (произнося слова общепланетного эсперанто с несколько иным акцентом, чем Монтес):

— Вы как будто извиняетесь.

— Вот именно, вот именно! — воскликнул Монтес. (Если лицо Готтштейна производило впечатление безмятежного благодушия, то лицо Монтеса, изборожденное глубокими складками, было печальным до комизма.) — И даже в двух отношениях. Я испытываю потребность оправдываться, потому что покидаю Луну — очень привлекательный и интересный мир. И чувствую себя виноватым потому, что ощущаю такую потребность. Мне стыдно, что я словно побаиваюсь принять на себя бремя Земли — и силу тяжести, и все прочее.

— Да, могу себе представить, что эти добавочные пять шестых дадутся вам не очень легко, — сказал Готтштейн. — Я пробыл на Луне всего несколько дней и уже нахожу, что одна шестая земной силы тяжести — прекрасная штука.

— Ну, вы перемените мнение, когда ваше пищеварение взбунтуется и вам неделями придется жить на касторке, — со вздохом заметил Монтес. — Впрочем, это пройдет... Но хотя вы и ощущаете легкость во всем теле, лучше все-таки не изображайте из себя легкую серну. Для этого требуется большое умение.

— Я понимаю.

— О нет, Готтштейн, вам только кажется, будто вы понимаете. Вы ведь еще не видели кенгуровой припрыжки?

— Видел по телевизору.

— Ну, это совсем не то. Надо самому попробовать. Лучший способ быстрого передвижения по ровной лунной поверхности. Вы отталкиваетесь обеими ступнями, словно для прыжка в длину на Земле. В воздухе вы выносите ноги вперед, а в последний момент опускаете их и снова отталкивае-

тесь. И так далее. По земным меркам это происходит довольно-таки медленно, поскольку тяжесть, обеспечивающая толчок, невелика, зато с каждым прыжком человек покрывает свыше двадцати футов, а для того, чтобы удерживаться в воздухе, — то есть если бы тут был воздух, — необходимы лишь минимальные мышечные усилия. Ощущение такое, будто ты летишь...

— Значит, вы пробовали? Вы умеете передвигаться кенгуровой припрыжкой?

— Да, я пробовал, но у землянина это по-настоящему получиться не может. Мне удавалось сделать до пяти прыжков подряд — вполне достаточно, чтобы возникло ощущение полета и чтобы захотелось прыгать дальше. Но тут вы обязательно допускаете просчет, слишком замедляете или убыстряете движения и катитесь кубарем четверть мили, если не больше. Луняне вежливы и никогда над вами не смеются. Сами же они начинают с раннего детства, и для них это все просто и естественно.

— Это ведь их мир, — усмехнулся Готтштейн. — А вы представьте себе, как они выглядели бы на Земле.

— Но ведь они в таком положении оказаться никак не могут. Им пути на Землю нет. Тут мы имеем перед ними преимущество. Нам открыты и Земля, и Луна. А они способны жить только на Луне. Мы порой забываем об этом, потому что подсознательно путаем лунян с грантами.

— С кем, с кем?

— Так они называют иммигрантов с Земли. Тех, кто почти постоянно живет на Луне, но родился и вырос на Земле. Иммигранты могут при желании вернуться на Землю, но у настоящих лунян ни кости, ни мышцы не приспособлены к тому, чтобы выдерживать земное тяготение. В начале лунной истории это не раз приводило к подлинным трагедиям.

— Вот как?

— К сожалению. Родители возвращались на Землю с детьми, которые родились на Луне... Мы про это как-то забываем. Это ведь были годы решительного перелома, и смерть горстки детей прошла в тот момент почти незамеченной. Внимание человечества было поглощено общемировой

ситуацией и ее окончательным разрешением в конце двадцатых годов. Но здесь, на Луне, помнят всех лунян, не выдержавших жизни в условиях земной силы тяжести... По-моему, это помогает им ощущать себя самостоятельными и независимыми.

— Мне казалось, что на Земле я получил всю необходимую информацию, — сказал Готтштейн, — но, по-видимому, мне предстоит узнать еще очень многое.

— Изучить Луну полностью по сведениям, поступающим на Землю, попросту невозможно, а потому я подготовил для вас исчерпывающее резюме. То же сделал для меня мой предшественник. Вы убедитесь, что Луна необычайно интересна, а в некоторых отношениях и способна довести человека до помешательства. Вряд ли вы пробовали на Земле лунную пищу, а никакие описания не помогут вам приготовиться к тому, что вас ждет... И все-таки вам придется смириться с необходимостью: выписывать сюда земные деликатесы было бы плохой политикой. Тут мы едим и пьем продукты исключительно местного производства.

— Вы ведь прожили на них два года. Надеюсь, и я тоже выдержу.

— Два года — но с некоторыми перерывами. Нам полагается через регулярные промежутки проводить несколько дней на Земле. И эти отпуска обязательны, хотим мы того или нет. Но вас, вероятно, предупредили?

— Да, — ответил Готтштейн.

— Как бы вы ни следили здесь за своим физическим состоянием, вам все-таки необходимо время от времени напоминать вашим костям и мышцам, что такое полная сила тяжести. А уж попав на Землю, вы отъедаетесь вволю. Ну и, кроме того, порой удается провезти тайком кое-какие лакомства.

— Мой багаж, разумеется, был подвергнут тщательному осмотру, — сказал Готтштейн. — Но потом я обнаружил в кармане пальто банку тушенки. Я совсем про нее забыл, а таможенники ее не заметили.

Монтес улыбнулся и сказал нерешительно:

— Я подозреваю, что вы намерены поделиться со мной.

— Нет, — торжественно ответил Готтштейн, наморщив свой толстый короткий нос. — Я намеревался произнести со всем трагическим благородством, на какое я только способен: «О Монтес, съешь ее всю сам — твоя нужда больше моей!» — Последнюю фразу он произнес с запинкой, поскольку ему редко приходилось ставить глаголы общепланетарного эсперанто во второе лицо единственного числа.

Улыбка Монтеса стала шире, однако он с сожалением покачал головой:

— Спасибо, но ни в коем случае. Через неделю я получу возможность есть любую земную пищу в любых количествах. Вам же в ближайшие годы она будет перепадать лишь изредка, и вы вновь и вновь будете раскаиваться в нынешней своей щедрости. Оставьте всю банку себе... Прошу вас. Я вовсе не хочу, чтобы в дальнейшем вы меня люто возненавидели.

Он дружески положил руку на плечо Готтштейна и посмотрел ему в глаза.

— Кроме того, — продолжал он, — нам с вами предстоит разговор на весьма важную тему, а я не знаю, как его начать, и эта тушенка послужила бы мне удобным предлогом, чтобы снова его оттянуть.

Готтштейн тотчас спрятал банку. Его круглое лицо было органически не способно принять выражение сосредоточенности, но голос стал очень серьезным:

— Значит, есть что-то, о чем вы не могли сообщить в своих донесениях на Землю?

— Я пытался, Готтштейн, но все это достаточно зыбко, а Земля не сумела или не пожелала разобраться в моих намеках, и вопрос повис в воздухе. Возможно, вам удастся добиться чего-то более определенного. Я от души на это надеюсь. По правде говоря, я не просил о продлении срока моих полномочий, в частности, именно потому, что ответственность слишком велика, а я не сумел убедить Землю.

— Если судить по вашему тону, это действительно что-то очень серьезное.

— Да, если судить по тону! Но я отдаю себе отчет, что выглядит все довольно глупо. На Луне постоянно живет около

десяти тысяч человек, и уроженцы Луны не составляют из них и половины. Им не хватает ресурсов, им мешает теснота, они живут на очень суровой планете, и все же... все же...

— И все же? — подсказал Готтштейн.

— Тут что-то происходит — я не знаю точно, что именно, но, возможно, что-то опасное.

— То есть как — опасное? Что они, собственно, могут сделать? Объявить Земле войну? — Казалось, Готтштейн с трудом сдерживает улыбку.

— Нет-нет. Все это гораздо тоньше. — Монтес провел рукой по лицу и раздраженно протер глаза. — Разрешите, я буду с вами откровенным. Земля утратила прежний дух.

— Что вы под этим подразумеваете?

— Ну а как это назвать по-другому? Примерно в то время, когда на Луне появилось первое поселение, Земля пережила экологический перелом. Полагаю, мне не надо вам о нем рассказывать?

— Разумеется, — хмуро ответил Готтштейн. — Но ведь в конечном счете Земля от него выиграла, не так ли?

— О, без сомнения! Но он оставил после себя непреходящее недоверие к технике, определенную апатию, ощущение, что всякая перемена чревата рискованными побочными следствиями, которые трудно предвидеть заранее. Многообещающие, но опасные исследования были прекращены, потому что даже полный их успех, казалось, не оправдывал сопряженного с ними риска.

— Насколько я понимаю, вы говорите о программе генетического конструирования?

— Да, это наиболее яркий пример, но, к сожалению, не единственный, — ответил Монтес с грустью.

— Честно говоря, отказ от генетического конструирования меня лично нисколько не огорчает. С самого начала и до конца это была цепь срывов и неудач.

— Человечество утратило шанс на развитие интуитивизма.

— Но ведь так и осталось неясным, насколько интуитивизм был бы полезен, а вот его возможные минусы были более чем очевидны... Кстати, а как же Луна? Какие еще нам

нужны доказательства, что Земля вовсе не погрузилась в апатию?

— Наоборот! — вскричал Монтес. — Лунная колония — это наследие эпохи, предшествовавшей перелому, последний бросок человечества вперед, а затем началось отступление.

— Вы преувеличиваете, Монтес.

— Не думаю. Земля отступила, человечество отступило повсюду, кроме Луны. Луна олицетворяет замечательнейшее завоевание человека не только физически, но и психологически. Это мир, где нет живой и уязвимой природы, где можно не опасаться нарушить хрупкое равновесие сложной среды обитания. На Луне все, что необходимо человеку, создано самим человеком. Луна — мир, сотворенный человеком с начала и до конца. У него нет прошлого.

— Ну и что же?

— На Земле нам мешает тоска по пасторальному единению с природой, которого никогда в действительности не было. Но даже существуй оно когда-то, возродить его все равно было бы невозможно. А у Луны нет прошлого, о котором можно мечтать или тосковать. Тут есть только одна дорога — вперед.

Монтес, казалось, загорался от собственных слов все больше и больше.

— Готтштейн, я наблюдал эти два года. Вам предстоит наблюдать тоже два года, если не больше. Луна охвачена огнем — огнем деятельности. Причем поле этой деятельности все время расширяется. И физически — каждый месяц бурятся все новые коридоры, оборудуются все новые жилые комплексы, обеспечивая дальнейший рост населения. И в смысле ресурсов — все время открываются новые строительные материалы, новые источники воды, новые залежи полезных ископаемых. Расширяются поля солнечных аккумуляторов, растут электронные заводы... Полагаю, вам известно, что эти десять тысяч человек здесь, на Луне, обеспечивают всю Землю мини-электронными приборами и прекрасными биохимическими препаратами?

— Да, я знаю, что это довольно важный их источник.

— Земля предается приятному самообману. Луна — основной их источник. А в недалеком будущем может стать и единственным. Они здесь, на Луне, растут и интеллектуально. Готтштейн, я убежден, что на Земле не найдется ни одного начинающего молодого ученого, который иногда — а может быть, и далеко не иногда — не мечтал бы со временем уехать на Луну. Ведь во многих областях техники Луна начинает занимать ведущие позиции.

— Вероятно, вы имеете в виду синхрофазотрон?

— И его тоже. Когда был построен на Земле последний синхрофазотрон? И это лишь наиболее яркий пример, но отнюдь не единственно важный. И даже не самый важный. Если хотите знать, то решающий фактор в области науки на Луне — это...

— Нечто столь секретное, что мне о нем не сообщили?

— Нет. Нечто столь очевидное, что его просто не замечают. Я имею в виду десять тысяч интеллектов, отборных человеческих интеллектов, которые и по убеждению, и по необходимости посвятили себя служению науке.

Готтштейн беспокойно заерзал и хотел подвинуть стул. Но стул был привинчен к полу, и Готтштейн едва не соскользнул на ковер. Монтес удержал его за локоть.

— Простите! — досадливо покраснев, пробормотал Готтштейн.

— Ничего, вы скоро освоитесь со здешней силой тяжести.

Но Готтштейн не слушал.

— Согласитесь все-таки, что вы сильно преувеличиваете, Монтес. Ведь Земля — это вовсе не такая уж отсталая планета. Например, Электронный Насос. Он создан Землей. Ни один лунянин не принимал участия в работе над ним.

Монтес покачал головой и пробормотал что-то по-испански — на своем родном языке. Судя по всему, что-то очень энергичное. Потом он спросил на эсперанто:

— Вам доводилось встречаться с Фредериком Хэллемом?

Готтштейн улыбнулся.

— А как же. Отец Электронного Насоса! По-моему, он вытатуировал этот титул у себя на груди.

— Ваша улыбка и ваши слова — уже аргумент в мою

пользу. Спросите себя: а мог ли человек вроде Хэллема действительно создать Электронный Насос? Тем, кто предпочитает не размышлять над такими вопросами, это представляется само собой разумеющимся. Но стоит задуматься, и сразу становится ясно, что у Насоса вообще не было отца. Его изобрели паралюди, обитатели паравселенной, каковы бы они ни были и какой бы ни была она. Хэллему же случайно досталась роль их орудия. Да и вся Земля для них — всего лишь средство, помогающее достижению какой-то их цели.

— Но мы сумели извлечь пользу из их инициативы.

— Да, как коровы умеют извлечь пользу из сена, которым мы их снабжаем. Насос — вовсе не доказательство прогресса человечества. Скорее наоборот.

— Ну, если Насос, по-вашему, символизирует шаг назад, то подобный шаг назад можно только приветствовать. Мне не хотелось бы остаться без него.

— Мне тоже! Но речь идет о другом. Насос удивительно хорошо отвечает нынешнему настроению Земли. Неисчерпаемый источник энергии, абсолютно даровой, если не считать расходов на оборудование и содержание станций, и никакого загрязнения среды обитания! Но на Луне нет Электронных Насосов.

— Так ведь они тут и не нужны, — заметил Готтштейн. — Солнечные аккумуляторы, насколько мне известно, с избытком обеспечивают Луну необходимой энергией, тоже абсолютно даровой, если не считать расходов на оборудование и обслуживание, и тоже не загрязняющей среду обитания... Я верно запомнил заклинание?

— О да, вполне. Но ведь солнечные аккумуляторы созданы человеком. Вот о чем я говорю. Кстати, на Луне собирались установить Электронный Насос, и такая попытка была сделана.

— И что же?

— Ничего не вышло. Паралюди не забрали вольфрама. Не произошло ровно ничего.

— Я этого не знал. А почему?

Монтес выразительно поднял брови и развел руками.

— Кто может знать? Отчего не предположить, например,

что паралюди живут на планете, не имеющей спутника, и не в состоянии представить себе второй обитаемый мир в близком соседстве с первым? Или же, отыскав то, что им было нужно, они попросту прекратили дальнейшие поиски? Как знать? Важно другое: они не забрали вольфрама, а сами мы без них ничего сделать не смогли.

— Сами мы... — задумчиво повторил Готтштейн. — Под этим вы подразумеваете землян?

— Да.

— А луняне?

— Они в этом участия не принимали.

— Но Электронный Насос их интересовал?

— Не знаю... Этим, собственно, и объясняются моя неуверенность, мои опасения. У лунян... и особенно у родившихся тут... существует собственная точка зрения. Я не знаю их намерений, их планов. И мне ничего не удалось выяснить.

Готтштейн задумался.

— Но что, собственно, они могут сделать? Какие у вас есть основания полагать, что они злоумышляют против нас? А главное, какой вред они в силах причинить Земле, даже если бы и захотели?

— Я ничего не могу ответить. Все они — очень обаятельные и умные люди. Мне кажется, в них нет ни ненависти, ни злобы, ни даже страха. Но вдруг мне это только кажется? Я тревожусь именно потому, что ничего не знаю твердо.

— Если не ошибаюсь, научно-исследовательские установки на Луне подчинены Земле?

— Совершенно верно. Синхрофазотрон. Радиотелескоп на обратной стороне. Трехсотдюймовый оптический телескоп... Другими словами, большие установки, которые действуют уже пятьдесят с лишним лет.

— А что было добавлено с тех пор?

— Землянами? Очень мало.

— А лунянами?

— Не могу сказать точно. Их ученые работают на больших установках. Но я однажды проверил их табели. В них есть большие пробелы.

— Какие пробелы?

— Значительную часть времени они проводят где-то еще. Так, словно у них есть собственные лаборатории.

— Но ведь это естественно, если они производят миниэлектронное оборудование и высококачественные биохимические препараты?

— Да, и все-таки... Готтштейн, говорю же вам — я не знаю. И эта моя неосведомленность внушает мне страх.

Они помолчали. Потом Готтштейн спросил:

— Насколько я понял, Монтес, вы рассказали мне все это для того, чтобы я был настороже и постарался без шума выяснить, чем занимаются луняне?

— Пожалуй, — невесело сказал Монтес.

— Но ведь вы даже не знаете, действительно ли они чем-то занимаются.

— И все-таки я убежден, что это так.

— Странно! — сказал Готтштейн. — Мне следовало бы убеждать вас, что ваши необъяснимые страхи абсолютно беспочвенны... и тем не менее очень странно...

— Что именно?

— На том же корабле, что и я, летел еще один человек. То есть летела большая группа туристов, но лицо одного показалось мне знакомым. Я с этим человеком не разговаривал — просто не пришлось — и сразу забыл о нем. Но этот наш разговор опять мне о нем напомнил...

— А кто он?

— Мне как-то довелось быть членом комиссии, рассматривавшей некоторые вопросы, связанные с Электронным Насосом. А точнее, вопрос о безопасности его использования. То недоверие к технике, о котором мы говорили. — Готтштейн улыбнулся. — Да, мы все проверяем и перепроверяем. Но так ведь и надо, черт побери. Я уже забыл подробности, но на одном из заседаний комиссии я видел человека, который теперь летел вместе со мной на Луну. Я убежден, что это он.

— По-вашему, тут что-то кроется?

— Не знаю. Но его лицо ассоциируется у меня с чем-то тревожным. Я постараюсь вспомнить. Во всяком случае, полезно будет затребовать список пассажиров и посмотреть, не значится ли в нем какая-нибудь знакомая фамилия. Как ни жаль, Монтес, но вы, кажется, обратили меня в свою веру.

— О чем же тут жалеть! — ответил Монтес. — Наоборот, я очень рад. Ну а этот человек, возможно, просто турист и уедет через две недели. И все-таки очень хорошо, что я заставил вас задуматься.

Готтштейн бормотал, не слушая его:

— Он физик... или, во всяком случае, ученый. В этом я убежден. И он ассоциируется у меня с какой-то опасностью.

Глава 4

— Здравствуйте! — весело сказала Селена.

Землянин оглянулся и сразу ее узнал.

— Селена! Я не ошибаюсь? Вы ведь — Селена?

— Правильно. Имя вы вспомнили совершенно точно. Ну, как вам тут нравится?

— Очень! — серьезно сказал землянин. — Я как-то по-новому понял, в каком неповторимом веке мы живем. Еще совсем недавно я был на Земле и чувствовал, насколько я устал от своего мира, устал от самого себя. И тут я подумал: живи я сто лет назад, у меня не было бы другого способа покинуть свой мир, кроме одного — умереть. Но теперь я могу уехать на Луну! — И он улыбнулся невеселой улыбкой.

— И что же, на Луне вы чувствуете себя счастливее? — спросила Селена.

— Немножко. — Он огляделся. — Но где же туристы, которых вы пасете?

— Сегодня я свободна, — ответила она, засмеявшись. — Возможно, я возьму еще два-три свободных дня. Это ведь очень скучная работа.

— Как же вам не повезло! Только решили отдохнуть и сразу же наткнулись на туриста.

— Вовсе я на вас не наткнулась. Я вас специально разыскивала. И должна сказать, это было нелегкой задачей. А вам все-таки не следовало бы бродить в одиночестве.

Землянин посмотрел на нее с любопытством.

— А зачем, собственно, вы меня разыскивали? Вы что, так любите землян?

— Нет, — ответила она с непринужденной откровенностью. — Они мне до смерти надоели. Я в принципе отношусь к ним без особых симпатий, а оттого, что мне постоянно приходится иметь с ними дело в силу моих профессиональных обязанностей, они милее не становятся.

— И все-таки вы специально меня разыскивали, а ведь нет такой силы на Земле, то есть я хотел сказать — на Луне, которая могла бы убедить меня, будто я молод и красив.

— Ну, это ничего не изменило бы! Земляне меня совершенно не интересуют, как известно вам, кроме Бэррона.

— В таком случае почему же вы меня разыскивали?

— Потому что в человеке интересны не только молодость и красота, и еще потому, что вами заинтересовался Бэррон.

— А кто такой Бэррон? Ваш приятель?

Селена засмеялась.

— Его зовут Бэррон Невилл. И для меня он несколько больше, чем приятель.

— Я именно это и имел в виду. У вас есть дети?

— Сын. Ему десять лет. Он живет в интернате для мальчиков. Я избавлю вас от необходимости задавать мне следующий вопрос. Его отец — не Бэррон. Возможно, Бэррон будет отцом моего следующего ребенка, если мы с ним не разойдемся к тому времени, когда я получу право иметь второго ребенка. Если я такое право получу... Впрочем, в этом я не сомневаюсь.

— Вы очень откровенны.

— Разумеется. Какой смысл придумывать несуществующие секреты? Вот если бы... Ну а чем бы вы хотели заняться сейчас?

Они шли по коридору, пробитому в молочно-белой породе. Его отполированные стены были инкрустированы дымчатыми осколками «лунных топазов», которые валялись на лунной поверхности практически повсюду. Сандалии Селены, казалось, почти не прикасались к полу, а на земляни-

не были башмаки на толстой, утяжеленной свинцом подошве, и только благодаря им каждый шаг не был для него мукой.

Движение в коридоре было одностороннее. Время от времени их нагоняли миниатюрные электромобили и бесшумно проносились мимо.

Землянин сказал:

— Чем бы я хотел заняться? У этого предложения слишком широкий спектр. Лучше задайте граничные условия, чтобы я ненароком не нарушил каких-либо запретов.

— Вы физик?

— Почему вы об этом спросили? — спросил землянин после нерешительной паузы.

— Только чтобы услышать, как вы мне отвечаете. А что вы физик, я и так знаю.

— Откуда?

— А кто еще попросит задать граничные условия? Тем более что, едва попав на Луну, тот же человек в первую очередь пожелал осмотреть синхрофазотрон.

— Ах, так вот почему вы постарались меня найти? Потому что решили, будто я физик?

— Поэтому Бэррон послал меня разыскать вас. Он ведь физик. А я согласилась потому, что вы мне показались непохожим на обычных землян.

— В каком смысле?

— Ничего особенно лестного для вас, если вы напрашиваетесь на комплименты. Просто вы как будто не питаете особой любви к остальным землянам?

— Откуда вы это взяли?

— Я видела, как вы держитесь с остальными членами вашей группы. И вообще я это как-то чувствую. Ведь на Луне обычно оседают те земляне, которые недолюбливают своих сопланетников. Что возвращает меня к моему первому вопросу... Чем бы вы хотели заняться? Скажите, и я определю граничные условия. То есть в смысле объектов осмотра.

Землянин внимательно посмотрел на нее.

— Все это как-то странно, Селена. У вас сегодня выходной. Ваша работа настолько вам неинтересна и даже непри-

ятна, что вы с радостью взяли бы еще два-три свободных дня. Однако отдыхать вы намерены опять исполняя свои профессиональные обязанности, причем ради одного меня... И все из-за мимолетного любопытства.

— Не моего, а Бэррона. Он пока занят, так почему бы не послужить вам гидом, пока он не освободится? К тому же это совсем другое дело! Неужели вы сами не понимаете? Моя работа заключается в том, чтобы нянчить десятка два земляшек... Вас не обижает, что я употребила это определение?

— Я сам им пользуюсь.

— Да. Потому что вы землянин. Но туристы с Земли считают его насмешливой кличкой, и им не нравится, когда ее употребляет лунянин.

— То есть лунатик?

Селена покраснела.

— Вот именно.

— Ну, так давайте не придавать значения словам. Вы ведь начали что-то говорить мне про вашу работу.

— Так вот. Я обязана не допускать, чтобы эти двадцать земляшек сломали себе шеи. Я должна водить их по одному и тому же маршруту, произносить одни и те же фразы, следить, чтобы они ели, пили и ходили, соблюдая все правила и инструкции. Они осматривают положенные по программе достопримечательности и проделывают все, что принято проделывать, а я обязана быть безупречно вежливой и по-матерински заботливой.

— Ужасно! — сказал землянин.

— Но мы с вами можем делать что захотим. Вы готовы рисковать, а я не обязана следить за тем, что я говорю.

— Я ведь вам уже сказал, что вы спокойно можете называть меня земляшкой.

— Ну так, значит, все в порядке. Я провожу свой выходной день в обществе туриста. Итак, чем бы вы хотели заняться?

— На это ответить нетрудно. Я хотел бы осмотреть синхрофазотрон.

— Только не это. Возможно, Бэррон что-нибудь устроит после того, как вы с ним поговорите.

— Ну, в таком случае я, право, не знаю, что тут еще может быть интересного. Радиотелескоп, насколько мне известно, находится на обратной стороне, да и не такая уж это новинка... Предлагайте вы. Что обычно осматривают туристы?

— Существует несколько маршрутов. Например, бассейны с водорослями. Нет, не фабрика, где они обрабатываются в стерильных условиях. Ее вы уже видели. Это комплекс, где их выращивают. Однако они очень сильно пахнут, и земляшки... земляне находят этот запах не слишком аппетитным... Земляш... земляне и так давятся нашей едой.

— Это вас удивляет? А вы знакомы с земной кухней?

— Практически нет. И думаю, что земная еда мне вряд ли понравится. Это ведь вопрос привычки.

— Да, наверное, — ответил землянин со вздохом. — Если бы вам подали настоящую говядину, жесткие волокна и жирок, пожалуй, отбили бы у вас аппетит.

— Можно побывать на окраине, где ведется пробивка новых коридоров. Но тогда надо надеть защитные костюмы. Есть еще заводы...

— Я полагаюсь на ваш выбор, Селена.

— Хорошо, я возьму это на себя, но только если вы честно ответите мне на один вопрос.

— Пока я не услышу вопроса, я не могу обещать, что отвечу на него.

— Я сказала, что земляшки, которым не нравятся другие земляшки, обычно остаются на Луне. Вы не стали возражать. Значит, вы намерены остаться на Луне?

Землянин уставился на тупые носки своих тяжелых башмаков. Он сказал, не поднимая глаз:

— Селена, визу на Луну я получил с большим трудом. Меня предупредили, что я слишком стар для такой поездки и, если мое пребывание на Луне затянется, мне скорее всего уже нельзя будет вернуться на Землю. А потому я заявил, что намерен поселиться на Луне навсегда.

— И вы не лгали?

— В тот момент я еще не решил. Но теперь я думаю, что, вероятно, останусь.

— Странно! После такого заявления они тем более должны были бы вас не пустить.

— Почему?

— Обычно Земля предпочитает, чтобы ее физики не оставались на Луне насовсем.

Губы землянина тронула горькая улыбка.

— В этом отношении мне никаких препятствий не чинили.

— Что же, раз вы намерены стать одним из нас, вам, пожалуй, следует осмотреть гимнастический комплекс. Земляне часто изъявляют желание посетить его, но, как правило, мы предпочитаем их туда не водить, хотя официально это не запрещено. Иммигранты — другое дело.

— А почему такие сложности?

— Ну, например, мы занимаемся там практически нагими. А что тут, собственно, такого? — В ее голосе появилась досада, словно ей надоело оправдываться. — Температура в городе поддерживается оптимальная, чистота везде стерильная, а то, что общепринято, ничьего внимания не привлекает. Кроме, конечно, туристов с Земли. Одни туристы возмущаются, другие хихикают, а третьи и возмущаются, и хихикают. А нам это мешает. Менять же ради них мы ничего не собираемся и потому просто стараемся их туда не пускать.

— А как же иммигранты?

— Пусть привыкают. Они ведь сами скоро будут одеваться по лунным модам. А им посещать спортивный комплекс нужнее, чем урожденным лунянам.

— И мы тоже должны будем раздеться? — спросил он весело.

— Как зрители? Зачем же? Можно, конечно, но лучше не надо. Вам с непривычки будет неловко, да и с эстетической точки зрения вы поступите разумнее, если не станете спешить.

— Вы прямолинейны, ничего не скажешь.

— Что же делать? Взгляните правде в глаза. А поскольку я упражняться не собираюсь, то и мне проще обойтись без переодевания.

— Но наше появление никаких возражений не вызовет?

То есть мое присутствие там — присутствие земляшки с не слишком эстетической внешностью?

— Не вызовет, если вы придете со мной.

— Ну хорошо, Селена. А идти далеко?

— Мы уже почти пришли. Вот сюда.

— А, так вы с самого начала собирались показать мне ваш гимнастический комплекс?

— Я подумала, что это может оказаться интересным.

— Почему?

— Ну, я просто так подумала, — улыбнулась Селена.

Землянин покачал головой.

— Я начинаю думать, что вы никогда ничего просто так не думаете. Дайте-ка я попробую догадаться. Если я останусь на Луне, мне необходимо будет время от времени заниматься гимнастикой, чтобы мышцы, кости, а может быть, и внутренние органы функционировали как следует.

— Совершенно верно. Это необходимо нам всем, но иммигрантам с Земли — особенно. Довольно скоро вы начнете посещать спортивный комплекс каждый день.

Они вошли в дверь, и землянин остановился как вкопанный.

— Впервые я вижу тут что-то, что напоминает Землю!

— Чем?

— Размерами. Мне и в голову не приходило, что на Луне есть такие огромные помещения. Письменные столы, конторское оборудование, секретарши...

— В шортах, — невозмутимо докончила Селена.

— Согласен, что здесь сходство с Землей кончается.

— У нас есть скоростная шахта и лифты для земляшек. Комплекс расположен на нескольких уровнях... Минутку!

Селена подошла к одному из столов и вполголоса заговорила с секретаршей. Землянин тем временем с доброжелательным любопытством посматривал по сторонам.

— Все в порядке, — сказала Селена, вернувшись. — И сейчас как раз начинается довольно интересный матч. Я знаю обе команды — на них стоит посмотреть.

— Послушайте, а это место производит внушительное впечатление. Очень внушительное.

— Если вы имеете в виду размеры, то этот комплекс все-таки тесноват, хотя он и больше остальных двух. Пока у нас их три. Это самый большой.

— Почему-то мне очень приятно, что, несмотря на спартанские условия Луны, вы позволяете себе пожертвовать такое количество свободного пространства на развлечения.

— Как — на развлечения? — Селена даже обиделась. — Почему вы так решили?

— Но ведь вы сказали — матч? То есть речь идет об игре?

— Дело не в названии. На Земле у вас есть возможность устраивать спортивные состязания ради развлечения. Десять человек соревнуются, десять тысяч смотрят. На Луне все по-другому. То, что для вас — развлечение, для нас — жизненная необходимость... Вот сюда. Мы поедем на лифте, так что придется немного подождать.

— Простите. Я вовсе не хотел вас обидеть.

— Я не обиделась, но попробуйте немножко подумать. Вы, земляне, приспосабливались к земной силе тяжести добрых триста миллионов лет — с того самого момента, как живые организмы выбрались на сушу. Вы можете обходиться и без упражнений. А у нас еще не было времени приспособиться к лунной силе тяжести.

— Однако у вас уже выработался свой тип.

— У тех, кто родился и вырос в условиях лунной силы тяжести, кости и мышцы, естественно, менее массивны, чем у земляшек, но это лишь внешнее различие. Наш организм все же плохо к ней приспособлен и требует постоянной тренировки, чтобы функционировать нормально. И это касается, в частности, таких сложных и тонких функций, как пищеварение, выделение гормонов и тому подобное. Оттого что мы придаем упражнениям форму веселой игры, они не становятся пустым развлечением... Но вот и лифт.

Землянин невольно попятился, и Селена продолжала все с тем же легким раздражением, словно устав от необходимости непрерывно объяснять и оправдываться:

— Вам, конечно, не терпится сказать, что это не лифт, а плетеная кошелка. Еще ни один землянин не сел в него без

такого вступления. Но в условиях лунной силы тяжести он достаточно прочен.

Лифт медленно пошел вниз. Они были в нем одни. Землянин заметил:

— По-видимому, им пользуются очень редко.

На этот раз Селена улыбнулась.

— Вы совершенно правы. Скоростная шахта быстрее и приятнее.

— А что это такое?

— Именно то, о чем говорит название... Мы приехали. Нам ведь надо было спуститься всего на два уровня. Скоростная шахта — это вертикальная труба с поручнями. Человек опускается или поднимается, придерживаясь за них. Но земляшек мы предпочитаем возить на лифтах.

— Слишком опасно?

— Сам спуск вовсе не опасен. Поручнями можно пользоваться точно лестницей. Но молодые ребята обычно летят вниз с большой скоростью, а земляшки не умеют увертываться. Ну а столкновения бывают довольно болезненными. Но со временем вы привыкнете. Собственно говоря, то, что вы увидите сейчас, — это тоже своего рода скоростная шахта, предназначенная для любителей острых ощущений.

Они направились к барьеру, отгораживавшему широкий круглый провал. У барьера, облокотившись на него, стояли люди, одетые по большей части в легкие сандалии и шорты. Все непринужденно разговаривали, кое-кто ел. У многих через плечо были надеты сумки. Проходя мимо юноши, который с аппетитом выскребал зеленоватую массу из бумажного стаканчика, землянин невольно поморщился.

— С зубами на Луне дело, наверное, обстоит не так уж хорошо, — сказал он.

— Да, не слишком, — согласилась Селена. — Будь у нас такая возможность, мы предпочли бы обходиться совсем без них.

— Без зубов?

— Ну, возможно, не совсем. Мы, наверное, сохранили бы резцы и клыки из косметических соображений. А кроме того, они бывают полезны. И их нетрудно чистить. Но для

чего нам коренные зубы? Как свидетельство нашего земного происхождения?

— И вы что-нибудь для этого делаете?

— Нет, — ответила Селена сдержанно. — Генетическое конструирование запрещено. На этом настаивает Земля.

Она наклонилась над барьером и сказала:

— Лунная площадка для игр!

Землянин заглянул за барьер. Шахта уходила вертикально вниз футов на пятьсот и имела в поперечнике около пятидесяти футов. К ее гладким розовым стенам, словно в хаотическом беспорядке, были прикреплены металлические перекладины. Кое-где они отходили от стен перпендикулярно, а некоторые полностью пересекали ее по диаметру.

Окружавшие не обратили на землянина никакого внимания. Одни, скользнув взглядом по его одежде и лицу, равнодушно отворачивались. Другие приветственно махали рукой Селене и тоже отворачивались. Сильнее подчеркнуть полное отсутствие интереса они, пожалуй, не могли бы, хотя ничего демонстративного в их поведении не было.

Землянин опять заглянул в шахту. Стройные фигуры на дне казались непропорционально укороченными, потому что он смотрел на них сверху. Он заметил, что на одних были красные трико, а на других — синие. Чтобы различать команды, решил он. Трико, по-видимому, выполняли еще и защитную функцию, так же как сандалии, перчатки и эластичные повязки над коленями и у локтей.

— А, — пробормотал он, — женщины участвуют наравне с мужчинами.

— Совершенно верно, — сказала Селена. — Тут все решает ловкость, а не сила.

Раздался негромкий барабанный бой, и двое участников начали стремительно подниматься по противоположным стенкам шахты. В первые секунды они взбирались словно по приставной лестнице, но затем их движения убыстрились, и они уже только отталкивались от перекладин, звонко хлопая по ним ладонями.

— На Земле невозможно проделать это с таким изяществом, — восхищенно сказал землянин и тут же поправился: — То есть вообще невозможно.

— И дело ведь не только в малой силе тяжести, — заметила Селена. — Вот попробуйте, и сами убедитесь! Для этого требуется долгая и упорная тренировка.

Гимнасты добрались до барьера и вспрыгнули на площадки, игравшие роль трамплинов. Одновременно перекувырнувшись в воздухе, они начали спуск.

— Они умеют двигаться очень быстро, когда хотят, — заметил землянин.

— Еще бы! — ответила Селена под всплеск аплодисментов. — Я прихожу к выводу, что у землян, то есть у настоящих землян, никогда не бывавших на Луне, идея передвижения по Луне твердо ассоциируется со скафандрами. Другими словами, они рисуют себе мысленную картину лунной поверхности. Там передвижение действительно бывает медленным. Скафандр заметно увеличивает массу, а это означает большую инерцию при малой силе тяжести, которая могла бы ей противодействовать.

— Вы правы, — сказал землянин. — В мои школьные годы я видел все классические фильмы о первых космонавтах — их движения больше всего напоминали движения пловца под водой. И от этого представления потом трудно избавиться, даже если знаешь, что теперь все уже не так.

— Ну, теперь мы и на поверхности умеем передвигаться очень быстро, несмотря на скафандры и все прочее, — объявила Селена. — А уж тут, в недрах планеты, мы передвигаемся так же быстро, как земляне у себя дома. Правильное использование мускулатуры вполне компенсирует слабое притяжение.

— Но вы умеете, кроме того, двигаться и медленно. — Землянин внимательно следил за гимнастами. Если вверх они буквально взлетали, то спуск сознательно старались замедлить. Они планировали и по перекладинам теперь хлопали для того, чтобы затормозить падение, а не ускорить подъем, как было вначале. Наконец они достигли пола, и вверх начала подниматься новая пара. Затем настала очередь

третьей пары, четвертой... Пара за парой, то от одной команды, то от другой, состязались в виртуозности.

Движения партнеров были на редкость согласованными, и от пары к паре они становились все более сложными и разнообразными. Особенно громкие аплодисменты заслужили гимнасты, которые одновременно оттолкнулись, пронеслись через шахту навстречу друг другу по пологой параболе и, красиво разминувшись в воздухе, ухватились за поручни — каждый за тот, от которого оттолкнулся партнер.

— Боюсь, у меня не хватит опыта, чтобы по достоинству оценить тонкости этого искусства, — заметил землянин. — Они все — урожденные луняне?

— Разумеется, — ответила Селена. — Комплекс открыт для всех граждан Луны, и многие иммигранты показывают совсем неплохие результаты. Но такой виртуозности могут достичь лишь те, чьи родители освоились с лунной силой тяжести задолго до их рождения. Они не только физически заметно более приспособлены к здешним условиям, но и проходят необходимую подготовку с самого раннего детства. Большинству из соревнующихся нет еще и восемнадцати лет.

— Вероятно, это опасно даже в лунных условиях.

— Да, переломы не такая уж редкость. Смертельных случаев, по-моему, не было ни разу, но один гимнаст сломал позвоночник, и наступил полный паралич. Это было ужасно! Все произошло у меня на глазах... Но погодите, сейчас начнется вольная программа.

— Какая-какая?

— До сих пор проделывались обязательные упражнения, заданные заранее.

Барабанный бой стал глуше. Гимнаст внезапно взмыл в воздух, одной рукой ухватился за поперечную перекладину, перевернулся вокруг нее, вытянувшись в струнку, и спланировал на пол.

Землянин не упустил ни одного его движения.

— Это поразительно, — сказал он. — Он крутился вокруг перекладины, как настоящий гиббон.

— А это что такое? — спросила Селена.

— Гиббон? Человекообразная обезьяна — собственно говоря, единственная из человекообразных обезьян, которая еще живет в лесах на воле. Они... — Он взглянул на лицо Селены и поспешил добавить: — Я не имел в виду ничего обидного, Селена. Гиббоны — удивительно грациозные создания.

— Я видела обезьян на картинках, — хмуро ответила Селена.

— Однако вряд ли вы видели гиббонов в движении... Возможно, некоторые земляшки называют лунян «гиббонами», вкладывая в это слово не менее оскорбительный смысл, чем вы — в тех же «земляшек». Но я ничего подобного в виду не имел.

Он облокотился о барьер, не спуская глаз с гимнастов. Казалось, они танцуют в воздухе.

— А как на Луне относятся к иммигрантам с Земли, Селена? — вдруг спросил он. — К тем, кто решил остаться тут на всю жизнь? Поскольку они могут не все, на что способны луняне...

— Это не имеет никакого значения. Гранты — такие же граждане, как и мы. И официально им предоставляются те же возможности.

— То есть как — официально?

— Но вы же сами сказали, что им не все по силам. И определенные различия существуют. Например, в чисто медицинском плане. Как правило, их здоровье бывает несколько хуже. Если они переезжают в зрелом возрасте, то выглядят... старше своих лет.

Землянин смущенно отвел взгляд.

— А браки между иммигрантами и лунянами разрешены?

— Конечно. Чем их гены хуже? Да мой собственный отец был грантом, хотя по матери я лунянка во втором поколении.

— Но ваш отец, вероятно, приехал сюда совсем... О господи! — Он вцепился в барьер и судорожно перевел дух. — Я думал, он промахнулся.

— Он? — сказала Селена. — Да это же Марко Фор. Он любит выбрасывать руку в самый последний момент. Собственно говоря, это считается дешевым трюком, и настоящие

чемпионы никогда к нему не прибегают. Но тем не менее... Мой отец приехал на Луну, когда ему было двадцать два года.

— Да, это, вероятно, оптимальный вариант. Молодой организм, способный легко адаптироваться, никаких прочных связей с Землей...

Селена внимательно следила за гимнастами.

— Вон опять Марко Фор. Когда он не старается привлекать к себе внимание, он по-настоящему хорош. И его сестра почти ему не уступает. Вместе они творят из движения настоящую поэзию. Смотрите, смотрите! Сейчас они сойдутся на одной перекладине и будут вертеться вокруг нее, словно одно тело, брошенное поперек нее. Он иногда бывает несколько экстравагантен, но координация у него безупречна.

Все гимнасты поднялись наверх и выстроились вдоль внутренней стороны барьера, держась за него одной рукой, — красные напротив синих. Руки, обращенные к провалу, были подняты. Аплодисменты стали громче. У барьера собралась теперь довольно большая толпа.

— А почему бы не установить тут сиденья? — спросил землянин.

— С какой стати? Это ведь не зрелище, а упражнение. И мы предпочитаем, чтобы число зрителей ограничивалось теми, кто может с удобством встать прямо у барьера. И вообще нам следует быть в шахте, а не здесь.

— Другими словами, Селена, вы тоже способны проделывать все эти трюки?

— Ну, не все, но значительную часть. Это умеют все луняне. Но я далеко не так ловка, как они. И я никогда не была членом команды... Сейчас начнется коктейль — вольные упражнения для всех сразу. Вот это действительно опасно. Обе десятки будут в воздухе одновременно. Задача каждой стороны — сбросить вниз противников.

— По-настоящему сбросить?

— Насколько выйдет.

— И бывают несчастные случаи?

— Иногда. В теории подобные упражнения не одобряются. Вот их и правда считают пустым развлечением, а численность нашего населения не настолько велика, чтобы мы могли спокойно терять полезных членов общества ради игры. Тем не менее коктейль пользуется большой популярностью, и нам не удастся собрать достаточное количество голосов, чтобы запретить его официально.

— А вы за что проголосовали, Селена?

Она порозовела.

— А, неважно! Начинается! Смотрите внимательнее.

Барабаны вдруг оглушительно загремели, и гимнасты молниеносно прыгнули вперед. На мгновение в воздухе образовался настоящий клубок, но, когда он распался, каждый гимнаст успел ухватиться за перекладину. Они напряженно выжидали. Затем один прыгнул. За ним второй, и опять в воздухе хаотично замелькали тела. Это повторилось еще раз. И еще.

— Счет очков тут довольно сложен, — сказала Селена. — Каждый прыжок приносит очко, как и каждое касание. Два очка, если заставишь противника промахнуться, и десять, если он окажется на полу. Штрафы за различные недозволенные приемы.

— А кто ведет счет?

— Предварительное решение выносят судьи. В спорных случаях по требованию гимнаста просматривается видеозапись. Впрочем, довольно часто и по записи ничего решить нельзя.

Неожиданно раздались возбужденные крики: девушка в синем пронеслась мимо юноши в красном и звонко хлопнула его по бедру. Тот попытался увернуться, но не успел и, хватаясь за перекладину, неуклюже ударился коленом о стену.

— Куда он смотрел? — негодующе спросила Селена. — Он же так ее и не заметил!

Борьба разгоралась, и землянин уже не пытался следить за всеми ее перипетиями. Порой гимнаст только касался перекладины и не успевал за нее ухватиться. Тогда все зрители наклонялись над барьером, словно готовые прыгнуть ему на помощь. Марко Фор получил удар по кисти, и кто-то крикнул: «Штраф!»

Фор не сумел схватить перекладину и упал. На взгляд землянина падение это было довольно медленным. Фор гиб-

ко изворачивался, протягивал руку то к одной перекладине, то к другой, но каждый раз чуть-чуть не доставал до них. Остальные гимнасты замерли, словно на время падения игра прерывалась.

Фор падал уже довольно быстро, хотя дважды слегка притормозил, успев хлопнуть ладонью по перекладине.

До пола оставалось совсем немного, но тут Фор сделал резкое движение в сторону и повис головой вниз, зацепившись правой ногой за поперечный брус. Раскинув руки, он висел так в десяти футах над полом, пока не смолкли аплодисменты, а затем вывернулся и мгновенно взлетел вверх по перекладинам.

— Его сбили запрещенным приемом? — спросил землянин.

— Если Джин Вонг действительно схватила Марко за запястье, а не хлопнула по нему, то за это полагается штраф. Но судья признал честную блокировку, и не думаю, чтобы Марко потребовал проверки по видеозаписи. Он мог бы остановить свое падение гораздо раньше, но он обожает эффектные трюки в последний момент. Когда-нибудь он не рассчитает и сломает руку или ногу... Ого!

Землянин удивленно оглянулся на нее, но Селена смотрела не в шахту.

— Это один из секретарей представителя Земли, и, по-видимому, он ищет вас, — сказала она.

— Но почему...

— А кого же еще? Ни к кому другому у него тут дела быть не может.

— Но с какой стати... — начал было землянин.

Однако секретарь — судя по его сложению и походке, тоже землянин или недавний иммигрант — направился прямо к нему, явно чувствуя себя неловко под обращенными на него взглядами, в которых за равнодушием пряталась легкая насмешка.

— Сэр, — сказал он, — представитель Готтштейн просит вас...

Глава 5

Квартира Бэррона Невилла была не такой уютной, как квартира Селены. Повсюду валялись книги, печатное устройство компьютера в углу было открыто, а на большом письменном столе царил полный хаос. Окна были просто матовыми.

Едва войдя, Селена скрестила руки на груди и сказала:

— Бэррон, человек, живущий среди такого беспорядка, вряд ли может мыслить логично.

— Уж как-нибудь! — ворчливо заметил Бэррон. — А почему ты не привела своего землянина?

— Его затребовал к себе представитель. Новый представитель.

— Готтштейн?

— Вот именно. Почему ты не мог освободиться раньше?

— Потому что мне нужно было время, чтобы сориентироваться. Нельзя же действовать вслепую.

— Ну, в таком случае делать нечего, придется подождать, — сказала Селена.

Невилл покусал ноготь на большом пальце и свирепо уставился на обгрызанный край.

— Просто не знаю, как следует оценить сложившуюся ситуацию... Что ты о нем скажешь?

— Он мне нравится, — решительно ответила Селена. — Держится для земляшки очень неплохо. Соглашается идти, куда я его вела. Ему было интересно. Он воздерживался от категорических суждений, не смотрел сверху вниз... А я ведь нет-нет да и говорила ему не слишком приятные вещи.

— Он опять спрашивал про синхрофазотрон?

— Нет. Но ему и не нужно было спрашивать.

— Почему?

— Я ведь сказала ему, что ты хочешь с ним встретиться, и упомянула, что ты физик. Поэтому, мне кажется, все вопросы он намерен задавать тебе.

— И ему не показалось странным, что у гида его группы вдруг оказался знакомый физик?

— Что тут странного? Я сказала, что ты мой приятель.

А для таких отношений профессия большого значения не имеет, и даже физик может снизойти до презренного гида при условии, что этот гид — достаточно привлекательная женщина.

— Селена, хватит!

— Ах так... Послушай, Бэррон, по-моему, если бы он плел какую-нибудь тайную паутину и искал моего общества только потому, что рассчитывал с моей помощью добраться до тебя, он держался бы более напряженно. Чем сложнее и нелепее заговор, тем он уязвимее и тем больше нервничает тот, кто заинтересован в его успехе. А я нарочно вела себя чрезвычайно непосредственно. Я говорила обо всем, кроме синхрофазотрона. Я повела его на коктейль.

— И что же он?

— Ему было интересно. Он держался совершенно спокойно и наблюдал за гимнастами с большим любопытством. Я не знаю, чего он хочет, но никаких коварных замыслов он, по-видимому, не вынашивает.

— Ты уверена? А почему же представитель так поспешно потребовал его к себе и помешал нашей встрече? По-твоему, это хороший признак?

— Не вижу, почему его надо считать дурным. Приглашение, переданное в присутствии двух десятков лунян, тоже как-то не выглядит тонким коварством.

Невилл откинулся, заложив руки за голову.

— Селена, будь добра, воздержись от безосновательных выводов. Они меня раздражают. Начать хотя бы с того, что он никакой не физик. А ведь тебе он говорил, что он физик?

Селена задумалась.

— Нет. Это сказала я. А он не стал отрицать. Но сам он ничего подобного прямо не утверждал. И все-таки... все-таки я убеждена, что он физик.

— Это ложь через умолчание, Селена. Возможно даже, что он искренне считает себя физиком, но он не получил соответствующего образования и никогда как физик не работал. Да, он что-то там кончил, но научной работой никогда не занимался. Пытался, но у него ничего не вышло. Не нашлось лаборатории, которая захотела бы его взять. Он занесен в черный список Фреда Хэллема и много лет возглавляет этот список.

— Это точно?

— Я все проверил, можешь не сомневаться. Ты же сама меня упрекнула, что я так задержался... Все выглядит настолько замечательным, что это даже подозрительно.

— Но почему? Я что-то не понимаю.

— Не кажется ли тебе, что такой человек прямо-таки напрашивается на наше доверие? Ведь он явно не должен питать к Земле добрых чувств.

— Если твои сведения точны, то рассуждать можно и так.

— Сведения-то точны! То есть в том смысле, что, наводя справки, я получил именно эти факты. Ну а вдруг кто-то как раз и добивается, чтобы мы рассуждали именно так?

— Бэррон, это нестерпимо! Почему тебе повсюду мерещатся заговоры? Бен не похож...

— Бен? — иронически переспросил Невилл.

— Да, Бен! — твердо повторила Селена. — Бен не похож на человека, который нянчится с тайной обидой. И он не пытался создать у меня впечатление, будто он — человек, который нянчится с тайной обидой.

— О да! Но ему удалось создать у тебя впечатление, что он приятный и интересный человек. Ты ведь сама это сказала, верно? И даже подчеркнула. А может быть, он именно этого и добивался?

— Ты ведь отлично знаешь, что меня не так легко провести.

— Что же, подождем, пока я сам с ним не познакомлюсь.

— А, иди ты к черту, Бэррон! Я встречалась с тысячами разных землян. Это моя работа. У тебя нет ни малейших оснований иронизировать над моими выводами. И ты это знаешь. Наоборот, у тебя есть все основания им доверять.

— Ну хорошо, увидим. Не сердись. Просто необходимость ждать... А не скрасить ли нам ее? — И он гибким движением поднялся на ноги.

— У меня что-то нет настроения.

Селена тоже поднялась и, сделав едва заметное движение, ускользнула в сторону.

— Ты злишься, потому что я подверг сомнению твои выводы?

— Я злюсь, потому что... А, черт, ну почему ты не наведешь порядка у себя в комнате?

И с этими словами она ушла.

Глава 6

— Я бы с удовольствием угостил вас чем-нибудь земным, доктор, — сказал Готтштейн, — но из принципиальных соображений мне было запрещено везти с собой земные продукты. Глубокоуважаемые луняне считают, что приезжие с Земли не должны жить в особых условиях, так как это создает искусственные барьеры. А потому мне положено вести, елико возможно, лунный образ жизни, но боюсь, мою походку не скроешь. С этой чертовой силой тяжести шутки плохи!

— Совершенно с вами согласен, — сказал землянин. — И позвольте принести вам мои поздравления по поводу вашего вступления в должность...

— Ну, я еще не вполне вступил в нее.

— Тем не менее я вас поздравляю. Но, естественно, я несколько недоумеваю, почему вы пожелали меня видеть.

— Мы летели на одном корабле и вместе прибыли сюда.

Землянин вежливо слушал.

— Но мое знакомство с вами восходит к более давнему времени, — продолжал Готтштейн. — Нам довелось встретиться несколько лет назад... Правда, встреча была довольно мимолетной.

— Боюсь, я не помню, — спокойно сказал землянин.

— Это неудивительно. Было бы странно, если бы вы меня запомнили. Я в то время был сотрудником сенатора Бэрта, который возглавлял... как и теперь возглавляет... комиссию по техническому прогрессу и среде обитания. В то время он пытался собрать материал против Хэллема... Фредерика Хэллема.

Землянин сел прямее.

— Вы знаете Хэллема? — спросил он.

— За время моего пребывания на Луне вы — второй, кто задает мне это вопрос. Да, я его знаю. Хотя и не очень близко. И я разговаривал со многими людьми, которые его знают. Как ни странно, их мнение обычно совпадало с моим. Хэллема почитает вся планета, но тем, кто встречается с ним лично, он почему-то внушает довольно мало симпатии.

— Довольно мало? Вовсе никакой, как мне кажется, — сказал землянин.

Готтштейн продолжал, словно его не перебивали:

— В то время мне было поручено — сенатором, я имею в виду — заняться Электронным Насосом и проверить, не сопровождается ли его установка и эксплуатация неоправданными расходами и личным обогащением. Такое расследование вполне отвечало задачам комиссии, но, между нами говоря, сенатор надеялся обнаружить что-нибудь компрометирующее Хэллема. Его тревожило чрезмерное влияние, которое тот приобрел в науке, и он хотел как-то подорвать хэллемовский престиж. Но у него ничего не вышло.

— Последнее очевидно. Хэллем силен как никогда.

— Никаких темных махинаций обнаружить не удалось, и, уж во всяком случае, Хэллем оказался совершенно чист. Он скрупулезно честен.

— В этом смысле — пожалуй. У власти есть своя рыночная цена, которая вовсе не обязательно измеряется деньгами.

— Но меня заинтересовало другое, хотя продолжить расследование в этом направлении я тогда не мог. Среди тех, кого опрашивала комиссия, нашелся человек, который возражал не против власти Хэллема, а против самого Электронного Насоса. Я присутствовал при беседе с ним, хотя сам в ней активного участия не принимал. Этим человеком были вы, не так ли?

— Я помню разговор, о котором вы говорите, — осторожно сказал землянин. — Но вас я все-таки не припомню.

— Тогда меня поразило, что у кого-то нашлись чисто научные возражения против Электронного Насоса. Вы произвели на меня такое впечатление, что на корабле ваше лицо сразу же показалось мне знакомым. А потом я припомнил и

все остальное. В список пассажиров я не заглядывал, а решил просто положиться на свою память. Вы ведь доктор Бенджамин Эндрю Денисон, не так ли?

Землянин вздохнул.

— Бенджамин Аллан Денисон. Совершенно верно. Но, собственно говоря, какое это имеет значение? Мне нисколько не хочется ворошить прошлое, сэр. Я сейчас на Луне и хотел бы начать все заново. С самого начала, если потребуется. Черт побери, я же думал изменить имя!

— Это не помогло бы. Я ведь узнал ваше лицо. У меня нет никаких возражений против вашего намерения начать новую жизнь, доктор Денисон. И я не собираюсь вам мешать. Но мне хотелось бы выяснить одно обстоятельство, которое вас затрагивает лишь косвенно. Я не помню точно, какие возражения против Электронного Насоса вы тогда выдвигали. Вы не изложили бы их снова?

Денисон опустил голову. Пауза затягивалась, но новый представитель Земли не прерывал ее. Он даже постарался не кашлянуть. Наконец Денисон сказал:

— В сущности, обоснованных аргументов у меня не было. Простая догадка, опасения, что напряженность сильного ядерного поля может измениться. Короче говоря, ничего конкретного.

— Ничего? — Готтштейн все-таки откашлялся. — Извините, но мне хотелось бы разобраться. Я вам уже сказал, что вы тогда очень меня заинтересовали. Но в тот момент у меня не было возможности этим заняться, а сейчас мне вряд ли удастся получить нужные сведения. Сенатор тогда потерпел поражение, а потому принял все меры, чтобы этот факт не стал достоянием гласности. Но кое-что я все-таки припоминаю. Одно время вы были сослуживцем Хэллема. И вы не физик.

— Совершенно верно. Я был радиохимиком. Как и он.

— Поправьте меня, если я ошибаюсь, но начало вашей карьеры было многообещающим, не так ли?

— Это подтверждается объективными фактами. И у меня никогда не было склонности к переоценке собственной лич-

ности. Я действительно показал себя блестящим исследователем.

— Поразительно, сколько подробностей я, оказывается, помню! Хэллем, с другой стороны, особых надежд не подавал.

— Да, пожалуй.

— Тем не менее ваша научная карьера оборвалась. И когда с вами беседовали... вы ведь сами к нам пришли, насколько я помню... вы работали на фабрике игрушек.

— В косметической фирме, — сдавленным голосом поправил Денисон. — Мужская косметика. Что не послужило хорошей рекомендацией в глазах вашей комиссии...

— Да, конечно. К сожалению, это обстоятельство не придало весомости вашим словам. Вы, кажется, были коммивояжером?

— Нет, я заведовал отделом сбыта. И представьте себе, справлялся со своими обязанностями опять-таки блестяще. Когда я решил бросить все и уехать на Луну, я был уже вице-президентом компании.

— А Хэллем имел к этому какое-нибудь отношение? К тому, что вы должны были бросить научные исследования?

— С вашего разрешения я предпочел бы оставить эту тему, сэр! — сказал Денисон. — Теперь это уже не имеет ни малейшего значения. Я практически присутствовал при том, как Хэллем открыл конверсию вольфрама и начались события, которые в конце концов привели к появлению Электронного Насоса. Что произошло бы, не окажись я в этот момент там, сказать не берусь. Вполне возможно, что месяц спустя и Хэллем, и я умерли бы от лучевой болезни или через полтора месяца стали бы жертвами ядерного взрыва. Не хочу гадать. Во всяком случае, я оказался там, и Хэллем стал тем, чем он стал, отчасти благодаря мне, а я по той же причине стал тем, чем стал. И к черту подробности. Вам довольно этого? Потому что ничего больше вы от меня не услышите!

— Пожалуй, довольно. Значит, у вас есть основания относиться к Хэллему с личной неприязнью.

— Да, в те дни я к нему, безусловно, нежных чувств не питал. Как, впрочем, и сейчас.

— Так не были ли ваши возражения против Электронного Насоса продиктованы желанием поквитаться с Хэллемом?

— Это допрос? — сказал Денисон.

— Что? Конечно, нет. Я просто хотел бы получить у вас некоторые справки в связи с Электронным Насосом и рядом других проблем, которые меня интересуют.

— Ну что же. Можете считать, что личные чувства сыграли тут некоторую роль. Из-за неприязни к Хэллему мне хотелось верить, что его престиж и популярность опираются на обман. И я начал раздумывать над Электронным Насосом, надеясь обнаружить какой-нибудь недостаток.

— И поэтому обнаружили?

— Нет! — Денисон гневно стукнул кулаком по ручке кресла и в результате взвился над сиденьем. — Нет, не поэтому. Да, я обнаружил сомнительное звено. Но по-настоящему сомнительное. Во всяком случае, с моей точки зрения. И я, безусловно, не подтасовывал факты ради того, чтобы подставить Хэллему ножку.

— О подтасовке и речи нет, доктор Денисон, — поспешно сказал Готтштейн. — Разумеется, я ни о чем подобном не думал. Но, как известно, попытка делать выводы на самой грани известных фактов обязательно требует каких-то допущений. И вот на этой зыбкой почве вполне честный выбор того или иного допущения может бессознательно зависеть от... гм... от эмоциональной направленности. Вот почему не исключено, что свои допущения вы выбирали с заранее заданной антихэллемовской направленностью.

— Это бесплодный разговор, сэр. В то время мне казалось, что мой вывод достаточно обоснован. Но ведь я не физик. Я радиохимик. То есть был когда-то радиохимиком.

— Как и Хэллем. Однако сейчас он самый знаменитый физик мира.

— И тем не менее он радиохимик, причем на четверть века отставший от современных требований науки.

— Ну, о вас того же сказать нельзя. Вы ведь приложили все усилия, чтобы переквалифицироваться в физика.

— Я вижу, вы по-настоящему покопались в моем прошлом, — еле сдерживаясь, сказал Денисон.

— Но я же сказал вам, что вы произвели на меня большое впечатление. Все-таки поразительно, как все воскресает в памяти! Но сейчас мне хотелось бы спросить вас о другом. Вам известен физик Питер Ламонт?

— Мы встречались, — с неохотой буркнул Денисон.

— Как, по-вашему, можно назвать его блестящим исследователем?

— Я недостаточно хорошо его знаю для подобных заключений. И вообще не люблю злоупотреблять такими словами.

— Но как по-вашему, можно считать, что он берет свои теории не с потолка?

— Если нет прямых доказательств обратного, то, на мой взгляд, безусловно.

Готтштейн осторожно откинулся на спинку кресла, весьма хрупкого на вид. На Земле оно, безусловно, не выдержало бы его веса.

— Можно вас спросить, как вы познакомились с Ламонтом? Вы уже что-нибудь знали о нем? Или никогда до этого о нем не слышали?

— У нас было несколько встреч, — сказал Денисон. — Он собирался написать историю Электронного Насоса — полную и исчерпывающую. Другими словами, полное изложение дурацких мифов, которыми все это обросло. Мне польстило, что Ламонт меня разыскал, что я его интересую. Черт побери, сэр, мне польстило, что он вообще знает о моем существовании! Но что я мог ему рассказать? Только поставил бы себя в глупое положение. А мне это надоело. Надоело мучиться, надоело жалеть себя.

— Вам известно, чем занимался Ламонт в последнее время?

— Что вы имеете в виду, сэр? — осторожно спросил Денисон.

— Примерно полтора года назад Ламонт побывал у Бэрта. Я уже давно ушел из комиссии, но мы с сенатором иногда встречаемся. И он рассказал мне об их разговоре. Он был встревожен. Он считал, что Ламонт, возможно, прав и Элек-

тронный Насос действительно следует остановить, но не видел никаких путей для принятия практических мер. Меня это тоже встревожило...

— Всеобщая тревога, — саркастически заметил Денисон.

— Но теперь мне пришло в голову... Поскольку Ламонт говорил с вами, то...

— Погодите, сэр! Не продолжайте. Мне кажется, я понимаю, к чему вы клоните, а это, поверьте, будет совершенно лишним. Если вы ждете, что я стану утверждать, будто Ламонт присвоил мою идею и я опять оказался жертвой, то вы ошибаетесь. Говорю вам это со всей категоричностью. У меня не было никакой теории. Все ограничивалось смутной догадкой. Она меня обеспокоила. Я сообщил о ней. Мне не поверили. И я махнул на все рукой. Поскольку у меня не было возможности найти доказательства, я больше к этому вопросу не возвращался. В разговоре с Ламонтом я ни о чем подобном не упоминал. Мы говорили только о первых днях зарождения Насоса. Если его теория и напоминает мою догадку, он пришел к ней самостоятельно. И, судя по всему, его выводы выглядят гораздо убедительнее и опираются на строгий математический анализ. Я вовсе не считаю, будто приоритет принадлежит мне. Ничего подобного!

— По-видимому, теория Ламонта вам знакома.

— В последние месяцы она приобрела некоторую известность. У него нет возможности выступить в печати, никто не относится к его предупреждениям серьезно, но о них говорят. И слухи дошли даже до меня.

— Ах так, доктор Денисон. Но, видите ли, я к ним отношусь серьезно. Ведь, как вы понимаете, эти предупреждения я слышу не впервые. Сенатор же ничего не знал о первом — о вашем — предупреждении, поскольку оно не имело никакого отношения к финансовым махинациям, которые он тогда пытался обнаружить. А человек, возглавлявший расследование, — это был не я, — счел вашу идею, простите меня, маниакальной. Но я с ним не был согласен. И когда этот вопрос всплыл снова, я встревожился. Я хотел поговорить с Ламонтом, но ряд физиков, с которыми я сначала проконсультировался...

— Включая Хэллема?

— Нет. Хэллема я не видел. Но те, с которыми я консультировался, заверили меня, что гипотеза Ламонта абсолютно безосновательна. И все-таки я, наверное, повидался бы с ним, но тут мне предложили эту мою новую должность... и я приехал сюда. Как и вы. Теперь вы понимаете, почему я пригласил вас к себе. Вы считаете, что ваша идея и идея доктора Ламонта верны?

— То есть приведет ли дальнейшее использование Электронного Насоса к взрыву Солнца, а может быть, и всей ветви нашей Галактики?

— Вот именно.

— Что я могу вам ответить? Мое предположение — не более чем догадка. Что же касается теории Ламонта, то я знаком с ней лишь понаслышке. Она ведь нигде не публиковалась. Но если бы я и мог ознакомиться с полным ее изложением, весьма вероятно, что в математическом смысле она окажется для меня недоступной... Да и что толку? Ламонт никого не сможет убедить. Хэллем разделался с ним, как раньше разделался со мной, а если бы ему и удалось, так сказать, действовать через голову Хэллема, широкая публика вряд ли ему поверит, поскольку предлагаемые им меры противоречат ее интересам. Отказаться от Электронного Насоса не хочет никто, а легче опорочить теорию Ламонта, чем искать выход из положения.

— Но вы все еще принимаете это близко к сердцу?

— Да, конечно. То есть я считаю, что мы идем к гибели, и мне очень не хотелось бы, чтобы так случилось на самом деле.

— А потому вы приехали на Луну, рассчитывая сделать что-то, чего Хэллем, ваш старинный враг, не позволял вам сделать на Земле?

— Вы, по-видимому, тоже склонны к догадкам, — после паузы ответил Денисон.

— Неужели? — невозмутимо сказал Готтштейн. — Может быть, и я по-своему блестящ. Но я угадал правильно?

— Быть может. Я еще не отказался от надежды вновь заняться наукой. И был бы очень рад, если бы помог избавить

человечество от призрака надвигающейся катастрофы, либо установив, что никакой угрозы вообще не существует, либо подтвердив ее наличие с тем, чтобы ее можно было устранить.

— Ах так. Доктор Денисон, я хотел бы поговорить с вами еще вот о чем. Мой предшественник, мистер Монтес, убеждал меня, что фронт передовой научной мысли находится теперь на Луне. Он считает, что число людей, выдающихся по уму, энергии и инициативе, тут непропорционально велико.

— Возможно, он прав, — сказал Денисон. — Я об этом судить не берусь.

— Возможно, он прав, — задумчиво повторил Готтштейн. — Но в таком случае не считаете ли вы, что это может помешать вам добиться своей цели? Что бы вы ни сделали, люди будут говорить и думать, будто это достижение лунной науки. И какими бы ценными ни были результаты ваших исследований, ваши заслуги не получат должного признания... Что, конечно, будет несправедливо.

— Мне надоела гонка за признанием, мистер Готтштейн. Я хотел бы найти для себя занятие более интересное, чем обязанности вице-президента косметической фирмы, курирующего ультразвуковые депиляторные средства. Вернувшись в науку, я обрету то, что мне нужно. И если я сделаю что-нибудь, по моему мнению, стоящее, мне будет этого вполне достаточно.

— Но не мне. Ваши заслуги будут оценены по достоинству. Я, как представитель Земли, сумею представить факты землянам таким образом, что вы получите признание, на которое имеете право. Ведь, наверное, и вам свойственно обычное человеческое желание получить то, что вам причитается.

— Вы очень любезны. Ну а взамен?

— Вы циничны, но ваш цинизм извинителен. А взамен мне нужна ваша помощь. Мистер Монтес не сумел установить, какого рода исследованиями заняты ученые на Луне. Научные контакты Земли и Луны явно недостаточны, и координация работ, ведущихся на обеих планетах, была бы

равно полезна для них обеих. Конечно, без некоторого недоверия дело не обойдется, но, если бы вам удалось его рассеять, для нас это было бы не менее ценным, чем любые ваши научные открытия.

— Но, сэр, как вы и сами прекрасно понимаете, я не слишком подхожу для того, чтобы убедить лунян в благожелательности и справедливости научных кругов Земли.

— Доктор Денисон, не следует все-таки судить о всех землянах по одному злопамятному администратору от науки. Скажем так: мне надо быть в курсе ваших научных успехов, чтобы я мог гарантировать вам заслуженное признание, но, как вам известно, сам я не ученый, и, если бы вы объяснили мне их в свете нынешнего состояния науки на Луне, я был бы вам весьма признателен. Ну как, вы согласны?

— Все это довольно сложно, — сказал Денисон. — Сообщение о предварительных результатах может нанести непоправимый вред репутации ученого, если оно будет сделано преждевременно — по неосторожности или в результате излишнего энтузиазма. Мне было бы крайне тяжело и неприятно обсуждать ход моих исследований с кем бы то ни было, пока я не буду твердо убежден, что иду по верному пути. Мой прежний опыт — ну хотя бы с комиссией, членом которой вы были, — приучил меня к осторожности.

— Я все прекрасно понимаю, — благожелательно сказал Готтштейн. — Разумеется, вы сами примете решение, когда именно будет иметь смысл информировать меня... Но уже очень поздно, и вы, вероятно, хотите спать...

Поняв, что их разговор окончен, Денисон попрощался и ушел, а Готтштейн еще долго сидел, задумчиво глядя перед собой.

Глава 7

Денисон открыл дверь, нажав на ручку. Она открывалась автоматически, но спросонок он забыл, где находится нужная кнопка.

Темноволосый человек с хмурым лицом сказал:

— Извините... Я, кажется, пришел слишком рано.

Денисон машинально повторил последнее слово, стараясь собраться с мыслями:

— Рано?.. Нет... Это я проспал.

— Я вам звонил. Мы договорились...

И тут Денисон вспомнил:

— Да-да. Вы ведь доктор Невилл?

— Совершенно верно. Можно я войду?

С этими словами он перешагнул порог. Комната Денисона была совсем крохотной, и постель со смятыми простынями занимала добрую ее половину. Негромко жужжал вентилятор.

— Надеюсь, вам спалось неплохо? — с безразличной вежливостью осведомился Невилл.

Денисон взглянул на свою пижаму и провел ладонью по всклокоченным волосам.

— Нет, — ответил он неожиданно для самого себя. — Я провел совершенно жуткую ночь. Вы разрешите мне привести себя в порядок?

— Ну конечно. А я, если хотите, пока приготовлю вам завтрак. Вы ведь, я полагаю, еще плохо знакомы с нашим кухонным оборудованием?

— Буду вам очень благодарен, — ответил Денисон.

Минут через двадцать он вернулся, побрившись и приняв душ. Теперь на нем были брюки и майка. Он сказал:

— Я, кажется, сломал душ: вода вдруг перестала течь, и мне не удалось снова его включить.

— Подача воды ограничена, и, когда квота израсходована, краны автоматически отключаются. Вы на Луне, доктор Денисон. Я взял на себя смелость приготовить омлет и бульон для нас обоих.

— Омлет?

— Мы пользуемся этим обозначением, хотя для землян оно, возможно, означает что-то совсем другое.

— А! — сказал Денисон и, опустившись на стул, без особого воодушевления попробовал упругую желтоватую массу, которую Невилл назвал омлетом. Он напряг всю свою волю,

чтобы не поморщиться, а затем мужественно подцепил на вилку новый кусок.

— Со временем вы привыкнете, — заметил Невилл. — А калорийность этого продукта очень высока. И учтите, что пища с большим содержанием белка в условиях малой силы тяжести вообще снижает потребность в еде.

— Тем лучше, — деликатно кашлянув, сказал Денисон.

— Селена мне говорила, что вы намерены остаться на Луне, — продолжал Невилл.

— Да, я так думал... — Денисон протер глаза. — Но эта ночь прошла настолько мучительно, что, боюсь, у меня может не хватить решимости.

— Сколько раз вы падали с кровати?

— Дважды... Так, значит, это в порядке вещей?

— Все приезжие с Земли обязательно проходят через это. Пока вы бодрствуете, вы способны приноравливать свои движения к лунной силе тяжести. А во сне вы ворочаетесь точно так же, как на Земле. Но, во всяком случае, ушибы практически исключены.

— Второй раз я проснулся уже на полу и совершенно не помнил падения. А как вы умудряетесь спать спокойно?

— Не забывайте регулярно проверять сердце, давление и прочие функции организма. Перемена силы тяжести может плохо сказаться на них.

— Да, меня неоднократно об этом предупреждали, — нехотя ответил Денисон. — Через месяц я должен явиться на прием к врачу, а пока меня снабдили всяческими таблетками.

— Впрочем, — сказал Невилл таким тоном, словно ему надоело говорить о пустяках, — через неделю, возможно, вы уже полностью адаптируетесь... Но вам нужно одеться как следует. Ваши брюки просто невозможны, а эта легкая рубашка без рукавов совершенно бесполезна.

— Вероятно, у вас имеются магазины, где я могу купить подходящую одежду?

— Конечно. И думаю, Селена будет рада помочь вам в свободное время. Она говорила мне, что вы производите весьма приятное впечатление, доктор Денисон.

— Очень рад это слышать. — Денисон проглотил ложку бульона, некоторое время переводил дух, а потом с угрюмым упорством зачерпнул вторую.

— Селена почему-то решила, что вы физик, но, разумеется, она ошибается.

— По образованию я радиохимик.

— Но в этой области вы работали недолго, доктор Денисон. Мы здесь, конечно, несколько в стороне, но кое-что известно и нам. Вы ведь одна из жертв Хэллема.

— А почему вы употребляете множественное число? Разве этих жертв так много?

— Как вам сказать. Вся Луна — одна из его жертв.

— Луна?

— В определенном смысле.

— Я что-то не понимаю.

— У нас на Луне нет Электронных Насосов. Потому что с нами паравселенная сотрудничать не стала. Ни один кусок вольфрама не был конвертирован.

— Но, доктор Невилл, все-таки вряд ли это можно приписать козням Хэллема.

— От обратного — вполне можно. Почему, собственно, инициатива установки каждого Электронного Насоса обязательно должна исходить от паравселенной, а не от нас?

— Насколько мне известно, у нас не хватает для этого необходимых знаний.

— А откуда же они возьмутся, если всякие исследования в этой области запрещены?

— А разве они запрещены? — с некоторым удивлением спросил Денисон.

— Практически да. Если тем, кто ведет такую работу, никак не удается получить доступа к синхрофазотрону и к другим большим установкам, которые все контролирует Земля и, следовательно, Хэллем, это равносильно прямому запрещению.

Денисон протер глаза.

— Боюсь, мне скоро снова придется лечь спать... Прошу прощения, я вовсе не имел в виду, что вы нагоняете на меня скуку. Но скажите, так ли уж нужен Луне Электронный Насос? Ведь солнечные аккумуляторы с лихвой покрывают все ее потребности в энергии.

— Они привязывают нас к Солнцу, доктор Денисон. Они привязывают нас к поверхности!

— А-а... Но как вы думаете, доктор Невилл, чем, собственно, объясняется столь негативная позиция Хэллема?

— На этот вопрос легче ответить вам. Вы ведь знакомы с ним лично, а я нет. Он предпочитает не напоминать лишний раз широкой публике, что Электронный Насос создан паралюдьми, а мы — всего лишь их подручные. Если же мы на Луне сами решим эту проблему, то мы и положим начало истинной эре Электронного Насоса, а он останется ни при чем.

— Зачем вы мне все это говорите? — спросил Денисон.

— Чтобы сэкономить время. Обычно мы принимаем земных физиков с распростертыми объятиями. Мы на Луне чувствуем себя изолированными, жертвами сознательной политики земных научных центров, и такое посещение значит для нас очень много хотя бы уже потому, что рассеивает это ощущение изолированности. А физик-иммигрант способен помочь нам даже еще больше, и мы предпочитаем сразу ввести его в курс и пригласить работать с нами. Мне искренне жаль, что вы не физик.

— Я этого никогда и не утверждал, — сказал Денисон с раздражением.

— Но вы изъявили желание осмотреть синхрофазотрон. Почему?

— Ах, так вот что вас беспокоит! Ну, я попробую объяснить. Моя научная карьера была погублена четверть века назад. И вот я решил найти для моей жизни какое-то оправдание, вернуть ей смысл, а сделать это возможно только вдали от Хэллема, то есть здесь, на Луне. По образованию я радиохимик, но это ведь не означало, что я не могу попробовать свои силы в другой области. Парафизика — наиболее современный раздел физики, да и всей науки вообще, и я попытался заняться ею самостоятельно, чувствуя, что это даст мне наибольшие шансы вновь обрести себя в науке.

Невилл кивнул.

— Вот как! — произнес он с явным сомнением.

— Да, кстати, раз уж вы заговорили об Электронном Насосе... Вы что-нибудь слышали о теории Питера Ламонта?

Невилл прищурился.

— Нет. Я не припоминаю этой фамилии.

— Да, он пока еще не знаменит. И возможно, так и останется в полной безвестности — по той же причине, что и я. Он встал Хэллему поперек пути... Вчера кое-что напомнило мне о нем, и я начал думать... Отличное занятие для бессонной ночи! — Он снова зевнул.

— Ну и что же? — нетерпеливо спросил Невилл. — Почему вы заговорили об этом... как его зовут?

— Питер Ламонт. Он занимался паратеорией и выдвинул небезынтересную гипотезу. По его мнению, дальнейшая работа Электронного Насоса приведет к усилению сильного ядерного взаимодействия в пределах Солнечной системы, в результате чего Солнце постепенно будет разогреваться все больше и в какой-то критический момент произойдет фазовое превращение, которое завершится взрывом.

— Чепуха! Вы знаете, какие изменения в космических масштабах способно произвести максимальное использование Насоса в человеческих масштабах? Пусть вы всего лишь физик-самоучка, но и вам должно быть сразу ясно, что Насос не успеет оказать заметного влияния на вселенную за все время естественного существования Солнечной системы!

— Вы уверены?

— Конечно! А вы?

— Не знаю. Ламонт, бесспорно, действует из личных побуждений. Мне довелось разговаривать с ним, и он произвел на меня впечатление очень увлекающегося и эмоционального человека. Если вспомнить, как разделался с ним Хэллем, будет только естественно предположить, что им руководит исступленная ненависть.

Невилл нахмурился.

— А вы уверены, что он действительно в немилости у Хэллема?

— Я в этом вопросе эксперт.

— А вам не приходило в голову, что подобные сомнения

в безопасности Насоса могли быть посеяны опять-таки с единственной целью — помешать Луне обзавестись собственным Насосом?

— Посеяв при этом всеобщую панику и отчаяние? Ну, разумеется, это чепуха. С тем же успехом можно щелкать орехи при помощи ядерных взрывов. Нет, я убежден в искренности Ламонта. По правде говоря, когда-то и мне при всем моем невежестве пришло в голову нечто подобное.

— Потому что и вами тоже руководит ненависть к Хэллему.

— Я ведь не Ламонт. И следовательно, воспринимаю все по-другому. Собственно, у меня была некоторая надежда разобраться в этом вопросе на Луне без помех со стороны Хэллема и без ламонтовских эмоций.

— Здесь, на Луне?

— Да, здесь, на Луне. Я надеялся, что смогу воспользоваться синхрофазотроном.

— Поэтому вы о нем и спрашивали?

Денисон кивнул.

— Вы и правда думали, что сможете воспользоваться синхрофазотроном? Вы знаете, какая на него очередь?

— Я надеялся, что заручусь помощью кого-нибудь из лунных ученых.

Невилл засмеялся и покачал головой.

— У нас возможностей не многим больше, чем у вас... Но вот что мы могли бы вам предложить. У нас есть собственные лаборатории. Мы можем предоставить вам рабочее место и даже кое-какие приборы. Не берусь судить, насколько все это будет вам полезно, но не исключено, что вы чего-нибудь и добьетесь.

— Как по-вашему, позволят ли мне эти приборы вести исследования в области паратеории?

— Отчасти, я полагаю, это будет зависеть от вашей изобретательности. Вы рассчитываете найти подтверждение теории этого вашего Ламонта?

— Или опровержение. Если что-нибудь получится.

— Ну, в любом случае ее можно только опровергнуть, в этом я не сомневаюсь.

— Но ведь вы знаете, что я по образованию не физик? —

спросил Денисон. — Так почему же вы с такой готовностью предлагаете мне место в лаборатории?

— Потому что вы с Земли. Я ведь сказал вам, что мы это ценим, а тот факт, что в физике вы самоучка, может сыграть и положительную роль. Селена высказалась в вашу пользу, а я придаю этому, возможно, больше значения, чем следовало бы. Нас сближает и то, что мы — жертвы Хэллема. Если вы хотите восстановить вашу репутацию, мы вам поможем.

— Простите мой цинизм. А что вы рассчитываете получить взамен?

— Вашу помощь. В сношениях между учеными Земли и Луны существует некоторая натянутость. Вы добровольно приехали с Земли на Луну и могли бы послужить сближению обеих планет к их взаимной пользе. Вы уже наладили контакт с новым представителем Земли, и, возможно, восстанавливая свою репутацию, вы заодно укрепите и нашу.

— Другими словами, если я подорву влияние Хэллема, это будет полезно и лунной науке?

— Все, чего бы вы ни добились, будет полезно... Но пожалуй, вам действительно надо еще поспать. Зайдите ко мне в ближайшие день-два, и я выясню вопрос с лабораторией. А кроме того... — он обвел взглядом тесную комнатку, — мы постараемся подыскать вам и более удобное жилье.

Они пожали друг другу руки, и Невилл ушел.

Глава 8

Готтштейн продолжал:

— И все-таки, с какими бы неприятностями ни было сопряжено ваше пребывание на Луне, я думаю, сегодня, расставаясь с ней, вы не можете не испытывать сожаления.

— И даже очень большое, — выразительно пожал плечами Монтес. — Как только подумаю о земной силе тяжести. Одышка, боль в ногах, испарина. Я буду все время мокрым от пота.

— Рано или поздно и мне придется пройти через это.

— Послушайте моего совета — обязательно летайте на

Землю не реже чем раз в два месяца. Что бы ни говорили вам доктора, какие бы изометрические упражнения вы ни проделывали, непременно каждые шестьдесят дней возвращайтесь на Землю минимум на неделю. Старайтесь, чтобы ваше тело сохраняло ее ощущение.

— Попробую, насколько это будет от меня зависеть... Ах да! Я побеседовал с моим другом.

— С каким это?

— С моим спутником по кораблю. Мне казалось, что я его уже видел раньше. И я не ошибся. Некий Денисон, радиохимик. Как оказалось, я очень хорошо помню все, что с ним связано.

— То есть?

— Мне запомнилась одна его навязчивая идея, и я попытался вызвать его на откровенность. Он противился с большой ловкостью. И рассуждал очень логично. Настолько логично, что мои подозрения еще более укрепились. Некоторым типам маньяков свойственна весьма изящная логичность. Это своего рода защитный механизм.

— Боже мой, — с видимой досадой сказал Монтес. — Я что-то запутался. С вашего разрешения я на минутку присяду. Когда то и дело лихорадочно прикидываешь, все ли упаковано как следует, и предвкушаешь первую встречу с земным тяготением, поневоле хочется отдышаться... Так в чем же заключается его навязчивая идея?

— В свое время он пытался убедить нас, что Электронный Насос опасен. Что его употребление приведет к взрыву вселенной.

— Неужели? А это правда?

— Надеюсь, что нет. В тот момент от него отмахнулись, и довольно грубо. Когда ученые работают на пределе понимания, они начинают нервничать. Один мой знакомый психиатр называл это синдромом «Кто знает?». Если, несмотря на все ваши усилия, вам не удается получить нужных данных, вы говорите: «Кто знает, что произойдет?» — а дальше начинает работать воображение.

— Да, но если физики говорят нечто подобное, пусть даже не все...

— В том-то и дело, что они ничего подобного не говорят. Во всяком случае, официально. Существует такое понятие, как ответственность ученого, и журналы не публикуют заведомого вздора... Вернее, того, что они считают вздором. Видите ли, эта идея снова всплыла. Физик по фамилии Ламонт обратился к сенатору Бэрту, к Чену, этому самозваному спасителю среды обитания, и еще к некоторым влиятельным людям, стараясь убедить их в реальности угрозы космического взрыва. Ему никто не верит, но слухи ползут и ползут, ничего не теряя от пересказа.

— И этот человек — тот, который приехал с вами на Луну, — тоже так думает?

Готтштейн широко улыбнулся.

— Боюсь, что да. Черт побери, ночью, когда мне не спится... между прочим, я то и дело падаю с кровати... я и сам готов поверить. Возможно, он надеется, что сумеет здесь подтвердить свою теорию экспериментально.

— Ну и?..

— Пусть подтверждает. Я даже намекнул, что мы ему поможем.

— Рискованно! — покачал головой Монтес. — Мне не нравится официальное поощрение навязчивых идей.

— Но ведь нельзя совершенно исключить возможность, что даже навязчивая идея все-таки окажется верной. Впрочем, дело не в этом. Если нам удастся устроить его здесь, на Луне, благодаря ему мы сумеем узнать, что, собственно, тут происходит. Он хотел бы восстановить свою репутацию, и я дал ему понять, что он может рассчитывать на наше содействие, если поведет себя соответствующим образом... Я буду держать вас в курсе... По-дружески, так сказать.

— Спасибо, — сказал Монтес. — Ну, счастливо оставаться.

Глава 9

— Да, он мне не понравился, — сердито повторил Невилл.

— Но почему? Из-за того, что он земляшка? — Селена сняла пушинку с груди и критически ее оглядела. — Она не

от моей блузы. Нет, все-таки очистка воздуха поставлена из рук вон плохо.

— Этот Денисон — пустышка. Он не парафизик. По его собственным словам, он самоучка, и это блистательно подтверждается тем, что он явился сюда с на редкость дурацкими предвзятыми идеями.

— Например?

— Ну, он считает, что Электронный Насос взорвет вселенную.

— Он это сказал?

— Я знаю, что он это думает... Ах, мне известны все эти аргументы, я их слышал десятки раз. Но это не так, вот и все.

— А может быть, — заметила Селена, подняв брови, — ты просто не хочешь, чтобы это было так.

— Хоть ты-то не начинай! — буркнул Невилл.

Наступила короткая пауза. Потом Селена сказала:

— Ну и что же ты думаешь с ним делать?

— Предоставлю ему место для работы. Как ученый он ничто, но все-таки от него может быть польза. Он достаточно бросается в глаза — новый представитель Земли с ним уже побеседовал.

— Я знаю.

— Ну, его история достаточно романтична: человек с погубленной карьерой пытается обрести себя и восстановить свою репутацию.

— Правда?

— О, абсолютно! Я убежден, что тебе будет любопытно. Ты его спроси, и он тебе расскажет. А это очень хорошо. Если на Луне начнет работать романтичный землянин, стараясь найти подтверждение своим маниакальным идеям, представителю Земли будет чем заняться. Денисон послужит нам ширмой, ложным следом. И кто знает, возможно, благодаря ему мы сумеем получить более точные сведения о том, что происходит на Земле... Продолжай поддерживать с ним дружбу, Селена.

Глава 10

Селена засмеялась. В наушниках Денисона ее смех звучал металлически. В скафандре она выглядела неприлично толстой и неуклюжей. Она сказала:

— Ну, не робейте, Бен! Бояться совершенно нечего. Да еще такому старожилу! Ведь вы здесь уже месяц.

— Двадцать восемь дней, — пробурчал Денисон. У него было ощущение, что скафандр его душит.

— Нет, месяц! — стояла на своем Селена. — Когда вы приехали, Земля была совсем на ущербе. Как и сейчас. — Она указала на узкий серп Земли, ослепительно сверкавший в южной части небосвода.

— Погодите немножко. Тут я ведь не такой храбрый, как внизу. Что, если я упаду?

— И пусть. Сила тяжести по вашим меркам мала, уклон невелик, а скафандр у вас крепкий. Если вы упадете, то спокойно скользите и катитесь. Так даже интересней.

Денисон неуверенно огляделся. В холодном сиянии Земли черно-белый лунный пейзаж был удивительно красивым и совсем не таким, как при солнечном свете, — за неделю до этого Денисон ездил осматривать солнечные аккумуляторы, которые простирались в Море Дождей от горизонта до горизонта. Теперь белизна была серебристой и нежной, и даже чернота словно смягчалась и обретала полутона из-за отсутствия резких контрастов лунного дня. Звезды сияли непривычно ярко, а Земля... Земля с ее белыми спиралями на голубом фоне, кое-где переходящем в коричневый, была прекрасной и манящей.

— Можно я ухвачусь за вас? — спросил он.

— Конечно. На самый верх я вас не поведу. Вы испробуете свои силы на скате для начинающих. Постарайтесь идти со мной в ногу. Я не буду торопиться.

Он, как мог, приспосабливался к ее широкому пружинистому шагу. Склон, по которому они поднимались, был покрыт пылью. Денисон следил, как она взметывается из-под его подошв и тут же оседает в безвоздушной пустоте. Ему лишь с большим трудом удавалось идти в ногу с Селеной.

— Прекрасно, — сказала она, крепко держа его под руку. — Для земляшки просто отлично... то есть для гранта, хотела я сказать.

— Спасибо.

— И получилось скверно. «Грант» вместо «иммигрант» ничем не лучше «земляшки» вместо «землянина». В таком случае скажем — для человека вашего возраста вы идете отлично.

— Ну нет! Это еще хуже! — Денисон еле переводил дух, чувствуя, что его лоб становится все более влажным.

— Перед тем как опустить стопу, старайтесь немного оттолкнуться другой ногой, — сказала Селена. — Это удлиняет шаг и снимает нагрузку. Нет, нет, не так... Вот посмотрите!

Денисон с облегчением остановился. Селена, которая в движении, несмотря на скафандр, снова показалась ему тонкой и изящной, ушла вперед, по-особому подскакивая. Прыжки были стелющимися и длинными. Потом она вернулась и опустилась на колени рядом с ним.

— Шагните, Бен, только не торопясь, а я стукну вас по ноге, когда надо будет оттолкнуться.

После нескольких неудачных попыток Денисон сказал:

— Нет, это куда трудней, чем бегать на Земле! Можно я отдохну?

— Отдыхайте. Просто вы еще не умеете координировать работу мышц. И боретесь сам с собой, а вовсе не с непривычной силой тяжести... Ну хорошо. Садитесь и переведите дух. Но вообще, идти нам недалеко.

— А если я лягу на спину, я не раздавлю баллоны? — спросил Денисон.

— Конечно, нет. Но ложиться тем не менее не стоит. Особенно прямо на голый камень. Температура поверхности всего сто двадцать по Кельвину, или, если вам так больше нравится, сто пятьдесят градусов ниже нуля, а потому чем меньше площадь соприкосновения с почвой, тем лучше. На вашем месте я бы села.

— Ну хорошо. — Денисон, покряхтывая, осторожно сел лицом к северу, так, чтобы не видеть Землю. — Взгляните-ка на звезды!

Селена села напротив него. Она чуть повернула голову, и в свете Земли он смутно различил за стеклом скафандра ее лицо.

— Но ведь звезды видны и с Земли, — сказала она удивленно.

— Не так, как здесь. Даже в безоблачную погоду воздух поглощает часть их света. От различий температуры в разных слоях атмосферы они мерцают, а в электрическом зареве над городом и вовсе теряются.

— М-да!

— А вам тут нравится, Селена? На поверхности?

— Нельзя сказать, чтоб очень, но иногда бывает даже приятно. Ну, конечно, я, как гид, постоянно сопровождаю сюда туристов.

— А на этот раз меня?

— Когда наконец вы поймете, Бен, что это совсем не одно и тоже? Для туристов существует один-единственный маршрут, очень легкий и неинтересный. Не думаете ли вы, что мы приводим туристов на скат? Этот спорт для лунян и грантов. И в основном для грантов.

— По-видимому, он все же не слишком популярен. Тут нет никого, кроме нас.

— Это ничего не значит. Посмотрели бы вы, что здесь делается в дни состязаний! Но вам тогда поверхность понравилась бы, наверное, куда меньше.

— Не скажу, чтобы она так уж нравилась мне сейчас. Значит, скольжение — это в основном иммигрантский вид спорта?

— Пожалуй. Луняне, как правило, не слишком любят поверхность.

— А доктор Невилл?

— Вас интересует, как он относится к поверхности?

— Да.

— Честно говоря, не думаю, чтобы он хоть раз поднимался сюда. Завзятый горожанин. А почему это вас заинтересовало?

— Когда я сказал, что хочу осмотреть солнечные аккумуляторы, он как будто не имел ничего против, но сам отправиться со мной не пожелал. Я прямо его об этом попросил, чтобы было кому задавать вопросы, а он отказался, причем в довольно резкой форме.

— Надеюсь, вы нашли кому задавать вопросы?

— О да. И кстати, он тоже был иммигрантом... Возможно, отношение доктора Невилла к Электронному Насосу объясняется как раз этим.

— О чем вы говорите?

— Ну... — Денисон откинулся и поочередно взбросил ноги, с ленивым удовольствием следя за тем, как они медленно поднимаются и опускаются. — А ведь приятно! Послушайте, Селена... Я имел в виду вот что: Невилл почему-то жаждет установить на Луне Электронный Насос, хотя вам вполне достаточно солнечных аккумуляторов. На Земле мы ими воспользоваться не можем, потому что там для солнечного света слишком много помех и Солнце не может служить таким же постоянным и надежным источником энергии во всех диапазонах волн, как здесь. В Солнечной системе вообще нет небесного тела, более подходящего для использования солнечных аккумуляторов, чем Луна. Даже Меркурий уступает ей, потому что там слишком жарко. Но солнечные аккумуляторы привязывают вас к поверхности, а раз вы ее не любите...

Селена вдруг вскочила.

— Вставайте, Бен! Довольно сидеть! Вы уже достаточно отдохнули. Вставайте!

Не без труда поднявшись на ноги, Денисон упрямо продолжал:

— А Электронный Насос означал бы, что никому из лунян уже не придется выходить на поверхность, если они сами этого не захотят.

— Тут подъем будет круче, Бен. Мы пойдем вон к тому гребню. Видите, вон там, где земной свет срезается почти точно по горизонтали?

Дальше они шли молча. Денисон заметил, что склон с боку от них выровнен и уходит вниз широкой полосой, очищенной от пыли.

— Нет, начинающим по скату подниматься не стоит. Он

слишком гладок, — сказала Селена, словно в ответ на его мысли. — Держите свое честолюбие в узде, а не то вы потребуете, чтобы я сейчас же обучила вас кенгуровой припрыжке.

Еще не договорив, она сделала кенгуровый прыжок, на лету повернулась к Денисону и объявила:

— Вот мы и пришли. Садитесь, я надену...

Денисон сел лицом к спуску и посмотрел на скат с некоторой опаской.

— Неужели по нему и правда можно скользить?

— Ну конечно. Из-за малой силы тяжести вы на Луне ступаете менее плотно, чем на Земле, а это снижает трение. На Луне гораздо легче поскользнуться, чем на Земле. Вот почему полы у нас в коридорах и комнатах всегда шероховатые — это вовсе не небрежность, как иногда думают земляне. Хотите послушать мою лекцию на эту тему? Ту, которую я читаю туристам?

— Лучше не надо, Селена.

— А к тому же мы наденем коньки.

У нее в руке он увидел небольшой баллон с зажимами и двумя узкими трубками.

— Что это такое? — спросил Денисон.

— Баллончик со сжиженным газом. Он будет выбрасывать струйки газа прямо вам под подошвы, и эта тонкая газовая подушка практически уничтожит трение. Вы будете двигаться словно в невесомости.

— Мне это не нравится, — строго сказал Денисон. — Использовать на луне газ для подобных целей — непростительное расточительство!

— Ну послушайте! Неужели, по-вашему, мы стали бы использовать для коньков углекислый газ? Или кислород? Начнем с того, что это природный газ. Это аргон. Он вырывается из лунных пород тоннами, накопившись там за миллиарды лет распада калия сорок... Опять-таки цитата из моей лекции, Бен. Практического применения на Луне аргон почти не находит, и мы можем кататься на коньках хоть миллион лет, не истощив его запасов... Ну вот, ваши коньки и надеты. Погодите, сейчас я надену свои.

— А как они действуют?

— Автоматически. Едва вы начнете скользить на них, откроется клапан и начнется подача газа. Запаса хватит всего на несколько минут, но больше вам и не понадобится.

Она встала и помогла встать ему.

— Повернитесь лицом прямо к склону... Смелее, Бен! Уклон ведь совсем небольшой. Вот поглядите, он кажется ровным, как стол.

— Нет, не кажется, — мрачно ответил Денисон. — На мой взгляд, он даст сто очков вперед любому обрыву.

— Чепуха. А теперь слушайте и запоминайте. Разведите ноги примерно на шесть дюймов и одну чуть-чуть выставьте вперед — неважно, левую или правую. Колени подогните. Не наклоняйтесь навстречу ветру, потому что ветра тут нет. Ни в коем случае не оглядывайтесь и не смотрите вверх, но по сторонам при необходимости смотреть можно. А главное, достигнув ровной площадки, не торопитесь остановиться — вы разовьете заметно бóльшую скорость, чем вам будет казаться. Просто дождитесь, чтобы газ весь вышел, а тогда благодаря трению вы постепенно остановитесь.

— Я все перезабуду.

— Отлично будете помнить. Да и я в любую минуту приду вам на помощь. Если же я не успею вас поддержать и вы упадете, не пытайтесь встать или остановиться. Спокойно кувыркайтесь или скользите на спине. Тут нет ни одного опасного выступа.

Денисон сглотнул и посмотрел вперед. Скат, уходящий к югу, был залит земным светом. Крохотные неровности, окруженные пятнышками тени, сверкали особенно ярко, и от этого поверхность ската казалась рябой. Почти прямо перед ним в черном небе висел рельефный серп Земли.

— Готовы? — спросила Селена, упершись рукой в его спину.

— Готов, — со вздохом сказал Денисон.

— Ну, в путь! — Она толкнула его вперед, и Денисон почувствовал, что начинает двигаться. Сначала движение было медленным. Он поглядел через плечо на Селену и пошатнулся.

— Не беспокойтесь, — сказала она. — Я рядом.

Внезапно он перестал ощущать под ногами каменный скат — баллон начал подавать газ.

На мгновение Денисону показалось, будто он стоит неподвижно. Его грудь не встречала сопротивления воздуха, подошвы ни за что не задевали. Но когда он снова оглянулся на Селену, то обнаружил, что искры света и пятнышки тени убегают назад со всевозрастающей скоростью.

— Глядите на Землю, — раздался у него над ухом голос Селены. — До тех пор, пока не наберете скорость. Чем быстрей вы будете двигаться, тем устойчивее будете держаться на ногах... Не забывайте подгибать колени! Вы отлично скользите, Бен.

— Для гранта! — пропыхтел Денисон.

— И какое же у вас впечатление?

— Я точно лечу, — ответил он. Пятнышки света и тени по обеим сторонам уносились назад, сливаясь в смутные полоски. Он покосился влево, потом вправо, надеясь избавиться от ощущения, будто поверхность летит назад, и почувствовать наконец, что это он, он сам устремляется вперед. Но едва это ему удалось, как он тут же вновь уставился на серп Земли, стараясь сохранить равновесие. — Боюсь, это сравнение мало что вам скажет, — добавил он. — Ведь на Луне полет — понятие абстрактное.

— Ну, для меня оно уже стало конкретным. По вашим словам, полет похож на скольжение, а это ощущение мне очень хорошо знакомо.

Селена без всякого труда держалась наравне с ним.

Денисон скользил уже так стремительно, что чувствовал свое движение, даже когда смотрел прямо перед собой. Лунный пейзаж впереди распахивался и обтекал его со всех сторон.

— Какую скорость можно развить при скольжении? — спросил он.

— На настоящих гонках были зарегистрированы скорости свыше ста миль в час — конечно, на более крутых склонах. Ваш предел будет около тридцати пяти миль.

— Мне кажется, я уже двигаюсь много быстрее.

— На самом деле это не так. Ну, Бен, мы уже почти спустились на равнину, а вы так и не упали. Продержитесь еще немного. Газ сейчас кончится, и вы ощутите трение. Но не вздумайте тормозить сами. Спокойно скользите дальше.

Селена еще не договорила, как Денисон почувствовал под башмаками твердую поверхность. Одновременно возникло ощущение огромной скорости, и он сжал кулаки, стараясь удержаться и не вскинуть руки, словно отвращая столкновение, которого не могло быть. Он знал, что стоит ему приподнять руки, и он опрокинется на спину.

Он прищурился и задержал дыхание. Когда ему уже начало казаться, что его легкие вот-вот лопнут, Селена сказала:

— Безупречно, Бен. Безупречно. Я еще ни разу не видела, чтобы грант не упал во время своего первого скольжения. А потому, если вы все-таки упадете, не расстраивайтесь. Ничего позорного в этом нет.

— Нет уж, я не упаду, — прошептал Денисон, хрипло вздохнул и широко открыл глаза. Земля по-прежнему была все такой же безмятежной и равнодушной, но он двигался медленнее, гораздо, гораздо медленнее...

— Селена, я остановился или нет? — спросил он. — Я никак не могу понять.

— Вы стоите. Нет, не двигайтесь. Прежде чем мы вернемся в город, вам следует отдохнуть... Черт побери, ведь я его где-то здесь оставила!

Денисон смотрел на нее, не веря своим глазам. Она поднималась по склону вместе с ним, она скользила вниз вместе с ним — но он еле держался на ногах от усталости, а она носилась вокруг кенгуровыми прыжками. Шагах в ста от него она нагнулась и воскликнула:

— А! Вот он!

Ее голос звучал в его ушах так же громко, как и прежде, когда она была рядом.

Через секунду Селена вернулась, держа под мышкой пухлый пластмассовый сверток.

— Помните, когда мы поднимались, вы спросили меня, что это такое, а я ответила, что вы сами увидите на обратном пути?

Она аккуратно развернула широкий мешок.

— Называется это лунным ложем, — сказала Селена. — Но мы говорим просто «ложе». Прилагательное «лунный» у нас здесь разумеется само собой.

Она привинтила баллончик к ниппелю и повернула кран.

Мешок начал наполняться. Денисон прекрасно знал, что звуков в безвоздушном пространстве не бывает, и все-таки ждал, что вот-вот услышит шипение.

— Не торопитесь упрекать нас за расточительство! — сказала Селена. — Это тоже аргон.

Мешок тем временем превратился в тахту на шести толстых ножках.

— Ложе вас вполне выдержит, — сообщила Селена. — Оболочка практически нигде не соприкасается с поверхностью, а вакуум помогает сохранять теплоту.

— Неужели оно еще и горячее? — с изумлением спросил Денисон.

— При выходе из баллончика аргон нагревается, но очень относительно. Максимальная его температура равна примерно двумстам семидесяти градусам Кельвина — почти достаточно для того, чтобы растопить лед, и более чем достаточно для того, чтобы ваш скафандр терял теплоту не быстрее, чем вы ее вырабатываете. Ну, ложитесь.

И Денисон лег, испытывая невыразимое блаженство.

— Чудесно, — сказал он с удовлетворенным вздохом.

— Нянюшка Селена обо всем позаботилась.

Она появилась из-за его спины, скользнула в сторону, приставив ступню к ступне, словно на коньках, оттолкнулась и изящно опустилась возле ложа на локоть и бедро.

Денисон даже присвистнул.

— Как это у вас получается?

— Тренировка. Только не вздумайте мне подражать. В лучшем случае разобьете локоть. Но учтите, если я начну замерзать, вам придется потесниться.

— Ну, поскольку мы оба в скафандрах...

— Весьма любезно! Как вы себя чувствуете?

— Неплохо. Уж это ваше скольжение!

— А что? Не понравилось? Вы ведь поставили настоящий рекорд по отсутствию падений. Вы не рассердитесь, если я расскажу про это в городе моим знакомым?

— Пожалуйста. Ужасно люблю, когда меня хвалят... Но неужели вы собираетесь еще раз тащить меня на скат?

— Сейчас? Конечно, нет. Я и сама не стану спускаться два раза подряд. Мы просто подождем здесь, чтобы ваше сердце пришло в норму, а потом вернемся в город. Протяните ноги в мою сторону, и я сниму с вас коньки. Следующий раз я вас научу, как они снимаются и надеваются.

— Скорее всего следующего раза не будет.

— Будет, не сомневайтесь. Разве вы не испытывали удовольствия?

— Иногда. В промежутках между припадками ужаса.

— Ну, так в следующий раз припадков ужаса будет меньше, а потом еще меньше, и в конце концов останется одно удовольствие. Я еще сделаю из вас чемпиона.

— Ну уж нет. Для этого я слишком стар.

— Не на Луне. У вас только вид такой.

Денисона окутывал неизъяснимый лунный покой. Он лежал лицом к Земле. Именно ее присутствие в небе помогло ему сохранить равновесие во время спуска, и он испытывал к ней тихую благодарность.

— Вы часто выходите на поверхность, Селена? — спросил он. — То есть я хочу сказать — одна или в небольшой компании. Не во время состязаний.

— Можно сказать — никогда. Если кругом нет людей, все это действует на меня угнетающе. Я даже сама немножко удивлена, как это я решилась отправиться сюда сегодня.

Денисон неопределенно хмыкнул.

— А вас это не удивляет?

— А почему это должно меня удивлять? Я считаю, что всякий человек поступает так, как поступает, либо потому, что хочет, либо потому, что должен, и в каждом случае это касается его, а не меня.

— Спасибо, Бен. Нет, я не иронизирую. В вас очень подкупает то, что вы, в отличие от других грантов, не требуете, чтобы мы укладывались в ваши представления и понятия.

Мы, луняне, обитаем под поверхностью — мы пещерные люди, коридорные люди. Ну и что тут плохого?

— Ничего.

— Но послушали бы вы земляшек! А я гид и должна их слушать. Все их мнения и соображения я слышала тысячи раз, и чаще всего на меня обрушивается вот что. — Селена заговорила с пришептыванием, типичным для землян, объясняющихся на общепланетном эсперанто. — «Но, милочка, как вы можете жить все время в пещерах? Неужели вас не угнетает ощущение вечной тесноты? Неужели вам не хочется увидеть синее небо, деревья, океан, почувствовать прикосновение ветра, вдохнуть запах цветов?..» Бен, я могла бы продолжать так часами! А потом они спохватываются: «Впрочем, вы ведь, наверное, даже не знаете, что такое синее небо, и море, и деревья, так что и не тоскуете без них»... Как будто мы не смотрим земных телепрограмм! Как будто у нас нет доступа к земной литературе, как зрительной, так и звуковой, а иногда и олифакторной.

Денисону стало весело.

— И какой же полагается давать ответ в подобных случаях?

— Да никакой. Говоришь просто: «Мы к этому привыкли, мадам». Или «сэр», но почти всегда такие вопросы задают женщины. Мужчины, как ни странно, больше интересуются лунными модами. А знаете, что бы я с радостью ответила этим дурам?

— Скажите, скажите. Облегчите душу.

— Я бы им сказала: «Послушайте, мадам, а на черта нам сдалась ваша хваленая планета? Мы не хотим вечно болтаться на поверхности и ждать, что свалимся оттуда или нас сдует ветром. Мы не хотим, чтобы нам в лицо бил неочищенный воздух, чтобы на нас лилась грязная вода. Не нужны нам ваши микробы, и ваша вонючая трава, и ваше дурацкое синее небо, и ваши дурацкие белые облака. Когда мы хотим, то можем любоваться Землей на нашем собственном небе. Но подобное желание возникает у нас не часто. Наш дом — Луна, и она такая, какой ее сделали мы. Какой мы хотели ее сделать. Она принадлежит нам, и мы создаем свою собствен-

ную экологию. И нечего жалеть нас за то, что мы идем своим путем. Отправляйтесь к себе на Землю, и пусть ваша сила тяжести оттянет вам живот до колен!» Вот что я сказала бы.

— Ну и прекрасно! Теперь всякий раз, когда вам нестерпимо захочется высказать очередной туристке десяток горьких истин, приберегите их для меня, и вам станет легче.

— Знаете что? Время от времени какой-нибудь грант предлагает разбить на Луне земной парк — уголок с земными растениями, выращенными из семян или даже из саженцев, а может быть, и с кое-какими животными. Кусочек родного дома — вот как это обычно формулируется.

— Насколько я понимаю, вы против?

— Конечно, против! Кусочек чьего родного дома? Наш родной дом — Луна. Гранту, который мечтает о «кусочке родного дома», следует просто поскорее уехать к себе домой. Гранты иной раз бывают хуже земляшек.

— Учту на будущее, — сказал Денисон.

— К вам это не относится... пока.

Наступило молчание, и Денисон решил, что Селена сейчас предложит вернуться в город. Конечно, по некоторым соображениям откладывать это надолго не стоит. Но, с другой стороны, он давно не испытывал такого физического блаженства. А на сколько, собственно, рассчитан запас кислорода в его баллоне? От этих размышлений его отвлек голос Селены:

— Бен, можно задать вам один вопрос?

— Пожалуйста. Если вас интересует моя личность, то у меня секретов нет. Рост — пять футов девять дюймов. Вес на Луне — двадцать восемь фунтов. Когда-то был женат. Давно развелся. Один ребенок — дочь, ныне взрослая и замужняя. Учился в университете...

— Нет, Бен, я говорю серьезно. Можно задать вам вопрос про вашу работу?

— Конечно, можно, Селена. Правда, я не знаю, сумею ли я объяснить вам...

— Ну... Вы же знаете, что Бэррон и я...

— Да, знаю, — почти оборвал ее Денисон.

— Мы разговариваем. Он мне кое-что рассказывает. Он

упомянул, например, что, по вашему мнению, Электронный Насос может взорвать вселенную.

— Ту ее часть, в которой находимся мы. Не исключено, что он может превратить нашу ветвь галактики в квазар.

— Нет, вы правда в это верите?

— Когда я приехал на Луну, — сказал Денисон, — я еще сомневался. Но теперь я верю. Я убежден, что это произойдет, и произойдет неизбежно.

— И когда, как по-вашему?

— Вот этого я точно сказать не берусь. Может быть, через несколько лет. Может быть, через несколько десятилетий.

Снова наступило молчание. Потом Селена пробормотала:

— Бэррон так не думает.

— Я знаю. И не пытаюсь его переубеждать. Нежелание верить нельзя сломить фронтальной атакой. В этом и была ошибка Ламонта.

— Кто такой Ламонт?

— Извините, Селена, я задумался.

— Нет, Бен! Объясните мне. Пожалуйста! Я хочу знать.

Денисон повернулся на бок лицом к ней.

— Ладно, — сказал он. — Я вам расскажу. Ламонт — физик и живет на Земле. Он попытался предупредить мир об опасности, таящейся в Электронном Насосе, но потерпел неудачу. Людям нужен Насос. Нужна дешевая энергия. Настолько нужна, что они не желают верить в ее опасность, в необходимость отказаться от нее.

— Но как они могут продолжать ею пользоваться, если она грозит всеобщей гибелью?

— Для этого достаточно не поверить, что она грозит гибелью. Самый легкий способ решения проблемы — попросту отрицать ее наличие. Как и делает ваш друг доктор Невилл. Его пугает поверхность, а потому он внушает себе, будто солнечные аккумуляторы не отвечают своему назначению, хотя любому непредвзятому человеку ясно, что для Луны это идеальный источник энергии. Установка Насоса по-

зволит ему никогда больше не покидать коридоров, а потому он не желает верить, что Насос опасен.

— Не думаю, чтобы Бэррон отказался поверить, если ему будут представлены реальные доказательства. А такие доказательства у вас правда есть?

— По-моему, да. Это просто поразительно, Селена. Все опирается на некоторые тончайшие факторы во взаимодействии кварк — кварк. Вы понимаете, о чем я говорю?

— Да, понимаю. Я столько разговаривала с Бэрроном о самых разных проблемах, что у меня есть некоторое представление обо всем этом.

— Ну, сначала я полагал, что мне для этого понадобится лунный синхрофазотрон. Его поперечник равен двадцати пяти милям, он оснащен магнитами из сверхпроводников и может развивать энергии свыше двадцати тысяч гигаэлектрон-вольт. Но оказалось, что у вас тут есть установка, которую вы назвали пионотроном. Она умещается в небольшой комнате и выполняет все функции синхрофазотрона. Луну можно поздравить с поистине замечательным шагом вперед.

— Благодарю вас, — польщенно сказала Селена. — То есть от имени Луны.

— Ну так вот: проведя исследования с помощью пионотрона, я убедился, что напряженность сильного ядерного взаимодействия возрастает, и возрастает именно с такой скоростью, о которой говорит Ламонт, а не с той, которую указывает общепринятая теория.

— И вы сообщили об этом Бэррону?

— Нет. Я думаю, он все равно не поверит. Он скажет, что полученные мной результаты неубедительны. Он скажет, что я допустил ошибку. Он скажет, что я не учел всех факторов. Он скажет, что моя методика неверна... Но все это будет означать одно — ему нужен Электронный Насос и он не желает от него отказаться.

— И по-вашему, выхода нет?

— Есть, конечно. Меры принять можно, но только не те прямолинейные меры, на которых настаивает Ламонт.

— А именно?

— Он считает, что надо отказаться от Насоса. Но нельзя повернуть прогресс вспять. Нельзя загнать цыпленка в яйцо, а вино в виноградную лозу. Если вы хотите, чтобы маленький ребенок отпустил ваши часы, не стоит объяснять ему, что он должен их отдать, а лучше предложить взамен что-нибудь еще более интересное.

— А что, например?

— Вот тут-то я и не уверен. У меня, правда, есть одна мысль, очень простая — настолько простая, что она может оказаться вообще бесплодной. Мысль, основанная на том очевидном факте, что число «два» бессмысленно и существовать не может.

Наступило долгое молчание. Примерно через минуту Селена сказала напряженно:

— Дайте я попробую догадаться, что вы имеете в виду.

— Я и сам этого хорошенько не знаю.

— И все-таки я попробую. Есть своя логика в предположении, что наша вселенная — одна и никакой другой нет и существовать не может. Ведь сами мы существуем только в ней, наш опыт говорит нам только о ней. Но вот у нас появились доказательства, что есть еще одна вселенная — та, которую мы называем паравселенной, — и теперь уже глупо, смехотворно глупо считать, что вселенных всего две. Если существует еще одна вселенная, значит, их может быть бесконечно много. Между единицей и бесконечностью в подобных случаях никаких осмысленных чисел существовать не может. Не только два, но любое конечное число тут нелепо и невозможно.

— Я так и рассуж... — начал было Денисон и вдруг оборвал фразу на полуслове. Вновь воцарилось молчание.

Потом Денисон приподнялся, сел, поглядел на скрытую в скафандре девушку и сказал:

— По-моему, нам пора возвращаться.

— Я ведь пыталась угадать, и ничего больше, — сказала Селена.

— Нет, — сказал он. — Не знаю, в чем тут дело, но это не просто догадка.

Глава 11

Бэррон Невилл уставился на нее, не в силах произнести ни слова. Селена ответила ему невозмутимым взглядом. Звездная панорама в ее окнах опять изменилась. Теперь в одном из них плыла почти полная Земля.

— Но зачем? — наконец выдавил он из себя.

— Это вышло случайно, — ответила Селена. — Я вдруг уловила суть и так увлеклась, что не смогла удержаться. Мне следовало бы сразу тебе все рассказать, а не откладывать неделю за неделей, но я опасалась, что это подействует на тебя именно так, как подействовало.

— Так он знает? Дура!

Селена нахмурилась.

— А что он, собственно, знает? То, о чем все равно довольно скоро догадался бы, — что я на самом деле не гид, а твоя интуистка. Причем интуистка, которая не имеет ни малейшего представления о математике. Так пусть себе знает! Ну хорошо, у меня есть интуиция, но что из этого следует? Сколько раз ты мне повторял, что моя интуиция не имеет никакой цены, если не подкреплять ее математическим анализом и экспериментальными наблюдениями? Сколько раз ты мне повторял, что самое, казалось бы, четкое интуитивное заключение может все-таки быть неверным? Так неужели чистый интуизм покажется ему заслуживающим внимания?

Невилл побелел, но Селена не могла решить — от гнева или от страха. Он сказал:

— Ведь ты же не такая. Разве твои интуитивные выводы не оказывались всякий раз безошибочными? Когда ты была твердо убеждена в их правильности?

— Но ведь он-то этого не знает!

— Он догадается. Он пойдет к Готтштейну.

— И что же он скажет Готтштейну? О наших истинных планах ему ведь ничего не известно.

— Ах, не известно?

— Да!

Селена вскочила и отошла к окну, потом обернулась к Бэррону и крикнула:

— Да! Да! И подло с твоей стороны намекать, будто я способна предать тебя и остальных. Если ты не веришь в мою честность, так поверь хотя бы в мой здравый смысл. Зачем мне им о чем-нибудь рассказывать? Какое вообще все это имеет значение, когда и они, и мы, и все обречены на гибель?

— Ну пожалуйста, Селена! — брезгливо отмахнулся Невилл. — Только не это!

— Нет, ты все-таки выслушай. Он был со мной откровенен и рассказал о своих исследованиях. Ты меня прячешь, точно секретное оружие. Ты говоришь мне, что я ценнее любого прибора, любого в меру талантливого ученого. Ты играешь в таинственность, требуешь, чтобы для всех я оставалась простым гидом, дабы мои замечательные способности всегда были в распоряжении лунян. Вернее, в твоем распоряжении. И чего ты добился?

— У нас есть ты, ведь так? А долго ли, по-твоему, ты останешься на свободе, если они узнают...

— Ты постоянно твердишь об этом. Но назови мне хоть одного человека, которого лишили свободы, которому помешали! Где хоть малейшие реальные признаки великого заговора против нас, который мерещится тебе повсюду? Земляне не допускают тебя и твою группу к своим большим установкам, главным образом, потому, что ты сам их на это провоцируешь, а не из-за каких-то черных замыслов. Впрочем, нам это пошло только на пользу, потому что в результате мы создали собственные, более чувствительные приборы и более мощные установки.

— На основе твоих теоретических прозрений, Селена!

— Не спорю, — улыбнулась Селена. — Бен отозвался о них с большой похвалой.

— Ты и твой Бен! На черта тебе нужен этот жалкий земляшка?

— Он иммигрант. И я получаю от него сведения, которые мне необходимы. Ты мне их обеспечиваешь? Ты до того боишься, как бы про меня не узнали, что не позволяешь мне

встречаться с другими физиками. Только ты, и никто, кроме тебя. И только потому, что ты мой... Да, наверное, и на это ты пошел исключительно из соображений конспирации.

— Ну что ты, Селена! — Он кое-как сумел придать своему голосу нежность, и все-таки его слова прозвучали нетерпеливо.

— Собственно говоря, это меня не трогает. Ты объяснил мне, какая передо мной стоит задача, и я стараюсь сосредоточиться на ней одной. И иногда мне кажется, что я вот-вот нащупаю решение, пусть и без всякой математики. Мне вдруг совершенно ясно представляется, что надо сделать, но потом мысль ускользает... А, да пусть! Раз Насос уничтожит нас всех гораздо раньше... Ведь я же тебе говорила, что обмен напряженности полей внушает мне большие опасения.

— Селена, я тебя спрашиваю, — сказал Невилл. — Готова ты безоговорочно утверждать, что Насос нас уничтожит? Не «может уничтожить», не «вероятно, уничтожит», а «неизбежно уничтожит»?

Селена сердито мотнула головой.

— Нет, не могу. Все достаточно зыбко. Нет, я не могу сказать — «неизбежно». Но разве в таком вопросе «вероятно» — это мало?

— О господи!

— Не возводи глаза к потолку! Не усмехайся! Ты ведь и не подумал проверить эту гипотезу экспериментально. А я тебе говорила, как это можно сделать!

— Пока ты не начала слушать своего земляшку, ты и не тревожилась вовсе!

— Он иммигрант. Так ты проверишь или нет?

— Нет! Я ведь объяснил тебе, что твои предположения невыполнимы. Ты не экспериментатор, и то, что тебе представляется теоретически возможным, вовсе не обязательно окажется осуществимым в реальном мире приборов, случайности и недостоверности.

— Так называемый реальный мир твоей лаборатории! — Ее лицо покраснело от негодования, она поднесла к подбородку сжатые кулаки. — Сколько времени ты тратишь, чтобы получить достаточно приличный вакуум... А ведь там, на-

верху, куда я показываю, там, на поверхности, вакуума сколько угодно и температура по временам приближается к абсолютному нулю. Почему ты не ставишь эксперименты на поверхности?

— Это ничего не даст.

— Откуда ты знаешь? Ты просто не хочешь попробовать. А Бен Денисон попробовал. Он сконструировал специальный прибор для поверхности и успел получить с его помощью необходимые данные, когда ездил осматривать солнечные аккумуляторы. Он звал тебя поехать с ним, но ты не захотел. Помнишь? Это очень простой прибор — такой, что даже я могу объяснить тебе его принцип после того, как его объяснили мне. Бен включил его при дневной температуре, а потом при ночной, и этого оказалось достаточно, чтобы затем провести серию экспериментов с пионотроном.

— Как все у тебя просто получается!

— А это и было просто. Едва он понял, что я — интуистка, как, в отличие от тебя, начал мне объяснять! Он объяснил, почему он считает, что сильное ядерное взаимодействие увеличивается вокруг Земли поистине катастрофически. Еще несколько лет — и Солнце взорвется, а нарастающее сильное ядерное взаимодействие распространится волнами...

— Нет! Нет и нет! — закричал Невилл. — Я видел его результаты. Это ерунда.

— Ты их видел?

— Конечно. Неужели ты думала, что я позволю ему работать в наших лабораториях и не буду проверять, чем он занимается? Я видел его результаты, и они ровным счетом ничего не стоят. Он рассматривает столь малые отклонения, что они вполне укладываются в пределы ошибок опыта. Если ему угодно верить, будто эти отклонения значимы, и если ты хочешь этому верить, так валяйте. Но никакая вера не изменит того факта, что они не стоят ничего.

— А чему хочешь верить ты, Бэррон?

— Мне нужна истина.

— Но разве ты не решил заранее, какой должна быть эта истина? Тебе нужен Электронный Насос на Луне для того, чтобы ты мог больше не подниматься на поверхность, ведь

так? И потому все, что может помешать, автоматически перестает быть истиной.

— Я не буду с тобой спорить. Да, мне нужен Электронный Насос, и то, другое, тоже. Только их сочетание даст нам то, что требуется. Ты уверена, что ты не...

— Нет!

— Но ты ему все-таки скажешь?

Селена подбежала к нему, взлетая в воздух в такт сердитому перестуку сандалий.

— Я ему ничего не скажу. Но мне нужны сведения. Раз от тебя я их получить не могу, так я обращусь к нему. Он, во всяком случае, ставит эксперименты! Мне надо поговорить с ним, узнать, что, собственно, он рассчитывает установить. Если ты мне помешаешь, ты никогда не получишь того, что тебе нужно. И можешь не опасаться, что он меня опередит. Он слишком привык к системе земных представлений и не рискнет сделать последний вывод. А я рискну.

— Ну хорошо. Но и ты тоже не забывай разницы между Землей и Луной. Луна — твой мир. Другого у тебя нет. Этот человек, этот твой Денисон, этот Бен, этот иммигрант, раз уж тебе так хочется, приехал на Луну с Земли и может, если захочет, снова вернуться на Землю. А ты уехать на Землю не можешь. Ты навсегда связана с Луной. Навсегда!

— Лунная дева, — с усмешкой сказала Селена.

Он продолжал, не слушая:

— А что до пресловутого взрыва, так объясни мне: если риск, связанный с изменениями основных констант вселенной, столь велик, то почему паралюди, технически настолько нас опередившие, не прекратят перекачку?

Не дожидаясь ответа, он вышел.

Селена уставилась на захлопнувшуюся дверь, стиснув зубы. Потом она пробормотала:

— Почему? А потому, что условия у них другие, чем у нас, сукин ты сын, ничтожество!

Но она говорила сама с собой — Невилл ее уже не слышал.

Селена пнула ногой рычаг, опускавший постель, и кинулась на нее вне себя от злости. Намного ли ближе она теперь

к той цели, которую Бэррон и его группа так давно поставили перед собой?

Ни на шаг.

Энергия... Всем требуется энергия! Волшебное слово! Рог изобилия! Единственный ключ ко вселенскому изобилию!.. Но ведь энергией исчерпывается далеко не все.

Если найти энергию, удастся найти и то, другое. Если найти ключ к энергии, ключ к тому, другому, обнаружится сам собой. Да, так и случится, если только ей удастся уловить какую-то тонкость, которая сразу же станет очевидной. (Боже мой, она настолько заразилась от Бэррона его подозрительностью, что даже думает «то, другое»!)

Ни один землянин этой тонкости не уловит, так как у землян нет никаких оснований искать ее.

И потому Бен Денисон обнаружит эту тонкость, сам того не заметив, а воспользуется его открытием она, Селена.

Но только... Если вселенная должна погибнуть, к чему все это?

Глава 12

Денисон испытывал неловкость и смущение. Он то и дело подтягивал несуществующие брюки. Он был совсем голым, если не считать коротеньких трусов и сандалий. Ну и, разумеется, он нес одеяло.

Селена, тоже в лунном туалете, засмеялась:

— Послушайте, Бен, у вас вполне приличный торс. И кожа почти не дряблая. Можете считать, что лунная мода вам к лицу.

— Угу, — пробурчал Денисон и перекинул одеяло через плечо, старательно задрапировав живот, но Селена тотчас сдернула одеяло.

— Отдайте-ка его мне, — сказала она. — Какой же из вас выйдет лунянин, если вы с таким упорством будете цепляться за земные предрассудки и привычки?

— Селена, кругом нас люди, а вы надо мной издеваетесь! — взмолился Денисон. — Дайте мне освоиться.

— Ну, осваивайтесь. Но вы могли бы заметить, что встречные на нас даже не смотрят.

— Это они на вас не смотрят. А меня так и едят глазами. Возможно, им еще не приходилось видеть таких дряхлых уродов.

— Не исключено, — сказала Селена весело. — Ну что же, пусть привыкают.

Денисон угрюмо шагал рядом с ней, болезненно ощущая каждый седой волосок у себя на груди, каждую складку на животе. Только когда коридор сузился и обезлюдел, он перестал стесняться своего вида и начал поглядывать по сторонам уже почти спокойно.

— Сколько мы прошли? — спросил он.

— Вы устали? — огорченно воскликнула Селена. — Надо было взять электророллер. Я все время забываю, что вы с Земли.

— И очень хорошо. Разве это не предел мечтаний иммигранта? Я нисколько не устал. Ну, разве самую чуточку. Вот только я все время мерзну.

— Самообман, и больше ничего, Бен, — твердо сказала Селена. — Вы просто подсознательно убеждены, что вам должно быть холодно, поскольку на вас нет привычной одежды. Выкиньте это из головы.

— Легко сказать! — вздохнул он. — Но иду я все-таки терпимо?

— Отлично идете. Вы у меня еще закенгурите.

— И стану чемпионом самых крутых скатов. Вы, кажется, совсем забыли, что я человек в годах. Нет, но сколько мы все-таки прошли?

— Мили две.

— Ого! А какова же общая длина коридоров?

— Боюсь, этого я не знаю. Жилые коридоры составляют лишь относительно небольшую часть всей системы. Есть коридоры рудных разработок, геологические, промышленные, микологические... Думаю, их общая длина достигает нескольких сотен миль.

— А карты у вас есть?

— Конечно. Не можем же мы работать вслепую.

— Я не о том. У вас сейчас с собой какая-нибудь карта есть?

— Нет... Я не стала их брать. В этом секторе мне карты не нужны. Я тут знаю каждый поворот. Еще с детских лет. Это же старые коридоры. Почти все новые коридоры — а в год мы прокладываем их в среднем две-три мили — расположены в северном секторе. Вот туда я без карты ни за что не пошла бы. Я там и с картой могу заблудиться.

— А куда мы идем?

— Я обещала показать вам замечательную вещь, самую редкую на Луне. Такую, что туристам ее никогда не показывают.

— Неужто у вас на Луне есть алмазы?

— Это лучше всяких алмазов.

Стены коридора тут не были отполированы. Неяркие люминесцентные плафоны освещали их шероховатую серую поверхность. Тепло было по-весеннему, и вентиляция работала так безупречно, что не ощущалось ни малейшего сквозняка. Трудно было поверить, что камень и пыль всего в двухстах футах у них над головой то накаляются, пока Солнце совершает свой двухнедельный путь по небосклону, то охлаждаются чуть ли не до абсолютного нуля, когда оно на две недели скрывается за горизонтом.

— А утечки воздуха быть не может? — спросил Денисон, который вдруг с легкой дрожью осознал, что почти сразу же за этим сводом начинается океан безвоздушного пространства, простирающийся в бесконечность.

— Нет. Стены абсолютно герметичны. И оборудованы всевозможными защитными приспособлениями. Если давление воздуха в какой-нибудь секции снизится хотя бы на десять процентов, раздастся такой вой сирен, какого вы в жизни не слышали, и повсюду загорятся сигналы и указатели, которые скоро выведут вас в безопасное место.

— И часто это бывает?

— Нет, очень редко. По-моему, за последние пять лет ни один человек не погиб из-за нехватки воздуха. — После краткой паузы она добавила воинственно: — А у вас на Земле

бывают всякие стихийные бедствия! Сильное землетрясение или цунами может уничтожить тысячи жизней.

— Не надо ничего доказывать, Селена! — Денисон поднял руки. — Сдаюсь!

— Ладно, — сказала она. — Я не собиралась так взвиваться... Слышите?

Она остановилась, прислушиваясь.

Денисон тоже прислушался, но ничего не услышал. Внезапно он с тревогой оглянулся.

— Как тихо! Почему тут никого нет? Вы уверены, что мы не заблудились?

— Это ведь не естественная пещера с неисследованными ходами, какие есть у вас на Земле. Я видела их фотографии.

— Да. Как правило, это известковые пещеры, созданные водой. Но, разумеется, на Луне подобные явления невозможны.

— И значит, заблудиться мы не можем, — улыбнулась Селена. — А то, что мы тут одни, объясняется, если хотите, суеверием.

— Чем-чем? — Денисон удивленно и недоверчиво поднял брови.

— Ой, не надо! — сказала Селена. — Уберите эти морщины. Вот так. А знаете, вы очень посвежели за последнее время. Теперь вам понятно, что могут сделать малая сила тяжести и систематические упражнения?

— А также попытки держаться наравне с изящными голыми интуистками, у которых на редкость много выходных дней и на редкость мало занятий, более интересных, чем показ лунных достопримечательностей даже в свободное время.

— Вот вы опять говорите со мной как с гидом. А кроме того, я вовсе не голая.

— Ну, уж если на то пошло, нагота — куда менее опасная вещь, чем интуитивизм... Но о каком суеверии вы говорили?

— Пожалуй, я выразилась не совсем удачно, и суеверие тут ни при чем. Просто все как-то избегают этого коридора.

— Но почему?

— А вот сейчас увидите.

Они пошли дальше, и вскоре Селена сказала негромко:

— Ну, а теперь слышите?

Они опять остановились, и Денисон напряженно прислушался. Потом он спросил:

— Вы имеете в виду это легкое постукивание? Тук-тук... Да?

Селена побежала — длинными низкими прыжками, отталкиваясь то одной ногой, то другой, как делают луняне, когда они не очень торопятся. Денисон тоже побежал, стараясь подражать ее движениям.

— Вот тут! Тут!

Денисон взглянул туда, куда нетерпеливо указывала пальцем Селена.

— Господи! — сказал он. — Откуда она здесь?

Из скалы одна за другой появлялись и падали капли прозрачной жидкости, которая могла быть только водой. Капля неторопливо сменяла каплю и падала в керамический желобок, вделанный в стену.

— Из камней. У нас же на Луне есть вода. Бóльшую ее часть мы добываем из гипса. Нам хватает, тем более что мы умеем ее экономить.

— Это я заметил! Мне еще ни разу не удалось толком принять душ. Честное слово, я не понимаю, как вы все тут умудряетесь оставаться чистыми.

— Но я же вам объяснила. Сперва надо облиться. Затем отключить воду и обрызгаться моющим препаратом. Растереть его... Ах, Бен, сколько раз я должна повторять одно и то же! К тому же на Луне запачкаться трудно... И вообще мы говорили не об этом. Кое-где вода встречается и в чистом виде — обычно в форме льда вблизи поверхности в тени, отбрасываемой горами. Когда коридор проходит рядом с такими отложениями, лед начинает таять, и вода капает, пока не истощится ее запас. В этом месте она капает уже восемь лет.

— Но при чем тут суеверия?

— Естественно, что вода — основа основ жизни на Луне. Мы пьем ее, моемся, выращиваем с ее помощью нашу пищу, получаем из нее кислород. Короче говоря, она нужна нам всюду и везде. И самородная вода, разумеется, вызывает чувство, похожее на благоговение. Как только появились

эти капли, бурение туннеля в эту сторону было прекращено. И даже стены оставлены необработанными.

— Да, это действительно отдает суеверием.

— Нет, скорее тут можно говорить об уважении. Все думали, что залежь иссякнет через два-три месяца. Обычно так и бывает. Но прошел год, и начало казаться, что эти капли неиссякаемы. Им даже дали название «Вечный источник». Это место так и на картах помечено. Ну, и вполне понятно, что люди начинают думать, что все это имеет какой-то скрытый смысл и что истощение Вечного источника явится дурным предзнаменованием.

Денисон расхохотался.

— Нет, конечно, никто серьезно в это не верит, — горячо заговорила Селена, — и все-таки... Ведь, конечно, источник на самом деле вовсе не вечен и должен когда-нибудь истощиться. Собственно говоря, теперь капли появляются втрое медленнее, чем вначале. То есть он уже иссякает. Ну и, наверное, никому не хочется стать свидетелем того, как Вечный источник вдруг пересохнет. Вот вам вполне рациональное объяснение того факта, что сюда мало кто заглядывает.

— Насколько я понимаю, сами вы этого чувства не разделяете.

— Дело не в том. Просто, по моему твердому убеждению, это произойдет не сразу, а настолько постепенно, что никто не сможет с уверенностью сказать — «вот упала последняя капля» и испытать суеверный страх. А потому — зачем вообще об этом беспокоиться?

— Совершенно справедливо.

— Тем более что мне хватает других поводов для беспокойства. — Переход к другой теме выглядел почти естественным. — И мне хотелось бы обсудить их с вами, пока мы одни.

С этими словами Селена расстелила одеяло и села на него, поджав ноги.

— Так вот зачем вы меня сюда привели! — Денисон лег на бок лицом к ней и оперся на локоть.

— На поверхности было бы удобнее, но о том, чтобы выйти туда незаметно, нечего и думать. Догадаться же, что

мы пошли именно сюда, трудно, а это, пожалуй, единственное место в городе, где нам заведомо никто не помешает.

Селена умолкла, словно не зная, что сказать дальше.

— Ну и?.. — спросил Денисон.

— Бэррон очень сердит. Просто взбешен.

— И неудивительно. Как еще он мог отнестись к тому, что мне известно про ваш интуитивизм? Я ведь вас, по-моему, предупреждал. Неужели так уж обязательно было ему об этом рассказывать?

— Как-то неприятно скрывать что-нибудь от человека, с которым... Впрочем, для него это, по-видимому, уже в прошлом.

— Мне очень жаль, что из-за меня...

— Вы тут ни при чем. Все уже шло к концу само собой. Меня гораздо больше волнует, что он наотрез отказывается признать ваше истолкование тех данных, которые вы получили, работая с пионотроном после наблюдений на поверхности.

— Но я же говорил вам, что так и будет.

— Он сказал, что видел ваши результаты.

— Да, видел! Скользнул по ним глазами и что-то буркнул.

— Как, в сущности, грустно! Неужели человек всегда верит только в то, во что хочет верить, не считаясь с фактами?

— Во всяком случае, до последней возможности. А иной раз и дольше.

— А вы?

— То есть насколько ничто человеческое мне не чуждо? Разумеется, и я — не исключение. Вот я, например, не верю, что я действительно стар. Я верю, что я чрезвычайно обаятелен. Я верю, что вы ищете моего общества не только поэтому... даже вопреки тому, что вы все время сворачиваете разговор на физику.

— Я серьезно.

— Ну что ж! Полагаю, Невилл сказал вам, что обнаруженные мною отклонения более чем укладываются в пределы возможной ошибки, а потому сомнительны. Это, безусловно, так... И все-таки я предпочитаю верить, что они несут

в себе именно то подтверждение, в поисках которого я и проводил эти эксперименты.

— И верите только потому, что хотите верить?

— Не совсем. На это можно посмотреть и следующим образом: предположим, Насос безвреден, а я упорно отстаиваю мнение, что он опасен. В этом случае я буду выглядеть дураком, и моя репутация ученого очень пострадает. Но в глазах весьма важных лиц я и так выгляжу дураком, а репутации ученого у меня вообще нет никакой.

— Но почему, Бен? Вы не в первый раз на что-то намекаете. Почему бы вам не рассказать мне все?

— Да рассказывать-то, по правде говоря, почти нечего. В двадцать пять лет я был еще настолько мальчишкой, что не сумел найти себе развлечения умнее, чем дразнить дурака за то лишь, что он дурак. Но он-то вести себя умнее не мог, так что настоящим дураком, в сущности, был я. А в результате мои насмешки загнали его на такую высоту, куда он без них никогда бы не забрался...

— Вы говорите про Хэллема?

— Именно. И чем выше он поднимался, тем ниже падал я, пока не свалился на Луну.

— А это так уж плохо?

— Нет. По-моему, даже очень хорошо. А потому сделаем вывод, что в конечном счете он оказал мне немалую услугу. И вернемся к тому, о чем я говорил. Итак, ошибочно считая Насос опасным, я ничего не теряю. С другой стороны, ошибочно считая Насос безвредным, я способствую гибели мира. Да, конечно, бóльшая часть моей жизни уже позади, и, наверное, я мог бы внушить себе, что у меня нет особых поводов любить человечество. Однако вред мне причиняла лишь горстка людей, и, если я в отместку погублю всех остальных, это выйдет нечто совсем уж несоразмерное. Ну а если вам требуются не столь благородные причины, Селена, то вспомните, что у меня есть дочь. Перед моим отъездом на Луну она говорила, что подумывает о ребенке. Таким образом, весьма вероятно, что в недалеком будущем я стану — увы, увы! — дедушкой. И почему-то мне хочется, чтобы мой внук прожил весь отпущенный ему срок жизни. А потому я

предпочитаю считать, что Насос опасен, и действовать, исходя из этого убеждения.

— Но ведь я об этом и спрашиваю, — взволнованно сказала Селена. — Опасен Насос или нет? Мне нужно знать истину, а не разбираться, кто во что хочет верить.

— Об этом скорее я должен спросить у вас. Вы ведь интуистка. Так что же говорит ваша интуиция?

— Вот это меня и мучит, Бен. У меня нет твердой уверенности. Пожалуй, я ощущаю, что Насос опасен, но, возможно, потому, что мне этого хочется.

— Допустим. Но почему вам этого хочется?

Селена виновато улыбнулась и пожала плечами.

— Наверное, мне было бы приятно поймать Бэррона на ошибке. Слишком уж он категоричен и агрессивен, когда бывает в чем-то убежден.

— Мне это понятно. Вам хотелось бы посмотреть, какое у него будет лицо, когда ему придется пойти на попятный. Я по собственному опыту знаю, каким жгучим бывает такое желание. Ведь если Насос опасен и я сумею это доказать, меня, возможно, ждет слава спасителя человечества, но, честное слово, сейчас я думаю только о том, какую физиономию скорчит Хэллем. Не слишком достойное чувство, и потому я скорее всего заявлю, что заслуга принадлежит Ламонту в неменьшей мере, чем мне, — а это, кстати, чистая правда, — и ограничусь тем, что буду любоваться лицом Ламонта, пока он будет любоваться физиономией Хэллема. Такое злорадство через посредника все-таки менее мелочно... Но я, кажется, договорился до полной чепухи. Скажите, Селена...

— Ну, Бен?

— Когда вы обнаружили, что вы интуистка?

— Сама не знаю.

— Вероятно, в колледже вы занимались физикой?

— Да. И математикой, но она у меня не шла. Впрочем, физика мне тоже не слишком давалась. Но когда я совсем заходила в тупик, мне вдруг становилось ясно, каким должен быть ответ. Вернее сказать, я видела, что надо сделать, чтобы получить верный ответ. Очень часто ответ действительно получался верный, но, когда меня спрашивали, каким образом я к нему пришла, я начинала путаться. Преподаватели были убеждены, что я пользуюсь шпаргалкой, но поймать меня на этом не могли.

— А они не подозревали, что вы интуистка?

— Думаю, что нет. Я ведь сначала и сама была в полном неведении, а потом... Ну, я влюбилась в одного физика. В будущего отца моего ребенка. И как-то, когда у нас не нашлось другой темы для разговора, он начал рассказывать мне о физической проблеме, над которой он тогда работал, а я вдруг сказала: «Знаешь, что, по-моему, нужно?» — и изложила ему мысль, которая почему-то пришла мне в голову. Он испробовал мой вариант — смеха ради, как объяснил потом, — и получил то, что искал. Собственно говоря, тогда-то и зародился пионотрон, который нравится вам больше синхрофазотрона.

— Как! Это была ваша идея? — Денисон подставил палец под каплю и собирался уже слизнуть ее, но потом все-таки спросил: — А эту воду можно пить?

— Она совершенно стерильна, — сказала Селена, — и поступает отсюда в общий резервуар для обычной обработки. Но она насыщена сернистыми и углеродистыми соединениями и вряд ли вам понравится.

Денисон вытер палец о шорты.

— Так это вы изобрели пионотрон?

— Нет. Я только предложила идею, а развили и осуществили ее другие — в частности, Бэррон.

Денисон помотал головой.

— А знаете, Селена, вы ведь редкий феномен. Вас бы должны изучать специалисты по молекулярной биологии.

— Вы так думаете? Меня эта перспектива что-то не увлекает.

— Лет пятьдесят назад был период сильного увлечения генетическим конструированием. А затем оно...

— Я знаю, — перебила Селена. — Оно ни к чему не привело, и его даже запретили — насколько можно запретить научные исследования. Мне известны люди, которые продолжают заниматься этой темой.

— Специализируясь на интуитивизме?

— По-моему, нет.

— А! Но ведь я к этому и веду. В то время, когда генетическое конструирование достигло наибольшего расцвета, была произведена попытка стимулировать интуицию. Практически все великие ученые обладали высокоразвитой интуицией, и возникло мнение, что именно она лежит в основе оригинального мышления. Вывод о том, что особая интуиция связана с какой-то специфической комбинацией генов, напрашивался сам собой, и было выдвинуто немало гипотез о характере такой комбинации.

— Мне кажется, таких комбинаций может быть очень много.

— А мне кажется, что ваша интуиция вас опять не подвела, если это заключение подсказала вам она. Однако кое-кто считал, что в этой комбинации решающую роль играет очень маленькая группа связанных генов, если не один какой-то ген, так что можно говорить о некоем «гене интуиции»... Затем генетическому конструированию пришел конец.

— Как я и сказала.

— Но незадолго до этого, — продолжал Денисон, словно не заметив, что она его перебила, — была предпринята попытка изменить гены так, чтобы повысить степень интуитивизма, и, по утверждению некоторых, она увенчалась определенным успехом. Если это так, то по законам наследственности... А из родителей вашего отца или матери никто не принимал участия в этих экспериментах?

— Насколько мне известно, нет, — ответила Селена. — Но отрицать этого категорически я не могу. Что-нибудь подобное не исключено... Однако, с вашего разрешения, я ничего выяснять не стану. Предпочитаю оставаться в неведении.

— В этом есть смысл. Генетическое конструирование породило столько опасений и кривотолков, что вряд ли тот, на кого оно наложило свой отпечаток, может рассчитывать на благожелательное отношение окружающих... Утверждалось, например, что интуитивизм неотделим от некоторых крайне нежелательных качеств.

— Разрешите вас поблагодарить!

— Так ведь не я же это утверждаю! Во всяком случае, интуиция пробуждает зависть и враждебность в других людях. Даже такой кроткий и во всех отношениях симпатичный интуитивист, как Майкл Фарадей, вызывал зависть и ненависть у Хэмфри Дэви. А способность вызывать зависть — тоже своего рода нежелательное качество. Вот и в вашем случае...

— Неужели я вызываю у вас зависть и ненависть? — спросила Селена.

— У меня-то, пожалуй, нет. А у Невилла?

Селена промолчала.

— К тому времени, когда вы сблизились с Невиллом, — продолжал Денисон, — среди ваших знакомых, вероятно, уже было известно, что вы — интуистка?

— Ну, известно — это слишком сильно сказано. Вероятно, кто-нибудь и подозревал, но здешние физики любят делиться успехом не больше, чем земные, а потому, я думаю, они убедили себя, что мои идеи были лишь случайной, хотя и счастливой догадкой, не больше. Но Бэррон, конечно, знал.

— А-а, — многозначительно протянул Денисон.

Губы Селены чуть дернулись.

— У меня такое ощущение, что вам хочется сказать: «А, так вот почему он с вами связался».

— Нет, Селена, ничего подобного. В вас вполне можно влюбиться и без всякой задней мысли.

— Мне тоже так кажется, но одно другого не исключает, а Бэррон не мог не заинтересоваться моим интуитивизмом. Почему бы и нет? Но он настоял, чтобы я по-прежнему работала гидом. Он заявил, что я — важная статья естественных ресурсов Луны и он не желает, чтобы Земля монополизировала меня, как она монополизировала синхрофазотрон.

— Оригинальная идея. Но с другой стороны, чем меньше людей знает, что вы интуистка, тем больше шансов, что вся честь открытия останется за ним.

— Сейчас вы говорите совсем как Бэррон.

— Неужели? А не бывает ли так, чтобы он сердился на вас, когда ваша интуиция оказывается особенно плодотворной?

Селена пожала плечами.

— Бэррон склонен к подозрительности. У нас у всех есть свои недостатки.

— Так благоразумно ли с вашей стороны проводить со мной столько времени с глазу на глаз?

— Вы недовольны тем, что я его защищаю, — резко ответила Селена. — И он меня вовсе к вам не ревнует. Вы же с Земли. Не стану от вас скрывать, что он, наоборот, скорее поощряет мое знакомство. Он считает, что с вашей помощью я могу многому научиться.

— Ну и как, научились? — холодно спросил Денисон.

— Да. Но для меня это в наших отношениях вовсе не самое главное — я ведь не Бэррон.

— А что же главное для вас?

— Вы сами прекрасно знаете, — сказала Селена. — Но раз вам так хочется услышать, я скажу: ваше общество мне интересно и приятно. В противном случае я уже давно выяснила бы все, что могло бы меня заинтересовать.

— Ну хорошо, Селена. Значит, мы друзья?

— Да, друзья.

— В таком случае можно мне спросить, что вы, собственно, от меня узнали?

— Этого сразу не объяснишь. Как вам известно, сами мы не можем запускать Насосы потому, что не умеем устанавливать контакт с паравселенной, хотя они его устанавливают, когда хотят. Это может объясняться их превосходством — или умственным, или техническим...

— Что совсем не одно и то же, — вставил Денисон.

— Знаю. Потому-то я и сказала — «или — или». Но вполне вероятно, что мы вовсе не так уж неразвиты или отсталы, а просто нащупать их много труднее, чем нас. Если сильное ядерное взаимодействие в паравселенной сильнее, чем в нашей, их солнца, да и планеты тоже, должны быть значительно меньше наших. А потому нащупать именно их планету гораздо сложнее. Не исключено и другое объяснение, — продолжала Селена. — Скажем, они ориентируются по электромагнитным полям. Электромагнитное поле планеты занимает гораздо большее пространство, чем сама планета,

что заметно облегчает поиски. Но отсюда следует, что Луну, в отличие от Земли, они заметить не в состоянии, так как у Луны электромагнитного поля практически нет. Возможно, нам тут не удается установить Насос именно по этой причине. А если их небольшие планеты не имеют электромагнитного поля, у нас вообще нет шансов их обнаружить.

— Любопытная гипотеза! — заметил Денисон.

— Теперь рассмотрим межвселенский обмен свойствами, который ослабляет их сильное ядерное взаимодействие и заставляет остывать их солнца, а наше ядерное взаимодействие, наоборот, усиливает, что приводит к нагреванию и взрыву наших солнц. Что отсюда следует? Предположим, они способны добывать энергию односторонне, без нашей помощи, но с крайне низким коэффициентом полезного действия. В обычных условиях этот способ явно бесполезен. А потому для получения концентрированной энергии они нуждаются в нас — в том, чтобы мы снабжали их вольфрамом сто восемьдесят шесть и принимали от них плутоний сто восемьдесят шесть. Но предположите, что наша ветвь галактики взорвется и превратится в квазар. В результате концентрация энергии в районе бывшей Солнечной системы неизмеримо возрастет и будет сохраняться на этом уровне миллионы лет. А после образования квазара они даже при самом низком коэффициенте полезного действия будут без труда получать всю энергию, какая им нужна. Поэтому наша гибель не будет иметь для них ни малейшего значения. Собственно говоря, логично предположить, что им даже выгоднее, чтобы мы взорвались. Ведь мы можем остановить перекачку по множеству самых разных причин, и они будут бессильны ее возобновить. А после взрыва энергия начнет поступать к ним практически сама, без малейших помех... Вот почему те, кто доказывает: «Если Насос так опасен, то почему же паралюди, столь интеллектуально и технически развитые, его не остановят?» — лишь демонстрируют полнейшее непонимание сути дела.

— К этому аргументу прибегал Невилл?

— Да.

— Но ведь парасолнце будет все больше остывать?

— Ну и что? — нетерпеливо бросила Селена. — Зачем им солнце, если у них есть Насос?

Денисон сказал решительно:

— Я вам скажу что-то, чего вы не знаете, Селена. По слухам, Ламонт получил от паралюдей сообщение, что Насос опасен, но что остановить его они не могут. Разумеется, никто на Земле не отнесся к этому серьезно. Но вдруг это правда? Вдруг Ламонт действительно получил подобное сообщение? В таком случае напрашивается предположение, что не для всех паралюдей приемлема мысль об уничтожении мира, населенного разумными существами, которые к тому же столь охотно и доверчиво начали с ними сотрудничать. Но эта горстка не сумела переубедить практичное и несентиментальное большинство.

— Вполне возможно, — кивнула Селена. — Все это я знала — то есть вывела интуитивно — до знакомства с вами. А потом вы сказали, что никакое число, лежащее между единицей и бесконечностью, не имеет смысла. Помните?

— Конечно.

— Так вот: совершенно очевидно, что наша вселенная и паравселенная различаются в первую очередь степенью сильного ядерного взаимодействия, а потому до сих пор все исследования велись только в этом направлении. Но ведь это не единственное взаимодействие, существуют еще три — электромагнитное, слабое ядерное и гравитационное, — напряженность которых относится друг к другу как сто тридцать к одному, единица к десяти в минус десятой степени и единица к десяти в минус сорок второй степени. Однако если их четыре, то почему не бесконечное множество? Просто все остальные настолько слабы, что не могут воздействовать на нашу вселенную и не поддаются обнаружению.

— Если взаимодействие настолько слабое, что не поддается обнаружению и не оказывает никакого воздействия, то его можно считать практически несуществующим, — заметил Денисон.

— В нашей вселенной! — отрезала Селена. — А кто может знать, что существует и чего не существует в паравселенной? При бесконечном множестве возможных взаимодейст-

вий, каждое из которых может бесконечно варьироваться в напряженности по сравнению с любым из них, принятым за норму, число возможных вселенных может быть бесконечным.

— Бесконечность континуума... И скорее алеф-один, чем алеф-нуль...

Селена сдвинула брови.

— А что это означает?

— Неважно. Продолжайте.

— А потому вместо того, чтобы взаимодействовать с единственной паравселенной, которая навязала себя нам и, возможно, не отвечает нашим потребностям, почему бы не попытаться установить, какая из бесконечного множества вселенных подходит нам больше всего и легче остальных поддается обнаружению? Давайте придумаем такую вселенную, поскольку она все равно должна существовать, а потом займемся ее поисками.

Денисон улыбнулся.

— Селена, я и сам об этом думал. И хотя нет закона, который устанавливал бы, что я не способен ошибаться, все же маловероятно, чтобы блестящая личность вроде меня заблуждалась, если другая блестящая личность вроде вас независимо пришла к такому же выводу... А знаете что?

— Нет, — сказала Селена.

— Ваша чертова лунная еда начинает мне нравиться. Во всяком случае, я к ней привыкаю. Пойдемте домой и перекусим. А потом начнем разрабатывать план дальнейших действий... И знаете, что еще?

— Нет.

— Раз уж мы будем работать вместе, можно я вас поцелую? Как экспериментатор интуистку.

Селена задумалась.

— Вероятно, для вас, как и для меня, это не первый поцелуй в жизни. Так, может быть, не надо вводить дополнительных определений?

— Что же, обойдемся без них. Но я не знаю техники поцелуев на Луне. Что я должен делать, чтобы не допустить какой-нибудь промашки?

— Положитесь на инстинкт, — злокозненно сказала Селена.

Денисон осторожно заложил руки за спину и наклонился к Селене. Затем, несколько секунд спустя, он завел их ей за плечи.

Глава 13

— А потом я его сама поцеловала, — задумчиво сообщила Селена.

— Вот как? — зло переспросил Бэррон Невилл. — К чему такая самоотверженность?

— Ну, особой самоотверженности тут не требовалось. — Она улыбнулась. — Все получилось очень трогательно. Он чрезвычайно боялся сделать что-нибудь не так и даже заложил руки за спину. Наверное, для равновесия. А может быть, опасался переломать мне кости.

— Избавь меня от подробностей. Когда мы получим от тебя то, что нам требуется?

— Как только у меня что-нибудь выйдет, — ответила Селена бесцветным голосом.

— А он не узнает?

— Он интересуется только энергией.

— И еще он желает спасти мир, — насмешливо сказал Невилл. — И стать героем. И утереть всем нос. И целоваться с тобой.

— А он этого и не скрывает. Не то что ты.

— Ну, положим! — зло буркнул Невилл. — Но я желаю только одного: чтобы у меня хватило терпения ждать.

Глава 14

— А хорошо, что день все-таки кончился, — заметил Денисон, критически разглядывая толстый рукав своего скафандра. — Я никак не могу привыкнуть к лунному солнцу. Да и не хочу привыкать. Оно настолько немыслимо, что даже этот костюм кажется мне чуть ли не собственной кожей.

— За что такая немилость к Солнцу? — спросила Селена.

— Неужели вы его любите?

— Нет, конечно. Терпеть его не могу. Но ведь я его практически никогда не вижу. Вы же зем... Вы должны были к нему привыкнуть.

— На Земле оно другое. А тут оно пылает на черном небе и пожирает звезды, вместо того чтобы просто их затмевать. Тут оно жгучее, свирепое и опасное. Солнце здесь — враг, и, пока оно в небе, мне все время кажется, что наши попытки снизить напряженность поля обречены на неудачу.

— Уж это чистейшее суеверие, Бен, — сказала Селена с легким раздражением. — При чем тут Солнце? К тому же мы находились в тени кратера, совсем в ночной обстановке. И звезды были видны. И вокруг темнота.

— Нет, — возразил Денисон. — А освещенная полоса поверхности на севере? Мне страшно не хотелось туда смотреть, но я ничего не мог с собой поделать. А стоило поглядеть, и я прямо ощущал, как жесткое ультрафиолетовое излучение бьет в стекла моего скафандра.

— Глупости! Во-первых, какое может быть ультрафиолетовое излучение в отраженном свете? А во-вторых, скафандр защищает вас от любого излучения.

— Не от теплового. Во всяком случае, недостаточно.

— Но теперь же ночь!

— Вот именно! — с большим удовлетворением произнес Денисон. — Я ведь с этого и начал.

Он огляделся с непреходящим изумлением. Земля висела в небе на положенном месте — ее широкий серп теперь выгибался к юго-западу. Прямо над ним горел Орион — охотник, встающий со сверкающего кресла. По горизонту разливалось мерцание мягкого земного света.

— Какая красота! — воскликнул он и без всякого перехода вдруг спросил: — Селена, пионотрон что-нибудь показывает?

Селена, которая молча смотрела в небо, отошла к приборам, которые стояли тут, в тени кратера, уже три смены лунного дня и ночи.

— Пока ничего, — ответила она. — Но это хороший знак. Напряженность поля держится чуть выше пятидесяти.

— Надо бы ниже, — сказал Денисон.

— Можно еще снизить, — ответила Селена. — Я уверена, что все параметры подходят.

— И магнитное поле?

— В этом я не уверена.

— Но если его усилить, возникнет неустойчивость.

— Не должно бы. Я чувствую.

— Селена, я верю в вашу интуицию вопреки чему угодно, но только не фактам. Ведь мы уже пробовали, и каждый раз возникала неустойчивость.

— Я знаю, Бен. Но параметры были не совсем такими. Напряженность сохраняется на пятидесяти двух поразительно долгое время. И раз мы начинаем удерживать ее часами вместо минут, то появляется возможность увеличить магнитное поле в десять раз не на секунды, как раньше, а на минуты... Ну, попробуем?

— Подождем, — сказал Денисон.

Селена нерешительно помедлила, потом отошла от приборов.

— Бен, вы все еще скучаете по Земле? — спросила она.

— Нет. Как ни странно, совершенно не скучаю. Я думал, что буду тосковать по синему небу, по зеленой траве, по обилию прозрачной струящейся воды — по всему тому, что принято считать особым очарованием Земли. Но я нисколько не тоскую по ним. Они мне даже не снятся.

— Это бывает, — сказала Селена. — Во всяком случае, некоторые гранты утверждают, что ностальгия им незнакома. Разумеется, они составляют незначительное меньшинство, и еще никому не удалось определить, что их объединяет. Выдвигались самые разные гипотезы — от полной эмоциональной тупости, то есть неспособности что-либо вообще чувствовать, до избытка эмоциональности, заставляющей их бессознательно вообще отрицать ностальгию, чтобы она не вызвала серьезного нервного срыва.

— Что касается меня, то все, по-моему, обстоит очень просто. Последние двадцать лет моей жизни на Земле были

не слишком приятными, а тут мне наконец удалось посвятить себя работе, в которой я нашел свое призвание... К тому же ваша помощь... Более того, Селена, само общение с вами...

— Очень любезно, что помощь вы упомянули прежде общения, — ответила Селена, сохраняя полную серьезность. — Ведь никакая помощь вам, в сущности, не нужна. Не притворяетесь ли вы, будто не можете без нее обойтись только потому, что вам нравится мое общество?

— Не могу решить, какой ответ вам было бы приятнее услышать, — засмеялся Денисон.

— А вы испробуйте правду.

— Но я и сам ее не знаю. И то и другое мне очень дорого. — Он обернулся к пионотрону. — Напряженность поля все еще сохраняется, Селена.

Стекло, закрывавшее лицо Селены, блеснуло в земном свете. Она сказала:

— Бэррон утверждает, что отсутствие ностальгии естественно и свидетельствует о душевном здоровье. Он утверждает, что, хотя тело человека приспособилось к Земле и вынуждено приспосабливаться к Луне, к человеческому мозгу ни то ни другое не относится. Человеческий мозг качественно настолько отличается от любого другого, что его можно считать особым явлением. У него не было времени, чтобы прочно связать себя с Землей, а потому он способен просто принять иные условия, не приспосабливаясь к ним. По словам Бэррона, не исключено, что лунные пещеры являются для мозга оптимальной средой, поскольку их можно рассматривать как своего рода увеличенную черепную коробку.

— И вы этому верите? — с веселой усмешкой спросил Денисон.

— В устах Бэррона все это выглядит очень правдоподобным.

— Ну, не менее правдоподобным было бы предположение, что лунные пещеры позволяют сублимировать пресловутое подсознательное стремление человека вернуться вновь в материнское лоно. Собственно говоря, — добавил он задумчиво, — я с тем же успехом мог бы доказать, ссылаясь на контролируемую температуру и давление, а также на высо-

кую усвояемость и консистенцию лунной пищи, что лунная колония — простите, Селена, — лунный город представляет собой сознательно созданную идеальную среду обитания для нерожденного младенца.

— Думаю, Бэррона вы бы ни на секунду не убедили, — заметила Селена.

— Куда там!

Денисон взглянул на земной серп, стараясь различить облачные слои по его краю. Он умолк и даже не сразу заметил, что Селена снова отошла к пионотрону.

Затем Денисон перевел взгляд с Земли в ее звездном венке на зубчатый горизонт, над которым время от времени взметывалось что-то вроде клубов дыма.

Он заметил это явление еще в прошлую лунную ночь и, решив, что это пыль, поднятая падением метеорита, с некоторой тревогой спросил у Селены, так ли это.

Она ответила с полным равнодушием:

«Земля чуть-чуть смещается в небе из-за вибрации Луны, и передвижение ее света по неровностям почвы создает оптические иллюзии. Например, если отражение света происходит за небольшим возвышением, то кажется, будто там взлетает облачко пыли. Эти явления очень часты, и мы не обращаем на них никакого внимания».

Он тогда возразил:

«Но ведь это может быть и метеорит! А метеориты часто попадают в людей?»

«Конечно. В вас, наверное, их угодило уже немало. Но в скафандре это не чувствуется».

«Я говорю не о микроскопических частицах, а о настоящих — о таких, которые действительно способны поднять пыль... или убить человека».

«Ну, бывают и такие. Но они падают редко, а Луна велика. До сих пор от них никто еще не пострадал».

И теперь, глядя в небо, Денисон вдруг понял, почему он опять вспомнил про метеориты — между звездами мелькала яркая точка. Но он тут же сообразил, что метеориты горят только в земной атмосфере, а на Луне они падают темными и холодными — ведь на ней нет воздуха.

Эта яркая точка в небе могла быть только созданием человеческих рук, но Денисон не успел разобраться в своих впечатлениях, как она уже превратилась в маленький ракетолет, который через минуту опустился на поверхность неподалеку от него.

Из ракетолета вышла одинокая фигура. Водитель остался в кабине — темное бесформенное пятно на освещенном фоне.

Денисон спокойно ждал. На поверхности Луны действовали свои законы вежливости, продиктованные особенностями работы в скафандрах: первым всегда называл себя вновь прибывший.

— Представитель Готтштейн, — раздался в его наушниках знакомый голос. — Впрочем, я так ковыляю, что об этом легко догадаться.

— Бен Денисон, — ответил Денисон.

— Да, я так и предполагал.

— Вы искали именно меня?

— Совершенно справедливо.

— В космоблохе? Но почему вы не...

— Почему я не воспользовался тамбуром П-четыре? — перебил Готтштейн. — До него ведь всего полмили. Да, безусловно, но меня интересовали не только вы.

— Вероятно, я не должен задавать вопросов. Но мне непонятно, что вы, собственно, имеете в виду.

— У меня нет причин что-нибудь скрывать. Вы ведь ставите эксперименты на поверхности, и вполне естественно, что они меня заинтересовали. Вы согласны?

— Я не делаю из этого тайны, а интересоваться не возбраняется никому.

— Но о подробностях вашего эксперимента не осведомлен ни один человек. Известно, конечно, что ваша работа как-то связана с проблемой Электронного Насоса, но и только.

— Предположение вполне логичное.

— Так ли? Насколько я знаю, подобные эксперименты требуют сложнейшего оборудования. Иначе они не дадут никаких результатов. Как вы понимаете, сам я в этом ничего

не смыслю, но я обращался за справками к квалифицированным консультантам. И во всяком случае, очевидно, что установка, которой вы пользуетесь, совсем не похожа на то, о чем мне говорили. Вот мне и пришло в голову, что, возможно, интересоваться мне следует совсем не вами. Ведь пока мое внимание сосредоточивается на вас, где-то может происходить нечто важное.

— А с какой целью использовать меня как ширму?

— Не знаю. Если бы я мог ответить на этот вопрос, то тревожился бы меньше.

— Так, значит, за мной следили?

— А как же, — усмехнулся Готтштейн. — С самого момента вашего прибытия на Луну. Однако пока вы работали тут на поверхности, мы осмотрели все окрестности в радиусе десятков миль. Возможно, это покажется вам странным, доктор Денисон, но сейчас на лунной поверхности чем-то, что выходит за рамки обычных рутинных работ, занимаетесь только вы и ваша помощница.

— И что тут странного?

— А то, что вы, следовательно, убеждены в плодотворности своих экспериментов с этой штукой, названия которой я не знаю. Поскольку я не сомневаюсь в вашей компетентности, то мне кажется, было бы интересно послушать, если бы вы согласились объяснить мне, чем занимаетесь.

— Я ставлю парафизические эксперименты, мистер Готтштейн, так что слухи вас не обманули. И могу добавить только, что пока мне еще не удалось добиться чего-нибудь определенного.

— Ваша помощница, если не ошибаюсь — гид Селена Линдстрем Л.?

— Совершенно верно.

— Странный ассистент.

— Она умна, интересуется парафизикой, обучает меня всем тонкостям лунного поведения и очень привлекательна.

— А к тому же готова работать с землянином?

— С иммигрантом, который намерен при первой возможности получить лунное гражданство.

К ним подошла Селена, и в их шлемах раздался ее голос:

— Здравствуйте, мистер Готтштейн. Я не люблю ни подслушивать, ни вмешиваться в чужие разговоры, но в скафандре слышно все, о чем говорят в пределах видимости.

— Добрый вечер, мисс Линдстрем, — повернулся к ней Готтштейн. — Я и не собирался делать тайну из нашей беседы. Так, значит, вы интересуетесь парафизикой?

— Очень!

— И неудачные эксперименты вас не обескураживают?

— Они ведь не такие уж неудачные, — ответила Селена. — Просто доктор Денисон не вполне в курсе.

— Что?! — Денисон повернулся на каблуках так резко, что чуть не опрокинулся на спину. Из-под его ног вырвалось облако пыли.

Они все трое стояли лицом к пионотрону. Над ним на высоте человеческого роста пылала огненная точка, похожая на пухлую звезду.

— Я увеличила напряженность магнитного поля, — сказала Селена, — а ядерное поле оставалось устойчивым, не менялось, потом началось рассеивание, усилилось и...

— Образовалась протечка! — докончил Денисон. — Черт! А я и не видел, как это произошло.

— Я прошу у вас прощения, Бен, — сказала Селена. — Но ведь сначала вы о чем-то задумались. Потом явился мистер Готтштейн, и я не удержалась от соблазна попробовать самой.

— Объясните же, что я, собственно, вижу, — попросил Готтштейн.

— Вы наблюдаете спонтанное излучение энергии веществом, которое просачивается из другой вселенной в нашу, — сказал Денисон.

Едва он договорил, как свет над пионотроном вдруг погас, и одновременно в сотне шагов от них вспыхнула другая, чуть более тусклая звезда.

Денисон кинулся к пионотрону, но Селена с лунной грацией стремительно скользнула вперед и оказалась там намного раньше его. Она отключила поле, и дальняя звезда погасла.

— Видите ли, место протечки неустойчиво, — сказала она.

— В весьма малой степени, — возразил Денисон. — Учитывая, что смещение на один световой год теоретически так же возможно, как и смещение на сотню ярдов, эти сто ярдов можно считать чудом устойчивости.

— И тем не менее такого чуда еще мало, — категорически заявила Селена.

— Простите, так ли я понял то, о чем вы говорите? — перебил их Готтштейн. — Значит, вещество может просачиваться в нашу вселенную и тут, и там, и где угодно?

— Вовсе не где угодно, — ответил Денисон. — Вероятность протечки падает с увеличением расстояния до пионотрона, причем очень стремительно. Зависит это от целого ряда факторов, и, должен сказать, нам удалось добиться просто поразительной устойчивости. Тем не менее смещение на несколько сотен ярдов не исключено, чему вы сами были свидетелем.

— А не могла ли она сместиться в город или внутрь наших скафандров?

— Да нет же! — с досадой ответил Денисон. — Возможность протечки — во всяком случае, такой, какую можно получить с помощью наших методов, — определяется, в частности, плотностью вещества, уже присутствующего в нашей вселенной. Вероятность того, что место протечки сместится из вакуума туда, где атмосфера будет иметь хоть одну сотую плотности воздуха в городе или внутри наших скафандров, практически равна нулю. Попытка добиться протечки где-нибудь еще, кроме вакуума, заведомо обречена на неудачу — вот почему мы сразу начали свои эксперименты здесь, на поверхности.

— Значит, ваша установка не похожа на Электронный Насос?

— Нисколько, — сказал Денисон. — Электронный Насос осуществляет обмен веществом. А тут мы имеем дело с однонаправленной протечкой. Да и поступает это вещество не из паравселенной, а совсем из другой.

— Не поужинаете ли вы у меня сегодня, доктор Денисон? — вдруг спросил Готтштейн.

— Вы приглашаете только меня? — нерешительно спросил Денисон.

Готтштейн любезно поклонился в сторону Селены. Впрочем, поклон этот не сделал бы чести и цирковому медведю.

— Я буду счастлив видеть мисс Линдстрем у себя в любой другой день, — сказал он, — но на этот раз мне необходимо поговорить с вами наедине, доктор Денисон.

— Идите, идите, — деловито распорядилась Селена, заметив, что Денисон все еще колеблется. — Завтра я принимаю новую группу туристов, а вам нужно время, чтобы подумать о том, как устранить неустойчивость протечки.

— Ну, в таком случае... Селена, а вы сообщите мне, когда у вас будет следующий выходной?

— По-моему, я этого от вас еще ни разу не скрыла. Да мы и раньше встретимся... Собственно, вы оба уже можете отправляться ужинать, а я отключу приборы.

Глава 15

Бэррон Невилл переминался с ноги на ногу — будь комната обширнее, а сила тяжести побольше, он метался бы из угла в угол, но в лунных условиях он только делал скользящий шаг то вправо, то влево, не двигаясь с места.

— Значит, ты утверждаешь, что установка работает? Это верно, Селена? Ты не ошиблась?

— Нет, я не ошиблась, — ответила Селена. — Повторяю это в пятый раз. Я считала.

Но Невилл, казалось, не слышал ее. Он сказал торопливым шепотом:

— Следовательно, появление Готтштейна ничему не помешало? Он не пытался прекратить эксперимент?

— Нет. С какой стати?

— И не было никаких признаков, что он намерен употребить власть...

— Послушай, Бэррон, какую, собственно, власть он мог бы употребить? Земля пришлет сюда полицейских или как? И ведь... ты знаешь, что они не могут нас остановить.

Невилл вдруг застыл без движения.

— Они не знают? Все еще не знают?

— Конечно, нет. Бен смотрел на звезды, а потом явился Готтштейн. И я попробовала добиться протечки поля, что мне удалось. А то, другое, получилось раньше. Установка Бена...

— При чем тут он? Это же была твоя идея.

Селена покачала головой.

— Я высказала только неопределенную догадку. Вся разработка принадлежит ему.

— Но ведь ты можешь точно все воспроизвести? Ради всего лунного, не обращаться же нам за этим к земляшке!

— Я думаю, что сумею воспроизвести достаточно полно для того, чтобы наши сами смогли довести все до конца.

— Ну ладно. Так идем!

— Погоди, Бэррон. Не торопись.

— Почему?

— Нам ведь нужна и энергия.

— Но мы же ее получили!

— Не совсем. Место протечки неустойчиво. Крайне неустойчиво.

— Это, по-видимому, можно устранить, ты же сама сказала.

— Я сказала, что мне так кажется.

— Для меня этого вполне достаточно.

— И все-таки будет лучше, если Бен доведет дело до конца и добьется полной устойчивости.

Наступила напряженная пауза. Худое лицо Невилла исказилось, стало враждебным.

— Ты думаешь, что я этого сделать не сумею? Так?

— Ты выйдешь со мной на поверхность, чтобы продолжать работу? — спросила Селена.

Вновь наступило молчание. Потом Невилл сказал сквозь стиснутые зубы:

— Твой сарказм неуместен. И я не хочу долго ждать.

— Я ведь не могу приказывать законам природы. Но думаю, долго ждать тебе не придется... А теперь, с твоего разрешения, я хотела бы вернуться к себе и лечь спать. У меня завтра с раннего утра туристы.

Невилл взглянул в сторону своей спальной ниши, как будто собираясь пригласить ее остаться, но ничего не сказал. Селена, словно ничего не заметив, устало кивнула ему и ушла.

Глава 16

— Откровенно говоря, я надеялся, что мы будем видеться чаще, — сказал Готтштейн с улыбкой, нагибаясь над липкой и приторно-сладкой массой, которую подали на десерт.

— Ваш любезный интерес к моей работе для меня очень лестен, — сказал Денисон. — Если устойчивость протечки удастся устранить, то, пожалуй, мое открытие — то есть мое и мисс Линдстрем, разумеется, — будет иметь довольно большое значение.

— Вы говорите с обычной для ученого осмотрительностью... Я не стану оскорблять вас, предлагая вам лунную замену ликера. Как ни твердо мое решение пользоваться только лунными продуктами, эту пародию на земные напитки я все-таки пить не в силах... Не могли бы вы объяснить мне, как человеку, далекому от науки, в чем, собственно, заключается значение вашего открытия?

— Попробую, — осторожно сказал Денисон. — Начнем с паравселенной. Сильное ядерное взаимодействие в ней интенсивнее, чем у нас, а потому в паравселенной реакция синтеза, поддерживающая горение звезды, требует относительно малого количества протонов. Массы вещества, эквивалентные нашим звездам, в паравселенной мгновенно взрывались бы — там существует несравненно больше звезд, чем у нас, но они гораздо меньше наших. Теперь вообразим мир, в котором сильное ядерное взаимодействие заметно менее интенсивно, чем у нас. В этом случае даже колоссальные количества протонов будут стремиться к слиянию настолько слабо, что для поддержания жизни звезды потребуется гигантское количество водорода. Такая антипаравселенная, то есть вселенная, противоположная по своим свойствам паравселенной, будет содержать гораздо меньше звезд, чем наша, но уж эти звезды будут огромными. Собст-

венно говоря, если бы сильное ядерное взаимодействие можно было в необходимой степени ослабить, получилась бы вселенная, состоящая всего из одной звезды, которая включала бы все вещество этой вселенной. Такая звезда обладала бы неимоверной плотностью, но реакции протекали бы в ней чрезвычайно медленно, а ее излучение, возможно, было бы примерно таким же, как у нашего Солнца.

— Если я не ошибаюсь, — перебил его Готтштейн, — существует теория, что именно такой была наша собственная вселенная до Большого Взрыва — единым колоссальным телом, включавшим все вещество вселенной.

— Совершенно верно, — сказал Денисон. — Собственно говоря, антипаравселенная, которую я обрисовал, представляет собой то, что некоторые называют «космическим яйцом», или сокращенно «космо». И для того, чтобы получить одностороннюю протечку, нам необходима как раз такая космовселенная. Паравселенная с ее крохотными звездами представляет собой практически пустое пространство. Можно зондировать ее без конца, но так ни на что и не наткнуться.

— Но ведь паралюди нас отыскали?

— Да. Возможно, они ориентировались по магнитным полям. Однако есть основания полагать, что у планет паравселенной магнитных полей нет вовсе либо они очень слабы, а это крайне затрудняет наши поиски. Зондируя же космовселенную, мы просто не можем потерпеть неудачу. Ведь космо — уже само по себе целая вселенная, и, в каком бы месте в нее ни проникнуть, мы всюду наткнемся на вещество.

— Но как вы осуществляете зондирование?

Денисон ответил после краткого молчания:

— Вот это мне объяснить трудно. Связующим звеном сильного ядерного взаимодействия являются пионы. Интенсивность взаимодействия зависит от массы пионов, а массу эту в некоторых специфических условиях можно изменить. Лунные физики разработали пионотрон — прибор, который позволяет создать необходимые условия. Стоит уменьшить или увеличить массу пиона, и он становится частью какой-то другой вселенной — входом в нее, пограничным пунктом. Если снизить массу до соответствующей степени, пион окажется частью космовселенной, чего мы и добиваемся.

— И можно всасывать вещество из... космовселенной? — спросил Готтштейн.

— Ну, это-то просто. С появлением входа вещество начинает просачиваться к нам само. В этот момент оно подчиняется собственным законам и сохраняет устойчивость. Затем в него постепенно начинают проникать законы нашей вселенной, сильное ядерное взаимодействие становится в нем более интенсивным, происходит ядерное слияние и высвобождается огромное количество энергии.

— Но если оно сверхплотно, то почему не расширяется мгновенно и не исчезает?

— Даже это дало бы энергию. Но тут большую роль играет электромагнитное поле, и в данном случае поле битвы остается за сильным ядерным взаимодействием, так как мы контролируем электромагнитное поле. Но чтобы объяснить это более или менее научно, мне потребуется очень много времени.

— Значит, светящийся шар, который я видел на поверхности, не что иное, как космовещество, в котором началось слияние ядер?

— Совершенно верно.

— И эту энергию можно использовать для полезных целей?

— Конечно. И в неограниченных количествах. Ведь вы наблюдали появление в нашей вселенной всего лишь микромикрограмма космовещества. А теоретически его можно получать хоть тоннами.

— Так, значит, мы можем теперь отказаться от Электронного Насоса?

Денисон покачал головой.

— Нет. Использование космоэнергии также меняет свойства вселенной. По мере обмена физическими законами сильное ядерное взаимодействие постепенно становится все более интенсивным в космовселенной и все менее интенсивным — в нашей. В результате скорость ядерного слияния в космическом яйце нарастает, и оно нагревается. И в конце концов...

— И в конце концов, — подхватил Готтштейн, задумчиво

прищурившись и скрестив руки на груди, — происходит Большой Взрыв.

— Вот именно.

— По-вашему, как раз это и произошло в нашей вселенной десять миллиардов лет назад?

— Кто знает? Космогонисты все еще ломают голову над тем, почему космическое яйцо взорвалось тогда, когда оно взорвалось, а не раньше и не позже. Одно из предложенных объяснений предполагало существование пульсирующей вселенной, в которой космическое яйцо взрывается, едва образовавшись. Гипотеза эта была отвергнута, и, по последним предположениям, космическое яйцо существует значительный отрезок времени, а затем по неизвестным причинам утрачивает устойчивость.

— И возможно, это происходит потому, что его энергию начинает заимствовать другая вселенная?

— Вполне вероятно. Но это вовсе не подразумевает обязательного вмешательства разумных существ. Не исключено возникновение и самопроизвольных протечек.

— А когда Большой Взрыв произойдет, мы по-прежнему сможем добывать энергию из космовселенной?

— Не берусь судить, но пока об этом можно не думать. Скорее всего проникновение нашего сильного ядерного взаимодействия в космовселенную будет длиться миллионы лет, прежде чем оно достигнет критического уровня. А к тому же, безусловно, существуют и другие космовселенные, причем число их бесконечно.

— Ну а изменения в нашей вселенной?

— Сильное ядерное взаимодействие ослабевает. И медленно, чрезвычайно медленно наше Солнце остывает.

— А мы сможем компенсировать его остывание с помощью космоэнергии?

— Этого не понадобится! — убежденно воскликнул Денисон. — По мере того как сильное ядерное взаимодействие в нашей вселенной станет ослабляться в результате действия космонасоса, оно в равной степени будет возрастать благодаря Электронному Насосу. Если мы начнем получать энергию таким двойным способом, физические законы будут меняться в пара- и космовселенной, но у нас останутся неизменными. Мы в данном случае — перевалочный пункт, а не конечная станция. Впрочем, за судьбу конечных станций нам тоже тревожиться нечего. Паралюди, по-видимому, как-то приспособились к остыванию своего солнца, которое никогда особенно горячим не было. Ну а в космовселенной, бесспорно, никакой жизни быть не может. Собственно говоря, создавая там условия для Большого Взрыва, мы тем самым открываем путь к развитию новой вселенной, в которой со временем может возникнуть жизнь.

Готтштейн задумался. Его круглое лицо было спокойным и непроницаемым. Несколько раз он кивал, как будто отвечая на собственные мысли, а потом сказал:

— Знаете, Денисон, а ведь это заставит мир прислушаться! Теперь уже никто не захочет отрицать, что Электронный Насос сам по себе опасен.

— Да, внутреннее нежелание признать его опасность исчезнет, поскольку доказательство ее уже само по себе предлагает оптимальный выход из положения, — согласился Денисон.

— К какому сроку вы можете подготовить статью? Я гарантирую, что она будет опубликована немедленно.

— А вы можете дать такую гарантию?

— Если ничего другого не останется, я опубликую ее отдельной брошюрой по своему ведомству.

— Сначала нужно найти способ стабилизировать протечку.

— Да, конечно.

— А пока я хотел бы договориться с доктором Питером Ламонтом о соавторстве, — сказал Денисон. — Он мог бы взять на себя математическую часть — мне она не по силам. К тому же направление моих исследований мне подсказала его теория. И еще одно, мистер Готтштейн...

— А именно?

— По-моему, совершенно необходимо, чтобы в этом участвовали лунные физики. Скажем, третьим автором вполне мог бы стать доктор Бэррон Невилл.

— Но зачем? К чему ненужные осложнения?

— Без их пионотрона мне ничего не удалось бы сделать.

— В таких случаях, по-моему, достаточно просто выра-

зить в статье благодарность... А разве доктор Невилл работал с вами?

— Непосредственно? Нет.

— Так зачем же вмешивать еще и его?

Денисон старательно стряхнул соринку с брюк.

— Так будет дипломатичнее, — сказал он. — Ведь космонасосы придется устанавливать на Луне.

— А почему не на Земле?

— Ну, во-первых, нам нужен вакуум. Это ведь односторонняя передача вещества, а не двусторонняя, как в Электронном Насосе, а потому для нее требуются другие условия. Поверхность Луны предоставляет в наше распоряжение естественный и неограниченный вакуум, тогда как создание необходимого вакуума на Земле потребует колоссальных усилий и материальных затрат.

— Но тем не менее это возможно?

— Во-вторых, — продолжал Денисон, пропуская его вопрос мимо ушей, — если поместить слишком близко друг от друга два столь мощных источника энергии, поступающей, так сказать, с противоположных концов шкалы, в середине которой находится наша вселенная, может произойти своего рода короткое замыкание. Четверть миллиона миль вакуума, разделяющие Землю с ее Электронными Насосами и Луну с космонасосами, послужит надежной, а вернее сказать, совершенно необходимой изоляцией. Ну а раз нам придется использовать Луну, то благоразумие, да и простая порядочность требуют, чтобы мы считались с самолюбием лунных физиков и привлекли их к работе.

— Так рекомендует мисс Линдстрем? — улыбнулся Готтштейн.

— Думаю, она была бы того же мнения, но идея эта настолько очевидна, что я додумался до нее сам.

Готтштейн встал и трижды подпрыгнул на месте, поднимаясь и опускаясь с обычной на Луне жутковатой медлительностью. При этом он ритмично сгибал и разгибал колени. Потом снова сел и осведомился:

— Вы пробовали это упражнение, доктор Денисон?

Денисон покачал головой.

— Его рекомендуют для ускорения кровообращения в

нижних конечностях. Вот я и прыгаю всякий раз, когда чувствую, что отсидел ногу. Мне вскоре предстоит съездить на Землю, и я стараюсь не слишком привыкать к лунной силе тяжести... Не поговорить ли нам с мисс Линдстрем, доктор Денисон?

— О чем, собственно? — спросил Денисон изменившимся тоном.

— Она гид.

— Да. И вы это уже говорили.

— И еще я говорил, что физик, казалось бы, мог выбрать себе не столь странную помощницу.

— Я ведь физик-любитель, так почему бы мне и не выбрать помощницу без профессиональных навыков?

— Довольно шуток, доктор Денисон! — Готтштейн больше не улыбался. — Я позаботился навести о ней справки. Ее биография крайне интересна, хотя, по-видимому, никому и в голову не приходило ознакомиться с ней. Я твердо убежден, что она интуистка.

— Как и очень многие из нас, — заметил Денисон. — Не сомневаюсь, что и вы по-своему интуист. А уж я — во всяком случае. По-своему, конечно.

— Тут есть некоторая разница, доктор Денисон. Вы — профессиональный ученый, и притом блестящий. Я — профессиональный администратор, и, надеюсь, неплохой. А мисс Линдстрем работает гидом, хотя ее интуиция настолько развита, что может помочь вам в решении сложнейших вопросов теоретической физики.

— Она почти не получила специального образования, — поколебавшись, ответил Денисон. — И хотя ее интуитивизм очень высокого порядка, он почти не коррелируется с сознанием.

— Не был ли кто-нибудь из ее родителей в свое время связан с программой по генетическому конструированию?

— Не знаю. Но меня это не удивило бы.

— Вы ей доверяете?

— В каком смысле? Она мне во многом помогла.

— А вам известно, что она жена доктора Бэррона Невилла?

— Насколько я знаю, их отношения официально не оформлены.

— На Луне официальное оформление браков вообще не принято. А не тот ли это Невилл, которого вы намерены пригласить в соавторы вашей статьи?

— Да.

— Простое совпадение?

— Нет. Невилл интересовался мной и, по-моему, попросил Селену помогать мне.

— Это она вам сказала?

— Она сказала, что он мной интересуется. Мне кажется, ничего странного тут нет.

— А вам не приходило в голову, доктор Денисон, что она помогала вам в собственных интересах и в интересах доктора Невилла?

— Разве их интересы расходятся с нашими? Она помогала мне без каких-либо условий.

Готтштейн переменил позу и подвигал плечами, словно проделывая очередное упражнение.

— Доктор Невилл не может не знать, что его близкая приятельница — интуистка, — сказал он. — И было бы только естественно, если бы он сам использовал ее способности. Так почему она работает гидом? Не для того ли, чтобы с какой-то целью маскировать эти способности?

— Такая логика, насколько мне известно, типична для доктора Невилла. У меня же нет привычки повсюду подозревать бессмысленные заговоры.

— Но почему вы решили, что бессмысленные? Когда моя космоблоха висела над лунной поверхностью за несколько минут до того, как над вашей установкой образовался пылающий шарик, я глядел вниз, на вас. Вы стояли в стороне от пионотрона.

Денисон попытался вспомнить.

— Совершенно верно. Я загляделся на звезды. Поднимаясь на поверхность, я всегда на них смотрю.

— А что делала мисс Линдстрем?

— Я не видел. Она ведь сказала, что усиливала магнитное поле, пока не возникла протечка.

— И она всегда работает с установкой без вас?

— Нет. Но ее нетерпение понять нетрудно.

— Должен ли этот процесс сопровождаться каким-нибудь выбросом?

— Я вас не понимаю.

— И я себя тоже. В земном сиянии промелькнула какая-то смутная искра, словно что-то пролетело мимо. Но что именно — я не знаю.

— И я не знаю, — сказал Денисон.

— Но это не могло быть каким-нибудь естественным побочным следствием вашего эксперимента?

— Вроде бы нет.

— Так что же делала мисс Линдстрем?

— Не знаю.

Оба умолкли. Молчание становилось все напряженнее. Потом Готтштейн сказал:

— Насколько я понял, вы теперь попробуете устранить неустойчивость протечки и начнете работать над статьей. Я со своей стороны предприму необходимые шаги, а когда буду на Земле, подготовлю опубликование статьи и сообщу о вашем открытии ответственным лицам.

Денисон понял, что разговор окончен, и встал. Готтштейн добавил с непринужденной улыбкой:

— И подумайте о докторе Невилле и мисс Линдстрем.

Глава 17

На этот раз звезда была гораздо более пухлой и яркой. Денисон почувствовал ее жар на стекле скафандра и попятился. В излучении, несомненно, присутствовали рентгеновские лучи, и, хотя в надежности экранирования сомневаться не приходилось, все-таки не стоило заставлять его работать на полную мощность.

— По-моему, это то, что надо, — пробормотал Денисон. — Полная устойчивость.

— Безусловно, — сказала Селена.

— Ну, так отключим и вернемся в город.

Их движения были вялыми и медлительными. Денисон ощущал непонятный упадок духа. Все волнения остались

позади. Теперь уже можно было не опасаться неудачи. Соответствующие земные организации зарегистрировали новое открытие, и дальше все будет зависеть не от него. Он сказал:

— Пожалуй, можно приступать к статье.

— Наверное, — осторожно ответила Селена.

— Вы поговорили с Невиллом еще раз?

— Да.

— Он не изменил своего решения?

— Нет. Он участвовать не будет. Бен...

— Что?

— Я убеждена, что уговаривать его нет смысла. Он не желает участвовать в программе, какой бы она ни была, если в ней участвует Земля.

— Но вы объяснили ему ситуацию?

— Во всех подробностях.

— И он все-таки не хочет...

— Он сказал, что будет говорить с Готтштейном. Тот обещал принять его, когда вернется с Земли. Может быть, Готтштейну удастся его переубедить. Но не думаю.

Денисон пожал плечами — жест совершенно бессмысленный, поскольку скафандру он не передался.

— Я его не понимаю.

— А я понимаю, — негромко сказала Селена.

Денисон промолчал. Он закатил пионотрон и остальную аппаратуру в каменную нишу и спросил:

— Все?

— Да.

Они молча вошли в тамбур П-4. Денисон начал медленно спускаться по лестнице. Селена скользнула мимо, хватаясь за каждую третью перекладину. Денисон уже и сам умел спускаться этим способом достаточно ловко, но на сей раз он тяжело переступал с перекладины на перекладину, словно назло собственному желанию приспособиться к Луне.

В раздевальне они сняли скафандры и убрали их в шкафчики. Только тут Денисон наконец сказал:

— Вы не пообедаете со мной, Селена?

— Вы чем-то расстроены? — спросила она встревоженно. — Что случилось?

— Да ничего. Просто в таких случаях всегда возникает ощущение растерянности и пустоты. Так как насчет обеда?

— С удовольствием.

По настоянию Селены они отправились обедать к ней. Она объяснила:

— Мне надо поговорить с вами, а в кафетерии это неудобно.

И вот теперь, когда Денисон вяло пережевывал нечто отдаленно напоминавшее телятину под ореховым соусом, Селена вдруг сказала:

— Бен, вы все время молчите. И так уже неделю.

— Ничего подобного! — возразил Денисон, сдвинув брови.

— Нет, это так! — Она поглядела на него с дружеской озабоченностью. — Не знаю, много ли стоит моя интуиция вне физики, но, по-моему, вас тревожит что-то, о чем вы не хотите мне рассказать.

Денисон пожал плечами.

— На Земле поднялся шум. Готтштейн перед отъездом туда нажимал на кнопки величиной с тарелку. Доктор Ламонт ходит в героях, и меня приглашают вернуться, как только статья будет написана.

— Вернуться на Землю?

— Да. По-видимому, и я попал в герои.

— И вполне заслуженно.

— Полное признание моих заслуг — вот что мне предлагают, — задумчиво произнес Денисон. — Любой университет, любое государственное учреждение будут счастливы предложить мне место на выбор.

— Но ведь вы этого и хотели?

— Хочет этого, по-моему, Ламонт. И хочет, и, несомненно, получит, и будет рад. А я не хочу.

— Так чего же вы хотите?

— Остаться на Луне.

— Почему?

— Потому что это клинок человечества, и я хочу быть частью его острия. Я хочу заняться установкой космонасосов, а устанавливать их будут только здесь, на Луне. Я хочу работать над паратеорией с помощью приборов, которые способ-

на создать ваша мысль, Селена... Я хочу быть с вами. Но вы, Селена, вы останетесь со мной?

— Паратеория интересует меня так же, как и вас.

— А разве Невилл позволит вам продолжать?

— Бэррон? Мне? Вы стараетесь оскорбить меня, Бен?

— Что вы!

— Или я неправильно вас поняла? Вы ведь намекнули, что я работаю с вами по указанию Бэррона?

— А разве не так?

— Да, он мне это предложил. Но работала я с вами не потому. Я сама этого захотела. Вероятно, он воображает, будто может мной распоряжаться по своему усмотрению, но это верно лишь до тех пор, пока его желания совпадают с моими — вот как было в случае с вами. Меня возмущает, что он думает, будто я ему подчинена, и меня возмущает, что так думаете вы.

— А ваши отношения?

— Но при чем тут это? Если рассуждать подобным образом, то почему, собственно, он должен распоряжаться мной, а не я им?

— Так, значит, вы можете и дальше работать со мной, Селена?

— Конечно, — ответила она холодно. — Если захочу.

— Но вы хотите?

— Пока да.

И тут Денисон улыбнулся.

— Теперь я понимаю, что всю эту неделю меня грызла тревога — а вдруг вы не захотите или не сможете. И я подсознательно боялся завершения экспериментов: ведь это могло означать, что мы с вами расстанемся. Простите меня, Селена. Я не хочу докучать вам сентиментальной привязанностью дряхлого земляшки...

— Ну, ваш интеллект, Бен, дряхлым никак не назовешь. Да и вообще привязанности бывают разными. Мне нравится разговаривать с вами.

Наступило молчание. Улыбка Денисона увяла. Потом он снова улыбнулся, но уже механически.

— Завидую своему интеллекту, — пробормотал он, отвернулся, покачал головой и опять поглядел на Селену.

Она смотрела на него внимательно, почти с тревогой.

— Селена, — сказал он, — протечка между вселенными не исчерпывается только энергией. По-моему, вы об этом уже думали.

Молчание затягивалось, становилось мучительным, и наконец Селена сказала:

— Ах это...

Они продолжали смотреть друг на друга — Денисон смущенно, а Селена почти виновато.

Глава 18

— Я пока не обрел свою лунную форму, — сказал Готтштейн. — Но знали бы вы, Денисон, чего мне стоило обрести земную форму! А вам, пожалуй, это и вовсе не удастся. Так что лучше оставьте всякую мысль о возвращении.

— Я не думаю об этом, — сказал Денисон.

— Жаль, конечно. Вы были бы там первым человеком. Ну а Хэллем...

— Мне хотелось бы поглядеть на его физиономию, — вздохнул Денисон с некоторой грустью. — Впрочем, это не слишком похвальное желание.

— Львиная доля, конечно, достанется Ламонту. Он ведь там, в самой гуще событий.

— Я рад. Он меньшего и не заслуживает... Так вы считаете, что Невилл действительно придет?

— Безусловно. Я жду его с минуты на минуту... А знаете что? — произнес Готтштейн заговорщицким шепотом. — Пока его еще нет... Хотите шоколадный батончик?

— Что?

— Шоколадный батончик. С миндальной начинкой. Но только один! У меня их мало.

Недоумение на лице Денисона сменилось недоверчивой улыбкой.

— Настоящий шоколад?

— Да.

— Ну коне... — Вдруг его лицо посуровело. — Нет, спасибо.

— Нет?

— Нет! Пока шоколад будет таять у меня во рту, я затоскую по Земле. По всему, что есть на ней. А этого я себе позволить не могу и не хочу... Не угощайте меня шоколадом. Не показывайте мне его. Я даже запаха его боюсь.

Готтштейн смутился.

— Вы правы, — сказал он и неловко переменил тему: — Сенсация вышла колоссальная. Конечно, мы попытались замять скандал с Хэллемом. Он сохранит какой-нибудь из своих почетных постов, однако реального влияния у него не будет.

— Сам он с другими так не деликатничал, — заметил Денисон, но без особого жара.

— Это ведь не ради него. Наука не может не понести значительного ущерба, если вдруг объявить дутым авторитет, который столько времени слыл непререкаемым. А добрая слава науки важнее личной судьбы Хэллема.

— Я принципиально с этим не согласен, — возразил Денисон. — Наука должна честно признавать свои ошибки.

— Всему есть время и место... А, вот и доктор Невилл!

Готтштейн придал своему лицу непроницаемое выражение, а Денисон повернулся к двери.

Бэррон Невилл вошел тяжелой походкой, лишенной какого то ни было лунного изящества. Он отрывисто поздоровался, сел, заложив ногу на ногу, и выжидательно посмотрел на Готтштейна. Было совершенно ясно, что первым он не заговорит.

Представитель Земли сказал:

— Рад вас видеть, доктор Невилл. Я узнал от доктора Денисона, что вы не захотели поставить свое имя под статьей о космонасосе, которая, как мне кажется, обещает стать классическим основополагающим трудом в этой области.

— А зачем мне это? — сказал Невилл. — То, что происходит на Земле, меня не интересует.

— Вам известны эксперименты с космонасосом? И их значение?

— Да, конечно. Я в курсе всего происходящего, так же как вы или доктор Денисон.

— Тогда я обойдусь без предисловий. Я только что вер-

нулся с Земли с точными планами на будущее. Три большие космостанции будут построены в трех точках лунной поверхности, выбранных с таким расчетом, что хотя бы одна из них в каждый данный момент будет обязательно находиться в ночной тени. А чаще и две. Каждая станция, пока она остается в тени, будет вырабатывать энергию, в основном просто излучая ее в пространство. Главное назначение этих станций — компенсация нарушений в напряженности поля, вызываемых Электронным Насосом.

— В ближайшие годы, — перебил Денисон, — они должны работать с большой мощностью, чтобы восстановить в нашем секторе вселенной то положение, которое было до появления Насоса.

Невилл кивнул.

— А Лунный город сможет пользоваться этой энергией? — спросил он затем.

— В случае необходимости. По нашему мнению, солнечные аккумуляторы вполне обеспечивают вас энергией. Но если вам понадобится дополнительный источник...

— Очень любезно с вашей стороны, — с подчеркнутой иронией сказал Невилл. — А кто будет строить космостанции и следить за их работой?

— Мы надеемся, что луняне, — сказал Готтштейн.

— Вы знаете, что луняне! — возразил Невилл. — Землянам никогда с такой задачей не справиться.

— Мы это понимаем и надеемся на сотрудничество лунных граждан, — сказал Готтштейн официальным тоном.

— А кто будет решать, сколько надо вырабатывать энергии, какое ее количество использовать для местных нужд и сколько излучать в пространство? Кто будет принимать решения?

— Это установка общепланетного значения, — ответил Готтштейн. — И ведать ими будет специальная организация.

— Как видите, работать будут луняне, а руководить земляне, — объявил Невилл.

— Нет, — спокойно ответил Готтштейн. — Речь идет о простой целесообразности, и только.

— Это все слова. А суть одна: мы работаем, вы решаете... Нет, господин представитель Земли. Мы отвечаем — нет.

— То есть вы отказываетесь строить космостанцию?

— Мы их построим, господин представитель, но они будут нашими. И мы сами будем решать, сколько энергии получать и как ее использовать.

— Все это не так просто. Вам ведь постоянно придется поддерживать контакт с Землей, поскольку энергия космонасосов должна точно уравновешивать энергию Электронных Насосов.

— В какой-то мере так оно и будет. Но у нас другие планы. Я могу познакомить вас с ними теперь же. При соприкосновении вселенных неисчерпаемой становится не только энергия.

— Мы отдаем себе отчет в том, что закон сохранения не ограничивается одной энергией, — перебил Денисон.

— Вот и прекрасно! — Невилл смерил его враждебным взглядом. — Такому же закону подчиняется также количество движения и угловой момент. До тех пор пока предмет реагирует с полем тяготения, в котором он находится, и только с ним, он пребывает в состоянии свободного падения и сохраняет массу. Для того чтобы он начал двигаться в другом направлении, ему необходимо приобрести ускорение, а для этого какая-то часть должна претерпеть обратное движение.

— Как ракетный корабль, — перебил Денисон, — который выбрасывает некоторую массу в одном направлении, чтобы двигаться с ускорением в противоположном.

— Я не сомневаюсь, что вам это известно, доктор Денисон, — сухо сказал Невилл. — Я объясняю мистеру Готтштейну. Потеря массы может быть сведена до минимума, если скорость ее отбрасывания резко возрастет, поскольку количество движения равно произведению массы на скорость. Тем не менее даже при самой колоссальной скорости какая-то масса должна отбрасываться. Если же необходимо придать ускорение колоссальной массе, то и отбрасывать придется тоже колоссальную массу. Если, например, Луну...

— Как — Луну?! — воскликнул Готтштейн.

— Именно Луну, — невозмутимо ответил Невилл. — Если Луну потребовалось бы сдвинуть с орбиты и выбросить за пределы Солнечной системы, закон сохранения количества движения оказался бы, по всей вероятности, неодолимым

препятствием. Но если бы удалось перенести импульс в другую вселенную, Луне можно было бы придать любое ускорение без какой-либо потери массы. Так на Земле, если судить по картинке в книге, которую я читал в детстве, вы плывете на плоту против течения, отталкиваясь с помощью шеста.

— Но для чего? То есть для чего вам нужно придавать ускорение Луне?

— Неужели это не ясно? К чему нам душное соседство Земли? У нас есть необходимая нам энергия и удобный мир, который мы можем осваивать еще много столетий. Так почему бы нам и не отправиться куда-нибудь еще? И мы это сделаем. Я пришел сообщить вам, что воспрепятствовать нам вы не можете, а потому для всех будет лучше, если вы не станете вмешиваться. Мы передадим импульс в космовселенную и сойдем с орбиты. Как строить космостанции, нам известно. Мы будем производить всю необходимую нам энергию, а также избыток для нейтрализации изменений, которые возникают из-за работы ваших собственных силовых установок.

— Очень любезно с вашей стороны производить ради нас избыточную энергию, — насмешливо сказал Денисон. — Но объясняется это, конечно, отнюдь не вашим альтруизмом. Ведь если этого не сделать, Электронный Насос взорвет Солнце еще задолго до того, как вы пересечете хотя бы орбиту Марса, и от вас тоже останется только облачко газа.

— Не спорю, — сказал Невилл. — Но мы будем производить избыточную энергию, так что этого не произойдет.

— Нет, это невозможно! — с тревогой воскликнул Готтштейн. — Вы не должны покидать свою орбиту. Ведь тогда вы удалитесь на большое расстояние, космостанции уже не будут нейтрализовать действие Электронных Насосов. Так ведь, Денисон?

Денисон пожал плечами.

— Когда они уйдут за орбиту Сатурна, могут начаться неприятности, если я сейчас правильно все прикинул. Но для этого им понадобится столько лет, что мы вполне успеем построить космостанции и вывести их на бывшую лунную орбиту. Собственно говоря, мы в Луне не нуждаемся. И она

может отправляться куда ей заблагорассудится. Но только она останется тут.

— Это почему же? — с легкой улыбкой спросил Бэррон. — Нас остановить невозможно. У землян нет способа навязать нам свою волю.

— Луна останется тут потому, что тащить ее куда-нибудь всю целиком бессмысленно. Чтобы придать такой массе сколько-нибудь заметное ускорение, понадобятся годы и годы. Вы будете ползти. Лучше начните строительство космических кораблей. Гигантов в милю длиной с самодостаточной экологией, а энергию им будет обеспечивать собственный космонасос. Снабдите их космодвигателями, и вы будете творить чудеса. Даже если на строительство кораблей понадобится двадцать лет, они меньше чем за год достигнут той точки, в которой оказалась бы к тому времени Луна, начни она свое движение сегодня. И курс такие корабли будут способны менять за ничтожную долю времени, которое потребовалось бы на подобный маневр Луне.

— А некомпенсированные космостанции? Что они натворят со вселенной?

— Энергия, нужная кораблю или даже целому флоту, будет заметно меньше той, которая потребовалась бы для движения планеты, к тому же она будет распределяться по огромным областям вселенной. Пройдут миллионы лет, прежде чем изменения станут хоть сколько-нибудь значительными. Зато вы приобретете маневренность. Луна же будет двигаться так медленно, что нет смысла сталкивать ее с места.

— А мы никуда не торопимся, — презрительно бросил Невилл. — Нам нужно только одно — избавиться от соседства с Землей.

— Но ведь это соседство Луне дает немало полезного. Приток иммигрантов, культурный обмен. Да и просто сознание, что совсем рядом — живая жизнь, люди, разум. И вы хотите отказаться от всего этого?

— С радостью!

— Все луняне? Или лично вы? Вы ведь нетипичны, Невилл. Вы боитесь выходить на поверхность. А другие луняне выходят — может быть, без особого удовольствия, но и без страха. Для них недра Луны — не единственный возможный

мир, как для вас. Для них они не тюрьма, как для вас. Вы страдаете неврозом, от которого другие луняне свободны, — во всяком случае, такой степени он не достигает ни у кого. Но если вы уведете Луну от Земли, вы сделаете из нее тюрьму для всех. Она превратится в планету-темницу, все обитатели которой — как пока еще вы один — начнут бояться ее поверхности, откуда уже не будет виден другой обитаемый мир. Но возможно, вам как раз это и нужно?

— Мне нужна независимость. Мне нужен мир, который был бы полностью свободен от посторонних влияний.

— Так стройте корабли. В любом количестве. Едва вам удастся передать импульс в космовселенную, как вы без труда достигнете скорости, близкой к скорости света. Вы сможете исследовать нашу Галактику на протяжении жизни одного поколения. Неужели вы не хотите отправиться в путь на таком корабле?

— Нет, — ответил Невилл брезгливо.

— Не хотите или не можете? Или, куда бы вы ни отправлялись, вам необходимо тащить с собой всю Луну? Так почему же вы навязываете свою идиосинкразию всем остальным?

— Потому что так будет, и все! — отрезал Невилл.

Денисон сказал ровным тоном, хотя его щеки пылали:

— А кто дал вам право говорить так? В Лунном городе есть много людей, которые, возможно, не разделяют вашего мнения.

— Вас это не касается.

— Нет, касается. Я — иммигрант и намерен в ближайшее время получить право гражданства. И я не хочу, чтобы мою судьбу решали, не спрашивая моего мнения, — тем более чтобы ее решал человек, который не способен выйти на поверхность и который хочет сделать свою личную тюрьму тюрьмой для всех. Я расстался с Землей, но для того лишь, чтобы поселиться на Луне, в четверти миллиона миль от родной планеты. Я не давал согласия, чтобы меня увлекали от нее навсегда неведомо на какое расстояние.

— Ну так возвращайтесь на Землю, — равнодушно перебил Невилл. — Время еще есть.

— А граждане Луны? А остальные иммигранты?

— Решение принято.

— Нет, оно еще не принято... Селена!

В дверях появилась Селена. Ее лицо было серьезно, в глазах прятался вызов. От небрежной позы Невилла не осталось и следа. Обе его подошвы со стуком впечатались в пол. Он спросил:

— И долго ты ждала в соседней комнате, Селена?

— Я пришла раньше тебя, Бэррон, — ответила она.

Невилл посмотрел на нее, потом на Денисона, потом на нее.

— Вы... вы вдвоем... — пробормотал он, тыча в них пальцем.

— Я не совсем понимаю, что́ ты подразумеваешь под этим «вдвоем», — перебила Селена. — Но Бен уже давно узнал о передаче импульса.

— Селена тут ни при чем, — вмешался Денисон. — Мистер Готтштейн заметил какой-то летящий предмет в тот момент, когда никто не мог знать, что он наблюдает за установкой. Я понял, что Селена экспериментирует с чем-то, о чем я еще не думал, и сообразил, что это может быть передача импульса. А потом...

— Ну ладно, вы знали, — сказал Невилл. — Но это ровно ничего не меняет.

— Нет, меняет, Бэррон! — воскликнула Селена. — Я обсудила все это с Беном, и мне стало ясно, что я слишком часто принимала твои слова на веру, и совершенно напрасно. Пусть я не могу поехать на Землю. Пусть я даже не хочу этого. Но я убедилась, что мне нравится видеть ее в небе, когда у меня появляется такое желание. Мне не нужно пустого неба! Потом я поговорила с другими членами группы. И оказалось, что далеко не все они хотят отправляться в бесконечные странствия. Большинство считает, что надо строить корабли для тех, кто стремится к звездам, а те, кто хочет остаться, пусть остаются.

— Ты говорила об этом! — задыхаясь, крикнул Невилл. — Кто дал тебе право...

— Оно и так принадлежало мне, Бэррон. Да это и неважно. Большинство против тебя.

— Из-за этого... — Невилл вскочил и угрожающе шагнул к Денисону.

— Пожалуйста, успокойтесь, доктор Невилл, — поспешно сказал Готтштейн. — Вы уроженец Луны, но все-таки я думаю, что с нами двоими вам не справиться.

— С тремя, — поправила Селена. — И я тоже уроженка Луны. Все это сделала я, Бэррон, а не они.

— Послушайте, Невилл, — после некоторого молчания заговорил Денисон. — Земле в конечном счете все равно — останется Луна на орбите или нет. Земля без труда построит взамен космические станции. Это гражданам Луны не все равно. Селене. И мне. И всем остальным. Вас никто не лишает права проникнуть в космос, бежать туда, искать там свободы. Самое большее через двадцать лет те, кто захочет покинуть Луну, смогут это сделать. Включая и вас, если у вас хватит мужества расстаться со своей норой. А те, кто захочет остаться, останутся.

Невилл медленно опустился на стул. Он понял, что потерпел поражение.

Глава 19

В квартире Селены теперь каждое окно представляло панораму Земли. Селена сказала:

— Большинство проголосовало против него, Бен. Подавляющее большинство.

— Но он вряд ли откажется от своих планов. Если во время строительства станций начнутся трения, общественное мнение Луны может склониться на его сторону.

— Но ведь можно обойтись и без трений.

— Разумеется. Да и вообще в истории не бывает счастливых развязок. Просто на смену одной благополучно решенной проблеме приходят новые. Пока мы удачно справились с очередным затруднением. А о следующих будем думать, когда они возникнут. Ну а с постройкой звездных кораблей все вообще переменится.

— И я уверена, что мы своими глазами увидим, как это будет.

— Вы-то увидите, Селена.

— И вы, Бен. Не кокетничайте своим возрастом. В конце концов, вам всего сорок восемь лет.

— А вы полетите на звездном корабле, Селена?

— Нет, не полечу. Годы будут уже не те, да и расставаться с Землей в небе мне и тогда вряд ли захочется. Вот мой сын, возможно, полетит... И знаете что, Бен...

Она замолчала, и Денисон осторожно спросил:

— Что, Селена?

— Я получила разрешение на второго ребенка. Хотите быть его отцом?

Денисон посмотрел ей прямо в глаза. Она не отвела взгляда.

— Биологический отбор?

— Ну конечно... Комбинация генов должна получиться очень интересной.

Денисон отвернулся.

— Я польщен, Селена.

— Но что тут такого? — сказала Селена, точно оправдываясь. — Это же разумно. Хорошая наследственность крайне важна. И естественное генетическое конструирование, оно же... ну... естественно.

— Да, конечно.

— И это вовсе не единственная причина... Ведь вы мне нравитесь.

Денисон кивнул, но продолжал молчать.

— И в конце концов, любовь биологией не исчерпывается, — уже сердито сказала Селена.

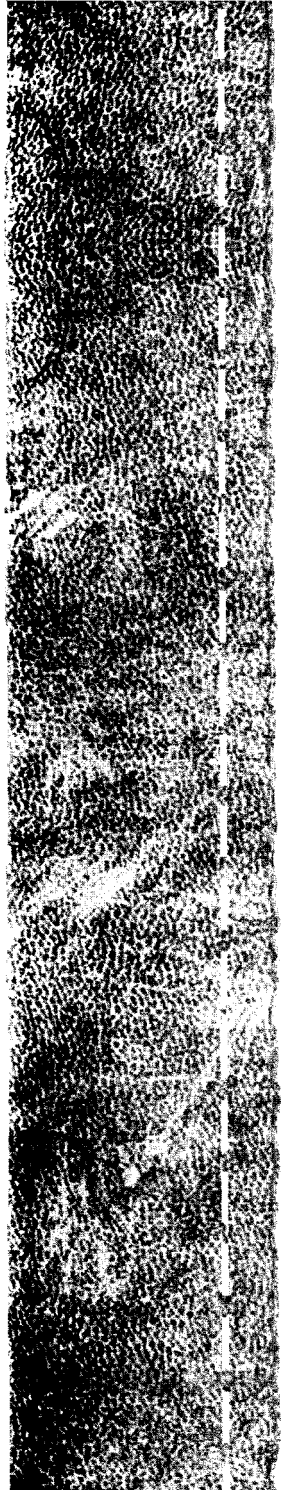
— Не спорю, — сказал Денисон. — Во всяком случае, я вас люблю помимо биологических соображений.

— Ну, если уж на то пошло, биологические соображения могут диктоваться как раз любовью.

— И с этим не спорю, — сказал Денисон.

— Кроме того... — пробормотала Селена. — А, черт...

Денисон нерешительно шагнул к ней. Она стояла и ждала. И тут уж он поцеловал ее без дальнейших колебаний.



НЕМЕЗИДА

Марку Хэрсту, бесценному редактору, который, по-моему, тратит на мои рукописи больше времени, чем я сам.

От автора

Книга эта не входит в мои серии об Академии, роботах или Галактической империи. Она сама по себе. Наверное, об этом стоит предупредить, чтобы избежать недоразумений. Может быть, я еще напишу другой роман, связывающий этот с остальными, — а может быть, и нет. В конце концов, сколько же можно заставлять себя придумывать хитросплетения новой истории?

И еще. Я давно уже руководствуюсь основным правилом — все мои произведения должны быть ясными. И потому отказался от мысли о всяких поэтических, символических и прочих экспериментах, хоть они и могли бы в случае удачи принести мне Пулитцеровскую премию. Я научился писать просто и ясно, и это помогает мне установить теплые отношения с читателями и профессиональными критиками.

Мои книги пишутся сами собой — я сам удивился, обнаружив в своем романе две событийные линии. Одни события совершаются в будущем, другие — в прошлом, но обе линии сходятся в настоящем. Не сомневаюсь, что вы без труда разберетесь во всем, но, поскольку мы с вами друзья, я счел необходимым предупредить вас заранее.

Пролог

Он остался один.

Где-то там, далеко, светили звезды, и среди них одна, небольшая, со своей маленькой системой миров. Мысленный взор являл ее гораздо отчетливей, чем можно было увидеть глазами, если вернуть прозрачность окну.

Маленькая звезда, розовато-красная, цвета крови и разрушения, носящая соответствующее имя.

Немезида!

Немезида, богиня возмездия.

Он опять вспомнил историю, которую слышал еще в молодости, — легенду, миф, сказание о Всемирном потопе, истребившем грешное человечество, когда уцелела одна семья, с которой все началось снова.

Но на сей раз Потопа не будет. Грядет Немезида.

Человечество вновь пало. Так пусть Немезида обрушит на него кару — оно заслужило такую судьбу. И это будет не Потоп. Не просто Потоп.

Даже если кому-то вдруг удастся уцелеть — куда им деваться?

Почему же он не чувствует жалости? Человечество не может оставаться таким, как есть. Оно медленно гибнет — и по заслугам. И если медленная смерть станет быстрой — о чем же жалеть?

Здесь, вокруг Немезиды, кружит планета, вокруг планеты вращается спутник, вокруг спутника — Ротор.

Только горстка избранных спаслась в Ковчеге от Потопа. Он не знал, каким был тот Ковчег, но сейчас Ковчегом стал Ротор. Он нес в себе семя рода людского, из которого должен вырасти новый и лучший мир.

А старой Земле предстоит встреча с Немезидой.

Он снова подумал об этом. Красный карлик неумолимо летел вперед. Ему и его мирам ничто не грозило. А вот Земле...

Немезида уже в пути, Земля!

Она несет предреченное возмездие!

Глава 1

МАРЛЕНА

1

Последний раз Марлена видела Солнечную систему, когда ей едва миновал год. И, конечно, ничего не помнила.

Марлена много читала, но это занятие не помогло ей ощутить себя крохотной частичкой Солнечной Семьи.

Все свои пятнадцать лет она провела на Роторе, который был для нее целым миром. Как-никак восемь километров в диаметре. Лет с десяти у нее вошло в привычку регулярно, примерно раз в месяц, обходить его кругом. Иногда Марлена забиралась туда, где тяготение было слабым, — и тогда девочка почти парила в воздухе, едва касаясь ногами поверхности. Но пари или ходи — Ротор летел все дальше и дальше, а с ним и здания, парки... и люди.

Путешествие занимало целый день, но мать девочки и не думала беспокоиться. Она всегда говорила, что Ротор — абсолютно безопасное место. «Это не Земля», — твердила она, не объясняя, впрочем, почему считала Землю местом небезопасным. «Да так, ничего», — говорила она.

Меньше всего Марлене нравились люди. Говорили, что, по последним данным, на Роторе их шестьдесят тысяч. Слишком много. Даже чересчур. И у каждого на лице фальшь. Марлена ненавидела эти лица, замечая то, что пряталось под приветливой внешностью. Но она молчала. Только раз, еще маленькой девочкой, она осмелилась сказать об этом, но мать рассердилась и запретила ей неуважительно говорить о взрослых.

Став постарше, она научилась видеть фальшь куда более ясно, и лживые лица перестали волновать ее. Она научилась

не обращать на них внимания и старалась почаще уединяться и размышляла, размышляла.

Она все чаще думала об Эритро — планете, на орбите которой прошло ее детство. Марлена частенько забиралась на обзорную палубу и, сама не зная почему, с жадностью вглядывалась в лик планеты, мечтая когда-нибудь попасть туда.

Иногда мать спрашивала девочку, чем привлекает ее пустынная, безжизненная планета, но та отмалчивалась. Она и сама не знала. «Просто хочется взглянуть на нее», — был ее всегдашний ответ.

Она разглядывала планету в одиночестве, на обзорной палубе никогда никого не было. Роториане сюда не ходили: это не запрещалось, но почему-то никто не испытывал к Эритро подобного интереса.

Половина планеты была светлой, половина — погружена во мрак. Марлена смутно помнила, что впервые увидела ее диск, сидя у матери на руках. С каждым мгновением планета становилась больше: Ротор медленно приближался к ней.

Действительно ли она это помнила? Впрочем, тогда ей было почти четыре года — могла и запомнить.

Воспоминание это — реальное или придуманное — незаметно сменилось размышлениями о величине планеты. Диаметр Эритро превышал двенадцать тысяч километров — что рядом с ними жалкие восемь? Планета не выглядела такой большой, и Марлена не могла даже представить себе, что стоит на ее поверхности, а вокруг просторная ширь на сотни и даже тысячи километров. Но она знала, что хочет увидеть это, очень хочет.

А вот Ауринела Эритро не интересовала, и Марлену это огорчало. Он говорил, что у него и так есть о чем подумать, например, как получше готовиться к поступлению в колледж: ведь ему уже семнадцать с половиной. А Марлене недавно исполнилось всего пятнадцать. Подумаешь, разница, убеждала она себя, все равно девочки развиваются быстрее.

Должны, по крайней мере. Она с привычным недовольством оглядела себя — ребенок, совсем еще ребенок, все еще коренастая коротышка.

Она вновь перевела взгляд на Эритро, огромную и пре-

красную, рдеющую под лучами красного солнца. Это большое небесное тело на самом деле не было планетой. Девочка знала, что перед ней спутник. Спутник громадного Мегаса, который и был настоящей планетой. Правда, на Роторе под этим словом обычно подразумевалась Эритро. Парочка эта, Мегас и Эритро, а с ними и Ротор, кружили вокруг звезды, которая звалась Немезидой.

— Марлена!

Девочка узнала голос Ауринела. В последнее время она все больше помалкивала в его присутствии, и причина этой застенчивости смущала ее. Ей нравилось, как он произносит ее имя. Ауринел делал это правильно. В три слога: Мар-ле-на, слегка раскатывая букву «р». Просто приятно слушать.

Она обернулась и, стараясь не покраснеть, пробормотала:

— Привет, Ауринел.

Он ухмыльнулся:

— Опять на Эритро глазеешь, а?

Марлена не ответила. Конечно же, она была занята именно этим. Все знали, что ее интересует Эритро.

— Как ты здесь оказался?

(Ну скажи, что искал меня, подумала она.)

— Твоя мать послала меня, — ответил Ауринел.

(Ладно.)

— Почему?

— Она сказала, что ты не в духе, а когда ты принимаешься жалеть себя, то поднимаешься сюда. И что я должен увести тебя. Потому что иначе, сказала она, ты станешь еще угрюмее. А почему у тебя плохое настроение?

— Хорошее настроение. А если и не совсем, то не без причины.

— Какой причины? Выкладывай, ты уже не маленькая и должна уметь выражать свои чувства словами.

Марлена подняла бровь.

— Я прекрасно умею разговаривать. А причина простая — я хочу путешествовать.

Ауринел расхохотался.

— Но ты же путешествуешь, Марлена. Ты уже пролетела больше двух световых лет. Во всей истории Солнечной сис-

темы никому до нас не удавалось пролететь и части светового года. Никому. Так что нечего кукситься, Марлена Инсигна Фишер, галактическая путешественница.

Марлена едва сдержалась, чтобы не хихикнуть. Инсигна — это девичья фамилия ее матери. Прежде, когда Ауринел, дурачась, называл ее полным именем, он отдавал честь и корчил уморительную гримасу, но такого не случалось уже давно. Наверное, потому, подумала она, что он уже считает себя взрослым и отрабатывает достойные манеры.

— Я не помню путешествия, — ответила она. — И ты это знаешь. А раз так, значит, и нечего было запоминать. Просто мы здесь, в двух световых годах от Солнечной системы, и никогда не вернемся назад.

— А ты откуда знаешь?

— Да ну тебя, Ауринел. Неужели ты хоть раз слышал, чтобы кто-нибудь говорил о возвращении?

— Ну и что? Земля — мирок людный, всю Солнечную систему тоже обжили, повсюду теперь тесновато. И нам лучше здесь, потому что мы хозяева всему, что видит глаз.

— Какие хозяева? Мы целую вечность пялимся на Эритро, но почему-то не торопимся спускаться, чтобы стать ее истинными хозяевами.

— О чем ты? Ведь на Эритро уже построен прекрасный и надежный Купол. Ты же знаешь.

— Он не для нас, а для горстки ученых. А я говорю о нас с тобой. Нам даже не разрешают бывать там.

— Всему свое время, — по-взрослому сказал Ауринел.

— Конечно — когда стану старухой или помру.

— Не сгущай краски. И вообще пошли-ка отсюда, пусть твоя мама порадуется. Да и мне некогда торчать здесь. Дела. Долоретта...

В ушах Марлены застучало, и она уже не расслышала, что Ауринел сказал дальше. Довольно и того, что было произнесено это имя... Долоретта!

Марлена ненавидела Долоретту, такую стройную — и такую пустую.

Ах вот, значит, как! Ауринел волочится за Долореттой. Взглянув на него, Марлена сразу это поняла. А теперь его

послали за ней, и он, видите ли, тратит здесь попусту свое драгоценное время. Теперь ей все стало ясно. Значит, он спешит к этой... этой Долоретте. (Ну почему она всегда обо всем догадывается? Иногда это так противно.)

Марлене вдруг захотелось сделать Ауринелу больно, отыскать такие слова, от которых ему стало бы не по себе. Ошеломить его.

— Мы не вернемся в Солнечную систему, — проговорила она. — И я знаю почему...

— Ну и почему же? — Марлена не ответила, и он насмешливо добавил: — Опять девчачьи тайны?

Марлену это задело.

— Не хочу тебе говорить, — пробормотала она. — Я и сама не должна была знать об этом.

Но ей так хотелось все выложить ему. Ей так хотелось, чтобы всем было так же плохо, как и ей.

— Но мне-то скажешь? Мы ведь друзья?

— Друзья? — переспросила Марлена. — Ну хорошо, скажу. Мы никогда не вернемся назад, потому что Земля обречена.

Реакция Ауринела оказалась совсем не такой, как она ожидала. Он разразился громким хохотом. И не сразу заметил ее яростный и негодующий взгляд.

— Марлена, откуда ты это взяла? — спросил он. — Ужастиков насмотрелась, что ли?

— Я их не смотрю.

— Тогда почему говоришь такие вещи?

— Потому что знаю. Я умею делать выводы. Из того, что говорят люди и о чем умалчивают, и из того, что у них получается, когда они полагают, что изображают именно то, что хотят. И из того, что мне отвечает компьютер, когда я задаю ему вопросы.

— Ну и что он тебе отвечает?

— Я не хочу, чтобы ты знал об этом.

— А может быть, ты просто выдумываешь?

— Нет. Земля погибнет не в один миг — быть может, на это уйдут тысячелетия, но она обречена. — Марлена важно кивнула. — И ничто ее не спасет.

Она повернулась и, сердитая, пошла прочь. Как посмел Ауринел усомниться в ее словах? И не просто усомниться; он решил, что она не в своем уме. Впрочем, наверное, так оно и есть — она сказала ему слишком много и ничего этим не добилась. Все вышло не так, как она хотела.

Ауринел смотрел ей вслед. Улыбка исчезла с его лица, и тревожная складка залегла между бровями.

2

Долгое путешествие к Немезиде превратило Эугению Инсигну в немолодую женщину. Все эти годы она напоминала себе: я делаю это ради наших детей, ради их будущего.

Однако эта мысль всегда угнетала ее. Почему? Ведь она знала, что Ротор должен был покинуть Солнечную систему. Об этом знали все добровольцы, улетавшие на Роторе. А среди тех, у кого не хватило духу на вечную разлуку с родной планетой, был и...

Эугения предпочитала не оканчивать эту мысль, так часто приходившую в голову. Теперь все они здесь, на Роторе, — но был ли Ротор для них домом? Разве что для Марлены: другого дома она не знала. А она, Эугения? Ее домом была Земля — и Луна, и Солнце, и Марс, и все миры, что знало человечество на протяжении своей истории и предыстории, с тех пор как появилась сама жизнь. Нет, Ротор не дом им — этого нельзя было забывать.

Первые двадцать восемь лет своей жизни Эугения провела в Солнечной системе — и даже училась на Земле с двадцати одного до двадцати трех лет.

Как ни странно, Земля частенько вспоминалась ей. Эугения не любила Землю: эти толпы, шум, суету, абсолютную слабохарактерность, обнаруживаемую тамошними властями в важных вопросах, и их грубый деспотизм в каждой мелочи. Еще ей не нравилась вечная непогода, ее разрушительная сила, уродующая землю и приводящая в ярость океан. И, закончив образование, она с радостью вернулась на Ротор с молодым мужем. Ей хотелось, чтобы он полюбил милый ее сердцу вращающийся мирок так же, как и она, родившаяся в нем.

Но мужу Ротор казался тесным. «Тебе осточертеет здесь через полгода», — говорил он.

Жена наскучила ему даже раньше. Ну что ж...

Все уладится, все будет хорошо, но не для нее. Она, Эугения Инсигна, навеки затерялась между мирами. И все это ради детей. Эугения родилась на Роторе и прекрасно может обойтись без Земли. Марлена уже и вовсе не видела ничего, кроме Ротора, и сумеет прожить без Солнечной системы, зная лишь о том, что где-то возле Солнца — родина ее предков. А ее дети забудут и об этом. И Земля, и Солнечная система станут для них мифом, и только Эритро будет цветущим миром.

Эугения надеялась на это. У Марлены вдруг обнаружилась странная привязанность к Эритро: впрочем, она может исчезнуть так же быстро, как и возникла.

И все-таки жаловаться на судьбу было бы несправедливо. Нельзя было даже мечтать о том, что возле Немезиды обнаружится планета, пригодная для жизни людей. Совпадение условий на ней с земными оказалось воистину удивительным. Однако если прикинуть все вероятности и учесть, что Немезида не так уж и далека от Солнечной системы, то такое совпадение уже не покажется невероятным.

Эугения вернулась к своим ежедневным отчетам — компьютер дожидался ее внимания с присущим его племени бесконечным терпением.

Но не успела она приняться за работу, как позвонила секретарша — негромкий голос донесся из крошечного динамика, приколотого к левому плечу.

— Вас хочет видеть Ауринел Пампас. Он не записывался на прием.

Инсигна поморщилась, но тут же вспомнила, что сама посылала его за Марленой.

— Пусть войдет, — сказала она.

Она бросила беглый взгляд в зеркало и убедилась, что выглядит превосходно. Она казалась себе моложе своих сорока двух. И надеялась, что остальные разделяют ее мнение.

Глупо думать о внешности, ожидая семнадцатилетнего мальчишку, но Эугения Инсигна заметила, как глядела на него бедняжка Марлена, и прекрасно понимала, что означал этот взгляд. Инсигна догадывалась, что Ауринел, юноша, внешностью своей весьма довольный, едва ли обратит внимание на Марлену, еще не избавившуюся от подростковой угловатости. Но если Марлену ожидает разочарование — пусть у девочки не будет повода вообразить, что мать могла в чем-то содействовать ее неудаче: придется очаровать мальчугана.

Все равно окажусь виноватой, со вздохом подумала Инсигна, когда Ауринел, застенчиво улыбаясь, ступил в ее кабинет.

— Ну, Ауринел, — проговорила она, — отыскал Марлену?

— Да, мэм. Именно там, где вы сказали. Я передал ей, что вы хотели, чтобы она ушла оттуда.

— И какой она тебе показалась?

— Не могу вам сказать, доктор Инсигна, депрессия у нее или что-нибудь другое, только в голову ей пробралась забавная идейка. Даже не знаю, понравится ли ей, если я расскажу обо всем вам.

— Не стоило бы, конечно, узнавать об этом от чужого человека, но странные идеи посещают ее нередко, и это меня беспокоит. Так что, пожалуйста, лучше скажи.

Ауринел покачал головой:

— Ладно, только не выдавайте меня. Совершенно ненормальная мысль. Она решила, что Земля должна погибнуть.

Ауринел ожидал, что Инсигна рассмеется. Но смеха не последовало. Напротив, она забеспокоилась:

— Что такое? Почему она так решила?

— Не знаю, доктор Инсигна. Марлена — странный ребенок, — вы это знаете, и идеи ее посещают... А может быть, она просто дурачила меня?..

— Вполне возможно, даже наверняка, — перебила его Инсигна. — У моей дочери странные представления о чувстве юмора. Послушай, Ауринел, я бы не хотела, чтобы ты болтал об этом. Знаешь, не люблю дурацких разговоров. Ты понимаешь?

— Конечно, мэм.

— Я серьезно — ни слова.

Ауринел кивнул.

— И спасибо, что рассказал. Это важно. Я переговорю с Марленой, выясню, что ее встревожило, но так, чтобы не выдать тебя.

— Спасибо, — поблагодарил Ауринел. — Еще минуточку, мэм.

— Да?

— Значит, Земля и в самом деле погибнет?

Поглядев на юношу, Инсигна делано усмехнулась:

— Нет, конечно! Можешь не волноваться.

Глядя ему вслед, Инсигна думала, что ей, пожалуй, не удалось убедить мальчишку в своей искренности.

3

Янус Питт обладал весьма значительной внешностью, что, вероятно, помогло ему подняться к вершинам власти на Роторе. При подборе жителей будущих поселений предпочтение отдавали людям ростом не выше среднего. Тогда еще собирались экономить — на помещении и ресурсах. Потом выяснилось, что подобные предосторожности излишни, и от них отказались, однако тенденция успела сформироваться, и жители самых первых поселений были ниже, чем в тех, что заселялись позднее.

Питт был высок, по-юношески строен, голубоглаз, и только легкая седина свидетельствовала о том, что он уже немолод — как-никак уже пятьдесят шесть.

Взглянув на вошедшую Инсигну, Питт улыбнулся. В ее присутствии он всегда ощущал какую-то неловкость: она раздражала его своей вечной принципиальностью — с такими людьми всегда трудно общаться.

— Спасибо, что сразу принял меня, Янус, — проговорила она.

Питт отодвинулся от компьютера и откинулся на спинку кресла.

— К чему пустые формальности? Ведь мы давно знаем друг друга.

— И столько пережили вместе, — добавила Инсигна.

— Верно, — согласился Питт. — Как твоя дочь?

— О ней-то я и хочу поговорить с тобой. Мы заэкранированы?

Питт удивленно поднял брови:

— Экранировать? Что и от кого?

Ведь Ротор практически один во всей Вселенной. Солнечная система более чем в двух световых годах отсюда, а другие миры словно и вовсе не существуют: до них, может быть, миллионы световых лет.

Конечно, роториане могли чувствовать свое одиночество, могли ощущать неуверенность. Но опасаться чего-то извне...

— Ты знаешь, при решении каких именно вопросов необходимо экранироваться, — сказала Инсигна. — Ты сам настаивал на их секретности.

Включив экран, Питт вздохнул:

— Опять за старое... Ради бога, Эугения, все давным-давно улажено — еще четырнадцать лет назад, когда мы улетали. Конечно, я понимаю, что ты не можешь об этом забыть...

— Забыть? Почему я должна забыть? Это моя звезда, — она указала в сторону Немезиды, — и я в известной мере отвечаю за нее.

Питт скрипнул зубами. «Опять...» — подумал он. Но вслух сказал:

— Мы заэкранированы. Итак, Эугения, что тебя встревожило?

— Марлена. Моя дочь. Она все узнала.

— Что узнала?

— Все... О Немезиде, о том, что случится с Солнечной системой.

— Как это могло произойти? Или ты проболталась?

Инсигна беспомощно развела руками.

— Само собой, я ничего ей не говорила, но ей и не нужно говорить. Не знаю, как это у нее получается, но Марлена, кажется, замечает абсолютно все. Она умеет догадываться

даже, о чем человек думает. Эту ее способность я заметила уже давно, только в последний год она проявляется все сильнее.

— Догадывается, значит, и время от времени попадает в точку. Объясни Марлене, что на сей раз она ошиблась, и последи, чтобы девочка не болтала.

— Но она уже успела поделиться этим открытием с молодым человеком, а он передал мне их разговор. Так я обо всем и узнала. Юношу зовут Ауринел Пампас. Он сын моих друзей.

— Хорошо. Учтем и это. Скажи ему, чтобы не придавал значения фантазиям маленьких девочек.

— Она уже не маленькая. Ей пятнадцать.

— Уверяю тебя — для него она малышка. Я знаю, что говорю, — ведь я наблюдаю за этим юношей. Он торопится стать взрослым, а насколько я помню себя, у мальчишек его возраста пятнадцатилетние девчонки не вызывают интереса, тем более...

— Тем более что она такая нескладная? — перебила его Инсигна. — Ты это хотел сказать? Но она ведь такая умница.

— Это важно для нас с тобой. Но не для Ауринела. Если хочешь, я сам поговорю с мальчишкой. А ты побеседуй с Марленой. Объясни ей, что ее догадка смешна, что гибель Земли невозможна. И не следует распространять выдумки.

— Самое печальное то, что она совершенно права...

— Опять ты за свое. Знаешь, Эугения, мы с тобой столько лет скрывали эту тайну от всех, что будет лучше, если все так и останется. Едва люди узнают правду, они ее тотчас исказят. На нас обрушится целый шквал дурацких сантиментов, абсолютно никому не нужных. Они помешают нам осуществить то, ради чего мы оставили Солнечную систему.

Эугения недоуменно поглядела на Питта.

— Значит, у тебя нет ни капли жалости к Солнечной системе, к Земле, породившей человечество.

— Знаешь, Эугения, чувства мои к делу не относятся, и я не могу позволить тебе отдаться эмоциям. Мы оставили Солнечную систему, когда поняли, что человеку пришла пора осваивать звездные миры. Я уверен, что за нами последу-

ют другие, возможно, это происходит уже сейчас. Мы сделали человечество явлением галактического масштаба, и нам не следует мыслить в рамках одной планетной системы. Наше дело — здесь.

Они посмотрели друг на друга.

— Ты снова затыкаешь мне рот, — тяжело вздохнув, произнесла Эугения. — Ты заставлял меня молчать все эти годы.

— Да, и я буду делать это и в будущем году, и через год. Хватит, Эугения, ты меня утомляешь. Довольно с меня и первого раза.

И он вновь отвернулся к компьютеру.

Глава 2

НЕМЕЗИДА

4

В первый раз он заставил ее молчать шестнадцать лет назад, в 2220 году, в том самом году, когда перед людьми открылась Галактика.

Тогда шевелюра Януса Питта была темно-каштановой, а сам он еще не занимал должность комиссара Ротора, но уже считался многообещающим и весьма перспективным специалистом. Он возглавлял департамент исследований и коммерции и отвечал за работу Дальнего Зонда, который во многом был его собственным детищем.

Это было время, когда предпринимались первые попытки передачи материи через пространство с помощью гиперпривода.

Насколько было известно, только на Роторе занимались разработкой гиперпривода, и Питт принадлежал к числу энергичнейших сторонников полной секретности этих исследований.

— Солнечная система перенаселена, — говорил он на заседании совета. — Для космических поселений уже не хватает места. Даже пояс астероидов не поможет исправить ситуацию, поскольку и он почти весь заселен. Но что хуже всего — в каждом поселении существует собственное экологическое равновесие. От этого страдает коммерция, потому что все боятся подцепить чужую заразу. Уважаемые коллеги, у нас нет другого выхода: Ротор должен покинуть Солнечную систему — без торжественных проводов, без предупреждений. Покинуть навсегда, найти место во Вселенной, где мы сможем построить собственный дом, вырастить новую ветвь человечества, создать собственное общество и собственный образ жизни. Без гиперпривода это невозможно — но он у нас есть. За нами, разумеется, последуют другие. Солнечная система превратится в созревший одуванчик, семена которого разлетятся по всей Вселенной. Если мы отправимся первыми, то, быть может, сумеем подыскать уютное местечко еще до того, как начнется массовый Исход. Мы успеем встать на ноги и сможем противостоять любому, кто посягнет на наш дом. Галактика велика, места должно хватить для всех.

Присутствующие яростно заспорили. Одни в качестве аргумента выдвигали страх, боязнь оставить обжитое место, другие — любовь к родной планете. Некоторые идеалисты советовали поделиться знаниями со всеми, чтобы и другие могли воспользоваться ими.

На победу Питт не надеялся. Но она пришла к нему — в лице Эугении Инсигны, давшей ему в руки решающий аргумент. Немыслимая удача — ведь она обратилась прямо к нему.

Ей было тогда всего двадцать шесть лет. Она была замужем, но детей у нее еще не было.

Взволнованная, раскрасневшаяся, Эугения была нагружена ворохом распечаток.

Питт помнил, что при ее появлении он почувствовал раздражение. Он был секретарем департамента, а она — если говорить честно — никто, но с того самого момента считать ее таковой уже было нельзя.

Но Питт пока еще не знал об этом — и уже собирался выразить недовольство подобной бесцеремонностью. Но, заметив возбуждение молодой женщины, воздержался от колкостей. Она явно намеревалась обрушить на него свой уто-

мительный энтузиазм и немедленно ознакомить со всеми подробностями этих многочисленных документов.

Хорошо, пусть все кратко изложит одному из помощников, решил он.

— Вижу, у вас важные материалы, доктор Инсигна, и вы хотите, чтобы я с ними ознакомился. Прекрасно, я сделаю это при первой же возможности. Почему бы вам не оставить все это моим сотрудникам? — и он указал на дверь, в надежде, что, сделав «кругом через плечо», она отправится в приемную. (Позже, на досуге, он пытался представить себе, что было бы, если бы она послушалась его тогда, — и сердце невольно замирало.)

Но она ответила:

— Нет-нет, мистер секретарь. Я должна переговорить лично с вами — и ни с кем другим. — Голос ее дрожал от волнения. — Это же величайшее открытие со времен... со времени... — Она смешалась и замолчала. — Словом, величайшее!

Питт с сомнением посмотрел на распечатки, зажатые в ее трясущихся руках, — и не ощутил никакого волнения. Этим специалистам всегда мерещится, что каждый их робкий шажок по научной ниве ниспровергает любые основы.

И он отрешенно произнес:

— Хорошо, доктор Инсигна, объясните мне вкратце суть дела.

— Мы экранированы, сэр?

— Зачем?

— Мне не хочется, чтобы кто-нибудь узнал об этом, пока я трижды не проверю и не перепроверю все выводы. Хотя я лично ни в чем не сомневаюсь. Я понятно объясняю?

— Вполне, — холодно ответил Питт и прикоснулся к переключателю. — Я включил экран. Можете говорить.

— У меня все здесь. Я сейчас покажу вам.

— Нет, сначала изложите суть... в нескольких словах.

Она набрала воздуху в легкие.

— Мистер секретарь, я открыла ближайшую к нам звезду. — Округлив глаза, Эугения часто дышала.

— Самой близкой к нам звездой является альфа Центавра, — ответил Питт. — Об этом известно уже четыре столетия.

— Она считалась ближайшей из всех известных нам звезд,

но теперь она таковой не является. Я открыла звезду, которая находится еще ближе к нам. У Солнца есть соседка. Представляете?

Питт внимательно посмотрел на нее. Обычное дело. Людям молодым, бесхитростным и пылким свойственно воспламеняться по каждому поводу.

— А вы уверены в этом? — спросил он.

— Я? Конечно! Позвольте я ознакомлю вас с данными — подобного астрономия не знала с...

— Если вы не ошиблись. Только не надо заваливать меня цифрами. Я все посмотрю потом. Рассказывайте. Если существует звезда более близкая к нам, чем альфа Центавра, почему ее до сих пор не обнаружили? Почему история приберегла эту честь для вас, доктор Инсигна?

Он понимал, что говорит саркастическим тоном, но его собеседница словно не замечала этого — слишком уж она разволновалась.

— Все очень просто. Между нами и Звездой-Соседкой располагается темное облако космической пыли. Если бы не оно, на земном небосводе эта звезда имела бы восьмую звездную величину — и ее, конечно, давно заметили бы. Но пыль поглощает свет, и звезда потускнела до девятнадцатой величины. И потому ей нетрудно затеряться среди бесчисленного множества тусклых звезд. Она не имеет никаких особенностей, кроме того, к ней никто и не приглядывался. Она видна только в Южном полушарии Земли, и до постройки поселений телескопы Земли, как правило, смотрели в другую сторону.

— Ну а почему же вы обратили на нее внимание?

— Все дело в Дальнем Зонде. Видите ли, Звезда-Соседка и Солнце постоянно меняют свое положение друг относительно друга. Не исключено, что они с Солнцем медленно обращаются вокруг общего центра тяготения с периодом в миллионы лет. Столетия назад условия могли быть иными, и Звезда-Соседка, возможно, находилась у края облака и ярко светила, но, чтобы ее увидеть, нужен телескоп, а телескопы используются на Земле только шестьсот лет, а в тех местах, откуда она видна, и того меньше. Через несколько столетий она вновь станет видимой — выйдет из-за пылевого покрова.

Но нам уже незачем ждать так долго. Дальний Зонд все сделал за нас.

Питт почувствовал, как в глубине души загорается слабый огонек энтузиазма.

— Итак, вы хотите сказать, что на достаточном удалении от Земли, там, где облако уже не могло помешать, Дальний Зонд сфотографировал участок неба, на котором обнаружилась эта ваша Звезда-Соседка?

— Именно. Я обнаружила звезду восьмой величины там, где не должно быть таких звезд. Спектрально она относится к красным карликам, которые нельзя увидеть издалека.

— А почему вы решили, что эта звезда ближе к нам, чем альфа Центавра?

— Естественно, я изучила этот же участок неба с Роторa — никакой звезды восьмой величины там не оказалось. Однако почти в том же самом месте нашлась звездочка девятнадцатой величины, которой не было на фотоснимке, сделанном Дальним Зондом. Тогда я решила, что это и есть та самая звезда — только ослабленная пылевым облаком, а визуальное несовпадение обусловлено параллактическим смещением.

— Да, я понимаю. Это когда ближние звезды смещаются на фоне дальних, если глядеть на них из разных точек пространства.

— Правильно, но звезды в основном находятся так далеко от нас, что, если бы Дальний Зонд прошел больше половины светового года, их положение не изменилось бы. Иное дело — ближние светила. Смещение Звезды-Соседки оказалось просто чудовищным, конечно же, относительное. Я просмотрела снимки, переданные с Дальнего Зонда по мере его удаления от Солнца. В обычном пространстве он с интервалом сделал три снимка этого участка неба. И на них видно, как Звезда-Соседка становится ярче, смещаясь к краю облака. По параллактическому смещению получается, что она расположена от нас в двух световых годах. Наполовину ближе, чем альфа Центавра.

Питт задумчиво глядел на Эугению, и в наступившем продолжительном молчании она вдруг растерялась.

— Секретарь Питт, — сказала она, — может быть, теперь вы захотите познакомиться с материалами?

— Нет, — ответил он, — меня удовлетворило все, что я услышал от вас. Ну а теперь я хочу задать вам несколько вопросов. Мне кажется, — если я правильно вас понял, — этой звездой девятнадцатой величины едва ли может заинтересоваться кто-то еще — настолько, чтобы измерять ее параллакс и расстояние до нее.

— Вероятность этого близка к нулю.

— Можно ли каким-нибудь иным способом обнаружить эту тусклую звезду?

— Она будет перемещаться по небу очень быстро — для звезды, конечно. Если постоянно наблюдать за ней, можно заметить, что она перемещается примерно по прямой. Движение звезд трехмерно, а мы видим его в двухмерной проекции. Кропотливая работа.

— Как вы полагаете, может ли это смещение привлечь к себе внимание астрономов, если им вдруг случится его обнаружить?

— Едва ли они его заметят.

— Значит, вполне возможно, что о Звезде-Соседке известно только на Роторе — ведь, кроме нас, никто не посылал автоматических аппаратов в глубокий космос. Здесь вы специалист, доктор Инсигна. Что знают в поселениях и на Земле о Дальнем Зонде?

— Эти работы не засекречены, мистер секретарь. Другие поселения предоставляли нам научные приборы, мы даже информировали обо всем Землю, не слишком интересующуюся астрономией в последние годы.

— Да, они целиком положились на поселения — это разумно. Но что, если другой Дальний Зонд, подобный нашему, был запущен каким-нибудь из поселений, решившим держать это дело в секрете?

— Сомневаюсь, сэр. Им потребовался бы гиперпривод, а сведения о нем в секрете. Если бы они сами сумели создать гипердвигатели, мы бы узнали об этом. Им пришлось бы производить в пространстве кое-какие эксперименты, что выдало бы их.

— В соответствии с соглашением по научным исследова-

ниям, все данные, полученные Зондом, должны быть опубликованы. Значит ли это, что вы уже известили?..

— Нет, конечно, — с негодованием перебила его Инсигна. — До публикации необходимо провести более подробные исследования. А пока я располагаю лишь предварительными результатами, о которых и извещаю вас конфиденциально.

— Но вы же не единственный астроном, работающий с Дальним Зондом. Полагаю, вы уже успели проинформировать остальных?

Покраснев, Инсигна отвернулась. И сказала, словно защищаясь:

— Нет, я не сделала этого. Эти снимки обнаружила я. Я их исследовала и поняла, что они означают. И я хочу, чтобы честь открытия принадлежала мне. Есть только одна ближайшая к Солнцу звезда, и я хочу значиться в анналах науки как открывшая ее.

— Ну а если существует еще более близкая? — В первый раз за весь разговор Питт позволил себе улыбнуться.

— Об этом уже было бы известно. Даже о моей звезде знали бы давно — не окажись там крошечного облачка пыли. Ну а другая звезда, да еще более близкая, — об этом нечего и говорить.

— Значит, так, доктор Инсигна. О Звезде-Соседке знаем лишь мы с вами. Я не ошибаюсь? И никто более?

— Да, сэр. Пока — вы и я.

— Не только пока. Все ваши сведения должны оставаться в секрете, пока я не решу сообщить о ней кое-кому.

— Но как же соглашение об открытом доступе к научной информации?

— Мы забудем о нем. Всякое правило имеет исключения. Ваше открытие касается безопасности нашего поселения. В данном случае мы вправе не обнародовать его. Молчим же мы о гиперприводе, не так ли?

— Но какое Звезда-Соседка может иметь отношение к безопасности Ротора?

— Самое прямое, доктор Инсигна. Вы, возможно, еще не поняли этого, но ваше открытие изменит судьбу всего рода человеческого.

5

Эугения застыла и молча уставилась на Питта.

— Садитесь. Теперь мы с вами соучастники, а заговорщикам следует дружить. Отныне с глазу на глаз вы для меня Эугения, а я для вас — Янус.

— Но это неудобно, — возразила Инсигна.

— Привыкнете, Эугения. Заговорщикам не до формальностей.

— Но я не собираюсь участвовать ни в каких тайных делах и хочу, чтобы вы это знали. Я не вижу смысла в том, чтобы держать в тайне информацию о Звезде-Соседке.

— По-моему, вы просто опасаетесь за свои права первооткрывателя.

Недолго поколебавшись, Эугения выпалила:

— Вы правы, Янус, клянусь самой последней микросхемой компьютера, я жажду известности.

— Давайте на миг забудем о существовании Звезды-Соседки, — проговорил он. — Вы знаете, что я давно уже предлагаю увести Ротор за пределы Солнечной системы? И что вы об этом думаете? Вам не хочется оставить Солнечную систему?

Она пожала плечами:

— Не знаю. Хотелось бы, конечно, собственными глазами увидеть какой-нибудь астрономический объект — только страшновато немного.

— Страшно оставить дом?

— Да.

— Но вы же и не оставите его. Ротор и есть ваш дом. — Рука его описала полукруг. — И в странствие он отправится вместе с вами.

— Пусть так, мистер... Янус, но Ротор — это не все, что мы считаем своим домом. Здесь у нас соседи: другие поселения, планета Земля — да вся Солнечная система.

— Ну вот, сколько народу. Рано или поздно люди начнут разбредаться, хотим мы этого или нет. Когда-то на Земле люди преодолевали горные хребты, пересекали океаны. А два столетия назад земляне стали оставлять родную плане-

ту, чтобы жить в поселениях. То, что я предлагаю, — просто очередное событие в нашей старой истории.

— Понимаю, но многие-то остались. И Земля не опустела. Там еще найдутся семьи, которые не покинули родных краев и живут на одном месте поколение за поколением.

— И вы собираетесь присоединиться к этим домоседам?

— Мой муж Крайл относится к их числу, он не согласен с вами, Янус.

— У нас на Роторе каждый имеет право думать и говорить все, что угодно, — пусть ваш муж протестует на здоровье. Но вот о чем я хочу вас спросить — как вы думаете, куда можно отправиться из Солнечной системы, если мы все-таки решимся на это?

— Конечно, на альфу Центавра. Эта звезда считается ближайшей. Ведь даже с помощью гиперпривода мы не сможем двигаться быстрее скорости света — значит, на путешествие уйдет примерно четыре года, а к дальним звездам путь и того дольше. Но и четыре года — срок немалый.

— Ну а если предположить, что мы смогли бы передвигаться быстрее — куда бы вы в таком случае направились?

Инсигна задумалась ненадолго, а потом проговорила:

— Наверное, все-таки на альфу Центавра. Все-таки она относительно недалеко. Даже звезды над ней по ночам такие же, как над Землей. Если захотим вернуться — путь недалек. Самая крупная звезда А в тройной системе альфы Центавра практически как две капли воды похожа на Солнце. Звезда В поменьше — но не намного. Даже если забыть о красном карлике — альфе Центавра С, — это уже две планетные системы.

— Допустим, мы полетим к альфе Центавра, обнаружим там приемлемые условия и останемся, чтобы заселить новый мир, известив об этом Землю. Куда отправятся другие, решившие оставить Солнечную систему?

— Конечно, к альфе Центавра, — без колебаний отвечала Инсигна.

— Итак, место назначения очевидно. Значит, следом за нами неизбежно последуют остальные — и новый мир в конце концов станет таким же перенаселенным, как и старый.

Много людей, много культур, много поселений, каждое с собственной экологической системой.

— Тогда настанет время осваивать другие звезды.

— Но, Эугения, где бы мы ни устроились — если мы устроимся с комфортом, за нами неизбежно потянутся соседи. Гостеприимное Солнце, плодородная планета привлекут к себе толпы желающих.

— Да, наверное.

— Ну а если мы полетим к звезде, которая удалена от нас чуть больше чем на два световых года, — кто отправится следом, если о существовании этой звезды никому не известно, кроме нас?

— Никто, пока звезду не обнаружат.

— Но на это уйдет немало времени. А пока они устремятся к альфе Центавра и к другим, более далеким звездам. И не заметят красного карлика буквально у себя под носом. Ну а если его обнаружат — все подумают, что эта тусклая звездочка непригодна для жизни. Только никто в Солнечной системе не должен знать, что люди уже заинтересовались этой звездой.

Инсигна неуверенно взглянула на Питта.

— Но зачем все это? Хорошо, мы полетим к Звезде-Соседке, и об этом никто не узнает. И что дальше?

— А то, что мы сможем сами заселить весь этот мир. Если там есть пригодная для обитания планета...

— Но ее там нет. По крайней мере около красного карлика.

— Тогда мы воспользуемся сырьем, которое там найдем, и настроим множество новых поселений.

— Вы думаете, что там для нас окажется больше места?

— Да. Гораздо больше — если все человеческое стадо не ввалится туда следом за нами.

— У нас просто будет больше времени. Даже одно наше поселение когда-нибудь заполнит все пригодное для обитания пространство вокруг Соседки. Ну за пять столетий вместо двух. И что же?

— Эугения, в этом-то и вся разница. Пусть остальные толкутся, сбиваются в кучу, пусть опять собираются вместе

тысячи различных культур, порожденных Землей за всю ее скорбную историю. А нам пусть предоставят возможность побыть одним — тогда мы сумеем создать сеть поселений, общих по экологии и культуре. Ситуация изменится в нашу пользу: меньше хаоса — меньше анархии.

— Но и скучнее... К тому же меньше различий — ниже жизнеспособность.

— Ни в коей мере. Я уверен, что и внутри нашего общества возникнет разнообразие, но теперь уже на общей основе. А посему наши поселения будут жизнеспособнее. Но даже если я ошибаюсь, подобный эксперимент стоит провести. Почему бы тогда нам первым не выбрать себе звезду, не проверить, сработает ли подобная схема? Лучше сразу отдать предпочтение красному карлику, на который никто не позарится, а там посмотрим, сумеем ли мы построить возле него новое общество, более совершенное, чем было до нас. Разве не стоит проверить, на что способны люди, — продолжал он, — когда им не приходится тратить энергию на поддержание бесполезных культурных различий в условиях чуждой внешней среды.

Слова эти взволновали Инсигну. Даже если Янус не прав — человечество убедится, что таким путем следовать нельзя. Ну а если все получится?

Но она покачала головой:

— Пустые мечтания. Соседку быстро обнаружат. Даже если мы утаим сведения о ней.

— Эугения, будьте откровенны: ваше открытие состоялось случайно. Просто вам посчастливилось заметить звезду — ну случилось так, что вы сравнили два снимка одного участка неба. Но ведь вы могли и не заметить эту точку. Неужели другие не могут не обратить внимания на нее?

Инсигна промолчала, но выражение ее лица удовлетворило Питта.

Его голос стал тихим, вкрадчивым.

— Даже если в нашем распоряжении окажется только одно столетие, всего сто лет, чтобы построить новое общество, — мы все равно успеем вырасти и окрепнуть. И сумеем за-

щитить себя, когда остальные бросятся на поиски. Мы будем уже достаточно сильны, чтобы не прятаться.

И снова Инсигна не ответила.

— Ну, убедил я вас? — спросил Питт.

— Не совсем. — Она словно очнулась.

— Тогда поразмыслите. Я хочу вас кое о чем попросить. Пока вы обдумываете мое предложение, не говорите никому о Звезде-Соседке, а все материалы о ней отдайте мне на хранение. Они будут целы. Я обещаю. Они понадобятся нам, если мы решим отправиться туда. Ну как, Эугения, способны вы на подобную малость?

— Да, — ответила она тихо. И встрепенулась: — Кстати, чуть не забыла. Я имею право дать звезде имя. Это моя звезда, и я назову ее...

Питт улыбнулся:

— И как же вы предлагаете именовать ее? Звездой Эугении?

— Нет. Я все-таки не дура. Я хочу назвать ее Немезидой.

— Немезидой? Не-ме-зи-дой?

— Да.

— Почему?

— Уже в конце двадцатого столетия считали, что у Солнца должна быть звезда-спутница. Но тогда ее обнаружить не смогли. Самую близкую соседку Солнца так и не разыскали, но в статьях ее называли Немезидой. Мне хотелось бы почтить таким образом память ученых, догадавшихся о ее существовании.

— Но Немезида? Ведь это же какая-то греческая богиня... с довольно скверным характером.

— Это богиня возмездия, законного отмщения, неотвратимой кары. Прежде ее имя широко использовалось в литературе. Теперь мой компьютер снабдил его пометкой — архаическое.

— Ну а почему же предки назвали звезду Немезидой?

— Они связывали ее с кометным облаком. Они считали, что, обращаясь вокруг Солнца, Немезида возмущает движение комет, в результате чего те падают на Землю. Дело в том, что подобные удары из космоса регулярно губили жизнь нашей планеты каждые двадцать шесть миллионов лет.

— В самом деле? — Питт казался удивленным.

— Ну, не совсем так. Эта гипотеза не подтвердилась, но тем не менее я хочу, чтобы звезда называлась именно Немезидой. И еще я хочу, чтобы в анналы была внесена запись о том, что именно я дала ей имя.

— Это я могу обещать вам, Эугения. Вы открыли ее — так и будет отмечено в нашей истории. Ну а когда человечество, от которого мы сбежим, обнаружит свою, так сказать, немезидийскую ветвь, оно узнает и о первооткрывательнице. Ваша звезда, ваша Немезида, окажется первой, которой суждено будет восходить над поселениями оставивших Солнечную систему людей.

...Глядя в спину уходившей Эугении, Питт ощущал уверенность: она не подведет. Он позволил ей дать звезде имя — жест великодушный и хитроумный. Теперь она будет стремиться к своей звезде. И, конечно же, будет заинтересована в том, чтобы возле нее выросла цивилизация, подчиняющаяся логике и порядку, способная заселить всю Галактику.

И тут, не успев вкусить блаженства от воображаемой картины светлого будущего, Питт ощутил, как сердце стиснул ужас, прежде незнакомый ему.

Почему именно Немезида? Отчего Инсигна вдруг вспомнила имя богини возмездия?

И чтобы не поддаться слабости, он постарался не думать об этом как о недобром предзнаменовании.

Глава 3

МАТЬ

6

Время было обеденное, и Инсигна находилась в таком расположении духа, когда чуточку побаивалась собственной дочери.

В последнее время подобное случалось все чаще, но почему — она не знала сама. Быть может, потому, что Марлена становилась все молчаливее, все чаще уходила в себя, вечно

была погружена в какие-то размышления, слишком личные, чтобы о них можно было говорить.

Иногда смятение и опаска мешались в душе Инсигны с чувством вины: во-первых, ее материнское терпение часто бывало небезгранично, во-вторых, она прекрасно видела физические недостатки дочери. Ни спокойное обаяние матери, ни буйная привлекательность отца не передались Марлене.

Девочка была невысока и плохо сложена. Нескладеха — так про себя Инсигна называла бедняжку Марлену.

Да, бедная девочка — слова эти не шли у матери из головы и вечно просились на язык.

Невысокая, нескладная. Плотная — но не жирная. Такова была ее девочка. Ни капли изящества. Темно-каштановые волосы, прямые и достаточно длинные. Нос чуть бульбочкой, уголки рта слегка опущены, маленький подбородок — и эта вечная углубленность в себя. Прекрасными были только глаза: огромные, черные, горящие, четкие темные дуги бровей, а длинные ресницы даже казались искусственными. Но всего прочего одни глаза не могли компенсировать, как бы ни очаровывал их взгляд.

Когда Марлене исполнилось пять лет, Инсигна стала понимать, что особо привлекательной для мужчин дочь никогда не будет, и с каждым годом она все больше убеждалась в этом.

Кое-какое внимание уделял девочке Ауринел, которого привлекали ее не по годам развитый интеллект и способность все схватывать на лету. В его присутствии Марлена держалась застенчиво, однако чувствовалось, что общение с ним доставляет ей удовольствие. Она смутно догадывалась, что в объекте, называемом «мальчишкой», может обнаружиться нечто неотразимо привлекательное, хоть и не понимала еще, что именно.

Правда, в последние два года Инсигне стало казаться, что Марлена сумела досконально разобраться, что такое «мальчик». Дочь без разбора поглощала книги и фильмы, слишком взрослые, если не для ума, то, во всяком случае, для тела — они-то и внесли полную ясность. Но рос и Ауринел: он уже начинал подпадать под власть гормонов, и разговорчики понемногу перестали привлекать его.

В тот вечер за обедом Инсигна поинтересовалась:

— Ну, как прошел день, дорогая?

— Как обычно. Приходил Ауринел — по-моему, он все сам тебе рассказал. Извини, что я заставила себя разыскивать.

Инсигна вздохнула:

— Видишь ли, Марлена, мне иногда кажется, что ты грустишь, и мое беспокойство вполне извинительно. По-моему, ты проводишь в одиночестве слишком много времени.

— Я люблю быть одна.

— Не притворяйся. Радости на твоем лице не видно. Многие ребята охотно подружились бы с тобой, да и тебе было бы веселее. Ведь Ауринел — твой приятель.

— Был. Теперь его интересуют другие. Сегодня я в этом убедилась. И возмутилась. Представь себе, он торопился к Долоретте.

— Нельзя на него за это сердиться, — ответила Инсигна. — Ты же знаешь, Долоретта его ровесница.

— По возрасту, — выпалила Марлена, — но она такая глупая.

— В этом возрасте внешность имеет значение.

— Вот он и доказал это. Значит, и сам такой же глупый, как она. И чем больше он облизывается на Долоретту, тем легче становится его собственная голова. Это видно.

— Марлена, он повзрослеет и, может быть, сумеет понять, что́ в человеке по-настоящему важно. Ты ведь сама взрослеешь и тоже станешь...

Марлена загадочно поглядела на Инсигну и произнесла:

— Не надо, мам: ты сама не веришь в то, что хочешь сказать. Даже на минутку.

Инсигна покраснела. Она-то думала, что дочь не догадывается об этом. А она, оказывается, знает — но откуда? Инсигна говорила совершенно естественным тоном, искренне, пытаясь ощутить свою искренность. Но Марлена видела ее насквозь. И не впервые. Инсигна подозревала, что Марлена умеет улавливать интонации, мгновения нерешительности, жесты — и по ним всегда узнавала то, чего ей не следовало бы знать. Вот эти способности дочери и пугали Инсигну.

Никто не хочет оказаться прозрачным как стеклышко для осуждающих глаз.

Ну например, что же такого она сказала Марлене, из чего дочка сделала вывод, что Земля обречена? Придется выяснить и обдумать.

Инсигна вдруг ощутила усталость. Ей Марлену не провести — стоит ли пытаться?

— Хорошо, ближе к делу, — проговорила Инсигна. — Чего ты хочешь?

— Я вижу, что ты и в самом деле хочешь узнать это, — ответила Марлена. — И только поэтому скажу. Я хочу уехать отсюда.

— Уехать отсюда? — Инсигна не могла уразуметь смысла этих простых слов. — Куда же ты хочешь уехать?

— Мама, на свете существует не только Ротор.

— Конечно. Но на два световых года вокруг ничего нет.

— Нет, мама, ты не права. До Эритро меньше двух тысяч километров.

— Это ничего не значит. Там нельзя жить.

— Но ведь там живут люди.

— Да, под Куполом живут ученые и инженеры, занятые важной научной работой. Но ведь Купол много меньше Ротора. Если тебе здесь тесно, то каково покажется там?

— Там за пределами Купола будет Эритро. Когда-нибудь люди расселятся по всей планете.

— Возможно. Но в этом нельзя быть уверенным.

— А я уверена.

— Все равно на это уйдут столетия.

— Пора начинать — почему я не могу быть среди первопроходцев?

— Марлена, ты смешна. У тебя здесь уютный дом. Когда это пришло тебе в голову?

Марлена поджала губы, а потом сказала:

— Я не уверена, но, пожалуй, несколько месяцев назад, и становится все хуже. Я просто уже не могу оставаться на Роторе.

Поглядев на дочь, Инсигна нахмурилась: девочка понимает, что потеряла Ауринела, сердце ее разбито, она хочет

уехать отсюда, чтобы наказать его. Вот, мол, будет она горевать в одиночестве посреди безжизненной пустыни, и ему станет стыдно...

М-да, такого нельзя исключить. Эугения вспомнила себя в пятнадцать лет. Нежное сердечко... малейшее переживание способно разбить его. Правда, сердечные раны в таком возрасте заживают быстро, да только юной девушке в это не поверить. Пятнадцать лет! Это потом, потом только...

Да что попусту думать об этом!

— Так чем же, Марлена, тебя так привлекает Эритро?

— Даже не знаю. Она такая огромная... Человек должен жить в огромном мире — разве это не естественно? — Поколебавшись, она нерешительно добавила: — Таком, как Земля!

— Как Земля! — с укоризной отозвалась Эугения. — Ты ничего не знаешь о ней. Ты никогда ее не видела!

— Я много видела, мама. В библиотеке полно фильмов о Земле.

Это верно. Питт даже собирался изъять их и уничтожить. Он намеревался бежать из Солнечной системы, бежать навсегда — и любые романтические воспоминания о родной планете мешали ему. Инсигна тогда решительно возражала, но теперь ей стал ясен смысл тогдашних намерений Питта.

— Марлена, не придавай им большого значения, — сказала она. — В фильмах все идеализировано. И по большей части они рассказывают о далеком прошлом. Тогда дела на Земле еще не обстояли так скверно, но и в те времена там было не так уж хорошо.

— Даже тогда?

— Даже тогда. Знаешь ли ты, на что теперь похожа Земля? Это просто дыра, в которой немыслимо жить. Поэтому люди покидают ее и строят поселения; они оставляют огромный и ужасный мир, чтобы жить в цивилизованных условиях, и никто из них не хочет возвращаться.

— На Земле еще живут миллиарды людей.

— Именно поэтому там невозможно жить. Все, кто мог, уже переселились. Вот почему сейчас столько поселений, и все они перенаселены. Вот почему мы здесь, дорогая.

— Отец землянин, и он остался там, хотя мог быть здесь, — тихо сказала Марлена.

— Да, он остался, — хмуро согласилась Эугения, пытаясь говорить ровным голосом.

— Почему же, мама?

— Хватит, Марлена. Мы уже говорили об этом. Многие предпочли остаться дома. Просто не хотели покидать родные края. Почти у всех роториан на Земле остались родные. Ты это прекрасно знаешь. Ты хочешь вернуться на Землю? Так?

— Нет, мама, вовсе нет.

— Впрочем, даже если бы ты и хотела, до нее целых два световых года. Ты это должна понимать.

— Конечно, я понимаю. Я просто хочу напомнить тебе, что рядом есть вторая Земля. Это Эритро. Я хочу туда, я стремлюсь туда.

Инсигна не сумела сдержаться. Почти с ужасом она услышала собственные слова:

— Значит, и ты хочешь бросить меня, как твой отец?

Марлена вздрогнула.

— Мама, неужели это правда, что он бросил тебя? Мне кажется, все сложилось бы по-другому, если бы ты повела себя иначе. — И спокойно добавила: — Ведь ты сама прогнала его, мама.

Глава 4

ОТЕЦ

7

Странно — а может, глупо, — но воспоминания эти даже теперь, после четырнадцати лет разлуки, все еще причиняли ей невыносимую боль.

Крайл был высок — за метр восемьдесят, тогда как рост мужчин на Роторе в среднем не превышал метра семидесяти. Благодаря этому преимуществу он — как и Янус Питт — казался сильным и властным. Это впечатление долго обманы-

вало Эугению, и она не скоро поняла, что на его силу нельзя положиться.

У него был прямой нос, резко очерченные скулы, сильный подбородок и страстный суровый взгляд. Он словно источал мужественность. Эугения ощутила ее аромат при первой встрече и сразу же покорилась.

Инсигна тогда заканчивала астрономический факультет на Земле. Ей хотелось поскорей вернуться на Ротор и заняться работой, связанной с Дальним Зондом. Она знала, что эта работа предполагает широкие исследования космоса, но даже не подозревала, какое ошеломляющее открытие предстоит сделать ей самой.

Тогда-то она и познакомилась с Крайлом и, к собственному смятению, безумно влюбилась... в землянина. Подумать только — в землянина! И уже почти решила выбросить из головы мечты о Дальнем Зонде и остаться на Земле, с ним.

Эугения помнила, как Крайл удивленно посмотрел на нее и сказал:

— Оставаться здесь... со мной? А мне бы хотелось уехать с тобой на Ротор.

Она и подумать не смела, что он готов променять свой огромный мир на ее крохотный мирок.

Как Крайлу удалось добиться разрешения жить на Роторе, Инсигна не знала, да так никогда и не узнала.

Иммиграционные законы были весьма строги. Как только очередное поселение заканчивало набор необходимого числа людей, въезд немедленно ограничивался: во-первых, потому, что поселения могли обеспечить комфортом лишь ограниченное число жителей, а во-вторых, каждое из них отчаянно стремилось сохранить внутреннее экологическое равновесие. Люди, прибывавшие с Земли или из других поселений по необходимости, подвергались тщательной дезинфекции, а иной раз отправлялись в карантин. И едва гости заканчивали свои дела, их немедленно выпроваживали.

Крайл тоже был гостем. Однажды он посетовал на то, что ему предстоит провести в карантине несколько недель, и Эугения втайне обрадовалась его настойчивости. Значит, она и в самом деле нужна ему, раз он идет на все.

Но временами он казался ушедшим в себя, невнимательным, и тогда Эугения начинала гадать, что именно погнало его на Ротор, несмотря на все препятствия. Может быть, причина не в ней? Что, если он преступник? Или у него есть опасные враги? А может быть, ему просто надоела земная женщина и он сбежал от нее? Спросить она не решалась.

Сам он никогда не говорил об этом.

Но и после того, как Крайл обосновался на Роторе, оставалось неясным, как долго ему удастся там пробыть. Иммиграционное бюро специальным разрешением предоставило Крайлу гражданство, что для Ротора было событием экстраординарным.

Все, что делало общество Крайла Фишера неприемлемым для роториан, казалось Инсигне дополнительным поводом для восхищения им. Земное происхождение придавало ему блеск и неординарность. Истинной роторианке следовало презирать чужака, но Эугения находила в этом даже источник эротического возбуждения. И решила биться за Крайла с враждебным миром — и победить.

Когда Крайл стал подыскивать себе работу — чтобы зарабатывать и как-то устроиться в новом для него обществе, — она намекнула ему, что женитьба на роторианской женщине — роторианке в третьем поколении — может заставить бюро иммиграции предоставить ему все права гражданина.

Крайл поначалу удивился, словно прежде это ему и в голову не приходило, но потом как будто обрадовался. Инсигна же почувствовала некоторое разочарование. Одно дело — выходить замуж по любви, другое — ради того, чтобы муж получил гражданство. Но она сказала себе: ничего, за все приходится платить.

И после подобающей по роторианским обычаям долгой помолвки они поженились.

Жизнь пошла прежним чередом. Он не был страстным любовником — впрочем, как и до свадьбы. Но относился к ней неизменно ласково и внимательно, и это не давало остыть счастью в ее душе. Он никогда не был груб, а тем более жесток. Кроме того, Инсигна помнила, что муж оставил ради нее свой мир и преодолел множество препятствий, чтобы

иметь возможность жить вместе с нею. Все это, конечно, свидетельствовало в пользу его чувств.

Несмотря на то что Крайл стал полноправным гражданином, в душе его все-таки оставалась какая-то неудовлетворенность. Инсигна видела это, но не могла осуждать мужа. Гражданство гражданством, но, поскольку он не был рожден роторианином, ряд интересных областей деятельности по-прежнему был закрыт для него. Она не знала, чему его учили там, на Земле; сам же он никогда не рассказывал, какое образование получил. Но в разговоре недостатка образованности не обнаруживал. Впрочем, он мог быть и самоучкой: Инсигна успела узнать, что на Земле высшее образование не считается обязательным, как у роториан.

Вот это-то и смущало ее. Не то, что Крайл Фишер был землянином, — тут она могла смело глядеть в лицо друзьям и коллегам, когда об этом заходила речь. Но вот то, что он мог оказаться необразованным землянином...

Но никто не делал никаких намеков, а Крайл терпеливо выслушивал рассказы Эугении о работе Дальнего Зонда. Правда, она так и не рискнула проверить его знания, заведя какой-нибудь разговор о технике. Впрочем, иногда он задавал ей вопросы по делу или отпускал вполне уместные замечания. Ей это было приятно, поскольку его слова вполне могли принадлежать человеку интеллигентному.

Фишер работал на одной из ферм — занятие вполне респектабельное, более того — из числа важнейших, но, увы, занимавшее место почти в самом низу социальной шкалы. Он не возмущался и не жаловался жене — ведь без ее помощи он не смог бы попасть даже туда, — но и не обнаруживал удовлетворения. О своей работе он не рассказывал, но Эугения замечала в нем смутное недовольство.

И поэтому она привыкла обходиться без фраз вроде: «Привет, Крайл. Ну, как дела на работе?»

То есть поначалу она задавала такие вопросы, но ответ был неизменно один: «Ничего особенного» — и короткий досадливый взгляд.

Наконец и она перестала сообщать ему во всех подробностях мелкие служебные дрязги и сплетни. Ведь даже такие мелочи могли дать ему повод для неприятных сравнений.

Инсигна убеждала себя, что страхи ее преувеличены и свидетельствуют скорее о ее собственной неуверенности в себе. Вечерами, когда она приступала к описанию дневных трудов, Фишер слушал ее, не обнаруживая нетерпения. Несколько раз без особого интереса он расспрашивал ее о гиперприводе, но Инсигна знала о нем немного.

Политические перипетии на Роторе интересовали Крайла — впрочем, мелочную возню колонистов он воспринимал с высокомерием истинного землянина. Эугения старалась помалкивать, чтобы муж не заметил ее неудовольствия.

И в конце концов между ними пролегло молчаливое отчуждение, которое иногда нарушали короткие разговоры о просмотренных фильмах, общих знакомых, мелких жизненных проблемах.

Она не считала себя несчастной. Пирожное превратилось в белый хлеб — однако есть вещи куда менее вкусные, чем пышный батон.

Были в этом и свои преимущества. Заниматься секретными делами — значит не говорить о них никому, но кто сумел бы не проболтаться, лежа рядом с женой или мужем? Впрочем, Инсигне это почти не грозило — так мало секретного было в ее работе.

Но когда открытие Звезды-Соседки вынужденно и совершенно неожиданно для Эугении угодило под спуд — как только сумела она сдержаться? Естественные побуждения требовали иного: немедленно похвастаться перед мужем, обрадовать его тем, что она совершила важное открытие и имя ее не исчезнет со страниц учебников астрономии, пока живо человечество. Она могла бы рассказать ему все еще до разговора с Питтом. Могла просто попрыгать перед ним на одной ножке: «Угадай-ка! Угадай-ка! Ни за что не угадаешь!»

Но она не сделала этого. Просто не сообразила, что Фишер может заинтересоваться. Может быть, он разговаривал о работе с другими — с фермерами или жестянщиками, — но не с ней...

Поэтому она даже не обмолвилась ему о Немезиде. И разговоров об этом не было до того ужасного дня, когда рухнула их семейная жизнь.

8

Когда же она полностью перешла на сторону Питта?

Поначалу мысль о том, что существование Звезды-Соседки нужно держать в секрете, смущала Инсигну; она не хотела покидать Солнечную систему ради звезды, о которой не было известно почти ничего, кроме положения в пространстве. Она считала неэтичным и бесчестным создавать новую цивилизацию втайне от всего человечества.

Но этого требовала безопасность поселения, и Инсигна сдалась. Однако она намеревалась бороться с Питтом и при любой возможности противоречить ему. Аргументы свои она отточила настолько, что, на ее взгляд, они сделались абсолютно безукоризненными и неопровержимыми, но... ей пришлось оставить их при себе.

Питт всегда успевал перехватить инициативу.

Как-то раз он сказал ей:

— Эугения, вы наткнулись на Звезду-Соседку в известной мере случайно, и ничто не мешает вашим коллегам сделать то же самое.

— Едва ли... — начала она.

— Нет, Эугения, не будем полагаться на вероятность. Нам необходима уверенность. Вы сами проследите, чтобы никто даже шагу не сделал в опасную сторону, к материалам, которые могут выдать положение Немезиды.

— Как же я смогу это сделать?

— Очень просто. Я беседовал с комиссаром, и вы теперь будете возглавлять все работы по исследованиям Дальнего Зонда.

— Но это значит, что я перескочила...

— Да. У вас повысились ответственность, зарплата, общественный статус. Чем вы недовольны?

— Я не думаю возражать, — ответила Инсигна, ощущая тяжелые удары своего сердца.

— Уверен, что с обязанностями главного астронома вы справитесь самым лучшим образом, но главная ваша цель будет заключаться в том, чтобы все астрономические исследования производились с высочайшим качеством и максимальной эффективностью и при этом не имели бы никакого отношения к Немезиде.

— Но, Янус, разве можно утаить такое открытие?

— Я и не собираюсь этого делать. Сразу же, как только выйдем из Солнечной системы, все узнают, куда мы направляемся. Но до тех пор знать о Немезиде должны немногие — и чем позже они узнают о ней, тем лучше.

Повышение в должности, не без стыда отметила Инсигна, лишило ее желания возражать.

В другой раз Питт поинтересовался:

— А как у вас с мужем?

— В каком смысле? — немедленно перешла в оборону Инсигна.

— По-моему, он — землянин?

— Он родился на Земле, но стал гражданином Ротора. — Инсигна поджала губы.

— Понимаю. Значит, вы ничего не рассказывали ему о Немезиде?

— Совершенно ничего.

— А этот самый муж никогда не говорил вам, почему он оставил Землю и что ему понадобилось на Роторе?

— Нет. Да я и не спрашивала.

— Неужели вас это вовсе не интересует?

Поколебавшись, Инсигна призналась:

— Конечно же — иногда.

— Тогда, быть может, я смогу кое-что объяснить вам, — улыбнулся Питт.

Так он и сделал — постоянно, понемногу, ненавязчиво, не оглушая, во время каждого разговора. Речи его вывели Инсигну из оболочки, в которой она замкнулась. В конце концов, если живешь на Роторе, приходится и воспринимать все по-роториански.

Но благодаря Питту, тому, что он рассказывал, тем фильмам, которые он советовал ей посмотреть, она наконец составила верное представление о Земле и миллиардах людей, ее населяющих, о вечном голоде и насилии, о наркотиках и умопомешательстве. И Земля стала казаться ей бездной, полной ужасов, от которой следовало бежать как можно

дальше. Она больше не удивлялась, почему Крайл Фишер оставил планету, — она думала, почему так мало землян последовали его примеру.

Правда, сами поселения были немногим лучше. Теперь она поняла, как замкнуты эти мирки, жители которых не имеют возможности свободно передвигаться в космосе. Каждое поселение боялось заразы, чуждой микрофлоры и фауны. Торговля медленно отмирала, а если где и велась, то в основном с помощью автоматических кораблей, перевозивших тщательно простерилизованные грузы.

Поселения ссорились и враждовали. Околомарсианские поселения были не лучше прочих. Только в поясе астероидов поселения пока еще беспрепятственно умножались, тем самым навлекая на себя растущую неприязнь всех обитавших ближе к Солнцу.

И Инсигна все чаще внутренне соглашалась с Питтом, она почувствовала желание бежать из этой нестерпимой нищеты — чтобы заложить основы новой цепи миров, где не будет места страданию. Новое начало, новые возможности.

А потом выяснилось, что она беременна, и энтузиазм немедленно начал улетучиваться. Одно дело — рисковать собой и мужем, другое — подвергать опасности собственное дитя.

Но Питт был невозмутим. Он поздравил ее:

— Ребенок родится здесь, у Солнца, и вам хватит времени привыкнуть к младенцу. К тому времени, как мы подготовимся к пути, ему исполнится годика полтора. А потом вы и сами поймете, какое это счастье, что не пришлось ждать дольше. Ваше дитя и знать не будет об участи загубленной родом людским планеты, об отчаянии, разделившем людей. Ребенок будет знать только свой новый мир — культурный, в котором все его обитатели будут понимать друг друга. Какой везучий ребенок, какой счастливый ребенок. Не то что мои сын и дочь — они уже выросли, и оба отмечены этой печатью.

И Эугения вновь воспрянула духом. И когда родилась Марлена, она уже начала опасаться всяких задержек, чтобы неудачники, заполонившие всю Солнечную систему, не смогли заразить девочку своей бестолковостью.

К тому времени она уже полностью разделяла взгляды Питта.

Ребенок, к большому облегчению Инсигны, словно приворожил Фишера. Она и не предполагала, что Крайл окажется таким хорошим отцом. Он буквально не давал на нее пылинке упасть и охотно взял на себя свою долю отцовских забот. Даже вдруг сделался жизнерадостным.

Когда Марлене было около года, по Солнечной системе вдруг поползли слухи, что Ротор собирается в путь. Известие взбудоражило едва ли не всю систему, а Питт, уже явно метивший в комиссары, зловеще усмехался.

— Ну что они могут сделать? Чем они могут остановить нас? Весь этот околосолнечный шовинизм, все эти обвинения в нелояльности лишь приведут к свертыванию исследований гиперпривода в других поселениях, что только послужит нашим целям.

— Но как они сумели узнать об этом? — удивилась Инсигна.

— Об этом позаботился я, — улыбнулся он. — Теперь я не против, пусть знают, что мы улетаем, ведь им неизвестно, куда мы направляемся. В конце концов, скрывать это больше нельзя. Мы должны провести всеобщее голосование, а когда все роториане узнают о предстоящем отлете, узнает о нем и Солнечная система.

— Голосование?

— Конечно — а почему нет? Подумайте, разве можно улетать с таким количеством людей, которые боятся оказаться вдали от Солнца или будут тосковать без него? Так мы с нашим делом не справимся. Нам нужны добровольцы, и к тому же ретивые. Идея отлета должна получить всеобщее одобрение.

Он был абсолютно прав. Кампания началась немедленно, а преднамеренная утечка информации смягчила напряженность как внутри Ротора, так и за его пределами.

Одни роториане радовались предстоящему событию, другие боялись.

Когда Фишер обо всем узнал, он помрачнел и однажды сказал жене:

— Это безумие.

— Неизбежное безумие, — поправила его Инсигна, стараясь говорить спокойно.

— Почему? Почему мы должны скитаться среди звезд? И куда нам лететь? Там же нет ничего.

— Там миллиарды звезд...

— А сколько планет? Ведь мы даже не знаем, есть ли вообще планеты возле других звезд, не говоря уж о пригодных для обитания. Только Солнечная система может быть домом для людей Земли.

— Любопытство в крови человека. — Это было одно из высказываний Питта.

— Романтическая чушь. Неужели никто здесь не понимает, что на голосование поставлено предложение: трусливо сбежать, бросить человечество и кануть в космической дали.

— Крайл, насколько я понимаю, — сказала Инсигна, — общественное мнение на Роторе склоняется к тому, чтобы принять это предложение.

— Пропаганда совета. Неужели ты считаешь, что народ проголосует за то, чтобы оставить Землю? Чтобы оставить Солнце? Никогда. Если такое случится — мы вернемся на Землю.

Она почувствовала, как ее сердце замерло.

— Нет-нет, неужели с тебя не хватит этих ваших самумов, буранов и мистралей — или как они там зовутся? Тебе хочется, чтобы на голову падали льдинки, шел дождь, чтобы выл ветер?

— Все это не так уж и плохо. — Высоко подняв брови, он посмотрел на жену. — Верно, бывают бури, но их легко предсказать. Между прочим, они даже интересны — если не слишком сильны. Это даже здорово: немного холода, немного жары, немного дождя. Разнообразие. Бодрит. И потом — подумай, как разнообразна земная кухня.

— Кухня? Что ты болтаешь? Люди на Земле голодают. Мы вечно отправляем туда корабли с продовольствием.

— Да, некоторые голодают, но ведь не все.

— И ты хочешь, чтобы Марлена выросла в подобных условиях?

— Так выросли миллиарды детей.

— Моей девочки среди них не будет, — отрезала Инсигна.

Теперь все надежды ее заключались в Марлене. Девочке уже было десять месяцев, и у нее прорезалось по два передних зуба, сверху и снизу. Цепляясь за прутья манежа, она вставала на ножки, взирая на мир круглыми, изумленными, озаренными несомненным умом глазами.

Фишер души не чаял в своей дурнушке-дочурке. Когда девочка не сидела у него на руках, он возился с нею, любовался и восхищался дивными глазками. Больше восхищаться было нечем, и единственное достоинство заменяло отцу все остальные.

Конечно же, Фишер не станет возвращаться на Землю, понимая, что это означает вечную разлуку с Марленой. Инсигна не была уверена, что, будучи поставлен перед выбором, Крайл выберет ее, женщину, которую любил и на которой женился, — а не Землю... Впрочем, Марлена непременно заставит его остаться.

Непременно?

9

Через день после голосования, придя с работы, Эугения Инсигна застала своего мужа в ярости. Задыхаясь от гнева, он произнес:

— Результаты голосования сфальсифицированы.

— Тише, ребенка разбудишь, — ответила она.

Крайл попытался прийти в себя.

Чуточку расслабившись, Инсигна сказала:

— Теперь можно не сомневаться в том, чего желают роториане.

— И ты тоже голосовала за бегство?

Она помедлила. Лгать бессмысленно. К тому же она уже выразила свое мнение.

— Да, — подтвердила она.

— Питт приказал, еще бы, — буркнул Крайл.

Она удивилась:

— При чем здесь Питт? Неужели я не способна сама принять решение?

— Но ты и он... — Фишер умолк.

Кровь бросилась ей в лицо:

— Что ты хочешь этим сказать?

(Неужели он подозревает ее в неверности?)

— Что? А то, что он — политикан. И стремится стать комиссаром любой ценой, а ты хочешь подняться, уцепившись за него. За политическую лояльность тоже платят, не так ли?

— И куда же я, по-твоему, мечу? Как будто некуда. Я астроном, а не политик.

— Тебя же повысили — пренебрегая при этом более старшими, более опытными.

— Наверное, я хорошо работаю...

(Как ей теперь защитить себя, не выдав истину?)

— Не сомневаюсь, что тебе самой нравится эта мысль. Но все дело в Питте.

— Так куда же ты клонишь? — вздохнула Инсигна.

— Слушай! — Крайл говорил негромко, помня, что Марлена спит. — Не верю я, что все поселение готово рискнуть жизнью, отправляясь в путь с этим гиперприводом. Откуда вам известно, как дело обернется? Откуда вы знаете, как он сработает? А что, если мы все погибнем?

— Дальний Зонд работает прекрасно.

— А живые существа на нем были? Если нет, откуда вам знать, как воздействует гиперпривод на живой организм? Что тебе известно о нем?

— Ничего.

— Как же так? Ты ведь работаешь в лаборатории, а не на ферме.

Ревнует, решила Инсигна. И сказала:

— Ты думаешь, что все работники лаборатории сидят в одной комнате. Я уже говорила тебе: я астроном и ничего не знаю о гиперприводе.

— Значит, Питт ничего тебе не рассказывал?

— О гиперприводе? Он и сам не знает, что это такое.

— Ты хочешь убедить меня, что никто из вас о нем ничего не знает?

— Отчего же — специалисты по гиперпространству знают все. Те, кому положено знать, — знают. Остальным это ни к чему.

— Значит, гиперпривод — секрет для всех, кроме горстки специалистов?

— Совершенно верно.

— Тогда нельзя быть уверенным в безопасности гиперперелета, нельзя полагаться на одних специалистов по гиперпространству. Они-то как, по-твоему, могли убедиться в этом?

— Думаю, они проводили необходимые эксперименты.

— Ты предполагаешь...

— Вполне разумное предположение. Они утверждают, что перелет безопасен.

— Ты думаешь, что они не способны на ложь?

— Кстати, они тоже полетят. И я уверена, что такие эксперименты проводились.

Прищурившись, Крайл посмотрел на жену:

— Значит, уже уверена. Конечно, Дальний Зонд — твое детище. Так были на его борту живые существа или нет?

— Я же не имела отношения к обеспечению полета. Я ознакомлена лишь со всеми астрономическими материалами. — Инсигна потеряла терпение. — Знаешь что, мне не нравится этот спор, да и ребенок уже ворочается. Теперь у меня к тебе пара вопросов. Что ты собираешься делать? Летишь с нами или нет?

— Я не обязан лететь. Условия голосования таковы: всякий, кто не хочет, может не лететь.

— Я знаю, что ты не обязан, но как ты поступишь? По-моему, не стоит разрушать семью.

Она попыталась улыбнуться, но улыбка вышла неубедительной.

— Но я не хочу оставлять Солнечную систему, — медленно и угрюмо проговорил Фишер.

— Значит, лучше оставить меня и Марлену?

— Зачем нам с Марленой разлучаться? Если ты намерена рисковать — при чем тут ребенок?

— Если полечу я, полетит и Марлена, — твердо произнесла Эугения. — Пойми это, Крайл. Куда ты с ней подашься? В недостроенное поселение на астероидах?

— Конечно, нет. Я родом с Земли и всегда могу вернуться туда.

— Это на гибнущую-то планету? Блестящая мысль.

— Уверяю тебя, до ее гибели осталось еще о-го-го сколько.

— Зачем же ты тогда покинул ее?

— Я думал, что здесь мне будет лучше. Я не знал, что покупаю себе билет в никуда без возврата.

— Не в никуда, — не выдержала Инсигна. — Если бы ты только знал, куда мы отправляемся, то не стал бы так торопиться на Землю.

— Почему? Куда летит Ротор?

— К звездам.

— К забвению.

Они посмотрели друг на друга. В этот момент Марлена открыла глаза и спросонья пискнула. Взглянув на ребенка, Фишер смягчился.

— Эугения, нам незачем расставаться. Я не собираюсь разлучаться с Марленой. И с тобой тоже. Давай вернемся вместе.

— На Землю?

— Да. А почему бы и нет? У меня там остались друзья. У моей жены и дочери не будет никаких проблем. Все ваши здешние экологические балансы Землю не волнуют. Лучше жить на огромной планете, чем в крошечном вонючем пузыре посреди космоса.

— Твоя планета просто до предела раздувшийся вонючий пузырь. Нет-нет, никогда.

— Тогда позволь мне взять Марлену с собой. Это для тебя путешествие оправдывает всякий риск. Ты ведь астроном, тебе нужна Вселенная для твоих работ, но ребенок пусть останется у Солнца, в безопасности и покое.

— Это на Земле-то? Не смеши меня. Зачем ты затеял этот разговор? Чтобы отобрать у меня моего ребенка?

— Нашего ребенка.

— Моего. Ступай куда хочешь. Я не хочу больше видеть тебя. И не смей трогать ребенка. Ты сказал, что я в хороших отношениях с Питтом — так оно и есть. А значит, я могу устроить так, чтобы тебя отправили в пояс астероидов, хочешь ты того или нет. А потом добирайся как знаешь до своей прогнившей Земли. А теперь убирайся из моего дома и подыщи себе другое место для ночлега, пока тебя не выслали

отсюда. Когда сообщишь мне, где устроился, я перешлю тебе пожитки. И не думай, что сможешь вернуться. Мой дом будет под охраной.

В тот момент Инсигна была искренна, она говорила то, что думала; гнев переполнял ее сердце. Она могла уговорить его, уломать, убедить — наконец, переспорить, но не стала даже пытаться. Она с ненавистью посмотрела на мужа — и выгнала из дома.

И Фишер ушел. А она отправила вслед его вещи. Потом он отказался лететь на Роторе, и его выслали. Эугения полагала, что он вернулся на Землю.

Оставил навсегда ее и Марлену. Нет, это она оставила его навсегда.

Глава 5

ДАР

10

Инсигна удивлялась себе самой. Она никому еще не рассказывала о расставании с мужем, хотя переживала случившееся почти каждый день целых четырнадцать лет. Она и не собиралась посвящать кого бы то ни было в эту грустную историю, которая должна была вместе с ней уйти в могилу.

Не то чтобы она видела в этом нечто стыдное — просто считала глубоко личным делом.

И вот ни с того ни с сего выложила все до капли своей юной дочери, которую до сих пор считала ребенком.

Дочь грустно смотрела на мать темными взрослыми глазами — по-совиному, не моргая... Наконец Марлена промолвила:

— Значит, это ты его прогнала?

— В общем — да. Я так разозлилась, просто рассвирепела. Он хотел забрать тебя с собой. И куда — на Землю! — Она помедлила, потом решительно проговорила: — Теперь понимаешь?

— Неужели ты не смогла бы обойтись без меня? — спросила Марлена.

— Как ты можешь такое говорить? — вспылила Инсигна — и осеклась под невозмутимым взглядом дочери. Действительно, так ли уж нужна была ей тогда дочь?.. Но она ответила, стараясь не выдать волнения: — Ну что ты. Разве я могла от тебя отказаться?

Марлена замотала головой, и на миг лицо ее помрачнело.

— Ведь я не была очаровательным ребенком. Может, отцу я была нужна больше, чем тебе? Может быть, все тогда и произошло из-за того, что я была ему нужнее, чем тебе? А ты настояла на своем, чтобы причинить ему боль.

— Какие ужасные вещи ты говоришь. Все было совершенно не так, — ответила Инсигна, абсолютно не уверенная в том, что не кривит душой.

Грустное это дело — обсуждать семейную драму с Марленой. С каждым днем девочка все больше обнаруживала жуткое умение резать по живому. Инсигне не раз приходилось сталкиваться с этим, но прежде она считала подобные выходки случайными. Но это происходило все чаще, и теперь своим языком-скальпелем Марлена резала уже преднамеренно.

Инсигна проговорила:

— Марлена, а как ты поняла, что я сама прогнала твоего отца? Я ведь тебе не говорила об этом. Разве я себя чем-то выдала?

— Мама, я не понимаю, как это происходит, но я просто знаю. Когда ты вспоминаешь об отце, разговариваешь о нем с другими, в твоем голосе всякий раз слышится сожаление, чувствуется, что ты хотела бы, чтобы все было иначе.

— В самом деле? А я этого не ощущаю.

— Я наблюдаю, делаю выводы. Как ты говоришь, как смотришь...

Пристально поглядев на дочь, Инсигна вдруг выпалила:

— Ну-ка, о чем я сейчас думаю?

Слегка вздрогнув, Марлена усмехнулась. Смешливой она не была и никогда не смеялась от души.

— Это легко, — сказала она, — сейчас ты думаешь, что я читаю твои мысли. Но это не так. Я не знаю их. Просто умею догадываться по словам, жестам, интонациям и выражениям. Люди абсолютно не умеют скрывать свои мысли. Я убедилась в этом, наблюдая за ними.

— Зачем тебе понадобилось наблюдать за людьми?

— Потому что все лгали мне, когда я была ребенком. Говорили, что я миленькая. Или же это говорили тебе, потому что я была рядом. Да у всех на лицах словно написано: я говорю не то, что думаю. И никто даже не представляет себе, как это заметно. Сначала я не могла поверить, что этого никто не знает. Но потом я сказала себе: наверное, они считают, что просто удобнее делать вид, что говоришь правду. — Марлена помолчала и вдруг спросила: — Почему ты не сказала отцу, куда мы направляемся?

— Не могла. Тогда это была не моя тайна.

— Но если бы ты сказала, он, возможно, и отправился бы с нами.

Инсигна затрясла головой:

— Нет-нет, никогда. Он твердо решил возвращаться на Землю.

— А если бы ты все рассказала ему, мама, комиссар Питт не разрешил бы ему возвращаться? Ведь наш отец не должен был знать то, чего знать не положено.

— Питт не был тогда комиссаром, — рассеянно пробормотала Инсигна и внезапно вспыхнула: — Таким он был мне не нужен. И тебе, кстати, тоже!

— Не знаю. Я не могу представить, каким он был бы теперь.

— А я знаю!

Пламя чувств вновь охватило Инсигну. Ей вновь с отчаянной ясностью припомнилась и их ссора, и собственный резкий голос, приказывавший Фишеру убираться. Он должен был уйти. Нет, ошибки не было. Ей не хотелось, чтобы он стал пленником, невольным узником Ротора. Она еще слишком любила его — или недостаточно ненавидела...

Она резко сменила тему разговора, стараясь, чтобы выражение лица не выдало ее:

— Сегодня ты озадачила Ауринела. Почему ты сказала ему, что Земля погибнет? Он явился ко мне весьма озабоченный этим.

— Ты бы сказала ему, что я еще ребенок и все это — детский лепет. Такой ответ прекрасно устроил бы его.

Инсигна не стала обращать внимания на эти слова. Быть может, и в самом деле лучше не говорить ничего, чем говорить правду.

— Ты действительно думаешь, что Земля обречена?

— Да. Иногда ты говоришь о Земле — «бедная Земля». Ты редко забываешь назвать Землю бедной.

Инсигна почувствовала, что краснеет. Неужели она и впрямь так говорит о Земле?

— А разве это не так? — спросила она. — Планета перенаселена, измучена цивилизацией — это же просто клубок болезней, бедствий и ненависти. Трудно ее не пожалеть. Бедная Земля.

— Нет, мама. Ты говоришь это иначе. — Марлена подняла руку вверх ладонью, словно что-то держала в ней.

— Ну, Марлена?

— Я понимаю это умом, но не могу выразить словами.

— Попробуй. Я должна понять.

— Мне кажется, что ты чувствуешь себя виноватой...

— Отчего ты так решила?

— Однажды ты смотрела в иллюминатор на Немезиду, и мне показалось тогда, что все дело в ней. Когда я спросила у компьютера, что такое Немезида, он мне сказал: это нечто безжалостное, сулящее гибель, грозное возмездие.

— Она названа так по другой причине! — воскликнула Инсигна.

— Но имя ей дала ты, — невозмутимо ответила Марлена.

Это уже ни для кого не было тайной: когда Ротор вышел за пределы Солнечной системы, Инсигна потребовала публичного признания своего открытия.

— Именно поэтому, уверяю тебя, смысл имени здесь ни при чем.

— Тогда почему ты считаешь себя виноватой, мама?

(Молчи... если не хочешь говорить правду.)

Наконец Инсигна проговорила:

— Так как же, по-твоему, погибнет Земля?

— Я-то не знаю, а вот ты, мама...

— Марлена, мы с тобой принялись играть в загадки, пусть так. Об одном только прошу: никому ни о чем не говори: и об отце, и об этой бредовой идее о гибели Земли.

— Если ты хочешь, я буду молчать. Только Земля погибнет — и это вовсе не бред.

— А я говорю — бред. Будем считать это бредом.

Марлена кивнула.

— Схожу-ка я погляжу на планету, — сказала она с видимым безразличием. — А потом пойду спать.

— Хорошо.

Инсигна смотрела вслед уходящей дочери. «Вина, — думала она, — я ее чувствую. Она, должно быть, словно печать у меня на лице. Каждый может увидеть, если захочет».

Каждый ли? Нет, только Марлена. С ее даром.

Должна же девочка иметь что-то взамен того, что ей не дано. Редкий ум — этого слишком мало. Потому-то она и одарена способностью читать по лицам, интонациям, неприметным для другого глаза жестам и телодвижениям. Так что ни одной тайны от нее не скроешь. Давно ли открылся у нее этот дар? Давно ли она узнала о нем? Или это результат взросления? Но тогда почему она именно теперь обнаружила его, словно извлекла из-под покрова, под которым скрывала? Или ей потребовалось оружие против матери?

Может быть, это случилось потому, что Ауринел отверг ее, окончательно и бесповоротно, — и она сама об этом догадалась? И теперь просто мечется от боли, слепо рассыпая удары?

«Я виновата, — думала Инсигна, — мне ли не знать собственной вины? Одна я во всем виновата. Я могла бы давно все выяснить, но не хотела».

Глава 6

ПРИБЛИЖЕНИЕ

11

Так когда же она сама об этом догадалась? Когда давала звезде имя «Немезида»? Неужели уже тогда она инстинктивно ощутила, чем грозит эта звезда человечеству, и с неосознанной точностью выразила свои опасения в ее имени?

Когда Инсигна обнаружила далекую звездочку, ей важно

было одно — она сделала открытие. В голове кружилась только мысль о бессмертии. Это ее звезда, звезда Инсигны. Она даже хотела назвать ее так. Получалось звучно... только нескромно. Подумать только, как бы ей пришлось сейчас мучиться, если бы все-таки поддалась искушению.

Навязанная Питтом секретность сбила ее с толку. Потом началась суета перед Исходом. (Так, наверное, и будут называть это событие в учебниках по истории — с прописной буквы.)

Ну а после Исхода целых два года корабль то выходил из гиперпространства, то осторожно вползал в него. От Инсигны требовали бесконечных расчетов гиперперехода, для которых нужны были все новые и новые астрономические данные, и ей приходилось контролировать все наблюдения. Только измерения плотности и состава межзвездной материи стоили ей изрядных трудов.

Почти четыре года ей некогда было подумать о Немезиде, не было времени заметить очевидное.

Но так ли это на самом деле? Или она просто ничего не желала видеть, ища спасения за мелкими загадками, суетой и волнениями?

Но наконец завершился последний гиперпространственный переход. Оставалось последнее — в течение месяца осуществить торможение. Ротор мчался сквозь ливень атомов водорода с такой скоростью, что невинные атомы преображались в частицы космических лучей.

Обычный космический аппарат не смог бы защитить людей от излучения, но Ротор был покрыт снаружи толстым слоем грунта, который нарастили еще перед стартом. Он-то и поглотил опасные лучи.

Когда-нибудь, говорил Инсигне один из специалистов по гиперпространству, люди сумеют входить в него на обычной скорости и так же возвращаться обратно. «Общее представление о гиперпространстве мы имеем, эпохальных открытий не будет. Все остальное — дело техники».

Может быть. Впрочем, другие специалисты полагали, что подобное совершенство будет достигнуто, когда звезды померкнут.

Когда ужасная правда открылась Инсигне, она бросилась к Питту. За последний год они виделись редко: она знала, как мало у него времени. Очарование первого межзвездного путешествия начинало рассеиваться, и повсюду возникала известная напряженность; до людей постепенно доходило, что они вот-вот, через считаные месяцы, окажутся возле чужой звезды. Там перед ними немедленно возникнут проблемы: какое-то время придется жить возле незнакомого красного карлика, и никто не мог гарантировать, что материя вокруг него сложилась в планеты, пригодные для жилья, или астероиды, способные послужить источником сырья.

Янус Питт уже не выглядел молодым — впрочем, волосы его не поседели, и на лице не было морщин. Всего четыре года назад Инсигна принесла ему свое открытие, а во взгляде Питта уже появилась глубокая озабоченность, словно радость оставила его навсегда.

Теперь он был верховным комиссаром. Быть может, это и служило причиной его тревог. Инсигна не изведала истинной власти и сопряженной с ней ответственности, но нечто подсказывало ей, что подобное могущество — вещь не сладкая.

Питт рассеянно улыбнулся ей. Поначалу никто не знал о тайне, которая их объединяла, и они были вынуждены держаться вместе. Вдвоем они могли разговаривать откровенно, не опасаясь проболтаться. Но после Исхода, когда секрет был раскрыт, они вновь отдалились друг от друга.

— Янус, — сказала она. — Я очень беспокоюсь и пришла поговорить с тобой. Дело касается Немезиды.

— Что-нибудь новенькое? Теперь ты уже не можешь сказать, что звезды нет там, где ты предполагала. Вот она, видна невооруженным глазом. Правда, до нее еще шестнадцать миллиардов километров.

— Да, я знаю. Но когда я открыла ее, нас разделяло чуть более двух световых лет, и я решила, что Немезида и Солнце обращаются вокруг общего центра тяготения. На таком расстоянии иначе и быть не могло, но, как выяснилось, все обстоит иначе. Нас ждет подлинная трагедия.

— Хорошо. И какая же трагедия нас ожидает?

— Дело в том, что хотя Немезида находится близко от

Солнца, но все-таки не настолько, чтобы образовать с ним пару. Их взаимное притяжение на таком расстоянии настолько слабо, что воздействие ближайших звезд способно сделать нестабильной ее орбиту.

— Но Немезида же вот, перед нами.

— Да, она перед нами, но в той же мере, как и перед альфой Центавра.

— При чем тут альфа Центавра?

— Немезида располагается чуть ближе к Солнцу, чем к этой звезде. Мне кажется, что она все-таки входит в систему альфы Центавра. Правда, более вероятно, что, с какой бы из этих двух звезд она ни была связана прежде, тяготение второй сейчас разрушает эту связь, если уже не разрушило.

Питт задумчиво смотрел на Инсигну, барабаня пальцами по ручке кресла.

— Сколько времени нужно Немезиде на один оборот вокруг Солнца — если она, конечно, входит в его систему?

— Пока не знаю. Придется изучить ее орбиту. Мне следовало заняться ею еще до Исхода, но тогда на меня сразу навалилось столько забот. Но это не оправдание — их и теперь немало.

— Ну а на глазок?

— Если орбита круговая, Немезиде потребуется около пятидесяти миллионов лет, чтобы обойти Солнце, а точнее — центр тяготения всей системы, вокруг которого обращаются обе звезды. Соединяющая их линия всегда будет проходить через этот центр. Но если орбита Немезиды представляет собой вытянутый эллипс и она сейчас находится вблизи точки максимального удаления — а иначе быть не может, поскольку обе звезды в таком случае не были бы связаны тяготением, — тогда период ее обращения чуть превышает двадцать пять миллионов лет.

— Значит, когда Немезида в предыдущий раз находилась в этой точке своей орбиты, альфа Центавра находилась совершенно в другом месте, чем теперь. Двадцать пять или пятьдесят миллионов лет, но альфа Центавра не стояла на месте. На сколько она могла сместиться за такой срок?

— На заметную долю светового года.

— Не значит ли это, что обе звезды впервые борются за Немезиду? И до сих пор она мирно кружила и кружила себе по орбите?

— Едва ли, Янус. Кроме альфы Центавра вокруг полно звезд. Сейчас сказывается влияние альфы Центавра, в прошлом на Немезиду могли воздействовать другие звезды. Ее орбита просто нестабильна.

— Ну а если она не вращается вокруг Солнца, что же ей тогда делать в наших краях?

— Именно! — воскликнула Инсигна.

— Что значит «именно»?

— Будь Немезида на солнечной орбите, ее относительная скорость составила бы от восьмидесяти до ста метров в секунду в зависимости от массы. Для звезды это очень мало, следовательно, она длительное время как бы стояла на месте. Тогда облако могло долго прятать ее, в особенности если оно движется в ту же сторону, что и Немезида, относительно Солнца. Тусклая, почти неподвижная звездочка — и все-таки удивительно, что ее до сих пор никто не обнаружил. Однако... — Она сделала паузу.

Даже не попытавшись изобразить интерес, Питт вздохнул:

— Ну? Будет наконец резюме?

— Так вот, если Немезида не обращается вокруг Солнца, значит, она движется независимо, и ее относительная скорость может достигать уже сотен или более километров в секунду — в тысячу раз больше той, что она имела бы на орбите. Значит, она просто случайно залетела сюда, пройдет мимо Солнца и никогда не вернется. Но тем не менее она остается за облаком и, на взгляд, почти не меняет своего положения.

— Как это может быть?

— Если звезда движется с внушительной скоростью, а для наблюдателя остается почти на одном месте — этому может быть только одно объяснение.

— Только не говори мне, что она качается из стороны в сторону.

— Янус, не надо шутить. — Инсигна закусила губу. — Все это не смешно. Дело в том, что, скорее всего, Немезида

движется почти по прямой к Солнцу... Она не смещается ни вправо, ни влево, словно стоит на месте, а на самом деле летит прямо на нас, прямо на Солнечную систему.

— Это достаточно достоверные данные? Им можно верить? — Питт озабоченно взглянул на Эугению.

— Пока нет. Когда я обнаружила звезду, никаких причин специально измерять ее спектр у меня не было. Конечно, когда я измерила ее параллакс, следовало определить и спектр. Только у меня до этого руки не дошли. Ты ведь, конечно, помнишь, что, назначая меня руководителем всех работ по Дальнему Зонду, ты приказал, чтобы никто из моих подчиненных не вздумал даже взглянуть в сторону Немезиды. И я не имела права отдать им такое распоряжение, ну а после Исхода... каюсь, я просто забыла. Но теперь придется заняться этим делом вплотную.

— Позволь тогда задать тебе один вопрос. А что, если Немезида, наоборот, летит от Солнца? Тогда для нас она тоже как бы стоит на одном месте. Теоретически оба события равновероятны, не так ли?

— Истину определит спектральный анализ. Если будет обнаружено красное смещение — значит, Немезида удаляется, если фиолетовое — приближается.

— Но теперь уже поздно этим заниматься. Если ты сейчас станешь определять ее спектр, он покажет, что Немезида приближается к нам — потому что мы приближаемся к ней.

— Я не стану сейчас определять спектр Немезиды. Я займусь спектром Солнца. Если Немезида приближается к Солнцу, значит, и Солнце приближается к Немезиде; следует учесть и собственное движение Ротора. Но сейчас мы тормозим, и через какой-нибудь месяц наше собственное движение перестанет сказываться на результатах спектроскопических измерений.

С полминуты Питт размышлял, уставившись в стол, вовсе не заваленный бумагами; рука его медленно поглаживала клавиатуру компьютера. Наконец, не поднимая глаз, он буркнул:

— Нет, эти наблюдения лучше не проводить. Я не хочу,

чтобы ты впредь забивала себе голову такой ерундой. На мой взгляд, здесь нет ничего интересного.

И знаком велел ей идти.

12

Ноздри Инсигны раздулись от гнева. Она резко выдохнула и громко произнесла:

— Как ты смеешь, Янус? Как ты смеешь?

— В чем дело? — Питт нахмурился.

— Как ты смеешь отсылать меня, словно простого оператора-компьютерщика? Не найди я Немезиду — где бы мы были? И ты не стал бы комиссаром! Немезида моя. Во всем, что касается ее, я имею право голоса.

— Немезида уже не твоя. Теперь она принадлежит Ротору. Пожалуйста, уходи, не мешай мне заниматься делами.

— Янус, — продолжала она, повысив голос, — повторяю тебе еще раз: по всему следует, что Немезида летит прямо на Солнечную систему.

— А я тебе опять говорю: может быть, летит, а может, и наоборот. И даже если так — теперь это не наша Солнечная система — она осталась всем этим... Только не надо говорить мне, что Немезида столкнется с Солнцем. Я тебе просто не поверю, если ты станешь упорствовать. За пять миллиардов лет Солнце ни разу не сталкивалось со звездою, даже близко не подходило. Вероятность столкновения звезд чудовищно мала даже в более густо населенных ими областях Галактики. Я не астроном, но это, по крайней мере, знаю.

— Янус, вероятность и есть вероятность — это не гарантия. Возможно, хоть и маловероятно, Солнце действительно столкнется с Немезидой, однако я в этом и сама сомневаюсь. Вся беда в том, что близкое прохождение звезды, даже без столкновения, способно оказаться гибельным для Земли.

— И насколько близким окажется это твое близкое прохождение?

— Не знаю. Придется хорошенько посидеть за расчетами.

— Хорошо. Итак, ты предлагаешь, чтобы мы взяли на се-

бя все хлопоты: наблюдения и расчеты. А что прикажешь делать, если ситуация действительно чревата бедой для Солнечной системы? Что тогда? Будем предупреждать их?

— Естественно, разве у нас есть выбор?

— А как мы будем это делать? У нас нет никакой гиперсвязи, а если бы и была — они все равно не смогли бы принять сообщение. Если мы попробуем использовать излучение — если у нас найдется достаточно мощный источник когерентного света, микроволн, модулированных нейтрино, да чего угодно — через два года твое послание достигнет Земли. А как мы узнаем, принято ли оно? Если они получат сообщение и дадут ответ, то его мы узнаем еще через два года. И что же мы получим в итоге? Нам придется открыть Земле, где расположена Немезида, ведь они увидят, что информация от нее-то и идет. И все наши труды весь план создания единой цивилизации возле Немезиды, вдали от тлетворного влияния Земли, немедленно рухнет.

— Янус, а какую цену придется заплатить человечеству за наше молчание?

— А тебе-то что? Даже если Немезида движется к Солнцу, сколько лет уйдет на это путешествие?

— Вероятно, она подойдет к Солнечной системе через пять тысяч лет.

Откинувшись в кресле, Питт холодным сухим взором с деланым удивлением взглянул на Инсигну.

— Надо же, через пять тысяч лет. Всего только через пять тысяч лет? Ты не забыла, Эугения, первый человек ступил на поверхность Луны всего двести пятьдесят лет назад. Два с половиной столетия миновало — и вот мы уже возле самой близкой звезды. Где же мы окажемся еще через два с половиной века? Да где угодно, возле какой угодно звезды. А через пять тысяч лет, через пятьдесят столетий, люди расселятся по всей Галактике, если только там не окажется иных форм разумной жизни. Да мы протянем руку к другим галактикам! Через пять тысяч лет наша техника станет такой, что, если Солнечной системе и впрямь будет грозить беда, все население и планет, и поселений сумеет отправиться в дальний космос к новым звездам.

— Янус, не думаю, что технический прогресс позволит эвакуировать всю Солнечную систему простым мановением руки. Чтобы переселить миллиарды людей — без хаоса, без снижения уровня жизни, — потребуются долгие приготовления. Но даже если смертельная опасность будет угрожать жизни человечества только через пять тысяч лет, люди должны узнать о ней немедленно. Чтобы, не теряя времени, приступить к подготовке.

— Эугения, я знаю — у тебя доброе сердце — и потому предлагаю тебе компромисс, — проговорил Питт. — Давай так: пусть у роториан будет в запасе еще сотня лет, чтобы обжиться, народить детей, настроить поселений, обрести уверенность и силу. Вот тогда мы сможем спокойно заняться будущим и Немезиды, и самого Солнца. Тогда, если потребуется, мы предупредим Солнечную систему. И у них останутся почти те же пять тысяч лет на подготовку. Одно столетие — подобная задержка едва ли окажется роковой.

— Таким тебе видится будущее? — вздохнула Эугения. — Человечество рассеется среди звезд, и каждая крохотная группка его будет стараться отогнать чужих от своей звезды? Вечная ненависть, взаимные козни и свары — как и все эти тысячи лет на Земле, только раздутые теперь до масштабов Галактики?

— Эугения, ничего мне не видится. Пусть человечество поступает, как ему заблагорассудится. Пусть оно рассеется, как ты сказала, пусть создает себе галактическую империю, пусть делает что захочет. Я не собираюсь ему диктовать или направлять на путь истинный. С меня довольно моего поселения, его нужд и забот и того столетия, что нужно ему, чтобы пустить корни у Немезиды. К этому времени ни тебя, ни меня благополучно не будет в живых, и пусть наши потомки сами решают, как им предупреждать Солнечную систему и стоит ли это делать. Я пытаюсь подойти к этому делу с позиций разума, а не эмоций. Эугения, ты же умная женщина. Подумай об этом.

Так Инсигна и сделала. Усевшись в кресле, она долго с укоризной глядела на Питта, ожидавшего с подчеркнутым долготерпением на лице.

Наконец она проговорила:

— Ну хорошо, я вижу, к чему ты клонишь. Придется заняться исследованием относительного движения Земли и Немезиды. Возможно, и в самом деле не из-за чего поднимать шум.

— Нет. — Питт поднял вверх указующий перст. — Вспомни, что я тебе говорил. Этого делать нельзя. Если Солнечной системе ничто не грозит, затраты себя не оправдают. Тогда мы будем просто исполнять то, на чем я настаиваю, — столетие спокойно растить здесь принесенное Ротором зерно цивилизации. Если же окажется, что это не так, что беда неминуема — совесть, страх и вина будут мучить тебя. Новость эта, конечно же, станет известна и ослабит решимость роторианин, многие из которых не менее сентиментальны, чем ты. Ты поняла меня? — Она промолчала. — Вот и отлично, вижу, что поняла. — И вновь знаком велел ей уходить.

На сей раз она ушла. Глядя ей вслед, Питт подумал: она становится совершенно несносной.

Глава 7

РАЗРУШЕНИЕ

13

Марлена круглыми глазами глядела на мать. Она старалась, чтобы радость не отразилась на ее лице, но душа ее пела. Наконец-то мать рассказала ей и об отце, и о комиссаре Питте. Наконец-то ее считают взрослой.

— А я бы проследила за движением Немезиды, невзирая на приказ комиссара Питта, — проговорила Марлена, — но вижу, что ты, мама, поступила иначе. Печать вины на твоем лице доказывает это.

— Вот уж не думала не гадала, что у меня на лбу печать вины, — сказала Инсигна.

— Своих чувств не скрыть никому, — отозвалась Марлена, — стоит только приглядеться повнимательнее — и все становится ясным.

Другие так не умеют. Это Марлена поняла не сразу — и с большим трудом. Люди не умеют смотреть и видеть, не умеют обращать внимание. Они словно не замечают лиц, тел, звуков и поз... и всяких там нервных жестов.

— Не надо тебе постоянно так вглядываться, Марлена, — сказала Инсигна, словно мысли их текли параллельно. Она обняла дочь за плечи, чтобы смягчить то, что хотела сказать. — Люди нервничают, когда ты пронизываешь их взглядом своих огромных глаз. Уважай их уединение.

— Да, мама, — ответила Марлена, без всякого усилия подмечая, что мать пытается как-то оградиться от нее. Она явно беспокоилась о себе самой, не понимая, что выдает себя каждым жестом. — Ну а как случилось, что, невзирая на чувство вины, ты ничего не сделала для Солнечной системы? — спросила Марлена.

— По целому ряду причин, Молли.

«Какая Молли! — возмутилась про себя Марлена. — Я Марлена! Марлена! Марлена! Три слога, ударение на втором. Взрослая!»

— Каких же? — угрюмо спросила она.

Неужели мать не может заметить, какое отчуждение охватывает ее всякий раз, когда она слышит свое детское имя? Ведь и лицо дергается, и в глазах зажигается огонек, и губы кривятся. Почему люди не видят? Почему не замечают?

— Во-первых, слова Януса Питта звучали весьма убедительно. Сколь бы неожиданными ни были его соображения, какими бы неприглядными они ни казались, но в конце концов приходится признать известную справедливость его аргументов.

— Но если так, мама, — он опасный человек... просто жуткий.

Оторвавшись от размышлений, Инсигна с любопытством взглянула на дочь.

— Почему ты так решила?

— Можно достаточно убедительно обосновать любую точку зрения. И если ты сумеешь быстро подыскать подходящие причины и безукоризненно их представить, можешь убедить кого угодно и в чем угодно, а это опасная вещь.

— Я согласна с тобой. Янус Питт действительно обладает такой способностью. Удивляет меня то, что ты сумела это понять.

«Еще бы, — подумала Марлена, — ведь мне всего пятнадцать, и ты привыкла видеть во мне ребенка».

Но вслух сказала:

— Наблюдая за людьми, можно многому научиться.

— Да. Только помни, что я тебе говорила, следи за собой. (Никогда!)

— Так, значит, мистеру Питту удалось тебя убедить?

— Он сумел доказать мне, что наше промедление не опасно.

— А тебе не хотелось все-таки выяснить, куда движется Немезида и чем это грозит? Тебе же следовало это сделать!

— Да, но это не так легко, как тебе кажется. Обсерватория вечно загружена. Приходится ждать своей очереди, чтобы воспользоваться инструментами. Хоть я и руковожу ею, но не распоряжаюсь бесконтрольно. К тому же, когда кто-то из нас берется за какое-то дело, все немедленно узнают об этом. Что и как делается, знают все, и почему — тоже всем известно. Так что у меня практически не было возможности получить подробный спектр Немезиды и Солнца, а потом воспользоваться компьютером обсерватории для необходимых вычислений так, чтобы об этом никто не знал. Полагаю, что у Питта в обсерватории есть люди, которые приглядывают за мною. И если бы я выказала норов, об этом ему непременно стало бы известно.

— Но что он может тебе сделать, а?

— Конечно, он меня не расстреляет за измену — ты, наверное, это имела в виду? — едва ли он возмечтал о чем-нибудь подобном, но, во всяком случае, может освободить от работы в обсерватории и отправить куда-нибудь на ферму. А мне бы не хотелось. К тому же вскоре после моего разговора с Питтом мы обнаружили рядом с Немезидой планету или крошечную звезду: мы до сих пор не знаем, к планетам или звездам ее отнести. Между ними всего четыре миллиона километров, и спутник этот не излучает в видимом диапазоне.

— Ты говоришь о Мегасе, мама?

— Да. Это старинное слово означает «большой». Для планеты Мегас очень массивен, он тяжелее Юпитера, самой большой планеты Солнечной системы, но для звезды слишком мал. Некоторые называют Мегас коричневым карликом. — Она умолкла и, прищурившись, посмотрела на дочь, словно вдруг засомневалась, что дочь способна разобраться в сути дела. — А ты знаешь, Молли, что такое коричневый карлик?

— Мама, меня зовут Марлена.

Инсигна слегка порозовела.

— Конечно. Прости, я частенько забываюсь. Понимаешь, привыкла. Просто была у меня когда-то любимая дочурка по имени Молли.

— Знаю. Когда мне снова исполнится шесть, можешь вновь звать меня Молли.

Инсигна рассмеялась:

— Итак, Марлена, знаешь ли ты, что такое коричневый карлик?

— Да, мама. Коричневый карлик — это крохотное, подобное звезде небесное тело, не обладающее необходимой массой, чтобы давление и температура внутри его стали достаточными для синтеза ядер водорода, при этом массы тела хватает для осуществления вторичных реакций, разогревающих его.

— Правильно. Неплохо. Мегас как раз находится на линии раздела. И не горячая планета, и не тусклый коричневый карлик. Он не испускает видимого света — только инфракрасный, и недостаточно интенсивно. Мегас не похож на известные нам небесные тела. Он оказался первой планетой за пределами Солнечной системы, которую мы обнаружили и могли изучить, поэтому обсерватория занялась подробнейшими исследованиями. И мне не дали бы приборного времени на изучение движения Немезиды, даже если бы я попросила, но, по правде сказать, я обо всем забыла. Мегас заинтересовал меня не менее, чем других.

— М-м-м, — произнесла Марлена.

— В итоге мы решили, что Мегас просто внушительных размеров планета, обращающаяся вокруг Немезиды. Масса его в пять раз...

— Знаю, мама. В пять раз больше, чем у Юпитера, и со-

ставляет одну тридцатую массы самой Немезиды. Все это мне давным-давно рассказал компьютер.

— Конечно, дорогая. И Мегас пригоден к обитанию не более, чем Юпитер, скорее даже менее. Поначалу это нас разочаровало, хотя нельзя было надеяться, чтобы возле красного карлика нашлась пригодная для обитания планета. Приливные силы неминуемо заставили бы планету с морями обратиться к Немезиде одной стороной.

— Но разве не так дело обстоит с Мегасом? По-моему, одна сторона его всегда смотрит на Немезиду.

— Да, верно. Это значит, что у него есть теплая сторона и холодная. На теплой — достаточно тепло. Но она раскалилась бы докрасна, если бы не плотная атмосфера — циркуляция ее несколько уравнивает температуру на всей планете. Поэтому — ну и потому, что Мегас сам выделяет тепло, — на обратной его стороне тоже не холодно. С точки зрения астронома, Мегас обладает уникальными особенностями. Потом мы обнаружили, что у Мегаса есть спутник — или планета, если считать его звездой, — Эритро.

— Вокруг которой и обращается Ротор. Знаю, мама, но после открытия Мегаса и Эритро и всех тогдашних хлопот прошло одиннадцать лет. Неужели за все это время ты не сумела украдкой снять спектры Немезиды и Солнца? И кое-что просчитать?

— Ну...

— Я знаю, ты сделала это, — быстро сказала Марлена.

— Догадалась по выражению моего лица?

— По всему твоему виду.

— Марлена, жить рядом с тобой, наверное, скоро будет невозможно. Да, я сделала это.

— И?

— Немезида летит к Солнечной системе.

Помолчав, Марлена негромко спросила:

— Значит, произойдет столкновение?

— Нет, если верить моим расчетам. Я уверена, что ни с Солнцем, ни с Землей, ни с какой-нибудь большой планетой она не столкнется. Но, видишь ли, даже если этого не случится, Земля все равно может погибнуть.

14

Марлена видела, что разговор о гибели Земли неприятен матери, что Инсигна охотно прекратила бы его, если бы дочь не приставала с расспросами. Выражение ее лица, то, как она отодвинулась от Марлены, словно хотела уйти, как время от времени деликатно облизывала губы, словно старалась стереть с них привкус собственных слов, — было для Марлены красноречивее любых слов.

Но девочка не хотела, чтобы мать замолчала, — всего нужного она еще не услышала.

— А как Немезида может погубить Землю, не сталкиваясь с ней? — тихо спросила она.

— Попробую объяснить. Земля обращается вокруг Солнца — как Ротор вокруг Эритро. Если бы Солнечная система состояла только из Земли и Солнца, то первая могла бы кружить вокруг второго почти бесконечно. Я говорю — почти, ибо дело в том, что, обращаясь вокруг Солнца, Земля излучает гравитационные волны, уносящие ее энергию, и медленно, очень медленно приближается к Солнцу. Сейчас этим фактором можно пренебречь. Но на самом деле все гораздо сложнее, потому что Земля не одна. Ее притягивают Луна, Марс, Венера, Юпитер и другие планеты. Их суммарное притяжение невелико по сравнению с солнечным, и орбита Земли более или менее постоянна. Однако малые воздействия сложным образом меняют свою силу и направление — поскольку перемещаются и порождающие их объекты — и тем самым вызывают незначительные изменения орбиты Земли. Планета то приближается к Солнцу, то удаляется от него. Ось ее поворачивается, меняет наклон, изменяется эксцентриситет орбиты и так далее.

Можно показать — и уже было показано, — что все эти изменения цикличны, то есть периодически меняют направление. Существенно, что движение Земли вокруг Солнца неравномерно и подчиняется дюжине вынужденных воздействий. То же происходит со всеми телами Солнечной системы. Такая легкая тряска не мешает жизни на Земле. В худшем случае может наступить обледенение — но оно кончит-

ся; уровень моря упадет — и подымется: планета переживает все это уже более трех миллиардов лет.

А теперь представим, что будет, если Немезида вторгнется в Солнечную систему и промчится, скажем, в световом месяце от Земли — меньше чем в триллионе километров. Пока она будет проходить мимо Солнца — а на это потребуется несколько лет, — гравитационное поле системы исказится. Планеты станут дергаться на орбитах, но, когда Немезида пройдет, все снова встанет на свои места.

— Но ты выглядишь так, словно дела обстоят гораздо хуже, чем ты говоришь. Что плохого в том, что Немезида хорошенько порастрясет Солнечную систему? Ведь потом все встанет на свои места.

— Встать-то встанет, но где в результате очутятся планеты? На прежнем ли месте? В этом, собственно, и вся проблема. Если изменится орбита Земли — она отодвинется от Солнца или приблизится к нему? Если ось планеты изменит свое положение в пространстве — как это подействует на климат планеты? Даже малое изменение может сделать необитаемым целый мир.

— А нельзя ли все рассчитать?

— Нет. На Роторе трудно проводить астрономические измерения: он дергается в пространстве, и куда сильнее, чем планеты. Чтобы определить, какой путь выберет Немезида, потребуется много времени и много расчетов, и все равно нельзя будет положиться на их результаты, пока Немезида не окажется возле Солнца — через много-много лет после моей смерти.

— Значит, ты не можешь сказать, как близко к Солнечной системе подойдет Немезида?

— Рассчитать это почти невозможно. Нужно учесть гравитационное поле почти всех ближних звезд. И даже самая крохотная неточность при исходном расстоянии в два световых года может привести к таким отклонениям, что точное попадание превратится в абсолютный промах, и наоборот.

— Но комиссар Питт утверждал, что, когда Немезида окажется близко, всякий обитатель Солнечной системы сумеет спастись — разве он не прав?

— Возможно, и прав. Но можно ли сказать, что будет через пять тысяч лет? Какие исторические выкрутасы произойдут, к каким последствиям они приведут? Можно лишь надеяться, что все уцелеют.

— Даже если их не предупредить, — проговорила Марлена, робко напоминая матери общеизвестную астрономическую истину, — они сами все обнаружат. Иначе не может быть. Немезида приблизится, ее заметят, и, когда в направлении ее движения уже нельзя будет ошибиться, люди сумеют определить траекторию с куда большей точностью.

— Но тогда времени на подготовку к бегству останется гораздо меньше.

Поглядев на носки своих туфель, Марлена проговорила:

— Мама, не сердись на меня. Но мне кажется, ты не будешь рада, даже если все люди сумеют спастись. Что-то тут не то. Пожалуйста, скажи мне, в чем дело.

— Мне бы не хотелось, чтобы все покинули Землю, — ответила Инсигна, — пусть даже все пойдет по плану, и у них хватит времени, и обойдется без несчастных случаев — мне все равно не нравится эта мысль. Я не хочу, чтобы люди покинули Землю.

— А если это неизбежно?

— Пусть. Можно склонить голову перед судьбой, но мне не нравится такая перспектива.

— Значит, ты чувствуешь, что привязана к Земле? Ты, кажется, училась там, не так ли?

— Я завершала там дипломную работу. Земля не понравилась мне, но это ровным счетом ничего не значит. Это родина человечества. Ты понимаешь, что я имею в виду, Марлена? Как бы я к ней ни относилась, она останется миром, где жизнь просуществовала целую вечность. Для меня Земля не планета — а идея, абстракция. И я хочу, чтобы она жила ради того, что было. Не знаю, поняла ли ты меня.

— Отец был землянином, — сказала Марлена.

Инсигна поджала губы.

— Да, был.

— И он вернулся на Землю.

— Судя по регистрационным записям, он поступил именно так. Во всяком случае, я в этом не сомневаюсь.

— Значит, я наполовину землянка. Да?

Инсигна нахмурилась.

— Все мы земляне, Марлена. Мои предки жили на Земле. И прабабка моя родилась там же. Все здесь — порождение Земли. И не только люди. Каждый кусочек жизни в любом из поселений — от вируса до дерева — с Земли.

— Но только люди сознают это. И некоторые — лучше остальных. Ведь ты до сих пор вспоминаешь об отце? — Заглянув Инсигне в глаза, Марлена вздрогнула. — Это не мое дело. Но ведь ты сама хочешь рассказать мне.

— Да, у меня было такое желание — но я не могу руководствоваться чувствами. В конце концов, ты и его дочь. Да, я до сих пор вспоминаю о нем. — Инсигна пожала плечами. — А о чем ты вспоминаешь, Марлена?

— Мне не о чем вспоминать. Я забыла его. Я даже никогда не видела его голограммы.

— Но ведь дело не в... — Инсигна осеклась.

— Знаешь, когда я была поменьше, меня удивляло, почему во время Исхода одни отцы оставались со своими детьми, а другие — нет. И я решила, что те, кто оставил Ротор, не любили своих детей и мой отец тоже не любил меня.

Инсигна взглянула на дочь.

— Ты никогда не говорила мне об этом.

— Я так думала, когда была маленькой. А потом стала старше и поняла, что все гораздо сложнее.

— Ты не должна была так думать. Это неправда. И я немедленно переубедила бы тебя, если бы имела хоть малейшее представление...

— Мама, я понимаю, ты не любишь разговаривать о том времени.

— Пришлось бы, знай я только о твоей идее, — но, увы, я не умею читать на твоем лице, как ты на моем. Он любил тебя. И взял бы с собой, если бы я согласилась. Вы разлучились по моей вине.

— Он тоже виноват. Он должен был остаться.

— Должен — но теперь, когда столько лет прошло, я понимаю его лучше, чем прежде. В конце концов, я оставалась дома — мой мир всегда был со мной. И здесь, за два световых года от Земли, я тоже дома, на Роторе, где родилась. Твой отец был другим. Он родился на Земле. И я думаю, он не смог примириться с мыслью о том, что ему придется навсегда оставить родную планету. Мне не нравится Земля. Но сердца миллиардов людей могут разорваться от тоски по ней.

Они помолчали, потом Марлена сказала:

— Интересно, что он делает сейчас на Земле?..

— Трудно сказать. Двадцать триллионов километров — путь неблизкий, и четырнадцать лет — это очень долго.

— Как ты думаешь, он жив?

— Даже этого мы с тобой не можем знать, — отозвалась Инсигна. — Жизнь человека на Земле весьма быстролетна... — И, словно вдруг осознав, что разговаривает не сама с собой, продолжила: — Я уверена, что он жив. Когда мы расставались, здоровье у него было хоть куда, и вообще ему еще нет пятидесяти. — И тихо спросила: — Тебе его не хватает, Марлена?

Та покачала головой:

— Как может не хватать того, чего у тебя никогда не было?

«Он был у тебя, мама, — подумала она, — и тебе-то его и не хватает».

Глава 8

АГЕНТ

15

Как ни странно, Крайлу Фишеру пришлось привыкать к Земле, осваиваться на ней заново. Он и представить не мог, что за неполные четыре года Ротор станет частью его жизни. Конечно, четыре года — большой срок, однако не настолько, чтобы родная планета стала совсем чужой.

Снова необъятный земной простор, далекий четкий горизонт, а над ним высокое хмурое небо. Снова люди, люди... Как приятно опять ощутить земное притяжение, но глав-

ное — погода, по-прежнему своенравная: непредсказуемые холода, оттепели и ветры, от умеренного до сильного.

Крайлу не нужно было испытывать все это на своей шкуре, чтобы прочувствовать. Даже находясь в собственной квартире, он знал, что творится за ее стенами. Капризы планеты действовали на него, волновали душу. А может быть, ему так только казалось — в его тесной, уставленной мебелью комнатушке, где каждый звук был отчетлив и ясен и куда загнал его этот шумный и тленный мир.

Странно — на Роторе он все время скучал по Земле, а вернувшись домой, затосковал о Роторе. Может быть, ему суждено всю жизнь стремиться туда, где его нет?..

Вспыхнула сигнальная лампочка, заверещал звонок. Звук вибрировал — на Земле все вибрирует, тогда как на Роторе буквально все удручало своей эффективностью и постоянством.

— Входите, — негромко пригласил Крайл. Отреагировав на голос, дверь открылась.

Вошел Гаранд Уайлер — Фишер ждал его — и взглянул на хозяина с удивлением.

— Крайл, ты хоть пошевелился, после того как я ушел?

— Походил взад-вперед. В ванной посидел.

— Хорошо. Значит, ты жив, хоть с виду этого и не скажешь. — Темнокожий гость широко улыбнулся, сверкнув ослепительно белыми зубами. У него были черные глаза и густые курчавые волосы. — Все думаешь о Роторе?

— Да, все время.

— Хотел спросить, да как-то не получалось. Значит, там были одни «белоснежки» и никаких семи гномов, так?

— Одни «белоснежки», — согласился Фишер, — чернокожих я не встречал.

— В таком случае скатертью им дорога. Ты знаешь, что они улетели?

Фишер напрягся и едва не вскочил, но сдержался и кивнул.

— Они же собирались.

— И не соврали. Когда Ротор стартовал, мы следили за ним — по излучению, потом он набирал скорость с помо-

щью своего гиперпривода — и вдруг исчез... Словно его и не было.

— А вы заметили, когда он вновь вошел в пространство?

— Несколько раз — и с каждым разом слабей и слабей. Сперва он опробовал силенки, а потом стал уходить со скоростью света, а после того, как он трижды нырнул в пространство и выскочил, то оказался уже недосягаемым для наших приборов.

— Так они решили, а несогласных вроде меня — выбросили, — с горечью проговорил Фишер.

— Жаль, что тебя там не было. Это было интересно. Знаешь, а ведь кое-кто из сторонников жесткой линии считал, что вся эта история с гиперприводом — не что иное, как надувательство, затеянное по неизвестным причинам.

— Но ведь Ротор уже отправлял в космос свой Дальний Зонд. Без гиперпривода он не смог бы залететь так далеко.

— Надувательство! Так они и говорили.

— И ошиблись.

— Да, теперь все это знают. Все-все. Когда Ротор исчез из поля зрения приборов, другого объяснения не осталось. Все поселения за ним следили. Ошибки быть не могло. Он исчез практически одновременно для всех наблюдателей. К сожалению, мы не знаем одного — куда они направились.

— Наверное, на альфу Центавра. Куда же еще?

— В Конторе полагают, что это не альфа Центавра и что ты знаешь пункт назначения.

На лице Фишера появилась досада.

— Меня и так допрашивали всю дорогу — и до Луны, и после. Я ничего не утаил.

— Конечно. Мы это знаем. Ты не утаил ничего, что тебе было известно. Но меня просили переговорить с тобой по-дружески и выяснить, не знаешь ли ты такого, о чем и сам не догадываешься. Ну просто в голову не приходило. Все-таки ты пробыл там четыре года. Женился, завел ребенка. Не мог же ты ничего не узнать.

— А как? Да выкажи я хоть малейший интерес к таким вещам, меня немедленно выставили бы. Одно только мое земное происхождение заставляло их относиться ко мне с подоз-

рением. Если бы я не женился, так сказать, не дал бы им понять, что намереваюсь сделаться роторианином, меня бы вышвырнули без разговоров. А так — меня просто не информировали обо всех важных делах. — Фишер поглядел в сторону. — Ну и вышло, как они хотели. Моя жена была всего лишь астрономом. Мне же не из чего было выбирать, сам знаешь. Не мог же я дать объявление на головидение, что ищу молодую даму — специалиста по гиперпространству. Уж если бы я встретил такую, то постарался бы заарканить, будь она похожа хоть на гиену. Только не повезло — не встретил. Техника — вещь тонкая, по-моему, они держат ценных специалистов в полной изоляции. Не исключено, что в лабораториях они носят маски и пользуются псевдонимами. Четыре года я пробыл там — и никакого следа, никакого намека. Не мог же я не понимать, что здесь подумают, будто я надуваю Контору. — Обернувшись к Гаранду, он заговорил со внезапной пылкостью: — Все сложилось плохо, мне не повезло. Никак не мог отделаться от мысли, что я неудачник.

Уайлер сидел напротив Фишера за столом посреди тесной комнатушки и покачивался на задних ножках стула, придерживаясь за столешницу, чтобы не упасть.

— Крайл, Контора не может позволить себе деликатничать, но не все же такие бесчувственные. Сожалею, что приходится обходиться с тобой подобным образом, но, увы... Мне очень жаль, что работа эта выпала мне. Твой провал встревожил нас: ты не смог добыть никакой информации. Если бы Ротор не исчез, едва ли кто-нибудь взволновался, но он исчез. У них есть гиперпривод, а ты ничего не дал Земле.

— Я знаю.

— Но не думай, что мы намерены тебя вышвырнуть и забыть. Не исключено, что ты еще сможешь оказаться полезным. Итак, я вынужден установить, честным ли был твой провал.

— Что это значит?

— Я должен иметь возможность заявить, что твоя неудача не была вызвана какими-нибудь личными причинами. В конце концов, ты был женат на роторианке. Она была красивая? Ты любил ее?

— Иными словами, не из-за любви ли я решил встать на сторону роториан и хранить их тайну?! — негодующе воскликнул Фишер.

— Ну, — невозмутимо произнес Уайлер. — И что ты мне скажешь?

— Как ты мог подумать? Если бы я решил стать роторианином, то просто улетел бы с ними. Затерялся бы в глубинах космоса — и никто бы меня не нашел. Но я этого не сделал. Я покинул Ротор и вернулся на Землю, понимая, что погубил свою карьеру.

— Мы ценим твою преданность.

— Моя преданность может быть сильнее, чем вы предполагаете.

— Хорошо, возможно, ты любил свою жену и вынужден был оставить ее. Это зачлось бы в твою пользу, имей мы возможность проверить данный факт.

— Дело не столько в жене, сколько в дочери.

Уайлер задумчиво взглянул на Фишера.

— Крайл, мы знаем, что у тебя там осталась годовалая дочка. Учитывая обстоятельства, тебе не следовало бы, наверное, заходить так далеко.

— Согласен. Но я же не хорошо смазанный робот. Иногда кое-что случается и против твоей воли. А когда девочка родилась, я нянчился с ней целый год...

— Понятно, но год — это всего лишь год. Едва ли за такое время может создаться прочная связь.

Фишер скривился.

— Тебе кажется, что все так просто, но ты совершенно ничего не понимаешь.

— Объясни — я попробую понять.

— Видишь ли, она как две капли воды похожа на мою сестру.

Уайлер кивнул.

— Ты упоминал о ней в своей анкете. Рози, кажется.

— Розанна. Она погибла восемь лет назад во время беспорядков в Сан-Франциско. Тогда ей было всего семнадцать.

— Сочувствую.

— Она не была ни на чьей стороне. Просто под руку под-

вернулась — это чаще случается с невинными очевидцами, чем с заводилами и их приспешниками. Потом мы нашли ее тело и кремировали.

Уайлер сочувственно молчал.

— Ей было только семнадцать, — продолжал Фишер. — Родители наши умерли, — он коротко взмахнул рукой, словно хотел сказать, что не желает вдаваться в подробности, — когда мне было четырнадцать, а ей четыре. После школы я работал и следил, чтобы она была сыта, одета и под присмотром — даже когда мне самому приходилось туго. Я стал программистом — эта работа едва могла прокормить, о приличном заработке не могло быть и речи. И вот, едва ей исполнилось семнадцать... Да она за всю жизнь никого пальцем не тронула и знать не знала, о чем был весь шум и зачем драка. Просто шла мимо, и все...

— Теперь мне понятно, почему ты решил отправиться на Ротор.

— О да. Пару лет я жил как во сне. Потом, чтобы занять чем-нибудь голову и в надежде на опасности, поступил в Контору. И какое-то время искал смерти — а пока не нашел ее, старался сделать что-то полезное. Когда обсуждался вопрос о засылке агента на Ротор, я вызвался добровольцем. Не хотелось больше видеть Землю.

— Но ты вернулся. Жалеешь?

— Немного жалею, конечно. Только на Роторе мне было душно. При всех своих недостатках наша Земля так просторна. Гаранд, если бы ты только видел Розанну! Ты даже не можешь себе представить. Хорошенькой она не была, а вот глаза... — Взгляд Фишера застыл, словно углубился в былое. — Прекрасные глаза... жутковатые даже. Я никогда не мог глядеть в них без трепета. Она словно видела меня насквозь — если ты понимаешь меня.

— Нет, не понимаю, — заметил Уайлер.

Фишер не обратил внимания на его слова.

— Она всегда знала, когда я привирал или утаивал что-нибудь. Даже промолчать было трудно — она всегда догадывалась, в чем дело.

— Ты хочешь сказать, что она была телепатом?

— Что? Да нет же. Она говорила, что умеет догадываться по выражению лица и интонациям. Она говорила, что никто не может скрыть свои мысли. Смейся не смейся, но и скорби за смехом не спрячешь, и улыбкой горечи в душе не укрыть. Она пыталась объяснять, но я так и не сумел понять, как ей это удавалось. Она была совсем не такая, как все, Гаранд. Я благоговел перед ней. И вот рождается моя собственная дочка, Марлена...

— Ну и?..

— С такими же точно глазами.

— Как у сестры?

— Поначалу не совсем, но я видел, как они становились такими. Ей было только шесть месяцев, а мне уже хотелось опустить глаза под ее взглядом.

— И жена испытывала то же самое?

— По ее поведению я никогда не замечал этого, но ведь сестрички Розанны у нее не было. Марлена почти не плакала, всегда была такой спокойной. Розанна, насколько я помню ее в детстве, была такой же. И судя по личику Марлены, красавицей она быть не собиралась. В общем, словно это Розанна вернулась ко мне. Словом, все давалось мне весьма тяжело.

— Ты говоришь о возвращении на Землю?

— Да, так трудно было покидать их. Словно я вновь потерял Розанну. Дочь мне тоже теперь не увидеть!

— Но ты же вернулся.

— Из чувства долга. Долг! Но если честно — я чуть было не остался. Меня буквально раздирало на части. Я отчаянно не хотел оставлять Розанну... то есть Марлену. Видишь, я имена перепутал. Жена моя, Эугения, тогда сказала мне трагическим голосом: «Если бы ты знал, куда мы направляемся, то не рвался бы обратно». А я совсем не собирался их покидать. Я хотел, чтобы она вернулась со мной на Землю. Она отказалась. Тогда я попросил ее отдать мне... Марлену. Она снова отказалась. И в тот самый момент, когда я уже готов был сдаться, она словно взбесилась и прогнала меня. Я и ушел.

Уайлер задумчиво взглянул на Фишера.

— «Если бы ты знал, куда мы направляемся, то не рвался бы обратно...» Так она сказала?

— Да, так она и сказала. А когда я стал спрашивать, куда же летит Ротор, ответила: «К звездам».

— Тут что-то не так, Крайл. Ты знал, что они собираются лететь к звездам, но она сказала: «Если бы ты знал, куда мы направляемся...» — значит, кое-что тебе не было известно. Так что же ты так и не узнал?

— О чем ты говоришь? Как можно знать то, чего не знаешь?

Уайлер пожал плечами.

— Ты сказал об этом на допросе в Конторе?

Фишер задумался.

— Кажется, нет. Просто не вспомнил, пока не начал рассказывать тебе. — Он прикрыл глаза, потом медленно проговорил: — Нет, я никому не говорил об этом. Просто в голову не пришло.

— Ну хорошо. А как ты сам считаешь, куда мог отправиться Ротор? Может быть, ты все-таки слыхал кое-что? Слухи, какой-нибудь намек?

— Все считали, что к альфе Центавра. Куда же еще? Все-таки самая ближняя к нам звезда.

— Твоя жена была астрономом. Что она говорила об этом?

— Ничего. Буквально ни слова.

— Но Ротор же запустил Дальний Зонд...

— Да.

— И твоя жена участвовала в этой работе в качестве астронома.

— Да, но она об этом молчала, а я старался не спрашивать. За любое открытое проявление излишнего любопытства меня могли бы посадить — даже казнить, насколько я понимаю, — и тогда дело осталось бы несделанным.

— Но она же была астрономом — неужели не знала, куда они собираются лететь? Она ведь сказала: «Если бы ты знал...» — понял? Она знала, но если бы узнал и ты...

Фишер не проявил интереса к намеку:

— Видишь ли, она молчала, и я не могу сказать, знала она или нет, мне нечего тебе сказать.

— Ты уверен? А не припомнишь каких-нибудь словечек,

фраз, смысла которых ты не понял тогда? Что-нибудь такое, чем ей случалось озадачить тебя?

— Не могу даже представить.

— Подумай! Что, если с помощью Дальнего Зонда они обнаружили планетную систему около одной из подобных Солнцу компонент альфы Центавра?

— Не могу сказать.

— Или они нашли планету возле какой-нибудь другой звезды?

Фишер пожал плечами.

— Думай, — настаивал Уайлер. — Можно ли понимать ее слова так: «Ты думаешь, мы летим к альфе Центавра, а мы летим к планете, что обращается вокруг нее»? Или же она могла сказать: «Ты думаешь, мы летим к альфе Центавра, а мы летим к другой звезде, рядом с которой нам удалось обнаружить пригодную для жизни планету». Или что-нибудь в этом роде.

— Нет, не знаю.

Гаранд Уайлер поджал пухлые губы. Потом произнес:

— А теперь, старый дружище Крайл, я скажу тебе вот что. Тебя ждут три события. Во-первых, новый допрос. Во-вторых, скорее всего, нам удастся уговорить поселение на Церере, и они предоставят нам свои телескопы, чтобы мы могли внимательно и скрупулезно проверить каждую звезду в сотне световых лет от Солнца. В-третьих, наши специалисты по гиперпространству получат хорошую нахлобучку, чтобы впредь ловили мышей. Не сомневайся, так оно и будет.

Глава 9

ЭРИТРО

16

Годы шли. И не часто, совсем-совсем не часто — или так только казалось Янусу Питту — удавалось в одиночестве откинуться на спинку кресла, просто посидеть и расслабиться. Изредка выпадали минуты, когда не нужно было отдавать

распоряжения, обдумывать информацию, принимать решения, ездить на фермы и фабрики; когда можно было не следить за направлением движения Ротора в космосе; когда никто не ждал приема и не с кем было встречаться, некого было выслушивать, отчитывать и хвалить.

И всегда в такие моменты Питт позволял себе редкостную роскошь: он предавался жалости к себе самому.

Конечно, другой судьбы он и не принял бы. Он всегда хотел стать комиссаром, ибо был уверен, что лучше, чем кто бы то ни было, сумеет руководить Ротором. Став наконец комиссаром, он еще больше убедился в этом.

И все-таки жаль, что среди всех этих тупиц, населявших Ротор, нет никого, кто был бы наделен хоть частью его собственной прозорливости. С момента Исхода прошло уже четырнадцать лет, но никто так и не сумел увидеть неизбежное — несмотря на то что Питт пытался все растолковать.

В оставшейся позади Солнечной системе кто-нибудь скоро, и достаточно скоро, снова изобретет гиперпривод, как это сделали на Роторе, — быть может, даже более совершенный. Настанет день, когда сотни и тысячи поселений, миллионы и миллиарды землян отправятся колонизировать Галактику. Жестокое будет время.

Да, Галактика безмерна. Он тысячу раз слыхал об этом. А за ней простираются другие галактики. Но человечество не в состоянии распространяться равномерно. Непременно какая-нибудь звездная система покажется притягательнее соседних, и из-за нее тут же начнется грызня. И если десять поселений с колонистами на борту отправятся к десяти звездам, можно не сомневаться — все десять сойдутся в одной звездной системе.

Рано или поздно обнаружат и Немезиду, и тогда здесь появятся колонисты. Сумеет ли Ротор выжить?

Выжить можно, если иметь в запасе время, успеть построить сильную цивилизацию и обжить достаточно большое пространство. Если хватит времени, можно освоить несколько звездных систем. Если нет — достаточно и Немезиды, но она должна стать неприступной. Не к завоеваниям, не к захватам стремился Питт. Он хотел создать островок

спокойствия и безопасности к тому времени, когда ввергнутая в хаос конфронтации Галактика полыхнет огнем.

И только он один понимал это. Только он взвалил на себя эту тяжесть. А сколько ему осталось? Четверть века — не более... И что тогда? Кто сумеет проявить подобную дальнозоркость, когда его не станет?

Тут-то Питт и начинал жалеть себя. Столько лет, столько трудов, сколько еще предстоит — да разве хоть кто-нибудь сумеет по достоинству оценить дело рук его? Никто. И все кончится, его идея утонет в океане посредственности, что плещется у ног мудрых провидцев.

За все четырнадцать лет, минувших после Исхода, разве был хоть миг, когда он мог ощутить спокойную уверенность? Каждую ночь он засыпал с мыслью, что поутру узнает: возле Немезиды объявилось новое поселение.

И день за днем посреди повседневной суеты какая-то часть его была настороже, в любую минуту ожидая рокового известия.

Четырнадцать лет прошло, но цель еще не достигнута. Правда, уже построено целое поселение — Ротор-2.

Новенький, пахнущий краской, как прежде говорили, — его уже начали обживать. Еще три поселения находились в различной степени готовности.

Скоро, лет через десять, поселений станет больше и можно будет следовать древнему завету: плодитесь и размножайтесь!

Грустный пример Земли заставлял поселения помнить о собственных возможностях, и умножение рода людского в космосе не поощрялось. Неопровержимая сила арифметики сталкивалась с необоримой мощью инстинкта, но логика побеждала чувства. Однако, если поселений будет все больше, настанут времена, когда для них потребуются жители — много, — и тогда потребности к воспроизводству можно будет дать волю.

Временно, правда. Ведь сколько поселений ни создавай, все будут заселены, раз население без всяких сложностей сможет удваиваться каждые тридцать пять лет. Но настанет день, когда, миновав максимум, число строящихся поселе-

ний пойдет на убыль, тогда загнать в бутылку этого джинна будет куда труднее, чем выпустить.

Кто сумеет предусмотреть все это и подготовиться должным образом, когда его, Питта, не станет?

Кроме того, нельзя забывать про Эритро, планету, вокруг которой обращался Ротор, встречая восходы и закаты огромного Мегаса и румяной Немезиды. Эритро! Загадочная планета...

Питт прекрасно помнил те дни, когда Ротор входил в систему Немезиды. Ротор стремился к красному карлику, и люди постепенно открывали для себя непривычную простоту его планетной системы.

Мегас обнаружили всего в четырех миллионах километров от Немезиды — Меркурий от Солнца отделяет расстояние в пятнадцать раз большее. От своей звезды Мегас получал примерно то же количество энергии, что и Земля от Солнца, — только в спектре Немезиды было больше инфракрасных лучей и меньше видимых.

Даже с первого взгляда трудно было не заметить, что для заселения Мегас явно непригоден. Этот газовый гигант был постоянно обращен к Немезиде одной стороной. Вокруг звезды и вокруг собственной оси он обращался за одно и то же время — двадцать дней.

Вечная ночь на другой половине Мегаса несколько снижала температуру планеты, излучавшей собственное тепло. На обращенном к Немезиде полушарии царила невыносимая жара. При такой температуре Мегас удерживал свою атмосферу лишь потому, что его масса была больше, а диаметр меньше, чем у Юпитера, а сила притяжения на его поверхности в пятнадцать раз превышала юпитерианскую и в сорок раз — земную. Других планет у Немезиды не было.

Ротор подлетал все ближе, Мегас становился все виднее — и ситуация вновь изменилась.

Новость Питту сообщила Эугения Инсигна. На одном из снимков после компьютерной обработки обнаружили некий объект, после чего фотографию немедленно доставили Инсигне как главному астроному. И она в смятении явилась к Питту, в его комиссарский кабинет.

— У Мегаса есть спутник, — произнесла она, стараясь сдержать волнение. Голос ее дрожал.

Питт приподнял брови.

— Неужели это такая неожиданность? В Солнечной системе у газовых гигантов их бывает до двадцати.

— Конечно, Янус, но это не просто спутник. Он очень большой.

Питт сохранял невозмутимость.

— У Юпитера таких четыре.

— Я хочу сказать, что он действительно большой, — и масса, и размер почти как у Земли.

— Да? Интересно.

— Более чем интересно, Янус. Если бы этот спутник обращался вокруг Немезиды, приливные факторы давно заставили бы его повернуться к звезде одной стороной и он сделался бы непригодным для жизни. Но в данном случае одна его сторона обращена к куда более прохладному Мегасу. Далее, плоскость орбиты спутника образует большой угол с плоскостью экватора Мегаса. Это значит, что Мегас виден только из одного полушария спутника; период его вращения с севера на юг составляет примерно один день. От восхода до заката Немезиды на небе спутника тоже один день. В одном полушарии день и ночь длятся по двенадцать часов. В другом все происходит примерно так же, только днем часто случаются затмения — полчаса, не более, — сопровождаемые легким похолоданием. В этом полушарии в ночные часы светлее — отраженный Мегасом свет рассеивает тьму.

— У этого спутника такое интересное небо — просто находка для астронома.

— Янус, это не просто астрономическая «конфетка». Не исключено, что температура на спутнике равномерна и приемлема для человека. Значит, он может оказаться пригодным для жизни.

Питт улыбнулся.

— Становится еще интереснее, но все-таки его свет непривычен для нас.

Инсигна кивнула.

— Верно, солнце этой планеты покажется нам багровым,

а небо темным, там нет коротковолнового излучения, которое рассеивается атмосферой. И я думаю, ландшафт должен выглядеть там красноватым.

— Поскольку ты давала имя Немезиде, а кто-то из твоих людей Мегасу, на сей раз я воспользуюсь правом первооткрывателя. Назовем этот спутник «Эритро». Если не ошибаюсь, слово это греческое и означает «красный».

Какое-то время после этого новости оставались хорошими. Систему Мегас—Эритро окружал пояс астероидов. Маленькие планетки могли оказаться источником сырья для создания новых поселений.

Когда они еще ближе подошли к Эритро, обнаружились новые признаки ее пригодности для жизни. На Эритро оказались даже моря, которые, по предварительным оценкам облачного покрова в инфракрасном и видимом свете, были мельче земных. По-настоящему высоких гор на суше было немного.

Проанализировав все данные, Инсигна сделала заключение: климат планеты пригоден для человека.

Когда атмосферу Эритро можно было уже изучать точными спектроскопами, Инсигна с уверенностью сказала Питту:

— Атмосфера Эритро чуть-чуть плотнее, чем на Земле, и содержит шестнадцать процентов свободного кислорода, пять процентов аргона, остальное — азот. Возможна примесь двуокиси углерода, только мы ее пока не обнаружили. Главное — там можно дышать.

— Звучит все лучше и лучше, — обрадовался Питт. — Разве могла ты предположить такую возможность, когда обнаружила Немезиду?

— Это может обрадовать разве что биологов, а вот население Ротора — едва ли. При таком количестве кислорода в атмосфере возможно существование жизни.

— Жизни? — задумчиво повторил Питт.

— Жизни, — злорадно подтвердила Инсигна. — А там, где есть жизнь, могут оказаться и разум, и цивилизация.

17

Для Питта начались кошмарные дни. Теперь ему уже виделись не только полчища землян, преследующие по пятам его Ротор; к давним опасениям добавились новые, более сильные. Что, если Ротор вторгнется в пределы владений какой-нибудь древней и могущественной цивилизации, а та, сама того не замечая, возьмет и прихлопнет Ротор, как назойливого комара?

Но они продолжали приближаться к Немезиде, и однажды Питт с тревогой спросил у Инсигны:

— Так, значит, наличие кислорода и в самом деле может быть признаком существования жизни?

— Янус, это неизбежно следует из законов термодинамики. В атмосфере, похожей на земную — а насколько мы можем судить, Эритро во всем подобна Земле, — свободный кислород не может существовать, это столь же неопровержимо, как и то, что камни не могут висеть в воздухе. В атмосфере кислород непременно будет самопроизвольно соединяться с другими элементами, выделяя при этом энергию. Присутствовать в атмосфере свободный кислород может лишь тогда, когда в ней происходит какой-то процесс, обеспечивающий непрерывное выделение кислорода и поглощающий энергию.

— Эугения, я это все понимаю — но неужели таким процессом может быть только жизнь?

— Дело в том, что, кроме фотосинтеза в зеленых растениях, природа не придумала другого способа превращения энергии в свободный кислород.

— Ты говоришь, природа не придумала — но ведь это в Солнечной системе не придумала. А мы возле другой звезды, тут иная планета, совершенно другие условия. Законы термодинамики, конечно, неизменны — а вдруг здесь кислород выделяется в результате неизвестного в Солнечной системе химического процесса, происходящего с выделением кислорода?

— Если ты любитель пари, я бы не советовала тебе ставить на это, — ответила Инсигна.

Нужны были доказательства, и Питту оставалось только ждать.

Сначала обнаружили, что магнитные поля Немезиды и Мегаса крайне слабы. Особого восторга открытие не вызвало, об этом многие уже догадывались, ведь и звезда, и планета вращались очень медленно. Магнитное поле Эритро, совершавшей один оборот вокруг собственной оси за двадцать три часа шестнадцать минут и за то же время обегавшей один раз вокруг Мегаса, по интенсивности оказалось эквивалентно земному.

Инсигна выглядела довольной.

— Планета защищена от космического излучения, к тому же звездный ветер от Немезиды должен быть куда слабее солнечного. Это хорошо, значит, признаки жизни на Эритро мы сумеем обнаружить издалека. Технологической цивилизации, разумеется.

— Каким это образом? — поинтересовался Питт.

— Можно не сомневаться, что высокого уровня технологии невозможно достигнуть, не используя радиоволнового излучения, распространяющегося во все стороны от Эритро. А поскольку искусственный компонент легко выделить из естественного хаоса радиоволн, излучаемых ею, планета обладает не слишком сильным магнитным полем.

— Едва ли это необходимо, — ответил Питт. — Можно доказать, что Эритро безжизненна, несмотря на наличие кислородной атмосферы.

— О? Хотелось бы услышать, каким образом это можно доказать.

— Вот что мне пришло в голову. Слушай! Ты же сама говорила, что приливное воздействие замедляет вращение Немезиды, Мегаса и Эритро. И не ты ли говорила, что в итоге Мегас отодвинулся от Немезиды, а Эритро удалилась от Мегаса?

— Да.

— Следовательно, некогда Мегас располагался ближе к Немезиде, а Эритро — к Мегасу, а значит, и к Немезиде. Отсюда следует, что поначалу на Эритро было слишком жарко для возникновения жизни, скорее всего, она только недавно

достаточно охладилась. О возникновении технологической цивилизации не может быть и речи.

Инсигна мягко усмехнулась.

— Я и представить себе не могла подобной изобретательности в астрономических вопросах — одной фантазии недостаточно. Красные карлики живут долго, так что Немезида вполне могла сформироваться еще на заре Вселенной, скажем, миллиардов пятнадцать лет тому назад. Тогда приливное воздействие было весьма сильным, и поначалу все три тела располагались близко друг к другу. На процесс взаимного удаления могли уйти самые первые три-четыре миллиарда лет жизни этой системы. Приливное воздействие уменьшается обратно пропорционально кубу расстояния, так что потом оставшиеся десять миллиардов лет значительных перемен не было. А этого времени хватило бы на существование не одной, а нескольких технологических цивилизаций. Нет, Янус, что толку в безосновательных измышлениях. Лучше подождем, не обнаружится ли что-нибудь интересное в радиоволновом диапазоне.

— Но мы тогда окажемся еще ближе к Немезиде...

Наконец звезда приблизилась настолько, что превратилась в крошечный красный тусклый шарик и на нее можно было смотреть невооруженным глазом. Возле нее ржавой точкой виднелся Мегас. В телескоп он казался пошедшим на ущерб — под таким углом подлетал к Немезиде и Мегасу Ротор. Эритро можно было различить в телескоп — алую неяркую точку.

Но она становилась все ярче, и наконец Инсигна сказала Питту:

— Хочу тебя порадовать, Янус. Мы так и не обнаружили никакого радиоизлучения, которое могло бы иметь искусственное происхождение.

— Чудесно. — Теплая волна истинного облегчения окатила Питта.

— Но не надо скакать от радости, — осадила его Инсигна. — Ну а если они предпочитают обходиться без радиоволн? Или научились экранировать их? Или вообще пользуются чем-нибудь другим?

Питт криво улыбнулся:

— Ты серьезно?

Инсигна неуверенно пожала плечами.

— Если ты хочешь предложить мне пари, советую не ставить на это, — сказал Питт.

Вскоре Эритро превратилась в шар, который уже различали без телескопа, за ней воздушным шариком парил Мегас, с другой стороны Ротора виднелась Немезида. Ротор тормозил, чтобы выйти к Эритро. Видимые в телескоп, над планетой клубились знакомые облака, совсем как на Земле, — оставалось надеяться, что и давление, и температура на поверхности Эритро будут не слишком отличаться от земных.

— Радуйся, Янус, городских огней на ночном полушарии Эритро мы не обнаружили, — объявила Инсигна.

— Ты хочешь сказать, что на ней нет технологической цивилизации?

— Конечно.

— Тогда я сам попытаюсь выступить в качестве адвоката дьявола, — проговорил Питт. — Разве цивилизация, возникшая у тусклого красного солнца, не может обойтись без яркого уличного освещения?

— Это в видимом диапазоне оно может казаться неярким, но Немезида обильно светит и в инфракрасном. Нетрудно предположить, что их уличные светильники дают инфракрасное излучение. Но спектр излучения планеты является полностью естественным. К тому же вся поверхность излучает достаточно однородно, а искусственное освещение образует произвольного вида сетки с темными ячейками, где никто не живет.

— Значит, Эугения, о технологической цивилизации можно забыть, — с облегчением проговорил Питт. — Ее здесь нет. Цивилизация могла бы сделать Эритро кое в чем привлекательнее для нас, но нельзя же стремиться к встрече с теми, кто ни в чем нам не уступает, если не превосходит. В таком случае нам пришлось бы удалиться, но куда? К тому же на новый перелет могло бы уже не хватить запасов энергии. Ну а раз так — мы можем с легким сердцем остаться у Немезиды.

— Но атмосфера Эритро изобилует кислородом, значит, на планете должна существовать жизнь. Нет лишь технологической цивилизации. Следовательно, нам придется спускаться на ее поверхность и изучать формы, которые приняла здесь жизнь.

— Зачем?

— Как ты можешь спрашивать, Янус? Если мы наткнулись на жизнь, возникшую независимо от Земли, — какое изобилие открытий ожидает наших биологов!

— Да-да, конечно. Это относительно научной любознательности. Видишь ли, местные формы жизни от нас не сбегут. Позже найдется время и для них. Сейчас же все внимание следует уделить неотложным задачам.

— Но что может быть важнее исследования жизни на первой планете, открытой людьми за пределами Солнечной системы?

— Эугения, постарайся же наконец подумать, как нам устроиться здесь. Надо будет строить новые поселения. Придется урегулировать все отношения в обществе, состоящем из понимающих друг друга людей, значительно менее воинственном, чем то, что осталось в Солнечной системе.

— Но для этого нам понадобится сырье, а значит, все равно надо спускаться на поверхность Эритро и исследовать жизнь, возникшую на ней...

— Нет, Эугения. Сажать транспорты на Эритро, потом поднимать их — дело чересчур энергоемкое при таком гравитационном поле. Даже здесь, в космосе, совместное гравитационное воздействие Эритро и Мегаса достаточно ощутимо. Мои люди уже все просчитали. Транспортировку сырья из пояса астероидов наладить будет сложнее, но это выгоднее, чем возить все с Эритро. Если перевести Ротор в пояс астероидов, затраты уменьшатся. Новые поселения мы будем сооружать именно там.

— Значит, ты предлагаешь не обращать на Эритро вообще никакого внимания?

— Да, Эугения, пока. Вот окрепнем, подкопим сил, выйдем на стадию устойчивого прироста — тогда и займемся

жизнью на Эритро или загадочными химическими процессами на ее поверхности.

Питт примиряюще улыбался Инсигне. Он был уверен, что исследования Эритро следовало отложить на возможно более далекие времена. Раз технологического общества на ней не существует, прочие формы жизни могут и подождать. Орды последователей, извергаемые Солнечной системой вдогонку Ротору, — вот кто был его истинным врагом.

Ну почему же никто, кроме него, не понимает, что следует делать? Что заставляет всех вечно уклоняться с магистрального пути на глухие тропы?

Разве можно позволить себе умереть, оставив этих дураков без присмотра?

Глава 10

ПЕРЕУБЕЖДЕНИЕ

18

Итак, теперь, через двенадцать лет после того, как выяснилось, что на Эритро нет технологической цивилизации, через двенадцать мирных лет, в течение которых ни одно поселение с Земли не появилось в окрестностях Немезиды, чтобы погубить зарождающийся новый мир, Питт мог еще наслаждаться редкими моментами покоя. Но сомнения одолевали его даже во время недолгого отдыха. Он все подумывал, не увести ли Ротор отсюда, как он намеревался поначалу. Вот если бы они не остались на орбите Эритро, если бы на ее поверхности не вырос Купол...

Питт откинулся на спинку кресла, ограничительные поля поддерживали его, полный покой навевал сон... Внезапный негромкий звонок заставил его, хоть и не сразу, вернуться к действительности.

Он открыл глаза — и как это они вдруг оказались закрытыми? — и взглянул на небольшую видеополосу на противоположной стене. Легкое нажатие руки превратило ее в экран головизора.

Конечно же, это был Семен Акорат.

Перед комиссаром появилась блестящая, как коленка, лысина: Акорат сбривал темный венчик вокруг нее, полагая, что редкая растительность на краю пустыни способна лишь подчеркнуть полное запустение в центре, а объемистый череп во всей своей нагой красе может показаться даже величественным. Вот он. Озабоченный взгляд... Его глаза были озабоченными даже тогда, когда повод для беспокойства трудно было сыскать.

Питт не любил Акората. Не потому, что тот когда-либо подводил его, проявив неумение или отсутствие преданности — в обоих качествах его нельзя было даже заподозрить, — просто не нравился, и все тут. Акорат вечно нарушал покой Питта, отрывал от размышлений, требовал от Питта такое, чего сам не намеревался делать. Акорат распоряжался в приемной Питта и определял, кому и как попадать на прием к комиссару.

Питт слегка нахмурился. Он что-то не помнил, чтобы кому-то назначал встречу на это время. Однако, будучи человеком рассеянным, он во всем полагался на исполнительного, ничего не забывавшего Акората.

— Кто там? — спросил он без интереса. — Что-нибудь несущественное?

— Абсолютно ничего важного, — ответил Акорат, — но лучше вам самому поговорить с ней.

— Она рядом с вами и слышит нас?

— Комиссар, — с укоризной проговорил Акорат, усмотрев в словах босса замечание. — Конечно же нет. Она рядом, но по другую сторону экрана.

Мысли свои он формулировал с привычной точностью, что весьма нравилось Питту. Акората нельзя было понять превратно.

— Если «она», значит, это доктор Инсигна. Вы не забыли мои инструкции? Без предварительной записи я не приму ее. Акорат, я сыт ею по горло. Хватит с меня этих двенадцати лет. Найдите какой-либо предлог. Скажите, что я медитирую... Нет, она не поверит... Скажите, что...

— Комиссар, это не доктор Инсигна. Я бы не стал вас беспокоить. Это ее дочь.

— Ее дочь? — Он не смог сразу припомнить имя девочки. — Ты хочешь сказать, что здесь Марлена Фишер?

— Да. Естественно, я объяснил ей, что вы заняты, но она сказала мне, что лгать стыдно, что все написано у меня на лице и что таким голосом правду не говорят, — с возмущением цитировал баритон секретаря. — Во всяком случае, она утверждает, что не собирается уходить. Она просила передать вам, что просит принять ее. Ну как, комиссар? По правде говоря, ее глаза просто пугают меня.

— Кажется, я что-то уже слыхал о них. Хорошо, пусть войдет. Пусть войдет, и посмотрим, сумею ли я перенести их взгляд. Придется подумать о ее способностях, всему должно быть рациональное объяснение.

Марлена вошла. Удивительное самообладание, подметил Питт, впрочем, подобающе скромна и без какой бы то ни было заносчивости. Села, положив руки перед собой, предоставляя Питту право начать разговор. Он не торопился, рассеянным взором поглядывал на девочку. Питту приходилось видеть Марлену, когда она была поменьше, но с тех пор прошло много времени. Хорошеньким ребенком ее назвать было нельзя, и подростком она не сделалась симпатичней. Широкие скулы, полное отсутствие изящества — но удивительные глаза с длинными ресницами под широкими дугами бровей.

— Ну, мисс Фишер, — начал Питт, — вы хотели видеть меня — так мне сказали. Могу ли я спросить, зачем я вам понадобился?

Марлена окинула его холодным взором своих необыкновенных глаз и без тени смущения проговорила:

— Комиссар Питт, полагаю, моя мать уже сказала вам о моем разговоре с приятелем: я проговорилась ему о том, что Землю ждет гибель.

Брови сошлись вплотную над обыкновенными глазами Питта.

— Да, — ответил он. — Надеюсь, что она успела уже запретить вам дурацкие разговоры о таких серьезных вещах.

— Да, комиссар, она сделала это. Но, если о чем-то просто не говорить или называть глупостью, это не значит, что это что-то не существует.

— Мисс Фишер, комиссар Ротора — я, и подобные вопросы относятся к моей компетенции, так что я прошу вас позволить мне решать здесь, что так, что не так, что глупо, что нет. С чего вы взяли, что Земля погибнет? Ваша мать говорила что-нибудь в этом роде?

— Не прямо, комиссар.

— Косвенно, значит?

— Она просто не сумела скрыть это, комиссар. Люди говорят не только словами. Есть еще интонации, выражения лиц, движения глаз и ресниц, разнообразные покашливания. Всех способов не перечесть. Вы понимаете, что я хочу сказать?

— Прекрасно понимаю. Мне тоже приходится обращать внимание на подобные вещи.

— И вы гордитесь этой способностью, комиссар. Вы знаете, что умеете хорошо понимать людей, и эта способность явилась одной из причин назначения вас комиссаром.

На лице Питта появилось удивление.

— Юная леди, я вам этого не говорил.

— Словами — нет. Но вы, комиссар, могли и не прибегать к ним. — Она смотрела прямо в глаза Питту, на лице ее не было даже тени улыбки, только легкий интерес к разговору.

— Итак, мисс Фишер, вы пришли, чтобы поговорить со мной об этом?

— Нет, комиссар. Я пришла потому, что в последнее время моей матери стало сложно попадать к вам на прием. Нет, конечно, она мне этого не говорила. Я сама заметила и подумала, что, возможно, вы согласитесь переговорить со мной.

— Хорошо, и вот вы здесь. О чем же вы хотите поведать мне?

— Моя мать беспокоится — потому что Земля может погибнуть. Там остался мой отец, вы помните это.

Питт уже ощущал раздражение. Как можно постоянно смешивать личные интересы с процветанием Ротора? Эта Инсигна — хоть он и благодарен ей, открывшей для него Не-

мезиду, — давно уже буквально душила его этой своей удивительной способностью безошибочно угадывать неверный путь и толкать его туда. А теперь, когда он больше не хочет ее видеть, подослала дурочку дочь.

— Как вы считаете, эта самая гибель произойдет завтра или в следующем году? — спросил Питт.

— Нет, комиссар, я знаю, что до нее еще почти пять тысяч лет.

— К этому времени вашего отца уже не будет в живых. Как, впрочем, и вашей матери, и меня, и вас. Когда мы все умрем, до гибели Земли и всей Солнечной системы останется почти пять тысяч лет — хотя я лично сомневаюсь, что Солнечной системе действительно угрожает нечто серьезное.

— Неважно, когда это случится, комиссар, — важно, что случится.

— Ваша мать должна была объяснить вам, что люди Земли задолго до начала катаклизма сумеют заметить угрозу — если она возникнет — и предотвратят ее. К тому же бессмысленно заранее горевать по поводу гибели планеты. Эта участь ожидает любой из миров. Каждая звезда неизбежно проходит стадию красного гиганта и губит свои планеты. Планеты умирают, как люди. Только жизнь их много дольше. Вы согласны со мной, юная леди?

— Согласна, — согласилась Марлена. — Мы с компьютером дружим.

«Нисколько не сомневаюсь», — подумал Питт и с опозданием стер с лица сардоническую усмешку. Наверное, она поняла, как он к ней относится.

И, желая окончить разговор, Питт произнес:

— Тогда можно считать разговор оконченным. Любые речи о гибели планеты глупы, но даже если бы это было не так — что вам до нее? Не советую вспоминать об этом, иначе не только вас, но и вашу мать будут ожидать неприятности.

— Разговор еще не окончен, комиссар.

Питт почувствовал, что теряет терпение, однако невозмутимо ответил:

— Дорогая мисс Фишер, если комиссар говорит — все, значит — все, и ваше мнение здесь ни при чем.

Он привстал, но Марлена не пошевелилась.

— Я хочу предложить вам кое-что, в чем вы нуждаетесь.

— Я?

— Возможность избавиться от моей матери.

Воистину озадаченный, Питт сел в кресло.

— Что вы имеете в виду?

— Я объясню, если вы согласитесь выслушать меня. Моя мать уже не может оставаться на Роторе. Ее волнует, что будет с Землей, Солнечной системой, иногда она... даже тревожится об отце. Ей кажется, что Немезида погубит всю Солнечную систему. И она считает, что в ответе за это, поскольку давала имя звезде. Комиссар, она человек эмоциональный.

— Да. Вы тоже это подметили?

— Она причиняет вам беспокойство. Она частенько напоминает вам о делах, которые ей кажутся важными, а для вас, наоборот, не представляют интереса. Приходится отказывать ей в приеме, посылать ее подальше — мысленно, комиссар. Ее действительно можно отослать отсюда.

— В самом деле? Ах да, у нас появилось новое поселение. Значит, я должен отослать ее на Новый Ротор?

— Нет, комиссар, пошлите ее на Эритро.

— Почему я вообще должен это делать? Чтобы избавиться от нее?

— Да, комиссар. Вы этого хотите. А мне нужно другое. Я хочу, чтобы вы отпустили ее на Эритро, — здесь она не имеет возможности работать в обсерватории: приборы постоянно заняты, она чувствует, что за ней следят, и ощущает ваше раздражение. К тому же Ротор не слишком хорошее место для точных измерений. Для этого он вращается слишком быстро и неравномерно.

— Вот как — все на своих местах. Это ваша мама столько наговорила? Нет, не нужно объяснять. Понимаю, она это сделала косвенно и только косвенно.

— Да, комиссар. Кроме того, не забывайте про мой компьютер.

— Тот самый, с которым вы живете душа в душу?

— Да, комиссар.

— Значит, вы полагаете, что на Эритро ей будет работаться лучше?

— Да, комиссар. Там будет стабильная база для наблюдений, и мама сумеет выполнить все измерения. Сумеет выяснить, уцелеет ли Солнечная система. А поскольку для этого ей потребуется немало времени, то по крайней мере на этот срок вы избавитесь от нее.

— Похоже, и вы стремитесь избавиться от нее, не так ли?

— Ни в коем случае, комиссар, — строго ответила Марлена. — На Эритро мы полетим вместе. Таким образом вы избавитесь и от меня, что доставит вам даже большее удовольствие.

— А почему вы решили, что я хочу отослать вас подальше?

Марлена посмотрела на Питта немигающими печальными глазами.

— Вам уже этого захотелось, комиссар, потому что теперь вы знаете, что я безошибочно интерпретирую все ваши внутренние побуждения.

И Питт вдруг понял, что отчаянно хочет избавиться от этого чудовища. Он сказал:

— Позвольте подумать, — и отвернулся. В его жесте было нечто детское, но он не желал, чтобы эта жуткая девица читала его лицо, как открытую книгу.

Девушка была права. Теперь ему хотелось отделаться от матери и дочери разом. Что касается матери, то он и сам подумывал, не сослать ли ее на Эритро. Но она явно не стремилась туда, а подобная инициатива с его стороны обещала закончиться нежелательным шумом. И вот ее дочь предоставила ему повод. Теперь Инсигна не будет противиться назначению на Эритро, а это меняет дело.

Он медленно проговорил:

— Ну, если ваша мать действительно этого хочет...

— Она хочет этого, комиссар. Она еще не говорила об этом мне и, возможно, еще сама не отдает себе отчета, но она захочет туда. Я знаю. Поверьте мне.

— Что мне еще остается? А вы хотите туда?

— Очень, комиссар.

— Тогда я немедленно распоряжусь. Вас это устраивает?

— Да, комиссар.

— Ну теперь я могу наконец считать разговор оконченным?

Марлена встала и склонила голову в неуклюжем поклоне, явно предназначенном, чтобы выразить благодарность.

— Спасибо, комиссар.

Она повернулась и вышла, но только через несколько минут после того, как за девушкой закрылась дверь, Питт осмелился расслабить мышцы лица, уже уставшие от застывшего на нем выражения.

Он не мог позволить ей узнать то, чего она не должна была даже заподозрить, то, что лишь он один знал об Эритро.

Глава 11

ОРБИТА

19

Пора было приниматься за дело, но Питт чувствовал, что не готов. Пришлось даже отложить прием посетителей. Ему нужно было подумать.

Прежде всего о Марлене. У ее матери, Эугении Инсигны Фишер, постоянно были какие-то проблемы, и положение только ухудшилось за эти двенадцать лет. Вечные эмоции и заскоки, нимало не уравновешиваемые рассудком. Но все-таки она была обычным человеком, ею можно было управлять, направляя ее в нужную сторону, контролировать. Достаточно было окружить ее со всех сторон несокрушимыми стенами логики, а когда она изредка начинала трепыхаться, ее всегда можно было уговорить оставаться в этой темнице.

Но с Марленой дело обстояло иначе. Это было просто чудовище. И Питт был рад, что она по-глупому выдала себя, сказав, что хочет помочь матери. Пока она еще не набралась опыта и ума. Став взрослее, она сумеет воспользоваться своими способностями самым сокрушительным образом. И тогда она станет еще опаснее — значит, остановить ее нужно немедленно. Так пусть ее остановит другое чудовище — Эритро.

Питт понимал, что делает. Эритро показалась ему чудовищем с самого начала. Такое впечатление создавал весь облик планеты, кровавые отсветы лучей Немезиды, зловещий и угрюмый ландшафт.

Когда Ротор приблизился к поясу астероидов, находившемуся в сотне миллионов миль от орбиты, по которой кружили Мегас и Эритро, Питт уверенно объявил: «Приехали».

Он считал, что никаких сложностей не возникнет. Свет и тепло Немезиды не достигали пояса астероидов. Впрочем, Ротору это было и не нужно, поскольку он обеспечивал себя энергией. В этом было одно из достоинств искусственного мирка. Зачем ему кровавый свет звезды, который сжимает сердце, туманит разум и леденит душу?

Кроме того, в поясе астероидов тяготение Немезиды и Мегаса сказывалось не так сильно, и любые маневры в космосе можно было производить с меньшими затратами. Отсюда легче было вести добычу полезных ископаемых на астероидах.

Идеальное место!

Однако роториане подавляющим большинством голосов решили, что поселение должно находиться на орбите Эритро. Питт старался доказать, что тогда им придется утопать в злом и унылом красном свете, что помимо Эритро их будет держать в своей гравитационной хватке и Мегас, а за сырьем все равно придется летать к астероидам.

Питт сердито переругивался с Тамбором Броссеном, бывшим комиссаром Ротора, от которого он унаследовал пост. Порядком подустав на службе, Броссен наслаждался ролью отставного, но влиятельного государственного деятеля — куда больше, чем прежде ролью комиссара. (Говорили, что процесс принятия решения доставлял ему куда меньшее удовольствие, чем Питту.)

Броссен смеялся над заботами Питта о местоположении поселения. Правда, внешне он оставался совершенно серьезен, но в глазах пряталась усмешка.

— Янус, — говорил он, — не стоит добиваться полного единомыслия среди населения Ротора. Пусть хоть время от времени у них будет возможность взбрыкнуть — покорнее

будут в других случаях. Хотят они жить возле Эритро — пусть живут возле Эритро.

— Но ведь это неразумно, Тамбор. Разве ты этого не понимаешь?

— Конечно, понимаю. Но Ротор почти весь свой век провел возле громадной планеты. Роториане к этому привыкли и полагают, что иначе быть не может.

— Но ведь то была околоземная орбита. Эритро не Земля, она ничуть на нее не похожа.

— По размерам эта планета почти не отличается от Земли. На ней есть суша и море. Вокруг нее атмосфера, в которой присутствует кислород. Можно пролететь еще тысячи световых лет, но так и не обнаружить мир, похожий на Землю. Могу повторить еще раз: пусть будет так, как хотят люди.

Питт последовал совету Броссена, хоть в душе остался с ним не согласен. Новый Ротор строился на орбите возле Эритро, остальные два тоже. Однако проекты поселений в поясе астероидов уже были готовы и прорисованы на чертежах, но общественное мнение не торопилось давать санкцию на их сооружение.

Из всего, что произошло после открытия Немезиды, самой большой ошибкой Питт считал то, что Ротор остался возле Эритро. Этого не должно было случиться. И все же... все же... мог ли он переубедить роторианн? Может, стоило нажать посильнее? А что, если тогда дошло бы до новых выборов и его смещения?

Причина была в ностальгии. Люди хотели иметь возможность обернуться лицом к былому — нельзя же заставлять их смотреть только вперед. Даже Броссена.

...Он умер семь лет назад. Питт сидел у смертного одра старика и слышал его последние слова. Броссен поманил к себе Питта, тот нагнулся к умирающему. Слабой рукой, покрытой иссохшей кожей, старик коснулся руки Питта и едва слышно шепнул:

— Каким же ярким было Солнце Земли, — и умер.

Роториане помнили свое родное Солнце и зеленую Землю, а потому они решительно отвергли все аргументы Питта, все-таки настояв на том, чтобы Ротор остался на орбите у

совсем не зеленого мира, обращавшегося вокруг тусклой звезды.

Так было напрасно потеряно целых десять лет. Останься они в поясе астероидов, работы уже ушли бы вперед на целое десятилетие — Питт не сомневался в этом.

Одного этого хватило, чтобы испортить отношение Питта к Эритро; однако с ней были связаны и обстоятельства худшие... куда более худшие.

Глава 12

ГНЕВ

20

Так уж случилось, что Крайл Фишер дал землянам понять, что Ротор следует искать в неожиданном месте, а позже сумел и уточнить свой намек.

Он пробыл на Земле уже два года, и Ротор постепенно уходил из его памяти. Воспоминания о Эугении Инсигне изредка посещали его — но что она теперь для него? — а вот Марлена... В памяти своей он не мог отделить ее от Розанны... Годовалая дочь и семнадцатилетняя сестра в его воспоминаниях упорно сливались в одну личность.

Жилось ему легко. Пенсии хватало с избытком. Ему даже подыскали работу — некую административную должность, в которой он мог принимать решения, заведомо не затрагивавшие ничего существенного. Крайл полагал, что его простили, — во всяком случае частично, — лишь потому, что он сумел вовремя припомнить слова Эугении: «Если бы ты знал, куда мы летим».

И все же он чувствовал, что за ним следят, и был этим весьма огорчен.

Время от времени в гости захаживал Гаранд Уайлер, всегда дружелюбный и дотошный, и всякий раз так или иначе вспоминал про Ротор. Так случилось и на сей раз. Разговор, как и ожидал Фишер, вновь зашел о Роторе.

— Два года прошло, — хмуро проворчал Фишер. — Чего вам еще от меня нужно?

Уайлер покачал головой.

— Признаюсь честно, Крайл, я не знаю. Мы располагаем только фразой твоей жены. Как ты понимаешь, этого мало. Не могла же она так и не проговориться за все годы, что вы были вместе. Постарайся вспомнить. Может быть, наедине... между собой. Ничего не припоминается?

— Гаранд, ты меня в пятый раз спрашиваешь об этом. Меня допрашивали. Меня гипнотизировали. Меня подвергали психокодированию. Меня выжали досуха, и сказать мне больше нечего. Оставьте меня в покое, найдите себе другую забаву. Или верните меня на работу. Там, наверху, сотня поселений, в каждом живут друзья и недоброжелатели — и все следят друг за другом. О том, что могут знать в одном из поселений, остальные могут даже не подозревать.

— Честно скажу, старина, — ответил Уайлер, — мы уже работаем в этом направлении. Особенный интерес для нас представляет Дальний Зонд. Получается, что он помог Роторе обнаружить нечто неизвестное всем остальным. Земля ведь не посылала космические аппараты в дальний космос. И другие поселения тоже. А Ротор сумел сделать это. Все, что Зонд обнаружил в космосе, должно быть в материалах Ротора.

— Вот и отлично. Займитесь ими. Работы там хватит на годы и годы. А меня оставьте в покое. Навсегда.

Но Уайлер продолжал:

— Действительно, там столько наворочено, что хватит не на один год. В соответствии с соглашением о результатах научных исследований Ротор передал нам целую гору информации. В частности фотографии звездного неба во всех спектральных диапазонах. Камеры Зонда обследовали почти все небо, мы тщательно изучаем снимки, но ничего интересного пока не обнаружили.

— Ничего?

— Пока ничего. Но ведь ты сам сказал, что работы у нас на многие годы. Конечно, нашлось много такого, от чего астрономы наши в полном восторге. Находки поддерживают в

них рвение и интерес к делу. Однако мы пока не получили от них ни намека, ни даже тени намека на то, куда подевался Ротор. Пока, во всяком случае. Насколько я понимаю, у нас нет никаких оснований предполагать, что у всех трех солнц альфы Центавра могут оказаться планеты. Других подобных альфе Центавра звезд неподалеку от Солнца может не оказаться. Но я и не ожидаю, что обнаружится что-то существенное. Что мог заметить Дальний Зонд такого, чего нельзя было увидеть из Солнечной системы? Он ведь отходил всего на пару световых месяцев. Вроде бы никакой разницы, но у нас полагают, что Ротор все-таки успел заметить нечто, причем достаточно быстро. Потому-то мы вновь обращаемся к тебе.

— Почему ко мне?

— Потому что твоя бывшая жена возглавляла работы по Дальнему Зонду.

— Не совсем. Она была назначена главным астрономом, когда все данные уже были получены.

— Да, работами она руководила с самого начала, но тогда выходит, что ее назначение неспроста. Неужели она так и не проговорилась о том, что именно обнаружил Дальний Зонд?

— Ни словом. Погоди, ты сказал, что камеры Дальнего Зонда сумели снять почти все небо?

— Да.

— Что значит «почти»?

— Ну, не могу сказать точно. Кажется, не менее девяноста процентов.

— Или больше?

— Может быть, больше.

— Интересно...

— Что тут интересного?

— На Роторе распоряжался один тип по имени Питт...

— Нам это известно.

— Мне кажется, я знаю, как он поступил бы. Питт передавал бы результаты, полученные Дальним Зондом, понемногу — так сказать, в порядке исполнения соглашения по науке, и все прочее. И ко времени исчезновения Ротора оказалось бы, что часть информации они нам так и не успели передать. Ну процентов десять, может, даже меньше. Только это очень важные проценты.

— Именно та часть неба, куда ушел Ротор?

— Возможно.

— Но у нас же ее нет.

— Она у нас есть.

— Как это?

— Ты же сам только что удивлялся, что такого мог обнаружить Дальний Зонд, о чем не знали бы в Солнечной системе. Зачем тратить время на то, что они передали нам? Нужно выяснить, снимки какого участка неба они не передали, и подробно изучить его по собственным звездным картам. Потом спросить себя, нет ли там таких объектов, которые выглядели бы иначе для Дальнего Зонда, и почему. Вот что я сделал бы. — Помолчав, Фишер вдруг крикнул: — Ступай же! Пусть там хорошенько просмотрят ту часть неба, которой мы не получили.

— Ерунда какая-то, — задумчиво пробормотал Уайлер.

— Ни в коем случае. Все просто. Если только в Конторе есть еще парни, которые не сидят на собственных мозгах.

— Посмотрим, — отозвался Уайлер и протянул Фишеру руку.

Внезапно нахмурившись, Фишер сделал вид, что не заметил ее.

Прошло несколько месяцев, прежде чем Уайлер появился вновь. Фишер не ждал его. Был выходной день, Фишер пребывал в добром расположении духа и даже читал книгу.

Фишер был не из тех, кто считал книги проклятием двадцатого столетия, полагая, что лишь варианты телевидения соответствуют высокому уровню цивилизации. Есть нечто, думал он, перелистывая страницы, в этом приятном ощущении, когда держишь в руке тяжелую книгу, в этой возможности задуматься, отыскать нужное место без всякой суеты с обратной перемоткой. Фишер был убежден, что книга является более цивилизованным средством хранения информации.

И каждое нарушение приятного оцепенения возмущало его.

— Ну что там, Гаранд? — спросил он нелюбезно.

Благородная улыбка не покидала лица Уайлера. Он процедил сквозь зубы:

— Мы нашли ее как раз там, где ты и сказал.

— Что нашли? — переспросил уже позабывший обо всем Фишер. Но, сообразив, о чем толкует Уайлер, торопливо проговорил: — Только не говори того, чего мне не положено знать. Больше я не желаю иметь дела с Конторой.

— Поздно, Крайл. Ты нам нужен. Сам Танаяма желает тебя видеть.

— Когда?

— Как только я смогу тебя доставить к нему.

— Тогда хоть объясни мне, о чем речь. Я не хочу предстать перед ним дурак дураком.

— Это я и собираюсь сделать. Изучен каждый участок неба, отсутствовавший в материалах, полученных Дальним Зондом. И те, кто это делал, — как ты и советовал, — спросили себя, что здесь могло выглядеть для Дальнего Зонда иначе, чем для Солнечной системы. Ответ был очевиден — смещение ближайших звезд. Тут-то астрономы и обнаружили удивительную штуковину, о существовании которой никто и не подозревал.

— Ну?

— Очень тусклую звездочку, с параллаксом, превышающим одну угловую секунду дуги.

— Я не астроном. Это много или мало?

— Это значит, что звезда вполовину ближе к нам, чем альфа Центавра.

— Ты сказал «очень тусклую»?

— Мне объяснили, что она расположена за пылевым облаком. Слушай, ты, конечно, не звездочет, но жена твоя была на Роторе астрономом. Не исключено, что она-то ее и обнаружила. Она тебе ничего не говорила об этой звезде?

Фишер покачал головой:

— Ни слова. Правда...

— Ну-ну?

— Последние несколько месяцев она казалась мне какой-то взволнованной, словно что-то переполняло ее.

— И ты не спрашивал почему?

— Я полагал, что это связано с отбытием Ротора. Она радовалась, а я психовал.

— Из-за дочери?

Фишер кивнул.

— Но ее волнение могло быть связано и с новой звездой. Сходится. Конечно, они полетели к этой звезде. А если ее открыла твоя жена, значит, они полетели к ее собственной звезде. Отсюда и ее прыть. Разумное предположение?

— Вполне. Во всяком случае, не противоречивое.

— Вот и отлично. За этим ты и понадобился Танаяме. Он кипит от гнева. Не из-за тебя, конечно, — вообще кипит.

21

В этот же день — ибо задержек в подобных вопросах не допускали — Крайл Фишер оказался в здании Всеземного бюро расследований, которое сотрудники этого учреждения предпочитали именовать Конторой.

Каттиморо Танаяма, руководивший ею уже более тридцати лет, заметно состарился. Его немногочисленные голографические портреты были сделаны довольно давно, когда гладкие волосы Танаямы были еще черными, спина прямой, а взгляд энергичным.

С тех пор он успел поседеть и сгорбиться. Не собирается ли Танаяма подать в отставку? — подумал Фишер. Впрочем, не исключено, что старик решил умереть на работе. Однако он успел подметить, что взгляд Танаямы остался острым и проницательным.

Фишер понимал его с некоторым трудом. Английский давно стал универсальным языком на Земле, однако в нем успели образоваться диалекты, поэтому произношение Танаямы было непривычно для североамериканца.

— Ну, Фишер, — холодно промолвил Танаяма, — дело на Роторе вы провалили.

Спорить было не о чем, тем более с Танаямой.

— Да, директор, — ровным голосом ответил Фишер.

— Но вы, возможно, еще владеете кое-какой полезной информацией.

Фишер вздохнул и ответил:

— Меня допрашивали вдоль и поперек.

— Я знаю, мне докладывали, только вас спросили не обо всем. Лично у меня к вам вопрос, на который я хочу получить ответ.

— Да, директор?

— За время пребывания на Роторе имели ли вы какие-нибудь основания заподозрить тамошнее руководство в ненависти к Земле?

Брови Фишера поползли вверх.

— Ненависти? Мне казалось очевидным, что люди на Роторе, да, наверное, и на всех остальных поселениях смотрят на Землю свысока, считают ее отсталой, убогой и варварской планетой. Но ненависть... Откровенно говоря, сомневаюсь, что нас ценили достаточно высоко, чтобы возненавидеть.

— Я говорю о руководстве, не о населении.

— Я тоже, директор. Ненависти не было.

— Тогда я ничем не могу этого объяснить.

— Чего объяснить, директор?

Танаяма бросил на Фишера проницательный взгляд (сила личности этого японца была такова, что редко кто замечал, что он невелик ростом).

— Вы знаете, что эта звезда движется к нам? Прямиком к Солнечной системе!

Фишер вздрогнул и попытался отыскать взглядом Уайлера, но тот сидел в углу, прячась от света, падавшего из окна, и, судя по его виду, думал о чем-то своем.

— Хорошо, Фишер, садитесь, может быть, это поможет вам освежить память. Я тоже сяду. — Танаяма присел на край своего стола, свесив короткие ножки. — Вам было известно о направлении движения звезды?

— Нет, директор. Я даже не знал о ее существовании, пока агент Уайлер не просветил меня.

— Вы не знали? На Роторе такое не могло остаться неизвестным.

— Мне об этом не говорили.

— Но как раз перед стартом Ротора ваша жена стала радостной и возбужденной. Так вы сказали агенту Уайлеру. По какой причине?

— Агент Уайлер полагает, что именно она открыла эту звезду.

— Быть может, ей уже было известно о направлении ее движения, и она радовалась тому, что должно произойти с нами?

— Не знаю, директор, почему подобные мысли должны были доставлять ей радость. Уверяю вас, что действительно понятия не имею, было ли ей известно о направлении движения звезды и даже о самом ее существовании.

Танаяма задумчиво взглянул на Фишера, легонько почесывая пальцем подбородок.

— На Роторе все были евро? — вдруг спросил он. — Правильно?

Фишер широко открыл удивленные глаза. Ему давно не приходилось слышать этот вульгаризм — тем более из уст правительственного чиновника. Он вспомнил, что и Уайлер говорил о «белоснежках» на Роторе, когда Крайл только что возвратился. Тогда Фишер отнесся к его речам с легким сарказмом — и не обратил на них внимания.

— Не знаю, директор, — ответил он с сожалением. — Я не изучал их досье и ничего не могу сказать об их происхождении.

— Ну, Фишер, для этого не обязательно изучать анкеты. Можно судить по внешнему виду. Приходилось ли вам встречать на Роторе людей с лицами афро, монго или хиндо? Темнокожих? С эпикантусом?

Фишер взорвался:

— Знаете, директор, сейчас не двадцатый век! — Если бы он знал, как это сделать, то выразился бы покрепче. — Я просто не обращаю внимания на подобные вещи, как, впрочем, и все на Земле. Удивлен, что слышу от вас такие слова, и по-

лагаю, что они могли бы скомпрометировать вас, если бы о них стало известно...

— Агент Фишер, не дурите мне голову, — ответил директор, с укоризной водя из стороны в сторону корявым указательным пальцем. — Я говорю о том, что есть. Конечно, мне известно, что сейчас на Земле расовым различиям, по крайней мере внешне, внимания не уделяется.

— Только внешне? — возмутился Фишер.

— Только внешне, — холодно ответил Танаяма. — Когда земляне отправляются в поселения, они сами собой сортируются. Почему так получается, если различия между людьми не существенны? В любом поселении все жители едва ли не на одно лицо, а если обнаруживаются не такие, как все, они оказываются в меньшинстве, чувствуют себя неуютно или их заставляют чувствовать себя неуютно, а лучше всего перекочевывать в другие поселения, где таких, как они, большинство. Разве не так?

Фишер понимал, что возразить нечего. Так оно и было, внутренне он принимал все это как данность.

— Что поделаешь, — ответил он. — Человеческая природа, каждый тянется к себе подобным... К соседям.

— Каждый, бесспорно, тянется к подобным себе. Потому что люди ненавидят и презирают тех, кто не похож на них.

— Существуют и поселения м-монго. — Фишер запнулся, понимая, что может смертельно обидеть директора — человека, оскорбить которого нетрудно и очень опасно.

Танаяма и бровью не повел.

— Я знаю, но евро еще совсем недавно доминировали на планете и до сих пор не могут этого позабыть.

— Остальные, возможно, тоже не могут забыть этого, и причин для ненависти у них не меньше.

— Но ведь это Ротор бежал из Солнечной системы.

— Это случилось потому, что они первыми изобрели гиперпривод.

— И отправились к ближней звезде, о которой было известно только им, звезде, которая мчится прямо к Солнечной системе и может ее погубить.

— Нам неизвестно, что знали на Роторе об этой звезде.

— Вздор, они знали обо всем, — проворчал Танаяма, — и бежали, не предупредив нас.

— Директор, почтительно обращаю ваше внимание на то, что такое предположение нелогично. Если они собираются обосноваться возле звезды, которая может погубить Солнечную систему, то ведь пострадает и их собственная планетная система.

— Ну им-то будет легко спастись, стоит только понастроить достаточное количество поселений. А у нас целый мир — восемь миллиардов человек, которых придется эвакуировать. Задача куда более трудная.

— Сколько же времени у нас остается?

Танаяма пожал плечами:

— Несколько тысяч лет, так мне сказали.

— Немало. Возможно, поэтому им и в голову не пришло предупреждать нас. Когда звезда приблизится, ее заметят без всяких предупреждений.

— И тогда на эвакуацию останется меньше времени. Они случайно обнаружили эту звезду. Мы бы тоже не смогли ее заметить, если бы не слова вашей жены и не ваша догадка — хорошая, кстати, — что искать нужно в той части неба, снимки которой отсутствуют в материалах Ротора. Они преднамеренно так поступили, чтобы мы узнали обо всем как можно позднее.

— Но, директор, зачем им было затевать все это? Из одной только беспричинной ненависти?

— Не беспричинной. Пусть гибнет Солнечная система со всеми ее многочисленными неевро. А человечество все начнет заново, руками одних евро. Ну? Что вы об этом думаете?

— Немыслимо... невозможно, — качнул головой Фишер.

— А почему тогда нас не предупредили?

— Что, если поначалу им самим не было известно о движении этой звезды?

— Немыслимо, невозможно, — с иронией возразил Танаяма. — Нет и не может быть другой причины — только желание видеть нашу погибель. Но мы разгадаем загадку гиперпривода, отправимся к этой новой звезде и тогда сведем с ними счеты.

Глава 13

КУПОЛ

22

Эугения Инсигна выслушала дочь и недоверчиво усмехнулась. Одно из двух: либо девчонка не в своем уме, либо ей послышалось.

— Что ты сказала, Марлена? Меня посылают на Эритро?

— Я попросила комиссара Питта, и он согласился все устроить.

Инсигна с недоумением взглянула на дочь.

— Но почему?

Начиная раздражаться, Марлена ответила:

— Ты ведь сама сказала, что хотела бы провести точные астрономические наблюдения, а на Роторе это невозможно. Теперь можешь сделать их на Эритро. Но я уже вижу — ты ждешь другого ответа.

— Правильно. Я хотела бы знать, почему комиссар Питт вдруг взялся за это. Я ведь неоднократно просилась туда, и всякий раз он отказывал. Ведь он никого не отпускал, кроме нескольких специалистов.

— Я просто изложила ему это дело иначе. — Марлена чуть помедлила. — Я сказала ему, что он может таким образом избавиться от тебя, — и он использовал эту возможность.

У Инсигны перехватило дыхание, и она закашлялась до слез. Наконец, переведя дух, она спросила:

— Как ты могла сказать такое?

— Потому что это правда, мама. Иначе я не стала бы этого говорить. Я слышала, что он тебе говорил, я слышала, что ты говорила о нем. Все яснее ясного. По-моему, и ты это видишь. Ты его раздражаешь, и он не хочет ни видеть тебя, ни думать о тебе. Ты сама это знаешь.

Инсигна поджала губы.

— Знаешь что, дорогая, отныне я все свои тайны сразу буду поверять тебе. Это нелегко, но все же лучше, чем позволять тебе копаться во мне.

Марлена опустила глаза.

— Извини, мама.

— Но я все-таки не понимаю. Конечно, тебе не пришлось объяснять ему, что я его раздражаю. Он это и так знает. Но почему он раньше не разрешал мне отправиться на Эритро, когда я просила его об этом?

— Потому что он не желает иметь дело с Эритро и неприязнь к этому миру перевешивает нежелание видеть тебя. Но ты полетишь туда не одна. Мы полетим вместе. Ты и я.

Инсигна подалась вперед и уперлась ладонями в стол, разделявший их.

— Нет, Молли... Марлена. Эритро — место не для тебя. И я лечу туда не навсегда. Закончу измерения и вернусь, а ты будешь ждать меня здесь.

— Я не боюсь ее, мама. Неужели не ясно, что он отпускает тебя лишь потому, что заодно хочет избавиться и от меня? Поэтому-то он и согласился. Понимаешь?

Инсигна нахмурилась.

— Не понимаю, в самом деле не понимаю. Ты-то какое отношение имеешь ко всему этому?

— Когда я сказала ему, что знаю о его неприязни к нам обеим, лицо его застыло — ты знаешь, как он умеет стереть с него всякое выражение. Он знал, что я понимаю жесты и все такое прочее, и не захотел, чтобы я прочла его мысли. Но и отсутствие всякого выражения говорит мне о многом. Видишь ли, невозможно сделать лицо абсолютно непроницаемым. Человек сам не замечает, как у него бегают глаза.

— Короче говоря, ты поняла, что он хочет отделаться и от тебя?

— Хуже — я поняла, что он боится меня.

— Почему же он тебя боится?

— Потому что не хочет, чтобы я узнала то, что он хотел бы скрыть. — Марлена вздохнула и добавила: — На меня всегда сердятся за это.

Инсигна кивнула:

— И я понимаю почему. Ты заставляешь людей ощущать себя голыми — умственно, так сказать. Словно холодный ветер, пронизываешь их мозг. — Она пристально взглянула на дочь. — Иногда я тоже так себя чувствую. Теперь мне уже кажется, что ты смущала меня, когда была еще совсем малень-

кой. Тогда я уверяла себя, что это потому, что ты у меня просто чрезвычайно ум...

— Так и есть, — перебила ее Марлена.

— Да, конечно, но в тебе кроется нечто большее — только тогда я этого не замечала. Скажи мне, эта тема разговора тебя не смущает?

— Мы же вдвоем, мама, — осторожно произнесла Марлена.

— Хорошо, тогда объясни мне, почему, когда ты была меньше и уже знала, на что способна — что не под силу не только другим детям, но и взрослым тоже, — почему ты не пришла ко мне и не рассказала обо всем?

— Однажды я пыталась, но ты не захотела слушать. То есть ты мне ничего не сказала, но я видела, что ты занята и не желаешь тратить время на детскую болтовню.

Глаза Инсигны округлились.

— Неужели я так и сказала: «на детскую болтовню»?

— Нет, ты молчала, но смотрела и руки держала так, что все было ясно.

— Надо было настоять и все равно рассказать.

— Я была слишком мала, а ты все время нервничала — из-за комиссара Питта и из-за отца.

— Ладно, не думай больше об этом. Что еще скажешь?

— Только одно, — проговорила Марлена. — Когда комиссар Питт сказал, что согласен и мы можем отправляться на Эритро, мне почудилось, что он чего-то недоговаривает.

— И что же это было, Марлена?

— Не знаю, мама. Я же не умею читать мысли. Только внешне... да и то не всегда можно понять. Однако...

— Ну-ну?

— По-моему, он думал о чем-то неприятном, пожалуй, даже ужасном.

23

Подготовка к полету на Эритро заняла много времени. На Роторе у Инсигны были дела, которые нельзя было бросить. Нужно было переговорить в департаменте астрономии, отдать распоряжения, назначить первого заместителя ис-

полняющим обязанности главного астронома, наконец проконсультироваться у Питта, ставшего непривычно неразговорчивым.

Во время последней беседы Инсигна сообщила:

— Знаешь, завтра я лечу на Эритро.

— Прости? — Он поднял глаза от ее отчета, который старательно листал, не читая, — она была убеждена в этом.

Неужели она, сама того не ведая, поднабралась Марлениных штучек? Не надо бы девочке думать, что она может видеть то, что скрывается под поверхностью, это не так.

— Ты знаешь, завтра я улетаю на Эритро, — терпеливо повторила она.

— Завтра. Но ты же будешь к нам наведываться, так что я не прощаюсь. Береги себя. Рассматривай поездку как отпуск.

— Я намереваюсь заняться исследованиями движения Немезиды в пространстве.

— Ах это, ну... — Он пренебрежительно махнул рукой. — Как хочешь. И все-таки, даже если ты продолжаешь работать, смена обстановки всегда отпуск.

— Янус, я хочу поблагодарить тебя, что ты предоставил мне такую возможность.

— Твоя дочь просила меня. Ты знаешь об этом?

— Знаю, она мне в тот же день все и рассказала. Я ругала ее, что она тебя побеспокоила. Ты отнесся к ней с таким вниманием.

— Необычная девочка, — пробормотал Питт. — Рад был ей помочь. Все равно это дело временное. Закончишь расчеты и вернешься.

Инсигна заметила: Питт дважды упомянул о возвращении. Что на ее месте сказала бы Марлена? «Ужасное», — говорила она. Но что?

— Ну, до возвращения с приятными новостями, пусть Немезида будет безопасной и через пять тысяч лет, — произнес Питт.

— Ну это уж как наблюдения покажут, — сухо отрезала она и встала.

24

Странно это, размышляла Эугения Инсигна, жить в космосе в двух световых годах от планеты, где ты родилась, и только дважды летать на космическом корабле, и то недолго: с Ротора на Землю и обратно.

Путешествия в космосе не привлекали ее. Это Марлене все было интересно. Она сама пробилась к Питту и шантажом, пусть и необычным, заставила его уступить. Именно Марлена стремилась на Эритро, подчиняясь странной власти планеты над нею. Причин такой власти Инсигна понять не могла и предпочитала усматривать в этом еще одно проявление уникальных эмоциональных и ментальных способностей дочери. И хотя ее угнетала мысль о том, что придется оставить маленький и уютный Ротор, променять его на пустынную огромную Эритро, грозные и загадочные равнины которой лежали в шестистах пятидесяти километрах от поселения — вдвое дальше, чем некогда находилась Земля, — волнение Марлены воодушевляло ее.

Корабль, которому предстояло отвезти их на Эритро, нельзя было назвать красавцем. Это было просто рабочее судно — небольшая ракета-паром, преодолевавшая крепкую гравитационную хватку Эритро и без приключений спускавшаяся вниз, под пухлое атмосферное одеяло своенравной планеты-дикарки.

Инсигна знала, что путешествие будет не из приятных. Большую часть времени им предстояло провести в невесомости, а как она уже убедилась, двух дней в подобных условиях ей хватит с избытком.

Голос Марлены нарушил ход ее мыслей:

— Эй, мама, пошли, нас ждут. Багаж уже погружен.

Инсигна шагнула вперед и, проходя через воздушный люк, еще раз подумала: так почему же Янус Питт все-таки отпустил их?

25

Сивер Генарр правил миром столь же обширным, как и Земля. Впрочем, если быть точнее, правил он тремя квадратными километрами суши, укрытыми Куполом. Пространство это медленно увеличивалось. Остальные же без малого пять сотен миллионов квадратных километров не знали ни человека, ни других живых существ — кроме микроорганизмов. Но поскольку считается, что миром правят населяющие его многоклеточные организмы, то несколько сотен людей, которые жили и работали под Куполом, были правителями Эритро, а он, Сивер Генарр, командовал ими.

Ростом Генарр не выдался, но мужественные черты придавали ему впечатляющий вид. Когда он был помоложе, то казался старичком среди ровесников, теперь же — к пятидесяти — положение поправилось. Длинный нос и глаза слегка навыкате, волосы едва тронула седина. Звучный и музыкальный баритон прежде даже позволял ему подумывать о сценической карьере, но рост неминуемо обрек бы его на исполнение редких в операх характерных ролей, — и таланты администратора в конце концов возобладали.

Благодаря этим талантам — отчасти — он десять лет провел под Куполом на Эритро. На его глазах на месте сооруженьица из трех крохотных комнатушек выросла просторная горнодобывающая и исследовательская станция.

У Купола были свои недостатки. Редко кто жил в нем долго. То и дело происходили перемены: всякий, кто попадал на Эритро, полагал, что его сослали, и всеми силами стремился вернуться на Ротор. Большинству жителей красноватый свет Немезиды казался тревожным и угрюмым, хотя освещение под Куполом было точно таким же, как на Роторе.

Но были и преимущества. Генарр мог держаться подальше от бурлящего на Роторе водоворота политических страстей, с каждым годом казавшихся ему все более мелкими и вздорными. Еще важнее было то, что здесь он мог держаться подальше от Януса Питта, с которым постоянно — и безрезультатно — спорил.

Питт с самого начала был решительно против заселения Эритро. Он не хотел даже, чтобы Ротор находился возле планеты. Однако общественное мнение возобладало, и тогда он позаботился о том, чтобы на Купол вечно не хватало средств, чтобы он рос помедленнее. Если бы Генарру не удалось сделать Купол источником воды для Ротора, что обходилось по-

селению дешевле, чем доставка ее из пояса астероидов, — комиссар давно сокрушил бы маленькую колонию.

Впрочем, проповедовавшийся Питтом принцип «игнорирования» с самого рождения Купола в общих чертах означал невмешательство в предпринимаемые Генарром административные меры, что устраивало того от не собиравшейся редеть шевелюры до пяток, упиравшихся во влажную почву Эритро.

Поэтому Генарр был удивлен, когда Питт лично известил его о прибытии пары новичков, вместо того чтобы воспользоваться обычными в подобном случае бумагами. Питт подробно изложил ему все дело — в своей обычной манере говорить отрывисто и властно, не допускавшей не только возражений, но и обсуждения. Весь разговор шел за экраном.

Еще более удивительно было то, что одной из двоих прибывших оказалась Эугения Инсигна.

Некогда, еще до Исхода, они были друзьями, но потом, после блаженных студенческих дней — Генарр не без сожаления вспоминал о романтической юности, — Эугения отправилась делать дипломную работу на Землю и возвратилась на Ротор, прихватив с Земли мужчину. С тех пор как она вышла замуж за Крайла Фишера, Генарру не приходилось встречаться с ней — разве что просто видел раза два или три, да и то издали. Когда перед самым Исходом они с Фишером расстались, Генарр был занят работой — как, впрочем, и она, — и никому из них в голову не пришло возобновить прежнее знакомство.

Генарр, пожалуй, временами об этом подумывал, но Эугения была поглощена заботами и воспитанием малолетней дочери, и он не решался подступиться к ней. А потом его послали на Эритро, тем самым со всеми надеждами на возобновление отношений было покончено. Время от времени ему случалось проводить отпуск на Роторе, но теперь он уже не чувствовал себя там привольно. Кое-какие друзья в поселении у него еще водились, но вот отношения еле теплились.

И вдруг Эугения вместе с почти взрослой дочерью оказывается на Эритро. Генарр поначалу даже не мог припомнить имя девушки — если только и знал его когда-нибудь.

Но уж видеть он ее точно не видел. Теперь ей уже пятнадцать, и он со странным внутренним трепетом думал: что, если она окажется похожей на молодую Эугению?

Генарр время от времени выглядывал из окошка кабинета. Он уже настолько привык к своему эритрийскому Куполу, что не мог видеть его со стороны критическим взором. Здесь жили рабочие обоих полов — взрослые, детей не было. Подрядившиеся на несколько недель или месяцев сменные рабочие иногда возвращались, иногда нет. Кроме него самого, на Эритро постоянно обитали еще четыре человека, по тем или иным причинам предпочитавшие жить под Куполом. Так что домом Купол считать было практически некому, как и гордиться своим обиталищем. Под Куполом поддерживалась неизменная чистота и порядок. Вокруг царил дух рукотворности. Слишком уж много было здесь прямых дуг, плоскостей и кругов. Под Куполом не было места беспорядку, хаосу, настоящей жизни, умеющей подогнать стол — или комнату — под зыбкую неопределенность личности.

Так было и с ним, конечно. И стол, и кабинет в равной мере выражали его собственную персону, состоящую лишь из плоскостей и углов. Быть может, именно поэтому он считал себя дома под Куполом на Эритро. Очертания собственного внутреннего облика, как полагал Генарр, отвечали примитивным геометрическим очертаниям Купола.

Но что-то подумает об этом Эугения Инсигна? (Она взяла девичью фамилию — это его, пожалуй, обрадовало.) Если Эугения осталась такой, какой он ее помнил, то она по-прежнему взбалмошна и непредсказуема — что довольно странно для астронома. Переменилась ли она? Меняются ли в людях их основные черты? Не ожесточило ли ее дезертирство Крайла Фишера, не согнуло ли...

Генарр почесал висок — там, где седина была особенно заметна, — и подумал: всякие рассуждения на подобные темы бесполезны, на них только попусту расходуешь время. Скоро он сам увидит Эугению — Генарр уже распорядился, чтобы ее сразу же с места посадки привезли сюда.

Или лучше встретить ее самому?

Нет! Он уже дюжину раз повторял себе это. Нельзя проявлять поспешность, иначе он потеряет лицо.

И тут Генарр подумал, что подобные соображения неуместны. Зачем ставить ее в неловкое положение? Она может снова увидеть в нем прежнего неловкого и простодушного обожателя, покорно отступившего перед рослым задумчивым землянином. После знакомства с Крайлом Эугения ни разу не встречалась с Генарром — и не хотела встречаться.

Генарр вновь прокрутил послание Януса Питта — тот был сух и краток, как обычно, он словно излучал властность, не допускавшую не только возражений, но и мысли о них.

Только сейчас он заметил, что о дочери Питт говорил с большим чувством, чем о матери. В особенности он подчеркивал, что дочь выказала глубокий интерес к Эритро и чтобы ей не препятствовали, если она пожелает исследовать ее поверхность. Что все это значит?

26

И вот Эугения наконец перед ним. На четырнадцать лет старше, чем во время Исхода. И на двадцать, чем в те дни, еще до знакомства с Крайлом... Тогда они, помнится, ходили на фермы «С» — туда, где тяготение было поменьше. Как она смеялась, когда он попробовал сделать перед нею сальто, но перестарался и упал на живот! Он легко мог что-нибудь повредить себе, потому что хотя вес там становился меньше, но масса и инерция тела сохранялись. Просто повезло: большего унижения, чем это, ему тогда не пришлось испытать.

Конечно, Эугения стала старше, но все-таки не расплылась, и волосы ее, короткие, прямые — незамысловатая прическа, остались темно-каштановыми.

Эугения только сделала шаг к Генарру, а он уже почувствовал, как заторопилось в груди сердце-предатель. Она протянула вперед обе руки, и он взял их.

— Сивер, — сказала Эугения, — я тебя предала, и мне стыдно.

— Предала, Эугения? О чем ты?

Что значат эти слова? Уж не о своем ли замужестве она говорит?

— Мне следовало бы каждый день вспоминать о тебе, — ответила она. — Я должна была бы писать тебе, сообщать новости, просто напроситься в гости.

— И вместо этого ты ни разу не вспомнила обо мне!

— Не думай обо мне плохо. Я все время о тебе вспоминала. Правда-правда, я о тебе всегда помнила, даже не думай. Просто все мои мысли так и не вызвали ни одного поступка.

Генарр кивнул. Что тут скажешь?

— Я знаю, ты все время была занята, — проговорил он. — Ну и я тоже... с глаз долой, сама знаешь, — из сердца вон.

— Не из сердца. А ты совсем не переменился, Сивер.

— Ну вот, значит, если в двадцать лет выглядишь взрослым, это не так уж плохо. А ты, Эугения, почти не изменилась. Ни чуточки не постарела, разве что несколько морщинок появилось. Просто нет слов.

— Вижу, ты по-прежнему ругаешь себя в расчете на женское милосердие. Все как прежде.

— А где твоя дочь, Эугения? Мне сказали, что она будет с тобой.

— Придет. Не волнуйся. В ее представлении Эритро — истинный рай, только я не могу понять, почему она так решила. Она пошла в нашу квартиру, чтобы прибрать и распаковать вещи. Такая уж она у меня девушка. Серьезная, ответственная, практичная, исполнительная. Именно те качества, которые не вызывают любви, — так, кажется, говорил кто-то.

Генарр расхохотался.

— Знакомые качества. Если бы ты только знала, сколько трудов я положил, чтобы обзавестись каким-нибудь очаровательным пороком. И всегда напрасно.

— Ну, мы стареем, и я уже начинаю подозревать, что с возрастом унылые добродетели кажутся более нужными, чем обворожительные пороки. Но почему же ты, Сивер, так и застрял на Эритро? Я понимаю, нужно, чтобы в Куполе

кто-то распоряжался, — но ведь на Роторе не ты один мог бы справиться с такой работой.

— Мне хотелось бы, чтобы ты в этом ошиблась, — ответил Генарр. — Я люблю жить здесь и на Роторе бываю лишь во время отпусков.

— И ни разу не зашел ко мне.

— Если у меня отпуск, это не значит, что и у тебя тоже. Наверное, у тебя всегда было дел куда больше, чем у меня, особенно после открытия Немезиды. Однако я разочарован: мне хотелось увидеть твою дочь.

— Увидишь. Ее зовут Марленой. В сердце-то моем она Молли, но она слышать не хочет этого имени. Ей пятнадцать, она стала совершенно несносной и требует, чтобы ее звали Марленой. Но вы встретитесь, не волнуйся. Просто я не хотела, чтобы она присутствовала при нашей первой встрече. Разве можно было при ней вспомнить прошлое?

— А тебе хочется вспоминать, Эугения?

— Кое о чем.

Генарр помедлил.

— Жаль, что Крайл не принял участия в Исходе.

Улыбка застыла на лице Эугении.

— Кое о чем, Сивер, — не обо всем. — Она отвернулась, подошла к окну и посмотрела наружу. — Ну и замысловатое у вас сооружение. Я, правда, не все видела, но впечатляет. Яркий свет, улицы, настоящие дома. А на Роторе о Куполе ничего не говорят, даже не упоминают. Сколько людей живет и работает здесь?

— Число их меняется. У нас бывают разные времена: иногда работаем, иногда спим. Случалось принимать до девяти сотен человек. Сейчас нас пятьсот шестнадцать. Мы знаем друг друга в лицо. Это нелегко. Каждый день одни прилетают, другие возвращаются на Ротор.

— Кроме тебя.

— И еще нескольких.

— Но зачем нужен Купол, Сивер? Ведь воздухом Эритро можно дышать.

Выпятив нижнюю губу, Генарр в первый раз опустил глаза.

— Можно, да не очень приятно. И свет не тот. Купол снаружи залит красным светом, он становится оранжевым, когда Немезида поднимается выше. Да, свет достаточно ярок. Читать можно. Но людям он кажется неестественным. Вид самой Немезиды тоже. Диск ее велик, даже слишком, она кажется людям угрожающей, а красный свет делает ее гневной — и человек впадает в депрессию. Кроме того, Немезида действительно опасна, по крайней мере, в одном. Свет ее не слепит, и все стремятся разглядеть ее лучше, заметить пятна на ее диске. Инфракрасные лучи могут вызвать ожог сетчатки. Поэтому все, кто выходит наружу, носят специальные шлемы — но не только поэтому.

— Значит, Купол нужен только для того, чтобы удерживать нормальный свет, а не отгораживаться от чего-то?

— Мы и воздух не выпускаем. И воздух, и вода, циркулирующие под Куполом, извлечены из местных минералов. Однако мы все-таки отгородились кое от чего, — заметил Генарр. — От прокариотов. Сине-зеленых водорослей.

Эугения задумчиво покачала головой. Они-то и были причиной изобилия кислорода в атмосфере планеты. На Эритро была жизнь, она была повсюду, но... она оказалась микроскопической по своей природе, эквивалентной простейшим жизненным формам Земли.

— А это действительно прокариоты? — спросила она. — Я знаю, что их так называют, но ведь так называются и земные бактерии. Это действительно бактерии?

— Если они действительно эквивалентны чему-то известному нам по Солнечной системе, так это цианобактериям — они тоже используют фотосинтез. Но это не наши цианобактерии. По структуре нуклеопротеинов они фундаментально отличаются от тех, что известны на Земле. Они содержат нечто вроде хлорофилла, только без магния, который поглощает инфракрасное излучение, и клетки кажутся бесцветными, а не зелеными. У них другие энзимы, другие соотношения примесей минералов. Но все-таки они достаточно похожи на известные на Земле организмы, и их можно назвать прокариотами. Я знаю, что наши биологи старатель-

но пропихивают название «эритриоты», но для нас, небиологов, сойдут и прокариоты.

— Значит, весь кислород в атмосфере Эритро выделяется в результате их жизнедеятельности.

— Верно. Других объяснений наличия здесь в атмосфере свободного кислорода просто не существует. Кстати, Эугения, ты астроном — каковы последние представления о возрасте Немезиды?

Инсигна пожала плечами:

— Красные карлики едва ли не вечны. Немезида может оказаться древней, как Вселенная, и протянуть еще сотню миллиардов лет без видимых изменений. Мы можем только ограничиться оценками по содержанию примесей в ее составе. Если это звезда первого поколения, начинавшая с гелия и водорода, ей чуть больше десяти миллиардов лет — она примерно в два раза старше Солнца.

— Значит, и Эритро десять миллиардов лет?

— Правильно. Звездная система формируется сразу, а не по кусочкам. А почему тебя это заинтересовало?

— Просто странно, что за десять миллиардов лет жизнь так и не смогла шагнуть здесь дальше прокариотов.

— Едва ли это удивительно, Сивер. На Земле через два-три миллиарда лет после возникновения жизни обитали одни прокариоты, а здесь, на Эритро, поток энергии от Немезиды куда слабее. Нужна энергия, чтобы образовались более сложные жизненные формы. На Роторе эти вопросы широко обсуждались.

— Я слыхал об этом, — отозвался Генарр, — только до нас на Эритро многое не доходит. Должно быть, мы слишком закопались во всякие местные дела и проблемы — хотя ты наверняка скажешь, что и прокариотов следует считать таковыми.

— Если на то пошло, — ответила Инсигна, — и нам на Роторе немногое известно о Куполе.

— Да, каждый занимается делом в собственной клетушке. Только, Эугения, о Куполе и говорить нечего. Это же просто мастерская, и я не удивлен, что ее новости тонут в потоке более важных событий. Все внимание, конечно же,

уделяется новым поселениям. Ты не собираешься перебраться на новое место?

— Нет, я роторианка и не собираюсь изменять своему дому. Я бы и здесь не оказалась — прости, пожалуйста, — если бы не необходимость. Мне нужно провести измерения на более солидной базе, чем Ротор.

— Так мне и Питт сказал. Он велел оказывать тебе всяческое содействие.

— Хорошо. Я не сомневаюсь в твоей поддержке. Кстати, ты только что упомянул, что на Эритро стараются не пропускать под Купол прокариоты. Как вам это удается? Воду пить можно?

— Конечно, мы и сами ее пьем, — ответил Генарр. — Под Куполом прокариотов нет. А воду — как и все, что вносится под Купол, — облучают сине-фиолетовым светом, за какие-то секунды разрушающим здешние прокариоты. Коротковолновые фотоны для них чересчур горячи, они разрушают ключевые компоненты в этих маленьких клетках. Но даже если некоторым удается уцелеть, они, насколько нам известно, не токсичны и безвредны — проверено на животных.

— Приятно слышать.

— Только это имеет и обратную сторону. Под лучами Немезиды земные микроорганизмы не могут конкурировать с местными. Во всяком случае, когда мы вносили в почву Эритро наши бактерии, никакого роста и размножения не наблюдалось.

— А как насчет многоклеточных растений?

— Мы пробовали их сажать, но практически без результата. Наверное, виной всему свет Немезиды — под Куполом эти же растения прекрасно растут на почве Эритро. Обо всем мы, конечно, докладывали на Ротор, только едва ли этой информации давали ход. Я уже говорил, на Роторе не интересуются Куполом. Этому жуткому Питту мы не нужны, а он-то и определяет интересы Ротора.

Генарр говорил с улыбкой — несколько напряженной. «Что бы сказала Марлена?» — подумала Инсигна.

— Питт вовсе не жуткий, — ответила она. — Иногда он просто утомляет, но это другое дело. Знаешь, Сивер, когда

мы были молодыми, я всегда думала, что однажды ты станешь комиссаром. Ты был таким умным.

— Был?

— Ну и остался, я в этом не сомневаюсь, только в те дни ты был поглощен политикой, у тебя были такие изумительные идеи. Я тебя слушала как завороженная. Из тебя мог бы получиться комиссар получше, чем из Януса. Ты бы прислушивался к мнению людей, ты не стал бы слепо настаивать на своем.

— Вот потому-то я и был бы очень плохим комиссаром. Видишь ли, у меня нет цели в жизни. Только стремление во всем поступать по правде и надеяться, что все закончится благополучно. А вот Питт знает, чего хочет, и добивается этого любыми методами.

— Сивер, ты не понимаешь его. У него сильная воля, и он человек разума.

— Конечно, Эугения. Такая рассудочность — великий дар. К чему бы он ни стремился, цель его всегда идеально правильна, логична и основана на весьма человеческих мотивах. Но изобрести новую причину он умеет в любой момент, причем с такой непосредственностью, что убедит заодно и себя самого. Если тебе приходилось иметь с ним дело, ты, конечно, знаешь, как он может уговорить тебя сделать то, чего ты не собираешься делать, и добивается этого не приказами, не угрозами, а весьма разумными и вескими аргументами.

— Но... — попыталась возразить Инсигна.

— Вижу, и ты успела уже в полной мере пострадать от его рассудочности, — язвительно заметил Генарр. — Вот, значит, видишь сама, какой он прекрасный комиссар. Не человек, а комиссар.

— Ну, я бы не стала утверждать, что он плохой человек — здесь ты, Сивер, пожалуй, далеко зашел. — Инсигна покачала головой.

— Что ж, не будем спорить. Я хочу видеть твою дочь. — Он поднялся. — Ты не станешь возражать, если я зайду к вам сразу после обеда?

— Это будет прекрасно, — согласилась Инсигна.

Генарр глядел ей вслед, и улыбка медленно гасла на его

лице. Эугения хотела вспомнить прошлое, но он ляпнул про мужа — и все.

Он тяжело вздохнул. Удивительная способность — портить жизнь самому себе — так и не оставляла его.

27

Эугения Инсигна втолковывала дочери:

— Его зовут Сивер Генарр, к нему следует обращаться «командир», потому что он распоряжается в Куполе.

— Конечно, мама, я буду называть его так, как положено.

— И я не хочу, чтобы ты смущала его.

— Не буду.

— Марлена, это тебе удается слишко легко. Ты сама знаешь. Отвечай ему без всяких поправок на твои знания языка жестов и выражений лица. Я прошу тебя! Мы с ним дружили в колледже и некоторое время после его окончания. Потом он десять лет провел здесь, под Куполом, и, хотя я не видела его все это время, он остался моим другом.

— Значит, это был твой парень.

— Именно это я и хотела тебе сказать, — подтвердила Инсигна, — и я не хочу, чтобы ты следила за ним и объявляла, что он имеет в виду, что думает или ощущает. Собственно, он не был моим парнем, как это принято понимать, он не был моим любовником. Мы с ним дружили, нравились друг другу — и только. Но после того как отец... — Она качнула головой и махнула рукой. — Следи за тем, что говоришь о комиссаре Питте — если о нем зайдет речь. Мне кажется, что командир Генарр не доверяет комиссару Питту.

Марлена одарила мать одной из редких улыбок.

— Уж не наблюдала ли ты за поведением командира Сивера? Значит, это тебе не кажется.

Инсигна покачала головой.

— Ты и это видишь? Разве трудно перестать хоть на минутку? Хорошо, это мне не кажется — он сам сказал, что не верит комиссару. И знаешь что, — добавила она скорее для себя, — у него могут быть на это веские причины. — И, взглянув на Марлену, она внезапно опомнилась: — Давай-ка еще

раз повторю, Марлена. Можешь смотреть на командира, сколько тебе угодно, и делать любые выводы, но не говори об этом ему. Только мне. Поняла?

— Ты думаешь, это опасно?

— Не знаю.

— Это опасно, — деловито проговорила Марлена. — Про опасность мне стало понятно, едва комиссар Питт отпустил нас на Эритро. Только я не знаю, в чем она заключается.

28

Первая встреча с Марленой явилась для Сивера Генарра тяжелым испытанием, к тому же девочка угрюмо поглядывала на него, словно давала понять, что прекрасно видит его потрясение и понимает его причины.

Дело было в том, что ей ничего не передалось от Эугении: ни красоты, ни изящества, ни обаяния. Только большие ясные глаза так и буравили его... Но они были унаследованы не от Эугении. Глаза были лучше, чем у матери, и только.

Впрочем, понемногу первое впечатление стало рассеиваться. Подали чай и десерт, Марлена вела себя идеально. Просто леди и умница. Как это говорила Эугения? Не внушающие любви добродетели? Неплохо. Ему казалось, что она просто жаждала любви, как это часто бывает среди дурнушек. Как жаждал и он сам. Внезапный поток дружеских чувств охватил его.

— Эугения, можно я переговорю с Марленой с глазу на глаз? — спросил он.

— Сивер, для этого есть какие-нибудь особые причины? — с деланой непринужденностью поинтересовалась Инсигна.

— Видишь ли, — ответил тот, — Марлена разговаривала с комиссаром Питтом и уговорила его отпустить вас обеих в Купол. Как командир Эритро, я вынужден считаться со словами и поступками комиссара Питта, и мне важно знать, что скажет об этой встрече Марлена. Но с глазу на глаз, мне кажется, она будет откровеннее.

Проводив взглядом выходившую Инсигну, Генарр обер-

нулся к Марлене, почти утонувшей в громадном кресле, которое стояло в углу. Руки ее свободно лежали на коленях, а прекрасные темные глаза серьезно смотрели на командира.

— Твоя мама, кажется, опасалась оставлять нас вдвоем, а ты сама не боишься? — с легкой усмешкой произнес Генарр.

— Ни в коей мере, — ответила Марлена, — и мама опасалась за вас, а не за меня.

— За меня? Почему же?

— Она думает, что я могу чем-нибудь обидеть вас.

— Неужели, Марлена?

— Не нарочно, командир. Я буду стараться.

— Ну, будем надеяться, что тебе это удастся. Ты знаешь, почему я хотел поговорить с тобой наедине?

— Вы сказали маме, что желаете узнать подробности моего разговора с комиссаром Питтом. Это так, но еще вы хотите лучше познакомиться со мной.

Брови Генарра удивленно приподнялись.

— Естественно, я же должен иметь представление о тебе.

— Не так, — вырвалось у Марлены.

— Что «не так»?

Марлена отвернулась.

— Прошу прощения, командир.

— За что?

По лицу Марлены пробежала тень, она молчала.

— Ну, в чем дело, Марлена? — тихо спросил Генарр. — Скажи мне. Важно, чтобы разговор наш был откровенным. Если мама велела тебе придержать язык — не надо этого делать. Если она говорила, что я человек чувствительный и легкоранимый, — забудь про это. Вот что, я приказываю тебе говорить откровенно и не беспокоиться о том, что можешь меня задеть. Я приказываю, и ты должна повиноваться командиру Купола.

Марлена вдруг рассмеялась.

— Значит, вам и в самом деле интересно побольше узнать обо мне?

— Конечно.

— Во-первых, вы недоумеваете, как могло случиться, что я вовсе не похожа на мать.

Генарр широко открыл глаза.

— Я не говорил этого.

— А мне и говорить не надо. Вы друг моей матери. Она мне рассказала об этом. Вы любили ее и до сих пор еще не забыли, и вы ждали, что я окажусь на нее похожей, а когда увидели меня, то не сумели скрыть разочарования.

— Неужели? Это было заметно?

— Легкий жест, вы человек вежливый и пытались его скрыть, но я заметила. А потом вы все время смотрели то на маму, то на меня. И еще тон, каким вы обратились ко мне. Все было ясно. Вы думали о том, что я не похожа на маму, и это вас расстроило.

Генарр откинулся на спинку кресла.

— Восхитительно.

Марлена засияла.

— Вы действительно так думаете, командир? Вы и в самом деле не обиделись? Вы рады, не ощущаете никакой неловкости? Вы первый. Даже моей маме это не нравится.

— Нравится, не нравится — другой вопрос. Совершенно неуместный, когда речь идет о необычайном. И как давно ты научилась читать по жестам, Марлена?

— Я всегда умела делать это. Только теперь научилась лучше понимать людей. По-моему, на это каждый способен — надо только внимательно посмотреть и подумать.

— Нет, Марлена. Ты ошибаешься. Люди этого не умеют. Так, значит, ты говоришь, что я люблю твою маму?

— Даже не сомневайтесь, командир. Когда она рядом, вас выдает каждый взгляд, каждое слово, каждый жест.

— А как ты полагаешь, она это замечает?

— Она догадывается, но не хочет замечать.

Генарр отвернулся.

— И никогда не хотела.

— Дело в моем отце.

— Я знаю.

Поколебавшись, Марлена проговорила:

— По-моему, она поняла бы, что ошибается, если бы умела видеть вас так, как я...

— К несчастью, она не умеет. Впрочем, мне приятно услышать это от тебя. Знаешь, а ведь ты красавица.

Марлена зарделась.

— Вы и в самом деле так думаете?

— Конечно!

— Но...

— Я ведь не могу солгать тебе и не буду пытаться. Лицо твое некрасиво, тело тоже, но ты красавица — остальное неважно. Ты же видишь, я говорю то, что думаю.

— Да, — ответила Марлена с внезапной радостью. На миг лицо ее действительно стало красивым.

Генарр улыбнулся в ответ.

— А теперь давай-ка потолкуем о комиссаре Питте. Теперь, когда я узнал, какая ты у нас проницательная юная дама, разговор этот для меня стал еще более важным. Не возражаешь?

Сложив руки на коленках, Марлена скромно улыбнулась и проговорила:

— Да, дядя Сивер. Вы не возражаете, если я так стану называть вас?

— Ни в коем случае. Я просто польщен. А теперь — расскажи мне о комиссаре Питте. Он распорядился, чтобы я всячески помогал твоей матери и предоставил ей все имеющиеся здесь астрономические приборы. Почему он это сделал?

— Мама хочет провести точные измерения траектории Немезиды среди звезд, а Ротор не может предоставить для этого надежную базу. Эритро больше подходит для таких наблюдений.

— А она недавно заинтересовалась этим?

— Нет, дядя Сивер. Она говорила мне, что давно уже собиралась заняться этим.

— Но почему же она только теперь прилетела сюда?

— Она давно просила, но комиссар Питт всякий раз отказывал.

— А почему он согласился сейчас?

— Потому что решил избавиться от нее.

— В этом я не сомневаюсь — она вечно досаждала ему своими астрономическими проблемами. Твоя мама могла давно уже надоесть ему. Но почему он решил отослать ее сюда именно сейчас?

— Потому что еще больше он хотел отделаться от меня, — тихо ответила Марлена.

Глава 14

РЫБАЛКА

29

После Исхода миновало только пять лет, но Крайлу Фишеру казалось, что все было невообразимо давно. Ротор остался в прошлом, в другой жизни, и Фишер уже стал сомневаться в собственной памяти. Действительно ли жил он на искусственной планете? В самом ли деле оставил на ней жену?

Отчетливо он помнил одну только дочь, иногда она представлялась ему уже не ребенком, а девушкой.

В последние три года его жизнь стала сумасшедшей: после того как земляне обнаружили Звезду-Соседку, ему пришлось посетить семь поселений.

Эти космические города были населены людьми с тем же цветом кожи, что у него, они говорили на родном ему языке и принадлежали к близким культурам. (Так уж богата Земля. Род людской многолик, и на планете-матери нетрудно подобрать агента, внешне похожего на жителя любого из поселений.)

Конечно же, абсолютно сойти за местного жителя он не мог. Одного внешнего сходства оказывалось мало, всегда его выдавал акцент и неуклюжесть, ведь в поселениях была разная сила тяжести. Он не умел, как поселенцы, плавно скользить там, где тяжесть была мала. Так что, где бы ни случалось бывать Фишеру, он всегда чем-нибудь выдавал себя, и поселенцы его сторонились — а ведь ему всякий раз приходилось проходить и карантин, и установленную медобработку, чтобы попасть внутрь очередного поселения.

В поселениях он гостил недолго — несколько дней, самое большее — недель. Оставаться там надолго, а тем более заводить семейство, как это было на Роторе, необходимости не было. Ведь гиперпривод улетел вместе с Ротором, и других важных заданий не было, а может быть, Крайлу просто их не поручали.

Он сидел дома уже три месяца. О новом задании его не

извещали, а Крайл и не стремился торопить события. Он так устал от вечных скитаний, устал чувствовать себя чужаком среди поселенцев, устал изображать туриста.

Старый друг и коллега Гаранд Уайлер тоже вернулся из очередной командировки и теперь сидел у Крайла дома и смотрел на него усталыми глазами. Свет лампы отразился от его темной кисти, когда он на миг поднес рукав к носу и опустил руку.

Фишер усмехнулся краешком рта. Жест этот успел стать привычным и для него. В каждом поселении был собственный запах: всюду выращивали свои растения, использовали свои приправы, свои духи, свои масла для машин. К запаху агент привыкал быстро, но когда возвращался на Землю, то обнаруживал, что весь пропитался запахом поселения. И можно было мыться, отдать в стирку всю одежду — запах назойливо преследовал, и от него нельзя было отделаться.

— С возвращением, — произнес Фишер. — И как твое новое поселение?

— Жуть — как всегда! Прав старик Танаяма. В любом поселении более всего страшатся разнообразия: жители космоса просто ненавидят его. Они не признают различий — ни во внешности, ни во вкусах, ни в образе жизни. Как подберется компания типов под одну масть — так и начинают презирать всех на свете.

— Ты прав, — ответил Фишер, — это неприятно.

— Неприятно? — удивился Уайлер. — Чересчур мягко сказано. Неприятно, когда тарелку уронил или вилка выскочила из розетки, а тут речь идет обо всем человечестве, о Земле и долгих попытках ее людей научиться жить вместе, невзирая на различия во внешности или культуре. Конечно, жизнь у нас не сахар, но, если сравнить с той, что была сто лет назад, — это же сущий рай. И стоило нам нос высунуть в космос, как мы сразу обо всем забыли и вернулись в Средневековье. А ты говоришь «неприятно» — это слово ни на волос не отражает глубины трагедии.

— Верно, — согласился Фишер, — но скажи, чем лично я могу поправить дело, а потом я начну выбирать слова. Ты, кажется, был на Акруме?

— Да, — ответил Уайлер.

— Они знают о Звезде-Соседке?

— Конечно. Насколько мне известно, новость эта успела дойти до каждого поселения.

— Они озабочены?

— Ничуть. С чего им тревожиться? Впереди целые тысячелетия. Поселения смогут отправиться в путь задолго до того, как звезда подойдет близко и станет опасной — кстати, это еще тоже бабушка надвое сказала. Они все успеют смыться. А Ротором они восхищаются и ждут момента, чтобы последовать его примеру. — Уайлер нахмурился, в голосе его послышалась горечь. — А потом все сбегут, а мы останемся. Потому что не сможем настроить поселений на восемь миллиардов человек и отправить их в разные стороны Галактики.

— Ты прямо как Танаяма. Ну зачем нам разыскивать их, травить, тем более пытаться уничтожить? Мы все равно останемся около Солнца и никуда не сумеем стронуться. Есть ли смысл в том, чтобы поселения, как послушные дети, торчали возле Земли и вместе с нами дожидались конца? Нам от этого будет легче?

— Крайл, ты слишком невозмутим, а вот Танаяма злится, и я его понимаю. Он так злится, что охотно разодрал бы всю Галактику пополам, чтобы только найти свой гиперпривод. Он хочет отыскать Ротор, вывернуть его наизнанку — пусть в этом нет особого смысла, — но гиперпривод нужен Земле, чтобы эвакуировать людей с планеты, когда это окажется необходимым. Так что Танаяма прав, несмотря на то что действует, возможно, неправильно.

— Положим, мы получим гиперпривод, но ресурсов и времени у нас хватит, только чтобы вывезти один миллиард людей. Кого будем спасать? А что, если те, кто будет заниматься отправкой, бросятся спасать свою родню?

— Зачем ты так? — буркнул Уайлер.

— Незачем, — согласился Фишер. — Давай-ка лучше порадуемся, что нас давно уже не будет на свете, когда людям придется заняться этим делом.

— Ну разве что, — сказал Уайлер. И, понизив голос, вдруг

произнес: — Не исключено, что начало уже положено. Я подозреваю, что гиперпривод у нас есть или вот-вот будет.

Лицо Фишера выразило крайнее удивление.

— Почему ты так решил? Приснилось или догадался?

— Нет. Видишь ли, я знаком с женщиной, сестра которой знается с кем-то из окружения Старика. Тебя это устраивает?

— Конечно, нет. Выкладывай все, что знаешь.

— Что-то не хочется, Крайл. Видишь ли — я твой друг. Ты же помнишь, что я помог тебе восстановить репутацию в Конторе.

Крайл кивнул.

— Знаю и благодарен тебе за это. И при каждой возможности пытаюсь вернуть тебе долг.

— И я благодарен тебе за это. Могу поделиться с тобой некоторой конфиденциальной информацией. Полагаю, что ты найдешь ее важной и полезной для себя. Готов ли ты выслушать и снять бремя с моей души?

— Всегда готов.

— Не сомневаюсь. Ты знаешь, чем мы сейчас заняты?

— Да, — односложно ответил Фишер. Риторический вопрос не заслуживал иного ответа.

Целых пять лет агенты Конторы, среди которых три года числился и Фишер, рылись во всех свалках Солнечной системы, где поселения сваливали информационный мусор. Они искали.

Поселения пытались заново разработать гиперпривод, Земля тоже. О гиперприводе все успели узнать, когда Ротор еще находился в Солнечной системе, окончательное доказательство его существования искусственный мирок представил, покинув ее.

Многие, а возможно, и все поселения знали кое-что о том, что делалось на Роторе. По соглашению об обмене научной информацией каждый обязан был выкладывать на стол все, что ему было известно. Если бы все так поступали, то из частей головоломки, возможно, и сложилось бы нечто целое — один гиперпривод на Солнечную систему. Но в данном вопросе на откровенность рассчитывать не приходилось. Трудно было знать заранее все возможности нового

двигателя, и ни одно поселение не оставило надежды опередить остальных и тем или иным способом добиться преимущества. И всяк таил, что имел — если имел, конечно, — таким образом, общее знание было неполным.

Земля, в лице своего усердного и неутомимого Всеземного бюро расследований, тщательнейшим образом принюхивалась к поселениям. Крючок забросили на крупную рыбину, и Фишер (что означает «рыбак») был среди рыболовов.

— Мы уже сложили воедино все, что сумели добыть, — медленно произнес Уайлер. — Я слыхал, что этого довольно. Земля сделает гиперпривод. Я думаю, мы отправимся к Звезде-Соседке. А не хочется ли и тебе слетать туда, если до этого дойдет дело?

— Зачем мне это, Гаранд? Вряд ли такое путешествие состоится, я все-таки сомневаюсь в этом.

— А я нет. Не могу тебе сказать, почему я так уверен, просто поверь на слово. Не сомневаюсь, что ты захочешь лететь. Подумай только — повидаешься с женой... дочерью.

Фишер беспокойно пошевелился. Ему казалось, что половину дней своих он старался не вспоминать об этих глазах. Марлене сейчас уже шесть, говорит, конечно, спокойно и рассудительно, как Розанна. И видит людей насквозь, как Розанна.

Он ответил:

— Гаранд, это ерунда. Даже если такой полет уже намечен, зачем нужен я? Там небось потребуются разные специалисты. И уж кого-кого, а меня Старик и близко туда не подпустит. Да, он принял меня обратно в Контору, опять давал поручения. Но ты же знаешь, как он относится к неудачникам, а на Роторе я его подвел.

— Да, но в том-то и дело. Твое пребывание на Роторе и сделало тебя специалистом. Если Старик вознамерился разыскать беглое поселение — разве может он не включить в экипаж поискового корабля тебя — землянина, прожившего на Роторе целых четыре года? Кто может знать роториан лучше, кто может лучше вести с ними дела? Попросись к нему на прием. Скажи ему все это, но заруби себе на носу — о нашем гиперприводе ты ничего не знаешь. Так только, в сослагательном наклонении, если бы да кабы. И не вздумай проболтаться обо мне. Считается, что я тоже ни о чем таком не знаю.

Фишер задумчиво нахмурил брови. Возможно ли? Он не смел надеяться.

30

На следующий день, пока Фишер все еще взвешивал, стоит ли дерзнуть, попросившись на прием к самому Танаяме, инициатива уплыла из его рук. Его вызвали...

Директор редко вызывал к себе простого агента. Для этого существовали его многочисленные заместители. Но если к себе вызывал сам Старик, хорошего ждать не приходилось. И Крайл Фишер заранее был готов к новому назначению — скажем, инспектором на фабрику удобрений.

Танаяма смотрел на него из-за стола. За три года, что прошли после того, как земляне обнаружили Звезду-Соседку, Фишеру редко приходилось видеть директора, да и то мельком. Старик давно настолько усох и покрылся морщинами, что новые физические изменения были уже невозможны. Но острый взгляд не притупился, узкие губы все так же строго сжаты. Возможно, на нем был тот же самый костюм, что и три года назад.

Резкий голос остался прежним, но тон разговора оказался неожиданным. Как ни странно, Старик вызвал его, чтобы похвалить.

На своем неправильном, но с приятным акцентом всепланетном английском Танаяма сказал:

— Фишер, вы хорошо проявили себя. Я хочу, чтобы вы услышали это от меня.

Стоя — присесть его не приглашали — Фишер с трудом подавил изумление.

Директор продолжал:

— Публичных торжеств по этому поводу не ждите, шествий с лазерами и голографических представлений — тоже. Это не принято. Просто я хочу сказать, что доволен вами.

— Этого вполне достаточно, — ответил Фишер, — благодарю вас.

Танаяма пристально посмотрел на Фишера своими узкими глазами.

— И это все, что вы хотите сказать? Вопросов у вас нет?

— Я думаю, директор, что вы сами скажете все, что мне следует знать.

— Вы агент. Вы способный человек. Что вам удалось найти для себя самого?

— Ничего, директор. Я искал только то, что мне предписывалось найти.

Танаяма слегка наклонил голову.

— Хороший ответ, но я говорю не об этом. О чем вы сумели догадаться?

— Вы довольны мной, директор, значит, я сумел отыскать информацию, оказавшуюся полезной для вас.

— Какого рода?

— Я думаю, ничто сейчас не интересует вас больше, чем гиперпривод.

Танаяма изумленно открыл рот.

— И что дальше? Допустим, он у нас есть — каким будет наш следующий шаг?

— Путешествие к Звезде-Соседке, поиски Ротора.

— Только-то? И ничего больше? Больше вы ни до чего не додумались?

Тут Фишер понял, что не рискнуть глупо. Возможно, другого шанса ему не представится.

— Хорошо. Мне хотелось бы оказаться на том земном корабле с гипердвигателем, который полетит за пределы Солнечной системы.

Выпалив все это, Фишер понял, что проиграл или, по крайней мере, не выиграл. Лицо Танаямы потемнело.

— Сядьте! — резко бросил он.

После слов Танаямы позади Фишера мягко зашуршало кресло: сервомотор был настроен на голос Танаямы.

Фишер опустился, не проверяя, стоит ли сзади кресло: подобное недоверие могло показаться обидным, а сейчас не время сердить Танаяму.

— Почему вы хотите оказаться на этом корабле?

Стараясь говорить ровно, Фишер ответил:

— Директор, у меня на Роторе осталась жена.

— Которую вы оставили пять лет назад. Вы полагаете, она дожидается вас?

— Директор, там моя дочь.

— Ей был год, когда вы расстались. Вы уверены, что она знает о своем отце? Что вы нужны ей?

Фишер молчал. Он и сам время от времени думал об этом.

Недолго помедлив, Танаяма продолжил:

— Но полета к Звезде-Соседке не будет. Такого корабля еще не существует.

И вновь Фишер вынужден был подавить любопытство.

— Простите, директор; вы сказали: «Допустим, он у нас есть», — или я неточно понял смысл ваших слов?

— Вы поняли меня так, как должны были понять. И как понимали всегда. Да, у нас есть гиперпривод. Мы можем передвигаться в пространстве, как Ротор, — точнее, сможем, когда соорудим этот корабль и убедимся в том, что он работоспособен, — через год или два. Но что потом? Вы действительно предлагаете лететь на нем к Звезде-Соседке?

— Это оптимальный вариант, директор, — осторожно проговорил Фишер.

— Это бессмысленный вариант. Подумайте сами. До Звезды-Соседки больше двух световых лет. И как бы виртуозно мы ни владели гиперприводом, на путешествие уйдет два года. Наши теоретики уверяют меня, что гиперпривод позволяет кораблю превышать скорость света на весьма короткое время — чем больше скорость, тем меньше движется с нею корабль, так что в итоге корабль не может достичь любой точки в космосе быстрее, чем это сделает световой луч, стартовавший из той же точки одновременно с ним.

— Но если так...

— Если так, вам придется провести два года в тесном корабле с несколькими спутниками. Вы считаете себя способным на это? Вам известно, что маленькие корабли не пригодны для длительных переходов? Нам необходимо поселение, сооружение, подобное Ротору, способное обеспечить экипажу необходимые условия. Вы знаете, сколько времени потребуется, чтобы построить его?

— Не могу сказать, директор.

— Лет десять, если все сложится благополучно и не слу-

чится аварий. Имейте в виду — Земля не строила поселений почти целое столетие. Новостройками в космосе теперь занимаются старые поселения. И как только мы затеем такое строительство, то сразу привлечем к себе внимание поселений, а этого не следует делать. И потом, если построить такое поселение, оснастить гиперприводом, отослать к Звезде-Соседке, два световых года — что оно там будет делать? Если у Ротора есть военные корабли — а они не могли не позаботиться об этом, — наше поселение окажется уязвимым, его нетрудно будет уничтожить. Возможно, Ротор уже настроил боевых кораблей больше, чем мы способны прихватить с собой. В конце концов, они провели в космосе целых три года, и не исключено, что они смогут спокойно заниматься своими делами еще лет двенадцать, прежде чем мы подоспеем туда. Так что наше поселение они разнесут в клочки.

— В этом случае, директор...

— Хватит догадок, агент Фишер. Нам следует по-настоящему овладеть гиперприводом, так, чтобы мы были в состоянии перемещаться в пространстве на любое расстояние за любое время.

— Простите меня, директор. Неужели это возможно? Даже теоретически?

— Этот вопрос не для нас с вами. Ответить на него должны ученые, а их у нас нет. Целое столетие лучшие умы покидали Землю, перебираясь в поселения. Теперь этот процесс следует повернуть вспять. В известной мере, следует некоторым образом устроить набег на поселения и каким угодно путем заманить на Землю лучших физиков и инженеров. Предлагать можно многое, но осторожно. Нельзя открывать все карты — иначе поселения сумеют обойти нас...

Танаяма умолк и внимательно посмотрел на Фишера.

Тот неловко пошевелился.

— Да, директор?

— Т. А. Уэндел, вот на кого я положил глаз. Говорят, что в Солнечной системе нет лучшего физика-гиперпространственника.

— Гиперпривод изобрели физики Ротора. — Фишер не сумел сдержать сухого укора.

Танаяма не обратил внимания на выпад и продолжил:

— Иногда открытия делаются случайно, бывает, что мелкий ум, семеня, забегает вперед, пока мудрец возводит прочное основание. В истории такое часто случалось. А Ротор показал, что, обладая гиперприводом, способен перемещаться только со скоростью света. Мне нужен сверхсветовой полет, скорость, далеко опережающая скорость света. Мне требуется Уэндел.

— Вы хотите, чтобы я доставил его на Землю?

— Ее. Это женщина. Тесса Анита Уэндел с Аделии.

— О!..

— Потому-то вы нам и понадобились. Видите ли, — Танаяма словно излучал сияние, хотя ни одна черточка его лица не выражала оживления, — говорят, что с женской точки зрения вы неотразимы.

Лицо Фишера окаменело.

— Прошу прощения, директор, но я так не считаю. Совершенно не согласен с этим.

— У меня другие сведения. Уэндел — женщина средних лет, около сорока, дважды разведена. По-моему, нетрудно будет ее уговорить.

— Честно говоря, сэр, я считаю это поручение неприличным, и если в данных обстоятельствах возможно обратиться к услугам другого агента, в большей степени пригодного для выполнения подобного...

— Но я выбрал вас. И если вы, агент Фишер, опасаетесь, что не сумеете проявить в полной мере свое обаяние, если станете подходить к Уэндел отвернувшись и при этом воротить нос, я постараюсь облегчить вашу задачу. Вы провалились на Роторе, но сумели частично загладить свою вину. Теперь вы можете реабилитироваться. Но если вы не сумеете привезти сюда эту даму, это будет куда более серьезный провал и ваша репутация погибнет безвозвратно. Правда, я не хочу, чтобы вы действовали лишь из страха перед неприятностями. Хочу кое-что предложить вам. Вы доставляете Уэндел, мы строим сверхсветовой звездолет, он летит к Звезде-Соседке; и вы на нем — если не передумали.

— Сделаю все, что в моих силах, — ответил Фишер, — и не потому, что ожидаю награды или боюсь наказания.

— Великолепный ответ. — Лицо Танаямы изобразило

некое подобие улыбки. — И, вне сомнения, я хорошо запомню его.

И Фишер ушел, прекрасно понимая, что его ждет новая рыбалка, куда более серьезная, чем предыдущие.

Глава 15

ЛИХОМАНКА

31

За десертом Эугения Инсигна улыбнулась Генарру.

— Похоже, вы здесь прекрасно живете.

— Прекрасно, но несколько замкнуто, — улыбнулся в ответ Генарр. — Мы живем в огромном мире, но Купол нас ограничивает. Люди здесь не приживаются. Появляется интересный человек и самое позднее через два месяца исчезает. Поэтому здесь, под Куполом, живут скучные люди, впрочем, сам я кажусь всем, наверное, еще более скучным. Так что ваше с дочерью появление представляет интерес для головидения — даже если на вашем месте был бы кто-нибудь другой...

— Льстец, — грустно промолвила Инсигна.

Генарр откашлялся.

— Марлена предупреждала меня, чтобы я... ну ты понимаешь, что ты не...

Инсигна вдруг перебила его:

— Я бы не сказала, что заметила особое внимание головизорщиков.

Генарр сдался.

— Ладно, — сказал он. — Просто у меня такая манера разговаривать. На завтрашний день назначена маленькая вечеринка, там я тебя официально представлю и познакомлю со всеми.

— Чтобы все могли обсудить мою внешность, костюм и перемыть мне все косточки.

— Трудно сомневаться, что они откажут себе в этом удовольствии. Но Марлена тоже приглашена, и я уверен, что от

нее ты узнаешь о нас больше, чем мы о тебе. Источник самый надежный.

Инсигна вздохнула.

— Значит, Марлена все-таки дала представление?

— Ты хочешь сказать, усвоила ли она «язык» моего тела? Да, мэм.

— Я не велела ей делать это.

— По-моему, она просто не в состоянии удержаться.

— Ты прав. Это так. Но я просила ее не рассказывать об этом тебе. И вижу, что она ослушалась меня.

— Нет. Я приказал ей. Просто приказал, как командир Купола.

— Ну тогда извини — это такая докука.

— Да нет же, не для меня. Эугения, понимаешь, твоя дочь мне понравилась. Очень. Мне кажется, что она несчастна — все понимает и никому не нравится. Все не вызывающие любви добродетели отпущены ей в полной мере. А это несладко.

— Хочу тебя предупредить. Она надоедлива — ей всего пятнадцать.

— По-видимому, существует некий закон, согласно которому ни одна мать не в состоянии вспомнить, какой сама была в пятнадцать, — сказал Генарр. — Марлена тут говорила о мальчике — должна же ты все-таки понимать, что неразделенная любовь в пятнадцать бывает горше, чем в двадцать пять. Впрочем, ты красива, и девичьи годы были для тебя лучезарными. Не забывай, что Марлене очень нелегко. Она знает, что некрасива, и понимает, что умна. Девочка знает, что интеллект должен более чем компенсировать внешность, и в то же время видит, что на деле это не так, и в результате сердится от бессилия что-либо изменить, прекрасно понимая, что в подобной реакции нет ничего хорошего.

— Ну, Сивер, — произнесла Инсигна, стараясь говорить непринужденно, — ты у нас настоящий психолог.

— Вовсе нет. Просто я ее понимаю. Я сам прошел через это.

— Ох... — Инсигна немного растерялась.

— Ничего-ничего, Эугения, я не пытаюсь жалеть себя и не прошу у тебя сострадания к бедной разбитой душе. Эуге-

ния, мне сорок девять, а не пятнадцать, и я давно примирился с самим собой. Если бы в пятнадцать или в двадцать один я был красив, но глуп — а мне этого так хотелось тогда, — я бы уже не был сейчас красавцем, но глупым остался. Так что в конце концов выиграл-то я — выиграет и Марлена, если ей позволят.

— Что ты хочешь этим сказать, Сивер?

— Марлена рассказала мне про разговор с нашим приятелем Питтом. Она нарочно рассердила его, чтобы тебя послали сюда, а заодно и ее.

— Этого я не одобряю, — сказала Эугения. — Не того, что она сумела справиться с Питтом — с ним едва ли можно справиться вообще. Я не одобряю того, что она решилась на это. Марлене кажется, что она может тянуть за ниточки, шевелить ручки и ножки марионеток, — такое легкомыслие может повлечь за собой серьезные неприятности.

— Эугения, не хочу тебя напрасно пугать, но, по-моему, неприятности уже начались. По крайней мере, так полагает Питт.

— Нет, Сивер, это невозможно. Да, Питт самоуверен и властен, но он не злодей. Он не будет наказывать девочку лишь потому, что она затеяла с ним дурацкие игры.

Обед закончился, свет в элегантно обставленной квартире Сивера был неярким. Слегка нахмурившись, Инсигна посмотрела на Сивера — тот протянул руку, чтобы включить экран.

— Что за секреты, Сивер? — делано улыбнувшись, спросила она.

— Я снова хочу изобразить перед тобой психолога. Ты не знаешь Питта, как я. Я посмел спорить с ним — и очутился здесь, потому что он решил избавиться от меня. В моем случае этого оказалось достаточно, но вот как будет с Марленой — не знаю.

Снова натянутая улыбка.

— Да ну тебя, Сивер, — о чем ты говоришь?

— Послушай — поймешь. Питт скрытен. Он не любит, когда о его намерениях узнают. Он словно крадется по тайной тропе, увлекая за собой остальных, — это создает в нем ощущение собственного могущества.

— Возможно, ты прав. Он держал открытие Немезиды в секрете и меня заставил молчать о нем.

— У него много секретов, мы с тобой и малой части их не знаем. Я в этом не сомневаюсь. И вот перед ним Марлена, для которой мысли и движения ясны как день. Кому это понравится? Менее всего Питту. Вот поэтому он и отправил ее на Эритро и тебя вместе с ней, потому что одну девочку сюда не пошлешь.

— Ну хорошо. И что же из этого следует?

— А тебе не кажется, что он надеется больше ее не увидеть никогда?

— Сивер, у тебя мания преследования. Неужели ты считаешь, что Питт решится обречь Марлену на вечную ссылку?

— Конечно, только он будет действовать изощренно. Видишь ли, Эугения, ты мало знаешь о том, как начиналась история Купола, в отличие от нас с Питтом. Скорее всего, кроме нас двоих, об этом вообще никто не знает. Ты знаешь скрытность Питта, он всегда извлекает из нее пользу — в том числе и здесь. Я тебе расскажу, почему мы остаемся под Куполом и не пытаемся заселить Эритро.

— Ты ведь уже рассказал. Освещенность не поз...

— Эугения, это официальная версия. Питт выбрал в качестве причины освещенность, но к ней можно привыкнуть. Итак, мы располагаем миром, обладающим той же гравитацией, что и Земля, пригодной для дыхания атмосферой, примерно теми же сезонными циклами, что и дома. Миром, не породившим сложных форм жизни, где нет ничего сложнее прокариотов, причем неопасных. Каковы же, по-твоему, причины того, что мы не только не заселяем этот мир, но даже не пытаемся этого сделать?

— Ну и почему же?

— А вот почему: вначале люди свободно выходили из Купола. Дышали воздухом, пили воду — без всяких предосторожностей.

— Ну и?..

— Некоторые из них заболели какой-то душевной болезнью. В неизлечимой форме. Это не было буйное помешательство — просто какое-то отстранение от реальности. Потом кое-кому стало лучше, но, насколько мне известно, ни-

кто не поправился полностью. Болезнь эта не заразна, но на Роторе на всякий случай тайно приняли меры.

Эугения нахмурилась.

— Сивер, ты сочиняешь? Я ничего не слыхала об этом.

— Не забывай про скрытность Питта. Просто тебе не полагалось этого знать. Не твоя епархия. Мне, напротив, знать было положено, потому что именно меня послали сюда, чтобы ликвидировать эпидемию. И если бы я потерпел неудачу, мы бы навсегда оставили Эритро, невзирая на грозящие нам беды и недовольство роториан. — Помолчав немного, он добавил: — Я не имею права говорить тебе об этом, в известном смысле я нарушаю служебный долг. Но ради Марлены...

Лицо Эугении выразило глубочайшую озабоченность.

— Ты говоришь... ты утверждаешь, что Питт...

— Я утверждаю, что Питт наверняка рассчитывает, что Марлена подхватит «эритрийскую лихоманку», как мы ее называем. Она не умрет. Даже больной в обычном смысле слова ее нельзя будет назвать — просто ум ее расстроится, и тогда этот странный дар, возможно, покинет ее, чего и добивается Питт.

— Сивер, это ужасно! Подвергнуть ребенка...

— Эугения, возможно, все будет иначе. Пусть Питт этого хочет — но что у него получится? Обосновавшись здесь, я завел надежные меры защиты. Купол мы покидаем только в специальных костюмах и не остаемся снаружи дольше, чем нужно. Фильтруем воздух и воду, я даже придумал кое-какие усовершенствования. И с тех пор было только два случая, довольно легких.

— Сивер, а что вызывает болезнь?

Генарр усмехнулся.

— Мы не знаем, в том-то и беда. А значит, не представляем, как совершенствовать свою оборону. Тщательные исследования подтверждают одно: ни в воздухе, ни в воде нет никакой заразы. В почве тоже — вот она здесь, под ногами, под Куполом от нее никуда не деться. Воздух и вода тщательно фильтруются. И вообще, многим случалось пить эритрийскую воду, дышать чистым воздухом планеты — и ничего... никаких последствий.

— Так, значит, всему виной прокариоты?

— Этого не может быть. Хочешь не хочешь, но мы поглощаем их с водой или воздухом, с ними экспериментировали на животных. И ничего. К тому же, будь то прокариоты, болезнь оказалась бы заразной, а это не так. Мы исследовали воздействие света Немезиды — и вновь ничего не обнаружили. Более того, один раз — один только раз — лихоманку подцепил человек, никогда не выходивший из Купола. Тайна, да и только.

— Даже предположений нет?

— У меня? Нет. Я могу только радоваться, что сумел остановить болезнь. Но раз мы не знаем ни природы, ни причин болезни, нельзя быть уверенным, что она не возникнет вновь. Правда, есть одно предположение...

— Какое?

— Это мне один из психологов доложил, я потом передал его докладную Питту. Так вот, он почему-то решил, что все заболевшие не принадлежали к числу средних умов, они выделялись из общей массы — более ярким воображением, например. Это были люди интеллигентные, с творческой жилкой, далеко не посредственности. Он предположил, что, каким бы ни был возбудитель болезни, он в первую очередь поражает более тонкий ум.

— И ты с ним согласен?

— Не знаю. Вся беда в том, что иных отличий не видно. Оба пола в равной мере поражались лихоманкой, других тенденций — возрастных или физических — тоже не было подмечено. Конечно, жертв лихоманки не так уж и много, так что на результаты статистического анализа полагаться нельзя. Питт удовлетворился заключением этого психиатра, а потому в последние годы он присылал сюда только людей посредственных — не тупиц, а просто середняков, вроде меня. Кстати, вот тебе и пример иммунитета: я с моим ординарным умом. Так ведь?

— Не надо, Сивер, ты не...

— С другой стороны, — продолжал Сивер, не дослушав Эугению, — разум Марлены весьма отличается от ординарного...

— Да-да, — начала Эугения, — теперь я поняла, куда ты клонишь.

— Не исключено, что, как только Марлена обнаружила перед Питтом свои способности, как только он услышал, что девочка просится на Эритро, наш комиссар мгновенно сообразил, что, дав согласие, он может избавиться от ума, в котором видел несомненную для себя опасность.

— Тогда... тогда нам нужно немедленно возвратиться на Ротор.

— Да, но я не сомневаюсь, что Питт уже обдумал, как подольше задержать вас здесь. Например, он, безусловно, будет настаивать, чтобы ты закончила все измерения. Заявит, что считает их результаты жизненно важными, и все твои упоминания о лихоманке ни к чему не приведут. А если ты уедешь самовольно, то он отправит тебя на ментальное обследование. Мне кажется, будет лучше, если ты просто постараешься побыстрей закончить работу. Ну а что касается Марлены — постараемся принять соответствующие меры предосторожности. Эпидемия лихоманки утихла, и предположение, что ей подвержены экстраординарные умы, никто еще не подтвердил. Нет никаких оснований считать, что она обязательно заразится. И мы с тобой способны сохранить здоровье Марлены — это же все равно что садануть Питта в глаз. Вот увидишь!

Инсигна смотрела на Генарра и не видела его. Где-то под ложечкой все стянулось в тугой ком.

Глава 16

ГИПЕРПРОСТРАНСТВО

32

Аделия оказалась славным местечком, гораздо более славным, чем Ротор.

После Ротора Крайл Фишер успел побывать в шести поселениях, и все они были куда симпатичней.

Фишер мысленно перечислил их и вздохнул. Семь их было, не шесть. Ну вот, начинает сбиваться. Быть может, ему уже становится трудно работать?

Последняя в этом списке, Аделия оказалась самым сим-

патичным из всех поселений, которые посещал Фишер. Может быть, выражалось это не внешне. Ротор был чуть старше, там уже успели сложиться какие-то традиции. Там все было собранно, деловито, каждый человек знал свое место, был им доволен и честно исполнял свой долг.

Конечно же, на Аделии находилась и Тесса Анита Уэндел. Крайл еще не приступил к делу — быть может, потому, что сам Танаяма назвал его неотразимым для женщин и потрясение еще не прошло. И чего бы ни было больше в словах Танаямы — насмешки или сарказма, только Крайл вынужден был теперь проявлять осторожность. Второе фиаско, без сомнения, было бы сочтено решительным провалом, ведь Танаяма положился, пусть и не совсем искренне, на его умение обходиться с женщинами.

Фишеру удалось встретиться с Уэндел недели через две после того, как он прибыл в поселение. Его не переставало удивлять, как быстро можно было встретить нужного человека в любом поселении. Ведь он вырос не в крошечном мирке, с немногочисленным по земным меркам населением, где каждый знал не только всех из ближайшего окружения, но и всех за его пределами.

Когда он увидел Тессу Уэндел, она сразу же произвела на него впечатление. Слова Танаямы, то легкое пренебрежение, с каким он говорил, что Тесса немолода и дважды разведена, оказали на Фишера определенное влияние — в его воображении успел сложиться образ женщины угрюмой и строгой, нервной, конечно, испытывающей по отношению к мужчинам либо озлобление, либо голодный цинизм.

В первый раз он увидел ее издалека и был приятно удивлен. Ростом она оказалась чуть пониже его самого — высокая брюнетка с гладкими волосами, энергичная и улыбчивая, — уж это он смог заметить. Наряд ее вдохновлял своей простотой — словно всякие излишества в одежде не шли ей. За собой Тесса явно следила, и стройная фигурка ее казалась почти девичьей.

Тут уже Фишер призадумался над причинами ее разводов. И предположил, что мужья ей надоедали, хотя здравый смысл говорил, что едва ли человек станет повторять одну и ту же ошибку дважды.

Теперь ему нужно было войти в здешнее общество и побывать там, где бывала Тесса. Земное происхождение Фишера несколько усложняло эту задачу. Однако в каждом поселении жили люди, которым Земля платила жалованье. Один из них и должен был обеспечить Фишеру успех в здешнем обществе — вывести его на орбиту, как это называлось среди поселенцев.

Так и случилось. Фишер и Уэндел оказались в одной компании, и она, задумчиво посмотрев на него, опустила ресницы, потом вновь взглянула на Крайла и вымолвила неизбежное:

— Я слыхала, вы прибыли к нам с Земли, мистер Фишер?

— Совершенно верно, доктор Уэндел. И весьма сожалею об этом — похоже, вас это смущает.

— Напротив. Ведь вы прошли карантин.

— И чуть не умер, если говорить честно.

— Почему же вы решили подвергнуться этому кошмарному процессу?

Глядя в сторону и в то же время стараясь видеть эффект, который произведут его слова, Фишер ответил:

— На Земле поговаривают, что на Аделии женщины невероятно красивы.

— Полагаю, теперь вы решили вернуться, чтобы опровергнуть эти слухи.

— Напротив, я нашел, что они подтвердились.

— Ну вы и ходок, — произнесла она.

Что означает на местном сленге «ходок», Фишер не знал, но Уэндел улыбалась, и Крайл решил, что для первого раза все прошло удовлетворительно.

Неужели он действительно неотразим? Крайл вдруг вспомнил, что, живя с Эугенией, он даже не пробовал быть неотразимым, а был озабочен только тем, чтобы стать допущенным в чопорное роторианское общество.

На Аделии, решил Фишер, общество явно попроще — и все-таки не стоит слишком полагаться на свою неотразимость.

33

Через месяц Фишер и Уэндел были знакомы достаточно близко, чтобы вместе заниматься гимнастикой. Упражнения при пониженном тяготении могли бы, пожалуй, доставить Фишеру некоторое удовольствие, если бы не одно «но»: он так и не сумел приспособиться к подобного рода занятиям, и пониженная гравитация неизменно вызывала у него легкую дурноту. На Роторе такой физкультуре уделялось меньше внимания. К тому же Крайл мог не участвовать в ней, поскольку не был природным роторианином. (Законом это не предусматривалось, однако обычай зачастую сильнее закона.)

Как-то раз, после очередной тренировки спускаясь на лифте вместе с Тессой, где ускорение силы тяжести было несколько больше, Фишер, как всегда, ощутил, как успокаивается его желудок. Одежды на обоих почти не было, и Крайл почувствовал, что его тело привлекает Уэндел и его самого тоже тянет к ней.

После душа — порознь — они оделись и направились перекусить.

— Для землянина вы неплохо справляетесь с пониженным тяготением, — заметила Уэндел. — Вам нравится на Аделии, Крайл?

— Тесса, вы знаете, как я себя здесь чувствую. Землянину никогда не привыкнуть к такому крошечному мирку, но ваше общество способно компенсировать любые неудобства.

— Вот-вот. Слова истинного ходока. Ну а как вам показалась Аделия в сравнении с Ротором?

— С Ротором?

— Если хотите, с любым поселением из тех, на которых вы побывали. Крайл, я могу их перечислить...

Немного ошарашенный, Фишер спросил:

— Что это? Неужели вы наводили обо мне справки?

— Конечно!

— Ну и как, интересно?

— Нетрудно заинтересоваться человеком, заинтересовавшимся мною в такой дали от родного дома. Я хочу знать

причины вашего внимания ко мне. Конечно, я не исключаю и сексуального интереса. Даже не сомневаюсь.

— Так почему же я вами заинтересовался?

— А может, вы сами расскажете? Что вы делали на Роторе? Вы ведь пробыли там достаточно долго, обзавелись женой и ребенком и все-таки оставили поселение перед самым отлетом. Побоялись застрять на Роторе на всю оставшуюся жизнь? Значит, вам там не нравилось?

Некоторое смущение сменилось откровенным замешательством.

— По совести говоря, — пробормотал Фишер, — Ротор не нравился мне, но и нас, землян, там не любили. К тому же вы правы. Я не хотел остаться на всю жизнь гражданином второго сорта. В этом смысле в прочих поселениях законы помягче, на Аделии в том числе.

— А ведь у Ротора был свой секрет, и они старались скрыть его от Земли, — сказала Уэндел. Ее глаза взволнованно заблестели.

— Секрет? Вы, наверное, имеете в виду гиперпривод?

— Да, я именно это и хотела сказать. По-моему, на Роторе вы пытались проникнуть именно в этот секрет.

— Я?

— Конечно. Вам удалось его раскрыть? Зачем вам понадобилось жениться на этой ученой с Ротора? — Подперев подбородок ладонями и поставив локти на стол, она наклонилась вперед.

Покачав головой, Фишер осторожно произнес:

— Мы с ней о гиперприводе даже не разговаривали. Вы ошибаетесь.

Не обратив внимания на его слова, Уэндел спросила:

— Что вы собрались выведать у меня? И каким образом? Вы хотите жениться на мне?

— А тогда вы откроете мне свой секрет?

— Нет.

— Тогда о женитьбе не может быть и речи!

— А жаль, — улыбнулась Уэндел.

— Вас интересует все это как специалиста по гиперпространству? — спросил Фишер.

— А как вы узнали, кто я? Вам сказали на Земле, когда посылали сюда?

— Извините, ваша фамилия значится в Аделийском реестре.

— Значит, и вы наводили обо мне справки. Забавная подобралась парочка. Только вы не обратили внимания, что там я значусь физиком-теоретиком.

— Ваша фамилия стоит под рядом статей, в заголовках которых попадается слово «гиперпространственный». Сомнений нет.

— Конечно, но тем не менее я физик-теоретик и просто изучаю теоретические аспекты, связанные с гиперпространством. Я никогда не пыталась воплотить свои знания на практике.

— А на Роторе это сумели сделать. Это вас не волнует? Странно, ведь они вас обошли.

— Ну и что? Теория куда интереснее, чем прикладные вопросы. Если вы прочли в моих статьях что-нибудь, кроме заголовков, то должны помнить — я писала, что гиперпривод не стоит затраченных на него усилий.

— Роториане отправили лабораторию к звездам и...

— Вы о Дальнем Зонде? Да, они измерили параллаксы нескольких относительно удаленных звезд — но разве это оправдало затраты? И как далеко залетел Дальний Зонд? Да всего лишь на несколько световых месяцев! Это же совсем рядом. Линия, соединяющая Зонд с Землей в крайнем его удалении, стягивается в точку в масштабах Галактики.

— Но ведь они не ограничились Дальним Зондом, — напомнил Фишер. — Они увели в космос целое поселение.

— Правильно. Это было в двадцать втором, с тех пор прошло шесть лет, и мы знаем только, что они оставили Солнечную систему.

— Разве этого мало?

— Конечно. Куда они улетели? Живы ли они? Возможно ли вообще, чтобы они выжили? Людям еще не доводилось обитать в обособленном поселении. Рядом всегда была Земля, другие поселения. Способны ли выжить в космосе несколько десятков тысяч человек? Мы даже не знаем, возможно ли это просто психологически. Я полагаю, что нет.

— По-моему, они намеревались подыскать в космосе мир, пригодный для заселения. Они не останутся в поселении.

— Э, да какой там мир могут они отыскать? Они же улетели шесть лет назад. Значит, смогли добраться только до одной из двух звезд — ведь гиперпривод обеспечивает передвижение со средней скоростью, равной скорости света. Первая из них — альфа Центавра, тройная звезда, расположенная в 4,3 светового года отсюда, одна из ее звезд — красный карлик. Другая — звезда Барнарда, одинокий красный карлик, до которого 5,9 светового года. Значит, всего четыре звезды: две такие, как Солнце, еще две — красные карлики. Обе желтых звезды расположены неподалеку. Они образуют умеренно тесную двойную систему — едва ли возле них может обнаружиться подобная Земле планета, да еще на сколько-нибудь устойчивой орбите. Куда им лететь дальше? Некуда, Крайл! Мне не хочется расстраивать вас, я знаю, что там у вас остались жена и ребенок, — но Ротор взялся за непосильное дело.

Фишер молчал. Уэндел не знала всего: он не рассказывал ей о существовании Звезды-Соседки, впрочем, и она была красным карликом.

— Значит, вы считаете, что межзвездные перелеты невозможны, — сказал он.

— С практической точки зрения да, если ограничиваться применением гиперпривода.

— У вас получается, Тесса, что одним гиперприводом дело может и не ограничиться?

— Конечно. Что тут такого? Совсем недавно мы и мечтать не могли о гиперприводе — почему бы теперь не пойти дальше? Почему не помечтать о настоящем гиперпространственном переходе, о сверхсветовых скоростях? Если мы овладеем ими, если научимся летать с этими скоростями столько, сколько потребуется, то вся Галактика, а быть может, и вся Вселенная станут для людей такими же крохотными, как Солнечная система, и человек будет владеть всем пространством.

— Неплохая мечта, но едва ли возможная.

— После отлета Ротора все поселения трижды собирались на конференции, посвященные этому вопросу.

— Поселения поселениями, а как насчет Земли?

— Наблюдатели были, но в наши дни на Земле хорошего физика не сыщешь.

— И чем же закончились эти конференции?

— Вы же не физик, — улыбнулась Уэндел.

— Исключите технические подробности. Просто интересно.

Она лишь улыбнулась в ответ.

Фишер сжал перед собой на столе кулак.

— Для начала давайте-ка забудем эту вашу гипотезу о том, что я тайный агент Земли, вынюхивающий разные тайны. У меня дочь где-то в космосе, Тесса. Вы утверждаете, что, скорей всего, ее нет в живых. Ну а если вы ошибаетесь? Могла ли она...

Улыбка исчезла с лица Уэндел.

— Извините, я забыла об этом. Давайте ограничимся практическими соображениями: нечего и надеяться отыскать поселение внутри объема, образуемого сферой радиусом в шесть световых лет, а со временем ее радиус будет расти. На поиски десятой планеты ушло более ста лет, а она ведь куда больше Ротора, и объем пространства намного меньше.

— Надежда вечна, — отозвался Фишер. — Ну так возможен ли этот ваш настоящий гиперпространственный перелет? Можете сказать только «да» или «нет».

— Если хотите знать правду — большинство специалистов отрицают такую возможность. Некоторые, правда, колеблются, но эти просто бормочут.

— Ну а громко никто не высказывается?

— Есть и такие. Я, например.

— Значит, вы считаете, что это возможно? — Фишер был искренне удивлен. — И вы уже действительно можете во всеуслышание объявить об открытии или просто нашептываете себе под нос?

— У меня есть публикация на эту тему. Одна из тех статей, с заглавиями которых вы ознакомились. Пока еще никто не рискнул согласиться со мной. Конечно, мне случалось ошибаться, но на сей раз я уверена.

— А почему же другие физики считают, что вы ошибаетесь?

— Это трудно объяснить. Но я постараюсь. Роторианский гиперпривод, о котором болтают во всех поселениях, основывается на том, что произведение отношения скорости корабля к скорости света на время постоянно, причем отношение скорости корабля к скорости света равно единице.

— Что это значит?

— Это значит, что когда летишь быстрее света, то чем больше скорость, тем меньше времени удается ее поддерживать. И тем дольше приходится передвигаться с досветовой скоростью перед следующим импульсом. И в итоге средняя скорость перелета оказывается равна скорости света.

— Ну и?..

— Положение мое незыблемо, если здесь использован принцип неопределенности, а с ним, как известно, шутить не приходится. Но если допустить, что принцип неопределенности на самом деле здесь ни при чем, то гиперпространственный перелет окажется теоретически невозможным. Большинство физиков на этом и останавливаются, меньшая часть колеблются. Сама я полагаю, что в данном случае мы имеем дело только с подобием принципа неопределенности, поэтому настоящий гиперпространственный перелет возможен без всяких ограничений.

— Ну а как понять, кто из вас прав?

— Не знаю. — Уэндел покачала головой. — Поселения не очень-то рвутся в просторы Галактики, даже с помощью гипердвигателя. Никто не желает следовать примеру Ротора, лететь годы и годы... на верную смерть.

Кроме того, ни одно поселение не способно вложить в это предприятие немыслимые деньги, если к тому же подавляющее большинство экспертов считают его теоретически невозможным.

— И вам все равно? — Фишер подался вперед.

— Конечно, нет. Я — физик, мне интересно доказать, что верен именно мой взгляд на Вселенную. Однако приходится считаться с пределами возможного. Деньги нужны громадные, поселения ничего не дадут мне.

— Тесса, плюньте на поселения — эта работа нужна Земле, она готова платить сколько потребуется.

— В самом деле? — удивилась Тесса и медленно протянула руку, чтобы коснуться волос Фишера. — Кажется, придется нам перебираться на Землю.

34

Взяв руку Уэндел, Фишер бережно отвел ее от своей головы.

— Если я вас правильно понял, вы действительно считаете возможным создание настоящего гиперпространственного звездолета?

— Абсолютно уверена.

— Тогда Земля ждет вас.

— Почему?

— Потому что Земле нужен гиперпространственный звездолет, а из всех крупных физиков только вы уверены, что его можно создать.

— Крайл, раз вы все знали, зачем потребовался этот допрос?

— Я ничего не знал — вы сами обо всем сейчас мне рассказали. Перед отлетом мне лишь объяснили, что вы самый блестящий физик из ныне живущих.

— Ну как же, как же, — усмехнулась Уэндел. — Значит, вам велели похитить меня?

— Уговорить.

— Уговорить? Чтобы я улетела на Землю? Жить среди этих толп, в грязи, бедности, среди вечной непогоды. Нечего сказать, заманчивая идея.

— Послушайте меня, Тесса. На Земле все бывает по-разному. Не исключено, что она и в самом деле обладает всеми этими недостатками, но даже они — часть прекрасного мира. Такой следует видеть Землю. Вы ведь ни разу там не были?

— Ни разу, я — аделийка по рождению и воспитанию. В других поселениях мне бывать случалось, но чтобы на Землю... благодарю вас.

— Значит, вы не знаете, что такое Земля? Не представ-

ляете себе, что такое настоящий мир. Она не похожа на вашу тесную конуру с несколькими квадратными километрами поверхности, с горсткой соседей. Это же пустяк, игрушка, здесь даже не на что посмотреть. Земля иная — только поверхность ее составляет больше шестисот миллионов квадратных километров. На ней живут восемь миллиардов людей. Она бесконечна, разнообразна. Да, на ней много плохого, но столько хорошего!

— Сплошная бедность... Науки у вас тоже нет.

— Потому что ученые вместе со своей наукой перебрались в поселения. Поэтому вы и нужны нам, прилетайте на Землю.

— Но я не понимаю зачем.

— Потому что у Земли есть цели, устремления, амбиции. У поселений же осталось только самодовольство.

— Ну и что вам в этих *целях, устремлениях* и *амбициях*? Физика — дело дорогостоящее.

— Должен признать, доход среднего землянина относительно невелик. По отдельности все мы бедны, но восемь миллиардов людей, скинувшись по грошу, соберут огромную сумму. И ресурсы планеты до сих пор огромны, хоть их расходовали и расходуют на пустяки. Земля может дать вам средств и рабочих рук больше, чем все поселения, вместе взятые, — но лишь в том случае, когда это действительно необходимо. Уверяю вас, Земля нуждается в гиперпространственном звездолете. Тесса, летите на Землю, там вас будут считать редкостной драгоценностью — все-таки и на нашей планете не все есть.

— Но я не уверена, что Аделия согласится меня отпустить. Самодовольство самодовольством, но цену своим умам она знает.

— Они не будут против поездки на Землю... на научную конференцию.

— И тогда, вы хотите сказать, я смогу не возвращаться.

— Вам не на что будет жаловаться. Вас устроят с наилучшим комфортом. Выполнят все ваши прихоти и желания. Более того, вас поставят во главе проекта, дадут неограниченные кредиты, вы сможете проводить любые испытания,

задумывать всевозможные эксперименты, делать наблюдения...

— Королевские обещания...

— Разве вам еще что-то нужно? — простодушно ляпнул Фишер.

— Хотелось бы знать, — задумчиво проговорила Уэндел, — почему послали именно вас? Такого привлекательного мужчину. Или они рассчитывали, что виды видавшая ученая дама — ну, конечно одинокая, ну, конечно разочарованная, — словно рыбка клюнет на эту наживку?

— Тесса, я не знаю, о чем думали те, кто меня отправлял, только сам я об этом не думал. Но когда увидел вас... И не наговаривайте на себя — какая вы виды видавшая? Разве вас можно назвать разочарованной или одинокой? Земля предлагает осуществить мечту физика, и для нее неважно, кто вы: молодая или пожилая, мужчина или женщина.

— Какая досада! Ну а если я проявлю непреклонность и откажусь лететь на Землю? Какие еще аргументы у вас? Вы обязаны подавить отвращение и вступить со мной в связь?

Сложив руки на великолепной груди, Уэндел загадочно смотрела на Фишера.

Тщательно подбирая слова, он ответил:

— Знаете, что там замышляли наверху, я не имею понятия. Обольщать вас мне не приказывали, но, уверяю вас, если до этого дойдет, об отвращении не может быть и речи. Просто я решил сначала переговорить с вами как с физиком, не унижая прочими соображениями.

— Напротив, — возразила Уэндел, — как физик я вижу все достоинства вашего предложения и охотно согласилась бы побегать за этой яркой бабочкой — за гиперпространственным звездолетом — везде, где возможно, но мне кажется, вы не совсем убедили меня. Я хочу, чтобы вы выложили все аргументы.

— Но...

— Короче, если я нужна вам — платите. Убеждайте меня изо всех сил, словно я проявила самое твердокаменное упорство, иначе я останусь. Как по-вашему, зачем мы здесь и для чего служат эти кабинеты? Мы размялись, приняли душ, поели, немного выпили, поговорили, получили от всего этого

известное удовольствие, теперь можно обратиться к иным радостям. Я требую. Убедите меня, что на Земле мне будет хорошо.

И, повинуясь прикосновению ее пальца к выключателю, свет внутри кабинета призывно померк.

Глава 17

В БЕЗОПАСНОСТИ?

35

Эугения была растеряна. Сивер Генарр настаивал на том, чтобы Марлену посвятили во все.

— Эугения, ты — мать, и тебе Марлена всегда будет казаться маленькой. Но в конце концов любой матери приходится понять: и она — не царица, и дочь — не ее личная собственность.

Эугения Инсигна опустила глаза под его мягким взором.

— Не читай мне лекций, Сивер, — сказала она. — И нечего затевать всю эту суету вокруг чужого тебе ребенка.

— Суету? Ну, извини. Давай тогда так. Мое отношение к ней эмоционально не сковано памятью о ее детстве. Девочка нравится мне, как распускающийся бутон, как юная женщина, обладающая редким умом. Эугения, она необыкновенный человек. Тебе, может быть, это покажется странным, но, по-моему, она личность куда более значительная, чем ты или я. И уже поэтому с ней следует посоветоваться.

— Ее следует поберечь, — возразила Инсигна.

— Согласен, но давай спросим у нее, как ее лучше беречь. Она молода, неопытна, но может лучше нас сообразить, что следует предпринять. Давай обговорим все втроем, как трое взрослых. И обещай мне, Эугения, не прибегать к родительской власти.

— Как я могу это обещать? — горько произнесла Инсигна. — Ну хорошо, поговорим.

Они собрались втроем в кабинете Генарра. Экран был

включен. Окинув быстрым взглядом взрослых, Марлена поджала губы и грустно сказала:

— Мне это не нравится.

— Боюсь, что у меня плохие новости, — начала Инсигна. — Неладно здесь. Придется подумать о возвращении на Ротор.

Марлена казалась удивленной.

— Но, мама, а как же твоя работа? Это же важно, измерения следует закончить. Но я вижу, ты решила даже не браться за них. Не понимаю.

— Марлена, — Инсигна говорила медленно, разделяя слова, — мы считаем, что тебе следует вернуться на Ротор. Тебе одной.

Наступило недолгое молчание. Марлена вглядывалась в лица взрослых. Потом спросила почти шепотом:

— Ты говоришь серьезно? Ушам не верю. Я не вернусь на Ротор. Никогда. Я не хочу этого. Эритро — моя планета, и здесь я намереваюсь остаться.

— Марлена... — Голос Инсигны сорвался.

Подняв руку, Генарр укоризненно качнул головой.

Эугения умолкла.

— Почему ты так хочешь остаться здесь, Марлена? — спросил Генарр.

— Потому что хочу, — ровным голосом ответила девочка. — Как иногда тянет съесть что-нибудь — просто хочется, и все тут. И почему — понять невозможно. Хочется. Меня просто влечет к Эритро. Не знаю почему, но я хочу быть здесь. Не знаю, как это объяснить.

— Хорошо, пусть тогда мать расскажет тебе все, что мы знаем.

Взяв в свои руки прохладные и вялые ладони Марлены, Инсигна проговорила:

— Помнишь, Марлена, перед отлетом на Эритро ты говорила мне о своем разговоре с комиссаром Питтом.

— Да.

— Ты говорила тогда, что он скрыл что-то, о чем-то умолчал, когда разрешил нам отправиться на планету. И ты не знала, что это было, — но явно нечто плохое и зловещее.

— Да, помню.

Инсигна медлила, и пронизывающий взгляд Марлены сделался жестким.

— Отсвет на волосах, — шепнула девочка словно себе самой, не замечая, что говорит вслух. — Рука у виска. Отодвигается. — Голос ее утих, но губы продолжали шевелиться. И вдруг она громко и дерзко выкрикнула: — С чего ты решила, что у меня с головой не в порядке?

— Нет, — быстро ответила Инсигна, — совсем наоборот, дорогая. Мы прекрасно знаем, что у тебя ясная головка, и хотим, чтобы так оно и осталось. Слушай...

Рассказу об эритрийской лихоманке Марлена внимала с огромным недоверием и наконец сказала:

— Мама, я вижу, ты сама веришь тому, что говоришь, но, по-моему, тебе могли солгать.

— Обо всем этом она узнала от меня, — вмешался Генарр, — а я знаю, что говорю. А теперь скажи, не солгал ли я. Не возражаешь?

Марлена молча покачала головой.

— Почему тогда вы решили, что мне грозит опасность? Почему она грозит именно мне, а не вам или маме?

— Она же сказала, Марлена. Предполагают, что лихоманка поражает людей с развитой фантазией, воображением. Считается, что чем выше твой ум над обыденностью, тем более подвержен он лихоманке. И поскольку твой разум является самым необычным из всех, с которыми мне приходилось иметь дело, я опасаюсь, что ты окажешься необычайно восприимчивой к ней. Комиссар распорядился, чтобы я не ограничивал твою свободу действий на Эритро, чтобы ты увидела и испытала все, что пожелаешь. Мы даже обязаны обеспечить твое передвижение вне Купола — если ты захочешь. Ты думаешь, что он был просто добр к тебе, — но разве не может статься, что, разрешив тебе выходить из Купола, он просто надеялся, что ты подхватишь лихоманку?

Марлена слушала, не проявляя эмоций.

— Разве ты не поняла, Марлена? — спросила Инсигна. — Комиссар желает тебе не смерти. Уж в этом-то мы его не можем обвинить. Он просто стремится погубить твой ум, хочет, чтобы ты заразилась.

Марлена невозмутимо слушала.

— Но если комиссар Питт пытается меня погубить, — наконец заговорила она, — почему вы хотите отослать меня прямо к нему в лапы?

Генарр поднял брови.

— Мы уже объяснили. Здесь тебе опасно оставаться.

— Но разве рядом с ним я буду в безопасности? На что он может решиться в следующий раз — если он действительно хочет погубить меня? А так он будет ждать, когда я заболею, ждать, ждать — и в конце концов забудет обо мне, не так ли? Но только если я останусь здесь!

— Но здесь тебе грозит лихоманка, Марлена, лихоманка! — Инсигна протянула руки, чтобы обнять дочь.

Марлена уклонилась от объятий.

— Она меня не волнует.

— Но мы же объяснили...

— Это неважно. Здесь мне ничего не грозит. Совсем ничего. Я знаю себя. Всю жизнь я училась понимать собственный разум. Теперь я знаю его. Ему здесь ничего не грозит.

— Марлена, посуди сама, — сказал Генарр. — Каким бы уравновешенным ни казался тебе собственный ум, с ним может случиться все что угодно. Ты можешь заболеть менингитом, эпилепсией, у тебя может появиться опухоль мозга, в конце концов, ты постареешь когда-нибудь. И ты не сумеешь этого предотвратить, лишь убеждая себя, что с тобой такого случиться не может.

— Обо всем этом я не говорю, речь идет о лихоманке. Для меня она не заразна.

— Дорогая, разве можно знать это наперед? Нам даже неизвестно, что ее вызывает.

— Что бы ни вызывало — мне она не грозит.

— Откуда ты это знаешь, Марлена? — спросил Генарр.

— Просто знаю.

Терпение Эугении лопнуло. Она схватила Марлену за локоть.

— Марлена, ты сделаешь так, как я велю!

— Нет, мама. Ты не понимаешь. На Роторе меня все время тянуло на Эритро. Здесь это чувство только усилилось. Я хочу здесь остаться. Я уверена — мне ничто не грозит. Я не хочу возвращаться.

Инсигна открыла было рот, но Генарр поднял руку: молчи!

— Я предлагаю компромисс, Марлена. Твоя мать должна провести здесь астрономические наблюдения. Для этого потребуется какое-то время. Обещай, что, пока она занята ими, ты не будешь покидать Купол, станешь выполнять любые мои указания, которые покажутся мне разумными, и регулярно проходить обследование. Если мы ничего у тебя не обнаружим, то можешь оставаться под Куполом, пока мать не покончит с делами. Потом мы снова все обсудим. Согласна?

Марлена задумчиво склонила голову. Наконец она сказала:

— Хорошо. Только прошу тебя, мама, не пытайся изобразить досрочное окончание работы. Я все пойму. И не торопись — все должно быть сделано хорошо. Я замечу и это.

Инсигна нахмурилась.

— Марлена, я не привыкла легкомысленно относиться к работе. Не думай, что я способна халтурить — даже ради тебя.

— Извини, мама, я понимаю, что временами раздражаю тебя.

Инсигна тяжело вздохнула.

— Не стану этого отрицать, но в любом случае ты остаешься моей дочерью. Я люблю тебя и хочу, чтобы ты была в безопасности. Ну как, я не солгала?

— Нет, мама, только, пожалуйста, поверь мне — я не напрасно говорю, что здесь мне ничего не грозит. Я впервые чувствую себя счастливой. На Роторе я не знала, что это такое.

36

— У тебя усталый вид, Эугения, — заметил Генарр.

— Сивер, я устала. Так, накопилось кое-что за два месяца непрерывных расчетов. Уж и не знаю, как обходились астрономы Земли своими примитивными средствами до выхода человека в космос. Кеплер, например, сформулировал законы движения планет, ограничиваясь такими простыми вещами, как логарифмы, да еще радовался, что ему повезло — потому что их только что придумали.

— Прости меня за невежество, но я полагал, что в наши дни астроном должен только повернуть свои приборы в

нужную сторону, а потом может отправляться спать, а утром ему останется лишь забрать аккуратные распечатки и снимки.

— Хорошо бы. Но сейчас у меня другая работа. Ты знаешь, мне нужно было с максимальной точностью измерить вектор скорости Немезиды относительно Солнца, а потом правильно рассчитать взаимное положение звезд и планет в момент наибольшего сближения. Достаточно малейшей неточности — и получится, что Земля погибнет, тогда как на самом деле уцелеет, и наоборот. Представляешь? — Не дождавшись ответа, Инсигна продолжала: — Задача достаточно сложная, даже если бы, кроме Солнца и Немезиды, во Вселенной не было других тел — но поблизости расположены звезды, и они тоже движутся. И по крайней мере дюжина их способна своим тяготением внести возмущения в движение обеих звезд, пусть и небольшие. Отклонения крошечные, но, если ими пренебречь, ошибка вырастет на миллионы километров. И чтобы не ошибиться, приходится определять массы всех этих звезд, их положение, скорость — причем со значительной точностью. В итоге, Сивер, я имею задачу пятнадцати тел. Невероятно сложная штука. Немезида пройдет прямо через Солнечную систему и окажет заметное воздействие на целый ряд планет. Многое, конечно, зависит от расположения планет во время прохождения Немезиды, от того, насколько изменятся их орбиты под ее влиянием. Влияние Мегаса, кстати, тоже приходится учитывать.

Генарр внимательно слушал. Его лицо было серьезным.

— Ну и что вышло, Эугения?

— Пока я могу предположить, что орбита Земли сделается более эксцентрической, а большая полуось слегка уменьшится.

— А что это значит?

— Это значит, что на Земле станет слишком жарко, чтобы жить.

— И что будет с Мегасом и Эритро?

— Ничего особенного. Планетная система Немезиды мала и куда тесней, чем Солнечная, поскольку сильнее удерживается своей звездой. Здесь-то почти ничего не изменится, а вот на Земле...

— Когда это случится?

— Через пять тысяч двадцать четыре года плюс-минус пятнадцать лет Немезида подойдет к точке наибольшего сближения. Процесс растянется лет на двадцать или тридцать, пока обе звезды будут располагаться поблизости.

— А столкновение или что-нибудь в этом роде может произойти?

— Вероятность значительной катастрофы почти нулевая. Крупные небесные тела сталкиваться не будут. Разумеется, принадлежащий Солнцу астероид может упасть на Эритро или немезидийский на Землю. Возможность такого события невелика, но последствия могут оказаться катастрофическими, однако пока этого рассчитать нельзя — разве что потом, когда звезды сойдутся поближе.

— Значит, в любом случае людей с Земли придется эвакуировать. Так ведь?

— Увы, да.

— Но у них есть в запасе пять тысяч лет.

— Для того чтобы вывезти восемь миллиардов людей, этого мало. Их следует предупредить.

— А сами они могут разобраться, без нашего предупреждения?

— Кто знает? Но даже если они быстро обнаружат Немезиду, придется передать им сведения о гиперприводе. Теперь он необходим всему человечеству.

— А я не сомневаюсь, что люди вновь обретут его, и, может быть, очень скоро.

— Ну а если нет?

— Я считаю, что сообщение между Землей и Ротором установится через какое-то столетие. В конце концов, у нас есть гиперпривод, мы в любой момент можем им воспользоваться. Можно даже отправить к Земле одно из строящихся поселений, времени хватит.

— Ты говоришь словами Питта.

— Ну знаешь, — усмехнулся Генарр, — не может же он заблуждаться во всем.

— Но я уверена, что он не захочет извещать Землю.

— Питт не может бесконечно настаивать на своем. Он возражал уже против сооружения Купола — однако мы здесь, на Эритро. Но даже если мы не сможем его убедить —

он же умрет когда-нибудь. Право, Эугения, ты слишком уж рано начала опасаться за Землю. А Марлене известно, что ты уже кончаешь работу?

— Разве от нее можно что-нибудь скрыть? Она узнает о состоянии моих работ по тому, как я отряхиваю рукав или причесываюсь.

— Она становится все более восприимчивой, не так ли?

— Да. И ты тоже заметил?

— Тоже, и это за то короткое время, что я знаю ее.

— Отчасти, по-моему, все можно объяснить тем, что она становится старше. Эта способность растет... ну как грудь. С другой стороны, прежде ей все время приходилось скрывать свой дар, она не знала, что с ним делать, и всегда имела из-за него неприятности. Теперь она перестала таиться, и все, так сказать, сразу пошло в рост.

— Или тем, что, как она утверждает, ей нравится Эритро: удовлетворение тоже может способствовать усилению восприимчивости.

— Я думала об этом, Сивер, — проговорила Инсигна. — И не хочу взваливать на тебя собственные проблемы. Я уже просто привыкла бояться: за Марлену, за Землю, за всех вокруг. А тебе не кажется, что Эритро воздействует на нее? В отрицательном смысле. Как ты полагаешь, не может оказаться, что подобная восприимчивость свидетельствует о начале болезни?

— Не знаю, что и ответить, Эугения, но если вдруг лихоманка обострила ее восприимчивость, то душевное равновесие пока не нарушено. Могу только заверить тебя, что ни у кого из переболевших ею не обнаруживалось ничего похожего на дар Марлены.

Инсигна грустно вздохнула.

— Спасибо тебе, утешил. И еще: я рада, что ты так внимателен к Марлене.

Губы Генарра чуть искривились в улыбке.

— Это несложно. Она мне нравится.

— В твоих устах это звучит вполне естественно. Увы, она у меня не красотка. Уж я-то как мать понимаю это.

— На мой взгляд, ты не права. Я всегда предпочитал в

женщинах ум красоте — если эти качества не сливались воедино, как в тебе, Эугения...

— Это было лет двадцать назад, — вздохнула Инсигна.

— Эугения, глаза мои старятся вместе с телом. Они не замечают в тебе изменений. И меня не волнует, что Марлена некрасива. У нее потрясающий интеллект, даже если забыть про ее восприимчивость.

— Не спорю. Это лишь и утешает меня, когда я нахожу ее особенно несносной.

— Кстати, Эугения, боюсь, что Марлена остается несносной.

— Что ты хочешь сказать? — Эугения вскинула глаза.

— Она намекнула мне, что уже сыта Куполом. Ей хочется выйти наружу, под небо планеты — сразу, как только ты закончишь с работой. Она настаивает.

Инсигна с ужасом смотрела на Генарра.

Глава 18

СВЕРХСВЕТОВИК

37

Три года, проведенные на Земле, состарили Тессу Уэндел. Фигура ее слегка погрузнела; она немного набрала вес. Под глазами появились тени. Груди обвисли — чуть-чуть, а живот округлился.

Крайл Фишер помнил, что не за горами пятидесятилетие Тессы, помнил, что она на пять лет старше его. Но она выглядела моложе своих лет. Фигура ее оставалась великолепной — это замечал не только Фишер, — но все-таки Тесса уже не казалась тридцатилетней, как тогда, на Аделии.

Тесса тоже это знала, но решилась заговорить об этом с Фишером только неделю назад.

— А все ты, Крайл, — сказала она, когда они лежали в постели: возраст чаще всего заботил ее ночами. — Ты виноват. Это ты продал меня Земле. «Великолепная планета, —

говорил ты. — Огромная. Многообразная. Всегда что-то новое. Богатая планета».

— Разве не так? — спросил он, зная, чем именно она недовольна, но давая ей возможность излить свои чувства.

— А о тяготении ведь умолчал. На всем этом колоссальном шаре одна и та же сила тяжести. Над землей, под землей, здесь, там — повсюду g, одно g, только g. Умрешь со скуки.

— Тесса, мы не знаем ничего лучше.

— Знаешь. Ведь ты же жил в поселениях. Там человек всегда может выбрать подходящий уровень гравитации. Можно порезвиться в невесомости, дать мышцам возможность расслабиться... Как можно жить без всего этого?

— Спортом можно заниматься и на Земле.

— Ну а что делать с тяготением, этим вечным прессом, который постоянно давит на тебя? И все время ты тратишь только на то, чтобы не поддаться ему — где уж тут просто расслабиться! Ни попрыгать, ни полетать. Нельзя даже найти такое место, где меньше давит. Ведь давит всюду, давит так, что сгибаешься, покрываешься морщинами, стареешь. Ты только посмотри на меня!

— Я смотрю — и стараюсь делать это как можно чаще, — с грустью ответил Фишер.

— Тогда перестань смотреть. А то присмотришься и бросишь меня. Тогда знай — я вернусь на Аделию.

— Не стоит. Ну порадуешься низкому тяготению — а что потом? Твоя работа, подчиненные, лаборатория — все останется здесь.

— Начну заново, наберу новых людей...

— И найдешь на Аделии ту же поддержку, что и на Земле? О чем ты говоришь? Ведь на Земле ты ни в чем не знаешь отказа. Разве я не прав?

— И ты считаешь себя правым? Предатель! Ты не сказал мне, что у Земли уже есть гиперпривод, ты даже не сказал мне, что земляне обнаружили Звезду-Соседку! Ты сказал, что полет Дальнего Зонда не дал полезных результатов — дескать, измерили парочку параллаксов. Ты издевался надо мной, бессердечный.

— Тесса, я мог тебе обо всем рассказать, но вдруг тогда ты не полетела бы на Землю? К тому же это была не моя тайна.

— Но потом-то, здесь, на Земле?

— Как только ты начала работать — по-настоящему, — тебе все рассказали.

— Да-да, мне рассказывали, а я сидела и хлопала глазами, как дура. А ведь ты мог хоть намекнуть мне, чтобы я не выглядела такой идиоткой. Ох, просто убить тебя хочется — вот только что делать потом? Я к тебе так привязалась. И ты знал, что так и будет, а потому бессовестно соблазнял меня, чтобы увезти на Землю.

Тесса сама выбрала эту роль, и Фишер прекрасно знал свое место в игре.

— Я тебя соблазнил? Ты сама этого хотела. И ни на что иное не соглашалась.

— Врешь. Ты заставил меня. Да-да, это было насилие — гадкое и изощренное. А сейчас ты опять добиваешься от меня того же. Я все вижу по твоим похотливым глазам.

Она играла в эту игру уже несколько месяцев. Фишер знал, что подобное желание приходило к ней в те дни, когда она ощущала профессиональное удовлетворение от работы.

— Как твои успехи? — спросил он.

— Успехи? Хм, можно назвать это и так. — Она еще не пришла в себя. — Завтра мы проводим демонстрационный эксперимент для вашего дряхлого Танаямы. Он все время безжалостно меня подгонял.

— Он безжалостный человек.

— Он глупый человек. Если ты ничего не смыслишь в науке, то должен хотя бы иметь представление, что это такое. Нельзя утром выдать на исследования миллион и вечером потребовать результатов. Надо подождать хотя бы до утра, чтобы хоть ночь можно было поработать. Знаешь, что он сказал мне, когда я сообщила ему, что могу кое-что показать?

— Нет, ты мне не говорила об этом. И что же?

— Наверное, думаешь, он выдал что-нибудь вроде: «Просто удивительно, как всего за три года вам удалось добиться таких потрясающих результатов. Земля перед вами в неоплатном долгу». По-твоему, так он сказал?

— Что ты, от Танаямы таких слов не услышать и за миллион лет. Так что же он сказал?

— Он сказал: «Значит, у вас наконец получилось что-то.

Три года я надеялся. Уж не думал, что доживу. Или вы решили, что я оплачиваю ваши расходы, кормлю, пою и одеваю целую армию ваших сотрудников, чтобы вы добились хоть каких-то результатов после моей смерти?» Вот что он сказал. Честное слово, я с удовольствием дождалась бы его смерти. Но, увы, работа есть работа.

— Значит, тебе уже есть чем похвастаться?

— Мы создали первый сверхсветовой двигатель, настоящий — не какой-то там гиперпривод. Мы открыли человечеству дверь во Вселенную.

38

Городок, где команда Тессы Уэндел старалась потрясти Вселенную, построили еще до того, как она появилась на Земле. Он находился высоко в горах, так высоко, что никто чужой туда не мог добраться.

Теперь его посетил Танаяма. Он неподвижно сидел в инвалидном кресле с мотором, и только глаза в узких щелках глазниц были живыми.

Уэндел выглядела невозмутимой.

— Ну и что мне сейчас покажут? — прошелестел старческий голос. — Где корабль?

Естественно, корабля не было и в помине.

— Корабля нет, директор. И не будет много лет. Я могу лишь смоделировать полет. Это тоже захватывающее зрелище — вы увидите первый сверхсветовой перелет, который нельзя даже сравнивать с действием гиперпривода.

— И каким образом я его увижу?

— Я думала, директор, что вам уже все известно.

Танаяма отчаянно закашлялся. Наступила пауза. Наконец, отдышавшись, он произнес:

— Мне пытались рассказать, но я хочу обо всем услышать от вас. — Он не сводил с Тессы суровых и жестких глаз. — Вы здесь главная. Идея ваша — вам и объяснять.

— Но я не могу опустить теорию: разговор будет слишком долгим, директор. Он утомит вас.

— Не нужно теории. Просто объясните, что я увижу.

— Вы увидите два кубических стеклянных контейнера, внутри которых вакуум...

— Почему вакуум?

— Сверхсветовой полет возможен только в вакууме, директор. В противном случае объект, летящий со сверхсветовой скоростью, увлекает за собой материю, теряет управляемость и расходует на передвижение огромную энергию. Завершиться полет тоже должен в вакууме, в противном случае результаты окажутся катастрофическими, так как...

— Можете не продолжать. Если ваш сверхсветовой полет должен и начинаться и оканчиваться в вакууме, каким образом его можно осуществить?

— Сперва мы обычным образом выходим в космос, потом переходим в гиперпространство. Выход из гиперпространства осуществляется возле места назначения, но добираться до него придется тоже обычным путем. Конечно, на это необходимо время. Сверхсветовой перелет происходит не мгновенно, но до какой-нибудь звезды в сорока световых годах от Солнечной системы можно будет добраться не за сорок лет, а, скажем, за сорок дней. Так что жаловаться не на что.

— Ну хорошо. Эти ваши кубические стеклянные емкости — где они?

— Перед вами их голографические изображения. На самом деле каждая из них размещена в горах. Между ними три тысячи километров. В вакууме свет преодолевает такое расстояние за тысячную долю секунды, иначе миллисекунду. Но мы сделаем это еще быстрее. В центре левого куба в сильном магнитном поле подвешена маленькая сфера — крошечный гиператомный двигатель. Вы ее видите, директор?

— Что-то такое вижу, — ответил Танаяма. — И что же?

— Если вы будете внимательно следить за нею, вы увидите, как она исчезнет. Отсчет времени начат.

В наушниках присутствовавших раздался голос, ведущий предстартовый отсчет времени, и на слове «ноль» сфера действительно исчезла из одного куба и появилась в другом.

— Не забудьте, — напомнила Уэндел, — их разделяет три тысячи километров. Хронометры показали, что между исчезновением и появлением прошло десять микросекунд, значит, скорость перелета в сто раз больше скорости света.

Танаяма поднял глаза.

— Как знать? Что, если вы просто придумали фокус, чтобы одурачить доверчивого, на ваш взгляд, старикана?

— Директор, — строго сказала Уэндел, — здесь сотни честных ученых, многие из них земляне. Они покажут вам все материалы и дадут самые подробные объяснения. Никаких фальсификаций — все честно.

— Хорошо, пусть так — но что это значит? Маленький шарик, мячик для настольного тенниса пролетел несколько тысяч километров. Чтобы добиться этого, вы потратили три года?

— При всем моем уважении к вам, директор, должна заметить, что мы сейчас показали больше, чем вы могли ждать от нас. Да, наш двигатель размером с теннисный мячик, и пролетел он всего несколько тысяч километров — но вы были свидетелем сверхсветового перелета, а это все равно что увидеть звездолет, летящий к Арктуру со скоростью, в сто раз превышающей скорость света.

— Но я предпочел бы увидеть звездолет.

— Увы, придется немного подождать.

— Времени нет. Времени нет, — хриплым шепотом проскрипел Танаяма. И вновь зашелся в приступе кашля.

Негромко, так, чтобы услышал он один, Уэндел ответила:

— Одного вашего желания мало, чтобы одолеть природу.

39

Прошло три дня, до отказа заполненных официальными мероприятиями, и городок, неофициально именовавшийся Гипер-Сити, мог вздохнуть с облегчением — гости наконец-то отбыли восвояси.

— Ну вот, — сказала Тесса Уэндел Крайлу Фишеру, — теперь два-три дня на отдых, и с новыми силами за работу. — Выглядела она утомленной и недовольной. — Какой гадкий старик!

Фишер без труда понял, кого она имела в виду.

— Танаяма болен и стар.

Уэндел метнула в него свирепый взгляд.

— И ты его еще защищаешь!

— Просто констатирую факт, Тесса.

Она укоризненно подняла палец.

— Сомневаюсь, что в молодые годы этот несчастный старец был умнее... Как же он мог столько лет руководить Конторой?

— Это его место. Он командует Конторой больше тридцати лет. А до этого почти столько же проработал первым заместителем — и волок дела за трех-четырех директоров. И каким бы дряхлым и больным он тебе ни казался — директором он останется до самой смерти и даже дня три после нее, пока люди не убедятся, что он не восстанет из гроба.

— Тебе это кажется забавным?

— Нет, но что еще делать, как не смеяться: ведь этот человек, не обладая официальной властью и даже не будучи известным широкой публике, держал в страхе и повиновении правительство за правительством в течение почти половины столетия. А все потому, что знал о каждом всю неприглядную правду и без колебаний этим пользовался.

— И его терпели?

— Конечно же. Ни в одном правительстве не нашлось желающего рискнуть своей карьерой ради сомнительной возможности свергнуть Танаяму.

— Даже сейчас, когда его хватка не могла не ослабнуть?

— Ты зря так считаешь — его кулак разожмет только смерть, но до последнего момента воля не позволит пальцам расслабиться. Сперва остановится сердце — лишь потом разожмется рука.

— Зачем ему это? — неприязненно произнесла Уэндел. — Ему давно пора на покой.

— Отдых не для Танаямы. Это невозможно. Не могу сказать, что я когда-нибудь был близок к нему, однако последние пятнадцать лет мне время от времени приходилось иметь с ним дело — мне всегда доставались от него синяки. Я помню его еще полным сил и энергии, и уже тогда мне казалось, что он просто не может остановиться. Вообще людьми руководят разные причины, но Танаямой всегда владела ненависть.

— Нетрудно догадаться, — проговорила Уэндел, — видно невооруженным глазом. Тот, кто хоть раз ненавидел, уже не в силах стать благостным. Кого же ненавидит Танаяма?

— Поселения.

— Неужели? — Уэндел вдруг вспомнила, что она уроженка Аделии. — Мне тоже не приходилось слышать от поселенцев доброго слова о Земле. И ты прекрасно знаешь мое мнение о таких местах, где сила тяжести постоянна.

— Тесса, я говорю не о неприязни, антипатии или презрении. Я говорю о слепой ненависти. Поселенцев не любит едва ли не каждый землянин. У них там все самое новое. У них тишина, покой и удобства. Им неплохо живется: сплошной отдых, изобилие пищи, там не бывает плохой погоды, там забыли про бедность. Там все делают роботы, которых прячут от посторонних глаз. И вполне естественно, что люди, считающие себя обездоленными, начинают ненавидеть тех, у кого все есть — с их точки зрения. Но Танаяма одержим пламенной ненавистью. Он с удовольствием наблюдал бы за гибелью поселений, всех до одного. Видишь ли, я не сказал о его личном пунктике. Для него невыносима культурная однородность Вселенной. Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Нет.

— Дело в том, что в каждом поселении живут люди, так сказать, одной породы и принимают туда только тех, кто похож на них. Каждое поселение обладает в известной мере своей культурой, жители даже внешне похожи. На Земле же, напротив, культуры веками перемешивались, обогащали друг друга, соперничали, опасались соседей. Как и многие земляне, Танаяма — сам я, кстати, тоже — видит в этом залог жизнестойкости. Нам кажется, что культурная однородность ослабляет поселения и в конечном счете сокращает отпущенный им срок жизни.

— Хорошо, но зачем же тогда ненавидеть, раз у поселений тоже не все ладно? Неужели Танаяма ненавидит нас за то, что нам живется хуже и лучше одновременно? Это же безумие.

— Согласен. Благоразумный человек этого себе не по-

зволит. Быть может — только быть может, — Танаяма опасается, что поселения ожидает расцвет и культурная однородность в конце концов окажется достоинством, а не недостатком. А может быть, он боится, что поселения решат общими силами уничтожить Землю, — а потому мечтает опередить их. И вся эта история с открытием Звезды-Соседки только еще больше разъярила его.

— Ты о том, что, открыв эту звезду, Ротор и не подумал известить человечество?

— Хуже то, что они не предупредили нас о том, что звезда движется к Солнечной системе.

— Они могли и не знать об этом.

— Танаяма никогда этому не поверит. Не сомневаюсь: он убежден, что они знали все и нарочно промолчали, чтобы Земля погибла.

— По-моему, никто не знает, подойдет ли Звезда-Соседка настолько близко, чтобы вызвать какой-нибудь вред. Я лично тоже не знаю. Астрономы полагают, что звезда без всяких проблем пройдет мимо Солнечной системы. Или ты слыхал что-нибудь другое?

Фишер пожал плечами:

— Я — нет. Но ненависть заставляет Танаяму видеть в этой звезде источник беды. Отсюда логически следует, что Земле необходим сверхсветовой звездолет — надо же искать мир, подобный Земле, куда можно будет переселиться, если дело дойдет до худшего. Согласись — это разумно.

— Безусловно, но начинать переселяться в космос можно и не со страху. Все и так знают, что человечество уйдет в космос, даже если Земле ничего не будет грозить. Сначала люди перебрались в поселения, следующий логический шаг — дорога к звездам, а чтобы сделать его, нам нужен сверхсветовой звездолет.

— Да, но Танаяму интересует не это. Колонизацию Галактики, не сомневаюсь, он предпочтет оставить следующим поколениям. Он стремится лишь отыскать Ротор и покарать беглецов, дезертировавших из Солнечной системы, за пренебрежение интересами рода человеческого. Именно до этого он мечтает дожить — и потому-то и подгоняет тебя, Тесса.

— Пусть подгоняет, ему ничто не поможет. Он уже на ладан дышит.

— Сомневаюсь. Современная медицина подчас творит чудеса, а уж ради Танаямы врачи постараются.

— Даже современная медицина не всесильна. Я справлялась у врачей.

— И они рассказали? Мне казалось, что состояние здоровья Танаямы — государственная тайна.

— Не для меня, Крайл. Я наведалась к медикам, обслуживавшим здесь старика, и объяснила им, что хотела бы еще при жизни Танаямы построить корабль, способный унести человека к звездам. Короче, я спросила у них, сколько ему осталось жить.

— И что тебе ответили?

— Год, не больше, и велели поторопиться.

— Неужели ты справишься за год?

— За год? Что ты, Крайл, я только рада. Просто приятно знать, что этот ядовитый тип ничего не увидит. Крайл, не кривись. Неужели ты считаешь, что я жестока?

— Ты не права, Тесса. Этот, как ты сказала, ядовитый старик в сущности и добился всего. Он сделал возможным создание Гипер-Сити.

— Верно, но старался он для себя. Не для меня, не для Земли, не для человечества. Конечно, я могу ошибаться. Только я уверена, что директор Танаяма ни разу не пожалел врага своего, ни разу не ослабил хватки на его горле. И я думаю, что он и сам не ждет ни от кого жалости или сострадания. Даже будет презирать как слабака любого, кто окажется способен на это.

Фишер по-прежнему казался печальным.

— Так сколько же времени на это уйдет, Тесса?

— Кто знает? Может, целая вечность. Но даже если все сложится наилучшим образом, едва ли меньше пяти лет.

— Но почему? Ведь сверхсветовой перелет уже состоялся.

Уэндел выпрямилась.

— Крайл, не будь наивным. Я сумела создать лабораторную установку. Я могу взять маленький шарик — мячик для настольного тенниса, — девяносто процентов массы которого составляет гиператомный двигатель, и перебросить его с

места на место со сверхсветовой скоростью. Корабль же, да еще с людьми на борту, — совсем другое дело. Сначала следует все рассчитать, а для этого и пяти лет мало. Скажу тебе честно: до появления современных компьютеров и математических моделей даже о пяти годах нельзя было мечтать — разве что о пятидесяти.

Крайл Фишер покачал головой и ничего не ответил.

Внимательно посмотрев на него, Тесса Уэндел подозрительно спросила:

— Что с тобой? С чего это ты тоже заторопился?

— Я понимаю, что и тебе не терпится, но лично мне сверхсветовой звездолет просто необходим, — примирительно ответил Фишер.

— Тебе больше, чем кому-либо?

— Да, для пустяка.

— А именно?

— Хочу слетать к Звезде-Соседке.

Тесса гневно поглядела на него.

— Зачем? Соскучился по жене?

Подробности своих отношений с Эугенией Фишер с Тессой не обсуждал и не намеревался этого делать.

— У меня там дочь, — ответил он. — Я думаю, Тесса, это нетрудно понять. У тебя ведь тоже есть сын.

Это была правда. Сыну Тессы было за двадцать, он учился в Аделийском университете и изредка писал матери.

Уэндел смягчилась.

— Крайл, — сказала она, — не обольщай себя напрасными надеждами. Не сомневаюсь: раз они открыли Звезду-Соседку, то к ней и отправились. С простым гиперприводом на путешествие должно уйти года два. Но кто может быть уверен, что Ротор выдержал путешествие? Но даже если так оно и есть, найти пригодную для жизни планету возле красного карлика практически невозможно. Даже если они прибыли благополучно, то наверняка отправились дальше — искать подходящую планету. Куда? Где их теперь искать?

— Я думаю, они и не рассчитывали найти подходящую для жизни планету возле Звезды-Соседки. Скорее всего, Ротор просто остался на ее орбите.

— Допустим, они перенесли полет, допустим, они кружат вокруг звезды, — но ведь это не жизнь, люди так жить не могут. Так что, Крайл, придется тебе смириться. Если мы и доберемся до Звезды-Соседки, то ничего не найдем, разве что обломки Ротора.

— Это лучше, чем ничего, — возразил Фишер, — но мне бы хотелось, чтобы они уцелели.

— Ты еще надеешься отыскать своего ребенка? Дорогой Крайл, твои надежды призрачны. Ты оставил их в двадцать втором году, ей был только год. Даже если Ротор цел и твоя дочка жива, сейчас ей уже десять, а когда мы сможем отправиться к Звезде-Соседке, будет уже не меньше пятнадцати. Она тебя не узнает. Кстати, и ты ее тоже.

— Тесса, я узнаю ее и в десять лет, и в пятнадцать, и в пятьдесят, — ответил Фишер. — Я узнаю. Только бы ее увидеть...

Глава 19

ОСТАЕМСЯ

40

Марлена робко улыбнулась Сиверу Генарру. Она уже привыкла попросту входить в его кабинет.

— Я не помешала, дядя Сивер?

— Нет, дорогая, особых дел у меня нет. Питт затеял все это, чтобы избавиться от меня, а я не возражал — потому что хотел бы избавиться от него. В этом я признаюсь не каждому, но тебе вынужден говорить правду, чтобы ты не уличила меня во лжи.

— А вы не боитесь, дядя Сивер? Вот комиссар Питт испугался. И Ауринел испугался бы тоже — если бы я показала ему, на что способна.

— Нет, не боюсь, Марлена, потому что я смирился. При тебе я становлюсь прозрачным, как стекло. Это даже приятно — успокаивает. Лгать — дело нелегкое, приходится все время делать усилия над собой. Вот потому-то ленивый человек никогда не лжет.

Марлена вновь улыбнулась.

— Поэтому я нравлюсь вам? Потому что позволяю быть ленивым?

— А сама ты как думаешь?

— Не знаю. Просто вижу, что нравлюсь, но почему — не понимаю. Вы ведете себя так, что симпатию я ощущаю, а причины ее уловить не могу. Правда, порой я как будто догадываюсь, но это ускользает. — Она помолчала. — А иногда хотелось бы знать.

— Радуйся, что не можешь. Чужой ум — грязное, вонючее и неуютное местечко.

— Почему вы так говорите, дядя Сивер?

— Знаю, вот и говорю. Твоих способностей у меня нет, однако мне пришлось повидать людей куда больше, чем тебе. Ну а тебе, Марлена, нравится изнанка собственных мыслей?

— Не знаю. — Марлена казалась удивленной. — А что в них может быть плохого?

— Неужели тебе нравится все, что приходит в голову? Каждая мысль? Всякое побуждение? Только говори честно. Я этого не смогу заметить, но не криви душой.

— Ну конечно, иногда в голову лезут всякие глупости и пустяки. Вот когда я сержусь, в голову приходит такое, чего никогда не сделаю. Но это случается не так уж часто.

— Не так уж часто? Не забывай, что ты свыклась со своими мыслями и не ощущаешь их — ну как платье. Ты ведь не замечаешь одежды, потому что привыкла к ней. Твои волосы падают на шею, их ты тоже не замечаешь. А вот если чужой волосок коснется твоей шеи, кожа сразу же чешется. Мысли другого человека могут быть не хуже твоих собственных, но это чужие мысли, и они тебе не понравятся. Ну например, может не понравиться даже то, что я чувствую к тебе симпатию, могут не понравиться причины этого чувства. Так что куда лучше просто принимать мою привязанность как нечто данное, а не рыться в моих мыслях, пытаясь докопаться до истинных причин.

— Почему же? — спросила Марлена. — И что это за причины?

— Хорошо: ты мне нравишься потому, что когда-то я был тобой.

— Как это понимать?

— Я не хочу сказать, что был девушкой, одаренной утонченной проницательностью. Просто когда-то я тоже был молодым, считал себя скучным и полагал, что меня не любят за это. Я уже понимал тогда, что далеко не глуп, только не мог еще догадаться, что именно за это меня и не любят. Мне казалось, что нельзя ценить недостаток и пренебрегать достоинством. Марлена, я сердился и расстраивался, а потом решил, что никогда не позволю себе относиться к людям так, как они относились ко мне, — только реализовать это благое намерение в жизни мне практически не удалось. И вот я встретил тебя. Ты не скучная, каким был я, ты умнее меня, и я думаю, что тебе повезет больше, чем мне. — Он широко улыбнулся. — У меня такое чувство, словно мне представился новый шанс, еще более выгодный. Впрочем, ты пришла ко мне не за тем, чтобы выслушивать мои разглагольствования. Уж это я способен понять, хоть и не наделен твоим даром.

— Я хотела поговорить о маме.

— О? — Генарр нахмурился. — А что с ней?

— Вы знаете, она уже заканчивает работу. А если она вернется на Ротор, то захочет взять меня с собой. Нужно ли мне возвращаться?

— Думаю, что да. А ты не хочешь?

— Не хочу, дядя Сивер. Я чувствую, что должна остаться. Мне бы хотелось, чтобы вы сказали комиссару Питту, что мы задержимся. Ведь вы можете придумать какой-нибудь предлог. А комиссар — не сомневаюсь — охотно согласится, особенно когда вы доложите ему итоги маминой работы: Немезида действительно погубит Землю.

— Марлена, она так и сказала?

— Нет, но мне и не надо говорить. Можете напомнить комиссару, что теперь мама наверняка не даст ему покоя, она будет требовать, чтобы предупредили Солнечную систему.

— А тебе не приходит в голову, что Питт вовсе не склонен оказывать мне любезности? Если он подумает, что мне просто хочется задержать Эугению и тебя на Эритро, то может приказать вам возвращаться, только чтобы досадить мне.

— Я абсолютно уверена, — невозмутимо возразила Марлена, — что комиссару Питту доставит большое удовольст-

вие оставить нас здесь, чтобы насолить вам. Кстати, вы и сами хотите, чтобы мама осталась, — она вам нравится.

— И даже очень. И нравилась всю жизнь. Да только я-то твоей маме не нравлюсь. Недавно ты говорила, что она еще не забыла твоего отца.

— Дядя Сивер, вы нравитесь ей все больше и больше. Правда.

— Марлена, симпатия — не любовь. Не сомневаюсь, что ты уже понимаешь это.

Марлена покраснела.

— Я же говорю о старых людях.

— Да-да, о таких, как я. — Откинув голову назад, Генарр расхохотался. Потом сказал: — Извини, Марлена. Нам, старикам, вечно кажется, что молодежь не умеет любить, а молодежь вечно считает, что старики уже обо всем позабыли. Почему же ты решила остаться под Куполом? Не ради же нашей с тобой дружбы?

— Вы мне нравитесь, дядя Сивер, — серьезно ответила Марлена. — Очень нравитесь. Но я хочу остаться здесь потому, что мне нравится Эритро.

— Я же говорил тебе, что этот мир опасен.

— Не для меня.

— Ты все еще убеждена, что лихоманка к тебе не пристанет?

— Конечно.

— Но откуда ты знаешь?

— Просто знаю. И раньше знала — когда еще не прилетела на Эритро. И нечего сомневаться.

— Это было тогда. Но теперь ты знаешь о лихоманке.

— Мое решение бесповоротно. Здесь я ощущаю себя в полной безопасности. Большей, чем на Роторе.

Генарр медленно покачал головой.

— Вынужден признать, что не понимаю тебя. — Он внимательно посмотрел в ее лицо, темные глаза, полуприкрытые великолепными ресницами. — Что же, Марлена, позволь теперь мне прочитать твои мысли. Ты решила добиться своего и во что бы то ни стало остаться на Эритро.

— Да, — спокойно сказала Марлена. — И я надеюсь на вашу помощь.

41

Эугения Инсигна просто пылала от гнева. Однако говорила спокойно:

— Он не посмеет этого сделать, Сивер.

— Посмеет, Эугения, — ответил Генарр ровным тоном. — Он же у нас комиссар.

— Но не царь. И, как все роторианe, я обладаю правами — в том числе и на свободу передвижения.

— Если комиссар считает необходимым установить чрезвычайное положение в отношении одного гражданина, последний лишается прав. Так это примерно звучит в Акте о полномочиях двадцать четвертого года.

— *Но это же просто смешно: вопреки всем законам и традициям вспоминать кодекс времен основания Ротора.*

— Не спорю.

— Но я подниму шум; Питту придется...

— Эугения, пожалуйста, послушай меня. Пускай себе тешится. А пока — почему бы вам с Марленой не погостить здесь? Я вам очень рад...

— Ну что ты говоришь! Мы здесь словно в тюрьме — без обвинения, суда и приговора. И должны торчать на Эритро, повинуясь указу зарвавшегося...

— Пожалуйста, не спорь, а подпишись. Так будет лучше.

— Лучше? Почему? — спросила Инсигна, едва сдерживая негодование.

— Потому что твоя дочь Марлена уже кое-что предприняла.

Инсигна недоуменно поглядела на Генарра.

— Марлена?

— На прошлой неделе она приходила ко мне с целым ворохом предложений, как убедить комиссара оставить вас на Эритро.

Инсигна в негодовании вскочила.

— И ты это сделал?

Генарр энергично качнул головой:

— Нет. А теперь послушай меня. Я всего лишь сообщил Питту, что твоя работа окончена. Я не знаю, чего он хочет

теперь: чтобы вы вернулись на Ротор или остались здесь. Эугения, я составил абсолютно нейтральное послание. Перед отправкой я показал его Марлене, она одобрила и сказала следующее — я цитирую: «Если предоставить ему выбор, он оставит нас здесь».

И видишь — он так и решил.

Эугения осела в кресле.

— Сивер, неужели ты действительно послушался совета пятнадцатилетней девочки?

— Я не могу считать Марлену обычной пятнадцатилетней девочкой. А теперь объясни мне, что гонит тебя на Ротор?

— Работа...

— Ее нет и не будет, пока ты вновь не понадобишься Питту. Даже если он позволит тебе вернуться, ты окажешься не у дел. А здесь у тебя есть оборудование, которое тебе необходимо. Ведь ты и прибыла сюда, чтобы сделать то, чего не могла сделать на Роторе.

— При чем тут работа? — с явной непоследовательностью воскликнула Инсигна. — Разве ты не понимаешь, что я стремлюсь вернуться именно из-за того, из-за чего он держит нас здесь? Он хочет погубить Марлену! И если бы я только знала об эритрийской лихоманке, мы бы ни за что не приехали. Я не могу рисковать рассудком Марлены.

— Ее рассудок — последнее, чем я решился бы рискнуть, — заметил Генарр. — Скорее я рискнул бы собственной жизнью.

— Но мы уже рискуем собственной жизнью.

— Марлена считает иначе.

— Марлена! Марлена! Прямо божок какой-то. Ну что она знает?

— Послушай-ка, Эугения. Давай порассуждаем спокойно. Если бы ей здесь что-то угрожало, я бы сумел найти способ переправить вас на Ротор. Только послушай сперва. Как по-твоему, у Марлены заметны какие-нибудь признаки мании величия?

Инсигна вздрогнула. Волнение еще не отпустило ее.

— Не понимаю, что ты хочешь сказать?

— Не случалось ли ей бывать нелепо претенциозной?

— Конечно, нет. Она очень разумная девочка... А почему ты спрашиваешь? Сам же знаешь, что она никогда ничего не попросит без...

— Веских на то оснований? Знаю. Она никогда не хвастала своим даром. По сути дела, только обстоятельства заставили ее выдать себя.

— Да, но к чему ты клонишь?

Генарр невозмутимо продолжал:

— Случалось ли ей настаивать на исключительности своей правоты? Случалось ли ей утверждать, что нечто непременно случится — или не случится — лишь потому, что она уверена в этом?

— Нет, конечно, нет. Она очень благоразумна.

— А вот в одном — только в одном — она проявляет настойчивость. Марлена убеждена, что лихоманка ее не коснется. Она заявляет, что была уверена в этом еще на Роторе и убеждение это только усилилось, когда она оказалась под Куполом. И она без колебаний решила остаться.

Инсигна широко раскрыла глаза и прикрыла рукой рот. Выдавив какой-то неразборчивый звук, она проговорила:

— В таком случае... — И умолкла.

— Что? — спросил Генарр с внезапной тревогой.

— Ты не понял? Разве это не начало болезни? Личность ее начала изменяться, уже страдает рассудок.

На миг Генарр застыл, погрузившись в раздумье, потом ответил:

— Нет, это невозможно. Во всех известных случаях ничего подобного не наблюдалось. Лихоманка здесь ни при чем.

— Но у нее же особый ум. Он и реагировать будет по-своему.

— Нет, — решительно отрезал Генарр. — Не верю этому и не хочу верить. По-моему, Марлена убеждена, что не заболеет, значит, так и будет. Возможно, она-то и поможет нам решить загадку лихоманки.

Инсигна побледнела.

— Так вот почему ты хочешь, чтобы она осталась на Эритро! Так, Сивер? Чтобы она подарила тебе оружие против этого врага?

— Нет. Я не хочу, чтобы она оставалась ради этого. Но раз уж она решила остаться, пусть поможет нам.

— Значит, она решила остаться на Эритро, и у тебя нет никаких возражений? Хочет остаться — и все тут... По какой-то дурацкой прихоти, причин которой даже объяснить не может. А мы оба не способны найти основания подобного сумасбродства. Неужели ты всерьез думаешь, что ей следует разрешить остаться здесь просто потому, что она этого хочет? Как ты смеешь говорить это мне?

— Видишь ли, я испытываю известное желание поступить именно так, — с усилием произнес Генарр.

— Тебе легко говорить. Она не твоя дочь. Это мой ребенок. Единственный...

— Знаю, — сказал Генарр, — единственная память о... Крайле. Не смотри на меня такими глазами. Я прекрасно знаю, что ты так и не смогла забыть его. Я понимаю твои чувства, — мягко закончил он, ощущая желание погладить склоненную голову Инсигны. — Знаешь, Эугения, если Марлена и в самом деле хочет заняться исследованием Эритро, то, по-моему, ничто ее не остановит. И раз она абсолютно убеждена, что не заболеет, — такая убежденность может сыграть здесь решающую роль. Активная уверенность в собственном душевном здоровье может способствовать образованию иммунитета.

Инсигна вскинула голову, глаза ее сверкали.

— Ты несешь чушь! Нечего поддаваться романтическим настроениям ребенка! Она тебе чужая. Ты не любишь ее.

— Она мне не чужая, я полюбил ее. Более того, она восхищает меня. Мы можем рискнуть. Одна только любовь не дала бы мне подобной уверенности, а вот восхищение... Подумай об этом.

И они молча посмотрели друг на друга.

Глава 20

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

42

Каттиморо Танаяма с привычным упорством дотянул отпущенный ему врачами год и даже одолел значительную часть следующего, когда долгая битва его жизни завершилась. Время пришло, и он покинул поле брани, не издав ни звука, ни вздоха — приборы засвидетельствовали его смерть раньше, чем кто-либо из окружающих успел это заметить.

Кончина его вызвала на Земле некоторую растерянность. Поселения же сохраняли полное спокойствие: Старик делал свое дело втайне от людей, и это было, пожалуй, к лучшему. Все, кто имел дело с Танаямой, знали его силу, поэтому наибольшее облегчение испытали именно те, чья судьба непосредственно зависела от его могущества и политических устремлений.

Новость быстро дошла до Тессы Уэндел — по специальному каналу, соединявшему ее штаб-квартиру с Уорлд-Сити. И хотя это грустное событие ожидалось уже давно, весть о нем оказалась все-таки неожиданной.

Что теперь будет? Кто сменит Танаяму и какие последуют перемены? Тесса давно уже думала об этом, но только сейчас эти вопросы обрели истинный смысл. Несмотря на официальное сообщение, Уэндел — как, быть может, и все, кто знал Танаяму, — так и не могла поверить в смерть Старика.

За утешением она обратилась к Крайлу Фишеру. Уэндел достаточно трезво относилась к себе и прекрасно понимала: Фишера привлекало не ее стареющее тело (боже, через какие-то два месяца ей стукнет пятьдесят!). Ему было сорок пять. И хоть его молодость тоже прошла, для мужчины возраст совсем не то, что для женщины. Крайл не собирался бросать ее, и она верила, что еще способна соблазнять, особенно когда ей случалось делать это в буквальном смысле слова.

— Что же теперь будет? — спросила она у Фишера.

— Ничего удивительного, Тесса, — ответил он. — Все могло случиться и раньше.

— Конечно, но случилось именно сейчас. А ведь благодаря ему наши работы шли. И что теперь с нами будет?

— Пока он был жив, ты ждала его смерти, а теперь встревожилась, — заметил Фишер. — Думаю, тебе незачем беспокоиться. Работы будут продолжены. Дела такого рода живут собственной жизнью. Их нельзя остановить.

— Крайл, а ты никогда не пробовал прикинуть, во что все это обошлось Земле? Всеземное бюро расследований теперь получит нового директора, и Всемирный конгресс, естественно, постарается выбрать такого, с кем можно будет поладить. Новый Танаяма, перед которым бы все дрожали, в ближайшее время, надо думать, не объявится. И тогда они проверят бюджет, который старец Танаяма прикрывал собой, и обнаружат перерасход средств и, естественно, захотят урезать ассигнования.

— Это невозможно. Ведь столько уже потрачено. Кто рискнет взять и прекратить все, не получив ощутимого результата? Это будет полное фиаско.

— Во всем обвинят Танаяму. Скажут, что он свихнулся на старости лет. И все, кто не замешан в этом деле, поспешат образумить Землю и забросят всю эту затею, раз она планете не по карману.

— Тесса, любовь моя, — улыбнулся Фишер, — глубины политического мышления столь же прозрачны для тебя, как и тайны гиперпространства. Директор Конторы — в теории и в представлении людей — является назначаемым чиновником, не обладающим значительным влиянием, к тому же находящимся под строгим контролем Генерального Президента и Всемирного конгресса. Следовательно, некие выборные и, по всеобщему мнению, могущественные государственные мужи не смогут признаться в том, что всем правил Танаяма, а они тем временем тряслись по углам и осмеливались вздохнуть лишь с его разрешения. В противном случае все увидят, что они — трусы, бездари и слабаки, — а это может стоить им места после очередных выборов. Так что работы придется продолжать. Стрижка будет косметической.

— А почему ты в этом уверен? — пробормотала Уэндел.

— Потому что изучил всю их кухню, Тесса. Кроме того, если финансирование сократится, то поселения обгонят нас

и первыми уйдут в глубокий космос, оставив нас с носом, как это сделал Ротор.

— И ты думаешь, что они способны на это?

— А как же, ведь им известно о существовании гиперпривода, и едва ли они откажутся продолжить исследования.

Уэндел насмешливо посмотрела на Крайла.

— Родной мой, твои познания в области физики гиперпространства сравнимы лишь со способностью выведывать тайны. Неужели ты думаешь, что моя работа столь проста? По-твоему, сверхсветовой полет — логический итог теории гиперпривода? Разве ты еще не понял, что гиперпривод является естественным следствием релятивистского мышления? Гиперпривод не позволяет передвигаться быстрее скорости света. Переход к сверхсветовым скоростям станет истинным переворотом как в мышлении, так и в технике. И это не придет само собой. Я уже пыталась объяснить это кое-кому из правительства. Но они только сетовали на мои затраты, на медленный, на их взгляд, ход работы, и мне постоянно приходилось оправдываться. Они это и припомнят сейчас, когда бояться уже некого. То, что нас могут обогнать поселения, для них несущественно.

Фишер покачал головой:

— А ты им объясни. И они тебе поверят, потому что это истинная правда. Нас действительно могут опередить.

— Ты разве не слышал, что я тебе сказала?

— Слышал, но ты кое-что забыла. Предоставь мне право на чуточку здравого смысла, раз уж ты считаешь, что я умею выведывать секреты.

— О чем ты, Крайл?

— Переход от гиперпривода к сверхсветовому полету долог, если начинаешь с самого начала — как ты. Но поселения-то начнут не с нуля. Неужели ты думаешь, что о нашем проекте им ничего не известно? Что никто слыхом не слыхивал о Гипер-Сити? Или ты решила, что, кроме меня и моих земных коллег, в Солнечной системе никого больше не интересуют чужие секреты? У поселенцев свои ищейки, они тоже усердно рыщут повсюду — не менее усердно, чем мы. Ведь как только ты прибыла на Землю, они сразу же об этом узнали.

— Ну и что из того?

— А ничего. Ты думаешь, что у них нет компьютеров, которые могут рассказать обо всех твоих публикациях? Ты думаешь, что они не сумели их раздобыть? Ты думаешь, они не прочли все с первой до последней страницы и не обнаружили твои высказывания о возможности сверхсветовых скоростей?

Уэндел закусила губу.

— Ну...

— Да, подумай об этом. Когда ты писала о сверхсветовых скоростях, ты просто строила догадки. Ты была единственной, кто считал, что такое возможно. Никто не принимал твои писания всерьез. Но вот ты прибываешь на Землю и остаешься. Потом внезапно исчезаешь и на Аделию не возвращаешься. Конечно, подробно они не знают, чем именно ты здесь занимаешься, потому что Танаяма навязал нам совершенно параноидальный режим секретности. Но факт твоего исчезновения, да еще статейки твои даже сомнения не оставляют, над чем ты работаешь сейчас. Ну а городок, подобный Гипер-Сити, вообще нельзя утаить. В него вложены огромные деньги, такие суммы нельзя потратить тайно. Не сомневаюсь, что каждое поселение ищет концы и начала в этом клубке, пытается выудить какую-то информацию, и каждый новый бит позволит им идти вперед быстрее, чем удавалось тебе. Тесса, не забудь сказать об этом, когда речь зайдет о прекращении работ. Если мы остановимся, нас не просто могут обогнать — нас обязательно обойдут. И эта перспектива должна воодушевить новых людей, как Танаяму, поскольку она весьма реальна.

Уэндел долго молчала, а Фишер внимательно смотрел на нее.

— Ты прав, дорогой мой охотник за чужими секретами, — наконец проговорила она. — Я ошибалась, считая тебя в первую очередь любовником, а не советчиком.

— Одно другому не мешает, — сказал Фишер.

— Впрочем, — добавила Уэндел, — я прекрасно знаю, что и у тебя в этом деле есть собственный интерес.

— Ну и что? — отозвался Фишер. — Все равно мы с тобой бежим в одну сторону.

43

Наконец прибыла делегация конгрессменов во главе с Игорем Коропатским, новым директором Всеземного бюро расследований. Он уже давно служил в Конторе — правда, не на руководящих должностях, — и потому Тесса Уэндел знала его.

Это был человек спокойный, с гладкими редеющими седыми волосами, носом картошкой и мягким двойным подбородком, намекавшим на доброту и сытость натуры. В проницательности ему отказать было трудно, однако в нем не было болезненной сосредоточенности Танаямы — это замечали все.

С ним прибыли конгрессмены — конечно, чтобы показать, что новый директор — их собственность и находится под полным контролем. Безусловно, они надеялись, что так и останется впредь. Танаяма дал всем хороший и горький урок.

Прекратить работы никто не предлагал. Напротив, все выражали озабоченность и торопили — но не очень настойчиво. Осторожные намеки Уэндел на то, что поселения могут догнать Землю и уже наступают на пятки, не только не встретили возражений, но даже были сочтены почти очевидными.

Коропатский, которому позволили председательствовать и руководить собранием, заявил:

— Доктор Уэндел, я не прошу вас основательно и официально знакомить нас с Гипер-Сити. Мне уже приходилось бывать здесь, к тому же сейчас у меня много важных дел в части реорганизации Конторы. Я вовсе не хочу выразить неуважение к памяти своего выдающегося предшественника, однако переход столь внушительной административной системы из одних рук в другие требует крупной реорганизации, особенно если учесть, что мой предшественник пребывал на посту достаточно долго. Однако я по природе не формалист. Давайте говорить свободно и неофициально. Я хочу задать вам несколько вопросов, на которые рассчитываю получить ответы, понятные лицу, обладающему моими скромными

научными познаниями. Итак, когда вы рассчитываете ввести в строй свой сверхсветовой звездолет?

— Директор, вы должны понимать, что на такой вопрос я не могу дать точного ответа. Слишком многое зависит от всяких сложностей и непредвиденных неприятностей.

— Ну а если дело ограничится одними сложностями и особых неприятностей не возникнет?

— Поскольку мы уже закончили научные разработки и остались только инженерные задачи — если все будет хорошо, — нам потребуется года три.

— Иными словами, вы завершите работы к 2236 году.

— Во всяком случае, не раньше.

— И сколько человек будет вмещать ваш звездолет?

— Пять или семь.

— А как далеко он сможет летать?

— Куда угодно, директор. В этом-то и преимущество сверхсветовых скоростей. Звездолет перемещается в гиперпространстве, где не действуют обычные законы физики, в том числе закон сохранения энергии. Переместиться на тысячу световых лет там не трудней, чем на световой год.

Директор неодобрительно покачал головой:

— Я не физик, но с отсутствием ограничений не могу примириться. Неужели для вас все возможно?

— Ограничения существуют. Войти в гиперпространство и выйти из него можно только в вакууме при невысокой интенсивности гравитационного поля — ниже предельной величины. Конечно, по ходу дела обнаружатся новые препятствия, особенно когда начнутся полеты. Они могут послужить причиной новых задержек.

— Хорошо, предположим, что корабль готов, — куда вы предлагаете совершить первый полет?

— Для первого полета было бы логично ограничиться полетом к Плутону, однако в этом нетрудно усмотреть непроизводительную потерю времени. Если новая техника позволит нам посещать дальние звезды — как можно устоять перед искушением отправиться к одной из них?

— Например, к Звезде-Соседке?

— Есть основания отдать предпочтение ей. Прежний директор Танаяма намеревался отправиться туда, но я должна

заметить, что неподалеку от Солнца есть и более интересные звезды. Сириус всего в четыре раза дальше, но возле него ученые смогли бы исследовать белый карлик.

— Доктор Уэндел, лично я тоже считаю, что целью первого полета должна стать Звезда-Соседка, но руководствуюсь иными причинами, чем Танаяма. Представим себе, что вы совершили путешествие к далекой звезде... и вернулись. Каким образом вы сможете доказать, что побывали возле нее?

Уэндел казалась озадаченной.

— Доказать? Я вас не понимаю.

— Я хочу спросить, как вы сможете опровергнуть обвинения в фальсификации полета, как вы докажете, что совершили его?

— В фальсификации? — Уэндел в негодовании вскочила. — Это оскорбление.

Голос Коропатского вдруг стал властным:

— Сядьте, доктор Уэндел! Вас ни в чем не обвиняют. Я просто моделирую ситуацию и стараюсь заранее предпринять необходимые меры. Человечество вышло в космос три века назад. История еще не забыла обстоятельств этого события, на родной мне части земного шара его помнят особенно хорошо. В те туманные дни, когда первые искусственные аппараты покидали тесные земные пределы, находились люди, которые утверждали, что все результаты, полученные спутниками, подложны. Фотографии обратной стороны Луны тоже объявляли поддельными. Даже подлинность первых снимков Земли из космоса оспаривалась теми немногими, кто еще считал Землю плоской. Так и теперь: если Земля объявит, что овладела сверхсветовым полетом, ситуация может повториться.

— Почему же, директор? Почему нас непременно заподозрят во лжи?

— Доктор Уэндел, дорогая моя, вы просто наивны. Целых три столетия Альберт Эйнштейн считался полубогом, сотворившим космологию. Сколько поколений заучивало эти слова: скорость света нельзя превысить. И его почитатели легко не сдадутся. Вы нарушаете принцип причинности — а что может быть фундаментальнее? — ведь у вас причина опе-

режает следствие. Это с одной стороны. Ну а с другой, доктор Уэндел, политические соображения могут заставить поселения убедить свой народ, а заодно и землян в том, что мы лжем. Это может помешать нам — придется ввязаться в полемику, потерять время — тем самым они получат шанс догнать нас. Повторяю, я хочу знать, возможно ли каким-нибудь образом доказать, что подобный перелет действительно совершен?

— Директор, после возвращения мы представим корабль на обследование ученым, — ледяным тоном ответила Уэндел. — Дадим некоторые пояснения относительно основных принципов...

— Нет-нет-нет. Пожалуйста, не продолжайте. Результаты осмотра могут быть убедительными лишь для ученых, обладающих вашей квалификацией.

— Хорошо, мы доставим обратно фотографию неба, на котором ближайшие звезды расположены чуть иначе. По изменению относительных положений можно будет определить, где именно в окрестностях Солнца мы побывали.

— Этот аргумент может убедить только ученого — но с точки зрения обычного человека...

— Тогда сделаем точные снимки той звезды, возле которой побываем. Она совсем не похожа на Солнце.

— Подобные штучки давно научились делать в голофантастике. Можно позаимствовать прямо из сериала. Скажем, из «Галактического капитана».

— Ну что ж, — процедила Уэндел сквозь зубы, — другого способа я не знаю. Кто не верит — пусть не верит себе на здоровье. Вообще — это ваше дело. Наука здесь ни при чем.

— Ну-ну, доктор, не сердитесь, пожалуйста. Вспомните: когда семь с половиной веков назад Колумб возвратился из своего странствия за океан, его никто не заподозрил в мошенничестве. А почему? А потому, что он привез с собой туземцев, жителей островов, на которых побывали мореплаватели.

— Прекрасно, но с первого же раза отыскать обитаемый мир, да еще привезти с собой образцы... На это почти нет надежды.

— Ну не совсем так. Как вы знаете, мы предполагаем,

что с помощью Дальнего Зонда Ротор обнаружил Звезду-Соседку и только после этого оставил Солнечную систему. Ротор не вернулся, и не исключено, что они остались возле этой звезды. Там их и будем искать.

— Так считал и директор Танаяма. Однако путешествие с гиперприводом длилось не менее двух лет. Несчастный случай, технические сложности, психологические проблемы — что угодно могло помешать им. Может быть, они не вернулись именно поэтому.

— Тем не менее, — настойчиво продолжал Коропатский, — я не исключаю, что они там.

— Даже если они там, Ротор должен находиться на орбите звезды, поскольку пригодных для обитания планет там и быть не может. Если психологические неурядицы не остановили их еще по дороге, они не замедлят появиться теперь. Кто знает, может быть, вокруг нашей ближайшей соседки кружит лишь мертвое поселение.

— Вот видите, значит, нужно лететь к ней, разыскать Ротор, живой или мертвый. В любом случае с Ротора можно привезти нечто такое, что заставит всех поверить, что вы побывали возле звезды и вернулись. — Он широко улыбнулся. — Тогда даже я поверю. Вот такую я ставлю перед вами цель, ради достижения которой Земля отыщет для вас и средства, и ресурсы, и людей.

А после обеда, на котором к техническим вопросам более не обращались, Коропатский по-дружески, но как будто с легкой ехидцей опять обратился к Уэндел:

— Кстати, не забудьте, мы даем вам всего три года на эту работу. Не более.

44

— Итак, мой хитроумный замысел оказался ненужным, — не без сожаления заметил Крайл Фишер.

— Увы. Они готовы продолжать без всяких угроз с моей стороны. Только их почему-то обеспокоило — Танаяме это и в голову не приходило, — как отвести возможные обвинения в мошенничестве. По-моему, Танаяма намеревался уничтожить Ротор. И пусть потом во всю глотку орали бы: «Неправда!»

— Вряд ли. Он приказал бы экипажу доставить ему доказательства того, что Ротор погиб. Такое свидетельство убедило бы и весь мир. А каков этот новый директор?

— Полная противоположность Танаяме. Мягкий такой, предупредительный, но мне кажется, что Всемирному конгрессу будет с ним не легче, чем с Танаямой. Вот только освоится на новом месте.

— Значит, в отличие от Танаямы, он собирается действовать более разумно.

— Да, но этот его намек... Я до сих пор киплю! Это же надо додуматься — сфальсифицировать результаты космического перелета. Возможно, такое могло прийти в голову потому, что земляне не ощущают пространства. Совсем. Вы слишком привыкли к своей громаде и редко ее покидаете, да и то ненадолго.

Фишер улыбнулся.

— Но я-то ее покидал. И нередко. А ты — вообще из поселения. Так что мы двое к этой планете не так уж и прикованы.

— Верно. — Уэндел искоса взглянула на него. — А мне иногда кажется: ты и вовсе забыл, что я не землянка.

— Я не забывал. Не буду же я все время твердить себе под нос: «Тесса — поселенка! Тесса — поселенка!» И тем не менее я все время помню об этом.

— Ну а еще хоть кто-нибудь помнит? — Она неопределенно помахала рукой, очертив в воздухе непонятную фигуру. — Гипер-Сити находится под немыслимым покровом секретности. А почему? Чтобы поселения не пронюхали? Ведь надо овладеть сверхсветовым полетом, прежде чем поселения займутся этой же работой. А кто здесь распоряжается? Поселенка!

— За пять лет, что ты здесь провела, тебе это впервые пришло в голову?

— Нет, приходит время от времени. Понять не могу, почему они не опасаются доверять мне?

Фишер расхохотался.

— С тобой дело обстоит гораздо проще. Ты ведь ученая.

— Ну и что?

— Ученые, как наемники, не имеют прочной привязанности к какому бы то ни было обществу. Стоит поставить перед ученым интересную проблему, снабдить его всем необходимым, деньгами и оборудованием, и он даже не подумает, откуда берутся средства. Признайся — тебе дела нет ни до Земли, ни до Аделии, ни до поселений вообще — даже до человечества в целом. Ты просто хочешь создать сверхсветовой звездолет, и более тебя ничего не волнует.

— Ну знаешь ли, в этот стереотип укладывается не каждый ученый, — пылко ответила Уэндел. — Я, например.

— Тесса, не сомневаюсь, что и они все понимают, ведь ты, скорее всего, находишься под постоянным надзором. Наверняка кое-кто из твоих ближайших помощников следит за твоей деятельностью и доносит о ней правительству.

— Остается только надеяться, что это не ты.

— Только не говори, что ты никогда не думала, что, находясь рядом с тобой, я исполняю свои обязанности — охотника за секретами.

— Честно говоря, эта мысль время от времени приходит мне в голову.

— Понимаешь, я не гожусь для такого поручения. Во-первых, мы с тобой слишком близки, чтобы они мне доверяли. Не сомневаюсь, что за мной тоже следят и тщательно анализируют. Но пока я привязан к тебе...

— Крайл, какой ты бесчувственный! Неужели можно шутить такими вещами?

— Я не шучу, просто пытаюсь смотреть на вещи реально. Если я наскучу тебе, то выпаду из обоймы. Приунывшая Тесса будет уже не такой усердной, и тогда меня сразу уберут и на освободившееся место пристроят другого. В конце концов, им нужно, чтобы ты была довольна — мои чувства им безразличны. Другой причины я не вижу. Такая вот схема — логично, правда?

Уэндел вдруг потянулась к щеке Крайла:

— Не волнуйся. Я успела слишком привыкнуть к тебе, чтобы ты мне вдруг надоел. В молодости, когда кровь была горячей, мне, конечно, приходилось бросать мужчин, но теперь...

— Неохота?

— Думай как хочешь. По-твоему, я не могу любить?

— Отчего же. Хладнокровная любовь — своего рода от-

дых. Но, по-моему, сейчас не время говорить об этом. Давай-ка лучше побеседуем о Коропатском и его отношении к твоей работе.

— Это я уж как-нибудь переживу. Я хочу поговорить о другом. Только что я тебе сказала, что земляне не ощущают пространства.

— Да, помню.

— Вот и твой Коропатский совсем-совсем не ощущает его. Он сказал, что нам придется лететь к Звезде-Соседке на поиски Ротора. А как? Часто, обнаружив астероид, мы тут же теряем его, не успев даже вычислить орбиту. А знаешь, сколько времени нужно, чтобы найти пропажу, — и это при нашей-то современной технике и приборах? Не один год. Пространство вокруг звезды огромно, а Ротор — такой маленький.

— Ты права, но астероид приходится искать среди сотен тысяч подобных ему — Ротор же должен быть единственным объектом возле Звезды-Соседки.

— Кто тебе сказал? Даже если она не обладает планетной системой в привычном смысле этого слова, крайне маловероятно, что вокруг нее не окажется каких-нибудь других объектов.

— Да, но это просто космический мусор — наподобие наших астероидов. Ну а Ротор — живое поселение, он будет испускать свет, который легко заметить.

— Если только они живы. А если нет? Тогда Ротор не отличишь от астероида, и обнаружить его будет невероятно сложно. Мы можем не справиться с этой задачей, сколько бы времени нам ни дали.

Фишер помрачнел.

Обняв его за плечи, Уэндел прижалась к нему и шепнула:

— Ну, дорогой, ты же все понимаешь. Нельзя обманывать себя.

— Я знаю, — глухо ответил Фишер. — Но они все-таки могли уцелеть. Ведь могли?

— Да, — ответила Уэндел несколько неестественным тоном, — и дай бог, чтобы так и было. Конечно, их можно обнаружить. По излучению. Но это не все.

— А что еще?

— Коропатский требует, чтобы мы привезли ему какое-

нибудь доказательство того, что побывали именно на Роторе, — а как иначе доказать, что, проведя несколько месяцев в космосе, мы вернулись, побывав за несколько световых лет от Земли? И что же такое можно привезти, чтобы ни у кого не возникло сомнений? Предположим, мы обнаружим в пространстве бетонные или металлические обломки. Так ведь подойдет не любой из них. Просто металлический обломок не годится — ведь мы можем прихватить его с Земли. Предположим даже, что нам удастся отыскать что-нибудь особенное — ну, такое, что может быть только в поселениях, — так ведь и это смогут посчитать подлогом. А вот если Ротор жив, если он еще существует, не исключено, что мы сумеем уговорить кого-нибудь из роторианвернуться с нами. Человека можно идентифицировать по отпечаткам пальцев, сетчатке, ДНК. Лучше выбрать такого, которого на Земле или других поселениях еще хоть кто-нибудь помнит. Коропатский настаивает на этом. Дескать, так поступил Колумб, привезя из Америки туземцев... Конечно, — Уэндел глубоко вздохнула, — мы не много сможем привезти назад, будь то люди или материальные свидетельства. Когда-нибудь у нас появятся корабли величиной с поселение. Первый звездолет будет небольшим и наверняка примитивным, с точки зрения потомков. И привезти назад мы сможем только одного роторианина — больше в корабль не поместится, — а значит, нельзя ошибиться в выборе.

— Мою дочь, Марлену, — сказал Фишер.

— А если она не захочет? Мы возьмем только добровольца. А им может оказаться один из тысячи, и не исключено, что такового вообще не окажется.

— Она захочет. Я поговорю с Марленой и наверняка смогу убедить.

— А если ее мать будет не согласна?

— Я и с ней поговорю, — упрямо буркнул Фишер. — Уговорю как-нибудь.

Уэндел снова вздохнула.

— Крайл, прошу тебя, не фантазируй. Неужели ты не понимаешь, что твою дочь мы взять не сможем — даже если она захочет?

— Почему? Почему же?

— В момент отлета ей был только год, и она не помнит Солнечной системы. Ее никто не сможет узнать здесь. Едва ли в Солнечной системе сохранились хоть какие-то сведения о ней. Нет, нам придется выбрать человека средних лет из тех, кто хоть раз бывал в другом поселении, а лучше всего — на Земле. — Помолчав, она твердым тоном продолжила: — Вот жена твоя могла бы подойти. Ты же говорил, что она училась на Земле! Об этом наверняка сохранились сведения, и ее будет легко идентифицировать. Но, честно говоря, я бы предпочла не ее.

Фишер молчал.

— Крайл, извини, я не хотела тебя задеть, — робко сказала Уэндел.

— Только бы моя Марлена была жива, — медленно произнес Фишер. — Тогда посмотрим, что делать дальше.

Глава 21

СКАНИРОВАНИЕ МОЗГА

45

— Прошу прощения, — произнес Сивер Генарр, обращаясь к матери и дочери. Его длинноносое лицо выглядело виноватым. — Не успел я сказать Марлене, что у меня здесь не бывает особенных дел, как тут же начались неприятности с энергоустановкой и мне пришлось отложить нашу беседу. Думаю, теперь нашей невольной размолвке пришел конец, и мы не будем уделять ей большого внимания. Надеюсь, что все можно уже позабыть? Ну как, я прощен?

— Конечно, Сивер, — ответила Эугения Инсигна. Она была заметно встревожена. — Не скажу, что эти три дня были легкими для меня. Мне кажется, что с каждым днем опасность для здоровья Марлены увеличивается.

— А я совсем не боюсь Эритро, дядя Сивер, — возразила девочка.

Инсигна продолжала:

— Я не думаю, что Питт может предпринять какие-то

действия против нас на Роторе. И он сам это знает, иначе зачем ему было посылать нас на Эритро?

— Попробую быть честным посредником и удовлетворить обе стороны, — проговорил Генарр. — Помимо того, что Питт может сделать открыто, он прекрасно умеет действовать чужими руками. Эугения, жди беды, если страх перед Эритро заставит тебя забыть об изобретательности и решительности Питта. Начнем с того, что, если ты возвратишься на Ротор вопреки его закону о чрезвычайном положении, он может либо засадить тебя в тюрьму, либо сослать на Новый Ротор, либо просто вернуть назад. Ну а если вы останетесь на Эритро, я, конечно, не стану преуменьшать опасность — лихоманка вещь неприятная, даже если ее вирулентная форма уже исчезла. Эугения, я так же, как ты, не желаю подвергать Марлену риску.

— Да нет же никакого риска! — возбужденно прошептала Марлена.

— Сивер, наверное, нет необходимости разговаривать о Марлене в ее присутствии.

— Ты ошибаешься. Я хочу поговорить именно при ней. Мне кажется, она лучше нас с тобой знает, что надо делать. Ее рассудок принадлежит ей, она привыкла к себе самой, нам с тобой остается просто не вмешиваться.

Инсигна издала нечленораздельный звук, но Генарр непреклонно продолжал:

— Я хочу, чтобы она присутствовала, потому что хочу знать ее мнение.

— Но ты ведь уже знаешь ее мнение, — возразила Инсигна, — она хочет выйти из-под Купола, а ты заявляешь, что мы должны с этим смириться, будто она волшебница какая.

— Ни о волшебстве, ни о том, чтобы выйти, речи не было. Мне бы хотелось предложить вам один эксперимент — естественно, со всеми необходимыми предосторожностями.

— Какой же?

— Начнем с того, что я хотел бы провести сканирование мозга. — Он обернулся к Марлене: — Ты понимаешь, что это необходимо? У тебя есть возражения?

Марлена слегка нахмурилась.

— Я уже проходила сканирование. Все проходят. Без это-

го в школу не принимают. И при каждом медицинском обследовании...

— Знаю, — мягко перебил ее Генарр. — Эти три дня я не бездельничал. Вот. — Рука его легла на стопку листов компьютерной бумаги в левом углу стола. — Вот результаты всех сканирований твоего мозга.

— Дядя Сивер, ты не все сказал, — спокойно проговорила Марлена.

— Ага, — с удовлетворением проговорила Инсигна. — Что же он от нас скрывает, Марлена?

— Он беспокоится обо мне. Он не может полностью поверить, что мне ничего не грозит. Он испытывает неуверенность.

— Почему ты так решила, Марлена? — удивился Сивер. — По-моему, я вполне убежден в твоей безопасности.

Словно вдруг о чем-то догадавшись, Марлена продолжила:

— Мне кажется, что вы протянули три дня именно поэтому. Вы пытались проникнуться уверенностью — чтобы я не заметила вашего беспокойства. Но у вас ничего не вышло. Я это вижу.

— Ну если это и заметно, Марлена, — ответил Сивер, — то лишь потому, что я дорожу тобой настолько, что не могу допустить даже малейшего риска.

— Если уж ты не можешь допустить малейшего риска, то каково мне — матери? — раздраженным тоном заметила Инсигна. — К тому же ты настолько не уверен, что запрашиваешь результаты сканирования, нарушая медицинскую тайну.

— Пришлось. Что ж поделаешь? Но этих результатов недостаточно.

— В каком смысле?

— Когда Купол еще строился, а лихоманка свирепствовала вовсю, мы пытались разработать более совершенный сканер и точную программу интерпретации данных. На Роторе об этом так и не узнали. Питт отчаянно стремился скрыть лихоманку и поэтому противился проведению подобных работ на Роторе. Они могли бы возбудить ненужные вопросы, послужить причиной для возникновения слухов. На мой взгляд, это просто смешно, но у Питта ко всему свой подход. Вот почему тебе еще не приходилось проходить на-

стоящее сканирование, Марлена, и я хочу, чтобы ты прошла его здесь.

Марлена отодвинулась:

— Нет.

Лучик надежды озарил лицо Инсигны.

— Почему, Марлена?

— Потому что, когда дядя Сивер сказал это, он вдруг почувствовал еще бóльшую неуверенность.

— Нет, это же не... — произнес Генарр и умолк. Потом беспомощно всплеснул руками. — Ты хочешь знать, чем я обеспокоен? Марлена, дорогая, нам нужны результаты подробного сканирования твоего мозга в качестве образца здравого рассудка. И если, после того как ты выйдешь на поверхность Эритро, возникнут какие-то отклонения, повторное сканирование моментально выявит отличия, когда еще никто не сможет этого заметить — ни по твоему внешнему виду, ни по разговору. Когда я заговорил о сканировании, мне представилось, что оно покажет отклонения, которые нельзя обнаружить другим способом, — и эта мысль вызвала тревогу. И ты ее заметила. Ну, Марлена, как теперь моя неуверенность? Сильнее? Ты можешь это заметить?

— Стала меньше, но еще осталась, — ответила Марлена. — Вся беда в том, что я замечаю лишь вашу нерешительность, а не причины ее. А сканирование не опасно?

— С чего ты взяла? Мы же постоянно пользуемся... Марлена, тебе известно, что Эритро не причинит тебе вреда. А почему ты считаешь, что сканирование мозга окажется небезопасным?

— Я это чувствую.

— А чем оно может повредить тебе?

Марлена помолчала и нерешительно ответила:

— Не знаю.

— Как же это получается: в Эритро ты уверена, а тут не знаешь?

— Не знаю. Я знаю, что Эритро не причинит мне вреда, но в результатах воздействия сканера не уверена: может быть, да, а может — нет.

На лице Генарра появилась улыбка. Он испытывал об-

легчение. На сей раз, чтобы заметить это, не нужно было обладать особой проницательностью.

— Почему вы так обрадовались, дядя Сивер? — спросила Марлена.

— Потому что, если бы ты придумывала себе интуицию — из желания казаться значительной, для романтичности или просто по непониманию, — ты бы прибегала к ней постоянно. Но ты поступаешь иначе. Выбираешь и отклоняешь. Что-то знаешь, а о чем-то представления не имеешь. Это лишь укрепляет мою уверенность в том, что, как ты уверяешь, Эритро тебе не страшна, и я теперь не опасаюсь, что сканирование обнаружит что-нибудь неладное.

Марлена повернулась к матери:

— Он прав, мама. Он успокоился, и я тоже. Все ясно. Разве ты этого не видишь?

— Неважно, что я вижу, — ответила Инсигна. — Только пока мне не стало спокойней.

— Ах, мама... — пробормотала Марлена. И громко сказала Генарру: — Я согласна на сканирование.

46

— Неудивительно, — бормотал Сивер Генарр.

Он рассматривал компьютерные графики. Они появлялись на экране один за другим и были похожи на цветы. Эугения тоже вглядывалась в экран, однако ничего не понимала.

— Что «неудивительно», Сивер?

— Не могу тебе объяснить, поскольку не совсем владею терминологией. Вот будь здесь Рене Д'Обиссон, здешняя гуру, она бы живо все растолковала — но ни ты, ни я ничего не поняли бы. Она показала мне вот это.

— Похоже на улитку.

— Да, разноцветная такая. Она характеризует скорее сложность мозга, а не его физические параметры, так утверждает Рене. Весьма необычная область. У обыкновенного человека ее нет.

Губы Инсигны дрогнули.

— Ты хочешь сказать, что она уже больна?

— Да нет же. Я сказал — необычная, а не ненормальная. Впрочем, я не должен объяснять это наблюдателю-непрофессионалу. Согласись, что Марлена — существо, не похожее на всех нас. Пожалуй, я даже рад, что здесь обнаружилась эта «улитка». Если бы ее мозг ничем не отличался от нашего, оставалось бы только гадать, почему она такая, откуда берется подобная восприимчивость. Можно было бы даже заподозрить, что она дурачит нас.

— Но откуда ты знаешь, что это не признак... не признак...

— Болезни? Этого не может быть. У нас есть результаты всех сканирований ее мозга, начиная с детства. И эта особенность везде.

— А мне об этом не говорили. Никто даже не заикнулся.

— Конечно. Ваши примитивные сканеры и не могли ничего показать — да так, чтобы в глаза бросалось. Но теперь, имея последние снимки, на которых эта деталь представлена во всей красе, мы можем обратиться к предшествующим и все выяснить. Рене уже все сделала. Наш метод сканирования мог бы стать для Ротора привычным, если бы не Питт. Но он просчитался. Конечно, такое психосканирование обходится дороже.

— Я заплачу, — пробормотала Инсигна.

— Не глупи. Я отнесу расходы на счет Купола. В конце концов, быть может, Марлена поможет разгадать загадку лихоманки. Во всяком случае, я на это сошлюсь, если возникнут вопросы. Ну вот. Теперь мы получили более полную информацию о мозге Марлены. И если есть какие-либо аномалии, они немедленно обнаружатся на экране.

— Ты не представляешь себе, как я боюсь, — проговорила Инсигна.

— Не могу тебя в этом упрекнуть. Но Марлена настолько уверена в себе, что я просто не могу не подчиниться ей. Не сомневаюсь, что подобная убежденность в собственной безопасности имеет под собой основу.

— Какую?

Генарр указал на «улитку».

— У тебя ее нет, у меня тоже, — и никто из нас не знает,

откуда она берет уверенность в своей безопасности. Но раз она уверена — пусть выходит.

— Зачем нам рисковать? Можешь ты наконец объяснить, зачем нам этот риск?

— Причины две. Во-первых, ее настойчивость — я считаю, что рано или поздно она все равно добьется своего. И тогда нам останется только сделать веселые лица и выпустить ее — все равно ты ее не удержишь. Во-вторых, не исключено, что таким образом мы сумеем узнать что-нибудь о лихоманке. Что именно — не представляю, но и любые знания о ней могут оказаться бесценными.

— Не дороже рассудка моей дочери.

— До этого не дойдет. Но все же, хоть я и полагаюсь на Марлену и не вижу особого риска, все-таки постараюсь ради тебя свести его к минимуму. Для начала мы не сразу выпустим ее на поверхность планеты. Я могу показать ей Эритро с воздуха. Пусть увидит озера, равнины, холмы, ущелья. Можно даже слетать подальше — к морю. Потрясающее зрелище — я сам видел однажды, — но никаких следов жизни. Ни единого живого существа — одни прокариоты в своей воде, но их глазом не увидишь. Не исключено, что эта безжизненная планета покажется ей непривлекательной и до выхода на поверхность дело не дойдет. Ну а если она будет настаивать, если захочет ощутить под ногами почву Эритро, пусть выходит в э-комбинезоне.

— Что это за штука?

— Это эритрийский костюм. Несложная вещь — нечто вроде космического скафандра, только атмосферного, не для вакуума. Представляет собой непроницаемую оболочку из ткани и пластика — очень легкую, не мешающую движениям. Шлем с инфракрасными фильтрами будет потяжелее: в нем запас воздуха и система вентиляции. Все сделано для того, чтобы в э-комбинезоне человек не подвергался воздействию атмосферы Эритро. Ну а кроме того, она будет не одна.

— Кто же пойдет с ней? Кроме меня, некому. Я ее ни с кем не отпущу.

Генарр улыбнулся.

— Не могу представить себе менее подходящего спутника для Марлены. Мало того, что ты ничего не знаешь об

Эритро, так еще и боишься ее. Вот тебя-то мне выпускать страшно. Видишь ли, единственная персона, которой мы можем довериться, это я.

— Ты? — Инсигна открыла рот и уставилась на Сивера.

— А почему бы и нет? Никто не знает Эритро лучше меня. И если мы считаем, что у Марлены может быть иммунитет к лихоманке, — то почему бы ему не оказаться и у меня? Еще я умею водить самолет — значит, пилот нам не потребуется. К тому же я буду рядом с Марленой и смогу приглядеть за нею. И как только она сделает что-нибудь не так — что-нибудь несуразное, — немедленно летим назад, к сканеру.

— Знаешь, можно и опоздать.

— Нет, не обязательно. Не думай, что лихоманка одинакова: все или ничего. Были и легкие случаи, даже очень легкие: такие люди продолжают вести нормальную жизнь. Ничего не случится. Я уверен.

Инсигна, молча сидевшая в кресле, вдруг стала маленькой и беззащитной.

Повинуясь порыву, Генарр обнял ее.

— Эугения, на недельку обо всем можно забыть. Обещаю тебе, что раньше чем через неделю она не запросится на поверхность — а пока покажу ей планету с воздуха. Летать в самолете — все равно что сидеть здесь. Ну а пока я хочу тебе кое-что показать... Ты ведь астроном, не так ли?

Она посмотрела на него отсутствующим взглядом и проговорила:

— Ты это знаешь.

— Значит, ты никогда не смотришь на звезды. Астрономы никогда этого не делают. Они работают только с приборами. Сейчас над Куполом ночь, можно выйти на обзорную палубу и посмотреть. Небо сегодня абсолютно ясное. Ничто так не успокаивает, как вид звездного неба. Пошли.

47

Генарр был прав. Астрономы не видели звезд своими глазами. Не было необходимости. Они давали инструкции компьютерам, а те командовали телескопами, камерами, спектроскопами.

Приборы делали всю работу, анализировали, изображали. Астроном задавал вопросы, а потом изучал ответы. Для этого не обязательно видеть звезды.

Но зачем праздно разглядывать звездное небо? Вид его мог только вывести астронома из равновесия, напоминая о работе, которую еще предстоит сделать, о вопросах, которые необходимо решить, о тайнах, которые предстоит раскрыть. Значит, потом придется бежать в обсерваторию, включать приборы, а после, чтобы скоротать время, листать какую-нибудь книгу или смотреть голоспектакль.

Все это она выкладывала Генарру, пока тот, прежде чем уйти, наводил порядок в кабинете. Педант, аккуратист — в юности это раздражало Инсигну, а, наверное, следовало бы восхищаться. У Сивера было так много достоинств, что Крайл...

Ухватив за шиворот череду собственных мыслей, она направила их в другую сторону.

— Видишь ли, я и сам нечасто бываю на обзорной палубе, — сказал Генарр. — Все дела, дела. Ну а когда наконец выбираюсь, всегда оказываюсь там в одиночестве. Хорошо, когда кто-то может составить тебе компанию. Пошли!

Он подвел ее к небольшому лифту. Инсигна еще не видела лифтов в Куполе и на миг почувствовала себя как дома, на Роторе. Правда, здесь тяготение было постоянным.

— Вот мы и пришли, — сказал Генарр.

Инсигна с любопытством шагнула в пустынный зал и тут же отпрянула.

— Мы под открытым небом? — спросила она.

— Под открытым небом? — удивился Генарр. — А ты боишься оказаться в атмосфере Эритро? Нет-нет. Не бойся. Над нами полусфера из алмазного стекла. Поверхность его даже не поцарапать. Конечно, солидный метеорит мог бы разбить его, но в небе Эритро таких практически нет. Такие стекла используются и на Роторе, ты знаешь, но там, — в его голосе послышалась гордость, — и качество ниже, и размеры не те.

— Ну вы тут и роскошествуете! — восхитилась Инсигна, прикасаясь к стеклу, чтобы убедиться в его существовании.

— Приходится — иначе людей сюда не заманишь. — Он

вновь обернулся к прозрачному пузырю. — Конечно, временами идут дожди. А когда небо проясняется, стекло быстро просыхает. Пыль смывается днем специальным детергентом. Присядь, Эугения.

Спинка мягкого и уютного кресла немедленно откинулась назад, едва Эугения села. Рядом тихо вздохнуло под тяжестью Генарра второе кресло. Сразу погасли крохотные светильники на других креслах и столиках. И на распахнувшемся сверху черном бархате сверкнули искры.

Эугения охнула. В принципе, она знала, что представляет собой звездное небо — по картам и схемам, моделям и фотографиям, — и знала во всех подробностях, но ни разу не видела своими глазами. Она обнаружила, что не ищет в нем интересные объекты, головоломные загадки, тайны, над которыми было бы интересно поработать. Она не пыталась разглядеть звезды, а любовалась узорами, в которые они складывались.

Давным-давно, думала она, когда люди вот так же рассматривали созвездия, и появилась астрономия.

Генарр был прав. Покой легкой, невесомой паутинкой окутал ее душу.

— Спасибо тебе, Генарр, — каким-то сонным голосом произнесла Эугения.

— За что?

— За то, что ты вызвался сопровождать Марлену. За то, что рискуешь собой ради моей дочери.

— Я ничем не рискую. С нами ничего не случится. К тому же я испытываю к ней отцовские чувства. В конце концов, Эугения, мы с тобой давно знаем друг друга, и я к тебе очень хорошо отношусь.

— Знаю, — почему-то чувствуя себя виноватой, ответила Инсигна.

Она знала про чувства Сивера — тот никогда не умел их скрывать. Поначалу Эугения хотела покориться, но вскоре она встретилась с Крайлом и любовь Сивера стала ее раздражать.

— Прости меня, Сивер, если я когда-то чем-нибудь задела твои чувства, — сказала она.

— Ничего, — тихо ответил Генарр, и вновь воцарилась тишина.

Инсигне захотелось, чтобы никто не вошел и не нарушил это странное ощущение ясности. Наконец Генарр заговорил:

— Я знаю, почему люди не ходят на обзорную палубу ни здесь, ни на Роторе. Ты замечала, что там никогда никого не бывает?

— Марлена любит ходить туда, — ответила Инсигна. — Она говорила, что палуба почти всегда безлюдна. Целый год она разглядывала оттуда Эритро. Надо было мне повнимательнее отнестись к ней...

— Марлена не такая, как все. По-моему, люди не ходят сюда вот из-за чего.

— Из-за чего же?

— Смотри сюда. — Генарр показал куда-то в небо, но в темноте Инсигна не увидела его руки. — Видишь яркую звезду? Самую яркую на всем небе?

— Ты имеешь в виду Солнце, наше Солнце, центр Солнечной системы?

— Вот именно. Если бы не эта звезда, небо Немезиды было бы таким же, как земное. Ну, правда, альфа Центавра не совсем на месте, и Сириус чуть сдвинулся, но это мелочи. В целом точно такое же небо видели шумеры пять тысяч лет назад. Только Солнце выглядело иначе.

— И ты думаешь, что люди не ходят на палубу из-за Солнца?

— Да. Наверное, вид его вселяет в сердце тоску. Отсюда Солнце кажется далеким, недостижимым — словно находится в какой-то далекой Вселенной. Вот оно, яркое, зовущее, напоминающее беглецам об их вине перед ним.

— Почему же тогда сюда не ходят подростки и дети? Ведь они мало знают о Солнце и Солнечной системе.

— Наверное, следуют примеру старших. Вот когда все мы покинем этот мир, когда на Роторе не останется тех, для кого Солнечная система не просто два слова, — небо, думаю, вернется на Ротор, и здесь тоже будет полно народу. Если, конечно, к тому времени Купол не перестроят.

— Ты думаешь, могут перестроить?

— Как знать, Эугения, как знать?

— Но пока мы процветаем.

— Да. Верно. Но эта яркая звезда, эта знакомая незнакомка тревожит меня.

— Старое доброе Солнце... Что оно может сделать? Сюда ему не дотянуться.

— Дотянется. — Генарр не отводил глаз от яркой звезды на западе. — Люди, оставшиеся в поселениях и на Земле, непременно найдут Немезиду. Возможно, уже нашли. И не исключено, что заново изобрели гиперпривод. Может быть, вскоре после того, как мы улетели. Это событие не могло не подхлестнуть их.

— Это было четырнадцать лет назад. Почему их еще нет здесь?

— Быть может, они побоялись двухлетнего полета. Им известно, что Ротор рискнул, но не ясно, преуспел ли он в своем намерении. Может, они думают, что наши останки рассеялись между Солнцем и Немезидой.

— Да, в отсутствии смелости нас не упрекнуть.

— Конечно. Как ты думаешь, предпринял бы Ротор эту попытку, если б не Питт? Ведь он и увлек всех за собой. Сомневаюсь, что в других поселениях найдется хоть один такой Питт... и на Земле тоже. Ты знаешь — я не люблю Питта. Я не одобряю его методы, его мораль — точнее, ее отсутствие, — неискренность, хладнокровие, с которым он послал Марлену на верную, как он полагал, погибель. Но если судить по одним результатам его деятельности, он может войти в историю как великий человек.

— Как великий вождь, — проговорила Инсигна, — а великий человек — это ты, Сивер. Разница очевидна.

Сивер надолго замолчал.

— Я жду тех, кто последует за нами. Всякий раз, когда я смотрю на эту яркую звезду, я опасаюсь все сильнее. Четырнадцать лет назад мы оставили Солнечную систему. Что-то они делали все это время? Ты об этом не размышляла, Эугения?

— Некогда было, — сквозь дремоту отозвалась Инсигна. — Меня беспокоят более прозаические дела.

Глава 22

АСТЕРОИД

48

22 августа 2235 года! Эту дату Крайл Фишер помнил хорошо. День рождения Тессы Уэндел. Точнее — пятьдесят третий день рождения. Она помалкивала об этом: отчасти потому, что еще на Аделии привыкла гордиться тем, что молодо выглядит; отчасти потому, что не забывала: Фишер на пять лет моложе ее. Но разница в возрасте не беспокоила Фишера. Даже если бы интеллект и сексуальная энергия Тессы не привлекали его, ключ к Ротору был в ее руках, и он помнил об этом.

Несмотря на то что вокруг глаз у нее появились морщинки и кожа рук немного увяла, сегодняшний день стал для нее днем триумфа. Влетев в апартаменты, которые с каждым годом становились все шикарнее, она плюхнулась в низкое мягкое кресло и удовлетворенно улыбнулась.

— Все прошло как по маслу. Великолепно!

— Жаль, что меня там не было, — отозвался Крайл.

— Мне тоже, но мы решили не допускать посторонних, к тому же ты и так знаешь больше, чем положено.

Целью была Гипермнестра, ничем не примечательный астероид, который в необходимый момент оказался вдалеке от других астероидов и, что еще важнее, вдалеке от Юпитера. Кроме того, на этот астероид не претендовало ни одно из поселений, ничей корабль ни разу не посетил его. И наконец — каким бы тривиальным это ни показалось — два первых слога его названия словно символизировали цель первого сверхсветового полета.

— Значит, ты привела корабль точно туда.

— В пределах десяти тысяч километров. Мы могли бы подвести его поближе, но решили не рисковать — все-таки там уже ощущается гравитационное поле, хотя это всего лишь астероид. А потом мы вернули корабль в заранее намеченную точку. И за ним тотчас увязались какие-то два корабля.

— Думаешь, что поселения навострили уши?

— Несомненно. Но одно дело — заметить мгновенное исчезновение корабля, а другое — определить, куда он направился. Да с какой скоростью летел — околосветовой или во много раз большей, — а уж тем более понять, как это было достигнуто.

— Вблизи Гипермнестры у них, кажется, нет кораблей?

— Они не могли узнать пункт назначения — разве что кто-нибудь из наших проболтался, но такое едва ли возможно. Но даже если бы они узнали, куда летел сверхсветовик, или догадались об этом — что из того? В общем, Крайл, все прошло превосходно.

— Конечно, это гигантское достижение.

— А сколько еще предстоит сделать! Ведь это только первый корабль, способный нести человека со сверхсветовой скоростью, но пока, как ты знаешь, его экипаж — если это слово уместно — состоял только из одного робота.

— Он не сломался?

— Нет. Но это неважно. Ведь мы доказали, что можем перемещать в пространстве со сверхсветовой скоростью значительную массу — макроскопический объект, не нарушив его целостности при этом. Теперь несколько недель уйдет на разного рода проверки, чтобы убедиться в отсутствии серьезных повреждений. И, конечно же, перед нами остается прежняя задача — сооружение большого корабля. Необходимо наладить работу систем жизнеобеспечения, предусмотреть различные меры безопасности. Робот способен выдержать такие нагрузки, которые человек не перенесет.

— Работа идет в соответствии с графиком?

— Пока. Еще годик-полтора, и — если не случится ничего непредвиденного — мы сможем своим появлением изумить роториан, если они еще живы.

Фишер вздрогнул, и Уэндел виновато сказала:

— Извини, я все время запрещаю себе говорить подобные вещи, но иногда забываюсь.

— Ничего, — ответил Фишер. — А уже решено, что я полечу на Ротор первым же рейсом?

— Если что-то и решено, до осуществления полета все

равно пройдет год или более. Заранее ничего предусмотреть не удается.

— А пока?

— Танаяма оставил записку, где говорится, что тебе это было обещано. Я даже и подумать не могла, что он так великодушен. Коропатский проявил любезность и сегодня рассказал мне об этой записке после успешного завершения полета, а я сочла необходимым сообщить тебе.

— Хорошо! Танаяма обещал мне на словах. Я рад, что он и записал свое обещание.

— А ты не хочешь рассказать мне, почему он это сделал? Танаяма всегда казался мне человеком, не склонным обещать что-то просто так.

— Ты права. Он пообещал мне это путешествие, если я привезу тебя на Землю для работы над сверхсветовым звездолетом. И если я скажу, что прекрасно справился с заданием, по-моему, ты не станешь возражать.

Уэндел фыркнула.

— Сомневаюсь, что ваше руководство можно было растрогать эмоциями. Коропатский сказал мне, что не считал бы себя обязанным выполнять обещание Танаямы, но ты несколько лет прожил на Роторе и приобрел там определенные знания, которые могут оказаться полезными. Я могла бы возразить, что твои знания за тринадцать лет порядком забылись, но промолчала, потому что после испытаний была в прекрасном расположении духа и решила, что люблю тебя.

Фишер улыбнулся.

— Тесса, ты меня успокаиваешь. Надеюсь, и ты полетишь со мной. Ты уже уладила этот вопрос?

Откинув назад голову, словно хотела лучше видеть Фишера, Уэндел проговорила:

— С этим, мой мальчик, будет труднее. Тебя-то они охотно подвергнут опасности, а вот меня им поначалу было жалко. Мне сказали: «Кто будет руководить работами, если с вами что-нибудь случится?» Я ответила: «Любой из двадцати моих подчиненных, знающих физику сверхсветового полета не хуже, чем я, но обладающих более молодым и гибким умом». Соврала, конечно, — ведь мне нет равных, — но мое заявление произвело впечатление.

— А знаешь, в их словах что-то есть. Нужен ли тебе этот риск?

— Да, — ответила Уэндел. — Во-первых, я имею почетное право занять должность капитана первого сверхсветового корабля. Во-вторых, мне хочется повидать другую звезду, повозмущаться, что роториане сумели первыми к ней добраться, если... — Она запнулась. — И наконец — и это самое важное, — я просто хочу убраться с Земли. — Последние слова она произнесла смущенно.

Потом, уже лежа с Фишером в постели, Уэндел сказала:

— Когда наконец все кончится и мы улетим, как чудесно это будет.

Фишер не ответил. Он думал о девочке со странными огромными глазами и своей сестре... Они слились в единый образ, и дремота охватила его.

Глава 23

ВОЗДУШНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

49

Долгие полеты в атмосфере планеты не пользовались популярностью среди поселенцев. Космические городки были маленькими: лифтов, своих двоих и — изредка — электрокара хватало вполне. А из поселения в поселение летали на ракетах.

Многим поселенцам — по крайней мере дома, в Солнечной системе, — в космосе приходилось бывать так часто, что летать для них сделалось так же привычно, как ходить. Но мало кто из поселенцев бывал на Земле, единственном месте, где летали на самолетах.

Поселенцы, чувствовавшие себя в космической пустоте как дома, ощущали дикий ужас, заслышав свист воздуха за стенкой летательного аппарата, лишенного наземной опоры.

Оказалось, что и на Эритро без воздушного транспорта обойтись немыслимо. Огромная, как Земля, планета обладала такой же плотной, пригодной для дыхания атмосферой.

На Роторе держали книги по воздухоплаванию и жили земляне-эмигранты, знавшие толк в авиации.

В результате у Купола появились два самолета, несколько неуклюжие и примитивные, не способные к высоким скоростям и не обладавшие большой маневренностью, однако вполне пригодные для использования. Невежество роторианин в технике воздушного полета сослужило им хорошую службу. Самолеты Купола оказались лучше компьютеризованными, чем их земные собратья. Сиверу Генарру они представлялись скорее сложными роботами в виде самолетов. Погода на Эритро была куда мягче, чем на Земле, возможно, потому, что тусклая Немезида не способна была возбудить в атмосфере мощные бури, и самолет-робот в полете почти не сталкивался с неожиданностями.

Таким образом, на скверных и несовершенных самолетиках Купола летать мог практически всякий. Нужно было только сообщить самолету, что от него требуется, и все исполнялось. Если сообщение оказывалось неконкретным или управлявший самолетом электронный мозг усматривал какие-либо опасности, робот запрашивал дополнительные пояснения.

За тем, как Марлена карабкалась в кабину самолета, Генарр следил с беспокойством, но без страха, как Эугения, которая, закусив губу, стояла вдалеке. («И не смей подходить близко, — строгим тоном велел он Инсигне, — особенно если собираешься глядеть на нее так, словно провожаешь на смерть. Девочка испугается».)

Но Инсигне казалось, что у нее есть основания для паники. Марлена не помнила тот мир, где полеты на самолетах были делом обыденным. Перелет в ракете до Эритро она перенесла спокойно, а вот как отнесется к еще не изведанному ощущению полета по воздуху...

Но Марлена уже поднялась в кабину и уселась с безмятежным выражением на лице.

Или она не поняла еще, что ее ждет?

— Марлена, золотко, ты понимаешь, что сейчас будет? — спросил Генарр.

— Да, дядя Сивер, вы покажете мне Эритро.

— С воздуха, ты не забыла? Мы сейчас полетим по воздуху.

— Да, вы мне это уже сказали.

— И тебе не страшно?

— Мне-то нет, дядя Сивер, а вот вам...

— Я боюсь только за тебя, моя хорошая.

— Со мной все будет в порядке. — Она обернулась к поднявшемуся в кабину Генарру. Когда тот занял свое место, Марлена проговорила: — Я понимаю, что мама волнуется, но вы беспокоитесь больше. Правда, вы ухитряетесь меньше обнаруживать это, но если бы вы только увидели, как облизываете губы, то смутились бы. Я вижу, вы полагаете, что, если что-то случится плохое, вина ляжет на вас. Эта мысль не дает вам покоя. Повторяю — ничего не случится.

— Ты уверена, Марлена?

— Абсолютно. На Эритро мне ничего не может причинить вред.

— Ты говорила это о лихоманке, но сейчас речь о другом.

— Неважно, о чем мы говорили. На Эритро мне ничто не может повредить.

Генарр недоверчиво качнул головой и тут же пожалел об этом, понимая, что все его чувства видны, как на экране компьютера, выведенные крупными буквами. Но ничего не поделаешь — ведь он не из бронзы, и, как ни старайся, она все равно догадается.

— Сейчас перейдем в воздушный шлюз и побудем там, чтобы проверить реакции электронного мозга. Потом войдем опять, и самолет взлетит. Ты почувствуешь, как увеличивается скорость, тебя прижмет к спинке сиденья. Потом мы окажемся в воздухе. Надеюсь, ты понимаешь это?

— Я не боюсь, — спокойно ответила Марлена.

50

Самолет ровным курсом летел над холмистой поверхностью пустыни. Генарр знал, что геологическая жизнь планеты продолжается: проведенные исследования обнаружили, что в истории ее были периоды горообразования. Горы до сих пор высились в цисмеганском — обращенном к Мега-

су — полушарии, над которым неподвижно висел диск Мегаса.

Но здесь, на трансмеганской стороне, два больших континента были покрыты равнинами и холмами.

Марлена никогда не видела гор, и даже эти холмы произвели на нее впечатление.

С высоты, на которой они летели, реки Эритро ничем не отличались от роторианских ручейков.

Генарр подумал: вот Марлена удивится, когда увидит их поближе.

Марлена с любопытством поглядывала на Немезиду, которая как раз миновала полуденный меридиан и уже начинала клониться к западу.

— Она не двигается, дядюшка Сивер? — спросила девочка.

— Двигается, — ответил Генарр. — То есть это Эритро вращается вокруг Немезиды, но она совершает в день только один оборот, тогда как Ротору на это требуется две минуты. Если смотреть с Эритро, Немезида движется в семьсот раз медленнее, чем нам кажется на Роторе. Она как будто стоит на месте — но на самом деле это не так. — Бросив взгляд на Немезиду, он произнес: — Тебе не приходилось видеть земное Солнце, светило Солнечной системы. Ну а если и видела, то забыла — тогда ты была еще совсем крохой. С орбиты Ротора в Солнечной системе Солнце казалось гораздо меньшим.

— Меньшим? — удивилась Марлена. — Ведь компьютер говорит, что Немезида намного меньше Солнца.

— Это так, но к Немезиде Ротор подошел гораздо ближе, чем в свое время к Солнцу. Поэтому Немезида нам и кажется больше.

— От нас до Немезиды четыре миллиона километров, да?

— А до Солнца — целых сто пятьдесят миллионов. Если бы Ротор находился на таком же расстоянии от Немезиды, мы бы получали всего процент того света и тепла, что получаем здесь. Но если бы мы приблизились к Солнцу так же, как к Немезиде, то превратились бы в пар. Солнце больше, ярче и горячее, чем Немезида.

Марлена не взглянула на Генарра — должно быть, ограничилась интонациями его голоса.

— Судя по вашим словам, дядя Сивер, вам бы хотелось оказаться опять возле Солнца?

— Я там родился и порой тоскую по дому.

— Но если Солнце такое яркое и горячее, то оно, наверное, опасно?

— Мы не смотрели на него. Между прочим, и на Немезиду не следует смотреть долго. Отвернись-ка лучше, дорогуша.

Однако сам Генарр украдкой взглянул в сторону Немезиды. Красный громадный диск ее висел на западе... четыре угловых градуса, в восемь раз больше, чем Солнце, если смотреть с прежней орбиты Ротора. Этакий тусклый круг света — но Генарр знал, что изредка он вспыхивал, и тогда на ровной поверхности появлялось раскаленное пятно, на которое больно было смотреть. Менее яркие пятна появлялись чаще, но их было труднее заметить.

Он что-то приказал самолету, и тот немедленно повернул так, чтобы Немезида была сбоку и люди не могли смотреть на нее в упор.

Марлена задумчиво посмотрела на Немезиду, потом вновь стала рассматривать просторы Эритро, проплывавшие внизу.

— А знаете, постепенно привыкаешь к этому цвету, и он уже не кажется таким кроваво-красным, — сказала она.

Генарр и сам это заметил. Глаза его начали улавливать оттенки и тени, мир внизу становился не таким одноцветным. Реки и небольшие озера были темнее суши. Небо казалось черным: атмосфера Эритро почти не рассеивала свет Немезиды.

Самой унылой особенностью ландшафта Эритро была его нагота и пустынность. На крохотном Роторе зеленели и желтели поля, пестрели фруктовые сады, галдели птицы — все было полно цветов и звуков.

Здесь же царило безжизненное молчание.

Марлена нахмурилась.

— А на Эритро есть жизнь, дядя Сивер?

Генарр не понял, утверждает ли Марлена, задает вопрос или читает его мысли.

— Конечно, — отозвался он. — Жизнь здесь повсюду. И не только в воде. Некоторые прокариоты обитают в водяной пленке, которая покрывает частицы почвы.

Вскоре на горизонте показался край моря — сначала черная линия, потом полоска, — воздушный кораблик приближался к нему.

Генарр искоса наблюдал за Марленой. Конечно, она читала об океанах Земли и видела их по головизору, но к этому зрелищу все равно невозможно подготовиться. Генарр однажды (однажды!) посетил Землю как турист и видел океан. Но ему не приходилось бывать в открытом море, и теперь он не был уверен в себе.

И вот берег откатился назад, суша превратилась в тонкую линию и наконец исчезла. Генарр смотрел вниз, ощущая в желудке комок. Ему вспомнились слова из древней эпической поэмы: «Море цвета темного вина». Внизу катились валы, цветом напоминавшие красное вино, то тут, то там розовели пенные гребни.

В бескрайнем водном просторе внизу не было ничего, на чем мог бы остановиться взгляд. Суша исчезла. Кануло неизвестно куда и ощущение направления. Конечно, Генарр знал, что стоит лишь приказать, и самолет немедленно повернет обратно. Бортовой компьютер следил за скоростью и направлением, определял положение самолета и прекрасно знал, где находится суша и далекий уже Купол.

Они вошли в плотное облако, и океан внизу почернел. Повинуясь приказу, самолет поднялся выше. Путешественники вновь увидели Немезиду, но океана больше не было. Внизу клубились розовые облака, клочья тумана пролетали мимо иллюминатора.

А потом облака поредели, и в разрывах вновь показалось «море цвета темного вина».

Марлена смотрела во все глаза, приоткрыв рот и едва дыша.

— Неужели все это вода, дядя Сивер? — прошептала она.

— На тысячи километров во все стороны и на десять километров в глубину — кое-где.

— Значит, если туда упадешь — утонешь?

— Не думай об этом. Этот самолет не может упасть в океан.

— Я знаю, — деловито сказала Марлена.

«Покажу-ка я ей еще кое-что», — подумал Генарр.

Марлена нарушила ход его мыслей:

— А вы опять стали нервничать, дядя Сивер.

Генарр удивился, как быстро он успел привыкнуть к таким замечаниям.

— Ты еще не видела Мегас, — сказал он, — и я думаю, не показать ли тебе его. Ты знаешь, что Эритро обращена к Мегасу одной стороной, а Купол построили на противоположной, где Мегас никогда не виден. Если мы полетим в эту сторону, то скоро начнется цисмеганское полушарие и мы увидим, как он встает над горизонтом.

— Мне бы хотелось посмотреть.

— Хорошо, посмотрим, только знай — Мегас огромен, в два раза больше Немезиды, и кажется, что он рушится на тебя. Некоторые не в силах вынести этого зрелища. Но он не упадет, конечно. Не сможет. Постарайся это запомнить.

И они полетели дальше, но уже на большей высоте и намного быстрее. Внизу дыбились те же океанские волны, кое-где по ним бежали тени облаков.

Наконец Генарр произнес:

— Посмотри вперед, чуть вправо — видишь? — вон Мегас выглядывает из-за горизонта. Сейчас подлетим поближе.

Сперва было видно просто яркое пятнышко, постепенно оно превратилось в огромный пылающий полукруг, вставший из-за моря. Мегас оказался гораздо ярче Немезиды, оставшейся позади и уже заметно опустившейся к горизонту.

Когда Мегас поднялся повыше, стало заметно, что ярко освещено чуть больше половины его диска.

— Вот это и называется «фазой», дядя Сивер? — поинтересовалась Марлена.

— Совершенно верно. Эту часть Мегаса освещает Немезида. По мере движения Эритро вокруг Мегаса Немезида приближается к нему, и мы видим освещенной все меньшую и меньшую часть планеты. Потом, когда Немезида проходит над или под Мегасом, мы уже видим тонкую полоску света на краю Мегаса — освещенного полушария нам просто не видно. Иногда Немезида проходит за Мегасом. В этом случае она вообще исчезает из поля зрения и на небе становятся видны сразу все звезды, а не только самые яркие, которые заметны и при Немезиде. Во время затмения виден огромный темный диск, вокруг которого нет ни одной звезды, —

это Мегас. Когда Немезида появляется с другой стороны, мы снова можем видеть узкую полоску света.

— Удивительно, — проговорила Марлена. — Просто целое представление в небе. Взгляните на Мегас — какие полосы. Они движутся!

Полосы пересекали освещенную поверхность диска — бурые, красновато-коричневые, местами оранжевые — и медленно шевелились.

— Это бури, — объяснил Генарр. — Там жуткие ветры. Если приглядеться внимательнее, можно заметить, как появляются пятна, как они растут, ползут по диску, тускнеют и исчезают.

— Как в головизоре, — подхватила Марлена. — Неужели никто не наблюдает это постоянно?

— Астрономы наблюдают. С помощью компьютеров, расположенных в этом полушарии. Я тоже наблюдал — из нашей обсерватории. Знаешь, в Солнечной системе есть похожая планета. Ее зовут Юпитер. Она даже больше Мегаса.

Наконец гигантская планета заметно поднялась над горизонтом. Она была похожа на воздушный шар, приспущенный с одного бока.

— Как красиво! — воскликнула Марлена. — Вот построили бы Купол в этом полушарии, тогда каждый мог бы любоваться этим зрелищем.

— Ты ошибаешься, Марлена. Это не так. Люди не любят Мегас. Я уже говорил тебе: некоторым начинает казаться, что Мегас рушится на них, они боятся его.

— Такие дурацкие мысли могут прийти в голову не многим, — раздраженно сказала Марлена.

— Верно, немногим, но дурацкие мысли заразительны: страхи распространяются, и тот, кто не испугался бы, впадает в панику, потому что испугался сосед. Ты никогда не замечала такого?

— Замечала, — печально отозвалась она, — если одному мальчику какая-то дуреха кажется хорошенькой, то и другим это начинает казаться. И они начинают соперничать... — Она смущенно умолкла.

— Вот чтобы избежать такой цепной реакции, мы и выстроили Купол в другом полушарии. Ну а другая причина —

ведь Мегас всегда на небе, и проводить астрономические наблюдения в этом полушарии затруднительно. Но, я думаю, пора домой. Ты знаешь свою маму. Она, наверное, уже в панике.

— Надо связаться с ней и сказать, что все в порядке.

— Нет необходимости. Самолет постоянно посылает сигналы. Так что она в курсе, что с нами все в порядке... физически. А беспокоит ее вот что... — Он многозначительно постучал себя по виску.

Марлена осела в кресле, и лицо ее выразило крайнее неудовольствие.

— Какая мука! Знаю, каждый скажет: «Ведь она любит тебя», но это такая докука. Почему она не может поверить мне, что все будет в порядке?

— Ведь она любит тебя, — ответил Генарр, как только закончил инструктировать самолет относительно обратного пути. — Не меньше, чем ты любишь Эритро.

Лицо Марлены просветлело.

— Действительно, люблю.

— Да-да, это видно по тому, как ты относишься к этому миру.

«А вот как отнесется к этому Эугения Инсигна?» — подумал Генарр.

51

Она отнеслась к этому плохо. Она пришла в ярость.

— Что это вообще такое: «она любит Эритро»? Как можно любить безжизненный мир? Это ты забил ей голову таким вздором! Зачем тебе нужно, чтобы она любила Эритро?

— Эугения, будь умницей. Неужели ты считаешь, что Марлене чем-то можно забить голову? Разве ты сама не пыталась отговаривать ее?

— Ну так что же случилось?

— Видишь ли, в полете я все время старался показать ей такое, что должно было отпугнуть ее, заставить почувствовать неприязнь к Эритро. По собственному опыту я знаю, что выросшие в своем тесном мирке роториане ненавидят бесконечные просторы Эритро. Им не нравится этот свет,

им не нравится кроваво-красная вода океана. Им не нравятся мрачные облака, но более всего они страшатся Мегаса. И все прочее только угнетает и волнует их. Все это я показал Марлене. Мы летели над океаном... далеко — так далеко, что увидели, как Мегас встает над горизонтом.

— Ну и?..

— Ее ничто не испугало. Она сказала, что привыкла к красному свету и он перестал казаться ей ужасным. Океан не внушил ей страха, а Мегас даже заинтересовал.

— Не могу поверить.

— Придется. Я не лгу.

Инсигна погрузилась в раздумье, потом нерешительно проговорила:

— Что, если она уже заразилась?

— Лихоманкой? Сразу по возвращении я отправил ее на повторное сканирование. Окончательный результат еще не готов, но предварительные данные свидетельствуют, что изменений нет. При лихоманке, даже легкой, рассудок немедленно испытывает заметные и весьма конкретные изменения. Так что Марлена здорова. Однако мне только что пришла в голову интересная мысль. Мы знаем, насколько впечатлительна Марлена, как умеет она замечать всякие подробности. Чувства людей словно перетекают к ней. А обратного ты не замечала? Чтобы ощущения переходили от нее к людям?

— Я не понимаю, что ты хочешь сказать.

— Она видит, когда я чувствую неуверенность или беспокойство, как бы ни пытался я скрыть это. Знает, когда я спокоен и ничего не опасаюсь. А может быть, она сама вызывает во мне неуверенность и легкую тревогу — или же наоборот — приводит в безмятежное настроение? Ее собственные чувства другим не передаются?

Инсигна не отводила от него глаз.

— Это просто безумная мысль, — недоверчиво ответила она.

— Возможно. Но ты не замечала такого у Марлены? Подумай.

— И думать нечего — никогда я не замечала ничего подобного.

— Значит — нет, — пробормотал Генарр. — Скорее всего, так. Впрочем... Она очень хочет, чтобы ты поменьше о ней беспокоилась, но не может этого сделать. Кстати, тебе не кажется, что на Эритро восприимчивость Марлены усилилась? А?

— Да, пожалуй.

— И не только. Здесь твоя дочь научилась предвидеть. Она знает, что обладает иммунитетом к лихоманке. Она уверена, что на Эритро ничто не причинит ей вреда. Она смотрела на океан и знала, что самолет не упадет и не утонет. А на Роторе ты ничего не замечала? Разве не была она там неуверенной и робкой, как обычный подросток?

— Да. Конечно.

— А здесь она стала другой. Полностью уверенной в себе. Почему?

— Я не знаю.

— Не влияет ли на нее Эритро? Нет-нет, я имею в виду не лихоманку. Нет ли здесь какого-либо иного эффекта? Совершенно иного? Я скажу тебе, почему спрашиваю об этом. Я сам ощутил его.

— Ощутил... что?

— Какое-то доброе чувство к Эритро. Собственно, эта пустыня никогда меня не пугала. Не хочу сказать, что прежде планета меня отталкивала, что на Эритро мне было неуютно, но любить я ее никогда не любил. А во время нашего путешествия вдруг почувствовал симпатию к планете, чего ни разу не чувствовал за все десять лет пребывания здесь. И я подумал: а что, если восхищение Марлены так заразительно, что, если она каким-то образом передает мне свое состояние? Или в ее присутствии я так же, как она, ощущаю воздействие Эритро?

— Знаешь что, Сивер, — язвительно сказала Инсигна, — по-моему, тебе тоже следует пройти сканирование.

Тот удивленно поднял брови.

— А ты думаешь, что я не прохожу его? Мы здесь проверяемся периодически. Изменений нет, кроме тех, что вызваны старением.

— А ты проверялся после вашего воздушного путешествия?

— Еще бы. Сразу же. Я не дурак. Окончательные результаты еще не готовы, но, на первый взгляд, изменений нет.

— И что ты собираешься делать дальше?

— Следующий логический шаг: мы с Марленой выйдем из Купола на поверхность Эритро.

— Нет.

— Со всеми предосторожностями. Я там бывал.

— Иди, если хочешь, — упрямо сказала Инсигна, — но без Марлены. Я ее не пущу.

Генарр вздохнул. Он повернулся вместе с креслом к окну и стал вглядываться в красную даль; затем снова посмотрел на Инсигну.

— Там, за стеной, огромный девственный мир, — заговорил он, — ничей мир — у него нет хозяев, кроме нас. Мы можем заселить его и освоить, помня уроки, полученные от собственного неумелого хозяйничанья на родной планете. Мы сделаем его добрым, чистым, достойным. А к здешнему красному свету привыкнем. Мы заполним его земными растениями и животными. Пусть процветают здесь суша и море, пусть начнется новый виток эволюции.

— А лихоманка? Как же она?

— Справимся с ней, и Эритро станет родной для нас.

— Что же, если не принимать во внимание тяготение, жару и некоторые химические составляющие в атмосфере, то и Мегас можно сделать своим домом...

— Эугения, согласись, что с болезнью справиться проще, чем с жарой, гравитацией и химическим составом атмосферы.

— Но ведь лихоманка по-своему смертельна.

— Эугения, я уже говорил тебе, что мы дорожим Марленой, как никем.

— И я ею дорожу.

— Потому что она тебе дочь. А нам она дорога потому, что может сделать то, на что способна только она.

— И что же она будет для вас делать? Читать ваши телодвижения? Фокусы показывать?

— Она убеждена, что обладает иммунитетом к лихоманке. Если это так, то она может научить нас...

— А если не так? Это же просто детская фантазия, ты сам знаешь. Почему ты пытаешься ухватиться за соломинку?

— Вот он вокруг, этот мир, и он мне нужен.

— Ну знаешь, ты прямо как Питт. И ради этого мира ты готов рисковать моей дочерью?

— В истории человечества, случалось, шли на куда больший риск ради менее важной цели.

— Тем хуже для истории. В любом случае решать мне: она моя дочь!

Глубоко опечаленный Генарр негромко сказал:

— Эугения, я люблю тебя и один раз уже потерял тебя. И вдруг вновь этот сон, мечта — еще одна возможность добиться тебя. Но я боюсь, что опять потеряю тебя — уже навсегда. Видишь ли, я обязан сказать: решать не тебе. И не мне. Все решит сама Марлена. А что она решит, то и сделает. И потому, что, быть может, она способна подарить человечеству целый мир, я намереваюсь помогать ей во всем — как бы ты ни возражала. Прошу тебя, примирись с этим, Эугения.

Глава 24

ДЕТЕКТОР

52

Крайл Фишер пораженно разглядывал «Сверхсветовой», который видел впервые. Рядом стояла Тесса Уэндел и улыбалась. Ее лицо выражало законную родительскую гордость.

Корабль был спрятан в огромной пещере за тройным ограждением. Кое-где работали люди, но в основном здесь трудились механизмы — компьютеризованные негуманоидные роботы.

В свое время Фишеру довелось повидать множество космических кораблей — самые разнообразные модели широкого назначения, — но столь нелепого сооружения ему видеть не приходилось.

О том, что это космический корабль, не зная заранее, догадаться было невозможно. Что же сказать? С одной сторо-

ны, не стоит сердить попусту Тессу: стоя рядом, она ждала его заключения — естественно, похвалы, — но с другой...

И он негромко произнес:

— А в нем есть какое-то странное изящество... что-то от осы.

При словах «странное изящество» Тесса улыбнулась, и Фишер понял, что угадал слово. Но она вдруг спросила:

— Крайл, а что такое «оса»?

— Это насекомое, — пояснил Крайл. — Ах да, ведь у вас на Аделии нет насекомых...

— Есть, — возразила Уэндел, — только не в таком изобилии...

— Значит, у вас нет ос. Это такие кусачие насекомые, похожие на него... — Он показал на «Сверхсветовой». — У них тоже большая передняя часть, такая же задняя, и между ними тонкая перемычка.

— В самом деле? — Уэндел с новым интересом поглядела на «Сверхсветовой». — Найди-ка мне изображение осы. Насекомое может навести меня на какие-то идеи в отношении корабля — или корабль поможет разобраться в природе ос.

— Откуда же ты взяла эту форму, — спросил Фишер, — если никогда не видела осы?

— Пришлось подобрать геометрию, наилучшим образом обеспечивающую движение корабля как единого целого. Цилиндрическое гиперполе от корабля устремляется в бесконечность, и этого нельзя избежать. Но, с другой стороны, мы не можем исходить исключительно из этого факта. А потому эти выпуклые части изолируют его. Поле находится в корпусе, его создает и удерживает сильное переменное электромагнитное поле... Тебе не интересно?

— Не очень, — грустно улыбнулся Фишер. — Я уже достаточно обо всем наслышан. Но раз мне позволили наконец увидеть корабль...

— Не обижайся, — попросила Уэндел, обнимая его за плечи. — Приходилось ограничиваться теми, кто не мог не знать. Иногда, по-моему, я сама им мешала. А они небось судачили о подозрительной поселенке, которая любит повсюду совать длинный нос... Да если бы не я изобрела корабль, они бы выставили меня отсюда. Теперь требования

секретности ослабли, и мне удалось тебя сюда привести. В конце концов, тебе придется лететь, и я хотела, чтобы ты мог восхититься кораблем... — Она запнулась и нерешительно добавила: — И мной.

Фишер искоса посмотрел на нее.

— Знаешь, Тесса, чтобы восхищаться тобой, мне не нужно было приходить. — И он положил ей руку на плечо.

— Крайл, я старею, — пожаловалась Тесса, — и ничего тут не поделаешь. Как ни странно, ты устраиваешь меня. Мы пробыли вместе семь лет, пошел уже восьмой, а мне и в голову не приходит, как прежде, интересоваться другими мужчинами.

— Это не повод для печали, — сказал Фишер. — Должно быть, ты просто слишком занята и устала. Но теперь корабль готов, и ты можешь снова взяться за охоту.

— Увы, нет желания. Нет, и все тут. Ну а как твои дела? Я все-таки иногда пренебрегаю тобой.

— Все в порядке. Я знаю: ты забываешь обо мне ради корабля, но это меня не беспокоит. Мне так же, как тебе, хочется полететь на нем, и я опасаюсь лишь, что, когда ты достроишь его, мы с тобой окажемся слишком стары, чтобы нам разрешили лететь. — Он вновь улыбнулся, на сей раз веселее. — Ты говоришь, что стареешь. Тесса, не забывай, и я уже не юноша. Еще два года, и мне тоже стукнет пятьдесят. Кстати, у меня к тебе вопрос; боюсь, он тебя разочарует, однако я вынужден задать его.

— Давай.

— Ты привела меня в эту святая святых, чтобы я мог взглянуть на корабль. Не думаю, что Коропатский согласился бы на это, если бы работы не были близки к завершению. Как верный последователь Танаямы, он тоже помешан на секретности.

— Основные работы полностью закончены.

— И корабль уже летал?

— Нет еще. Надо кое-что доделать, но это уже мелочи.

— Значит, теперь испытательные полеты?

— С экипажем на борту. Иначе мы не сможем убедиться в работоспособности систем жизнеобеспечения. Животные для этого не годятся.

— И кто же полетит первым?

— Добровольцы из числа наших сотрудников.

— А ты?

— Я доброволец, Крайл, — я должна лететь. Кому еще я могу доверить принятие решений в критических ситуациях?

— Значит, и я полечу? — спросил Крайл.

— Нет.

Лицо Фишера потемнело от гнева.

— Мы же договорились.

— Но не об испытательных полетах.

— А когда они закончатся?

— Трудно сказать. Все будет зависеть от результатов испытаний. Если все сложится гладко, то хватит двух или трех полетов, на них уйдут какие-то месяцы.

— И когда же состоится первое испытание?

— Этого, Крайл, я не знаю. Работы над кораблем еще не окончены.

— Но ты же только что говорила другое.

— Я говорила о гиперполе. Но сейчас мы устанавливаем нейродетекторы.

— Это еще что такое? Ты об этом ничего не говорила.

Уэндел не ответила. Спокойно и внимательно оглядевшись, она проговорила:

— Знаешь, Крайл, похоже, мы привлекаем внимание. Я думаю, твое присутствие здесь настораживает людей. Пойдем-ка домой.

Фишер не пошевелился.

— Выходит, ты не желаешь говорить со мной, хотя знаешь, как это для меня важно.

— Мы обо всем еще переговорим. Дома.

53

Крайл Фишер был взбешен и не мог успокоиться. Он не захотел сесть и теперь стоял перед Тессой Уэндел, съежившейся на белой кушетке. Она взглянула на него и нахмурилась.

— Ну что ты сердишься, Крайл?

Губы Фишера дрожали. Он плотно сжал их и постарался успокоиться.

Наконец он сказал:

— Если звездолет хоть раз уйдет без меня, создастся прецедент. Потом меня уже не примут в экипаж. Неужели не ясно: я должен быть на корабле с самого начала и до тех пор, пока мы не доберемся до Звезды-Соседки и не найдем Ротор. Я не хочу, чтобы меня оставили на Земле.

— Почему ты так решил? — удивилась Уэндел. — Когда придет время, о тебе не забудут. А пока корабль еще не совсем готов.

— Но ты же сказала, что он готов! — воскликнул Фишер. — И что это еще за нейронные детекторы? Новый прием, чтобы заморочить мне голову? А корабль тем временем уйдет без меня? Придумываешь бог знает что — даже возразить нечего!

— Крайл, ты сошел с ума. Да, нейронный детектор — моя идея. — Уэндел не мигая воззрилась на него, дожидаясь реакции.

— Твоя идея? — взорвался он. — Но...

Она успокаивающим жестом протянула руку.

— Над этой штукой мы работаем с тех пор, как начали строить корабль. Я плохо в этом разбираюсь, и мне пришлось безжалостно гонять нейрофизиков, чтобы успеть вовремя. А знаешь почему? Только потому, что я хочу видеть тебя рядом с собой на корабле, когда он полетит к Звезде-Соседке. Ты понял?

Крайл покачал головой.

— А ты подумай. Давно бы уже догадался, если бы не бесился попусту. Все очень просто. Этот прибор называется «нейронный детектор» и обнаруживает нервную деятельность на расстоянии. Высшую нервную деятельность. Короче говоря, присутствие разума.

Фишер уставился на Уэндел.

— Ты имеешь в виду штуковины, которые врачи применяют в больницах?

— Конечно. В медицине и психологии подобные приборы используются для ранней диагностики душевных расстройств. Но они действуют на расстоянии не более метра.

А у нас астрономические расстояния. Так что принципиально новым этот прибор не назовешь, просто мы колоссально увеличили его дальность действия. Крайл, если твоя Марлена жива, она наверняка на Роторе, который, скорее всего, кружит вокруг Звезды-Соседки. Я уже говорила тебе, что найти поселение в космосе не так-то просто. Мы можем случайно разминуться с Ротором, как с кораблем в океане или с астероидом в космосе. Как долго придется искать — месяц или год, — чтобы убедиться в том, что Ротора там действительно нет?

— Значит, нейронный детектор...

— Нужен, чтобы обнаружить Ротор.

— А не возникнут ли при этом такие же сложно...

— Нет. Во Вселенной полным-полно излучений, радиоволн и тому подобного. Нам надо отыскать один источник среди тысячи, миллиона других. На это потребуется немало времени. Однако электромагнитное излучение, возникающее в мозгу во время функционирования нейронов, — вещь особенная. Нам придется иметь дело лишь с одним источником — если Ротор не успел соорудить дочернее поселение. Вот и все. Я хочу отыскать твою дочь не меньше, чем ты сам. А зачем мне эти хлопоты, если я не возьму тебя с собой? Ты обязательно полетишь.

Фишер казался побежденным.

— И ты заставила разработчиков заниматься этим?

— Да, Крайл, кое-какая власть у меня есть. Но не такая большая, как хотелось бы. Знаешь, мне кое о чем не хотелось говорить с тобой у корабля.

— Да? И о чем же?

— Крайл, я думаю о тебе гораздо больше, — ласково ответила Уэндел. — Ты просто не представляешь, как я опасаюсь, что твои надежды окажутся обманутыми. А если у Звезды-Соседки мы ничего не найдем? Вообще ничего живого, тем более разумных существ. Просто вернемся домой и доложим, что не обнаружили следов Ротора? Нет, Крайл, не падай духом. Я не хочу сказать, что, если возле Звезды-Соседки не обнаружится признаков разумной жизни, значит, Ротор погиб со всем населением.

— А что же?

— Что, если звезда надоела им и они решили отправиться дальше? Они могли побыть возле нее какое-то время, добыть из астероидов необходимые материалы, пополнить запасы топлива для микроатомных двигателей. А потом уйти.

— И как узнать, куда они делись?

— Они улетели с Земли много лет назад. С помощью гиперпривода они не могут передвигаться быстрее скорости света. Значит, до другой звезды не больше четырнадцати световых лет. Таких звезд совсем немного. И со сверхсветовой скоростью нетрудно облететь все. А нейродетекторы помогут нам быстро отыскать Ротор.

— А если они еще в пути — тогда как их обнаружить?

— В этом случае мы бессильны. Но наши шансы все равно высоки: ведь мы не будем болтаться возле одной звезды и пялиться в телескоп. За шесть месяцев с помощью нейродетектора мы обследуем дюжину звезд. Даже если мы их не найдем — а такой вариант не исключен, — мы вернемся со сведениями о дюжине звезд, о солнцеподобном светиле, о тесной двойной системе и так далее. Больше одного путешествия к звездам нам с тобой совершить не удастся — так почему бы не потешить себя, не хлопнуть хорошенько дверью, открывающей нам путь в историю?

Крайл задумался.

— Наверное, ты права, Тесса. Плохо, конечно, если, обшарив дюжину звезд, мы никого не найдем. Но хуже, если мы проторчим у одной звезды и вернемся, зная, что Ротор мог быть рядом, а нам не хватило времени его отыскать.

— Совершенно верно.

— Попытаюсь не забывать об этом, — грустно проговорил Крайл.

— Да, вот еще что, — сказала Уэндел. — Нейронный детектор способен обнаружить и признаки существования интеллекта внеземного происхождения. Такую возможность нельзя не учитывать.

— Вряд ли такое случится, — засомневался Фишер.

— Маловероятно, но если нам повезет, то этот шанс нельзя будет упустить. Тем более если разумная жизнь обнаружится меньше чем в четырнадцати световых годах от Земли. Во Вселенной не может быть ничего интереснее встречи

с внеземным разумом — и ничего опаснее. Но так или иначе, нам придется заняться исследованиями.

— А как велики шансы обнаружить его? — спросил Фишер. — Ведь нейродетекторы разработаны на основе человеческого разума. Я думаю, что, если нам попадется нечто странное, мы не только разума, но и самой жизни не распознаем.

— Да, признаков жизни можно и не заметить, — ответила Уэндел, — но разум мы едва ли пропустим. В конце концов, мы ищем именно интеллект, а не просто жизнь. А любой, даже самый странный разум обязательно связан с какой-то сложной структурой, по крайней мере, не менее простой, чем человеческий мозг. Более того, его элементы должны взаимодействовать с помощью электромагнитных волн. Гравитация слишком слаба, сильное и слабое ядерное взаимодействие осуществляется на чересчур маленьком расстоянии. А открытое нами гиперполе в природе не существует; мы создали его для сверхсветового полета, оно существует лишь там, где его создает разум. Нейронный детектор позволит нам обнаружить исключительно сложное электромагнитное поле, создаваемое любым разумом, какие бы химические воздействия ни обеспечивали его существование. Нам придется быть готовыми как общаться, так и удирать. Что же касается низших форм жизни, то едва ли они могут оказаться опасными для технологической цивилизации. Однако всякий образец чужой жизни, даже вирус, безусловно, будет интересен.

— А почему это нужно держать в секрете?

— Видишь ли, я подозреваю — пожалуй, даже уверена, — что Всемирный конгресс будет настаивать на нашем скорейшем возвращении, чтобы — если полет пройдет благополучно — немедленно приступить к постройке более совершенных кораблей. А мне хочется повидать Вселенную. А они подождут — ничего с ними не случится. Не то чтобы я уже решила, просто пока считаю вопрос открытым. Но если они догадаются, что я задумала, то, скорее всего, тут же заменят экипаж на более послушный.

Фишер вяло улыбнулся.

— А что? Представь себе, Крайл, что мы не обнаружим

ни Ротор, ни роториан. Возвращаться на Землю с пустыми руками? Вселенная рядом, только протяни руку, а мы...

— Нет. Я только подумал, сколько времени еще уйдет на установку детекторов и прочее воплощение твоей мечты. Еще два года — и мне пятьдесят. А в этом возрасте агентов Конторы обычно освобождают от внешней работы. Они получают места на Земле и уже не допускаются до полетов.

— Ну и что?

— Через два года я уже не смогу летать. Мне скажут, что я не подхожу по возрасту — и тогда Вселенной мне не видать как своих ушей.

— Ерунда! Ведь меня отпускают, а мне уже за пятьдесят.

— Ты другое дело. Это твой корабль.

— Ты — тоже другое дело, раз я настаиваю на твоем участии. К тому же не так-то просто подобрать для «Сверхсветового» квалифицированный экипаж. Придется искать желающих. Кстати, весь экипаж должен состоять из волонтеров — разве можно доверить дело тем, кто вынужден лететь против своего желания?

— А почему нет желающих?

— Крайл, дорогой мой, да они же все родом с Земли. В обычного землянина пространство вселяет ужас. А уж гиперпространство тем более. Так что надеяться не на кого. Полетим мы с тобой, потребуется еще трое желающих, и, уверяю тебя, найти их будет не просто. Я уже прощупала кое-кого — пока у меня две надежные кандидатуры: Сяо Ли Ву и Генри Ярлоу. Они почти согласны, а третьего пока нет. Но даже если наберется целая дюжина желающих, тебя здесь не оставят. Я потребую, чтобы тебя взяли в качестве посла к роторианам, — если до этого дойдет. Ну а кроме этих гарантий, даю слово, что полет состоится до твоего пятидесятилетия.

Тут Фишер улыбнулся с искренним облегчением и проговорил:

— Тесса, я люблю тебя. Ты знаешь, что это действительно так.

— Сомневаюсь, — ответила Уэндел, — особенно когда слышу недоверие в твоем голосе. Странно, Крайл. Мы уже восемь лет знакомы, восемь лет занимаемся любовью, а ты еще ни разу не говорил мне этих слов.

— Разве?

— А я ждала их, поверь мне. И знаешь, что странно? Я тоже еще не говорила тебе о своей любви, но я люблю тебя. А сначала было иначе. Что с нами произошло?

— Значит, влюбились понемножку, так что и сами не заметили, — негромко ответил Фишер. — Выходит, и такое возможно, а?

И они застенчиво улыбнулись друг другу, словно не знали, что теперь делать.

Глава 25

ПОВЕРХНОСТЬ

54

Эугения Инсигна была озадачена. Даже более того.

— Говорю тебе, Сивер, после вашего полета я и ночи не спала спокойно. — Эти слова в устах женщины менее волевой прозвучали бы как жалоба. — Разве ей не довольно этого полета: до океана и обратно, по воздуху, прилетели после заката — разве ей этого мало? Почему ты не остановишь ее?

— Почему я не остановлю ее? — медленно и отчетливо повторил Сивер Генарр. — Почему я не остановлю ее? Эугения, мы теперь не в силах остановить Марлену.

— Просто смешно, Сивер! Неужели ты трусишь? Прячешься за спину девочки, воображаешь, что она все может.

— А разве не так? Ты ее мать. Прикажи Марлене оставаться в Куполе.

Инсигна поджала губы.

— Знаешь ли, ей пятнадцать, и я не хочу давить на нее родительским авторитетом.

— Наоборот. Только это ты и делаешь. Но всякий раз она смотрит вот так на тебя своими чистыми невероятными глазами и говорит что-нибудь вроде: «Мама, ты чувствуешь себя виноватой в том, что у меня нет отца, а потому решила, что Вселенная хочет покарать тебя за это и отнять меня. Все это — глупое суеверие».

Инсигна нахмурилась.

— Сивер, мне еще не приходилось слышать подобной ерунды. Я ничего такого не чувствую и не почувствую.

— Конечно же, нет. Я просто предполагаю. А вот Марлена ничего не предполагает. Она всегда знает, что тебя беспокоит, — по движению большого пальца, или правой лопатки, или чего угодно, — и откровенно все тебе выложит. Да так, что ты не будешь знать, куда деваться от стыда, и в порядке самообороны согласишься на все, лишь бы она не разбирала тебя по кусочкам.

— Только не рассказывай мне, что она уже проделывала подобное с тобой.

— Только потому, что я ей нравлюсь и стараюсь держаться дипломатично. Я просто боюсь рассердить ее, ведь страшно подумать, на что она способна в гневе. Ты хоть понимаешь, что я удерживал ее? Уж оцени хотя бы это. Она собиралась выйти на Эритро на следующий день после полета, а я продержал ее здесь целый месяц.

— И как же тебе это удалось?

— Чистой софистикой. Сейчас декабрь. Я сказал ей, что через три недели Новый год — по земному стандартному времени — и открыть новую эру в истории Эритро лучше всего с начала года. А знаешь, ведь она так и воспринимает свой приезд на планету — как начало нового века. Что делает все только хуже.

— Почему?

— Потому что для нее это не личный каприз, а дело жизненно важное, и не только для Ротора — для всего человечества. Что еще можно сравнить с тем ощущением, когда и сам получаешь удовольствие, и можешь назвать этот процесс жизненно важным вкладом в процветание рода людского. Тут все себе простишь. Я сам так поступал, и ты тоже, да и любой человек. Насколько мне известно, даже Питт обнаруживает естественную склонность к этому занятию. Наверняка уже успел убедить себя в том, что и дышит лишь ради того, чтобы растениям Ротора хватало углекислоты.

— Значит, сыграв на честолюбии, ты уговорил ее подождать?

— Да, и у нас останется неделя на поиски средства, что-

бы остановить ее. Должен признаться, что я не смог одурачить ее. Подождать она согласилась, но сказала: «Вам, дядя Сивер, кажется, что, задерживая меня, вы можете добиться капельки симпатии у моей мамы, так ведь? Весь ваш облик говорит, что наступление Нового года на самом деле не имеет никакого значения».

— Сивер, какая невероятная бестактность!

— Просто невероятная точность, Эугения. Наверное, это одно и то же.

Инсигна отвернулась.

— Моей симпатии? Ну что мне сказать...

— Зачем говорить? — немедленно перебил ее Генарр. — Я объяснил, что в молодости любил тебя и, постарев — или старея, — нахожу, что чувства мои не переменились. Но это мои сложности. Ты всегда была честна со мной и никогда не давала оснований для надежды. И если по собственной глупости я предпочитаю не считать «нет» окончательным ответом, это опять-таки тебя не должно волновать.

— Меня волнует, когда ты расстраиваешься...

— Ну вот, уже хорошо. — Генарр вымученно улыбнулся. — Гораздо лучше, чем вовсе ничего.

Инсигна с видимым облегчением возвратилась к прежней теме:

— Но, Сивер, если Марлена все поняла, почему же она согласилась подождать?

— Возможно, тебе это не понравится, но лучше все-таки знать правду. Марлена сказала мне: «Дядя Сивер, я подожду до Нового года, потому что и маме будет приятно, и вам я хочу помочь».

— Так и сказала?

— Пожалуйста, не сердись на нее. Наверное, мой ум и обаяние сделали свое дело, и она старается ради тебя.

— Прямо сваха, — проговорила Инсигна, не то недовольная, не то удивленная.

— А вот мне подумалось, что, если ты сумеешь заставить себя обнаружить ко мне какой-нибудь интерес, нам, возможно, удастся подтолкнуть ее к поступкам, которые способны, на ее взгляд, этот интерес укрепить... Правда, твоя

заинтересованность должна выглядеть достаточно правдоподобной, иначе она все поймет. Ну а если интерес будет реальным, ей не придется идти на жертвы ради его укрепления. Ты поняла меня?

— Понимаю, — ответила Инсигна, — мало мне проницательности Марлены — так тут еще ты со своими приемами истинного макиавеллиста.

— Прямо в сердце, Эугения.

— Ну а почему не сделать попросту? Почему не отправить ее наконец обратно на Ротор?

— Связав по рукам и ногам? От безрассудства можно пойти и на это. Однако мне удалось понять, о чем она мечтает. И следом за Марленой я начинаю подумывать об освоении Эритро... Подумай, целый огромный мир...

— Дышать этими бактериями, пить их и есть? — Инсигна скривилась.

— Ну и что? Мы и так каждый день поглощаем их в неимоверном количестве. Нельзя же совершенно очистить от них Купол. Кстати, и на Роторе тоже есть бактерии. Их тоже пьют, едят и вдыхают.

— Но там знакомые бактерии, а здесь они инопланетного происхождения.

— Тем проще. Раз мы к ним не приспособлены, значит, и они к нам тоже. А посему они не могут сделаться паразитами, можешь считать их частью здешней пыли.

— А лихоманка?

— Безусловно, она и создает все сложности, когда речь заходит о таком простом деле, как выход Марлены из Купола. Но мы примем все меры предосторожности.

— Какие же?

— Во-первых, на Марлене будет защитный комбинезон, во-вторых, я сам пойду с ней. Буду при ней за канарейку.

— Как это — за канарейку?

— Так делали на Земле несколько столетий назад. Шахтеры брали с собой под землю канареек — знаешь, такие желтенькие птички. Если в воздухе появлялся газ, канарейка умирала первой, а люди, заметив опасность, успевали оста-

вить шахту. Иными словами, если я странно себя поведу, мы оба немедленно окажемся здесь.

— А что, если сперва это произойдет с ней?

— Сомневаюсь. Марлена считает себя иммунной. Она повторяла это уже столько раз, что я начал ей верить.

55

Никогда прежде не случалось Эугении Инсигне с таким страхом следить за календарем, ожидая наступления Нового года. Ведь календарь был пережитком прошлого, к тому же дважды измененным.

На Земле он отмечал времена года и даты, связанные с ними, — осеннего и весеннего равноденствия, зимнего и летнего солнцестояния — впрочем, повсюду они назывались по-разному.

Инсигна не забыла, как Крайл объяснял ей все хитросплетения календаря, мрачно и торжественно, как бывало всегда, когда речь заходила о чем-то, напоминавшем ему Землю. Она усердно, но с опаской вслушивалась: усердно — потому, что всегда стремилась разделить его интересы, ведь это могло еще больше сблизить их; с опаской — потому, что память о Земле могла разлучить их, что в конце концов и произошло.

Странно, но Инсигну до сих пор мучили угрызения совести — правда, уже не так сильно. Ей казалось, что она уже плохо представляет себе Крайла, что помнит лишь воспоминания. Неужели только память о памяти разделяет теперь ее и Сивера Генарра?

Именно такая память о памяти заставляла Ротор по-прежнему придерживаться календаря. Времен года на Роторе не было, годы исчислялись по-земному, как и во всех поселениях в системе Земли и Луны, вращавшихся вокруг Солнца. Исключение составляли немногочисленные поселения около Марса и в поясе астероидов. Само понятие времени года становится бессмысленным, когда этого времени нет. И тем не менее люди считали годы, а также месяцы и недели.

Дни на Роторе были частью искусственных двадцатичетырехчасовых суток. Половину суток поселение обеспечивали солнечным светом, другая половина считалась ночью. Можно было использовать любой временной интервал, но сутки постановили считать равными земным и делили на двадцать четыре часа по шестьдесят минут в каждом, которые, в свою очередь, по-прежнему состояли из шестидесяти секунд. Итак, день и ночь примерно составляли по двенадцать часов.

Обжившись в космосе, начали предлагать просто нумеровать дни, исчислять их десятками, сотнями и так далее: декадни, гектодни, килодни — а если в обратном направлении — децидни, сантидни, миллидни. Однако предложения были признаны абсолютно негодными.

Ни одно поселение не могло установить собственной системы исчисления времени, иначе торговля и сообщение погибли бы в наступившем хаосе. Единую основу по-прежнему могла предложить лишь Земля, на которой все еще обитало девяносто девять процентов всего человечества и к которой неразрывные узы традиций все еще приковывали оставшийся процент. Память заставляла Ротор, как и все поселения, придерживаться календаря, в общем-то бессмысленного для них.

Но теперь Ротор оставил Солнечную систему и превратился в обособленный мир. Дни, месяцы и годы в земном смысле слова перестали для него существовать. Но хотя солнечный свет уже не отделял день от ночи, дневное искусственное освещение по-прежнему сменялось тьмой — и наоборот — каждые двенадцать часов. Резкий переход не смягчали искусственными сумерками. Не было необходимости. Каждый поселенец был волен включать свет в своем доме по прихоти и по необходимости. Но дни отсчитывались по времени поселения, то есть земному.

Даже здесь, под Куполом на Эритро, где естественный день сменялся естественной ночью — хоть их продолжительность не вполне соответствовала таковой в поселении, — счет времени вели по-земному (снова память о памяти).

Правда, некоторые уже ратовали за отход от патриархальных тенденций. Инсигна знала, что Питт был сторонником перехода к десятичной системе, однако опасался объяв-

лять об этом открыто, чтобы не вызвать яростного сопротивления.

Однако ничто не вечно. Традиционная вереница месяцев и недель постепенно теряла значение, привычные некогда праздники забывались все чаще. Инсигна в своей работе пользовалась сутками лишь в качестве единиц измерения. Настанет время, и старый календарь умрет; появятся новые, лучшие способы измерения времени — галактический календарь, например.

Но сейчас она с трепетом ждала приближения этой совершенно ничего не значившей даты — Нового года. На Земле Новый год отмечали во время солнцестояния: в Северном полушарии — зимнего, в Южном — летнего. Такое положение дел было как-то связано с вращением Земли вокруг Солнца, но лишь астрономы Ротора помнили теперь, как именно.

Для Инсигны Новый год означал выход Марлены на поверхность Эритро. Дату назначил Сивер Генарр, стараясь потянуть время. Инсигна согласилась с ним лишь потому, что надеялась, что девочка передумает.

Инсигна вынырнула из глубин памяти и обнаружила прямо перед собой Марлену, серьезно смотревшую на мать. Когда она вошла в комнату? Неужели Инсигна так задумалась, что не услышала ее шагов?

— Привет, Марлена, — тихо, почти шепотом сказала Инсигна.

— Мама, ты грустишь.

— Марлена, чтобы это заметить, не нужно обладать сверхъестественной проницательностью. Ты еще не передумала выходить на поверхность Эритро?

— Нет.

— Ну почему, Марлена, ну почему? Ты можешь объяснить мне это так, чтобы я наконец поняла?

— Не могу, потому что ты не хочешь понять. Она зовет меня.

— Кто зовет?

— Эритро. Она ждет меня. — Обычно серьезное лицо Марлены озарила легкая улыбка.

Инсигна фыркнула.

— Когда я слышу от тебя такие слова, мне кажется, что ты уже схватила эту самую...

— Лихоманку? Нет, мама. Дядя Сивер только что сделал мне очередное сканирование. Я хотела отказаться, но он сказал, что это нужно для сравнения. Я совершенно нормальна.

— Сканирование тут не поможет, — нахмурилась Инсигна.

— Материнские опасения тоже, — ответила Марлена и, смягчившись, добавила: — Мама, я знаю, что ты тянешь время, но я не хочу ждать. Дядя Сивер мне обещал. Хоть в дождь, хоть в бурю — я выйду. Впрочем, в это время года здесь не бывает сильных ветров и температурных перепадов. Здесь вообще редко бывает плохая погода. Это просто чудесный мир.

— Но он же мертв, безжизнен. Какие-то бациллы не в счет, — недобро заметила Инсигна.

— Дай время, и мы заживем здесь привычной жизнью, — Марлена мечтательно посмотрела вдаль. — Я уверена.

56

— Э-комбинезон — вещь простая, — пояснил Сивер Генарр. — В нем не почувствуешь перепада давления. Это не водолазный или космический скафандр. У него есть шлем, запас сжатого воздуха с регенератором и небольшой теплообменник, чтобы поддерживать необходимую температуру. Конечно же, он герметичен.

— А он подойдет мне? — поинтересовалась Марлена, без особого энтузиазма глядя на толстую псевдоткань.

— Не слишком модный, — продолжал Генарр, поблескивая глазами, — но делали его для удобства, а не для красоты.

— Дядя Сивер, — строго сказала Марлена, — мне все равно, как я буду в нем выглядеть. Но мне бы не хотелось, чтобы он оказался мне велик. Мне будет неудобно в нем ходить.

Тут в разговор вмешалась Эугения Инсигна. Побледнев

и сжав губы, она стояла в стороне и наблюдала за ходом событий.

— Марлена, костюм нужен для безопасности. Тут уж не до жиру — быть бы живу.

— Но он не должен быть неудобным, мама. Пусть его подгонят по мне.

— Этот должен быть впору, — проговорил Генарр. — Лучшего мы не сумели найти. Все-таки у нас в основном большие размеры. — Он повернулся к Инсигне. — Последние годы мы редко пользуемся ими. Когда лихоманка поутихла, мы провели кое-какие исследования и теперь знаем окрестности достаточно хорошо. А в тех редких случаях, когда нужно выйти наружу, используем крытые э-кары.

— Надо было и нам так сделать.

— Нет, — недовольно возразила Марлена, — я уже летала, а теперь хочу прогуляться пешком.

— Ты просто с ума сошла! — воскликнула Инсигна.

Марлена вспылила:

— Если ты не перестанешь...

— Где же твоя проницательность? Ведь я не про лихоманку, а про то, что ты и в самом деле сошла с ума — самым обычным образом. Ах, Марлена, ты меня с ума сведешь. — Инсигна повернулась к Генарру: — Сивер, если ваши э-комбинезоны старые, можно быть уверенным, что они не прохудились?

— Эугения, мы все проверили. Уверяю тебя, они в полном порядке. И не забывай, что я тоже пойду — в таком же комбинезоне, как и Марлена.

Инсигна лихорадочно искала повод, чтобы задержать их.

— Ну хорошо, а если вдруг понадобится... — И она многозначительно махнула рукой.

— По нужде? Ты про это? Можно, только не слишком удобно. Но об этом не должно быть и речи. Мы должны выдержать несколько часов. К тому же далеко мы не пойдем — чтобы при необходимости можно было немедленно вернуться. Ну, нам пора. Погода хорошая — следует воспользоваться случаем. Эй, Марлена, дай-ка я помогу тебе застегнуть.

— Похоже, у тебя прекрасное настроение, — раздраженно бросила Инсигна.

— А почему бы и нет? Сказать по правде, я с удовольствием пройдусь. Под Куполом иногда кажется, что сидишь в тюрьме. Быть может, если бы мы время от времени предпринимали такие вылазки, люди выдерживали бы здесь гораздо дольше. Ага, Марлена, осталось только надеть шлем.

Марлена заколебалась.

— Минутку, дядя Сивер. — Она направилась к матери, протянув руку, такую толстую в комбинезоне.

Инсигна с отчаянием смотрела на дочь.

— Мама, — сказала Марлена, — еще раз прошу, успокойся, пожалуйста. Я люблю тебя и не стала бы затевать этого ради собственного удовольствия. Я делаю так потому, что уверена — все будет в порядке. Держу пари, тебе хочется влезть в э-комбинезон и самой приглядывать за мной. Только не нужно этого делать.

— Почему, Марлена? Если с тобой что-нибудь случится, а я не смогу помочь — ведь я никогда себе этого не прощу.

— Со мной ничего не случится, но даже если бы и случилось — что ты сможешь сделать? К тому же ты так страшишься Эритро, что, боюсь, лихоманка прицепится скорее к тебе. Что тогда будем делать?

— Эугения, она права, — вмешался Генарр. — Я буду рядом с ней. А тебе лучше остаться и постараться успокоиться. Все э-комбинезоны радиофицированы. Мы с Марленой сможем переговариваться между собой и с Куполом. Обещаю тебе: если она поведет себя не так, как надо, — я сразу же приведу ее назад.

Качая головой, Инсигна обреченно следила, как шлем закрыл сначала голову Марлены, а потом и Генарра. Они подошли к главному воздушному шлюзу Купола, и Инсигна проводила их взглядом. Процедуру эту она знала наизусть — как и положено поселенке.

Хитроумно организованное управление перепадом давления обеспечивало воздухообмен только в одном направлении — из Купола в атмосферу Эритро. За ходом процесса следил компьютер: возможность проникновения воздуха в обратном направлении таким образом была исключена.

Когда открылась внутренняя дверь, Генарр шагнул в шлюз и поманил за собой Марлену. Она вошла, и дверь закрылась

за нею. В груди Инсигны что-то оборвалось. Она впилась взглядом в приборы — по их показаниям она знала, когда отвалилась наружная дверь, когда она медленно вернулась на место. Ожил голоэкран — и перед Инсигной появились две фигуры в костюмах, стоявшие на бесплодной почве Эритро.

Один из инженеров передал Инсигне маленький наушник, она вставила его в правое ухо. Под подбородком был такой же крохотный микрофон. В ухе ее раздался голос:

— Включаю радиоконтакт...

И тут же Инсигна услышала знакомый голос Марлены:

— Мама, ты меня слышишь?

— Да, дорогая, — ответила Эугения и сама не узнала своего голоса.

— Мы вышли, здесь просто великолепно! Прекраснее и быть не может.

— Да, дорогая, — упавшим голосом сказала Инсигна, не зная, увидит ли родную дочь в здравом уме и памяти.

57

Сивер Генарр с облегчением ступил на поверхность Эритро. За спиной его уходила вверх стена Купола, но Генарр даже не оглянулся, чтобы сразу насладиться ароматом этого мира.

Ароматом... Это слово не имело никакого смысла здесь, на поверхности Эритро. За надежной стенкой шлема Генарр дышал воздухом, очищенным и обработанным внутри Купола. И запаха планеты чувствовать не мог.

Его охватило ощущение странного счастья. Под ногами похрустывали камешки: поверхность Эритро была покрыта гравием. Между частицами гравия было то, что Генарр назвал про себя почвой. Конечно же, вода и воздух давно разрушили первородные скалы на поверхности планеты, да и вездесущие прокариоты во всем своем несчетном множестве миллиарды лет усердно трудились над ними.

Почва пружинила под ногами. Вчера весь день шел дождь — мелкий, моросящий, такой, каким он мог быть только здесь, на Эритро.

Почва до сих пор была влажной, и Генарр представлял себе частички почвы — крошечные песчинки, частички суглинка и глины, покрытые водяной пленкой. В этой пленке блаженствовали прокариоты, нежились в лучах Немезиды, строили сложные протеины из простых. Тем временем другие прокариоты, нечувствительные к свету своего солнца, поглощали энергию, заключенную в многочисленных останках маленьких клеток, триллионами и триллионами погибавших ежесекундно повсюду.

Марлена стояла рядом и смотрела.

— Не смотри на Немезиду, Марлена, — негромко сказал Генарр.

Голос Марлены раздался прямо в его ухе. В нем не чувствовалось ни страха, ни неуверенности. Наоборот, ее голос был полон тихой радости.

— Я смотрю на облака, дядя Сивер.

Генарр, щурясь, взглянул в темное небо и увидел зеленовато-желтые облака, которые закрывали Немезиду и рассеивали оранжевое сияние.

Вокруг царил покой: ни звука, ни шороха. Ничто не чирикало, не визжало, не ревело, не стрекотало, не ворчало и не скрипело. Не было листьев, чтобы шелестеть, насекомых — чтобы жужжать. Во время редкой здесь грозы можно было услышать раскаты грома, да ветер, случалось, вздыхал среди валунов. Но в спокойный и ясный день вокруг царило безмолвие.

Генарр заговорил, чтобы убедиться, что он не оглох, что кругом действительно так тихо. Впрочем, сомневаться вряд ли стоило — ведь он слышал в скафандре собственное дыхание.

— С тобой все в порядке, Марлена?

— Просто великолепно. Ой, а вон ручей! — И она косолапо побежала в своем неуклюжем э-комбинезоне.

— Осторожнее, Марлена, не поскользнись, — сказал Генарр.

— Я буду внимательной.

Ее голос отчетливо звучал в наушниках Сивера, а сама она была уже далеко.

Внезапно в ухе Генарра взорвался голос Эугении Инсигны:

— Сивер, почему Марлена бегает? — Она немедленно добавила: — Марлена, почему ты бежишь?

Ответа не последовало. Пришлось отозваться Сиверу:

— Эугения, она хочет взглянуть на какой-то ручеек.

— С ней все в порядке?

— Конечно. Здесь просто невероятно красиво. Когда привыкаешь, начинаешь даже забывать, что вокруг ни былинки... Как на абстрактной картине.

— Сивер, мне не до искусства. Не отпускай ее от себя.

— Не беспокойся. Мы с ней поддерживаем постоянную связь. Вот сейчас она слышит, что мы с тобой говорим, но не отвечает — не хочет, чтобы ей мешали. Эугения, расслабься. Марлена просто наслаждается. Не порти ей удовольствие.

Генарр действительно был убежден, что Марлене приятно. Почему-то он и сам был доволен.

Марлена бежала вдоль ручья, вверх по течению. Генарр неторопливо следовал за ней. Пусть себе радуется, думал он.

Купол стоял на небольшом возвышении, и повсюду вокруг него змеились неторопливые ручейки, километрах в тридцати отсюда сливавшиеся в довольно большую реку, которая, в свою очередь, впадала в море.

Ручьи были, конечно, здешней достопримечательностью. Они обеспечивали Купол водой. Прежде чем использовать, в ней уничтожали прокариотов. Когда Купол строили, некоторые биологи возражали против уничтожения прокариотов... Экая нелепость! Эти маленькие искорки жизни изобилуют повсюду, ничто не мешает им размножаться, чтобы скомпенсировать любые утраты, а значит, и обеззараживание воды не могло повредить здешней жизни как таковой. Но потом началась лихоманка, у поселенцев появилась враждебность к Эритро, и о судьбе прокариотов в Куполе беспокоиться перестали.

Конечно, теперь, когда лихоманка уже не казалась такой опасной, гуманные — или биогуманные — чувства могли пробудиться снова. В принципе, Генарр тоже не стал бы возражать — но где тогда брать воду для Купола?

Он задумался и уже не глядел за Марленой. Внезапно оглушительный вопль в ухе вернул его к реальности.

— Марлена! Марлена! Сивер, что она делает?

Он хотел привычно успокоить Инсигну, но тут увидел Марлену.

Какое-то время он даже не мог понять, чем она занята. Он стал вглядываться в фигурку девушки, освещенную розовым светом Эритро.

И наконец он понял: она отстегнула шлем, потом сняла его... потом взялась за э-комбинезон. Нужно немедленно остановить ее!

Генарр хотел окликнуть Марлену, но от ужаса и неожиданности словно онемел. Он попробовал бежать, но ноги вдруг стали свинцовыми и не реагировали на приказы мозга.

Он словно очутился в страшном сне: вокруг творился кошмар, а он никак не мог изменить ход событий. Или от неожиданности он лишился разума?

«Неужели лихоманка все-таки поразила меня? — промелькнуло в голове Генарра. — А если так — что будет с Марленой, беззащитной перед светом Немезиды и воздухом Эритро?»

Глава 26

ПЛАНЕТА

58

За те три года, что, сменив Танаяму, Игорь Коропатский был руководителем — хоть и номинальным — работ по проекту, Крайл Фишер видел его всего два раза.

Впрочем, когда фотовход показал на экране лицо Коропатского, Фишер сразу же узнал его. Тот не изменился: все такой же дородный и добродушный — внешне, — хорошо одет, с большим новомодным галстуком.

Что касается Фишера, то он был с утра не в форме, — однако Коропатского ждать не заставишь, даже если он нагрянул без предупреждения.

Будучи человеком вежливым, Фишер подал на входной экран изображение хозяина (в некоторых, особо важных случаях использовалось изображение хозяйки), приподняв-

шего руку в традиционном жесте, призывающем повременить, что позволит избежать необходимости самому приносить объяснения, которые могли бы оказаться неудачными. Фишер быстро причесался и привел в порядок одежду. Надо было бы побриться, но такую задержку Коропатский, скорее всего, счел бы уже оскорбительной.

Дверь поползла в сторону, Коропатский вошел. Приятно улыбнувшись, он проговорил:

— Доброе утро, Фишер. Я понимаю, что помешал.

— Что вы, директор, — ответил Фишер, стараясь, чтобы голос его звучал искренне. — Но если вам нужна доктор Уэндел, боюсь, что она сейчас уже на корабле.

— Так я и думал, — проворчал Коропатский. — Значит, мне придется переговорить с вами. Разрешите присесть?

— Конечно же, конечно же, директор, — пробормотал Фишер, устыдившись собственной нерасторопности; ему следовало самому предложить Коропатскому сесть. — Не желаете ли чем-нибудь освежиться?

— Нет, — Коропатский похлопал себя по животу. — Я взвешиваюсь каждое утро, и этой процедуры достаточно, чтобы отбить всякий аппетит — почти всегда. Фишер, мне еще не представлялось возможности поговорить с вами с глазу на глаз, как мужчине с мужчиной. А я всегда хотел этого.

— С удовольствием, директор, — пробормотал Фишер, начиная беспокоиться. Что-то сейчас будет?

— Наша планета в долгу перед вами.

— Ну что вы, директор, — ответил Фишер.

— Вы жили на Роторе до того, как он улетел.

— Это было четырнадцать лет назад, директор.

— Я знаю. Вы были женаты, и у вас там остался ребенок.

— Да, директор, — негромко ответил Фишер.

— Но вы вернулись на Землю перед самым отлетом Ротора из Солнечной системы.

— Да, директор.

— Благодаря услышанным вами и здесь повторенным словам и вашей удачной догадке Земля обнаружила Звезду-Соседку.

— Да, директор.

— Потом вы сумели привезти Тессу Уэндел на Землю.

— Да, директор.

— И уже восемь лет обеспечиваете ее пребывание здесь, составляя ее счастье, хе-хе...

Он усмехнулся, и Фишер подумал, что, стой они рядом, Коропатский ткнул бы его локтем в бок — как это принято у мужиков.

— Мы в хороших отношениях, директор, — осторожно ответил он.

— Но вы так и не женились.

— Официально я еще женат, директор.

— Но вы же расстались четырнадцать лет назад. Развод было бы несложно оформить.

— У меня еще есть дочь.

— Она останется вашей дочерью, женитесь вы вторично или нет.

— Развод в известной степени пустая формальность.

— Может быть. — Коропатский кивнул. — Наверное, так лучше. Вы знаете, что сверхсветовой звездолет готов к полету. Мы предполагаем, что старт состоится в начале 2237 года.

— Это же мне говорила и доктор Уэндел, директор.

— Нейронные детекторы установлены и прекрасно работают.

— Мне говорили и это, директор.

Сложив руки на груди, Коропатский многозначительно кивнул. Потом быстро взглянул на Фишера и спросил:

— А вы знаете, как эта штука работает?

Фишер покачал головой:

— Нет, сэр, об этом я ничего не знаю.

Коропатский вновь кивнул.

— Я тоже. Придется положиться на доктора Уэндел и наших инженеров. Впрочем, кое-чего не хватает.

— Что? — Фишера словно холодом обдало. Новая задержка! — Чего же не хватает, директор?

— Связи. Мне лично кажется, что, если можно заставить корабль нестись быстрее света, можно и придумать устройство, которое будет посылать волны — или что-нибудь еще — тоже быстрее света. Мне кажется, это куда проще, чем создать сверхсветовой звездолет.

— Не могу сказать, директор.

— А доктор Уэндел уверяет меня в обратном, что эффективного способа сверхсветовой связи не существует. Когда-нибудь, мол... Но когда? Ожидать, по ее мнению, нет смысла — поскольку на это может уйти много времени.

— Я тоже не хочу больше ждать, директор.

— Да-да, это и меня беспокоит. Мы и так ждем уже много лет, мне тоже не терпится увидеть, как стартует корабль. Но как только это свершится, мы потеряем с ним связь.

Он задумчиво кивнул. Фишер постарался сохранить на лице внимательное выражение. (В чем дело? Что обеспокоило этого старого медведя?)

Коропатский взглянул на Фишера.

— Значит, вы знаете, что Звезда-Соседка приближается к нам?

— Да, директор, я слыхал об этом, однако все полагают, что звезды разойдутся на значительном расстоянии без всяких последствий.

— Да, мы хотим, чтобы люди так думали. Но дело в том, Фишер, что Звезда-Соседка пройдет так близко, что вызовет возмущение орбитального движения Земли.

Фишер потрясенно замер.

— Неужели она погубит нашу планету?

— Не физически. Просто резко переменится климат, и Земля сделается необитаемой.

— Это точно? — Фишер не мог поверить своим ушам.

— Не знаю, что у этих ученых бывает точно. Однако они убеждены, что нам пора начинать подготовку. Впереди еще пять тысяч лет, а мы уже имеем сверхсветовой звездолет — если он полетит, конечно.

— Доктор Уэндел убеждена в этом, директор, и я тоже не сомневаюсь...

— Надеюсь, что ваша уверенность имеет под собой достаточные основания. Тем не менее, хоть у нас впереди еще пять тысяч лет и Земля получила сверхсветовой звездолет, наше положение все равно скверное. Чтобы вывезти население в подходящие для обитания миры, нам потребуется сто тридцать тысяч подобных Ротору поселений — необходимо вывезти восемь миллиардов человек, к тому же надо прихватить достаточно растений и животных, чтобы начать новую

жизнь. То есть нам придется отправлять к звездам двадцать шесть Ноевых ковчегов в год, начиная прямо с сегодняшнего дня. И то, если население за это время не увеличится.

— Ну уж двадцать шесть-то в год мы одолеем, — осторожно заметил Фишер. — За столетия накопим опыт, да и контроль за численностью населения уже действует не первое десятилетие.

— Отлично. Тогда скажите мне вот что. Мы поднимем в космос все население Земли в ста тридцати тысячах поселений, используем на это все ресурсы Земли, Луны, Марса и астероидов, оставим Солнечную систему на милость гравитационного поля Звезды-Соседки — и куда же мы отправимся?

— Не знаю, директор, — ответил Фишер.

— Нам придется отыскать планету, достаточно похожую на Землю, чтобы обойтись без лишних расходов по ее преобразованию. Об этом следует подумать, и сейчас, а не через пять тысяч лет.

— Но если пригодных планет вблизи не окажется, можно оставить поселения на орбитах возле какой-нибудь звезды. — Фишер описал пальцем кружок.

— Дорогой вы мой, это невозможно.

— При всем уважении к вам, директор, здесь, в Солнечной системе, это возможно.

— Увы! Сколько бы ни строилось поселений, девяносто девять процентов человечества живут на одной планете. Так что человечество — это мы, а поселения — так, легкий пушок на нашей шкуре. Может шерсть существовать сама по себе? Пока ничто не свидетельствует об этом, и я тоже не допускаю подобной возможности.

— Возможно, вы правы, — проговорил Фишер.

— Возможно? Что вы, здесь не может быть и тени сомнения! — с жаром возразил Коропатский. — Поселенцам угодно нас презирать, но им никуда не деться от нас. Мы их история. Мы модель их бытия. Мы живительный источник, к которому они вновь и вновь будут припадать, чтобы почерпнуть новые силы. Без нас они погибнут.

— Возможно, вы правы, директор, но никто еще не проверял этого. Не было случая, чтобы поселение пыталось прожить без планеты.

— Такие попытки были. В начале земной истории люди заселяли острова, изолированные от материка. Ирландцы заселили Исландию, норвежцы — Гренландию, мятежники — остров Питкэрн, полинезийцы — остров Пасхи. Колонии иногда хирели, иногда исчезали полностью. Вдалеке от континента не образовалась ни одна цивилизация, в лучшем случае это происходило на прибрежных островах. Человечеству нужно пространство, просторы, разнообразие, горизонт... и граница. Вы меня поняли?

— Да, директор, — ответил Фишер. — Если и не совсем, все равно спорить не о чем.

— Итак, — Коропатский постучал указательным пальцем правой руки по левой ладони, — нам необходимо отыскать планету, по крайней мере такую, с которой можно начать. А это заставляет нас вновь обратиться к Ротору.

Фишер удивленно поднял брови:

— К Ротору, директор?

— Да, четырнадцать лет миновало с тех пор, как они улетели. Интересно, что с ними случилось?

— Доктор Уэндел полагает, что они, скорее всего, погибли.

Фишер говорил, преодолевая себя. Мысль эта всегда доставляла ему боль.

— Знаю, я говорил с нею и не стал оспаривать ее мнение. Но мне хотелось бы узнать, что обо всем этом думаете вы.

— Ничего, директор. Просто надеюсь, что они выжили. У меня ведь дочь на Роторе.

— Быть может, она жива и до сих пор. Подумайте. Что могло бы погубить их? Поломка, неисправность? Ротор не корабль, и он проработал исправно в течение пятидесяти лет. Он просто перебрался отсюда к Звезде-Соседке через пустое пространство — а что может быть безопаснее пустоты?

— Но карликовая черная дыра, случайный астероид...

— Сомнительные перспективы... Почти невероятные — так уверяют меня астрономы. Или, может быть, гиперпространство обладает какими-то характерными особенностями, способными погубить Ротор? Но мы уже не первый год экспериментируем с ним и пока ничего страшного не обнаружили. Остается только предположить, что Ротор благополучно добрался до ближайшей к Солнцу звезды — если только он действительно летел к ней, а все дружно сходятся на том, что лететь в другое место не имело никакого смысла.

— Мне было бы приятно узнать, что их перелет окончился благополучно.

— Но тогда возникает следующий вопрос: если Ротор застрял у этой звезды, что они там делают?

— Живут... — Фишер не то спросил, не то сказал утвердительно.

— Но как? Они на орбите этой звезды? И одинокое поселение совершает свой бесконечный путь вокруг красного карлика? Не верю. Деградация неминуема, и признаки ее сразу же станут очевидными. Не сомневаюсь, их ждет быстрый упадок.

— Они умрут? Вы так считаете, директор?

— Нет. Сдадутся и вернутся домой. Признают свое поражение и возвратятся домой, в безопасность. Однако до сих пор они не сделали этого. А знаете почему? Я полагаю, что они отыскали возле Звезды-Соседки пригодную для обитания планету.

— Но, директор, около красного карлика не может быть планет, пригодных для жизни. Или там не хватает энергии, или огромный приливный эффект... — Помолчав, он сокрушенно добавил: — Доктор Уэндел объясняла мне...

— Да, астрономы объясняли это и мне, но, — Коропатский покачал головой, — мой собственный опыт свидетельствует, что, какую бы самоуверенность ни проявляли ученые, природа всегда найдет, чем их удивить. Кстати, вы не задумывались, почему мы отпускаем вас в это путешествие?

— Да, директор... потому, наверное, что ваш предшественник обещал мне такое вознаграждение.

— У меня для этого есть куда более веские основания. Мой предшественник был великим человеком, достойным восхищения, но, в конце концов, он был просто больным стариком. Врачи считали его параноиком. Он решил, что Ротор знал о том, что грозит Земле, и бежал, не предупредив нас, в надежде на то, что Земля погибнет; и что Ротор следует покарать за это. Однако он умер, а распоряжаюсь теперь я: человек я не старый, не больной, не параноик. И если Ротор

цел и находится возле Звезды-Соседки, я не намереваюсь причинять ему вред.

— Я рад это слышать, директор, но не следовало ли обсудить все это и с доктором Уэндел, ведь она капитан корабля?

— Фишер, доктор Уэндел — поселенка, а вы лояльный землянин.

— Доктор Уэндел верой и правдой многие годы служила Земле, строя звездолет.

— В том, что она верна своей работе, сомневаться не приходится. Но верна ли она Земле? Можем ли мы рассчитывать, что в отношениях с Ротором она будет придерживаться намерений Земли?

— А можно поинтересоваться, директор, каковы эти намерения? Я понимаю, что теперь никто уже не стремится наказать поселение за сокрытие сведений от Земли.

— Вы правы. Нам необходимо добиться сотрудничества, напомнить о кровном братстве, пробудить самые теплые чувства. Установите дружеские отношения и немедленно возвращайтесь — с информацией о Роторе и этой планете.

— Если все это рассказать доктору Уэндел, если объяснить ей — она, конечно, согласится с вами.

Коропатский усмехнулся.

— Естественно, но вы ведь понимаете, как обстоит дело. Она отличная женщина, я не вижу в ней ни одного недостатка — но ей уже за пятьдесят.

— Ну и что? — Фишер как будто обиделся.

— Она должна понимать, что, вернувшись с жизненно важной информацией об успешном сверхсветовом полете, она немедленно приобретет в наших глазах еще большую ценность, мы будем требовать от нее новых, более совершенных сверхсветовых судов, попросим, чтобы она подготовила молодых пилотов таких звездолетов. Конечно же, она уверена, что ее никто не отпустит в гиперпространство второй раз — ведь такими ценными специалистами не рискуют. Поэтому, прежде чем вернуться домой, у нее может возникнуть желание попутешествовать. Трудно противиться искушению — новые звезды, новые горизонты. Но мы-то согласны рискнуть только раз — она должна долететь до Ротора, собрать нужную информацию и вернуться. Мы не можем

позволить себе тратить время впустую. Вы меня поняли? — Голос Коропатского сделался жестким.

Фишер сглотнул.

— Но у вас же не может быть причины...

— У меня есть все причины. Положение доктора Уэндел здесь всегда в известной мере было неопределенным. Она же поселенка. Вы меня понимаете, я надеюсь. Ни от кого из жителей Земли мы так не зависим, как от нее, поселенки. Мы детально изучали ее психологию — она об этом и знать не знала — и теперь убеждены: если представится возможность, она отправится дальше. А ведь связи с Землей не будет. Мы не будем знать, где она, что делает, жива ли она, наконец.

— Почему вы говорите все это мне, директор?

— Потому что знаем, какое влияние на нее вы имеете. И она подчинится вам — если вы проявите твердость.

— Мне кажется, директор, что вы переоцениваете мои возможности.

— Уверен, что это не так. Вас мы тоже изучили и прекрасно знаем, насколько наш милый доктор привязана к вам. Возможно, вы даже сами не догадываетесь — насколько. Кроме того, мы знаем, что вы верный сын Земли. Вы могли улететь вместе с Ротором, но вернулись, оставив жену и дочь. Более того, вы сделали это, прекрасно понимая, что мой предшественник, директор Танаяма, обвинит вас в провале — ведь вы вернулись без информации о гиперприводе — и ваша карьера окажется под большим вопросом. Я удовлетворен этим и считаю, что могу на вас положиться, что доктор Уэндел окажется под строгим присмотром, что вы немедленно доставите ее обратно и на этот раз — на этот раз — вернетесь со всей необходимой информацией.

— Попытаюсь, директор, — проговорил Фишер.

— Я слышу сомнение в вашем голосе, — сказал Коропатский. — Поймите, как важно то, о чем я вас прошу. Мы должны знать, что они делают, что успели сделать и на что похожа планета. Обладая такими сведениями, мы сообразим, что и как нам делать дальше. Фишер, нам нужна планета, и нужна немедленно. Поэтому нам ничего другого не остается, как отобрать ее у Ротора.

— Если она существует, — хриплым голосом отозвался Фишер.

— Лучше бы ей существовать, — сказал Коропатский. — От этого зависит судьба человечества.

Глава 27

ЖИЗНЬ

59

Сивер Генарр медленно открыл глаза и заморгал от яркого света. Все казалось расплывчатым, и он не мог понять, где находится.

Постепенно все вокруг приобрело четкие очертания, и Генарр узнал Рене Д'Обиссон, главного невролога Купола.

— Что с Марленой? — слабым голосом спросил Генарр.

— С ней все в порядке, — угрюмо ответила Д'Обиссон. — Сейчас меня беспокоите вы.

Где-то внутри шевельнулась тревога, и Генарр попытался утопить ее в черном юморе:

— Если бы ангел лихоманки уже распростер надо мною крылья, мне было бы, наверное, гораздо хуже.

Д'Обиссон не ответила, и Генарр резко спросил:

— Я здоров?

Врач словно ожила. Высокая и угловатая, она склонилась над Генарром, в уголках проницательных голубых глаз собрались тонкие морщинки.

— Как вы себя чувствуете? — спросила она, опять не отвечая на вопрос.

— Устал. Очень устал. Но ведь все в порядке? Да?

— Вы проспали пять часов, — упорно не отвечая на его вопросы, сообщила она.

Генарр застонал.

— Но я чувствую себя усталым. И вообще — мне нужно в ванную... — И он попытался сесть.

Повинуясь знаку Д'Обиссон, к нему приблизился молодой человек и почтительно поддержал за локоть. Генарр с негодованием отмахнулся.

— Пожалуйста, не сопротивляйтесь, пусть он поможет, — проговорила Д'Обиссон. — Диагноз еще не поставлен.

Через десять минут Генарр снова оказался в постели.

— Значит, нет диагноза. А сканирование проводили? — с тревогой спросил он.

— Естественно, сразу же.

— Ну и как?

Д'Обиссон пожала плечами.

— Ничего существенного — но вы же спали. Придется повторить. И вообще — надо понаблюдать за вами.

— Зачем? Разве результатов сканирования мало?

Она подняла брови.

— А вы как полагаете?

— Не морочьте мне голову. Куда вы клоните? Говорите прямо. Я не младенец.

Д'Обиссон вздохнула.

— В известных нам случаях лихоманки сканирование мозга выявило интересные подробности, но мы не смогли сравнить их с тем, что было до заболевания, поскольку никого из больных не обследовали непосредственно перед началом болезни. После того как мы разработали подробную программу универсального сканирования всего персонала Купола, явных случаев лихоманки не обнаружено. Разве вы этого не знаете?

— Не пытайтесь подловить меня, — возмутился Генарр. — Конечно, знаю — или вы думаете, что я все забыл? Могу заключить — могу, понимаете? — что, сравнив прежние результаты с сегодняшними, вы не обнаружили никаких различий. Разве не так?

— Конечно, ничего плохого у вас нет, но ваш случай может иметь клиническое значение.

— А если вы ничего не найдете?

— Небольшие изменения легко прозевать, если не искать их специально. В конце концов, командир, вы упали в обморок. Раньше такой склонности за вами не замечалось.

— Тогда давайте еще раз проведем сканирование, раз я проснулся, и, если опять пропустим что-нибудь несущественное, я, пожалуй, переживу. Но что с Марленой? С ней все в порядке?

— Внешне — да. Ее поведение, в отличие от вашего, оставалось нормальным. Она не падала в обморок.

— Значит, она в безопасности, под Куполом?

— Да, ведь она привела вас, прежде чем вы потеряли сознание. Разве вы не помните?

Генарр вспыхнул и что-то неразборчиво пробурчал.

Д'Обиссон одарила его саркастическим взглядом.

— Будем надеяться, командир, что вы расскажете нам все, что помните. Постарайтесь. Это может оказаться важным.

Генарр попытался вспомнить, но это оказалось нелегко. Все, что случилось, было затянуто какой-то дымкой, как во сне.

— Марлена сняла э-комбинезон... — вяло выговорил он. — Так?

— Так. В Купол она вошла без костюма, и нам пришлось за ним посылать.

— Хорошо. Заметив, что она делает, я попытался остановить ее. Помню крик доктора Инсигны — она-то и переполошила меня. Марлена стояла вдалеке — у ручья. Я пытался окликнуть ее, но почему-то не мог произнести даже звука. Я хотел... хотел...

— Бежать, — помогла ему Д'Обиссон.

— Да, но... но...

— Вы обнаружили, что не в состоянии бежать, словно вас парализовало. Я не ошибаюсь?

Генарр кивнул:

— Да. Именно так. Я хотел бежать, и ощущение было таким, как в кошмарном сне, когда за тобой кто-то гонится, а ты хочешь убежать — и не можешь...

— Да. Такое снится обычно тогда, когда рука или нога запуталась в простыне.

— Все было как во сне. Наконец голос вернулся ко мне, и я закричал, но без э-комбинезона она наверняка не могла меня услышать.

— А вы чувствовали, что теряете сознание?

— Нет. Я ощущал такую слабость, что мог бы, пожалуй, даже не стараться бежать. А потом Марлена меня увидела и

побежала навстречу. И больше — если честно, Рене, — я ничего не помню.

— Вы вместе пришли в Купол, — спокойно сказала Д'Обиссон. — Она помогала вам, поддерживала. Оказавшись внутри, вы потеряли сознание, и вот вы здесь.

— Вы полагаете, что я схватил лихоманку?

— С вами произошло что-то непонятное, но сканирование мозга ничего не показывает. Я озадачена. Вот так.

— Наверное, я был потрясен, увидев, что Марлене грозит опасность. Почему она решила снять э-комбинезон, если... — Генарр умолк.

— Если у нее не началась лихоманка. Так?

— Именно об этом я и подумал.

— Но она выглядит просто прекрасно. Может быть, вы поспите еще?

— Нет. Я окончательно проснулся. Приступим лучше к сканированию — хочу убедиться, что все в порядке. Словно гора с плеч свалилась. И я немедленно займусь делами, невзирая на ваше сопротивление, кровопийца.

— Командир, даже если сканирование ничего не покажет, по крайней мере двадцать четыре часа вы проведете в постели. Для надежности — вы же понимаете.

Генарр театрально застонал.

— Не посмеете. Значит, мне придется все двадцать четыре часа разглядывать здесь потолок?

— Зачем? Мы поставим для вас экран, можете книжку почитать, посмотреть головизор. Даже гостей принять — одного или двух.

— Предполагаю, что гости будут наблюдать за мной?

— Конечно, их мнение о вашем состоянии может заинтересовать нас. А теперь приступим к сканированию. — Она одарила Генарра лучезарной улыбкой. — Не исключено, что вы здоровы. Ваши поступки, командир, кажутся мне адекватными, и мы должны убедиться в этом, не правда ли?

Генарр что-то буркнул в ответ и, когда Д'Обиссон повернулась к нему спиной, скорчил рожу. Что было, на его взгляд, совершенно адекватным поступком в подобной ситуации.

60

Вновь открыв глаза, Генарр увидел перед собою грустное лицо Эугении Инсигны.

Удивленный, он попытался сесть.

— Эугения!

Она печально улыбнулась в ответ.

— Мне сказали, что к тебе можно зайти, Сивер. Говорят, что с тобой все в порядке.

Генарр почувствовал облегчение. Он-то знал это. Но все-таки приятно лишний раз убедиться, что не ошибаешься.

И, немного рисуясь, он сказал:

— Конечно. Сканирование во сне — норма. Сканирование после сна — норма. Вообще — норма. А как Марлена?

— И у нее сканирование ничего не показало.

Похоже, даже это не могло развеять уныния Инсигны.

— Вот видишь, — проговорил Генарр. — Я и сработал за канарейку, как обещал. На меня подействовало, а на нее нет. — Он вдруг умолк, сообразив, что пошутил не вовремя. — Эугения, не знаю, как теперь просить у тебя прощения. Начну с того, что сперва я вовсе не следил за ней, а потом ужас словно парализовал меня. Я подвел тебя, — несмотря на то что с такой уверенностью пообещал, что пригляжу за ней. Нет мне прощения.

Инсигна покачала головой:

— Нет, Сивер, ты не виноват. Я рада, что она привела тебя в Купол.

— Не виноват? — Генарр остолбенел. А кто виноват, если не он?

— Нет. Произошло что-то очень плохое. И это не выходка Марлены и не то, что случилось с тобой. Произошло что-то гораздо худшее. Я в этом уверена.

Генарр ощутил, как его охватывает холод. «Что может быть хуже?» — подумал он.

— Что ты хочешь этим сказать?

Он сел на кровати. Из-под чересчур короткого халата торчали его голые ноги. Он поспешно прикрыл их легким одеялом.

— Пожалуйста, сядь и расскажи, — попросил он. — Марлена действительно здорова или ты что-то скрываешь?

Инсигна скорбно взглянула на Генарра.

— Мне сообщили, что все в порядке. Результаты сканирования это подтвердили. Знающие люди говорят, что у нее нет никаких симптомов болезни.

— Так что же ты сидишь, словно пришел конец мира?

— Я думаю — ты прав, Сивер. Этого мира.

— Что это значит?

— Не могу объяснить. Не могу понять. Тебе нужно поговорить с Марленой. Сивер, она делает то, что считает нужным. И ее не беспокоит то, что она натворила. Она уверена, что не сумеет по-настоящему исследовать Эритро — испытать планету, как она выражается, — если на ней будет э-комбинезон. И она не намерена его надевать.

— В таком случае ее нельзя больше выпускать.

— А она категорически заявляет, что будет выходить. И когда захочет... Одна... Она просто простить себе не может, что взяла с собой тебя. Видишь, она не осталась безразличной к тому, что случилось с тобой. Это ее расстраивает. Марлена рада, что вовремя вернулась к тебе. Она со слезами на глазах говорила мне, что неизвестно, чем бы закончилась для тебя эта вылазка, если бы она не успела вовремя тебе помочь.

— Ну а уверенности в себе она не потеряла?

— Нет. И это самое странное. Она уверена, что не ей, а тебе грозила опасность, как, впрочем, и любому на твоем месте. Только не ей. В этом она уверена, так уверена, Сивер, что я... — Инсигна покачала головой, — и не знаю, что теперь делать.

— Она же такая послушная девушка, Эугения. И ты это знаешь лучше, чем я.

— Уже не такая: она уверена, что мы не сможем остановить ее.

— А мы попробуем. Я поговорю с ней, и если она станет настаивать, то я просто отошлю ее на Ротор. Прежде я был на ее стороне, но, после того что случилось, буду строг.

— Тебе не удастся.

— Как это? Или Питт помешает?

— Нет, просто не сможешь.

Генарр невесело усмехнулся.

— Ну-ну, не настолько уж я поддался ее влиянию. С виду-то я могу казаться добрым дядюшкой, Эугения, но, если речь идет о том, что Марлене грозит опасность, — я забуду про доброту. Всему есть предел, вот увидишь — я умею и заставить. — Помолчав, он грустно добавил: — Кажется, мы поменялись ролями. Вчера ты требовала, чтобы я остановил ее, а я уверял, что это невозможно. Теперь наоборот.

— Это потому, что тебя испугало то, что случилось с вами там, а меня — то, что произошло здесь, внутри Купола.

— А что здесь случилось, Эугения?

— Я попыталась поставить ее на место. Я сказала ей: «А теперь, юная леди, не смей даже заикаться о том, что хочешь выйти из Купола, иначе даже из комнаты своей не выйдешь. Запрем, свяжем, если понадобится, и отправим на Ротор с первой же ракетой». Видишь, я вышла из себя настолько, что стала ей угрожать.

— Ну и что же она сделала? Готов прозаложить всю зарплату, что не ударилась в слезы, а стиснула зубы и сделала вид, что ничего не слышала, — так?

— Нет. Я еще и половины не сказала, как мои зубы застучали, да так, что я не смогла продолжать. А потом накатила дурнота.

Генарр нахмурился.

— Ты хочешь сказать, что Марлена обладает еще и странной гипнотической силой и способна справиться с любым противодействием? Но это же невозможно. А раньше ты ничего такого не замечала?

— Нет, конечно же, нет. И сейчас тоже. Она здесь ни при чем. Должно быть, я выглядела очень скверно в тот самый момент, когда принялась угрожать ей, может быть, даже испугала ее. Марлена очень расстроилась. Если бы дело было в ней, она так не отреагировала бы на последствия собственного поступка. Когда вы были с ней снаружи и она принялась снимать э-комбинезон, она же на тебя не смотрела. Она стояла к тебе спиной. Я это помню. И, увидев, что тебе плохо, она сразу бросилась на помощь. Не могла же она наслать на тебя эту порчу и тут же кинуться помогать.

— Но тогда...

— Подожди, я не окончила. Значит, так. Я пыталась ей угрожать, но все кончилось тем, что я и рта не смогла открыть. Однако я стала за ней следить, глаз с нее не спускала, но так, чтобы она не заметила. И увидела, как она говорила с кем-то из твоих часовых, что стоят здесь повсюду.

— Так положено. — пробормотал Генарр. — Вообще-то Купол — военный объект. Но часовые просто поддерживают порядок, помогают сделать то, се.

— Знаешь что, — с укоризной бросила Инсигна, — по-моему, таким образом Янус Питт обеспечивает контроль за всеми твоими действиями — но дело не в этом. Марлена долго разговаривала с часовым, они даже поспорили. Потом, когда Марлена ушла, я спросила его, о чем они беседовали. Он не хотел говорить, но я заставила. Так вот, она интересовалась, нельзя ли получить пропуск, чтобы беспрепятственно уходить из Купола и таким же образом возвращаться. Я спросила его: «И что вы ей ответили?» А он сказал: «Что все можно уладить у командира, и я сам возьмусь посодействовать». Я возмутилась: что это еще за содействие, разве можно оказывать такую помощь? Он отвечал: «А что еще мне оставалось, мэм? Всякий раз, когда я пытался объяснить ей, что это невозможно, мне тут же становилось плохо».

Генарр, окаменев, слушал.

— То есть ты утверждаешь, что Марлена бессознательно делает это? Всякий, кто пытается ей противоречить, немедленно ощущает дурноту, а она даже не подозревает об этом?

— Нет, конечно, нет. Я просто не понимаю, что происходит. Если бы такая способность проявлялась у нее бессознательно, об этом было бы известно еще на Роторе, но там я ничего такого не замечала. Однако такой эффект проявляется не всякий раз. Вчера за обедом она попросила добавку десерта, и я, забывшись, в резкой форме отказала ей. Она надулась, но подчинилась, и я не почувствовала ничего плохого, уверяю тебя. Мне кажется, что ей нельзя противоречить лишь в том, что связано с Эритро.

— Но почему ты так решила? По-моему, ты о чем-то умалчиваешь, у тебя должны быть основания для такого вывода. Будь я Марленой, то прочитал бы обо всем на твоем лице, но поскольку я это я — выкладывай.

— Я думаю, что это делает не Марлена. Это... это — сама планета.

— Планета?!

— Да, планета. Эритро. Она управляет Марленой. Иначе откуда у девочки уверенность в том, что ей не страшна лихоманка, что планета не причинит ей вреда? Эритро управляет и всеми нами. Ты попробовал помешать Марлене, и тебе стало плохо. И мне. И часовому. Когда вы начали заселять Купол, людям было плохо, потому что планета ощутила вторжение и напустила на вас эту лихоманку. Но когда колонисты решили оставаться в Куполе, болезнь прекратилась. Видишь, все сходится.

— Значит, планета хочет, чтобы Марлена выходила на ее поверхность?

— Совершенно верно.

— Но почему?

— Не знаю и знать не хочу. Я просто пытаюсь объяснить тебе суть происходящего.

Голос Генарра вдруг стал ласковым:

— Эугения, ты же прекрасно понимаешь, что планета не может делать ничего подобного. Это шар... из металлов и камня. Ты впала в какую-то мистику.

— Сивер, не делай из меня дурочку. Я — профессиональный ученый и не верю в чудеса. Говоря о планете, я имею в виду не скалы и камни. Я хочу сказать, что на ней обитает что-то очень могущественное.

— И невидимое. Но это же мертвый мир, без малейших признаков жизни — прокариоты не в счет, — не говоря уже о разуме.

— А что ты знаешь об этом мертвом, по-твоему, мире? Разве его исследовали? Обыскали каждый уголок?

Генарр медленно покачал головой и сказал умоляющим тоном:

— Эугения, не надо, это истерика.

— Нет, Сивер. Подумай обо всем сам. Если сумеешь что-то придумать, скажи. Я тебе говорю: эта планета — чем бы она ни была — не признает нас. Мы обречены. Ну а зачем ей нужна Марлена, — голос Инсигны дрогнул, — не могу даже представить.

Глава 28

СТАРТ

61

Официально у нее было очень сложное наименование, но те немногие из землян, кто знал о ее существовании, называли ее просто Четвертой станцией. Из названия следовало, что прежде существовало три подобных объекта, по очереди сменявших друг друга. Существовала и пятая станция, однако ее забросили, не достроив.

Теперь земляне мало интересовались Четвертой станцией, медленно кружившей вокруг Земли за орбитой Луны.

Прежние станции использовались в качестве баз для создания первых поселений, ну а когда поселенцы сами принялись строить космические города, Четвертую станцию решили сделать перевалочным пунктом на пути с Земли на Марс.

Впрочем, дальше первого полета дело не пошло: оказалось, что поселенцы куда более психологически пригодны для долгих перелетов, ведь они жили, по сути дела, в огромных космических кораблях, — и Земля со вздохом облегчения оставила это занятие.

Теперь Четвертую станцию почти не использовали, а держали в качестве космического плацдарма Земли, желая этим показать, что безграничный простор за пределами земной атмосферы принадлежит не одним поселенцам.

Но теперь нашлось дело и для Четвертой станции.

К ней причалил огромный грузовой корабль. Слух о том, что впервые в двадцать третьем столетии Земля решила высадить экспедицию на Марс, быстро распространился среди поселений. Некоторые говорили, что это изыскатели; другие утверждали, что на поверхности Марса будет создана земная колония, что ущемит интересы немногочисленных поселений, находящихся возле него; третьи предполагали, что Земля попытается занять плацдарм на каком-нибудь крупном астероиде, еще не облюбованном поселенцами.

На самом же деле в трюме транспорта покоился «Сверх-

световой». С ним прибыл и экипаж, который должен был повести корабль к звездам.

Тесса Уэндел, родившаяся в космосе, несмотря на проведенные на Земле восемь лет, чувствовала себя уверенно, как и подобает поселенке. Но Крайл Фишер, который тоже не был новичком в космосе, ощущал некоторое беспокойство.

Напряженность на борту транспортного корабля создавал не только окружающий космос.

— Тесса, я уже не могу больше ждать, — как-то раз сказал Фишер. — Столько лет прошло. «Сверхсветовой» наконец готов, а мы все еще здесь.

Уэндел задумчиво смотрела на него. Нет, не этого она ждала. Ей хотелось покоя, отдыха для мозга, переутомленного сложной работой, — чтобы вернуться к работе с новыми силами. Она надеялась, что Фишер поймет ее, — но, как оказалось, напрасно.

Она поняла, что привязалась к нему и его проблемы стали и ее проблемами. Крайл ждал годы, но это ожидание, несомненно, окажется напрасным. Потому-то она и пыталась время от времени окатывать его ледяной водой, пыталась охладить его желание встретиться с дочерью, но ничего не добилась. Мало того, за последний год Фишер еще более утвердился в своем оптимизме, но о причинах такого воодушевления не мог сказать ей ничего убедительного.

Приходилось утешаться тем, что Крайл тосковал не о жене, а о дочери. По правде сказать, Тесса не могла понять тоски о ребенке, которого в последний раз Фишер видел младенцем, — но он ничего не хотел ей объяснять, а она не стремилась испытывать его терпение. Зачем? Тесса была уверена, что ни дочери Крайла, ни Ротора давно нет на свете и если возле Звезды-Соседки им по чистой случайности удастся обнаружить беглое поселение, то оно окажется гигантской гробницей, космическим летучим голландцем.

Уэндел захотелось успокоить Крайла.

— Знаешь, — ласково сказала она, — осталось подождать еще месяца два — не больше. Мы ждали годы — уж два-то месяца как-нибудь переживем.

— Я столько ждал, что эти месяцы просто не выдержу, — буркнул Фишер.

— Крайл, нужно держать себя в руках, — проговорила Уэндел. — Придется смириться. Всемирный конгресс просто не позволит нам отправиться раньше. Поселения следят за каждым нашим шагом. Они уверены, что мы летим именно на Марс. Было бы странно, если бы они думали по-другому. Ведь им известно, что Земля не преуспела в области космических исследований. Если за два месяца они не заметят ничего особенного, то с удовольствием сделают вывод, что у нас какие-то сложности, — и перестанут одаривать нас своим вниманием.

Фишер сердито покачал головой.

— Кого волнует, что они знают о нас? Мы улетим и вернемся, а им на разработку сверхсветового звездолета потребуются годы... Да к тому времени у нас будет целый флот таких кораблей, вся Галактика будет открыта для нас.

— Не обязательно. Копировать легче, чем создавать заново. А правительству Земли, утерявшей инициативу в космосе после создания поселений, необходим безоговорочный приоритет — по психологическим соображениям. — Она пожала плечами. — К тому же нам нужно время, чтобы провести кое-какие испытания «Сверхсветового» в условиях невесомости.

— Неужели когда-нибудь настанет конец этим испытаниям?

— Не будь таким нетерпеливым. Техника новая, неопробованная, настолько не похожая на все, чем прежде располагало человечество, что от новых проверок не следует отказываться, тем более что мы точно не знаем, как именно будет влиять интенсивность гравитационного поля на вход в гиперпространство и выход из него. Серьезно, Крайл, не стоит обвинять нас в излишней осторожности. В конце концов, только десятилетие назад сверхсветовой полет считался теоретически невозможным.

— Даже осторожность может оказаться чрезмерной.

— Возможно. Кстати, мне решать, когда можно заканчивать подготовку, и уверяю тебя, Крайл, тянуть время мы не будем. Я не сторонница промедления.

— Надеюсь.

Уэндел с сомнением поглядела на него. Придется все же спросить.

— Крайл, в последнее время ты сам не свой, уже два месяца тебя словно сжигает нетерпение. Мне казалось, что ты уже успокоился, а ты снова места себе не находишь. Что-нибудь случилось? Такое, о чем я не знаю.

Фишер разом притих.

— Ничего не случилось. Что вообще могло случиться?

Уэндел показалось, что он успокоился слишком быстро. Его невозмутимость выглядела неискренней.

— Я спрашиваю тебя как раз о том, что могло случиться, — сказала Уэндел. — Крайл, я предупреждала тебя, что мы или найдем мертвый Ротор, или не найдем его вовсе. Мы не найдем тво... не найдем там никаких обитателей. — Он не ответил. — Или я не предупреждала тебя об этом?

— Часто предупреждала, — отозвался Фишер.

— Но теперь при одном лишь взгляде на тебя сразу чувствуется — ты предвкушаешь счастливую встречу с семьей. Крайл, подобные надежды опасны, особенно когда они необоснованны. Почему вдруг ты пришел в такое настроение? Если ты с кем-то говорил об этом, то знай: в тебя вселили напрасный оптимизм.

Фишер вспыхнул.

— С чего бы это мне у кого-то набираться ума? Разве не могу я иметь свое мнение — и по любому вопросу? То, что я не понимаю всей этой твоей теоретической физики, еще не значит, что у меня не хватает мозгов и знаний.

— Крайл, — сказала Уэндел, — такое мне даже в голову не приходило. Я вовсе не это хотела сказать. Как по-твоему, в каком состоянии мы обнаружим Ротор?

— С ним ничего страшного не произошло. Я считаю, что в космической пустоте ничто не могло ему повредить. Ты пытаешься убедить меня, что от Ротора остался один остов, что они едва ли вообще добрались до Звезды-Соседки. Объясни мне, что именно могло погубить их? Ну скажи. Столкновение с астероидами, нападение инопланетян? Что?

— Не знаю, Крайл, — честно призналась Уэндел, — никаких вещих снов я не видела. Все дело в самом гиперприводе. Поверь мне. С ним летишь не в пространстве, не в гипер-

пространстве, а просто дергаешься по линии раздела: из пространства в гиперпространство, потом обратно и снова туда — и так несколько раз в минуту. По пути отсюда к Звезде-Соседке роторианам пришлось совершить такой переход не менее миллиона раз.

— Ну и что?

— А то, что такой переход более опасен, чем полет в пространстве или гиперпространстве. Я не знаю, каковы представления роториан о теории гиперпространства, однако, скорее всего, они только начали свои работы — иначе соорудили бы настоящий сверхсветовой корабль. Мы же, разрабатывая все подробности теории гиперпространства, изучали, как воздействует переход на материальные объекты. Если объект является точечным, то во время перехода он не испытывает напряжений. Но если речь идет не о точке, если мы имеем дело с протяженным объектом, таким как корабль, всегда будет существовать такой отрезок времени, когда одна его часть будет находиться в пространстве, а другая — уже в гиперпространстве. При этом в конструкции возникают напряжения — величина их зависит от размера объекта, его конфигурации, скорости перехода и прочего. Для объекта размером с Ротор лишь ограниченное количество переходов — допустим, дюжина — не представляет значительной опасности. При перелете на «Сверхсветовом» мы можем сделать дюжину переходов, а можем ограничиться двумя. Полет не сулит нам опасности. А вот на гиперприводе приходится делать миллион переходов. Видишь, как растет угроза опасного разрушения?

Фишер явно приуныл.

— А как быстро могут создаться опасные напряжения?

— Трудно сказать. Корабль может выдержать миллион переходов, даже миллиард — и ничего не случится. А может разлететься на первом же. И вероятность такого исхода растет вместе с числом переходов. Таким образом, Ротор отправился в путь, не подозревая, чем грозят ему переходы. Знай они это, полет, возможно, и не состоялся бы. Может быть, напряжения не оказались чрезмерными, и Ротор сумел «дохромать» до места, а может быть, он по дороге разлетелся на

куски. Вот и получается: или пустой остов, или вообще ничего.

— Или поселение, которое живет и процветает, — сердито добавил Фишер.

— Я-то не против, — ответила Уэндел. — Только лучше настраиваться на худшее — больше обрадуешься, если все окажется в порядке. Прошу тебя, не надейся на удачу, будь готов к любому исходу. Помни, что всякий, кто суется в гиперпространство, не зная его, едва ли может прийти к здравым выводам.

Вконец расстроенный, Фишер молчал. Уэндел смотрела на него, и на сердце у нее было тяжело.

62

Тесса Уэндел находила Четвертую станцию странной. Некто, взявшись строить небольшое поселение, ограничился лабораторией, обсерваторией и пусковым причалом. Ни ферм, ни домов, ничего, что подобает приличному поселению. Даже псевдогравитационное поле не создали толком.

Это был пораженный манией величия корабль, где даже один человек не мог бы пробыть долго без постоянного пополнения извне запасов пищи, воздуха и воды. Последняя бродила по замкнутому циклу, однако система была не особенно эффективной.

Крайл Фишер заметил, что Четвертая станция похожа на допотопную внеземную станцию первых дней освоения космоса, чудом сохранившуюся до двадцать третьего столетия.

Впрочем, в одном она действительно была уникальной. Со станции открывался превосходный вид на двойную систему Земля—Луна. С окружавших Землю поселений редко можно было видеть оба небесных тела в их истинном соотношении. По отношению к Четвертой станции Земля и Луна редко расходились больше чем на пятнадцать градусов, и, поскольку Четвертая станция обращалась вокруг того же центра, что и обе планеты, с нее можно было бесконечно любоваться замечательным зрелищем двух миров.

Солнечный свет автоматически отсекался устройством

«Изат» (Уэндел поинтересовалась, что означает такое название, оказалось — «искусственное затмение»), и только когда Солнце близко подходило к Луне или Земле, разглядеть планеты было невозможно.

Уэндел с удовольствием любовалась танцем Земли и Луны и радовалась, что ей наконец удалось вырваться с Земли.

Как-то раз она сказала об этом Крайлу. Тот усмехнулся, заметив, как та быстро оглянулась по сторонам.

— Вижу, тебя не смущает, что я землянин. И мне могут не понравиться такие слова. Ничего, не бойся — я промолчу.

— Крайл, я же тебе доверяю. — Уэндел счастливо улыбнулась.

Фишер изменился к лучшему после того серьезного разговора, когда они прибыли на станцию. Помрачнел, правда, но это лучше, чем лихорадочное ожидание того, что никогда не произойдет.

— Неужели ты думаешь, что их до сих пор смущает твое происхождение? — спросил он.

— Конечно. Они никогда не забудут, что я поселенка. У них те же предрассудки, что и у меня, и я тоже никогда не прощу им, что они земляне.

— Кажется, ты забываешь, что и я землянин.

— Нет, ты просто Крайл, а я — просто Тесса. И все.

— А тебе никогда не было жаль, Тесса, что ты построила свой звездолет для Земли, а не для родной Аделии?

— Крайл, я делала это не для Земли, а сложись все иначе, делала бы и не для Аделии. В обоих случаях я делала бы это для себя. Передо мной поставили задачу — я ее решила. Буду числиться в истории как изобретатель сверхсветового звездолета — но я создавала его для себя. А уж потом — пусть это покажется претенциозным — для всего человечества. Видишь ли, абсолютно неважно, в каком из миров состоялось открытие. Кто-то на Роторе — он, она или целая группа — изобрел гиперпривод — значит, он есть и у нас, и у поселений. В конце концов все получат сверхсветовые звездолеты. Где бы ни был сделан решающий шаг — это значит, что все человечество шагнуло вперед.

— Но Земле твой звездолет нужен больше, чем поселениям.

— Потому что приближается Звезда-Соседка и поселения запросто могут разлететься во все стороны, а Земля не может? На мой взгляд — это проблема правительства Земли. Я дала им инструмент, пусть уж они сами решают, как его лучше использовать.

— Похоже, мы уже вплотную подошли к проблеме завтрашнего дня, — заметил Крайл.

— Да, наконец. Уже есть голографическая запись. Впрочем, трудно сказать, когда они покажут ее землянам и поселениям.

— Скорее всего, после нашего возвращения, — сказал Крайл. — Нет смысла рассказывать всем о нашей работе, если мы не вернемся. Ожидание будет мучительным — ведь с нами никак не свяжешься. Когда астронавты впервые высадились на Луну, Земля весь день была на связи.

— Правильно, — подтвердила Уэндел, — а вот когда Колумб отправился под парусами через Атлантику, испанские монархи ничего не слышали о нем несколько месяцев, пока он не вернулся.

— Земле есть что терять — семь с половиной столетий назад испанцы рисковали меньшим, — возразил Фишер. — Действительно жаль, что сверхсветовой звездолет не оснащен сверхсветовой связью.

— Не спорю. Коропатский без конца твердил мне о связи, но я сказала, что не чародейка и не могу немедленно сотворить все, что ему угодно пожелать. Одно дело — перебросить через гиперпространство массу, но излучение — совсем другое. Даже в обычном пространстве оно подчиняется другим законам. Свои уравнения электромагнетизма Максвелл вывел через два столетия после того, как Ньютон открыл закон тяготения. А о распространении излучения в гиперпространстве нам еще ничего не известно. Когда-нибудь мы сумеем создать устройство для сверхсветовой связи, но пока...

— Плохо, — задумчиво сказал Фишер. — Возможно, что без сверхсветовой связи сверхсветовые полеты окажутся невозможными.

— Почему?

— Я же говорю — отсутствие связи. Смогут ли поселения жить вдали от Земли, от человечества — и выжить?

Уэндел нахмурилась.

— Что это еще за новое направление в твоих мыслях?

— Да так, просто подумалось. Ты поселенка, ты привыкла, и тебе даже в голову не может прийти, насколько противоестественный образ жизни ведете вы в поселениях.

— Неужели? Я не вижу в нем ничего противоестественного.

— Это потому, что, по сути дела, тебе не приходилось жить абсолютно обособленно. Ваша Аделия — одно из многих поселений, находящихся возле планеты, на которой живут миллиарды людей. Разве не могло случиться, что, оказавшись возле Звезды-Соседки, роториане поняли, что не выживут одни? Но тогда они уже вернулись бы на Землю, а этого не случилось. Значит, они обнаружили там пригодную для жизни планету.

— Пригодную для жизни планету у красного карлика? Едва ли.

— Природа умеет обманывать человека. Предположим, что там оказалась обитаемая планета. Не следует ли ее как следует изучить?

— Теперь я понимаю, к чему ты клонишь, — сказала Уэндел. — Ты думаешь, что возле Звезды-Соседки есть такая планета. И ты хочешь, чтобы мы полетели туда и попытались отыскать твою дочь. Но если наш нейродетектор может засвидетельствовать отсутствие разума во всей планетной системе, зачем же нам обыскивать каждую планету?

Фишер задумался.

— Да. Но если признаки жизни все же обнаружатся, думаю, это не стоит оставлять без внимания. Все-таки планету надо исследовать. Ведь нам предстоит начать эвакуацию населения с Земли — надо же знать, куда можно переселить людей. Впрочем, тебя это, конечно, не волнует: ведь поселения могут просто разлететься...

— Крайл! Зачем ты хочешь видеть во мне врага? Почему ты вдруг вспомнил, что я поселенка? Для тебя я просто Тесса. Но если твоя планета найдется, мы постараемся узнать о ней все, что возможно, — я обещаю тебе. Кстати, а что мы будем делать, если она существует и роториане уже начали

заселять ее? Крайл, ты прожил на Роторе несколько лет и знаешь Януса Питта.

— Да, я слыхал о нем кое-что. Правда, никогда с ним не встречался, однако моя жена... моя бывшая жена с ним работала. По ее словам, это человек способный, умный и сильный.

— Очень сильный. В поселениях его знали. И не любили. И если уж он решил спрятать Ротор от человечества, то лучшего места, чем Звезда-Соседка, ему не найти. И близко, и люди не знают. Но, облюбовав эту систему, он тотчас же начнет опасаться, что за Ротором последуют другие, способные покуситься на его добычу. И тогда он будет весьма недоволен нашим появлением.

— К чему ты клонишь? — тревожно спросил Фишер, но, судя по выражению ее лица, он прекрасно знал — к чему.

— Завтра мы вылетаем и довольно скоро окажемся возле Звезды-Соседки. И если мы, как ты предполагаешь, обнаружим там планету, если окажется, что роториане уже поселились на ней, то одним «ой, здрасьте» дело не ограничится. Боюсь, что, едва увидев нас, Питт в качестве приветствия без предупреждения отправит нас на тот свет.

Глава 29

ВРАГ

63

Как и все обитатели Купола, Рене Д'Обиссон время от времени наведывалась на Ротор. Это было необходимо — возвратиться домой, прикоснуться к корням, набраться новых сил.

Но на сей раз Д'Обиссон отправилась «наверх» — как говорили о путешествии с Эритро на Ротор — чуть раньше, чем было предусмотрено графиком. Дело в том, что ее вызвал комиссар Питт.

И теперь она сидела в его кабинете, опытным взглядом подмечая, как комиссар постарел за последние несколько

лет. Конечно, ведь по работе ей незачем было часто видеться с ним.

Однако голос комиссара был по-прежнему сильным, взгляд — острым, движения — энергичными.

— Я получил ваш отчет о том, что произошло вне Купола, — начал Питт, — и одобряю осторожность, проявленную вами при анализе ситуации. Но теперь — не для протокола, между нами — скажите, что там случилось с Генарром? Комната заэкранирована, можете говорить без опаски.

— Боюсь, что мой отчет при всей его осторожности все-таки правдив и точен, — сухо ответила Д'Обиссон. — Мы не знаем, что произошло с командиром Генарром. Сканирование мозга выявило некоторые изменения — незначительные и ранее не замеченные нами. К счастью, они оказались обратимыми — все быстро пришло в норму.

— Но ведь что-то с ним все же случилось?

— Именно — что-то. В этом вся беда: мы так и не поняли, что это было.

— А не лихоманка ли это в какой-то новой форме?

— Ни одного из наблюдавшихся прежде симптомов нами не обнаружено.

— Но когда лихоманка только начиналась, сканирование осуществлялось весьма примитивным способом. Раньше вы могли просто не заметить такие симптомы. К тому же это может быть новая форма лихоманки.

— Не исключено, однако ничто не свидетельствует об этом, да и Генарр, совершенно очевидно, находится в здравом уме.

— Точнее, вам кажется, что это так, но нельзя гарантировать, что приступ не повторится.

— У нас нет причины допускать возможность повторения.

Легкое нетерпение пробежало по лицу комиссара.

— Не спорьте со мной, Д'Обиссон. Вам прекрасно известно, что Генарр занимает весьма важный пост. Ситуация в Куполе постоянно внушает опасения: мы не знаем, когда может произойти рецидив лихоманки. Мы считали, что Генарр невосприимчив к ней — теперь в этом нет уверенности.

Раз такое случилось, следует приготовиться к тому, что ему придется уйти.

— Решать вам, комиссар. Лично я считаю, что такой необходимости нет.

— Но, я надеюсь, вы внимательно следите за ним и учитываете подобную перспективу?

— Это входит в мои врачебные обязанности.

— Хорошо. Имейте в виду: если отставка Генарра состоится, то на его место я пока наметил вас.

— Меня? — Легкая радость промелькнула на ее лице и исчезла.

— А почему бы и нет? Все знают, я никогда не одобрял заселения Эритро. Я всегда считал, что люди должны быть мобильными и нельзя привязывать себя к большой планете. С другой стороны, она нужна нам как богатый источник ресурсов — как Луна в нашей Солнечной системе. Но что делать, если угроза лихоманки постоянно висит над нашей головой?

— Проблема, комиссар.

— Значит, необходимо решить эту проблему. А мы ведь так и не справились с болезнью. Лихоманка утихла сама собой, и мы примирились с этим — хотя последний случай явно свидетельствует, что опасность не миновала. Схватил Генарр лихоманку или не схватил, что-то с ним все-таки произошло, и я хочу, чтобы этот вопрос был прояснен в первую очередь. Кому как не вам возглавить работы?

— Охотно возьму на себя всю ответственность. Мне ведь придется в этом случае делать лишь то, что я и так стараюсь делать, — но уже обладая большей властью. Но я не уверена, что мне следует принимать на себя обязанности командира Купола.

— Как вы уже сказали, решать мне. Полагаю, что вы не откажетесь от назначения, если вам предложат?

— Нет, комиссар, это большая честь.

— Не сомневаюсь, — сухо сказал Питт. — А что там случилось с девушкой?

Внезапное изменение темы разговора застигло Д'Обиссон врасплох. Дрогнувшим голосом она переспросила:

— С какой девушкой?

— Той, что выходила из Купола с Генарром и сняла защитный комбинезон.

— Марленой Фишер?

— Да, так ее зовут. Что с ней случилось?

Д'Обиссон помедлила.

— Ничего особенного, комиссар.

— Так написано в отчете. Но я вновь спрашиваю: действительно ничего?

— Ничего такого, что можно было бы обнаружить сканированием мозга или любым другим способом.

— Вы хотите сказать, что Генарр в комбинезоне упал как подкошенный, а девица, эта Марлена Фишер, и ухом не повела?

Д'Обиссон пожала плечами:

— Насколько мне известно, с ней действительно ничего не произошло.

— Вам это не кажется странным?

— Она странная девушка, ее сканирование...

— Я знаю, что показывает сканирование. Мне известно и то, что она одарена необычными способностями. Вы этого не замечали?

— Случалось, конечно.

— И как она вам показалась? Вам не кажется, что она умеет читать мысли?

— Нет, комиссар. Такого не бывает. Вся эта телепатия — пустые выдумки. Уж лучше бы она читала мысли. Это не так опасно — за мыслями можно следить.

— А что же вам кажется в ней опасным?

— Она явно читает по движениям тела, а за ними не углядишь. Каждый жест что-нибудь да выдает, — огорченно закончила она, что не скрылось от проницательного Питта.

— Вы успели столкнуться с этими проявлениями ее способностей? — поинтересовался он.

— Куда денешься, — мрачно буркнула Д'Обиссон. — С ней даже рядом нельзя стоять, чтобы она чего-нибудь не высмотрела.

— И что же с вами случилось?

— Ничего особенного, просто досадно. — Д'Обиссон покраснела и поджала губы, так что Питту показалось, что

больше она ничего не скажет. Но она прошептала: — После того как я обследовала командира Купола, Марлена поинтересовалась, как у него дела. Я сказала, что ничего серьезного не обнаружила и считаю, что Генарр полностью оправится. А она спросила: «Почему это вас расстраивает?» Я с недоумением переспросила: «Расстраивает? Я рада!» Но она сказала: «Вы разочарованы, это очевидно. Вам не терпится». Так я впервые столкнулась с ее штучками, хотя уже слыхала о них. Мне оставалось только возмутиться: «Почему мне не терпится? О чем ты?» Она скорбно взглянула на меня своими огромными, темными, вечно бегающими глазами и ответила: «Дело в дяде Сивере...»

Питт перебил Рене:

— Дядя Сивер? Разве они родственники?

— Нет, я думаю, что это просто знак симпатии. Она сказала тогда: «Все дело в дяде Сивере, и, по-моему, вы метите на его место». Тут я повернулась и ушла.

— А что вы почувствовали, услышав такое? — спросил Питт.

— Как что? Рассердилась, конечно!

— Потому что она сказала неправду? Или же наоборот — оказалась права?

— Ну, если хотите...

— Нет-нет, не надо вилять, доктор. Она ошиблась или была права? Вы действительно обнаружили разочарование, поняв, что Генарр здоров, так что девчонка смогла это заметить, или она все просто придумала?

Д'Обиссон ответила с явной неохотой:

— Она действительно подметила кое-что. — Врач с негодованием взглянула на Питта. — Я всего лишь человек и, как все, подвластна чувствам. Вы сами сейчас сказали, что я могу надеяться на этот пост, следовательно, я подхожу для него.

— Значит, она не ошиблась... — без малейших признаков усмешки произнес Питт. — А теперь давайте подумаем: эта девушка — особенная, странная девушка, о чем свидетельствует и ее поведение, и сканирование мозга... Даже лихоманка ее не берет. А что, если ее устойчивость к лихоманке определяется строением мозга? Разве она не может послужить нам средством для изучения лихоманки?

— Не знаю. Впрочем — сомневаюсь.

— Может, попробовать?

— Быть может — но как?

— Пусть она как можно чаще бывает на поверхности Эритро, — невозмутимо ответил Питт.

Д'Обиссон задумалась.

— Дело в том, что она сама к этому стремится и командир Генарр ее поддерживает.

— Вот и отлично. А вы обеспечьте им медицинскую поддержку.

— Понимаю. А если девушка схватит лихоманку?

— Не следует забывать, что решение всей проблемы гораздо важнее, чем здоровье индивида. Нам завоевывать этот мир, и необходимо быть готовыми к вынужденным потерям.

— Ну а если Марлена погибнет, но так и не поможет нам понять или победить лихоманку?

— И все-таки следует рискнуть, — ответил Питт. — В конце концов, с ней может ничего не случиться, и тогда, тщательно выяснив все причины, мы сумеем справиться с болезнью. Пусть будет так. Нельзя выигрывать без потерь.

Только потом, когда Д'Обиссон отправилась в свою квартиру на Роторе, железная решимость Питта ослабла, и он понял, что стал кровным врагом Марлены Фишер. Но победа будет истинной, только если Марлена погибнет, а причины лихоманки останутся неизвестными. Тогда он избавится и от странной девицы, и от никчемной планеты, на которой со временем может появиться население — неповоротливое и бестолковое, — как на Земле.

64

Они сидели под Куполом втроем. Сивер Генарр наблюдал, Эугения Инсигна тревожилась, а Марлене Фишер не терпелось.

— Помни, Марлена, — внушала Инсигна, — нельзя смотреть на Немезиду. Я знаю, тебе говорили про инфракрасный свет, но, кроме того, время от времени на ее поверхности происходят взрывы, и она вспыхивает белым огнем. Вспыш-

ка длится минуту-другую, но этого вполне хватит, чтобы обжечь сетчатку, а заранее не угадаешь, когда это может случиться.

— Значит, астрономы не умеют предсказывать вспышки? — поинтересовался Генарр.

— Пока нет. В природе многое подчиняется случаю. Мы еще не знаем законов турбулентности в звездах, некоторые из нас полагают, что люди вообще не сумеют разобраться в них — слишком они сложны.

— Интересно, — произнес Генарр.

— Но мы должны быть благодарны Немезиде за эти вспышки. Как-никак, а все же целых три процента энергии, которую Эритро получает от Немезиды.

— Не слишком-то много...

— Уж сколько есть. Но без этого Эритро оледенела бы и здесь было бы труднее жить. Но Ротору вспышки мешают — приходится быстро реагировать на изменение освещенности, немедленно включать защитные поля.

Марлена слушала и то и дело переводила взгляд с одного на другого и наконец не выдержала:

— Ну сколько вы еще будете вот так разговаривать? Вам нужно, чтобы я здесь сидела? Я же вижу.

— А куда ты там пойдешь? — поспешно спросила Инсигна.

— Погуляю. Схожу к речке, то есть к ручью.

— Зачем?

— Интересно. Течет вода, течет под открытым небом. Непонятно, где начинается, неизвестно, где кончается, и нигде не видно насосов, которые перекачивали бы ее обратно.

— На самом деле, — начала объяснять Инсигна, — это происходит в результате воздействия тепла Немезиды...

— Я не об этом. Я хочу сказать, что ручей не сделан людьми. Просто хочется постоять у воды, посмотреть на нее.

— Только не пей, — приказала Инсигна.

— И не собираюсь. Неужели я час без питья не обойдусь? Если захочется есть-пить — или еще чего-нибудь, — сразу вернусь. И не надо, как всегда, устраивать столько шума из ничего.

— Тебе, наверное, уже хотелось бы нарушить установленный порядок в Куполе? — улыбнулся Генарр.

— Конечно. Любому бы хотелось.

Улыбка Генарра стала еще шире.

— Знаешь что, Эугения, я успел убедиться, что жизнь на поселениях переделывает людей. Теперь мы уже не представляем себе, как можно жить вне замкнутых циклов. А на Земле, ты знаешь, люди привыкли все выбрасывать: дескать, любые отбросы переработаются естественным путем, но, увы, иногда этого не случается.

— Генарр, ты мечтатель. Необходимость заставляет людей научиться хорошим манерам, но исчезнет необходимость — и все вернется на круги своя. С горки ехать легче, чем в горку. Так гласит второй закон термодинамики, и, если людям суждено жить на Эритро, не сомневаюсь, человечество моментально загадит ее от полюса до полюса.

— Этого не произойдет, — возразила Марлена.

— Почему же, дорогая? — вежливо осведомился Генарр.

— Не произойдет, потому что не произойдет, — нетерпеливо ответила Марлена. — Ну теперь я могу наконец идти?

Генарр взглянул на Инсигну.

— Что ж, Эугения, пусть идет. Ее же не удержишь. Кстати, рад тебе сообщить, что недавно с Ротора вернулась Рене Д'Обиссон и проверила результаты ее сканирования, начиная с первого. Она утверждает, что параметры мозга Марлены устойчивы настолько, что на Эритро ей ничто не сможет причинить вред.

Эти слова услышала Марлена, уже было собравшаяся уходить.

— Да, дядя Сивер, чуть не забыла. Будь поосторожнее с доктором Д'Обиссон.

— Почему? Она — великолепный нейропсихолог.

— Я не об этом. Когда после нашей прогулки вам было плохо, она обрадовалась, а когда вы пришли в себя — огорчилась.

— Откуда ты знаешь? — привычно спросила Инсигна.

— Знаю.

— Не понимаю. Сивер, ты ведь прекрасно ладил с Д'Обиссон.

— Конечно. И до сих пор лажу. И мы ни разу не ссорились. Но если Марлена говорит...

— А не может ли твоя Марлена ошибаться?

— Я не ошиблась, — проговорила Марлена.

— Не сомневаюсь в этом. — Сивер обратился к Инсигне: — Доктор Д'Обиссон — женщина честолюбивая. И случись что со мной, именно она станет моим преемником. Д'Обиссон много времени провела на Эритро, только ей по плечу справиться с лихоманкой, если та вновь появится. И что самое главное — она старше меня, и времени у нее еще меньше. Так что не могу винить Д'Обиссон, если при виде меня больного сердце у нее вдруг екнуло. Не исключено, что она сама не подозревала об этом.

— Нет, она знает, — многозначительно сказала Марлена. — Все знает. Последите за ней, дядя Сивер.

— Хорошо. Ты готова?

— Конечно.

— Тогда пошли в шлюз. Эугения, иди сюда и постарайся не мучиться так откровенно.

Так впервые Марлена выходила на поверхность Эритро одна, без защитной одежды. Было это по земному стандартному времени в 9.20 пополудни 15 января 2237 года. А по-эритрийски — ближе к полудню.

Глава 30

ПЕРЕХОД

65

Крайл Фишер старался выглядеть таким же невозмутимым, как и остальные члены экипажа.

Он не знал, куда подевалась Тесса. Впрочем, заблудиться она не могла — «Сверхсветовой» был невелик.

Крайл украдкой поглядывал на своих спутников. Он уже успел поговорить с ними — и не раз. Все были сравнительно молоды. Старшему, Сяо Ли Ву, специалисту по гиперпространству, было тридцать восемь, Генри Ярлоу — тридцать пять. Самой младшей была Мерри Бланковиц двадцати семи лет. Чернила еще не успели просохнуть на ее докторском дипломе.

Рядом с ними Уэндел в свои пятьдесят пять выглядела старухой — однако именно она изобрела, спроектировала — словом, сотворила этот звездолет.

Не на месте оказался только Фишер. В следующий день рождения ему исполнится пятьдесят, и ждать оставалось уже недолго. Специальной подготовки у него не было, и ни возраст, ни знания не давали ему права находиться на корабле.

Но на Роторе бывал он один. И это ему помогло. Не лишним, конечно, оказалось ходатайство Уэндел. Но главное — этого хотели Танаяма и Коропатский.

Корабль двигался в пространстве. Фишер чувствовал это движение, хотя внешне оно никак не проявлялось. Но он чувствовал — всеми своими кишками. И подумал: «Я провел в космосе больше, чем эти трое, вместе взятые, и летал чаще. А уж сколько кораблей повидал...

Потому-то я чувствую, как он трудно идет, — нутром чувствую. А они не могут».

«Сверхсветовой» действительно шел с трудом. Количество энергоустановок, обеспечивавших движение обычных кораблей в обычном пространстве, на нем было сведено до минимума. Иначе и не могло быть — основную часть корабля занимали гиперпространственные двигатели.

И теперь «Сверхсветовой» был похож на неуклюжую чайку, которая топчется у кромки воды, ожидая дуновения ветра, чтобы взмыть.

Откуда-то появилась Уэндел, слегка растрепанная и вспотевшая.

— Тесса, все в порядке? — спросил Фишер.

— Конечно, все превосходно. — Она уселась в одно из углублений в стене — очень полезных, поскольку искусственная гравитация на корабле была незначительной. — Нет проблем.

— И когда мы перейдем в гиперпространство?

— Через несколько часов. Надо добраться до точки с выбранными координатами, чтобы все гравитационные источники искривляли пространство расчетным образом.

— Значит, мы можем все точно учесть?

— Совершенно верно. — И, улыбнувшись Фишеру, Уэндел добавила: — А ты никогда об этом не спрашивал. С чего вдруг решил спросить?

— Мне же еще не приходилось летать в гиперпространстве. По-моему, вполне уместное любопытство.

— Этими вопросами я занималась много лет. Так что присоединяйся.

— Но ответь мне.

— Охотно. Во-первых, мы измерили полную интенсивность гравитационного поля в разных точках пространства, вне зависимости от того, знаем ли мы их окрестности или нет. Результат получается менее точным, чем при тщательном измерении всех компонентов и точном сложении воздействия всех источников тяготения, но этого достаточно — ведь нужно торопиться. Когда время дорого, нажимаешь, так сказать, на гиперпространственную кнопку в расчете на то, что гравитационное поле здесь не слишком сильно, и, конечно, ошибаешься, пусть и немного, — тогда переход будет сопровождаться чем-то вроде толчка — словно о порог споткнулся. Удастся этого избежать — отлично; нет — скорее всего, ничего страшного не случится. Но все же первый переход спокойствия ради хочется выполнить как можно более гладко.

— А если ты второпях подумаешь, что тяготение незначительно, а на самом деле это не так?

— Будем надеяться, что такого не случится.

— Ты говорила, что при переходе возникают напряжения, — значит, и первый вход в гиперпространство может оказаться роковым, даже если учтено тяготение?

— Это возможно, однако шансы на подобный исход минимальны, сколько бы ни было переходов.

— Ну а если до плохого не дойдет, могут ли все-таки возникнуть какие-то неприятные ощущения?

— Трудно сказать, здесь все субъективно. Видишь ли, ускорения не будет. Это с гиперприводом приходится разгоняться до скорости света и ненадолго превышать ее в слабом гиперпространственном поле. КПД низок, скорость высока, риск велик — не хочу даже гадать, какие здесь могут быть варианты. Но у нас — в сильном гиперпространственном поле — переход совершается на умеренной скорости. Только что мы делали тысячу километров в секунду, а через мгновение — уже тысячу миллионов, но без ускорения. А раз ускорения нет, мы ничего не почувствуем.

— Как это нет ускорения, если ты за какое-то мгновение в миллион раз увеличила скорость?

— В нашем случае переход является математическим эквивалентом ускорения. А твое тело способно прореагировать только на ускорение, а не на гиперпереход.

— Откуда ты знаешь?

— Мы проводили опыты с животными. В самом гиперпространстве они находились какую-то долю микросекунды, но для нас главное — переход, а даже при самом краткосрочном полете через гиперпространство его приходится совершать дважды.

— Значит, животные...

— А как же? Конечно, они нам ничего не могли рассказать, однако все вернулись целыми и невредимыми. И даже совершенно спокойными. Мы повторяли опыт на дюжине различных видов. Посылали даже мартышек. Все остались целыми. Кроме одной.

— А! Что же с ней случилось?

— Погибла. Морда животного была странным образом искажена, но причиной — мы выяснили — оказалась ошибка программирования. Подобное может случиться и с нами. Шанс невелик, но он есть. Ну как если, переходя через порог, ты спотыкаешься, падаешь и ломаешь себе шею. Случается ведь и такое — но люди все-таки ходят через пороги. Понял?

— Полагаю, выбора у меня нет, — сурово ответил Фишер. — Понял.

Через двадцать семь минут после этого разговора «Сверхсветовой» благополучно перешел в гиперпространство, да так, что никто из находившихся на борту этого не заметил. Начался первый сверхсветовой полет...

В момент перехода на часах значилось: 9.20 пополудни 15 января 2237 года по земному стандартному времени.

Глава 31

ИМЯ

66

Тишина!

Марлена погрузилась в безмолвие, понимая, что может нарушить его в любой момент. Наклонилась, подобрала голыш, запустила в скалу. С легким стуком он упал на землю.

Здесь, за пределами Купола, в своей обычной роторианской одежде Марлена ощущала полную свободу.

Она направилась прямо к ручью, даже не глядя по сторонам.

Вспомнились напутственные слова матери. Она умоляла: «Пожалуйста, Марлена, не забудь, что ты обещала держаться возле Купола».

Девушка усмехнулась. Ну и что? Захочет — останется рядом, не захочет — отойдет. Она вовсе не собиралась выполнять обещания, которые давала матери, только чтобы та оставила ее в покое. В конце концов, у нее с собой излучатель. По сигналу прибора ее найдут где угодно — стоит только направить приемный конец на установленный в Куполе излучатель.

Если с ней что-либо случится — упадет или поранится, — ее, безусловно, найдут.

Вот если ее поразит метеорит — дело другое. Тогда уж она погибнет наверняка, где бы это ни случилось — рядом с Куполом или нет. Впрочем, не стоит думать о метеоритах — ведь на Эритро так тихо и спокойно. А вот на Роторе всегда шумно. Куда ни сунься — везде шум и гам терзают уставший слух. Должно быть, на Земле еще хуже, с ее восемью миллиардами жителей, и триллионами животных, и грозами, и свирепыми потоками воды — и с неба, и на море. Однажды она попробовала послушать запись «Земной шум», но не выдержала до конца.

Но здесь, на Эритро, — восхитительная тишина. Марлена подошла к ручью. Вода бежала по узкому руслу с тихим журчанием. Взяла камешек, бросила в воду, послышался

всплеск. Тишина Эритро не была гробовой, просто здесь звуков было так мало, что они не нарушали торжественный покой.

Марлена топнула по мягкой глине у воды. Раздался глухой стук, а в глине остался отпечаток подошвы. Марлена нагнулась, зачерпнула пригоршню воды, плеснула на берег. На почве выступили пятна — пурпурные на розовом фоне. Она еще побрызгала, потом поставила ногу на влажное пятно и надавила. Подняв ногу, обнаружила глубокий след.

Кое-где из воды выступали большие камни, и Марлена перешла по ним на другой берег.

Она энергично зашагала вперед, размахивая руками и дыша полной грудью. Она знала, что в атмосфере планеты кислорода меньше, чем на Роторе. И если побежать, то быстро устанешь — но бежать не хотелось. Стоит сорваться с места — и мир начнет разворачиваться перед глазами более торопливо. А хотелось все разглядеть.

Она обернулась — Купол был еще виден, и особенно ясно — пузырь с астрономическими приборами на самом верху. Она рассердилась. Ей хотелось оказаться далеко-далеко отсюда, чтобы признаки существования рода людского остались за тонкой, чуть неровной линией горизонта.

Может быть, вызвать Купол? Предупредить мать, что какое-то время она будет вне видимости? Нет, не стоит — они начнут ругаться. Но ведь они принимают сигнал ее излучателя, значит, знают, что с ней все в порядке. И Марлена решила, что, если ее будут вызывать, она не станет обращать внимания. Ну в самом деле! Почему они не оставят ее в покое?

Глаза ее приспосабливались к розоватому свету Немезиды и розовой почве вокруг. Поверхность была розовой не везде, местами она становилась темнее, местами светлела — пурпурная, оранжевая, кое-где желтоватая. Цвета создавали новую палитру, не менее богатую, чем на Роторе, только более однородную.

Что же будет, если однажды люди поселятся на Эритро, обживутся, настроят городов? Они погубят и эту планету? Или печальный опыт Земли заставит их поступить иначе с

нетронутым миром, сотворить из него нечто более милое сердцу человека?

Сердцу какого человека? Любого?

В том-то и дело. Сколько людей — столько и идеалов. Каждый стремится к своей цели. Они снова начнут ссориться и тянуть в разные стороны. Не лучше ли оставить Эритро такой, какая она сейчас?

Да и нужно ли людям здесь появляться? Марлена отлично знала, что не собирается покидать эту планету. Ей было хорошо здесь, это был ее мир. Она еще не поняла почему, но планета — не Ротор — стала ее домом.

Может быть, в ней жила смутная память о Земле? Может быть, рядом с воспоминаниями о крохотном рукотворном космическом городке гнездились воспоминания о громадном беспредельном мире? Неужели такое возможно? Ведь Земля совершенно не похожа на Эритро, разве что размерами. И если даже в ней живет генетическая память о Земле — то что же сказать о землянах?

Нет, здесь, должно быть, что-то другое. Марлена потрясла головой — и крутанулась на месте, потом еще и еще — как в бесконечном пространстве. Странно, но Эритро не кажется пустынной. Там, на Роторе, просто глаза разбегаются: сады, поля, зелень, желтизна, прямолинейная иррегулярность рукотворных сооружений. Здесь же, на Эритро, повсюду только почва и глыбы камней, словно брошенных чьей-то гигантской рукой: странные силуэты, молчаливые и задумчивые; тут и там ручейки извиваясь пробираются между камнями. И ничего, кроме мириад крохотных клеток, наполняющих атмосферу кислородом под красными лучами Немезиды.

Как и подобает красному карлику, Немезида будет скупо светить еще две сотни миллиардов лет, даря энергию Эритро, чтобы крохам-прокариотам жилось тепло и уютно. Умрет земное Солнце, умрут и другие яркие планеты, родившиеся позднее его, а Немезида даже не изменится, и так же будет кружить Эритро вокруг Мегаса, и будут прокариоты жить, умирать, не ведая, что происходит вокруг.

Нет у человека права приходить в этот вечный мир и пытаться его изменить. Но если она останется на Эритро, ей нужна будет пища — и общение с себе подобными.

Конечно, время от времени она будет возвращаться в Купол, чтобы пополнить припасы, повидаться с близкими, но все остальное время она будет проводить с Эритро. А если кто-нибудь за ней увяжется? Как от них отделаться?

Ведь если сюда придут другие — неважно, сколько их будет, — этот рай погибнет. Он погибнет, даже если только она одна будет обитать в нем. Только она одна...

— Нет! — крикнула она. Крикнула громко: ей вдруг захотелось разорвать неподвижный воздух незнакомой планеты своим криком.

Крик прозвучал, и сразу стало тихо: на плоской равнине неоткуда было взяться эху.

Она снова крутанулась на месте. На горизонте виднелись очертания Купола. Но Марлене не хотелось его замечать. Лучше бы его совсем не было. Она хотела видеть только Эритро.

Тихо вздохнул ветер. Но Марлена не ощутила ни дуновения, ни холодка. Только этот тихий вздох: «А-а-а...»

И она весело повторила:

— А-а-а...

Марлена с любопытством посмотрела на небо. Синоптики обещали ясный день. Неужели на Эритро бывают внезапные бури? Значит, задует ветер, станет холодно, по небу помчатся облака, и начнется дождь, прежде чем она успеет вернуться в Купол?

Мысль показалась ей глупой, такой же глупой, как мысль о метеоритах. Конечно, на Эритро бывают дожди, но сейчас по небу медленно плыли редкие облака. Ленивые, неторопливые розовые облачка на темном куполе неба. И ничто не свидетельствовало о приближении бури.

— А-а-а... — снова прошептал ветер. — А-а-а-е-е...

Это был уже двойной звук, и Марлена нахмурилась. Откуда он взялся? Конечно, ветер сам не может родить такой звук. Может быть, у него на пути встретилось какое-то препятствие? Но ничего похожего поблизости не оказалось.

— А-а-а... е-е-е... а-а-а...

Теперь звук стал тройным с ударением на «е».

Марлена удивленно оглянулась. Она не могла понять, откуда взялся этот звук. Его должно было что-то произнести — но она ничего не ощущала.

Эритро казалась пустой и безмолвной. Она не могла породить этот звук.

— А-а-а... е-е-е... а-а-а...

Вот опять, уже яснее. Звук словно раздался в мозгу — сердце екнуло, и по спине побежали мурашки. Марлена почувствовала, как руки покрылись гусиной кожей. Но с головой ничего не могло случиться. Ничего! Она ждала, что звук повторится, и он повторился. Еще громче и еще яснее. Вдруг в нем послышалась какая-то сила, словно кто-то после долгих попыток чего-то достиг.

Долгих попыток? В чем?

Неожиданно ей в голову пришла мысль: «Словно кто-то, не знающий согласных, пытается произнести мое имя».

И тут, словно в подтверждение своей странной мысли, она услыхала:

— Ма-а-а-ле-е-е-на-а-а...

Машинально она зажала уши руками. «Марлена», — подумала она.

И голос словно передразнил:

— Ма-ар-ле-е-на-а.

И вдруг непринужденно, почти естественно:

— Марлена.

Она вздрогнула и узнала голос. Это Ауринел, Ауринел с Ротора, которого она не видела с того самого дня, когда рассказала ему, что Земля погибнет. С тех пор она редко о нем вспоминала, но всякий раз с грустью.

Почему же она слышит его голос там, где его не может быть, там, где не может быть других голосов?

— Марлена.

И она сдалась. Значит, эритрийская лихоманка, несмотря ни на что, все-таки одолела ее.

Она бросилась к Куполу — не разбирая дороги, ничего не видя перед собой.

Марлена даже не знала, что кричит.

67

Ее ждали. Заметив, что она возвращается бегом, двое часовых в э-комбинезонах немедленно вышли наружу и тут услышали ее крики.

Но прежде, чем они успели приблизиться, Марлена замолчала. И пошла шагом.

Спокойно взглянув на встречавших, Марлена ошеломила их вопросом:

— Что случилось?

Оба молчали. Один попытался взять ее за локоть, но она увернулась.

— Не трогайте меня, — заявила Марлена. — Если вам угодно — я пойду в Купол, но пойду сама.

И невозмутимо зашагала рядом с ними. Она была совершенно спокойна.

68

Эугения Инсигна, бледная, с дрожащими губами, тщетно пыталась взять себя в руки.

— Что случилось, Марлена?

Марлена посмотрела на мать своими темными бездонными глазами и ответила:

— Ничего, совершенно ничего.

— Не говори так. Ты бежала и кричала.

— Так получилось. Видишь ли, там было тихо, так тихо, что мне вдруг показалось, что я оглохла. Знаешь, такое безмолвие. И я затопала ногами и побежала — просто чтобы слышать шум — и закричала...

— Чтобы слышать какой-то звук и голос? — хмурясь переспросила Инсигна.

— Да, мама.

— Марлена, и ты думаешь, что я тебе поверю? Не надейся. Мы слышали твой голос: чтобы нашуметь, так не кричат. Ты кричала от ужаса. Кто тебя испугал?

— Я же сказала. Тишина. Внезапная глухота. — Марлена обернулась к Д'Обиссон: — Как по-вашему, доктор, может

случиться, что если ты какое-то время совсем ничего не слышишь, но уши твои привыкли к шуму, то вдруг померещится, что до слуха донеслось нечто осмысленное?

Д'Обиссон слабо улыбнулась.

— Витиевато сказано, однако сенсорный голод действительно может вызвать галлюцинации.

— Да, именно так и случилось. Сначала я испугалась. Но как только услыхала собственный голос и звук шагов, то сразу успокоилась. Спросите у часовых, которые вышли навстречу. Они видели, что я спокойна. Спросите их, дядя Сивер.

Генарр кивнул:

— Они мне об этом уже сообщили. Кстати, нам приходилось сталкиваться с подобным явлением. Хорошо. Пусть будет так.

— Нет, вовсе не хорошо, — возразила Инсигна, все еще бледная от страха, или от гнева, или от того и другого сразу. — Больше она никуда не пойдет. Все эксперименты окончены.

— Знаешь, мама!.. — в ярости выкрикнула Марлена. Чтобы предотвратить начинающуюся ссору, Д'Обиссон громко сказала:

— Доктор Инсигна, эксперимент не закончен. Сейчас неважно, пойдет она или нет. Сначала надо выяснить, что случилось.

— Что вы имеете в виду? — забеспокоилась Инсигна.

— Я хочу сказать, что в тишине, конечно, могут послышаться любые голоса. Однако не исключено, что у Марлены начались некоторые нарушения умственной деятельности.

Инсигна вздрогнула, словно ее ударили.

— Это вы про эритрийскую лихоманку? — спросила Марлена.

— Не совсем, — ответила Д'Обиссон. — На нее ничего не указывает — просто я допускаю такую возможность. Значит, необходимо сканирование. Для твоего же блага.

— Нет, — сказала Марлена.

— Что значит нет? — спросила Д'Обиссон. — Ты должна подчиниться. Мы не можем иначе. Сканирование в таких случаях обязательно.

Марлена задумчиво посмотрела на Д'Обиссон.

— Вам хочется, чтобы я заболела лихоманкой. Вы надеетесь на это.

Д'Обиссон на мгновение застыла, потом сказала дрогнувшим голосом:

— Ну знаете ли, это просто смешно. Как вы смеете утверждать подобное?

Генарр тоже посмотрел на Д'Обиссон.

— Рене, вспомните, что мы говорили вам о Марлене: если она утверждает, что вы хотите видеть в ней больную, значит, так оно и есть — вы чем-то себя выдали. Конечно, если Марлена говорит серьезно, а не от испуга или обиды.

— Серьезно, — подтвердила Марлена. — Она живет этой надеждой.

— Итак, Рене, — холодно произнес Генарр, — что скажете?

— Мне лично понятно, что имеет в виду эта девица. Уже много лет мне не приходилось наблюдать лихоманки. В прежнее время, когда Купол только строился, у меня практически не было подходящих средств для ее изучения. Да, как профессионал я приветствовала бы такую возможность. Изучив заболевшего лихоманкой с помощью новых методов, я, возможно, сумела бы обнаружить причину болезни, найти подходящие лекарства, предложить профилактические меры. Вот вам и причины моих надежд. Чисто профессиональная заинтересованность. Но этой девице, не умеющей читать мысли и не знающей людей, она кажется просто злорадством. Милая моя, уверяю вас, это не так.

— Просто или не просто, — упрямилась Марлена, — но мне вы желаете зла. В этом я не ошибаюсь.

— Ошибаетесь, милочка. Сканирование в таких случаях обязательно, и оно будет проведено.

— Этому не бывать! — Марлена сорвалась на крик. — Вам придется вести меня силой или накачивать снотворными, а тогда результаты окажутся недостоверными.

Дрожащим голосом Инсигна вставила:

— Я не позволю этого, если она против.

— В данном случае неважно, хочет она или нет... — начала Д'Обиссон и пошатнулась, схватившись за живот.

— В чем дело? — без интереса спросил Генарр. И, не дожидаясь, пока Инсигна доведет Д'Обиссон до ближайшей

кушетки и уложит ее, обратился к Марлене: — Почему ты не хочешь согласиться на обследование?

— Не хочу. Она скажет, что я заболела.

— Не скажет. Я обещаю. Разве что ты на самом деле больна.

— Я не больна.

— Я уверен в этом, и сканирование подтвердит. Поверь мне, Марлена. Пожалуйста.

Марлена взглянула на Д'Обиссон, потом на Генарра.

— И я смогу снова выйти на Эритро?

— Конечно. Сколько захочешь. Если с тобой все в порядке — а ведь ты в этом не сомневаешься, так ведь?

— Не сомневаюсь.

— Значит, сканирование все покажет.

— Да, но вдруг она скажет, что я не могу выходить?

— Твоя мама?

— И доктор.

— Нет, они не посмеют тебя остановить. А теперь — скажи, что согласна на сканирование.

— Хорошо. Пусть будет так, как она хочет.

Рене Д'Обиссон медленно поднялась с кровати.

69

Д'Обиссон внимательно разглядывала распечатки с результатами сканирования. Сивер Генарр следил за ней.

— Интересная картинка, — пробормотала Д'Обиссон.

— Это было известно еще давным-давно, — сказал Генарр. — Она — странная девушка. Главное — нет ли перемен?

— Никаких, — ответила Д'Обиссон.

— Вы как будто разочарованы.

— Командир, не будем повторяться. Да, как профессионал я ощущаю известное разочарование. Я предпочла бы новый случай, чтобы изучить его.

— А как вы себя чувствуете?

— Я уже вам сказала...

— Физически, я имею в виду. Такой странный обморок...

— Это был не обморок. Просто нервы. Мне еще не при-

ходилось слышать обвинений в желании видеть кого-то больным. Да еще таких безапелляционных.

— А что же с вами случилось? Живот заболел?

— Возможно. Во всяком случае, я ощутила боли в области желудка. И голова тоже кружилась.

— С вами часто такое случается, Рене?

— Нет, — резко ответила она, — и в нарушении профессиональной этики меня обвиняли не чаще.

— Какая вы, однако, возбудимая. Почему вы приняли эти слова так близко к сердцу?

— Давайте сменим тему разговора. Сканирование не показало никаких перемен. Если прежде она считалась нормальной, значит, нормальна и сейчас.

— Значит, как врач вы считаете, что она может продолжать изучение Эритро?

— Раз с ней ничего не случилось, у меня нет никаких оснований запрещать.

— Итак, вы намереваетесь все забыть и вновь отправить ее туда?

В голосе Д'Обиссон послышалась враждебность:

— Вы знаете, что я недавно встречалась с комиссаром Питтом. — Это был не вопрос.

— Да, знаю, — невозмутимо подтвердил Генарр.

— Он попросил, чтобы я взяла на себя руководство новыми работами по исследованию эритрийской лихоманки, и обещал хорошее финансирование.

— Прекрасная идея. Едва ли он мог найти лучшего руководителя.

— Благодарю вас. Однако командиром вместо вас он меня не назначил. Поэтому вам решать, выходить Марлене Фишер наружу или нет. Свое участие в этом деле я ограничиваю сканированием ее мозга — когда оно потребуется.

— Я намереваюсь разрешить Марлене исследовать Эритро и не чинить ей никаких препятствий. У вас возражений не будет?

— Как врач я уверена, что лихоманки у нее нет, и не стану вас останавливать, но право приказывать принадлежит

вам и останется только вашим. И все бумаги вы будете подписывать без меня.

— Но вы не станете оказывать мне противодействие?

— На это у меня нет причин.

70

Обед закончился, тихо играла музыка. Сивер Генарр, тщательно выбиравший выражения в разговоре со встревоженной Эугенией Инсигной, наконец проговорил:

— Так сказала мне Рене Д'Обиссон, однако во всем этом чувствуется влияние Януса Питта.

Эугения выглядела очень встревоженной.

— Ты действительно так думаешь?

— И ты, наверное, тоже. Януса ты, должно быть, знаешь лучше меня. Плохо. Рене — компетентный врач, умница и человек неплохой, но она честолюбива — как и все мы, впрочем, — и потому ее легко совратить. Она действительно мечтает войти в историю как победительница эритрийской лихоманки.

— И ради этого она хочет рискнуть Марленой?

— Не то чтобы хочет, но она все-таки стремится... Хорошо, в общем, ты права.

— Должен быть другой выход. Посылать Марлену в такое опасное место, экспериментировать с нею, как с прибором, — это же ужасно.

— Но она так не считает, а уж Питт — тем более. Пусть погибнет один чей-то разум, но человечество приобретет планету, где смогут жить миллионы. Жесткий подход, однако не исключено, что грядущие поколения увидят в Рене суровую героиню и поблагодарят ее за одну жертву, даже за тысячу, если одной не хватит.

— Почему бы и нет, если речь идет не об их разуме.

— Конечно. Люди охотно принимают жертвы от ближних. Уж Питта подобное не смутит. Или ты не согласна со мной?

— Ты о Питте? Полностью согласна, — сказала Инсигна. — Надо же, я столько лет с ним проработала.

— Тогда ты должна знать, что он из всего извлечет мораль. «Наибольшая выгода для наибольшего числа людей», — так он сказал бы. Рене говорила, что виделась с ним на Роторе. Не сомневаюсь: ей он говорил то же самое, что и я тебе, разве что иными словами.

— Ну а что он будет говорить, — с горечью сказала Инсигна, — когда окажется, что Марлена заболела и не удалось ничего выяснить насчет лихоманки? Что он скажет, угробив мою дочь? И что будет говорить эта Рене Д'Обиссон?

— Она-то расстроится, я уверен.

— Потому что ей не удастся добиться славы?

— Конечно, но перед Марленой она, я думаю, будет чувствовать вину. Она не чудовище. А вот Питт...

— Уж он-то истинное чудовище.

— Я бы сказал иначе — просто у него «туннельное зрение». Он видит перед собой лишь то, что, по его мнению, должно происходить с Ротором. Для нас с тобой болезнь Марлены будет несчастьем, а он просто скажет себе, что Марлена помешала бы ему править Ротором, ведь приходится учитывать столько факторов, заставляя их служить на благо поселению. Ее болезнь не отяготит его совесть.

Инсигна легонько качнула головой.

— Хотелось бы ошибиться, лучше бы Питт и Д'Обиссон были вне подозрений.

— Я тоже так думаю, но предпочитаю верить Марлене. Она говорила, что заметила в Рене радость. Может быть, это чувство и вправду относилось к открывшейся научной возможности, но все-таки я доверяю Марлене.

— Да, Д'Обиссон уверяла, что такой случай мог бы обрадовать ее как профессионала, — сказала Инсигна. — Могу поверить, в конце концов, я и сама ученая.

— Конечно же, — ответил Генарр. Его добродушное лицо озарилось улыбкой. — Ты решилась оставить Солнечную систему, чтобы лететь неведомо куда за световые годы, к новым астрономическим знаниям, прекрасно понимая, что этим, возможно, обрекаешь на смерть обитателей Ротора...

— Мне казалось, что шансы на неудачный исход невелики.

— Настолько невелики, чтобы рискнуть годовалой девчонкой? Ты ведь могла оставить ее с домоседом мужем, в безопасности — но тогда с ней пришлось бы расстаться навсегда. И ты рискнула ее жизнью, даже не ради блага Ротора, просто для собственного спокойствия.

— Прекрати, Сивер! — приказала Инсигна. — Это жестоко.

— Я просто хочу доказать тебе, что на все можно смотреть с разных точек зрения — стоит лишь слегка задуматься. Да, Д'Обиссон находит профессиональное удовольствие в изучении заболеваний, но вот Марлена решила, что врач не хочет ей добра, и я доверяю ее словам.

— Тогда можно не сомневаться, — сказала Инсигна, презрительно скривив губы, — что она постарается снова выставить Марлену на поверхность Эритро.

— Предполагаю, что так и будет, однако она осторожна и настаивает, чтобы я отдал приказ, и лучше в письменном виде. Хочет подстраховаться на случай неудачи. Мысль, достойная Питта. Вот кто истинная зараза — наш общий друг.

— В таком случае, Сивер, тебе нельзя больше выпускать Марлену. Зачем нам помогать Питту?

— Напротив, Эугения. Все не так просто. Мы должны будем посылать ее.

— Что?

— У нас нет выбора, Эугения. А ей ничего не грозит. Видишь ли, теперь я считаю, что ты была права и на планете действительно скрывается какая-то жизненная форма, способная воздействовать на нас. Ты же сама знаешь, что и со мной произошел странный приступ, и с тобой, и с часовым тоже было такое — именно тогда, когда мы возражали Марлене. Я сам видел, как это случилось с Рене. Едва она попробовала настоять на своем, ей сразу же стало плохо. Но стоило мне успокоить Марлену, как Рене тут же полегчало.

— Ну вот, Сивер, все стало ясно. Если это нечто на планете хочет нам зла...

— Погоди-ка, Эугения. Я не говорил этого. Даже если причины лихоманки кроются в воздействии этой местной жизни, теперь болезнь прекратилась. Ты скажешь: это потому, что мы решили держаться под Куполом и, если бы нам действительно желали зла, мы погибли бы. Однако налицо цивилизованный компромисс: нам позволили поселиться здесь.

— Сомневаюсь, что действия совершенно чуждой нам жизни можно рассматривать с позиций ее намерений и эмоций. На самом деле истинная суть ее мыслей может выходить за пределы нашего понимания.

— Согласен, Эугения, но она же не причиняет Марлене вреда. Напротив, словно защищает, делает так, чтобы мы не мешали.

— Но если так, — проговорила Инсигна, — почему же она испугалась, почему с криком бросилась к Куполу? Я не верю ни единому ее слову; ни тому, что она занервничала от тишины, ни тому, что шумом пыталась нарушить ее...

— Да, в это поверить сложно. Она запаниковала, потом успокоилась. Спасатели застали ее в полном спокойствии. Могу предположить, что эта загадочная жизненная форма чем-то испугала Марлену — наверное, в наших эмоциях она разбирается не больше, чем мы в ее собственных, — но потом заметила, что натворила, и постаралась успокоить девочку. По-моему, это удовлетворительное объяснение — в него укладываются все факты, заодно оно подтверждает гуманную природу местной жизни.

Инсигна нахмурилась.

— Трудно с тобой, Сивер, ты вечно во всем видишь только хорошее. Не могу я поверить этому объяснению.

— Верь не верь, все равно нам с тобой нечего возразить Марлене. Пусть она делает что хочет, иначе все ее противники будут валяться без сознания или корчиться от боли.

— Но какие существа могут обитать здесь?

— Не знаю, Эугения.

— Больше всего меня пугает другое — что нужно им от Марлены?

— Не знаю, Эугения. — Генарр качнул головой.

И они беспомощно посмотрели друг на друга.

Глава 32

ПОТЕРЯЛИСЬ

71

Крайл Фишер задумчиво смотрел на яркую звезду.

Но она была слишком яркой, чтобы на нее можно было смотреть, как обычно смотрят на что-то. Он бросал на нее быстрый взгляд, а потом разглядывал запечатлевшееся на сетчатке изображение. Тесса Уэндел все время напоминала ему, что он может получить ожог сетчатки. Но, убедившись, что слова бесполезны, приказала затемнить иллюминатор. Звезда потускнела, а остальные звезды почти исчезли, превратившись в еле заметные мерцающие точки.

Этой яркой звездой, конечно же, было Солнце.

Оно было невероятно далеко, человеческий глаз еще не видел его на таком расстоянии — если не считать роториан. Солнце находилось теперь в два раза дальше от корабля, чем от самой крайней точки орбиты Плутона, и его диск уже не был виден. Но, став звездой, Солнце все-таки светило в сто раз ярче, чем полная Луна в небе Земли, только теперь его яркость сконденсировалась в точку. Поэтому нетрудно было сообразить, зачем нужны светофильтры.

Все изменилось. Обычно человеку и в голову не приходит удивиться Солнцу. Оно такое яркое, что его просто не с чем сравнивать. Той малой доли его света, что рассеивается в атмосфере, хватает, чтобы затмить на небе все звезды. И даже те звезды, которые не меркнут рядом с Солнцем, все равно не могут с ним сравниться.

Но здесь, в глубоком космосе, свет Солнца казался ослабевшим настолько, что подобное сравнение вот-вот станет возможным. Уэндел говорила, что в этой точке яркость Солнца в сто шестьдесят раз больше, чем у Сириуса, самого яркого после Солнца объекта на небе Земли. И миллионов в двадцать раз ярче тех звезд, которые еще можно было видеть невооруженным глазом. Поэтому здесь Солнце выглядело совсем не таким, как в земном небе.

Кроме разглядывания звездного неба, Фишеру оказалось

нечем заняться. «Сверхсветовой» дрейфовал в пространстве с обычной для ракеты скоростью.

На такой скорости до Звезды-Соседки им лететь тридцать пять тысяч лет — если только корабль летит в нужную сторону. Но оказалось, что это не так.

Вот почему уже два дня Уэндел не находила себе места от отчаяния. До сих пор причин для беспокойства не было. Перед входом в гиперпространство Фишер напрягся, ожидая боли, неприятных ощущений. Но ничего не было. Корабль мгновенно вошел в него и тут же вышел обратно. Только картина звездного неба вдруг разом изменилась.

Крайл ощутил какое-то двойное чувство. С одной стороны, он был жив, а с другой — если что-то произойдет, то смерть придет так быстро, что он не успеет этого осознать. Умрет, ничего не ощутив.

Это чувство так поглотило его, что он даже не обратил внимания на тревожный возглас, с которым Тесса Уэндел бросилась в машинный зал.

Вернулась она какая-то растрепанная — нет, ее прическа была в порядке, однако при взгляде на нее возникала такая мысль. Она взглянула на Фишера круглыми глазами, словно не узнавая, и сказала:

— А созвездия не должны были измениться.

— Неужели?

— Мы ведь еще недалеко отлетели. Не должны были отлететь далеко. Один миллисветогод с третью. Этого мало, чтобы очертания созвездий изменились для невооруженного глаза. Правда, — она судорожно вздохнула, — все не так уж и плохо. Я боялась, что мы промахнулись на несколько тысяч световых лет.

— Тесса, разве это возможно?

— Конечно, возможно. Вот и приходится контролировать движение в гиперпространстве, потому что для него тысяча световых лет что один год.

— Значит, мы спокойно можем...

Уэндел знала, что скажет Фишер.

— Нет, вернуться не так просто. Если нас подвело управление, каждый новый этап путешествия будет заканчиваться

неизвестно где, в какой-то случайной точке, и мы никогда не вернемся назад.

Фишер нахмурился. Эйфория, охватившая его оттого, что он побывал в гиперпространстве и благополучно вернулся, исчезла.

— Но во время экспериментов вы же благополучно возвращали объекты?

— Они были не такими массивными, и мы перебрасывали их не так далеко. Впрочем, пока все не так уж плохо. Мы прошли столько, сколько планировали. Расположение звезд такое, каким должно быть.

— Как это? Ведь оно изменилось. Я сам видел.

— Изменилась ориентация корабля. Его нос отклонился почти на двадцать восемь градусов. То есть мы летели по кривой, а не по прямой.

Звезды в иллюминаторе медленно двигались.

— Сейчас мы разворачиваемся носом к Звезде-Соседке, — сказала Уэндел, — из психологических соображений: чтобы понимать, куда летим. Прежде чем лететь дальше, придется выяснить, почему траектория корабля изменилась.

В иллюминаторе ослепительным маяком вспыхнула яркая звезда, медленно проплыла и исчезла. Фишер моргнул.

— Солнце, — пояснила Уэндел, отвечая на удивленный взгляд Фишера.

— Есть ли разумное объяснение того, почему наш курс изменился? — спросил Фишер. — Если Ротор тоже сбился с курса, то кто знает, чем все это кончилось?

— И чем кончится у нас. Пока у меня нет объяснений. — Уэндел встревоженно посмотрела на него. — Будь наши предположения точны, изменилось бы лишь положение корабля, а не его ориентация. То есть мы переместились бы по Эвклидовой прямой, невзирая на неэвклидово пространственно-временное искривление. Двигались-то мы не в нем. Скорее всего, мы ошиблись при программировании или напутали в исходных параметрах. Лучше бы это было программирование — такую ошибку проще исправить.

Прошло пять часов. Уэндел вошла, потирая глаза. Фишер вопросительно взглянул на нее. Он пытался посмотреть

фильм, но не мог сосредоточиться. Тогда он стал рассматривать созвездия, надеясь, что вид в иллюминаторе успокоит его.

— Ну, Тесса? — спросил он.

— С программированием, Крайл, все в порядке.

— Значит, врут исходные данные?

— Да — но как это определить? Мы же использовали едва ли не бесконечное множество допущений. Как найти среди них ошибочное? Нельзя же перебирать по одному — и до конца не доберемся, и потеряемся окончательно.

Воцарилась тишина. Наконец Уэндел сказала:

— Если бы ошибка была в программировании, мы исправили бы ее шутя и все было бы в порядке. Но теперь придется обратиться к основам. Тут уж мы наверняка обнаружим что-то серьезное и если не справимся, то, возможно, пути домой уже не найдем. — Она прикоснулась к руке Фишера. — Ты понял меня, Крайл? Если мы не сможем найти ошибку, только случай поможет нам вернуться домой. С каждой новой попыткой мы будем попадать все дальше и дальше от нужного места. А когда надоест прыгать, когда иссякнет энергия или глубокое отчаяние лишит нас желания жить — нас ждет смерть. И всем этим ты будешь обязан мне. Но главное не это — погибнет мечта. Если мы не вернемся, на Земле ничего не узнают о нашей судьбе. Скорее всего, решат, что мы погибли при переходе, и откажутся от новых сверхсветовых полетов.

— Но необходимо пробовать — ведь нужно спасать человечество...

— Не обязательно. Они могут опустить руки и так дожидаться Звезды-Соседки, а потом просто погибнуть по одному. — Уэндел подняла глаза и поморгала. Лицо ее казалось ужасно усталым.

Крайл хотел что-то сказать, но промолчал.

— Крайл, мы уже столько лет вместе, — нерешительно начала Уэндел. — Если твоей мечты о дочери больше нет — хватит ли тебе только меня?

— Я тоже могу спросить: удовольствуешься ли ты мной одним, когда у тебя уже не будет твоего сверхсветового полета?

Оба задумались над ответом. Наконец Уэндел проговорила:

— Крайл, ты у меня на втором месте, но с внушительным отрывом от всего прочего. Спасибо тебе.

Фишер поежился.

— Тесса, то же самое я хотел сказать тебе. Но перед стартом я бы ни за что в это не поверил. Кроме дочери, у меня есть только ты. И мне подчас хочется...

— Не надо. Второе место тоже почетно.

И они взялись за руки. Крепко. И стали смотреть на звезды.

В дверь просунулась головка Мерри Бланковиц.

— Капитан Уэндел, у Ву есть идея. Он говорит, что уже давно думает об этом, но не решается сказать.

— Почему? — Уэндел вскочила.

— Он сказал, что однажды попробовал, а вы велели ему не быть дураком.

— Неужели? А почему он решил, что я никогда не ошибаюсь? Конечно, я его выслушаю и, если окажется, что идея недурна, сломаю шею за то, что не сказал раньше...

И она торопливо вышла.

72

Весь день и половину следующего Фишер ждал. Больше ему ничего не оставалось. Ели все вместе, как обычно, но молча. Фишер не знал, удалось ли ученым поспать. Сам он дремал иногда, просыпаясь, чтоб в очередной раз прийти в отчаяние.

«Сколько лет мы можем здесь выдержать?» — подумал он на второй день, глядя на прекрасную и недостижимую точку в небе, которая недавно согревала его и освещала дни его жизни.

Рано или поздно все они умрут. Да, современная космическая техника может существенно продлить их жизнь. Установки замкнутого цикла достаточно эффективны. Даже пищи хватит надолго, если они будут довольствоваться пресными и безвкусными пирожками из водорослей. Микроатомные двигатели в состоянии надолго обеспечить их энергией. Но едва ли кому-нибудь захочется дожить до тех пор, когда система жизнеобеспечения придет в негодность.

Когда у тебя нет никакого выхода — не разумнее ли прибегнуть к регулируемым деметаболизаторам?

Этот способ самоубийства был принят на Земле. Можно было отмерить себе дозу на целый день и, зная, что этот день будет последним, прожить его по возможности счастливо. К вечеру человека охватывала дремота. Зевая, он погружался в спокойные и мирные сновидения, которые становились все глубже, потом сны исчезали — и человек не просыпался. Более гуманной смерти еще не придумали.

Однако в пять часов вечера, на следующий день после неудачного перехода, совершившегося по кривой, а не по прямой, запыхавшаяся Тесса ворвалась в каюту и круглыми глазами взглянула на Крайла. Ее темные волосы, в которых за последний год прибавилось седины, были взлохмачены.

Фишер испуганно вскочил.

— Плохо?

— Нет, хорошо! — ответила она и рухнула в кресло. Фишер не поверил своим ушам. К тому же он не был уверен, что Тесса не пошутила. А потому он молча наблюдал, как она приходила в себя.

— Все хорошо, — наконец повторила она. — Отлично! Великолепно! Крайл, ты видишь перед собой дуру. И мне уже не оправдаться.

— Но что же случилось?

— Сяо Ли Ву знал, в чем дело, знал с самого начала. И я даже помню, как он говорил мне об этом. Несколько месяцев, может, год назад. Я тогда не обратила внимания, отмахнулась... — Она умолкла, чтобы перевести дыхание. Возбуждение мешало ей говорить. — Вся беда в том, что я думала, что одна разбираюсь в физике сверхсветового полета и никто не может зайти дальше меня. И если кто-то высказывал идею, которая казалась мне странной, значит, эта идея — просто глупость. Ты понял, что я хочу сказать?

— Случалось мне встречаться с такими людьми... — мрачно ответил Фишер.

— На это всякий способен, — сказала Уэндел, — при определенных обстоятельствах. Наверное, особенно легко этому поддаются стареющие ученые. Потому-то былые смелые революционеры в науке через несколько десятилетий пре-

вращаются в живых ископаемых. Как только воображение покроется корочкой самообожания — конец. И мне тоже... Но хватит об этом. За один день мы все кончили, подправили уравнения, перепрограммировали компьютер, провели модельные расчеты. Прошли по всем темным дорожкам и ухватили себя за уши. В обычных условиях на это ушло бы не менее недели, но мы работали как одержимые.

Уэндел опять умолкла, чтобы перевести дух. Фишер кивнул и нетерпеливо прикоснулся к ее руке.

— Все это сложно, — продолжала она, — но попробую объяснить. Смотри: мы переходим в гиперпространство из одной его точки в другую за нулевое время. Но переход совершается по определенной траектории, каждый раз по новой, обладающей определенной начальной и конечной точками. Мы не ощущаем ее, не контролируем, вообще не движемся по ней, как это бывает в пространстве-времени. Она существует весьма малопонятным образом. Такую траекторию мы называем виртуальной. Я сама придумала этот термин.

— Но если мы не ощущаем ее и не движемся по ней — откуда известно, что она действительно существует?

— Виртуальная траектория определяется уравнениями, описывающими наше движение в гиперпространстве.

— А ты уверена, что уравнения действительно описывают реальный объект? Не может ли случиться, что твоя траектория представляет собой всего лишь математическую абстракцию?

— Возможно. Я и сама так считала. А Ву еще год назад заподозрил, что траектория реально существует. А я, словно абсолютная идиотка, походя отвергла такую возможность. Я сказала ему тогда, что виртуальная траектория существует лишь виртуально. Раз ее нельзя измерить, она находится за пределами науки. Какая близорукость! Стыдно даже вспоминать об этом.

— Ну хорошо. Пусть виртуальная траектория каким-то образом существует. Что из того?

— В таком случае, если она пролегает возле массивного тела, на корабль действует гравитация. Вот и первое ошеломляющее и полезное открытие: оказывается, тяготение способно влиять на виртуальную траекторию. — Уэндел сер-

дито погрозила себе кулаком. — Я сама думала об этом, но решила, что если корабль будет двигаться во много раз быстрее скорости света, то гравитация не успеет оказать существенного воздействия и что перемещаться мы должны по Эвклидовой прямой.

— Но случилось иначе?

— Конечно. И Ву все объяснил. Представь себе, что скорость света — просто точка отсчета. Все скорости, которые меньше ее, имеют отрицательную величину, а больше — положительную. В той обычной Вселенной, где мы живем, все скорости будут отрицательными — обязаны быть по этому допущению. Но Вселенная равновесна. Если один фундаментальный параметр, как скорость движения, остается отрицательным, значит, другой параметр, не менее фундаментальный, обязан всегда быть положительным... Так вот, Ву предположил, что это тяготение. В обычной Вселенной оно означает притяжение. Каждый обладающий массой объект притягивает к себе все прочие, также наделенные массой. Однако если нечто движется со сверхсветовой скоростью, то есть быстрее света, то эта скорость становится положительной и тогда тот, другой параметр, прежде бывший положительным, должен сделаться отрицательным. Иными словами, при сверхсветовых скоростях гравитационное воздействие делается отрицательным. Каждый наделенный массой объект отталкивает все другие. Ву давно уже говорил мне об этом, а я не слушала. Его слова отскакивали от меня как от стенки горох.

— Но в чем же дело, Тесса? Ведь мы движемся с колоссальной сверхсветовой скоростью, а значит, гравитационное притяжение, как и отталкивание, не способно повлиять на наш путь.

— Ах, Крайл, это совсем не так. В том-то и дело. Здесь тоже существует обратимость. В обычной Вселенной отрицательных скоростей чем быстрее движешься мимо притягивающего тела, тем меньше гравитационное притяжение способно повлиять на направление движения. Во Вселенной положительных скоростей, в гиперпространстве, чем быстрее движемся мы относительно отталкивающего тела, тем сильнее воздействует оно на направление движения. Для нас

это безумие, мы привыкли к правилам нашей Вселенной. Но, как только поменяли минус на плюс и наоборот, все встает на свои места.

— Математически. Но насколько можно верить уравнениям?

— Наши расчеты мы сравниваем с фактами. Гравитационное притяжение, как и отталкивание, является самой слабой из всех сил на всей виртуальной траектории. И внутри корабля, и внутри нас самих, пока мы остаемся в гиперпространстве, все частицы отталкиваются друг от друга, но подобное отталкивание не в состоянии преодолеть совместного действия прочих сил, не поменявших своего знака. Однако на пути от Четвертой станции сюда мы пролетали неподалеку от Юпитера. И воздействие его массы на виртуальной траектории оказалось не слабей, чем притяжение на обычной орбите. Мы рассчитали, насколько гравитационное отталкивание Юпитера способно было повлиять на наш путь в гиперпространстве, и получили именно то, что наблюдаем. Другими словами, Ву не только упростил мои уравнения — он заставил их работать.

— Выходит, ты сломала его шею, как и обещала? — спросил Фишер.

Уэндел вспомнила свое обещание и рассмеялась:

— Что ты! Признаюсь, я его даже поцеловала.

— Прощаю тебя.

— Конечно. Теперь, Крайл, мы обязаны вернуться, просто обязаны. Новые сведения о гиперпространстве должны быть зафиксированы. Ву должен получить свою награду. Конечно, он воспользовался моими трудами, но сумел сделать такое, что мне и в голову не приходило: он учел следствия.

— Понимаю, — отозвался Фишер.

— Нет, не понимаешь, — сказала Уэндел. — А теперь слушай меня. У Ротора не было проблем с гравитацией. Они держались скорости света — чуть больше, чуть меньше, — так что гравитационные эффекты, положительные и отрицательные, отталкивание и притяжение, для них не имели значения. Только наш полет на истинных сверхсветовых скоростях требует учета воздействия гравитации. Мои уравнения здесь бесполезны. Они описывают переход в гиперпространство, а не передвижение в нем. И это не все. Мне всегда казалось, что вторая часть перехода — выход из гиперпространства — чревата неизбежной опасностью. Ведь можно врезаться в уже существующий объект: произойдет фантастический взрыв, и корабль, и все в нем вдребезги разлетится за триллионную долю триллионной части секунды. Конечно, в звезду не врежешься — нам известно, где расположены звезды, их легко обойти. Со временем мы будем знать местоположение и планет каждой звезды, учтем и их воздействие. Но в окрестностях каждой звезды десятки тысяч астероидов и десятки миллионов комет. И столкнуться с ними не менее опасно. До сегодняшнего дня единственное спасение я видела в законах случайности. Пространство огромно, и вероятность столкнуться в нем с объектом больше атома, хотя бы с песчинку, чрезвычайно мала. Но в таком случае каждый новый скачок через гиперпространство только приближал бы катастрофу.

Теперь можно надеяться, что столкновения невозможны. Наш корабль и любое массивное тело в пространстве будут отталкиваться друг от друга. Так что мы даже на булыжник не налетим. Все препятствия будут сами собой устраняться с нашей дороги.

Фишер почесал лоб.

— А мы-то сами не уклонимся от нее? Препятствия могут полностью изменить наш путь.

— Нет, маленькие объекты не смогут существенно повлиять на траекторию; маленькие отклонения — небольшая плата за безопасность. — Уэндел глубоко вздохнула и блаженно потянулась. — У меня великолепное настроение. На Земле это открытие произведет сенсацию.

Фишер усмехнулся.

— А знаешь, Тесса, перед тем как ты влетела сюда, мне уже представлялись всякие жуткие сцены: и как мы навек здесь застряли, и как наш корабль скитается в пространстве с пятью мертвецами на борту, как когда-нибудь его обнаружат разумные существа и оплачут гибель космических скитальцев...

— Не думай об этом, дорогой мой, ничего такого не случится, — улыбаясь, ответила Тесса. И они обнялись.

Глава 33

РАЗУМ

73

Эугения Инсигна выглядела мрачной.

— Марлена, неужели ты опять собралась выходить?

— Мама, — устало, но терпеливо сказала Марлена, — ты говоришь так, словно я решилась на это минут пять назад. А я давно уже тебе говорю, что там — на Эритро — и собираюсь остаться. Я не передумала и не буду менять свое решение.

— Да, ты уверена в своей безопасности, конечно, пока ничего с тобой не случилось, но...

— На Эритро я в безопасности. Меня тянет к ней. Дядя Сивер это понимает.

Эугения посмотрела на дочь, хотела возразить, но лишь покачала головой. Если Марлена решила, ее не остановить.

74

На Эритро потеплело, подумала Марлена, немножко потеплело, и ветерок стал таким приятным. Серые облака шествовали по небу, пожалуй, немного быстрее и, похоже, стали гуще.

Дождь предсказывали только на завтра, и Марлена подумала, что неплохо будет выйти под дождь и посмотреть, как покроется рябью ручей, как станут мокрыми камни, как раскиснет земля под ногами.

Она остановилась у плоской скалы возле ручья. Погладила камень рукой и осторожно села, глядя, как между валунами, выступающими со дна, бурлит вода. Наверное, дождь похож на душ, решила Марлена.

Такой здоровенный душ со всего неба, от которого нигде не спрятаться. Интересно, а не захлебнешься ли?

Нет, едва ли. На Земле дожди шли часто, и она что-то не слышала, чтобы люди тонули. Нет, это должно быть похоже на душ. А под душем можно дышать.

Правда, дождь будет прохладным, а она предпочитала

горячий душ. Марлена лениво задумалась. Здесь, снаружи, было так спокойно, мирно, никто не смотрел на нее, не нужно было толковать жесты, гримасы и телодвижения. Как хорошо, что можно этого не делать.

Интересно, какой будет вода? То есть дождь. Наверное, такой же теплой, как сама Немезида. Конечно, она промокнет, а когда выходишь из душа, то сразу делается холодно. Кстати, дождь промочит и ее одежду.

Но это же глупо: одетой стоять под дождем. Ведь в душ входишь без всякой одежды. Значит, когда пойдет дождь, можно будет раздеться. Пожалуй, это разумно.

Только куда девать одежду? Когда идешь в душ, то оставляешь одежду под присмотром уборщицы. На Эритро ее можно спрятать под валун или сложить из камней маленький домик, чтобы в дождь оставлять в нем одежду. В конце концов, зачем вообще одеваться, если идет дождь?

А когда солнечно?

Конечно, в холод одеваться придется — а когда тепло?

А почему люди носят одежду на Роторе, где всегда тепло и сухо? Правда, в бассейнах все ходят раздетыми. Марлена вспомнила, как молодые ребята охотно скидывают с себя почти все и не спешат одеваться.

А такие, как она, не любили раздеваться на глазах у всех. Быть может, поэтому люди и носят одежду? Чтобы скрывать тело?

Почему у разума нет формы, которую можно выставить напоказ? Только поступки, которые не нравятся людям. Им приятно смотреть на красивые тела, а от красивой души все воротят носы. Почему?

Но здесь на Эритро, где никого нет, она может раздеться, освободиться — и никто не станет тыкать в нее пальцем и посмеиваться.

Она может сделать что угодно — ведь перед ней целый мир, пустынный, спокойный, он словно мягким одеялом накрывал ее своим безмолвием. Она чувствовала, что расслабляется. Какая тишина.

Тишина.

Она выпрямилась. Тишина?

Она готова была снова услышать голос. Больше она не будет кричать, не будет пугаться. Так где же этот голос?

И словно в ответ на ее безмолвный зов:

— Марлена!

Сердце ее подпрыгнуло.

Но она сразу взяла себя в руки. Нельзя обнаруживать испуга. И, оглядевшись вокруг, Марлена очень спокойно спросила:

— Где ты, скажи?

— Не нужно... нужно... тря-трясти воздух... говорить...

Голос принадлежал Ауринелу, но он не говорил, как Ауринел. Казалось, что невидимому собеседнику слова даются с трудом, но вот-вот дело пойдет на лад.

— Пойдет на лад, — подтвердил голос.

Марлена ничего не сказала. Просто подумала:

— Можно не говорить. Я должна только думать.

— Тебе нужно лишь приспособиться. У тебя получается.

— Но я слышу твои слова.

— Я тебе помогаю — и тебе кажется, что ты меня слышишь.

Марлена осторожно лизнула губы. Нельзя бояться, нужно оставаться спокойной.

— Бояться нечего... некого, — произнес голос, но он уже не был совершенно похожим на голос Ауринела.

— Ты ведь все слышишь, не так ли? — мысленно спросила Марлена.

— Это смущает тебя?

— Да, смущает.

— Почему?

— Я не хочу, чтобы ты все знал. Я бы хотела кое-что оставить для себя.

Она попыталась не думать, что такую же реакцию сама вызывала у окружающих. Но она знала, что мысль нельзя спрятать, и попыталась просто ни о чем не думать.

— Но ты устроена не так, как другие.

— Не так?

— Твой разум. Другие... перепуганные... кривые. А твой... великолепен.

Снова облизнув губы, Марлена улыбнулась. Если здесь видят ее разум, значит, он и вправду великолепен. Она немножко загордилась и с сожалением подумала о девицах, в которых нет ничего красивого, кроме внешности.

Голос внутри ее произнес:

— Эту мысль следует отнести к личным?

У Марлены едва не вырвалось:

— Да-да, конечно.

— Я могу уловить разницу и на личные мысли не стану реагировать.

Марлена жаждала похвалы.

— А много умов ты встречал?

— После вашего появления здесь, лю-ди, я ощутил многие умы.

Голос не уверен, то ли слово произнес, подумала Марлена. Голос не реагировал — Марлена удивилась. Удивление — чувство личное, но она его сейчас не считала таковым. Значит, личное остается личным независимо от того, что она об этом думает. Разум сказал ей, что чувствует разницу. Она сказывалась в облике мыслей.

Голос не отреагировал и на это. Придется спросить, показать, что это не личная мысль.

— Пожалуйста, а на облике мыслей это сказывается?

Пояснять не пришлось. Голос знал, о чем она спрашивает.

— Видно по облику, все видно по облику — так хорошо устроен твой разум.

Марлена замурлыкала про себя. Свою похвалу она получила. Значит, следует вернуть комплимент.

— Выходит, твой разум тоже превосходно устроен?

— Он отличен от твоего. Он протяженный. Он простой в каждой точке, но, если точки собрать вместе, он становится сложным. Твой разум — сложный от начала. В нем нет простоты, но ты отличаешься от подобных тебе. Другие умы такие искривленные, с ними нельзя войти в перекрестное соприкосновение, нельзя общаться. А если попробовать их изменить, они гибнут — такой уж хрупкий ваш разум. Я об этом не знал. Я не хрупок.

— А мой разум хрупкий?

— Нет, он приспосабливается.

— Ты пытался вступить в общение с другими?

— Да.

— Эритрийская лихоманка.

Ответа не было — личная мысль.

Она закрыла глаза, пытаясь дотянуться до этого разума, извне общавшегося с ней. Она не понимала, как делает это, и, быть может, поступала неправильно — может, вообще ничего не могла сделать. Разум будет смеяться над ее неловкостью — если способен смеяться.

Ответа не было.

— Подумай что-нибудь, — попросила Марлена.

Он сразу вернулся.

— О чем мне думать?

Он пришел ниоткуда. Ни с той стороны, ни с этой — он звучал внутри ее головы.

Марлена подумала, досадуя на собственную нескладность:

— А где ты ощутил мой разум?

— В новом контейнере с человеческими существами.

— На Роторе?

— На Роторе.

Тут ее осенило.

— Я нужна тебе, ты звал меня?

— Да.

Конечно же, зачем ей еще понадобилась Эритро? Почему она с такой тоской разглядывала планету в тот день, когда посланный ее матерью Ауринел явился разыскивать ее.

Она стиснула зубы. Надо спрашивать дальше.

— Где ты?

— Повсюду.

— Ты и есть планета?

— Нет.

— Покажись мне.

— Я здесь, — и голос вдруг обрел направление.

Она взглянула на ручей и вдруг поняла, что, пока общалась с голосом внутри себя, видела перед собой только ручей. Все другое словно исчезло. Разум ее словно замкнулся в себе, вбирая то, что в него вливалось.

А теперь словно вуаль поднялась. Вода бежала между камнями, бурлила, образовывала воронки. Пузырьки лопались, появлялись новые — в сущности, те же самые и в то же

время другие. И тут один за другим пузырьки бесшумно полопались, и поверхность ручья стала гладкой, словно течение исчезло.

В воде отражался свет Немезиды. Да, течение исчезло, и Марлена видела это. Блики на поверхности ручья вдруг стали складываться в изображение поначалу карикатурное: две темные дыры на месте глазниц, щель вместо рта.

Она смотрела и удивлялась, а черты лица становились все отчетливее.

И вдруг лицо сделалось знакомым и взглянуло на нее пустыми глазницами.

Это было лицо Ауринела Пампаса.

75

— И тогда ты убежала, — медленно и задумчиво проговорил Сивер Генарр, стараясь выглядеть невозмутимым.

Марлена кивнула.

— В первый раз я убежала, когда услышала его голос, а теперь — когда увидела лицо Ауринела.

— Я тебя не осуждаю...

— Не смейтесь надо мной, дядя Сивер.

— А что мне делать? Шлепнуть тебя? Давай лучше посмеемся вместе. Значит, разум, как ты его называешь, сумел воссоздать лицо и голос Ауринела по твоим собственным воспоминаниям. А насколько ты была близка с Ауринелом?

Она подозрительно посмотрела на Генарра:

— Что значит «насколько близка»?

— Я не имею в виду ничего предосудительного. Вы дружили?

— Конечно.

— Итак, ты в него втюрилась?

Марлена помолчала, поджав губы. Потом проговорила:

— Наверное, так и было.

— Ты говоришь в прошедшем времени — это прошло?

— Безнадежно. Ведь я для него — маленькая девочка. Сестричка.

— Вполне естественное чувство в подобной ситуации, но

ты еще вспоминаешь о нем, поэтому планета смогла вызвать из памяти его голос, а потом и лицо.

— Что значит «вызвать из памяти»? Это были настоящие голос и лицо.

— Ты уверена?

— Конечно.

— Ты сказала об этом матери?

— Нет. Ни единого слова.

— Почему?

— Ох, дядя Сивер. Вы же знаете ее. Я терпеть не могу ее вечных страданий. Я знаю, вы сейчас скажете, что она меня любит, но мне от этого не легче.

— Марлена, но ты же все рассказала мне, а я тоже люблю тебя.

— Я знаю, дядя Сивер, но вы не такой нервный. Вы смотрите на вещи логически.

— Должен ли я считать это комплиментом?

— Да, я хотела сказать вам приятное.

— В таком случае давай самым логическим образом проанализируем все, что ты обнаружила.

— Хорошо, дядя Сивер.

— Прекрасно. Итак, получается, что на этой планете обитает нечто живое.

— Да.

— Но это не сама планета?

— Нет, определенно нет. Он отрицал это.

— Но он один.

— Да, мне кажется, что он один. Беда в том, дядя Сивер, что мы с ним общаемся с помощью телепатии, какой ее представляют люди. Я не читаю ни мыслей, ни снов. Просто сразу приходят какие-то впечатления — ну словно глядишь на картинку, которая состоит из крошечных кусочков света и тени.

— Значит, тебе кажется, что он живой.

— Да.

— И разумный.

— Очень.

— И не знает техники. Мы не обнаружили на планете

ничего рукотворного. Это живое невидимо, таится, мыслит, ничего другого не делает, только рассуждает. Так?

Марлена помолчала.

— Я еще не вполне уверена, но, похоже, вы правы.

— И тут появляемся мы. Как ты считаешь, когда он обнаружил наше появление?

Марлена качнула головой:

— Не знаю.

— Наверное, золотко, он обнаружил тебя еще на Роторе. Значит, вторжение чуждого разума он мог заметить, уже когда мы приближались к системе Немезиды. Как по-твоему?

— Нет, дядя Сивер. Мне кажется, он не догадывался о нас, пока мы не высадились на Эритро. Это привлекло его внимание — вот он и обнаружил Ротор.

— Возможно, ты права. Значит, потом он принялся экспериментировать с чужими умами — на Эритро такого еще не водилось. Впервые он встретил другой разум, кроме своего. Сколько же ему лет, Марлена, как по-твоему?

— Не знаю, но мне кажется, что он живет уже очень долго... Быть может, столько, сколько сама планета.

— Возможно. И, значит, сколько бы лет ему ни было, он впервые обнаружил рядом с собой столько интеллектов, не похожих на себя самого. Так, Марлена?

— Да.

— Значит, он принялся экспериментировать с чужими умами, а поскольку ничего не знал об их строении — повредил их. Вот и причина эритрийской лихоманки.

— Да, — с внезапной живостью откликнулась Марлена. — Правда, о лихоманке он ничего не сказал, но мне показалось, что причинами ее и были его первоначальные эксперименты.

— А когда он заметил, к чему привела его деятельность, то прекратил ее.

— Да, поэтому сейчас эритрийская лихоманка уже не наблюдается.

— Отсюда следует, что разум этот благожелательно настроен к людям, обладает этическими критериями, похожими на наши, и не желает вредить другим разумам.

— Да! — восторженно воскликнула Марлена. — В этом уж я уверена.

— Но что он представляет собой? Это дух? Нечто нематериальное? Находящееся за пределами чувств?

— Не могу сказать, дядя Сивер, — вздохнула Марлена.

— Хорошо, — продолжал Генарр, — давай повторим, что он тебе говорил. Останови меня, если я ошибусь. Значит, он сообщил, что интеллект его обладает протяженностью, что разум его прост в каждой точке и сложен лишь в общем и что он не хрупок. Так?

— Так.

— Но единственными живыми созданиями, обнаруженными людьми на Эритро, являются прокариоты, крошечные клетки, подобные бактериям. Возможно ли, чтобы отдельные крохотные клетки сложились в единый организм величиной с целый мир? Такой интеллект поистине можно назвать протяженным, простым в каждой точке и сложным в их единении. И он не будет хрупким, ведь если уничтожить даже большие его части, весь общемировой организм не претерпит никаких изменений.

Марлена взглянула на Генарра:

— Значит, я разговаривала с микробами?

— Я еще не уверен, Марлена. Пока это только гипотеза, но она прекрасно со всем согласуется, все объясняет — лучшей я не могу придумать. Кстати, Марлена, если выбрать любую из сотни миллиардов клеток твоего мозга — она окажется такой же маленькой. Дело в том, что ты — целый организм, а твой мозг — отдельная колония клеток. Так велика ли разница между тобой и другим организмом, клетки мозга которого рассеяны... с помощью каких-нибудь радиоволн?

— Ну, не знаю, — задумчиво пробормотала Марлена.

— Давай обдумаем еще один важный вопрос. Что ему от тебя нужно?

Марлена удивилась:

— Дядя Сивер, он же может разговаривать со мной, передавать мне свои мысли.

— Ты хочешь сказать, что ему нужен собеседник? И, значит, как только мы, люди, здесь оказались, он почувствовал свое одиночество?

— Не знаю.

— И ничего не можешь предположить?

— Нет.

— Он же мог погубить всех нас, — вслух размышлял Генарр. — Он же способен сделать это, если мы наскучим ему или чем-нибудь раздосадуем.

— Нет, дядя Сивер!

— Но меня-то он приголубил — едва я попытался помешать тебе общаться с мозгом планеты. И не одного: так было и с Д'Обиссон, твоей матерью и часовым.

— Да, но ведь от этого не осталось никаких последствий — он просто не позволил вам помешать мне.

— И все это затем, чтобы ты выходила на поверхность планеты, чтобы было с кем поговорить... Не слишком основательные причины.

— Быть может, истинных причин мы просто не в силах понять, — сказала Марлена. — Быть может, его разум настолько отличается от нашего, что мы просто не поймем объяснений.

— Но если он может с тобой говорить, значит, не слишком отличается. Он ведь воспринимает твои мысли и передает тебе собственные. Так вы общаетесь?

— Да.

— И он понимает тебя настолько, что говорит голосом Ауринела и принимает его облик — чтобы доставить тебе удовольствие.

Нагнув голову, Марлена изучала пол перед собою.

Генарр мягко сказал:

— Значит, если он понимает тебя, то и мы способны понять его, ну а раз так — следует выяснить, чего он от тебя хочет? Это очень важно — кто может знать, что он там замыслил? И, кроме тебя, этого никто не сумеет сделать.

Марлена поежилась.

— Я не знаю, как этого добиться, дядя Сивер.

— Делай все, как и прежде. Разум этот дружески настроен к тебе, возможно, он сам и даст необходимые объяснения.

Подняв голову, Марлена внимательно посмотрела на Генарра и проговорила:

— Дядя Сивер, вы испуганы.

— Конечно. Ведь мы имеем дело с разумом, возможности которого намного превосходят наши собственные. Он же способен — если мы не устроим его, — непринужденно разделаться со всеми нами.

— Я не об этом, дядя Сивер. Вы боитесь за меня.

Генарр помедлил.

— Ты до сих пор полагаешь, Марлена, что на поверхности Эритро тебе ничего не грозит? И что с этим разумом не опасно общаться?

Марлена вскочила и возмущенно заговорила:

— Конечно. Риска нет никакого. Он не станет вредить мне.

В ее голосе слышалась уверенность, но у Генарра оборвалось сердце. Неважно, что она говорит — ведь ум ее уже изменен воздействием интеллекта планеты. Можно ли теперь доверять ей? — раздумывал Генарр. Неужели у этого разума, состоящего из триллионов триллионов прокариотов, нет каких-то собственных целей? Ну, скажем, как у Питта. Что, если ради этих целей он способен проявить не меньшее, чем Питт, двуличие? И, наконец, что, если этот разум обманул Марлену? Имеет ли он, Генарр, право снова выпускать ее наружу? Однако прав он или не прав — другого выхода нет.

Глава 34

БЛИЗКО

76

— Идеально, — сказала Тесса Уэндел. — Идеально, идеально, идеально. — И взмахнула рукой, словно вбивала гвоздь в стену. — Идеально.

Крайл Фишер знал, о чем она говорит. Дважды они проходили через гиперпространство в обе стороны. Дважды на глазах Крайла чуть-чуть сдвигались звезды. Дважды отыскивал он взглядом Солнце. В первый раз оно показалось тусклым, во второй — немного ярче. Он уже начинал чувствовать себя старым космическим и гиперпространственным волком.

— Значит, Солнце нам не мешает, — заметил он.

— Мешает, только его влияние мы сможем точно учесть при расчете.

— Солнце далеко, и его воздействие здесь должно быть почти нулевым.

— Безусловно, — согласилась Уэндел. — Только почти — это еще не ноль. Влияние Солнца здесь еще поддается измерению. Мы дважды проходили через гиперпространство. Сперва по виртуальной касательной чуть приблизились к Солнцу, потом удалились, немного повернув в другую сторону. Ву заранее проделал все вычисления, и наша траектория совпала с расчетной во всех десятичных знаках, которые есть смысл учитывать. Этот человек просто гений. Он так легко манипулирует с программами, что ты не поверишь.

— Не сомневаюсь, — проворчал Фишер.

— Все, Крайл, вопросов больше нет. Уже завтра мы можем оказаться возле Звезды-Соседки. А хочешь — сегодня, если ты очень торопишься. Конечно, на всякий случай выйдем подальше от нее. И нам придется приближаться к ней какое-то время. Масса этой звезды еще точно не известна нам, и мы не можем рисковать, выйдя из гиперпространства поближе. Иначе нас может отбросить неведомо куда, и тогда снова придется начинать сначала. — Она с восхищением покачала головой. — Ах, этот Ву! Я так им восхищена, что не в силах и описать.

— А ты уверена, что не чувствуешь досады? — осторожно спросил Фишер.

— Досады? Какой досады? — Тесса удивленно взглянула на Фишера. — Ты считаешь, что я должна ревновать?

— Не знаю. А вдруг потомки решат, что именно Сяо Ли Ву является отцом сверхсветового полета, а тебя забудут или запомнят только как предтечу?

— Нет-нет, Крайл. Очень мило, что ты заботишься обо мне, но все в порядке. Мои работы останутся моими. Основные уравнения сверхсветового полета выведены мной. Я участвовала и в инженерных работах, хотя аплодисменты здесь сорвали другие люди. Заслуга Ву состоит только в введении поправки в основные закономерности. Конечно,

очень важной поправки — без нее мы беспомощны в космосе, — но это же как глазурь на пироге. Который пекла я!

— Ну и отлично. Рад, что ты в этом уверена.

— Видишь ли, Крайл, я надеюсь, что Ву теперь возглавит дальнейшие исследования в области сверхсветового полета. Лучшие годы мои позади — в науке, конечно. Только в науке, Крайл.

— Знаю-знаю, — ухмыльнулся Фишер.

— В науке я уже качусь под гору. Основы я заложила едва ли не аспиранткой. А потом двадцать пять лет разрабатывала следствия и уже сделала все, что могла. Теперь нужны новые идеи, свежий взгляд, прорыв на необследованную территорию. А я уже не способна на это.

— Тесса, по-моему, ты скромничаешь.

— Увы, Крайл, в скромности меня никогда нельзя было обвинить. Новые мысли приходят в молодости. У молодежи не просто молодые мозги — у нее новые мозги. Вот Ву — его тип еще незнаком человечеству, его опыт — это его собственный опыт — и ничей больше. У него могут быть новые идеи. Конечно же, он основывается на том, что я сделала до него, и многим обязан мне как учительнице. Крайл, он мой ученик, мой последователь. И в его достижениях есть и моя заслуга. Как же я могу ревновать? Да я горжусь им! В чем дело, Крайл? Ты не выглядишь радостным?

— Тесса, ты рада, значит, счастлив и я — неважно, как я выгляжу. Мне кажется, что ты потчуешь меня теорией научного прогресса. Но разве не было случаев в истории науки — да и не только в ней, — когда учителя ненавидели превзошедших их учеников?

— Бывало, конечно. Я сама могу привести с полдюжины довольно гадких примеров, но это исключения, к тому же я ничего подобного не ощущаю. Конечно, я не могу поручиться, что однажды Ву или Вселенная не выведут меня из терпения, но пока... Пока я намерена... Ой, что это такое?

Она нажала на кнопку «прием», и на экране появилось изображение юной мордашки Мерри Бланковиц.

— Капитан, — с обычной нерешительностью заговорила она, — у нас тут вышел спор, и я бы хотела узнать ваше мнение.

— Что-нибудь с кораблем?

— Нет, капитан, мы обсуждали стратегию.

— Хорошо, только лучше не здесь. Сейчас я спущусь в машинный зал. — Уэндел выключила приемник.

— Чтобы у Бланковиц было такое серьезное выражение лица... — пробормотал Фишер. — Что-то не так.

— Не будем гадать. Пойдем и посмотрим. — И она махнула рукой, приглашая Фишера следовать за ней.

77

Трое остальных членов экипажа уже сидели в машинном зале — на полу. Впрочем, поскольку корабль пребывал в невесомости, сидеть можно было и на стенах, и на потолке — но это не соответствовало бы серьезности ситуации и, безусловно, было бы расценено как проявление неуважения к капитану. Ведь для невесомости был разработан достаточно сложный этикет.

Уэндел не любила невесомости и, если бы хотела пользоваться привилегиями капитана, в первую очередь приказала бы раскрутить корабль, чтобы создать ощущение гравитационного поля. Но она прекрасно знала, что рассчитывать траекторию легче, если корабль покоится относительно Вселенной, не совершая в ней ни поступательного, ни вращательного движений — впрочем, вращение с постоянной скоростью не вызывало особых проблем.

Однако настаивать на этом значило бы проявить неуважение к сидящему за компьютером. Опять этикет.

Уэндел не сразу уселась прямиком в кресло, и Крайл Фишер ехидно усмехнулся — про себя. Несмотря на то что Тесса почти всю жизнь провела в космосе, она не могла полностью освоиться в невесомости, а он, природный землянин, передвигался по кораблю так лихо, словно всю жизнь провел при нулевом тяготении.

Сяо Ли Ву глубоко вздохнул. Он был широколиц и сидя казался невысоким — однако на самом деле его рост был выше среднего. У него были темные прямые волосы и узкие глаза.

— Капитан, — тихо сказал он.

— Что случилось, Сяо Ли? — спросила Уэндел. — Если опять что-нибудь с программированием, я вас задушу!

— Нет проблем, капитан. Нет проблем. И полное их отсутствие настолько удивляет меня, что, похоже, пора поворачивать к Земле. Я хочу вам это предложить.

— К Земле? — Уэндел изобразила на лице удивление. — Почему? Мы еще не выполнили задания.

— По-моему, наоборот, — ответил Ву с абсолютно бесстрастным лицом. — Начнем с того, что мы даже не знали, в чем именно оно будет состоять. По ходу дела нам пришлось разработать новый способ сверхсветовой навигации — мы улетали с Земли, не располагая им.

— Я это знаю — ну и что?

— У нас нет связи с Землей. Если мы сейчас отправимся к Звезде-Соседке и там с нами что-нибудь случится, Земля останется без системы сверхсветовой навигации и неизвестно когда сумеет снова ею овладеть. Существенный фактор — к тому же Звезда-Соседка приближается к нам. По-моему, нам следует вернуться, чтобы сообщить Земле все то, что мы сумели узнать.

Уэндел серьезно слушала.

— Понимаю. А что вы, Ярлоу, думаете об этом?

Светловолосый Генри Ярлоу был высок и уныл. Меланхолическое выражение его лица абсолютно не соответствовало характеру. Его длинные пальцы — на вид совершенно неизящные — просто волшебным образом манипулировали всеми блоками компьютеров и едва ли не любым прибором на борту.

— По-моему, Ву говорит дело, — отозвался он. — Имей мы связь, можно было бы передать все на Землю и катить дальше. Что с нами будет потом, волнует лишь нас самих. Мы не имеем права спокойно усесться на гравитационные поправки.

— А вы, Бланковиц? — спокойно спросила Уэндел.

Мерри Бланковиц поежилась — невысокая, длинные темные волосы, начинающиеся почти над бровями, расчесаны надвое. Изящным сложением и нервными быстрыми движениями она напоминала миниатюрную Клеопатру.

— Не знаю, — ответила она, — у меня определенное мнение еще не сложилось, однако они почти уговорили меня. Разве не следует нам в первую очередь известить обо всем Землю? Мы обнаружили важный эффект, и в компьютеры новых кораблей необходимо ввести гравитационные поправки. Теперь мы в состоянии за один переход одолеть расстояние от Солнечной системы до Звезды-Соседки, причем в более сильных гравитационных полях, поэтому можно будет и стартовать ближе к ней, а не плестись несколько недель, подбираясь к ее планетам. Мне кажется, сначала следует известить Землю.

— Ясно, — сказала Уэндел. — Как я понимаю, вы предлагаете немедленно вернуться на Землю с информацией о гравитационной коррекции. Ву, по-моему, это не так важно, как вам кажется. Мысль о том, что нужна коррекция, посетила вас не на борту — по-моему, мы обсуждали ее несколько месяцев... — Она подумала. — Да нет же — почти год назад.

— Но тогда мы ни к чему не пришли, капитан. Вы потеряли, как я помню, терпение и не стали даже слушать меня.

— Да, признаю свою ошибку. Но вы же все написали. Я велела вам написать отчет, чтобы почитать его на досуге. — Она шевельнула пальцами. — Надо сказать, времени у меня не нашлось. Правда, я не помню, чтобы вы приносили мне отчет. Но вы же наверняка все сделали как надо — подробно, со всеми аргументами и уравнениями. Так ведь, Ву? Ваш отчет можно будет отыскать в нашем архиве?

У Ву на скулах заходили желваки, но голос был спокойным:

— Да, я подготовил отчет, но это только мои наблюдения, которым на Земле едва ли уделят внимание... Впрочем, как и вы, капитан.

— Почему? Не все же так невнимательны, как я.

— Хорошо, внимание обратят, но сочтут пустыми домыслами. А если мы вернемся и привезем доказательства...

— Если есть идея, доказательства может представить кто угодно. Вы же знаете, как это бывает в науке.

— Кто угодно, — негромко, но многозначительно повторил Ву.

— Ву, вы заботитесь о себе. Вас в первую очередь беспо-

коит не Земля с ее проблемами, а то, что слава достанется не вам. Так ведь?

— Капитан, в этом нет ничего плохого. Проблемы приоритета заботят любого ученого.

Уэндел начала закипать.

— Вы, кажется, забываете, что капитан здесь я и решать мне.

— Я помню об этом, — ответил Ву, — но это не парусник восемнадцатого столетия. Все мы — ученые, и решения следует принимать демократическим путем. И если большинство экипажа настаивает на возвращении...

— Ну-ка, — резко вмешался Фишер, — прежде чем продолжать, позвольте-ка мне вставить слово. Пока только я еще не высказался, а раз мы решили быть демократичными, сейчас мой черед. Разрешите, капитан?

— Прошу, — сказала Уэндел, сжимая и разжимая пальцы правой руки, словно стискивала чье-то горло.

— Примерно семь с половиной столетий назад, — начал Фишер, — из Испании на запад отправился Христофор Колумб, который случайно открыл Америку. По пути он обнаружил, что отклонение показаний магнитного компаса от истинного севера — магнитная девиация — меняется с долготой. Важное открытие, если угодно, первый научный факт, обнаруженный в морском путешествии. Но многим ли известно теперь, что именно Колумб обнаружил изменение девиации компаса? Практически никому. А кто знает, что Колумб открыл Америку? Практически все. Предположим, что, открыв отклонение магнитной стрелки, Колумб вернулся бы домой с половины пути, дабы сохранить за собой приоритет, и сообщил о своем открытии королю Фердинанду и королеве Изабелле? Наверняка монархи с интересом выслушали бы его и послали за океан новую экспедицию, во главе, скажем, с Америго Веспуччи. И кто бы тогда знал о Колумбе с его компасом? Никто. А кто помнил бы про Веспуччи — открывателе Америки? Все! Итак, вы собираетесь возвращаться? Уверяю вас, гравитационную поправку будут вспоминать как малый побочный эффект, существенный при передвижении на сверхсветовых скоростях. А экипаж следующей экспедиции, которая доберется до Звезды-Соседки,

прославится как первый совершивший сверхсветовое межзвездное путешествие. Ну а вас троих, и вас, Ву, в том числе, даже в примечаниях не упомянут. Быть может, вы полагаете, что в награду за сделанное великое открытие вас пошлют и в следующую экспедицию? Сомневаюсь. Видите ли, Игорь Коропатский, директор Всеземного бюро расследований, ждет нас на Земле с информацией о Звезде-Соседке и ее планетной системе. И если он узнает, что вы побывали с ней рядом и вернулись, то взорвется, как Кракатау. Конечно же, капитану Уэндел придется признать, что на борту произошел бунт — а это весьма серьезно, хоть мы и не на паруснике восемнадцатого столетия. И вы не только следующей экспедиции — собственной лаборатории более не увидите. Уверяю вас. Невзирая на все ваши научные заслуги, вас посадят. Не следует дразнить Коропатского. Так что думайте. Куда правит тройка — к Звезде-Соседке или домой?

Наступило молчание, длившееся довольно долго.

— Вот так, — резко проговорила наконец Уэндел. — По-моему, Фишер все объяснил очень понятно. Будут еще вопросы?

— Но ведь я так и не высказала своего мнения, — негромко сказала Бланковиц. — По-моему, надо лететь дальше.

— Согласен, — буркнул Ярлоу.

— Ну а вы, Сяо Ли Ву? — спросила Уэндел.

Ву пожал плечами:

— Я не могу пойти против всех.

— Рада слышать. Итак, ничего не случилось — по крайней мере, так должны думать на Земле. Однако постарайтесь не предпринимать впредь никаких действий, которые можно было бы истолковать как враждебные.

78

Вернувшись с Тессой в свою комнату, Фишер проговорил:

— Надеюсь, ты не сердишься, что я вмешался. Мне показалось, что ты вот-вот взорвешься...

— Ну что ты. История с Колумбом мне и в голову не пришла бы. Спасибо, Крайл. — Она благодарно пожала ему руку.

Он улыбнулся.

— Должен же я как-то оправдывать свое пребывание на корабле.

— Ты более чем оправдал его. И надо же было Ву устроить такое именно в тот момент, когда я радовалась его успехам. И это за мое благородство, готовность поделиться, уважение к научной этике, желание, чтобы каждому досталось по вкладу его...

— Все мы люди, Тесса.

— Понимаю. Однако, если у кого-то этические воззрения разъезжаются, как двери, это не может отменить ни остроты ума, ни научной проницательности.

— Если честно, я боюсь, что руководствовался личными интересами, а не стремлением к общественному благу... Я-то лечу по личному делу.

— Понимаю, но все-таки спасибо тебе.

В глазах Тессы проступили слезы. Она их быстро смахнула, и Фишер смутился.

А потом поцеловал ее.

79

Это была просто звезда, пока еще тусклая и ничем не выделявшаяся. Фишер потерял бы ее, если бы не сетка, расчерченная радиусами и концентрическими окружностями.

— Ничего особенного, звезда как звезда, — проговорил Фишер, и лицо его приняло привычное уже озабоченное выражение.

Мерри Бланковиц, составлявшая ему компанию возле обзорного иллюминатора, отозвалась:

— Крайл, так ведь это и есть просто звезда.

— Я хотел сказать, что теперь она так близко, но не изменилась.

— Близко — это только так говорится. На самом деле до нее еще одна десятая светового года, а это немало. Капитан осторожничает. Я бы подвела «Сверхсветовой» поближе. Хотелось бы долететь побыстрее. Мне уже не терпится.

— А ведь вы, Мерри, кажется, собирались домой?

— Да нет. Меня просто уговорили. А после вашей речи я показалась себе законченной дурой. Я действительно думала, что нас обязательно отправят в следующую экспедицию. Но вы, спасибо, просветили меня. И мне очень хочется опробовать НД.

Что означают эти буквы, Фишер знал — нейронный детектор. Ему тоже было интересно. Если прибор что-то обнаружит, то этим «что-то» будут не металлы, не скалы, не лед, не какие-нибудь газовые облака...

— А отсюда нельзя попробовать? — нерешительно спросил он.

Она качнула головой:

— Нет, надо подойти поближе. До звезды нам еще шлепать и шлепать. Около года. Но как только капитан удовлетворится сведениями о Звезде-Соседке, которые можно собрать здесь, мы сделаем еще один переход. Так что я надеюсь, что самое большее через пару дней мы окажемся примерно в двух астрономических единицах от Звезды-Соседки. Там я наконец-то смогу приступить к работе. Надоело чувствовать себя балластом.

— Да, понимаю, — сухо отозвался Фишер.

По лицу Мерри пробежало смятение.

— Извините, Крайл. Я имела в виду только себя.

— Ничего. От меня все равно толку не будет, на каком бы расстоянии от нее мы ни находились.

— Ваша работа начнется, когда мы обнаружим разум. Вы наверняка сумеете договориться с роторианами — все-таки вы немного и поселенец.

— Я был роторианином всего несколько лет, — грустно улыбнулся Фишер.

— Но этого достаточно — так ведь?

— Посмотрим... — Он изменил тему разговора: — А вы уверены, что нейродетектор сработает?

— Безусловно. Любое поселение можно будет обнаружить по испускаемым им плексонам.

— Мерри, что такое плексоны?

— Я так назвала комплексы, излучаемые мозгом млекопитающих. С небольшого расстояния мы можем обнаружить

даже лошадей, а уж скопление человеческих существ будет заметно даже на астрономических расстояниях.

— Значит, плексоны...

— От слова «комплексы». Когда-нибудь — вот увидите — исследованием плексонов займутся, чтобы не только обнаруживать жизнь, но и изучать глубинное строение мозга. У меня уже и термин придуман — «плексофизиология», а может быть, «плексонейроника».

— Какая разница?

— Действительно. Однако термин позволяет говорить кратко и обходиться без фраз типа «наука, которая исследует связь между тем-то и тем-то». А сказал: «плексонейроника» — пожалуй, так лучше, короче — и все понятно. И сэкономлено время для более важных вопросов. Ну и... — Она смолкла.

— Что «ну и»?..

Мерри быстро заговорила:

— Если я придумаю название и оно окажется удачным, то одного этого мне хватит, чтобы попасть в историю науки. Все будут знать, что слово «плексон» было изобретено Мерили Огиной Бланковиц в 2237 году во время первого сверхсветового полета звездолета «Сверхсветовой». Иначе в историю мне не попасть.

— Мерри, а что, если вы обнаружите свои плексоны, а людей там не окажется и в помине? — осведомился Фишер.

— Вы имеете в виду чужаков? О, это будет еще интереснее. Только шансов немного. До сих пор нас преследовали неудачи. Люди надеялись найти примитивные формы жизни уже на Луне, потом на Марсе, на Каллисто, на Титане. И всякий раз безрезультатно. Мы начали даже выдумывать уже просто невозможные варианты: живые галактики, пылевые облака, жизнь на поверхности нейтронной звезды... И все такое прочее. Но нигде жизни не обнаружено. Нет, если мы что-нибудь найдем возле этой звезды, так только людей — я в этом нисколько не сомневаюсь.

— Но ведь плексоны излучаем и мы — все пять членов экипажа? Разве наше собственное излучение не перебьет сигнал, который может обнаружиться в нескольких миллионах километров от звезды?

— Конечно. И это усложняет дело. Поэтому нам приходится тщательно настраивать НД, экранировать его от нашего собственного излучения. Даже крохотная помеха не позволит нам ничего обнаружить. А знаете, Крайл, автоматические НД когда-нибудь станут посылать во все стороны через гиперпространство. Людей в таких автоматических аппаратах, конечно, не будет — одно это позволит производить измерения с точностью на два порядка выше, чем сейчас. Мы обнаружим внеземной разум издалека — не приближаясь к нему.

Появился Сяо Ли Ву. Он неприязненно покосился на Фишера и безразлично спросил:

— Как там Звезда-Соседка?

— Ничего еще не видно — слишком далеко, — ответила Бланковиц.

— Что же, скорей всего, завтра или послезавтра совершим последний переход — тогда и посмотрим.

— Интересно, правда? — спросила Бланковиц.

— Будет интересно... если найдем роториан. — Ву посмотрел на Фишера. — Только найдем ли?

Вопрос был явно обращен к Фишеру, но он не стал отвечать. А только невозмутимо взглянул на Ву.

«Действительно... найдем ли?» — терзался Фишер.

Долгое ожидание подходило к концу.

Глава 35

СБЛИЖЕНИЕ

80

Как уже говорилось, Янус Питт не часто позволял себе роскошь от души пожалеть самого себя. В любом другом человеке подобную черту он бы назвал несомненным признаком слабости и эгоцентризма. Время от времени его охватывало чувство возмущения от того, с какой готовностью роториане предоставляли ему право принимать неприятные решения.

Да, конечно, существовал еще и Совет, его регулярно избирали, члены его занимались законотворчеством, обсуждали какие-то несущественные вопросы. Но право решать всякий раз предоставляли ему. Вряд ли это делалось сознательно. Просто они с завидным постоянством пропускали именно важные вопросы, по всеобщему молчаливому соглашению считая их не заслуживающими внимания.

Здесь, в этой пустынной планетной системе, они неспешно строили новые поселения, полагая, что перед ними вечность. Потом было решено, что следует заселить пояс астероидов — а поскольку занятия этого хватит многим поколениям, гиперпривод тем временем усовершенствуется настолько, что легко можно будет найти и заселить новую планету.

Времени было много. Вечность.

И только Питт понимал, что его мало, что все может кончиться в любой момент.

Как скоро оставшиеся возле Солнца обнаружат Немезиду? Когда хотя бы еще одно поселение решит последовать примеру Ротора?

Однажды это непременно случится. Ведь Немезида неумолимо приближается к Солнцу и рано или поздно подойдет так близко, что только слепой этого не увидит.

С помощью программиста, предполагавшего, что интерес комиссара к данной проблеме чисто академический, Питт выяснил у компьютера, что открытие Немезиды Землей состоится через тысячу лет — тогда-то поселения и начнут рассеиваться по Вселенной.

Питт задал следующий вопрос: ждать ли появления поселений у Немезиды?

Ответ оказался отрицательным. Гиперпривод со временем должен стать более эффективным и экономичным. Поселения к тому времени будут обладать новыми сведениями о ближних звездах: их внешнем виде, количестве спутников. Краевые карлики людям не понадобятся — все будут стремиться к звездам, подобным Солнцу.

Земля же будет предоставлена собственной судьбе, положение ее станет отчаянным. Деградирующее человечество, боящееся пространства, погружающееся в разруху и нищету, — что сможет сделать оно, узнав через тысячу лет о грозящей погибели? На длительные межпланетные путешествия земляне едва ли способны. Жалкие людишки обречены ползать по земной поверхности и ждать, когда придет Немезида. Покинуть Землю у них просто не хватит духа.

И Питту привиделась сотрясаемая катастрофой Земля, жители которой пытаются найти спасение в тесной планетной системе Немезиды, ищут убежища на планете звезды, несущей смерть уютному миру возле Солнца.

Перспектива жуткая, но неизбежная. Жаль, что Немезида не удаляется от Солнца — тогда все было бы гораздо проще. В этом случае открытие Немезиды становилось бы все менее и менее вероятным, ну а если бы такое все-таки случилось, карликовая звезда вряд ли заинтересовала бы землян, тем более в качестве последнего убежища. Однако если бы она удалялась, землянам не пришлось бы искать последнего приюта.

Но все обстоит по-другому. Приходится ожидать землян — это вырождающееся отребье, это пестрое скопище немыслимо разнообразных культур. И что же тогда делать роторианам? Выход один — уничтожать незваных гостей прямо в космосе. Правда, принять такое решение способен только другой Янус Питт, четко понимающий, что иначе нельзя. Но найдутся ли к тому времени другие Питты, которые обеспечат Ротор необходимым количеством оружия и научат роториан, как поступить, когда настанет срок?

Однако результаты компьютерного анализа все-таки внушали обманчивый оптимизм. В Солнечной системе узнают про Немезиду еще до исхода этого тысячелетия — так следовало понимать компьютер. Но когда? Что, если ее обнаружат уже завтра? Что, если открытие уже состоялось три года назад? Может быть, по следу Ротора уже отправилось какое-нибудь из поселений?

И каждый день Питт просыпался с мыслью: не сегодня ли?

За что ему эта напасть? Почему всякий может спокойно наслаждаться выделенным ему куском вечности и лишь он один должен ежедневно размышлять о грядущей всеобщей гибели?

Конечно, кое-что Питт уже успел предпринять. Свою

наблюдательную службу он разместил по всему периметру пояса астероидов, чтобы по колоссальному энергоизлучению еще на предельном удалении заметить приближающееся поселение, и автоматические датчики службы неустанно прощупывали небо.

На ее создание ушло много времени, однако уже с дюжину лет наблюдатели не пропускали ни одного подозрительного объекта и немедленно предупреждали Питта. И всякий раз в голове его тревожно звякал колокольчик.

Тем не менее до сих пор — до сих пор — ничего не случилось, и постепенно первоначальное чувство облегчения сменилось привычным раздражением по отношению к наблюдателям. Они старались умыть руки при малейшем подозрении, вновь перекладывая всю ответственность на Питта — пусть-де он берет все на себя: думает, решает, страдает.

Здесь жалость Питта к себе становилась всепоглощающей, на глазах выступали слезы... — и он начинал беспокоиться, как бы не обнаружить свою слабость.

Вот и теперь Питт опустил руку на отчет, расшифрованный компьютером, и погрузился в горестные размышления о том, что роториане недооценивают его преданного и бескорыстного служения общему благу.

Таких отчетов не поступало уже месяца четыре, и этот наверняка будет столь же никчемным, как и предыдущие. Обнаружен приближающийся источник энергии, мощность его теплового излучения на четыре порядка слабее, чем та, что могла бы быть у поселения. Пустяковый источник, лишь едва выделяющийся на общем фоне.

Уж от этого его могли бы избавить. В комментариях было отмечено, что длина волн излучения допускает возможность его искусственного происхождения. Вздор! Что можно сказать о столь слабом источнике, кроме того, что это не поселение? Ну а если так, то объект просто не может быть делом рук человека.

Наблюдатели... идиоты, а не наблюдатели, думал Питт, вечно досаждают неизвестно чем.

С негодованием отбросив отчет в сторону, он взял последнее сообщение Рене Д'Обиссон. Дура Марлена все еще

не подцепила лихоманку. Настойчиво лезла туда, где опасно, старалась как могла — и ничего.

Питт вздохнул. Быть может, это и к лучшему. Девица хочет находиться на Эритро, ну и пусть там сидит — лихоманка не могла бы дать лучшего результата. Эугения Инсигна тоже останется на Эритро, и он разом избавится от обеих. Было бы неплохо, на всякий случай, чтобы не Генарр распоряжался в Куполе, а Д'Обиссон. Она лучше приглядит за матерью и дочерью. Надо бы устроить это, не откладывая в долгий ящик, — да так, чтобы заодно не сделать Генарра мучеником.

Может быть, назначить его комиссаром Нового Ротора? Конечно же, это повышение, едва ли Генарр откажется от должности, ставящей его вровень с самим Питтом. А вдруг Генарр получит настоящую власть, а не видимость ее? Но есть ли альтернатива? Надо подумать.

Даже смешно! Насколько проще было бы все, если бы эта девица, эта Марлена, сделала сущий пустяк — подхватила лихоманку.

Обнаружив, что вновь с раздражением думает о своевольной особе, он опять взял отчет о приближающемся источнике энергии.

Надо же! Какой ерундой его беспокоят. Нет, больше он не станет терпеть. И Питт немедленно ввел в компьютер: «По пустякам не беспокоить! Наблюдатели должны искать в небе поселения».

81

Тем временем на борту «Сверхсветового» одно за другим делались открытия. Еще издалека обнаружилось, что рядом со Звездой-Соседкой находится планета.

— Планета! — воскликнул Крайл, не сдерживая буйной радости. — Я знал...

— Нет, — торопливо вмешалась Тесса Уэндел, — она не такая, как ты думаешь. Знаешь, Крайл, есть планеты и планеты. Чуть ли не любую звезду окружает нечто вроде планетной системы. В конце концов, больше половины звезд в Галактике являются кратными, а планеты — те же звезды,

только слишком маленькие. Эта планета непригодна для жизни. Если бы было наоборот, мы бы не увидели ее на таком расстоянии, тем более в тусклом свете Звезды-Соседки.

— Ты хочешь сказать, что это газовый гигант?

— Конечно. И я была бы удивлена, если бы такового здесь не обнаружилось.

— Но мы нашли одну большую планету, значит, могут найтись и поменьше.

— Могут, — не стала возражать Уэндел, — но едва ли и они пригодны для обитания. На них может быть слишком холодно, или они не вращаются и обращены к звезде только одной стороною: таким образом, в одном полушарии будет слишком жарко, а в другом чересчур холодно. Конечно, Ротор — если он здесь — может находиться на орбите звезды или газового гиганта.

— Так оно, наверное, и есть.

— Столько лет? — Уэндел пожала плечами. — Не исключено. Но ты, Крайл, лучше не надейся на это.

82

Следующие открытия оказались еще более ошеломляющими.

— Спутник? — произнесла Тесса Уэндел. — А почему бы и нет? У Юпитера целых четыре крупных спутника. И ничего удивительного, что у здешнего газового гиганта есть по крайней мере один.

— Но в Солнечной системе таких нет, — возразил Генри Ярлоу. — Он величиной едва ли не с Землю — судя по моим данным.

— Ну и что же из этого следует? — невозмутимо осведомилась Уэндел.

— Ничего особенного, — ответил Ярлоу, — однако спутник обладает некоторыми особенностями. Жаль, что я не астроном.

— В данной ситуации, — проговорила Уэндел, — я тоже хотела бы, чтобы среди нас оказался хотя бы один астроном.

Однако, — продолжала она, — вы ведь не полный профан в астрономии.

— Дело в том, что спутник обращен одной стороной к газовому гиганту, а это значит, что другая его сторона повернута к Звезде-Соседке. Орбита его такова, что вода, насколько я могу судить, находится там в жидком состоянии. И у него есть атмосфера. Я же говорю, что не знаю всех тонкостей. Я не астроном. Но мне кажется, что спутник наверняка пригоден для жизни.

Эту новость Крайл Фишер выслушал с широкой улыбкой.

— А я не удивлен, — сказал он. — Игорь Коропатский предполагал, что мы обнаружим здесь обитаемую планету. Заметьте, без всякой предварительной информации. Своего рода дедукция.

— Значит, Коропатский? И когда же вы с ним говорили?

— Перед отлетом. Он был уверен, что с Ротором ничего не случилось и они не вернулись лишь потому, что обнаружили пригодную для колонизации планету. Вот она, пожалуйста.

— А почему он сказал это именно тебе, Крайл?

Фишер помолчал.

— Он попросил, чтобы мы исследовали эту планету на предмет возможного заселения ее землянами — когда придет время эвакуировать население.

— А почему он не сказал этого мне? Как ты считаешь?

— Видишь ли, Тесса, — осторожно ответил Крайл, — скорее всего, он решил, что из нас двоих я более заинтересован в исследовании планеты.

— Из-за дочери...

— Он же обо всем знает, Тесса.

— А почему ты мне этого не сказал?

— Просто не знал, стоит ли говорить. Я думал, что лучше подождать, убедиться, что Коропатский прав. Ну а раз он не ошибся, вот я тебе и говорю. Как он и предполагал, планета пригодна для обитания.

— Но это же спутник, — с явным раздражением проговорила Уэндел.

— В данном случае подобное различие не существенно.

— Вот что, Крайл, — сказала Уэндел. — Похоже, что моим мнением никто не интересуется. Коропатский пичкает тебя всякими небылицами ради того, чтобы мы взялись за исследование этой системы, а потом скорее возвращались на Землю. Ву тоже не терпится: он решил возвращаться, даже не приблизившись к цели, — а у тебя идефикс — во что бы то ни стало воссоединиться со своей семьей. Кажется, все позабыли, что капитан здесь я и я принимаю решения.

Голос Фишера стал умиротворяющим:

— Тесса, ну будь умницей. Что здесь решать? Из чего выбирать? Ты утверждаешь, что Коропатский наговорил небылиц, а ведь это не так. Существует планета. Ну спутник — если тебе так больше нравится. Его же нужно исследовать. Мы открыли его, и это может сохранить жизнь человечеству. Возможно, перед нами будущий дом его. И человечество, скорее всего, уже приступило к его исследованию.

— Это тебе, Крайл, следует наконец прислушаться к голосу разума. Пусть этот мир подходит нам по размерам и температуре — есть же еще бездна причин, по которым его нельзя будет заселить. Атмосфера его может оказаться ядовитой, или чересчур велика вулканическая активность, или там радиоактивность. Этот мирок освещает красный карлик, он обращается вокруг огромного газового гиганта. Разве такие условия приемлемы для землян? Кто знает, как они могли воздействовать на население Ротора?

— Но исследования следует провести даже для того, чтобы установить, что планета непригодна для жизни.

— Возможно, для этого не придется даже садиться, — мрачно произнесла Уэндел. — Подойдем поближе и решим. Только, Крайл, не говори «гоп», пока не перепрыгнешь. Видеть тебя разочарованным мне будет чересчур тяжело.

Фишер кивнул:

— Постараюсь. Однако Коропатский сделал точный вывод, когда все вокруг говорили, что такое невозможно. Ты, Тесса, тоже так говорила. Причем неоднократно. Однако планета нашлась — и, может быть, действительно подходящая. Так что позволь мне надеяться, что на ней отыщутся и люди Ротора, в том числе и моя дочь.

83

Стараясь выглядеть невозмутимым, Сяо Ли Ву сказал:

— Капитан в ярости. Что она совсем не рассчитывала найти, так это мир, пригодный для обитания, — она не позволяет нам называть это планетой. Значит, его придется исследовать, а потом возвращаться домой. Вы же знаете, она мечтала о другом. Другого шанса уйти в дальний космос ей не представится. Иначе можно считать, что жизнь кончилась. Другие будут разрабатывать сверхсветовую технику, другие полетят к звездам. А она... она сможет рассчитывать разве что на роль консультанта. Эта мысль ей ненавистна.

— Ну а вы, Сяо Ли? Полетите снова, если представится возможность? — спросила Бланковиц.

Ву не колебался.

— Не уверен, скитания в космосе меня не соблазняют. Нет, знаете ли, жилки первопроходца. Но прошлой ночью я вдруг подумал, что неплохо было бы здесь поселиться, — конечно, если этот мир пригоден для жизни. А вы?

— Остаться здесь? Конечно, нет. Не хочу сказать, что мечтаю провести всю жизнь на Земле, но мне хотелось бы вернуться домой, побыть там, а потом, быть может, снова куда-нибудь полететь.

— Я тоже думал об этом. Найти такой спутник — это же один шанс из... из десяти тысяч? Кто мог надеяться, что мы обнаружим подобный мир в системе красного карлика? Нет, его просто необходимо исследовать. Я даже согласился бы остаться там на какое-то время, пока кто-нибудь другой доставит на Землю известие о моем приоритете. Как, Мерри, вы согласитесь защищать мои интересы?

— Конечно же, Сяо Ли. Я думаю, и капитан Уэндел тоже. Все данные у нее, все зарегистрировано и подписано.

— Вот-вот. Мне кажется, капитан напрасно стремится в Галактику. Она может облететь сотню звезд, но так и не найти второй такой же. Зачем гнаться за количеством, когда качество под рукой?

— Мне лично кажется, — сказала Бланковиц, — что ее больше волнует ребенок Фишера. Что, если он отыщет здесь свою дочь?

— Как что? Возьмет с собой на Землю. Но что тогда делать капитану?

— Там ведь еще и жена была...

— А вы слыхали, чтобы он вспоминал о ней?

— Но это же не значит, что...

Заслышав снаружи шум, она мгновенно умолкла — и вовремя: вошел Фишер и кивнул им обоим.

Смешавшись, Бланковиц торопливо спросила:

— Генри завершил спектроскопические измерения?

Фишер качнул головой:

— Не знаю. Он почему-то нервничает. Должно быть, опасается ошибиться.

— Ну да! — не согласился Ву. — Расшифровку производит компьютер. Генри-то тут при чем?

— Как это при чем? — возмутилась Бланковиц. — Вот это мне нравится! Вам, теоретикам, кажется, что нам, наблюдателям, достаточно включить компьютер, погладить его, сказать: «Ах ты, собаченька» — и прочитать результаты. Это не так. Компьютер скажет тебе то, что ты заложишь в него. Я еще не знаю случая, чтобы теоретик не обвинял экспериментатора, когда тот обнаруживал не укладывающийся в теорию факт. Что-то не помню, чтобы в таких случаях говорили: «Это у вас, наверное, компьютер наврал...»

— Остановитесь, — прервал ее Ву. — Ваши выпады неуместны. Вы хоть раз слышали от меня обвинения в адрес экспериментаторов?

— Но если вам не понравятся результаты, полученные Генри...

— В любом случае я приму их, поскольку никаких собственных теорий об этом мире не имею.

— Только потому вы и примете их.

Тут вошел Генри Ярлоу, за ним следовала Тесса Уэндел. Лицо Генри напоминало тучу, собирающуюся разразиться дождем.

— Ну вот, Ярлоу, мы все собрались, — сказала Уэндел. — Теперь вы можете сообщить, что нас ждет.

— Беда в том, — начал Ярлоу, — что в спектре этой дохлой звезды ультрафиолета не хватит даже на то, чтобы чуточку обжечь альбиноса на пляже. Приходится использовать

микроволны, а сей факт свидетельствует, что в атмосфере этого мира присутствуют водяные пары.

Уэндел нетерпеливо пожала плечами:

— Об этом можно было не говорить. Если на планете размером с Землю уровень температур поверхности допускает существование жидкой воды, наверняка там найдутся и водоемы, и водяные пары. Сделан еще один шаг: мир действительно может оказаться пригодным для жизни, теперь такое предположение делается оправданным.

— Нет же, — неохотно сказал Ярлоу, — этот мир подходит нам вне всяких сомнений.

— Вы заключили это потому, что в атмосфере присутствуют водяные пары?

— Нет, я располагаю более весомыми доказательствами.

— А именно?

Мрачным взглядом окинув всех четверых, Ярлоу проговорил:

— Стоит ли говорить, что мир пригоден для обитания, если он населен?

— Едва ли, — согласился Ву.

— Значит, вы утверждаете, что уже на расстоянии можете определить, что на нем существует жизнь? — резким тоном спросила Уэндел.

— Именно это я и хотел сказать, капитан. В атмосфере спутника присутствует значительное количество свободного кислорода. Вы можете объяснить мне его присутствие чем-нибудь, кроме фотосинтеза? Или вы способны назвать планету необитаемой, когда на поверхности ее существует жизнь, производящая кислород?

На миг воцарилось мертвое молчание, потом Уэндел проговорила:

— Ярлоу, это просто нереально. Вы уверены, что не напутали с программой...

Глядя на Ву, Бланковиц двинула бровями — вот видите?

Все так же сурово Ярлоу проговорил:

— Мне еще не случалось, как вы сказали, что-либо путать в программах, но я, безусловно, с охотой выслушаю любые замечания от всякого, кто лучше меня владеет методикой инфракрасного спектрального анализа. Я не знаток в

этой области, однако прилежно следовал рекомендациям Бланка и Нкрумы.

Крайл Фишер, восстановивший известную уверенность в себе после инцидента с Ву, не колеблясь, выступил с собственным мнением:

— Конечно, когда мы окажемся ближе, то сумеем подтвердить этот факт или опровергнуть, но пока можно предположить, что доктор Ярлоу прав. Однако, если в атмосфере этого мира существует свободный кислород, разве не может он иметь искусственное происхождение?

Все взоры обратились к Фишеру.

— Как это? — невозмутимо произнес Ярлоу.

— Да-да, весь этот кислород может оказаться искусственным. Или это невозможно? Вот мир, пригодный для жизни во всем, кроме атмосферы, состоящей из окиси углерода и азота, как во всех безжизненных мирах, таких как Марс и Венера. Стоит бросить в океан водоросли, и все: прощай, окись углерода, — привет тебе, кислород. Ну или что-нибудь в этом роде. Я здесь не эксперт.

Все по-прежнему молча смотрели на Фишера.

— Я говорю об этом потому, — продолжал он, — что на фермах Ротора поговаривали о создании на планетах земных условий. Я работал на этих фермах. Роториане проводили семинары по преобразованию планет, и я посещал их потому, что мне казалось, эти разговоры обнаруживают явную связь с разработками гиперпривода. Вышло иначе: вместо гиперпривода мне удалось кое-что узнать о преобразовании планет.

— А вы, Фишер, случайно не помните, сколько времени должно было уйти на все это, по их расчетам? — спросил наконец Ярлоу.

Фишер развел руками:

— Увы, доктор Ярлоу. Просветите меня, чтобы сберечь время.

— Хорошо. Ротор добрался сюда за два года — если он действительно где-то здесь. Значит, роториане провели тут уже около тринадцати лет. Если бы весь Ротор состоял только из одноклеточных водорослей, и их бросили бы в океан, и если бы все они выжили и принялись расти, выделяя кислород, то, чтобы достичь нынешнего уровня — а кислорода в атмосфере планеты восемнадцать процентов, а окиси углерода только следы, — на все, наверное, потребовалось не менее нескольких тысяч лет. Ну сотен — если условия необыкновенно благоприятны. Но уж, безусловно, гораздо больше тринадцати лет. Между прочим, земные водоросли приспособлены к земным условиям. И другой мир, скорее всего, совсем не подойдет им, или же рост их окажется очень медленным... Пока еще земные организмы сумеют приспособиться к новым условиям. За тринадцать лет такие перемены невозможны.

Фишер невозмутимо слушал.

— Ага, значит, если там изобилует кислород, а окись углерода отсутствует и роториане здесь ни при чем — то что отсюда следует? Выходит, мы обязаны предположить, что мир этот населен жизнью внеземного происхождения?

— Именно к такому выводу я и пришел, — заключил Ярлоу.

— Придется согласиться, — мгновенно отозвалась Уэндел. — Фотосинтез обеспечивает местная растительность. Но это ни в коей мере не означает, что роториане высадились туда или вообще добрались до этой системы.

На лице Фишера отразилась досада.

— Видите ли, капитан, — подчеркнуто официально проговорил он, — вынужден заметить, что это и не значит, что роториан там нет и что они не добрались сюда. Если планета обладает собственной растительностью, значит, роторианам не пришлось ее преобразовывать — они могли просто приступить к ее использованию.

— Не знаю, — проговорила Бланковиц. — Нет никаких оснований предполагать, что растительность чуждого мира годится в пищу людям. Скорее всего, мы не способны переварить ее или как-то использовать. Можно с достаточной уверенностью предположить, что она окажется ядовитой. Но если существует растительный мир, должен быть и животный, а чем это чревато — нам трудно судить.

— В таком случае, — сказал Фишер, — роториане вполне могли выгородить себе кусок земли, уничтожить там всю местную жизнь и насадить собственные растения. И эти плантации с годами должны были только увеличиваться.

— Предположения и предположения, — пробормотала Уэндел.

— Во всяком случае, — отозвался Фишер, — сидеть здесь и сочинять всевозможные варианты — дело бесперспективное. Придется исследовать этот мир самым тщательным образом, с самого близкого расстояния — с поверхности, если понадобится.

— Я целиком с вами согласен! — воскликнул Ву.

— Я биофизик, — заметила Бланковиц, — и если на планете действительно окажется жизнь, то ее необходимо исследовать во что бы то ни стало.

Уэндел оглядела всех и, слегка покраснев, вдруг согласилась:

— Я полагаю, что все вы правы.

84

— Чем ближе мы подлетаем, — сказала Тесса Уэндел, — и чем больше узнаем о планете, тем больше в ней непонятного. Мир этот мертв. Есть ли у кого-нибудь сомнения? На ночной стороне мы не заметили вспышек света, ничто не доказывает существования растительности или других форм жизни.

— Прямых признаков нет, — согласился Ву, — но ведь что-то должно поддерживать содержание кислорода. Правда, я не химик, но что-то не помню такого химического процесса. Может быть, кто подскажет? — Никто не ответил, да Ву и не ждал ответа. — Сомневаюсь, что даже химик сможет предложить рациональное объяснение. Если в атмосфере есть кислород, значит, в ней идут биологические процессы, поддерживающие его наличие. Мы ничего другого не знаем.

— Справедливость ваших слов доказывается существованием единственной планетной атмосферы, содержащей кислород, — сказала Уэндел. — Других, кроме Земли, мы не знаем. Возможно, в будущем над нами еще посмеются, если выяснится, что Галактика полным-полна планет, кислород в атмосфере которых не имеет ничего общего с жизнью. Нас будут упрекать, как, дескать, по одному-единственному примеру можно было решить, что кислород в атмосфере обязательно имеет биологическую природу.

— Нет, — раздраженно ответил Ярлоу, — так, капитан, в науке проблемы не решают. Можно придумать бездну гипотез, только не следует полагать, что законы природы будут меняться ради нашего удобства. Если вы хотите обнаружить небиологический источник атмосферного кислорода, будьте добры предложить подходящий механизм.

— Но в отраженном свете, — возразила Уэндел, — мы не видим признаков существования хлорофилла.

— А почему он там должен быть? — спросил Ярлоу. — Вполне возможно, что возле красного карлика эту роль исполняет другая молекула. Могу я высказать предположение?

— Будьте любезны, — ответила Уэндел, — мне кажется, что ничего другого от вас я уже давно не слыхала.

— Великолепно! Пока мы можем сказать только, что суша этого мира полностью лишена жизни. Но это ничего не значит — лишь четыреста миллионов лет назад континенты Земли были столь же безжизненными, однако планета уже имела кислородную атмосферу, даже изобиловала жизнью.

— Ее водными формами.

— Да, капитан. В этом нет ничего плохого. Возможно, и там существуют какие-то водоросли — нечто вроде микроскопических растений, выполняющих роль поставщиков кислорода. Водоросли земных морей выделяют восемьдесят процентов кислорода, каждый год поступающего в атмосферу. Это объясняет все: и наличие в атмосфере кислорода, и отсутствие жизни на суше. А значит, нам никто не помешает исследовать планету: мы опустимся на безжизненном материке и изучим море с помощью доступных средств, а все подробности оставим следующей экспедиции.

— Да, но человек — животное сухопутное. Если бы Ротор находился в этой системе, то рориане наверняка уже приступили бы к колонизации планеты, но признаков этого мы не обнаружили. Неужели вы все еще считаете, что дальнейшие исследования необходимы?

— Конечно же, — торопливо вмешался Ву. — Нельзя возвращаться назад с одними наблюдениями. Нам необхо-

димы факты. Не исключено, что обнаружатся и некоторые сюрпризы.

— А вы их ждете? — с раздражением спросила Уэндел.

— Неважно, чего именно я жду. Но разве можно вернуться на Землю, даже не побывав на планете, и заверить всех, что там ничего нет? Едва ли это разумно.

— По-моему, — проговорила Уэндел, — вы изменили мнение на противоположное, а ведь совсем недавно не собирались даже приближаться к этой звезде.

— Помнится, — произнес Ву, — мне пришлось подчиниться мнению большинства. Но в нынешних обстоятельствах мы обязаны провести исследование. Понимаю, капитан, вы испытываете сильное искушение, вам хочется обследовать еще несколько звездных систем, но раз перед нами пригодный для жизни человека мир, мы обязаны привезти на Землю максимум информации о нем, для человечества куда более важной, чем любой каталог характеристик нескольких ближайших звезд. К тому же, — он показал на иллюминатор, — я хочу увидеть этот мир. Мне кажется, что нам нечего там опасаться.

— Кажется... — язвительно повторила Уэндел.

— И у меня есть право на интуицию, капитан.

— У меня тоже, капитан, и это меня беспокоит, — сказала Мерри Бланковиц и всхлипнула.

Уэндел с удивлением посмотрела на молодую женщину.

— Бланковиц, вы плачете?

— Нет, капитан, просто я очень расстроена.

— Почему?

— Я включала НД.

— Нейродетектор? Изучали этот безжизненный мир? Зачем?

— Потому что для этого я и прилетела сюда, — ответила Бланковиц. — Я должна была.

— Конечно, результат отрицательный, — проговорила Уэндел. — Очень жаль, Бланковиц, но другой шанс вам представится лишь в другой звездной системе.

— Все не так, капитан. Результат не отрицательный. Прибор свидетельствует о наличии жизни в этом мире, и это меня беспокоит. Результат такой неожиданный, и я не понимаю, в чем дело.

— Быть может, какая-то неисправность? — вмешался Ярлоу. — Прибор новый, и неудивительно, что он барахлит.

— Нет, он работает. Но, может быть, фиксирует наше собственное излучение? Или ошибается? Я проверила — экранировка в порядке, любую системную ошибку я обнаружила бы. Газовый гигант не дает положительного сигнала, звезда тоже, от точек, наугад выбранных в космосе, его тоже нет, но стоит навести на спутник газового гиганта — и пожалуйста.

— Вы хотите сказать, — промолвила Уэндел, — что обнаружили разум там, где мы не в состоянии уловить признаков жизни?

— Очень слабый сигнал, он едва выделялся.

— Ну, капитан, — сказал Фишер, — что вы думаете о предложении Ярлоу? Что, если жизнь кроется в глубине океана и поэтому доктор Бланковиц получает столь слабый сигнал?

— Хорошая мысль, — согласился Ву. — В конце концов, жители моря — пусть и разумные — могут не иметь техники. В воде костер не разжечь. Внешние проявления жизни моря для людей малозаметны. Каким бы разумом ни обладали эти существа, без техники они не опасны, особенно если они не могут покинуть море: ведь мы будем на суше. Значит, вопрос становится еще более интересным, и мы просто не имеем права не прояснить его.

— Вы все так тарахтите, что я не могу вставить слово, — раздраженно заметила Бланковиц. — Все вы не правы. Если бы носители разума обитали лишь в океане, положительный сигнал я получала бы только оттуда. А я получаю его отовсюду — и причем равномерно. И с суши, и с моря. Я этого не понимаю.

— Значит, и с суши тоже, — с явным недоверием повторила Уэндел. — Тогда здесь, конечно, что-то не так.

— Но я не могу понять, что именно, — сказала Бланковиц. — Это меня и беспокоит. Я ничего не понимаю. — И, словно извиняясь, добавила: — Конечно, сигнал очень слабый, но тем не менее он существует.

— Мне кажется, я могу дать объяснение, — проговорил Фишер.

Присутствующие немедленно воззрились на него.

— Я не ученый, — начал он, — однако это не значит, что я ничего не понимаю. Итак, в море присутствует разум, но под водой. Поэтому нам трудно его заметить. Здесь все понятно. Но интеллект существует и на суше. Значит, и тут он скрыт. Он — под землей!

— Под землей? — воскликнул Ярлоу. — Что ему там делать? И состав воздуха, и температура планеты, по нашим сведениям, вполне нормальны. От чего ему прятаться?

— Например, от света, — рассудительно ответил Фишер. — Возьмем тех же роториан. Предположим, что они уже освоили планету. Кто захочет обитать на ее поверхности, в свете красного солнца, угнетающего растительный мир и психику человека? Под землей можно устроить электрическое освещение, там будет лучше и самим роторианам, и их растениям. К тому же... — Он замолчал.

— Ну что же ты? Продолжай! — сказала Уэндел.

— Ну хорошо. Постарайтесь понять роториан: они живут внутри Ротора. Они привыкли к этому и считают такую жизнь нормальной. Перебираться на поверхность планеты им просто не хочется. И в конце концов они зароются.

— Значит, ты предполагаешь, что нейродетектор Бланковиц обнаружил присутствие людей под поверхностью планеты?

— Да. Почему бы и нет? А кора планеты ослабляет излучение до уровня, принимаемого детектором.

— Но ведь Бланковиц утверждает, что на суше и на море реакция одинакова.

— По всей планете... и совершенно однородная, — подтвердила Бланковиц.

— Ну хорошо, — согласился Фишер, — туземцы в море, роториане под поверхностью суши. Разве такого не может быть?

— Постойте, — проговорил вдруг Ярлоу. — Значит, реакция одинакова повсюду — так, Бланковиц?

— На поверхности существует несколько незначительных положительных и отрицательных экстремумов, но они настолько невелики, что в их существовании легко усомниться. Словом, разум как будто целиком охватывает планету.

— Ну хорошо, в море это возможно, — сказал Ярлоу. —

Но на суше-то? Разве можно предполагать, что за тринадцать лет — всего за тринадцать лет — роториане нарыли туннелей повсюду под поверхностью этого мира? Если бы вы обнаружили внизу одно, даже два небольших пятна, дающих такую реакцию и занимающих очень малую долю поверхности планеты, я бы согласился с такой перспективой. Но чтобы вся поверхность... Знаете, этому разве что моя тетушка Тилли поверит.

— Генри, значит, ваши слова следует понимать в том смысле, что вы предполагаете существование чуждого интеллекта под всей поверхностью этой планеты? — спросил Ву.

— Иного вывода мы, по-моему, сделать не можем, — ответил Ярлоу, — иначе остается считать, что показания прибора Бланковиц — сущий вздор.

— Знаете что, — заметила Уэндел, — похоже, что в таком случае лучше не спускаться на поверхность планеты, ведь чуждый нам разум не обязательно окажется дружелюбным, а «Сверхсветовой» — не военный корабль.

— Зачем же сдаваться? — возразил Ву. — Мы обязаны выявить носителей разума и определить, способны ли они помешать землянам переселиться сюда.

— В одном месте, кажется, есть крохотный максимум — больше, чем повсюду, — сказала Бланковиц. — Впрочем, тоже небольшой. Отыскать его?

— Давайте, — проговорила Уэндел. — Надо тщательно исследовать окрестности, после чего и будем решать — спускаться нам или нет.

Ву невозмутимо улыбнулся.

— Уверяю вас — на планете нам ничего не грозит.

Уэндел сердито нахмурилась.

85

Странной чертой Салтаде Леверетта — с точки зрения Януса Питта — было его желание обитать в поясе астероидов. Очевидно, некоторым людям действительно нравятся пустота и одиночество.

— Нет, я не презираю людей, — уверял Леверетт. — Про-

сто мою потребность в общении удовлетворяет головизор — и поговорю, и выслушаю, и посмеюсь. Разве что пощупать не могу и обнюхать — но среди людей это не принято. К тому же в поясе астероидов уже строятся пять поселений, и при желании я могу там досыта пообщаться с людьми.

Приезжая на Ротор — в метрополию, как он называл, — Леверетт все время опасливо оглядывался по сторонам, словно боялся, что его начнут толкать.

К стульям он тоже относился подозрительно и, усевшись, ерзал, словно хотел стереть отпечаток того, кто сидел на нем раньше.

Янус Питт всегда считал, что лучшего кандидата на должность исполняющего обязанности комиссара пояса астероидов ему не найти. Такой пост давал Леверетту власть над всей внешней областью системы Немезиды. А следовательно, не только над строящимися поселениями, но и над службой наблюдения.

Они как раз заканчивали завтракать в личных апартаментах Питта — Салтаде, наверное, скорее умер бы с голоду, чем согласился есть в общей столовой, куда пускали кого попало (кем попало он считал всех незнакомых людей). Питта вообще удивляло, что Леверетт соглашается есть даже в его присутствии.

Питт внимательно приглядывался к нему. Сухой и морщинистый, Леверетт напоминал хлыст, казалось, что он никогда не был молодым и не станет старым. У него были блеклые голубые глаза и выцветшие желтые волосы.

— Салтаде, когда вы в последний раз были на Роторе?

— Всего два года назад. И, по-моему, Янус, с вашей стороны непорядочно вновь подвергать меня таким испытаниям.

— Я здесь ни при чем. Я не вызывал вас, но если уж вы здесь — милости просим.

— Могли бы и вызвать. В своем последнем послании вы объявили, что не желаете, чтобы вас беспокоили по пустякам. Наверное, вы, Питт, уже считаете себя настолько крупной фигурой, что желаете иметь дело лишь с себе подобными.

Улыбка Питта стала напряженной.

— Не понимаю, о чем вы, Салтаде?

— Вам послали отчет. Наблюдатели обнаружили источник излучения, приближающийся извне. Материал отослали вам, но в ответ получили меморандум, где указано, в каких случаях вас следует беспокоить.

— Ах, это! — Питт вспомнил: то был момент жалости к себе и раздражения. Ведь и он имеет право на раздражение, хотя бы изредка... — Вашим людям приказано ждать появления поселения. С вопросами менее важными ко мне обращаться необязательно.

— Прекрасно, что вы так решили. Но что делать, если наблюдатели обнаружили не поселение и опасаются докладывать вам? Они направили мне новый отчет, чтобы я передал его вам, невзирая на то что вы считаете такие случаи пустяковыми. Наблюдатели полагают, что мне легче справиться с Питтом, хотя я не испытываю ни малейшего желания общаться с вами. Под старость лет вы становитесь брюзгой, Янус.

— Хватит болтать, Салтаде. Так что они у вас там обнаружили? — по-прежнему брюзгливо спросил Питт.

— Они обнаружили корабль.

— Что значит «корабль»? Не поселение?

Леверетт поднял руку с узловатыми пальцами.

— Я не говорил «поселение», я сказал — «корабль».

— Не понимаю.

— А что тут понимать? Или компьютер нужен? Если так — вот он. Корабль — это транспортное средство, перемещающееся в космосе с экипажем на борту.

— Большой?

— Я предполагаю, что он вряд ли вмещает больше шести человек.

— Один из наших, наверное...

— Нет. Мы проверили. Этот был сделан не на Роторе. Служба наблюдения по собственной инициативе кое-что предприняла, однако они побоялись доложить вам. Ни один компьютер нашей системы не принимал участия в сооружении этого корабля, а такого судна, не обратившись к компьютеру на той или иной стадии, не соорудить.

— И что вы решили?

— Это не роторианское судно. Оно идет издалека. И пока еще оставалась надежда, что корабль окажется нашим, мои ребята сидели тихо и не беспокоили вас, согласно полученным указаниям. Ну а когда оказалось, что нам он не принадлежит, они обо всем доложили и просили сообщить вам, но сами делать это отказались. Знаете, Янус, в пренебрежении людьми не следует заходить слишком далеко — в конце концов это может плохо кончиться.

— Да помолчите же! — раздраженно выкрикнул Питт. — Как это — не роторианский корабль? Откуда он может здесь взяться?

— Скорее всего, он прибыл из Солнечной системы.

— Невероятно! Чтобы такой крошечный кораблик, с полудюжиной человек на борту, мог осилить путь от Солнечной системы? Даже если земляне изобрели гиперпривод — а в этом теперь едва ли можно сомневаться, — в таком тесном корабле шестерым не выдержать целых два года. Разве что удалось подобрать прекрасно обученный образцовый экипаж, приспособленный к межзвездным перелетам. Впрочем, в Солнечной системе никто на это не решится. Только поселение, замкнутый мир, населенный людьми, с детства привычными к такому образу жизни, может совершить межзвездное путешествие и уцелеть.

— Тем не менее, — сказал Леверетт, — сюда летит небольшой корабль, который сделали не роториане. Это факт, и вам остается только смириться с ним. Откуда он? Ближайшая к нам звезда — Солнце. С этим тоже не поспоришь. И если корабль не из Солнечной системы, значит, он летит от какой-то другой звезды, и тогда его путь длился дольше, чем два года. Впрочем, если уж два года, по-вашему, чересчур много — что уж думать о другом?

— А если этот корабль сделан не людьми? — спросил Питт. — Предположим, что существуют иные формы жизни, с психологией, отличающейся от человеческой. Возможно, они способны к долгим путешествиям в тесном помещении.

— Если они вот такого роста, — Леверетт развел большой и указательный пальцы на четверть дюйма, — тогда корабль для них поселение. Но это не так. Это не чужаки. И не какие-то гномы. Корабль сделали люди — но не роториане. Мы считаем, что чужаки во всем отличаются от людей, а значит, и корабли их должны быть совершенно не похожи на наши. А этот имеет вполне земной внешний вид, вплоть до серийного обозначения, выведенного земными буквами.

— Вы не сказали об этом!

— Полагал, что и так понятно!

— Но если корабль земной, он может оказаться автоматическим. На борту его могут быть только роботы.

— Возможно, — согласился Леверетт, — а раз так, нам следует взорвать его. Раз людей на борту нет, то и этических проблем не возникнет. Мы уничтожим чью-то собственность, но ведь они нарушили границы наших владений.

— Вот и я об этом думаю, — сказал Питт.

Леверетт широко улыбнулся.

— Пожалуй, не стоит. Этот корабль провел в космосе меньше двух лет.

— О чем вы?

— А вы забыли, каким был Ротор, когда мы сами здесь появились? Мы летели больше двух лет. И половину этого времени провели в нормальном пространстве при скорости чуть меньше световой. У нас вся поверхность была побита, исцарапана атомами, молекулами и частицами пыли. Пришлось полировать и чинить, насколько я помню. Вы-то не забыли?

— А этот корабль? — спросил Питт, не потрудившись ответить на вопрос.

— Блестит, словно прошел всего каких-нибудь несколько миллионов километров с обычной скоростью.

— Но это невозможно! Что вы опять несете?

— Вовсе не невозможно. Несколько миллионов километров они и прошли с обычной скоростью — остальной путь проделали в гиперпространстве.

— О чем вы говорите? — Терпение Питта явно истощалось.

— О сверхсветовом полете. Они освоили гиперпространство.

— Но это теоретически невозможно.

— Да? Соглашусь, если вы найдете другое объяснение.

Питт открыл рот:

— Но...

— Я знаю. Физики будут утверждать, что такое немыслимо, — однако же корабль здесь. А теперь позвольте сказать вам следующее. Если они уже умеют путешествовать со скоростью света, значит, обладают и сверхсветовой связью. И Солнечная система знает, где они находятся и что здесь происходит. И если мы взорвем судно, об этом станет известно на Земле и через некоторое время сюда явится целый флот таких кораблей и примется за нас.

— Что же делать-то, а? — Питт на время даже потерял способность соображать.

— Остается принять их как друзей, выяснить, кто они, откуда и зачем явились сюда. Я предполагаю, что они собираются высадиться на Эритро. Нам тоже придется полететь туда, чтобы вступить в переговоры.

— На поверхности Эритро?

— Янус, если они опустятся на Эритро, где еще мы сможем с ними переговорить? Придется встретиться там. Рискнем.

Питт почувствовал, как в голове вновь начали двигаться колесики.

— Раз вы полагаете, что это необходимо, быть может, вы и займетесь? Возьмете корабль с экипажем и...

— А вы, значит, не собираетесь?

— Разве комиссар обязан встречать неизвестные корабли?

— Понимаю, это унижает ваше достоинство. Значит, с этими инопланетянами, гномами, роботами — чем там еще? — придется разговаривать мне одному?

— Салтаде, я, конечно, буду на связи. Голос, изображение...

— Но издалека.

— Да, однако успех вашей миссии будет отмечен наградой.

— Если так, то... — и Леверетт многозначительно взглянул на Питта.

Тот помолчал.

— Вы собираетесь назвать цену?

— Я собираюсь предложить вам свои условия. Если вы

хотите, чтобы я встретил корабль на Эритро, — отдайте мне планету.

— Что это значит?

— Я хочу там жить. Я устал от астероидов. Я устал от чужих глаз. Я устал от людей. С меня довольно. Мне нужен пустой мир. Я хочу соорудить себе дом на Эритро, получать все необходимое из Купола, завести там животноводческую ферму — если мне это удастся.

— И давно вам этого хочется?

— Не знаю. Но чем дальше, тем больше. И сейчас, когда я снова здесь, на Роторе, с его шумом и столпотворением, Эритро кажется мне еще более привлекательной.

Питт нахмурился.

— С вами — уже двое. Вы прямо как эта свихнувшаяся девица.

— Что за свихнувшаяся девица?

— Дочь Эугении Инсигны. Вы же знаете ее — она астроном.

— Астронома-то знаю, но с дочерью не встречался.

— Совершенно сошла с ума. Ей хочется жить на Эритро.

— Подобное желание считать безумным я не могу, по-моему — это весьма здравая мысль. Кстати, если она желает жить на Эритро, с присутствием женщины я еще могу смириться.

Питт поднял палец:

— Девушки, я сказал.

— Сколько ей?

— Пятнадцать.

— Ага. Ну ничего, повзрослеет. Правда, я, к сожалению, состарюсь.

— Она не из красавиц.

— Янус, — сказал Леверетт, — и я тоже — поглядите внимательнее. Итак, мои условия вы знаете.

— И вы хотите официально ввести их в компьютер?

— Обычная формальность, Янус, не более...

Питт не улыбнулся.

— Очень хорошо. Попробуем проследить, куда сядет корабль, — и отправляйтесь к нему на Эритро.

Глава 36

ВСТРЕЧА

86

В голосе Эугении Инсигны слышались удивление и досада.

— А Марлена пела сегодня. Что-то о «доме, доме в небесах, где плывут свободные миры».

— Знаю, — кивнул Сивер Генарр, — я бы напел мотив — да слуха нет.

Они только что покончили с завтраком. Теперь они каждый день завтракали вместе, и Генарру это нравилось, хотя всякий раз приходилось разговаривать только о Марлене. Инсигна прибегала к его обществу от отчаяния — поскольку больше ни с кем не могла свободно говорить о дочери.

— Неважно. Каковы бы ни были причины...

— Я еще не слыхала, чтобы она пела, — сказала Инсигна. — И уж думала, что она не умеет — но оказывается, у Марлены приятное контральто.

— Это значит, что она рада... или возбуждена... или удовлетворена... словом, у нее все хорошо, Эугения. Мне лично кажется, что она нашла свое место под солнцем, поняла, зачем живет. Это дано не каждому. Люди, Эугения, по большей части влачатся по жизни, пытаются отыскать ее смысл, не находят его и умирают в отчаянии или полном безразличии. Лично я принадлежу к последнему типу.

Инсигна попробовала улыбнуться.

— Подозреваю, что обо мне ты так не думаешь.

— Нет, Эугения, ты не отчаялась, ты продолжаешь сражаться, хотя битва давно проиграна.

— Ты про Крайла? — Она опустила глаза.

— Если ты об этом подумала, пусть так оно и будет. Но, если честно, я думал о Марлене. Она уже много раз выходила наружу. Ей там хорошо. Она счастлива, а ты все сидишь здесь и не можешь преодолеть ужаса. Что же еще тебя беспокоит?

Инсигна прожевала, положила вилку на тарелку и сказала:

— Чувство потери. Несправедливости. Крайл сделал свой выбор — и я его потеряла. Теперь Марлена — я теряю ее. И это уже не лихоманка, а Эритро.

— Понимаю. — Он протянул ей руку, и она рассеянно пожала ее.

— Теперь Марлена всякий раз уходит все дальше, ей неинтересно с нами. Когда-нибудь она останется там и будет возвращаться все реже и реже, а потом и вовсе исчезнет.

— Возможно, ты права, но ведь жизнь — это цепь потерь. Ты теряешь молодость, родителей, любимых, друзей, удовольствия, здоровье и, наконец, саму жизнь. Ты можешь не принимать этого — и все равно будешь терять. Да еще потеряешь спокойствие и душевное равновесие.

— Сивер, она никогда не была счастливым ребенком.

— И ты винишь в этом себя?

— Я могла бы проявить больше понимания.

— Начать никогда не поздно. Марлена хотела этот мир — и получила его. Она стремилась научиться общаться с чужим разумом с помощью своих необыкновенных способностей — и добилась этого. И ты хочешь заставить ее отказаться от достигнутого? Ради твоего спокойствия она должна пожертвовать тем, чего ни я, ни ты даже представить себе не можем?

Инсигна рассмеялась, хотя в глазах ее стояли слезы.

— Сивер, ты, наверное, и кролика сумеешь уговорить вылезти из норки.

— Ты думаешь? И все-таки мое красноречие оказалось бессильным перед молчанием Крайла.

— Тут были другие причины. — Инсигна нахмурилась. — Теперь уже это ничего не значит. Сивер, ты рядом, и это меня поддерживает.

— Это самый верный признак того, что я действительно состарился, — грустно сказал Генарр, — но я рад, что тебе спокойно со мной. С годами мы начинаем искать не чего-нибудь эдакого, а покоя.

— Но в этом нет ничего плохого.

— В мире вообще нет ничего плохого. Должно быть, многие пары, испытавшие экстаз и страсть, но так и не нашедшие утешения друг в друге, в конце концов охотно со-

гласились бы отдать все это за минуту покоя. Не знаю. Незаметный человек всегда незаметен, но и он умеет любить.

— Как ты, мой бедный Сивер?

— Эугения, я всю жизнь старался избежать этой ловушки, которая зовется жалостью к себе самому, и не надо вновь искушать меня ею, просто чтобы посмотреть, как я корчусь.

— Ах, Сивер, я хочу вовсе не этого.

— Ну вот, именно этих слов я и ждал от тебя. Видишь, какой я умный. И учти, когда тебе потребуется утешение, я буду рядом с тобой вместо Марлены. Конечно, если ты не станешь возражать против моего присутствия.

— Сивер, я этого не заслужила. — Инсигна пожала ему руку.

— Не старайся отказаться от моего общества под этим предлогом. Я намереваюсь посвятить тебе всю жизнь, и не пытайся остановить меня — я хочу принести тебе эту высшую жертву.

— Неужели ты не нашел никого достойнее?

— Я и не искал. Впрочем, женщины на Роторе и не обнаруживали особого интереса ко мне. К тому же что бы я делал с этой более достойной? Какая тоска — быть заслуженной наградой. Куда романтичнее оказаться незаслуженным даром, благодеянием небес.

— И в божественном облике спуститься ко мне, недостойной.

Генарр энергично кивнул:

— Вот-вот, именно так. Эта перспектива и вдохновляет меня.

Инсигна вновь рассмеялась — уже непринужденней.

— А ты тоже свихнулся. Знаешь, я этого как-то не замечала.

— О, во мне таятся неизведанные глубины. И когда ты узнаешь... конечно, в должное время...

Слова его прервал резкий звонок приемника новостей.

Генарр нахмурился.

— Ну вот, Эугения, только мы с тобой подошли к нужному месту — даже не понимаю, как это мне удалось, — и ты уже готова упасть в мои объятия, как нас сразу же перебивают. Ух ты, вот так-так! — Голос его изменился. — Это от Салтаде Левереттa.

— Кто это?

— Ты не знаешь его. Его вообще почти никто не знает. Я еще не встречал человека, более соответствующего понятию «отшельник». Леверетт работает в поясе астероидов — потому что ему нравится там. Когда же это я в последний раз видел старикашку?.. Впрочем, почему старикашку — ведь мы с ним ровесники... Видишь, печать — под мои отпечатки пальцев. Вообще-то, прежде чем это вскрыть, я должен попросить тебя выйти.

Инсигна немедленно встала, но Генарр жестом велел ей сесть.

— Эугения, не глупи. Склонностью к секретности пусть маются официальные инстанции. Я предпочитаю пренебрегать ею. — Он приложил к бумаге большой палец, потом другой — и на бумаге стали проступать буквы. — Хотелось бы знать, что бы мы делали без больших пальцев? — пробормотал Генарр и замолчал.

Потом, ни слова не говоря, передал Инсигне послание.

— А мне можно его читать?

Генарр отрицательно качнул головой:

— Конечно, нет, но я не возражаю.

Она пробежала его глазами и взглянула на Генарра:

— Чужой корабль? Собирается здесь сесть?

Генарр кивнул:

— Так здесь написано.

Инсигна встрепенулась.

— А что будет с Марленой? Она же там.

— Эритро защитит ее.

— Откуда ты знаешь? Может быть, это корабль инопланетян. Настоящих. Не людей. И Эритро не властна над ними.

— Для Эритро мы и есть инопланетяне, но планета прекрасно с нами справляется.

— Мне надо быть там.

— Но зачем?

— Я должна быть с ней. Идем со мной. Ты поможешь. Мы приведем ее в Купол.

— Но если пришельцы всесильны и злы, здесь будет небезопасно.

— Сивер, не время рассуждать! Прошу тебя. Я должна быть рядом с дочерью!

87

Они провели фотосъемку и теперь изучали снимки. Тесса Уэндел качала головой:

— Глазам не верю. Кругом пустыня. Кроме одного уголка.

— А разум повсюду, — нахмурилась Мерри Бланковиц. — Теперь, когда мы рядом, в этом сомнений нет. Пустыня здесь или нет, но разум присутствует всюду.

— Но интенсивнее всего под этим куполом? Так?

— Да, капитан. Там сигнал сильнее и даже имеет привычный вид. Снаружи — вне купола — он немного другой. Я не понимаю, что это значит.

В разговор вмешался Ву:

— Нам еще не приходилось иметь дело с разумом, отличающимся от человеческого, так что...

Уэндел повернулась к нему:

— Значит, вы считаете, что разум, обретающийся за пределами купола, имеет нечеловеческую природу?

— Раз все мы согласны, что за тринадцать лет люди просто не могли источить ходами планету, ничего другого нам просто не остается.

— А как же купол? Это дело рук человека?

— Ну, здесь дело другое, — ответил Ву, — и можно обойтись без плексонов Бланковиц. Я заметил там астрономические приборы. Купол, по крайней мере часть его, является астрономической обсерваторией.

— Неужели инопланетяне не способны овладеть астрономией? — с легким скептицизмом осведомился Ярлоу.

— В их способностях я не сомневаюсь, — ответил Ву, — однако тогда они должны были создать собственные приборы. А если я вижу инфракрасный сканер с компьютером точно того же типа, который используется на Земле... Скажем проще. Нам незачем рассуждать о природе разума. При-

боры обсерватории изготовлены в Солнечной системе или здесь, по чертежам, привезенным оттуда. В этом можно не сомневаться. Едва ли существа с другой планеты способны сделать точно такие приборы без участия землян.

— Очень хорошо, — отозвалась Уэндел. — Ву, я согласна с вами. Что бы ни обитало на этой планете, под куполом живут или жили человеческие существа.

— Что еще за человеческие существа, капитан? — резко произнес Крайл Фишер. — Люди, роториане. Кроме них и нас, здесь не может быть никого.

— На это возразить нечего, — согласился Ву.

— Купол-то небольшой, — заметила Бланковиц, — а на Роторе было несколько десятков тысяч человек.

— Шестьдесят тысяч, — уточнил Фишер.

— Все они под куполом не поместятся.

— Это ничего не значит, — сказал Фишер. — Купол здесь, скорее всего, не один. Можно тысячу раз облететь вокруг планеты и всего не заметить.

— Но вид плексонов меняется только здесь. Если у них есть еще куполы, подобные этому, не сомневаюсь, я бы заметила их, — проговорила Бланковиц.

— Или же, — продолжал Фишер, — мы видим только макушку сооружения, находящегося под землей.

Ву возразил:

— Сюда прилетело поселение. Ротор наверняка еще цел. Возможно, он уже не один. Так что перед нами просто форпост роториан на этой планете.

— Но мы не обнаружили поселения, — заметил Ярлоу.

— Мы не искали его, — возразил Ву. — Мы глаз не отводили от планеты.

— И я тоже нигде больше не нашла разума, — добавила Бланковиц.

— И вы тоже не искали, — сказал Ву. — Надо было исследовать все здешнее небо, но, обнаружив свои плексоны, испускаемые этим миром, вы ни на что более не смотрели.

— Я проверю теперь, если необходимо.

Уэндел подняла руку:

— Если поселения существуют, почему нас никто не заметил? Ведь мы не пытались экранировать собственное из-

лучение корабля. В конце концов, мы же практически не сомневались, что окажемся в необитаемой системе.

— Капитан, они могут проявить такую же самоуверенность, как и мы, — заметил Ву. — Они не ждут нас, а потому не заметили. Или же, если заметили, то еще не поняли, кто мы, и не знают, что предпринять. И я хочу сказать: раз мы уверены, что люди обитают в одном месте на поверхности этого большого спутника, значит, следует спуститься и вступить с ними в контакт.

— А вы уверены, что это не опасно? — спросила Бланкович.

— Полагаю, что нет, — бодро ответил Ву. — С ходу по нас стрелять не будут. В конце концов, прежде чем нас убить, следует узнать о нас поподробнее. И к тому же, если мы не проявим смелости, проболтаемся на орбите, ничего толком не выяснив, и вернемся домой, Земля непременно вышлет сюда целый флот сверхсветовых кораблей. И дома никто не скажет спасибо, если мы не привезем информации. А в истории Земли нас назовут трусами. — Он улыбнулся. — Видите, капитан, я уже усваиваю уроки Фишера.

— Значит, вы полагаете, что нам следует спуститься и вступить с ними в контакт?

— Именно так, — проговорил Ву.

— Ну а вы как считаете, Бланкович?

— Мне интересно. Не то, что нас ожидает под куполом, а то, что вокруг него. Хотелось бы выяснить, что там такое.

— Ярлоу?

— Хотелось бы располагать сейчас связью или надежным оружием. Если нас уничтожат, Земля ничего, абсолютно ничего не узнает о нашем путешествии. И тогда кто-нибудь еще явится сюда такой же неуверенный в себе, как мы. Но если контакт пройдет благополучно и мы останемся живы, то повезем назад важную информацию. По-моему, стоит рискнуть.

— А мое мнение, капитан, вас не интересует? — тихо спросил Фишер.

— Ты, естественно, рвешься навстречу роторианам.

— Совершенно верно, и я хочу предложить опуститься без особого шума — сколько это возможно, — потом я пойду

на разведку. Если что-нибудь случится — возвращайтесь на Землю, я останусь. Меня-то можно оставить здесь, — но корабль должен вернуться.

С внезапно окаменевшим лицом Уэндел спросила:

— А почему тебя?

— Потому что я знаю роториан, — ответил Фишер, — ну и потому, что я добровольно иду на это.

— Я тоже пойду с вами, — сказал Ву.

— Зачем нам обоим рисковать? — возразил Фишер.

— Потому что вдвоем безопаснее. Потому что в случае чего мы будем прикрывать друг друга. Но более всего потому, что вы знаете роториан и ваши суждения могут оказаться предвзятыми.

— Что ж, спускаемся, — решила Уэндел. — Фишер и Ву покидают корабль. В случае разногласий решение принимает Ву.

— Почему? — возмутился Фишер.

— Ву сказал, что ты знаешь роториан и твое решение может оказаться необъективным. — Уэндел строго посмотрела на Фишера. — И я с ним согласна.

88

Марлена была счастлива. Ее словно обнимали ласковые руки, покоили, защищали. Красным огоньком горела над головой Немезида, ветерок прикасался к щеке. Время от времени облака закрывали диск звезды, и тогда свет тускнел и становился сероватым.

Но Марлена привыкла к сиянию звезды, и в сером свете не хуже, чем в красном, различала все тени и оттенки, складывавшиеся в причудливый рисунок. Когда облака заслоняли Немезиду, становилось прохладнее — но Марлена не чувствовала холода. Эритро словно согревала ее, заботливо следила за каждым ее шагом.

С Эритро можно было поговорить. Марлена решила называть крошечные клеточки, слагающиеся в жизнь на Эритро, именем планеты. А почему бы нет? Как же иначе? Конечно, эти клетки были весьма примитивными организмами, куда более примитивными, чем те, из которых состояло

ее собственное тело. Все эти бесчисленные миллиарды триллионов крошечных частиц жизни соединялись друг с другом в единую сущность, окружающую планету, пронизывавшую и наполнявшую ее, — и трудно было придумать им другое имя.

Как странно, думала Марлена. Эта гигантская разумная форма жизни до появления Ротора даже не знала, что на свете существует еще что-то живое.

Ощущения Марлены были не только мысленными. Иногда перед ней возникало нечто подобное серой дымке, которое сливалось в призрачную человеческую фигуру с нечеткими очертаниями. Она всегда казалась какой-то текучей. Марлена не видела, а скорее ощущала, как миллионы невидимых клеток ежесекундно покидали призрачный силуэт и на их месте появлялись новые. Клетки прокариотов не могли существовать вне водяной пленки, и каждая из них вселялась в странную фигуру лишь на миг.

Облик Ауринела Эритро больше не принимала. Она без всяких слов поняла, как пугает этим Марлену. Теперь лицо было незнакомым. Оно лишь иногда менялось, потому что так хотелось Марлене. Эритро научилась следовать за мыслями Марлены — и фигура вдруг начинала казаться знакомой, а едва Марлена пробовала приглядеться, сразу изменялась. Иногда она успевала рассмотреть то знакомый изгиб щеки матери, то крупный нос дяди Сивера, а то и лица девчонок и мальчишек, с которыми когда-то вместе ходила в школу.

Это была какая-то гармония взаимодействия. Не разговор, а какой-то балет мыслей, не поддающийся описанию, яркий и умиротворяющий, бесконечные превращения образов, голосов, мыслей.

Разговор этот велся в столь многих измерениях, что возвращаться к обычной форме общения, с помощью слов, было просто немыслимо. Способность Марлены воспринимать телесный язык превратилась в нечто такое, о чем она даже мечтать не могла. Мысленный разговор был таким стремительным и богатым — куда уж там убогим, примитивным словам!

Эритро наполняла сознание Марлены тем потрясением, которое испытала, обнаружив такое количество разумов. Разумы. Их было так много. Один разум еще можно было понять, охватить. Другой мир. Другой разум. Но когда их много, таких разных, в одном месте... Невероятно.

Мысли, которыми Эритро наполняла сознание Марлены, можно было кое-как объяснить словами. Но слова тонули в могучем потоке эмоций, ощущений, нейронных вибраций Эритро.

Планета экспериментировала с умами, исследовала их — но не в том смысле, как это делают люди, ибо человеческое понятие лишь отдаленно передает смысл этого явления. И некоторые из них не выдержали — испортились, разбились. Эритро перестала их исследовать и начала искать такие, которые были бы способны к контакту.

— И тогда ты нашел меня? — спросила Марлена.

— Я нашел тебя.

— Но почему? Зачем это тебе понадобилось?

Фигура задрожала и расплылась.

— Чтобы найти тебя.

Это был не ответ.

— Почему ты хочешь, чтобы я была с тобой?

Фигура начала таять, и до Марлены еле донеслось:

— Чтобы ты была со мной.

И она исчезла.

Но пропал только силуэт. Марлена по-прежнему ощущала теплое объятие. Почему он исчез? Или она задала неудачный вопрос?

И тут она услышала звук.

В здешней пустыне все звуки были ей знакомы — ведь их не так много: журчание воды, шум ветра. И еще шаги, шелест одежды, дыхание.

Но сейчас Марлена услышала нечто другое и обернулась на звук. За невысокой скалой слева от нее появилась голова мужчины.

Она решила, что за ней пришли из Купола, и рассердилась. Зачем она им понадобилась? Придется больше не брать с собой излучатель.

Но лицо человека оказалось незнакомым — а ведь Марлена видела, пожалуй, всех обитателей Купола. Память на

лица у нее была отменной. Увидев хоть раз человека, Марлена уже не забывала его лица.

Мужчина смотрел на Марлену, не отрывая глаз и слегка приоткрыв рот. Потом вдруг соскочил со скалы и бросился к ней.

Марлена не испугалась. Она была под надежной защитой Эритро.

Не добежав до девочки футов десяти, он остановился как вкопанный, словно наткнулся на какое-то препятствие.

И сдавленным голосом произнес:

— Розанна!

89

Марлена внимательно разглядывала его. Малейшие движения его тела выражали нетерпение и... какое-то чувство принадлежности к ней.

Она сделала шаг назад. Неужели? Это...

В памяти всплыло смутное изображение на голокарточке, которое она видела в детстве...

Да, сомнений быть не может. Но это невозможно, немыслимо.

Она съежилась под своим защитным покровом и произнесла:

— Отец?

Он рванулся вперед, словно хотел схватить ее, но она опять сделала шаг назад. Он замер, покачнулся, поднес ладонь ко лбу, словно ощутил головокружение, и сказал:

— Марлен. Я хотел сказать — Марлена.

Неправильно говорит, отметила про себя Марлена — в два слога. Ничего. Откуда ему знать?

Подошел второй мужчина. И остановился рядом с первым. У него были прямые черные волосы, широкое желтоватое лицо, узкие глаза. Марлене еще не доводилось видеть таких людей. Она даже открыла от удивления рот и не сразу сумела его закрыть.

— Так это и есть ваша дочь, Фишер? — тихо спросил второй мужчина.

Глаза Марлены расширились. Фишер! Это был ее отец.

Он даже не посмотрел на второго.

— Да.

— Вот это да, — сказал второй еще тише. — Спуститься сюда — и сразу нос к носу столкнуться с собственной дочерью.

Фишер попытался отвести глаза от лица дочери, но не смог.

— Похоже на то, Ву. Марлена, твоя фамилия Фишер — так? А мать зовут Эугения Инсигна. Я не ошибся? Меня зовут Крайл Фишер. Я твой отец. — Он протянул к ней руки.

Марлена видела, что радость отца неподдельна, но отступила еще на шаг и холодно спросила:

— А как ты здесь оказался?

— Я прилетел с Земли, чтобы найти тебя. Чтобы найти тебя. Через столько лет!

— Зачем я тебе понадобилась? Ведь ты бросил меня, когда я была совсем маленькой.

— Да, я бросил тебя, но никогда не терял надежды снова найти.

— Значит, ты приехал за Марленой? — вдруг раздался чей-то голос. — А больше тебе ничего не нужно?

Рядом стояла Эугения Инсигна: лицо бледное, бесцветные губы, руки дрожат. В стороне стоял Сивер Генарр. Он выглядел смущенным. На обоих не было защитных комбинезонов.

Инсигна торопливо заговорила:

— Я думала, что это люди с какого-нибудь поселения, из Солнечной системы. Я предполагала, что это могут оказаться чужаки. Я предусмотрела все, кроме одного — что сюда пожалует сам Крайл Фишер. Да еще за Марленой!

— Я прибыл сюда по важному делу. Это — Сяо Ли Ву, мой спутник. И... и...

— И мы встретились. А тебе не приходило в голову, что ты можешь встретиться и со мной? Или ты только о Марлене думал? И какое поручение тебе дали? Разыскать Марлену?

— Нет. Это не поручение, это мое страстное желание.

— А я?

Фишер опустил глаза.

— Я прилетел за Марлен.

— За Марленой? Чтобы взять с собой?

— Я думал... — начал Фишер и умолк.

Ву удивленно посмотрел на него. Генарр задумчиво нахмурился.

Инсигна резко повернулась к дочери:

— Марлена, ты полетишь куда-нибудь с этим человеком?

— Я не собираюсь улетать отсюда никуда, мама, — спокойно ответила Марлена.

— Слышал, Крайл? — спросила Инсигна. — Ты бросил меня с годовалой крохой на руках и явился через пятнадцать лет. «Я хочу взять Марлену с собой». Обо мне ты даже не подумал. Конечно, она твоя дочь — по крови. Но пятнадцать лет любви и заботы дают мне право считать ее только моей.

— Мама, не нужно ссориться из-за меня, — сказала Марлена.

Сяо Ли Ву шагнул вперед:

— Простите. Меня-то представили, но вот мне никто не представился. Кто вы, мадам?

— Эугения Инсигна Фишер. — Она ткнула пальцем в сторону Фишера: — Его бывшая жена.

— А это ваша дочь, мадам?

— Да, это Марлена Фишер.

Ву поклонился.

— А кто этот джентльмен?

— Я Сивер Генарр, — ответил тот, — командир того самого Купола, который вы видите за моей спиной.

— Хорошо. Командир, мне хотелось бы поговорить с вами. Очень жаль, что мы вынуждены присутствовать при семейной ссоре, однако она не имеет никакого отношения к нашей миссии.

— И в чем же состоит ваша миссия? — пророкотал чей-то голос.

К ним приближался седой человек, в руке он держал какой-то предмет, напоминавший оружие.

— Привет, Сивер, — сказал он, поравнявшись с Генарром.

— Салтаде, какими судьбами? — удивился тот.

— Я представитель Януса Питта, комиссара Ротора. Я повторяю свой вопрос, сэр. В чем состоит ваша миссия? И как вас зовут?

— Ну свое-то имя мне назвать нетрудно, — ответил Ву. — Я доктор Сяо Ли Ву. А как ваше имя, сэр?

— Салтаде Леверетт.

— Приветствую вас. Мы прибыли с миром, — сказал Ву, разглядывая оружие.

— Надеюсь, — мрачно промолвил Леверетт. — У меня здесь шесть кораблей, и все они следят за вашим.

— В самом деле? — спросил Ву. — А зачем такой мощный флот крошечному сооружению?

— Это крошечное сооружение — аванпост, — ответил Леверетт. — Флот здесь — не думайте, что я блефую.

— Верю, — сказал Ву. — А наш крохотный кораблик прилетел с Земли. Мы добрались сюда потому, что научились передвигаться быстрее света. Вот так. Понимаете? Быстрее света.

— Понятно.

— Доктор Ву говорит правду, Марлена? — вдруг спросил Генарр.

— Да, дядя Сивер, — ответила она.

— Интересно, — пробормотал Генарр.

— Я восхищен, что юная леди подтвердила истинность моих слов, — хладнокровно заметил Ву. — Должен ли я предположить, что она является здешним специалистом по сверхсветовому полету?

— Нечего предполагать, — раздраженно произнес Леверетт. — Зачем вы прилетели? Мы вас не звали.

— Не звали. А мы просто не знали, что здесь найдется кто-то, кому будет не по душе наше появление. Однако прошу вас не нервничать. Малейшее проявление недоброжелательства с вашей стороны — и наш корабль уйдет в гиперпространство.

— Он в этом не совсем уверен, — быстро вставила Марлена.

Ву нахмурился.

— Я в достаточной степени уверен в этом, а если вы попытаетесь уничтожить корабль — дома, на Земле, немедленно узнают, что произошло. Мы постоянно поддерживаем связь с базой. И если с нами что-то случится, следующая экспеди-

ция будет состоять уже из пятидесяти сверхсветовых крейсеров. Так что не стоит рисковать, сэр.

— Это не так, — произнесла Марлена.

— Что не так? — спросил Генарр.

— Он говорит, что они поддерживают связь с Землей, а это не так, и сам он это знает.

— Понятно, — сказал Генарр. — Салтаде, гиперсвязи у них нет.

Выражение на лице Ву не переменилось.

— Стоит ли верить догадке подростка?

— Это не догадка, а факт. Салтаде, потом я все объясню вам. А пока поверьте на слово.

— Спросите отца, — вдруг сказала Марлена. — Он подтвердит.

Она не понимала, как отец узнал о ее даре, ведь он оставил ее годовалой — однако... Марлена видела, что он все понимает, это было так ясно — но другие ничего не замечали.

— Бесполезно, Ву, — произнес Фишер. — Марлена видит нас насквозь.

Тут самообладание впервые изменило Ву. Нахмурившись, он огрызнулся:

— Откуда вы можете что-то вообще знать об этой девушке, хоть она и ваша дочь? Вы же так давно не видели ее.

— У меня была младшая сестра, — негромко пояснил Фишер.

Генарра вдруг осенило:

— Это передается по наследству! Интересно. Видите, доктор Ву, мы здесь можем отличить правду от блефа. Давайте говорить в открытую. Зачем вы прибыли сюда?

— Чтобы спасти Солнечную систему. Спросите у молодой леди — ведь она у вас абсолютный авторитет, — правду ли говорю я на этот раз.

— Конечно, на этот раз, доктор Ву, вы говорите правду, — подтвердила Марлена. — Мы знаем об опасности. Моя мать обнаружила ее.

— А мы, юная леди, обнаружили ее без всякой помощи вашей матери, — сказал Ву.

Недоуменно оглядев всех, Салтаде Леверетт спросил:

— Могу ли я поинтересоваться, о чем идет речь?

— Поверьте мне, Салтаде, — ответил Генарр, — Янус Питт прекрасно знает обо всем. К сожалению, вас он не проинформировал. Однако теперь все расскажет, если вы свяжетесь с ним. Скажите ему, что мы имеем дело с людьми, освоившими сверхсветовой полет, и можем с ними договориться.

90

Четверо человек сидели в личных апартаментах Сивера Генарра внутри Купола. Генарр пытался подавить в себе ощущение исторической важности события. Шли первые в истории человечества межзвездные переговоры. И даже если их участники ничего примечательного в жизни не совершали, их имена навечно останутся в истории Галактики.

Двое и двое.

Солнечную систему — подумать только! — представляла гибнущая Земля, невесть как сумевшая обойти передовые энергичные поселения, в лице своих уполномоченных Сяо Ли Ву и Крайла Фишера.

Разговорчивый Ву говорил обвинительным тоном — математик явно обладал практической жилкой. Фишер же — Генарр до сих пор не мог поверить своим глазам — сидел, погрузившись в глубокую задумчивость, и редко вступал в разговор.

Столь же невозмутимо держался и сам Генарр. Он ждал, когда они уладят дело, — он знал нечто такое, что не было известно остальным.

Шли часы, настал вечер. Подали обед. Генарр отправился навестить Эугению Инсигну и Марлену.

— Пока ничего, — сказал Генарр. — Обеим сторонам есть о чем поторговаться.

— А что Крайл? — нервно спросила Инсигна. — Вопрос о Марлене он не поднимал?

— Поверь мне, Эугения, об этом не было и речи, он молчит и, по-моему, очень расстроен.

— Еще бы, — сердито сказала Инсигна.

Поколебавшись, Генарр спросил:

— А что ты об этом думаешь, Марлена?

Та посмотрела на него темными, бездонными глазами.

— Я далека от этого, дядя Сивер.

— Немного жестоко, — пробормотал Генарр.

— Почему? — воскликнула Инсигна. — В конце концов, он бросил ее совсем маленькой.

— Я не жестокая, — задумчиво сказала Марлена. — Если смогу, постараюсь сделать так, чтобы ему стало легче. Но я уже не принадлежу ему. И тебе тоже, мама. Прости меня, но теперь я принадлежу Эритро. Дядя Сивер, вы ведь скажете мне, какое решение будет принято?

— Обещаю.

— Это важно.

— Я знаю.

— Вообще-то я должна была бы представлять Эритро.

— Полагаю, что Эритро уже здесь, так что ты будешь участвовать в переговорах, прежде чем они закончатся. Даже если бы я возражал, полагаю, Эритро заставила бы меня передумать.

И он вернулся продолжать обсуждение.

Сяо Ли Ву сидел, откинувшись на спинку кресла, проницательное лицо его не обнаруживало признаков усталости.

— Давайте подведем итоги, — сказал он. — Эта звезда — я буду называть ее Немезидой, как вы, — является ближайшей к Солнечной системе, и любой уходящий к звездам корабль должен сделать первую остановку возле нее. Но раз теперь человечество освоило сверхсветовой полет, расстояния уже не будут его ограничивать, и люди станут искать не ближайшие, а самые удобные звезды. Нам нужны светила, подобные Солнцу, и планеты, схожие с Землей. Немезида сразу же окажется ненужной. Ротору больше нет смысла прятаться. Немезида перестанет представлять интерес не только для других поселений, но и для самого Ротора. И Ротор займется поиском звезды, подобной Солнцу. В спиральных рукавах нашей Галактики их миллиарды.

Вам может показаться, что для того, чтобы у Ротора появились сверхсветовые корабли, достаточно приставить к моей груди оружие и потребовать, чтобы я выложил все, что знаю. Я математик, занимаюсь теоретическими вопросами и обладаю ограниченным объемом информации. Даже если

вы сумеете захватить наш корабль, то не многое сумеете узнать. Проще послать на Землю ученых и инженеров, где мы всему их научим. Взамен мы просим у вас планету, которую вы зовете Эритро. Насколько я понимаю, вы не используете ее. Здесь лишь маленький купол, пригодный для астрономических и прочих наблюдений. Вы сами живете в поселении. Поселения Солнечной системы могут отправиться на поиски подходящих звезд и планет. А вот земляне... Нас восемь миллиардов, и всех придется эвакуировать за несколько тысяч лет. Пока Немезида приближается к Солнцу, Эритро может стать удобной пересадочной станцией, откуда землян можно будет переправлять к мирам, подобным Земле.

Мы должны вернуться на Землю с роторианином, чтобы доказать, что мы действительно здесь побывали. Мы построим новые корабли, и они возвратятся сюда, не сомневайтесь, — Эритро нужна человечеству. Мы привезем ваших ученых, овладевших техникой сверхсветового перелета, мы передадим ее другим поселениям. По-моему, я подвел итог всему, что мы решили.

— Дело это гораздо труднее, — сказал Леверетт. — Чтобы земляне могли жить на Эритро, необходимо как следует над ней поработать.

— Конечно, я опустил детали, — ответил Ву. — Но их можно будет обсудить потом, и уже не нам.

— Конечно, комиссар Питт и Совет будут принимать решения от имени Ротора.

— А Землю будет представлять Всемирный конгресс, ведь дело настолько важное, что неудачи не должно быть.

— Нельзя забывать о безопасности. Можем ли мы доверять Земле?

— А может ли Земля верить Ротору? На выработку мер предосторожности уйдет год... или пять... или десять. Кроме того, потребуются годы, чтобы построить необходимое количество кораблей, на которых человечество могло бы оставить Землю и заселить Галактику.

— Если в ней некому будет конкурировать с нами, — проворчал Леверетт.

— Будем исходить из этого предположения, пока нас не вынудят отказаться от него. Но это в будущем. Вы будете об-

ращаться к комиссару? Надо поскорее выбрать роторианина, который отправится с нами.

Фишер подался вперед.

— Могу ли я предложить, чтобы им была моя...

Но Генарр не позволил ему окончить:

— Извините, Крайл. Я беседовал с ней — она не покинет этот мир.

— Но если ее мать тоже полетит...

— Нет, Крайл. Ее мать здесь ни при чем. Даже если бы вы хотели, чтобы Эугения вернулась, и уговорили ее — Марлена осталась бы на Эритро. Ну а вам тоже ни к чему оставаться с ней. Она потеряна и для вас, и для ее матери.

— Но ведь она совсем ребенок! — рассердился Фишер. — Ей еще рано принимать подобные решения.

— К сожалению — вашему, Эугении, нашему, быть может, даже всего человечества, — она вправе принять такое решение. Мало того, я обещал ознакомить ее с нашим решением.

— В этом нет необходимости, — возразил Ву.

— Что вы, Сивер, — проговорил Леверетт, — зачем нам спрашивать разрешения у маленькой девочки?

— Пожалуйста, выслушайте меня, — произнес Генарр. — Это необходимо, нам следует посоветоваться с ней. Давайте попробуем. Я предлагаю пригласить Марлену сюда и рассказать о наших выводах. А если кто-нибудь из вас не согласен со мной — пусть сейчас же уйдет. Просто встанет и уйдет.

— По-моему, Сивер, вы сошли с ума, — заявил Леверетт. — Я не намерен играть с подростками. Мне нужно переговорить с Питтом. Где тут у вас передатчик?

Он поднялся, но вдруг пошатнулся и упал.

— Мистер Леверетт... — Ву в тревоге привстал.

Леверетт перекатился на бок и простонал:

— Помогите мне кто-нибудь.

Генарр помог ему встать и усадил в кресло.

— Что с вами? — спросил он.

— Не знаю, — отозвался Леверетт. — Вдруг так заболела голова, что я даже ослеп.

— Значит, вы не сумели выйти из комнаты. — Генарр по-

вернулся к Ву: — Вы тоже полагаете, что Марлена нам не нужна? Быть может, вы попробуете выйти?

Осторожно, не отводя глаз от Генарра, Ву медленно встал с кресла, но пошатнулся и снова сел.

— Кажется, нам следует переговорить с юной леди, — вежливо произнес он.

— Необходимо, — добавил Генарр. — По крайней мере, на этой планете ее желание — закон.

91

— Нет! — Марлена едва не сорвалась на крик. — Этого нельзя делать!

— Чего нельзя делать? — спросил Леверетт, нахмурив седые брови.

— Нельзя использовать Эритро ни в качестве пересадочной станции, ни для чего-то другого.

Леверетт сердито посмотрел на нее и открыл рот, собираясь что-то сказать, но Ву опередил его:

— Почему же, сударыня? Это же пустой, безжизненный мир.

— Он не пустой — он обитаемый. Дядя Сивер, объясните им.

— Марлена хотела сказать, что Эритро населена бесчисленным множеством клеток-прокариотов, способных к фотосинтезу. Они обеспечивают кислородом атмосферу Эритро.

— Великолепно, — сказал Ву. — И что же?

Генарр откашлялся.

— Каждая клетка весьма примитивна — где-то на уровне вируса, однако их нельзя рассматривать по отдельности. Все вместе они образуют чрезвычайно сложный организм, охватывающий всю планету.

— Организм? — Ву сохранял учтивость.

— Да, единый организм, который Марлена называет именем планеты, поскольку он однороден.

— Вы серьезно? — спросил Ву. — Откуда вам это известно?

— Главным образом от Марлены.

— Молодые женщины, — проговорил Ву, — иногда обнаруживают истерические...

Генарр поднял вверх палец.

— Не пытайтесь ей возражать. Я не уверен, что Эритро — этот самый организм — обладает чувством юмора. Все сведения мы получаем главным образом от Марлены, но не только от нее. Не успел Салтаде Леверетт подняться, чтобы выйти, как сразу упал. Вот и вы привстали — наверное, тоже хотели уйти — и вам стало нехорошо. Это Эритро. Она защищает Марлену, воздействуя на наш разум. После нашего появления здесь Эритро вызвала целую эпидемию душевных расстройств, названных нами эритрийской лихоманкой. Боюсь, что при желании она способна вызвать необратимые изменения рассудка — даже убить. И прошу вас не проверять справедливость моих слов.

— Вы хотите сказать, что это не Марлена... — начал Фишер.

— Нет, Крайл. У Марлены есть определенные способности, но она не в силах причинить вред. Опасна Эритро.

— И как же мы можем избежать опасности? — спросил Фишер.

— Для начала прислушайтесь к мнению Марлены. И позвольте мне разговаривать с ней от лица всех. Меня Эритро, по крайней мере, знает. И поверьте, я тоже хочу спасти Землю. Я не хочу, чтобы погибли миллиарды людей. — Он повернулся к Марлене: — А ты понимаешь, что Земля в опасности? Твоя мать объясняла тебе, что близость Немезиды может погубить Землю.

— Я знаю, дядя Сивер, — грустно ответила Марлена, — но Эритро принадлежит лишь себе.

— Она может поделиться с тобой, Марлена. Ведь она же разрешила построить Купол. И мы вроде бы не мешаем ей.

— Но в Куполе меньше тысячи человек, и они никуда не выходят. Эритро не возражает против существования Купола, потому что там она может изучать человеческий разум.

— Тем больше у нее будет возможностей, когда сюда прилетят земляне.

— Все восемь миллиардов?

— Нет, конечно, не все. Они будут временно останавливаться здесь, а потом снова улетят. Я думаю, постоянно здесь будет находиться только часть населения Земли.

— Все равно это миллионы. Я уверена. Такое количество людей нельзя посадить под Купол и обеспечить едой, питьем и всем необходимым. Придется расселять их по Эритро, преобразовывать ее поверхность. Эритро не вынесет этого. Она будет защищаться.

— Ты уверена?

— Да. А как бы вы поступили?

— Но тогда погибнут миллиарды людей.

— Я ничем не могу помочь. — Марлена сжала губы, потом сказала: — Есть другой способ.

— О чем говорит эта девица? — буркнул Леверетт. — Какой еще другой способ?

Марлена покосилась на него и повернулась к Генарру:

— Я не знаю. Эритро знает. По крайней мере, она утверждает, что знает, но не может объяснить.

Генарр поднял руки, предупреждая вопросы.

— Говорить буду я. — И спокойно сказал: — Марлена, не волнуйся. Не бойся за Эритро. Ты же понимаешь, что она в состоянии справиться с чем угодно. Скажи, как понимать твои слова, что Эритро не может объяснить?

Марлена судорожно вздохнула.

— Эритро известно, что знание присутствует здесь, однако у нее нет разума и опыта людей, она не умеет думать, как мы. Она не понимает.

— И это знание содержится в умах, присутствующих здесь?

— Да, дядя Сивер.

— И она умеет зондировать человеческие умы?

— Она может причинить им вред. Только мой мозг она в состоянии зондировать без риска.

— Надеюсь, что так, — сказал Генарр, — а ты обладаешь этим знанием?

— Нет, конечно, нет. Но она может использовать меня как инструмент для зондирования других разумов. Вашего. Моего отца. Всех.

— А это не опасно?

— Эритро полагает, что нет, но... ой, дядя Сивер, я боюсь.

— Безумие какое-то, — прошептал Ву, но Генарр торопливо приложил палец к губам.

Фишер вскочил:

— Марлена, нельзя...

Генарр махнул рукой.

— Ну что же делать, Крайл? Под угрозой жизнь миллиардов людей. Мы без конца говорим об этом. Пусть этот организм сделает то, что может. Марлена!

Глаза девушки закатились. Казалось, что она впала в транс.

— Дядя Сивер, — шепнула она, — поддержите меня...

Нетвердой походкой она подошла к Генарру — тот подхватил ее.

— Марлена... расслабься... все будет в порядке...

И он осторожно опустился в кресло, поддерживая ее напрягшееся тело.

92

Это было похоже на бесшумную вспышку света, которая уничтожила мир. Все исчезло.

И Генарр уже не был прежним Генарром. Его личность словно перестала существовать. Только светящаяся сложная туманная сеть, состоявшая из нитей, которые увеличивались, росли и обнаруживали не меньшую сложность.

Они приближались и удалялись — и снова наплывали, как нечто, что было всегда и вечно пребудет. И движению этому не было конца.

И осыпались в отверстие, что ширилось им навстречу, но шире не становилось. Изменяясь без изменения. Маленькие клочья тумана, обнаруживающие в себе новую сложность.

А потом с болью — если Вселенная чувствовала боль, — с рыданием — если Вселенная ведала звук, — они начали тускнеть, перепутались, закружились, все быстрее и быстрее, стягиваясь в яркую точку, которая брызнула ослепительным светом и исчезла.

93

Вселенная навязчиво лезла в глаза.

Ву потянулся и спросил:

— Кто-нибудь еще ощутил это?

Фишер кивнул.

— Хорошо, я уверовал, — сказал Леверетт. — Но если это безумие, то мы все одновременно сошли с ума.

Генарр все еще держал Марлену, тревожно склоняясь над ней. Она прерывисто дышала.

— Марлена. Марлена...

Фишер с трудом поднялся.

— С ней все в порядке?

— Не могу сказать, — пробормотал Генарр. — Она жива, довольно и этого.

Глаза ее открылись. Отсутствующие, пустые, они смотрели на Генарра.

— Марлена! — в отчаянии прошептал Генарр.

— Дядя Сивер, — еле слышно ответила она.

Генарр позволил себе вздохнуть. По крайней мере, она узнала его.

— Не шевелись, — велел он. — Пусть все пройдет.

— Все прошло. Я так рада.

— Но с тобой все в порядке?

Она помолчала.

— Да, я чувствую, что все в порядке, и Эритро говорит мне то же самое.

— Вы обнаружили то самое скрытое знание, которым мы обладаем? — осведомился Ву.

— Да, доктор Ву. — Она провела ладонью по взмокшему лбу. — Это знание обнаружилось у вас.

— У меня? — изумился Ву. — И что же я скрывал?

— Я не поняла, — ответила Марлена. — Быть может, поймете вы, если я опишу это?

— Что опишете?

— Что-то, когда гравитация отталкивает тела, вместо того чтобы притягивать.

— Гравитационное отталкивание... — пробормотал

Ву. — Физика сверхсветовых скоростей... — Он вдруг глубоко вздохнул и выпрямился. — Это же мое открытие.

— Ну вот, — сказала Марлена. — Если пролететь на сверхсветовой скорости мимо Немезиды, возникнет гравитационное отталкивание. И чем быстрее летишь, тем оно сильнее.

— И корабль отбросит в сторону.

— Но и Немезида отодвинется в противоположном направлении.

— Да, пропорционально отношению масс... Только Немезида сместится на ничтожно малое расстояние.

— А что, если так делать в течение сотен лет?

— Движение Немезиды все равно не намного изменится.

— Да, но через несколько световых лет траектория слегка отклонится, Немезида сможет пройти мимо Земли на значительном расстоянии, и планета уцелеет.

— Разумно, — согласился Ву.

— Можно ли здесь что-то придумать? — спросил Леверетт.

— Надо попробовать. Можно использовать астероиды, которые будут входить с нормальной скоростью в гиперпространство на триллионную долю секунды и выскакивать из него уже в миллионе миль. Пусть астероиды вращаются вокруг Немезиды и входят в гиперпространство с одной стороны. — Ву на секунду задумался и воскликнул: — Я и сам догадался бы об этом, если бы было время посображать!

— Можете считать, что честь открытия принадлежит вам, — сказал Генарр. — В конце концов, Марлена извлекла это из вашей же головы. — Он оглядел присутствующих. — Что же, джентльмены, придется позабыть о транзитных пунктах на Эритро — если только не произойдет ничего из ряда вон выходящего. Население Земли теперь эвакуировать незачем — следует лишь в полной мере воспользоваться возможностями гравитационного отталкивания. Мне кажется, что ситуация разом переменилась к лучшему — и только потому, что мы пригласили Марлену.

— Дядя Сивер, — вдруг сказала Марлена.

— Да, дорогая?

— Спать хочется.

94

Тесса Уэндел нерешительно взглянула на Крайла Фишера.

— Я все время твержу себе: «Он вернулся». Я почему-то не думала, что ты вернешься, особенно после того, как стало ясно, что ты разыскал роториан.

— Марлена оказалась первой... первой, кого я увидел на этой планете.

Он смотрел в никуда. И Уэндел оставила его. Пусть обдумает все. У нее и без того хватало забот.

Они везли с собой роторианку Д'Обиссон, нейропсихолога. Двадцать лет назад она работала в госпитале на Земле. Там должны были остаться люди, которые могли бы вспомнить ее и узнать. И в архиве должно было сохраниться ее личное дело. Словом, она была живым доказательством того, что они сделали.

Ву преобразился. У него было множество планов, как использовать гравитационное отталкивание, чтобы изменить движение Звезды-Соседки. Теперь он тоже звал ее Немезидой — однако, если ему удастся добиться успеха, звезда уже не будет угрожать Земле.

И еще он стал скромнее. Он больше не требовал себе почестей за новое открытие, чему Уэндел не могла нарадоваться. Он говорил, что проект разработан коллективно, и не желал вдаваться в подробности.

Более того, он хотел вернуться в систему Немезиды — и не только для того, чтобы руководить проектом. Ему просто хотелось быть там. «Пешком уйду», — говорил Ву.

...Уэндел заметила, что Фишер, нахмурившись, смотрит на нее.

— Почему ты подумала, что я не вернусь, Тесса?

Она решила говорить начистоту.

— Крайл, твоя жена моложе меня, и дочь она никуда не отпустила бы. Я в этом не сомневалась. К тому же ты так рвался к дочери, что я подумала...

— Что я останусь с Эугенией?

— Да, что-то в этом роде.

Фишер качнул головой:

— Этого просто не могло бы случиться. Сперва мне показалось, что я вижу Розанну — мою сестру. В основном, конечно, глаза, но и вообще она была похожа на Розанну. Но это оказалась не Розанна. Тесса, она не была человеком, она не человек. Я тебе потом все объясню. Я... — Он опять покачал головой.

— Не беспокойся, Крайл, — сказала Уэндел. — Когда-нибудь потом расскажешь.

— В общем, потери-то нет. Я видел ее. Она жива. Ей хорошо. В конце концов, на большее едва ли можно рассчитывать. Марлена стала для меня просто Марленой. И до конца дней моих, Тесса, кроме тебя, мне никого не надо.

— Значит, мы используем эти годы самым лучшим образом, Крайл?

— Лучшим из лучших. Я оформлю развод. Мы поженимся. Пусть Ротором и Немезидой занимается Ву, а мы с тобой останемся на Земле — или в каком-нибудь поселении, если захочешь. Будем получать пенсию, и пусть с этой Галактикой и всеми ее проблемами имеют дело другие. А с нас хватит, Тесса. Ну как, ты не против?

— Крайл, не могу дождаться.

Прошел час, а они все держались за руки.

95

— Я так рада, что меня там не было, — сказала Эугения Инсигна. — Я все думаю об этом. Бедняжка Марлена. Наверное, ей было очень страшно.

— Да, было. И пошла она на это, чтобы спасти Землю. Теперь даже Питт ничего поделать не сможет. В некотором смысле все труды его жизни потеряли значение. Даже речи не может быть о том, чтобы продолжать тайком от Земли строить новую цивилизацию. Мало того, теперь он вынужден поддерживать проект по ее спасению. Придется. Земля знает, где находится Ротор, и всегда может до него добраться. И человечество, будь то на Земле или вне ее, не поддержит нас, если мы не возвратимся к людям. Без Марлены этого бы не случилось.

Инсигна размышляла о материях менее высоких.

— Значит, когда она испугалась, по-настоящему испугалась, то обратилась к тебе, а не к Крайлу? — спросила она.

— Да.

— И не Крайл, а ты держал ее?

— Да. Только, Эугения, не усматривай здесь ничего таинственного: просто меня она знает, а Крайла — нет.

— Сивер, я понимаю, что ты хочешь все объяснить рационально. Но я рада, что она искала помощи у тебя. Он не заслужил этого.

— Согласен. Он не заслужил. Но давай забудем об этом. Крайл улетел и уже не вернется. Он видел свою дочь. Видел, как она сумела спасти Землю. Я не жалею об этом, и тебе тоже не следует. Ну а раз так, лучше сменим тему разговора. Ты знаешь, что Рене Д'Обиссон улетела с ними?

— Да, все об этом говорят. Однако я скучать не буду. Все-таки Марлене она была не симпатична.

— И тебе, Эугения, тоже — иногда. Рене выпал крупный шанс. Как только обнаружилось, что эритрийской лихоманки не существует, ей стало нечего делать здесь, а на Земле она со своим передовым методом сканирования мозга будет иметь огромный профессиональный успех.

— Ну и прекрасно. Удачи ей.

— А вот Ву вернется. На редкость умный человек. Ведь именно в его голове оказалась эта идея. Знаешь, я уверен, что он не столько хочет поработать над эффектом отталкивания, сколько остаться на Эритро. Организм планеты выделил его — как Марлену. Но еще более забавно, что, кажется, и Леверетт...

— Как ты полагаешь, Сивер, чем руководствуется этот разум?

— Тебя интересует, почему Эритро нужен Ву, а не Крайл? Почему ей подходит Леверетт, а не я?

— Ну, конечно, я понимаю, что Ву человек более яркий, чем Крайл, но ведь ты во всем превосходишь Леверетта. Естественно, мне не хотелось бы тебя потерять.

— Благодарю. Мне кажется, что у эритрийского организма собственные критерии. И похоже, я догадываюсь какие.

— В самом деле?

— Да. Когда эритрийский организм зондировал наши умы, он входил в нас через разум Марлены. И кажется, я уловил кое-что из его мыслей. Конечно же, не сознательно. Но после зондирования я узнал такое, чего не знал раньше. Странный дар Марлены позволяет ей общаться с организмом и предоставлять ему свой разум в качестве зонда для сканирования других умов. Впрочем, это чисто практическая сторона. Он выбрал ее по более неожиданной причине.

— По какой же?

— Эугения, представь себе, что ты — кусок веревки. Что бы ты почувствовала, ни с того ни с сего обнаружив кружево? Или же ты — круг... Что ты будешь ощущать, увидев сферу? Эритро обладает познаниями одного сорта — своими собственными. Разум ее колоссален, но неповоротлив. Он такой потому, что состоит из триллионов триллионов весьма свободно связанных отдельных клеток. И вот он встречается с человеческим разумом, в котором клеток немного, однако взаимосвязи их невероятно сложны. Кружево, а не веревка. Его привлекла красота. То есть разум Марлены показался Эритро прекрасным. Потому-то она и понадобилась планете. А ты отказалась бы от подлинного Рембрандта или Ван Гога? Потому Эритро и защищала Марлену. Разве ты не стала бы защищать шедевр? Но все же планета рискнула ею ради всего человечества. Марлене пришлось тяжело, но планета совершила благородный поступок. Я думаю, что Эритро собирает красивые разумы.

Инсигна расхохоталась.

— Значит, у Ву и Леверетта тоже красивые умы?

— Для Эритро они, вероятно, прекрасны. У нее еще будет возможность пополнить коллекцию, когда прибудут ученые с Земли. И знаешь, чем дело закончится? Она подберет группу людей, отличающихся от породы. Так сказать, эритрийскую разновидность. Поможет им разыскивать в пространстве новые места для обитания, и, быть может, в конце концов Галактику заселят два вида разумных организмов —

простые земляне и более смышленые эритрийцы — истинные пионеры, жители пространства. Интересно, на что это будет похоже? Будущее, скорее всего, принадлежит не нам. Жаль, конечно.

— Не надо об этом думать, — взволнованно проговорила Инсигна. — Пусть люди будущего сами улаживают свои дела. Но мы с тобой живем сегодня и судим друг друга по человеческим стандартам.

Генарр радостно улыбнулся, его добродушное лицо просияло.

— Я рад — по-моему, твой разум тоже прекрасен. И, быть может, ты наконец заметишь, что и мой неплох.

— Ах, Сивер. Я всегда так думала. Всегда.

Улыбка исчезла с лица Генарра.

— Но ведь бывает красота и другого рода.

— Только не для меня. Для меня в тебе довольно красоты — и той и этой. Сивер, мы с тобой потеряли утро. Но у нас есть вечер.

— В таком случае, Эугения, мне нечего больше желать. Бог с ним, с утром... мы вместе скоротаем вечер.

Их руки соприкоснулись.

Эпилог

И опять Янус Питт сидел в одиночестве. Красная карликовая звезда больше не грозила смертью. Это была теперь просто красная звездочка, которую человечество, поднабравшись сил, собиралось отодвинуть в сторону.

Но Немезида — возмездие — существовала, хоть и перестала быть звездой.

Миллиарды лет жизнь на Земле развивалась обособленно. На смену пышному цветению приходил полный упадок. Быть может, где-то были и иные миры, где миллиарды лет жизнь существовала в такой же изоляции.

Все эксперименты — или почти все — долгое время кончались неудачей. Но одна или две попытки оказались успешными.

Если бы Вселенная оказалась достаточно большой для всех экспериментов... Если бы Ротор — его Ковчег — мог существовать обособленно, как Земля и Солнце, — возможно, и удался бы его собственный эксперимент.

Но теперь...

В ярости и отчаянии он сжимал кулаки. Он знал, что скоро человечество начнет кочевать от звезды к звезде, как некогда путешествовало от материка к материку. И обособленности больше не будет. Его великий эксперимент провалился — их нашли.

И то же безвластие, то же вырождение, та же недальновидность, то же культурное и социальное неравенство охватят ныне всю Галактику.

Что же теперь будет? Галактические империи? Грехи и безумства из одного мира разлетятся по миллионам таких же миров? И горестей и невзгод станет во сто крат больше?

У кого же хватит сил образумить целую Галактику, если никто не сумел образумить один мир? Кому удастся заглянуть в будущее Галактики, населенной людьми?

Воистину пришло Возмездие. Немезида.

СОДЕРЖАНИЕ

КОНЕЦ ВЕЧНОСТИ. Роман.
(Перевод с английского Ю. Эстрина) 7

САМИ БОГИ. Роман.
(Перевод с английского И. Гуровой) 241

НЕМЕЗИДА. Роман.
(Перевод с английского Ю. Соколова) 541

Литературно-художественное издание

Айзек Азимов

КОНЕЦ ВЕЧНОСТИ

Ответственный редактор *Д. Байкалов*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *Г. Клочкова*
Корректор *М. Мазалова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Подписано в печать 14.07.2008.
Формат 84x108 $^{1}/_{32}$. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Бумага тип. Усл. печ. л. 48,72.
Тираж 5000 экз. Заказ 2427

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО "Тверской полиграфический комбинат". 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru